Джон Рональд Руэл

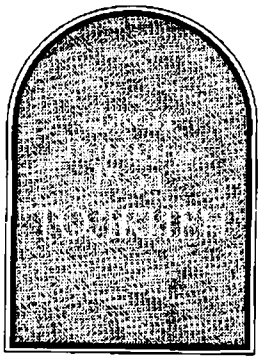
ТОЛКИЕН

Властелин Колец

Джон
Рональд
Роуэл

ТОЛКИЕН

Властелин колец



Хранители

•

Две Твердыни

•

Возвращение Государя

«ЯУЗА»
«ЭКСМО-ПРЕСС»
2002

Фантастика зарубежная фантастика

Джон
Рональд
Руэл

ТОЛКИЕН

Властелин Колец

«ЯУЗА»
«ЭКСМО-ПРЕСС»
2002

УДК 820
ББК 84(4Вел)
Т 52

J.R.R. TOLKIEN
THE FELLOWSHIP OF THE RING

Перевод с английского *В. Муравьева, А. Кистяковского*

Разработка оформления художника *А. Саукова*

Толкиен Дж. Р. Р.
Т 52 Властелин Колец: Трилогия. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, Изд-во Яуза, 2002. – 992 с.

ISBN 5-04-008176-6

Трилогия Джона Рональда Руэла Толкиена «Властелин Колец» — блестящий шедевр литературы, принесший автору всемирную славу. Созданный им сказочный мир Средиземья, населенный людьми, хоббитами, эльфами, гномами, орками и другими мифологическими существами, впечатляет своими масштабами и многослойностью. «Властелин Колец» по праву считается лучшим произведением фэнтези всех времен.

УДК 820
ББК 84(4Вел)

© Перевод. В. С. Муравьев: эпиграф, пролог, книги 1, 3, 4, 5, 6, приложение, 1998
© Перевод. А. А. Кистяковский: книга 2, стихотворные тексты в книге 1, 1998
© Оформление. ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс», 2001

ISBN 5-04-008176-6

Три Кольца — для царственных эльфов
в небесных шатрах,
Семь — для властителей гномов,
гранильщиков в каменном лоне,
Девять — для Девятерых, облеченных
в могильный прах,
Одно наденет Владыка на черном троне,
В стране по имени Мордор,
где распростерся мрак.
Одно Кольцо покорит их, одно соберет их,
Одно их притянет и в черную цепь скует их
В стране по имени Мордор,
где распростерся мрак.

Пролог

1

О ХОББИТАХ

Рассказ у нас пойдет в особенности о хоббитах, и любознательный читатель многое узнает об их нравах и кое-что из их истории. Самых любознательных отсылаем к повести под названием «Хоббит», где пересказаны начальные главы Алой Книги Западных Пределов, которые написал Бильбо Торбинс, впервые прославивший свой народец в большом мире. Главы эти носят общий подзаголовок «Туда и обратно», потому что повествуют о странствии Бильбо на восток и возвращении домой. Как раз по милости Бильбо хоббиты и угодили в самую лавину грозных событий, о которых нам предстоит поведать.

Многие, однако, и вообще про хоббитов ничего не знают, а хотели бы знать — но не у всех же есть под рукой книга «Хоббит». Вот и прочтите, если угодно, начальные сведения о хоббитах, а заодно и краткий пересказ приключений Бильбо.

Хоббиты — неприметный, но очень древний народец; раньше их было куда больше, чем нынче: они любят тишину и покой, тучную пашню и цветущие луга, а сейчас в мире стало что-то очень шумно и довольно тесно. Умелые и сноровистые, хоббиты, однако, терпеть не могут — не могут и поныне — устройств сложнее кузнечных мехов, водяной мельницы и прялки. Издревле сторонились они людей — на их языке Громадин, — а теперь даже и на глаза им не показываются. Слух у них завидный, глаз острый; они, правда, толстоваты и не любят спешки, но в случае чего проворства и ловкости им не занимать. Хобби-

ты привыкли исчезать мгновенно и бесшумно при виде незваной Громадины, да так наловчились, что людям это стало казаться волшебством. А хоббиты ни о каком волшебстве и понятия не имели: отроду мастера прятаться, они — чуть что — скрывались из глаз, на удивление своим большим и неуклюжим соседям.

Они ведь маленькие, в полчеловека ростом, меньше даже гномов — пониже и не такие крепкие да кряжистые. Сейчас-то и трехфутовый хоббит — редкость, а раньше, говорят, все они были не очень уж малорослые. Согласно Алой Книге, Бандобрас Крол (Быкобор), сын Изенгрима Второго, был ростом четыре фута пять дюймов и сиживал верхом на лошади. Во всей хоббитской истории с ним могут сравниться лишь два достопамятных мужа древности; об их-то похождениях и повествуется в нашей хронике.

Во дни мира и благоденствия хоббиты жили как жилось — а жилось весело. Одевались пестро, все больше в желтое и зеленое, башмаков не носили: твердые их ступни обрастали густой курчавой шерсткой, обычно темно-русой, как волосы на голове. Так что сапожное ремесло было у них не в почете, зато процветали другие ремесла, и длинные искусные пальцы хоббитов мастерили очень полезные, а главное — превосходные вещи. Лица их красотою не отличались, скорее добродушием — щекастые, ясноглазые, румяные, рот чуть не до ушей, всегда готовый смеяться, есть и пить. Смеялись до упаду, пили и ели всласть, шутки были незатейливые, еда по шесть раз на день (было бы что есть). Радушные хоббиты очень любили принимать гостей и получать подарки — и сами в долгу не оставались.

Вероятно, хоббиты — наши прямые сородичи, не в пример ближе эльфов, да и гномов. Исстари говорили они на человеческом наречии, по-своему перекроенном, и во многом походили на людей. Но что у нас с ними за родство — теперь уж не выяснить. Хоббиты — порождение незапамятных дней Предначальной Эпохи. Одни эльфы хранят еще письменные предания тех канувших в прошлое древних времен, да и то лишь о себе — про людей там мало, а про хоббитов и вовсе не упоминается. Так, никем не замеченные, хоббиты жили себе в Средиземье долгие века. В мире ведь полным-полно всякой чудно́й твари, и кому было какое дело до этих малюток? Но при жизни Бильбо и наследника его Фродо они вдруг, сами того ничуть не желая, стали всем важны и всем известны, и о них заговорили на Советах Мудрецов и Властителей.

Третья эпоха Средиземья давно минула, и мир сейчас уж совсем не тот, но хоббиты живут там же, где жили тогда: на северо-

западе Старого Света, к востоку от Моря. А откуда они взялись и где жили изначально — этого никто не знал уже и во времена Бильбо. Ученость была у них не в почете (разве что родословие), но в старинных семействах по-прежнему водился обычай не только читать свои хоббитские книги, но и разузнавать о прежних временах и дальних странах у эльфов, гномов и людей. Собственные их летописи начинались с заселения Хоббитании, и даже самые старые хоббитские были восходят к Дням Странствий, не ранее того. Однако же и по этим преданиям, и по некоторым словечкам и обычаям понятно, что хоббиты, подобно другим народам, пришли когда-то с востока.

Древнейшие были их хранят смутный отблеск тех дней, когда они обитали в равнинных верховьях Андуина, между закраинами Великой Пущи и Мглистыми горами. Но почему они вдруг пустились в трудное и опасное кочевье по горам и перебрались в Эриадор — теперь уж не понять. Упоминалось там у них, правда, что, мол, и людей кругом развелось многовато, и что на Пущу надвинулась какая-то тень и омраченная Пуща даже и называться стала по-новому — Лихолесье.

Еще до кочевья через горы насчитывалось три породы хоббитов: лапитупы, струсы и беляки. Лапитупы были посмуглее и помельче, бород не имели, башмаков не носили; у них были цепкие руки и хваткие ноги, и жили они преимущественно в горах, на горных склонах. Струсы были крепенькие, коренастенькие, большерукие и большеногие; селились они на равнинах и в поречье. А беляки — светлокожие и русоволосые, выше и стройнее прочих; им по душе была зелень лесов.

Лапитупы в старину водили дружбу с гномами и долго прожили в предгорьях. На запад они стронулись рано и блуждали по Эриадору близ горы Заверть, еще когда их сородичи и не думали покидать свое Глухоманье. Они были самые нормальные, самые правильные хоббиты, и они дольше всех сохранили обычай предков — рыть норы и подземные ходы.

Струсы давным-давно жили по берегам Великой Реки Андуин и там привыкли к людям. На запад они потянулись за лапитупами, однако же свернули к югу вдоль реки Бесноватой; многие из них расселились от переправы Тарбад до Сирых Равнин; потом они опять немного подались на север.

Беляки — порода северная и самая малочисленная. Они, не в пример прочим хоббитам, сблизились с эльфами: сказки и песни им были милее, нежели ремесла, а охота любезнее земледелия. Они пересекли горы севернее Раздола и спустились по левому берегу реки Буйной. В Эриадоре они вскоре смешались с новооседлыми хоббитами иных пород и, будучи по натуре смелее и предприимчивее прочих, то и дело волею судеб ока-

зывались вожаками и старейшинами струсов и лапитупов. Даже во времена Бильбо беляцкая порода очень еще чувствовалась в главнейших семействах вроде Кролов и Правителей Забрендии.

Между Мглистыми и Лунными горами хоббитам встретились и эльфы, и люди. В ту пору еще жили здесь дунаданцы, царственные потомки тех, кто приплыл по морю с Заокраинного Запада, но их становилось все меньше, и Северное Княжество постепенно обращалось в руины. Пришельцев-хоббитов не обижали, места хватало, и они быстро обжились на новых землях. Ко времени Бильбо от первых хоббитских селений большей частью и следа не осталось, однако важнейшее из них все-таки сохранилось; хоббиты по-прежнему жили в Пригорье и окрестном лесу Четбор, милях в сорока к востоку от Хоббитании.

В те же далекие времена они, должно быть, освоили и письменность — на манер дунаданцев, которые когда-то давным-давно переняли ее у эльфов. Скоро они перезабыли прежние наречия и стали говорить на всеобщем языке, распространившемся повсюду — от Арнора до Гондора и на всем морском побережье, от Золотистого Взморья до Голубых гор. Впрочем, кое-какие свои древние слова хоббиты все же сохранили: названия месяцев, дней недели и, разумеется, очень многие имена собственные.

Тут легенды наконец сменяет история, а несчетные века — отсчет лет. Ибо в тысяча шестьсот первом году Третьей эпохи братья-беляки Марчо и Бланка покинули Пригорье и, получив на то дозволение от великого князя в Форносте[1], пересекли бурную реку Барандуин во главе целого полчища хоббитов. Они прошли по Большому Каменному мосту, выстроенному в лучшие времена Северного Княжества, и распространились по заречным землям до Западного взгорья. Требовалось от них всего-навсего, чтобы они чинили Большой мост, содержали в порядке остальные мосты и дороги, препровождали княжеских гонцов и признавали князя своим верховным владыкой.

Отсюда и берет начало Летосчисление Хоббитании (Л. Х.), ибо год перехода через Брендидуим (так изменили хоббиты название реки) стал для Хоббитании Годом Первым, рубежом дальнейшего отсчета[2]. Западные хоббиты сразу же полюбили свой новообретенный край, за его пределами не появлялись и вскоре снова исчезли из истории людей и эльфов. Они

---

[1] Согласно летописям Гондора это был Аргелеб Второй, двадцатый князь северной династии, которая завершилась через триста лет княжением Арведуи.

[2] Таким образом, год Третьей эпохи в исчислении эльфов и людей узнается путем прибавления 1600 к хоббитской дате. — *Примеч. авт.*

хоть и считались княжескими подданными, но делами их вершили свои вожаки, а в чужие дела они носа не совали. Когда Форност ополчился на последнюю битву с ангмарским царем-колдуном, они будто бы послали на помощь князю отряд лучников, но людские хроники этого не подтверждают. В этой войне Северное Княжество сгинуло; с той поры хоббиты стали считать себя полновластными хозяевами дарованной им земли и выбрали из числа вожаков своего Хоббитана, как бы наместника бывшего князя. Добрую тысячу лет войны обходили их стороной, и, пережив поветрие Черной Смерти в 37 г. (Л. Х.), они плодились и множились, пока их не постигла Долгая Зима, а за нею страшный голод. Многие тысячи погибли голодной смертью, но уже и Дни Нужды (1158—1160) ко времени нашего рассказа канули в далекое прошлое, и хоббиты снова привыкли к изобилию. Край их был богатый и щедрый, и хотя достался им заброшенным, но прежде земля возделывалась на славу, и хозяйский взор князя некогда радовали угодья и нивы, сады и виноградники.

С востока на запад, от Западного взгорья до Брендидуимского моста, земли их простирались на сорок лиг и на пятьдесят — от северных топей до южных болот. Все это стало называться Хоббитанией; в этом уютном закоулке хоббиты наладили жизнь по-своему, не обращая внимания на всякие безобразия за рубежами их земель, и привыкли считать, что покой и довольство — обыденная судьба обитателей Средиземья, а иначе и быть не должно. Они забыли или предали забвению то немногое, что знали о ратных трудах Стражей — давних радетелей мира на северо-западе. Хоббиты состояли под их защитой и перестали думать об этом.

Чего в хоббитах не было, так это воинственности, и между собой они не враждовали никогда. В свое время им, конечно, пришлось, как водится в нашем мире, постоять за себя, но при Бильбо это уже было незапамятное прошлое. Отошла в область преданий и единственная битва в пределах Хоббитании: в Зеленополье в 1147 г. (Л. Х.), когда Брандобрас Крол наголову разгромил вторгнувшихся орков. Климат и тот смягчился: былые зимние нашествия волков с севера стали бабушкиными сказками. Так что если в Хоббитании и можно было найти какое-нибудь оружие, то разве что по стенам, над каминами или среди хлама, пылившегося в музее города Землеройска. Музей этот назывался Мусомный Амбар, ибо всякая вещь, которую девать было некуда, а выбросить жалко, называлась у хоббитов *мусором*. Такого мусора в жилищах у них накапливалось изрядно, и многие подарки, переходившие из рук в руки, были того же свойства.

Однако сытая и спокойная жизнь почему-то вовсе не изнежила этих малюток. Припугнуть, а тем более пришибить хоббита было совсем не просто; может статься, они потому так и любили блага земные, что умели спокойно обходиться без них, переносили беды, лишения, напасти и непогодь куда тверже, чем можно было подумать, глядя на их упитанные животики и круглые физиономии. Непривычные к драке, не признававшие охоты, они вовсе не терялись перед опасностью и не совсем отвыкли от оружия. Зоркий глаз и твердая рука делали их меткими лучниками. Если уж хоббит нагибался за камнем, то всякий зверь знал, что надо удирать без оглядки.

По преданию, когда-то все хоббиты рыли себе норы; они и сейчас считают, что под землей уютнее всего, но со временем им пришлось привыкать и к иным жилищам. По правде сказать, во дни Бильбо по старинке жили только самые богатые и самые бедные хоббиты. Бедняки ютились в грубых землянках, сущих норах, без окон или с одним окошком; а те, кто позажиточнее, из уважения к древнему обычаю строили себе подземные хоромы. Не всякое место годилось для рытья широких и разветвленных ходов (именовавшихся *смиалами*); и в низинах хоббиты, размножившись, начали строить наземные дома. Даже в холмистых областях и старых поселках, таких, как Норгорд или Кроли, да и в главном городе Хоббитании, в Землеройске на Светлом нагорье, выросли деревянные, кирпичные и каменные строения. Особенно они были сподручны мельникам, кузнецам, канатчикам, тележникам и вообще мастеровым; ведь, даже еще живучи в норах, хоббиты с древних пор строили сараи и мастерские.

Говорят, будто обычай строить фермы и амбары завели в Болотищах у Брендидуима. Тамошние хоббиты, жители Восточного удела, были крупные и большеногие и в сырую погоду носили гномские башмаки. Но они, известное дело, происходили от струсов: недаром у них почти у всех обрастали волосом подбородки. Ни у лапитупов, ни у беляков никакой бороды не росло. Действительно, на Болотище и на Заячьи Холмы к востоку от Брендидуима хоббиты явились особняком, большей частью с юга: у них остались диковинные имена, и слова они роняли такие, каких в Хоббитании никогда не слыхивали.

Вполне вероятно, что строить хоббиты научились у дунаданцев, как научились многому другому. Но могли научиться и прямо у эльфов, у первых наставников людей. Ведь даже Вышние эльфы тогда еще не покинули Средиземье и жили в то время на западе, близ Серебристой Гавани, да и не только там, но совсем неподалеку от Хоббитании. С незапамятного века

виднелись на Подбашенных горах за пограничными западными топями три эльфийские башни. Далеко окрест сияли они в лунном свете. Самая высокая была дальше всех: она одиноко высилась на зеленом кургане. Хоббиты из Западного удела говорили, будто с вершины этой башни видно Море; но, насколько известно, на вершине башни ни один хоббит не бывал. Вообще редкие хоббиты видели Море, мало кто из них по Морю плавал и уж совсем никто об этом не рассказывал. Море морем, а даже речонки и лодочки были хоббитам очень подозрительны, и тем более те из них, кто почему-либо умел плавать. Все реже и реже хоббиты заговаривали с эльфами и стали их побаиваться, а заодно и тех, кто с ними якшался. И Море сделалось для них страшным словом, напоминающим о смерти, и они отвратили взгляды от западных холмов.

У кого бы они строить ни научились, у эльфов или у людей, но строили хоббиты по-своему. Башен им не требовалось. А требовались длинные, низкие и уютные строения. Самые старинные из них походили на выползшие из-под земли смиалы, крытые сеном, соломой или торфяными пластами; стены их немного пучились. Правда, так строили в Хоббитании только поначалу, а с тех пор все изменилось и усовершенствовалось, отчасти благодаря гномам, отчасти собственными стараниями. Главной особенностью хоббитских строений остались круглые окна и даже круглые двери.

Дома и норы в Хоббитании рассчитывались на большую ногу, и обитали там большие семьи. (Бильбо и Фродо Торбинсы — холостяки — составляли исключение, как и во многом другом, например, в своих эльфийских пристрастиях.) Иногда, подобно Кролам из Преогромных Смиалов или Брендизайкам из Хоромин-у-Брендидуима, многие поколения родственников жили — не сказать, чтобы мирно — в дедовских норах, то бишь наземных особняках. Кстати, хоббиты — народ чрезвычайно семейственный, и уж с родством они считались крайне старательно. Они вырисовывали длинные ветвистые родословные древа. С Хоббитами важнее всего понять, кто кому родня и кто кому какая родня. Однако же в нашей книге было бы совершенно невозможно изобразить родословное древо, даже обозначив на нем только самых главных членов самых главных семейств — тут никакой книги не хватит. Генеалогические древа в конце Алой Книги Западных Пределов — сама по себе книга, и в нее никогда не заглядывал никто, кроме хоббитов. А хоббитам, если они верны себе, только это и требуется: им надо, чтобы в книгах было то, что они и так уже знают, и чтобы изложено это было просто и ясно, без всякой путаницы.

2

О ТРУБОЧНОМ ЗЕЛЬЕ

Вот что надо бы еще упомянуть насчет хоббитов: иссстари был у них диковинный обычай — они всасывали или вдыхали через глиняные или деревянные трубки дым тлеющих листьев травы, называемой ими «трубочное зелье», или «травка», по-видимому, разновидности Nicotina. Великой тайной окутано происхождение этого странного обычая, или «искусства», как именуют его хоббиты. Все, что удалось по этому поводу обнаружить с древних времен, свел воедино Мериадок Брендизайк (позднее Правитель Забрендии), и ввиду того, что он, а также и табак из Южного удела играют некоторую роль в нашей повести, придется процитировать его введение к «Травнику Хоббитании».

«Это, — пишет он, — единственное искусство, которое мы твердо и по совести можем считать нашим собственным изобретением. Неизвестно, когда хоббиты начали курить, во всех наших легендах и семейных историях это само собой разумеется, многие века народ Хоббитании курил различные травы, смрадные и благоуханные. Однако все летописи сходятся в том, что Тобольд Громобой из Длиннохвостья в Южном уделе первым вырастил настоящее трубочное зелье в своем огороде во дни Изенгрима Второго, год примерно 1070-й согласно Летосчислению Хоббитании (Л. Х.). Лучшее наше зелье по-прежнему там и растет, в особенности же сорта, ныне известные под названием «Длиннохвостая травка», «Старый Тоби» и «Южная звезда».

Каким образом Старый Тоби разнюхал это растение — неизвестно; сам он на смертном одре ни в чем не признался. По части трав он был знаток, но отнюдь не путешественник. По слухам, в юности он часто бывал в Пригорье, но далее Пригорья, как это в точности выяснено, никуда не отлучался. Весьма вероятно, что именно в Пригорье он растение и отыскал: там, кстати говоря, оно и поныне произрастает на южных склонах. Хоббиты-пригоряне утверждают, будто им впервые пришло в голову курить трубочное зелье. Они, разумеется, во всем стремятся опередить жителей Хоббитании, которых называют «колонистами»; но в данном случае, полагаю, они не совсем не правы. Искусство курения подлинного зелья, несомненно, берет свое начало в Пригорье: оттуда оно распространилось среди гномов и других мимоходцев — Следопытов, Магов и им подобных бродяг, которые и сейчас сходятся на этом древнейшем дорожном перекрестке. Таким образом, следует при-

знать первоисточником и центром распространения вышеупомянутого искусства старинный пригорянский трактир «Гарцующий пони», который с незапамятных лет содержит семья Наркисс.

И тем не менее наблюдения, произведенные мною во время моих неоднократных путешествий на юг, убедили меня, что зелье, подлежащее курению, произрастает не только в нашей части света, но также и в низовьях Андуина, куда его, очевидно, завезли морским путем люди Западного Края. Ныне оно изобилует в землях Гондора и растет там не в пример пышнее, нежели на севере, где отнюдь не является дикорастущим, но требует тепла и ухода, подобно как в Длиннохвостье. Гондорцы называют его «сладкий табак» и ценят лишь за благоухание цветов. Оттуда по Неторному Пути его могли занести в наши места на протяжении долгих столетий между княжением Элендила и нынешними днями. Но гондорские дунаданцы и те признают, что хоббиты первыми надумали курить эту траву. Даже маги до этого не додумались. Правда, в минувшие дни знавал я одного мага, который был не чужд нашему искусству и преуспел в нем, как и во всем, за что брался».

3

О БЛАГОУСТРОЙСТВЕ ХОББИТАНИИ

Хоббитания делилась на четыре удела: Северный, Южный, Восточный и Западный, а уделы — на округа, именовавшиеся в честь самых древних и почтенных местных родов, хотя потомки этих родов обитали порой совсем в другой части Хоббитании. Почти все Кролы по-прежнему жили в Укролье; но с Торбинсами и Булкинсами, например, дело обстояло иначе. Помимо уделов, имелись еще Восточные и Западные Выселки: Восточные — это Заячьи Холмы, а Западные были прирезаны к Хоббитании в 1164 году (Л. Х.).

В ту давнюю пору, о которой мы ведем речь, в Хоббитании почти что и не было никакого «правительства». Каждый род сам, как умел, разбирался со своими делами — большей частью насчет того, как вырастить получше урожай и как вкуснее прокормиться. А в остальном хоббиты были более или менее покладистые, вовсе не жадные; привычно довольные своим, на чужое они не зарились — так что земли, фермы, мастерские и заведения хозяев не меняли, а мирно переходили по наследству.

Издревле помнилось, конечно, что был когда-то великий князь в Форносте или, как переиначили хоббиты, в Северне,

где-то там, к северу от Хоббитании. Но князя-то уже не было чуть не тысячу лет, и даже развалины княжьего Северна заросли травой. Однако же хоббиты по-прежнему говорили про диких зверей и про нечисть вроде троллей, что им и князь не указ, какой с них спрос. От стародавнего князя они вели все свои законы и порядки и блюли их истово и по доброй воле, потому что законы — они и есть самые правильные Правила, и тебе древние, и справедливые.

Древнейшим родом испокон веков были у них Кролы: титул Хоббитана перешел к ним (от Побегайков) много сот лет назад, и с тех пор его неизменно носил старейшина Крол. Хоббитан главенствовал на всеобщих сходках, предводительствовал дружиной и ополчением, но и дружина и ополчение потребны были лишь в случае опасности, а случаев таких давным-давно не бывало, и титул Хоббитана стал всего лишь знаком почтения. Род Кролов, и то сказать, был в большом почете как весьма многочисленный и чрезвычайно богатый; в каждом поколении рождались Кролы особого склада и очень уж неробкого десятка. Подобные их свойства терпеть терпели (все ж таки богачи), но не одобряли. Однако старейшину рода по-заведенному называли по всей Хоббитании Наш Крол, а если нужно было, то и добавляли к его имени порядковый номер: скажем, Изенгрим Второй.

На деле же единственной властью был городской голова Землеройска (а заодно и всей Хоббитании), которого переизбирали раз в семь лет во время Вольной Ярмарки на Светлом нагорье, в те три или четыре летних дня, которые у хоббитов делили год надвое и назывались «прилипки». Голова обязан был главным образом возглавлять большие пиршества по случаю хоббитанских праздников, довольно-таки частых. Но вдобавок он исправлял обязанности Начальника Почтовых Дел и Старшины Ширрифов, так что его заботам препоручалась Доставка посланий, а также Управа благочиния. Никаких других услуг в Хоббитании не имелось, и с посланиями забот было куда больше, чем с благочинием. Отнюдь не каждый хоббит знал грамоту, но уж если знал, то писал всем своим друзьям (и избранной родне) — всем, кого за дальностью проживания нельзя было навестить, гуляючи после обеда.

Ширрифами хоббиты называли свою стражу — вернее сказать, тех, кто им таковую заменял. Формы они, конечно, не носили (ничего подобного и в помине не было), только втыкали перо в шапку и были скорее сторожами, чем стражниками — следили не за народом, а за зверьем. Всего их было двенадцать, по три в каждом уделе, и занимались они там удельными делами. Кроме них, был еще непостоянный числом отряд, которому пору-

чалось «обхаживать границы», чтоб никакие чужаки, будь то Громадины или мелюзга, не натворили в Хоббитании безобразий.

В те времена, когда начинается наша повесть, от пролаз, как назывались непрошеные гости, прямо-таки отбою не стало. Четыре удела Хоббитании обменивались известиями и слухами о невиданных зверях и непонятных чужаках, которые рыскали возле границ, частенько нарушая их: это был первый признак, что жизнь идет не совсем так, как надо, как было всегда, — ведь об ином, давно забытом, глухо напоминали только самые старинные сказания. Тогда еще никто не понимал, в чем дело, даже сам Бильбо. Шестьдесят лет минуло с тех пор, как он пустился в свое памятное путешествие; он был стар, даже по хоббитскому счету, хотя у них, в общем, было принято доживать до ста лет; но богатства, привезенные им, судя по всему, не истощились. Много или мало осталось у него сокровищ — этого он никому не открывал, даже любимому племяннику Фродо. И ни о каком кольце тоже речи не было.

4

О ТОМ, КАК НАШЛОСЬ КОЛЬЦО

Как рассказано в книге «Хоббит», однажды к Бильбо явился великий маг Гэндальф Серый, а с ним тринадцать гномов: царь-изгнанник Торин Дубощит и двенадцать его сотоварищей. Апрельским утром 1341 года от заселения Хоббитании Бильбо, сам себе на удивление, вдруг отправился далеко на восток возвращать гномам несметные сокровища, скопленные за много столетий в Подгорном Царстве. Им сопутствовал успех: от дракона, который стерег клад, удалось избавиться. Решила дело Битва Пяти Воинств, в которой погиб Торин и совершено было много ратных подвигов; однако долгая летопись Третьей эпохи упомянула бы об этом в одной, от силы в двух строках, когда б не одно вроде бы случайное происшествие по дороге.

Во Мглистых горах, по пути к Глухоманью, на путников напали орки; Бильбо отстал от своих и потерялся в черном лабиринте копей. Пробираясь ползком и ощупью, он нашарил какое-то кольцо и недолго думая положил его себе в карман просто как случайную находку.

В тщетных поисках выхода он забрел в самую глубь горы, к холодному озеру, посреди которого на каменном островке жил Горлум, мерзкое существо с белесыми мерцающими глазами. Он плавал на плоскодонке, загребая широкими плоскими ступ-

нями, ловил слепую рыбу длинными когтистыми пальцами и пожирал ее сырьем. Он ел всякую живность, даже орков, если удавалось поймать и задушить кого-нибудь без особой возни. У него было тайное сокровище, доставшееся ему давным-давно, когда он еще жил наверху, на белом свете: волшебное золотое кольцо. Если его надеть, становишься невидимкой. Только его он и любил, называл «прелестью» и разговаривал с ним, даже когда не брал с собою. Обычно не брал: он его хранил в укромном месте на островке и надевал, только если шел охотиться на орков.

Будь кольцо при нем, он бы, наверно, сразу кинулся на Бильбо, но кольца при нем не было, а хоббит держал в руке эльфийский кинжал, служивший ему мечом. И чтобы оттянуть время, Горлум предложил Бильбо сыграть в загадки: если тот какую-нибудь не отгадает, то Горлум убьет его и съест, а если не отгадает Горлум, то он выведет Бильбо наружу.

Бильбо согласился: смертельный риск был все же лучше безнадежных блужданий, и они загадали друг другу немало загадок. Наконец Бильбо выиграл, хотя выручила его не смекалка, а опять-таки случайность: он запнулся, подбирая загадку потруднее, зачем-то полез рукой в карман, нащупал подобранное и забытое кольцо и растерянно вскрикнул: «Что там у меня в кармане?» И Горлум не отгадал — с трех попыток.

Существуют разногласия насчет того, можно ли считать этот вопрос загадкой, отвечающей строгим правилам игры; но все согласны, что раз уж Горлум взялся отвечать, то обязан был соблюсти уговор. Этого от него и потребовал Бильбо, несколько опасаясь, что скользкая тварь как-нибудь его обманет, хотя такие уговоры издревле считаются священными у всех, кроме самых отпетых злодеев. Но за века одиночества и тьмы душа Горлума стала совсем черной, и предательство было ему нипочем. Он пронырнул темной водой на свой островок неподалеку от берега, оставив Бильбо в недоумении. Там, думал Горлум, лежит его кольцо. Он был голоден и зол, и ему ли, с его «прелестью», бояться какого-то оружия?

Но кольца на островке не было: потерялось, пропало. От истошного визга Горлума у Бильбо мурашки поползли по спине, хотя он сначала не понимал, в чем дело. Зато Горлум пусть поздно, но понял. «Что там у него в карманцах?» — злобно завопил он. С бешеным зеленым огнем в глазах он поспешил назад — убить хоббита, отобрать «прелесть». Бильбо спохватился в последний миг, опрометью бросился от воды — и снова его спасла случайность. Удирая, он сунул руку в карман, и кольцо оказалось у него на пальце. Горлум промчался мимо: он торопился к выходу, чтобы устеречь «вора». Бильбо осторожно крал-

ся за ним; из ругани и жалобного бормотанья Горлума, обращенного к «прелести», хоббит наконец разобрался во всем, и сквозь мрак безнадежности забрезжил просвет надежды. С волшебным кольцом он мог спастись и от орков, и от Горлума.

Остановились они у незаметного лаза — потайного прохода к нижним воротам копей на восточном склоне. Здесь Горлум залег в засаде, принюхиваясь и прислушиваясь, и Бильбо хотел было его заколоть — но верх взяла жалость. И хотя кольцо он себе оставил — без него надеяться было не на что, — однако же не поддался соблазну убить захваченную врасплох злосчастную тварь. В конце концов, собравшись с духом, он перескочил через Горлума и побежал вниз по проходу, а за ним неслись отчаянные и яростные вопли: «Вор, вор! Ворюга! Навсегда ненавистный Торбинс!»

Любопытно, что своим спутникам Бильбо сперва рассказал все это немного иначе: будто бы Горлум обещал ему «подарочек», если он победит в игре; но, отправившись на свой островок за проигранным сокровищем — волшебным кольцом, когда-то подаренным ему на день рождения, — обнаружил, что оно исчезло. Бильбо догадался, что это самое кольцо он и нашел; а раз он выиграл, то имеет на него полное право. Но выбраться-то ему все равно было надо, и поэтому, умолчав о кольце, он заставил Горлума показать ему дорогу взамен обещанного «подарочка». Так он и записал в своих воспоминаниях и своей рукою не изменил в них ни слова, даже после Совета у Элронда. Должно быть, в таком виде рассказ его вошел и в подлинник Алой Книги, в некоторые списки и выдержки из нее. В других списках, однако, приводится подлинная история (наряду с выдуманной): она явно составлена по примечаниям Фродо или Сэммиума — оба знали, как было на самом деле, но, видимо, исправлять рукопись старого хоббита не захотели.

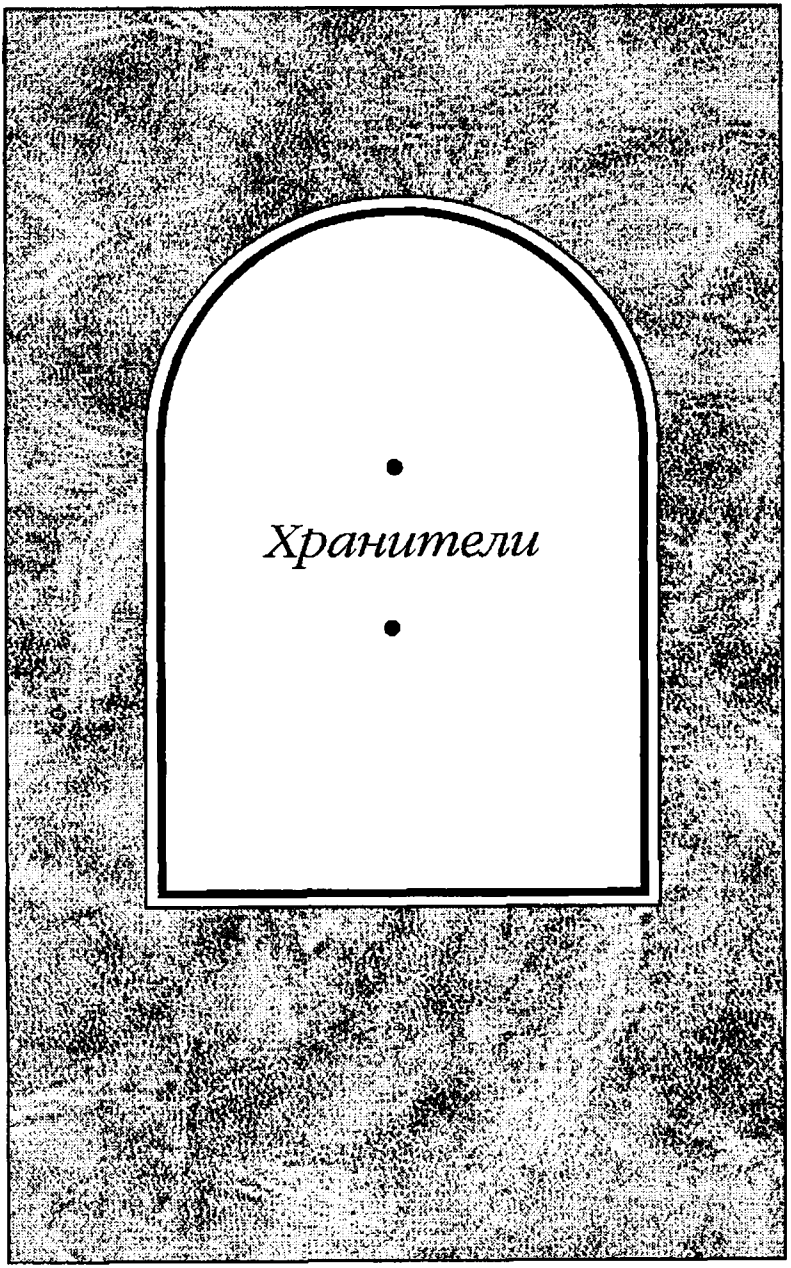
Гэндальф же сразу не поверил рассказу Бильбо и очень заинтересовался кольцом. Он донимал Бильбо расспросами и постепенно вытянул из него правду, хотя они при этом чуть не поссорились, но, видно, маг полагал, что дело того стоит. К тому же его смутило и насторожило, что хоббит вдруг принялся выдумывать: это было на него совсем непохоже. Да и про «подарочек» сам бы он не выдумал. Позже Бильбо признавался, что это его надоумило подслушанное бормотанье Горлума: тот все время называл кольцо своим «подарочком на день рождения». И это тоже показалось Гэндальфу странным и подозрительным; но вся правда оставалась сокрытой от него еще многие годы. Что это была за правда, узнаете из нашей повести.

Нет нужды расписывать дальнейшие приключения Бильбо. Невидимкою проскользнул он мимо стражи орков у ворот и до-

гнал спутников, а потом с помощью кольца не раз выручал своих друзей-гномов, но хранил его в тайне сколько было возможно. Дома он тоже кольцом не хвастался, и знали о нем лишь Гэндальф да Фродо, а больше никто во всей Хоббитании — так, по крайней мере, думал Бильбо. И одному Фродо он показал начатые главы рассказа о путешествии Туда и Обратно.

Свой меч, названный Терном, Бильбо повесил над камином; волшебную кольчугу — дар гномов из драконова сокровища — он отдал в землеройский Мусомный Амбар; правда, видавший виды дорожный плащ с капюшоном висел в шкафу, а кольцо было всегда при нем — в кармане, на цепочке.

Он вернулся домой на пятьдесят втором году жизни, 22 июня 1342 года (Л. Х.), и в Хоббитании все спокойно шло обычным чередом, пока Бильбо Торбинс не собрался праздновать свое стоодиннадцатилетие (год 1401-й). Тут и начало нашей повести.


Хранители

Книга I

Глава 1

ДОЛГОЖДАННОЕ УГОЩЕНИЕ

Когда Бильбо Торбинс, владелец Торбы-на-Круче, объявил, что хочет пышно отпраздновать свое наступающее стоодиннадцатилетие, весь Норгорд загудел и заволновался.

Бильбо слыл невероятным богачом и отчаянным сумасбродом вот уже шестьдесят лет — с тех пор как вдруг исчез, а потом внезапно возвратился с добычей, стократно преувеличенной россказнями. Только самые мудрые старики сомневались в том, что вся Круча изрыта подземными ходами, а ходы забиты сокровищами. Мало этого, к деньгам еще и здоровье, да какое! Сколько воды утекло, а господин Торбинс и в девяносто лет казался пятидесятилетним. Когда ему стукнуло девяносто девять, стали говорить, что он «хорошо сохранился», хотя вернее было бы сказать «ничуть не изменился». Многие качали головой: это уж было чересчур, даже и несправедливо, как везет некоторым — и старость их обходит, и деньгам переводу нет.

— Не к добру это, — говорили они. — Ох, не к добру, и быть беде!

Но беды покамест не было, а рука мистера Торбинса не скудела, так что ему более или менее прощали его богатства и чудачества. С родней он был в ладах (кроме, разумеется, Лякошель-Торбинсов), и многие хоббиты победнее да попроще любили его и уважали. Но сам он близко ни с кем не сходился, пока не подросли внучатые племянники.

Старшим из них и любимцем Бильбо был рано осиротевший Фродо Торбинс, сын его троюродного брата с отцовской стороны и двоюродной сестры — с материнской. В девяносто девять лет Бильбо сделал его своим наследником, и Лякошель-Торбинсы опять остались с носом. Бильбо и Фродо родились в один и тот же день, 22 сентября. «Перебирайся-ка, сынок, жить ко мне, — сказал однажды Бильбо, — а то с днем рождения у нас сущая морока». И Фродо переехал. Тогда он был еще в ранних летах — так хоббиты называют буйный и опрометчивый возраст между двадцатью двумя и тридцатью тремя годами.

С тех пор Торбинсы весело и радушно отпраздновали одиннадцать общих дней рождения, но на двенадцатый раз, судя по всему, готовилось что-то невиданное и неслыханное. Бильбо исполнялось сто одиннадцать — три единицы, — по-своему круглое и вполне почетное число (даже легендарный Старый Крол прожил только до ста тридцати), а Фродо тридцать три — две тройки, — тоже случай особый: на тридцать четвертом году жизни хоббит считался совершеннолетним. И замололи языки в Норгорде и Приречье: слухи о предстоящем событии разнеслись по всей Хоббитании. Везде заново перемывали кости Бильбо и пересказывали его приключения: хоббиты постарше вдруг оказались в кругу слушателей и чинно рылись в памяти.

Кого слушали разинув рот, так это старого Хэма Скромби, известного под прозвищем Жихарь. Слушали его в трактирчике «Укромный уголок» на дороге в Приречье; а говорил он веско, потому что лет сорок, не меньше, садовничал в Торбе-на-Круче, да еще до того пособлял там же старому Норну. Теперь он и сам состарился, стал тяжел на подъем, и работу за него почти всю справлял его младшенький, Сэм Скромби. Оба они были в лучших отношениях с Бильбо и Фродо. И жили опять же на Круче, в третьем доме Исторбинки, чуть пониже усадьбы.

— Уж как ни говори про господина Бильбо, а хоббит он первостатейный и вежливость очень даже соблюдает, — заявил Жихарь. И ничуть не прилгнул: Бильбо был с ним очень даже вежлив, называл его «почтенный Хэмбридж» и приглашал на ежегодный совет насчет овощей — уж про «корнеплодие», тем более про картофель, Жихарь соображал лучше всех в округе (что так, то так, соглашался он).

— Да ведь, кроме Бильбо, там в норе еще этот, как его, Фродо? — заметил старый Сдубень из Приречья. — Зовется-то он Торбинс, но Брендизайк, считай, наполовину, если не больше — такой идет разговор. Чего не пойму — так это зачем было Торбинсу из Норгорда брать себе жену, смех сказать, в Забрендии, где народ ох ненашенский!

— Да где ж ему быть нашенским, — вмешался папаша Двупал, сосед Жихаря, — ежели они живут по какую не надо сторону Брендидуима и вперлись в самый что ни на есть Вековечный Лес? Нашли местечко, нечего сказать!

— Дело говоришь, папаша! — согласился Жихарь. — Ну, вообще-то Брендизайки с Заячьих Холмов в самый что ни на есть Вековечный Лес не вперлись, но что народ они чудной, это ты верно сказал. Плавают там почем зря посередь реки — куда это годится? Ну и, само собой, беды-то недолго ждать, помяни мое слово. И все ж таки господин Фродо — такого хоббита поискать надо. Из себя вылитый господин Бильбо — но мало ли кто на кого похож? Ясное дело похож: отец тоже Торбинс. А вообще-

то, какой был настоящий, правильный хоббит господин Дрого Торбинс: ну ничего про него не скажешь, кроме того, что утонул!

— Утонул? — удивились несколько слушателей. Они слыхивали, конечно, и об этом, и о многом другом; но хоббиты — большие любители семейных историй, и эту историю готовы были в который раз выслушать заново.

— Говорят, вроде бы так, — сказал Жихарь. — Тут в чем дело: господин Дрого, он женился на бедняжке барышне Примуле Брендизайк. Она приходилась господину Бильбо прямой двоюродной сестрой с материнской стороны (а мать ее была младшенькая у тогдашнего Нашего Крола); ну а сам господин Дрого, он был четвероюродный. Вот и получилось, что господин Фродо и тебе двоюродный, и тебе, пожалуйста, почти что прямой родственник с той и с этой стороны, как говорится, куда ни кинь. Господин Дрого, он состоял в Хороминах при тесте, при тогдашнем это, Правителе, ну, Горбадок Брендизайк, тоже ой-ой-ой любил поесть, а тот-то взял и поехал, видали дело, на *дощанике* поперек Брендидуима, стало быть, они с женой и потонули, а господин Фродо, бедняга, остался сиротой, вот оно как было-то.

— Слыхал я, что они покушали и поехали погулять под луной в лунном свете, — сказал старый Сдубень, — а Дрого был покушавши, тяжелый, вот лодку и потопил.

— А я слыхал, что она его спихнула, а он ее потянул за собой, — сказал Пескунс, здешний мельник.

— Ты, Пескунс, не про все ври, про что слышал, — посоветовал Жихарь, который мельника недолюбливал. — Ишь ты, пошел чесать языком: спихнула, потянул. Там лодки, дощаники-то, такие, что и не хочешь, а опрокинешься, и тянуть не надо. Словом, вот и остался Фродо сиротой, как у них говорится, на мели: один как перст, а кругом эти ихние, которые в Хороминах. Крольчатник, да и только. У старика Горбадока там всегда сотни две родственников живут, не меньше. Господин Бильбо думал бы думал, лучше бы не придумал, чем забрать оттуда парня, чтоб жил как полагается.

Ну а Лякошель-Торбинсам все это дело, конечно, поперек жизни. Они-то собрались захапать Торбу, еще когда он ушел с гномами и говорили, будто сгинул. А он-то вернулся, их выгнал и давай себе жить-поживать, живет не старится, и здоровье никуда не девается. А тут еще, здрасьте пожалуйста, наследничек, и все бумаги в полном порядке, это будьте уверены. Нет, не видать Лякошель-Торбинсам Торбы как своих ушей, лишь бы они только своих ушей не увидели.

— Денег там, я слышал, говорили, уймища запрятана, — сказал чужак, проезжий из Землеройска в Западный удел. —

Круча ваша, говорят, сверху вся изрыта, и каждый подземный ход прямо завален сундуками с золотом и серебром и драгоценными штуками.

— Это ты, поди, слышал больше, чем говорили, — отозвался Жихарь. — Какие там еще драгоценные штуки? Господин Бильбо, он денег не жалеет, и нехватки в них вроде бы нет, только ходов-то никто не рыл. Помню, лет шестьдесят тому вернулся назад господин Бильбо, я тогда еще был сопляк сопляком. Только-только стал подручным у старика Норна (он покойнику папаше был двоюродный брат), помогал ему гонять любопытную шушеру, и как раз усадьбу распродавали. А господин Бильбо тут и нагрянул: ведет пони, груженного здоровенными мешками и парой сундуков. Все это, конечно, были сокровища из чужих земель, где кругом, известно, золотые горы. Только ходы-то зачем рыть? И так все поместится. Разве что у моего Сэма спросить: он там все-все знает. Торчит и торчит в Торбе, за уши не оттянешь. Подавай ему дни былые; господин Бильбо знай рассказывает, а мой дурак слушает. Господин Бильбо его и грамоте научил — без худого умысла, конечно, ну, авось и худа из этого не выйдет.

«Эльфы и драконы! — это я-то ему. — Ты лучше со мной на пару смекни про картошку и капусту. И не суй нос в чужие дела, а то без носа останешься» — так и сказал. И повторить могу, если кто не расслышал, — прибавил он, взглянув на чужака и на мельника.

Но слушатели остались при своем мнении. Слишком уж привыкла молодежь к басням о сокровищах Бильбо.

— Сколько он там сначала ни привез, так потом пригреб, — возразил мельник, чувствуя за собой поддержку. — Дома-то не сидит, болтается где ни на есть. Смотри-ка сколько у него чужедальних гостей: по ночам гномы приезжают, да этот еще шлендра-фокусник Гэндальф, тоже мне. Нет, Жихарь, ты что хочешь говори, а темное это место, Торба, и народ там муторный.

— А *ты* бы, наоборот, помалкивал, Пескунс, если про что не смыслишь, — опять посоветовал Жихарь мельнику, который ему не нравился даже больше обычного. — Пусть бы все были такие муторные. Я вот знаю кое-кого, кто и кружку пива приятелю не поставит, хоть ты ему вызолоти нору. А в Торбе — там дело правильно понимают. Сэм наш говорит, что на Угощение пригласят *всех до единого,* и всем, заметь, будут подарки, да не когда-нибудь, а в этом месяце.

Стоял ясный, погожий сентябрь. Через день-два распространился слух (пущенный, вероятно, все тем же всезнающим Сэмом), что на праздник будет огненная потеха — а огненной

потехи в Хоббитани не бывало уже лет сто, с тех пор как умер Старый Крол. Назначенный день приближался, и однажды вечером по Норгорду прогрохотал чудной фургон с диковинными ящиками — и остановился у Торбы-на-Круче. Хоббиты высовывались из дверей и вглядывались в темень. Лошадьми правили длиннобородые гномы в надвинутых капюшонах и пели непонятные песни. Одни потом уехали, а другие остались в Торбе. Под конец второй недели сентября со стороны Брендидуимского моста средь бела дня показалась повозка, а в повозке старик. На нем была высокая островерхая синяя шляпа, серый плащ почти до пят и серебристый шарф. Его длинная белая борода выглядела ухоженной и величавой, а лохматые брови клоками торчали из-под шляпы. Хоббитята бежали за ним по всему поселку, до самой Кручи и на Кручу. Повозка была гружена ракетами, это они сразу уразумели. У дверей Бильбо старик стал сгружать большие связки ракет, разных и невероятных, с красными метками «Г» и с теми же по-эльфийски.

Это, конечно, была метка Гэндальфа, а старик на повозке был сам маг Гэндальф, известный в Хоббитании искусник по части устройства разноцветных огней и пускания веселых дымов. Куда опасней и трудней были его настоящие дела, но хоббиты об этом ничего не знали, для них он был чудесной приправой к Угощению. Потому и бежали за ним хоббитята.

— Гэндальф едет, гром гремит! — кричали они, а старик улыбался. Его знали в лицо, хотя навещал он Хоббитанию нечасто и мельком, а гремучих фейерверков его не помнили теперь даже самые древние старики: давненько он их тут не устраивал.

Когда старик с помощью Бильбо и гномов разгрузил повозку, Бильбо раздал маленьким зевакам несколько монет — но не перепало им, к великому их огорчению, ни хлопушки, ни шутихи.

— Бегите домой, — сказал Гэндальф. — Хватит на всех — в свое время! — И скрылся вслед за Бильбо, а дверь заперли.

Хоббитята еще немного подождали и разбрелись. «Ну когда же, в самом деле, праздник?» — думали они.

А Гэндальф и Бильбо сидели у открытого окна, глядя на запад, на цветущий сад. День клонился к вечеру, свет был чистый и яркий. Темно-алые львиные зевы, золотистые подсолнухи и огненные настурции подступали к круглым окошкам.

— Хороший у тебя сад! — сказал Гэндальф.

— Да, — согласился Бильбо. — Прекрасный сад и чудесное место — Хоббитания, только вот устал я, пора на отдых.

— Значит, как сказал, так и сделаешь?

— Конечно. Я от своего слова никогда не отступаюсь.

— Ну, тогда и разговаривать больше не о чем. Решил так

решил — сделай все по-задуманному, тебе же будет лучше, а может, и не только тебе.

— Хорошо бы. Но уж в четверг-то я посмеюсь, есть у меня в запасе одна шуточка.

— Как бы над тобой самим не посмеялись, — покачал головою Гэндальф.

— Там посмотрим, — сказал Бильбо.

На Кручу въезжала повозка за повозкой. Кое-кто ворчал, что вот, мол, «одни чужаки руки греют, а местные мастера без дела сидят», но вскоре из Торбы посыпались заказы на разные яства, пития и роскошества — на все, чем торговали в Норгорде и вообще в Хоббитании. Народ заволновался: до праздника считанные дни, а где же почтальон с приглашениями?

Приглашения не замедлили, так что даже почтальонов не хватило, пришлось набирать доброхотов. К Бильбо несли сотни вежливых и витиеватых ответов. «Спасибо, — гласили они на разные лады, — спасибо, непременно придем».

Ворота Торбы украсила табличка: ВХОДИТЬ ТОЛЬКО ПО ДЕЛУ НАСЧЕТ УГОЩЕНИЯ. Но, даже измыслив дело насчет Угощения, войти было почти невозможно. Занятый по горло Бильбо сочинял приглашения, подкалывал ответы, упаковывал подарки и устраивал кой-какие свои дела, с Угощением никак не связанные. После прибытия Гэндальфа он на глаза никому не показывался.

Однажды утром хоббиты увидели, что на просторном лугу, к югу от главного входа в Торбу, разбивают шатры и ставят павильоны. Со стороны дороги прорубили проход через заросли и соорудили большие белые ворота. Три семейства Истербинки, чьи усадьбы граничили с лугом, ахнули от восторга и упивались всеобщей завистью. А старый Жихарь Скромби перестал даже притворяться, будто работает в саду.

Шатры вырастали не по дням, а по часам. Самый большой из них был так велик, что в нем поместилось громадное дерево, стоявшее во главе стола. На ветки дерева понавешали фонариков. А интереснее всего хоббитам была огромная кухня под открытым небом, на лугу. Угощение готовили во всех трактирах и харчевнях на много лиг вокруг, а здесь, возле Торбы, вдобавок орудовали гномы и прочие новоприбывшие чужеземцы. Хоббиты взволновались еще сильнее.

Между тем небо затянуло. Погода испортилась в среду, накануне Угощения. Встревожились все до единого. Но вот настал четверг, двадцать второе сентября. Засияло солнце, тучи разошлись, флаги заплескались, и пошла потеха.

Бильбо Торбинс обещал всего-навсего Угощение, а на самом деле устроил великое празднество. Ближайших соседей пригласили от первого до последнего. А если кого и забыли

пригласить, то они все равно пришли, так что это было не важно. Многие были призваны из дальних уделов Хоббитании, а некоторые даже из-за границы. Бильбо встречал званых (и незваных) гостей у Белых ворот. Он раздавал подарки всем и каждому; а кто хотел получить еще один, выбирался черным ходом и снова подходил к воротам. Хоббиты всегда дарят другим подарки на свой день рождения — обычно недорогие, и не всем, как в этот раз; но обычай хороший. В Норгорде и Приречье что ни день, то чье-нибудь рожденье, а значит, в этих краях хоббит может рассчитывать хотя бы на один подарок в неделю. Им не надоедает.

А тут и подарки были просто удивительные. Хоббиты помоложе так поразились, что чуть не позабыли угощаться. Им достались дивные игрушки: некоторым — чудесные, а некоторым — так даже волшебные. Иные были заказаны загодя, год назад, и привезли их из Черноречья и Подгорного Царства: гномы постарались.

Когда всех встретили, приветили и провели в ворота, начались песни, пляски, музыка, игры — а еды и питья хоть отбавляй. Угощение было тройное: полдник, чай и обед (или, пожалуй, ужин). К полднику и чаю народ сходился в шатры; а все остальное время пили и ели, что кому и где хочется, с одиннадцати до половины седьмого, пока не начался фейерверк.

Фейерверком заправлял Гэндальф: он не только привез ракеты, он их сам смастерил, чтобы разукрасить небо огненными картинами. Он же наготовил множество хлопушек, шутих, бенгальских огней, золотой россыпи, факельных искрометов, гномьих сверкающих свечей, эльфийских молний и гоблинского громобоя. Получались они у него превосходно, и с годами все лучше.

Огнистые птицы реяли в небе, оглашая выси звонким пеньем. На темных стволах дыма вспыхивала ярко-зеленая весенняя листва, и с сияющих ветвей на головы хоббитам сыпались огненные цветы, сыпались и гасли перед самым их носом, оставляя в воздухе нежный аромат. Рои блистающих мотыльков вспархивали на деревья, взвивались в небо цветные огни — и оборачивались орлами, парусниками, лебедиными стаями. Багровые тучи низвергали на землю блистающий ливень. Потом грянул боевой клич, пучок серебристых копий взметнулся к небу и со змеиным шипом обрушился в реку. Коронный номер в честь Бильбо: Гэндальф себя показал. Все огни потухли; в небо поднялся исполинский дымный столп. Он склубился в дальнюю гору, вершина ее разгорелась и полыхнула ало-зеленым пламенем. Из пламени вылетел красно-золотой дракон, до ужаса настоящий, только поменьше: глаза его горели яростью, пасть изрыгала огонь, с бешеным ревом описал он три свистя-

щих круга, снижаясь на толпу. Все пригнулись: многие попадали ничком. Дракон пронесся над головами хоббитов, перекувырнулся в воздухе и с оглушительным грохотом взорвался над Приречьем.

— Пожалуйте к столу! — послышался голос Бильбо.

Общий ужас и смятенье как рукой сняло: хоббиты повскакивали на ноги. Всех ожидало дивное пиршество; особые столы для родни были накрыты в большом шатре с деревом. Там собрались сто сорок четыре приглашенных (это число у хоббитов называется «гурт», но народ на гурты считать не принято) — семьи, с которыми Бильбо и Фродо состояли хоть в каком-нибудь родстве, и несколько избранных друзей дома, вроде Гэндальфа.

И многовато было среди них совсем еще юных хоббитов, явившихся с родительского позволения: родители обычно позволяли им допоздна засиживаться за чужим столом — а то поди их накорми, не говоря уж — прокорми.

Во множестве были там Торбинсы и Булкинсы, Кролы и Брендизайки, не обойдены Ройлы (родня бабушки Бильбо), Ейлы и Пойлы (дедова родня), представлены Глубокопы, Бобберы, Толстобрюхлы, Барсуксы, Дороднинги, Дудстоны и Шерстопалы. Иные угодили в родственники Бильбо нежданно-негаданно: кое-кто из них и в Норгорде-то никогда не бывал. Присутствовал и Оддо Лякошель-Торбинс с женою Любелией. Они терпеть не могли Бильбо и презирали Фродо, но приглашение было писано золотыми чернилами на мраморной бумаге, и они не устояли. К тому же кузен их Бильбо с давних пор славился своей кухней.

Сто сорок четыре избранника рассчитывали угоститься на славу; они только побаивались послеобеденной речи хозяина (а без нее нельзя). Того и жди понесет он какую-нибудь околесицу под названием «стихи» или, хлебнув стакан-другой, пустится в россказни о своем дурацком и непонятном путешествии. Угощались до отвала: ели сытно, много, вкусно и долго. Чего не съели, забрали с собой. Потом несколько недель еды в окрестностях почти никто не покупал, но торговцы были не в убытке: все равно Бильбо начисто опустошил их погреба, запасы и склады — за деньги, конечно.

Наконец челюсти задвигались медленнее, и настало время для Речи. Гости, как говорится у хоббитов, «подкушали» и были настроены благодушно. В бокалах — любимое питье, на тарелках — любимое лакомство... Так пусть себе говорит что хочет, послушаем и похлопаем.

— Любезные мои сородичи, — начал Бильбо, поднявшись.

— Тише! Тише! Тише! — закричали гости; хоровой призыв к тишине звучал все громче и никак не мог стихнуть.

Бильбо вылез из-за стола, подошел к увешанному фонариками дереву и взгромоздился на стул. Разноцветные блики пробегали по его праздничному лицу, золотые пуговки сверкали на шелковом жилете. Он был виден всем в полный рост: одну руку не вынимал из кармана, а другой помахивал над головой.

— Любезные мои Торбинсы и Булкинсы, — начал он снова, — разлюбезные Кролы и Брендизайки, Ройлы, Ейлы и Пойлы, Глубокопы и Дудстоны, а также Бобберы, Толстобрюхлы, Дороднинги, Барсуксы и Шерстопалы!

— И Шерстолапы! — заорал пожилой хоббит из угла. Он, конечно, был Шерстолап, и недаром: лапы у него были шерстистые, здоровенные и возлежали на столе.

— И Шерстолапы, — согласился Бильбо. — Милые мои Лякошель-Торбинсы, я рад и вас приветствовать в Торбе-на-Круче. Нынче мне исполнилось сто одиннадцать лет: три, можно сказать, единицы!

— Урра! Урра! Урра! Многая лета! — закричали гости и радостно забарабанили по столам. То самое, что нужно: коротко и ясно.

— Надеюсь, что вам так же весело, как и мне.

Оглушительные хлопки. Крики «еще бы!», «а как же!», «конечно!». Трубы и горны, дудки и флейты и прочие духовые инструменты; звон и гул.

Молодые хоббиты распечатали сотни музыкальных хлопушек со странным клеймом ЧРНРЧ: им было непонятно, зачем такое клеймо, но хлопушки прекрасные. А в хлопушках — маленькие инструменты, звонкие и чудно сделанные. В углу шатра юные Кролы и Брендизайки, решив, что дядя Бильбо кончил говорить (вроде все уже сказал), устроили оркестр и начали танцевать. Юный Многорад Крол и молоденькая Мелирот Брендизайк взобрались на стол и стали с колокольцами в руках отплясывать «Брызгу-дрызгу» — очень милый, но несколько буйный танец.

Однако Бильбо потребовал внимания. Он выхватил горн у какого-то хоббитенка и трижды в него протрубил. Шум улегся.

— Я вас надолго не задержу! — прокричал Бильбо.

Отовсюду захлопали.

— Я созвал вас нынче с особой целью. — Сказано это было так, что все насторожились. — Вернее, не с одной, а с тремя особыми целями! — Наступила почти что тишина, и некоторые Кролы даже приготовились слушать. — Во-первых, чтобы сказать вам, что я счастлив всех вас видеть и что с такими прекрасными и превосходными хоббитами, как вы, прожить сто одиннадцать лет легче легкого!

Радостный гомон одобрения.

— Добрую половину из вас я знаю вдвое хуже, чем следует, а худую половину люблю вдвое меньше, чем надо бы.

Сказано было сильно, но не очень понятно. Плеснули редкие хлопки, и все призадумались: так ли уж это лестно слышать?

— Во-вторых, чтобы вы порадовались моему дню рождения.

Прежний одобрительный гул.

— Нет, не моему: НАШЕМУ. Ибо в день этот, как вы знаете, родился не только я, но и мой племянник, мой наследник Фродо. Нынче он достиг совершеннолетия и вступает во владение имуществом.

Кое-кто из старших снисходительно похлопал. «Фродо! Фродо! Старина Фродо!» — выкрикивала молодежь. Лякошель-Торбинсы насупились и стали гадать, как это Фродо «вступает во владение».

— Вдвоем нам исполняется сто сорок четыре года: ровно столько, сколько вас тут собралось, — один, извините за выражение, гурт.

Гости безмолвствовали. Это еще что за новости? Многие, а особенно Лякошель-Торбинсы, оскорбились, сообразив, что их пригласили сюда только для ровного счета. «Скажет тоже: один гурт. Фу, как грубо».

— К тому же сегодня годовщина моего прибытия верхом на бочке в Эсгарот при Долгом озере. Хотя тогда я про свой день рождения не сразу и вспомнил. Мне было всего-то пятьдесят один год, а что такое в молодости год-другой! Правда, пиршество учинили изрядное; только я, помнится, был сильно простужен и едва выговаривал: «Пребдого бдагодаред». Теперь я пользуюсь случаем выговорить это как следует: премного благодарен вам всем за то, что вы удосужились прибыть на мое скромное празднество!

Упорное молчание. Все боялись, что сейчас он разразится песней или какими-нибудь стихами, и всем заранее было тоскливо. Что бы ему на этом кончить? А они бы выпили за его здоровье. Но Бильбо не стал ни петь, ни читать стихи. Он медленно перевел дыхание.

— В-третьих и в-последних, — сказал он, — я хочу сделать одно ОБЪЯВЛЕНИЕ. — Это слово он вдруг произнес так громко, что все, кому это еще было под силу, распрямились. — С прискорбием объявляю вам, что хотя, как я сказал, прожить сто одиннадцать лет среди вас легче легкого, однако же пора и честь знать. Я отбываю. Только вы меня и видели. ПРОЩАЙТЕ!

Он ступил со стула и исчез. Вспыхнул ослепительный огонь, и все гости зажмурились. Открыв глаза, они увидели, что Бильбо нигде нет. Сто сорок четыре ошарашенных хоббита так и замерли. Старый Оддо Шерстолап снял ноги со стола и затопотал.

Потом настала мертвая тишина: гости приходили в себя. И вдруг Торбинсы, Булкинсы, Кролы, Брендизайки, Ройлы, Ейлы, Пойлы, Глубокопы, Бобберы, Толстобрюхлы, Барсуксы, Дороднинги, Дудстоны, Шерстопалы и Шерстолапы заговорили все разом.

Они соглашались друг с другом, что это безобразно и неучтиво и что надо это поскорее заесть и запить. «Я и всегда говорил, что он тронутый», — слышалось отовсюду. Даже проказливые Кролы, за малым исключением, не одобрили Бильбо. Тогда, правда, почти никто еще не понимал, что же произошло; бранили вздорную выходку. Только старый и мудрый Дурри Брендизайк хитро прищурился. Ни преклонные годы, ни преизобильные блюда не помутили его рассудка, и он сказал своей невестке Замиральде:

— Нет, милочка, это все не просто так. Торбинс-то, оболтус, небось опять сбежал. Неймется старому балбесу. Ну и что? Еда-то на столе осталась.

И он крикнул Фродо принести еще вина.

А Фродо был единственный, кто не вымолвил ни слова. Он молча сидел возле опустевшего стула Бильбо, не обращая внимания на выкрики и вопросы. Он, конечно, оценил проделку, хотя знал о ней заранее, и едва удержался от смеха при дружном возмущении гостей. Но ему было как-то горько: он вдруг понял, что не на шутку любит старого хоббита. Гости ели и пили, обсуждали и осуждали дурачества Бильбо Торбинса, прежние и нынешние, — разгневались и ушли одни Лякошель-Торбинсы. Наконец Фродо устал распоряжаться, он велел подать еще вина, встал, молча осушил бокал за здоровье Бильбо и тишком выбрался из шатра.

Бильбо Торбинс говорил речь, трогая золотое Кольцо в кармане: то самое, которое он столько лет втайне берег как зеницу ока. Шагнув со стула, он надел Кольцо — и с тех пор в Хоббитании его не видел ни один хоббит.

С улыбкой послушав, как галдят ошеломленные гости в шатре и вовсю веселятся не удостоенные особого приглашения хоббиты, он ушел в дом, снял праздничный наряд, сложил шелковый жилет, аккуратно завернул его в бумагу и припрятал в ящик. Потом быстро натянул какие-то лохмотья и застегнул старый кожаный пояс. На поясе висел короткий меч в потертых ножнах. Бильбо вздохнул и вытащил из пронафталиненного шкафа древний плащ с капюшоном. Плащ хранился, как драгоценность, хотя был весь в пятнах и совсем выцветший — а некогда, вероятно, темно-зеленый. Одежда была ему великовата. Он зашел в свой кабинет и достал из потайного ящика оберну-

тый в тряпье загадочный сверток, кожаную папку с рукописью и какой-то толстый конверт. Рукопись и сверток он втиснул в здоровенный заплечный мешок, который стоял посреди комнаты, почти доверху набитый. В конверт он сунул золотое Кольцо на цепочке, запечатал его, адресовал Фродо и положил на каминную доску. Но потом вдруг схватил и запихнул в карман. Тут дверь распахнулась, и быстрым шагом вошел Гэндальф.

— Привет! — сказал Бильбо. — А я как раз думал, почему это тебя не видно?

— Рад, что *тебя* теперь видно, — отвечал маг, усаживаясь в кресло. — Я хочу перекинуться с тобою словом-другим. Так что — по-твоему, все в порядке?

— А как же, — подтвердил Бильбо. — Вспышка только лишняя — даже я удивился, а прочие и подавно. Твоя, конечно, работа?

— Моя, конечно. Недаром ты многие годы скрывал Кольцо, и пусть уж гости твои гадают как умеют, исчез ты или пошутил.

— А шутку мне испортил, — сказал Бильбо.

— Да не шутку, а дурацкую затею... только вот говорить-то теперь поздно. Растревожил родню, и девять или девяносто девять дней о тебе будет болтать вся Хоббитания.

— Пусть болтает. Мне нужен отдых, долгий отдых, я же тебе говорил. Бессрочный отдых: едва ли я сюда когда-нибудь вернусь. Да и незачем, все устроено... Постарел я, Гэндальф. Так-то вроде не очень, а кости ноют. Нечего сказать: «Хорошо сохранился!» — Он фыркнул. — Ты понимаешь, я тонкий-претонкий, как масло на хлебе у скупердяя. Скверно это. Надо как-то переиначивать жизнь.

Гэндальф не сводил с него пристального, озабоченного взгляда.

— Да, в самом деле скверно, — задумчиво сказал он. — Ты, пожалуй, все правильно придумал.

— Это уж чего там, дело решенное. Я хочу снова горы повидать, понимаешь, Гэндальф, — *горы*, хочу найти место, где можно и вправду отдохнуть. В тишине и покое, без всяких настырных родственников, без гостей, чтобы в звонок не звонили. И книгу мою ведь нужно дописать. Я придумал для нее чудесный конец: «... и счастливо жил до скончания дней».

Гэндальф рассмеялся.

— Конец неплохой. Только читать-то ее некому, как ни кончай.

— Кому надо, прочтут. Фродо вон уже читал, хоть и без конца. Ты, кстати, приглядишь за Фродо?

— В оба глаза, хоть мне и не до того.

— Он бы, конечно, пошел за мной по первому зову. Даже и просился, незадолго до Угощения. Но пока что у него это все на

словах. Мне-то перед смертью надо снова глушь да горы повидать, а он сердцем здесь, в Хоббитании: ему бы лужайки, перелески, ручейки. Уютно, спокойно. Я ему, разумеется, все оставил, кроме разных безделок, — надеюсь, он будет счастлив, когда пообвыкнется. Пора ему самому хозяином стать.

— Все оставил? — спросил Гэндальф. — И Кольцо тоже? У тебя ведь так было решено, помнишь?

— К-конечно, все... а Кольцо... — Бильбо вдруг запнулся.

— Где оно?

— В конверте, если хочешь знать, — разозлился Бильбо. — Там, на камине. Нет, не там... У меня в кармане! — Он засмеялся. — Странное дело! — пробормотал он. — Хотя чего тут странного? Хочу — оставляю, не хочу — не оставляю.

Гэндальф поглядел на Бильбо, и глаза его чуть блеснули.

— По-моему, Бильбо, надо его оставить, — сказал он. — А ты что — не хочешь?

— Сам не знаю. Теперь вот мне как-то не хочется с ним расставаться. Да и зачем? А ты-то чего ко мне пристал? — спросил он ломким, чуть ли не визгливым голосом, раздраженно и подозрительно. — Все-то тебе мое Кольцо не дает покоя: мало ли что я добыл, твое какое дело?

— Да, именно что покоя не дает, — подтвердил Гэндальф. — Долго я у тебя допытывался правды, очень долго. Волшебные Кольца — они, знаешь ли, волшебные, со всякими подвохами и неожиданностями. А твое Кольцо мне было особенно любопытно, скрывать не стану. Если уж ты собрался путешествовать, то мне его никак нельзя упускать из виду. А владел ты им, кстати, не чересчур ли долго? Поверь мне, Бильбо, больше оно тебе не понадобится.

Бильбо покраснел и метнул гневный взгляд на Гэндальфа. Добродушное лицо его вдруг ожесточилось.

— Почем ты знаешь? — выкрикнул он. — Какое тебе дело? Мое — оно мое и есть. Мое, понятно? Я его нашел: оно само пришло ко мне в руки.

— Конечно, конечно, — сказал Гэндальф. — Только зачем так волноваться?

— С тобой разволнуешься, — отозвался Бильбо. — Говорят тебе: оно — мое. Моя.... моя «прелесть»! Да, вот именно — моя «прелесть»!

Гэндальф смотрел спокойно и пристально, только в глазах его огоньком зажглось тревожное изумление.

— Было уже, — заметил он. — Называли его так. Правда, не ты.

— Тогда не я, а теперь я. Ну и что? Подумаешь, Горлум называл! Было оно его, а теперь мое. Мое, и навсегда!

Гэндальф поднялся, и голос его стал суровым.

— Поостерегись, Бильбо, — сказал он. — Оставь Кольцо! А сам ступай куда хочешь — и освободишься.

— Разрешил, спасибо. Я сам себе хозяин! — упрямо выкрикнул Бильбо.

— Легче, легче, любезный хоббит! — проговорил Гэндальф. — Всю твою жизнь мы были друзьями, припомни-ка. Ну-ну! Делай, как обещано: выкладывай Кольцо!

— Ты, значит, сам его захотел? Так нет же! — крикнул Бильбо. — Не получишь! Я тебе мою прелесть не отдам, понял? — Он схватился за рукоять маленького меча.

Глаза Гэндальфа сверкнули.

— Я ведь тоже могу рассердиться, — предупредил он. — Осторожнее — а то увидишь Гэндальфа Серого в гневе!

Он сделал шаг к хоббиту, вырос, и тень его заполнила комнату.

Бильбо понятился; он часто дышал и не мог вынуть руку из кармана. Так они стояли друг против друга, и воздух тихо звенел. Гэндальф взглядом пригвоздил хоббита к стене; кулаки Бильбо разжались, и он задрожал.

— Что это ты, Гэндальф, в самом деле, — проговорил он. — Словно и не ты вовсе. А в чем дело-то? Оно же ведь мое? Я ведь его нашел, и Горлум убил бы меня, если б не оно. Я не вор, я его не украл, мало ли что он кричал мне вслед.

— Я тебя вором и не называл, — отозвался Гэндальф. — Да и я не грабитель — не отнимаю у тебя твою «прелесть», а помогаю тебе. Лучше бы ты мне доверял, как прежде. — Он отвернулся, тень его съежилась, и Гэндальф снова сделался старым и усталым, сутулым и озабоченным.

Бильбо провел по глазам ладонью.

— Прости, пожалуйста, — сказал он. — Что-то на меня накатило... А теперь вот, кажется, прошло. Мне давно не по себе: взгляд, что ли, чей-то меня ищет? И все-то мне хотелось, знаешь, надеть его, чтоб исчезнуть, и все-то я его трогал да вытаскивал. Пробовал в ящик запирать — но не было мне покоя, когда Кольцо не в кармане. И вот теперь сам не знаю, что с ним делать...

— Зато я знаю, что с ним делать, — объявил Гэндальф. — Пока что знаю. Иди и оставь Кольцо здесь. Откажись от него. Отдай его Фродо, а там уж — моя забота.

Бильбо замер в нерешительности. Потом вздохнул.

— Ладно, — выговорил он. — Отдам. — Потом пожал плечами и виновато улыбнулся. — По правде сказать, зачем и празднество было устроено: чтобы раздарить побольше подарков, а заодно уж... Казалось, так будет легче. Зря казалось, но теперь нужно доводить дело до конца.

— Иначе и затевать не стоило, — подтвердил Гэндальф.

— Ну что ж, — сказал Бильбо. — Пусть оно достанется Фродо в придачу к остальному. — Он глубоко вздохнул. — Пора мне, пойду, а то как бы кому на глаза не попасться. Со всеми я распрощался... — Он подхватил мешок и шагнул к двери.

— Кольцо-то осталось у тебя в кармане, — напомнил маг.

— Осталось, да! — горько выкрикнул Бильбо. — А с ним и завещание, и прочие бумаги. Возьми их, сам распорядись. Так будет надежнее.

— Нет, мне Кольцо не отдавай, — сказал Гэндальф. — Положи его на камин. Фродо сейчас явится. Я подожду.

Бильбо вынул конверт из кармана и хотел было положить его возле часов, но рука его дрогнула, и конверт упал на пол. Гэндальф мигом нагнулся за ним, поднял и положил на место. Хоббита снова передернуло от гнева.

Но вдруг лицо его просветлело и озарилось улыбкой.

— Ну, вот и все, — облегченно сказал он. — Пора трогаться!

Они вышли в прихожую. Бильбо взял свою любимую трость и призывно свистнул. Из разных дверей появились три гнома.

— Все готово? — спросил Бильбо. — Упаковано, надписано?

— Готово! — был ответ.

— Так пошли же! — И он шагнул к двери.

Ночь была ясная, в черном небе сияли звезды. Бильбо глянул ввысь и вздохнул полной грудью.

— Неужели? Неужели снова в путь, куда глаза глядят, и с гномами? Ох, сколько лет мечтал я об этом! Прощай! — сказал он своему дому, склонив голову перед его дверями. — Прощай, Гэндальф!

— Не прощай, Бильбо, а до свидания! Поосторожней только! Ты хоббит бывалый, а пожалуй что, и мудрый...

— Поосторожней! Еще чего! Нет уж, обо мне теперь не беспокойся. Я счастлив, как давно не был, — сам небось понимаешь, что это значит. Время мое приспело, и путь мой передо мною.

Вполголоса, точно боясь потревожить темноту и тишь, он пропел себе под нос:

В поход, беспечный пешеход,
Уйду, избыв печаль, —
Спешит дорога от ворот
В заманчивую даль,

Свивая тысячу путей
В один, бурливый, как река,
Хотя, куда мне плыть по ней,
Не знаю я пока!

Постоял, помолчал и, не вымолвив больше ни слова, повернулся спиной к огням и пошел — за ним три гнома — сначала в сад, а оттуда вниз покатой тропой. Раздвинув живую изгородь, он скрылся в густой высокой траве, словно ее шевельнул ветерок.

Гэндальф постоял и поглядел ему вслед, в темноту.

— До свидания, Бильбо, дорогой мой хоббит! — тихо сказал он и вернулся в дом.

Фродо не замедлил явиться и увидел, что Гэндальф сидит в полутьме, о чем-то глубоко задумавшись.

— Ушел? — спросил Фродо.

— Да, ушел, — отвечал Гэндальф, — сумел уйти.

— А хорошо бы... то есть я все-таки надеялся целый вечер, что это просто шутка, — сказал Фродо. — Хотя в душе знал, что он и правда уйдет. Он всегда шутил всерьез. Вот ведь — опоздал его проводить.

— Да нет, он так, наверно, и хотел уйти — без долгих проводов, — сказал Гэндальф. — Не огорчайся. Теперь с ним все в порядке. Он тебе оставил сверток — вон там.

Фродо взял конверт с камина, поглядел на него, но раскрывать не стал.

— Там должно быть завещание и прочие бумаги в этом роде, — сказал маг. — Ты теперь хозяин Торбы. Да, и еще там золотое Кольцо.

— Как, и Кольцо? — воскликнул Фродо. — Он и его мне оставил? С чего бы это? Впрочем, пригодится.

— Может, пригодится, а может, и нет, — сказал Гэндальф. — Пока что я бы на твоем месте Кольца не трогал. Береги его и не болтай о нем. А я пойду спать.

Теперь Фродо поневоле остался за хозяина, и ему, увы, надо было провожать и выпроваживать гостей. Слухи о диковинном деле уже облетели весь луг, но Фродо отвечал на любые вопросы одно и то же: *«Наутро все само собой разъяснится»*. К полуночи за особо почтенными гостями подъехали повозки. Одна за другой наполнялись они сытыми-пресытыми, но исполненными ненасытного любопытства хоббитами и катили в темноту. Пришли трезвые садовники и вывезли на тачках тех, кому не служили ноги.

Медленно тянулась ночь. Солнце встало гораздо раньше, чем хоббиты, но утро наконец взяло свое. Явились приглашенные уборщики — и принялись снимать шатры, уносить столы и стулья, ложки и ножи, бутылки и тарелки, фонари и кадки с цветами, выметать объедки и конфетные фантики, собирать забытые сумки, перчатки, носовые платки и нетронутые яства (представьте, попадались и такие). Затем подоспели неприглашенные Торбинсы и Булкинсы, Барсуксы и Кролы и еще мно-

гие вчерашние гости из тех, кто жил или остановился неподалеку. К полудню пришли в себя даже те, кто сильно перекушал накануне, и возле Торбы собралась изрядная толпа незваных, но не то чтобы нежданных гостей.

Фродо вышел на крыльцо улыбаясь, но с усталым и озабоченным видом. Он приветствовал всех собравшихся, однако сообщил немногим более прежнего. Теперь он просто-напросто твердил направо и налево:

— Господин Бильбо Торбинс отбыл в неизвестном направлении, насколько я знаю, он не вернется.

Кое-кому из гостей он предложил зайти: им были оставлены «гостинцы» от Бильбо.

В прихожей громоздилась куча пакетов, свертков, мелкой мебели — и все с бумажными бирками. Бирки были вот какие:

«АДЕЛАРДУ КРОЛУ, в его ПОЛНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ, от Бильбо» — зонтик. За многие годы Алелард присвоил десятки зонтиков без всяких бирок.

«ЛОРЕ ТОРБИНС в память о ДОЛГОЙ переписке, с любовью от Бильбо» — огромная корзина для бумажной трухи. Лора, сестра покойника Дрого и старейшая родственница Бильбо и Фродо, доживала девяносто девятый год: пятьдесят из них она изводила бумагу на добрые советы любезным адресатам.

«МИЛЛУ ГЛУБОКОПУ, а вдруг понадобится, от Б. Т.» — золотое перо и бутылка чернил. Милл никогда не отвечал на письма.

«АНЖЕЛИЧИКУ от дяди Бильбо» — круглое веселое зеркальце. Юная Анжелика Торбинс явно считала свое миловидное личико достойным всеобщего восхищения.

«Для пополнения БИБЛИОТЕКИ ГУГО ТОЛСТОБРЮХЛА от пополнителя» — книжная полка (пустая). Гуго очень любил читать чужие книги и в мыслях не имел их возвращать.

«ЛЮБЕЛИИ ЛЯКОШЕЛЬ-ТОРБИНС, в ПОДАРОК» — набор серебряных ложек. Бильбо подозревал, что это она растащила почти все его ложки, пока он странствовал Туда и Обратно. Любелия о подозрениях прекрасно знала. И когда она явилась — попозже, чем некоторые, — она сразу поняла гнусный намек, но и дареными ложками не побрезговала.

Это лишь несколько надписей, а гостинцев там было видимо-невидимо. За многие годы долгой жизни Бильбо его обиталище довольно-таки захламостилось. Вообще в хоббитских норах хлам скоплялся как по волшебству, отчасти поэтому и возник обычай раздаривать как можно больше на свои дни рождения. Вовсе не всегда эти подарки были прямо-таки *новые,* а не передаренные: один-два образчика старого *мусома* непонятного назначения обошли всю округу. Но Бильбо-то обычно дарил новые подарки и не передаривал дареное. Словом, старинная нора теперь малость порасчистилась.

Да, все гостинцы были с бирками, надписанными собственной рукой Бильбо, и кое-что было подарено с умыслом, а кое-что в шутку. Но, конечно, большей частью дарилось то, что пригодится и понадобится. Малоимущие хоббиты, особенно с Истербинки, были очень даже довольны. Старому Жихарю Скромби достались два мешка картошки, новая лопата, шерстяной жилет и бутыль ревматического снадобья. А старый Дурри Брендизайк, в благодарность за многократное гостеприимство, получил дюжину бутылок «Старого Виньяра», крепленого красного вина из Южного удела; вина вполне выдержанного, тем более что заложил его еще отец Бильбо. Дурри тут же простил Бильбо, что было прощать, и после первой же бутылки провозгласил его мужиком что надо.

Тоже и Фродо жаловаться не приходилось. Главные-то сокровища: книги, картины и всяческая несравненная мебель — оставлены были ему. И при всем при этом никакого следа денег или драгоценностей: ни денежки, ни бусинки никому не досталось.

Новый день потонул в хлопотах. С быстротой пожара распространился слух, будто все имущество Бильбо пойдет в распродажу или, того пуще, на дармовщинку — приходи и бери. Охочие хоббиты валили толпами, а спроваживать их приходилось по одному. Телеги и тачки загромоздили двор от крыльца до ворот.

В разгар суматохи явились Лякошель-Торбинсы. Фродо как раз пошел передохнуть и оставил за себя приятеля, Мерри Брендизайка. Когда Оддо громогласно потребовал «этого племянничка Бильбо», Мерри развел руками.

— Ему нездоровится, — сказал он.

— Проще говоря, племянничек прячется, — уточнила Любелия. — Ну а мы пришли его повидать — и непременно повидаем. Поди-ка доложи ему об этом.

Мерри отправился докладывать, и Лякошели долго проторчали в прихожей. Наконец их впустили в кабинет. Фродо сидел за столом, заваленным кипой бумаг. Вид у него был нездоровый — и уж, во всяком случае, не слишком приветливый; он поднялся из-за стола, держа руку в кармане, но разговаривал вполне учтиво.

А Лякошели вели себя весьма напористо. Сначала они стали предлагать за разные вещи бросовые цены. Фродо отвечал, что подарки подарками, а вообще-то здесь ничего не продается, они поджали губы и сказали, что это крайне подозрительно.

— Мне одно ясно, — добавил Оддо, — что уж кто-кто, а ты-то себе неплохо руки нагрел. Требую немедленно показать завещание!

Если б не «племянник», усадьба досталась бы Оддо. Он прочел завещание, перечел его — и фыркнул. Увы, все в нем было ясно и правильно, и положенные восемь свидетелей аккуратно расписались красными чернилами.

— Опять мы остались в дураках! — сказал Оддо жене. — Шестьдесят лет прождали — и опять! — Что он тебе, серебряные ложки преподнес? Вот подлец!

Он злобно глянул на Фродо и пошел прочь. Любелия, правда, задержалась. Вскоре Фродо опасливо выглянул из кабинета и увидел, что она тщательно обшаривает все уголки и выстукивает стены и полы. Он твердой рукой выпроводил ее, попутно избавив от нескольких небольших, но ценных приобретений, случайно завалившихся ей в зонтик. Она, видно, готовилась изречь на прощание что-то убийственное — и, обернувшись на крыльце, прошипела:

— Ты еще об этом пожалеешь, молокосос! Ты-то чего остался? Тебе здесь не место: какой из тебя Торбинс? Ты... ты настоящий Брендизайк!

— Слыхал, Мерри? Вот как меня оскорбляют, — сказал Фродо, запирая за нею дверь.

— Это разве оскорбляют, — отозвался Мерри Брендизайк. — Бессовестно льстят тебе в глаза, если хочешь знать. Ну какой из тебя Брендизайк?

Они прошлись по дому и выгнали трех юнцов-хоббитов (двух Булкинсов и одного Боббера), которые копались в погребах. С резвым Гризли Шерстолапом у Фродо вышла настоящая потасовка: тот выстучал гулкое эхо под полом в большой кладовой и копал не покладая рук.

Россказни о сокровищах Бильбо будили алчное любопытство и праздные надежды: известно ведь, что темным, а то и злодейским путем добытое золото принадлежит любому хвату, лишь бы ему не помешали вовремя ухватить.

Выпихнув Гризли за дверь, Фродо рухнул на стул в прихожей.

— Закрывай лавочку, Мерри, — сказал он. — Запри дверь и не пускай больше никого, пусть хоть с тараном придут.

Он уселся за поздний чай, и едва уселся, как в дверь тихо постучали. «Опять Любелия, — подумал он. — Нет уж, пусть подождет до завтра — авось придумает что-нибудь пообиднее». Он прихлебнул из чашки, не обращая внимания на новый, куда более громкий стук. Вдруг в окне показалась голова мага.

— Если ты меня сейчас же не впустишь, Фродо, я тебе не то что дверь высажу, я всю твою лачугу загоню в тартарары! — крикнул он.

— Это ты, Гэндальф? Прости, пожалуйста! — спохватился Фродо, кидаясь к дверям. — Заходи, заходи! Я думал, это Любелия.

— Тогда ладно, прощаю. Не волнуйся, я ее сейчас видел в Приречье — такую кислую, что у меня до сих пор оскомина.

— А я уж лучше и жаловаться не буду. Честно говоря, я чуть не надел Кольцо Бильбо: так и хотелось исчезнуть.

— Не надел, и молодец! — сказал Гэндальф. — Поосторожнее с Кольцом, Фродо. Я из-за него и вернулся: сказать тебе пару слов.

— А в чем дело?

— Что ты про него знаешь?

— То, что Бильбо рассказывал, всю историю — как он его нашел и как оно ему пригодилось.

— И какую же историю он тебе рассказывал? — поинтересовался маг.

— Нет, не ту, которую гномам и которая записана в его книге, — ответил Фродо. — Он рассказал мне все по правде почти сразу, как я сюда переехал. Раз ты у него дознался, то чтоб и я знал. «Пусть у нас все будет начистоту, Фродо, — сказал он, — только ты уж помалкивай. Теперь-то оно все равно мое».

— Еще того интереснее, — заметил Гэндальф. — Ну и как тебе это нравится?

— Ты насчет выдумки про «подарочек»? Да, бестолковая и нелепая выдумка. А главное, очень уж непохоже на Бильбо: я, помню, здорово удивлялся.

— Я тоже. Но владельцы волшебных сокровищ рано или поздно становятся на себя непохожими. Вот и ты будь поосмотрительнее. Это Кольцо не для того сделано, чтоб ты исчезал, когда тебе удобно, у него могут быть и другие свойства.

— Что-то непонятно, — сказал Фродо.

— Да и мне не совсем понятно, — признался маг. — Кольцо это заинтересовало меня по-настоящему только вчера вечером. Ты не волнуйся, я разберусь. И послушай моего совета, спрячь его куда-нибудь подальше. А главное, не давай никакого повода к толкам и пересудам. Повторяю тебе: береги его и не болтай о нем.

— Вон какие загадки! А что в нем опасного?

— Я еще не уверен и говорить не буду. Но в следующий раз, наверно, кое-что услышишь. Пока прощай, я тотчас ухожу. — Он поднялся.

— Как тотчас? — вскрикнул Фродо. — А я-то думал, ты хоть неделю у нас поживешь, и так надеялся на твою помощь...

— Я и собирался, да вот не пришлось. Меня, вероятно, долго не будет, но в конце-то концов я непременно явлюсь тебя

проведать. Будь готов принять меня в любое время: я приду тайком. На глаза хоббитам я больше показываться не хочу, я уж вижу, что меня в Хоббитании невзлюбили. Говорят, от меня только морока да безобразие. Кто, как не я, сбил с толку Бильбо — а может, даже и сжил его со свету. Мы с тобой, оказывается, в сговоре и сейчас делим его богатства.

— Говорят! — воскликнул Фродо. — Говорят, конечно, Оддо с Любелией. Фу, какая мерзость! Я бы с радостью отдал и Торбу, и все на свете, лишь бы вернуть Бильбо или уйти вместе с ним. Я очень люблю родные места, но, честное слово, кажется, зря за ним не увязался. Когда-то я его снова увижу — да и увижу ли?

— Я тоже не знаю когда, — сказал Гэндальф. — И еще многого не знаю. Будь осторожней! И жди меня в самое неподходящее время. А пока прощай!

Фродо проводил его до крыльца. Гэндальф помахал рукой и пошел широким шагом; Фродо показалось, что старого мага пригибает к земле какая-то тяжкая ноша. Вечерело, и его серый плащ вмиг растворился в сумерках.

Они расстались надолго.

Глава II

ТЕНЬ ПРОШЛОГО

Ни за девять, ни за девяносто девять дней разговоры не умолкли. Второе исчезновение Бильбо Торбинса обсуждали не только в Норгорде, но везде и повсюду; обсуждали год с лишним, а вспоминали и того дольше. Хоббитятам рассказывали эту историю по вечерам у камелька, и постепенно Сумасшедший Торбинс, исчезавший с треском и блеском, а появлявшийся с грудой сокровищ, стал любимым сказочным хоббитом и остался в сказках, когда всякая память о подлинных событиях померкла.

Но поначалу в округе говорили, что Бильбо и всегда-то был не в себе, а теперь и вовсе свихнулся, дело его пропащее. Наверняка свалился в какой-нибудь пруд или в реку — тут ему и был печальный, но заслуженный конец. А виноват во всем — кто же, как не Гэндальф!

«Оставил бы этот дурацкий маг хоть Фродо в покое — из него, глядишь, и вышел бы толковый хоббит», — говорил кто поумнее, качая головой. И, судя по всему, маг таки оставил Фродо в покое, но хоббитской толковости в нем не прибывало. Фродо был тоже какой-то странный, вроде Бильбо. Траура он

соблюдать не стал и на следующий год задал праздник по случаю стодвенадцатилетия Бильбо: полновесная, говорил он, дата. Но что это был за праздник, всего двадцать приглашенных? Правда, ели до отвала и пили до упаду, как говорится у хоббитов.

Словом, кое-кто очень удивлялся, но Фродо взял обычай праздновать день рождения Бильбо, соблюдал его год за годом, и все привыкли. Он сказал, что Бильбо, по его разумению, живживехонек. А когда его спрашивали, где же он, Фродо пожимал плечами.

Жил он особняком, как и Бильбо, только друзей у него было много, особенно среди молодежи. А вполне своими чувствовали себя в Торбе Перегрин Крол (для друзей просто Пин) и Мерри Брендизайк (полное имя его было Мериадок, но об этом очень редко вспоминали). Фродо гулял с ними по горам и долам, но чаще бродил один, и простой народ дивился, чего ему не спится по ночам. Мерри и Пин подозревали, что он спознался с эльфами, по примеру дяди Бильбо.

Время шло, и все стали замечать, что Фродо тоже не худо «сохраняется»: у него по-прежнему был вид крепкого и ловкого хоббита едва за тридцать. «Кому везет, тому и счастье», — говорили о нем; но, когда ему подкатило к пятидесяти, народ насторожился.

Сам Фродо, оправившись от первого огорчения, обнаружил, что быть господином Торбинсом, хозяином Торбы-на-Круче, очень даже приятно. Десяток лет он просто радовался жизни и в будущее не заглядывал — хотя иногда все-таки жалел, что не ушел с Бильбо. И порою, особенно по осени, ему грезились дикие, неизведанные края, виделись горы, в которых он никогда не бывал, и моря, о которых только слышал. Он начал сам себе повторять: «А когда-нибудь возьму и уйду за Реку». И тут же внутренний голос говорил ему: «Когда-нибудь *потом*».

Между тем приближалось его пятидесятилетие — а пятьдесят лет казались Фродо весьма знаменательной (и даже зловещей) датой. В этом самом возрасте Бильбо сделался отчаянным хоббитом. Фродо забеспокоился, любимые тропы ему надоели. Он разглядывал местные карты, где Хоббитания была окружена белыми пятнами. Он все чаще и все дольше гулял один, а Мерри и другие друзья с тревогою следили за ним. А кто следил, тот видел, как он заводит долгие беседы с чужаками, которых в Хоббитании стало видимо-невидимо.

Ходили слухи о каких-то диковинных делах за границей; Гэндальф не появлялся уже много лет и даже вестей о себе не слал, так что Фродо подбирал всякую малую весточку. Через

Хоббитанию поспешали большие отряды эльфов — раньше-то хоббиты знали про них только понаслышке, а теперь эльфы шли и шли по вечерам лесною окраиной, проходили и не возвращались. Они покидали Средиземье: у них была своя судьба. Шли, однако, и гномы — тоже во множестве. Древний путь с востока на запад вел через Хоббитанию в Серебристую Гавань; гномы же издавна хаживали этим трактом в копи, на Голубые горы. От них-то хоббиты и узнавали, что делается в чужих краях, правда, хозяева были нелюбопытны, а прохожие неразговорчивы. Но теперь Фродо все чаще попадались другие, дальние гномы. Они спешили на запад и, озираясь, полушепотом говорили про Врага и про страну Мордор.

Это слово было известно только по очень древним сказаньям: оно затемняло их зловещей тенью. Оказывается, едва только Светлый Совет очистил от злодейства Лихолесье, как оно закрепилось в древней своей твердыне, в Мордоре. Черный Замок был заново отстроен, и от него расползался по Средиземью холодный мрак и обессиливающий ужас. Всюду гремели войны. В горах множились орки. И тролли стали не те, что прежде, — не тупоумные и косолапые, а хитрые и по-новому вооруженные. Заходила речь и о чудищах пострашнее — но тут уж говорили обиняками.

Простой народ, конечно, знал об этом маловато. Однако даже самые тугоухие домоседы и те кое-что прослышали, а кому случилось побывать на границе, те и повидали.

Однажды весенним вечером у камина в «Зеленом драконе» Сэм Скромби, садовник Фродо, вел беседу с Тодом Пескунсом, мельниковым сыном. Вокруг собрались завсегдатаи кабачка.

— Чудные нынче ходят слухи, — заметил Сэм.

— А ты уши развесь, — посоветовал Тод, — еще и не то услышишь. Поди вон к моей бабке — она тебе нарасскажет!

— Что ж, — сказал Сэм, — и бабкины сказки иной раз не мешает послушать. Она ведь их не сама придумала. Взять хоть тех же драконов.

— Возьми их себе, — сказал Тод, — мне не надо. Я про них карапузом голоштанным наслушался, а как штаны надел, так и думать забыл. У нас в Приречье только один дракон, да и тот зеленый. Верно я говорю? — обратился он к слушателям, и те дружно захохотали.

— Это ты меня уел, — засмеялся с прочими и Сэм. — А вот как насчет древесных великанов? Говорят, за северными болотами видели одного — выше всякого дерева?

— Кто это говорит?

— Ну, хоть бы и мой братан Хэл. Он работает у господина Боббера и все время бывает в Северном уделе. Он и видел.

— Этот увидит, только нам не покажет. А уж чего он там видит — ему, конечно, виднее, раз другим-то ничего не видать.

— Да нет, настоящий великан — за один шаг три сажени отмахивает, а сам вроде громадного вяза, идет-шагает!

— Вязы не шагают, а растут где выросли.

— Да шагал же, говорят тебе, а вязы там не растут.

— Ну а коль не растут, так откуда же он там взялся? — отрезал Тод.

Кругом одобрительно засмеялись: Тода не объедешь.

— Язык у тебя здорово подвешен, — сказал Сэм, — только ведь не один наш Хэллиус всякого-разного навидался. По всей Хоббитании говорят, что такого еще не было: идут и идут с востока невиданные чужаки, целыми толпами. И слышал я, что эльфы стронулись на запад, к гаваням за Белой Крепостью. — Сэм как-то неопределенно махнул рукой: ни он и никто из хоббитов не знал, какое и где это Море за их западной окраиной, за древними руинами. Были только старые предания про Серебристую Гавань, откуда отплывают и не возвращаются эльфийские корабли. — Плывут они и плывут, уплывают на запад, а нас оставляют, — проговорил Сэм чуть ли не нараспев, печально и торжественно покачав головою.

Тод фыркнул:

— Старые байки на новый лад. Да мне-то или тебе какое до них дело? И пусть себе плывут! Хотя куда им плыть: ты ведь этого не видал, да и вообще никто в Хоббитании. Может, и не плывут, кто их разберет.

— Ну, не знаю, — задумчиво сказал Сэм. Он однажды вроде бы видел эльфа в лесу и все надеялся, что когда-нибудь еще увидит и порасспросит. Из легенд, слышанных в детстве, ему больше всего запомнились обрывочные рассказы про эльфов. — Даже и в наших краях есть такие, кто понимает Дивный Народ и умеет с ним разговаривать, — сказал он. — Тоже и мой хозяин, господин Торбинс. Он рассказывал мне, как они уплывают, и вообще у него что ни слово, то эльфы. А уж старый Бильбо, тот, помню, про них все на свете знал.

— Оба сдвинутые, — сказал Тод. — Старик Бильбо, тот совсем, а теперь вот и Фродо тоже сдвинулся. От него, что ль, ты слухов набираешься? Гляди сам не свихнись. Ладно, ребята, кто куда, а я домой. Бывайте здоровы! — Он выхлебнул кружку и шумно распрощался.

Сэм еще посидел, но больше ни с кем не заговаривал. Ему было о чем поразмыслить. И работы наутро в саду непочатый край, лишь бы вёдро. Всходы все гуще. Работа, конечно, работой... А Сэм думал совсем о другом. Потом вздохнул, поднялся и вышел.

Апрельское небо расчищалось после проливного дождя. Со-

лнце село, и прохладный вечер, отступая, тихо тускнел. Ранние звезды зажигались над головой Сэма, а он брел вверх по склону, задумчивый, чуть слышно насвистывая.

Между тем объявился Гэндальф, всегда неожиданный гость. После Угощения его не было три года. Потом он мимоходом наведался, внимательно поглядел на Фродо, сказал ему пару пустяков — и даже ночевать не остался. А то вдруг зачастил: являлся, как смеркнется, но к рассвету словно бы его и не было. Где и зачем пропадает, не объяснял, а интересовался только здоровьем Фродо да всякой чепухой.

И вдруг даже этим перестал интересоваться. Девять с лишним лет Фродо его не видел и ничего о нем не слышал: должно быть, решил он, Гэндальфу просто больше нет дела до хоббитов. Но однажды вечером, когда наплывали сумерки, раздался знакомый стук в окно кабинета.

Фродо от всей души обрадовался старинному приятелю. Они стояли и разглядывали друг друга.

— Ну, все в порядке? — спросил Гэндальф. — А ты молодцом, Фродо!

— Да и ты, — сказал Фродо, а про себя подумал, что маг постарел и сгорбился. Хоббит пристал к нему с расспросами, и они засиделись далеко за полночь.

Позавтракали они поздно, и маг уселся с Фродо перед раскрытым окном. В камине пылал огонь, хотя и солнце пригревало, и с юга тянул теплый ветерок. Отовсюду веяло свежестью, весенняя зелень разливалась в полях, и яркой листвой курчавились деревья.

Гэндальф припоминал, какая была весна почти восемьдесят лет назад, когда Бильбо умчался за приключениями без носового платка. С тех пор волосы Гэндальфа еще побелели, борода и брови отросли, лицо новыми морщинами изрезали заботы, но глаза блестели по-прежнему, и кольца дыма он пускал с обычным смаком и сноровкой.

Но курил он молча, и Фродо тоже сидел тихо, сидел и думал. Яркий утренний свет омрачало предчувствие недобрых вестей Гэндальфа. Наконец он сам решился прервать молчание.

— Ты было начал мне что-то говорить про мое Кольцо, Гэндальф, — напомнил он. — Начал, да не кончил, отложил на утро. Может, сейчас продолжишь? Ты говоришь, Кольцо опасное, а мне, знаешь ли, непонятно. Что значит — опасное?

— А вот слушай, — отвечал маг. — Могущество у него такое, что сломит любого смертного. Сломит и овладеет им... Давным-

давно в Остранне были откованы эльфийские кольца: колдовские, как вы их называете, кольца — они и правда были не простые и разные, одни более, другие менее могущественные. Менее могущественные были всего лишь пробой мастерства, тогда еще несовершенного, — но даже эти кольца, по-моему, опасны для смертных. А уж Великие Кольца, Кольца Всевластья, — они гибельны. Надо тебе сказать, Фродо, что смертные, которым доверено владеть Магическими Кольцами, не умирают, но и не живут по-настоящему: они просто тянут лямку жизни — без веселья, без радости, да еще и с превеликим трудом. И если смертный часто надевает Кольцо, чтоб стать невидимкой, то он тает — или, как говорят Мудрые, *развоплощается*, — а потом становится невидимкой навечно, зримый только глазу Властелина Колец. Да, раньше или позже — позже, если он сильный и добрый, — но ему суждено превратиться в Прислужника Темных Сил, над которыми царит Черный Властелин.

— Ужас какой... — сказал Фродо.

И они надолго замолчали, только садовые ножницы Сэма Скромби щелкали за окном.

— И давно ты это знаешь? — спросил наконец Фродо. — А Бильбо знал?

— Бильбо знал ровно столько, сколько тебе сказал, — отвечал Гэндальф. — Иначе он не оставил бы тебе такое опасное наследство, даже и на меня бы не понадеялся. Он думал, что Кольцо очень красивое и всегда может пригодиться; а если с ним самим что-то не так, то Кольцо тут ни при чем. Он говорил, что Кольцо у него из головы нейдет и все время его тревожит; но дело-то, думал он, не в Кольце. Хоть и понял: за ним надо приглядывать, оно бывает меньше и больше, тяжелее и легче, а может вдруг соскользнуть с пальца и пропасть.

— Да, это он мне написал, — сказал Фродо, — и оно у меня всегда на цепочке.

— Весьма разумно, — заметил Гэндальф. — А свою долгую жизнь Бильбо с Кольцом не связывал. Он думал, что у него просто судьба долгожителя, и очень этим гордился. А жил в тревоге и безотчетном страхе. «Я стал тонкий и какой-то прозрачный», — пожаловался он мне однажды. Еще немного — и Кольцо взяло бы свое.

— Да ты мне скажи, ты это давно знаешь? — снова спросил Фродо.

— Что *это?* — сказал Гэндальф. — Я, Фродо, знаю много такого, что никому не ведомо. Но если ты спрашиваешь про *это* Кольцо, то я, можно сказать, и до сих пор не все знаю. Осталась последняя проба. Но догадка моя, без сомнения, верна... А ког-

да меня впервые осенило? — Гэндальф задумался. — Погодика... да, в тот самый год, когда Совет Светлых Сил очистил Лихолесье — как раз перед Битвой Пяти Воинств. Правильно, когда Бильбо нашел Кольцо. Мне вдруг стало тревожно, но я не знал почему. Меня удивляло, как же это Горлум завладел одним из Магических Колец — а что одним из Магических, это было ясно. В разговоре с Бильбо он странно проврался — про «подарочек» и потом, когда Бильбо поведал мне правду, я понял — тут, впрочем, и понимать было нечего, — что оба они хотели доказать свое неоспоримое право на Кольцо: Горлум, дескать, получил его в «подарочек на день рождения», а Бильбо выиграл в «честной игре». Ложь ко лжи, да еще такая похожая, — конечно, я забеспокоился. Видно, Кольцо заставляет врать и подсказывает вранье. Тут я впервые понял, что дело совсем не шуточное, и сказал Бильбо, чтоб он был поосторожнее с Кольцом, но он не послушался и даже рассердился на меня. Что было делать? Не отбирать же у него Кольцо — да и с какой стати? Я следил и выжидал. Пожалуй, надо было посоветоваться с Саруманом Белым, но что-то меня удерживало.

— Это кто? — спросил Фродо. — В жизни о нем не слышал.

— Откуда же тебе, — улыбнулся Гэндальф. — Ему до хоббитов дела нет — или не было. Он великий мудрец — первый среди магов, глава Совета. Много сокровенного открыто ему, но он возгордился своим знанием и вознесся над всеми. С давних пор углубился он в тайны Колец, проницая сумрак забвенья, и, когда речь о них зашла на Совете, слова его развеяли мою тревогу. Я отринул подозрения, но не расстался с ними. И по-прежнему следил и выжидал.

Бильбо не старел, а годы шли. Шли и шли, словно бы не задевая его. И подозрение вновь овладело мною. Но я сказал себе: «Он наследовал долгую жизнь с материнской стороны. Не такие уж древние его годы. Подождем!» Я ждал и бездействовал до прощального вечера Бильбо. Тогда он заговорил и повел себя так, что во мне ожили все тревоги, убаюканные Саруманом. Я понял, что тут зияет мрачная тайна. И потратил долгие годы, разгадывая ее.

— Но ведь ничего страшного не случилось? — испуганно спросил Фродо. — Со временем-то он придет в себя? Успокоится?

— Ему сразу стало легче, как только он избавился от Кольца, — отвечал Гэндальф. — Однако над Кольцами властвует лишь одна сила, и есть лишь Один, кому все известно про Кольца и про то, чем они грозят своим владельцам, даже временным. Правда, про хоббитов, кажется, никто ничего толком не знает. Изучал их пока один я — и сколько изучал, столько изумлялся. То они мягче масла, то вдруг жестче старых древесных корней. По-моему, некоторые из них даже могут долго противиться

Кольцам — хотя вряд ли этому поверили бы в Совете Мудрых. Так что, пожалуй, за Бильбо ты не волнуйся.

Он, конечно, владел Кольцом много лет и много раз надевал его. Оно впечаталось в его жизнь, и отпечаток изгладится не скоро — лучше бы оно больше не попадалось ему на глаза. Не попадется — и он, быть может, проживет без него еще очень долго, ибо это легче, чем расстаться с ним. А расстался он с ним по собственной воле, вот что самое главное. Нет, за Бильбо я спокоен — с тех пор как он ушел, оставил Кольцо. Теперь твой черед и твой ответ.

А ты меня очень тревожишь — ты и все вы, милые, глуповатые, бестолковые хоббиты. Большая будет потеря для мира, если мрак поглотит Хоббитанию, если все ваши потешные олухи — Бобберы, Дудстоны, Булкинсы, Толстобрюхлы и прочие, не говоря уж о чудесных чудаках Торбинсах, — станут жалкими трусами и темными подлецами.

Фродо поежился.

— С чего это мы станем трусами да подлецами? — спросил он. — И кому нужны такие подданные?

— Всеобщему Врагу, — мрачно ответил Гэндальф. — Хотя, по правде-то говоря, доныне хоббиты ему и на ум не приходили — доныне, заметь! Скажи за это спасибо судьбе. Но отныне Хоббитания в опасности. Вы ему не нужны — у него хватает рабов, но теперь он вас не забудет. А мерзкие рабы-хоббиты ему приятнее, чем хоббиты веселые и свободные. К тому же он озлоблен на вас, и месть его будет страшна.

— Месть? — удивился Фродо. — А за что же мстить? Ну хоть убей, не понимаю, при чем тут Бильбо, я и наше Кольцо.

— Как это при чем? — нахмурился Гэндальф. — Ты, видно, чего-то не уразумел, впрочем, сейчас поймешь. Я и сам прошлый раз еще не был уверен, но теперь-то все разъяснилось. Дай-ка мне Кольцо.

Фродо вынул Кольцо из брючного кармана и, сняв его с цепочки, прикрепленной к поясу, нехотя подал магу. Кольцо оттягивало руку, словно оно — или сам Фродо, или оба вместе — почему-то не хотело, чтобы его коснулся Гэндальф.

Маг осторожно принял его. Кольцо было из чистого червонного золота.

— Какие-нибудь знаки на нем есть? — спросил Гэндальф.

— Никаких, — ответил Фродо. — На нем нет ни царапины, его словно никто никогда не носил.

— Так смотри!

И к удивлению, если не к ужасу Фродо, маг вдруг швырнул Кольцо в огонь. Фродо вскрикнул и схватил щипцы, но Гэндальф удержал его.

— Подожди! — повелительно сказал он, метнув на Фродо суровый взгляд из-под седых бровей.

Кольцо не плавилось. Вскоре Гэндальф поднялся, опустил шторы и задернул занавески. Тихая комната помрачнела, и только щелканье ножниц Сэма доносилось из сада. Маг пристально смотрел в огонь, потом нагнулся, ухватил кольцо щипцами и ловко вынул его из угольев, Фродо перевел дыхание.

— Оно холодное, — объявил Гэндальф. — Возьми!

Ладонь Фродо дрогнула под нежданной тяжестью.

— Возьми пальцами! — приказал Гэндальф. — И посмотри!

Фродо взял и увидел тонкую, тончайшую резьбу изнутри и снаружи Кольца. Оно было словно испещрено легким огнем, ярким, но каким-то туманным, проступившим из глубины.

— Мне непонятны эти огненные буквы, — сказал Фродо дрожащим голосом.

— Тебе непонятны, — откликнулся Гэндальф, — зато мне понятны. Старинные руны эльфов, а язык мордорский. Я не хочу, чтобы он звучал здесь. На всеобщий язык надпись можно перевести так:

Одно Кольцо покорит их, Одно соберет их,
Одно их притянет и в черную цепь скует их.

Это строки из памятного одним эльфам стихотворного заклинания:

Три Кольца — для царственных эльфов в небесных шатрах,
Семь — для властителей гномов, гранильщиков
в каменном лоне,
Девять — для Девятерых, облеченных в могильный прах,
Одно наденет Владыка на черном троне,
В стране по имени Мордор, где распростерся мрак.
Одно Кольцо покорит их, одно соберет их,
Одно их притянет и в черную цепь скует их
В стране по имени Мордор, где распростерся мрак.

Гэндальф глубоко вздохнул и медленно проговорил:

— Твое Кольцо — Кольцо Всевластья, которому покорны остальные девятнадцать. Кольцо, утраченное много лет назад в ущерб власти Врага. Оно ему нужно больше всего на свете — и он не должен его получить!

Фродо сидел молча и неподвижно, сжавшись от страха, словно его окутала холодом и тьмою черная туча с востока.

— Так это — Вражье Кольцо? — пролепетал он. — Да как же, да зачем же оно ко мне попало?

— А! — сказал Гэндальф. — Это очень долгая история. Началась она в те Черные Лета, память о которых — достояние Мудрых, и то не всех. Если рассказывать сначала, мы с тобою до осени тут просидим... Вчера я говорил тебе о Сауроне, Власте-

лине Колец. Твоих ушей достигли верные слухи: он воспрянул, покинул Лихолесье и перебрался в Мордорский Замок — свою древнюю крепость. Слово «Мордор» тебе знакомо: оно то и дело чернеет даже в хоббитских летописях, источая страх и мрак. Да, снова и снова — разгром, затишье, но потом Тьма меняет обличье и опять разрастается.

— Хоть бы при мне-то этого не было, — сказал Фродо.

— А при мне уже много раз было, — отозвался Гэндальф, — все-то всегда говорили: хоть бы не при мне. Выбирать судьбу нам не дано; однако на этот раз нам дано время, и главное — не упустить его. А время у нас, Фродо, едва ли не на исходе. Враг с каждым днем все сильней. Ему еще нужен срок, но срок недолгий. Надо опередить его замыслы и воспользоваться невероятным случаем — быть может, себе на погибель.

Враг очень силен, но, чтобы сломить всякий отпор, сокрушить последние оплоты и затопить Средиземье Тьмою, ему недостает одного — Кольца Всевластья.

Три прекраснейших Кольца эльфы от него укрыли: рука его их не коснулась и не осквернила. Семь Колец было у гномов; три он добыл, остальные истребили драконы. Девять он раздал людям, величавым и гордым, чтобы поработить их. Давным-давно превратились они в Кольценосцев-призраков, в Прислужников Мрака, его самых страшных вассалов. Давным-давно... да, очень давно не видывали на земле Девятерых. Но кто знает? Мрак опять разрастается, возможно, появятся и они, исчадия мрака... А впрочем, не будем говорить о них сейчас, в милой Хоббитании, ярким утром.

Да, нынче так: Девять Колец у его подручных; и те из Семи, которые уцелели, хранятся в Мордоре. Три покамест укрыты, но что ему до них! Ему нужно Кольцо Всевластья: он выковал его, это *его* Кольцо, в него вложена часть его древней силы — и немало ее ушло, чтобы спаять Кольца в черную цепь. Если *это* Кольцо найдется, власть Саурона возрастет стократ, и даже Три эльфийских будут ему подвластны: все сделанное с их помощью падет, и сила его станет необоримой.

Мы стоим в преддверии страшной поры. Саурон думал, что Кольца Всевластья больше нет, что эльфы его уничтожили, как и следовало сделать. А теперь он знает, что оно цело, что оно нашлось. И сам ищет его, идет, преклонив свою мысль сюда, на поиски. Такова его великая надежда — и великий страх.

— Да почему, почему же его не расплавили? — вскрикнул Фродо. — И как это Враг лишился его, если он такой могучий, а оно ему так дорого? — Он сжимал Кольцо в руке, словно к нему уже тянулись черные пальцы.

— Оно было отнято у него в давние годы, — сказал Гэндальф. — Велика была сила эльфов, и люди тогда еще были за-

одно с ними. Да, люди Западного Края поддержали их. Не худо бы нам припомнить эту главу древней истории: тогда было и горе, и мрак надвигался, но против них воздвиглась великая доблесть, и тогдашние подвиги не пропали даром. Однажды я, быть может, расскажу тебе эту повесть, или ты услышишь ее от кого-нибудь, кто знает ее лучше меня.

А нынче тебе всего лишь надо узнать, как закатилась эта штука в Торбу, что в Норгорде, Хоббитания, и тут тоже есть чего порассказать, так что истории мы коснемся вскользь.

Эльфийский царь Гил-Гэлад и Великий князь Западного Края Элендил низвергли Саурона, но и сами пали в последней роковой сече, и сын Элендила Исилдур отсек Саурону палец вместе с Кольцом и взял Кольцо себе. И сгинул Саурон, и духу его в Средиземье не стало, и минули несчетные века, прежде чем тень его вновь сгустилась в Лихолесье.

А Кольцо пропало. Оно кануло в воды Великой Реки Андуина. Ибо Исилдур возвращался с войны по восточному берегу реки, и возле Ирисной Низины его подстерегли орки с Мглистых гор и перебили почти всю его дружину. Он хотел невидимкой спастись вплавь, но Кольцо соскользнуло с его пальца, орки увидели его и поразили стрелами.

Гэндальф помолчал.

— И там, в темных заводях у Ирисной Низины, — продолжал он, — Кольцо исчезло из легенд и былей; то, что узнал ты сейчас от меня, неведомо почти никому, и даже Совет Мудрых пребывает в неведении о дальнейшей судьбе Кольца. Ну вот, а теперь пойдет совсем другой рассказ.

Через несколько тысячелетий, и все же опять-таки давным-давно, в Глухоманье, на берегу Великой Реки Андуина жил искусный и тихий народец, похожий на брендидуимских хоббитов. Они плели тростниковые челны и плавали по Реке, ибо любили ее. Была среди них почтенная семья, большая и зажиточная; а главенствовала в ней суровая и приверженная древним обычаям бабушка. Самый ловкий и пытливый из этой семьи звался Смеагорлом. Все ему надо было знать: он нырял в омуты, подкапывался под зеленые холмы, добирался до корней деревьев, но не подымал глаз к вершинам гор, древесным кронам и цветам, раскрытым в небеса, — взгляд его был прикован к земле.

Был у него приятель по имени Деагорл, такой же остроглазый, но не такой сильный, хитрый и шустрый. Однажды они отправились на лодке вниз к Ирисной Низине и заплыли в заросли лиловых ирисов да пышных камышей. Смеагорл выпрыгнул на берег и пошел рыскать по лугу, а Деагорл удил, оставшись в лодке. Вдруг клюнула большая рыба и рывком стащила его за собою под воду. Заметив на дне что-то блестящее, он выпустил

леску, набрал в грудь побольше воздуху, нырнул и черпнул горстью.

Вынырнул он с водорослями в волосах и пригоршней ила в руке, отдышался и поплыл к берегу. С берега окунул руку в воду, обмыл грязь, и — смотри пожалуйста! — на ладони у него осталось прекрасное золотое кольцо: оно дивно сверкало на солнце, и Деагорл радостно любовался им. Сзади неслышно подошел Смеагорл.

— Отдай-ка его нам, миленький Деагорл, — сказал Смеагорл, заглядывая через плечо приятеля.

— Это почему же? — удивился Деагорл.

— А потому, что у нас, миленький, сегодня день рождения и мы хотим его в подарочек, — отвечал Смеагорл.

— Ишь ты какой, — сказал Деагорл. — Был тебе уже от меня сегодня подарочек, небось не пожалуешься. А это я для себя нашел.

— Да как же, миленький, да что ты, да неужели же? — проворковал Смеагорл, вцепился Деагорлу в горло и задушил его. Кольцо было такое чудное и яркое.

Он взял кольцо и надел его на палец.

Никто не узнал, что случилось с Деагорлом: он принял смерть далеко от дома, и тело его было хитро запрятано. А Смеагорл вернулся один, пробравшись домой невидимкой, ибо, когда владелец Великого Кольца надевает его, он становится незримым для смертных. Ему очень понравилось исчезать: мало ли что можно было эдак натворить, и он много чего натворил. Он стал подслушивать, подглядывать и пакостничать. Кольцо наделило его мелким всевластьем: тем самым, какое было ему по мерке. Родня чуралась его (когда он был видим), близкие отшатнулись. Его пинали, а он кусался. Он привык и наловчился воровать, он ходил, и бормотал себе под нос, и все время злобно урчал: горлум, горлум, горлум... За это его и прозвали Горлум; всем он был гадок, и все его гнали, а бабушка и вовсе запретила ему возвращаться в нору.

Так и бродил он в одиночестве, хныкал, урчал, ворчал и сам себе жаловался, какие все злые. Плача и сетуя, добрел он до горного холодного потока и пошел вверх по течению. Невидимыми пальцами ловил он речную рыбу и ел ее живьем. Однажды было очень жарко, он склонился над омутом, ему жгло затылок, а вода нестерпимо блестела. Ему это было странно: он совсем позабыл, что на свете есть солнце. А когда вспомнил, поднял кулак и погрозил солнцу.

Потом он глаза опустил и увидел Мглистые горы, из которых пробивался источник. И вдруг подумал: «Ах, как прохладно и темно под этими скалами! Солнце не будет на нас там глазеть.

Горы тоже пускают корни, у них есть свои тайны, и тайны эти будем знать только мы».

Ночной порою он поднялся в горы, нашел пещеру, из которой сочился темный поток, и червем заполз в каменную глубь, надолго исчезнув с лица земли. И Кольцо вместе с Горлумом поглотила первозданная тьма, так что даже тот, кто его выковал, хоть и стал могуч пуще прежнего, но был в неведении.

— Подожди, ты сказал — Горлум? — вскричал Фроло. — Как Горлум? Это что, та самая тварь, на которую наткнулся Бильбо? Как все это мерзко!

— По мне, это не мерзко, а горько, — возразил маг, — ведь такое могло бы случиться и кое с кем из хоббитов.

— Ни за что не поверю, что Горлум сродни хоббитам, — отрезал Фродо. — Быть этого не может!

— Однако это чистая правда, — заметил Гэндальф. — О чем другом, а о происхождении хоббитов я знаю побольше, чем вы сами. Даже из рассказа Бильбо родство вполне очевидно. О многом они с Горлумом одинаково думали и многое одинаково помнили. А понимали друг друга чуть ли не с полуслова, куда лучше, чем хоббит поймет, скажем, гнома, орка или даже эльфа. Загадки-то у них были, помнишь, прямо-таки общие.

— Это верно, — согласился Фродо. — Хотя не одни хоббиты загадывают загадки, и все они в общем похожи. Зато хоббиты никогда не жульничают, а Горлум только и норовил. Он ведь затеял игру, чтоб улучить миг и застать Бильбо врасплох. Очень для него выходила приятная игра: выиграет — будет кого съесть, а проиграет — беда невелика.

— Боюсь, что так оно и было, — сказал Гэндальф. — Но было и кое-что другое, чего ты покамест не уразумел. Даже Горлум — существо не совсем пропащее. Он оказался крепче иного человека — он сродни хоббитам. В душе у него остался заветный уголок, в который проникал свет, как солнце сквозь щелку: свет из прошлого. А может, ему было приятно снова услышать добрый голос, напомнивший о ветре и деревьях, о залитой солнцем траве и о многом, многом забытом.

Но, конечно же, в конце концов черная неодолимая злоба опять взъярилась в нем, а целителя поблизости не было. — Гэндальф вздохнул. — Увы! Для него надежды мало. Но все же есть — даже для него, хоть он и владел Кольцом очень долго, так долго, что и сам не упомнит, с каких пор. Правда, надевал он его редко — зачем бы в кромешной-то тьме? Поэтому и не «и с т а я л». Он тощий, как щепка, жилистый и выносливый. Но душа его изъедена Кольцом, и пытка утраты почти невыносима.

А все «глубокие тайны гор» обернулись бездонной ночью, открывать было нечего, жить незачем — только исподтишка добывай пищу, припоминай старые обиды да придумывай новые.

Жалкая у него была жизнь. Он ненавидел тьму, а свет — еще больше; он ненавидел все, а больше всего — Кольцо.

— Как это? — удивился Фродо. — Кольцо же его «прелесть», он только о нем и думал? А если он его ненавидел, то почему не выбросил?

— Ты уже много услышал, Фродо, пора бы тебе и понять, — сказал Гэндальф. — Он ненавидел и любил Кольцо, как любил и ненавидел себя. А избавиться от него не мог. На то у него не было воли.

Кольцо Всевластья, Фродо, само себе сторож. Это оно может предательски соскользнуть с пальца, а владелец никогда его не выкинет. Разве что подумает, едва ли не шутя, отдать его кому-нибудь на хранение, да и то поначалу, пока оно еще не вцепилось во владельца. Насколько мне известно, один только Бильбо решился его отдать — и отдал. Да и то не без моей помощи. Но даже Бильбо не оставил бы Кольцо на произвол судьбы, не бросил бы его. Нет, Фродо, решал дело не Горлум, а само Кольцо. И решило.

— Решило сменить Горлума на Бильбо, что ли? — спросил Фродо. — Уж вернее было бы подкатиться к какому-нибудь орку.

— Ну, это опять-таки дело непростое, — сказал Гэндальф. — И не тебе над этим смеяться. Ты вот удивляешься, что Бильбо оказался тут как тут и нечаянно нашарил его в потемках...

... Но зло не правит миром безраздельно, Фродо. Кольцо хотело вернуться к своему Властелину — недаром его выловил бедняга Деагорл, а потом был умерщвлен. И не зря им завладел Горлум. Горлума оно понемногу источило — но дальше-то что? Он мелкий и жалкий, и, пока оно было при нем, он оставался в своем озерце. И вот когда подлинный его Властелин набрал силу и потянулся за ним своей черной думой, оно бросило Горлума. Однако подобрал его не орк, не тролль, не человек, а Бильбо из Хоббитании!

Думаю, что это случилось наперекор воле Врага. Видно, так уж было суждено, чтобы Кольцо нашел не кто-нибудь, а именно Бильбо. Стало быть, и тебе суждено было его унаследовать. Мне в этом видится проблеск надежды.

— А мне не видится, — возразил Фродо. — Хотя, правда, я тебя не очень-то понимаю. Скажи лучше, как ты все это разузнал — про Кольцо и про Горлума? Или ты ничего толком не знаешь, а просто придумываешь?

Гэндальф поглядел на Фродо, и глаза его блеснули.

— Кое-что я знал, а кое-что разузнал, — сказал он. — Но тебе, знаешь ли, я не собираюсь докладывать обо всех моих поисках. Хватит того, что твое Кольцо оказалось Кольцом Всевластья — судя по одной только огненной надписи...

— А это ты когда открыл? — перебил его Фродо.

— На твоих глазах, в твоей гостиной, — жестко отвечал маг. — Но я заранее знал, что мне это откроется. Я много путешествовал и долго искал — а это последняя проба. Последнее доказательство, и теперь все ясно. Нелегко было разобраться, при чем тут Горлум и как он затесался в древнюю кровавую историю. Может, мне и надо было начинать догадки с Горлума, но теперь я догадок не строю. Я просто знаю, как было. Я его видел.

— Ты видел Горлума? — изумленно воскликнул Фродо.

— Да, видел. Без него не разберешься, это понятней понятного. Но и до него не очень-то доберешься.

— Что ж с ним случилось потом, после Бильбо? Это ты знаешь?

— Довольно смутно. То, что я рассказал тебе, рассказано со слов Горлума, хотя он-то, конечно, не так рассказывал. Горлум — превеликий лгун, и каждое слово его приходится обчищать. К примеру, Кольцо у него так и оставалось «подарочком на рождение» — будто бы от бабушки: у нее, мол, много было всяких безделушек. Дурацкая выдумка. Конечно, бабушка Смеагорла была женщина властная и хозяйственная, но чтобы в ее хозяйстве водились Кольца Власти — это вряд ли, и уж тем более вряд ли она стала бы их дарить внукам на дни рождения. Однако вранье враньем, а все-таки правда — пусть и наизнанку.

Горлум никак не мог забыть, что он убил Деагорла, и всеми силами защищался от собственной памяти: грыз в темноте черные кости, повторяя своей «прелести» одну и ту же, одну и ту же ложь, пока сам в нее почти не уверовал. Ведь правда же, тогда был его день рождения и Деагорл должен был подарить ему Кольцо. Это самый настоящий подарок на день рождения — и так далее в том же роде.

Я терпел его бессвязную болтовню сколько мог, но любой ценой надо было допытаться до правды, и пришлось мне обойтись с ним круто. Я пригрозил ему огнем, и он наконец рассказал все, как было, — понемногу, огрызаясь, истекая слезами и слюнями. Его, видите ли, обидели, унизили и вдобавок ограбили. Я у него выпытал и про загадки, и про бегство Бильбо, но вот дальше — тут он словно онемел и только выхныкивал иногда мрачные намеки. Видно, какой-то ужас сковывал его язык, и я ничего не мог поделать. Он плаксиво бубнил, что своего никому не уступит и кое-кто узнает еще, как его пинать, обманывать и грабить. Теперь у Горлума есть хорошие, такие чудесненькие друзья — и они очень даже покажут кому надо, где орки зимуют. Они ему помогут, а Торбинс-ворюга еще поплатится. Он еще поплатится и наплачется, твердил Горлум на разные лады. Бильбо он ненавидит люто и клянет страшно. Но хуже другое: он знает, кто такой Бильбо и откуда явился.

— Да кто же ему сказал? — взволновался Фродо.

— Ну, если на то пошло, так Бильбо сам ему сдуру представился, а уж потом нетрудно было выяснить, откуда он явился, — если, конечно, выползти наружу. И Горлум выполз, ох, выполз. По Кольцу он тосковал нестерпимо — тоска эта превозмогла страх перед орками и даже его солнцебоязнь. Протосковал он год, а то и два. Видишь ли, Кольцо хоть и тянуло его к себе, но уже не истачивало, как прежде, и он понемногу начал оживать. Старость давила его, ужасно давила, но вечная опаска пропала; к тому же он был смертельно голоден.

Любой свет — что лунный, что солнечный — был ему нестерпим и ненавистен, это уж, наверно, так с ним и будет до конца дней; но хитрости и ловкости ему не занимать. Он сообразил, что укрыться можно и от солнечного, и от лунного света, можно быстро и бесшумно пробираться темной ночью, когда мрак проницают только его белесые глаза, и ловить всяких маленьких беспечных зверюшек. Его освежило ветром, он отъелся, а поэтому стал сильнее и смелее. До Лихолесья было недалеко, дотуда он, в свой час, и добрался.

— И там ты его нашел? — спросил Фродо.

— Я его там видел, — отвечал Гэндальф, — но попал он туда не сразу, сначала он шел по следу Бильбо. А потом... толком-то я, пожалуй, так и не знаю, что было потом: он нес какую-то околесицу, захлебывался руганью и угрозами. «Что у него было в карманцах? — бормотал он. — Нет, не догадался я, что там у него моя прелесть. Гад, гад, гаденыш. Нечестный вопрос, нечестный. Он смошенничал, он, а не я, он правила нарушил. Надо было сразу его удавить, правда, моя прелесть? Ничего, моя прелесть, ничего, еще удавим».

И так без конца. Ты вот уже морщишься, а я это терпел изо дня в день, с утра до вечера. Ну, не совсем зря: по каким-то его обмолвкам я все же понял, что он дошлепал до Эсгарота, подсматривал и подслушивал на улицах города. Большие новости гулко отдаются в пустынных краях: все только и говорили, что про Бильбо, сплетая воедино были и небылицы. Да на обратном пути, после победы в Битве Пяти Воинств, и мы не таились. Горлум на ухо востер — он живо услышал и понял, что ему было надо.

— Почему же он тогда не выследил Бильбо до конца? — спросил Фродо. — Или он побывал у нас в Хоббитании?

— Да вот, — сказал Гэндальф, — в том-то и дело, что не побывал. Пошел-то он к вам. Дошел до Великой Реки и вдруг свернул. Дальней дороги он бы вряд ли испугался, не такой. Нет, что-то сбило его с пути. И мои друзья, которые изловили его для меня, того же мнения.

Свежий его след подняли лесные эльфы. Он вел через Лихо-

лесье и обратно; правда, поймать самого Горлума им не удалось. А лес был полон жуткой памяти о нем, перепугались все зверюшки и птицы. Слышно было, что явилось новое чудовище: призрак-кровопийца, от которого детенышам нет спасенья ни на деревьях, ни в норах.

От западной окраины Лихолесья след повернул назад, потом, петляя, повел на юг, вывел из лесу и затерялся. Тут-то я и сделал большую ошибку. Да, Фродо, ошибку, и не первую; боюсь только, что самую опасную. Я оставил его в покое — пусть идет куда хочет. У меня была куча срочных дел, и я по-прежнему верил в мудрость Сарумана.

С тех пор прошло больше полувека, и я заплатил за свой просчет черными, трудными днями. Когда я понял, что мне позарез нужен Горлум — а это было после ухода Бильбо, — след его давным-давно потерялся. Вряд ли я отыскал бы Горлума, но меня выручил преданный друг по имени Арагорн, лучший следопыт и охотник нынешних времен. Вместе с ним мы прочесали все Глухоманье, без особой надежды и понапрасну. И когда, отчаявшись, я решил бросить поиски, Горлум вдруг нашелся. Мой друг едва ли не чудом вернулся из смертельно опасного путешествия и приволок его с собой.

Где Горлум пропадал, так и осталось тайною. Он обливался слезами, называл нас скверными и жестокими, а в горле у него рокотало: «горрррлум, горрррлум» — недаром его так прозвали. Даже под угрозой огня он только хныкал, ежился, заламывал свои длинные руки и лизал пальцы, словно обожженные, будто они напоминали ему о какой-то давней жестокой пытке. Он ничего не сказал, но боюсь, что сомнений нет: он медленно, потихоньку, шаг за шагом прокрался на юг — и попал в Мордор.

Комнату затопила тяжелая тишина, и Фродо услышал, как колотится его сердце. Снаружи все тоже будто замерло — даже ножницы Сэма перестали щелкать.

— Да, в Мордор, — повторил Гэндальф. — Оно и понятно, там приют всякой злобе и зависти: туда стягивает лиходеев Черный Властелин. А ведь Кольцо Врага исковеркало душу Горлума, и он внял неотступному зову. К тому же все шептались о том, что Мордор снова окутан мраком и что там клубится душная, беспощадная ненависть. Там, только там были его настоящие друзья: они-то и помогут ему отомстить, думал Горлум.

Несчастный дурак! Да, он пробрался в Мордор и узнал много — чересчур даже много. Он долго бродил у границ этой страшной страны — тут и попался, и был притянут к общеобязательному допросу чужаков. Арагорн изловил Горлума после того, как он пробыл там очень, очень долго и возвращался назад.

То ли его послали, то ли он сам надумал какую-нибудь пакость. Впрочем, это не важно: главный вред от него уже позади.

Да, но вред невосполнимый! Ибо Враг выпытал у него, что Кольцо Всевластья нашлось. Известно, где Горлуму досталось Кольцо. Известно, что это Великое Кольцо, оно дарует нескончаемую жизнь. Понятно, что это не одно из Трех эльфийских: эльфы их сохранили, и в них нет мерзости, они чисты. Понятно, что это не одно из Семи гномьих или Девяти мертвецких: тут все известно. Враг понял, что Кольцо — то самое. И вдобавок услышал про хоббитов и Хоббитанию.

Может статься, он ее сейчас и отыскивает — если уже не нашел. И знай, Фродо, что ваше родовое имя тоже выплыло заодно с прочим.

— Но ведь это ужасно! — вскричал Фродо. — Ужасней ужасного — даже твои жуткие намеки и неясные остережения так меня не пугали. Гэндальф, о Гэндальф, надежный мой друг, что же мне делать? Теперь вот мне по-настоящему страшно. Скажи, Гэндальф, что мне делать? Какая все-таки жалость, что Бильбо не заколол этого мерзавца, когда был такой удобный случай!

— Жалость, говоришь? Да ведь именно жалость удержала его руку. Жалость и милосердие: без крайней нужды убивать нельзя. И за это, друг мой Фродо, была ему немалая награда. Недаром он не стал приспешником зла, недаром спасся; а все потому, что начал с жалости!

— Прости, не о том речь, — сказал Фродо. — Страх обуял меня, но Горлума все равно жалеть глупо.

— Не видел ты его, — сказал Гэндальф.

— Не видел и не хочу, — отрезал Фродо. — А тебя просто не понимаю. Неужели же ты, эльфы и кто там еще — неужели вы пощадили Горлума после всех его черных дел? Да он хуже всякого орка и такой же враг. Он заслужил смерть.

— Заслужить-то заслужил, спору нет. И он, и многие другие, имя им — легион. А посчитай-ка таких, кому надо бы жить, но они мертвы. Их ты можешь воскресить — чтобы уж всем было по заслугам? А нет — так не торопись никого осуждать на смерть. Ибо даже мудрейшим не дано провидеть все. Мало, очень мало надежды на исправление Горлума, но кто поручится, что ее вовсе нет? Судьба его едина с судьбою Кольца, и чует мое сердце, что он еще — к добру ли, к худу ли — зачем-то понадобится. В час развязки жалость Бильбо может оказаться залогом спасения многих — твоего, кстати, тоже. Да, мы его пощадили: он старый и жалкий, таких не казнят. Он остался в заточении у лесных эльфов — надеюсь, они обходятся с ним по-доброму.

— Все равно, — сказал Фродо, — пусть даже и не надо было убивать Горлума, но зачем Бильбо оставил себе Кольцо? А глав-

ное, зачем оно мне-то досталось? Ведь я уж тут совсем ни при чем! Как же ты у меня его не отобрал, почему не заставил выкинуть или истребить?

— Выкинуть? Истребить? — сердито откликнулся маг. — Ты что, пропускал мои слова мимо ушей? Думай все-таки, прежде чем говорить. Выкинуть его можно только по безрассудству. Магические Кольца не пропадают бесследно: со временем они возвращаются в мир, и мало ли кто их найдет, сам подумай. Ведь Кольцо может попасть в руки Врага, да и непременно попадет: он тянет его к себе могучим, тяжким усилием.

Да, милый Фродо, ты в большой опасности, оттого-то мне и неспокойно. Но ставки нынче такие, что опаснее всего — не рисковать, даже и тобою; однако помни, что, когда я отлучался, ты был под неусыпным надзором и охраной. Я знаю, ты ни разу не надевал Кольцо, и, стало быть, оно тебя не поработило. Пока что — нет... А девять лет назад, при нашем последнем свидании, я еще ничего толком не знал.

— Хорошо, нельзя выкинуть, так можно истребить: ты же сам сказал, что это давным-давно надо было сделать! — в отчаянии воскликнул Фродо. — Предупредил бы меня, написал бы, что нужно, — и я бы от него отделался.

— Отделался бы? А как? Ты пробовал?

— Нет, не пробовал. Но его же, наверно, как-то можно сплющить или расплавить?

— А ты попробуй! — сказал Гэндальф. — Возьми да попробуй!

Фродо опять достал Кольцо из кармана и поглядел на него. Оно было чистое и гладкое, без всяких надписей. Ярко лучилось золото, и Фродо подумал: какой у него густой и чудный отлив, как оно дивно скруглено. Изумительное и поистине драгоценное Кольцо. Он вынул его, чтобы швырнуть в огонь, но вдруг понял, что сделать этого не может, что себя не переломишь. Он нерешительно взвешивал Кольцо на ладони, вспоминая зловещую повесть Гэндальфа; наконец собрал все силы — и обнаружил, что поспешно запихивает Кольцо в карман.

Гэндальф невесело рассмеялся.

— Вот видишь? Уже и ты, Фродо, не можешь с ним расстаться, бережешь его от вреда. Не мог я «заставить» тебя — разве грубой силой, а этого ты бы не выдержал. И никакой силой Кольцо не истребить. Бей его сколько хочешь шестипудовым кузнечным молотом — на нем и следа не останется. Да что там ты — я и то ничего с ним сделать не смогу.

В огне твоего камина и обычное-то золото не расплавится. А Кольцо, ты видел, в этом огне только посвежело, даже не нагрелось. И во всей твоей Хоббитании нет такого кузнеца, который мог бы хоть чуть-чуть его сплющить. Ему нипочем даже горнила и молоты гномов. Было поверье, что Магические Коль-

ца плавятся в драконовом огне, но теперешние драконы — жалкие твари, кому из них под силу расплавить Великое Кольцо, которое выковал сам Саурон!

Есть только один способ: добраться до Ородруина, Роковой горы, и бросить Кольцо в ее пылающие недра... если ты по-настоящему захочешь, чтобы оно расплавилось и стало навсегда недоступно Врагу.

— Да нет, я, конечно, очень хочу, чтобы оно... чтобы стало недоступно! — заторопился Фродо. — Только пусть это не я, пусть кто-нибудь другой, разве такие подвиги мне по силам? Зачем оно вообще мне досталось, при чем тут я? И почему именно я?

— Вопрос на вопросе, — сказал Гэндальф, — а какие тебе нужны ответы? Что ты не за доблесть избран? Нет, не за доблесть. Ни силы в тебе нет, ни мудрости. Однако же избран ты, а значит, придется тебе стать сильным, мудрым и доблестным.

— Да как же я! Ты, Гэндальф, ты и сильный, и мудрый. Возьми у меня Кольцо, оно — тебе.

— Нет! — вскрикнул Гэндальф, отпрянув. — Будь у меня такое страшное могущество, я стал бы всевластным рабом Кольца. — Глаза его сверкнули, лицо озарилось изнутри темным огнем. — Нет, не мне! Ужасен Черный Властелин — а ведь я могу стать еще ужаснее. Кольцо знает путь к моему сердцу, знает, что меня мучает жалость ко всем слабым и беззащитным, а с его помощью — о, как бы надежно я их защитил, — чтобы превратить потом в своих рабов. Не навязывай мне его! Я не сумею стать просто хранителем, слишком оно мне нужно. Предо мной — мрак и смерть.

Он подошел к окну, поднял шторы и отдернул занавеси. В комнату снова хлынуло солнце. Мимо окошка, посвистывая, прошел Сэм.

— Как видишь, — сказал маг, обернувшись к Фродо, — решать придется тебе. Но я тебя не оставлю. — И он положил руку на плечо Фродо. — Я помогу тебе снести это бремя, пока это бремя твое. Только не надо медлить. Враг не мешкает.

Настало молчание. Гэндальф снова сел в кресло и попыхивал трубкой: должно быть, задумался. И глаза прикрыл, но из-под век зорко следил за Фродо. А Фродо неотрывно глядел на темно-алые угольях в камине, только их и видел, и чудилось ему, что он заглядывает в огненный колодец. Он думал о багровых расселинах древней и страшной Горы.

— Так! — сказал наконец Гэндальф. — Ну и о чем же ты размышляешь? Что решил?

— Ничего, — глухо откликнулся Фродо. Но огненная тьма вдруг выпустила его. Он снова сидел в светлой комнате, изумляясь яркому окну и солнечному саду. — А впрочем, решил. Я не

все понимаю, что ты говоришь, но покамест придется мне, наверно, оставить Кольцо у себя и сберечь его, а там будь что будет.

— С тобой много чего может быть, — сказал Гэндальф, — но начинаешь ты очень неплохо. Не скоро Кольцо тебя склонит ко злу.

— Это тебе виднее, — сказал Фродо. — Только хорошо бы ты все-таки нашел какого-нибудь хранителя понадежней. А пока что, если ты прав, то я в большой опасности, и друзья мои тоже. Вряд ли мне, стало быть, удастся сберечь Кольцо и уберечь друзей, если я останусь дома. Придется мне бросить Торбу, покинуть Хоббитанию и вообще уйти куда глаза глядят. — Он вздохнул. — Лишь бы в Хоббитании все осталось как было — правда, я иной раз клял хоббитов за глупость последними словами, призывая на них землетрясение и драконов, но нет уж, лучше не надо. Пока у меня за спиной Хоббитания, мне как-то легче: я знаю, что есть отступление, хотя отступать и некуда.

Я, конечно, и раньше думал, не уйти ли мне, только представлял себе какой-то пикник, приключения, как у Бильбо или даже интереснее — разные ведь бывают, и все хорошо кончаются. А тут — из страха в страх, и смерть по пятам. Да и путешествовать мне, видно, придется одному, раз мне выпала такая доля — спасать Хоббитанию. Только я же маленький, для всех там чужой и — как бы это сказать? — не из них. А Враг такой сильный и страшный.

Он не признался Гэндальфу, что, пока говорил, в сердце его вспыхнуло желание пойти вслед за Бильбо — пойти и, быть может, даже встретиться с ним. Желание было такое сильное, что страх отступил: он, пожалуй, так бы и кинулся бежать вроде Бильбо — без шапки и наобум.

— Ты ли это, Фродо? — воскликнул Гэндальф. — Верно сказал я когда-то: изумительные существа хоббиты. Кажется, и месяца хватит, чтоб их изучить, а они через сто лет тебя несказанно удивят. Вот уж чего не ожидал — даже и от тебя! Бильбо-то не ошибся с наследником, хотя не понимал, как это важно. Да, похоже, что ты как нельзя более прав. По нынешним временам Кольцу не место в Хоббитании: тебе — да и не только тебе — придется уйти и на время забыть, что ты Торбинс. Опасное это имя за пределами Хоббитании. Дай-ка я придумаю тебе другое. Назовись ты, пожалуй, Накручинсом.

А пойдешь ты все-таки не один. Кому там из своих приятелей ты вполне доверяешь, кто из них способен выстоять в смертельных испытаниях?.. Впрочем, таких, наверно, и нет, а все-таки подумай о спутнике, он тебе очень понадобится! И болтай

поменьше, даже с близкими друзьями! У Врага повсюду шпионы, он все слышит.

Маг вдруг осекся и прислушался. В комнате и в саду стояла звонкая тишина. Гэндальф прокрался к окну, вспрыгнул на подоконник, протянул длинную руку — и в окне, жалобно пискнув, появилась курчавая голова Сэма Скромби, вытянутая за ухо.

— Так, так, клянусь бородой! — сказал Гэндальф. — Сэм Скромби, он самый! Под окном, значит?

— Да что вы, сударь, что вы, господин Гэндальф! — горячо возразил Сэм. — Под каким окном! Я тут просто полол и подстригал траву: видите? — Он показал в свое оправдание садовые ножницы.

— Вижу, — мрачно отозвался Гэндальф. — А вот щелкать твои ножницы давно что-то перестали. Подслушивал?

— Подсушивал, сударь? Да нет, зачем же, все и так подсохло.

— Ты дурака-то не валяй! Что ты слышал и зачем подслушивал? — Глаза Гэндальфа сверкнули и брови ощетинились.

— Господин Фродо, хоть вы-то!.. — в ужасе выкрикнул Сэм. — Вы-то хоть не позволяйте ему, а то он меня во что-нибудь — раз — и превратит! Доказывай потом моему старику, что это я. Я же ничего худого не хотел, честное слово, сударь!

— Ни во что он тебя не превратит, — сказал, еле сдерживая смех, изумленный и озадаченный Фродо. — Он знает, как и я, что ты подслушивал без худого умысла. Ты бояться-то не бойся, а спрошено — отвечай!

— Да что ж, сударь, — втянув голову в плечи, признался Сэм. — Я порядком слышал, хотя понял-то не все: и про Врага, и про Кольца, и про господина Бильбо — пу там драконы, Огненная гора — и, конечно, про эльфов. Вовсе даже не собирался подслушивать — а слышал: сами знаете, как нечаянно бывает. Меня ведь хлебом не корми, а дай послушать про эльфов, мало ли что там Тод говорит. Хоть бы одним глазком их повидать. Вы вот, сударь, пойдете — ну и мне бы эльфов показали, а?

Гэндальф вдруг рассмеялся.

— Ну-ка давай сюда! — крикнул он и, втащив через подоконник ошарашенного Сэма, поставил его, с ножницами и лопатой в руках, на пол. — Говоришь, эльфов тебе показать? — спросил он, всматриваясь в Сэма и невольно улыбаясь. — Ты, стало быть, расслышал, что хозяин твой уходит?

— Расслышал, а как же. Тут-то я и поперхнулся, а это уж небось вы расслышали. Да я нечаянно — ведь такое огорчение!

— Ничего не поделаешь, Сэм, — грустно сказал Фродо. Он вдруг понял, что прощание с Хоббитанией будет очень трудное и что прощается он не только с Торбой. — Надо мне идти. А ты, — и он сурово посмотрел на Сэма, — если ты и правда за меня тревожишься, то уж держи язык за зубами, ладно? Про-

болтаешься хоть о чем-нибудь, что ненароком подслушал, и Гэндальф, чего доброго, превратит тебя в пятнистую жабу, а с ужами, знаешь ли, шутки плохи.

Сэм задрожал и бухнулся на колени.

— Встань, Сэм! — велел Гэндальф. — Я придумал кое-что пострашнее: ни о чем ты не проболтаешься и впредь будешь знать, как подслушивать. Ты пойдешь с Фродо!

— Я? С хозяином? — воскликнул Сэм, подскочив, как собака, которую позвали гулять. — И увижу эльфов и еще много всякого? Урра! — крикнул он и вдруг расплакался.

Глава III

ДОРОГА ВТРОЕМ

— Выйти надо втихомолку и как можно скорее, — постоянно напоминал Гэндальф.

С первого разговора прошло уже две или три недели, а Фродо в путь пока не собрался.

— Знаю, знаю, — говорил Фродо. — Только это ведь непросто — скорее, да еще втихомолку. Уйду я, как Бильбо, — и раскатится молва по всей Хоббитании.

— Нет уж, ты, как Бильбо, не уходи! — сказал Гэндальф. — Этого еще нам не хватало! Скорее — да, но не вдруг. Подумай, конечно, как покинуть Хоббитанию без лишнего шума, а все же не мешкай: как бы не замешкаться.

— Может, осенью, после нашего общего дня рождения? — предложил Фродо. — К тому времени я как раз все устрою.

По правде говоря, когда дошло до дела, у него начисто пропала всякая охота к путешествиям. Торба вдруг стала донельзя уютной, и он вовсю радовался последнему своему лету в Хоббитании. «А осенью, — думал он, — у нас поскучнеет, и сердце по-всегдашнему запросится в чужие края». Про себя он уже твердо решил дождаться пятидесятилетия и стодвадцативосьмилетия Бильбо. Будет годовщина — тут-то и в путь, по примеру Бильбо. Без этого примера он бы и шагу не сделал, в жизни бы с духом не собрался. О цели странствия он старался не думать и с Гэндальфом не откровенничал. Может, маг и сам обо всем догадывался, но, по своему обычаю, помалкивал...

— Да-да, все устрою и отправлюсь, — повторил Фродо.

Гэндальф поглядел на него и усмехнулся.

— Ладно, — сказал он, — пусть так, лишь бы не позже. Что-то мне очень тревожно. Только ты смотри, никому ни слова о

том, куда путь держишь! И чтобы Сэм твой тоже молчал как убитый, а то он у меня и правда запрыгает жабой.

— Куда я путь держу, — сказал Фродо, — этого я и сам не знаю, так что тут мудрено проболтаться.

— Без глупостей! — насупился Гэндальф. — Я не к тому говорю, чтоб ты пропал неизвестно куда. Но Хоббитанию ты покидаешь — и надо, чтобы об этом никто не знал. Куда-нибудь ты да пойдешь, на север, на юг, на запад или даже на восток — это вот и надо сохранить в тайне.

— Мне так грустно оставлять Торбу и со всеми прощаться, что я даже не подумал, куда отправлюсь, — сказал Фродо. — А куда, в самом деле? Почем я знаю, где можно спрятаться? Бильбо — тот ушел за сокровищем, ушел и вернулся, а мне, значит, нужно вернуть сокровище, а самому сгинуть — так, что ли?

— Так, да не так, — отозвался Гэндальф. — Тут и я тебе не указчик. Может, ты дойдешь до Ородруина, а может, это вовсе не твое дело — как знать? Я знаю другое: пока что ты к такому пути не готов.

— Еще бы! — воскликнул Фродо. — Ну а мой-то путь — куда?

— По краю, — ответил маг. — По самому краешку, твердо и осторожно. Иди-ка ты, пожалуй, в Раздол. Это не слишком опасный путь, хотя на дорогах нынче неспокойно, а осенью будет даже и страшновато.

— В Раздол? — переспросил Фродо. — Хорошо, пойду на восток, к Раздолу. Сэм тоже со мной пойдет, повидает эльфов, то-то ему радость!

Он обронил это как бы между прочим, но ему не шутя захотелось побывать в той блаженной долине, где Дивный Народ все еще жил мирно и счастливо.

Как-то летним вечером в «Укромном уголке» и «Зеленом драконе» обсуждали невероятное — что́ там великаны и прочая нечисть на границах! Оказывается, Фродо продает, если уже не продал, Торбу — и кому? Лякошель-Торбинсам!

— Ну, за хорошие деньги, — говорили одни.

— За свою цену, — возражали другие, — будьте покойны, Любелия гроша лишнего не даст. (Оддо уже успел умереть, дожив до ста двух лет и не дождавшись свершения своих чаяний.)

О цене очень спорили, но больше о том, с чего бы это Фродо вздумал продавать такое прекрасное именье. Некоторые намекали — на это намекал и сам господин Торбинс, — что денежки счет любят, а у него они на исходе: еле хватит рассчитаться в Норгорде и переехать к родственникам в Зайгорд.

— Лишь бы подальше от Лякошелей, — добавлял кое-кто.

Но все так привыкли к россказням о несметных богатствах Бильбо, что отвыкать было невмочь, и многие винили Гэндальфа. Того хоть и было не видать, не слыхать, но жил-то он, известно, у Фродо — прятался небось в Торбе. Положим, было не слишком понятно, зачем магу нужно, чтоб Фродо переехал в Зайгорд, но, видать, зачем-то понадобилось.

— Да, осенью переезжаю, — подтверждал Фродо. — Мерри Брендизайк подыскивает там для меня чистенькую норку, а может, и уютный домик.

Мерри в самом деле подыскал и купил премиленький домик в Кроличьей Балке, чуть подальше Зайгорда. Всем, кроме Сэма, Фродо говорил, что туда он и задумал перебраться. Путь на восток подсказал ему эту мысль: Заячьи Холмы — по дороге, Фродо жил там в детстве, так почему бы ему туда не вернуться.

Гэндальф пробыл в Хоббитании больше двух месяцев. Потом, однажды вечером к концу июня, как раз когда планы Фродо устоялись, он вдруг объявил, что наутро уходит.

— Надеюсь, ненадолго, — сказал он. — У меня кое-какие дела на юге. Я у вас и так засиделся.

Сказано это было невзначай, но Фродо показалось, что маг сильно озабочен.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

— Да пока ничего, но до меня дошли тревожные и не слишком понятные вести — надо разобраться. Я тут же вернусь или, на худой конец, подам весточку. А вы поступайте, как решено, только берегитесь, а пуще всего берегите Кольцо. И непреложный тебе совет: *не надевай его!* Когда вернусь, точно еще не знаю, — сказал он, прощаясь на рассвете. — Но уж к вашему отходу поспею непременно. Пожалуй, придется мне на всякий случай проводить вас по Тракту.

Сначала Фродо опасливо прикидывал, какие такие вести мог получить Гэндальф, но потом успокоился: уж очень хорошая была погода. Лето пышное, осень плодоносная — даже Хоббитания давно такого не видывала. Ветки ломились от яблок, соты истекали медом, и пшеница вздымала тугие колосья.

Лишь когда вплотную подошла осень, Фродо встревожился не на шутку. Середина сентября, а Гэндальф как в воду канул. На носу день рождения и переезд, а от него ни слуху ни духу. Между тем начались хлопоты. Приезжали и помогали упаковываться друзья Фродо: Фредегар Боббер, Фолко Булкинс и, уж конечно, Перегрин Крол с Мерри Брендизайком. Их общими стараниями в Торбе все было вверх дном.

20 сентября от жилища Фродо к Брендидуимскому мосту отъехали два фургона, груженные нераспроданной утварью.

Следующий день прошел в ожидании Гэндальфа. Утро пятидесятилетия Фродо выдалось ясное и яркое, такое же, как в памятный день Угощения. Гэндальфа не было. Под вечер Фродо накрыл на пятерых праздничный стол, пытаясь разогнать свое уныние. Вот и с друзьями тоже скоро надо будет расставаться. Молодые хоббиты — Мерри Брендизайк, Фредегар Боббер, Фолко Булкинс, Перегрин Крол — веселились шумно и беспечно, прогорланили уйму песен, припомнили всякую быль и небыль, выпили за здоровье Бильбо, потом за обоих новорожденных вместе, как было заведено на днях рождения Фродо. Потом вышли подышать свежим воздухом, поглядели на звезды — и отправились спать. А Гэндальф так и не явился.

Наутро они быстро, в десять рук, нагрузили последнюю повозку. С нею отправились Мерри и Толстик (так у них звался Фредегар Боббер).

— Кому-то надо печку для вас, лодырей, растопить в новом доме, — сказал Мерри. — Ладно, авось послезавтра свидимся — ежели вы не заснете в дороге мертвым сном.

Фолко позавтракал и ушел, остался один Пин. Фродо был сам не свой: он все еще ждал Гэндальфа и решил задержаться до сумерек. А там, если уж он очень понадобится магу, пусть сам идет в Кроличью Балку, глядишь, еще и первый доберется. Фродо решил пойти к Зайгордной переправе окольным путем, чтоб напоследок хоть поглядеть на Хоббитанию.

— Заодно и жир сгоню, — сказал он себе, глядя в пыльное зеркало на стене в полупустой прихожей. Он давно уже сидел сиднем и несколько расплылся.

Чуть за полдень явились Лякошель-Торбинсы: Любелия со своим белобрысым отпрыском Лотто.

— Насилу дождались! — сказала она, переступив порог. Это было невежливо и неверно: до двенадцати ночи хозяином Торбы оставался Фродо. Но что взять с Любелии — ведь она ждала на семьдесят семь лет дольше, чем собиралась: ей уже перевалило за сто. И пришла не просто так, а присмотреть, чтобы Брендизайки и прочие по ошибке не захватили бы с собой чего чужого, и еще за ключами. Спровадить ее было непросто: она принесла с собой опись проданного имущества и желала проверить, все ли на месте. Проверила раз, потом другой, получила запасные ключи и заручилась обещанием, что третьи ключи будут ей оставлены у Скромби в Истербинке. Она хмыкнула и поджала губы — мол, знаем мы этих Скромби, утром половины вещей недосчитаешься, — но наконец ушла.

И Фродо ей даже чаю выпить не предложил.

А сам напился чаю с Пином и Сэмом Скромби у себя на

кухне. Объявлено было, что Сэм на всякий случай сходит с ним в Забрендию, «приглядит за хозяином и посмотрит, чего он там посадит». Жихарь такое дело одобрил, не переставая ворчать, что вот, мол, у некоторых одни прогулки на уме, а ему-то между делом подсудобили в соседки Любелию.

— Последнее чаепитие в Торбе! — сказал Фродо и решительно отодвинул стул. Посуду за собой они назло Любелии не вымыли. Сэм с Пином быстро увязали три мешка и вынесли их на крыльцо. Пин пошел прогуляться по саду, а Сэм куда-то исчез.

Солнце село, и Торба казалась угрюмой, опустелой, разоренной. Фродо побродил по знакомым комнатам — закатный свет тускнел, из углов выползали темные тени.

Скоро совсем смерклось. Он прошел к дальней садовой калитке: а вдруг все-таки появится Гэндальф?

В чистом небе разгорались звезды.

— Хорошая будет ночь, — сказал Фродо вслух. — Вот и отлично, идти одно удовольствие. Засиделись, честное слово. Пойду, а Гэндальф пусть уж догоняет. — Он повернул к дому и остановился, услышав голоса где-то рядом — наверно, в Исторбинке. Старый Жихарь и еще кто-то: голос незнакомый, а мерзкий до тошноты. О чем спрашивает чужак, не разобрать, слышны только ответы старика Скромби — осторожные и опасливые, чуть ли не испуганные.

— Нет, господин Торбинс уехал. Нынче утром, и мой Сэм с ним; все уже вывезли. Да вот так и вывезли — что не продали, то вывезли... А зачем и почему — не мое это дело... да и не ваше. Известно куда — в Кроличью Балку, а может, и дальше, это все знают. Да вон — прямая дорога. Нет, сам не бывал, на кой мне, там народ дурной. Нет, передать ничего не возьмусь. Спокойной ночи!

Мягко сошли шаги с Кручи, и Фродо удивился, почему он так рад, что сошли, а не взошли. «Видно, я насмерть устал от расспросов и всякого любопытства, — подумал он. — Ужас какой у нас любопытный народ!»

Он хотел было узнать у папаши Скромби, кто это к нему приставал, но вдруг раздумал и быстро зашагал к Торбе.

Пин сидел и спал, откинувшись на свой мешок. Сэма не было. Фродо заглянул в черную дверь.

— Сэм! — позвал он. — Где ты там? Пора!

— Иду, сударь! — откликнулся тот и выскочил откуда-то из глубины, отирая губы. Он прощался в погребе с пивным бочонком.

Фродо захлопнул и запер круглую дверь, а ключ отдал Сэму.

— Беги давай к себе, — сказал он. — А оттуда напрямик — встретимся у калитки за лугом. Улицей не пойдем: подсматривают, подслушивают. Ну — живо!

Сэм умчался во тьму.

— Вот и выходим наконец! — сказал Фродо Пину.

Они вскинули мешки на спину, взяли палки и пошли вдоль западной стены Торбы.

— Прощайте! — вымолвил Фродо, взглянув на черные слепые окна. Он помахал рукой, повернулся и (точно так же, как Бильбо, только он об этом не знал) нырнул в садовые заросли вслед за Пином. Они перепрыгнули низкую слегу и ушли в поле, всколыхнув темноту и прошелестев высокой травою.

Они спустились по западному склону к калитке в узенький проулок. Там остановились, подтянули мешочные лямки — и вскоре заслышали топоток и пыхтенье Сэма. Свой до отказа набитый мешок он вздел на самые плечи, а на голову нахлобучил какой-то мятый фетр — якобы шапку. В темноте он был сущий гном.

— Что потяжелее — это вы, конечно, мне, — сказал Фродо. — Бедняги улитки и бедные все, кто носит свой дом и свой скарб на спине!

— У меня мешок совсем легкий, сударь. Можно сколько угодно еще, — объявил Сэм добрым и лживым голосом.

— Нет уж, Сэм! — сказал Пин. — Как-нибудь снесет, сам накладывал — себе и нам вровень. Он тут у нас малость ожирел: пройдется, авось его мешок вместе с ним и полегчает.

— Смилуйтесь над старым, немощным хоббитом! — со смехом взмолился Фродо. — В конце пути меня будет качать как на ветру. Однако шутки в сторону. Ты, Сэм, наверняка взвалил на себя сверх всякой меры, вот сделаем привал, разберемся и переложим.

И он взялся за свой посох.

— Ночная прогулка — чего же лучше-то! — сказал он. — Отшагаем мили три-четыре по свежему воздуху, да и на боковую.

Пошли проулком на запад, а после свернули налево, в поля, и засеменили гуськом вдоль живых изгородей, мимо межевых рощиц, в тихой ночной мгле. Плащи у них были темные, шли они невидимками, будто все трое надели волшебные кольца. Когда три хоббита идут тишком да молчком — за ними нелегко уследить. Даже осторожные полевые зверюшки едва замечали бесшумных путников.

Ручей к западу от Норгорда перешли по лавам в одну досточку. Извилистая черная ручьистая лента с обеих сторон обросла густым ольшаником: ветки тянулись к воде. Еще миля-другая на юг — и они перебежали большую дорогу от Брендидуимского моста. Оказались в Укролье и, свернув на юго-восток,

потрусили к Зеленым Холмам. Тропинка взметнулась в гору, они оглянулись и увидели далеко позади мягкое мерцание огней Норгорда, рассеянных по ласковой Ручьевой долине. Вскоре оно пропало за спусками и подъемами, вот уже и Приречье с его мутно-серым прудом. Дальний отсвет окон крайнего домика в последний раз просквозил деревья. Фродо обернулся и снова помахал рукою.

— Почем знать, увижу ли я еще когда-нибудь нашу долину, — негромко проговорил он.

После трехчасового пути решено было все-таки отдохнуть. Стояла ясная, прохладная, звездная ночь, но дымчатые клочья тумана всползали на холмы из низменных луговин и от глубинных ручейков — всползали и оседали. Облетевшие березки, покачиваясь над головами хоббитов, тонкой черной сетью веточек застилали бледное небо. Они поужинали не по-хоббитски скромно и двинулись дальше. Вскоре они набрели на узкую дорогу, извивавшуюся вверх-вниз по холмам, серевшую вдали во мраке: дорогу к Лесному Чертогу и к Заводям, к Зайгордному парому. Она уводила далеко в сторону от давнего пути Ручьевой долины и, забегая на Зеленые Холмы, вела в Лесной Угол, в глухомань Восточного удела.

Потом они угодили в овражину между высокими деревьями, по-ночному шелестевшими сохнущими листьями. Темень была непроглядная. Сначала они разговаривали, тихо напевали песенки, благо услышать их было уже некому. Затем шагали молча, и Пин начал отставать. Наконец перед крутым подъемом он остановился и зевнул.

— Ох, спать хочется, — сказал он, — того и гляди упаду и засну. А вы что, на ходу спать будете? Время-то какое: к полночи близко.

— А я-то думал, ты любитель ночных прогулок, — сказал Фродо. — Ну ладно, торопиться нам пока особенно некуда. Мерри нас ждет не раньше чем послезавтра, и у нас есть денек-другой в запасе. Вот сейчас подыщем местечко и заночуем.

— Дует с запада, — заметил Сэм. — Обойдемте-ка этот холм, сударь, там наверняка найдется укрытное и уютное местечко. Там вроде бы и елового сухостоя порядочно.

Сэм исходил окрестности Норгорда миль на двадцать, но дальше земля для него кончалась.

Возле самой вершины пологого лесистого холма они набрели на ельник, свернули с тропинки в смолистую темень, наломали сухого лапника, насобирали шишек и разожгли костер. Веселое пламя заплясало у корней столетней ели: хоббиты пригрелись и начали клевать носами. Каждый по-своему устроился между корнями, укутался плащом и одеялом и тут же крепко уснул.

Дозорного не оставили: даже Фродо ничего не опасался — они ведь были в Хоббитании! Костер стал грудой пепла, и кой-какие звери явились поглядеть на спящих. Лис, который случайно пробегал мимо, замер и принюхался.

— Хоббиты! — сказал он сам себе. — Вот тебе на! Дела кругом, слышно, чудные, но чтоб хоббит спал в лесу под деревом — да не один, а целых три! Не-ет, тут что-то кроется.

Настало тусклое, сырое утро. Фродо проснулся первым и, охая, щупал спину, чуть не насквозь продырявленную еловым корнем, а шея и вовсе не ворочалась. «Ну и прогулочка! Что бы мне было спокойно поехать? — думал он, как ему обычно думалось в начале всякого похода. — А на моих любимых перинах спят теперь Лякошель-Торбинсы! Им бы на еловых корнях поспать». Он потянулся.

— Хоббиты, подъем! — крикнул он. — Смотрите, что за утро!

— А что за утро? — спросил Пин, одним глазом выглядывая из-под одеяла. — Сэм! Завтрак чтоб был готов к полдесятого! Умывальную воду разогрел?

Сэм вскочил как встрепанный и мутно огляделся.

— Нет, сударь, не разогрел, сударь! — выговорил он спросонья.

Фродо сорвал с Пина одеяло, пихнул его раз-другой и ушел на опушку. На восточном краю неба красный солнечный диск показался над волнистым покровом тумана. Деревья в червонно-золотом осеннем убранстве, казалось, уплывали в туманное море. Внизу слева дорога круто уходила в овраг и там исчезала.

Когда он вернулся, Сэм с Пином уже развели костер.

— Воду! — заорал Пин. — Где вода?

— Я воду в карманах не ношу, — сказал Фродо.

— А мы думали, ты пошел за водой, — огорчился Пин, раскладывая еду и расставляя кружки. — Хоть теперь-то сходи.

— Вместе с тобой, — сказал Фродо. — И фляжки тоже не мешает прихватить.

Под горой шумел ручей. Они наполнили фляжки и походный котелок под струей водопадика с уступа серого камня в хоббитский рост. Вода была ледяная, они умывались, пыхтя и отфыркиваясь.

Не спеша позавтракали, старательно упаковали мешки и снялись в одиннадцатом часу; день выдался ясный, и солнце пригревало все горячее. Спустились напрямик, перешли ручей, а там опять вверх-вниз по склонам, и так от холма к холму, их мешки с плащами, одеялами, флягами, съестным припасом и прочей поклажей, казалось, тяжелели с каждым шагом. Скоро они притомились и запарились, а дорога все петляла, вползала на холмы и снова ныряла вниз, но потом обернулась плавным спуском в широкую долину. Перед ними простерлось редколесье, сливавшееся вдалеке с бурой стеною деревьев. Вот он, Лес-

ной Угол, а за ним и река Брендидуим. Ох как еще далеко, а дорога вилась и вилась нескончаемой бечевой.

— Дорога уходит вдаль, — сказал Пин. — Ну и пускай уходит, а я пока дальше идти не согласен. И вообще давно пора обедать.

Он уселся на обочине и устало поглядел на восток, где за бескрайним знойным маревом текла знакомая река, возле которой он жил сколько себя помнил. Сэм стоял рядом. Его круглые глаза были широко распахнуты — он-то попал невесть куда, в незнаемые края.

— А эльфы живут в этом лесу? — спросил он.

— Ни про каких эльфов слыхом не слыхивал, — отрезал Пин. Фродо молчал. Он тоже глядел на дорогу, уводившую на восток: глядел, точно в первый раз ее увидел. Вдруг он произнес громко и раздельно, ни к кому не обращаясь:

В поход, беспечный пешеход,
Уйду, избыв печаль, —
Спешит дорога от ворот
В заманчивую даль,
Свивая тысячи путей
В один, бурливый, как река,
Хотя, куда мне плыть по ней,
Не знаю я пока!

— Смахивает на вирши старины Бильбо, — сказал Пин. — Или это ты сам сочинил в его духе? Не очень-то ободряет.

— Даже не знаю, сам или не сам, — отозвался Фродо. — Пришло на язык так, будто сочинилось; но, может, мне это просто памятно с очень давних пор. А на Бильбо и правда очень похоже, особенно на Бильбо в последние годы, перед его уходом. Он часто повторял, что на свете всего одна Дорога, что она как большая река: истоки ее у каждой двери и любая тропка — ее проток. «Знаешь, Фродо, как опасно выходить из дверей, — бывало, говорил он. — Ступишь на дорогу — и сразу хватайся за ноги, а то живо окажешься там, куда ворон костей не заносил. Вот видишь тропку? Так это она самая ведет через Лихолесье к Одинокой горе, а оттуда прямиком в тартарары». Это он приговаривал после всякой дальней прогулки про тропку от крыльца Горбы-на-Круче.

— А я так скажу: часок-другой эта вот дорога меня никуда не уведет, — заключил Пин, высвобождаясь из лямок.

За ним выпростались и Сэм с Фродо — и тоже прилегли к обочине, мешки под головы, ногами на дорогу. Отдохнули, хорошенько пообедали, потом опять как следует отдохнули.

Солнце клонилось к западу, разливая предвечерний свет, когда хоббиты спускались с холма. Покамест они не встретили ни одной живой души — в Лесной Угол мало кто ездил, да и

зачем? Три путника брели по заросшей дороге час или два; но вдруг Сэм остановился и прислушался. Дорога, вдоволь напетлявшись, шла теперь прямо, прорезая травяные заросли; там и сям высились купы деревьев, предвестников близкого леса.

— Нас вроде догоняет лошадь, не то пони, — сказал он. Только что был поворот, а за поворотом не видно.

— Может, Гэндальф? — предположил Фродо, но тотчас почувствовал, что нет, не Гэндальф, и ему вдруг захотелось укрыться от этого всадника, кто бы он ни был. — Чепуха, конечно, — сказал он, как бы извинясь, — а все-таки не надо, чтоб нас видели на дороге, ну их всех. А если это Гэндальф, — с усмешкой прибавил он, — то мы ему устроим встречу, чтоб впредь не опаздывал. Ну-ка, раз-два-три, разбегайся и смотри!

Сэм и Пин, отбежав налево, исчезли в ложбинке неподалеку от обочины. Фродо помедлил: любопытство или какое-то другое чувство мешало ему спрятаться. Стук копыт приближался. Он едва успел юркнуть в густую траву за деревом у дороги и выставил голову поверх толстого корня.

Из-за поворота показался черный конь, не хоббитским пони чета; а на нем — высокий всадник, ссутуленный в седле. Из-под широкого черного плаща виднелись только стремена да сапоги с длинными шпорами. Лицо его скрывал капюшон.

Конь поравнялся с деревом, за которым лежал Фродо, и замер. Недвижим был и всадник: он словно прислушивался. Сиплое сопенье донеслось до Фродо, и голова всадника повернулась направо, потом налево. Казалось, он ловил нюхом какой-то чуть слышный запах.

Внезапный и безрассудный ужас охватил Фродо: его видно, его сейчас найдут... и неожиданно ему вспомнилось Кольцо. Он не смел вздохнуть, боялся пошевелиться; но Кольцо вдруг стало его единственной надеждой, и рука сама поползла к карману. Только надеть, надеть его, и все в порядке, и он в безопасности. Гэндальф не велел... да ладно! Бильбо надевал же Кольцо, и ничего. «Я ведь у себя, я в Хоббитании», — подумал он, и рука его коснулась цепочки. В этот миг всадник выпрямился и тронул поводья. Конь неуверенно переступил, шагнул вперед и пошел ровной иноходью.

Фродо подполз к обочине и глядел всаднику вслед, пока тот не исчез в сумеречной дали. Далеко-далеко черный конь свернул направо, в придорожную рощицу.

— Что-то это странновато, чтоб не сказать: страшновато, — пробормотал Фродо, направляясь к своим спутникам.

Пин и Сэм лежали в траве пластом и ничего не видели; он рассказал им про непонятного всадника.

— Не знаю уж почему, но я был уверен, что он меня ищет,

вынюхивает. И как-то мне очень не хотелось ему попасться. Странно все это: в Хоббитании никогда таких не бывало.

— Какое вообще до нас дело Большому Народу? — проворчал Пин. — И чего это он сюда приперся? Чего ему здесь надо?

— Да тут люди бывают, — сказал Фродо. — Кажется, в Южном уделе случилась какая-то передряга с бестолковыми Громадинами. Но про этаких всадников разговору не было. Не знаю, откуда он взялся.

— Прошу прощенья, — вмешался вдруг Сэм. — Я знаю откуда. Из Норгорда этот черный всадник, ежели только он здесь один-единственный. И знаю даже, куда он путь держит.

— То есть как? — сурово спросил Фродо, метнув на Сэма изумленный взгляд. — Знаешь — и не сказал?

— Да я только сейчас вспомнил, простите, сударь, великодушно. Оно ведь как было: я давеча к моему старику с ключами, а он мне и говорит: «Вот тебе раз, — говорит, — а я-то, дурак, думал, что ты уехал с господином Фродо нынче поутру. Тут, понимаешь, приставал один: куда, говорит, делся Торбинс из Торбы-на-Круче? А куда ему деться, уехал, и все тут. Я и послал его в Кроличью Балку, но он мне, понимаешь ли, здорово не понравился. Уехал, говорю, уехал господин Торбинс и обратно не будет. Так он на меня, представляешь, зашипел ровно змей». — «А он из каких был-то?» — это я у отца спрашиваю. «Да кто его знает, — говорит, — только уж точно не хоббит. Высокий такой и черный, наклонился надо мной и сопит. Небось дальний, из Большого Народа. Выговор такой шепелявый». Особо-то мне было некогда отца расспрашивать, вы же меня ждали; ну а потом позабыл вам сказать. Да и старик мой подслеповат, а этот когда подъехал, уже стемнело. Отец ведь все вроде правильно сказал, а что я не вспомнил, так подумаешь, чего особенного, правда, сударь?

— Да старик-то, что с него взять? — отозвался Фродо. — Я и сам слышал, как он говорил с чужаком, который про меня расспрашивал; даже собрался было пойти узнать у него, в чем дело. Жаль, не пошел, и досадно, что ты мне раньше не сказал. Нам бы надо поосторожнее.

— А может, это вовсе и не тот всадник, — вмешался Пин. — Вышли мы тайком, шли без шума, не мог он нас выследить.

— А сопел да вынюхивал, как и тот, — сказал Сэм. — И тоже весь черный.

— Зря мы Гэндальфа не дождались, — пробормотал Фродо. — А может, и не зря, трудно сказать.

— Так ты про всадника-то про этого что-нибудь знаешь? Или просто догадки строишь? — спросил у Фродо Пин, расслышавший его бормотание.

— Ничего я толком не знаю, а гадать боюсь, — задумчиво ответил Фродо.

— Ну, твое дело, милый родственничек! Пожалуйста, держи про себя свои секреты, только дальше-то как будем? Я бы не прочь передохнуть-поужинать, но лучше возьмем-ка ноги в руки. А то мне что-то не по себе от ваших россказней про нюхающих всадников.

— Да, нам лучше не задерживаться, — сказал Фродо. — И давайте не по дороге, а то вдруг этот всадник вернется или другой объявится. Прибавим шагу: до Заячьих Холмов еще идти да идти.

Длинные тени деревьев протянулись по траве, провожая снова пустившихся в путь хоббитов. Теперь они держались сажен за десять от дороги и шли очень и очень скрытно. Не так-то это было легко: дерновина, кочки, неровная почва, да и деревья то и дело скоплялись в перелески.

Между тем алое закатное солнце потускнело у них за спиной прежде, чем они прошли многомильную, прямую, как струна, дорогу, стремившуюся к лесу. Она вдруг круто свернула влево, в Йельские Низины, к дальним Заводям; по правую сторону синела могучая дубрава без конца и края, в которую углублялась извилистая дорожка, ведущая в Лесной Чертог.

— Туда и пойдем, — сказал Фродо.

Невдалеке от перепутья они набрели на огромное дуплистое дерево, еще живое, поросшее пучками тоненьких веточек вокруг темных ран от давно обломившихся сучьев. В дупло можно было залезть через широкую щель, невидимую с дороги. Они и залезли, уселись на палой листве и гнилых щепках. Отдохнули и перекусили за тихой беседой, время от времени настораживая уши.

Когда они снова выбрались на дорожку, уже смеркалось. Западный ветерок, вздыхая, перебирал ветви. Листья перешептывались. Дорогу их мягко и медленно поглотил сумрак. На угрюмом востоке высоко над деревьями засветилась звезда. Они шли рядышком, нога в ногу, чтоб не падать духом. Зажглись другие звезды, крупные и яркие, хоббиты перестали беспокоиться и больше не прислушивались к цокоту копыт. Они даже замурлыкали, по хоббитскому обыкновению: хоббиты мурлычут, возвращаясь домой ночью. Обычно они мурлычут-напевают приглашение к ужину или постельную песню; но эти хоббиты затянули походную песню (конечно же, приглашающую, кроме всего прочего, к ужину и спатеньки). Слова сочинил Бильбо Торбинс, а напев был древнее здешних гор, и Фродо научился ему, гуляя с Бильбо по Ручьевой долине и беседуя о Приключениях. Слова такие:

Еще не выстыл сонный дом,
Еще камин пыласт в нем,
А мы торопимся уйти
И, может, встретим на пути
Невиданные никогда
Селенья, горы, города.

Пусть травы дремлют до утра —
Нам на рассвете в путь пора!
Зовут на отдых вечера —
Не зазовут: не та пора!

Поляна, холм, усадьба, сад
Безмолвно ускользнут назад;
Нам только б на часок прилечь,
И дальше в путь, до новых встреч!
Быть может, нас в походе ждет
Подземный путь, волшебный взлет.

Сегодня мимо мы пройдем,
Но завтра снова их найдем,
Чтоб облететь весь мир земной
Вдогон за солнцем и луной!

Наш дом уснул, но мир не ждет —
Зовет дорога нас вперед:
Пока не выцвела луна,
Нам тьма ночная не страшна!
Но мир уснул, и ждет нас дом,
Вернемся и камин зажжем:

Туман, и мгла, и мрак, и ночь
Уходят прочь, уходят прочь!..
Светло, и ужин на столе —
Заслуженный уют в тепле.

И кончилась песня.

— Приют в дупле! Приют в дупле! — переиначил Пин.

— Тише! — сказал Фродо. — Как будто снова стук копыт.

Все трое замерли, словно тени. По долине раскатывался цокот, пока еще дальний, но все ближе — с подветренной стороны. Они юркнули поглубже в густую тень угрюмых деревьев.

— Убегать не будем, — сказал Фродо. — Нас не видно, а я хочу поглядеть: неужели еще один?

Цокот приближался. Прятаться как следует было уже некогда, и Сэм с Пином схоронились за огромным пнем, а Фродо залег возле тропки. Светло-серой полосой прорезала она лесной сумрак. Наверху вызвездило, но луны не было.

Копыта стихли. Фродо увидел черный промельк между деревьями — и обе тени, словно кто-то вел лошадь, слились с темнотой. Потом черная фигура возникла там, где они сошли с тропки, в том самом месте. Тень заколыхалась, и Фродо расслы-

шал тихое внимательное сопение, а потом тень словно бы осела и поползла к нему.

Фродо опять подумал, что надо надеть Кольцо. И, будто повинуясь чьему-то велению, не понимая, что делает, нашарил его в кармане. Стояла страшная тишина; но вдруг раздалась звонкая песня и зазвучал легкий смех. Чистые голоса, словно веселые колокольчики, всколыхнули прохладный ночной воздух. Черная тень поднялась, попятилась и, слившись с тенью лошади, утонула в сумраке по ту сторону тропки. Фродо перевел дыхание.

— Эльфы! — воскликнул Сэм, хрипло, как спросонья. — Эльфы, сударь! — Он бы так и кинулся на голоса, но Фродо с Пином удержали его.

— Да, эльфы, — сказал Фродо. — Это ведь Лесной Угол — они здесь почти каждый год проходят весной и осенью. Вот уж кстати! Вы же ничего не видели, а Черный Всадник спешился и пополз прямо к нам; и дополз бы, если б не их песня. Она его спугнула.

— Ну а к эльфам-то — идем или не идем? — заторопил Сэм. Про всадника он уже и думать забыл.

— Слышишь ведь, они сами к нам идут, — сказал Фродо. — Надо только подождать.

Пение приближалось. Один ясный голос пел звонче всех остальных. Слова были дивные, древние, один Фродо понимал их, да и то с трудом. Но вслушиваться было и не надо: напев подсказывал слова. Фродо разобрал их так:

Зарница всенощной зари
За дальними морями,
Надеждой вечною гори
Над нашими горами!

О Элберет! Гилтониэль!
Надежды свет далекий!
От наших сумрачных земель
Поклон тебе глубокий!
Ты злую мглу превозмогла
На черном небосклоне
И звезды ясные зажгла
В своей ночной короне.

Гилтониэль! О Элберет!
Сиянье в синем храме!
Мы помним твой предвечный свет
За дальними морями!

И кончилась песня.

— Это же заморские эльфы. Песня про Элберет! — изумился Фродо. — Редко они забредают к нам в Хоббитанию, их и в Средиземье-то почти что нет! Очень странно!

Хоббиты сидели неподалеку от дорожки и ждали. Скоро появились эльфы. Звездным светом мерцали их глаза, в тихом сиянии струились волосы; серебристая тропа возникала у них под ногами. Прошли они молча, и только последний эльф обернулся, посмотрел на хоббитов и рассмеялся.

— Неужели Фродо? — звонко воскликнул он. — Поздновато! Заблудились, что ли? — Он позвал остальных, и эльфы обступили *сидящих*.

— Чудеса, да и только! — сказали они. — Трое хоббитов ночью в лесу! Такого не бывало со времен Бильбо! Что случилось?

— Ничего не случилось, о Дивный Народ, — сказал Фродо, — просто нам с вами оказалось по пути. Я люблю гулять при звездах и был бы рад составить вам компанию.

— Вот уж без вас обойдемся, нудный народ хоббиты! — рассмеялись они. — Откуда вы знаете, что нам по пути — ведь путь наш вам неизвестен!

— А вы откуда знаете, кто я такой? — спросил в ответ Фродо.

— Тут и знать нечего, — отвечали они. — Мы много раз видели тебя с Бильбо. Это ты нас не видел.

— Куда вы идете и кто ваш предводитель? — спросил Фродо.

— Я, Гаральд, — отвечал эльф, который первым заметил хоббитов. — Гаральд из колена Славуров. Мы изгнанники, наша родня давным-давно отплыла, и Море ждет нас. Есть еще, правда, наши в Раздолье. Впрочем, расскажи-ка лучше про себя, Фродо. С тобой ведь что-то неладно?

— О всезнающий народ, — вмешался Пин. — Скажите нам, кто такие Черные Всадники?

— Черные Всадники? — тихо откликнулись они. — А что вам до Черных Всадников?

— Ехали за нами двое... или один, может быть, — сказал Пин, — вот как раз отстал, когда вы явились.

Эльфы ответили не сразу; они посовещались на своем языке, потом Гаральд обернулся к хоббитам.

— Мы пока подождем об этом говорить, — сказал он. — А вы и правда идите-ка с нами. У нас это не в обычае, но уж ладно, идите. С нами и переночуете.

— Дивный, дивный народ! Я и надеяться не смел! — сказал Пин, а Сэм, тот просто онемел от радости.

— Спасибо тебе, о Гаральд из колена Славуров, — сказал Фродо и поклонился. — *Элен сейла люменн оменнтиэльво* — звезда осияла нашу встречу, — прибавил он на древнеэльфийском языке.

— Ого, друзья! — смеясь, предостерег своих Гаральд. — Вслух не секретничайте: с нами знаток Древнего Наречия. Биль-

бо-то оказался прекрасным учителем! Привет тебе, о друг эльфов! — сказал он, поклонившись Фродо. — Мы рады, что нам по пути. Пойдем, но иди в середине, чтобы не отстать и не заблудиться: впереди долгая дорога.

— Долгая? А вы куда? — снова спросил Фродо.

— В самую глушь за Лесным Чертогом. Идти далеко, но там отдохнешь, и завтрашний путь твой станет короче.

Шли они молча и мелькали, как тени, ибо эльфы ходят еще бесшумнее хоббитов. Пин стал было задремывать и спотыкаться, но рядом шел эльф, держал его под руку и не давал упасть. А Сэм шагал рядом с Фродо и шел как во сне — страшноватом, но восхитительном.

Лес по обе стороны густел и густел: смыкающиеся деревья были моложе, а стволы у них — толще; потом тропа углубилась в лощину, справа и слева нависли заросли орешника. Наконец эльфы свернули в самую чашу, где вдруг словно чудом открылась узкая зеленая просека; теснее и теснее смыкались высокие стены деревьев — но вдруг расступились, и впереди простерся ровный луг, матово-серый в ночном свете. С трех сторон окружал его лес; а с востока он обрывался крутым склоном, и могучие древесные кроны вздымались к ногам откуда-то снизу.

Эльфы уселись на траве и завели негромкий разговор между собой; хоббитов они словно бы перестали замечать.

А те дремали, укутавшись в плащи и одеяла. Ночь надвинулась; дальние деревенские огоньки в долине погасли. Пин крепко уснул, улегшись щекой на кочку.

Высоко на востоке зажглась Звездная Сеть, Реммират; пронизывая туман, разгорелся, как пламенный рубин, Боргиль. Потом вдруг, словно по волшебству, небо разъяснилось, а из-за окраины мира блеснул Небесный Меченосец Мэнальвагор в сверкающем поясе. Эльфы встретили его звонкой песней, и где-то неподалеку вспыхнуло ярко-алое пламя костра.

— Что же вы? — позвали хоббитов эльфы. — Идемте! Настал час беседы и веселья.

Пин сел, протер глаза и зябко поежился.

— Добро пожаловать, друзья! Костер горит, и ужин ждет, — сказал эльф, склонившись к сонному Пину.

Зеленый луг уходил в лес и становился лесным чертогом, крышей которому служили ветви деревьев. Мощные стволы выстроились колоннадой. Посредине чертога полыхал костер, а с ветвей сияли серебряные и золотые фонари. Эльфы сидели вокруг огня на траве или на круглых чурбачках. Верней, одни сидели, другие раздавали кубки и разливали вино, а третьи разносили яства.

— Угощение скудно, — извинились они перед хоббитами, —

мы ведь не у себя дома, это походная стоянка. Вот будете у нас, тогда примем по-настоящему.

— Да я даже в день рождения вкуснее не угощал, — сказал Фродо.

Пин потом не слишком помнил, что он пил и ел: он больше глядел на ясные лица эльфов и слушал их голоса, разные и поразному дивные; и казалось ему, что он видит чудесный сон. Он только помнил, что давали хлеб: белый и такой вкусный, будто ты изнемогал от голода, а тебе протянули пышный ломоть; потом он выпил кубок чего-то чистого, как из родника, и золотистого, словно летний вечер.

А Сэм и словами не мог описать, что там было, и вообще никак не мог изобразить, хотя помнил эту радость до конца дней своих. Он, конечно, сказал одному эльфу:

— Ну, сударь, будь у меня в саду такие яблоки, вот тогда я был бы садовник! Правда, чего там яблоки: вот пели вы, так это да!

Фродо пил, ел и разговаривал, не без труда подбирая слова. Он еле-еле понимал по-эльфийски и вслушивался изо всех сил. Ему было приятно, что он мог хотя бы поблагодарить тех, кто ему прислуживал, на их родном языке. А они улыбались и радовались: «Ай да хоббит!»

Потом Пин уснул, и его осторожно уложили на мягкое травяное ложе между корнями деревьев. Сэм встряхивал головой и не желал покидать хозяина. Пин уже видел седьмой сон, а Сэм все сидел у ног Фродо: крепился, крепился — и наконец прикорнул. Зато Фродо еще долго не спал: у него был разговор с Гаральдом.

О былом и нынешнем говорили они, и Фродо долго расспрашивал его про последние события за пределами Хоббитании. Наконец он задал вопрос, который был у него на языке:

— А скажи, Гаральд, ты с тех пор видел Бильбо?

— Видел, — улыбнулся Гаральд. — Даже дважды. На этом самом месте он с нами прощался. А другой раз — далеко отсюда.

Где — он не сказал, а Фродо не стал спрашивать.

— Поговорим о тебе, Фродо, — предложил Гаральд. — Кое-что я про тебя уже знаю: и по лицу догадался, и вопросы твои недаром. Ты покидаешь Хоббитанию в тяжком сомнении: за свое ли дело взялся и удастся ли тебе его довершить? Так?

— Так, — подтвердил Фродо. — Только я думал, что про мои дела знает один Гэндальф да вот еще Сэм.

Он поглядел на Сэма — тот мирно посапывал.

— От эльфов тайны к Врагу не просачиваются, — сказал Гаральд.

— К Врагу? — удивился Фродо. — Ты, стало быть, знаешь, почему я навсегда ухожу из Хоббитании?

— Я знаю, что Враг гонится за тобою по пятам, — отвечал Гаральд, — а почему — этого не знаю. Но помни, Фродо: опасность впереди и позади, угроза отовсюду.

— Ты про Всадников? Я так и подумал, что они от Врага. А кто они такие?

— Тебе Гэндальф про них ничего не говорил?

— Про них — нет, ничего.

— Тогда и не надо — ведь страх обессиливает. По-моему, ты вышел в последний час; надеюсь, что не опоздал. Не медли и не оглядывайся: уходи из Хоббитании как можно скорее.

— Твои намеки и недомолвки пугают больше, чем разговор напрямик, — сказал Фродо. — Я знал, что впереди опасности, но думал, что хотя бы нашу Хоббитанию мы минуем без всяких злоключений.

— Хоббитания не ваша, — возразил Гаральд. — Жили в ней до вас, будут жить и после, когда хоббиты станут сказкой. Вы же не сами по себе живете, а если и отгородились от мира, то мир-то от вас не отгораживался?

— Видимо, так; да только всегда у нас было мирно, спокойно и уютно. А теперь-то что делать? Я решил потихоньку пробраться в Забрендию, а оттуда в Раздол. И вот выследили, как же мне быть?

— Иди, куда собрался. Мужества у тебя, по-моему, хватит. А мудрый совет — это уж дело Гэндальфа. Я ведь не знаю, почему ты собрался в путь и зачем нужен Врагу. Ну а Гэндальф, наверно, знает — да и не только это. Ты ведь с ним увидишься?

— Надеюсь... Я ждал его до последней минуты: он должен был прийти самое позднее два дня тому назад — и не пришел. Как ты думаешь, что могло случиться? Может, подождать его?

Гаральд помрачнел и задумался.

— Дурные вести, — проговорил он наконец. — Гэндальф никогда не запаздывает. Есть, однако же, присловье: в дела мудрецов носа не суй — голову потеряешь. Раз у тебя был с ним такой уговор, то сам уж решай, ждать его или нет.

— Есть и другое присловье, — заметил Фродо. — Говорят: у эльфа и ветра не спрашивай совета: оба скажут в ответ — что да, то и нет.

— Так у вас говорят? — рассмеялся Гаральд. — И зря: всякий совет к разуму хорош, а любой путь может обернуться бедою. Потому-то мы на ветер советов не бросаем. А за тебя мне трудновато выбирать: ты же о своих делах молчишь. Ну, все же рискну, дружбы ради. Иди скорее; если Гэндальф не объявится, обязательно подыщи себе другого спутника — один не ходи. Присмотрись к друзьям и выбери самого надежного. Да не за-

будь поблагодарить меня за совет — я даю его неохотно. У эльфов свои заботы и свои печали, совсем иные, чем у прочих. Редко скрещиваются наши пути, но нынче скрестились они, конечно, недаром, а может статься, и не в последний раз. Впрочем, об этом лучше помолчим: боюсь сказать лишнее.

— Я тебе, разумеется, очень благодарен, — отозвался Фродо, — но про Черных Всадников ты мне все-таки зря не объяснил. По-твоему, выходит, мне еще долго быть без Гэндальфа, а я толком не понимаю, кто они такие.

— Что тут понимать? Ты знай просто, что это подручные Врага! — сказал Гаральд. — Беги от них! Ни слова с ними! Они — смерть! И не выспрашивай ты у меня, ибо сам про них узнаешь со временем, увы, куда больше, чем знаю я. Да хранит тебя Элберет, о Фродо, сын Дрого!

— А храбрость откуда я возьму? — спросил Фродо. — Мне очень страшно, и храбрости вот-вот не хватит.

— Ну, храбрость порой непонятно откуда и берется! — заметил Гаральд. — Надейся, хватит тебе храбрости! А пока спи! Утром нас уж не будет, но гонцов мы вышлем. Кому надо, узнают про тебя — без охраны и помощи не останешься. Я назвал тебя Другом Эльфов: прими же в напутствие это прозвание! Редко мы так привечаем чужих и редко слышим от них слова на родном языке.

Фродо вдруг почувствовал, что засыпает.

— Я и правда, пожалуй, посплю, — пробормотал он.

Эльф отвел его к травяному ложу рядом с Пином; он вытянулся и тут же уснул как убитый.

Глава IV

НАПРЯМИК ПО ГРИБЫ

Фродо пробудился на диво свеж и бодр. Он лежал под густой сенью склоненных почти до земли тяжелых ветвей, на постели из душистой травы и папоротника было мягко и уютно. Солнце просвечивало сквозь трепетную, еще зеленую листву. Он потянулся и проворно выпрыгнул из своего живого шалаша.

Сэм сидел на траве у лесной опушки. Пин разглядывал небо и соображал погоду. Эльфы ушли.

— Фрукты, питье и хлеб они нам оставили, — сказал Пин. — Давай завтракай. Хлеб еще совсем свежий. Я бы и без тебя все слопал, да Сэм прямо изо рта рвет.

Фродо уселся возле Сэма и принялся за еду.

— Ну и как же мы сегодня? — поинтересовался Пин.

— В Забрендию, да поживее, — отвечал Фродо, уписывая за обе щеки.

— А Всадников — побоку? — весело спросил Пин, к неудовольствию Фродо.

При утреннем солнце Черные Всадники стали казаться Пину просто страшной сказкой, безобидной нелепицей.

— Вряд ли так уж побоку, — сухо сказал Фродо. — Хорошо бы вот до реки добраться, чтоб они не заметили.

— Ну а Гаральд тебе про них что-нибудь объяснил?

— Так, кое-что, намеками да загадками, — уклонился Фродо.

— Ты спросил, почему они нюхают?

— Мы в подробности не входили, — сказал Фродо с набитым ртом.

— А надо было. По-моему, это самое главное.

— Ежели так, то Гаральд бы тебе слова лишнего не сказал, — отрезал Фродо. — И вообще, оставь ты меня в покое! Я, может, не хочу болтать за едой! Я, может, подумать хочу!

— Это за едой-то? — удивился Пин. — Много надумаешь! — Он встал и пошел поразмяться.

А Фродо и вправду думал, что утро яркое, даже чересчур яркое, в самый раз для погони. И о словах Гаральда... Но его невеселые думы разогнал звонкий галдеж Пина. Он бегал по опушке и радостно голосил.

«Нет, зачем же им! — решил про себя Фродо. — Одно дело позвать их с собой через Хоббитанию — ешь себе и пей, веселая прогулка. А на чужбину, голодать и мучиться — нет, не возьму я их, даже если и захотят. Мне оставлено, я и в ответе. Сэма и того нельзя...»

Он посмотрел на Сэма Скромби и встретил его взгляд.

— Ты что, Сэм? — спросил он. — Что смотришь? Я ведь ухожу из Хоббитании, далеко ухожу. И в Балке-то, пожалуй, ни дня не задержусь!

— Ну что ж, сударь!

— А ты со мной, что ли?

— Конечно.

— Опасное это дело, Сэм. Очень опасное. Вернуться живым почти и надежды нет.

— Тогда уж и я с вами не вернусь, сударь, чего там, — сказал Сэм. — Они мне: «Ты смотри, его не бросай!» А я им и говорю: как же, сейчас брошу, дожидайтесь. Да я с ним хоть на Луну отправлюсь, и пусть только эти, как их, Черные Всадники встанут поперек, будут иметь дело со Скромби, не обрадуются. А они в смех.

— Да кто они, ты о ком говоришь?

— Они-то? Эльфы, конечно. Ночью был разговор — все они

про вас знают: куда, зачем да почему. Ну а спорить я не стал. Ох, сударь, что за народ! Ну и ну!

— Да, народ дивный, — согласился Фродо. — Ну вот ты на них теперь поглядел — понравились они тебе?

— Да как сказать, сударь, — задумчиво отвечал Сэм. — Я-то что, мне они и по рассказам нравились. Ну все-таки гадал: какие они будут? А они не такие — с тем и возьми. Древние, а притом совсем юные, веселые и вроде бы печальные — поди-ка разберись.

Фродо изумленно поглядел на Сэма, будто и в нем ждал странных перемен. Говорил не тот Сэм Скромби, которого он знал, — а с виду тот самый, только что лицо необычно задумчивое.

— Так зачем же тебе уходить из Хоббитании, раз ты их повидал? — спросил Фродо.

— Да понимаете, сударь, с этой ночи я какой-то другой. Знаю ведь — путь долгий, ведет в темноту... а назад нельзя. Эльфы, драконы, горы — это все, конечно, здорово... да мне-то не за этим надо с вами идти. Тут штука-то в чем? Я ведь обязательно вам пригожусь — и не здесь, не в Хоббитании... если вы понимаете, про что я толкую.

— Нет, не понимаю, Сэм. Но Гэндальф, кажется, выбрал мне хорошего спутника. Ладно, пойдем пока вместе.

Фродо молча покончил с завтраком. Потом встал, огляделся и позвал Пина. Тот прибежал немедля.

— Пора выходить, — объявил Фродо. — Заспались мы, а путь неблизкий.

— Это ты заспался, — сказал Пин. — Я-то давно проснулся; мы только и ждали, пока ты кончишь есть да размышлять.

— Вот и кончил. Нам надо как можно скорей к Зайгордному парому. Только не по дороге, а напрямик.

— Напрямик — это лететь надо, — отозвался Пин. — Пешком пути нет.

— Найдем, — сказал Фродо, — проберемся. Паром к востоку от Лесного Чертога, а дорога забирает влево — вон там, видите? Обходит Болотище с севера и со стороны Заводей выводит на плотину. Но это же сколько миль! Если пройдем прямо — срежем на четверть.

— Дольше едешь — дальше будешь, — возразил Пин. — Местность трудная: болота, бездорожье — уж кто-кто, а я-то знаю. А если ты насчет Черных Всадников, то с ними разницы нет — что на дороге, что в лесу или в поле.

— В лесу и в поле легче спрятаться, — возразил Фродо. — Ждут нас на дороге, а в стороне, глядишь, и разыскивать не будут.

— Ладно! — согласился Пин. — Пойдем прыгать по кочкам:

ты впереди, мы за тобой. Только жалко все-таки. Могли бы успеть до закрытия в «Золотой шесток», там расчудесное пиво, лучшее в здешних местах. Давно я его не пробовал.

— Тогда и спорить не о чем! — решил Фродо. — Дольше едешь — дальше будешь, а в кабаке и вовсе застрянешь. Ишь ты, нацелился на «Золотой шесток». Нет, нам бы успеть до заката в Балку. А ты что думаешь, Сэм?

— Я-то что, я как вы скажете, — вздохнул Сэм, подумав о лучшем в Хоббитании пиве.

— Стало быть, договорились, пошли в болото и колючки! — заключил Пин.

Жарко было почти как вчера, облака с запада сулили грозу. Хоббиты спустились по крутому травянистому склону и нырнули в заросли. Им надо было оставить Лесной Чертог по левую руку и наискось пробраться через лес на восточной стороне холма, потом выйти на равнину. А уж там — напрямик к парому, благо препятствий нет никаких, кроме канав да изгородей. Фродо рассчитал, что им идти по прямой миль восемнадцать, не больше. Вблизи заросли оказались куда гуще, чем виделись издалека. Никакой тропы не было; пробирались наобум. Вышли к речке, на глинистый обрыв, поросший колючим кустарником. Речка преграждала путь: чтобы перейти через нее, надо было измызгаться, исцарапаться и вымокнуть.

— Для начала неплохо! — с мрачной ухмылкой заметил Пин.

Сэм поглядел назад — в просвет кустарника еще виден был зеленый гребень лесного холма.

— Смотрите! — шепнул он, схватив Фродо за руку. Путники обернулись и увидели на гребне черного коня, а рядом — черную ссутуленную фигуру.

Назад пути не было. Фродо первым съехал вниз по глине, к прибрежным кустам.

— Вот так! — сказал он Пину. — Что ты, что я — мы оба правы. Напрямик, может, и не ближе, но хороши бы мы были, если б задержались на дороге. У тебя лисьи уши, Сэм, крадется кто-нибудь за нами?

Они замерли и затаили дыхание: погони было не слышно.

— Такой спуск лошадь не одолеет, — объявил Сэм. — Но этот гад, видать, знает, что мы тут спустились. Давайте-ка поторопимся!

Поторопишься тут, как же, — с тяжелыми, громоздкими мешками за спиной сквозь колючую чащобу терновника и ежевики. Лесной гребень заслонял их от ветра, и стояла затхлая духота. Выбравшись наконец на открытое место, они пропотели

хоть отжимай, еле передвигали ноги, а расцарапаны были, как разрисованы, и вдобавок потеряли направление. На равнине речка прибралась, сровняла с землей высокие берега и сделалась широкой и мелкой, сворачивая к Болотищу и большой реке.

— Здравствуйте, так это же Плавенка! — запоздало удивился Пин. — Если мы все-таки пойдем, как надумали, то надо сейчас же перейти и сильно податься вправо.

Перешли по мелководью и, спотыкаясь, затрусили по распахнувшейся равнине, огибая камыши. Потом их снова окружили деревья: высокий дубняк вперемешку с вязами и ясенем. Ровно стало идти, под ноги хоть и не смотри, но уж очень смыкались деревья, впереди ничего не разберешь. Ветер взметал палую листву, нависшее черное небо брызнуло дождем. Потом ветер улегся, и обрушился ливень. Они торопились что было мочи, прыгали с кочки на кочку, увязали в грудах прошлогодней листвы, а дождь никак не унимался. Шли молча, то и дело озираясь и поглядывая по сторонам.

Примерно через полчаса Пин сказал:

— Мы, пожалуй, слишком вправо забрали, к югу: давно бы должны были выйти в поле. Знаю я этот лес, он в ширину не больше мили, а мы чего-то все идем и идем.

— Нет уж, больше не будем петлять, — сказал Фродо, — а то совсем заплутаемся. Идем — и ладно. Боюсь я выходить на открытое место.

Минуло еще полчаса. Сквозь рваные тучи проглянуло солнце, и дождь поутих. Было за полдень, а голод не тетка. Они устроились под развесистым вязом, пожелтевшая листва его еще не осыпалась, и у корней было совсем сухо. Эльфы наполнили их фляги давешним бледно-золотистым напитком, свежим, чистым, медвяным. Вскоре они уже смеялись над моросившим дождем, а заодно и над Черными Всадниками. Идти-то оставалось всего ничего.

Фродо привалился спиной к стволу и закрыл глаза. Сэм с Пином, сидя возле, вполголоса завели:

А ну — развею тишину,
Спою, как пели в старину,
Пусть ветер воет на луну
И меркнет небосвод.

Пусть ветер воет, ливень льет,
Я все равно пойду вперед,
А чтоб укрыться от невзгод,
Во флягу загляну.

— А ну! Во флягу загляну! — чуть громче пропели они — и осеклись.

Фродо вскочил на ноги. С ветром донесся протяжный вой,

цепенящий, злобный и унылый. Он перекатывался из дола в дол, наливаясь холодною хищной яростью, и, как тупой бурав, сверлил уши. Они слушали, словно бы оледенев; а вою, не успел он прерваться, ответило дальнее завывание, такое же яростное и жуткое. Потом настала мертвая тишина.

— Странный какой крик, правда? — сказал Пин деланно бодрым, но слегка дрожащим голосом. — Птица, наверно. Правда, не слышал я у нас в Хоббитании таких птиц.

— Не зверь и не птица, — возразил Фродо. — Один позвал, другой ответил — и даже слова были в этом кличе, только жуткие и непонятные. На чужом языке.

Обсуждать не стали. На уме у всех были Черные Всадники, а про них лучше помалкивать, это они уже поняли. Идти — опасно, прятаться — еще опаснее, но куда же денешься, если надо как-то пробраться к парому — да поскорее, чтобы засветло. Они вскинули мешки на плечи и припустились вперед торопливой трусцой.

Вскоре лес кончился; дальше раскинулись луга. Видно, они и правда слишком забрали к югу: за равниной, далеко влево, смутно виднелась Косая Гора по ту сторону Брендидуима. Крадучись выбрались они из-под деревьев и побежали лугом.

Поначалу без лесного прикрытия было страшновато. Далеко позади возвышалось лесистое всхолмье, где они завтракали. Фродо оглядывался: не виден ли там — крохотной черною точкой — недвижный Всадник. Всадника не было. Солнце прожгло облака и опускалось за дальние холмы, яркими закатными вспышками озаряя равнину. Страх отпустил, но тоскливая неуверенность росла. Однако земля была уже не дикая: покосы, пажити. Потом потянулись изгороди с воротами, возделанные поля, оросительные протоки. Все было знакомо, надежно и мирно: обыкновенная Хоббитания. Путники, что ни шаг, успокаивались. Да и река была уже близко, а Черные Всадники остались где-то позади — лесными призраками.

Краем большого, заботливо ухоженного брюквенного поля они подошли к ровному частоколу. За широкой калиткой пролегла прямая колея; невдалеке виднелась рощица, за нею — усадьба. Пин остановился.

— Знаю я, чья это усадьба! — воскликнул он. — Это же хутор Бирюка!

— Из огня да в полымя! — сказал Фродо, отпрянув, будто ненароком оказался у драконьего логова.

Сэм и Пин изумленно уставились на него.

— А чем тебе не по душе старый Бирюк? — удивился Пин. — Всем Брендизайкам он друг. Бродяг не любит, псы у него злющие — ну так ведь и места какие, чуть ли не граница. Тут, знаешь, не зевай.

— Это все равно, — сказал Фродо и смущенно рассмеялся. — Да вот боюсь я Бирюка с его собаками — по старой памяти боюсь. Мальчишкой я к нему, бывало, лазил за грибами — и частенько попадался. А в последней раз он отлупил меня как следует, взял за шиворот и показал собакам. «Видите этого злыдня? — говорит. — Как он к нам снова пожалует, ешьте его с потрохами, я разрешаю. А пока — ну-ка проводите». И они шли за мной до самого парома, представляете? У меня душа в пятках трепыхалась, хотя собаки знали, что делали: шли за мной, рычали, но не трогали, раз не велено.

Пин захохотал.

— Ну вот и разберетесь, — сказал он. — Ты же тут вроде жить собрался. Бирюк мужик что надо, ежели к нему за грибами не лазить. Пойдем-ка от калитки напрямую, чтобы видно было, что мы не какие-нибудь бродяги. А встретим его, слово за мной. С Мерри они приятели, да и я с ним всегда ладил как нельзя лучше.

Путники шли гуськом вдоль колеи; вскоре показались тростниковые крыши усадьбы и приусадебных строений. Прочный, ладный, кирпичный дом был обнесен высокой крепкой оградой с дубовыми воротами.

Из-за ворот раздался звонкий дружный лай, потом окрик:

— Клык! Волк! Хват! Ко мне!

Фродо и Сэм замерли, а Пин сделал еще несколько шагов. Ворота приоткрылись, и три громадных пса кинулись к путникам с буйным ласм. На Пина они и внимания не обратили. Двое бросились к Сэму: прижали его к забору и обнюхивали. Третий, огромный и по виду самый свирепый, стал перед Фродо, следя за ним и глухо рыча.

Из ворот вышел толстый, коренастый и краснолицый хоббит.

— Здрасьте! Привет! А позвольте узнать, кто вы такие и чего вам тут надо? — спросил он.

— Привет и вам, господин Бирюк! — сказал Пин.

Тот пригляделся.

— Ба, да это никак Пин — господин Перегрин Крол, я хотел сказать! — Бирюк широко ухмыльнулся. — Давненько я вас не видел. Ну, вам повезло, что мы старые знакомые. Я как раз собирался спустить собак. Бродят тут всякие, а сегодня особенно. Ох, близковато к реке, — сказал он, покачав головой. — А этот и вообще невесть откуда пожаловал, чудо-юдо какое-то. Другой раз нипочем его не пропущу. Костьми лягу.

— Это вы о ком? — спросил Пин.

— Да он вам навстречу поехал. Как же вы разминулись? —

удивился Бирюк. — Я же говорю — чудище, и вопросы чудные... Да вы бы зашли в дом, поговорим толком. Я как раз и пива наварил.

Ему, видно, хотелось порассказать о пришельце не спеша и подробно.

— А собаки? — спросил Фродо.

— Собаки вас не тронут, коли я им не велю, — рассмеялся хозяин. — Эй, Клык! Хват! К ноге! — позвал он. — К ноге, Волк!

— Это господин Фродо Торбинс, — представил Пин. — Вы его, поди, не помните, но он, было время, здесь жил.

При имени «Торбинс» Бирюк изумленно и пристально поглядел на Фродо. Тот подумал было, что припомнились ворованные грибы и что на него сейчас спустят собак. Но хозяин взял его под руку.

— Ну и дела, — сказал он. — Это же надо, а? О хоббите речь, а хоббит навстречь! Заходите, заходите! Есть разговор.

Все расселись у широкого камина. Хозяйка принесла пиво в корчаге и разлила по четырем кружкам. Пиво было — вкуснее некуда, так что Пин даже застыдился своих слов про «Золотой шесток». Сэм прихлебывал осторожно: мало ли чего наварят в здешних местах. И хозяина его здесь обидели — давно, правда, а все-таки.

Поговорили о погоде, об урожае (вообще-то не хуже обычного); потом Бирюк грохнул кружкой по столу и оглядел гостей.

— Ну, господин Перегрин, — спросил он, — откуда идете, куда путь держите? Ежели ко мне, то чуть-чуть стороной не обошли.

— К вам, да не совсем, — отвечал Пин. — Правду сказать, коли уж вы все равно догадались, то мы к вам невзначай угодили. Заблудились в лесу по пути к парому.

— Торопились, так лучше бы дорогой, — заметил хозяин. — Хотя не в этом дело. Вы, господин Перегрин, ладно уж, гуляйте у меня туда-сюда невозбранно. И вы тоже, господин Торбинс... Хотя насчет грибов-то вы как? Все так же? — Он загоготал. — Да, вот видите, помню, помню мальчонку Фродо Торбинса. Ох и разбойник же был! Фамилию-то вашу я, правда, забыл — да мне напомнили. Сегодняшний, он, думаете, о чем выспрашивал?

Они ждали, сдерживая нетерпение.

— Да-а, — неторопливо и с удовольствием сказал Бирюк, — подъехал на вороном к воротам — незаперты были — и в двери суется. Черный, весь в черном, лица не видать, словно боится, что узнаю. Я думаю: «Ишь ты какой! Чего приперся-то к нам в Хоббитанию?» Граница рядом, разные шастают; таких, правда, отродясь не видывал. Выхожу к нему. «Ну, — говорю, — здрась-

те, в чем дело? Это вы не туда заехали, давайте-ка обратно на дорогу».

Что-то он мне не понравился; тоже и Хват — выбежал, понюхал, хвост поджал и скулит. А тот, черный, сидит не шелохнется. «Я издалека, — говорит, глухо, будто без голоса, и кажет на запад, через мою, стало быть, землю. — Торбинс здесь?» А сам шипит, сопит и клонится на меня. Клонится, а лица-то нет — дырка под башлыком, и все, меня аж дрожь пробрала. Ну, дрожь дрожью, а чего он лезет куда не просят?

«Давай-давай отсюда! — говорю. — Какие тебе здесь Торбинсы! Не туда заехал. Торбинсы, они в Норгорде живут, заворачивай обратно, только не по моей земле, — говорю, — а дорогой».

«Торбинса там нет, — шепчет, а шепот у него с присвистом. — Торбинс сюда поехал. Он здесь, близко. Скажешь, когда он появится, — золота привезу».

«Вези, вези, — говорю, — только не мне. Убирайся-ка подобру-поздорову, а то, смотри, собак спущу».

Он зашипел, вроде как в насмешку, и на меня конем. Я еле успел отскочить, а он дал шпоры, выбрался на дорогу, и поминай как звали... Ну а вам-то куда надо?

Фродо глядел в огонь и думал: как же теперь до парома-то?

— Не знаю, что вам и сказать, — замялся он.

— Не знаешь — послушай, чего тебе скажут, — посоветовал Бирюк. — Эх, господин Фродо, господин Фродо, и что вас понесло в Норгорд? Дурной там народ! (Сэм заерзал на стуле и сурово поглядел на Бирюка.) Вот и всегда-то вы так — нет бы сначала рассудить да посоветоваться. Услышал я, помню, что вы отбились от прямой родни, от Брендизайков, и пристали к троюродному деду, — ну, говорю, добра не жди. Старый Бильбо кашу заварил, а расхлебывать вам. Он богатства-то, поди, не трудами праведными в дальних краях раздобыл. А теперь и нашлись такие тамошние, которым очень стало интересно: чьи это драгоценности зарыты у него в Норгорде?

Фродо смолчал: сварливый Бирюк угодил в самую точку.

— Так-то вот, господин Фродо, — продолжал тот. — Хорошо хоть, у вас ума хватило вернуться в родные края. Послушайте-ка доброго совета: вернулись — и живите себе тихо-мирно, с чужаками не якшайтесь. У вас и здесь друзей хватит, верно говорю. А коли тот черный снова заявится, я уж с ним разберусь — хотите, скажу, что вы навсегда уехали из Хоббитании, а то и вовсе померли. Да они и не за вами небось охотятся, а за господином Бильбо — незачем вам было фамилию-то менять!

— Пожалуй, что и так, — согласился Фродо, не отрывая глаз от огня.

Бирюк задумчиво глянул на него.

— Вы, я вижу, своей головой жить хотите, — заметил он. —

И то сказать: пора уж. Да и про этого черного вы, поди, больше моего знасте, вряд ли я вас очень-то удивил. Знаете — и ладно, держите про себя, я не любопытный. А на душе у вас, видать, неспокойно. Думаете, как бы по-тихому добраться до парома, так?

— Думаю, — признался Фродо. — Только думать тут нечего, надо идти, и будь что будет. Спасибо вам за доброту вашу! Я ведь вас и ваших собак, не поверите, тридцать лет побаивался. Сдуру, конечно: был бы у меня надежный друг. Эх, жалко мне от вас уходить. Ну, может, еще наведаюсь, тогда и посидим.

— Милости просим, — сказал Бирюк. — А пока вот чего. Время к закату, нам пора ужинать, мы ведь ложимся и встаем вместе с солнцем. Можем, поужинаете у нас?

— Большое спасибо, — отозвался Фродо. — Только, боюсь, медлить нам нельзя. Уж и так еле-еле к ночи доберемся до переправы.

— Та-та-та, ух, спешка, слова сказать не дадут. А я о чем: поужинаем, у меня есть крытая повозка, вот я вас и довезу. Оно и быстрее будет, и надежнее, а то мало ли что.

Это меняло дело, и Фродо согласился — к великому облегчению своих спутников. Солнце почти скрылось за холмами, сумерки густели. Явились двое сыновей и три дочери Бирюка; громадный стол накрыли мгновенно, еды хватило бы на добрую дюжину гостей. Принесли свечи, разожгли камин. Пива было сколько угодно, главное блюдо, тушеные грибы с ветчиной, подобрали дочиста. Собаки лежали у огня и обгладывали кости.

После ужина Бирюк и его сыновья ушли с фонарями готовить повозку. Когда гости вышли, на дворе было совсем темно. Они уложили мешки и пристроились сами. Бирюк хлопнул вожжами по бокам двух откормленных пони. Жена его стояла в освещенных дверях.

— Ты сам-то поосторожней! — крикнула она. — С чужими не задирайся, довезешь — и прямо домой.

— Ладно, — сказал он, и повозка выехала за ворота.

Ночь была тихая, совсем безветренная, но прохладная. Ехали медленно, без фонаря; до плотины — по дороге, а там — насыпью. У перепутья Бирюк слез, поглядел туда-сюда — темнота непроглядная, и ни звука. Речной туман клубился над запрудой и расползался по полям.

— Ишь, темень, — сказал Бирюк. — Ну, обратно-то я фонарь зажгу, а сейчас так.

До парома было больше пяти миль. Хоббиты сидели, плотно укутавшись в плащи; слышен был только скрип колес да перестук копыт. Фродо казалось, что повозка не едет, а едва ползет. Пин клевал носом; Сэм настороженно глядел в туман.

Наконец справа смутно забелелись два высоких столба — поворот к парому. Бирюк натянул вожжи; повозка приостановилась на повороте и съехала под гору. Снова миг тишины... а потом все услышали тот самый звук, который боялись услышать, — клацанье копыт. Оно приближалось от реки.

Бирюк соскочил с передка, обхватив лошадиные шеи, чтобы пони не фыркали, и уставился в туманный мрак. Крепь-крап, крепь-крап — хрупали копыта, и этот звук гулко отдавался в тихом вечернем воздухе.

— Вы лучше спрячьтесь, сударь, — торопливо посоветовал хозяину Сэм. — Лягте на дно повозки и накройтесь там ветошью, а мы уж этого Всадника как-нибудь спровадим. — Он выпрыгнул из повозки и встал рядом с Бирюком. Всадники так всадники — только пусть сначала его затопчут.

Крап-креп, крап-креп. Сейчас наедет.

— Эй, там! — хрипло крикнул Бирюк.

Клацанье копыт стихло. За несколько шагов проступили очертания всадника в плаще.

— Ну-ка стоп! — приказал Бирюк. Он швырнул вожжи Сэму и шагнул вперед. — Стой где стоишь! Чего тебе надо, куда едешь?

— Я за господином Торбинсом. Вам такой не попадался? — глухо спросил чей-то голос, очень знакомый... Ну конечно же — Мерри Брендизайк. Из-под плаща показался фонарь и осветил изумленное лицо Бирюка.

— Господин Мерри! — воскликнул он.

— Он самый. А вы думали кто? — спросил Мерри, появляясь из тумана и встряхивая поводьями.

Страх сразу пропал: перед ними был всего-навсего хоббит верхом на пони, укутанный в шарф.

Фродо выпрыгнул к нему из повозки.

— Нашлись, пропащие! — весело сказал Мерри. — А я уж думал, вы где-нибудь застряли, к ужину не поспеете. Да тут еще туман поднялся. Ну, я и поехал осматривать овраги, а то ведь свалитесь — кто вас вызволит? И вот бывает же — разминулись. А вы-то где их нашли, господин Бирюк? На плаву в утином пруду?

— Да они просто шли не тем путем, — объяснил тот. — Я чуть было на них собак не спустил; погодите, сами вам расскажут. А теперь, значит, извините, господин Мерри, господин Фродо и прочие, мне домой надо. Жена ведь, сами понимаете, а ночь-то вон какая темная.

Он подал повозку назад и развернул ее.

— Всем, стало быть, доброй ночи, — сказал он. — Надо же, денек выдался, рассказать — не поверят. Ладно, все хорошо, что хорошо кончается, — вам-то еще, конечно, добираться... да и мне тоже; ну, поглядим.

Он зажег фонари и выпрямился во весь рост. А потом вдруг достал огромную корзину из-под сиденья.

— Чуть не забыл, — добавил он. — Тут вот от жены кое-что, может, пригодятся — с особым приветом господину Торбинсу!

Они проводили глазами тусклые фонари, быстро канувшие в глухую ночь. Неожиданно Фродо рассмеялся: он учуял из плотно закрытой корзины сытный запах жареных грибов.

Глава V

РАСКРЫТЫЙ ЗАГОВОР

— Что ж, поторопимся и мы, — сказал Мерри. — Я уж вижу, вам шутить некогда, на месте поговорим.

И хоббиты припустились вниз прямой дорогой — ровной, накатанной, обложенной большими беленными камнями. Сотня-другая шагов, и они вышли к реке, на широкую пристань, возле которой покачивался грузный бревенчатый паром. Причальные сваи светлели под двумя высокими фонарями. На берег наползала белесая мгла; но вода впереди была черная, только в камышах — молочные завитки тумана. За рекой туман редел.

Мерри провел пони по паромным мосткам, следом сошли остальные путники. Он неторопливо оттолкнулся длинным шестом, и между паромом и пристанью поплыли мощные, медленные струи Брендидуима. Восточный берег был крут; от причала мерцающей цепочкой фонарей отходила извилистая дорожка; на Косой горе перемигивались в тумане красные и желтые огоньки: окна Хоромин-у-Брендидуима, древней усадьбы Брендизайков.

Давным-давно Горемык Побегайк, глава стариннейшего в Болотище, а то и во всей Хоббитании семейства, переплыл реку, которая поначалу была хоббитанской восточной границей. Он выстроил (и вырыл) Хоромины и стал из Побегайка Брендизайком, правителем почти что независимого края. Семейство его плодилось и множилось, правил он долго-долго, постройки первоначального поместья со временем заняли все склоны горы, и стало у Хоромин три роскошных подъезда, много других дверей и около сотни окон. Брендизайки и их многочисленные родичи принялись сначала рыть, а потом и строить, и застроили всю округу. Закладкой Хоромин началась история Забрендии, густо населенной и почти независимой области Хоббитании, полоски земель между рекой и Вековечным Лесом. Главное здешнее селение, сгрудившееся на всхолмье за Хороминами, именовалось Зайгордом.

Жители Болотища подружились с Брендизайками, и власть Управителя Хоромин (так именовался глава семейства) признавали все до одного хуторяне от Заводей до Камышовника. Однако в доброй старой Хоббитании жители Заячьих Холмов слыли чудаками, если не чужаками. Хотя, если рассудить здраво, они мало в чем отличались от хоббитов из четырех уделов. Разве что в одном: любили плавать на лодках, а некоторые даже и без лодок.

С востока никакого заслона поначалу не было, но потом Брендизайки поставили высокую изгородь и назвали ее Отпорной Городьбою. Она была поставлена давным-давно и с тех пор ушла ввысь и разрослась вширь: ее подправляли из года в год. Лукою выгибалась она от Брендидуимского моста до самого устья Ветлянки — миль двадцать с лишком. Защищать-то защищала, но, к сожалению, не очень. Лес так и норовил подобраться к Городьбе, и в Забрендии запирали на ночь входные двери, чему в Хоббитании даже верить не хотели.

Паром тихо подплывал к чужому берегу. Переправа была в новинку только Сэму, и ему казалось, что речные струи отделяют его от былой жизни, оставшейся в тумане: впереди зияла черная неизвестность. Он почесал в затылке и подумал: «Вот ведь неймется-то! Жили бы да жили!»

Хоббиты спрыгнули с парома. Мерри зачаливал, а Пин уже вел пони по дорожке. Сэм в последний раз оглянулся на Хоббитанию и сиплым шепотом вымолвил:

— Глянь-ка, сударь? Кажется мне, что ли?

На дальней пристани, в тусклом свете фонарей, кто-то появился — кто-то или что-то, черный живой мешок, колыхавшийся у причала. Сперва он ползал и словно бы обнюхивал пристань, а потом попятился и скрылся в тумане за фонарями.

— Это что еще за новости в Хоббитании? — вытаращил глаза Мерри.

— Это за нами по пятам, — сказал Фродо. — И больше пока не спрашивай. Скорее! — Они взбежали по дорожке наверх, оглянулись на туманный берег и ничего не увидели.

— Спасибо, хоть лодок больше нет на западном берегу! — сказал Фродо. — А верхом можно переправиться?

— До Брендидуимского моста миль двадцать — разве что вплавь, — сказал Мерри. — Только я в жизни не слыхал, чтобы здесь на лошадях переплывали реку. А кто верхом-то?

— Потом скажу. Когда дверь запрем.

— Потом так потом. Вы с Пином дорогу знаете: я тогда на пони к Толстику — вас небось еще ужином корми.

— Мы вообще-то поужинали у Бирюка, — сказал Фродо, — но можем и еще раз.

— Вот обжоры! Давай корзину! — потребовал Мерри и скрылся в темноте.

До Кроличьей Балки было не так уж близко. Они оставили по левую руку Косую гору с Хороминами и вышли на дорогу — главную, от Брендидуимского моста на юг. Полмили к мосту — и они свернули вправо, еще миля-другая проселком — и подошли к узким воротам в частой ограде. Дом стоял в стороне от прочих — за то и был выбран, — длинный, приземистый, с дерновой крышей, пучеглазыми оконцами и большой круглой дверью.

От ворот шли в темноте по мягкой зеленой тропке: ни луча не пробивалось из-за ставен. Фродо постучался; отворил Толстик Боббер, и домашний свет озарил крыльцо. Они проскользнули внутрь, задвинули все засовы и оказались в просторной прихожей с дверями по обеим сторонам. Напротив был коридор в глубь дома. Из коридора появился Мерри.

— Ну, что скажете? — спросил он. — Мы хоть и на скорую руку, но постарались, чтобы все было как дома. А ведь приехали-то вчера вечером — такой был ералаш!

Фродо огляделся. И правда как дома. Его любимые вещи — любимые вещи Бильбо, если на то пошло, — все нашли свои места, словно в Торбе. Приятно, уютно, спокойно — и ему мучительно захотелось остаться здесь, чтобы здесь и кончить свои дни. Друзья для него так старались, а он... Фродо снова испуганно подумал: «Как же им объяснить, что я скоро уйду, очень скоро, сейчас — нет, завтра. И объяснения не отложишь».

— Удивительно! — воскликнул он, сглотнув трудный комок. — Точно никуда и не уезжал.

Они скинули мешки и повесили плащи, Мерри повел их по коридору и отворил дверь в дальнем конце. Оттуда сверкнул огонь и пахнуло паром.

— Неужели баня? — восхитился Пин. — Ай да Мериадок!

— Чья очередь? — спросил Фродо. — Сначала кто старше или кто быстрее? Вы так и так второй, сударь мой Перегрин.

— А ну-ка прекратите! — одернул их Мерри. — Ишь надумали — начинать новое житье со свары! Чтоб вы знали, так там три ушата и котел кипятку. Кстати — может, пригодятся — полотенца, мыло и прочее. Обливайтесь и отмывайтесь, да поживей!

Мерри с Толстиком отправились на кухню довершать приготовления к ночному ужину. Через коридор из умывальной на-

перебой доносились обрывки песен, галдеж и плеск. Потом все перекрыл голос Пина: тот горланил излюбленную банную песню Бильбо.

Эй, пой! Окатись Горячей Водой!
Пот и заботы походные смой!
Только грязнуля да квелый злодей
Не возносят хвалу Горячей Воде!

Сладок напев ручьев дождевых,
Питающих корни трав луговых,
Но жгучий пар над Горячей Водой
Слаще, чем аромат над лучшей едой!

Пенный, терпкий глоток пивка
Слаще воды из горного родника,
Когда окатишь себя с головой
Белой от пара Горячей Водой!

Сладко целует небо фонтан,
Нежный и стройный, как девичий стан,
Но слаще, чем поцелуи дев молодых,
Струи кусачей Горячей Воды!

Раздался шумный всплеск и крик Фродо: «Эй ты!» Похоже, Пин ухитрился чуть не разом выплеснуть на себя и на пол весь свой огромный ушат.

Мерри подошел к дверям.

— Ну вы, грязнули! — позвал он. — Как насчет поужинать и хлебнуть пивка?

Фродо вышел, причесываясь. Мерри сунул нос в дверь.

— Ничего себе! — воскликнул он. На полу можно было плавать. — Это вы, голубчик Перегрин, натворили? Все вытрите досуха — а не поспеете к ужину, значит, такая ваша судьба.

Ужинали на кухне, за столом возле большого камина.

— Ну, грибов-то вы уже наелись? — спросил Толстик без особой надежды.

— Наелись и еще поедим! — крикнул Пин.

— Грибы мои! — объявил Фродо. — Их изготовила лучшая хозяйка на свете — госпожа Бирючиха. Уберите лапы, я вам сам положу.

Хоббиты очень любят грибы, даже больше нашего. Поэтому юный Фродо и повадился когда-то лазить к Бирюку. Но сейчас грибов было вдоволь, по-хоббитски. И кроме грибов снеди хватило, так что даже Толстик Боббер под конец облегченно, хотя и с трудом вздохнул. Они отодвинули стол и расположились в креслах у огня.

— Потом приберемся, — сказал Мерри. — Давайте рассказывайте. Ишь какие — у них приключения, а тут работай. Ну-

ка, с начала до конца, а особенно про Бирюка — что он, свихнулся? В чем дело-то? Я чуть не обалдел — это чтобы *он* чего-нибудь испугался?

— Испугаешься тут, — прервал неловкое молчание Пин. — Поглядел бы я на тебя: куда ты, туда и они — Черные Всадники.

— Какие такие Всадники?

— Черные на черных конях, — объяснил Пин. — Фродо, видно, говорить не желает — ну так я вам расскажу.

И он рассказал про их путешествие от самого Норгорда. Сэм кивал головой, покашливал и поддакивал. Фродо молчал.

— Я бы наверняка подумал, что ты все это сочиняешь, — сказал Мерри, — если б не видел своими глазами ту мерзость на пристани. И если бы не слышал голоса Бирюка. А ты что скажешь, Фродо?

— Из него всю дорогу слова было не выжать, — пожаловался Пин. — В молчанку играет, а толку-то: даже Бирюк догадался, что все беды — от сокровищ дяди Бильбо.

— Пусть себе гадает, — буркнул Фродо. — В точности ему ничего не известно.

— Это как сказать, — возразил Мерри. — Старик дошлый: на уме у него куда больше, чем на языке. Он и по Вековечному Лесу, говорят, побродил в свое время — и вообще чего только не знает! Ты хоть скажи, Фродо, догадался-то он правильно?

— Ну... — Фродо помедлил. — Кое-что он сообразил верно. Все это связано с тогдашними приключениями Бильбо, и Всадники ловят, а вернее, разыскивают его или меня. И раз на то пошло, скажу еще, что дело совсем нешуточное и очень опасное. Здесь не укрытие и спрятаться мне негде. — Он оглядел окна и стены так, словно они вот-вот исчезнут. Трое молодых хоббитов обменялись многозначительными взглядами.

— Наконец-то, — прошептал Пин.

— Да! — сказал Фродо и решительно выпрямился. — Пора, хватит откладывать. У меня для вас грустная новость, не знаю только, с чего начать.

— Уж так и быть, — спокойно предложил Мерри, — давай я за тебя начну.

— Ты — за меня? — воззрился на него Фродо.

— Вот-вот, а ты послушай. У тебя сейчас тяжело на сердце: трудно ведь так сразу прощаться. Ты, конечно, давно собирался уйти из Хоббитании, да все откладывал; но вот подкралась большая беда, и раздумывать стало недосуг. Пошел, а в путь тебе совсем не хочется. Нам тебя очень жалко.

Фродо раскрыл было рот, потом закрыл — и глядел так изумленно, что они расхохотались.

— Фродо, старина! — воскликнул Пин. — Ты что, и правда думал, что всем нам заморочил голову? Куда тебе: и старался-то

не очень, и мозгов-то не хватит. Ты уж с апреля в путь собираешься. Ходишь, бормочешь: «Когда-то снова увижу эту долину?» — и всякое такое. Да еще притворяешься, что деньги, мол, на исходе, а кому, подумать, Торбу продал — Лякошелям!..

— Вот тебе раз, — протянул Фродо. — А я-то думал — я такой осторожный и скрытный. Что бы, интересно, сказал на это Гэндальф? Так, значит, весь Норгорд только о моем отъезде и говорит?

— Глупости! — возразил Мерри. — Хоть и ненадолго, но пока что тайна твоя известна одним нам, заговорщикам: мы ведь тебя знаем как облупленного, пойми. Ты о чем-нибудь думаешь, а у тебя на лице все и написано. Правду сказать, я очень к тебе приглядывался, когда Бильбо ушел, потому что понял: и этот уйдет, дай срок. Очень мы боялись, что ты улепетнешь от нас потихоньку. Весну и лето мы с тебя глаз не спускали, все взвесили и решили. Ты от нас так просто не удерешь, не надейся!

— Ничего не поделаешь, дорогие мои друзья, — сказал Фродо. — Вам горько, мне еще горше, но отговаривать меня не надо. Раз уж вы догадались, так лучше помогите или хотя бы не мешайте.

— Да ты не понял! — крикнул Пин. — Кто тебя держит — иди, а уж мы как-нибудь от тебя не отстанем, я и Мерри. Сэм замечательный малый, он за тебя дракону пасть порвет, если дотянется. Только ведь тебе одного спутника мало будет, путешествие-то опасное.

— Дорогие мои, хорошие хоббиты! — дрогнувшим голосом воскликнул Фродо. — Ну разве могу я на это согласиться? Я тоже давно все обдумал и решил. Опасное, говорите, путешествие? Гораздо хуже! Это вам не поход за сокровищами, не прогулка «Туда и Обратно». Смерть со всех сторон и за каждым поворотом.

— Спасибо, объяснил, — насмешливо отозвался Мерри и вдруг отчеканил: — Потому-то мы с тобой и пойдем. Мы знаем, какое это страшное Кольцо, вот и хотим помочь тебе против Врага.

— Кольцо?! — проговорил вконец ошеломленный Фродо.

— Да, Кольцо, — сказал Мерри. — Ну, Фродо, ты, видно, думаешь, что друзья у тебя — полные олухи. Да я про Кольцо знаю уж столько лет, знал еще при Бильбо, но раз ему угодно было секретничать, так и я не болтал. Бильбо я знал хуже, чем тебя: и сам был куда моложе нынешнего, и он куда хитрей твоего. Но была и на него прорука — хочешь, расскажу?

— Рассказывай, — слабо отозвался Фродо.

— Попал он в проруху из-за Лякошелей. Однажды, за год до Угощения, шел я по дороге и завидел впереди Бильбо. Я за ним, а тут, извольте, вдали показались Лякошели, идут навстречу.

Бильбо попятился, сунул руку в карман, и вдруг — на тебе — исчез! Я так обалдел, что сам чуть не забыл спрятаться; потом опомнился, прыг через ограду и плюх в траву. Лякошели прошли, а на пустой дороге спокойненько возникает Бильбо и сует в карман что-то золотое, блестящее.

Мне, конечно, стало интересно. Да что там, я прямо шпионить за ним начал. Судите, как знаете, — такой уж я был любопытный в свои восемнадцать лет. Увы, Фродо, надо еще признаться, что я один во всей Хоббитании — кроме тебя, конечно, — видел даже записки Бильбо.

— И записки? — вскричал Фродо. — Да что же это в самом деле! Неужели ничего нельзя сохранить в тайне?

— Почему, можно, но не от всех, — сказал Мерри. — Я, правда, одним глазком только глянул, а уж как ловчил! Записки свои он берег словно зеницу ока. Любопытно, что с ними сталось, я бы еще и другим глазом поглядел. У тебя они, кстати, не с собой?

— Нет. Записок в Торбе не было. Видно, Бильбо их забрал.

— Да, ну так вот, — продолжал Мерри, — я что знал, то держал про себя до нынешней весны. А когда запахло бедой, мы составили наш заговор, и каждый выложил, что ему известно. Ты ведь молчун вроде Гэндальфа — тот, правда, еще хуже тебя. Не скрою, однако, был у нас и главный слухач-соглядатай, не скрою и, ладно уж, покажу.

— Покажи, где он? — сказал Фродо, затравленно озираясь, словно ждал, что сейчас из буфета вылезет черный соглядатай в черной маске.

— Давай, Сэм, не стесняйся! — позвал Мерри, и Сэм встал, виновато опустив руки, красный до ушей. — Вот кто у нас главный добытчик сведений! И немало, я тебе скажу, он их добыл, пока его не сцапали. А с тех пор как воды в рот набрал — честность ему, видите ли, не позволяет.

— Сэм! — только и мог воскликнуть Фродо. Он даже не знал, смеяться, сердиться или с облегчением вздохнуть: так и так он-то выходил дурак дураком.

— Я, сударь! — испуганно объявил Сэм. — С вашего позволения, сударь! Я ведь потому, что из-за вас, сударь, и Гэндальфу я, право слово, не поперек. Он зря-то ничего не скажет, а ведь он что сказал? Вы ему: один, мол, пойду, а он вам: нет, говорит, возьми с собой тех, на кого надеешься!

— На кого уж теперь надеяться, — проворчал Фродо, и Сэм опустил несчастные глаза.

— Смотря что ты имеешь в виду, — возразил Мерри. — Можешь надеяться, что мы пойдем за тобой в огонь и в воду, что погибнем, если придется, вместе. И тайны твои, будь уверен, сохраним не хуже тебя. А что мы тебя бросим и ты пойдешь

один — на это не надейся. Глупый ты, Фродо, — мы же твои друзья! И в путь собрались не сослепу. Мы знаем почти все, что рассказал тебе Гэндальф, знаем про Кольцо. Нам очень страшно, но мы пойдем с тобой, а не возьмешь — все равно пойдем.

— И вы уж простите, сударь, — прибавил Сэм, — только эльфы-то вам что посоветовали? Гаральд сказал же вам: бери, кто с тобой захочет, разве не так?

— Так-то так, — сказал Фродо, глядя на ухмыляющегося Сэма. — Только глазам и ушам своим я верить теперь не буду: вижу, дескать, спит, слышу, мол, храпит. Я тебя ногой-то проверю, от хитрости ты храпишь или взаправду!.. Да и все вы, конечно, хороши! — добавил он, обернувшись к заговорщикам. — Ну, разбойники! — Он невольно фыркнул и развел руками. — Что ж, ладно, сдаюсь. Принимаю совет Гаральда. Не было бы так страшно, я бы, может, и в пляс пустился, замечательные вы мои негодяи. Что уж скрывать: я до смерти боялся этого вечера, а вышла такая радость.

— Сказано — сделано. Атаману Фродо и всей шайке его — ура! — закричали хоббиты и заплясали вокруг Фродо.

А Мерри с Пином пляску оставили и начали песню: сочиненную, конечно, заранее, вроде той, которую пели гномы, отправляясь в путь с Бильбо:

Ур-ра! Споем, друзья, втроем,
Прощай, очаг и отчий дом!
Сквозь ветер злой, дожди и зной
Мы до Раздола добредем!

Туда, где эльфы с давних пор
Живут в тени туманных гор,
Мы побредем, покинув дом,
Лихим врагам наперекор!

А что потом — решим потом,
Когда в Раздоле отдохнем, —
Нелегок долг, и путь далек,
Но мы вернемся в отчий дом!

Близка рассветная пора!
Нам в путь пора! Нам в путь пора!

— Неплохо спето! — заметил Фродо. — Но уж ежели так, то дел у нас хватает, и давайте примемся за них под крышей, ведь потом крыши-то не будет.

— Крыша крышей, а песня песней, — сказал Пин. — Так ты что, и правда думаешь в путь до рассвета?

— Пока не решил, — ответил Фродо. — Я боюсь Черных Всадников и боюсь оставаться в доме, про который им известно, что я в нем поселился. Гаральд мне опять же задерживаться не советовал. Я бы только очень хотел повидаться с Гэндальфом. Вот и Гаральд удивился, что Гэндальф обещал, да не при-

шел. Вопрос один, вопрос другой. Первый: долго ли Всадникам до Зайгорда? Второй: долго ли нам собираться? Путь — сами знаете...

— На второй вопрос ответ готов, — сказал Мерри, — хоть через час. Я уж все собрал. Шесть лошадок щиплют травку, мешки набиты; разве только подбавить чего-нибудь для тепла и брюха?

— Да вы, я вижу, опытные заговорщики, — восхитился Фродо. — Но, может, все-таки денек подождем Гэндальфа?

— Мы-то подождем, только Всадники твои как бы не нагрянули, сам гляди, — сказал Мерри. — Они бы, пожалуй, уже до нас добрались, да застряли, наверно, у Северного Хода, там Городьба в три сажени до самой реки. И сторожа по ночному времени никого не пустят, проси не проси. Разве что прорвутся силой, но там, по-моему, вряд ли прорвешься. Там и днем-то не очень пустят, тем более каких-то черных и подозрительных. Пустить не пустят, но Забрендия — не крепость, сам понимаешь.

Фродо задумался.

— Вот как мы сделаем, — сказал он наконец. — Выходим завтра чуть свет. Только не по дороге: это самое опасное. Вдруг нас обложили со всех сторон — я же не знаю, сколько Всадников, может, два, а может, больше. Нам бы надо уйти, как под землю нырнуть.

— Это же вам путь только через Вековечный Лес! — с ужасом воскликнул Толстик. — Берегитесь, лучше куда угодно, чем туда. Подумаешь, какие-то Черные Всадники!

— Вот ты и подумай на досуге, — посоветовал ему Мерри. — Страшно это, конечно, а все же Фродо, наверно, прав. Там нас преследовать не будут — повезет, так и всякая погоня нас потеряет.

— Это в Лесу-то Вековечном вам повезет? — взвизгнул Толстик. — Покамест никому не везло. Погоня их потеряет, как же! Сами навек потеряетесь! Туда никто не ходит.

— Ну как — никто?! — сказал Мерри. — Брендизайки ходят: не каждый день, конечно, но когда понадобится. И своя тропка у нас там есть. Фродо по ней ходил — давным-давно, правда. И я тоже ходил, несколько даже раз: днем, когда деревья спят.

— Ваше дело, ваше дело! — замахал руками Фредегар. — По мне, так страшнее Вековечного Леса ничего и на свете нет, а что о нем рассказывают, лучше даже не слушать. Ну, я-то что, я же с вами не иду. И теперь, честное слово, очень рад, что остаюсь: вот Гэндальф не сегодня-завтра объявится, я ему все про вас расскажу.

Толстик любил Фродо, но бросать Хоббитанию боялся: мало ли что окажется где-то там. Он и за рекой-то был в первый раз. Впрочем, заговорщики не собирались брать его с собой: по

плану ему надлежало стеречь дом и сбивать с толку любопытных — притворяться, что господин Торбинс здесь, пожалуйста, только вышел. На всякий случай были наготове даже старые костюмы из Торбы; Толстик их наденет, авось его и примут за Фродо. Никто не подумал, что это самая опасная роль.

— Прекрасно! — сказал Фродо, разобравшись в заговорщицких замыслах. — Как бы мы иначе оповестили Гэндальфа? Вряд ли эти Всадники умеют читать, и все же я не рискнул бы оставить письмо. А коли Толстик будет на месте, так и думать нечего: уж Гэндальф-то за нами угонится. Стало быть, с утра в Вековечный Лес!

— Мне один леший, — сказал Пин, — в Лес так в Лес. Ох, не завидую Толстику — вот поглядит он на Черных Всадников.

— А я тебе не завидую, — отозвался Фредегар. — Зайдешь в Лес — обратно запросишься, да поздно будет.

— Ладно, хватит спорить, — сказал Мерри. — Нам еще надо прибраться и кое-что упаковать. Я ведь вас затемно разбужу.

Когда Фродо наконец улегся, он никак не мог заснуть. Ноги ныли; спасибо, хоть завтра верхом. Мало-помалу он погрузился в смутный сон, и казалось ему, что он смотрит сверху, из окна, в лесную темень, а у корней деревьев ползают, принюхиваясь, какие-то твари — и наверняка до него доберутся.

Издалека донесся шум: ветер, наверно, пробежал по листьям. Нет, понял он, это не ветер, это дальнее Море, а шума волн он никогда наяву не слышал — только во сне. А потом окна не стало — простор. И никаких деревьев. Вокруг шелестел черный вереск, соленый запах щекотал ноздри. Фродо поднял глаза и увидел высокую белую башню на крутой скале. Ему хотелось взобраться туда, чтобы поглядеть на Море, он стал карабкаться по склону, но вдруг небо озарилось молнией и грянул гром.

Глава VI

ВЕКОВЕЧНЫЙ ЛЕС

Фродо вскочил как встрепанный. В комнате было темно: Мерри стоял в коридоре со свечою в руке и громко барабанил по приоткрытой двери.

— Тише! Что случилось? — заплетающимся со сна языком выговорил Фродо.

— Еще спрашивает! — удивился Мерри. — Вставать пора, половина пятого. На дворе непроглядный туман. Вставай, вста-

вай! Сэм уже завтрак готовит. Пин и тот на ногах. Я пошел седлать пони. Разбуди лежебоку Толстика, пусть хоть проводит нас.

К началу седьмого все пятеро были готовы в путь. Толстик зевал во весь рот. Они бесшумно выбрались из дому и зашагали по задней тропке вслед за Мерри, который вел тяжело навьюченного пони, — через рощицу, потом лугами. Листья влажно лоснились, с каждой ветки капало, и холодная роса серым пологом заволакивала траву. Стояла тишь, и дальние звуки слышались совсем рядом: квохтали куры, хлопнула чья-то дверь, заскрипела калитка.

Пони были в сенном сарае: крепкие, один к одному, медлительные, но выносливые, под стать хоббитам. Беглецы сели поудобнее, тронули лошадок — и углубились в густой туман, который словно нехотя расступался перед ними и смыкался позади. Ехали шагом, час или около того, наконец из мглы неожиданно выступила Городьба, высокая, подернутая серебристой паутиной.

— Ну и как же мы через нее? — спросил Фродо.

— За мной! — отвечал Мерри. — Увидишь.

Он свернул налево и поехал вдоль Городьбы, которая вскоре отошла назад краем оврага. В овраг врезался пологий спуск, глубже, глубже — и становился подземным ходом с кирпичными стенами. Ход нырял под ограду и выводил в овраг на той стороне.

Толстик Боббер осадил пони.

— Прощай, Фродо! — воскликнул он. — Зря ты в Лес пошел, гиблое это место, сегодня же в беду, чего доброго, попадете. А все-таки желаю вам удачи — и сегодня, и завтра, и всегда!

— Если б у меня впереди был всего лишь Вековечный Лес, я был бы счастливчиком, — отозвался Фродо. — Гэндальфу передай, чтоб торопился к Западному Тракту: мы тоже из Лесу туда и уж там припустимся! Прощай! — Тут его голос заглушило эхо, и Фредегар остался наверху один.

Ход был темный, сырой и упирался в железные ворота. Мерри спешился и отпер их, а когда все прошли — захлопнул. Ворота сомкнулись, и зловеще клацнул запор.

— Ну вот! — сказал Мерри. — Путь назад закрыт. Прощай, Хоббитания, перед нами Вековечный Лес.

— А про него правду рассказывают? — спросил Пин.

— Смотря что рассказывают, — отвечал Мерри. — Если ты про те страсти-мордасти, какими Толстика пугали в детстве, про леших, волков и всякую нечисть, то вряд ли. Я в эти байки не верю. Но Лес и правда чудной. Все в нем какое-то настороженное, не то что в Хоббитании. Деревья здесь чужаков не любят и следят-следят-следят за ними во все... листья, что ли? — глаз-то у них нет. Днем это не очень страшно, пусть себе

следят. Бывает, правда, иногда — одно ветку на тебя обронит, другое вдруг корень выставит, третье плющом на ходу оплетет. Да это пустяки, а вот ночью, мне говорили... Сам-то я ночью был здесь раз или два, и то на опушке. Мне казалось, будто деревья шепчутся, судачат на непонятном языке и сулят что-то недоброе; ветра не было, а ветки все равно колыхались и шелестели. Говорят, деревья могут передвигаться и стеной окружают чужаков. Когда-то даже к Городьбе подступали: появились рядом с нею, стали ее подрывать и теснить, клонились на нее сверху. Тогда хоббиты вышли, порубили сотни деревьев, развели большой костер и выжгли вдоль Городьбы широкую полосу. Лес отступил, но обиды не забыл. А полоса и сейчас еще видна — там, немного подальше в Лесу.

— Деревья — и все? — опять спросил Пин.

— Да нет, еще водятся будто бы разные лесные чудища, — ответил Мерри, — только не тут, а в долине Ветлянки. Но тропы и здесь кто-то протаптывает: зайдешь в Лес, а там откуда ни возьмись тропа, и вдобавок неверная — леший ее знает, куда поведет, да каждый раз по-разному. Тут раньше была одна неподалеку, хотя теперь, может, и заросла, — большая тропа к Пожарной Прогалине, и за ней маленькая тропка вела наискось, примерно в нужную сторону, на северо-восток. Авось разыщу.

Из нескончаемого оврага вывела наверх, в Лес, еле заметная дорожка, вывела и тут же исчезла. Въезжая под деревья, они оглянулись: позади смутной полосой чернела Городьба — вот-вот скроется из виду. А впереди были только стволы, стволы, впрямь и вкривь, стройные и корявые, гладкие и шишковатые, суковатые и ветвистые, серо-зеленые, обомшелые, обросшие лишайником. Не унывал один Мерри.

— Ты ищи, ищи свою большую тропу, — хмуро понукал его Фродо. — Того и гляди растеряем друг друга или все вместе заплутаемся!

Пони наудачу пробирались среди деревьев, осторожно ступая между извилистыми, переплетающимися корнями. Не было никакого подлеска, никакого молодняка. Пологий подъем вел в гору, и деревья нависали все выше, темнее, гуще. Стояла глухая тишь; иногда по неподвижной листве перекатывалась и шлепалась вниз набрякшая капля. Ветви словно замерли, ниоткуда ни шелеста; но хоббиты понимали, что их видят, что их рассматривают — холодно, подозрительно, враждебно. Причем все враждебнее да враждебнее: они то и дело судорожно оборачивались и вскидывали головы, точно опасаясь внезапного нападения.

Тропа не отыскивалась, деревья заступали путь, и Пин вдруг почувствовал, что больше не может.

— Ой-ой-ой! — жалобно закричал он во весь голос. — Я ничего худого не замышляю, пропустите меня, пожалуйста!

Все в испуге застыли, но крик не раскатился по Лесу, а тут же заглох, точно придушенный. Ни эха, ни отзвука: только Лес сгустился плотнее и зашелестел как будто злорадней.

— Не стал бы я на твоем месте кричать, — сказал Мерри. — Пользы ни на грош, а навредить может.

Фродо подумал, что, наверно, пути давно уже нет и что зря он повел друзей в этот зловредный Лес. Мерри искал взглядом тропу, но очень неуверенно, и Пин это заметил.

— Ну, ты прямо с ходу заблудился, — проворчал он, а Мерри в ответ облегченно присвистнул и показал вперед.

— Да, дела! — задумчиво проговорил он. — Деревья ведь, а на месте не стоят. Вот она, оказывается, Пожарная-то Прогалина, а тропа к ней — ух, куда ушла!

Путь их светлел, деревья расступались. Они вдруг вынырнули из-под ветвей и оказались на широкой поляне. Над ними раскрылось небо, неожиданно голубое и чистое. Солнце не успело подняться высоко, но уже слало вниз приветливые лучи. Листва по краям Прогалины была гуще и зеленее, словно отгораживала ее от Леса. На Прогалине не было ни деревца: жесткая трава, а среди нее торчал квелый болиголов, бурый бурьян, вялая белена и сухой чертополох. Все опадало и осыпалось, всему был черед стать прахом, но после чащоб Вековечного Леса здесь было чудо как хорошо.

Хоббиты приободрились: солнце поднялось, небо засияло над ними, и хлынул дневной свет. В дальнем конце Прогалины вдруг ясно обозначилась тропа среди деревьев. Она уходила в Лес, вверх по склону: над нею нависали густые ветви, то сходясь вплотную, то раздвигаясь.

Но теперь они ехали веселее и куда быстрее прежнего в надежде, что Лес смилостивился и все-таки пропустит их. Однако не тут-то было: вскоре тайное лиходейство стало явным. Спертый воздух напитался духотой, деревья стиснули их с обеих сторон и заслонили путь. Копыта пони утопали в грудах прелых листьев, запинались за скрытые корни, и в глухой тишине стук этот больно отдавался в ушах. Фродо попробовал было для бодрости громко затянуть песню, но его сдавленный голос был еле слышен:

Смело идите по затененной земле,
Верьте, не вечно клубиться мгле,
Вам суждено одолеть леса,
И солнце должно осветить небеса:
На рассвете дня, на закате дня
Разгорится заря, ветерком звеня,
И он разгонит промозглую мглу,
Сгинут навек...

Тут ему точно горло перехватило. Воздух затыкал рот, слова не выговаривались. С нависшего над тропой дерева обрушился за их спиной громадный корявый сук. Впереди стволы сомкнулись еще плотнее.

— Видать, не понравилось им, что их суждено одолеть, — заметил Мерри. — Давай пока лучше подождем с песнями. Вот выйдем на опушку, повернемся и споем что-нибудь громким хором!

Говорил он шутливо, стараясь унять тревожную дрожь в голосе. На его слова не откликнулись: всем было жутковато. А у Фродо душа так и ныла: он корил себя за легкомыслие и уж совсем было собрался повернуть всех вспять (то есть неведомо куда), как вдруг тягостный подъем кончился, деревья раздвинулись и выпустили путников на ровную поляну, а тропа побежала напрямик к зеленому холму, безлесному, похожему на лысое темя над вздыбленными волосами.

Они снова заторопились вперед — хоть бы ненадолго выбраться из-под гнета Вековечного Леса! Тропа пошла книзу, потом опять в гору, подвела их наконец к открытому крутому подъему и исчезла в траве. Лес обступал холм ровным кругом, точно густая шевелюра плешивую макушку.

Хоббиты повели своих пони по склонам вкруговую, добрались наконец до вершины, остановились и огляделись. Кругозор застилала синеватая солнечная дымка. Вблизи туман почти совсем растаял, подальше осел по лесным прогалинам, а на юге подымался, словно пар, из пересекавшего Лес глубокого оврага и расползался белыми клочьями.

— Вон там, — показал Мерри, — течет Ветлянка, с Курганов Южного нагорья на юго-запад, в самую глубь Леса, прорезает его и впадает в Брендидуим. Вот куда нам больше всего не надо — говорят, от реки-то и есть главное лесное колдовство.

Но в той стороне, куда показывал Мерри, пелена тумана над сырой и глубокой речной расселиной скрывала всю южную половину Леса. Было уже около одиннадцати, солнце припекало, но осенняя дымка была по-прежнему непроницаемой. На западе не видать было ни Городьбы, ни речной долины за нею. И сколько ни глядели они на север, не могли найти взглядом Великого Западного Тракта. С четырех сторон зелеными волнами окружал их неоглядный Лес.

Юго-восточный склон холма, казалось, круто уходил в лесную глубь; так со дна морского вздымается гора, образуя у воды видимость островного берега. Хоббиты сидели на зеленой макушке, посматривали на безбрежный Лес и подкреплялись. Когда перевалило за полдень, далеко на востоке обозначились

сероватые очертания Курганов за пределами Вековечного Леса. Это зрелище их очень порадовало: значит, все-таки у Леса есть предел. Хотя идти к Могильникам они вовсе не собирались — хоббитские легенды о них были еще пострашнее, чем россказни о Лесе.

Пополдничав и собравшись с духом, они поехали вниз. Исчезнувшая путеводная тропа вдруг отыскалась у северного подножия и устремилась к северу, однако не успели они обрадоваться, как заметили, что их медленно, но верно заносит вправо, на юго-восток. Скоро тропа пошла под уклон, должно быть, к долине Ветлянки, то есть совсем уж в ненужную сторону. Посовещались и решили оставить обманную тропу, свернуть налево в чащу и наудачу держать путь к северу. Они хоть и не увидели Тракта с холма, но это дела не меняло. Кстати же обыкновенные елки да сосны, не то что здесь — дубы, буки, грабы и совсем уж какие-то загадочные древние породы.

Поначалу казалось, что решили они правильно: даже и поехали опять быстрее, хотя, когда солнце пронизывало листву, светило оно чуть ли не сзади. Опять начали сходиться деревья. Откуда ни возьмись глубокие рытвины пересекали путь, будто гигантские колеи, заброшенные рвы или овраги, поросшие репейником. И все, как назло, поперек. Обойти их не было возможности, надо было перебираться, а внизу частая поросль и густой терновник — влево и не пробуй, а вправо расступается. Подавшись вправо, с горем пополам выкарабкивались наверх, а там темной стеною теснились деревья: налево и в гору не пускали, так что хоббиты поневоле шли направо под гору.

Через час-другой они потеряли направление — знали только, что идут на север. Кто-то вел их, и они покорно брели все восточнее и южнее, в глубь Леса — в самую глубь.

Солнце клонилось к западу, когда они угодили в овражище шире и глубже всех прочих. Спустились — вернее, обрушились они туда чуть не кувырком, а выкарабкаться вперед или назад по такой крутизне и думать было нечего: не бросать же пони вместе с поклажей! Влево пути, конечно, не было; побрели вправо, вниз по оврагу. Податливая почва чавкала под ногами, повсюду струились родники, и вскоре оказалось, что они идут следом за журчащим, лепечущим ручейком, пробившимся сквозь болотный дерн. Потом склон стал круче, разлившийся ручей уверенно забурлил и потоком хлынул под откос. Они шли глубокой мрачной балкой, сверху затененной деревьями.

Вдруг перед ними точно распахнулись ворота, и в глаза блеснул солнечный свет. Они вышли из огромной промоины, прорезавшей высокий и крутой, почти отвесный глиняный бе-

рег. У ног их раскинулись пышные заросли осоки и камыша: впереди высился другой берег, такой же крутой и скользкий. Дремотный зной стоял в укромной речной долине. Посредине тихо катила мутно-бурые струи река, обросшая ветлой и ильмовником, над нею склонялись дряхлые ивы, ее обступали ветхие вязы, осклизлые берестовые стволы загромождали русло, тысячи тысяч палых листьев несла вода, их желтые мириады вяло трепетали в воздухе, тянуло теплым ветерком — и шуршали камыши, шелестела осока, перешептывались ивовые и вязовые ветви.

— Ну, теперь понятно, куда нас занесло! — сказал Мерри. — Совсем не в ту сторону. Это Ветлянка! Пойду-ка я поразведаю.

Он пробежал солнечной полянкой и затерялся в высокой траве. Потом вернулся — как из-под земли вырос — и объявил, что под обрывом, у самого берега, вовсе не топко и есть прекрасная тропа.

— Пойдем по ней влево, — сказал он. — Глядишь, и выберемся на восточную опушку.

— Ну-ну, — покачал головой Пин. — Глядишь, может, и выберемся, если тропа выведет, а не заведет в топь. Ты думаешь, кто ее проложил и зачем? Уж наверно, не для нас. То-то мне в этом Лесу сильно не по себе, и я теперь готов верить любым небылицам про эти места. А далеко нам, по-твоему, до восточной опушки?

— Понятия не имею, — сообщил Мерри. — Равно как и о том, далеко ли мы от низовья Ветлянки и кто здесь умудрился проторить тропку. Одно знаю: вот такие пироги.

Раз так, делать было нечего, и они вереницей потянулись за Мерри к его неведомой тропе. Буйная осока и высокие камыши то и дело скрывали хоббитов с головой, но единожды найденная тропа никуда не девалась: она петляла и ловчила, выискивая проход по топям и трясинам. И все это время попадались ручьи, стремившиеся к Ветлянке с лесной верховины: через них были заботливо перекинуты древесные стволы или вязанки хвороста.

Жара донимала хоббитов. Мошкара гудящим роем толклась над ними, и солнце немилосердно пекло им спины, наконец тропку перекрыла зыбкая серая тень, какие-то тощие ветви с редкой листвою. Что ни шаг — душней и трудней. Земля словно источала сонливость, и сонно колыхался парной воздух.

Фродо тяжко клевал носом. Пин, который едва плелся перед ним, вдруг опустился на колени. Фродо придерживал пони и услышал голос Мерри:

— Зря мучаемся. Все, я шагу больше не ступлю. Поспать надо. Там вон, под вязами, прохладней. И мух меньше!

Фродо его неверный голос очень не понравился.

— Взбодрись! — крикнул он. — Не время спать! Надо сначала выбраться из Леса!

Однако спутников его цепенила дремота. Сэм зевал и хлопал глазами. Фродо почувствовал, что и сам засыпает — в глазах у него все поплыло, и неотвязное жужжанье мерзких мух вдруг стихло. Был только легкий шепот, мягкое журчанье, дальний шелест — листья, что ли? Листья, конечно.

Он поднял усталые глаза и увидел над собою громадный вяз, древний и замшелый. Вяз раскинул над ними ветви, словно распростер бесчисленные руки — длинные, узловатые, серые. Его необъятный корявый ствол был иссечен черными трещинами, тихо скрипевшими под перешептывание вялой листвы. И кругом сыпались листья... Фродо зевнул во весь рот и опустился на траву.

Мерри с Пином еле-еле дотащились до могучего ствола, сели и прислонились к нему возле зияющих трещин. Сэм плелся где-то сзади. Вверху плавно покачивалась сплошная завеса желто-серой листвы. Путники утомленно закрыли глаза и словно бы услышали сквозь дрему: вода у вяза, вода увяжет, вода притянет и в сон затянет... Они уснули, уютно убаюканные журчанием реки, у самого ствола огромного серого вяза.

Фродо изо всех сил отгонял сон, ему даже удалось встать на ноги. Его неодолимо тянуло к воде.

— Погоди-ка, Сэм, — пробормотал он. — Хорошо бы еще ноги... окунуть...

В полусне, цепляясь за ствол, он перебрался к воде, туда, где толстые, узловатые корни всасывались в реку, точно драконьи детеныши на водопое. Фродо оседлал дракончика, поболтал натруженными ногами в прохладной бурой воде и тут же уснул, прислонившись к необъятному стволу.

Сэм сидел и зевал во весь рот, изредка почесывая в затылке: как-то все-таки непонятно. Чудно что-то. Солнце еще не село, а они спят и спят. С чего бы это?

— Подумаешь, разморило, это пустяки, — соображал он. — А вот дерево чересчур уж большое, ишь, тоже мне, расшелестелось! Вода, мол, притянет и в сон затянет — доспишься, чего доброго!

Он стряхнул дремоту, встал и пошел поглядеть, как там пони. Две лошадки паслись далековато от тропы; он привел их обратно и тут услышал шумный всплеск и тихое-тихое клацанье. Что-то плюхнулось в воду, и где-то плотно притворили дверь.

Сэм кинулся к берегу и увидел, что хозяин с головой ушел в воду возле самого берега, длинный цепкий корень потихоньку топит его, а Фродо даже не сопротивляется.

Сэм поскорей схватил хозяина за куртку и вытащил из-под корня, а потом кое-как и на сушу. Фродо очнулся и взахлеб закашлялся; носом хлынула вода.

— Представляешь, Сэм, — выговорил он наконец, — дерево-то спихнуло меня в воду! Обхватило корнем и окунуло!

— Что говорить, заспались, сударь, — сказал Сэм. — Отошли бы хоть подальше от воды, если уж так вам спится.

— А наши-то где? — спросил Фродо. — Не заспались бы и они!

Сэм и Фродо обошли дерево. Пин исчез. Трещина, у которой он прилег, сомкнулась, словно ее и не было. А ноги Мерри торчали из другой трещины.

Сначала Фродо и Сэм били кулаками в ствол возле того места, где лежал Пин. Потом попробовали раздвинуть трещину и выпустить Мерри — безуспешно.

— Так я и знал! — воскликнул Фродо. — Ну что нас понесло в этот треклятый Лес! Остались бы лучше там, в Балке! — Он изо всех сил пнул дерево. Еле заметная дрожь пробежала по стволу и ветвям, листья зашуршали и зашептались, словно пересмеиваясь.

— Вы небось топора-то, сударь, не захватили? — спросил Сэм.

— Есть, кажется, у нас топорик, ветки рубить, — припомнил Фродо. — Да тут разве такой нужен!

— Погодите-ка! — вскрикнул Сэм, будто его осенило. — А если развести огонь? Вдруг поможет?

— Поможет, как же, — с сомнением отозвался Фродо. — Зажарим Пина, и больше ничего.

— А все же давайте-ка подпалим ему шкуру, авось испугается. — Сэм ненавистно глянул на раскидистый вяз. — Если он их не отпустит, я все равно его свалю — зубами подгрызу. — Он кинулся к лошадям и живо разыскал топорик, трутницу и огниво.

Они натащили к вязу кучу хвороста, сухих листьев, щепок — не с той, конечно, стороны, где были Пин и Мерри. От первой же искры взметнулся огонь, хворост затрещал, и мелкие языки пламени впились в мшистую кору. Древний исполин содрогнулся, шелестом злобы и боли ответила листва. Громко вскрикнул Мерри, изнутри донесся сдавленный вопль Пина.

— Погасите! Погасите! — не своим голосом завопил Мерри. — А то он грозит меня надвое перекусить, да так и сделает!

— Кто грозит? Что там с тобой? — Фродо бросился к трещине.

— Погасите! Погасите скорей! — умолял Мерри.

Ветки вяза яростно всколыхнулись. Будто вихрем растревожило все окрестные деревья, будто камень взбаламутил дремотную реку. Смертельная злоба будоражила Лес. Сэм торопливо загасил маленький костер и вытоптал искры. А Фродо, вконец потеряв голову, стремглав помчался куда-то по тропке с истошным

криком: «Помогите! Помогите! Помоги-и-и-ите!» Он срывался на визг, но сам себя почти не слышал: поднятый вязом вихрь обрывал голос, бешеный ропот листвы глушил его. Но Фродо продолжал отчаянно верещать — от ужаса и растерянности.

А потом вдруг замолк — на крики его ответили. Или ему показалось? Нет, ответили: сзади, из лесной глубины. Он обернулся, прислушался — да, кто-то пел зычным голосом, беспечно и радостно, но пел невесть что:

Гол — лог, волглый лог, и над логом — горы!
Сух — мох, сыр — бор, волглый лог и долы!

В надежде на помощь и в страхе перед новой опасностью Фродо и Сэм оба замерли. Вдруг несусветица сложилась в слова, а голос стал яснее и ближе:

Древний лес, вечный лес, прелый и пятлатый —
Ветерочков переплеск да скворец крылатый!
Вот уж вечер настает, и уходит солнце —
Тома Золотинка ждет, сидя у оконца.
Ждет-поджет, а Тома нет — заждалась, наверно,
Золотинка, дочь реки, светлая царевна!
Том кувшинки ей несет, песню распевает —
Древний лес, вечный лес Тому подпевает:
Летний день — голубень, вешний вечер — черен,
Вешний ливень — чудодей, летний — тараторень!
Ну-ка, буки и дубы, расступитесь, братцы, —
Тому нынче недосуг с вами препираться!
Не шуршите, камыши, жухло и уныло —
Том торопится-спешит к Золотинке милой!

Они стояли как зачарованные. Вихрь словно выдохся. Листья обвисли на смирных ветвях. Снова послышалась та же песня, и вдруг из камышей вынырнула затрепанная шляпа с длинным синим пером за лентой тульи. Вместе со шляпой явился и человек, а может, и не человек: ростом хоть поменьше Громадины, но шагал втройне: его желтые башмаки на толстых ногах загребали листву, будто бычьи копыта. На нем был синий кафтан, и длинная курчавая густая борода заслоняла середину кафтана; лицо — красное, как наливное яблоко, изрезанное смеховыми морщинками. В руке у него был большой лист-поднос, а в нем плавали кувшинки.

— Помогите! — кинулись навстречу ему Фродо и Сэм.

— Ну? Ну! Легче там! Для чего кричать-то! — отозвался незнакомец, протянув руку перед собой, и они остановились как вкопанные. — Вы куда несетесь так? Мигом отвечайте! Я — Том Бомбадил, здешних мест хозяин. Кто посмел обидеть вас, этаких козявок?

— Мои друзья попались! Вяз! — еле переводя дыхание, выкрикнул Фродо.

— Понимаете ли, сударь, их во сне сцапали, вяз их схватил и не отпускает! — объяснил Сэм.

— Безобразит Старый Вяз? Только и всего-то? — вскричал Том Бомбадил, весело подпрыгнув. — Я ему спою сейчас — закую в дремоту. Листья с веток отпою — будет знать, разбойник! Зимней стужей напою — заморожу корни!

Он бережно поставил на траву поднос с кувшинками и подскочил к дереву, туда, где торчали одни только ноги Мерри. Том приложил губы к трещине и тихо пропел что-то непонятное. Мерри радостно взбрыкнул ногами, но вяз не дрогнул. Том отпрянул, обломал низкую тяжелую ветку и хлестнул по стволу.

— Эй! Ты! Старый Вяз! Слушай Бомбадила! — приказал он. — Пей земные соки всласть, набирайся силы. А потом — засыпай: ты уже весь желтый. Выпускай малышат! Хват какой нашелся!

Он схватил Мерри за ноги и мигом вытащил его из раздавшейся трещины.

Потом, тяжко скрипя, разверзлась другая трещина, и оттуда вылетел Пин, словно ему дали пинка. Со злобным старческим скрежетом сомкнулись оба провала, дрожь пробежала по дереву, и все стихло.

— Спасибо вам! — сказали хоббиты в четыре голоса.

Том расхохотался.

— Ну а вы, малышня, зайцы-непоседы, — сказал он, — отдохните у меня, накормлю как следует. Все вопросы — на потом: солнце приугасло, да и Золотинка ждет — видно, заждалась нас. На столе — хлеб и мед, молоко и масло... Ну-ка, малыши, — бегом! Том проголодался!

Он поднял свои кувшинки, махнул рукой, приглашая за собою, и вприпрыжку умчался по восточной тропе, во весь голос распевая что-то совсем уж несуразное.

Разговаривать было некогда, удивляться тоже, и хоббиты поспешили за ним.

Только спешили они медленно. Том скрылся из виду, и голос его слышен был все слабей и слабей. А потом он вдруг опять зазвучал громко, будто прихлынул:

Поспешайте, малыши! Подступает вечер!
Том отправится вперед и засветит свечи.
Вечер понадвинется, дунет темный ветер,
А окошки яркие вам тропу осветят.
Не пугайтесь черных вязов и змеистых веток —
Поспешайте без боязни вы за мною следом!
Мы закроем двери плотно, занавесим окна —
Темный лес, вечный лес не залезет в дом к нам!

И все та же тишь, а солнце уже скрылось за деревьями. Хоббитам вдруг припомнился вечер на Брендидуиме и сверканье Хоромин. Впереди неровным частоколом вставала тень за те-

нью: необъятные стволы, огромные ветви, темные густые листья. От реки поднялся белый туман и заклубился у ног, мешаясь с сумеречным полумраком.

Идти было трудно, а хоббиты очень устали, ноги у них отяжелели, как свинцом налитые. Странные звуки крались за ними по кустам и камышам, а мерзко-насмешливые древесные рожи, кривясь, ловили их взгляды. Шли они сами не свои, и всем четверым казалось, что лесному чародейству нет конца, что от этого дурного сна не очнуться.

У них совсем уже подгибались ноги, когда тропа вдруг мягко повлекла их в гору. Послышался приветливый переплеск: в темноте забелел пенистый водопадик. Деревья расступились; туман отполз назад. Они вышли из лесу на широкое травянистое всхолмье. Река, ставшая быстрой речушкой, весело журчала, сбегая им навстречу, и поблескивала в свете зажигающихся звезд.

Невысокая шелковистая трава под ногами была, должно быть, обкошена. Подстриженные деревья на опушке стояли стройной живой изгородью. Ровной, обложенной булыжником дорожкой обернулась извилистая тропа. Она привела их на вершину травяного холма, залитого серым звездным светом; все еще вдалеке, на возвышенном склоне, теплились окна дома. И снова вниз повела дорожка, и снова повела вверх по травяной глади. В глаза им блеснул широкий желтый просвет распахнутой двери. Вот он, дом Тома Бомбадила, у подножия следующего холма, — оставалось только сойти к нему, над ним высился голый крутой скат, а еще дальше в глубоком сумраке чернели Могильники. Усталость как рукой сняло, половины страхов как не бывало. Навстречу им зазвенела песня:

Эй, шагайте веселей! Ничего не бойтесь!
Приглашает малышей Золотинка в гости.
Поджидает у дверей с Бомбадилом вместе.
Заходите поскорей! Мы споем вам песню!

А потом зазвучал другой голос — чистый и вековечный, как весна, и радостно-переливчатый, словно поток с яснеющих утренних высей.

Заходите поскорее! Ну а мы споем вам
О росе, ручьях и речках, о дождях веселых,
О степях, где сушь да вереск; о горах и долах,
О высоком летнем небе и лесных озерах,
О капели с вешних веток, зимах и морозах,
О закатах и рассветах, о луне и звездах —
Песню обо всем на свете пропоем мы вместе!

И хоббиты оказались на пороге, озаренные ясным светом.

Глава VII

У ТОМА БОМБАДИЛА

Четыре хоббита переступили широкий каменный порог — и замерли, помаргивая. Они оказались в низком, но просторном покое, освещенном висячими лампадами и пламенной вереницей длинных свечей, сверкавших на темной гладкой столешнице. В кресле, в дальнем конце покоя, лицом к дверям, сидела хозяйка дома. Ее белокурые волосы ниспадали на плечи и мягко струились вниз; ее облекало платье, нежно-зеленое, как юный тростник, а пояс был золотой с ярко-голубыми незабудками; вокруг нее на зеленых и бурых блюдах плавали кувшинки — и как на озерном троне сидела она.

— Входите, дорогие гости, — прозвучал ее голос, тот самый, чистый и вековечный.

Робко вступили они в покой, неловко и низко кланяясь, точно постучались, чтобы попросить напиться, в обычный дом у дороги, а им отворила прекрасная эльфийская дева в цветочном уборе. Но они и слова не успели вымолвить, как она перепрыгнула через лилии и, смеясь, устремилась к ним, и платье ее прошелестело, точно прибрежный камыш, шелохнутый ветерком.

— Смелее, милые друзья! — сказала она. — Смейтесь, веселитесь! Я — Золотинка, речная царевна.

Пропустив их мимо себя, она затворила дверь и обернулась, отстраняя ночь за дверью легким движением гибких белых рук.

— Пусть ночь останется в Лесу! — сказала она. — Вы, верно, все еще страшитесь густого тумана, темных деревьев, заводей и омутов да неведомой твари лесной. Не бойтесь, не надо! Нынче вы под надежным кровом Тома Бомбадила!

Они переминались у порога, а Золотинка, улыбаясь, разглядывала их.

— Прекрасная госпожа Золотинка! — промолвил наконец Фродо, охваченный непонятным ликованием. Бывало, он обмирал от восторга, внимая чарующим эльфийским голосам, но тут волшебство было совсем другое, и восторг не теснил ему грудь, а согревал сердце; чудесное не было чуждым. — Прекраснейшая госпожа! — повторил он. — Мне вдруг стала внятной таинственная отрада ваших песен.

О тростинка стройная! Дочь Реки пречистой!
Камышинка в озере! Трель струи речистой!
О весна, весна и лето, и сестрица света!
О капель под звонким ветром и улыбка лета!

И он осекся, сам себе удивляясь. А Золотинка рассмеялась.

— Добро пожаловать! — сказала она. — Вот не знала, что в Хоббитании живут такие речистые хоббиты. Но ты, верно, дружен с эльфами: у тебя такие ясные глаза и звонкий голос. Как хорошо, что вы до нас добрались! Ну, рассаживайтесь, хозяин сейчас придет, только задаст корму лошадкам — они ведь устали не меньше вашего.

Хоббиты ног под собой не чуяли и охотно уселись в низкие тростниковые креслица. Золотинка хлопотала у стола, а они не сводили с нее глаз, наслаждаясь, словно танцем, резвой прелестью ее движений. Со двора доносилось веселое пение. Снова и снова повторялось уже слышанное «сыр — бор», «гол — лог», «сух — мох», и звучал припев:

Молодчина Бомбадил — вовремя пришел ты к ним —
В голубом своем камзоле, а ботинки желтые!

— Прекрасная госпожа! — снова заговорил Фродо. — Может, это и глупый вопрос, но все-таки скажите, кто такой Том Бомбадил?

— Он такой и есть, — отозвалась Золотинка, с улыбкой обернувшись к нему.

Фродо вопросительно взглянул на нее.

— Ну да, вот такой, как предстал пред вами, — ответила она на его вопросительный взгляд. — Он здесь всюду хозяин: ему подвластны леса и воды, холмы и долы.

— Значит, он — повелитель здешнего края?

— Да нет же! — возразила она, и улыбка ее потускнела. — Как это было бы тягостно! — прибавила она вполголоса, почти про себя. — Деревья и травы и все обитатели нашего края живут себе и живут, ничьих им велений не нужно. А Том Бомбадил — всем хозяевам хозяин. Он знает наперечет все неведомые тропы и тайные броды, разгуливает по лесу и пляшет на холмах средь бела дня и темной ночи, никто и ни в чем ему не помеха. Старый Том Бомбадил не ведает страха — он здесь извечный хозяин.

Дверь распахнулась, и вошел Том Бомбадил. Он был без шляпы, его пышные курчавые волосы венчала корона из желто-алых листьев. Том рассмеялся, подошел к Золотинке и взял ее под руку.

— Вот она, моя хозяйка, в изумрудном блеске! — сказал он хоббитам. — Вся в зеленом серебре и звездистых искрах! Больше свеч на стол, хозяйка! Сдвинем занавески — и за доброю едой вечер минет быстро. Стол накрыт, и ужин ждет — молоко да масло, белый хлеб и желтый мед — значит, все прекрасно!

— Стол-то накрыт, — отозвалась Золотинка, — а вот гости готовы ли к ужину?

Том захлопал в ладоши и весело удивился самому себе:

— Вот растяпа! Заспешил! Приглашает ужинать! А зайчата — чуть живые, им умыться нужно. Ну-ка, милые, сюда. А плащи — снимайте. Есть и мыло, и вода — умывайтесь, зайцы!

Он отворил неприметную дверь в глубине зала, и хоббиты потянулись за ним: короткий коридорчик, и за углом — дверь в северную пристройку с покатым потолком. По стенам тесаного камня развешены были зеленые циновки и желтые коврики, плиточный пол устилал свежий тростник. У одной стены рядком лежали четыре плотных тюфячка и белые стопки постельного белья, у другой, напротив, стояла широкая скамья, а на ней — глиняные плошки и коричневые кувшины с кипятком и холодной водой. И возле каждого ложа — мягкие зеленые шлепанцы.

Вскоре умытые и освеженные хоббиты сидели за столом, по двое с боков, во главе — хозяин, против него — Золотинка. Ужинали долго и весело. Изголодавшиеся хоббиты уплетали за обе щеки, но сыру и сливок, хлеба и меда, зелени и ягод было вдоволь. Пили они из своих кубков словно бы кристальную родниковую воду, но она веселила пуще вина и развязала им языки. Вдруг оказалось, что они звонко распевают, словно петь было легче и проще, чем говорить.

Наконец Золотинка с Томом поднялись и убрали со стола. Гостей пересадили в кресла у камина; они положили усталые ноги на подставленные скамеечки. В широком камине радостно полыхал огонь, и веяло сладковатым запахом: дрова, наверно, были яблоневые. В прибранном покое погасили огни, осталась лишь одна лампада да четыре свечи на каминной доске, по паре с каждого края. И со свечою в руках возникла перед ними Золотинка: каждому из них пожелала она покойной ночи и приятного сна.

— Отдохните до утра! — сказала она. — Лесных гулов и ночных шорохов не бойтесь! Двери наши овевает ветер с холма, а в окна проникает лишь лунный и звездный свет. Доброй ночи!

И ушла, шелестя и мерцая, точно прожурчал в ночной тиши ручеек по прохладным камушкам.

Том сидел с ними и молчал, а они набирались храбрости спросить хоть о чем-нибудь из того, о чем хотели спросить за ужином. Глаза у них слипались. Наконец Фродо проговорил:

— Ты меня услышал, хозяин, или просто случайно проходил мимо и пришел на помощь?

Том словно очнулся от приятного сновидения.

— Что? На помощь? Нет, не слышал, я ведь песни распевал и тропинкою речною к дому своему шагал... ну а в общем, стороною про тебя и раньше знал: знал, что хоббиты-зайчата в лес

попали не случайно, да и все тропинки тайно нынче сходятся к Ветлянке — Старый Вяз сюда их тянет, чтобы путников губить... Так, а мне чего ж хотелось... на лесной тропинке?..

Он снова закивал: его клонила дремота, но он продолжал, теперь уже напевно:

У меня там было дело — собирать кувшинки,
Чтоб потом преподнести их милой Золотинке;
Я всегда так делаю перед первым снегом,
Чтоб они цвели у ней до начала лета —
Собираю на лугу в чистом светлом озере,
Чтоб ладони холодов их не заморозили.
Я у этих берегов — давнею порою —
И жену свою нашел — раннею весною:
В камышах она звенела песней серебристой,
А над нею распевал ветерок росистый.

Он открыл глаза, и взгляд его блеснул синевой.

Так что видите, друзья, я теперь не скоро
У Ветлянки окажусь — может, лишь весною, —
Да и с Вязом повидаюсь под конец распутицы,
В дни, когда на нем листва весело распустится
И когда моя жена в золотистом танце
На реку отправится, чтобы искупаться.

Том опять приумолк, но Фродо уж не мог удержаться и задал свой самый главный вопрос.

— Расскажи нам, хозяин, — попросил он, — про этот страшный Старый Вяз. Кто он такой? Я раньше о нем никогда не слышал.

— Нет, не надо! — в один голос вскрикнули Мерри и Пин, выпрямившись в креслах. — Сейчас не надо! Лучше утром!

— Верно! — согласился Том. — Верно, лучше отдыхайте, ночь не для таких рассказов! Спите бестревожно, зайцы, и не бойтесь старых вязов! Да и шорохов ночных тоже не пугайтесь!

С этими словами он задул лампаду и, взявши в руки по свече, проводил их в спальню.

Тюфяки и подушки были мягче мягкого; хоббиты задернули пологи, укутались в белые шерстяные одеяла и мгновенно уснули.

Тяжелый сон отуманил Фродо. Ему грезилось, будто встает молодая луна и в ее бледном свете перед ним возникает мрачная высокая скала, прорезанная аркой. Потом его словно подняли ввысь, и он увидел не скалу, а скопище скал: темная равнина, зубчатая ограда, черная башня, а на ней кто-то стоит. Юная луна светила несмело: видна была только темная-темная башня да светлая фигурка наверху. Понизу ярились дикие голоса и злобно рычали волки. Из-за луны вдруг выплыла размашистая тень; тот, наверху, вскинул руки, и ослепительным лучом уда-

рило из его посоха. Плеснули орлиные крылья, а внизу завыли, заклацали клыками волки. Ветер донес яростный стук копыт — с востока, с востока, с востока. «Черные Всадники!» — понял Фродо и проснулся в холодном поту; быстрыми молоточками стучала у него в висках кровь. «Неужели же, — подумал он, — я наберусь храбрости покинуть эти стены?» Он лежал затаив дыхание, но теперь все было тихо. Наконец он свернулся калачиком и погрузился в сон без сновидений.

А рядом с ним сладко спал Пин: но сон его вдруг обернулся удушьем, он заворочался и застонал. И разом проснулся или будто бы проснулся, слыша в темноте странные звуки из сна: «пыт-пыт», «ы-ыхх-хы-хы» — и, будто кто-то потирает ветви друг о друга, корябает по стене и стеклам деревянными когтями: «скырлы, скырлы, скырлы». Он спросонья подумал, не вязы ли возле дома; и страшнее смерти оказалось, что он ни в каком не в доме, а в дупле Старого Вяза и над ним раздается жуткое, скрипучее старческое хихиканье. Он сел в постели, оперся на мягкие, ласковые подушки и облегченно откинулся на них. Тихим эхом прозвучали у него в ушах слова Золотинки: «Лесных гулов и ночных шорохов не бойтесь! Отдохните до утра!» И он опять сладко заснул.

Мирный сон Мерри огласился урчанием воды: вода тихо чмокала, обсасывая стены, и разливалась, расползалась вокруг дома темной, бескрайней стоячей заводью. Вода смачно булькала у стен, медленно и мутно прибывала, приплескивала. «Я же утону! — подумалось Мерри. — Она просочится, хлынет, затопит, и я утону». И стал утопать в слизистом иле, вскочил, ударился ногой о твердый плитняк, вспомнил, где он находится, и снова лег. И не то расслышал, не то припомнил тихие слова: «Двери наши овевает ветер с холма, а в окна проникает лишь лунный и звездный свет. Доброй ночи!» Он глубоко вздохнул и погрузился в сон.

Как помнилось Сэму, он-то проспал ночь без просыпу, спал как бревно, а бревна не просыпаются.

Утро разбудило сразу всех четверых. Том расхаживал по комнате, прищелкивая, как скворец. Заслышав, что они проснулись, он хлопнул в ладоши и воскликнул: «Эй! Пой! Веселись! Пой во весь голос!» Потом раздвинул желтые занавеси, и свет хлынул в широкие окна с запада и востока.

Они радостно вскочили. Фродо подбежал к восточному окну и поглядел на задний двор, весь мутно-серый от росы. Он боялся увидеть окна вровень с землей, а на земле следы копыт. На самом же деле окна заслоняли бобовые гирлянды, а дальше застил утренний свет высокий серый холм. Сочилось бледное утро: на востоке, за длинными ватными мытыми тучами с алой каймой, занимался желтый рассвет. Нависшие небеса предве-

щали дождь; но заря была все яснее, и ярко заалели цветущие бобы среди влажно-зеленой листвы.

Пин глядел в западное окно, и перед ним клубился туман. Лес был подернут мутной пеленою. Казалось, смотришь сверху на серое облачное месиво. В глубь Леса уходил огромный овраг, испуская клубы и выползки тумана: там была долина Ветлянки. Слева с холма струился поток, убегая в белесую муть. А под окном был Цветущий сад, серая садовая изгородь и трава, осеребренная росинками. Никаких вязов поблизости не было.

— С добрым утром, малыши! — воскликнул Том. — Солнца нынче нету: тучи с запада пришли, заслонили небо. Скоро должен хлынуть дождик, бойкий и речистый, — пригодится Золотинке для осенней чистки. Поднял я ее до света песенкой веселой. Лежебокам счастья нету — вспомните присловье: «Ранним птахам — сытный завтрак, остальным вода и травка!» Не проспать бы вам до завтра! Подымайтесь, сони!

Не очень-то поверили хоббиты насчет воды и травки, но на всякий случай мешкать не стали — и завтракали, пока мало-помалу не опустошили стол. Ни Тома, ни Золотинки не было. Том хлопотал по дому: из кухни доносился звон посуды, с лестниц — дробот его башмаков, в открытые окна вдруг долетали обрывки песен. Распахнутые окна глядели на запад: далеко простиралась туманная долина. Густой плющ копил морось и порою ронял на землю редкие струйки воды. Мало-помалу тучи заволокли все небо; черная стена леса исчезла за отвесным дождевым пологом.

И сквозь мерный шум дождя откуда-то сверху — наверно, с ближнего холма — послышался голос Золотинки, чистый и переливчатый. Слова уплывали от слуха, но понятно было, что песня ее полнится осенним половодьем, как певучая повесть реки, звенящая всепобеждающей жизнью от горных истоков до морского далекого устья. Подойдя к окну, Фродо очарованно внимал струистому пению и радовался дождливому дню, нежданной задержке. Надо было идти дальше, надо было спешить — но не сегодня.

С запада примчался верховой ветер, расшевелив тяжелые серые тучи; им было невмоготу тащиться дальше, они проливались над Курганами. Белая известковая дорожка перед домом превратилась в молочный ручей, пузыристо исчезающий за водяною завесой. Из-за угла рысью выбежал Том; руками он словно бы разводил над собою дождь — и точно, оказался совсем сухой, лишь башмаки снял и поставил на каминную решетку. Потом уселся в большое кресло и поманил к себе хоббитов.

— Золотинка занята годовой уборкой, — объявил он. — Плещется, везде вода, все вокруг промокло. Хоббитам идти нельзя: где-нибудь утонут. Переждите день, друзья, посидите с

Томом. Время непогоды — осень — время для беседы, для рассказов и расспросов... Тому много ведомо! Том начнет для вас рассказ под шуршанье мороси: речь пойдет издалека, все вопросы — после.

И он поведал им немало дивного, то словно бы говоря с самим собою, то вдруг устремляя на них ярко-синие глаза из-под курчавых бровей. Порою рассказ его превращался в монотонный распев, а иногда Том вскакивал и пускался в неистовый пляс. Он говорил о пчелах и свежих медвяных цветах, о травах и кряжистых, заслоняющих небо деревьях, рассказывал про тайны чащоб и колючих непролазных кустарников, про обычаи невиданных птиц и неведомых тварей земных, про злые и добрые, темные и светлые силы.

Они слушали — и Лес представлялся им совсем по-иному, чем прежде, а себя они видели в нем назойливыми, незваными чужаками. То и дело — впрямую или обиняком — упоминался Старый Вяз, властный, могучий, злокозненный. И не раз Фродо благодарил судьбу за их чудесное спасение.

Вековечный Лес недаром так назывался: он был последним лоскутком древнего, некогда сплошного покрова земли. Праотцы нынешних деревьев набирали в нем силу, старея, подобно горам; им еще помнились времена их безраздельного владычества над землею. Несчетные годы напитали их гордыней, мудростью, злобой. И не было из них опаснее Старого Вяза с гнилой сердцевиной, но богатырской, нерастраченной мощью: он был жесток и хитер, он повелевал ветрами и властвовал по обе стороны реки. Ненасытно всасывался он в плодородную почву, тянул из нее соки, расползался по земле серой паутиной корней, раскидывал в стороны узловатые серые руки — и подчинил себе Лес от Городьбы до Южного нагорья...

Но Лес был позабыт, и рассказ Тома вприпрыжку помчался вдоль бурного, взлохмаченного потока, мимо вспененных водопадов, по скосам слоистых скал и крутым каменистым осыпям, вверх по темным, сырым расселинам — и докатился до нагорья. Хоббиты услышали о великих Могильниках и зеленых курганах, о холмах, увенчанных белыми кронами из зазубренных камней, и земляных пещерах в тайных глубинах между холмами. Блеяли овцы. Воздвигались высокие стены, образуя могучие крепости и мощные многобашенные твердыни, их владыки яростно враждовали друг с другом, и юное солнце багрово блистало на жаждущих крови клинках. Победы сменялись разгромами, с грохотом рушились башни, горели горделивые замки, и пламя взлетало в небеса. Золото осыпало усыпальницы мертвых царей, смыкались каменные своды, их забрасывали землей, а над прахом поверженных царств вырастала густая трава. С востока приходили кочевники, снова блеяли над гробницами овцы —

и опять подступала пустошь. Из дальнего далека надвигалась Необоримая Тьма, и кости хрустели в могилах. Умертвия бродили по пещерам, бренча драгоценными кольцами и вторя завываниям ветра мертвым звоном золотых ожерелий. А каменные короны на безмолвных холмах ослаблялись, щерились в лунном свете, как обломанные белые зубы.

Хоббитам было страшновато. Даже до Хоббитании докатывались мрачные рассказы о Могильниках и умертвиях. Правда, у них такого и слышать не хотели — зачем? Все четверо разом вспомнили тихий домашний камин: вот и у Тома такой, только гораздо крепче, гораздо надежнее. Они даже перестали слушать и робко зашевелились, поглядывая друг на друга.

Их испуганный слух отворила совсем иная повесть — о временах незапамятных и непонятных, когда мир был просторнее и Море плескалось у западных берегов, будто совсем рядом; а Том все брел и брел в прошлое, под древними звездами звучал его напев — были тогда эльфы, а больше никого не было. Вдруг он умолк и закивал головой, словно задремал. Хоббиты сидели как завороженные: от слов его выдохся ветер, растаяли облака, день пропал и простерлась глухая ночь в белых огнях.

Миновало ли утро, настал ли вечер, прошел ли день или много дней — этого Фродо не понимал: усталость и голод словно бы отступили перед изумлением. Огромные белые звезды глядели в окно; стояла бестревожная тишь. Изумление вдруг сменилось смутным страхом, и Фродо выговорил:

— Кто Ты, Господин?

— Я? — переспросил Том, выпрямляясь, и глаза его засинели в полумраке. — Ведь я уже сказал! Том из древней были: Том, земля и небеса здесь издревле были. Раньше рек, лесов и трав, прежде первых ливней, раньше первых бед и засух, страхов и насилий был здесь Том Бомбадил — и всегда здесь был он. Все на памяти у Тома: появленье Дивных, возрожденье Смертных, войны, стоны над могилами... Впрочем, это все вчера — смерти и умертвия, ужас Тьмы и Черный Мрак... А сегодня смерклось только там, вдали, за Мглистым, над горой Огнистою.

Словно черная волна хлестнула в окна, хоббиты вздрогнули, обернулись — но в дверях уже стояла Золотинка, подняв яркую свечу и заслоняя ее рукой от сквозняка, и рука светилась, как перламутровая раковина.

— Кончился дождь, — сказала она, — и свежие струи бегут с холмов под звездными лучами. Будем же смеяться и радоваться!

— Радоваться, есть и пить, — весело подхватил Том, — повесть горло сушит. Том с утра проговорил, а зайчишки слушали. Приустали? Стало быть, собираем ужин!

Он живо подскочил к камину за свечой, зажег ее от пламени свечи Золотинки, протанцевал вокруг стола, мигом исчез в две-

рях, мигом вернулся с огромным, заставленным снедью подносом и принялся вместе с Золотинкой накрывать на стол. Хоббиты сидели, робко восхищаясь и робко посмеиваясь: так дивно прелестна была Золотинка и так смешно прыгал Том. А все же казалось, что у них общий танец: друг с другом, у стола, за дверь и назад, — вскоре большущий стол был весь в свечах и яствах. Желто-белым сияньем лучились настенные светильники. Том поклонился гостям.

— Время ужинать, — сказала Золотинка, и хоббиты заметили, что она в нежно-серебристом платье с белым поясом. А Том был светло-синий, незабудочный, только гетры зеленые.

Ужин оказался еще обильнее вчерашнего. Хоббиты, заслушавшись Тома, даже забыли о еде и теперь наверстывали свое, будто голодали неделю.

Они не отвлекались на песни и разговоры: уж очень вкусно угощали. Еды и питья было вдосталь — наелись, напились, и голоса их звенели радостным смехом.

А Золотинка спела им немало песен, веселых и тихих: они услышали, как струятся реки и колышутся озера — большие, светлые, — увидели в них отражение неба и звездную рябь. Потом она пожелала им доброй ночи и оставила их у камина. Но Том словно очнулся от дремоты — и начал расспрашивать.

Удивительно — он знал про них почти все и даже помнил их предков, знал, что делалось в Хоббитании с Начальной поры, от которой до живых хоббитов ничего не дошло. Вскоре они перестали удивляться... только все же было странно, что чаще других Том поминал того же Бирюка, а они-то!

— Руки у Бирюка — чуткие к земле, он работает жарко, а глядит в оба глаза. Он обеими ногами стоит на земле и хоть шагает валко, не оступился еще ни разу — так поняли Тома хоббиты.

Том, наверно, и с эльфами водил знакомство: не Гаральд ли рассказал ему последние вести о Фродо?

Знал он так много и так хитро выспрашивал, что Фродо, сам не заметив, рассказал ему про Бильбо, про свои надежды и страхи едва ли не больше, чем самому Гэндальфу. А Том лишь безмолвно покивал головою; но, когда он услышал о Черных Всадниках, глаза его хитро блеснули.

— Покажи мне вашу «прелесть»! — велел он, прерывая беседу; и Фродо, к собственному изумлению, вдруг спокойно отстегнул Кольцо и протянул его Тому.

Оно словно бы сплющилось, а потом расплылось на его смуглой ладони. Том со смехом поглядел сквозь Кольцо.

Странный вид представился хоббитам, тревожный и смешной: ярко-синий глаз в золотом ободке. Том надел Кольцо на

мизинец и поднес его к свече. Поднес и поднес, но вдруг они ошарашенно ахнули. Как же это — Том не исчез!

А Том рассмеялся и подкинул Кольцо к потолку: оно исчезло со злобным свистом.

Фродо растерянно вскрикнул — а Том с улыбкой наклонился к нему через стол и вручил откуда-то взявшееся Кольцо.

Фродо осмотрел Кольцо, сурово и подозрительно, словно одолжил его какому-то фокуснику.

Оно было все такое же тяжелое — Фродо всегда удивлялся, как оно оттягивает карман. Но ему стало обидно, что Тому Кольцо — нипочем, а Гэндальф небось не зря считал, что оно ужасно важное. Он немного переждал и, когда Том рассказывал, какие хитрые бывают барсуки, потихоньку надел Кольцо на палец.

Мерри зачем-то повернулся к нему и еле подавил испуганное восклицание — где? как? Фродо обрадовался: все в порядке. Кольцо — то самое, недаром небось Мерри изумленно пялится на его стул. Он вскочил и бесшумно пробрался к двери.

— Как тебя, Фродо, что ль? — окликнул его Том, сверкнув ясными, спокойными, всевидящими глазами. — Брось озорничать-то! Ишь ведь — выцвел, ровно моль... Ну-ка возвращайся! Да сними свою игрушку — без нее ты лучше. Посидите тихо, зайцы. Вам в дорогу завтра. Том расскажет, как добраться побыстрей до Тракта. Слушайте внимательно, чтобы не плутать вам!

Фродо принужденно рассмеялся, снял Кольцо и сел на свое место.

Том пообещал на завтра солнечный день, и выйти надо было как можно раньше, потому что здешнюю погоду даже Том не мог предсказать: она менялась чаще и прихотливей, чем наряды Золотинки.

По его совету они решили идти к северу, западным краем нагорья, в обход Могильников. Если повезет, за день можно добраться до Великого Западного Тракта. Том наказал им ничего не бояться — и никуда не соваться.

— По зеленой траве, по краю нагорья, подальше от Волглого Лога, где злая мгла, и обманные Камни, и земли мерзких умертвий! — Том повторил это несколько раз и велел держаться как можно западнее. Потом все они заучили наизусть призывную песню на будущий день — пригодится, если попадут в беду:

Песня звонкая, лети к Тому Бомбадилу,
Отыщи его в пути, где бы ни бродил он!
Догони и приведи из далекой дали!
Помоги нам, Бомбадил, мы в беду попали!

Они спели ее вместе с ним, он со смехом похлопал каждого по плечу и отвел их в спальню, высоко держа свечи.

Глава VIII

МГЛА НАД МОГИЛЬНИКАМИ

Спал Фродо без сновидений. Но под утро послышался ему — то ли во сне, то ли наяву — нежный напев, словно осветивший изнутри серую завесу дождя; завеса стала стеклянно-серебряной, медленно раздвинулась, и перед ним открылась зеленая даль, озаренная солнцем.

Тут-то он и проснулся; а Том уже ходил и свистал, будто целое дерево, полное птичьих гнезд; и солнце показалось из-за холма, брызнув в открытые окна. Снаружи все было зеленое и отливало бледным золотом.

Завтракали они снова одни, болтая что на язык взбредет, готовясь распрощаться; а на сердце была тяжесть, хоть утро — чистое, мягкое, голубое — манило их в путь. Пони только что не прыгали: бодрые, резвые. Том вышел на крыльцо, помахал шляпой и потанцевал — в объяснение, что время не ждет. Хоббиты со вздохом пустились в путь петлистой тропою и у крутого склона спешились, но Фродо вдруг застыл в нерешительности.

— А Золотинка-то? — воскликнул он. — А красавица-то наша, осиянная изумрудным блеском! С нею мы же не попрощались, мы же ее с вечера не видели!

Он бы даже и назад повернул, но вдруг до них донесся переливчато-нежный оклик. Золотинка стояла на высоком гребне, стояла и звала их; ее волосы струились по ветру и сеяли солнечный свет. С росистой травы из-под ее танцующих ног вспрыгивали яркие зайчики.

Они поспешили вверх по склону последнего тамошнего холма и, запыхавшись, столпились вокруг нее. И склонились перед нею, но она повела рукой, приглашая их оглядеться; и оттуда, с вершины, увидели они утреннюю землю. Дали распахнулись, точно и не было тяжкой мути, застилавшей мир, когда они стояли на верхней проплешине Вековечного Леса: она и сейчас виднелась, бледно-зеленая в оправе темных крон. И громоздились лесистые кручи, зеленые, желтые, красно-золотые, расцвеченные солнцем и скрывавшие дальнюю долину Бренди-дуима. На юге источала слюдяной отблеск Ветлянка — там, где Главная река Хоббитании широким броском уносила свои воды в неведомые края. Ступенями нисходили на север, в смутную, неверную даль, серо-зеленые и буроватые всхолмья. На востоке высились курган за курганом, озаренные ранним солнцем, исчезавшие в дымчатой, млечной голубизне: и подсказкой не то странной памяти, не то древних преданий угадывались за ними далекие вершины гор.

Они надышались свежим воздухом, и все им казалось нипочем: только шагнуть-прыгнуть, а там уж ноги сами до места донесут. Даже обидно было трусить тропами к Тракту: нет бы, как Том, раз-два, с камня на камень, и вот тебе, пожалуйста, горы.

Они не могли найти прощальных слов, но это и не понадобилось — заговорила сама Золотинка.

— Спешите же, друзья! — сказала она. — От задуманного не отступайтесь, будьте упорны! К северу, с ветром у левой щеки, с добрым напутствием в сердце! — И обратилась к Фродо: — Прощай, Друг Эльфов, мы радостно свиделись и весело расстаемся!

А Фродо промолчал. Он только низко поклонился и повел пони вперед; за ним тронулись остальные. Приветный кров Тома Бомбадила, долина и самый Лес скрылись из виду. В ложбине застоялась теплая сырость и сладко пахла густая увядающая трава. Внизу они оглянулись и снова увидели Золотинку — дальнюю, маленькую, стройную — как цветок, озаренный солнцем. Она стояла, простирая к ним руки; ее прощанье эхом огласило ложбину, она помахала, повернулась — и исчезла за гребнем холма.

Тропа вилась понизу, у зеленого подножия холма, и вывела их в другую ложбину, шире и глубже, а потом запетляла вверх-вниз по склонам: холм за холмом, ложбина за ложбиной. Ни деревьев, ни ручьев — только трава да тишь, беглый шепоток ветра и далекие птичьи вскрики. Солнце поднималось все выше и грело все жарче.

И всякий раз на вершине ветерок утихал. Когда им снова открылся запад, дальний Лес, казалось, все еще дымился дождевой испариной. А за горизонтом как-то смерклось, и синий мрак очертил небо, будто жарко и тяжело надвинулся на глаза небесный зной.

К полудню они въехали на холм с широкой и плоской вершиной, похожей на большое блюдце. На дне блюдца — ни ветерка, а небо надвинулось и давило. Они подъехали к закраине и глянули на север — вон, оказывается, сколько проехали! Правда, струистый воздух застилал взгляд, но все равно понятно было, что Лог кончается. Впереди перед ними лежала глубокая долина, ее замыкали два отвесных склона. А дальше холмов не было: виднелась смутная темная полоса.

— Это деревья, — объяснил Мерри. — Возле Тракта, наверно, вдоль обочины. Говорят, посажены невесть когда.

— Прекрасно! — сказал Фродо. — Если мы столько же пройдем к вечеру, то Лог останется позади, а там уж найдем, где заночевать.

С этими словами он поглядел на восток и увидел плоско-

верхие зеленые курганы — у некоторых вершины были пустые, а из других торчал белый камень, как сломанный зуб.

Зрелище это добра не сулило — впрочем, и посреди их травянистого блюдца оказался такой же камень. Был полдень; камень не отбрасывал тени, но приятно холодил спины хоббитов, усевшихся подкрепиться. Пили, ели, радовались — какое все было вкусное! Уж Том постарался. А расседланные пони бродили поблизости.

Трудный путь, сытная еда, теплое солнце и запах травы — перележали, вытянув ноги и глядя в небо, оттого все и случилось. Пробудились они в испуге: ведь вовсе и не думали спать. Камень захолодел и отбрасывал длинную бледную тень на восток. Желтоватое солнце еле-еле проблескивало сквозь туман, а он подымался, густой и белый, подымался со всех сторон. Тишь и стылая сырость. Пони сбились в кучу и опустили головы.

Торопливо вскочив, хоббиты бегом кинулись к западной закраине кургана — они были на острове среди тусклой мглы. Даже солнце тонуло в белесом разливе, а с востока наползала холодная серая муть. Мгла, мгла и мгла; она крышей склубилась над их головами. Мглистая зала, и камень — колонной.

Судя по всему, они угодили в ловушку, но пока не потеряли присутствия духа. Еще виделась им дорога, еще они знали, куда к ней идти. А остаться, переждать здесь туман — об этом у них даже мысли не было.

Они провели своих пони, одного за другим, пологим северным склоном холма вниз, в туманное море. А промозглая мгла набухала сыростью — даже волосы стали мокрыми и липкими. В самом низу они остановились и надели плащи, которые мигом отсырели и отяжелели. Медленно пробирались их пони, кое-как нащупывая путь. Лишь бы выйти из ложбины — а там по прямой, там не собьешься до самого Тракта. Они надеялись, что за Логом туман поредеет или вообще рассеется.

Продвигались очень медленно. Чтоб не разбрестись и не потеряться — тесной цепочкой. Фродо во главе, за ним Сэм, Пин и Мерри. Тропе, казалось, конца не будет, но вдруг Фродо заметил, что с двух сторон надвинулась плотная темень. Стало быть, сейчас будет северное ущелье. Волглый Лог пройден.

— Быстрее! За мной! — крикнул он через плечо и заторопился вперед. Но надежда тут же обернулась тревогой — все уже смыкалась черная теснина. Потом вдруг расступилась, и перед ним возникли два громадных каменных зубца. Наверно, проход, только непонятно, откуда они взялись, сверху их не было видно. Фродо с разгона прошел между зубцами — и на него словно обрушилась темнота. Пони фыркнул, вздыбился, и Фродо

упал наземь, а поднявшись, обнаружил, что он один: друзья исчезли.

— Сэм! — крикнул он. — Пин! Мерри! Сюда, не отставайте!

В ответ ни звука. Его охватил ужас, он побежал назад через каменные врата с отчаянным зовом: «Сэм! Сэ-э-м! Пин! Мерри! Где вы?» Пони скрылся в сыром тумане. Откуда-то — кажется, слева, с востока, — донесся еле слышный ответный зов: «Эй, Фродо! Фродо! Эй!» Он бросился на крик — и, карабкаясь по ребристым уступам, опять позвал друзей, потом еще и еще. «Фродо, эй! — откликнулись наконец тонкие голоса сверху, из мглы, и захлебнулись воплем: — Помогите! Помогите! На по-о-мощь!» Фродо изо всех сил карабкался вверх и вверх, наугад, в глухую темень.

Под ногами вдруг стало ровно, и он понял, что добрался до вершины кургана. Ноги подкашивались, он весь взмок и теперь трясся от холода. Ничего — тишь и мутная темнота.

— Где вы? — жалобно выкрикнул он.

Ответа не было. Он крикнул еще раз и настороженно прислушался. В ушах засвистел студеный ветер. Фродо заметил, что изо рта у него валит белесый пар. Погода менялась: туман расползался рваными клочьями, темнота проредилась. Фродо поднял глаза и увидел в разрывах туч тусклые звезды. Снова дунул ветер, и зашелестела трава.

Ему послышался придушенный вскрик, и он побежал туда, где кричали, а мгла свертывалась и таяла, обнажая звездное небо. Восточный ветер пронизывал до костей. Справа черной тенью высился Могильник.

— Ну, где же вы? — крикнул он снова, испуганно и сердито.

— Здесь! — глухо отозвался из-под земли цепенящий голос. — Здесь, я жду тебя!

— Нет-нет-нет, — выдохнул Фродо, но двинуться с места не мог.

Колени его подломились, и он рухнул наземь. Тишь, никого: может, померещилось? Он с дрожью поднял глаза и увидел, что над ним склоняется темная фигура, пригвождая к земле ледяным взглядом, словно двумя мертвыми лучами. Холодная стальная хватка сдавила Фродо — он вмиг окостенел с головы до ног и потерял сознание.

Когда Фродо пришел в себя, все забылось, кроме ужаса. Потом вдруг мелькнуло: конец, попался, в могиле. Умертвие схватило его, околдовало, и теперь он во власти мрачных чар, о которых в Хоббитании даже и шепотом говорить боялись. Он не смел шелохнуться, простертый на каменном полу, руки крестом на груди.

Замерший во мраке, скованный смертным страхом, думал он почему-то совсем не о смерти, а вспоминал Бильбо и его рас-

сказы, вспоминал, как они бродили вдвоем по солнечным долинам Хоббитании, толкуя про путешествия и приключения. В душе самого жирного, самого робкого хоббита все же таится (порою очень глубоко таится) будто запасенная про черный день отчаянная храбрость. А Фродо был вовсе не жирный и вовсе не робкий; хоть он и не знал этого, но Бильбо, да и Гэндальф тоже, считали его лучшим хоббитом во всей Хоббитании. Он понял, что странствие его кончилось, и кончилось ужасно, — именно эта мысль и придала ему мужества. Фродо напрягся для предсмертной схватки: он уже не был покорной жертвой.

Собираясь с силами, он неожиданно заметил, что темнота исподволь отступает под наплывом зеленоватого света снизу, из-под каменных плит. Свет холодной волною разлился по его лицу и телу, а стены и свод по-прежнему оставались во тьме. Фродо повернул голову и увидел, что рядом с ним простерты Сэм, Пин и Мерри. Они лежали на спинах, облаченные в белые саваны и мертвенно-бледные. Вокруг них громоздились груды сокровищ, и омерзительно тусклое золото казалось могильным прахом. Жемчужные венчики были на их головах, золотые цепи на запястьях, а пальцы унизаны перстнями. У каждого сбоку меч, у каждого в ногах щит. И еще один меч — обнаженный — поперек горла у всех троих.

Зазвучало пение — медленное, невнятное, замогильное. Далекий-далекий, невыносимо тоскливый голос будто просачивался из-под земли. Но скорбные звуки постепенно складывались в страшные слова — жестокие, мертвящие, неотвратимые. И стонущие, жалобные. Будто ночь, изнывая тоской по утру, злобно сетовала на него; словно холод, тоскуя по теплу, проклинал его. Фродо оцепенел. Пение становилось все отчетливее, и с ужасом в сердце он различил наконец слова заклятия:

Костенейте под землей
до поры, когда с зарей
тьма кромешная взойдет
на померкший небосвод,
чтоб исчахли дочерна
солнце, звезды и луна,
чтобы царствовал — один —
в мире Черный Властелин!

У изголовья его что-то скрипнуло и заскреблось. Он приподнялся на локте и увидел, что лежат они поперек прохода, а из-за угла крадется, перебирая пальцами, длинная рука — крадется к Сэму, к рукояти меча у его горла.

Жуткое заклятье камнем налегло на Фродо, потом нестерпимо захотелось бежать, бежать без оглядки. Он наденет Кольцо, невидимкой ускользнет от умертвия, выберется наружу. Он представил себе, как бежит по утренней траве, заливаясь слезами,

горько оплакивая Сэма, Пина и Мерри, но сам-то живой и спасшийся. Даже Гэндальф и тот его не осудит: что ему еще остается?

Но мужество сурово подсказывало ему иное. Нет, хоббиты не бросают друзей в беде. И все же он нашарил в кармане Кольцо... а рука умертвий подбиралась все ближе к горлу Сэма. Внезапно решимость его окрепла, он схватил короткий меч, лежавший сбоку, встал на колени, перегнулся через тела друзей, что было сил рубанул по запястью скребущей руки — и перерубил ее. Меч обломился. Пронесся неистовый вой, и свет померк. Темноту сотрясло злобное рычание.

Фродо упал на Мерри, щекой на его холодное лицо. И неожиданно припомнил все, что скрылось за клубами мглы: дом у холма, Золотинку, песни Тома. Он вспомнил ту песню-призыв, которую Том разучил с ними. Неверным, дрожащим голосом он начал: «Песня звонкая, лети к Тому Бомбадилу!» — и с этим именем голос его окреп, зазвучал в полную силу, словно труба запела в темном склепе:

Песня звонкая, лети к Тому Бомбадилу!
Отыщи его в пути, где бы ни бродил он!
Догони и приведи из далекой дали!
Помоги нам, Бомбадил, мы в беду попали!

Эхо смолкло, и настала мертвая тишь, только сердце Фродо гулко стучало. Долгая тишь: а потом, как через толстую стену, из-за холмов, издалека, все ближе, зазвучал ответный напев:

Вот он я, Бомбадил, — видели хозяина?
Ноги легкие, как ветер, — обогнать нельзя его!
Башмаки желтей желтка, куртка ярче неба,
Заклинательные песни — крепче нет и не было!

Покатился грохот разметаемых камней, и в склеп хлынул свет, живой и яркий. Пролом засиял на стене у изножия, и в нем показалась голова Тома в шляпе с пером, а за спиной его вставало багряное солнце. Свет пробежал по лицам трех неподвижных хоббитов, смывая с них трупную зелень. Теперь казалось, что они всего лишь крепко спят.

Том пригнулся, снял шляпу и с песней вошел в темный склеп:

В небе — солнце светлое, спит Обманный Камень —
Улетай, умертвие, в земли Глухоманья!
За горами Мглистыми сгинь туманом гиблым,
Чтоб навек очистились древние могилы!
Спи, покуда смутами ярый мир клокочет,
Там, где даже утренний свет чернее ночи!

Надрывный и протяжный крик ответил на его песню; обрушились своды в глубине Могильника, и воцарился покой.

— Ну-ка, вылезай скорей из могильной сырости! — велел Том. — Нам еще троих друзей надо к солнцу вынести.

Они вынесли Мерри, Пина, потом Сэма. Мимоходом Фродо увидел в земляной осыпи обрубленную кисть, копошившуюся, как недодавленный паук. Том вернулся в пустой склеп — оттуда донесся гул и топот. Вышел он с ворохом оружия и украшений — золотых и серебряных, медных и бронзовых, старинной чеканки, в многоцветных каменьях, — взобрался на зеленый могильный холм и рассыпал добычу по солнечной траве.

Он постоял молча, держа шляпу на отлете и глядя на трех неподвижных хоббитов у подножия Могильника. Потом, простерши правую руку вверх, вымолвил звучно и повелительно:

Мертво спит Обманный Камень — просыпайтесь, зайцы!
Бомбадил пришел за вами — ну-ка согревайтесь!
Черные Ворота настежь, нет руки умертвий,
Злая тьма ушла с ненастьем, с быстролетным ветром!

К несказанной радости Фродо, все трое приподнялись, потянулись, протерли глаза и вскочили на ноги. С изумлением глядели они на Фродо, на Тома, во весь рост возвышавшегося над ними, на свои грязно-белые лохмотья и золотые украшения.

— Это еще что за новости? — начал было Мерри, встряхнув головой в золотом венце набекрень. Вдруг он осекся и закрыл глаза. — Да, помню, помню, как все это случилось! — глухо выговорил он. — Ночью напали они с севера, и было их — не счесть. Копье пробило мне сердце. — Он схватился за грудь. — Да нет, что же это! — крикнул он, с усилием поднимая голову. — Словно во сне! Куда ты подевался, Фродо?

— Должно быть, сбился с дороги, — отвечал Фродо, — но лучше об этом не вспоминать. Что прошло, то миновало. А теперь — в путь!

— В какой там путь, сударь! — воскликнул Сэм. — Что я, голый пойду? — Он сбросил венец, пояс, кольца, сорвал саван и шарил глазами по траве, словно ожидая увидеть где-то неподалеку свое хоббитское платье: куртку, штаны, плащ.

— Не ищите зря одежду, все равно не сыщете, — сказал Том, мигом спрыгнув с могильного холма и пританцовывая вокруг хоббитов как ни в чем не бывало.

— Почему же это не искать? — удивился Пин, с веселым недоумением глядя на пляшущего Бомбадила. — А как же?

Том только покачал головой.

— Радуйтесь лучше, что вышли на свет из безвозвратных глубин; от свирепых умертвий спасения нет в темных провалах могил. Живо! Снимайте могильную гниль и по траве — нагишом! Надо стряхнуть вам подземную пыль... Ну а я на охоту пошел.

И побежал под гору, насвистывая и припевая. Фродо долго глядел ему вслед, а Том вприпрыжку мчался на юг зеленой ложбиной между холмами с посвистом и припевом:

Гон-топ! Хоп-хлоп! Где ты бродишь, мой конек?
Хлоп-хоп! Гоп-топ! Возвращайся, скакунок!
Чуткий нос, ловкий хвост, верный Хопкин-Бобкин,
Белоногий толстунок, остроухий Хопкин!

Так пел Том Бомбадил, на бегу подбрасывая шляпу и ловя ее, пока не скрылся в низине, но и оттуда доносилось: «Гоп-топ! Хлоп-хоп!», покуда не подул южный ветер.

Парило по-вчерашнему. Хоббиты побегали по траве, как им было велено. Потом валялись на солнышке, изнывая от радости, точно их чудом перенесли в теплынь с мороза; с такой радостью больной однажды легко встает с постели и видит, что жизнь заново распахнута перед ним настежь.

К тому времени, как Том вернулся, они успели прогреться до седьмого пота и здорово проголодаться. Из-за гребня холма выскочила его подброшенная шляпа; потом появился он сам, а за ним *шесть* пони: пять их собственных и еще один, наверно, Хопкин-Бобкин — он был крупнее, крепче, толще (и старше) остальных. Мерри, бывший хозяин всех пони, называл их как придется, а с этих пор они стали отзываться на клички, которые дал им Том Бомбадил. Том подозвал их, одного за другим, они подошли и выстроились в ряд, а Том насмешливо поклонился хоббитам.

— Забирайте-ка лошадок! — сказал Том. — Им, бедняжкам, стало страшно, и они от вас удрали — бросили хозяев. У лошадок нос по ветру: как учуяли умертвий — мигом поминай как звали... Но ругать нельзя их! Где же это видано — лезть самим в Могильники? Может, хоббитам-то надо поучиться у лошадок? Вишь — цела у них поклажа. Молодцы, лошадушки! И чутье у них вернее: убежали от умертвий, от подземной лютой смерти... Нет, нельзя ругать их!

— А шестой для кого? — поинтересовался Фродо.

— Для меня, — ответил Том. — Он мой дружок. Бродит где захочется, но когда его покличешь, прибегает тотчас же. Том проводит хоббитов тропкой самой краткой, чтоб они сегодня же добрались до Тракта.

Хоббиты пришли в восторг, и благодарности их не было конца, а Том рассмеялся и сказал:

— Дома Золотинка ждет, и забот — полон рот. Он проводит хоббитов, чтоб не беспокоиться. Ведь они какой народ? С ними уймища хлопот! Только вызволишь из Вяза — под землей завязнут. Если не дойдут до Тракта — что-то будет завтра?.. Нет, уж лучше проводить их — и освободиться.

Судя по солнцу, еще и десяти не было, но хоббиты с удовольствием пообедали бы, если б на то хватило припасов. Хватило только на завтрак: они съели все, что запасли накануне, и почти все, что подвез Том. Не так уж это было много для изголодавшихся хоббитов, однако на душе у них стало куда веселее. Пока они завтракали, Том бродил по холму и перебирал сокровища. Львиную их долю он сложил сверкающей грудой — «пусть найдет, кто найдет, и спокойно владеет, будь то птица, зверь, человек или эльф»: так было снято могильное заклятие, чтоб сюда снова не явились умертвия. Себе он взял сапфировую брошь, бархатисто-переливчатую, словно крылья бабочки. Том долго смотрел на нее, будто что-то припоминая. Потом покачал головой и промолвил:

— Та, что некогда ее на плече носила, ярче дня была лицом, солнечней сапфира... Так пускай же эту брошку носит Золотинка: будет память нам о прошлом — звездочка-живинка.

Каждому хоббиту достался кинжал — длинный, прямой, с красно-золотым змейчатым узором по клинку. Обнаженные, они сверкали холодно и сурово, а ножны были черные, легкие и прочные, из неведомого металла, усыпанные самоцветами. То ли их сберегли чудесные ножны, то ли сохранило могильное заклятье, но ни пятна ржавчины не было на ясных клинках.

— Впору малышам кинжалы, пригодятся как мечи, — сказал Том. — Не единожды, пожалуй, нападут на них в ночи злые слуги Властелина, что таится, словно тать, у Огнистой. Но отныне их нельзя врасплох застать. Хоббит с арнорским кинжалом — он что кролик с тайным жалом: нападешь, а он ужалит... Заречешься нападать!

Он объяснил хоббитам, что клинки выкованы полторы тысячи лет назад оружейниками княжества Арнор, которое пало под натиском с севера: ратной силой его бы, может, и не одолеть, но одолело злое чародейство, ибо колдуны владели тогда северным Ангмарским краем.

— Все, что было, давно забыли, — как бы про себя молвил Том. — Лишь одинокие странники в мире, потомки древних властителей, охраняют покой беспечных народов. Но странников этих совсем немного. Мало осталось воителей...

Хоббиты не очень-то поняли, о чем он бормочет, но перед глазами их вдруг простерлись бессчетные годы, будто нескончаемая долина, а по ней бродили люди, словно редкие тени, высокие и угрюмые, опоясанные длинными мечами, а последний — с тусклой звездой во лбу. Потом видение померкло, и глаза им залил солнечный свет. Медлить было незачем. Быстро увязав мешки (Мерри, Пин и Сэм давно уж переоделись в запасное платье), они навьючили их на пони. Подаренное оружие болталось на поясе и путалось в ногах. «Вот уж незачем-то, —

думали они. — Мало ли что, конечно, приключится, но чтобы драться, да еще мечами?..

Наконец они пустились в путь. Свели пони с холма, уселись на них и рысцой двинулись по долине. Оглядывались и видели, как лучится в солнечном свете золотая груда на вершине кургана. Потом свернули за отрог, и курган пропал из виду.

Фродо озирался по сторонам, но никаких каменных зубцов не было, как не бывало; и вскоре они выехали северной ущелиной на пологую равнину. То рядом с ними, то обгоняя, рысил Хопкин-Бобкин со своим веселым седоком: толстунок бежал легче легкого. Том распевал, почти не умолкая, но распевал что-то совсем уж непонятное, на странном, должно быть древнем, языке, в котором, казалось, только и есть, что изумленные и восхищенные возгласы открытия мира.

Ехать пришлось куда дольше, чем они думали. Если б даже вчера они не заснули у Камня, то все равно и к вечеру не добрались бы до цели. Темная полоса, которая видна была с кургана, оказалась не Трактом, а кустарником по краю глубокой рытвины — границы древнего королевства, сказал Том и нахмурился, вспоминая что-то, о чем не захотел рассказывать. По другому краю рытвины тянулась глухая и высокая каменная стена.

Том провел их низом, заросшей тропой сквозь пролом в стене, и они рысцой припустились по широкой равнине. Через час-другой им открылся с возвышения древний Тракт, пустынный, сколько хватал глаз.

— Приехали наконец! — сказал Фродо. — Моим коротким путем мы задержались дня на два, не больше. И может, не зря задержались — сбили их со следу.

Трое спутников поглядели на него. Им разом припомнились Черные Всадники и полузабытый страх. Они оглянулись на заходящее солнце и окинули взглядом Тракт: никого, пусто.

— А ты думаешь, — сказал Пин, — за нами и сейчас, нынче вечером, тоже погоня?

— Нет, — ответил вдруг за Фродо Том Бомбадил. — И завтра вряд ли будет: где-то закружилась. Впрочем, я не знаю точно — земли здесь чужие. Да и не желаю знать я этих черных татей!

Хоббиты очень хотели, чтоб он и дальше ехал с ними. Уж он бы и с Черными Всадниками разделался! Вот сейчас они окажутся совсем уж в чужих краях, о которых в Хоббитании и говорили-то недомолвками. Их так потянуло домой, так незачем было в темную, сумеречную даль! Очень им стало грустно, очень одиноко. Они стояли молча и не торопились прощаться, даже когда Том уже произнес напутствие:

— Вот вам мой совет последний: к вечеру сегодня доберитесь до селенья, что зовут Пригорьем. Есть трактир в Пригорье

древний, им владеет Наркисс — человек пустой, да верный: гатям не предаст вас. Дом его многооконный очень просто выискать по гарцующему пони на огромной вывеске. Заночуете в трактире, хорошенько выспитесь — и опять вперед наутро: путь у вас неблизкий... А теперь — смелее, зайцы! В путь, судьбе навстречу! Главное сейчас — добраться до Пригорья к вечеру.

Они попросили его проводить их до трактира и распить с ними прощальную чашу, но он со смехом отказался, промолвив:

Здесь кончаются края, мне навеки верные,
Распрощаемся, друзья, здесь на веки вечные!

Он повернул пони, вскинул шляпу — и навсегда исчез за насыпью.

— Очень это обидно, что мы теперь без господина Бомбадила, — сказал Сэм. — Вот кто знал, куда и чего. Сколько ни пройдем, а такого не встретим... ну правда чудной господин! А насчет «Пони», что он говорил, так хорошо, кабы это было вроде «Зеленого дракона». Кто там живет-то, в Пригорье?

— Есть и хоббиты, — сказал Мерри, — есть и Громадины. А в общем-то, вроде как дома. Брендизайки ездили туда, говорят — ничего.

— Может, и ничего, — заметил Фродо, — но Хоббитания кончилась. И вы уж, пожалуйста, не будьте «вроде как дома». А заодно помните, что я теперь вовсе не Торбинс. Спросят — так Накручинс.

Они ехали в сумраке, темнота густела позади и спереди, но скоро вдали замерцали огни. Крутой косогор заслонял мутное небо, а внизу раскинулось большое селение. Туда они и поспешили в надежде на жаркий огонь, стены с крышей и дверь — отгородиться от ночи.

Глава IX

«ГАРЦУЮЩИЙ ПОНИ»

Пригорье было главным селением здешних мест, еще три ютились неподалеку: за горой — Подстенок, в глубокой теснине к востоку — Гребешок и Арчет у опушки Четбора — словом, жилой островок среди пустынного края. На две-три мили от подошвы горы простирались пашни и отступал лес.

Жили здесь темно-русые, ширококостные, приземистые люди веселого и независимого нрава; никаких властей они не признавали, зато с хоббитами, гномами и эльфами ладили не в пример лучше, чем тогдашние (да и теперешние) Громадины.

Согласно их собственным преданьям явились они сюда раньше всех прочих: они, мол, прямые потомки первых западных поселенцев незапамятных времен. Уйму народу сгубили древнейшие усобицы, однако же, когда цари и князья возвратились из-за Великого Моря, пригоряне жили себе да поживали, где и прежде, и живут-поживают там до сих пор, а былые цари и князья давным-давно уж стали небывальщиной.

Во времена нашей повести иных людей и не водилось на дальнем Западе, во всяком случае на добрую сотню лиг вокруг Хоббитании. Только в глухомани за Пригорьем скитались какие-то странные бродяги: пригоряне прозвали их Следопытами, а откуда они взялись, было неизвестно. Они были не по-здешнему рослые и смуглые, видели будто бы чуть не сквозь стену, слышали, как трава растет, и понимали звериный и птичий язык. Бродяжили они где-то на юге, ходили и на восток — до самых Мглистых гор; правда, становилось их все меньше и появлялись они все реже. А когда появлялись — приносили новости из дальних земель, рассказывали чудные стародавние сказания, и слушать-то их слушали охотно, однако недолюбливали.

Местные хоббиты, довольно многочисленные, опять-таки обитали здесь якобы с наидревнейших времен, задолго до того, как их сородичи перешли Брендидуим и заселили Хоббитанию. Хоббиты облюбовали Подстенок, но строились и в Пригорье, особенно выше по склону, над людскими жилищами. Громадины и Коротышки (как они называли друг друга) жили по-соседски; со своими делами те и другие управлялись на свой лад, но считали, что они два сапога пара. Больше нигде в нашем мире такого необычного (и образцового) благоустройства не было.

Ни здешние Громадины, ни Коротышки были не охотники до путешествий: им и своих новостей хватало — как-никак четыре селения. Иной раз пригорянские хоббиты добирались до Забрендии, а то и до Восточного удела; да и до них было недалеко добираться: день езды от Брендидуимского моста, — но гостей из Хоббитании тоже наезжало маловато. Редкий Брендизайк или особо шустрый Крол гостил в трактире денек-другой; однако теперь и такого почти не случалось. Пригорян и всех прочих заграничных хоббитов в Хоббитании называли чужеродцами и чурались их: они, мол, тупые и неотесанные. Таких чужеродцев развелось в ту пору на Западе куда больше, чем думали в Хоббитании. Иные из них и правда были сущие бродяги: рыли норы где ни попадя и чуть что — снимались с места. Но как раз в Пригорье-то жили хоббиты основательные и зажиточные, ничуть не плоше своей дальней родни в Хоббитании. И не совсем еще забылись те времена, когда дорога между Пригорьем и Хоббитанией была торной. Многие Брендизайки, как ни считай, были родом из Пригорья.

Каменных людских домов было в Пригорье до сотни: мостились они большей частью на косогоре над Трактом, окнами на запад. С этой стороны гору огибал уходящий за склоны полукружием глубокий ров, а за ним тянулась надежная ограда. Тракт пересекал ров по гати и утыкался в добротные ворота. От южной окраины селения Тракт продолжался — за воротами такими же добротными. Под вечер те и другие накрепко запирались, и привратницкие будки стояли за ними.

Внутри селения дорога сворачивала направо, к подножию горы, и подводила к большому трактиру. Он был построен очень давно, когда эта дорога не пустовала. Ведь Пригорье строилось на древнем перекрестке, и старая-старая дорога пересекала Великий Тракт к западу от селения, и в былые дни не только люди, но и разный прочий народ хаживал тамошними путями. «Такого и в Пригорье не услышишь», — говорили в Восточном уделе, и говорили по старой памяти, с той поры когда в трактире обменивались новостями с юга, севера и востока, а хоббитанским хоббитам доводилось их выслушивать. Но северный край давно опустел, и северный путь зарос травой: пригоряне называли его Неторным Путем.

А трактир как стоял, так и стоит, и трактирщик по-прежнему важная персона. Там у него собираются лентяи, болтуны, завзятые сплетники всякого роста из всех четырех селений, находят приют Следопыты и прочие бродяги, останавливаются путники, почти что все гномы — а кому еще ездить по Великому Тракту, туда и сюда.

Совсем стемнело, когда Фродо и его спутники, уже при звездах, миновали Неторное Перепутье и наткнулись на запертые Западные Ворота. Впрочем, за воротами была сторожка, а в сторожке сидел человек. Он изумленно вскочил и с фонарем в руках поспешил им навстречу.

— Кто такие, откуда едете? — неприветливо спросил он.

— Хотим остановиться у вас в трактире, — ответил Фродо. — Едем на восток, а пока что приехали сюда.

— Хоббиты! Целых четыре хоббита! Судя по выговору, из самой Хоббитании, вот оно как! — пробормотал привратник.

Потом он не спеша растворил ворота и пропустил путников.

— Редко прибывают к нам ночью гости из Хоббитании! — продолжал он вслух, когда они задержались у ворот. — А чего это, простите, вам понадобилось ехать на восток, еще дальше Пригорья? И как вас величать прикажете, не сочтите за любопытство?

— Мало ли как нас величают и мало ли что нам понадобилось, — отрезал Фродо, — здесь не место об этом разговаривать. — Ему не понравился чересчур любознательный привратник.

— Да ведь с меня же спросят, кого я пропустил по ночному времени, — стал оправдываться тот.

— Мы — хоббиты из Забрендии, дела у нас у всех разные, добрались вот до вас, — сказал Мерри. — Я, например, Брендизайк. Чего еще-то? А нам говорили, что пригоряне всегда рады гостям.

— Да рады, еще бы не рады! — заверил их привратник. — Я-то ничего такого, а вы вот погодите, вас еще доймут расспросами! Уж подумаешь, старый Горри полюбопытствовал... К нам нынче кто только не забредает. В «Пони» придете, так сами удивитесь.

Привратник пожелал им доброй ночи, они кивнули и проехали; однако Фродо заметил, что он поднял фонарь и смотрит им вслед. Ворота лязгнули: хоть это хорошо — запираются. Почему это привратнику так интересно про хоббитов из Хоббитании? Может, Гэндальф про них спрашивал? Очень просто: они Лесом да Могильниками, а он уже здесь... Все равно, как-то подозрительно глядел привратник и неприятно разговаривал.

А привратник посмотрел-посмотрел вслед хоббитам и пошел в свою сторожку. Но едва он повернулся спиной к воротам, их перемахнул какой-то человек — и тут же растворился в уличной темноте.

Хоббиты ехали по улице и с удивлением оглядывали непривычно большие дома. Когда Сэм увидел трехэтажный многооконный трактир, у него даже сердце упало. Великаны выше деревьев и прочие чудища — ладно, это когда-нибудь потом; а тут кругом Громадины-люди и огромные людские дома — честное слово, хватит, на сегодня уж натерпелись. Может, вообще черные оседланные кони стоят во дворе трактира, а Черные Всадники глядят на подъезжающих из окон?

— Неужели же, сударь, здесь и остановимся? — спросил он у Фродо. — Лучше поспрошаем каких ни на есть хоббитов — все привычнее!

— А чем тебе плох трактир? — отозвался Фродо. — И Том Бомбадил нам сказал: сюда. Погоди, внутри небось поуютнее.

Трактир, если приглядеться, и снаружи обещал уют. Он стоял у самого Тракта, два крыла его упирались в склон холма, так что окна второго этажа были сзади вровень с землей. Широкие ворота вели во двор; вход в дом был слева, над шестью широкими ступеньками. Дверь украшала гордая вывеска:

«ГАРЦУЮЩИЙ ПОНИ», СОДЕРЖИТ ЛАВР НАРКИСС

Многие окна первого этажа чуть светились из-за плотных штор.

Они оставили во дворе нерасседланных пони и поднялись

по ступенькам, Фродо вошел первым и чуть не натолкнулся на лысого, краснолицего толстяка в белом переднике. Он мчался наперерез, из одной двери в другую, с подносом, заставленным пенистыми пивными кружками.

— Можно у вас... — начал Фродо.

— Мигом, я мигом! — крикнул тот через плечо и канул в табачный дым и гул голосов.

В самом деле, не успел Фродо опомниться, как он уже снова стоял перед ним.

— Добрый вечер, маленький мой господин! — сказал он. — Что угодно?

— Четыре постели и стойла для пятерых пони. А вы — господин Наркисс?

— Вот именно! — обрадовался толстяк. — А зовут меня Лавр. Лавр Наркисс к вашим услугам! Из Хоббитании? — спросил он и вдруг шлепнул себя ладонью по лбу, словно что-то припомнив. — Хоббиты! — воскликнул он. — Ах да, ведь хоббиты! Имечко позвольте?

— Господин Крол, господин Брендизайк, — представил спутников Фродо. — А это Сэм Скромби. А лично я — Накручинс.

— Ну что ты будешь делать! — вскрикнул Лавр Наркисс, щелкнув пальцами. — Забыл — и все тут! Ничего, вспомню, успеется. Я тут прямо с ног сбился: а *про* вас, значит, так. Дорогие гости из Хоббитании к нам редко жалуют — устроим, как не устроить. Правда, сегодня все забито, местечка свободного нет, яблоку негде упасть. У ворот невпроворот, как говорят у нас в Пригорье. Эй, Ноб! — заорал он. — Ах ты, телепень шерстолапый! Ноб!

— Иду, хозяин! Здесь я! — Шустрый круглолицый хоббит выскочил из какой-то двери; завидев сородичей, он так и разинул рот.

— А где Боб? — крикнул трактирщик. — Ах, не знаешь! Так найди! Ноги в руки! Не мне за вами следить, у меня глаз на затылке нет! Скажи Бобу: во дворе пять штук пони, пусть устраивает как знает!

Ноб ухмыльнулся, подмигнул и убежал.

— Да, так, значит, о чем я? — спохватился хозяин и хлопнул себя по лбу. — Как говорится, память дырявая, а заштопать некогда. И вечерочек еще тоже выдался: ни вздохнуть, ни охнуть. Голова кругом идет. Тут прошлой ночью странная компания с юга подвалила. Неторным Путем. Потом гномы — с востока, ясное дело, на запад. А теперь вы. Кабы вы не хоббиты, так и делать бы нечего: нет мест, хоть режьте, а нет! Ну а раз уж вы хоббиты, то я вам прямо скажу: есть для вас места! Еще когда трактир строили, нарочно отвели в северном флигеле комнатку-

другую — вдруг хоббиты приедут! Там, конечно, пониже, чем тут, и все как вы любите: окна круглые, потолки низкие. Ужин вам — это само собой, еще бы, это сейчас. Пойдемте!

Он провел их покатым коридором и распахнул дверь.

— Ай да комнатушка! — сказал он. — Как, подойдет? Ну, я побежал, простите, слова сказать некогда. Две руки, две ноги — тут бы шести не хватило, звоните, Ноб все сделает, все принесет. А не услышит, телепень этакий, звоните, топайте и кричите!

Наконец он в самом деле убежал и дал им передохнуть. Хлопот у него, видно, и правда было поверх головы, но болтать он наловчился на ходу. Они осмотрелись: небольшая комнатка выглядела очень уютно. В камине пылал яркий огонь, перед камином стояли низкие кресла. Круглый стол был накрыт свежей скатертью, на столе — колокольчик. Звонить, однако, не пришлось, Ноб явился сам: в одной руке подсвечник, в другой — поднос, уставленный тарелками.

Ужин был подан в мгновение ока: горячий бульон, заливное мясо, ежевичный джем, свежевыпеченный хлеб, вдоволь масла и полголовы сыру. Словом, не хуже, чем в Хоббитании, даже Сэм перестал недоверчиво поглядывать по сторонам; он, впрочем, перестал, еще когда принесли свежайшее пиво.

Подоспел хозяин, погулял вокруг стола — и с извинениями откланялся.

— Вот поужинаете, захочется вам общества, — сказал он в дверях, — а может, и не захочется, может, сразу в постель, доброй ночи, спокойного сна, но если захочется, приходите в залу, все вам будут очень рады: как же, гости из Хоббитании, да еще наверняка с новостями! Может, порасскажете, может, споете — все хорошо! Словом, захотите — придете, не захотите — как хотите. Будет какая надобность, звоните в колокольчик!

За час с небольшим хоббиты наелись, напились и приободрились. Фродо с Пином, а заодно уж и Сэм решили пойти народ поглядеть и себя показать. Мерри сказал, что он им не компания — залы, дескать, в трактирах одинаковые: дым, шум и гам.

— Посижу лучше спокойно у огонька, потом, может, выйду прогуляться. Только вы там языки-то не распускайте, помните, что мы — тайные беглецы, а Хоббитания — рядом, нас любая собака учует, если обнюхает!

— Ладно, ладно! — сказал Пин. — Ты сам-то не потеряйся — и учти, что снаружи хорошо, а внутри — лучше!

В зале собрался самый разный и самый пестрый народ. Фродо разглядел их, когда глаза его привыкли к тамошнему свету, чтоб не сказать полутьме. Красноватые отблески сеял огромный камин, а три многосвечных светильника тонули в табачном

дыму. Лавр Наркисс, стоя у огня, разговаривал одновременно с двумя гномами и тремя людьми странного вида. На скамьях сидели вперемешку пригоряне, местные хоббиты, гномы и еще всякие, в дыму не разобрать.

При виде хоббитанских хоббитов пригоряне захлопали в ладоши и радостно загомонили. Чужаки, особенно те, с Неторного Пути, оглядели их с головы до ног. Хозяину не терпелось представить пригорянам новоприбывших гостей, а тех — этим: так не терпелось, что хоббитов просто огорошил перечень имен. У пригорян фамилии все больше растительные; Тростняк, Верескор, Чертополокс, Осинник и тому подобные. Здешние хоббиты не отставали: самое частое имя у них было Стародуб. Норкинсы, Запескунсы, Прорытвинсы, Длинноноги — наверняка не без родни в Хоббитании. Оказались и настоящие Накручинсы: они живо смекнули, что Фродо не иначе как их новоявленный дядюшка!

Дружелюбие здешних хоббитов мешалось с любопытством, и вскоре Фродо понял, что без объяснений не обойдешься. Он сказал, что интересуется историей и географией (все закивали, хотя слова были диковинные), что собирается писать книгу (изумленное молчание было ему ответом), что он и его друзья собирают сведения о хоббитах, живущих за пределами Хоббитании, особенно о восточных хоббитах.

Все наперебой загалдели; если бы Фродо в самом деле собрался писать книгу и если бы у него была сотня ушей, он бы за несколько минут набрал материалу на десяток глав. Мало того, ему посоветовали обратиться к таким-то и таким-то, начиная «хоть бы с того же Наркисса». Потом стало ясно, что сию минуту Фродо ничего писать не будет, тогда хоббиты снова принялись выспрашивать о хоббитанских делах. Фродо, как всегда, цедил слова в час по чайной ложке и скоро оказался в одиночестве — сидел в уголочке, смотрел да слушал.

Люди и гномы обсуждали события на востоке и обменивались новостями — в общем-то, всем известными. Там, откуда пришли люди с Неторного, земля горела у них под ногами, и они искали новых мест. Пригоряне сочувствовали, но, видно, надеялись, что их эти поиски обойдут стороной. Один из пришельцев, косоглазый и уродливый, предсказал в ближайшем будущем нашествие с юго-востока.

— И место им лучше пусть приготовят заранее, а то они его сами найдут. Жить-то надо, и не только некоторым!

Сказано это было нарочито громко, и местные обменялись тревожными взглядами.

Хоббиты разговаривали в стороне; людские заботы их не слишком тревожили. Норы или даже домики хоббитов Большому Народу ни к чему. Все сгрудились вокруг Сэма и Пина, а те

разливались соловьем, особенно Пин — за каждой его фразой следовал взрыв хохота. Последняя, самая смешная новость была про то, как в Землеройске рухнула крыша Ратушной Норы, и не кто-нибудь, а сам голова Вил Тополап еле успел выскочить, с головы до ног обсыпанный известкой, что твой пончик сахарной пудрой. Смех смехом, а некоторые вопросы Фродо очень не понравились. Один из здешних хоббитов, например, раз-другой-третий побывавший в Хоббитании, так-таки полюбопытствовал, где это там живут Накручинсы и с кем они в родне.

Вдруг Фродо заметил, что даже по здешним местам странный, суровый человек с обветренным лицом, сидя в полумраке у стены за кружкой пива, внимательно прислушивается к беззаботной болтовне хоббитов. Он курил длинную трубку, устало вытянув под столиком ноги в охотничьих сапогах, видавших виды и обляпанных грязью. Старый пятнистый темно-зеленый плащ он не снял и, несмотря на духоту, даже не откинул капюшон. Из-под капюшона глаза его жестко поблескивали, и видно было, что глядит он на хоббитов.

— Это кто? — спросил Фродо, улучив случай перешепнуться с хозяином. — Представлен, кажется, не был?

— Этот-то? — шепотом же отвечал хозяин, скосив глаз и не поворачивая головы. — Да как вам сказать. Непонятный народ, шляются туда-сюда... мы их для смеху Следопытами прозвали. Он и слово-то редко обронит, но вообще ему есть о чем порассказать. Пропадет на месяц, если не на год — а потом на тебе, тут как тут, сидит пиво пьет. Прошлой весной он частенько здесь бывал, потом пропал — и вот опять объявился. Не знаю, как его на самом деле зовут, а у нас-то называют Бродяжником. Странно, однако же, что вы про него спросили. — Но тут Лавра позвали — где-то кончилось пиво, — и последние его слова остались без объяснений.

Фродо заметил, что Бродяжник смотрит прямо на него, будто догадался, что о нем была речь. Потом он кивнул и сделал знак рукой, приглашая Фродо к себе. Фродо подошел, и Бродяжник откинул капюшон: густые черные волосы его уже пробила седина, на длинном скуластом лице сурово светились серые глаза.

— Меня зовут Бродяжником, — негромко сказал он. — А вы, кажется, господин Накручинс, если Лавр не перепутал?

— Он не перепутал, — сухо ответил Фродо. Что-то чересчур пристально его разглядывали.

— Разумеется, нет. Так вот, сударь мой Накручинс, — сказал Бродяжник, — я бы на вашем месте слегка урезонил своих молодых друзей. Погреться, выпить, закусить, поболтать — это все, конечно, прекрасно, но здесь вам не Хоббитания: мало ли кто слушает их болтовню. Не мое дело, разумеется, — прибавил

он, улыбнувшись углом рта и не спуская глаз с Фродо, — но в Пригорье, знаете, нынче бывает самый разный народ!

Фродо выдержал пристальный взгляд и промолчал; а взгляд обратился на Пина, который под общий смех рассказывал об Угощении. Еще немного — и расскажет, как Бильбо исчез: про сказочного Торбинса ведь всем интересно, а некоторым — особенно!

Фродо рассердился. Вздор, конечно: здешние хоббиты ничего не поймут, посмеются и забудут — мало ли чего, мол, творится у них там за Рекой, — но есть и такие, кто выслушает в оба уха (тот же Лавр Наркисс!), кому и про Бильбо кое-что известно.

Он закусил губу, думая, что бы сделать. Пин услаждал слушателей и, видно, совсем забылся. Как бы он не упомянул Кольцо — ему недолго, а уж тогда...

— Быстро — прервать! — шепнул ему на ухо Бродяжник.

Фродо вспрыгнул на стол и начал громкую речь. От Пина отвернулись: хоббиты решили, что господин Накручинс наконец хлебнул пива и стал пословоохотливее.

Фродо почувствовал себя полным болваном и принялся, как это было у него в обычае, когда доходило до речей, копаться в кармане. Он нащупал цепочку. Кольцо — и ему вдруг до ужаса захотелось исчезнуть... правда, захотел он будто не сам, а по чьей-то подсказке. Он удержался от искушения и сжал Кольцо в горсти — словно затем, чтобы оно не ускользнуло и не наделало безобразий. Во всяком случае, оно ему вроде бы ничего не подсказало: попробовало, да не вышло. Для начала он произнес «приятственное слово», как сказали бы в Хоббитании:

— Все мы очень тронуты вашим теплым приемом, и смею надеяться, что мое краткое пребывание здесь обновит былые узы дружбы между Хоббитанией и Пригорьем, — потом замялся и закашлялся.

Теперь на него глядели все в зале.

— Песню! — крикнул кто-то из хоббитов.

— Песню! Песню! — подхватили другие. — Что-нибудь новенькое или из старенького, чего никто не слышал!

Фродо на миг растерялся. Потом припомнил смешную песню, которую очень любил Бильбо (и очень гордился ею — должно быть потому, что сам ее сочинил). Вот она — целиком, а то нынче из нее помнят только отдельные строки:

Под горой стоит трактир,
Но не в этом диво.
Дивно то, что как-то встарь
Соскочил с луны лунарь,
Чтобы выпить пива.

Вот зашел в трактир лунарь,
Но не в этом дело.

Там был пес, и этот пес
Хохотал над ним до слез —
Видимо, за дело.

Вот лунарь спросил пивка,
Но не это странно.
Там был кот, и этот кот
На дуде играл гавот
Весело и рьяно.

А корова у дверей,
Подбочась вальяжно,
Под дуду пустилась в пляс
И плясала целый час,
Но не это важно.

И не важно, что ножи,
Ложки и тарелки
Стали весело скакать,
В огоньках свечей сверкать
Да играть в горелки.

А корова поднялась,
Гордо и отважно,
Да как встанет на дыбы,
Как пойдет бодать дубы! —
Это все не страшно.

Вот испил пивка лунарь,
Но беда не в этом.
Худо то, что он под стул
Закатился и уснул
И не встал с рассветом.

Начал кот опять дудеть,
Но не в этом штука.
Он дудел что было сил,
Тут и мертвый бы вскочил.
А лунарь — ни звука.

Спит лунарь — и ни гугу,
Как в своей постели.
Ну, подняли старину,
Зашвырнули на луну —
В самый раз успели.

Дунул кот в свою дуду
Гулко и беспечно —
Лопнула его дуда,
А была ведь хоть куда!
Но ничто не вечно.

Тут корова вдруг взвилась
В небо, будто птица.
Долетела до луны,
Поглядела с вышины —
Ох, не воротиться!

На луне она живет,
Но не в том потеха.
На заре веселый пес
Зубы скалить стал всерьез —
Озверел от смеха.

Убралась луна с небес,
Быстро и устало:
Дождалась богатыря,
Выпивоху-лунаря, —
Тут и солнце встало.

Огляделось — день как день,
Небо — голубое,
Но в трактире не встает,
А ложится спать народ —
Это что ж такое?!

Хлопали громко и долго. У Фродо был неплохой голос, да и песня понравилась. Потребовали еще пива и захотели послушать песню заново. Подняли крик: «Еще разок! Просим!» Фродо пришлось выпить кружку-другую и спеть песню сначала. Ему подпевали: мотив был знакомый, слова подхватывали на лету. Теперь уж ликовал Фродо. Он беззаботно скакал по столу, а когда дошел до слов «Тут корова вдруг взвилась», подпрыгнул и сам, только чересчур высоко — так что угодил в поднос с пивными кружками, поскользнулся и хлопнулся со стола. Слушатели приготовились дружно захохотать во всю глотку — и замерли с разинутыми ртами: певец исчез. Как в подпол провалился и даже дырки не оставил!

Наконец местные хоббиты позакрывали рты, вскочили на ноги и во весь голос призвали Лавра к ответу. Вокруг Пина и Сэма мгновенно образовалась пустота; их оглядывали угрюмо и неприязненно. Из компанейских ребят они превратились в пособников приблудного колдуна, который пожаловал в Пригорье невесть зачем. Один чернявый пригорянин щурился на них так злорадно-понимающе, что им стало и вовсе не по себе. А тот кивнул косоглазому южанину, и они вышли вместе (Сэм вспомнил, что весь вечер они вполголоса переговаривались, поглядывая на хоббитов). Следом за ними поспешил и привратник Горри.

Фродо клял себя на чем свет стоит. Раздумывая, как бы загладить промах, он прополз под столом в темный угол к Бродяжнику, который сидел совершенно спокойно, будто ничего не случилось. Фродо откинулся к стене и снял Кольцо. Как оно оказалось у него на пальце — это была загадка. Разве что он во время песни держал руку в кармане, а когда падал, руку выдернул и случайно подхватил его — разве что так... Уж не само ли Кольцо, подумал он, сыграло с ним эту шутку и обнаружило себя по чьему-то желанию или велению — но по чьему? Те, которые сейчас вышли, были ему очень подозрительны.

— Так, — сказал Бродяжник, заметив его, но не поворачивая головы. — Ну зачем это вам понадобилось? Молодежь и та не могла бы навредить больше. Да, прямо ногой в капкан. Ногой — или, может, пальцем?

— Не понимаю, о чем вы толкуете, — раздраженно отозвался Фродо.

— Понимаете, как нельзя лучше понимаете, — усмехнулся Бродяжник, — только вот пусть шум уляжется. А тогда, если позволите, *господин Торбинс*, я с вами и правда хотел бы потолковать.

— О чем же это нам с вами толковать? — спросил Фродо, как бы не заметив, что его назвали настоящим именем.

— О делах довольно важных — и для вас, и для меня, — ответил Бродяжник, поймав взгляд Фродо. — Впрочем, не бойтесь, ничего страшного.

— Ну что ж, послушаем, — сказал Фродо, стараясь не поддаваться собеседнику. — Потом, попозже.

А у камина горячо пререкались. Лавр Наркисс, отлучившийся на кухню, подоспел к шапочному разбору и выслушивал теперь сбивчивые и несогласные между собою рассказы о диковинном деле.

— Я его своими глазами видел, господин Наркисс, — утверждал один хоббит. — Я своими глазами видел, как его видно не стало. Растворился в воздухе, да и все тут.

— Не скажите, господин Стародуб! — поспешно остерегал хозяин.

— А вот и скажу! — утверждал господин Стародуб. — И что скажу, на том стою!

— Нет, тут что-то не так! — говорил трактирщик, сомнительно качая головой. — Чтобы господин Накручинс, с его комплекцией, растворился в воздухе? Тем более какой уж здесь воздух!

— А тогда где же он? — крикнули несколько голосов.

— Мне-то почем знать? Его дело; по мне, лишь бы утром не забыл заплатить. А куда же он денется, если господин Крол — вот он, нигде не растворился.

— Ну а я сам видел, как его стало не видно! — упрямился господин Стародуб.

— Какая-то вышла ошибка, — не сдавался Лавр Наркисс, собирая на поднос разбитую посуду.

— Конечно, ошибка! — сказал Фродо. — Никуда я не исчез. Просто надо было перекинуться парой слов с Бродяжником.

Он шагнул вперед, и его озарило каминное пламя, но от него отпрянули, как от призрака. Напрасно он объяснял, что просто-напросто быстро отполз под столами. Оставшихся хоббитов и пригорян как ветром сдуло — ни пива, ни разговоров

им больше не хотелось, а в дверях один-другой обернулись и мрачно поглядели на Фродо. Замешкались только гномы и два или три чужедальних человека: они распрощались с хозяином, даже не покосившись на Фродо и его друзей. Вскоре в зале остался один Бродяжник, почти незаметный у стены.

Однако трактирщик не слишком огорчился: должно быть, смекнул, что много еще вечеров будет собираться тот же народ — судить да рядить о диковинном происшествии.

— Что же это вы творите, господин Накручинс? — с веселой укоризной спросил он. — Завсегдатаев моих распугали, посуду перебили?

— Прошу прощенья, что причинил столько хлопот, — сказал Фродо. — Уверяю вас, это вышло совершенно ненамеренно. Прискорбный случай.

— Бывает, бывает, господин Накручинс! Однако же впредь, если вам вздумается исчезать или там колдовать, вы уж скажите загодя — и не кому-нибудь, а мне. Мы тут, знаете, не привыкши ко всяким чародейским штуковинам: сперва подготовить народ надо!

— Больше никаких штуковин, господин Наркисс, это я вам твердо обещаю. В общем, нам давно пора спать; мы ведь тронемся рано утром. Вы уж приглядите, чтобы наши пони были готовы к восьми, ладно?

— Хорошо, будут готовы! Только вот перед сном надо бы мне лично с вами поговорить. Я кой-чего припомнил важное — надеюсь, что никакого огорчения не выйдет. Сейчас пригляжу за тем, за сем — и к вам, с вашего позволения.

— Да, пожалуйста! — пролепетал Фродо упавшим голосом и подумал: сколько же ему еще разговаривать перед сном о важных делах. Неужели все они тут заодно? Даже добродушная круглая физиономия Лавра Наркисса показалась ему зловещей.

Глава X

БРОДЯЖНИК

Фродо, Пин и Сэм, один за другим, вошли в свою темную комнату. Мерри не было, огонь в камине еле теплился. Только раздув уголья и подкинув несколько поленьев, они заметили, что Бродяжник от них не отстал: он, оказывается, уже сидел в кресле у дверей!

— Ого! — сказал Пин. — Кто это такой, чего ему надо?

— Меня зовут Бродяжником, — отозвался тот, — а друг ваш обещал мне разговор, и надеюсь, что он об этом не забыл.

— Да, вы желали «потолковать о делах довольно важных», — припомнил Фродо. — Что же это за дела?

— Именно довольно важные, — отвечал Бродяжник. — И о цене уговоримся наперед.

— О какой такой цене?

— Не вскидывайтесь! Давайте я скажу вам, что знаю, дам добрый совет — и буду ждать благодарности.

— А дорого она нам станет? — спросил Фродо.

Он решил, что попал в лапы вымогателю, и мысленно пересчитал захваченные с собою деньги. Маловато, да и отдавать жалко.

— По карману, — невесело усмехнулся Бродяжник, будто угадав расчеты Фродо. — Просто-напросто вы берете меня в спутники, и я иду с вами, пока мне это угодно.

— Еще чего! — отрезал Фродо, изумленный и встревоженный больше прежнего. — Нам не нужен спутник, а был бы нужен, я про него сначала все разузнал бы — кто он такой да чем занимается.

— Так и надо, — одобрил Бродяжник, скрестив ноги и усевшись поудобнее. — Вы, кажется, приходите в себя, и это явно к лучшему. Хватит уж безрассудства. Стало быть, я скажу вам, что знаю, а благодарность за вами — авось не замедлит.

— Тогда выкладывайте, что вы там знаете, — потерял терпение Фродо.

— Чересчур много такого, о чем вам-то лучше не знать, — с прежней усмешкой отозвался Бродяжник. — Что же до вас... — Он встал, подошел к двери, быстро раскрыл ее и медленно затворил. Потом снова уселся в кресло. — У меня чуткий слух, — сказал он, понизив голос. — Исчезать я, правда, не умею, но доводилось мне охотиться на самую пугливую дичь — и подстерегать ее. Вот и нынче вечером стерег я Тракт лиги за две от Западных Ворот. Смотрю — едут четыре хоббита дорогою из Волглого Лога. Не буду пересказывать, о чем они между собой толковали и как прощались со стариной Бомбадилом. Главное — один хоббит говорит другим: «Смотрите же — я теперь никакой не Торбинс. Спросят — так Накручинс!» Тут-то мне и стало интересно: я проводил хоббитов по Тракту до ворот и дальше — к «Гарцующему пони». Наверно, господин Торбинс недаром скрывает свою настоящую фамилию, но я посоветовал бы ему быть еще осторожнее.

— Не понимаю, почему фамилия моя здесь кого-то интересует, — сердито ответствовал Фродо, — и уж совсем не понимаю, отчего она вас-то интересует. Наверно, господин Бродяжник недаром подстерегает и подслушивает, но я посоветовал бы ему не говорить загадками.

— Слово за слово! — рассмеялся Бродяжник. — Однако за-

гадок нет: я поджидаю хоббита по имени Фродо Торбинс, и время мое на исходе. Я знаю, что он покинул Хоббитанию, скрывая тайну, очень важную для меня и моих друзей... Только не хватайтесь за кинжалы! — предупредил он хоббитов, когда Фродо вскочил с места, а Сэм смерил его вызывающим взглядом. — Я сберегу вашу тайну не хуже вас. А беречь — надо! — Он подался вперед и с сомнением поглядел на них. — Будьте настороже, следите за каждой тенью! — тихо и твердо сказал он. — Черные конники уже побывали в Пригорье. Один, говорят, вчера прискакал по Неторному, а к вечеру явился и второй. Один — с юга, другой — с севера.

Сидели и молчали. Наконец Фродо сказал Пину и Сэму:

— Мне бы сразу догадаться — и привратник допытывался, и хозяин поглядывал искоса: видно, что-то прослышал. Не зря ведь он тащил нас в залу? Мы, конечно, тоже хороши — надо было сидеть в своей комнате, и все тут.

— Надо было, — подтвердил Бродяжник. — Я бы вам это объяснил, да Лавр помешал — не скандал же устраивать!

— А вы думаете, он... — начал было Фродо.

— Нет, этого я не думаю, — предугадал вопрос Бродяжник. — Просто Лавр не любит, когда разные бродяги тревожат почтенных гостей.

Фродо смущенно поглядел на него.

— И то сказать, чем я с виду лучше колоброда? — сказал Бродяжник, вскинув глаза на Фродо и все так же хмуро улыбаясь. — Надеюсь, однако же, что мы еще познакомимся как следует, тогда ты мне и объяснишь, зачем было исчезать, не кончив песни. Эта проделка...

— Да не проделка, а просто нечаянно! — прервал его Фродо.

— Положим, нечаянно, — согласился Бродяжник. — То есть не по твоей воле. Но из-за этой нечаянной проделки все вы под угрозой. Кстати, прости мне «ты» — это знак доверия, у нас иначе не говорят.

— Говори, как привык, — сказал Фродо. — А что под угрозой — это не новость. Конники давно уж гонятся за мною; наоборот, хорошо, что мы разминулись в Пригорье.

— Зря ты так думаешь! — строго возразил Бродяжник. — Они вернутся, или другие нагрянут — есть ведь и другие. Число их мне известно, ибо я знаю, кто они такие. — Он помолчал, и глаза его сурово блеснули. — Здесь в Пригорье — как и везде, впрочем, — немало дрянных людишек. Бит Осинник, например, — видели его сегодня? О нем идет скверная молва, кто у него только не гостит! Наверняка заметили — чернявый такой, с кривой ухмылкой. Липнул к одному южанину, с ним и вы-

шел — после твоей нечаянной проделки. Южане мне очень подозрительны, а Бит Осинник кого угодно за грош продаст, даже и не за грош, а просто потехи ради.

— Кого это он будет продавать и при чем тут моя, как ты говоришь, проделка? — спросил Фродо, по-прежнему словно не замечая намеков Бродяжника.

— Вас он будет продавать, и за хорошую цену, — отвечал Бродяжник. — Рассказ о нынешнем вечере очень дорого стоит. Поддельным именем никого теперь не обманешь: все ясней ясного. Вас опознают еще до утра. Довольно объяснений? Берите или не берите меня в провожатые, ваше дело. Земли между Хоббитанией и Мглистым хребтом я исходил вдоль и поперек. Я старше, чем вам кажется; опыт мой пригодится в пути. На Тракт вам нельзя: конники будут следить за ним днем и ночью. В глушь тоже нельзя. Из Пригорья вы, может, и выберетесь, проедете по солнышку часок-другой, а потом-то что? Настигнут вас в стороне от дороги, где и на помощь звать некого. Вы знаете, что с вами будет, если вас нагонят? Берегитесь!

Голос Бродяжника изменился. Хоббиты с изумлением увидели, что спокойное лицо его потемнело, а руками он крепко сжал поручни кресла. В комнате было тихо и сумрачно, камин едва теплился. Бродяжник глядел незрячими глазами, вспоминая что-то давнее, словно вслушиваясь в ночь.

— Да, так вот, — сказал он, проведя рукой по лбу. — Я про ваших преследователей знаю больше, чем вы. Вы их боитесь — и правильно, только самого страшного не понимаете. Надо, чтоб завтра и след ваш простыл. Бродяжник поведет вас неведомыми тропами — если он годится вам в провожатые.

Снова надвинулось молчание. Фродо, в испуге и сомненье, медлил с ответом. Сэм нахмурился, глянул на хозяина, вскочил и выпалил:

— С вашего позволения, сударь, я скажу: нет, не годится! Бродяжник, он на что напирает: берегитесь, мол! — и тут я с ним согласен. Только не его ли поберечься для начала-то? Он ведь из Глухоманья, а там, слышно, добрые люди не живут. Что-то он про нас хитрым делом вызнал, это ясно. Так поэтому надо брать его в провожатые? Чего доброго, заведет он нас, как сам сказал, туда, где и на помощь-то позвать некого. Нет, сударь, как знаете, конечно, а у меня к нему душа не лежит.

Пин поерзал было на стуле, но смолчал. Бродяжник, не ответив Сэму, вопросительно посмотрел на Фродо. Тот отвел глаза.

— Нет, Сэм, ты, пожалуй, не прав, — медленно выговорил он. — А ты, — он обратился к Бродяжнику, — ты же совсем не такой, как с виду, а зачем притворяешься? Начал говорить — вроде пригорянин, а теперь и голос другой. Сэм прав: как же ты советуешь нам следить за каждой тенью, а сам ждешь, что мы

тебе сразу и безоглядно доверимся? Кто ты на самом деле? Что ты про меня — про мои дела — знаешь? Как узнал?

— Вы, я вижу, и без моих советов настороже, — усмехнулся Бродяжник. — Но одно дело осторожность, другое — нерешительность. Без меня вы до Раздола не доберетесь, так что вам волей-неволей придется мне поверить. Жду я от вас, однако, не столько доверия, сколько решимости. На вопросы твои — правда, не на все — готов для пользы дела ответить. Только что в этом толку, раз у вас наготове недоверие? Я отвечу — вы еще спросите. Так и до рассвета можно проговорить. Вот что, впрочем...

В дверь постучали, и на пороге появился Наркисс со свечами, а за ним виднелся Ноб с ведрами кипятку. Бродяжник незаметно встал и отступил в темный угол.

— Пришел пожелать вам доброй ночи, — сказал хозяин, ставя подсвечники на стол. — Ноб, воду не сюда, а в спальни! — Он захлопнул перед ним дверь. — Тут вот какое дело, — продолжал трактирщик смущенно и нерешительно. — Если из-за меня вышел какой вред, уж простите великодушно. Сами ведь знаете: одно на другое налезает, а я человек занятой. Видите ли, мне велено было поджидать одного хоббита из Хоббитании, по имени Фродо Торбинс.

— Ну и при чем же тут я? — спросил Фродо.

— А, ну да! — закивал трактирщик. — Вы, значит, просто примите к сведению. Мне было сказано, что приедет он под именем Накручинс, и даны, извините, приметы.

— Да? И какие же приметы? — опрометчиво прервал его Фродо.

— Повыше обычного хоббита, плотненький, краснощекий, — торжественно отчеканил наизусть Лавр.

Пин хмыкнул, Сэм насупился.

— «Хотя это тебе, Лаврик, не приметы, — сказал он мне тогда. — Хоббиты — народ похожий, все плотненькие, все краснощекие. Но учти, что все-таки повыше других, рыжеватый и с раздвоенным подбородком. Прищур задумчивый, глаза блестящие, глядит прямо». Прошу прощенья, но я за его слова не отвечаю, если что не так.

— За его слова? А кто это — он? — взволновался Фродо.

— Ах ты, батюшки, забыл сказать: да приятель мой, Гэндальф. Вообще-то он маг, но мы с ним всегда были в дружбе. А теперь вот я даже и не знаю, чего от него ждать: или все пиво мне сквасит, или вообще меня самого в чурбан превратит — у него это мигом, он на расправу-то скор. Может, потом и пожалеет, да ведь сделанного не разделаешь.

— Так что же вы натворили? — нетерпеливо спросил Фродо.

— О чем бишь я? — задумался трактирщик, щелкнув паль-

цами. — Ах, ну да, старина Гэндальф. Месяца три тому останавливался он у меня в трактире. И вот однажды влетает на ночь глядя прямо ко мне в комнату — даже постучать забыл — и говорит: «Утром, Лаврик, мы уже не увидимся, я до свету уйду. У меня к тебе поручение». — «Слушаю, — говорю, — хоть десять». А он мне: «Ты сможешь отправить с оказией письмо в Хоббитанию? Сможешь передать с кем понадежнее?» — «Уж подыщу кого-нибудь, — отвечаю, — завтра или послезавтра». — «На послезавтра, — говорит, — не откладывай». И дал мне письмо. Надписано-то оно проще простого, — сказал Лавр Наркисс.

Он достал письмо из кармана, принял важный вид (ибо очень гордился своей грамотностью) и зачитал по складам:

— «ХОББИТАНИЯ, ТОРБА-НА-КРУЧЕ, ФРОДО ТОРБИНСУ».

— Письмо — мне — от Гэндальфа! — воскликнул Фродо.

— Так, стало быть, настоящая-то ваша фамилия — Торбинс? — спросил трактирщик.

— Сами ведь знаете, — сказал Фродо. — Отдавайте-ка мне это письмо и объясните, пожалуйста, почему вы его не отправили вовремя. Затем ведь, наверно, и пришли? Долго, однако, раскачивались!

— Ваша правда, сударь, — виновато признал бедняга Лавр, — и опять же прощенья просим. Что мне будет от Гэндальфа — прямо страшно и подумать. Только я ведь без задней мысли: схоронил его понадежнее до подходящего случая, а случая нет и нет — ну и вылетело оно за хлопотами у меня из головы. Зато уж теперь обо всем постараюсь, я оплошал, с меня и спрос: что смогу — только скажите, — сразу сделаю. Да и помимо письма у меня был какой уговор с Гэндальфом? Он мне: «Лавр, тут к тебе явится один мой друг из Хоббитании — а может, и не один, — назовется Накручинсом. Лишних вопросов ему не задавай. Будет в беде — выручай, не жалей ни сил, ни денег, сам знаешь, за мной не пропадет». Вот, значит, и вы, а беда-то рядом ходит.

— Это вы о чем? — осведомился Фродо.

— Да об этих черных, — объяснил хозяин, понизив голос. — Они ведь спрашивали Торбинса, и хоббитом буду, если подобру спрашивали. В понедельник заезжали — собаки скулят и воют, гуси галдят и гогочут — жуть какая-то, честное слово! Двое сунулись в дверь и сопят: подавай им Торбинса! У Ноба аж волосы дыбом. Я-то их кой-как спровадил: езжайте, мол, дальше, там вам и Торбинс, и что хотите. А они уехать уехали, но спрашивали вас, слышно, до самого Арчета. Этот, как его, из Следопытов, ну Бродяжник-то, — он тоже все про вас спрашивал и прямо рвался сюда: ни вам поужинать, ни отдохнуть!

— Верно говоришь, рвался! — вдруг промолвил Бродяжник,

выступив из темноты. — И зря ты, Лавр, не пустил меня — тебе же было бы меньше хлопот!

— А ты, значит, уж тут как тут! — мячиком подпрыгнул трактирщик. — Пролез-таки! Теперь-то чего тебе надо, скажи на милость?

— Теперь он здесь с моего ведома, — объявил Фродо. — Он пришел предложить свою помощь.

— Ну, вам, как говорится, виднее, — пожал плечами господин Наркисс, окинув Бродяжника подозрительным взглядом. — Только я бы на вашем месте со Следопытами из Глухоманья, знаете, не связывался.

— А с кем прикажешь ему связываться? — сквозь зубы процедил Бродяжник. — С жирным кабатчиком, который и свое-то имя еле помнит, даром что его день напролет окликают? Они ведь не могут навечно запереться у тебя в «Пони», а домой им путь заказан. Им надо ехать или идти — дальше, очень далеко. Или, может, ты сам с ними пойдешь, отобьешься от Черных Всадников?

— Я-то? Чтоб я из Пригорья? Да ни за какие деньги! — до смерти перепугался толстяк, будто ему и правда это предложили. — Ну а если вам, господин Накручинс, и в самом деле переждать у меня? Какая спешка? Что вообще за катавасия с этими черными страхолюдами? Откуда они взялись?

— Они из Мордора, Лавр. Понимаешь? Из Мордора, — вполголоса вымолвил Бродяжник.

— Ох ты, спаси и сохрани! — побледнел от страха Лавр Наркисс. Видно, слово «Мордор» тяжело лежало у него на памяти. — Давно у нас в Пригорье хуже ничего не слыхали!

— Услышите еще, — сказал Фродо. — Ну а помочь-то мне вы все-таки согласны?

— Да как же не помочь, помогу, — шепотливой скороговоркой заверил господин Наркисс. — Хоть и не знаю, что толку от меня и таких, как я, против... против... — он запнулся.

— Против Тьмы с Востока, — твердо выговорил Бродяжник. — Толку не много, Лавр, но уж какой ни на есть. Ты, например, можешь бесстрашно оставить у себя на ночь господина Накручинса — и не припоминать его настоящее имя.

— Еще бы, еще бы, — с видимым испугом, но тем решительнее закивал трактирщик. — Но черные, они-то ведь знают, что я вам не в помощь. Ох, какая, правда, жалость, что господин Торбинс нынче так себя обнаружил. Про Бильбо-то здесь давно уж слышали-переслышали. Ноб и тот, видать, понял, а ведь есть у нас и которые побыстрее соображают.

— Что ж, надо надеяться, Всадники покамест не нагрянут, — сказал Фродо.

— Конечно, конечно, надо надеяться, — поспешно поддак-

нул Лавр. — Тем более, будь они хоть сто раз призраки, в «Пони» нахрапом не проберешься. До утра спите спокойно, Ноб про вас слова лишнего не скажет, а мы уж всем домом приглядим, чтоб разные страхолюды здесь не шастали.

— Только на рассвете чтоб нас разбудили, — наказал Фродо. — Надо выйти в самую рань. Завтра, будьте добры, в полседьмого.

— Дело! Заказ есть заказ! — обрадовался трактирщик. — Доброй ночи, господин Торбинс, то есть, простите, Накручинс! А, да, вот только — где же господин Брендизайк?

— Не знаю, — мгновенно встревожившись, отозвался Фродо. Про Мерри они как-то позабыли, а время было позднее. — Гуляет, наверно. Он сказал, пойдет подышит воздухом.

— Да, за вами глаз да глаз! — со вздохом заметил господин Наркисс. — Пойду-ка велю запереть все двери — когда ваш приятель, конечно, вернется, — пусть за этим Ноб приглядит.

Наконец хозяин покинул их, снова бегло прищурившись на Бродяжника и покачав головой. Шаги его в коридоре удалились и стихли.

— Ну как, письмо-то будешь читать? — спросил Бродяжник.

Фродо внимательно рассмотрел печать — да, печать Гэндальфа, бесспорно, — потом сломал ее. Лист был исписан скорым и четким почерком:

«ГАРЦУЮЩИЙ ПОНИ», ПРИГОРЬЕ.

Равноденствие, год по Летосчислению Хоббитании 1418-й.

Друг мой Фродо!

Меня настигли дурные вести. Спешу, времени совсем нет, а ты выбирайся побыстрее из Торбы: к концу июля, самое позднее, чтобы в Хоббитании и духу твоего не было! Вернусь, когда смогу, запоздаю — нагоню. Если пойдете через Пригорье, оставьте мне весточку. Трактирщику (Наркиссу) доверять можно. Надеюсь, в дороге встретите моего друга: человек высокий, темноволосый, зовут Бродяжником. Он все знает и поможет. Идите к Раздолу — там-то уж наверняка свидимся. А не поспею — Элронд о вас позаботится и скажет, как быть дальше. Тороплюсь, прости —

ГЭНДАЛЬФ.

Да, к слову: не надевай его, ни в коем случае не надевай! Идите днем, ночью прячьтесь!

Еще к слову: когда встретите Бродяжника, будьте осторожны — мало ли кто может так назваться. По-настоящему его зовут Арагорн.

Древнее золото редко блестит,
Древний клинок — ярый.
Выйдет на битву король-следопыт:
Зрелый — не значит старый.
Позарастают беды быльем,
Вспыхнет клинок снова,
И короля назовут королем —
В честь короля иного.

И еще к слову: надеюсь, Лавр не замедлит отослать письмо. Он человек как человек, только память у него — дырявое решето. Забудет — суп из него сделаю.

Удачи!

Г.»

Фродо прочел письмо про себя, потом отдал его Пину и кивнул на Сэма: мол, прочтешь, передай ему.

— Да, натворил дел наш голубчик Наркисс! — сказал он. — Как бы Гэндальф и правда суп из него не сделал — и поделом! Эх, получил бы я письмо вовремя, давно бы уже в Раздоле были. Но что же такое с Гэндальфом? Он пишет, будто собирается в огонь шагнуть.

— А он уже много лет идет сквозь огонь, — сказал Бродяжник. — Напрямик и без колебаний.

Фродо обернулся и задумчиво поглядел на него, припомнив «еще к слову» Гэндальфа.

— Почему же ты не сказал мне, что ты его друг? — спросил он. — И дело бы с концом.

— Ты думаешь? Я, положим, сказал бы, но верить мне надо было на слово, а что вам мои слова? — возразил Бродяжник. — Про письмо я не знал. Да и зачем же я-то буду вам говорить о себе: сперва с вами надо разобраться. Враг то и дело ставит мне ловушки. Я разобрался — и готов вам кое-что объяснить; однако же надеялся, — сказал он со странной улыбкой, — что вы доверитесь мне и без особых объяснений. Иногда просто устаешь от враждебности и недоверия. Впрочем, вид у меня, конечно, к дружелюбию не располагает.

— Это верно, — облегченно рассмеялся Пин, дочитавший письмо. — Но у нас в Хоббитании говорят: перо соколье — нутро воронье. А тебе каким же с виду и быть, раз ты недельку-другую полежал в засаде.

— Неделя в засаде — это пустяки. Многие годы надо пробродить по Глухоманью, чтобы стать похожим на Следопыта, — сказал Бродяжник. — Вы таких испытаний не знаете... и хорошо, что не знаете.

Пин поверил, но Сэм все еще с недоверием оглядывал Бродяжника.

— А нам почем знать, что ты и есть тот самый Бродяжник, про которого пишет Гэндальф? — спросил он подозрительно. — Ты ведь Гэндальфа и не упомянул бы — если б не письмо. Может, ты вообще подмененный — прибил настоящего, чтобы нас незнамо куда заманить. На это что скажешь?

— Скажу, что тебя на мякине не проведешь, — ответил Бродяжник. — А еще скажу тебе, Сэм Скромби, что если б я убил настоящего Бродяжника, то тебя прикончил бы, не сходя с места. Если б я охотился за Кольцом, оно уже сейчас было бы моим!

Он встал и словно бы вырос. В глазах его блеснул суровый и властный свет. Он распахнул плащ — и положил руку на эфес меча, дотоле незамеченного. Хоббиты боялись шелохнуться. Сэм глядел на Бродяжника, разинув рот.

— Не бойтесь, я тот самый Бродяжник, — сказал он с неожиданной улыбкой. — Я Арагорн, сын Арахорна; и за ваши жизни порукой моя жизнь или смерть.

Молчание длилось долго. Наконец заговорил Фродо.

— Я так и знал, что ты друг мне, до письма, — сказал он. — Ну, может, и не знал точно, а все же надеялся. Ты нынче вечером нагнал на меня страху, и не один раз — но это не тот, не ледяной страх. Был бы ты из них, ты бы ласку напоказ, а иное про запас.

— Ну да, — рассмеялся Бродяжник. — А я про запас невесть что держу, и ласки от меня не видать. Впрочем, *древнее золото редко блестит*.

— Так это про тебя стихи? — спросил Фродо. — То-то я не мог понять, к чему они. А откуда ты знаешь, что Гэндальф тебя упоминает — ты ведь письма-то не читал?

— Да я и не знаю, — ответил он. — Только я и есть Арагорн, а стало быть, и стихи обо мне.

Бродяжник извлек меч из ножен, и они увидели, что клинок сломан почти у самой рукояти.

— Толку от него мало, правда, Сэм? — улыбаясь, спросил он. — Но близится время, когда он будет заново откован.

Сэм промолчал.

— Ну что же, — сказал Бродяжник, — значит, с Сэмова позволения, дело решенное: Бродяжник ваш провожатый. Завтра, кстати, нам предстоит нелегкий путь. Даже если мы без помехи выберемся из Пригорья, все равно вряд ли уйдем незаметно. Постараемся хотя бы, чтобы нас потеряли из виду; есть отсюда одна-другая неведомая тропка. А собьем погоню — тогда на Заверть.

— На Заверть? — недоверчиво спросил Сэм. — На какую еще Заверть?

— Гора такая, к северу от Тракта, на полпути к Раздолу. Оттуда все видно — вот и оглядимся. Если Гэндальф пойдет за нами следом, он явится туда же. А после Заверти — еще труднее, еще опасней.

— Ты когда видел Гэндальфа последний раз? — спросил Фродо. — Ты знаешь, где он, что с ним?

— Нет, не знаю, — сумрачно ответил Бродяжник. — Весною мы вместе пришли с запада. Много лет берег я пределы Хоббитании, пока он был занят другим! Границы ваши он без охраны почти никогда не оставлял. Последний раз я видел его в начале мая, он сказал, что ваше дело разъяснилось и что вы пойдете к Раздолу в конце сентября. Я думал, что он с вами, и отправился по своим делам, а напрасно: наверняка пригодился бы. С тех пор как мы знакомы, я тревожусь впервые. Мало ли почему нет его самого — но вести какие-то он непременно должен был прислать! А вестей не было; наконец до меня дошли слухи, что Гэндальф пропал, а по Хоббитании рыщут Черные Всадники. Это рассказали мне эльфы Гаральда; от них же узнал я, что вы на пути в Забрендию, и решил покараулить у Западного Тракта.

— Так ты думаешь, это Черные Всадники задержали Гэндальфа? — спросил Фродо.

— Если не они, то разве что сам Враг; больше задержать его никому не под силу, — сказал Бродяжник. — Но не отчаивайся, выше голову! Вы у себя в Хоббитании толком не знаете, кто такой Гэндальф, вам ведомы лишь его шутки да веселые затеи. Правда, на этот раз задача у него еще опаснее, чем обычно.

— Ох, простите, — вдруг зевнул Пин, — но устал я до смерти. Тревоги и заботы — это пусть уж завтра, а нынче я лягу, а то как бы сидя не уснуть. Где же несчастный лопух Мерри? Если придется напоследок разыскивать его в потемках — я ему потом голову оторву.

При этих его словах грохнула входная дверь, по коридору прокатился быстрый стук шагов, и в комнату ворвался Мерри, а за ним — растерянный Ноб. Мерри с трудом перевел дыхание и выпалил:

— Я видел их, Фродо! Видел! Они здесь — Черные Всадники!

— Черные Всадники! — Фродо вскочил. — Где?

— Да здесь же, здесь, в самой деревне. Я часок посидел у огня — вы не приходили — и пошел гулять. Стоял у фонаря, глядел на звезды. И вдруг меня дрожью проняло: подкралась какая-то мерзкая жуть, черное пятно продырявило темноту в стороне от фонарей. Появилось — и скользнуло куда-то в густую темень. Лошади не было.

— Куда скользнуло? — настороженно и резко спросил Бродяжник.

Мерри вздрогнул, приметив чужака.

— Говори! — сказал Фродо. — Это друг Гэндальфа. Потом объясню.

— Вроде бы к Тракту, — продолжал Мерри. — Я как раз и решил проследить, только не знал, за кем или за чем, свернул в проулок и дошел до последнего придорожного дома.

— Да ты храбрец, — заметил Бродяжник, не без удивления поглядев на Мерри. — Однако это было очень безрассудно.

— Ни особой храбрости, ни безрассудства от меня не потребовалось, — возразил Мерри. — Я шел будто не по своей воле: тянуло, и все тут. Куда — не знаю, но вдруг я как бы опомнился — и услышал почти рядом два голоса. Один шепелявил с каким-то присвистом, а в ответ ему раздавалось невнятное бормотанье. Я ничего не разобрал: ближе подойти не смел, а убежать — ноги не слушались. Стою, дрожу, насилу-то повернулся к ним спиной и хотел было припуститься опрометью, как вдруг сзади надвинулась жуть, и я... упал, наверно.

— Я его нашел, сударь, — пояснил Ноб. — Господин Наркисс выслал меня поискать с фонарем — ну, я сначала к Западным Воротам, потом к Южным, смотрю — возле самого дома Бита Осинника, у забора, что-то неладно: вроде двое склонились над третьим, хотят его уволочь. Я: «Караул!» — и туда, подбегаю — никого, только вот господин Брендизайк лежит, будто уснул прямо на дороге. Я уж его тряс-тряс, насилу-то он оклемался и бормочет дурным шепотом: «Я, — говорит, — ровно утонул и на дне лежу», а сам подвигается. Я туда-сюда: что делать? А он вдруг как вскочит — и стрелой в «Пони», знай поспевай за ним.

— Наверно, все так и было, — сказал Мерри, — я, правда, не помню, что я там нес, хотя сон был страшнее смерти; впрочем, сна тоже не помню, и на том спасибо. Точно меня куда-то затянули.

— Едва не затянули, — уточнил Бродяжник. — В замогильный мрак. Должно быть, Всадники оставили где-то своих коней и пробрались в Пригорье Южными Воротами. От Осинника они знают все последние новости, косоглазый южанин тоже наверняка шпион. Веселая у нас будет ночка.

— А что? — спросил Мерри. — Нападут на трактир?

— Это вряд ли, — сказал Бродяжник. — Не все еще подоспели; да и не так они действуют. Им нужна глушь и темень, а большой дом, суматоха, огни, куча народу — нет, это им незачем: путь-то у нас еще долгий, время есть. Сами не нападут, но подручных у них здесь хватит — одни помогут охотно, другие от страха. Тот же Осинник, пяток южан, да и привратник Горри. Всадники в понедельник с ним поговорили на моих глазах, когда отъехали, он был белый как стена, и колени тряслись.

— Стало быть, кругом враги, — сказал Фродо. — Что делать?

— Спать здесь, по спальням не расходиться! Они уж наверняка проведали, где ваши спальни — круглые окна на север, почти вровень с землею. Останемся здесь, окна закроем ставнями, дверь запрем на все засовы. Сейчас мы с Нобом сходим принесем ваши пожитки.

Он отлучился, и Фродо наспех рассказал Мерри обо всем, что произошло за вечер. Когда Бродяжник и Ноб вернулись, Мерри размышлял над письмом Гэндальфа.

— Значит, так, господа гости, — сказал Ноб, — я там взворошил ваши постели и положил в каждую по диванному валику, с вашего позволения. Еще бурое такое шерстяное покрывало подвернул — очень вышло похоже на вашу голову, господин Тор... простите, сударь, Накручинс, — прибавил он с ухмылкой.

— В темноте поначалу не отличат! — рассмеялся Пин. — Ну а когда разберутся?

— Там видно будет, — сказал Бродяжник. — Может, до утра как-нибудь продержимся.

Они составили заплечные мешки на полу, придвинули кресло к запертой двери и затворили окно. Затворял Фродо — и глянул мельком на ясные звезды. За темными склонами Пригорья ярко сиял Серп: так хоббиты называют Большую Медведицу. Он вздохнул, закрыл тяжелые внутренние ставни и задернул занавеси. Бродяжник разжег в камине большое пламя и задул свечи.

Хоббиты улеглись на полу, ногами к огню, а Бродяжник уселся в кресле у дверей. Почти не разговаривали: один Мерри приставал с расспросами.

— «Корова вдруг взвилась!» — хихикнул он, заворачиваясь в одеяло. — Ну, Фродо, ты уж если что выкинешь, так держись! Эх, меня там не было! Ничего, зато местные будут лет сто поминать твою шутку.

— Это будь уверен, — сказал Бродяжник.

Затем все примолкли, и хоббиты уснули один за другим.

Глава XI

КЛИНОК В НОЧИ

Пока они готовились ко сну в пригорянском трактире, над Забрендией стояла недобрая ночь: туман вперемешку с мраком. Глухо было в Кроличьей Балке. Толстик Боббер приоткрыл дверь и осторожно высунул нос. Весь день ему было как-то страшновато, а под вечер он даже и лечь не решился. В недвижном воздухе таилась смутная угроза. Он всмотрелся в туманную тьму и

увидел, что калитка сама собой беззвучно растворилась — а потом бесшумно закрылась. Ему стало страшно, как никогда в жизни. Он, дрожа, отпрянул и отчаянным усилием стряхнул с себя тяжелое оцепенение. Потом захлопнул дверь и задвинул все засовы.

Ночь становилась все темнее. Послышался глухой перестук копыт: лугом подводили лошадей. У ворот перестук стих, и темноту продырявили три черных пятна: одно приблизилось к двери, два других стерегли углы дома. Пятна притаились, и тишь стала еще глуше; а ночи не было конца. Деревья у дома словно замерли в немом ожидании.

Но ветерок пробежал по листьям, и где-то крикнул первый петух. Жуткий предрассветный час миновал. Пятно у двери шевельнулось. В беззвездной и безлунной мгле блеснул обнаженный клинок. Мягкий, но тяжелый удар сотряс дверь.

— Отворить, именем Мордора! — приказал злобный призрачный голос. От второго удара дверь подалась и рухнула — вместе с цепями, крюками и запорами. Черные пятна втянулись внутрь.

И тут, где-то в ближней рощице, гулко запел рожок. Он прорезал ночь, словно молния:

ВСТАВАЙ! НАПАСТЬ! ПОЖАР! ВРАГИ!

Толстик Боббер дома не сидел. Увидев, как черные пятна ползут к дверям, он понял, что ему или бежать, или погибать. И побежал — черным ходом, через сад, полями. Пробежал едва ли не лигу до ближнего дома и упал на крыльце.

— Нет, нет, нет! — стонал он. — Я ни при чем! У меня его нету!

Про что он бормочет, не разобрались, но поняли главное: в Забрендии враги, нашествие из Вековечного Леса. И грянул призыв:

НАПАСТЬ! ПОЖАР! ВРАГИ! ГОРИМ!

Брендизайки трубили в старинный рог, трубили сигнал, не звучавший уже добрую сотню лет, с тех пор как в свирепую зиму по льду замерзшей реки пришли с севера белые волки.

ВСТАВАЙ! ВРАГИ!

Откуда-то слышался отзыв: тревога по всей форме. Черные пятна выползли из дома. На ступеньки упал продырявленный хоббитский плащ. Стук копыт притих, потом ударил галоп, удаляясь во мглу. Повсюду звучали рожки, перекликались голоса, бегали хоббиты. Но Черные Всадники вихрем неслись к северу. Пусть себе галдит мелкий народец! В свое время Саурон с ним разберется. А пока что их ждали другие дела — дом пуст. Кольца нет, дальше! Они стоптали стражу у ворот и навсегда исчезли из хоббитских краев.

В предрассветный час Фродо внезапно очнулся от сна,

словно кто-то его разбудил. И увидел: Бродяжник настороженно прислушивается, глаза его отливают каминным огнем, по-прежнему ярким, сидел он напряженно и неподвижно.

Потом Фродо опять уснул, но в сон его врывался гул ветра и яростный стук копыт. Ветер сотрясал гостиницу, а где-то в дальней дали звучал рог. Фродо стряхнул сон, открыл глаза и услышал исправный петушиный крик во дворе. Бродяжник отдернул занавеси и резко распахнул ставни, а потом окно. Серый рассвет хлынул в комнату, и утренний холодок забрался под одеяла.

Вслед за Бродяжником они прошли по коридору к своим спальням — и поняли, что его совет спас им жизнь. Окна были выломаны и болтались на петлях, ветер трепал изодранные занавеси; искромсанные диванные валики лежали на полу, среди разбросанного постельного белья; бурое покрывало в клочьях. Бродяжник тут же сходил за хозяином. Бедняга Лавр испуганно хлопал заспанными глазами, которые, по его уверению, он ни на миг не сомкнул — и все, мол, было тихо.

— То есть в жизни не видывал подобного! — возгласил он, в ужасе воздев руки к потолку. — Чтобы гостям было опасно спать в своих постелях, чтобы портили совсем почти новые валики, — это что же дальше-то будет?

— Ничего хорошего, — посулил Бродяжник. — Но тебе будет поспокойнее, когда ты от нас избавишься. Мы сейчас трогаемся. Завтрака не надо: на ходу что-нибудь перекусим.

Наркисс побежал распорядиться, чтоб седлали и выводили пони — и приготовили закуску. Вернулся он в полной растерянности. Пони исчезли! Ворота конюшни распахнуты настежь, а внутри пусто! Свели не только хоббитских пони — пропали все лошади до одной.

Фродо был вконец расстроен. Как же они проберутся к Раздолу пешком, если их преследуют конные враги? Тогда уж чего там, лучше прямо на луну — или аж звездами! Бродяжник молча оглядел хоббитов, словно оценивая их силы и решимость.

— Все равно ведь пони от конников не спасенье, — сказал он, как бы угадав мысли Фродо. — И той тропой, которой я вас поведу, лучше пешком, чем на пони. Как с припасами? Отсюда до Раздола мы их не пополним, надо захватить с лихвой — можем ведь задержаться, можем пойти кружным путем. На спинах-то вы много унесете?

— Сколько понадобится, — храбро ответил Пин, хотя сердце у него екнуло. — Пропадать — так хоть не впроголодь!

— Я за двоих поноссу, — хмуро вызвался Сэм.

— А чем бы делу помочь, господин Наркисс? — спросил Фродо. — Нельзя ли как-нибудь раздобыть пару пони — ну,

пусть одного — для поклажи? Я понимаю, нанять вряд ли... А если купить? — В уме он опасливо пересчитал все их деньги.

— Сомневаюсь, — уныло сказал трактирщик. — Все пригорянские пони — два или три — были у меня в стойлах. Лошадей у нас в Пригорье раз-два и обчелся, а какие есть — те не на продажу. Ну да уж постараемся. Сейчас вот разыщу бездельника Боба, пусть пойдет поспрашивает.

— Да, пожалуй, — как бы взвешивая, проговорил Бродяжник, — пусть спрашивает. Один-то пони нам все-таки нужен. Но теперь и думать нечего выйти рано и незаметно. Искать пони — все равно что в походный рог трубить. Такой, верно, у них и был расчет.

— Есть одна малая кроха утешения, — сказал Мерри, — если трезво рассудить, то и не малая, и не кроха. Раз уж эдак вышло, то давайте как следует позавтракаем. Где там телепень Ноб?

Задержались они больше чем на три часа. Боб явился с известием, что никаких лошадей или пони на продажу нет — вот только Бит Осинник соглашается уступить одну дряхлую животину.

— Кожа да кости, — сказал Боб, — этому пони давно на живодерню пора, а Осинник за него, будьте уверены, запросит втрое — учуял, скалдырник, поживу.

— Осинник? — насторожился Фродо. — Может, здесь какой-нибудь подвох? Может, этот пони убежит к нему назад со всею нашей поклажей или они через него нас выследят — мало ли?

— Может быть, может быть, — сказал Бродяжник. — Хотя нет, едва ли. Не вернется к Осиннику никакое животнос, единожды от него улизнувши. Наверно, он просто решил на прощанье урвать лишний клок — пони этот, я уверен, при последнем издыхании. Что ж, выбора у нас нет. Сколько он за него хочет?

Бит Осинник запросил двенадцать серебряков — в самом деле, втрое против здешней цены на крепкого пони. Купленная скотинка была костлявая, заморенная, забитая, но подыхать пока не собиралась. Лавр Наркисс заплатил за нее из своего кармана и предложил Мерри еще восемнадцать серебряков — возмещение за пропавших пони. Он был человек честный и довольно зажиточный, но тридцати серебряков ему было жалко до слез, тем паче что половину пришлось выложить паршивцу и сквалыге Осиннику.

Однако он не прогадал. Позднее оказалось, что свели только одну лошадь. Других просто спугнули, и они потом отыскались на лугах Пригорья. Правда, пони Мерри Брендизайка удрали к Тому Бомбадилу. Там они паслись и нагуливали жир как ни в чем не бывало, но, когда Том узнал, что стряслось в Приго-

рье, он отправил их обратно к Наркиссу, и тот нежданно-негаданно заполучил пятерых лошадок. В Пригорье им было, конечно, не так привольно, но все же Боб ухаживал за ними на славу, и они как-никак избежали страшного путешествия. Ну, зато и в Раздоле не побывали.

Но это было потом, а пока что денежки Лавра Наркисса то ли ухнули, то ли ахнули. Да и других забот хватало. Когда его жильцы проведали, что ночью был налет на трактир, поднялся страшный переполох. У гостей с юга увели несколько лошадок, и они во все горло поносили трактирщика, пока не обнаружилось, что один из их братии тоже исчез по ночному времени, а был это не кто иной, как косоглазый приятель Бита Осинника. Тогда все стало ясно.

— Коли-ежели подбираете по дороге конокрадов и мне их за своих выдаете, — громко сердился Наркисс, — так уж извольте сами за них расплачиваться, и нечего тут на меня орать. Подите вон, спросите у Осинника, куда это делся его дружочек!

Но оказалось, что тот, косоглазый, ничей вроде бы не был приятель и никто не помнил, когда он к ним пристал.

После завтрака хоббитам пришлось заново уложить все мешки в расчете на пеший и очень долгий путь: снеди прибавилось изрядно. Выбрались они примерно к десяти часам. Пригорье давно уж проснулось и гудело, как растревоженный улей. Еще бы, явление Черных Всадников, вчерашнее исчезновение Фродо, а теперь кража лошадей и последняя сногсшибательная новость: оказывается, Бродяжник-Следопыт нанялся в провожатые таинственным хоббитам из Хоббитании. Возле трактира собралась уйма народу, подходили из ближних селений, переговаривались и терпеливо ждали выезда путников. Постояльцы торчали в дверях и высовывались из окон.

Бродяжник переменил план: решено было двинуться из Пригорья прямо по Тракту. Сворачивать сразу толку не было — за ними увязался бы длинный хвост: поглядеть, куда их несет, и проследить, чтоб ни на чью землю не залезли. Распрощались с Нобом и Бобом, расстались с Лавром Наркиссом, осыпав его благодарностями.

— Надеюсь, до лучших времен, — сказал Фродо. — Хотел бы я погостить у вас как следует: может, когда и удастся.

Тронулись в путь встревоженные и понурые, под недобрыми взглядами толпы. Кое-кто все-таки пожелал им удачи, но слышнее были худые напутствия. Правда, пригоряне знали, что Бродяжник шуток не любит, и, когда он поднимал на кого-нибудь глаза, тут же смолкали. Он шел впереди, рядом с Фродо, за ними — Пин и Мерри; а позади Сэм вел пони, нагруженного по силам, но изрядно — впрочем, глядел он уже куда веселее, видно, почуял перемену судьбы. Сэм задумчиво грыз яблоко. Яблок

у него были полны карманы: Боб и Ноб позаботились на прощанье.

— Идешь с яблочком, сидишь с трубочкой, вот оно и ладно, — пробормотал Сэм. — Да ведь яблочек-то на весь путь разве напасешься?

Постепенно они перестали обращать внимание на любопытных, чьи головы то и дело выныривали из-за оград и дверей. Последний дом, ободранный и покосившийся, был, однако, обнесен прочным бревенчатым забором. В оконце мелькнула желтоватая и косоглазая физиономия.

«Вот оно что! — подумал Фродо. — Значит, здесь он прячется, тот южанин... Ну, по виду сущий орк, как их Бильбо описывал».

На забор, широко ухмыляясь, облокотился ражий детина с нахальной мордой — бровастый, глаза темные и мутные. Когда путники подошли, он вынул изо рта трубку и смачно сплюнул.

— Привет, долгоногий! Что, дружков нашел? — сказал он.

Бродяжник не ответил.

— Вам тоже привет, мелюзга бестолковая! — обратился он к хоббитам. — Вы хоть знаете, с кем спутались? Это же Бродяжник Оголтелый, понятно? Его еще и не так называют, говорить неохота. Ну, ночью сами поглядите, что почем! А ты, Сэмчик, смотри у меня, не обижай моего дохлого пони. Тьфу! — Он снова изрыгнул жирный плевок.

Сэм обернулся.

— А ты, Осинник, — сказал он, — спрячь-ка лучше свою поганую харю, а то ведь знаешь, что бывает! — Половина большого яблока с маху угодила Биту в нос, он мигом исчез и разразился из-под забора запоздалой руганью.

— Вкусное было яблоко, — со вздохом заметил Сэм.

Деревня кончилась. Сопровождавшие их дети и зеваки отстали и побрели назад, к Южным Воротам. Лиги две-три путники шли по Тракту, петлявшему направо и налево; потом дорога пошла под уклон, прорезая густой лес. Бурое Пригорье высилось позади; они свернули к северу узкой, еле заметной тропкой.

— Тут-то мы и скроемся от посторонних глаз, — сказал Бродяжник.

— Только не кратким путем, — усомнился Пин. — А то мы раз пошли наискосок через лес, так потом еле выбрались.

— Тогда меня с вами не было, — усмехнулся Бродяжник. — У меня все косые пути ведут прямиком куда надо.

Он еще раз оглядел пустой Тракт и углубился в кустистый пролесок, сделав знак быстро следовать за ним.

Здешних мест они не знали и оценить его замысел не могли: ясно было только, что он собрался сперва держать путь на Четбор (или, по-старинному, Арчет), но оставить его по левую

руку, потом резко свернуть к востоку и Глухоманьем идти на Заверть. Так они срезали огромную излучину Тракта, который далеко стороной обходил Комариные Топи. Но зато и попадали в самые Топи, а как их Бродяжник описывал, так это, как говорится, спасибо за новости.

Ну а пока что идти было в охотку. Когда бы не давешние ночные тревоги, так и вообще бы лучше некуда. Мягко сияло солнце, пригревало и не жарило. Лес в долине был еще весь в многоцветной листве, мирный и пышный. Бродяжник уверенно вел их запутанными тропами, из которых они сами нипочем бы не сумели выбрать нужную. А он еще вдобавок хитрил и петлял, чтобы сбить погоню со следу.

— Осинник высмотрит, конечно, где мы свернули с дороги, — сказал он, — однако за нами не пойдет, просто подскажет кое-кому. Он тут неплохо знает все тропы, хоть и хуже меня. А те, кому он подскажет, наверняка неподалеку. Пусть они думают, что мы пошли прямо на Арчет, нам того и надо.

Бродяжник ли так их вел или еще почему-нибудь, но погони не было: замечали путников разве что птицы, лисы да шустрые белки. Они заночевали в лесу, а утром тихо-мирно продолжили путь. Из лесу они выглянули только на третий день, выглянули и спрятались. Пригорянские угодья они миновали — теперь начинались Комариные Топи.

Под ногами чавкало, следы наполнялись мутной водой, из осоки и камышей выпархивали мелкие птахи. Сначала хоббиты шли бодро и уверенно, потом стали прыгать, оскользаясь, с кочки на кочку. Здесь даже Следопыты пути не знали: как повезет. На них напустилась мошкара: она гудела над головой, заползала в волосы, забиралась в рукава, в штанины — и впивалась, кусала, жалила.

— Да этак меня просто съедят! — не выдержал Пин. — Это уж не Топи Комариные, а какое-то комариное царство.

— А ежели, скажем, хоббита поблизости нет, то из кого же они, гады, кровь пьют? — полюбопытствовал Сэм, ожесточенно хлопая себя по шее.

На редкость мерзостный выдался денек в этой тусклой глуши. И ночлег был холодный, сырой, неудобный; пискливые кровопийцы глаз не давали сомкнуть. Камыши и осока кишели стрекочущей тварью, какой-то дурной роднею сверчка. Всю ночь уши терзало тарахтенье: «Крровочки! Крровочки! Крровочки!» Под утро хоббиты просто ошалели.

Немногим лучше был и четвертый день; немногим легче четвертая ночь. Кровопросцы, как их обозвал Сэм, не стрекотали, но комарье по-прежнему колыхалось над путниками ненасытно звенящим облаком.

Когда Фродо улегся, донельзя усталый и почти без надежды

уснуть, ему вдруг привиделся дальний отсвет на востоке: вспыхивало и гасло. А до рассвета было еще несколько часов.

— Что это за вспышки? — спросил он у Бродяжника, который стоял и всматривался в сырую тьму.

— Слишком далеко, не понять, — отвечал тот. — Очень странно: будто молния бьет и бьет в вершину холма.

Фродо лег, но долго еще видел яркие вспышки и темную фигуру Бродяжника. Наконец его сморил тяжелый сон.

На пятый день они оставили за собой топкую трясину и заросли камыша. Начался едва заметный, но долгий и утомительный подъем. С востока подступали крутые безлесные холмы. Правый, самый высокий и каменистый вздымался поодаль от прочих: круча с притупленной вершиной.

— Это Заверть, — сказал Бродяжник. — Древняя дорога — мы ее обошли слева — тянется у подножия горы. Завтра к полудню доберемся до нее, а там и на вершину подымемся. Да, вершины нам не миновать.

— Ты о чем? — спросил Фродо.

— Я о том, что путь наш выверен, никуда не денешься... Только вот неизвестно, что нас там ждет. С горы, однако, хорошо виден Тракт.

— Ты же ведь ожидал найти там Гэндальфа?

— Ожидал, но теперь на это надежды мало. Если он даже пойдет этим путем, то, может статься, в обход Пригорья и про нас не узнает. В один и тот же час мы туда вряд ли попадем, а не попадем — разминемся: ни ему нас, ни нам его ждать нельзя. Если Всадники не засекли нас в лесу, то обязательно пойдут к Заверти: оттуда все-все видно. И сейчас вот мы стоим, а нас видит разное зверье и птицы...

Хоббиты встревоженно поглядели на дальние холмы, а Сэм окинул взглядом бледное небо, словно ожидая оттуда угрюмого орла или мрачного коршуна.

— Ну, ты обнадежишь, Бродяжник, — покачав головою, пробормотал он.

— Стало быть? — спросил Фродо.

— Стало быть, так, — задумчиво и как бы нехотя выговорил Бродяжник. — Пойдем-ка мы прямиком по лесу на Буреломное Угорье и подберемся к Заверти. Есть там одна тропка с севера. И уж чему быть, того не миновать.

Они шли и шли почти без отдыха целый день напролет; ранний холодный вечер окутал их сыростью. Под ногами, однако, стало немного суше; позади сгущался туман. Стонали и всхлипывали незримые птицы, провожая красный диск солнца. Затем настала омертвелая тишь. Хоббиты с тоской припомнили

беспокойные закаты за круглыми окнами далекой-далекой Горбы.

На закате они подошли к речке, которая кружила между холмами и терялась в затхлых топях, и шли берегом, покуда не стемнело. Тогда они наконец остановились и устроились на ночь близ чахлого ольшаника у берега реки. В мутном небе над ними нависали мрачные, безлесные взгорья. Они караулили посменно, а Бродяжник, похоже, и вовсе не спал. Луна убывала, и после полуночи холодный серый свет заливал окрестность.

Вышли с первым лучом солнца. Воздух был студеный, небо — бледно-голубое. Хоббиты чувствовали, что отдохнули, несмотря на полубессонную ночь. Они уже привыкли к долгим переходам и скудному рациону; в Хоббитании просто не поверили бы, что можно обходиться почти без еды. А Пин сказал, что Фродо все равно раздобрел чуть ли не вдвое.

— Какое там раздобрел, — вздохнул Фродо, прокалывая новую дырочку в ремне, — от меня уже вообще ничего не осталось. Если так дальше пойдет, то я, чего доброго, стану привидением.

— Осторожнее со словами! — неожиданно резко оборвал их Бродяжник.

Горы надвинулись, угрюмо и неуверенно, то вздымаясь на тысячу с лишним футов, то сходя на нет и ложбинами пропуская путников на восток. И всюду виднелись поросшие травой серо-зеленые останки древних стен и плотин, а кое-где руины старинных каменных построек. Во тьме они подошли к западным склонам и там и заночевали. Настала ночь на пятое октября: шесть суток, как они покинули Пригорье.

А утром и тропа каким-то чудом обнаружилась, давно уж ее видно не было. Они свернули по ней направо и пошли к югу. Хитрая была тропа: она равно таилась и от горных наблюдателей, и от соглядатаев снизу. Ныряла во всякую ложбину, пряталась под кручами, виляла меж валунов или тянулась под прикрытием камней, которые скрывали путников, точно высокие, надежные стены.

— Кто, интересно, проложил эту тропу? — полюбопытствовал Мерри, когда они углубились в очередной каменный проход. — Не слишком-то мне здесь нравится: напоминает Волглый Лог. На Заверти есть Могильники?

— Нету, — отвечал Бродяжник. — Дунаданцы на Буреломном Угорье не жили, а лишь держали оборону от чародейской напасти из Ангмара. Затем и была проложена эта тропа — скрытый подход к вершине. Когда-то на Заверти высилась дозорная башня под названьем Амон-Сул, или, на всеобщем языке, Ветрогорная. Враги сожгли и разрушили ее до основания, остался только неровный каменный круг, словно венец над взлобьем древ-

ней горы. А башня была высокая и горделивая; во дни Последнего Союза на ней стоял сам Элендил, поджидая Гил-Гэлада.

Хоббиты искоса поглядывали на Бродяжника. Видно, ему были ведомы не только потаенные пути, но и старинные были.

— А кто такой Гил-Гэлад? — спросил Мерри, но Бродяжник не отвечал: он задумался.

Ответил негромкий голос:

Гил-Гэлад, светлый государь,
Последний всеэльфийский царь,
Хотел навеки превозмочь
Нависшую над миром ночь.

Сиял, как солнце, щит в ночи,
Ломались черные мечи,
А светлый меч меж черных скал
Разящей молнией сверкал.

И царь сумел развеять ночь —
Развеять, но не превозмочь, —
И закатилась навсегда
За край небес его звезда.

Все изумленно обернулись к Сэму.

— А дальше? — спросил Мерри.

— Дальше вот не помню, — признался Сэм. — От господина Бильбо я это слышал еще мальчишкой: он ведь знал, что я на эльфах вроде как помешался, и все-то мне про них рассказывал. Он меня и грамоте выучил, а стихов, какие сам сочинял, прочел без счету.

— Это не он сочинил, — сказал Бродяжник. — Это начало старинной «Песни о гибели Гил-Гэлада», Бильбо просто перевел ее с эльфийского языка на всеобщий.

— Там еще много было — и все про Мордор, — сказал Сэм. — Меня, помню, страх взял, я и не стал запоминать дальше. Почем было знать, что самому туда выпадет идти.

— Ну, покамест все же не в Мордор! — сказал Пин.

— Потише, — одернул его Бродяжник. — Осторожнее с этим словом.

Было уже за полдень, когда они подошли к южному сходу тропы и увидели перед собой в неярком и чистом свете октябрьского солнца серо-зеленую насыпь, вкруговую подводящую к северному склону горы. Решено было немедля взойти на гору. Куда уж тут скрываться, одна надежда, что никого кругом нет, ни недругов, ни соглядатаев. Склоны, сколько их было видно, пустовали. Если Гэндальф здесь и побывал, то никаких следов не оставил.

На западном склоне Заверти обнаружилась невидная лощина, а в глубине ее — сырое русло, густо поросшее высокой травой. Там они оставили Сэма, Пина, пони и всю поклажу. И по-

шли наверх, а через час или около того Бродяжник выбрался на вершину; Фродо и Мерри из последних сил поспевали за ним, одолевая каменистые кручи.

На вершине Заверти они нашли, как и предсказывал Бродяжник, древнее кольцо обомшелых руин. Но посредине плоской вершины сложенные пирамидою камни хранили черные следы недавнего пламени. Земля вблизи была выжжена дотла, траву кругом опалило, словно язык огня жарко облизал вершину; и царила мертвенная, непроницаемая тишь.

С редкозубого венца древней твердыни озирали они широко простертую даль: все больше однообразную пустошь, лишь кое-где к югу редкие рощи и проблески воды. Отсюда, с южной стороны, был хорошо виден извилистый Незапамятный Тракт, змеившийся от западных пределов холмами и низинами и пропадавший за первым темным восточным взгорьем. На всем Тракте, сколько его видать, не было ни живой души. Они посмотрели дальше — и увидели сумрачно-бурые отроги Мглистых гор; за ними высокие серые склоны и, наконец, снеговые выси, поблескивающие в облаках.

— Вот и пожалуйста! — сказал Мерри. — Было зачем сюда торопиться — ни тебе деревца, ни ручейка, ни укрытия. И Гэндальфа, конечно, нет: что ему тут делать-то?

— Да, делать ему здесь нечего, — задумчиво согласился Бродяжник. — Хотя если он был в Пригорье дня через два после нас, сюда он мог добраться раньше нашего — и подождать.

Вдруг он резко нагнулся, разглядывая верхний камень в груде закопченных булыжников, плоский и белый, не тронутый огнем. Потом поднял его и повертел в пальцах.

— Ну-ка посмотри, — предложил он Фродо. — Что это, по-твоему?

На исподе камня Фродо заметил несколько глубоких царапин.

— Четыре палочки и две точки, — сказал он.

— Не совсем так, — улыбнулся Бродяжник. — Отдельный знак слева похож на руническое «Г». Может быть, это весть от Гэндальфа: царапины свежие. Однако же необязательно, ибо Следопыты тоже пишут рунами и нередко бывают в этих местах.

— Ну а если от Гэндальфа, что это значит? — спросил Мерри.

— «Гэ» — три, — ответил Бродяжник. — «Третьего октября здесь был Гэндальф» — три дня назад, значит. И еще это значит, что писал он второпях, застигнутый опасностью: написать длиннее и яснее не успел. Тогда дела наши плоховаты.

— Пусть так, а хорошо бы, это все-таки был он, — сказал Фродо. — Несколько спокойнее — знать, что он где-то рядом, впереди или хоть позади.

— Пожалуй, — согласился Бродяжник. — Я-то уверен, что он был здесь и что на него обрушилась какая-то напасть: вон

как пламя прошлось по камням. Помнишь, Фродо, те вспышки на востоке? Мы как раз три дня назад их видели.

Наверно, его здесь окружили и застали врасплох; неизвестно только, чем это кончилось. Короче, его нет, поэтому нам надо пробираться к Раздолу на свой страх и риск.

— А далеко до Раздола? — спросил Мерри, усталыми глазами озирая неоглядные дали.

С вершины Заверти мир казался хоббитам удручающе огромным. Где-то далеко внизу нескончаемой узкой лентой тянулся пустой Тракт.

— В лигах не меряно, — отозвался Бродяжник. — Я знаю, сколько ходу по сносной погоде: отсюда до Бруиненского брода, до реки Бесноватой моих восемь дней. Наших не меньше четырнадцати — да и пойдем мы не по Тракту.

— Две недели! — сказал Фродо. — Всякое может случиться.

— Всякое, — подтвердил Бродяжник.

Они стояли у южного края-вершины, и Фродо впервые в полную силу почувствовал горький, бездомный страх. Ну что же это такое, почему нельзя было остаться в милой, веселой, мирной Хоббитании? Он повел взглядом по ненавистному Тракту — на запад, к дому. И увидел, что дорогою медленно ползут две черные точки, еще три ползли с востока им навстречу.

— Смотрите-ка! — воскликнул он, указывая вниз.

Бродяжник тут же упал наземь, в траву за каменными зубьями, и потянул за собой Фродо. Рядом шлепнулся Мерри.

— В чем дело? — прошептал он.

— Пока не знаю, но готовьтесь к худшему, — ответил Бродяжник.

Они подобрались к закраине и снова выглянули из-за камней. Утренний свет потускнел; с востока надвигались тучи. Пять крохотных, еле заметных черных пятнышек — казалось бы, ничего страшного, — но Фродо и Мерри сразу почуяли, что там, на дороге, неподалеку от подножия Заверти, собрались они самые. Черные Всадники.

— Да, это они, — сказал Бродяжник, у которого глаза были куда зорче. — Враг рядом!

Они обследовали ближнюю лощинку и склон возле нее. У родника натоптано, круг от костра, примятая трава — чья-то наспех устроенная стоянка. За обломками скал на краю лощины Сэм нашел груду валежника.

— Это, поди, старина Гэндальф наготовил, — сказал он Пину. — Может, конечно, и не он, но у кого-то был расчет сюда вернуться.

— Что же это я, — встрепенулся Бродяжник, узнав про их открытия, — мне самому надо было первым делом здесь все проверить! — и поспешил к роднику.

— Проворонил, — сказал он, вернувшись. — Сэм и Пин успели все затоптать. Топливо-то заготовили Следопыты довольно давно — но есть тут и свежие следы сапог, несколько пар... — Он задумался, как бы что-то решая.

Хоббитам явственно припомнились Черные Всадники в длинных плащах и огромных сапогах. Если они эту лощину разведали, то лучше бы из нее поскорее убраться. Сэм беспокойно огляделся: враг, значит, неподалеку, мили, может, за две, а онито с Пином разбегались!

— Давайте-ка отсюда удирать, господин Бродяжник, — просительно сказал он. — И час-то поздний, и вид у этой лощинки какой-то подозрительный...

— Да, лощинка ненадежная, — отозвался Бродяжник, подняв глаза к небу и соображая время. — И все-таки, знаешь, Сэм, вернее будет остаться здесь, хоть мне тоже здесь не нравится. Но до ночи мы ничего лучше не сыщем. По крайней мере хоть укрылись — у них ведь везде шпионы. Нам надо пересечь Тракт, а он под надзором. И за Трактом пустошь.

— Всадники же незрячие, — заметил Мерри. — При дневном свете они и пробираются-то нюхом — или как это лучше назвать, не знаю. А ты нас и на вершине вмиг положил плашмя, а теперь говоришь «увидят» — непонятно как-то получается.

— На вершине я был очень неосторожен, — ответил Бродяжник. — Я все искал — нет ли других вестей от Гэндальфа, и мы втроем долго проторчали на виду. Всадники незрячие, это верно; а черные кони видят, и кругом — на земле и в воздухе — снуют вражеские шпионы, кишат мелкие прислужники и подсказчики. Сколько их оказалось в Пригорье, помните? Всадники распознают мир по-своему: днем им приметны наши тени, а в темноте они различают черную тайнопись природы, нам неведомую. И теплую кровь они чуют все время, чуют с жадной и мстительной злобой. Есть ведь иное чутье, помимо обоняния и зрения. Мы же чуем, что они здесь, а они нас вдесятеро острее. И еще, — он понизил голос, — их притягивает Кольцо.

— Неужто же нет никакого спасенья? — затравленно озираясь, воскликнул Фродо. — Тронешься с места — увидят и поймают! Останешься на месте — учуют и найдут!

— Подожди, не надо отчаиваться, — сказал Бродяжник, положив руку ему на плечо. — Ты не один. Для начала запалим-ка этот сушняк: огонь будет нам охраной и защитой. Саурон прибирает огонь под свою руку, он все прибирает, — но пока что Всадники огня побаиваются и огонь — наш друг.

— Хорош друг, — пробурчал Сэм. — Вот разожжем сейчас костер — и, стало быть, мы здесь, только еще покричать осталось, чтоб не пропустили.

Отыскав на дне лощины укромную полянку, они развели костер и наскоро приготовили еду. Вечерние тени сгустились; похолодало. И голод вдруг накинулся зверем: они же ничего не ели с утра, а ужин был поневоле скромный. Впереди лежала пустошь, где хозяйничали звери и птицы; печальные, заброшенные земли. Там только и бывали что мимоходом редкие Следопыты. Других странников совсем было немного, да и что это были за странники: ну, например, тролли — забредут иной раз из северных ложбин Мглистых гор. Нет, путешественники бывают только на Тракте, чаще всего это гномы, которые спешат по своим делам и с чужаками словом не обмолвятся.

— Не хватит у нас припасов, — сказал Фродо. — Хоть и скудно мы ели последние два дня, хоть и сегодняшний ужин — не пирушка, а все-таки переели, тем более — две недели впереди, если не больше.

— Лес прокормит, — обнадежил его Бродяжник. — Ягоды, коренья, травы, а то и дичи добуду. Не зима, еда найдется. На пропитанье хватит: затяните потуже пояса и надейтесь на будущие трапезы Элронда!

За ложбиной ничего было не видно, только серый, клубящийся сумрак. А небо расчистилось, и в нем тихо зажигались звезды. Фродо и прочие хоббиты жались к костру и кутались во что попало; только Бродяжник сидел поодаль, запахнувшись в свой дырявый плащ, и задумчиво покуривал трубку.

Пала ночь, и ярко вспыхивал огонь костра; а Бродяжник стал рассказывать им сказки и были, чтобы уберечь от страха. Ему памятны были многие древние легенды и повести стародавних лет, эльфийские и людские, о добрых и злых делах и небывальщине. «Сколько же ему лет, — думали они, — откуда же он все это знает?»

— Расскажи нам про Гил-Гэлада, — попросил Мерри, когда окончилась повесть о древнеэльфийских царствах. — Вот «Песня о гибели Гил-Гэлада» — ты ведь ее знаешь?

— Да уж, конечно, знаю, — отвечал Бродяжник. — И Фродо тоже знает: его эта древняя история прямо касается.

Мерри и Пин поглядели на Фродо, а тот смотрел в костер.

— Нет, я очень немного знаю — только то, что Гэндальф рассказывал, — задумчиво проговорил он. — Знаю, что Гил-Гэлад — последний из могучих эльфийских царей Средиземья. «Гил-Гэлад» по-эльфийски значит «звездный свет». Вместе с воинством друга эльфов Элендила он выступил в грозный поход и вторгнулся в край...

— Ладно! — прервал его Бродяжник. — Об этом, пожалуй, не стоит рассказывать, когда прислужники Врага рыщут неподалеку. Доберемся до чертогов Элронда — там и услышите всю повесть до конца.

— Ну, расскажи хоть что-нибудь про тогдашнее, — взмолился Сэм, — про эльфов расскажи, какие они тогда были. Про эльфов-то сейчас очень бы не худо послушать, а то уж больно темень поджимает.

— Расскажу вам про Тинувиэль, — согласился Бродяжник. — Коротко расскажу, потому что сказание очень длинное, а конец его забыт и никому теперь, кроме Элронда, невéдомо даже, был ли у него конец. Красивая повесть, хотя и печальная, как все древние сказанья Средиземья; и все же на душе у вас, пожалуй, станет светлее.

Он задумался, припоминая, а потом не заговорил, а тихонько запел:

Над росной свежестью полей,
В прохладе вешней луговой,
Болиголов, высок и прян,
Цветением хмельным струится,
А Лучиэнь в тиши ночной,
Светла как утренний туман,
Под звуки лютни золотой
В чудесном танце серебрится.

И вот однажды с Мглистых гор
В белесых шапках ледников
Усталый путник бросил взор
На лес, светившийся искристо
Под сонной сенью облаков,
И сквозь прозрачный их узор
Над пенным кружевом ручьев
Ему привиделась зарница

В волшебном облике земном.
Тот путник Берен был; ему
Почудилось, что в золотом
Лесу ночном должна открыться
Тропинка к счастью; в полутьму,
За чуть мерцающим лучом,
Светло пронзавшим кутерьму
Теней, где явь и сон дробится,

Он устремился, будто вдруг
Забыв о грузе тяжких лиг
Далекого пути на юг,
Но Лучиэнь легко, как птица,
Как луч, исчезла в тот же миг,
А перед ним — лишь темный луг,
Болиголов, да лунный лик,
Да леса зыбкая граница...

С тех пор весеннею порой,
Когда цветет болиголов —
Могучий, пряный и хмельной, —
Он часто видел, как рябится

Туман над чашами цветов
В прозрачном танце, но зимой
Не находил ее следов —
Лишь туч тяжелых вереницы

Тянулись за Ворожеей.
Но вскоре песня Лучиэнь
Затрепетала над землей
И пробудила, словно птица,
Весенний животворный день,
И по утрам, перед зарей,
Стирающей ночную тень,
Поляны стали золотиться

Под светоносною листвой.
И он вскричал: — Тинувиэль! —
Хотя нигде ее самой
Не видел в тишине росистой, —
И звонким эхом: — Соловей! —
Откликнулся весь край немой,
Озвучив тишину полей
Чудесным именем эльфийским.

И замерла Тинувиэль,
Прервав свой танец и напев,
Звеневший, словно птичья трель
Иль по весне ручей речистый:
Ведь имена бессмертных дев,
Как и названья их земель
Заморских, как немой распев
Потусторонних волн пречистых,

Несущих смертных в мир иной, —
Все это тайны, и она
Решила, что самой судьбой,
Весенним эхом серебристым
В дар Берену принесена,
Что, даже жертвуя собой —
Ей смерть со смертным суждена, —
Посмертно счастье воскресит с ним.

Бродяжник вздохнул и немного помолчал.

— На самом-то деле, — заметил он, — это вовсе не рассказ, а песнь: такие песенные сказания у эльфов называются *«эннсэннат»*. На нашем языке они не звучат — вы слышали дальнее, неверное эхо. А рассказывается о том, как Берен, сын Бараира, встретил Лучиэнь Тинувиэль. Берен был смертный, а Лучиэнь — дочь Тингола, который царствовал над эльфами в самые древние, самые юные века Средиземья; и прекрасней ее не бывало даже в тогдашнем юном мире. Ее прелесть была отрадней звезд над туманами северного края; и нежным сиянием лучилось ее лицо. В те дни Всеобщий Враг, кому и сам Саурон был лишь прислужником, царил на севере, в Ангбэнде, но эльфы

Запада вернулись в Средиземье, чтоб войной отнять у него украденные волшебные алмазы Сильмариллы, и предки людей были заодно с эльфами. Однако враг одолел, и пал в битве Барахир, а Берен чудом спасся и, не убоявшись смертоносных ужасов, прошел сквозь горы к тайному царству Тингола в Нелдоретском лесу. Там он увидел и услышал Лучиэнь: она танцевала и пела на поляне возле чародейной реки Эсгальдуин; и назвал он ее Тинувиэль, что значит на былом языке «соловей». Много невзгод постигло их затем; надолго они расстались. Тинувиэль вызволила его из холодных застенков Саурона, и вместе они радостно встретили страшные испытания, а пройдя их, низвергли с трона самого Врага и сорвали с него железный венец с тремя Сильмариллами, ярчайшими из всех алмазов, и один из них стал свадебным выкупом Лучиэни, поднесенным ее отцу Тинголу. Однако же случилось так, что Берен не устоял перед Волколаком, ринувшимся на него из ворот Ангбэнда, и умер на руках у Тинувиэли. Но она избрала смертную участь, чтобы последовать за ним по ту сторону смерти; и если верить песенным сказаниям, то они встретились там, за Нездешними Морями, и, взявшись за руки, побрели по тамошним луговинам. Так вот и случилось, что одна-единственная из всех эльфов Лучиэнь Тинувиэль умерла и покинула здешний мир, и вечноживущие утратили самую свою любимую. Но это она сочетала людей с древними владыками эльфов. И живы еще потомки Лучиэни, и предречено в сказаниях, что не сгинут они понапрасну. Того же рода и Элронд из Раздола. Ибо от Берена и Лучиэни родился Диор, наследник Тингола, а его дочерью была Светлая Эдвин, которую взял в жены Эарендил, тот самый, что снарядил корабль в Нездешние Моря и выплыл из туманов нашего мира, блистая Сильмариллом в венце. А от Эарендила пошли князья Нуменора, нашего Западного Края.

И пока говорил Бродяжник, они неотрывно разглядывали его странное, горделивое лицо, смутно озаряемое алыми отблесками костра. Глаза его сияли, и голос звучал дивно и твердо. Над его головой стояло черное звездное небо. И вдруг высоко позади него полыхнула бледным светом вершина Заверти. Расположившая луна медленно ползла по темному склону, и звезды над ними поблекли. Рассказ был кончен. Хоббиты задвигались, потягиваясь.

— Смотри-ка! — сказал Мерри. — Луна встает, должно быть, уже поздно.

Все подняли глаза — и все увидели близ вершины горы черный комочек, явственный в лунном свете. Это, наверно, луна обозначила большой камень или выступ скалы.

Сумрак наливался ознобной темнотой. Сэм и Мерри поежились, встали и пошли подтащить топлива. Было как будто

тихо и спокойно, но Фродо вдруг охватил цепкий ледяной страх, и он торопливо пододвинулся к огню. Откуда-то сверху прибежал Сэм.

— Вроде бы и никого, — сказал он. — Только я что-то испугался. Из лощины никуда не пойду. Подкрадываются, что ли?

— Ты кого-нибудь видел? — спросил Фродо, вскочив на ноги.

— Нет, сударь, никого не видел, даже и не смотрел.

— А я, пожалуй что, видел, — сказал Мерри. — Показались мне две или три черные тени. Как бы не сюда ползли.

— Ближе к костру, спиной к огню! — приказал Бродяжник. — Подберите жерди посушс и подлиннее!

Уселись молча и настороже, вглядываясь в немую темень. Ни шороха; Фродо мучительно захотелось крикнуть во весь голос, чтобы спастись от гнетущей тишины...

— Тише! — прошептал Бродяжник, и тут же Пин задохнулся приглушенным возгласом:

— Что это, что это там такое?

Они скорее почуяли, чем увидели, как из-за края лощины возникла тень: одна, другая, третья... Три, нет, уже четыре зыбкие фигуры застыли над ними на склоне холма: черные, словно дыры в темноте. Послышался змеиный шип, дохнуло могильным холодом. Потом тени качнулись и придвинулись.

Пин и Мерри в страхе бросились ничком на траву. Сэм беспомощно осел рядом с хозяином. А Фродо охватил невыносимый, леденящий ужас... и вдруг он понял, что надо всего лишь надеть Кольцо. Он не забыл Могильники, не забыл предупреждения Гэндальфа, но противиться не было сил. И язык отнялся. Сэм в испуге глядел на него снизу: хозяин в опасности, и никак ему не помочь — ну никак. Фродо закрыл глаза и попробовал устоять, одолеть... нет, невмоготу. Он потянул цепочку, нащупал Кольцо — и медленно надел его на указательный палец левой руки.

Все осталось, как было, в расплывчатой мгле; только черные тени вдруг надвинулись и прояснились. Перед ним возникли пять высоких воинов в серых плащах: двое стояли на гребне холма, трое приближались. Запавшие их глазницы светились острыми, беспощадными взглядами, на сединах — серебряные шлемы, в руках — стальные мечи. Они снова шагнули вперед, впиваясь в него ледяными глазами. Фродо в отчаянии обнажил свой кинжал — и кинжал зарделся, словно раскаленная головня. Двое замерли. Третий был выше всех, шлем его венчала корона. В одной руке он держал длинный меч, в другой — кинжал: клинки отливали мертвенным светом. Он ринулся к Фродо.

А Фродо, упав наземь, сам не зная почему, вдруг вскричал:

«О Элберет! Гилтониэль!» — и ударил кинжалом в ногу подступившего врага. Яростный вопль всколыхнул темноту, и ледяное смертоносное жало вонзилось в плечо Фродо. Теряя сознание, он увидел, как из мглы вырвался Бродяжник с двумя факелами в руках. Последним усилием Фродо сорвал Кольцо с пальца и, обронив кинжал, упал навзничь.

Глава XII

ПЕРЕПРАВА

Фродо очнулся, сжимая Кольцо в руке отчаянной, мертвой хваткой. Он лежал у костра, пламеневшего ярко и высоко; он увидел над собой склоненные встревоженные лица Сэма, Пина и Мерри.

— Что случилось? Где король-мертвец? — выговорил он непослушным языком.

Ему не ответили: у всех троих от радости перехватило дыхание, да и вопрос был непонятный. Потом уж Сэм рассказал, как откуда ни возьмись надвинулись страшные тени, и Фродо вдруг исчез, а его, Сэма, сшибло с ног. Он слышал голос хозяина — то ли из дальней-предальней дали, то ли вообще из-под земли, и голос этот выкрикивал что-то совсем непонятное. Искали, шарили, нечаянно наткнулись — лежит ничком, весь окоченел, меч под ним. Бродяжник велел им уложить его у огня и чтоб костер был как следует, а сам исчез: давно уж.

Сэм, видно, снова стал сомневаться насчет Бродяжника и, когда тот угрюмой тенью появился рядом, заслонил Фродо, выдернув меч из ножен, но Бродяжник, как бы не видя обнаженного клинка, опустился на колени возле раненого.

— Нет, Сэм, я не из Черных Всадников, — мягко сказал он, — и не из их подручных. Я хотел узнать, где они затаились — и отчего. Им бы заново напасть, а они отступили. Непонятно мне это. Однако поблизости даже духу их нет.

Услышав пересказ бессвязных речей Фродо, он очень обеспокоился, покачал головой и тяжело вздохнул. И велел Мерри с Пином беспрерывно кипятить воду и все время промывать рану.

— Огонь чтоб так и пылал, и держите его в тепле! — распорядился он, отошел от костра и подозвал Сэма. — Теперь, кажется, кое-что ясно, — сказал он вполголоса. — Враги напали вроде бы впятером: не все, должно быть, собрались, и отпора не ожидали. Отошли они, боюсь, недалеко и назавтра к ночи снова явятся. Им некуда спешить — по их расчетам, дело почти что

сделано. Кольцо далеко не уйдет. Да, Сэм, они так понимают, что хозяин твой случайно задержался на пороге смерти, и дальше — больше им подвластен. Похоже на то — а впрочем, еще посмотрим!

Сэм беспомощно расплакался.

— Это ты брось, — сказал ему Бродяжник. — И уж изволь положиться на меня. Ваш Фродо куда покрепче оказался, чем я думал; правда, Гэндальф на то и намекал. Его чудом не убили, и теперь ему главное дело — держаться, а он продержится — вот этого-то они и не понимают. А я постараюсь его немного подлечить. Грейте его и стерегите, если что — кричите во всю мочь и палите все вокруг; я ненадолго.

С этими словами он снова исчез во тьме.

Фродо задремывал и просыпался от холодной, вяжущей боли. У него постепенно омертвело плечо, рука, весь бок. Друзья без устали промывали ему рану и грели-согревали его, как только могли. А ночь тянулась медленно и вяло. Серый предутренний свет затопил лощину, когда Бродяжник наконец вернулся.

— Смотрите-ка! — воскликнул он, подняв с земли дотоле не замеченный и распоротый у подола черный плащ. — Вот так прошелся меч нашего Фродо. Плащ-то он распорол, а ранить его не ранил: этого царственного мертвеца простым клинком не достанешь. Вот имя Элберет — оно ему было страшнее, чем удар кинжальчика... А нашему Фродо — да, страшнее не бывает!

Бродяжник снова нагнулся и поднял длинный и тонкий кинжал, холодно блеснувший в рассветной мгле. Конец зазубренного жестокого клинка был обломан, и кинжал на глазах истаял тонким дымом — лишь рукоять уцелела.

— Плохи наши дела! — заметил он. — Нынче почитай что и некому врачевать такие страшные раны. Сделаю, конечно, что смогу, но могу я не много.

Он сел на землю, положил на колени черную рукоять и пропел над нею медленное заклинание на незнакомом языке. Потом отложил рукоять в сторону, пригнулся к Фродо и проговорил ему на ухо какие-то странные слова. Из поясной сумки он извлек длинные листья.

— Это целема, — объяснил он, — по-древнему *ацэлас*. На здешнем каменистом Угорье она не растет, я отыскал ее в темноте по запаху далековато отсюда, в чащобе к югу от Тракта.

Он растер лист в пальцах, и разнеслось сладкое, тонкое, стойкое благоухание.

— Что называется, повезло, — сказал он. — Здесь у нас, на севере, мало кто слышал о целеме — разве что Следопыты. Они ее ищут и находят возле древних стойбищ. Растение-то волшебное, но и оно если поможет, то ненадолго... Тяжелая рана.

Он заварил листья и промыл терпко-душистым отваром раненое плечо Фродо. Благоуханная свежесть успокаивала и прояснила душу. И у Фродо боль слегка утихла, но оледенелая, неподъемная рука словно примерзла к боку. Он горько корил себя за то, что надел Кольцо по велению Врага. Он-то теперь, наверно, останется калекой на всю жизнь, а дальше как быть? Сил нет двинуться...

Между тем обсуждалось именно это — как быть дальше. Решено было немедля покинуть Заверть.

— Дело ясное, — сказал Бродяжник. — Место это, значит, давно уже под вражеским надзором. Если и был здесь Гэндальф, то был и ушел, отбившись от врагов. А если мы пробудем здесь еще ночь, то тут нам и конец, где угодно лучше, чем здесь.

Как только рассвело, они наспех перекусили и собрались. Фродо идти не мог, и его ношу разделили на четверых, а самого усадили на пони. За последние дни заморенный конек поправился на удивление: потолстел, окреп и привязался к новым хозяевам, особенно к Сэму. Видно, Бит Осинник так его заездил, что даже самый трудный путь был ему не в тягость по сравнению с прежней жизнью.

Путь их лежал на юг, и прежде всего надо было, увы, пересечь Тракт, чтобы как можно скорее добраться до лесистых мест. Иначе под рукой не будет хвороста: а Бродяжник велел все время обогревать Фродо, тем более ночью — да и всем им огонь послужит какой-никакой защитой. И еще он хотел выгадать время, опять-таки срезав размашистую дорожную петлю: от восточного подножия Заверти Тракт круто и надолго сворачивал к северу.

Скрытно и осторожно обогнули они юго-западный склон горы, подобрались к Тракту, перебежали его — он был пуст на всем видимом протяжении, — и над головами их перекликнулись два замогильных голоса. Пригибаясь, они со всех ног метнулись в густой кустарник. Шли они под уклон, но кругом не было ни тропки, и приходилось то продираться сквозь кусты и заросли цепких, чахлых деревец, то брести по вязким проплешинам. Трава торчала редкими, серыми, скудными пучками, деревца осыпали их вялой, трухлявой листвой. Безотрадные это были места, и продвигались они медленно и уныло. Верховой Фродо тоскливо оглядывал тяжко понурившихся друзей — даже Бродяжник казался усталым и угрюмым.

Плечо Фродо наливалось ледяной болью, но жаловаться не годилось: он помалкивал и, стиснув зубы, терпел что было сил. Миновали четыре тяжких, однообразных дня. Заверть медленно отдалилась, дальние горы немного приблизились. После той переклички на Тракте враги не объявлялись, и не понять было, следят или следуют они за ними. Темнота их страшила, и ноча-

ми они сторожили по двое, с дрожью ожидая, что серую, мутную лунную мглу вдруг пронижут черные пятна. Но никаких пятен, сколько ни гляди, не было, и слышался только сухой шелест жухлой травы. Близкой и страшной беды, какую они почуяли на Заверти, как не бывало. Неужели же Всадники так вот сразу и сбились со следа? Вряд ли: наверняка затаились, выжидают, готовят новую засаду.

Вечерело в пятый раз, и начался еле заметный подъем: они пересекали широкую-широкую долину. Бродяжник опять свернул на северо-восток, на шестой день они одолели долгий пологий склон, и вдали показалось лесистое взгорье. Где-то внизу виднелся Тракт; справа в жидком солнечном свете поблескивала тускло-серая река. Другая река угадывалась совсем уж далеко, в затуманенной каменистой ложбине.

— Боюсь, придется нам, хочешь не хочешь, немного пройти по Тракту, — задумчиво сказал Бродяжник. — Перед нами, вот она, речка Буйная, по-эльфийски Митейтиль. Она берет начало в Эттенблатс, в излюбленной логовине троллей к северу от Раздола, и там, на юге, впадает в Бесноватую. Когда они сливаются, их начинают именовать Сероструй. Широкое у него морское устье. И никак эту Буйную не обойдешь ниже эттенблатских истоков. Один путь — Последний мост, а по нему-то и идет Тракт.

— А другая какая река виднеется? — спросил Мерри.

— Да там-то уж Бесноватая, Бруинен, там и до Раздола рукой подать, — отозвался Бродяжник. — Но дотуда от Последнего моста еще идти и идти. Тракт хорошие петли выделывает. Как мы брод перейдем, этого я еще не придумал. На первый случай хватит с нас и одной реки. Нам и то повезет, если Последний мост покамест свободен.

Рано поутру путники снова приблизились к Тракту. Бродяжник и Сэм отправились на разведку — никого: ни пешеходов, ни всадников. Тракт пустой, и конских следов нет — два дня назад здесь, в предгорье, шел дождь, так, может, смыло, а с тех пор не проезжали.

Прибавили шагу, торопились изо всех сил, и через милю-другую вдалеке под крутою горой показался Последний мост. Того и гляди из-под горы возникнут Черные... — да нет, ничего такого не видать. Бродяжник велел им спрятаться в кустах, а сам пошел вперед — и вскоре вернулся.

— Врагов у моста нет и не было, — сказал он. — Хотел бы я знать, куда они подевались. Зато вот что я нашел — а это уж совсем непонятно. — Он вытянул руку с бледно-зеленым камнем на ладони. — Лежал на мосту в грязи посреди дороги. Это эльфийский берилл. Положили на виду — а может, и обронили, — но все-таки обнадеживает. Так что через мост рискнем, а там...

там посмотрим, но дорогой не пойдем, пока не будет указанья пояснее.

Медлить не стали ни минуты и благополучно миновали мост. Кругом стояла тишь, только река клокотала под тремя огромными арками. Прошли с милю; Бродяжник свернул налево в узкую лощину и зашагал еле заметной тропой по редколесью у подножия угрюмых холмов. Хоббиты пробирались между сумрачными деревьями и радовались, что тоскливая низина и страшный Тракт остались позади, но и здесь места были дикие, глухие, зловещие. По сторонам все выше громоздились горы. На выступах и вершинах виднелись остатки древних стен, развалины башен — они точно таили в себе какую-то неясную угрозу. Фродо ехал на пони и мог оглядываться и размышлять. Он припоминал описания из книги «Туда и Обратно», рассказ про мрачные башни на горах к северу от Тракта, в той лесистой стороне, где водились тролли и где случилось первое настоящее приключение Бильбо. Не в те ли края они попали, а может, и в те же места?

— А здесь кто живет? — спросил он. — И кто эти башни выстроил? Это, что ли, Троллистое плато?

— Оно самое, — сказал Бродяжник. — Только строили не они: тролли строить не умеют. Теперь здесь никто не живет: жили люди, нынче их нет. Легенды гласят, будто их поработил ангмарский царь-чародей и они предались злу, а во время Великой войны сгинули вместе со своим повелителем. Их уже и горы давно забыли, а тень злодейства, видите, не рассеялась.

— А ты-то это откуда знаешь, раз людей давным-давно уже здесь нет? — спросил Перегрин. — Если даже горы забыли, то ведь звери и птицы такого не расскажут?

— Наследники Элендила хранят память о былом, — отвечал Бродяжник. — Да и в Раздоле многое помнят, куда больше, чем я вам могу рассказать.

— А ты в Раздоле часто бывал? — полюбопытствовал Фродо.

— Бывал, — отозвался Бродяжник. — Когда-то я там и жил, и возвращаюсь туда всякий раз, как выпадет случай, но, видно, не судьба мне там оставаться, не живется мне, вечному страннику, в дивных чертогах Элронда.

Горы обступали их все теснее. Далеко позади остался торный путь к реке Бруинен. Путники зашли в длинную долину, сущее ущелье, темное и тихое. Над каменными взлобьями нависали деревья, обнажая узловатые, старчески цепкие корни; выше по склонам густел сосняк.

Хоббиты вконец выбились из сил. Шаг за шагом пробирались они по нехоженой низине, загроможденной рухнувшими деревьями и обломками скал. Низом они шли не только из-за Фродо, которому невмоготу было вскарабкаться на кручу: зачем

карабкаться-то? Все равно там не пройдешь. А на второй день засмурело. Ровный западный ветер нагнал с моря беспросветную хмарь, и на темные вершины гор заморосил обмочной дождь. К вечеру на них нитки сухой не осталось, и ночлег был безрадостный, даже огня не развели. Наутро горы показались еще выше и круче, а долина уводила на север, куда вовсе не надо. Бродяжник, видно, тоже встревожился: уже десять дней, как с Заверти, и припасов всего ничего. А дождик сеял и сеял.

Заночевали на уступе, в каменной пещерке, скорее выемке скалы. Фродо мучился. От холода и сырости рана разнылась хуже некуда, и мертвенная, леденящая боль спать не давала. Он метался, ворочался и с ужасом прислушивался к ночным шумам и шорохам: ветер свистел в расселинах, струилась-капала вода, кряхтели горы, скатывались камни. Он вдруг почувствовал, что черные призраки — вот они, здесь, сейчас конец всему на свете, сел и увидел спину Бродяжника, который стерег их в бессонном бдении и курил трубку. Он откинулся на спину и забылся смутным сном, гуляя по свежей, пахучей траве своего садика — там, в Хоббитании, — и все это было бледно и странно, а по-настоящему четко чернели одни высокие призраки у входа в пещеру.

Когда он проснулся утром, дождик уже перестал. Тяжко нависшие облака расползались, и сквозило бледно-голубое небо. Ветер снова менялся. Вышли вовсе не спозаранок. После холодного, невкусного завтрака Бродяжник отлучился и велел им покамест носа из пещеры не казать. Взберется, сказал он, куда-нибудь повыше — и оглядится.

Принес он недобрые вести.

— Далековато занесло нас на север, — заметил он. — Непременно надо южнее податься, а то, чего доброго, забредем в Эттенблат, в северную глухомань. Там тролли хозяйничают, и места мне незнакомые. Можно бы, конечно, попробовать выйти на Раздол с севера, если прямиком, но опять же и путь долгий, и дороги я толком не знаю, да и припасов не хватит. Придется, хочешь не хочешь, выбираться к Бруиненской переправе.

Остаток дня они карабкались по осыпям. Нашли ущелье, которое вывело их в долину, пролегавшую на юго-восток, в самом подходящем направлении; но под вечер путь им преградил скалистый хребет, выщербленный, на фоне небесной темени, точно обломанная пила. Либо назад, неизвестно куда, либо уж, куда ни шло, вперед.

Попытались одолеть его с ходу, но не тут-то было. Фродо спешился и старался не отстать от друзей, а ноги дрожали и подкашивались. Пони великими трудами затягивали на кручи; а сами они то и дело теряли тропу, да и была ли она, эта тропа, неизвестно, а поклажа тяжелая. Почти что стемнело, и сил у них не было никаких, когда они наконец взобрались на верши-

ну. Между зубцами оказалась узкая седловина, и впереди был крутой спуск. Фродо упал замертво — и лежал, вздрагивая и закусывая губу. Левая рука безжизненно свисала; мертвая хватка ледяной боли впивалась в плечо и в грудь. Деревья и камни казались смутными тенями.

— Дальше идти нельзя, — сказал Мерри Бродяжнику. — Фродо, сам видишь, на ногах не стоит. Очень я боюсь за него. Ну и что нам делать? Ты думаешь, как — в Раздоле-то его сумеют вылечить, если мы туда доберемся?

— Там посмотрим, — сказал Бродяжник. — Я больше ничего сделать пока что не могу; из-за его раны я вас так и подгоняю. Но сегодня — это ты прав — дальше нельзя.

— А что такое с хозяином? — тихо спросил Сэм, умоляюще глядя на Бродяжника. — Ранка-то была махонькая и уже затянулась: только белый шрамик на плече.

— Фродо пронзило оружие Врага, — отозвался Бродяжник. — Ядовитое, гибельное, колдовское оружие. Мне это черное чародейство неподвластно. Что еще я могу тебе сказать? Держись, Сэм!

Холодная выдалась ночевка на высоком уступе, хотя и развели костерок под скрюченными корнями громадной сосны: здесь, наверно, когда-то глину брали. Хоббиты съежились и прижимались друг к другу. Свиристел ледяной ветер, и слышны были стоны и вздохи нижних деревьев. Фродо одолел полусон: ему мерещилось, будто над ним плещут черные крылья, а на крыльях — мертвецы, отыскивающие, где это он укрылся.

Забрезжило ясное, прозрачное утро; воздух посвежел, и промытые дождем бледные небеса источали неяркий свет. Путники приободрились: вот бы еще солнышко пригрело, а то руки-ноги совсем окоченели. Как только рассвело, Бродяжник, прихватив с собой Мерри, отправился обозревать окрестности на восточный пик. Когда они вернулись, с просветлевшими лицами, солнце уже сияло вовсю. Шли они почти что правильно, и теперь нужно было спуститься крутым откосом и оставить горы по левую руку. Бродяжник опять углядел вдали серый отблеск Бруинена, а путь к переправе хоть пока и не виден, но пролегает неподалеку от реки, вдоль ее ближнего берега.

— Надо нам снова выбираться на Тракт, — сказал он. — По горам не пройдем. Будь что будет, а торного пути нам никак не миновать.

Наспех позавтракали и сразу тронулись в путь. Медленно спускались по южному склону: но он оказался вовсе не так уж и крут, не то что вчерашний подъем, и вскоре Фродо снова усадили на пони. Бывший одер Бита Осинника на диво сноровисто выбирал путь и даже почти не встряхивал седока, точно заботился о нем. Путники мало-помалу повеселели. Даже Фродо под луча-

ми утреннего солнца словно бы полегчало, но в глазах у него то и дело мутилось, и он поспешно протирал их обеими руками.

Пин шел чуть впереди прочих. Вдруг он обернулся и крикнул:

— Эй, здесь тропа!

Подошли — верно, тропа: она, виясь, выползала из нижних перелесков и терялась на пути к вершине. Местами она совсем заросла, ее загромоздили сброшенные валуны и сваленные стволы; но, видно, когда-то по ней очень и очень хаживали. Проложил ее какой-то дюжий тяжелоступ: старые деревья были срублены или сломаны и огромные скалы расколоты или отодвинуты.

Они пошли по тропе, потому что по ней легче всего было спускаться, но шли они очень осторожно, особенно когда забрели в тенистый лес, а тропа стала шире и отчетливей. Вынырнув из густого ельника, она устремилась вниз по склону, а потом исчезла за могучей скалой. Они свернули вслед и увидели, что тропа ринулась под тяжелое взлобье, обросшее деревьями. В каменной стене была дверца, приоткрытая и висевшая на одной петле.

Перед этой дверцей они все остановились. За нею виднелась то ли пещера, то ли чертог, утопавший в пыльной мгле. Бродяжник, Сэм и Мерри, нажав изо всех сил, растворили застрявшую дверцу, и Мерри с Бродяжником зашли внутрь. Там были груды истлевших костей, пустые кувшины и разбитые горшки.

— Как есть логово троллей, — возгласил Пин. — А ну-ка, выбирайтесь из пещеры, и ноги в руки. Теперь-то нам известно, кто тропу протоптал, — вот и припустимся от них подальше!

— Куда торопиться, — сказал Бродяжник, выходя из пещеры. — Логово-то логово, но уж очень заброшенное. Бояться, по-моему, нечего. Спустимся потихоньку, а там уж и припустимся, если на то пошло.

От натоптанной площадки у дверцы тропа вела круто вниз, лесистым склоном. Не желая трусить на глазах у Бродяжника, Пин побежал вперед и присоединился к Мерри. Сэм с Бродяжником шли за ними по бокам пони, везшего Фродо: тропа была такая широкая, что хоббиты могли при желании шествовать строем по четыре или по пять.

Но прошествовали они недалеко: Пин вернулся бегом, а за ним и Мерри, оба насмерть перепуганные.

— Тролли, ну тролли же! — вопил Пин. — Там, внизу, прогалина, и мы увидели их из-за деревьев. Огромные-то какие!

— Пойдем поглядим, — сказал Бродяжник, подобрав суковатую дубину. Фродо промолчал. Сэм таращил глаза.

Солнце поднялось высоко и пронизывало почти безлистные ветви, ярко озаряя прогалину. Они подобрались к ней и застыли затаив дыхание. Вот они, тролли: три громадных чудовища. Один склонился, а два других смотрели на него. Бродяжник пошел к ним как ни в чем не бывало.

— Ну, ты, каменная дохлятина! — сказал он и обломал свою дубинку о задницу склонившегося тролля.

И хоть бы что. Хоббиты так и ахнули, а потом даже Фродо расхохотался.

— Ну и ну! — воскликнул он. — Хороши, нечего сказать: забываем собственную семейную историю! Это же те самые трое, которых подловил Гэндальф, когда они спорили, как вкуснее изготовить тринадцать гномов и одного хоббита!

— Вот уж не думал, что мы в тех местах! — удивился Пин. Он прекрасно знал семейную историю: сколько раз ему рассказывали ее что Бильбо, что Фродо; но, по правде-то говоря, он ей ни на грош не верил. Да и теперь тоже он очень подозрительно глядел на каменных троллей, ожидая, что они вот-вот оживут.

— Ладно там ваша семейная история, вы хоть бы о троллях что-нибудь помнили! — усмехнулся Бродяжник. — Время за полдень, солнце сияет, а вы туда же: тролли, мол, в прогалине засели! Дела не знаете — пусть; ну как не заметить, что у одного за ухом старое птичье гнездо. Хорош был бы живой тролль с таким-то украшением!

Всех одолел хохот. Фродо точно ожил, радостно припоминая первую удачную проделку Бильбо. И солнце правда так тепло сияло, и муть перед глазами немного рассеялась. Они сделали привал в этой прогалине: так вкусно было закусывать в тени огромных ног тролля.

— Может, кто-нибудь надумает спеть, пока солнце светит, — предложил Мерри, когда ложки отстучали. — А то ведь мы давно уж ничего этакого не слыхивали, а?

— С Заверти не слыхивали, — сказал Фродо. Все поглядели на него. — Да не во мне дело! — сказал он. — Мне-то как раз говорили... я гораздо лучше себя чувствую, но куда мне петь! Разве вот Сэм что-нибудь такое сообразит...

— Ну, Сэм, давай, раз уж никуда не денешься! — сказал Мерри. — Пускай голову в ход, ежели больше нечего!

— Там разберемся, чего до времени в ход пускать, — сказал Сэм. — Вот, например, чего же. Ну, стихи не стихи, а в этом роде: так, пустяки. Был разговор, я и подумал.

Он встал, сложил руки за спиной, точно в школе, и произнес, то ли пропел на старинный мотив:

На утесе, один, старый тролль-нелюдим
Думает безотрадно: «Й-эхх, поедим!..»
Вгрызся, как пес, в берцовую кость,
Он грызет эту кость много лет напролет —
Жрет, оглоед! Тролль-костоглот!
Ему бы мясца, но, смиряя плоть,
Он сиднем сидит — только кость грызет.

Вдруг, как с неба упал, прибежал, прискакал,
Клацая бутсами, шерстолап из-за скал.
— Кто тут по-песьи вгрызается в кости
Люто любимой тещи моей?
Ну, лиходей! Ох, прохиндей!
Кто тебе разрешил ворошить на погосте
Кости любимой тещи моей?

— Я без спроса их спер, — объяснил ему тролль, —
А теперь вот и ты мне ответить изволь:
Продлили бы кости, тлевшие на погосте,
Жизнь опочившей тещи твоей?
Продлили бы, дуралей?
Ты ж только от злости
Квохчешь над прахом тещи своей!

— Что-то я не пойму, — был ответ, — почему
Мертвые должны служить твоему
Безвозмездному пропитанью для выживанья.
Ропщет их прах к отмщенью, а проще —
Мощи усохшей тещи —
Ее священное посмертное достоянье,
Будь она хоть трижды усопшей.

Ухмыльнулся тролль с издевкой крутой,
— Не стой, — говорит, — у меня над душой,
А то, глядишь, и сам угодишь
Ко мне в живот,
Крохобор, пустоболт,
Проглочу живьем, словно кошка — мышь:
Я от голода костоед, а по норову — живоглот!

Но таких побед, чтоб живой обед
Прискакал из-за скал, в этом мире нет:
Скользнув стороной у обидчика за спиной,
Пнул шерстолап его,
Распроклятого экгуматора вороватого, —
Заречешься, мол, впредь насмешничать надо мной
И тещу грызть супостатово!

Но каменный зад отрастил супостат,
Сидя на камне лет двадцать подряд.
И тяжкая бутса сплющилась, будто
Бумажный колпак или бальный башмак.
Истинно, истинно так!
А ведь если нога ненадежно обута,
То камень пинать станет только дурак!

На несколько лет шерстолап охромел,
Едва ковыляет, белый как мел.
А тролль по-песьи припал на утесе
К останкам тещи —
Леденящий, тощий, —
Ему не жестко сидеть на утесе,
И зад у него все площе.

— Это нам всем в науку! — рассмеялся Мерри. — Ну, Бродяжник, повезло тебе, что ты его дубиной двинул, а то бы рукой, представляешь?

— Ну, ты даешь, Сэм! — сказал Пин. — Я такого раньше не слыхал.

Сэм пробормотал в ответ что-то невнятное.

— Сам небось придумал, не то раньше, не то сейчас, — решил Фродо. — Сэммиум меня вообще чем дальше, тем больше удивляет. Был он заговорщиком, теперь оказался шутником, ишь ты! И чего доброго, окажется волшебником — а не то и воителем?

— Не окажусь, — сказал Сэм. — То и другое дело мне не с руки.

Предвечернее солнце озаряло лесистый склон; и вниз их вела, должно быть, та самая тропа, по которой когда-то шли Гэндальф и Бильбо с гномами. Прошагали несколько миль — и оказались над Трактом, возле его обочины, на вершине громадной насыпи. Тракт давным-давно прянул в сторону от реки Буйной, клокочущей в узком русле, и размашисто петлял у горных подножий, то ныряя в лес, то прорезая заросли вереска: стремился к еще далекой Переправе. Бродяжник указал им в траве у гребня грубо отесанный, обветренный валун, испещренный гномскими рунами и какой-то еще тайнописью.

— Здрасьте пожалста, — сказал Мерри. — Да это же, верно, камень-отметина у сокровищницы троллей. У Бильбо-то много ли от тех сокровищ осталось, а, Фродо?

Фродо поглядел на камень и подумал: «Вот бы ничего не принес Бильбо, кроме этих неопасных сокровищ, с которыми так легко было расстаться».

— Ничего не осталось, — сказал он. — Бильбо раздал все до грошика: мол, краденое впрок не идет.

Вечерело, тени удлинялись, сколько хватал глаз. Тракт был по-прежнему пуст. Да все равно другого пути у них теперь не было, они сошли с насыпи, свернули влево и припустились во всю прыть. Сбоку выдвигался длинный отрог, скрывая закатное солнце, и навстречу им с гор повеяло стужей.

Они уже начали высматривать по сторонам место для ночевки, когда сзади вдруг донесся отчетливый и памятный до ужаса стук копыт. Все разом оглянулись, но напрасно: дорога только что круто свернула. Стремглав бросились они вверх по склону, поросшему вереском и голубикой, и укрылись в густом орешнике, футов за тридцать от сумеречного, смутно-серого Тракта. Копыта стучали все ближе, цокали дробно и четко; послышался тихий, рассеянный ветерком перезвон, легкое звяканье бубенцов.

— Что-то непохоже на Черных Всадников, — сказал Фродо, вслушиваясь.

Хоббиты согласились — вроде непохоже, но оставались начеку. После ужасов многодневной погони во всяком звуке за спиной им слышались опасность и угроза. Зато Бродяжник подался вперед, приложил ладонь к уху, и лицо его просияло радостью.

Смеркалось; шелест пробегал по кустам. А бубенцы раздавались все звонче, дробный перестук приближался — и вдруг из-за поворота вылетел белый конь, блеснувший в сумерках, словно светлая птица. Уздечка мерцала самоцветами, как звездными огоньками. За всадником реял плащ, капюшон был откинут, и золотые волосы струились по ветру. Фродо почудилось, будто фигура верхового пламенеет ясным светом.

Бродяжник выпрыгнул из кустов и с радостным окликом кинулся к Тракту; но прежде, чем он вскочил и вскрикнул, всадник поднял взгляд и придержал коня. Завидев Бродяжника, он спешился и побежал ему навстречу.

— *Аи на вэдуи Дунадан! Маэ гвэринниэн!* — воскликнул он.

И слова незнакомца, и его звонкий голос сразу успокоили их: во всем Средиземье только у эльфов был такой переливчатый выговор. Однако в приветствии его прозвучала тревога, и говорил он с Бродяжником быстро и озабоченно.

Потом Бродяжник призывно махнул рукой, и хоббиты поспешили вниз, на дорогу.

— Это Горислав, он из замка Элронда, — сказал Бродяжник.

— Привет тебе, долгожданный гость! — обратился к Фродо эльф-воитель. — Меня выслали тебе навстречу: мы опасались за тебя.

— Значит, Гэндальф в Раздоле? — вскричал Фродо.

— Нет. Когда я уезжал, его там не было, — ответил Горислав, — но уехал я девять дней назад. До Элронда дошли худые вести: мои родичи, по пути через ваши края за Барандуином, проведали и тотчас дали нам знать, что по западным землям рыщут Девятеро Кольценосцев, а вы пустились в дальний путь с опасным бременем и без провожатого, не дождавшись Гэндальфа. Даже у нас в Раздоле мало кому по силам противостоять Девятерым лицом к лицу, но Элронд все-таки набрал и отправил нарочных на север, на запад и на юг: ведь вы, уходя от погони, могли заплутаться в глуши. Мне выпало наблюдать за Трактом; семь суток назад я достиг моста Митейтиля и оставил вам знак — берилл. За мостом таились трое прислужников Саурона; они отступили передо мной и умчались на запад. Я ехал по их следам и встретил еще двоих: те свернули на юг. Тогда я стал искать ваш след, нашел его два дня назад и снова проехал мост, а сегодня приметил, где вы спустились с гор. Однако будет, ос-

тальное потом. Вам придется рискнуть и выдержать страх открытого пути — вечером и ночью. За нами пятеро; когда они нападут на ваш след, примчатся быстрее ветра. Где прочие, не знаю — должно быть, стерегут Брод. Об этом пока лучше не думать.

Тем временем вечерние тени сгустились, и Фродо сковала неодолимая усталость. Еще на раннем закате перед глазами его задернулась темная пелена; теперь и лица друзей были почти не видны. Боль впивалась ледяной хваткой и не отпускала. Покачнувшись, он припал к плечу Сэма.

— Хозяин мой ранен, ему плохо, — сердито сказал Сэм. — Он ехать не сможет, если не отдохнет.

Горислав подхватил падающего Фродо, бережно принял его на руки и с тревогой глянул ему в лицо.

Бродяжник в кратких словах рассказал об атаке на вершине Заверти, о смертоносном кинжале; достал и протянул эльфу сбереженную рукоять. Тот брезгливо взял ее в руки, но рассмотрел очень внимательно.

— Здесь начертаны колдовские, лиходейские письмена, — сказал он. — Незримые для вас. Спрячь-ка ее, Арагорн, у Элронда пригодится. Только спрячь подальше и не касайся ее. Нет, такие раны мне залечивать не дано. Сделаю, что сумею, но об отдыхе вам пока что и думать нечего.

Чуткими пальцами прощупал он плечо Фродо, и еще суровее стало его лицо: видно, учуял недоброе. А Фродо вдруг почувствовал, что цепкий холод приразнял когти, рука немного согрелась и боль приутихла. Сумеречная завеса проредилась, точно стаяло тяжелое облако. Выплыли из тумана, прояснились лица друзей, и ему прибыло сил и надежды.

— Поедешь на моем коне, — сказал Горислав. — Стремена я подтяну к чепраку: устроишься поудобнее. И не бойся ничего — с коня не упадешь, раз я ему скажу, чтоб ты не падал. Скачет он ровно и легко; а если что случится, он тебя вынесет, будь уверен — даже вражеские черные скакуны ему не соперники.

— Никуда он меня не вынесет! — воспротивился Фродо. — Что же, я спрячусь в Раздоле или где там у эльфов, а друзья — пропадай? Нет уж!

— Не пропадут без тебя твои друзья, — улыбнулся Горислав. — Погоня за тобой, а не за ними. Ты и твоя ноша, Фродо, — вот наша главная опасность.

Тут возразить было нечего, и Фродо согласился сесть на белого коня. Зато свои мешки они навьючили на пони и пошли гораздо быстрее, даже очень быстро — да разве за эльфом угонишься! Он вел их вперед: сначала сквозь тусклый вечерний сумрак, потом — сквозь ненастную ночную тьму, и не было ни звезд, ни луны. Остановился Горислав, когда хмуро забрезжило

утро. Пин, Мерри и Сэм еле на ногах держались, Бродяжник и тот как-то сгорбился, а Фродо приник к холке коня: его сморил тяжкий сон.

Они отошли с Тракта в заросли вереска, упали наземь и мгновенно заснули. И едва, кажется, сомкнули глаза, как сторожевой Горислав их разбудил. Утреннее солнце бередило глаза, ночная непогодь рассеялась.

— Ну-ка выпейте! — велел Горислав, что-то разливая по кружкам из своей оправленной серебром фляги.

Они выпили — вода и вода, чистая вода вроде весенней, не теплая и не холодная, без всякого вкуса, но она разливала по телу силу и вселяла бодрость. Съеденный после нее затхлый хлеб и ссохшиеся яблоки (больше ничего не осталось) утолили голод лучше самого обильного завтрака в Хоббитании.

Проспали они меньше пяти часов, и опять шли, шли и шли по бесконечной ленте Тракта — только два раза за день позволил им отдохнуть Горислав. К вечеру они одолели миль двадцать с лишним и оказались у крутого поворота направо, в низину, напрямую к Бруинепскому броду. Хоббиты прислушивались и присматривались — пока никого, но Горислав все чаще останавливался и с тревогой на лице поджидал их, если они отставали. Раз или два он даже заговорил с Бродяжником по-эльфийски.

Но как бы ни тревожились провожатые, а хоббиты нынче свое прошли. Они спотыкались и пошатывались, мечтая только об одном — дать роздых ногам. Боль терзала Фродо вдвое против вчерашнего, и даже днем все виделось ему призрачно-серым, точно мир выцвел и странно опустел. Теперь уж он нетерпеливо ждал ночи как избавления от тусклой пустоты.

Наутро, в предрассветный час, хоббиты снова брели по дороге — заспанные, усталые, унылые. А Переправа была еще далеко, и они, чуть не падая, каким-то чудом поспевали за провожатыми.

— Страшнее всего будет здесь, на пути к реке, — сказал Горислав, — ибо чует мое сердце, что погоня скачет по пятам, а у Переправы нас ждет засада.

Дорога спускалась под гору меж травянистыми склонами, и хоббиты шли по мягкой траве, чтобы отдохнули ступни. К вечеру с обеих сторон вдруг надвинулся густой сосняк, а потом дорога втиснулась в ущелье, между серыми отвесными утесами из бурого гранита. Эхо преследовало путников стуком несчетных копыт и топотом ног. Внезапно дорога вырвалась на простор из теснины: перед ними лежал пологий спуск к Броду, а на том, крутом и утесистом, берегу вилась наверх тропа и громоздились горы, заслоняя бесцветное небо.

Из ущелья выкатилось оставленное ими эхо — шарканье подошв, стук копыт, — и вздрогнули нижние ветви сосен. Гори-

слав обернулся, прислушался — и вдруг опрометью ринулся к спутникам.

— Скачи! — крикнул он Фродо. — Скачи! Прочь от врагов!

Белый конь метнулся вперед, хоббиты побежали вниз по склону, Горислав и Бродяжник — за ними. А сзади раскатом гулкого эха грянули копыта, из ущелья вылетел Черный Всадник и придержал коня, покачиваясь в седле. Еще один, еще один и еще двое.

— Вперед! Скачи! — снова крикнул Горислав.

Но Фродо отпустил поводья: странная слабость одолевала его. Конь перешел на шаг, и он обернулся. Всадники стояли на гребне недвижными черными статуями, за ними клубился серый туман. Вдруг в хоббите проснулись страх и гнев. Рука его оставила уздечку, и он обнажил меч, сверкнувший на солнце розоватым блеском.

— Скачи! Да скачи же! — крикнул Горислав и приказал коню по-эльфийски, звонко и властно: — *Нора Лим, нора лим, Асфалот!*

Белый конь прянул вперед и быстрее ветра помчался по дороге. В тот же миг ринулись с холма черные кони, и Фродо услышал леденящий вой, тот самый, что недавно оглашал Южный удел Хоббитании. Возопил ответный вой, а из-за скал и деревьев показались еще четыре Всадника: двое поскакали к Фродо, двое других — наперехват, к Переправе. Их словно раздувало ветром, и все ширились их черные крылья, охватывая кругозор.

Фродо еще раз поглядел через плечо — друзей уже не было видно. Всадники немного отстали: даже их бешеные черные скакуны не могли тягаться с белым конем Горислава.

Но он взглянул вперед — и потерял всякую надежду. Ему не успеть к Переправе — те двое его перехватят. Видел он их теперь совершенно отчетливо: ни капюшонов, ни плащей — серые латы, белые саваны и длинные сивые космы. Мечи мерцали в костяных руках, глаза сверкали из-под надвинутых шлемов, и свирепый вой не умолкал.

Ужас сковал Фродо. Меч был забыт, крик застрял в горле, сам он и двинуться боялся. Зажмурившись, прижался он к лошадиному загривку. Ветер свистал в ушах, а серебряные бубенцы бренчали глухо и странно. Его заново пронзил мертвенный холод, но эльфийский конь яростно вздыбился и промчался к реке, нос к носу миновав передового Всадника.

Всплеснулась вода, пена закипела у ног Фродо, его обдало брызгами, потом словно приподняло, и он приоткрыл глаза. Конь взбирался по каменистой тропе. Брод был позади.

Но погоня ничуть не отстала. Одолев крутой склон, конь Фродо остановился, повернулся к реке и неистово заржал. На

том берегу у самой воды черным строем стояли Девятеро Всадников, и Фродо трепетал, не смея взглянуть на страшные лица мертвецов. Переправиться им ничто не мешает, а ему до Раздола еще скакать и скакать долгой неверной дорогой: нагонят, не уйдет. И ужасающе внятен стал безмолвный приказ: ни с места. Опять обуял его гнев, но противиться не было сил.

И первый Черный конник тронул коня вперед — тот испуганно вздыбился у воды. Неимоверным усилием воли Фродо распрямил спину и поднял меч.

— Уходите! — вскричал он. — Уходите к себе в Мордор, я вам не дамся!

Всадники приостановились, но в срывающемся голосе Фродо не было той власти, что у Бомбадила. Ему ответил сиплый, мертвенный хохот.

— Сюда иди! Сюда иди! — хором позвали они. — Ты наш, твое место в Мордоре!

— Уходите! — полушепотом повторил Фродо.

— Кольцо! Отдай Кольцо! — откликнулись замогильные голоса. Главарь пришпорил коня и погнал его в реку, за ним двое других.

— Именем Элберет и прекрасной Лучиэни клянусь, — проговорил Фродо, воздев меч, — Кольца вы не получите. И я не ваш!

Тогда главарь, бывший уже посреди Переправы, привстал в стременах, грозно поднял руку — и Фродо онемел. Язык его прилип к гортани, сердце замерло, меч переломился и выпал из дрожащей руки. Эльфийский конь с храпом встал на дыбы — казалось, первый Всадник вот-вот достигнет другого берега.

Но раздался оглушительный рев и грохот: гул яростного потока, влекущего груды валунов. Фродо смутно увидел, как вся река поднялась и вздыбилась конницей бушующих волн — ему почудились среди воды белые всадники, белые кони, пышные гривы. Речная громада обрушилась на троих Черных и мигом сшибла их, бешено пенясь над водяной гробницей. Остальные шестеро прянули назад.

Как сквозь сон услышал Фродо дальние крики, и за Черными Всадниками, все еще медлившими на том берегу, ему привиделся белый витязь в сверкающих латах, а позади него — туманные фигурки, алым пламенем факелов прорезающие серую мглу, которая поглотила весь мир.

Черные кони, шалея от ужаса, ринулись в поток — его буйный, торжествующий рев заглушил дикие вопли Всадников, исчезнувших среди пены и валунов. Падая с коня, Фродо подумал, что ему суждено сгинуть в грохочущем разливе вместе со своими врагами. И лишился чувств.

Книга II

Глава I

НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ

Фродо проснулся, открыл глаза — и сразу понял, что лежит в кровати. Сначала он подумал, что немного заспался после длинного и очень неприятного сновидения, — ему и сейчас еще было не по себе. Так, значит, он дома и путешествие ему снилось? Или, может, он долго болел? Но потолок над ним выглядел непривычно и странно: высокий, плоский, с темными балками, украшенными искусной узорчатой резьбой. Фродо совсем не хотелось вставать; спокойно лежа в уютной постели, он разглядывал солнечные блики на стенах и прислушивался к шуму отдаленного водопада.

— Где это я? И который теперь час? — спросил он вслух, обращаясь к потолку.

— В замке Элронда, — прозвучал ответ. — И сейчас у нас утро, десять часов. Утро двадцать четвертого октября, если ты это хочешь узнать.

— Гэндальф? — приподнявшись, воскликнул Фродо. Так оно и было: у открытого окна в удобном кресле сидел старый маг.

— Да, я здесь, — отозвался он. — Но самое удивительное, что и ты тоже здесь — после всех твоих нелепых глупостей в пути.

Фродо промолчал и опять улегся. Ему было слишком покойно и уютно, чтобы спорить, а главное, он прекрасно знал, что ему не удастся переспорить Гэндальфа. Он проснулся окончательно и постепенно припомнил страшные вехи недавнего путешествия — путь «напрямик» по Вековечному Лесу, бегство из трактира «Гарцующий пони» и свой поистине безумный поступок, когда он надел на палец Кольцо в лощине у подножия горы Заверть. Пока он размышлял обо всех этих происшествиях и старательно, однако безуспешно вспоминал, как же он попал сюда, в Раздол, Гэндальф молча попыхивал трубкой, выпуская за окно колечки дыма.

— А где Сэм? — после паузы спросил Фродо. — И все остальные... с ними ничего не случилось?

— Успокойся, все они живы и здоровы, — отвернувшись от окна, ответил Гэндальф. — А Сэм дежурил у твоей постели, покуда я не прогнал его отдохнуть — он ушел спать полчаса назад.

— Так что же приключилось возле Переправы? — осторожно спросил у Гэндальфа Фродо. — Когда мы тайком пробирались к Раздолу, мир казался мне каким-то призрачным, а сейчас я почти ничего не помню.

— Еще бы! Ведь ты уже начал развоплощаться, становился призраком — из-за раны в плече. Эта рана тебя едва не доконала. Появись ты у Переправы часа на два позже, и тебя никто не сумел бы спасти. А все же ты оказался поразительно стойким — честь тебе и хвала, мой дорогой хоббит! В Могильнике ты держался просто молодцом. Жаль, что ты поддался Врагу у Заверти.

— Тебе, я вижу, многое известно. — Фродо с удивлением посмотрел на Гэндальфа. — Про Могильник я еще никому не рассказывал: сначала боялся об этом вспоминать, а потом нам всем стало не до рассказов. И вдруг оказывается, что ты все знаешь...

— Ты разговаривал во сне, — объяснил ему Гэндальф, — и я без труда обследовал твою память. Зато сейчас тебе беспокоиться не о чем. Вы вели себя прекрасно — и ты, и твои друзья, — хотя порою не очень-то мудро. Но от вас потребовалось немало мужества, чтоб совершить это далекое и опасное путешествие с Кольцом, за которым охотится Враг.

— Мы не добрались бы сюда без Бродяжника, — признался Фродо. — Но где же был ты? Без тебя я не знал, на что мне решиться.

— Меня задержали, — ответил Гандальф. — И это могло нас всех погубить... А впрочем, теперь я ни в чем не уверен: возможно, все обернулось и к лучшему.

— А что тебя задержало?

— Не торопись — узнаешь. Сегодня тебе нельзя много разговаривать... и много слушать — чтобы не утомляться. Так считает Элронд, — заключил маг.

— Да ведь говорить и слушать легче, чем думать. Думать-то утомительнее, — возразил Фродо. — Я уже, как видишь, пришел в себя и помню уйму непонятных событий. Что тебя задержало? Объясни мне хоть это!

— Всему свое время, — ответил Гэндальф. — Когда ты поправишься, мы соберем Совет, и там ты узнаешь решительно все. А сейчас я скажу тебе только одно — меня предательски заманили в ловушку.

— Тебя? — недоверчиво переспросил Фродо.

— Да, меня, Гэндальфа Серого, заманили в ловушку, — подтвердил маг. — В мире много могущественных сил, есть среди них и добрые, и злые. Перед некоторыми даже мне приходится

отступать. С некоторыми я еще никогда не сталкивался. Но теперь великой битвы не минуешь. Черные Всадники переправились через Андуин. А это значит, что приближается война.

— Выходит, ты знал про Всадников и раньше — еще до того, как я с ними встретился?

— Знал и однажды говорил тебе о них, ибо Черные Всадники — это Кольценосцы, девять прислужников Черного Властелина. Но я не знал, что они опять появились, иначе увел бы тебя из Хоббитании. Мне стало известно про Вражьих прислужников, когда я расстался с тобой, в июне... но об этом тоже узнаешь чуть позже. Меня задержали далеко на юге, и от гибельных несчастий нас избавил Арагорн.

— Да, — сказал Фродо, — без него мы погибли бы. И ведь когда он появился, мы его испугались. А Сэм, тот ему так и не поверил — по крайней мере до встречи с Гориславом.

— Слышал я и про это. — Гэндальф улыбнулся. — Ну да теперь-то Сэм ему верит.

— А вот это замечательно! — воскликнул Фродо. — Потому что мне очень нравится Бродяжник. Даже больше — я его по-настоящему полюбил... хотя он, конечно же, странный человек, а временами казался нам просто зловещим. Но знаешь? — он часто напоминал мне тебя. Скажи, неужели у Большого Народа не редкость такие люди, как Бродяжник? Я-то считал, что они просто большие — большие, грубоватые и не слишком умные: добрые, бестолковые, вроде Лавра Наркисса, или глупые, но опасные, вроде Бита Осинника. Ведь у нас, в Хоббитании, людей почти нет, и мы встречаем их только в Пригорье.

— Вы и пригорян очень плохо знаете, если ты считаешь Лавра бестолковым, — мимолетно усмехнувшись, заметил Гэндальф. — Язык у него работает проворней, чем голова, но по-своему он очень толковый, не сомневайся. Ему свои выгоды ясно видны, даже сквозь три кирпичных стены — есть такое пригорянское присловье. Но в Средиземье редко встречаются люди, подобные Арагорну, сыну Араторна. Витязей Нуменора почти не осталось. И возможно, в Великой войне за Кольцо погибнут последние соплеменники Арагорна.

— Ты хочешь сказать, что предки Бродяжника — это и есть Витязи Нуменора? — не веря своим ушам, воскликнул Фродо. — Значит, их род до сих пор не угас? А ведь я считал его просто бродягой.

— Бродягой?! — гневно переспросил Гэндальф. — Так знай же: дунаданцы — северные потомки великого племени Западных Витязей. В прошлом они мне иногда помогали, а в будущем нам всем понадобится их помощь: мы благополучно добрались до Раздола, но Кольцу суждено упокоиться не здесь.

— Видимо, так, — согласился Фродо. — Но я-то думал —

попасть бы сюда... и надеялся, что дальше мне идти не придется. Месяц я провел на чужбине, в пути — и этого для меня совершенно достаточно. Теперь мне хочется как следует отдохнуть. — Фродо умолк и закрыл глаза. Но, немного помолчав, заговорил снова: — Я тут подсчитывал, и у меня получается, что сегодня только двадцать первое октября. Потому что мы вышли к Переправе двадцатого.

— Хватит, — сказал Гэндальф, — тебе вредно утомляться. Элронд был прав... А как твое плечо?

— Не знаю, — ответил Фродо. — Вроде бы никак. — Он пошевелился. — И рука вроде двигается. Наверно, я уже совсем поправился. И она уже не холодная, — добавил хоббит, дотронувшись правой рукой до левой.

— Превосходно, — сказал Гэндальф. — Ты быстро выздоравливаешь. Скоро Элронд разрешит тебе встать — все эти дни он врачевал твою рану...

— Дни? — удивленно перебил его Фродо.

— Ты лежал здесь три дня и четыре ночи. Эльфы принесли тебя двадцатого, под вечер, а уснул ты, так и не придя в сознание. Ну и сейчас тебе, естественно, кажется, что сегодня только двадцать первое октября. Мы очень тревожились, а твой верный Сэм не отходил от тебя ни ночью, ни днем — разве что исполнял поручения Элронда. Элронд искусный и опытный целитель, но оружие Врага беспощадно и смертоносно. Я подозревал, что обломок клинка остался в твоей зарубцевавшейся ране, и, по правде сказать, не слишком надеялся, что его удастся обнаружить и вынуть. Элронд нащупал этот гибельный обломок только вчера — он уже ушел глубоко и с холодной неотвратимостью приближался к сердцу.

Фродо вспомнил зазубренный нож, исчезающий в руке Бродяжника, и содрогнулся.

— Не бойся, — сказал Гэндальф. — Он исчез навеки, когда Элронд извлек его из твоего плеча. Но ты сумел доказать нам, что хоббиты цепко держатся за этот мир. Многие могучие и отважные воины из Большого Народа, которых я знал, меньше чем в неделю стали бы призраками от раны, нанесенной моргульским клинком, — а ведь ты сопротивлялся семнадцать дней!

— Объясни мне, почему они такие опасные, эти Черные Всадники, — попросил Фродо. — И что они хотели сделать со мной?

— Они хотели пронзить твое сердце моргульским клинком, — ответил Гэндальф. — Обломок клинка остается в ране и потом неотвратимо двигается к сердцу. Если бы Всадники своего добились, ты сделался бы таким же призрачным, как они, но слабее — и попал бы под их владычество. Ты стал бы призраком Царства Тьмы, и Черный Властелин тебя вечно мучил бы за по-

пытку присвоить его Кольцо... хотя вряд ли найдется мука страшнее, чем видеть Кольцо у него на пальце и вспоминать, что когда-то им владел ты.

— Хорошо, что я не знал об этой опасности, — снова содрогнувшись, прошептал Фродо. — Я и без того смертельно перепугался, но если б я знал тогда, чем я рискую, у меня не хватило бы сил пошевелиться. Не понимаю — как мне удалось спастись?

— У тебя, по-видимому, особая судьба... или участь, — негромко заметил Гэндальф. — Я уж не говорю про твою храбрость и стойкость. Благодаря твоей храбрости Черному Всаднику не удалось всадить клинок тебе в сердце, и ты был ранен только в плечо. Но и раненый, ты на редкость стойко сопротивлялся — вот почему обломок клинка за семнадцать дней не дошел до сердца. И все же ты был на волосок от гибели. Враг приказал тебе надеть Кольцо, и, надев его, ты вступил в Призрачный Мир. Ты увидел Всадников, а они — тебя. Ты как бы сам отдался им в руки.

— Я знаю, — сказал Фродо. — И всю жизнь буду помнить, какие они страшные, особенно ночью... А почему мы видим их черных коней?

— Потому что они живые, из плоти и крови. Да и плащи у Всадников самые обычные — они лишь маскируют их бесплотную призрачность.

— А тогда почему эти живые кони ничуть не боятся своих призрачных седоков? Всех других животных охватывает страх, если к ним приближаются Черные Всадники. Собаки скулят, гуси в ужасе гогочут... даже конь Гориславa и тот испугался!

— Потому что их кони выращены в Мордоре, чтоб служить вассалам Черного Властелина. Не все его подданные — бесплотные призраки. Ему подвластны и другие существа: орки и тролли, варги и волколаки, даже многие люди — короли и воины — выполняют его лиходейскую волю. И он покоряет все новые земли.

— А Раздол? А эльфы? Над ними-то он не властен?

— Сейчас — нет. Но если ему удастся покорить весь мир, не устоят и эльфы. Многие эльфы — хотя отнюдь не все — страшатся воинства Черного Властелина, им приходится отступать перед его могуществом... однако он уже никогда не сумеет заставить их подчиниться или заключить с ним союз. Мало этого, здесь, в Раздоле, до сих пор живут его главные противники, почти такие же могучие, как он, — я говорю о Преображающихся эльфах, древних владыках Эльдара-Заморского. Они не боятся Призраков Кольца, ибо рождены в Благословенной Земле, а поэтому им доступен и Призрачный Мир. Эти воины в про-

шлом не раз побеждали и зримых, и незримых — призрачных — врагов.

— Когда у Переправы я оглянулся назад, — не очень уверенно припомнил Фродо, — мне почудилось, что рядом с Черным Всадником появилась белая сверкающая фигура. Это и был Горислав, да?

— Да, — сказал маг. И, помолчав, добавил: — Горислав объединил для тебя два мира, реальный и призрачный, невидимый живым, потому что он — Преображающийся эльф, великий витязь из Перворожденных. Словом, в Раздоле отыщутся силы, способные на время сдержать Врага, — да и в других местах такие силы есть, даже у вас, в мирной Хоббитании. Но если течение событий не изменится, свободные земли превратятся в островки, окруженные океаном Черного воинства — его собирает Властелин Мордора... А пока, — перебил он себя, вставая, и его борода грозно встопорщилась, — мы должны сохранять спокойное мужество. Через несколько дней ты совсем поправишься — если я не заговорю тебя сегодня до смерти. Здесь, в Раздоле, нам ничто не угрожает... до поры до времени. Так что не тревожься.

— Мужества у меня нет, и сохранять мне нечего, — отозвался Фродо, — но я не тревожусь. Расскажи мне, пожалуйста, о моих друзьях, и тогда уж я окончательно успокоюсь. Меня почему-то клонит ко сну, но, пока ты не расскажешь, что с ними сталось, я все равно не смогу уснуть.

Гэндальф пододвинул кресло к кровати и окинул Фродо испытующим взглядом. На щеки хоббита вернулся румянец, а глаза у него были ясными и спокойными. Он весело улыбался и выглядел здоровым. Но все же маг с тревогой подметил некоторые почти неуловимые изменения: дело в том, что левая рука хоббита, неподвижно лежащая поверх одеяла, казалась бледной и странно бесплотной.

— К несчастью, этого избежать невозможно, — пробормотал Гэндальф себе под нос. — А ведь он не прошел даже половины пути... и что с ним случится, когда он его закончит, не сумеет, наверно, предсказать сам Элронд. Что ж, будем надеяться на лучшее. Возможно, он станет полупрозрачным, как хрустальный сосуд, светящийся изнутри, — для тех, чьи глаза способны отличить внутренний, истинный свет от призрачного... Выглядишь ты здоровым, — сказал он вслух. — Думаю, тебе и правда не повредит, если ты услышишь о своих друзьях. Я не буду спрашивать разрешения у Элронда, но расскажу лишь вкратце, а потом уйду, чтобы не помешать тебе уснуть снова. Вот что случилось возле Переправы — насколько мне удалось разобраться. Как только ты поскакал к реке, Черные Всадники ри-

нулись за тобой. У горы Заверть ты вступил в их мир — поэтому они тотчас же тебя увидели и не должны были полагаться на зрение коней. А кроме того, их притягивало Кольцо. Их кони растоптали бы твоих друзей — им пришлось уступить Всадникам дорогу. Задержать Всадников они не могли: ведь те преследовали тебя вдевятером, так что даже Арагорн с Гориславом не выстояли бы в бою против их отряда. Потом, когда Кольценосцы умчались, твои друзья побежали к реке. Неподалеку от Переправы, у самой дороги, есть полускрытая деревьями лощина; спустившись в нее, твои друзья и Горислав быстро развели небольшой костер, ибо Гориславу было известно, что если Всадники сунутся в реку, то Элронд взъярит ее буйным разливом, и они не смогут тебя догнать, но с оставшимися на суше придется драться. Как только разбушевались волны разлива, Горислав, а за ним Арагорн и остальные выскочили с горящими головнями на дорогу. Всадники оказались между водой и огнем, узнали в Гориславе Преображающегося эльфа и потеряли свое бесноватое мужество, а их кони мгновенно взбесились от страха. Трое Всадников, преследуя тебя, попытались на конях переплыть реку — их смела первая же волна разлива. Шестерых остальных взбесившиеся кони затащили в реку немного пониже — их всех захлестнули бурные волны.

— Так они погибли? — обрадовался Фродо.

— К сожалению, нет, — ответил Гэндальф. — В разливе погибли только их кони... но без коней — какие же они теперь Всадники? Им пришлось поспешно убраться восвояси. И хотя их самих так просто не уничтожишь, они, я думаю, сгинули надолго... Когда разлив окончательно схлынул, твои друзья переправились через реку и нашли тебя на этом берегу — ты лежал ничком, холодный и бледный, а под тобой валялся твой сломанный меч. Конь Гориславa стоял рядом. Арагорн опасался, что ты убит, — о худшем ему даже думать не хотелось. Тебя подняли и понесли в Раздол, и на полпути вам встретились эльфы.

— А чем Всадники прогневили реку?

— Они исконные враги эльфов, а Элронд — владыка здешнего края. Когда враги подступают к Раздолу, река, по велению Элронда, разливается, и все живое гибнет в волнах. Как только Предводитель Кольценосцев спустился к воде, река разлилась. Ну и, если так можно выразиться, я немного подогрел ее гнев — не знаю уж, успел ты заметить или нет, что первые, самые свирепые, валы вспенивались могучими белыми всадниками, а за конницей, подгоняемые ревущими волнами, катились огромные серые валуны. Когда я увидел силу разлива, мне показалось, что мы переусердствовали и не сможем обуздать водяное воинство, но все обошлось: вас река не тронула.

— Да-да, припоминаю, — проговорил Фродо, — я услышал страшный грохочущий рев и решил, что нам всем суждено утонуть — и мне, и Всадникам, и моим друзьям. Зато теперь нам ничто не угрожает!

Гэндальф остро глянул на Фродо, но тот уже умолк и закрыл глаза.

— Ты прав, — сказал маг, — нам ничто не угрожает... пока. Как только ты встанешь на ноги, мы пышно отпразднуем победу у Переправы, и праздник будет посвящен вам — тебе, Арагорну и твоим спутникам.

— Неужели нам? — изумился Фродо. — Знаешь, меня до сих пор поражает, что о нас позаботились Горислав и Элронд — причем, похоже, без всякой причины.

— Ну, причина-то у них была, и, сказать по правде, даже не одна, — с легкой улыбкой возразил Гэндальф. — Во-первых, я попросил их об этом. Во-вторых, тебе доверено Кольцо. В-третьих, ты родственник и наследник Бильбо, а он вытащил Кольцо на свет.

— Милый Бильбо! Где-то он сейчас? — сонным голосом пробормотал Фродо. — Вот бы рассказать ему о наших неурядицах, они бы наверняка его позабавили... — С этими словами Фродо уснул.

Итак, Фродо благополучно добрался до Последней Светлой Обители на востоке. В этой Обители, как говаривал Бильбо, было приятно и есть, и спать, и рассказывать о своих недавних приключениях, и петь песни, и читать стихи, или размышлять, сидя у камина, или ровно ничего не делать. Тот, кто туда попадал, рассказывал Бильбо друзьям в Хоббитании, мигом вылечивался от усталости и тоски, от забот, страхов и всех болезней.

Под вечер, когда Фродо проснулся снова, он почувствовал себя совершенно здоровым и понял, что ему очень хочется есть, а может быть, выпить бокал вина, чтобы потом почитать стихи, или попеть веселые песни, или рассказать о своем путешествии. Он откинул одеяло, соскочил на пол и с радостью ощутил, что его левая рука действует почти так же хорошо, как раньше. У кровати на стуле лежала одежда — ее, видно, сшили, пока он спал, и она пришлась ему как раз впору. Одеваясь, он глянул на себя в зеркало и с удивлением обнаружил, что очень исхудал: он опять напоминал того юного Фродо, которого некогда приютил Бильбо; но глаза, смотревшие на него из зеркала, были глазами зрелого хоббита.

— Да, кое-что ты повидал с тех пор, как глядел на меня из зеркала в Хоббитании, — сказал Фродо своему двойнику. — А теперь посмотри-ка на здешний праздник! — Он раскинул руки и сладко потянулся.

В это время кто-то постучал в дверь, и на пороге комнаты

появился Сэм. С радостной улыбкой он подошел к Фродо, бережно погладил его левую руку, а потом смущенно отвернулся в сторону.

— Здравствуй, Сэм, — проговорил Фродо.

— Вишь ты — теплая! — воскликнул Сэм. — Это я про вашу левую руку. Ведь она была у вас ледышка ледышкой: мало что холодная, так еще и прозрачная. Ну да теперь уже все позади! Гэндальф послал меня, чтобы я у вас спросил, готовы ли вы к сегодняшнему празднику... Мне подумалось, что он надо мной надсмехается.

— Вполне готов, — сказал ему Фродо. — И мне не терпится повидать друзей.

— Я отведу вас, — предложил Сэм. — Ведь этот замок — огромный и удивительный. Кажется, ты все уже здесь разведал, а потом сворачиваешь в какой-нибудь закоулок и находишь кучу новых неожиданностей. А эльфы-то, эльфы! Ведь они тут хозяева, куда ни пойдешь, везде их встречаешь! Одни — как короли, прекрасные и строгие, так что на них даже боязно глядеть. Зато другие — ну чистые дети! И всюду музыка, всюду песни... Я тут, конечно, не совсем освоился — у меня и времени было маловато, да и храбрости, по правде сказать, не хватало...

— Я знаю, почему у тебя не было времени, — с благодарностью в голосе перебил его Фродо. — Зато уж сегодня мы всласть повеселимся! Идем, покажи мне здешние «закоулки».

Они миновали множество переходов, спустились по нескольким пологим лестницам и вышли в огромный тенистый парк, разбитый на высоком берегу реки. И здесь, у восточного торца дома, на просторной веранде, обращенной к востоку, Фродо увидел своих друзей. В долине за рекой уже сгущались сумерки, но далекие пики восточных гор еще освещало заходящее солнце. Предвечерний сумрак был прозрачным и теплым, звучно шумел отдаленный водопад, а воздух был напоен ароматом цветов, запахом трав и свежей листвы, как будто здесь, в парке у Элронда, остановилось на отдых отступающее лето.

— Ур-р-р-ра! — вскакивая, закричал Пин. — Вот он — наш благородный родич! Да здравствует Фродо — Властелин Кольца!

— Уймись! — резко оборвал его Гэндальф, сидевший в глубине затененной веранды, так что Фродо не сразу его заметил. — Эта долина недоступна для зла — и все же не следует его сюда призывать. Властелином Колец величают не Фродо, а хозяина Черного Замка в Мордоре — его тень снова простерлась над миром. Мы-то укрылись в надежной крепости. Но и вокруг нее уже сгущается мрак.

— Ну, началось, — пробурчал Пин. И потом, обращаясь к Фродо, добавил: — Так вот он нас беспрестанно и утешает. Я знаю, что нам всем надо быть начеку. Но в этом доме почти

невозможно думать о мрачном или грустном. Мне тут все время хочется петь — только не знаю я подходящей песни.

— Да и у меня тоже песенное настроение, — радостно рассмеявшись, заметил Фродо. — Но сначала мне хочется поесть и выпить.

— С этим здесь просто, — сказал ему Пин. — Тем более что тебе не изменил твой нюх: ты сумел проснуться как раз к обеду.

— Не к обеду, а к пиршеству, — поправил его Мерри. — Едва только Гэндальф торжественно объявил, что ты выздоравливаешь, началась подготовка — я думаю, нас ждет роскошный пир. — Не успел он договорить, как зазвонили колокольчики, созывающие гостей к праздничному столу.

Гости собрались в Трапезном зале, уставленном рядами длинных столов. Элронд сел во главе стола, стоявшего отдельно от остальных, на возвышении, а возле хозяина, лицом друг к другу, привычно расположились Горислав и Гэндальф.

Фродо смотрел на них — и не мог насмотреться: ведь Элронда, героя бесчисленных легенд, он видел впервые, а Горислав и Гэндальф — даже Гэндальф, которого он вроде бы знал, — обрели рядом с Элрондом свой подлинный облик, облик непобедимых и достославных витязей.

Ростом Гэндальф был ниже, чем эльфы, но белая борода, серебристые волосы, широкие плечи и благородная осанка придавали ему истинно королевский вид, а его зоркие глаза под снежными бровями напоминали приугасшие до времени угольки... но они могли вспыхнуть в любое мгновение ослепительным — если не испепеляющим — пламенем.

Горислав — могучий, высокий и статный, с волосами, отливающими огненным золотом, — казался юным, но спокойно-мудрым, а глаза его светились решительной отвагой.

По лицу Элронда возраст не угадывался: оно, вероятно, казалось бы молодым, если б на нем не отпечатался опыт бесчисленных — и радостных, и горестных — событий. На его густых пепельных волосах неярко мерцала серебряная корона, а в серых, словно светлые сумерки, глазах трепетали неуловимо проблескивающие искры. Он выглядел мудрым, как древний властитель, и могучим, как зрелый, опытный воин. Да он и был воином-властителем, этот исконный Владыка Раздола.

Напротив Элронда, в кресле под балдахином, сидела прекрасная, словно фея, гостья, но в чертах ее лица, женственных и нежных, повторялся или, вернее, угадывался мужественный облик хозяина дома, и, вглядевшись внимательней, Фродо понял, что она не гостья, а родственница Элронда. Была ли она юной? И да, и нет. Изморозь седины не серебрила ее волосы, и лицо у нее было юношески свежим, как будто она только что умылась росой, и чистым блеском предрассветных звезд лучи-

лись ее светло-серые глаза, но в них таилась зрелая мудрость, которую дает только жизненный опыт, только опыт прожитых на Земле лет. В ее невысокой серебряной диадеме мягко светились круглые жемчужины, а по вороту серого, без украшений, платья тянулась чуть заметная гирлянда из листьев, вышитых тонкой серебряной нитью.

Это была дочь Элронда, Арвен, которую видели немногие смертные, — в ней, как говорила народная молва, на Землю возвратилась красота Лучиэни, а эльфы дали ей имя Андомиэль; для них она была Вечерней Звездой. Андомиэль недавно вернулась из Лориэна — там, за горами, в лесной долине, жила ее родня по материнской линии. А сыновья Элронда, Элладан и Элроир, странствовали где-то далеко на севере, потому что поклялись отомстить мучителям матери, северным оркам.

Красота Андомиэли ошеломила Фродо — он с трудом верил, что живое существо может быть таким ослепительно красивым; а узнав, что ему приготовлено место за столом Элронда, он почти испугался: его всполошила столь высокая честь. В особом кресле с несколькими подушками он был не ниже других гостей, но самому-то себе он казался крохотным и недостойным своих замечательных сотрапезников. Однако это чувство вскоре прошло. За столом царило непринужденное веселье, а обильная и поразительно вкусная еда была под стать его аппетиту, так что он смотрел главным образом в тарелку.

Но, утолив первый голод, он поднял голову, отыскивая взглядом своих друзей. Они сидели за соседним столом — и его верный Сэм, и Пин, и Мерри. Фродо вспомнил, как Сэма убеждали, что здесь он не слуга, а почетный гость, он хотел прислуживать Фродо за столом. Однако Бродяжника Фродо не увидел.

Справа от Фродо восседал гном — необычайно важный и богато одетый. Его раздвоенная седая борода ниспадала на ослепительно белый камзол, закрывая пряжку серебряного пояса. В массивную золотую цепочку-ожерелье были вправлены ярко сверкающие бриллианты. Заметив, что Фродо на него смотрит, гном повернулся к нему и сказал:

— Здравствуй и процветай, уважаемый хоббит! — Он встал с кресла и, поклонившись, добавил: — Гном Глоин. Готов к услугам. — А потом отвесил еще один поклон.

Фродо удивился, однако не растерялся. Он встал и, не обратив ни малейшего внимания на посыпавшиеся с кресла подушки, ответил:

— Фродо Торбинс. Готов служить — и тебе, и твоим уважаемым родичам. — Он поклонился гному и с интересом спросил: — Скажи, пожалуйста, ты *тот самый Глоин* — спутник знаменитого Торина Дубощита?

— Совершенно верно, — подтвердил гном. Он поднял с пола упавшие подушки и помог Фродо забраться в кресло. — Тебе я подобного вопроса не задаю, — с церемонной учтивостью заметил он, — мне уже сообщили, что ты родственник и наследник всеми почитаемого Бильбо Торбинса. Поздравляю тебя с прибытием в Раздол!

— Спасибо, — искренне поблагодарил его Фродо.

— Я слышал, что тебе и всем твоим спутникам встретились в пути странные испытания... Странные и страшные, — поправился гном. — Хотел бы я знать, что могло заставить четверых — не одного, как когда-то Бильбо, а четверых хоббитов отправиться в путешествие! Впрочем, может быть, я слишком назойлив? Элронд и Гэндальф дали мне понять, что они не желают об этом распространяться.

— Их мудрость не вызывает у меня сомнений, — осторожно, но вежливо ответил Фродо. Он решил, что даже в гостях у Элронда о Кольце следует говорить с осторожностью; да ему и не хотелось о нем говорить. — Должен сознаться, — добавил он, — что мне в свою очередь не терпится узнать, зачем это всеми уважаемый гном пустился в долгое и опасное путешествие, покинув свой замок в Подгорном Царстве.

— Мудрость Элронда и Гэндальфа несомненна, — тонко усмехнувшись, заметил Глоин. — Они намерены собрать Совет, и на нем, я думаю, мы многое узнаем. А сейчас... — Глоин опять усмехнулся. — ...не поговорить ли нам о чем-нибудь другом?

Они понимающе посмотрели друг на друга и завели разговор об их родных местах, который не иссяк до конца застолья. Вернее, говорил главным образом Глоин, потому что Хоббитанию, как считал Фродо, серьезные происшествия обходили стороной (он твердо решил не упоминать о Кольце), а гному было что порассказать про последние события на севере Глухоманья. Он поведал Фродо, что владыкой земель, лежащих между Мглистыми горами и Лихолесьем, стал теперь Гримбеорн, сын Беорна, и границы его обширных владений не смеют нарушать ни орки, ни волколаки.

— Я уверен, — оживленно рассказывал Глоин, — что по старой дороге из Дола в Раздол можно путешествовать без опаски только благодаря воинам Гримбеорна. Они охраняют Горный Перевал и Брод у Крутня... Но их пошлины высоки, и они по-прежнему не жалуют гномов, — покачав головой, добавил Глоин. — Зато в них нет ни капли вероломства, а это сегодня многого стоит. Но лучше всего к нам относятся люди, основавшие в Доле Приозерное королевство. Сейчас там правит внук Барда Лучника, старший сын Беина, король Бранд. Он искусный правитель, и его королевство простирается далеко к югу и востоку от Эсгарота на Долгом озере.

— А как твой народ? — спросил его Фродо.

— У нас произошло множество событий, — ответил Глоин, — и хороших, и плохих. Но хороших, пожалуй, все-таки больше: нам до сих пор постоянно везло. Хотя и мы, разумеется, ощущаем черное дыхание зловещей тучи, нависшей над всем Средиземным миром. Если хочешь, я расскажу тебе про нас поподробней. Но как только устанешь, сразу же оборви меня. На гнома, говорят, не найдешь угомона, когда он растолкуется про свою кузницу.

И Глоин начал подробный рассказ о судьбе Подгорного Царства гномов. Он встретил внимательного и чуткого слушателя: Фродо не прерывал его, не показывал, что устал, ни разу не попытался заговорить сам, хотя уже через четверть часа перестал улавливать смысл рассказа, потерявшись среди многих странных имен и земель, о которых он и слыхом не слыхивал. Его, правда, порадовала весть о Даине — тот по-прежнему правил Подгорным Царством. Ему шел двести пятьдесят первый год, он пользовался всеобщим уважением и любовью, а богатства гномов постоянно приумножались. Из десяти участников его похода, сражавшихся в Битве Пяти Воинств у Одинокой, семеро жили в Подгорном Царстве: Двалин, Глоин, Дари, Кори, Бифур, Бофур и толстяк Бомбур. Бомбур стал теперь таким толстым, что не может перебраться с дивана за стол — перед трапезой шестеро молодых гномов подымают его и несут к столу.

— А что случилось с тремя остальными — Опием, Ори и Валяном? — спросил Фродо.

— Сгинули. — Лицо Глоина омрачилось. — Но мне не хочется про это вспоминать. Давай поговорим о чем-нибудь веселом... — И Глоин пустился в описание ремесел, которыми по праву гордятся гномы: — У нас есть на редкость искусные мастера. Но наши оружейники уступают древним. Многие старинные секреты утеряны. Оружие и доспехи, сработанные гномами, до сих пор славятся на все Средиземье, однако до захвата горы драконом щиты и кольчуги получались прочнее, а мечи и кинжалы — острей, чем сейчас. Зато в добыче даров земли и строительстве мы превзошли наших предков. Посмотрел бы ты на наши каналы и мощенные цветными плитами дороги, на туннели-улицы с каменными деревьями, проложенными внутри Одинокой горы, или сторожевые и дозорные башни, возведенные снаружи, на ее склонах! Тогда бы ты смог воочию убедиться, что в Подгорном Царстве времени не теряли.

— Я обязательно к вам наведаюсь... если удастся, — пообещал Фродо. — Представляю, как изумился бы Бильбо, если б увидел все эти перемены!

— Ты его, наверно, очень любил? — полуутвердительно заметил Глоин и, посмотрев на Фродо, лукаво улыбнулся.

— Еще бы! — пылко воскликнул хоббит. — Да за одну, пусть даже мимолетную, встречу с ним я отдал бы все чудеса на свете!

Между тем обед подошел к концу. Элронд и Арвен, встав из-за стола, направились к выходу из Трапезного зала, а за ними чинно последовали гости. Они миновали широкий коридор и вступили за хозяевами в следующий зал, освещенный пламенем пылающего камина. Фродо осмотрелся и подошел к Гэндальфу.

— Эльфы называют этот зал Каминным, — негромко сказал ему старый маг. — Сейчас ты услышишь множество песен и занимательных историй... если не уснешь: здешняя обстановка хорошо убаюкивает. В камине тут всегда поддерживают огонь, он и обогревает этот зал, но по будним дням зал обычно пустует — сюда приходят лишь очень немногие, чтобы отдохнуть и поразмышлять в тишине.

Когда Элронд занял свое обычное место, эльфы-менестрели начали петь, мелодично аккомпанируя себе на лютнях. Зал постепенно наполнялся гостями, и Фродо, радостно оглядываясь вокруг, видел удивительно разные от природы, но одинаково веселые и оживленные лица, на которых золотились отсветы пламени, ярко полыхавшего в огромном камине. Рядом с камином, у резной колонны, Фродо заметил одинокую фигурку и сочувственно подумал, что видит больного: тот сидел, опустив голову на грудь, так что его лица Фродо не разглядел, а рядом стояла чашечка для воды и лежал недоеденный ломтик хлеба. Бедный, он не смог пойти на пиршество, подумал Фродо... но разве здесь болеют?

Вскоре лютни менестрелей умолкли, а Элронд встал и приблизился к камину.

— Пробудись, мой маленький друг, — сказал он. Потом обернулся к Фродо и добавил: — Приготовься. Мне кажется, наступает мгновение, о котором ты уже давно мечтаешь.

Тот, кто сидел у камина, пошевелился и, подняв голову, посмотрел на гостей.

— Бильбо! — радостно вскричал Фродо.

— Здравствуй, малыш, — отозвался Бильбо. — Я знал, что ты сможешь пробраться в Раздол. Сегодняшний праздник посвящен тебе — и ты заслужил эту честь. Надеюсь, тебе понравился обед?

— Конечно, понравился! — воскликнул Фродо. — Но скажи — почему же ты-то не пришел? И почему я тебя до сих пор не видел?

— Потому что ты спал, — ответил Бильбо. — А я навещал тебя каждый день и сидел с Сэмом у твоей постели. Что же до праздника, то последнее время я редко принимаю участие в пирах — у меня есть много дел поважнее.

— А что ты делаешь?

— Сижу и размышляю. Это чрезвычайно важное дело. Я давно заметил, что Каминный зал — наилучшее в мире место для размышлений... Если тебя от них не пробуждают, — добавил он, покосившись на Элронда, и глаза у него были вовсе не заспанные. — «Пробудись!..» Я не спал, уважаемый Элронд. Вы слишком быстро закончили пир и оторвали меня от важнейших раздумий: когда вы пришли, я сочинял песню и напряженно обдумывал последние строки — они у меня почему-то не складывались, а теперь уж, наверно, никогда и не сложатся. Пение эльфов настолько прекрасно, что я забываю о собственных песнях. У меня осталась одна надежда — на помощь Дунадана. А кстати, где он?

— Мы обязательно его отыщем, — с улыбкой пообещал хоббиту Элронд. — Вы уединитесь где-нибудь в уголке, и ты завершишь свои важнейшие раздумья, а потом споешь нам новую песню, чтобы мы могли сравнить ее с нашими. — Элронд распорядился найти Дунадана, хотя никто не понимал, где он и почему его не было на праздничном обеде.

Фродо подсел к своему старшему другу, а около них пристроился Сэм. Они принялись оживленно болтать, не обращая внимания на праздничный гомон и удивительно мелодичные песни эльфов. Но у Бильбо было не много новостей. Он ушел из Хоббитании куда глаза глядят, и оказалось, что они глядят в Раздол: ему хотелось жить среди эльфов.

— Я добрался сюда без всяких приключений, — рассказывал он, — и, немного отдохнув, отправился навестить своих друзей гномов. Это было мое последнее путешествие. Старина Балин куда-то сгинул, и я пожалел, что явился к гномам. Меня опять потянуло в Раздол, и, вернувшись, я обосновался здесь. Ведь надо же мне написать мою Книгу! Ну и порой я сочиняю песни, а эльфы изредка их поют — только чтоб доставить мне удовольствие: песни эльфов гораздо лучше. Я часто сижу в Каминном зале и размышляю о мире, о нашем времени... Но, знаешь, время здесь вроде бы не движется, как будто оно не властно над эльфами...

В Раздол стекаются все важные новости, но я ничего не слышал о Хоббитании — только последние вести про Кольцо. Гэндальф часто бывал в Раздоле, однако от него не много узнаешь: он стал даже более скрытным, чем раньше. Правда, кое-что мне рассказывал Дунадан. Трудно поверить, что мое Кольцо принесло в Средиземье столько тревог! И Гэндальф так поздно его разгадал... ведь я мог доставить Кольцо к эльфам без всяких затруднений много лет назад. Мне приходила мысль вернуться за ним, но я уже старый, и меня не пустили. Элронд с Гэндальфом твердо уверены, что Враг повсюду меня разыскивал.

Я помню, Гэндальф мне как-то сказал: «У Кольца теперь новый хранитель, Бильбо. И если оно возвратится к тебе, нам не избежать величайших бедствий». Гэндальф часто говорит загадками. Но он сказал, что позаботится о тебе, и я положился на его обещание. И вот ты тут, живой и здоровый... — Бильбо вдруг странно посмотрел на Фродо. — Оно у тебя? — спросил он шепотом. — Знаешь, после стольких поразительных событий мне хочется еще раз на него взглянуть.

— У меня, — помедлив, ответил Фродо. Ему — он и сам не понимал отчего — очень не хотелось вынимать Кольцо. — Оно осталось таким же, как было, — отвернувшись от друга, добавил он.

— А мне все же хочется на него посмотреть!

Днем, когда Фродо окончательно проснулся, он нащупал Кольцо у себя на груди — видимо, кто-то, пока он спал, вынул Кольцо у него из кармана и повесил на цепочке ему на шею. Цепочка была очень тонкой, но прочной... Фродо неохотно вытащил Кольцо. Но едва Бильбо протянул к нему руку, Фродо испуганно и злобно отшатнулся. С неприязненным изумлением он внезапно заметил, что его друг Бильбо куда-то исчез: перед ним сидел сморщенный карлик, глаза у карлика алчно блестели, а костлявые руки жадно дрожали. Ему захотелось ударить самозванца.

Мелодичная музыка вдруг взвизгнула и заглохла — у Фродо в ушах тяжко стучала кровь. Бильбо глянул на его лицо и судорожно прикрыл глаза рукой.

— Теперь я понимаю, — прошептал он. — Спрячь Кольцо и, если можешь, прости меня. Прости меня за это тяжкое бремя. Прости за все, что тебе предстоит... Неужели злоключения никогда не кончаются? Неужели любую начавшуюся историю кто-то обязательно должен продолжить? Видимо, так. А моя Книга? Вряд ли мне ее суждено закончить... Но давай не будем друг друга мучить. Расскажи мне, пожалуйста, про нашу Хоббитанию — ни о чем ином я не хочу сейчас думать!

Фродо с облегчением спрятал Кольцо. Перед ним снова сидел его друг, звонко и мелодично звучали лютни, а на лицах приятных и милых гостей играли веселые блики огня. Бильбо завороженно слушал Фродо: любые вести из родной Хоббитании, будь то вновь посаженное дерево или проказа малолетнего сорванца, доставляли ему огромное удовольствие. Увлеченные жизнью Четырех уделов, хоббиты не увидели рослого человека в просторном темно-зеленом плаще, который неслышно приблизился к ним и долго смотрел на них с доброй улыбкой.

Наконец Бильбо заметил пришельца.

— А вот и Дунадан, — сказал он племяннику.

— Бродяжник! — удивленно воскликнул Фродо. — У тебя, оказывается, много имен!

— Этого имени я не слышал, — вмешался Бильбо. — Почему Бродяжник?

— Потому что так меня прозвали пригоряне, — невесело усмехнувшись, ответил Арагорн. — Мы ведь познакомились с Фродо в Пригорье.

— А почему Дунадан? — спросил их Фродо.

— Так величают Арагорна эльфы, — объяснил ему Бильбо. — Ты забыл их язык? Ну-ка припомни мои уроки: *дунадан* — Западный Витязь. Впрочем, сейчас не время для уроков. — Бильбо опять посмотрел на Арагорна. — Где ты был, Дунадан? — спросил он его. — И почему это тебя не видели на пиру?

— Нам часто не хватает времени на радости, — серьезно ответил хоббиту Арагорн. — Неожиданно вернулись Элладам и Элроир. Мне надо было с ними поговорить — они привезли важные известия.

— Да-да, я понимаю, мой друг, — сказал Бильбо. — Но теперь, когда ты услышал их новости, у тебя найдется немного времени? Мне не обойтись без твоей помощи. Элронд сказал, что, завершая праздник, он хочет услышать мою новую песню, а я застрял на последних строчках. Давай отойдем куда-нибудь в уголок и попытаемся доработать мою песню вдвоем.

— Давай, — улыбаясь, согласился Арагорн.

Бильбо с Арагорном куда-то ушли, и Фродо остался совсем один, потому что Сэм тем временем уснул. Он чувствовал себя одиноким и заброшенным, хотя вокруг было много эльфов. Но они, не обращая на него внимания, отрешенно слушали песни менестрелей. Вскоре музыка ненадолго умолкла, а потом зазвучала новая песня, и тогда Фродо тоже стал слушать.

Поначалу красота старинной мелодии и музыка слов полузнакомого языка завораживали его, но смысла он не улавливал, хотя Бильбо, до ухода в Раздол, учил племянника языку эльфов. Ему казалось, что музыка и слова обретали очертания чужедальних земель, искрящиеся отблески каминного пламени сгущались в золотистый туман над Морем, вздыхающим где-то у края Мира, и завороженность Фродо преображалась в сон, и вокруг него вспенивались величавые волны никогда еще не виданных им сновидений.

А потом вдруг волны безмолвных сновидений снова обрели утраченный голос, и в звуках слов стал угадываться смысл, и Фродо понял, что слушает Бильбо, который декламировал напевные стихи:

В Арверниэне свой корабль
сооружал Эарендил;
на Нимбретильских берегах
он корабельный лес рубил;
из шелкового серебра
соткал, сработал паруса и
серебристые огни
на прочных мачтах засветил;
а впереди, над рябью волн,
был лебедь гордый вознесен,
венчавший носовой отсек.

На запад отплывает он,
наследник первых королей,
в кольчуге светлой, со щитом,
завороженным от мечей
резною вязью древних рун;
в колчане — тяжесть черных стрел,
упруг и легок верный лук —
драконий выгнутый хребет, —
на поясе — заветный меч,
меч в халцедоновых ножнах,
на голове — высокий шлем,
украшенный пером орла,
и на груди — смарагд.

В Заморье от седых холмов
у кромки Торосистых льдов
Эарендил на юг поплыл,
в мерцанье северных светил;
но вот ночные небеса
перечеркнула полоса
пустынных, мертвых берегов,
проглоченных Бездонной Мглой,
и он свернул назад, домой,
теснимый яростью ветров
и непроглядной тьмой.

Тогда, раскинув два крыла,
к Эарендилу на корабль
спустилась Элвин и зажгла
на влажном шлеме у него
живой светильник, Сильмарилл,
из ожерелья своего.
И вновь свернул Эарендил
на запад солнца; грозный шторм
погнал корабль в Валинор,
и он пробился, он проник
в иной, запретный смертный мир –
бесцветный, гиблый с давних пор, -
по проклятым морям.

Сквозь вечно сумеречный мир,
сквозь вздыбленное буйство лиг
неисчислимых, над страной,

схороненной морской волной
в эпоху Предначальных Дней,
Эарендил все дальше плыл
и вскоре смутно услыхал
обвал валов береговых,
дробящих в пене между скал
блеск самородков золотых
и самоцветов; а вдали,
за тусклой полосой земли,
вздымалась горная гряда
по пояс в блеклых облаках,
и дальше — Заокраинный Край,
Благословенная Страна,
и над каскадами долин
цветущих, светлых — Илмарин,
неколебимый исполин,
а чуть пониже, отражен
в Миражном озере, как сон,
мерцал огнями Тирион,
эльфийский давний бастион,
их изначальный дом.

Оставив свой корабль у скал,
поднялся он на перевал
и неожиданно попал
в Благословенный Край,
где правит с Предначальных Лет
один король — король навек —
и где по-прежнему живет,
не зная ни забот, ни бед,
Бессмертный род — живой народ
из мифов и легенд.

Пришелец был переодет
в одежды эльфов, белый цвет
искрился на его плечах,
а эльфы, снявши свой запрет,
поведали ему — в словах
и недоступных всем иным
виденьях — тайны старины,
преданья о былых мирах
и старины о том, как мрак
густел, но отступал в боях
перед Союзом Светлых Сил —
Бессмертных и людей.

Но даже здесь Эарендил
судьбы скитальца не избыл:
от Элберет он получил —
навечно — дивный Сильмарилл,
и два серебряных крыла
Владычица ему дала,
чтоб облететь по небу мир
за солнцем и луной.

И вот взлетел Эарендил,
навек покинув мир иной
на гордой горною грядой,
подпершей небеса.
Он устремляется домой —
рассветной искрой островной,
расцветившей перед зарей
туманный небосвод.

Пока была светла луна
и зажжена его звезда,
за много лет он много раз —
небесный страх вселенских тайн —
над Средиземьем пролетал,
где отзвуком былых веков
из Первой и Второй эпох
всегда звучал печальный стон
бессмертных дев и смертных жен.
И он не улетал домой:
он путеводною звездой
звал нуменорцев за собой,
указывая путь морской
в их отчие края.

На этом мелодическая декламация завершилась. Фродо открыл глаза и огляделся. Улыбающиеся эльфы дружно аплодировали. Когда аплодисменты смолкли, один из них сказал:

— А теперь нам надо послушать твою песню еще раз.

— Спасибо, Линдир. — Бильбо встал и раскланялся. — Но это было бы слишком утомительно.

— Для тебя-то? — со смехом переспросили эльфы. — Ты ж никогда не утомляешься от чтения своих стихов! А без повторного чтенья мы ничего не определим.

— Что-что? — вскричал Бильбо. — Вы не сможете отличить мою манеру от манеры Дунадана?

— Мы с трудом различаем творения смертных.

— Чепуха, Линдир, — вскинулся Бильбо. — Не верю я, что у вас такой грубый слух. Спутать творения человека и хоббита — все равно что не отличить яблоко от горошины!

— Возможно. И огороднику это было бы непростительно. Но у нас-то масса своих собственных дел, и сравнивать плоды земные нам недосуг.

— Не будем спорить, — отозвался Бильбо. — Меня почти усыпило столько пения и музыки. Я загадал вам загадку, а вы уж угадывайте... коли есть охота.

С этими словами он подошел к Фродо.

— Видимо, песня превзошла мои ожидания, — с невольной гордостью сказал он племяннику. — Они редко просят о повторном исполнении. Но, так или этак, свое я сделал. Ну а тебе удалось догадаться?

— Я даже и не пробовал, — улыбнулся Фродо.

— Да и незачем, — сказал Бильбо. — В песне все мое. Дунадан предложил мне только смарагд. Ему это почему-то показалось важно. А может, он решил, что я не справился с песней... или уж если взялся в доме у Элронда за создание песни про Эарендила, то это целиком и полностью мое дело. Ну и тут он, пожалуй, прав.

— Видимо, так, — согласился Фродо. — Но я не смог оценить твою песню. Перед тем, как ты начал петь, я уснул, и мне показалось, что это не песня, а просто продолжение моих сновидений. Я узнал твой голос только под конец.

— Да, для хоббита песни эльфов чересчур сладкозвучны, — согласился Бильбо. — Но, пожив среди них, к этому привыкаешь. Хотя я должен тебе сказать, что эльфы никогда не пресыщаются музыкой, как будто это хорошая еда. Знаешь, давай-ка уйдем отсюда, чтоб нам не мешали спокойно поговорить.

— А это не оскорбит их? — забеспокоился Фродо.

— Нисколько, — успокоил племянника Бильбо. — Здесь никого насильно не держат: приходи и уходи, когда пожелаешь, только не мешай радоваться другим.

Хоббиты встали и, стараясь не шуметь, начали пробираться к выходу из зала. Сэма они решили не будить — он спал с блаженной улыбкой на лице. У выхода Фродо грустно оглянулся, и, хотя его радовал предстоящий разговор, он понял, что не хочет отсюда уходить — здесь было удивительно спокойно и уютно. В это время послышалась новая песня:

А Элберет Гилтониэль
Сереврен Рейна мириэль
А мэрель эглер Элленас!
На-кэард раллан дириэль
А галааремминн эннорас,

Фаруилос, ле линнатон
Нэф аэр, си нэф азарон!

На пороге Фродо еще раз оглянулся. Элронд неподвижно сидел в своем кресле, и отблески огня, словно солнечные блики, золотили его спокойное лицо. Рядом с Элрондом сидела Арвен, а возле нее стоял Арагорн, и это немного удивило Фродо. Под расстегнутым плащом с откинутым капюшоном на груди у Арагорна серебрилась звезда, оттененная тускло мерцающей кольчугой. Он о чем-то беседовал с Арвен, и в то мгновение, когда Фродо отворачивался, она посмотрела прямо на него — этот взгляд хоббит запомнил навеки. Он стоял, зачарованный взглядом Арвен, а слова песни, сливаясь с музыкой, звучали, как звонкое журчание родника...

— Пойдем, — нетерпеливо позвал его Бильбо. — Они будут

петь еще очень долго, и после этой песни, про Элберет, запоют о своей Благословенной Земле.

Хоббиты осторожно притворили дверь и отправились в маленькую комнату Бильбо — из ее окна, обращенного к югу, открывался вид на реку Бруинен. Им не захотелось предаваться воспоминаниям, не захотелось думать о зловещей туче, медленно наползающей с юго-востока, — сидя у распахнутого настежь окна, они толковали о сегодняшних радостях: об эльфах и прекрасных садах Раздола, о звездах и деревьях и ласковой осени...

— Прошу прощения, — прервал их Сэм, постучавшись и заглядывая в комнату. — Я хотел спросить, не надо ли вам чего?

— А может, ты хотел напомнить нам с Фродо, что ему пора спать? — откликнулся Бильбо.

— Да что ж, вроде бы и правда пора, — смущенно, но твердо объявил Сэм. — Ведь завтра с самого утра Совет, а это после раны-то разве легко?

— Ты прав, — усмехнувшись, поддержал его Бильбо. — Можешь пойти и доложить Гэндальфу, что Фродо послушно отправился спать. Спокойной ночи, — сказал он племяннику. — Как же я рад, что мы снова увиделись! По-моему, ни одно существо на свете не может поддержать приятной беседы так же хорошо, как хоббит из Хоббитании. Но вскоре мы опять надолго расстанемся. И боюсь, что главы о твоем путешествии ты будешь вписывать в мою Книгу сам — за последнее время я здорово одряхлел. Приятных снов, мой милый малыш! А я немного прогуляюсь по парку — мне хочется взглянуть на созвездие Элберет.

Глава II

СОВЕТ

На другой день, проснувшись с рассветом, Фродо, превосходно отдохнувший и бодрый, решил прогуляться по берегу Бруинена. Когда он оделся и вышел в парк, из-за отдаленной горной гряды встало огромное, но неяркое солнце, в воздухе серебрились осенние паутинки, на листьях мерцали капельки росы, а над речкой таяла предрассветная дымка. Сэм молча шагал с ним рядом, радостно вдыхая росистый воздух и удивленно разглядывая далекие горы, покрытые сверкающими снежными шапками.

За крутым поворотом извилистой дорожки они увидели Бильбо и Гэндальфа — те сидели на низкой каменной скамейке,

искусно вырубленной в прибрежном утесе, и беседовали. Бильбо приветственно улыбнулся.

— Доброе утро, — сказал он хоббитам. — Совет, я думаю, скоро начнется.

— Скоро? Ты уверен? — спросил Фродо. — А я надеялся немного погулять. Меня так и манит тот сосновый лес! — Фродо кивнул в сторону бора, черневшего на северном склоне долины.

— Погуляешь, если еще не стемнеет, после Совета, — сказал ему Гэндальф. — Но я не стал бы загадывать вперед. Нам нужно многое сегодня обсудить.

Вскоре в Замке прозвенел колокол.

— Элронд созывает участников Совета, — подымаясь со скамьи, проговорил Гэндальф. — Вы оба приглашены, и Бильбо, и Фродо. Опаздывать здесь не принято, пойдемте.

Маг зашагал по дорожке к дому, Бильбо и Фродо двинулись за ним, а забытый и немного обиженный Сэм, что-то бормоча, поплелся сзади. Гэндальф подошел к той самой веранде, где накануне Фродо встретился с друзьями. Подымаясь по лестнице, Фродо оглянулся. Солнечное утро разгоралось в день, под берегом мирно шумела река, небо звенело птичьими трелями, и Фродо показалось, что его злоключения, так же как разговоры о грозной туче, встающей над миром, приснились ему — слишком спокойным, ясным и ласковым было это осеннее утро; но, переступив порог Зала совещаний, хоббит обнаружил, что лица гостей, которых Элронд пригласил на Совет, были необычайно тревожными и сумрачными.

Первым Фродо увидел Элронда, потом заметил Гориславa и Глоина, а в углу, хмурясь, сидел Арагорн, на нем был выцветший плащ. Остальных собравшихся Фродо не знал. Элронд посадил его возле себя, оглядел молчаливых гостей и сказал:

— Позвольте представить хоббита Фродо, племянника Бильбо из далекой Хоббитании. Нелегким и опасным был его путь, а в Раздол ему пришлось прорываться с боем.

Потом Элронд назвал гостей, которых Фродо видел впервые. В зале сидел сын Глоина, Гимли; эльф Гэлдор из селения Серебристая Гавань, посланный в Раздол Сэрданом Корабелом, эльф Леголас, сын Трандуила, короля эльфов Северного Лихолесья; несколько эльфов — советников Элронда во главе со старшим советником Эрестором. А немного поодаль от остальных сидел высокий темноволосый человек с жестким взглядом светло-серых глаз на красивом, благородном и мужественном лице.

Его давно не стриженные волосы беспорядочными кудрями ниспадали на плечи, прикрывая тонкое серебряное ожерелье с бледно-перламутровым самоцветом впереди; через плечо у него была перекинута перевязь с охотничьим рогом, оправленным в

серебро; а его дорогая и богатая одежда — он был одет для путешествия верхом, — посеревшая от пыли, заляпанная грязью и залоснившаяся до блеска от конского пота, говорила о долгих и трудных странствиях. Он с удивлением смотрел на Фродо и Бильбо.

— А это Боромир, — представил его Элронд, — посланник людей, живущих на юге. Он прибыл лишь сегодня утром, и я разрешил ему участвовать в Совете, потому что беды его народа связаны с общей бедой Средиземья.

Не все, что обсуждалось на Совете Элронда, надобно пересказывать в нашей истории. Сначала речь шла про Окраинные земли, о которых Фродо ничего не знал, а поэтому рассеянно слушал говоривших; но когда слово предоставили Глоину, хоббиту сразу же стало интересно — ведь с подданными Даина дружил Бильбо. Оказалось, что гномы Подгорного Царства давно уже ощущают смутную тревогу.

— Много лет назад, — рассказывал Глоин, — нас обуяла тяга к переменам. Все началось незаметно, исподволь. Некоторые гномы почему-то решили, что нам стало тесно в Одинокой горе, что не худо бы найти пристанище попросторней. Пошли разговоры про Морийское Царство — или, на языке гномов, Казад-Дум, — созданное трудами наших отцов. Многие утверждали, что настало время вернуться в наши исконные владения.

Мория!.. — Глоин грустно вздохнул. — Мечта гномов Северного края! Наши предки стремились к богатству и славе — они вгрызались в горные недра, добывая драгоценные камни и металлы, пока не выпустили на поверхность земли замурованный в огненных безднах Ужас. Гномам пришлось бежать из Мории, но они постоянно вспоминали о ней — со страхом и тайной надеждой вернуться. Однако поколения сменялись поколениями, и ни один гном, кроме Трора с дружиной, не решился возвратиться на родину отцов — а Трор сгинул в Казад-Думе навеки. И вот туда отправился Балин. Король Даин не хотел его отпускать, но он ушел, сманив Ори с Оином и многих других отважных гномов.

Это было тридцать лет назад. Вначале Балину сопутствовала удача: присланный от него гонец рассказал, что они проникли в древнее царство и начали восстанавливать брошенные жилища. Но с тех пор никто не слышал о Балине...

Ну вот. А потом, около года назад, к Даину прибыл еще один гонец, да только не от Балина, а из далекого Мордора. Он явился ночью, на черном коне, и, вызвав Даина к Сторожевой Башне, надменно передал ему, что Саурон Великий — так назвал своего хозяина гонец — хочет заключить с гномами союз.

Он обещал вернуть нам Магические Кольца, если мы расскажем ему про *хоббитов*. «Саурону Великому, — заключил гонец, — известно, что одного из них ты некогда знал».

Даин не сразу нашелся с ответом, и Сауронов гонец пренебрежительно добавил: «Могучий Властелин Саурон Великий полагает, что ты, в знак будущей дружбы, найдешь ему этого мелкого воришку (именно так выразился гонец) и попросишь, а если он не отдаст, то отнимешь Кольцо, которое он когда-то украл. Это кольцо ничего не стоит, — продолжал гонец, — но Саурон Великий хочет увериться в твоей дружбе на деле. Выполни поручение Великого Властелина, и он отдаст тебе три Кольца, принадлежавшие в древние времена гномам... да и Морийское Царство станет твоим — Великий Властелин позаботится и об этом. А если ты не можешь одолеть хоббита, скажи хотя бы, где он живет, — и тебе обеспечена щедрая награда. Но страшись обмануть Саурона Великого!»

Последние слова гонец прошипел, как будто внезапно превратился в змею, так что воины, охранявшие Башню, содрогнулись. Однако Даин твердо сказал: «Я не могу дать тебе ответ сразу. Мне надо обдумать твои слова».

«Думай, но не трать слишком много времени», — с явной угрозой проговорил гонец.

«А разве я не властен над своим временем?» — не теряя достоинства, спросил Даин.

«Пока еще властен», — буркнул гонец и, не попрощавшись, скрылся во тьме.

С тех пор нас гложет мрачная тревога. Даже если б голос Сауронова гонца был сладким как мед, мы все равно бы встревожились: нам ясно, что любые предложения Саурона таят в себе угрозу и подлое вероломство. Мы знаем, что крепнущую мощь Мордора питают не выкорчеванные вовремя корни, а ее сущность остается прежней... Дважды возвращался гонец Саурона и дважды уезжал, не получив ответа. Он назначил нам последний, по его словам, срок — и явится за ответом в конце этого года.

Я пришел в Раздол предупредить Бильбо, что его упорно разыскивает Враг, и узнать, если Бильбо сам это знает, зачем Врагу понадобилось Кольцо, которое якобы ничего не стоит. И еще государь Даин наказал мне попросить совета у Владыки Раздола — ведь на нас надвигается Черная Тень. Совсем недавно нам стало известно, что к Бранду, правителю Приозерного королевства, тоже являлся гонец от Саурона, а у Бранда очень тяжелое положение. На восточных границах его владений того и гляди разразится война. Если гонцы не получат ответа, Саурон двинет свое Черное Воинство и против Даина, и против

Бранда — а тот боится надвигающейся войны и может подчиниться Черному Властелину.

— Ты пришел вовремя, — сказал ему Элронд. — На сегодняшнем Совете тебе станет ясно, *какое* кольцо разыскивает *Враг*. Ты поймешь, что у вас нет иного выхода, кроме битвы с Врагом не на жизнь, а на смерть — даже без надежды победить в этой битве. Враг у всего Средиземья один. А Кольцо... Вы сами призваны решить, что же нам делать с этим Кольцом, которое якобы ничего не стоит...

Я сказал *призваны,* — продолжал Элронд, — однако я не призывал вас в Раздол. Вы пришли сами, пришли одновременно — и вашу встречу не сочтешь случайной. Вы призваны разрешить смуту с Кольцом и окончательно решить судьбу Средиземья.

А поэтому мы откроем вам тайны Кольца, известные до сих пор лишь немногим. И прежде всего — историю Кольца. Я начну рассказ, закончат его другие.

Голос Элронда, спокойный и звучный, отчетливо слышали все приглашенные. Элронд рассказывал о Второй эпохе, когда были выкованы Магические Кольца, и о древнем Властелине Мордора, Сауроне. Отдельные части этой истории были знакомы многим гостям, но всю ее не знал до этого никто, и гости слушали затаив дыхание об эльфах-кузнецах, живших в Остранне, об их тесной дружбе с гномами-морийцами — так называли гномов из Мории, — о стремлении эльфов Остранны к знаниям и о том, как Саурон, прикинувшись другом, предложил им помощь, и они ее приняли, и достигли замечательной искусности в ремеслах, а Саурон выведал все их секреты и выковал на вершине Огненной горы, расположенной в Мордоре, Кольцо Всевластья для владычества над всеми остальными Кольцами. Но эльф Селебримбэр узнал об этом и спрятал три сделанных им Кольца, и началась кровопролитная, разорительная война, и ворота Морийского Царства захлопнулись.

Элронд кратко рассказал гостям, как он следил за Кольцом Всевластья, но эта история всем известна, потому что он в свое время распорядился подробно записать ее в Летопись бытия, а значит, ее нет нужды пересказывать.

Потом Элронд поведал о Нуменоре, о том, как это государство погибло, и о том, как короли Большого Народа вернулись, возрожденные Морем, в Средиземье, о могучем короле Элендиле Высоком, о его сыновьях Исилдуре и Анарионе, основавших два могущественных княжества — Арнор на севере и Гондор на юге. Саурон пошел на князей войной, и они обратились за по-

мощью к эльфам, и после переговоров был заключен Последний Союз людей и эльфов.

Элронд вздохнул и, помолчав, продолжил:

— Объединенная дружина Элендила и Гил-Гэлада собралась в Арноре для похода на Мордор, и я тогда подумал, что ее мощь и сила, ее гордые знамена и могучие витязи напоминают мне древнейшую — Первую — эпоху и Великую Соединенную Дружину, которая разгромила мрачный Тонгородрим, и эльфы решили, что разделались с Врагом, но вскоре поняли, что жестоко ошиблись...

— Напоминают? Тебе? — вслух спросил Фродо, ошеломленный последними словами Элронда. — А я всегда думал... — проговорил он с запинкой, смущенный тем, что Элронд умолк, — ... я думал... ведь Первая эпоха... она... Ведь она же кончилась давным-давно?

— Ты прав, — без улыбки сказал ему Элронд. — И однако я ее прекрасно помню...

Моим отцом был Эарендил, уроженец эльфийского царства Гондолин, а матерью — Эдвин, дочка Диора, который был сыном Лучиэни из Дориата. Я свидетель всех трех эпох Средиземья и участник бесчисленных битв с Врагом, кончавшихся страшными для нас поражениями или поразительно бесплодными победами...

Я был глашатаем великого Гил-Гэлада и участвовал в битве у ворот Мордора, которая завершилась разгромом Врага, потому что копью Гил-Гэлада, Айглосу, так же как мечу Элендила, Нарсилу, не нашлось равных во Вражьем воинстве. Сражался я и на склонах Ородруина — или, в переводе, Огненной горы, — где погиб Гил-Гэлад и пал Элендил, сломав свой меч о шлемы врагов, но и сам Саурон был повержен Исилдуром, который завладел Кольцом Всевластья.

— Так вот оно что! — вскричал Боромир. — Значит, Кольцо Всевластья сохранилось? По нашим-то преданиям, оно исчезло, когда завершилась Вторая эпоха. А им, оказывается, завладел Исилдур?

— Да, завладел, — подтвердил Элронд. — Хотя не должен был этого делать. Кольцо следовало тогда же уничтожить в пламени Ородруина, где оно родилось. Но Исилдур оставил Кольцо у себя. Видели это лишь мы с Сэрданом — все остальные воины погибли, — и мы попытались предостеречь Исилдура, но он не послушался нашего совета.

«Мой брат и отец погибли, — сказал он нам, — а Кольцо я добыл в честном поединке и возьму его на память о своих сородичах». Однако он недолго владел Кольцом: оно превратилось в его проклятье, и ему еще повезло, что он просто погиб, а не сделался призраком Царства Тьмы.

Об этом знали только мы, северяне, да и то лишь немногие, — продолжал Элронд. — С Ирисной Низины, где пал Исилдур, вернулось всего-навсего три человека, и среди них Охтар, его оруженосец; он сберег сломанный меч Элендила, которым Исилдур добыл Кольцо, и, возвратившись, отдал обломок Валендилу, сыну Исилдура, воспитанному в Раздоле. Нарсил, а верней, два обломка Нарсила, потому что меч пока не перекован и его былая слава не восстановлена.

Я назвал победы над Врагом бесплодными? Последнюю лучше назвать неполной: Саурон был сломлен, но ушел живым; Кольца он лишился, но оно сохранилось. Черный Замок в Мордоре сровняли с землей, но его фундамент остался цел, и, пока Кольцо Всевластья не уничтожено, пока не выкорчеваны корни Зла, полная победа над Врагом невозможна. Многие люди и многие эльфы сложили головы во время войны: Исилдур, Анарион, Элендил, Гил-Гэлад — великие витязи и все их воины. Тогдашний Союз людей и эльфов наречен Последним не для пышного названия: Смертных становится на Земле все больше, но жизнь каждого человека сокращается, а Перворожденных остается все меньше, хотя над ними не властно время, — наши пути постепенно расходятся, и мы уже с трудом понимаем друг друга.

Вскоре после битвы на Ирисной Низине княжество Арнор пришло в упадок, город Ануминас у озера Морок обезлюдел, и его разрушило время, а потомки подданных князя Валендила переселились в Форност на Северном нагорье, но и этот город давно заброшен. Его именуют Мертвым Форностом, и люди опасаются туда забредать, потому что враги рассеяли арнорцев и от их когда-то неприступных крепостей остались лишь поросшие полынью курганы.

Гондорское княжество все еще не погибло; а сначала, подобно древнему Нуменору, оно неуклонно разрасталось и крепло. Горделивые замки гондорских рыцарей, крепости на суше и укрепленные порты славились далеко за пределами княжества. Столица Гондора, Звездная Цитадель — или, по-нуменорски, город Осгилиат — была построена в излучине Андуина. Там, на высоком берегу реки, в просторном саду Великого Князя посадили семечко Белого Древа, созревшее в дни Предначальной Эпохи на далеких землях Заокраинного Запада и некогда привезенное из-за Моря Исилдуром. Семя проросло и лет через двадцать превратилось в могучее, раскидистое дерево. К востоку от столицы, в Изгарных горах, возвышалась Крепость Восходящей Луны, или Минас-Итил по-нуменорски, а к западу, в Белых горах, — Минас-Анор, или Крепость Заходящего Солнца.

Но холодное дыхание всесильного времени притушило сла-

ву княжества Гондор. Одряхлело и засохло Белое Древо, а князь Менельдил, сын Анариона, умер, не оставив сына-наследника, и род князей-нуменорцев угас. Потом стражей, охранявших Мордор, однажды ночью сморила дрема, и Темные Силы, вырвавшись на свободу, укрылись за высокими стенами Горгорота, а вскоре, тоже под покровом ночи, захватили Крепость Восходящей Луны и перебили все окрестное население, и Минас-Итил стал Минас-Моргулом, или Крепостью Темных Сил. Люди Гондора отступили на запад и засели в Крепости Заходящего Солнца, с грустью назвав ее Минас-Тиритом, что значит Крепость Последней Надежды. Между крепостями началась война, и город Осгилиат был разрушен до основания, и в его развалинах поселились тени, призрачные ночью и прозрачные днем.

Поколения приходили на смену поколениям, и война пожирала множество жизней, но Минас-Тирит продолжал бороться, и Враг не сумел прорваться за Андуин, и путь от Каменных Гигантов до Моря все еще считается сравнительно безопасным. Здесь мой рассказ подходит к концу: после того как погиб Исилдур, Кольцо Всевластья бесследно исчезло, и Три Кольца получили свободу. Однако сейчас они снова в опасности, ибо Кольцо Всевластья нашлось... но об этом вам поведают другие гости — я не участвовал в последних событиях.

Едва Элронд смолк, поднялся Боромир.

— Досточтимый Элронд, — проговорил он, — разреши мне дополнить твой рассказ про Гондор, ибо гондорцами я послан в Раздол и гостям, конечно же, полезно узнать, от какой опасности мы их прикрываем.

Верьте, нуменорцы-южане не уничтожены и честь Гондорского княжества не забыта: мы одни заслоняем Запад от Моргула, сдерживая натиск Вражьего воинства. Подумайте, что ждет западные земли, если враги прорвутся за Андуин!

А это бедствие неотвратимо приближается. Силы Черного воинства растут. Роковая, а по-вашему Огненная, гора — проклятый Ородруин — снова дымится! Нас окружает Завеса Тьмы, ибо мощь Мордора многократно умножилась. Как только Враг возвратился в свой Замок, мы потеряли Итильские земли, лежащие на восточном берегу Андуина под охраной опорной крепости Итил. А летом нынешнего года, в июне, нас атаковала огромная армия, объединившая под черными знаменами Мордора неистовых вастаков с ордами хородримцев, и нам пришлось отступить к Реке. Но враги страшны нам не численным перевесом — им служат какие-то Темные Силы.

Они появляются как Черные Всадники, похожие на сгустки

ночных теней, и, когда эти Всадники вступают в бой, их союзники сражаются словно одержимые, а наших воинов сковывает ужас, и они не могут справиться с конями, которые удирают бешеным галопом, едва появятся Черные Всадники. В последнем сражении на восточном берегу уцелело лишь несколько сотен гондорцев, и, отступая за Реку, они разрушили мост — единственный мост в разоренном Осгилиате, — а отряд, который прикрывал отступление, был прижат к Реке и безжалостно истреблен.

Спастись посчастливилось всего четверым: моему брату, мне — мы сражались в этом отряде, — да двум на редкость могучим воинам, сумевшим, как и мы, переплыть Андуин...

Теперь мы закрепились на западном берегу, и оседлать Реку враги не могут, а западные и северные наши соседи — те, что знают о разгоревшейся битве, — посылают нам слова горячей благодарности... но еще ни разу не прислали подкреплений, и, когда наш Правитель взывает о помощи, откликаются на призыв только мустангримцы.

И вот в это тяжкое для гондорцев время я решил пробраться в далекий Раздол. Мне пришлось одолеть много сотен лиг по тайным и давно заброшенным тропам — сто десять дней я провел в пути. Но меня заботит не военный союз — мудрость Элронда вошла в поговорку, а нам очень нужен мудрый совет... совет и разгадка непонятных пророчеств. Дело в том, что накануне июньского нападения, после которого нас отбросили за Реку, моему брату и мне, обоим, под утро приснились точь-в-точь одинаковые сны.

Нам снилось, что восточное небо потемнело и за гранью горизонта зарокотал гром, но на западе, в зареве заходящего солнца, еще яснее засияла голубизна и звонкий голос негромко проговорил:

Сломал свой верный меч Элендил,
В бою себя не щадя,
А Исилдур в том бою добыл
Проклятие для себя.
Но в Имладрисе скуют опять
Сломанный меч вождя,
И невысоклик отважится взять
Проклятие на себя.

Мы с братом не поняли этих странных слов, а обратившись к нашему отцу, Денэтору — Верховному Правителю княжества Гондор и знатоку древнейших преданий Средиземья, — узнали только, что в давние времена Имладрисом называлось поселение эльфов, основанное где-то далеко на севере легендарно мудрым Владыкою Элрондом. Народу Гондора грозит гибель,

это понимает каждый из нас; и вот мой брат вбил себе в голову, что мы с ним видели пророческий сон, а поэтому должны разыскать Элронда и узнать смысл таинственных предсказаний. Но дорога на север трудна и опасна, ею давно уже никто не пользуется, а мне знакомы тайные тропы, и вместо брата отправился я. Неохотно отпускал меня в путь отец, долго блуждал я по северным землям, ибо многие слышали об Элронде Мудром, но мало кто знает, где он живет. Однако мне удалось отыскать дорогу, и я благополучно добрался до Имладриса.

— И здесь тебе откроется много тайн, — неторопливо поднявшись, сказал Арагорн. Он положил свой меч на стол перед Элрондом, и гости увидели, что он сломан пополам. — Вот он, Сломанный меч вождя!

— Кто ты? И что тебя связывает с Гондором? — в крайнем изумлении спросил Боромир, окинув взглядом выцветший плащ и усталое, исхудавшее лицо дунаданца.

— Он Арагорн, сын Араторна, — негромко ответил Боромиру Элронд, — отдаленный, но единственный и прямой наследник Исилдура, властителя крепости Итил. Дунаданцы-северяне, потомки нуменорцев, считают Арагорна своим вождем... но их, к несчастью, осталось не много.

— Значит, оно принадлежит тебе? — вскакивая на ноги, воскликнул Фродо — то ли облегченно, то ли с испугом.

— Оно принадлежит не тебе и не мне, — спокойно, но веско сказал Арагорн. — А сейчас — так уж решила судьба — именно ты назначен его Хранителем.

— Время настало. Покажи Кольцо, — проговорил Гэндальф, обращаясь к Фродо. — Пусть Боромир убедится воочию, что его сон оказался вещим!

В зале воцарилась мертвая тишина, все напряженно смотрели на Фродо, а он, растерянный и странно испуганный, чувствовал, что не хочет показывать Кольцо, ему даже дотронуться до него было трудно. Но он сумел себя превозмочь и дрожащей рукой вытащил Кольцо. Оно — то мерцающее, то ярко взблескивающее — приковало взгляды всех собравшихся в зале.

— Вот оно, Проклятье Исилдура, — сказал Элронд.

— Невысоклик! — ошарашенно пробормотал Боромир, глядя сверкающими глазами на Фродо, который поднял руку с Кольцом. — Так, значит, пробил последний час Последней Надежды гондорского народа? Но тогда зачем нам Сломанный меч?

— Ты не понял: сказано *пробил час*, но не сказано *последний час Минас-Тирита!* — спокойно объяснил Боромиру Арагорн. — Но роковой час в самом деле пробил, и он призывает нас к великим делам. Сломанный меч принадлежал Элендилу, и его потомки сберегли этот меч — хотя ничего другого не сохрани-

ли, — ибо в древности арнорцам было предречено, что, когда отыщется Проклятье Исилдура, меч его отца сумеют восстановить и он превратится в проклятье для врагов. Так хочешь ли ты, чтоб наследник Элендила поспешил на помощь гондорским воинам?

— Я пришел просить совета, а не помощи, — гордо ответил Боромир Арагорну. — Но на Гондор обрушились тяжкие испытания, и не нам отказываться от меча Элендила... если то, что некогда кануло в прошлое, и правда может возвратиться на землю, — с явным недоверием добавил гондорец.

Фродо почувствовал, что Бильбо злится: его оскорбили сомнения Боромира. Внезапно он вскочил на ноги и выпалил:

Древнее золото редко блестит,
Древний клинок — ярый.
Выйдет на битву король-следопыт:
Зрелый — не значит старый.
Позарастают беды быльем,
Вспыхнет клинок снова.
И короля назовут королем —
В честь короля иного.

— Может, это звучит не очень-то складно, да зато объясняет твой загадочный сон, — прочитав стишок, объявил Бильбо. — Если ты не услышал объяснений Элронда... одолев пятьсот лиг пути, чтоб услышать! — ядовито хмыкнув. Бильбо сел в свое кресло.

— Я сочинил это сам, — прошептал он Фродо, — когда Дунадан поведал мне о себе. И почти жалею, что завершил свои путешествия, а поэтому не смогу отправиться с Дунаданом и увидеть, как он исполнит свой долг.

Арагорн с улыбкой выслушал Бильбо, а потом серьезно сказал Боромиру:

— Я прощаю тебе твое недоверие. Мне ли не знать, что я ничуть не похож на изваяния Исилдура и его отца, которые ты видел в доме Денэтора. Я прямой потомок великого Исилдура — но всего лишь потомок, а не сам Исилдур. У меня за плечами долгая жизнь. И поверь, те несколько сотен лиг, которые отделяют Раздол от Гондора, только малая часть бесконечных лиг, которые я одолел в своей жизни. Множество рек и горных хребтов, болотистых равнин и засушливых плоскогорий приходилось мне пересекать в пути; я видел немало далеких стран, где светят незнакомые и чужие нам звезды...

...Но своей родиной я считаю север. Здесь со времен князя Валендила рождались и умирали все мои предки. Арнорцы вели нелегкую жизнь, однако в неразрывной череде поколений — от отца к сыну — передавался меч, напоминавший нам о былом

могуществе... И вот еще что я скажу тебе, Боромир. Нас, дунаданцев, осталось немного, нам постоянно приходится странствовать, потому что мы, как пограничные стражи, неутомимо выискиваем прислужников Врага, которые рыщут по бескрайнему Глухоманью, разделяющему западные и восточные земли, а иногда пробираются и в населенные области.

Ты сказал — *мы одни заслоняем Запад, сдерживая натиск вражьего воинства.* Но, едва вы встретились с Черными Всадниками, враги отбросили вас за Андуин. Так вот, Боромир, в мире много сил, помимо организованного Вражьего воинства, которым приходится давать отпор. Вы защищаете *свои* границы, прикрывая соседей от армии Моргула, и ни о чем, кроме собственных границ, не заботитесь, а мы — стражи пограничного Глухоманья — боремся со всеми Темными Силами. Не Вражье воинство — Безымянный Страх разогнал бы жителей севера и запада, если б арнорцы не скитались по дикому Глухоманью, без отдыха сражаясь с Темными Силами. Скажи, кто чувствовал бы себя спокойно — даже за стенами своего жилища, в самых отдаленных и мирных странах, — если бы призрачные подданные Мордора беспрепятственно проникали в западные земли? Кто отважился бы пуститься в путь? Но когда из черных лесных чащоб, из трясинных болот или мглистых ущелий выползают темные союзники Мордора, их неизменно встречают арнорцы, и они отступают за Изгарные горы.

А мы не требуем даже слов благодарности. Путники подозрительно косятся на нас, горожане и сельские жители Средиземья с презрительным сочувствием называют бродягами... Совсем недавно один толстяк, живущий по соседству с такими существами, что, услышав о них, он умер бы от страха, назвал меня — не желая оскорбить! — Бродяжником... он не знает, зачем мы странствуем, и снисходительно жалеет неприкаянных скитальцев. Но нам не нужна его благодарность. Он, подобно всем его сородичам и соседям, живет спокойно, мирно и счастливо — вот что «скитальцы» считают наградой. Вернее, считали...

Потому что сейчас мир опять начинает меняться. Проклятие Исилдура — Кольцо Всевластья — явилось из долгого небытия на землю. Нам предстоит великая битва. Сломанный Меч будет перекован, и я отправлюсь с тобой в Минас-Тирит.

— Проклятье Исилдура явилось на землю... — повторил Боромир слова Арагорна. — А я... я видел блестящее колечко, которое показал нам всем невысоклик. Объясни мне, почему вы так твердо уверены, что это и есть Кольцо Исилдура? Он умер до начала нашей эпохи, и Кольцо, говорят, бесследно исчезло. Где оно было все эти годы? Как попало к нынешнему владельцу?

— Ты узнаешь об этом, — пообещал Элронд.

— Однако не сейчас, уважаемый хозяин? — очень обеспокоенно осведомился Бильбо. — Я чувствую, что настало обеденное время, и мне обязательно нужно подкрепиться.

— Я еще ни о чем тебя не просил, — сдерживая улыбку, сказал ему Элронд. — Но раз уж ты сам о себе напомнил, то прошу тебя — расскажи нам свою историю. Если ты не создал из нее поэму, то, так уж и быть, изложи все в прозе. Я думаю, тебе не надо объяснять, что чем короче получится твой рассказ, тем скорее ты сможешь подкрепить свои силы?

— Что ж, ладно, — согласился Бильбо. — Сегодня я расскажу правдивую историю. И если кто-нибудь из гостей удивится, — Бильбо искоса глянул на Глоина, — пусть постарается не ворошить прошлое. За последние годы я многое понял... Так пусть же и меня поймут — и простят! Вот что случилось на самом деле...

Гости, не встречавшиеся раньше с Бильбо, изумленно слушали о его приключениях, и старый хоббит был очень рад, что может рассказать про встречу с Горлумом, припомнив решительно все подробности. Он повторил все до единой загадки. Он охотно поведал бы и о прощальном празднестве, о своем исчезновении, о пути в Раздол, но Элронд поднял руку и сказал:

— Прекрасно, мой друг. Нам важно знать, что Кольцо ты, уходя, передал Фродо. Давай послушаем твоего преемника.

Фродо рассказал обо всех своих злоключениях с тех пор, как сделался Хранителем Кольца; но его не радовало внимание слушателей. А их интересовал каждый его шаг, каждая особенность в поведении Всадников: гости постоянно перебивали Фродо, чтобы обсудить мельчайшие подробности.

— Неплохо, мой друг, — сказал ему Бильбо, когда он умолк и с облегчением сел. — Жаль, что тебя беспрестанно прерывали. Я успел кое-что записать — но не все, и нам еще предстоит к этому вернуться. Твои приключения на пути к Раздолу составят в Книге несколько глав — если я сумею ее дописать.

— Да, история получилась длинная, — как бы через силу подтвердил Фродо. — И все же она выглядит, по-моему, неполной — особенно без подробного рассказа Гэндальфа.

Гэлдор, сидевший неподалеку от хоббитов, услышал последнее замечание Фродо.

— Невысоклик прав, — обратился он к Элронду, — рассказ о Кольце кажется неполным. Я тоже хочу кое-что узнать. Вы не ответили на вопрос Боромира — почему вам ясно, что Кольцо

невысокликов выковал Черный Властелин Мордора? И что об этом думает Саруман? Он хорошо изучил повадки Врага, но его почему-то нет среди нас. Какой совет дал бы нам Саруман, если б он знал то же, что мы?

— Твои вопросы, — ответил Элронд, — так тесно переплетаются между собой, что их прояснит нам одна история — история, которую расскажет Гэндальф. Она завершит повесть о Кольце, ибо Гэндальф знает больше нас всех.

— Гэлдор просто не связал воедино все, что услышал на Совете, — начал Гэндальф. — Фродо выслеживают Черные Всадники; Даину, в награду за сведения о Бильбо, сулят вернуть Магические Кольца... Разве не ясно, что находка Бильбо очень нужна Властелину Мордора? А Бильбо, как известно, нашел Кольцо. Теперь подумаем о других Кольцах. Девятью Кольцами владеют назгулы, принявшие обличье Черных Всадников. Семь — потеряны или уничтожены. — При этих словах Глоин встрепенулся, но сделал над собой усилие и смолчал. — Судьба Трех нам тоже известна. Так за каким Кольцом охотится Враг?

Боромир прав: между Рекой и Пещерой — между потерей и находкой Кольца — зияет многовековая пропасть, которую Мудрые неспешно изучали... слишком неспешно и слишком долго: они забыли о мудрости Врага. А он, конечно же, не сидел без дела и обнаружил истину чуть позже нас — к счастью, позже! — нынешним летом. И все же Мудрые едва не опоздали.

Кое-кому из собравшихся известно, что в самом начале нашей эпохи я рискнул посетить Чародея в Дул-Гулдуре и, тайно разведав, чем он занимается, понял, что наши опасения подтвердились: это был Саурон, Извечный Враг, вновь оживший и набирающий силу. И кое-кто, я думаю, все еще помнит, что Саруман, на собранном тогда Совете, убедил Мудрых не начинать войну, и много лет мы только наблюдали. Но когда, сгустившись над мрачным Дул-Гулдуром, к северу поползла зловещая туча, даже Саруман одобрил войну, и объединенная дружина Совета Мудрых выбила Черного Властелина из Лихолесья. В том же году было найдено Кольцо — странное совпадение, если это совпадение.

Но Мудрые медлили чересчур долго: наша победа оказалась бесплодной, как и предсказывал Владыка Раздола. Саурон тоже следил за нами и успел подготовиться к нашему удару, управляя Мордором из тайного убежища с помощью девяти Призрачных прислужников, которые захватили Моргульскую крепость. Когда наше войско подошло к Лихолесью, он сделал вид, что принимает битву, а сам, стремительно отступив на юг, сбил посты у границы Мордора, уничтожил охрану Черного Замка и открыто провозгласил себя Властелином. В своих владениях он был не-

уязвим для нашей поспешно собранной дружины, и мы опять созвали Совет, понимая, что он ищет Кольцо Всевластья. Не узнал ли Враг чего-нибудь нового в своих упорных поисках Кольца — вот что обсуждалось на последнем Совете. Но Саруман сумел успокоить Мудрых, повторив — как он это делал не раз, — что Кольцо Всевластья сгинуло навсегда.

«Врагу известно, — сказал Саруман, — что мы до сих пор не разыскали Кольца, и, надеясь найти его, он теряет время: его надеждам не суждено исполниться. Кольцо поглотил Андунн Великий, и, пока Саурон был безликим призраком, течение унесло его сокровище в Море, а из морских глубин ничто не возвращается. Кольцо Всевластья успокоилось навеки».

Гэндальф умолк и посмотрел в окно — туда, где высились Мглистые горы, у подножия которых текла река, долго покоившая Кольцо Всевластья.

— Моя вина тяжела, — сказал Гандальф. — Меня убаюкали слова Сарумана, и я слишком поздно обнаружил опасность.

— Мы все виноваты, — проговорил Элронд. — Но, быть может, только благодаря тебе Завеса Тьмы еще не сомкнулась над Средиземьем.

— Меня убедили доводы Сарумана, — тяжело вздохнув, продолжал Гэндальф, — но в глубине души я почувствовал опасность, а поэтому очень хотел узнать, где, как и когда Кольцо Всевластья попало к несчастному лиходею Горлуму. Он должен был вылезти из подземного логова, чтобы попытаться отыскать свою «прелесть», и я решил учредить за ним слежку. Он и вылез, но, ловко ускользнув от преследователей, снова исчез — как сквозь землю провалился. А я — никогда себе не прощу! — спокойно наблюдал за Врагом и бездействовал.

Время рождало все новые заботы и постепенно притупляло мои старые страхи... Но однажды они неожиданно всколыхнулись, преобразившись в острую и глубокую тревогу. Кто все же истинный хозяин Кольца, которое отнял у Горлума Бильбо? И как я должен себя вести, если мои предчувствия подтвердятся? Вот что мне нужно было решить. Но я ни с кем об этом не говорил, ибо неосторожно сказанное слово могут услышать не только друзья. В наших бесчисленных войнах с Врагом болтовня часто оборачивалась бедой, и мы научились страшиться предательства.

Меня заинтересовало колечко Бильбо около семнадцати лет назад. Я очень быстро тогда убедился, что вокруг Хоббитании рыщут соглядатаи: Черному Властелину служат шпионами даже некоторые звери и птицы. Мне пришлось обратиться за помощью к дунаданцам, и они уничтожили немало шпионов, а когда

я открыл свои опасения Арагорну, он сманил меня в Глухоманье на поиски Горлума.

— Я убедил Гэндальфа, — вставил Арагорн, — что надо обязательно разыскать Горлума, хотя он считал, что время упущено. Но мне, потомку и наследнику Исилдура, хотелось расплатиться за его вину, и я отправился с Гэндальфом на поиски.

Гэндальф коротко рассказал Совету, как он странствовал с Арагорном по землям Глухоманья — на юге они дошли до Изгарных гор, за которыми начинаются владения Врага, и там впервые услышали о Горлуме.

— Мы думали, что он прячется где-нибудь в горах, и обшарили чуть ли не каждое ущелье, и все-таки не смогли его разыскать, и меня охватило тоскливое отчаяние. Но именно отчаяние освежило мою память, и я вдруг вспомнил слова Сарумана, которые вполуха выслушал на Совете.

«Магические Кольца, — сказал он тогда, — отличаются друг от друга драгоценными камнями. А свое Кольцо — Кольцо Всевластья — Саурон выковал совершенно гладким, однако на нем есть тайная надпись, и Мудрый сможет ее прочитать».

Больше Саруман ничего не сказал. И вот, вспомнив его слова, я стал думать, кто же мог знать, как выявляется тайная надпись. Знал создатель Кольца, Саурон. А Саруман? При всей его глубочайшей мудрости сам он разгадать эту тайну не мог, ибо никогда не видел Кольца — значит, он где-то нашел разгадку. Кто же, кроме Черного Властелина, видел Кольцо до его исчезновения? Только один человек — Исилдур. Я бросил безнадежные поиски Горлума и, не теряя времени, отправился в Гондор. Некогда там почитали Мудрых, а с особым почтением относились к Саруману — он подолгу гащивал у Великого Князя. Меня Верховный Правитель Денэтор встретил гораздо сдержанней, чем раньше, и весьма неохотно допустил в Хранилище древних рукописей и старинных книг.

«Если тебя, как ты говоришь, интересуют древние летописи Гондора — что ж, читай, — сказал он мне хмуро. — А для меня прошлое ясней будущего... ну да это уж мои заботы. Однако даже мудрейший Саруман находил здесь только то, что я знаю».

Так напутствовал меня Денэтор. И все же я нашел в Хранилище манускрипты, которые мало кто способен понять, ибо наречия народов древности знают сейчас лишь мудрейшие из Мудрых. Да, Боромир, я разыскал там запись, сделанную рукой самого Исилдура, и едва ли кто-нибудь ее читал — кроме меня да, быть может, Сарумана. Оказывается, после победы над Врагом Исилдур вернулся в княжество Гондор — а не «ушел, чтобы где-то бесславно сгинуть», как повествуют северные предания.

— Северные — возможно, — сказал Боромир. — Но мы, гондорцы, исстари знаем, что Исилдур действительно возвра-

щался в Гондор, чтобы поручить княжество Менельдилу, сыну своего убитого брата; и тогда же, в память о погибшем брате, он посадил в столице нашего княжества последнее семя Белого Древа.

— И тогда же сделал последнюю запись, — дополнил рассказ Боромира Гэндальф, — о которой в Гондоре, вероятно, забыли. Эта запись касается Кольца Всевластья, добытого Исилдуром в поединке с Сауроном. Вот что мне удалось прочитать:

«Отныне Кольцо Всевластья станет достоянием Великих Князей Арнора; однако сей манускрипт я оставляю в Гондоре — ибо здесь тоже живут потомки Элендила, — дабы и на юге не забылись удивительные деяния нашей эпохи».

И тут же дается описание Кольца:

«Оно было раскаленным, когда я взял его в руку, словно только что вынутое из горна в кратере Роковой горы, и мне показалось, что мой ожог не заживет никогда. Однако рука моя исцелилась, и Кольцо остыло и сделалось на вид меньше — и все же не потеряло прежней привлекательности, равно как и формы, приданной Ему Врагом. И потускнели магические знаки на Нем и едва виднелись. Знаки же суть буквы эльфов Остранны, однако язык надписи мне незнаком. Язык сей есть, вероятно, язык Врага, ибо звучит он при чтении букв уродливо и таинственно. Мне неведомо, какое зло таит в себе Вражья надпись, но я срисовываю ее, дабы сохранилась она в памяти потомков, ежели буквы, уже едва зримые, исчезнут совсем. Кольцу Всевластья недостает, как представляется мне, жара Вражьей ладони, ибо раскаленная она была словно багровое пламя, и при сем черная, словно ночная тьма, и Гил-Гэлад был сражен; и ежели накалить Кольцо в огне, то проступит, быть может, и таинственная надпись, однако я страшусь причинить Ему зло; ибо чувствую, что Оно уже дорого мне, и слишком дорого заплатили за Него нуменорцы».

Итак, мои предположения оправдались. Враг воспользовался буквами эльфов, но сделал надпись на мордорском языке, и эта надпись давно известна, ибо, когда Враг выковывал Кольцо, эльф Селебримбэр проник в его замыслы и отчетливо услышал магические слова, которые Саурон мысленно повторял, выбивая надпись на Кольце Всевластья.

Я простился с Денэтором и поспешил в Хоббитанию, но на пути получил известие от эльфов, что Арагорн все-таки поймал Горлума, и решил сначала побывать в Лихолесье. Арагорн преодолел смертельные опасности, выслеживая Горлума у границ Мордора, но об этом пусть он расскажет сам.

— А что о них рассказывать? — проговорил Арагорн. — Когда пробираешься мимо Черного Замка или путешествуешь

по Моргульской долине с ее лугами цветущих предсмертников, поневоле приходится преодолевать опасности. Мне не удалось разыскать Горлума, и, отчаявшись, я уже повернул к северу, но внезапно обнаружил то, что искал: в прибрежном песке возле мелкого озерца виднелись отпечатки босых подошв, и след вел не к югу, в Мордор, а на север. Горлум двигался вдоль Гиблых Болот, и дня через два я его поймал. Он весь был покрыт зеленоватой тиной, и, боюсь, ему не за что меня любить: он прокусил мне руку, и я не стал с ним нежничать, так что потом он упрямо молчал, а раскрывал рот, только чтоб есть — мне приходилось в пути добывать ему пищу, — мои вопросы оставались без ответа. Возвращение на север с пойманным Горлумом далось мне гораздо тяжелей поисков: всю дорогу я гнал его впереди себя, заткнув ему рот кляпом из мешковины, а на шею накинув веревочную петлю, и, когда мы добрались наконец до Лихолесья и я сдал его на попечение эльфов Трандуила, меня от усталости шатало ветром. Надеюсь, что больше мы с ним не встретимся — ведь он, вдобавок ко всем его прелестям, еще и воняет, как дохлый стервятник, но у Гэндальфа он омерзения не вызвал; они беседовали довольно долго.

— Долго и с пользой, — подтвердил Гэндальф, не пожелав заметить насмешку Арагорна. — Во-первых, история, рассказанная Горлумом, совпала с сегодняшним рассказом Бильбо. Но это не имеет большого значения: я и сам догадался, как было дело. Важнее другое — Горлум сказал мне, что нашел Кольцо на заре эпохи в Великой Реке у Иристой Низины. Он смертный и должен был давно умереть, но прожил неимоверно долгую жизнь — ее, без сомнения, продлило Кольцо. Известно, что только Кольцо Всевластья продлевает жизнь своему владельцу — другим Кольцам это не под силу.

Если же и это тебя не убеждает, — добавил маг, посмотрев на Гэлдора, — то есть еще одна, главная проверка. Вы все видели Кольцо невысокликов — золотое, круглое и без всякой гравировки. Однако, когда его подержишь над огнем — хотя не каждый на это осмелится, — четко проступает Наговор Врага. Однажды я бросил Кольцо в камин, и вот что мне удалось прочитать:

Эш назг дурбатулук, эш назг гимбатул, эш назг тхратулук, агх выфзым-иши кримпатул!

Голос Мага вдруг стал зловещим — глухо и монотонно прозвучали слова, но гулко и мощно раскатились по залу, — и содрогнулись могучие стены Замка, и подернулось дымкой яркое солнце...

— Ни разу не звучал этот язык в Имладрисе, — проговорил Элронд, когда настала тишина и участники Совета перевели дыхание.

— И надеюсь, больше ни разу не прозвучит, — ответил Гэндальф Владыке Раздола. — Но я не прошу у тебя прощения, ибо от меня, Гэндальфа Серого, потребовали доказательств моей правоты. А для того чтобы звуки этого языка не затопили навеки западные земли, надо запомнить, что Кольцо невысокликов — это, как в древности определили Мудрые, *Сокровище Сокровенной Мощи Врага*. Во тьме Черных Лет эльфы Остранны впервые услышали мрачное заклинание:

Одно наденет Владыка на черном троне,
В стране по имени Мордор, где распростерся мрак.
Одно Кольцо покорит их, одно соберет их,
Одно их притянет и в черную цепь скует их, —

и поняли, что попали в сети предательства.

Да, многое рассказал мне Горлум, хотя говорил он невнятно и неохотно. Ему удалось пробраться в Мордор, где он был пойман прислужниками Врага, и у него выпытали решительно все, и Враг знает, что Кольцо нашлось, долгое время хранилось в Хоббитании, а потом опять куда-то исчезло. Однако скоро ему станет известно — а может, известно уже и сейчас, — что хоббиты переправили Кольцо к эльфам, ибо Девять Призрачных прислужников преследовали Фродо до самого Раздола...

...— Этот Горлум, маленькая тварь? — прервал затянувшееся молчание Боромир. — Маленькая тварь, но большой лиходей? И к какой участи его приговорили?

— Он заключен под стражу в Северном Лихолесье, только и всего, — ответил Арагорн. — Ему пришлось немало претерпеть. У Врага его, по-видимому, страшно пытали, и он до сих пор не избавился от ужаса. Однако я рад, что его охраняют — и не кто-нибудь, а бдительные эльфы Лихолесья. Отчаяние и ненависть, горечь и страх сделали его неимоверно опасным, так что, если б он был на свободе, я не удивился бы любому злодейству, совершенному этим злосчастным существом. Да и вряд ли его отпустили из Мордора без какого-нибудь черного Вражьего умысла. А ему, на вид удивительно хилому, ненависть придает недюжинные силы!

— Меня прислали с горестным известием, — внезапно воскликнул эльф Леголас, — но его поистине страшный смысл я понял только на сегодняшнем Совете. Дело в том, что Смеагорл, прозванный Горлумом, сумел погубить своих стражников и скрылся.

— Скрылся? — удрученно вскричал Арагорн. — Это действительно зловещая новость. Как же случилось, что эльфы оплошали?

— Наша доброта обернулась беспечностью, и он удрал, — сказал Леголас. — Но, по всей вероятности, узнику помогли — а

это значит, что о наших делах известно кому-то за пределами Лихолесья. Мы добросовестно охраняли Горлума, хотя нам не нравится роль охранников, но, уходя, Гэндальф попросил Трандуила не углублять черного отчаяния узника, и мы выпускали его прогуляться, чтобы не держать в подземелье все время...

— Ко мне вы отнеслись гораздо суровей, — сверкнув глазами, перебил его Глоин. Он вспомнил свое заточение у эльфов — его-то все время держали в подземелье.

— Успокойся, мой друг, — вмешался Гэндальф. — Не надо вспоминать улаженных ссор. Если мы допустим, чтоб эльфы и гномы начали считаться старыми обидами, Совет никогда не будет завершен.

Глоин встал и молча поклонился, а эльф продолжил прерванный рассказ:

— В погожие дни мы приводили узника на поляну с огромным деревом посредине, и он, вскарабкавшись высоко вверх, подолгу сидел там, скрытый листвой, а стражники ждали его внизу. Но однажды он отказался слезть; стражникам не хотелось стаскивать его силой — он умел намертво вцепляться в ветви, держась за них и руками и ногами, — поэтому они просто сидели под деревом: убежать-то ему все равно было некуда.

И как раз в тот летний безлунный вечер на нас неожиданно напали орки. Завязалась битва, и только под утро нам удалось отбить нападение — полчища орков дрались отчаянно, но им, жителям степей Загорья, было непривычно сражаться в лесу... А потом, разгромив их свирепую орду, мы обнаружили, что стражники Горлума перебиты и сам он куда-то исчез.

Похоже, что этот набег был совершен для его освобождения и ему сообщили о нем заранее — но каким образом, нам неизвестно. Горлум весьма хитроумная тварь, а Вражьих шпионов становится все больше. Когда Бард Лучник уничтожил Дракона, мы выбили Темные Силы из Лихолесья, однако сейчас они опять появились, и наше население превратилось в остров, со всех сторон окруженный врагами. Следы беглеца мы потом нашли, хотя их почти затоптали орки, и следы вели на юг, к Дул-Гулдуру — самому опасному району Лихолесья, — мы не отваживаемся туда заходить...

— Короче, он скрылся, — заключил Гэндальф, — и охотиться за ним нам сейчас недосуг. Значит, такая уж у него доля. И быть может, ни он, ни Властелин Мордора не знают, что ему уготовано в будущем.

А теперь я отвечу на вопрос Гэлдора, — немного помолчав, продолжал Гэндальф. — Итак, почему среди нас нет Сарумана и что он мог бы нам присоветовать? Это довольно длинная история, и знает о ней пока только Элронд; впрочем, и ему я расска-

зал ее вкратце, а она требует подробного изложения, ибо к прежним бедам Средиземья прибавилась еще одна серьезнейшая беда, завершившая на сегодня повесть о Кольце.

Когда этим летом я был в Хоббитании, меня постоянно грызла тревога, и я отправился к южным границам этой маленькой мирной страны, ибо чувствовал, что опасность быстро приближается, хотя и не мог определить — какая. На юге мне рассказали о войне в Гондоре и о том, что гондорцы отступили за Реку; а когда я услышал про Черных Всадников, ощущение приближающейся опасности усилилось. Однако никто их как будто не видел — даже несколько усталых беженцев с юга, которые встретились мне по дороге, и все же моя тревога росла, ибо южные беженцы были очень напуганы, а причину страха почему-то скрывали. Тогда я свернул на Неторный Путь, и в Пригорье мне встретился Радагаст Карий — он, как и я, носил титул Мудрого. Радагаст некогда жил в Розакрайне, рядом с Лихолесьем, но куда-то переселился... Так вот, он сидел у обочины дороги, а рядом, на лугу, пасся его конь.

«Гэндальф! — обрадованно вскричал Радагаст. — Тебя-то я и разыскивал. Мне сказали, что ты обитаешь на западе, в стране с неуклюжим названием Хоббитания, — я ведь совсем этих мест не знаю».

«Правильно сказали, — ответил я, — до Хоббитании отсюда — рукой подать. Так что потише про неуклюжие названия: хоббиты очень обидчивый народец. Но у тебя, вероятно, важные новости? Ты ведь никогда не любил путешествовать, и едва ли твои привычки изменились».

«Очень важные, — сказал Радагаст. Потом, тревожно оглядевшись, добавил: — Очень важные и очень скверные. Назгулы. Они опять появились. В этот раз — как Черные Всадники. Им удалось переправиться через Реку, и теперь они движутся к северо-западу».

Вот почему меня грызла тревога, — посмотрев на Фродо, проговорил Гэндальф.

— «У Врага здесь какая-то тайная надобность или тайный умысел», — сказал Радагаст.

«Что ты имеешь в виду?» — спросил я.

«А зачем Призрачным Всадникам Хоббитания?»

Тут мне, признаться, стало не по себе, ибо сражение с Девяткой назгулов устрашит и самого отважного из Мудрых: все они в прошлом великие воины, а их Предводитель — Чародей и Король — наводил ужас на своих врагов, даже когда еще не был призраком.

«Кто прислал тебя ко мне?» — спросил я.

«Саруман Белый, — ответил Радагаст. — И он просил меня тебе передать, что, если ты нуждаешься в какой-нибудь помощи, поезжай в Ортханк; однако не медли».

Эти слова ободрили меня. Ибо Саруман — мудрейший из Мудрых... так мне в то время казалось. Радагаст тоже могущественный маг, исконный повелитель растений и животных (особенно ревностно служат ему птицы), но Саруман исстари следит за Врагом, он хорошо изучил все его повадки и часто помогал нам справиться с ним. Мы легко выбили Врага из Дол-Гулдура благодаря мудрым советам Сарумана; жаль, что нас тогда не удивила ответная победа Врага на юге...

«Я поеду к Саруману», — проговорил я. Мне подумалось, что, быть может, Саруман знает, как прогнать назгулов за Андуин.

«Но отправляйся сейчас же, — посоветовал Радагаст, — ибо я искал тебя довольно долго, а Саруман говорил, что к ранней осени назгулы сумеют добраться до Хоббитании — и тогда он не сможет тебе помочь. А мне пора поворачивать восвояси». Радагаст безмолвно подозвал коня, вскочил в седло и хотел уехать.

«Подожди, Радагаст! — крикнул я ему вслед. — Оповести своих подданных, зверей и птиц, что нам, вероятно, понадобится их помощь».

«Считай, что они оповещены», — сказал он и, тронув коня, быстро скрылся из глаз, словно бы спасаясь от Девятерых назгулов.

Я не мог тогда последовать за Карим. Мой конь был измучен, да и я устал: мы покрыли в тот день огромное расстояние, а главное, мне хотелось собраться с мыслями. И вот, отложив решение на утро, я переночевал и никогда не прощу себе этой ошибки!

Фродо я написал подробное письмо, в котором объяснил, что мы встретимся у эльфов, и поручил отослать письмо Лавру Наркиссу — он хозяин трактира, мой давний знакомец, — а утром, затемно, отправился в путь. Саруман живет далеко на юге, в крепости Изенгард к северу от Ристании, которую гондорцы называют Мустангримом. С юга просторную Ристанийскую равнину замыкают Белые горы Гондора, или Эред-Нимрас по-нуменорски, а на севере в нее вклинивается Мглистый хребет; там, в неприступной высокогорной долине, окруженной могучими отвесными скалами, расположен замок Сарумана Ортханк. Этот замок — высокий, с тайными покоями — возвели в стародавнее время нуменорцы, и попасть в него можно только через ворота, которые перегораживают Изенгардское ущелье, рассекающее естественную ограду долины — пояс из темных каменных утесов.

Я подъехал к воротам на исходе дня, их охраняла многочисленная стража; но Саруман, видимо, давно меня ждал: ворота распахнулись и, когда я проехал, бесшумно захлопнулись за моей спиной; и меня вдруг кольнуло неясное опасение.

Однако я все же подъехал к замку, и Саруман, неспешно спустившись по лестнице, отвел меня в один из верхних покоев. На руке у него я заметил кольцо.

«Итак, ты приехал», — сказал он степенно, но мне показалось, что в его глазах вспыхнула на мгновение холодная насмешка.

«Приехал, как видишь, — ответил я. — Мне нужна твоя помощь, Саруман Белый!» Услышав свой титул, Саруман разозлился.

«Ты просишь помощи, Гэндальф *Серый*? — с издевкой в голосе переспросил он. — Значит, хитроумному и вездесущему магу, который вот уже третью эпоху вмешивается во все дела Средиземья — причем обычно непрошено и незвано, — тоже может понадобиться помощь?»

Меня поразил его злобный тон. «Не ты ли, — удивленно спросил его я, — наказал гонцу Радагасту Карему передать мне, что нам надо объединить наши силы?»

«Предположим, что я ему это сказал, — ответил Саруман. — А теперь объясни мне, почему ты явился сюда так поздно? Ты долго скрывал от Совета Мудрых и от меня, Верховного Мудреца Совета, событие поистине величайшей важности! А сейчас, бросив укрывище в Хоббитании, ты спешно приехал ко мне... Зачем?»

«Затем, что Девятеро черных кольценосцев опять начали свою призрачную жизнь. Затем, что они переправились через Реку. Радагаст сказал...»

«Радагаст Карий? — с хохотом перебил меня Саруман, и его презрение прорвалось наружу. — Радагаст — Грозный Повелитель Букашек? Радагаст Простак! Радагаст Дурак! Хорошо, что у него хватило ума без рассуждений сыграть свою дурацкую роль! Он неплохо сыграл ее — и вот ты здесь. Здесь ты и останешься, Гэндальф Серый, — надо же тебе отдохнуть от путешествий. Ибо этого хочу я, Саруман, Державный Властитель Колец и Сцветий!»

Он резко встал, и его белое одеяние внезапно сделалось перелливчато-радужным, так что у меня зарябило в глазах.

«Белый цвет заслужить нелегко, — сказал я. — Но еще труднее обелить себя вновь».

«Обелить? Зачем? — Саруман усмехнулся. — Белый цвет нужен Мудрым только для начала. Отбеленная или попросту белая ткань легко принимает любой оттенок, белая бумага — любую мудрость».

«Потеряв белизну, — упорствовал я. — А Мудрый остается истинно мудрым, лишь пока он верен своему цвету».

«Довольно! — резко сказал Саруман. — Мне некогда слушать твои поучения. Ибо я вызвал тебя в свой замок, чтобы ты сделал окончательный выбор».

Саруман приосанился и произнес речь — по-моему, он ее приготовил заранее: «Предначальная Эпоха миновала, Гэндальф. Средняя тоже подходит к концу. Начинается совершенно новая эпоха. Годы эльфов на земле сочтены; наступает время Большого Народа, и мы призваны им управлять. Но нам необходима полнота всевластья, ибо лишь нам, Мудрейшим из Мудрых, дано знать, как устроить жизнь, чтобы люди жили мирно и счастливо.

Послушай, Гэндальф, мой друг и помощник, — продолжал Саруман проникновенно и вкрадчиво, — о нас с тобою я говорю *мы,* в надежде, что ты присоединишься ко мне. На земле появилась Новая Сила. Перед ней бессильны прежние Союзы. Время нуменорцев и эльфов прошло. Я сказал — выбор, но у нас его нет. Мы *должны* поддержать Новую Силу. Это мудрое решение, поверь мне, Гэндальф. В нем — единственная наша надежда. Победа Новой Силы близка, и поддержавших ее ждет великая награда. Ибо с возвышением Новой Силы будут возвышаться и ее союзники; а Мудрые — такие, как мы с тобой, — постепенно научатся ею управлять. О наших планах никто не узнает, нам нужно дождаться своего часа, и сначала мы будем даже осуждать жестокие методы Новой Силы, втайне одобряя ее конечную цель — Всезнание, Самовластие и Порядок, — то, чего мы мечтали добиться, а наши слабые или праздные друзья больше мешали нам, чем помогали. Нам не нужно — и мы не будем — менять наших целей, мы изменим лишь способы, с помощью которых мы к ним стремились».

«А теперь послушай меня, Саруман, — сказал я ему, когда он умолк. — Мы не раз слышали подобные речи, но их произносили глашатаи Врага, дурача доверчивых и наивных. Неужели ты вызвал меня для того, чтобы повторить мне их болтовню?»

Он искоса глянул на меня и спросил: «Так тебя не прельщает дорога Мудрейших? Все еще не прельщает? Ты не хочешь понять, что старые средства никуда не годятся? — Саруман положил мне руку на плечо и тихо сказал, почти прошептал: — Мы должны завладеть Кольцом Всевластья. Вот почему я тебя призвал. Мне служат многие глаза и уши, я уверен — ты знаешь, где хранится Кольцо. А иначе зачем бы тебе Хоббитания — и почему туда же пробираются назгулы?» Саруман посмотрел на меня в упор, и в его глазах полыхнула алчность, которую он не в силах был скрыть.

«Саруман, — отступив, сказал я ему, — нам обоим известно, что у Кольца Всевластья может быть только один хозяин, поэтому не надо говорить *мы*. Но теперь, когда я узнал твои помыслы, я ни слова не скажу тебе про Кольцо. Ты был Верховным Мудрецом Совета, однако тебе невмоготу быть Мудрым. Ты, как я понял, предложил мне выбор — подчиниться Саурону или Саруману. Я не подчинюсь ни тому, ни другому. Что-нибудь еще ты можешь предложить?»

Он глянул на меня холодно и с угрозой. «Я и не надеялся, — проговорил он, — что ты проявишь благоразумие Мудрейшего — даже ради своей собственной пользы; однако я дал тебе возможность выбрать, и ты выбрал воистину глупейшее упрямство. Что ж, оставайся покуда здесь».

«Покуда — что?» — спросил его я.

«Покуда ты не откроешь мне, где хранится Кольцо, — ответил он мне. — Или покуда оно не отыщется вопреки твоему малоумному упрямству. Тогда, вероятно, Державный Властитель сможет заняться второстепенными делами. Он решит, к примеру, какой награды заслуживает упрямство Гэндальфа Серого».

«Решить-то, пожалуй, ему будет просто, — проговорил я, — да легко ли выполнить?» Но Саруман только издевательски рассмеялся, ибо он знал не хуже меня, что я произношу пустые слова.

Меня отвели на Дозорную площадку, с которой Саруман наблюдает за звездами: спуск оттуда — витая лестница в несколько тысяч каменных ступеней — охраняется внизу отрядом стражников; да и ведет эта лестница во внутренний двор. Оставшись один, я оглядел долину, некогда покрытую цветущими лугами, теперь лугов здесь почти не осталось: я видел черные провалы шахт, плоские крыши оружейных мастерских и бурые дымки над горнами кузниц. Дымки подымались отвесно вверх, ибо долина защищена от ветра поясом скал, и сквозь дымное марево, которое окутывало башню Ортханка, мне были видны стаи волколаков и отряды хорошо вооруженных орков — Саруман собирает собственное воинство, значит, Врагу он еще не подчинился. Крохотной была Дозорная площадка — я не мог согреться даже ходьбой, а вечные ледники дышали вниз холодом, и в долину сползали промозглые туманы, но горше дыма изенгардских кузниц, мучительней холода и сильней одиночества меня терзали мысли о Всадниках, во весь опор скачущих к Хоббитании.

Я был убежден, что это назгулы, хотя и не верил теперь Саруману; однако про назгулов он не солгал, ибо по дороге я слышал известия, которые подтвердили его слова. Мне было страшно

за друзей в Хоббитании, и все же меня не покидала надежда: я надеялся, что Фродо, получив письмо, не медля ни дня, отправился в Раздол и Черные Всадники его не нашли. Однако жизнь все переиначила. Я надеялся на исполнительность хозяина трактира и опасался могущества Властелина Мордора. Но Лавр забыл отправить письмо, а девять прислужников Черного Властелина оказались слабее, чем я о них думал, — у страха, как известно, глаза велики, и я, пойманный в Саруманову ловушку, одинокий, испуганный за своих друзей, переоценил могущество и мудрость Врага.

— Я видел тебя! — вдруг воскликнул Фродо. — Ты ходил, словно бы заключенный в темницу — два шага вперед и два назад, — но тебя ярко освещала луна!

Гэндальф удивленно посмотрел на Фродо.

— Это был сон, — объяснил ему хоббит, — и я его сейчас очень ясно вспомнил, хотя приснился-то он мне давно: когда я только что ушел из дома.

— Да, темница моя была светлой, — сказал Гэндальф, — но ни разу в жизни меня не одолевали столь мрачные мысли. Представьте себе, я, Гэндальф, угодил в предательские паучьи сети! Однако и в самой искусной паутине можно отыскать слабую нить.

Сначала я поддался мрачному настроению и заподозрил в предательстве Радагаста Карего — именно на это и рассчитывал Саруман, — однако, припомнив разговор с Радагастом, понял, что Саруман обманул и его: я неминуемо ощутил бы фальшь, ибо Радагаст не умеет притворяться. Да, Радагаст был чист передо мной — именно поэтому попал я в ловушку: меня убедили его слова.

Но поэтому лопнул и замысел Сарумана: Радагаст выполнил свое обещание. Расставшись со мной, он поехал на восток и, когда добрался до Мглистых гор, поручил Горным Орлам помогать мне. От них ничто не могло укрыться: ни назгулы, ни огромные стаи волколаков, ни орды орков, вторгшихся в Лихолесье, чтобы освободить злосчастного Горлума; и Орлы отправили ко мне гонца.

Однажды ночью, уже под осень, быстрейший из Горных Орлов — Ветробой — прилетел в Изенгард и, снизившись над Ортханком, увидел меня на Дозорной площадке.

«Я принес тебе важные известия», — сказал он. Когда Ветробой передал мне новости, собранные Орлами, я его спросил:

«А *меня* ты можешь унести отсюда?»

«Могу, — сказал он. — Если нам по дороге. Я был послан сюда как гонец, а не как конь. Впрочем, если тебе нужен конь, я доставлю тебя в Эдорас, к ристанийцам, такое расстояние для

меня не крюк». Что ж, о лучшем и мечтать было нечего, ибо в Мустангриме, где живут ристанийцы, давние повелители диких коней, я мог получить то, что мне требовалось — а требовался мне быстроногий конь, чтобы побыстрее добраться до Хоббитании.

«Ты думаешь, они не подчинились Врагу?» — на всякий случай спросил я Орла, ибо предательство Сарумана Белого подорвало мою веру в Светлые Силы.

«Ристанийцы платят Мордору дань — ежегодно отсылают туда коней, так я слышал, — ответил Орел. — Это именно дань, а не дар союзнику. Но если Саруман, как ты говоришь, тоже превратился в Темную Силу, ристанийцы не смогут отстоять свою независимость».

Ветробой пролетел над Ристанийской равниной и приземлился у северо-западных отрогов Белых гор, неподалеку от крепости Эдорас. Здесь уже ощущалось перерождение Сарумана: он опутал ристанийцев сетями лжи, и конунг не поверил моим словам, когда я сказал, что Саруман — предатель. Однако он разрешил мне выбрать коня — с тем чтобы я тотчас же уехал из Ристании, — и мой выбор очень его раздосадовал: я выбрал на диво резвого коня, он считался, как мне с горечью поведал конунг, лучшим конем в табунах Мустангрима.

— Тогда это действительно замечательный конь, — сказал Арагорн и, вздохнув, добавил: — Мне очень горько, что Властелин Мордора получает лучших коней Средиземья — хотя я понимаю, что из последних событий это далеко не самое мрачное. Однако еще несколько лет назад ристанийцы никому не платили дани.

— Да и сейчас не платят, — вмешался Боромир, — все это злобные выдумки Врага. Мне ли не знать витязей Мустангрима — наших верных и бесстрашных союзников?

— Завеса Тьмы, — проговорил Арагорн, — затемнила немало южных земель. Под ее тенью переродился Саруман. Возможно, затемнен уже и Мустангрим. Тебе ведь неизвестно, что ты узнаешь, если сумеешь вернуться на юг.

— Только не это, — возразил Боромир. — Мустангримцы не станут покупать независимость, отдавая в рабство своих коней. Они повелители, и повелители любящие. А кони их пасутся на северных пастбищах, вдали от Вражьей завесы тьмы, и так же свободолюбивы, как их хозяева.

— Но конь, которого я себе выбрал, — продолжал Гэндальф, — несравним с другими. Он неутомим и быстр как ветер, ему уступают даже кони назгулов. Ристанийцы называют его Светозаром: днем он похож на серебристую тень, а ночью его невозможно увидеть — особенно когда он мчится по дороге.

Легок его шаг и стремителен бег; до меня на него никто не садился, но я укротил его и помчался на север, и, когда Фродо добрался до Могильников, я уже пересек границу Хоббитании, а ведь мы отправились в путь одновременно — он из Норгорда, а я из Эдораса.

Светозар неутомимо скакал на север, но я беспокоился все сильней и сильней. Черные Всадники приближались к Хоббитании, и, хотя расстояние между нами сокращалось, они по-прежнему были впереди.

Вскоре я понял, что Всадники разделились: одни остались у восточной границы, там, где проходит Неторный Путь, а другие проникли в Хоббитанию с юга. Фродо я дома уже не застал и долго расспрашивал садовника Скромби, — долго расспрашивал и мало узнал, ибо он говорил главным образом о себе да еще о новых хозяевах Торбы.

«Мне вредны перемены, — жаловался он. — Я старый, и перемены к худшему подрывают мое здоровье». Он без конца твердил о переменах к худшему.

«Ты еще не видел перемен к худшему, — сказал я ему, — и, будем надеяться, не увидишь». Но из его старческой болтовни я узнал, что Фродо уехал неделю назад, а вечером после его отъезда у дома побывали Черные Всадники. Окончательно расстроенный, я двинулся дальше. Жители Заячьих Холмов суетились, словно муравьи у разоренного муравейника. Подъехав к дому в Кроличьей Балке, я увидел, что он разгромлен и пуст, а на веранде валяется плащ Фродо. Больше надеяться было не на что, и я поехал по следам назгулов, решив не расспрашивать окрестных жителей — и напрасно: они бы меня успокоили. Потом Всадники опять разделились, и я отправился по следам тех, которые поехали в сторону Пригорья, — мне хотелось как следует допросить Лавра.

«Ну, Лавр, — думал я по дороге, — если ты не отослал моего письма, я загоню тебя в чан с кипящим супом, и ты сваришься там, как лавровый лист!» Меньшего он, вероятно, и не ждал, потому что, увидев мое лицо, задрожал, словно сухой лепесток на ветру.

— Что ты с ним сделал? — воскликнул Фродо: ему стало жаль хозяина трактира. — Он принял нас как близких друзей и потом всячески нам помогал.

— Не бойся, — улыбнувшись, ответил Гэндальф. — Я его даже и припугнуть не успел, ибо, когда он перестал трястись и сказал мне, что вы ушли с Арагорном, меня охватила буйная радость.

«С Бродяжником?» — радостно переспросил его я.

«С ним, — виновато прошептал Наркисс, решив, что разгневал меня еще больше. — И ведь я говорил им, что он бродя-

га. Но они вели себя очень странно... или нет, я бы сказал — своенравно».

«Милый мой дурень! Дорогой мой осел! — не в силах сдержаться, заорал я. — Да я не слышал столь приятных известий с середины лета, глупый мой Лавр! Нынешней ночью я спокойно усну — впервые за не знаю уж сколько месяцев!»

Я заночевал в трактире у Наркисса и все думал: куда же исчезли назгулы? — ведь пригоряне видели только двоих. Однако ночью положение прояснилось. С юго-запада прибыли еще пятеро: они снесли Западные Ворота и промчались по селению, словно пять смерчей — пригоряне до сих пор трясутся от страха и с минуты на минуту ждут конца мира. Под утро за Всадниками отправился я.

Я приехал в Хоббитанию позже, чем назгулы, но вот что, по-моему, там произошло. Главарь Девятерых с двумя Всадниками остался в засаде у южной границы, двое Всадников поехали в Пригорье, а четверо спешно поскакали к Торбе. Потом, когда они никого не нашли ни в самой Торбе, ни на Заячьих Холмах, им пришлось вернуться к южной границе, и сколько-то времени дорога не охранялась — про Вражьих шпионов я не говорю. Главарь приказал четверым всадникам ехать прямиком на северо-восток, а сам помчался по Западному Тракту, понимая, что хоббиты удрали из Хоббитании.

Ну а я поскакал к Буреломному Угорью, ибо понял, куда мог двинуться Арагорн, и на второй день уже был у Заверти, но Вражьи прислужники меня опередили. Бой принять они не решились, и я беспрепятственно поднялся на Заверть, однако темнота придала им смелости (я подъехал к горе на исходе дня), и мне пришлось немало потрудиться, чтобы отогнать расхрабрившихся назгулов — я думаю, даже во время гроз, когда над Завертью сверкают молнии, там не бывает так светло, как в ту ночь.

Утром я решил пробиваться к Раздолу, но не напрямик, а в обход, с севера. Искать Фродо на Буреломном Угорье, сражаясь по ночам с Вражьими Прислужниками, было бесполезно да и попросту глупо: ведь если бы я и разыскал хоббитов, то привел бы за собой весь Вражий Отряд, — поэтому я целиком положился на Арагорна и совершенно открыто повернул к северу, считая, что хотя бы несколько назгулов неминуемо кинутся меня преследовать, а я, сделав широкую петлю, опережу их, подъеду к Раздолу с севера и во главе сильной дружины эльфов разобью Вражий Отряд по частям. Однако четверо моих преследователей через несколько дней куда-то скрылись — поскакали, как потом выяснилось, к Переправе, — и все же я немного помог Арагорну: на него напали лишь пятеро назгулов.

А я поднялся вдоль реки Буйной к ее верховьям на Троллистом плато, и там мне пришлось расстаться со Светозаром, ибо среди каменистых россыпей он неминуемо поломал бы ноги. Светозар вернулся к своим повелителям, но стоит мне мысленно его позвать, и он явится, где бы я в это время ни был. Через четырнадцать дней после битвы у Заверти я добрался наконец до владений Элронда и узнал, что здесь уже ждут хоббитов; а через три дня Хранитель Кольца прорвался с помощью Гориславa в Раздол.

На этом заканчивается моя история — да простят мне гости и досточтимый хозяин, что я столь долго занимал их внимание, — но, как мне кажется, Хранитель Кольца должен был узнать совершенно точно, почему он вовремя не получил помощи, тем более что помощь обещал ему я, Великий Маг Гэндальф Серый из Мудрых, *впервые* нарушивший свое обещание.

Итак, — заключил свои рассказ Гэндальф, — теперь вам известна история Кольца от его изготовления до нынешнего дня. Но мы ни на шаг не приблизились к цели. Ибо нам надобно сообща решить, *что мы с ним сделаем*.

Гости сидели неподвижно и молча. Наконец молчание нарушил Элронд:

— Ты поведал нам горестную историю, Гэндальф. Ибо Мудрые полностью доверяли Саруману и ему известны все наши планы. Твоя история лишний раз подтвердила, что, проникая в коварные замыслы Врага, невольно проникаешься и его коварством. Такое перерождение, увы, не новость — в древности это случалось не раз. Так что из всех сегодняшних рассказов меня особенно удивил рассказ об отваге и стойкости невысоклика Фродо. Я знаю близко лишь одного невысоклика — Бильбо, — и сегодня мне стало ясно, что он не так уж сильно отличается от своих земляков из мирной Хоббитании. Видимо, с тех пор как я был на Западе, в мире произошли серьезные перемены.

Умертвий мы знаем под многими именами, а в преданиях о нынешнем Вековечном Лесе он очень часто называется Бесконечным, ибо еще не слишком давно — не слишком давно, по моим понятиям, — белка, прыгая с дерева на дерево, могла перебраться из сегодняшней Хоббитании в Сирые Равнины у Мглистых гор. Мне случалось путешествовать по Вековечному Лесу, и я увидел там множество жутковатых диковин. А Бомбадила — если это тот самый Властитель, вернее, Охранитель Заповедного Края, с которым эльфов столкнула судьба, когда мир Средиземья был юн и прекрасен, а он уже казался древним, как Море, — так вот, мы звали его Йарвеном Бен-Адаром, Безотчим Отцом Заповедных Земель; гномы величали Йарвена Форном, а

северные потомки нуменорцев — Оральдом... Но, быть может, я зря не пригласил его на Совет?

— Он не пришел бы, — проговорил Гэндальф.

— А если все же послать ему приглашение? Или просто попросить о помощи? — предложил Эрестор. — Ведь, насколько я понял, он властен даже над Вражьим Кольцом?

— Ты понял не совсем верно, — возразил Гэндальф. — Точнее будет определить так: *над ним* не властно Кольцо Врага. Йарвен сам себе хозяин и властелин. Но он не может повелевать Кольцом — и не может защитить от него других. Он замкнулся в своем Заповедном Крае, очертив зримые лишь ему границы, и сам их теперь никогда не переступает.

— Однако в очерченных им границах он по-прежнему Всевластный Повелитель Края? — выслушав Гэндальфа, спросил Эрестор. — Так, быть может, он возьмет на хранение Кольцо?

— По собственной охоте не возьмет, — сказал Гэндальф. — А если и возьмет — по просьбе Мудрых, — то отнесется к нему как к пустой безделушке. Через несколько дней он забудет о нем, а потом, вероятней всего, просто выбросит. Его не интересует исход Войны, и он был бы очень ненадежным Хранителем, а значит, Кольцо ему доверить нельзя.

— Да и в любом случае, — сказал Горислав, — мы только отсрочили бы день поражения. Йарвен живет далеко от Раздола. Мы не сможем пробраться к нему с Кольцом, не замеченные шпионами Черного Властелина. А впрочем, даже если и сможем, Саурон узнает — не сейчас, так позже, — где мы храним Кольцо Всевластья, и обрушит всю свою мощь на Йарвена. Выстоит ли Йарвен в этом единоборстве? Сомневаюсь. Я думаю, что в конце концов, когда Светлые Силы будут уничтожены, Йарвен тоже падет в борьбе — уйдет из этого мира последним, как он появился здесь некогда первым, — и Завеса Тьмы сомкнется над Средиземьем.

— Я не знаю Йарвена, — вмешался Гэлдор, — хотя, конечно же, слышал о нем; но, по-моему, Горислав совершенно прав. Сила, способная противостоять Врагу — если она действительно существует, — таится не в заповедном могуществе Йарвена: ведь Враг, как мы уже не раз убеждались, властен даже над первозданной природой. Я думаю, только эльфы — Перворожденные — могли бы дать отпор Саурону. Так хватит ли у нас для этого сил?

— У меня — не хватит, — ответил Элронд.

— И у Трандуила не хватит, — сказал Леголас.

— Я не глашатай Сэрдана Корабела, — немного помолчав, проговорил Гэлдор, — но боюсь, что и мы не выстоим пред Врагом.

— А объединиться Черный Властелин нам не даст, и наши земли превратятся в островки, окруженные океаном Черного Воинства, — заключил эти горькие признания Элронд.

— Мы не сможем, — вступил в разговор Горислав, — силою защитить Кольцо от Врага, а поэтому у нас есть только два выхода: отослать его за Море или уничтожить.

— Гэндальф открыл нам, — возразил Элронд, — что Кольцо можно уничтожить лишь в Мордоре, а заморские жители его не получат: оно принадлежит миру Средиземья и ему не суждено покинуть наш мир.

— Тогда надобно упокоить Кольцо в Морских Глубинах, — предложил Горислав, — чтобы ложь Сарумана обернулась правдой. Ибо теперь совершенно ясно, что он солгал на прошлом Совете: его уже сжигала жажда всевластья, и, зная, что Вражье Кольцо нашлось, он намеренно ввел в заблуждение Мудрых. Но Морские Глубины — надежная могила, там уж Кольцо упокоится навеки.

— К сожалению, ты не прав, — сказал ему Гэндальф. — Морские Глубины тоже населены, и у Врага повсюду найдутся прислужники. Но главное, там, где была вода, может со временем воздвигнуться суша, а мы, Мудрецы Средиземья, призваны окончательно избыть судьбу Кольца — не на год, не на несколько поколений Смертных, даже не на несколько эпох, а навечно.

— И если путь в Заповедный Край считается опасным, — вмешался Гэлдор, — то дорога к Морю еще опасней. Ибо мой опыт подсказывает мне, что Враг будет ждать нас на Западном Тракте, как только поймет, где хранится Кольцо. Ну а разъяснят ему это назгулы. Их спешили, и они вернулись восвояси, но Саурон даст им новых коней — еще более выносливых и быстрых, чем прежние. А когда во главе Вражьего воинства снова встанут Девятеро назгулов, Гондор будет окончательно разгромлен, и Враг, двигаясь по Взморью на север, обложит западные поселения эльфов...

— Ты слишком быстро расправился с Гондором! — гневно перебил Гэлдора Боромир. — Не так-то просто его разгромить. Я сказал, что мы боремся из последних сил, однако наши последние силы не по зубам даже свежему Вражьему воинству.

— Не по зубам без назгулов, — уточнил Гэлдор. — Но Врагу необязательно завоевывать Гондор: он может отыскать обходные пути и, отрезав вас от всего Средиземья, двинет основные силы на север, а у ваших северных и западных границ оставит сильные заградительные отряды.

— Но в таком случае, — заключил Эрестор, — у нас, как сказал нам только что Горислав, есть действительно лишь два выхода. И оба очень похожи на тупики. Вот уж поистине неразрешимая задача!

— Однако мы должны ее разрешить, — с сумрачным спокойствием проговорил Элронд. — Какая дорога нам кажется безопасней — западная, к Морю, или восточная, в Мордор? Западная. Но Враг превосходно знает, что эльфы всегда отступали на запад, и неминуемо превратит этот путь в западню. Значит, единственная наша надежда — если у нас еще осталась надежда — таится в неожиданном для Врага решении. Путь к Ородруину — вот наш путь. Кольцо должно быть предано Огню.

Зал совещаний затопила тишина. За окном весело сияло солнце, под берегом мирно журчала река, но Фродо почувствовал, как черный страх ледяными щупальцами сжал его сердце. Ему показалось, что Боромир шевельнулся, и он с надеждой посмотрел на гондорца. Тот рассеянно играл охотничьим рогом и хмурился. Потом решительно сказал:

— Я не понимаю, чего вы боитесь. Да, Саруман оказался предателем, но ведь глупцом никто из вас его не считает. Почему вы думаете, что Вражье Кольцо можно лишь спрятать или уничтожить? Раз уж оно очутилось у нас, надо обратить его против хозяина. Свободным Витязям Свободного Мира оно поможет сокрушить Врага. Именно этого он и боится!

Народ Гондора покорить невозможно, но нам угрожает поголовное истребление. Отважный спешит серьезно вооружиться, когда ему предстоит решительный бой. Пусть же Кольцо будет нашим оружием, если в нем скрыта столь грозная мощь!

— Светлые Силы, — возразил Элронд, — не могут использовать Кольцо Всевластья. Нам это слишком хорошо известно. Его изготовил Черный Властелин, чтобы осуществить свои черные замыслы. В нем скрыта огромная мощь, Боромир, так что и владеть им может лишь тот, кто наделен поистине великим могуществом. Но Могучим оно особенно опасно. Вспомни — Саруман Белый переродился, едва он решил завладеть Кольцом. Мы знаем, что если кто-нибудь из Мудрых одолеет Саурона с помощью Кольца, то неминуемо воссядет на его трон и сам переродится в Черного Властелина. Это еще одна важная причина, почему Кольцо необходимо уничтожить, ибо, покуда оно существует, опасность проникнуться жаждой всевластья угрожает даже Мудрейшим из Мудрых. Перерождение всегда начинается незаметно. Саурон Черный не родился злодеем. Я страшусь взять Вражье Кольцо на хранение. И никогда не воспользуюсь им в борьбе.

— Я тоже, — твердо сказал Гэндальф.

В глазах Боромира промелькнуло недоверие, но потом он горестно опустил голову.

— Да будет так, — проговорил он. — Значит, нам, гондорским воинам, надо полагаться лишь на собственное оружие.

Пока Мудрые охраняют Кольцо Всевластья, мы будем сдерживать Вражье воинство. И быть может, Сломанный меч Элендила превратится в проклятие для врагов Гондора... если тот, кто его унаследовал, унаследовал не только Сломанный меч.

— Настанет день, — сказал Арагорн, — когда мы проверим это в бою.

— Надеюсь, он настанет не слишком поздно, — мрачно нахмурившись, обронил Боромир. — Мы не просим помощи, но она нужна нам. И еще — нас очень поддержит уверенность, что с Врагом боремся не только мы...

— Будьте уверены, что это так, — спокойно сказал Боромиру Элронд. — В Средиземье много могучих сил, о которых не знают жители Гондора. И все они борются с общим Врагом.

— Но было бы хорошо, — вмешался Глоин, — если б эти разрозненные силы объединились. Другие Кольца — не столь опасные — могли бы помочь нам в борьбе с Врагом. Семь, к несчастью, потеряны для гномов... хотя Балин, уходя в Казад-Дум, надеялся, что отыщется Кольцо, принадлежавшее Трору.

— Напрасная надежда, — проговорил Гэндальф. — Кольцо перешло к его сыну Траину, но внук Трора, Торин, Кольца не получил: его отняли у Траина в Дул-Гулдуре, и я думаю, что тут не обошлось без пыток...

— Проклятые чародеи! — воскликнул Глоин. — Когда же мы им за все отомстим? — Потом, немного помолчав, добавил: — Но Тремя-то Враг завладеть не сумел? Тремя Магическими Кольцами эльфов? Говорят, это очень могущественные Кольца. Они ведь тоже изготовлены Сауроном, но Владыки эльфов не страшатся их лиходейства. Так нельзя ли с их помощью обуздать Врага?

— Разве ты не понял меня, гном Глоин? — после долгого молчания спросил Элронд. — Не Враг выковал Кольца эльфов. Он их даже ни разу не видел. Кольца эльфов подвластны лишь эльфам. Но они бессильны на поле сражения. С их помощью нельзя убивать и обуздывать: они помогают познавать мир, творить добро и сдерживать зло, зародившееся в сердцах жителей Средиземья, когда здесь начались Войны за власть. С тех пор как Враг лишился Кольца, нам удавалось противостоять Злу, но, если он завладеет им снова, ему откроются все наши помыслы, и мы утратим свободную волю, а Темные Силы станут непобедимыми — именно к этому стремится Враг.

— Но скажи, — спросил у Элронда Глоин, — тебе известно, как изменится мир, когда исчезнет Кольцо Всевластья?

— Неизвестно, — с грустью ответил Элронд. — Некоторые надеются, что Три Кольца, к которым никогда не притрагивался Враг, помогут залечить кровавые раны, нанесенные миру во

время войны... но боюсь, что эти надежды не оправдаются. Я думаю, что, уничтожив Кольцо Всевластья, мы уничтожим силу остальных, и чудесная магия нынешнего мира сохранится лишь в сказочных преданиях о прошлом...

— Однако эльфы, — сказал Горислав, — все же готовы уничтожить Кольцо, чтобы навеки разделаться с Врагом.

— Значит, получается, — заключил Эрестор, — что у нас есть только одна дорога — и она заведомо никуда не ведет. Нам не добраться до Огненной горы. Элронд мудр, мы все это знаем, и единственную дорогу, ведущую к победе, никто не назовет дорогой безрассудства... но вместе с тем она неодолима, и нас неминуемо ждет поражение.

— Поражение неминуемо ждет лишь того, кто отчаялся заранее, — возразил Гэндальф... Признать неизбежность опасного пути, когда все другие дороги отрезаны, — это и есть истинная мудрость. Поход в Мордор кажется безрассудным? Так пусть безрассудство послужит нам маскировкой, пеленой, застилающей глаза Врагу. Ему не откажешь в лиходейской мудрости, он умеет предугадывать поступки противников, но его сжигает жажда всевластья, и лишь по себе он судит о других. Ему наверняка не придет в голову, что можно пренебречь властью над миром, и наше решение уничтожить Кольцо — поход в Мордор — собьет его с толку.

— Я тоже думаю, — проговорил Элронд, — что поначалу он не поймет, в чем дело. Дорога на Мордор очень опасна, но это единственный путь к победе. У себя дома Саурон всемогущ, так что тому, кто отправится в Мордор, ни сила, ни мудрость не дают преимуществ — тайна, вот что здесь самое важное, и, быть может, эту великую миссию слабый выполнит даже успешней, чем сильный, ибо сильный не привык таиться от опасностей, а борьба с Врагом приведет его к гибели. Слабые не раз преображали мир, мужественно и честно выполняя свой долг, когда у сильных не хватало сил.

— Мне все понятно, — сказал вдруг Бильбо, — можешь не продолжать, досточтимый Элронд. Я начал эту злополучную историю, и мой долг призывает меня с ней покончить. Мне очень неплохо жилось у эльфов, а мой труд, как я думал, был близок к завершению. Мне казалось, что скоро я смогу написать: и *с тех пор он жил счастливо до конца своих дней.* По-моему, это замечательная концовка, хотя ее трудно назвать необычной. Но теперь она, вероятно, изменится или в лучшем случае отодвинется, потому что Книга станет длиннее. Жаль!.. Так когда мне надо выходить?

Боромир с изумлением посмотрел на Бильбо, однако сдержал невольную усмешку, заметив, что другие участники Совета выслушали хоббита серьезно и уважительно.

— Да, мой друг, — проговорил Гэндальф, — если б ты *начал* эту историю, тебе пришлось бы ее закончить. Однако летописцу должно быть известно, что в одиночку начать историю невозможно: даже самый великий и могучий герой способен внести лишь крохотный вклад в историю, которая изменяет мир. Не надо смущаться. Мы все понимаем, что за шуткой ты скрыл мужественный порыв. Ты не сможешь и подобраться к Огненной горе. А главное, у Кольца теперь новый Хранитель. Так что не меняй концовку в Книге. И будь готов написать продолжение, когда смельчаки вернутся назад.

— Вот уж чего и от тебя не слышал, так это совета пожить спокойно! — с досадливым облегчением воскликнул Бильбо. — Твои прежние советы оказывались мудрыми — боюсь, не оказался бы сегодняшний глупым... А если говорить серьезно и откровенно, то нет у меня ни сил, ни удачливости, чтобы снова взять Кольцо на хранение. Его лиходейское могущество возросло, а я-то чувствую себя старым и слабым. Но скажи — кого ты назвал *смельчаками?*

— Тех, кто отправится с Кольцом в Мордор.

— Не разговаривай со мной, будто я несмышленыш! Кого именно ты имел в виду? По-моему, это, и только это, нужно решить на сегодняшнем Совете. Я знаю — эльфов хлебом не корми, только дай им вволю поговорить, а гномы привыкли терпеть лишения и могут неделями обходиться без пищи, но я-то всего лишь пожилой хоббит, и у меня от голода уже кружится голова. Так давайте назовем имена смельчаков — или сделаем перерыв на обед!

Бильбо умолк, и настала тишина. Никто из гостей не проронил ни слова. Фродо обвел взглядом собравшихся, но никто не поднял на него глаз: все молчали и смотрели в пол, предаваясь собственным мрачным раздумьям. Его охватил леденящий страх — он вдруг понял, что сейчас поднимется и самому себе произнесет приговор. Неужели же ему нельзя отдохнуть, нельзя спокойно пожить в Раздоле? Здесь Бильбо, здесь так покойно и уютно...

— Я готов отнести Кольцо, — сказал он, — хотя и не знаю, доберусь ли до Мордора.

Элронд внимательно посмотрел на Фродо.

— Насколько я понимаю, — проговорил он, — именно тебе суждено это сделать, и если ты не проберешься в Мордор, то Завеса Тьмы сомкнется над Средиземьем. От слабых невысокликов из мирной Хоббитании зависит судьба средиземного мира — перед ними падут могучие крепости, а Великие придут к

ним просить совета... если бремя, которое ты берешь на себя, в самом деле окажется тебе по силам.

Ибо это тяжкое бремя, Фродо. Столь тяжкое, что никто не имеет права взваливать его на чужие плечи. Но теперь, когда ты выбрал свою судьбу, я скажу, что ты сделал правильный выбор.

— Но ведь вы не пошлете его одного? Ведь не пошлете, правда же, господин Элронд? — закричал вдруг Сэм и, не в силах сдержаться, выскочил из своего укромного уголка, куда он проюркнул перед началом Совета и до сих пор тихохонько сидел на полу.

— Конечно, нет, — отозвался Элронд, с улыбкой повернувшись к встревоженному Сэму. — Ты его обязательно будешь сопровождать. Разве мы можем разлучить тебя с Фродо, если ты ухитрился пробраться за ним даже на секретный Совет Мудрых?

Сэм покраснел и поспешно спрятался.

— Эх, господин Фродо, — пробормотал он, — зря мы ввязались в эту страшенную свистопляску! — Потом сокрушенно покачал головай и снова сел на пол.

Глава III

ПУТЬ НА ЮГ

Вечером хоббиты собрались у Бильбо и устроили собственное секретное совещание. Мерри с Пином были возмущены, когда узнали о проделке Сэма.

— Где же справедливость? — негодовал Пин. — Этого пройдоху не выгнали из зала, не заковали в цепи за наглое самозванство, а наградили, и он отправится с Фродо!

— Наградили! — грустно усмехнулся Фродо. — Скажи уж — приговорили к страшному наказанию. Подумай, можно ли считать наградой поход в Мордор, да еще и с Кольцом! А я-то надеялся, что у меня его заберут и мне удастся отдохнуть в Раздоле.

— Да, гостить у эльфов приятней, чем тащиться в Мордор, — согласился Мерри. — Но мы ведь завидуем не тебе, а Сэму. Раз уж ты взялся за это дело, для нас не придумаешь худшего наказания, чем отпустить тебя в поход одного. Часть пути мы одолели вместе — надо вместе его и закончить.

— Я тоже так считаю, — вмешался Пин. — Нам, хоббитам, нельзя разлучаться. Если меня не запрут в темницу, я обязательно пойду с Фродо. Ведь нужно же, чтобы его сопровождал хотя бы один благоразумный спутник!

— Для этой-то роли ты никак не подходишь, — проговорил Гэндальф, заглянув в окно: Бильбо жил на первом этаже. — Но

вы слишком рано начали волноваться, ибо пока еще ничего не решено.

— Ничего не решено? — переспросил его Пин. — Так что же вы делали на вашем Совете?

— Говорили и слушали, — объяснил ему Бильбо. — Каждый рассказывал то, что он знает, и узнавал то, что ему неизвестно. Все слушали друг друга с открытыми ртами. Между прочим, даже всеведущий Гэндальф услыхал неожиданную для него весть — о бегстве Горлума, — да не подал виду.

— Ты ошибаешься, — возразил Гандальф, — мне эту новость сообщил Ветробой. Если хочешь знать, то с открытыми ртами сидели на Совете лишь Бильбо да Фродо, а я ничего нового не услышал.

— Ничего так ничего, — согласился Бильбо, понимая, что с Гэндальфом спорить бесполезно, — но на Совете весь день говорили и слушали, а решили только про Фродо и Сэма. Бедняги, им выпала суровая доля... впрочем, они ее выбрали сами. Я предвидел, что так и должно случиться, если меня не отпустят в Мордор. Но могу по секрету сказать вам, друзья, что не им одним суждена эта доля: с Кольцом отправится большая группа — как только разведчики возвратятся в Раздол. Они уже ушли на разведку, Гэндальф?

— Некоторые ушли, — ответил маг. — Некоторые собираются и уйдут утром. Им вызвались помочь следопыты-северяне и эльфы Трандуила из Северного Лихолесья. Вы отправитесь после возвращения разведчиков, так что Фродо еще успеет отдохнуть.

— Вот-вот, и потащимся мы в Мордор зимой, — с мрачным неодобрением пробурчал Сэм.

— Что ж, придется, — заметил Бильбо, — ведь тут отчасти виноват и Фродо — зачем он ждал моего дня рождения? Между прочим, он странно его отпраздновал. Неужели он думал меня порадовать, когда отдавал в этот день мой дом вздорным занудам Лякошель-Торбинсам? Как бы то ни было, сделанное — сделано, дожидаться весны не позволит обстановка, а уходить до возвращения разведчиков — глупо.

Когда сквозь муть осенних слез
Оскалится мороз,
Когда ясна ночная студь,
В глуши опасен путь.

Но неразведанный путь гораздо опасней.

— Боюсь, что Бильбо прав, — сказал Гэндальф. — Мы *должны* выяснить, где сейчас Всадники.

— Так они уцелели? — спросил его Мерри.

— Их не уничтожишь, — ответил Гэндальф, — пока не уничтожен их Властелин. Надеюсь, им пришлось вернуться восвоя-

си — без коней в нашем мире они бессильны, — но это обязательно надо проверить. А пока забудь свои страхи, Фродо. Не знаю уж, будет от меня прок или нет, однако я думаю, что пойду с тобой в Мордор, ибо, как здесь было правильно сказано, тебе необходим благоразумный спутник.

Фродо охватила буйная радость, которую он не захотел скрывать, так что довольный Гэндальф снял шляпу, церемонно поклонился, но при этом добавил:

— Заметь, я лишь *думаю,* что отправлюсь с тобой. Окончательно мы еще ничего не решили. Неизвестно, что скажут Элронд и Арагорн. Кстати, мне нужно повидаться с Элрондом. — Гэндальф надел свою шляпу и ушел.

— Как ты считаешь, — спросил Фродо у Бильбо, — сколько времени мне придется ждать?

— Не знаю, — откровенно признался Бильбо. — Здесь ведь почти не замечаешь времени. Но разведчикам предстоит нелегкая дорога, так что едва ли ты уйдешь скоро. Мы успеем до этого вволю наговориться. А ты не хочешь помочь мне с Книгой? Мы закончим ее и начнем твою. Скажи, тебе еще не приходило в голову, чем твоя Книга должна завершиться?

— Приходило, — мрачно ответил Фродо. — И ничего хорошего я об этом не думаю.

— Ну что ты, мой друг! — воскликнул Бильбо. — Книги *обязаны* хорошо кончаться. Как тебе нравится такой вот конец: *с тех пор они больше никогда не расставались, и счастливей их не было никого на свете.*

— Да, это замечательная концовка, — согласился Фродо. И грустно добавил: — Только не очень-то я в нее верю.

Хоббиты обсудили путешествие к эльфам и попытались угадать, какие опасности встретятся Фродо на пути в Мордор. Однако целительный покой Раздола вскоре развеял их тревожные мысли. Будущее по-прежнему казалось им мрачным, и все же оно не омрачало настоящего, а радость жизни укрепляла их веру в счастливое завершение опасного похода, — хоббиты радовались каждому дню, проведенному среди гостеприимных эльфов, каждой трапезе и каждой песне, услышанной в уютном Каминном зале.

Дни незаметно уходили в прошлое, и на смену осени подступала зима. Ветерок, подувающий с Мглистых гор, постепенно наливался знобящим холодом, сухо шуршала облетающая листва, и выцветала серебристая синева неба. В белесом блеске полной луны чуть заметно мерцали ночами звезды, но на юге, почти у самой земли, до рассвета сверкала багровая звезда, и лунный блеск не мог ее погасить — она заглядывала в комнату Фродо, словно кровавый, всевидящий глаз.

Хоббиты прожили в Раздоле два месяца, и к началу декабря, когда кончилась осень, группы разведчиков стали возвращаться. Одни из них обследовали северные земли — верховья Буйной, Троллистое плато и Серые горы у истоков Андуина; другие спустились по Бесноватой и Серострую к давно разрушенной крепости Тарбад, чтоб узнать обстановку на Сирых Равнинах; третьи перевалили Мглистый хребет, прошли вдоль Андуина до Ирисной Низины и вернулись к Бесноватой через горный перевал, который зовется Черноречным Каскадом; четвертые прошли по Восточному Тракту и потом, осторожно продвигаясь на юг, исследовали западные окраины Лихолесья вплоть до Чародейских Дебрей Дул-Гулдура. Последними возвратились сыновья Элронда — они побывали в Глухоманной Пустоши и на Бурых Равнинах к востоку от Андуина, — но рассказали о своем путешествии лишь отцу.

Разведчики нигде не обнаружили Всадников — даже ни разу не слышали о них. Не видели Всадников и Великие Орлы, могучие союзники Радагаста Карего. Горлум тоже бесследно исчез, а на севере рыскали стаи волколаков. Три утонувших черных коня были найдены в реке Бесноватой, у Переправы, и еще пять трупов — чуть ниже, на перекатах; там же, прижатые течением к утесу, мокли в воде изодранные плащи.

— По крайней мере восемь из Девятерых Бесноватая спе́шила, — рассуждал Гэндальф. — Можно надеяться, что Призрачные прислужники на какое-то время потеряли силу и вернулись в Мордор бесформенными призраками, но полной уверенности у меня нет. Если же это действительно так, то они не помешают нашему походу, ибо не скоро появятся опять. У Врага, разумеется, много прислужников, но им, чтоб узнать, куда мы отправились, придется тайно пробираться к Раздолу — тайно, ибо дунаданцы не дремлют, — и тут разыскивать наши следы; а мы постараемся не оставлять следов. Однако медлить больше нельзя, надо выступать не откладывая, сейчас же.

Элронд призвал хоббитов к себе.

— Время настало, — объявил им он. — Хранителю Кольца пора выступать. Но теперь ему необходимо помнить, что помощи он в дороге не получит: мы будем слишком далеко от него. — Элронд внимательно посмотрел на Фродо и серьезно спросил: — Ты не передумал? Ибо принуждать тебя мы не вправе.

— Нет, — сказал Фродо. — Я пойду. С Сэмом.

— Даже совета я не смогу тебе дать, — немного помолчав, проговорил Элронд. — Завеса Тьмы с каждым днем расширяется, она доползла почти до Сероструя, а затемненные земли

скрыты от меня, я не в силах предугадать твой будущий путь и не знаю, как ты доберешься до Мордора. Множество тайных и открытых врагов будут встречаться тебе на пути, но помни — даже во владениях Саурона Хранитель Кольца может встретить друзей. Мы разошлем о тебе сообщения всем союзникам Совета Мудрых, но я не уверен, что мои гонцы проберутся через страны, охваченные войнами.

Мы найдем тебе нескольких надежных спутников, но их должно быть очень немного, ибо успех твоего похода зависит только от быстроты и скрытности.

Всего вас будет девять Хранителей — ровно столько же, сколько Призраков-назгулов. Кроме твоего преданного Сэма, тебя отправится сопровождать Гэндальф, и, быть может, в этом труднейшем походе завершатся его великие труды.

Остальных спутников тебе предоставят Свободные Народы Свободного Мира — эльфы, гномы и люди. От эльфов вызвался идти Леголас, от гномов — Гимли, а от людей — Арагорн.

— Бродяжник? — радостно воскликнул Фродо.

— Он самый, — с улыбкой откликнулся Арагорн. — Ты ведь не откажешься от моего общества?

— Я думал, — взволнованно сказал ему Фродо, — что ты уходишь помогать гондорцам, и не смел попросить тебя отправиться с нами.

— Ухожу, — спокойно подтвердил Арагорн. — Но пока мы не достигнем южных земель, нас ждет одна и та же дорога — много сотен лиг мы одолеем вместе. Боромир тоже отправится с нами — он опытный путешественник и храбрый воин.

— Нужны еще двое, — заметил Элронд. — В Раздоле найдется немало охотников...

— А мы? — горестно воскликнул Пин. — Значит, получается, что нас не возьмут? Мы тоже хотим сопровождать Фродо!

— Вы не понимаете, — отозвался Элронд, — просто не можете себе представить, какие воистину гибельные опасности ждут Фродо на пути в Мордор.

— Да и Фродо знает не больше, чем они, — неожиданно поддержал хоббитов Гэндальф. — И никто из нас этого как следует не знает. Ясно, что если б наши дружные хоббиты понимали, какие им предстоят испытания, они не решились бы отправиться в путь. Но горько проклинали бы свою нерешительность, ибо они преданные друзья Фродо. А в этом походе их верная преданность окажется важнее могущества и мудрости. Надеюсь, ты знаешь не хуже меня, что даже великий витязь Горислав не сможет одолеть в единоборстве Врага или силой пробиться к Ородруину.

— Ты прав, — неохотно согласился Элронд. — Но Хоббита-

нии тоже угрожает опасность, и вот я хотел, чтобы наши хоббиты предупредили об этом своих земляков. И уж, во всяком случае, Перегрин Крол слишком юн для такого путешествия. Я не могу отпустить его в Мордор.

— Тогда прикажи взять меня под стражу, иначе я все равно убегу, — сказал Пин.

Элронд посмотрел на него и вздохнул.

— Что ж, придется отпустить и тебя, — с грустной улыбкой проговорил он. — Значит, Отряд Хранителей набран. Через семь дней вы отправитесь в путь.

Эльфы-кузнецы перековали Нарсил и выбили на его клинке эмблему — семь звезд между узким полумесяцем и солнцем, — ибо Арагорн, сын Араторна, прямой потомок королей Нуменора, отправлялся защищать Гондорское княжество. Грозно выглядел обновленный меч: днем, вынутый из темных ножен, он сверкал на солнце, словно раскаленный, а ночью, в холодном свете луны, отливал сумрачным, льдистым блеском. Арагорн дал ему новое имя — Андрил, что значит Возрожденная Молния.

Арагорн с Гэндальфом, готовясь к походу, изучали древние карты Средиземья и подробные летописи прежних эпох, издавна хранящиеся в Замке Элронда. Случалось, что к ним присоединялся и Фродо; но больше времени он проводил с Бильбо, целиком положившись на мудрость спутников.

Вечерами хоббиты собирались все вместе и, сидя в уютном Каминном зале, слушали древние предания эльфов, а днем, покуда Мерри и Пин бродили по приуснувшему зимнему парку, Фродо с Сэмом сидели у Бильбо, и он читал им свои стихи или отрывки из незаконченной книги.

Утром за день до выступления в путь Фродо один забежал к Бильбо, и тот, плотно притворив дверь, выдвинул из-под кровати деревянный сундучок, открыл крышку и вынул *меч* в сильно потертых кожаных ножнах.

— Твой меч сломался, — сказал старый хоббит, — и я сохранил его, чтоб отдать на перековку, да вовремя не отдал, а теперь уже поздно: за один день меч не восстановят даже искусные кузнецы Раздола. Так, может, тебе подойдет вот этот? — Бильбо вытащил меч из ножен, и его искусно отполированный клинок озарил комнату холодным блеском. — Меня он часто спасал от гибели. Но сейчас тебе он нужнее, чем мне.

Фродо с благодарностью принял меч.

— И вот еще что я хочу тебе подарить.

Бильбо бережно вынул из сундучка небольшой, но явно уве-

систый сверток, и, когда он размотал серую тряпицу, Фродо увидел кольчужную рубаху, скованную из матово-серебристых колец, — тонкая, однако плотная и прочная, она была украшена прозрачными самоцветами, а пояс к ней поблескивал светлыми жемчужинами.

— Красивая, правда? — проговорил Бильбо, подойдя с кольчугой поближе к окну. — И очень полезная, можешь не сомневаться. Мне подарил ее некогда Торин, да теперь-то она едва ли мне пригодится — разве что как память о моем путешествии. В руках она кажется довольно тяжелой, но надень ее — и ты не почувствуешь ее веса.

— Да ведь я... По-моему, я буду в ней выглядеть... немного странно, — отозвался Фродо.

— То же самое подумалось и мне, — сказал Бильбо, — когда я увидел ее впервые. Носи ее под одеждой, только и всего. Никто, кроме нас, о ней не узнает. Да-да, не говори про нее никому! Я надеюсь... — Бильбо огляделся по сторонам и, наклонившись к Фродо, шепотом закончил: — ... что ее не пробьешь никаким оружием — даже кинжалом Черного Всадника.

— Тогда я возьму ее, — решился Фродо. Он надел кольчугу, как советовал Бильбо, под куртку, а сверху накинул плащ, так что не было видно меча.

— Никто не догадается, — заметил Бильбо, — что ты надежно защищен и вооружен. Остается пожелать вам счастливого пути... — Он резко отвернулся, выглянул в окно и запел какую-то веселую песенку.

Но этот маневр не обманул Фродо: он видел, что Бильбо глубоко огорчен расставанием со всеми своими земляками.

— Я не знаю, как мне тебя благодарить...

— А-а, чепуха, — сказал ему Бильбо и дружески хлопнул его по плечу. — Вот это плечи! — проворчал он, тряся ушибленной об кольчугу ладонью. Потом, после паузы, серьезно добавил: — Хоббиты должны помогать друг другу. А мы к тому же еще и родственники. Так что нечего меня благодарить... Обещай мне вести себя в походе благоразумно и запоминать предания чужедальних народов — а я постараюсь закончить Книгу. Может, у меня еще хватит времени, чтобы описать и твои приключения. — Он снова умолк, отошел к окну и принялся вполголоса напевать:

Пылает солнце за окном,
А в комнате — очаг.
Я вспоминаю о былом,
О светлых летних днях,

Которые навек ушли,
Как те цветы в полях,

Что летом весело цвели,
А осенью их прах

Развеивали ветерки
Над палою листвой,
И паутинки стерегли
Ее шуршащий слой...

О жизни думаю былой —
И о цветенье лет,
Когда очередной зимой
Снега засыплют след

Моих прижизненных забот
И прерванных затей,
А мир ворота распахнет
Для будущих людей.

Я вспоминаю о былом,
Но сердцем — у дверей,
С надеждой встретить за углом
Вернувшихся друзей.

Декабрьский день был холодным и хмурым. Голые ветви парковых деревьев гнулись под напором восточного ветра, а вдали, на северных склонах долины, заунывно шумел сосновый лес. По низкому, придавленному к земле небу торопливо ползли тяжелые тучи.

Хранители собирались уйти наутро, но Элронд посоветовал им выступить вечером и пробираться под прикрытием ночной темноты, пока они не уйдут далеко от Раздола.

— У Саурона, — сказал он, — много прислужников — четвероногих, двуногих и даже крылатых. Назгулы наверняка уже вернулись к хозяину, так что он знает об их поражении и его терзает ядовитая ярость. На север, конечно же, посланы соглядатаи. Птицы, как известно, летают быстро, поэтому берегитесь ясного неба!

Хранители взяли с собою в дорогу только легкое военное снаряжение — их главным оружием была скрытность. У Арагорна, скитальца пограничного Глухоманья, под выцветшим буровато-зеленым плащом висел на поясе возрожденный Андрил — другого оружия он брать не стал. У Боромира был меч, напоминающий Андрил — тоже из Нуменора, но не такой прославленный, — легкий щит и рог на перевязи. Он протрубил в рог, и над притихшей долиной раскатилось могучее бархатистое эхо, заглушившее рокот отдаленного водопада, журчание реки внизу под обрывом и свист ветра в обнаженных ветвях.

— Да рассеются союзники проклятого Саурона! — воскликнул гондорец, опуская рог.

— А теперь спрячь свой рог, Боромир. Он не скоро понадобится тебе еще раз, — веско сказал Боромиру Элронд. — Надеюсь, ты и сам понимаешь — почему?

— Понимаю, конечно, — ответил Боромир. — И в пути я готов таиться от шпионов. Но *начинать* поход по-воровски, крадучись, мне не позволяет воинская гордость.

Гимли, единственный из Отряда Хранителей, открыто облачился в кольчужную рубаху, а за пояс он заткнул боевой топор. У Леголаса был лук, колчан со стрелами и прикрепленный к поясу длинный кинжал; у Фродо — Терн (про кольчугу Торина он решил не говорить своим спутникам); у остальных хоббитов — мечи из Могильника. Гэндальф взял свой Магический Жезл и меч Яррист, изготовленный эльфами.

Элронд дал им теплую одежду — куртки и плащи, подбитые мехом; провизию, запасную одежду и одеяла они погрузили на пони — это был тот самый престарелый пони, с которым они удирали из Пригорья.

Но теперь его трудно было узнать: он казался помолодевшим лет на пятнадцать. Сэм настоял, чтобы в новое путешествие взяли их верного старого помощника, сказав, что Билл (так он звал пони) зачахнет, если останется в Раздоле.

— Это ж до изумления умная скотинка. Проживи мы тут месяца на два подольше, и он заговорил бы, — объявил Сэм. — Да он и без слов сумел объяснить мне — не хуже, чем Перегрин Владыке Раздола, — что, если его не заключат под стражу, он все одно побежит за нами.

В самом деле, тяжело нагруженный Билл, судя по его довольному виду, с легким сердцем отправлялся в поход — не то что другие спутники Фродо, которых томили тяжкие предчувствия, хотя уходили они налегке.

Распростившись с эльфами в Каминном зале, Хранители вышли на восточную веранду и теперь ждали задержавшегося Гэндальфа. С востока подползли студеные сумерки; теплые отсветы каминного пламени золотили окна Замка. Бильбо, зябко кутаясь в плащ, стоял рядом с Фродо и грустно молчал. Арагорн понуро сидел на ступеньках — лишь Элронд догадывался, какие мысли одолевали бесстрашного странника Глухоманья. Сэм, почесывая Биллу лоб, бездумно смотрел в пустоту — туда, где под обрывом, на каменных перекатах, глухо рычал бесноватый Бруинен.

— Билл, дружище, — пробормотал он, — по-моему, зря ты с нами связался. Жил бы себе здесь и горюшка не знал... жевал бы душистое раздольское сено... а там, глядишь, пришла бы весна... — Но Билл ничего не ответил хоббиту.

Сэм поправил вещевой мешок и принялся вспоминать, все

ли он взял: котелки, чтоб готовить на привалах еду (мудрые-то, они про это не думают), коробочку с солью (никто ведь не позаботится), хоббитанский табак (эх, мал запасец!), несколько пар шерстяных носков (главное в дороге — теплые ноги) и разные мелочи, забытые Фродо, но аккуратно собранные заботливым Сэмом, чтобы, когда они вдруг понадобятся, вручить их с торжественной гордостью хозяину (как так забыли — а Сэм-то на что?). Ну, кажется, ничего не упустил...

— А веревка-то? — неожиданно припомнил он. — Эх, растяпа, не взял веревку! И ведь я вчера еще себе говорил: «Сэм, обязательно захвати веревку, она наверняка понадобится в пути!» Наверняка. Но придется обойтись без веревки. Потому что где ее сейчас добудешь?

Вскоре на веранде появился Гэндальф, его сопровождал Владыка Раздола.

— Сегодня, — негромко проговорил Элронд, — Хранитель Кольца отправляется в дорогу — начинает Поход к Роковой горе. Выслушайте мое последнее напутствие. Он один отвечает за судьбу Кольца и, добровольно взяв на себя это бремя, не должен выбрасывать Кольцо в пути или отдавать его слугам Врага. Он может на время доверить Кольцо только Мудрецу из Совета Мудрых или другому Хранителю — только им! — да и то лишь в случае крайней нужды. Однако Хранители не связаны клятвой, ибо никто не способен предугадать, какие испытания ждут их в пути и по силам ли им дойти до конца. Помните — чем ближе вы подступите к Мордору, тем труднее вам будет отступить, а поэтому...

— Тот, кто отступает, страшась испытаний, зовется отступником, — перебил его Гимли.

— А тот, кто клянется, не испытав своих сил, и потом отступается от собственной клятвы, зовется клятвопреступником, — сказал Элронд. — Лучше уж удержаться от легкомысленных клятв.

— Клятва может укрепить слабого...

— Но может и сломить, — возразил Элронд. — Не надо загадывать далеко вперед. Идите, и да хранит вас наша благодарность! Пусть звезды ярко освещают ваш путь!

— Счастливо... счастливого пути! — крикнул Бильбо, запинаясь от волнения и знобкой дрожи. — Вряд ли ты сможешь вести дневник... Фродо, друг мой... но когда ты вернешься... а я уверен, что ты вернешься... ты поведаешь мне о своих приключениях, и я обязательно закончу Книгу... Только возвращайся поскорей! До свидания!

Многие подданные Владыки Раздола провожали в дальнюю дорогу Хранителей. Слышались мелодичные голоса эльфов, желающих Отряду доброго пути, но никто не смеялся, не пел песен — проводы получились довольно грустные.

Путники перешли по мостику Бруинен — здесь, у истоков, он был еще узким — и начали подыматься на кругой склон, замыкающий с юга раздвоенную долину, в которой издавна жили эльфы. Поднявшись к холмистой вересковой равнине, они окинули прощальным взглядом мерцающий веселыми огоньками Раздол — Последнюю Светлую Обитель — и углубились в ветреную ночную тьму.

Хранители дошли по Тракту до Переправы и тут круто свернули на юг. Перед ними расстилалась изрытая оврагами, поросшая вереском каменистая равнина, ограниченная с востока Мглистым хребтом; если б они пересекли хребет, а потом спустились к руслу Андуина, то быстрее достигли бы южных земель, ибо долина Великой Реки славилась плодородием и удобными дорогами. Но именно поэтому соглядатаи Саурона наверняка стерегли приречные пути; а продвигаясь к югу по западной равнине, отделенной от Андуина Мглистым хребтом, путники надеялись остаться незамеченными.

Впереди Отряда шел Гэндальф Серый; по правую руку от него — Арагорн, превосходно знавший западные равнины, так что темнота не была ему помехой; за ним шагали остальные путники; а замыкал шествие эльф Леголас, который, как и все лихолесские эльфы, ночью видел не хуже, чем днем. Сначала поход был просто утомительным, и Фродо почти ничего не запомнил — кроме ледяного восточного ветра. Этот ветер, промозглый, пронизывающий до костей, неизменно дул из-за Мглистых гор, так что Фродо, несмотря на теплую одежду, постоянно чувствовал себя продрогшим — и ночью, в пути, и днем, на отдыхе.

По утрам, когда непроглядный мрак сменялся серым бессолнечным сумраком, путники находили место для отдыха и забирались под колючие ветви падуба — заросли этих низкорослых кустов, словно островки, чернели на равнине — или прятались в каком-нибудь овраге. Вечером, разбуженные очередным часовым, они вяло съедали холодный ужин и, сонные, продрогшие, отправлялись в путь.

Хоббиты не привыкли к таким путешествиям, и утрами, когда зачинался рассвет, у них от усталости подкашивались ноги, но им казалось, что они не двигаются, а из ночи в ночь шагают на месте: унылая, изрезанная оврагами равнина с островками колючих зарослей падуба не менялась на протяжении сотен лиг. Однако горы подступали все ближе. Мглистый хребет

сворачивал к западу, и теперь они шли по предгорному плато, рассеченному трещинами черных ущелий и отвесными стенами высоких утесов. Извилистые, давно заброшенные тропы часто заводили Хранителей в тупики — то к обрыву над бурным пенистым потоком, то к сухой, но широкой и глубокой расселине, то к пологому спуску в бездонную трясину.

На четырнадцатую ночь погода изменилась. Восточный ветер ненадолго стих, а потом устойчиво потянул с севера. Тяжелые тучи к рассвету рассеялись, прозрачный воздух стал морозней и суше, а из-за Мглистых гор выплыло солнце — громадное, но по-зимнему неяркое и холодное. Путники подошли к гряде холмов, поросших могучими горными дубами, — казалось, что их черно-серые стволы вырублены в древние времена из гранита.

На юге, преграждая Отряду дорогу, высился гигантский горный хребет с тремя особенно высокими пиками в серебрящихся шапках вечных снегов. Фродо внимательно рассматривал горы; к нему неслышно подошел Гэндальф и, приложив ладонь козырьком ко лбу, глянул на далекий заснеженный хребет.

— Здесь начинаются земли Остранны, или, как назвали ее люди, Дубровы, — опустив руку, сказал он Фродо. — В Остранне некогда жили эльфы, но эти времена давно миновали. Птица, летящая из Раздола в Остранну, должна одолеть лишь сорок пять лиг. Но если двигаться пешком, как мы, то надо пройти лиг двести-триста. В Остранне и климат гораздо лучше, и земля плодородней, чем на северных равнинах, но теперь нам придется удвоить осторожность; сюда наверняка посланы соглядатаи.

— За один по-настоящему солнечный день я согласен даже учетверить осторожность! — откидывая капюшон, воскликнул Фродо.

— А впереди-то горы, — вмешался Пин. — Должно быть, ночью мы свернули к востоку.

— Не было этого, — возразил Гэндальф. — В солнечную погоду просто дальше видно, вот почему ты увидел горы. Мглистый хребет у границ Остранны плавно сворачивает на юго-запад. Ты что же — ни разу не заглянул в карту, пока мы гостили у Владыки Раздола?

— Почему не заглянул? — обиделся Пин. — Я заглядывал, можно даже сказать — изучал. Но у меня плохая зрительная память. Зато наш Фродо наверняка все помнит!

— Нам не понадобится никаких карт, — сказал подошедший к хоббитам Гимли. Он взволнованно смотрел на далекие

горы. — Ведь это владения моих предков. Вон они, овеянные легендами вершины — заснеженные Зирак, Бараз и Шатхур!

Я видел их, да и то издалека, только раз, но они хорошо мне знакомы. Им посвящено множество легенд, а их изображения — в металле и камне — не раз создавали наши мастера. Ибо под ними, в огромных пещерах, расположено древнее царство гномов — Казад-Дум, или, по-эльфийски, Мория, а на всеобщем языке — Черная Бездна. Чуть дальше высится пик Баразинбар — по-эльфийски Карадрас, Багровый Рог; а за ним, правее, еще два пика: Зиракзигил — Селебдор, Серебристый, и Бундушатхур — Фануиндхол, Тусклый.

Здесь неприступный Мглистый хребет прогибается седловиной узкого перевала, по которому можно попасть в долину, известную всем средиземским гномам. У этой долины несколько названий: по-гномьи Азанулбизар; по-эльфийски Нандурион; ну а на всеобщем языке — Черноречье.

— Нам надо пробраться к Азанулбизару, — объявил Гэндальф, когда гном замолчал. — Поднявшись на перевал через Багровые Ворота — так именуют его западный склон, — спустимся по Черноречному Каскаду в долину. Там вы увидите озеро Зеркальное и вытекающую из него речку Серебрянку.

— Непроглядна вода Келед-Зарама, — сказал Гимли, — и холодны как лед ключи Кибель-Налы. Неужели же мне суждено это счастье — увидеть наше заповедное озеро?

— Если и суждено, то мимоходом, мой друг, — глянув на гнома, откликнулся Гэндальф. — Ибо наш путь лежит *мимо* Зеркального, вниз по Серебрянке, через Таимые Чащобы, к Великой Реке и потом...

Он умолк.

— И что же потом? — спросил его Мерри.

— И потом — дальше, — ответил Гэндальф, — к концу путешествия... в конце концов. Не будем загадывать далеко вперед. Нам удалось дойти до Остранны — но это лишь первый шажок к победе. Мы остановимся тут на сутки: Остранна славится целебным климатом, а нам не мешает набраться сил. Край, где некогда жили эльфы, необычайно долго остается целебным, его нелегко отравить лиходейством.

— Правильно, — поддержал Гэндальфа Леголас. — Но для нас, исконно лесных жителей, эльфы Остранны были странным народом, и я уже не чувствую здесь их следов: деревья и трава мертво молчат. Хотя... — Леголас на мгновение замер, — ... да, камни еще помнят о них. Слышите? Слышите жалобы камней? *Они оградили нас, навек сохранили нас, вдохнули в нас жизнь и навеки ушли.* Они ушли навеки, — сказал Леголас. — Давно нашли Вековечную Гавань.

Но путники слышали только шум ветра.

В лощине, укрытой зарослями падуба, путники развели небольшой костер, и на этот раз их завтрак-ужин не показался им скудным, унылым и безвкусным. Они не торопились улечься спать, потому что им предстоял целый день отдыха и долгая ночь спокойного сна, а потом — бестревожная, полновесная дневка. Лишь одному Арагорну было неспокойно. После еды он поднялся на холм, долго смотрел на далекие горы и очень настороженно к чему-то прислушивался. Потом, снова подойдя к лощине, он недоуменно глянул на спутников, словно бы удивляясь их веселой беспечности.

— В чем дело, Бродяжник? — спросил его Мерри. — Неужели тебе чего-нибудь не хватает? Может, ты соскучился по восточному ветру?

— Пока еще нет, — усмехнулся Арагорн. — Но кое-чего мне действительно не хватает. Я бывал в Остранне и зимой, и летом. Здесь нет охотников, ибо нет жителей, поэтому всегда было много птиц и всяких мелких безобидных зверюшек. А сейчас весь этот край будто вымер. Я чувствую, что вокруг — на многие лиги! — нет ни одного живого существа. И мне хотелось бы понять — почему.

— Это и правда не совсем понятно, — согласился Гэндальф. Но потом добавил: — А может, мы и распугали всю живность?

— Мы ведь не охотимся, — возразил Арагорн. — Но мне всегда было спокойно в Остранне. А сейчас я постоянно ощущаю тревогу.

— Значит, нам нужно быть начеку, — сразу же посерьезнев, заметил Гэндальф. — Если с тобой путешествует Следопыт, да не просто Следопыт, а сам Арагорн, надобно верить его ощущениям. Потише, друзья, — сказал он хоббитам. — И давайте-ка сразу выставим часового.

В тот день первым часовым был Сэм. Все остальные спокойно уснули, но Арагорн, видимо, не собирался спать. Едва разговоры путников прекратились, настала тяжкая, тревожная тишина — ее почувствовал даже Сэм. Ясно слышалось дыхание спящих, а когда пони переставил ногу, раздался поразительно громкий стук. Стоило Сэму немного пошевелиться, и он слышал похрустывание собственных суставов. На небе не было ни единого облачка, солнце медленно всползало все выше; мертвая тишина углублялась и крепла. Потом на юге, в безоблачном небе, появилось какое-то темное пятнышко, напоминающее крохотную черную тучку; ветра не было, но пятнышко приближалось.

— Что это? На облако вроде бы непохоже, — шепотом сказал Арагорну Сэм. Арагорн, не отвечая, смотрел в небо; пят-

нышко, приближаясь, быстро росло и вскоре рассыпалось на отдельные точки.

— Да это же птицы! — воскликнул Сэм. Птицы летели необычайно низко и не прямо вперед, а широкими зигзагами, как будто что-то искали на земле.

— Ложись и молчи! — прошипел Арагорн, затаскивая Сэма под ветви кустарника, потому что несколько сотен птиц внезапно отделились от основной стаи и стремительно полетели к той самой лощине, в которой расположились на отдых путники. Птицы были похожи на ворон, но совершенно черных и очень больших; когда они проносились над лощиной, их тень на мгновение закрыла солнце, и тишину вспорол громогласный карк, тут же заглушенный хлопаньем крыльев.

Как только птицы скрылись из глаз, Арагорн поднялся и разбудил Гэндальфа.

— Над западными равнинами, — сказал он мрачно, — рыщут стаи черных ворон, и одна из них только что пролетала над нами. В Остранне черные вороны не живут, они гнездятся на Сирых Равнинах. Не знаю, зачем они сюда пожаловали, возможно, просто в поисках пищи, но, по-моему, их послал Враг — шпионить. А высоко в небе кружатся стервятники, и уж они-то наверняка служат Саурону. Мне кажется, нам надо уходить отсюда, сегодня же: за Остранной установлена слежка.

— Но в таком случае, — отозвался Гэндальф, — шпионы стерегут и Багровые Ворота, а значит, на перевал подыматься нельзя. Интересно, как же мы попадем в Черноречье? Ладно, подумаем об этом потом. Главное сейчас — добраться до Мглистого. Ты прав, уходить нам придется сегодня, так что отдыха у нас не будет.

— Наше счастье, — сказал Арагорн, — что мы разожгли небольшой костер и он потух до прилета ворон. С кострами нужно распроститься надолго.

— Вот ведь наказание, — жаловался Пин, проснувшись под вечер и узнав от Сэма, что спокойной ночевки у них не будет, а костры отменены на долгое время. — Из-за стаи каких-то дурацких ворон мы теперь даже и выспаться не можем. А я-то мечтал о горячем ужине!

— Мечтай и дальше, — посоветовал ему Гэндальф. — Я вот, например, мечтаю согреться и спокойно выкурить трубку табаку. Но одно я могу пообещать твердо: на юге мы все непременно согреемся.

— Боюсь, не стало бы нам даже жарко, а не только тепло, — пробурчал Сэм. — Ну и пусть, зато мы наконец доберемся до

Роковой горы и повернем домой. Я и то уж подумал про Багровый Рок, что он и есть Роковая гора, пока Гимли не назвал нам его по-своему — Бариза... Бирази... Сам Враг язык сломит!.. Короче говоря, мы еще не дошли. — Сэм не верил географическим картам, и все расстояния в этих краях казались ему такими громадными, что он уже окончательно в них запутался.

Днем Хранители прятались в лощине. Несколько раз они видели ворон, но те вроде бы их не замечали, а к вечеру снова улетели восвояси. Немного переждав, Хранители поели, свернули лагерь и отправились на юг — туда, где в лучах заходящего солнца багрово искрилась вершина Баразинбара. Предгорное плато уже укутали сумерки, и в темнеющем небе одна за другой зажигались первые ночные звезды.

Арагорн вывел их на торную тропу. Вернее, это была не тропа, а древний, давно заброшенный тракт, связывавший Остранну с горным перевалом. Из-за гор выплыла полная луна, и в ее голубовато-серебристом свете утесы по обеим сторонам тракта отбрасывали на землю черные тени. Фродо присмотрелся к утесам внимательней и увидел, что это вовсе не утесы, а искусно вырубленные в камне фигуры; но их уже разрушило неумолимое время.

Отряд двигался к югу всю ночь. Под утро, в сером предрассветном сумраке, Фродо случайно глянул на небо и заметил, а точнее, лишь смутно ощутил, как над ними пронеслась бесшумная тень, стершая с небосвода — всего лишь на мгновение — веселые искорки звезд. Фродо вздрогнул.

— Ты сейчас ничего не заметил в небе? — еле слышным шепотом спросил он Гэндальфа, шагавшего с Арагорном впереди Отряда.

— Заметить не заметил, но почувствовал, — сказал Гэндальф. — На секунду стало как будто темней. Наверно, над нами проплыло облачко.

— Очень уж быстро оно проплыло, — ни к кому не обращаясь, пробормотал Арагорн. — Особенно для такой безветренной погоды...

Больше ночью ничего не случилось. Рассвет был ясный и солнечный, но прохладный; ветер опять подувал с востока.

Еще две ночи шел Отряд к Мглистому; извилистая дорога то карабкалась на холм, то сбегала в ложбину, но было заметно, что она постепенно поднимается все выше; и вот, когда кончилась вторая ночь, отряд вплотную подступил к Баразинбару, или, как называли его эльфы, Карадрасу, громадному пику со снежной вершиной и кроваво-красными каменистыми склонами, на которых не было ни лесов, ни лугов.

Зачинался пасмурный и холодный рассвет; серые тучи закрывали солнце; ветер дул теперь с северо-востока. Гэндальф повернулся лицом к ветру, потянул носом и сказал Арагорну:

— Зима нагоняет нас. Горы на севере покрыты снегом почти до подножия. Послезавтра мы поднимемся к Багровым Воротам, и там нас, возможно, заметят соглядатаи; но самым опасным и коварным врагом, весьма вероятно, окажется погода. Так какой же путь ты выбрал бы, Арагорн?

Фродо, случайно уловивший эти слова, понял, что слышит продолжение разговора, который начался гораздо раньше.

— Я думаю, ты знаешь не хуже меня, что любой путь к затененным землям гибельно опасен, — ответил Арагорн. — Но мы *должны* одолеть этот путь, а значит, нам надо добраться до Андуина. На юге Мглистый перевалить невозможно, пока не выйдешь к Ристанийской равнине. Ты сам поведал о предательстве Сарумана. Так откуда нам знать, не пала ли Ристания? Нет, к ристанийцам идти нельзя, а потому придется штурмовать перевал.

— Ты забыл, — сказал Гэндальф, — что есть еще один путь, неизведанный и темный, но, по-моему, проходимый: тот путь, о котором мы уже говорили.

— И больше я о нем говорить не хочу, — отрезал Арагорн. Но, помолчав, добавил: — И не буду... пока окончательно не уверюсь, что другие пути совершенно непроходимы.

— Нам надо решить, куда мы пойдем, сегодня же, — напомнил Арагорну Гэндальф.

— Хорошо, я согласен, — сказал Арагорн. — Давай обсудим это еще раз, когда настанет время выходить.

Вечером, пока их спутники ели, Арагорн с Гэндальфом отошли в сторону и принялись вполголоса о чем-то совещаться, посматривая на глыбу Багрового Рога. Его крутые скалистые склоны были бесплодно голыми и угрюмыми, а вершина терялась в тяжелых тучах. Очень неприветливо выглядел перевал! Однако, когда Арагорн и Гэндальф объявили, вернувшись, что нынешней ночью надо попытаться его одолеть, Фродо обрадовался. Он, конечно, не знал, про какой «неизведанный и темный» путь говорил поутру Арагорну Гэндальф, но почему-то заранее его боялся.

— Может статься, что Багровые Ворота стерегут соглядатаи Врага, — сказал Гэндальф. — Да и погода внушает мне серьезные опасения. Мы рискуем попасть на перевале в метель. Нам придется идти как можно быстрее. Даже и тогда мы поднимемся к седловине не меньше чем за два ночных перехода. Сегодня ве-

чером рано стемнеет, поэтому пора сворачивать лагерь: мы едва-едва успеем собраться.

— Разрешите и мне кое-что добавить, — сказал обычно молчаливый Боромир. — Я рос неподалеку от Белых гор и не раз бывал на большой высоте. Высоко в горах и летом-то холодно, а сейчас нас ждет там трескучий мороз. Без костра мы замерзнем у перевала насмерть — ведь нам, как я понял, предстоит дневка. Значит, пока мы еще здесь, внизу, нужно собрать побольше сушняка, чтобы каждый взял с собой вязанку дров.

— А Билл прихватит две, — сказал Сэм. — Ты ведь не подведешь нас, правда, дружище? — спросил он у Билла.

Пони промолчал, но посмотрел на Сэма довольно мрачно.

— Неплохая мысль, — согласился Гэндальф. — Однако нам надо твердо запомнить, что костер мы разожжем лишь в крайнем случае, когда действительно окажемся перед выбором — погибнуть или отогреться у огня.

Сначала Отряд продвигался быстро, но через несколько лиг склон стал круче, а разрушенный тракт превратился в тропу, загроможденную острыми осколками скал. Небо сплошь затянули тучи, и путников накрыла черная тьма. Лица обжигал ледяной ветер. К полуночи извилистая, чуть заметная тропка вывела путников на узкий карниз — справа от них, в круговерти ветра, угадывалась пустота глубокой пропасти, а слева вздымалась отвесная стена. Они не одолели и четверти пути.

Вскоре Фродо почувствовал на лице холодные уколы редких снежинок, а потом началась густая метель. Тьма, сделавшаяся вдруг сизо-белесой, стала вместе с тем еще непроглядней — согнутые фигуры Арагорна и Гэндальфа, до которых Фродо мог дотянуться рукой, скрылись в мутной метельной мгле.

— Ох, не нравится мне эта кутерьма, — пыхтел у него за спиною Сэм. — Я люблю полюбоваться на метель из окошка, утречком, лежа под теплым одеялом. Пусть бы она разразилась над Норгордом, то-то хоббиты были бы рады. А здесь она нам совсем ни к чему.

В Хоббитании сильных снегопадов не бывает — разве что изредка у северной границы — и, если выпадает немного снежку, хоббиты радуются ему, как дети. Никто из живых хоббитов (кроме Бильбо) не видел редкостно свирепой зимы 1311 года, когда на засыпанную снегом Хоббитанию напали полчища белых волков, перешедших по льду речку Брендидуим.

Гэндальф остановился. Толстый слой снега покрывал его плечи и капюшон плаща. На тропе снега уже было по щиколотку.

— Именно этого я и опасался, — повернувшись к Арагорну, проговорил Гэндальф. — А что ты теперь скажешь, Следопыт?

— Что и я опасался, — ответил тот. — Правда, меньше, чем всего другого. Северяне привыкли к горным метелям. Но в южных горах метели — редкость, а если и случаются, то на большой высоте. Да ведь мы-то не успели забраться высоко.

— Так, может быть, это лиходейство Врага? — спросил подошедший к ним Боромир. — У нас поговаривают, что в Изгарных горах он повелевает даже погодой. Правда, они принадлежат ему, а Мглистый хребет — далеко от Мордора. Но могущество Врага постоянно растет.

— Длинные же он отрастил себе руки, если способен перебросить метель из северных земель в южные, — сказал Гимли.

— Длиннее некуда, — проворчал Гэндальф.

Пока они стояли, ветер утих, а через несколько минут прекратился и снегопад. Тогда они снова двинулись вперед. Однако затишье оказалось обманчивым. Не успели они одолеть и пол-лиги, как в лицо им дунул колючий ветер, окреп, налился ураганной силой, потом опять началась метель, снег повалил огромными хлопьями, и вскоре разбушевался неистовый буран. Теперь даже могучий Боромир шел с трудом. Хоббиты тащились в хвосте колонны, и всем их спутникам было понятно, что если буран будет продолжаться, то идти дальше они не смогут. Фродо едва передвигал ноги. Сэм, охая, плелся за ним. Пин и Мерри ковыляли молча. Гимли и тот выбился из сил, а ведь гномы славятся своей выносливостью.

Внезапно Отряд замер на месте, как будто путники сговорились остановиться, хотя никто не сказал ни слова. Вокруг раздавались очень странные звуки. Возможно, это завывал ветер, но в его гулком многоголосом вое ясно слышались злобные угрозы, визгливый хохот и хриплые вопли... Нет, ветер не мог так выть. Неожиданно сверху скатился камень, потом еще один, потом еще... Путники прижались к отвесной стене; камни с треском падали из карниза, подскакивали и валились в черную пропасть; временами раздавался тяжелый грохот, и сверху низвергались огромные валуны.

— Надо возвращаться, — сказал Боромир. — Я не раз попадал в горные метели и знаю, как воет по ущельям ветер... но сейчас мы слышим вовсе не ветер! Это же голоса вражеских сил! Да и камнепад здесь начался не случайно.

— Думаю, что воет-то именно ветер, — заметил Арагорн, — но Боромир прав — дальше идти в самом деле нельзя. У Совета Мудрых много врагов, хотя и не все они — союзники Саурона.

— Эльфы назвали Карадрас Кровожадным задолго до появления Врага, — буркнул Гимли.

— Не важно, кто нам препятствует, — сказал Гэндальф. — Важно, что препятствие сейчас неодолимо.

— Так как же нам быть? — горестно спросил Пин. Он стоял, привалившись к холодной стене, и его сотрясала мелкая дрожь.

— Ждать перелома погоды на месте или возвращаться, — ответил Гэндальф. — Пробиваться вперед бессмысленно и опасно. Чуть выше, если я правильно помню, тропа выходит на открытый склон. Там не укроешься от ветра и камней... или какой-нибудь новой напасти.

— И возвращаться бессмысленно, — добавил Арагорн. — От подножия горы до этой стены нет ни одного сносного укрытия.

— Тоже мне, укрытие, — проворчал Сэм. Но никто, кроме Фродо, его не слышал.

Хранители стояли, прижавшись к стене. Карниз, врезанный в южный склон, тянулся, полого подымаясь вверх, с юго-востока на северо-запад и впереди круто поворачивал к югу, так что стена загораживала путников от резкого северо-восточного ветра, но бешено крутящиеся белесые вихри — снег валил все гуще и гуще — захлестывались к ним и сверху и снизу.

Они касались друг друга плечами, а пони Билл стоял перед хоббитами, заслоняя их от снежных смерчей, но вокруг него уже намело сугроб, и, если б не рослые спутники хоббитов, их очень скоро завалило бы с головой.

Фродо одолевала стылая дрема; потом он пригрелся в снежной норе, и завывание ветра постепенно заглохло, сменившись гулом каминного пламени, а потом у камина появился Бильбо, но в его голосе прозвучало осуждение.

— *Не могу понять — зачем ты вернулся? Зачем прервал этот важный поход из-за самой обычной зимней метели?*

— *Мне хотелось отдохнуть,* — прошептал Фродо, но Бильбо, проворно затушив камин, выволок племянника из теплого кресла, и в комнату вползла ледяная тьма...

— ... слышишь, Гэндальф? Их занесет с головой, — проговорил Бильбо голосом Боромира, и Фродо почувствовал, что висит в воздухе, вытащенный из уютной снежной норы. Тут уж он окончательно проснулся. — Они же заснут и замерзнут насмерть, — опуская Фродо, сказал Боромир. — Надо немедленно что-то предпринять!

— Ты прав, — озабоченно отозвался Гэндальф и достал из кармана кожаную баклагу. — Пусть каждый отхлебнет по одному глотку, — сказал он, передав баклагу Боромиру. — Это необычайно живительный напиток — *здравур* — драгоценный дар Имладриса.

Глоток пряной, чуть терпкой жидкости не только согрел

окоченевшего Фродо, но и прогнал его недавние страхи. Остальные Хранители тоже оживились. Однако ветер свирепствовал по-прежнему, а метель даже стала как будто сильней.

— Не разжечь ли костер? — спросил Боромир. — Похоже, мы уже поставлены перед выбором — погибнуть или отогреться у огня.

— Что ж, можно, — ответил Гэндальф. — Если здесь есть соглядатаи Саурона, они все равно уже нас заметили.

У Хранителей были и дрова и растопка (они последовали совету Боромира), но ни эльф, ни гном — уж на что мастера — не сумели высечь такую искру, которая зажгла бы отсыревший хворост. Пришлось взяться за дело Гэндальфу. Он прикоснулся Жезлом к вязанке хвороста и скомандовал: *«Наур ан адриат аммин!»* Сноп зеленовато-голубого пламени ярко осветил метельную темень, хворост вспыхнул и быстро разгорелся. Теперь яростные порывы ветра только сильнее разжигали костер.

— Если перевал стерегут соглядатаи, то меня-то они наверняка засекли, — с мрачной гордостью заметил маг. — Я просигналил им ГЭНДАЛЬФ ЗДЕСЬ так понятно, что никто не ошибется.

Но Хранители едва ли слышали Гэндальфа. Они, как дети, радовались огню. Разгоревшийся хворост весело потрескивал, и Хранители, не обращая внимания на буран, на лужи талой воды под ногами, со всех сторон обступили костер, чтоб согреться в его животворном тепле. На их изнуренных, но раскрасневшихся лицах играли огненно-золотистые блики, а вокруг, словно бы заключив их в темницу, кипела сизая метельная тьма.

Однако хворост сгорал очень быстро.

Пламя приугасло, и в тускнеющий костер бросили последнюю вязанку дров.

— Ничего, скоро начнется рассвет: ночь-то на исходе, — сказал Арагорн.

— Ночь-то на исходе, — пробормотал Гимли, — да в такое ненастье и рассвета не заметишь.

Боромир немного отступил от костра.

— Буран стихает, — объявил он. — Да и ветер как будто начал выдыхаться.

Фродо утомленно смотрел в костер; из черной тьмы выпархивали снежинки, вспыхивали, словно серебряные звездочки, и тут же гасли, растаяв над пламенем; а вокруг неумолчно завывал ветер и клубилась беспросветная метельная мгла. Фродо сонно закрыл глаза, покачнулся, разлепил отяжелевшие веки — и вдруг заметил, что ветер умолк, а над холмиком слабо золотящихся углей лениво кружится лишь несколько снежинок. Он поднял голову и увидел, что на востоке черное небо слегка посветлело.

Сеющийся сквозь серые тучи рассвет открыл глазам измученных путников немые, в саване снегов, горы. Внизу горбились глубокие сугробы, и под ними угадывалась извилистая тропинка, но вверху тяжелые снеговые тучи, угрожающие путникам новой метелью, плотно занавесили седловину перевала.

— Баразинбар не смирился, — проговорил Гимли. — Если мы осмелимся идти вперед, он снова обрушит на нас буран. Надо возвращаться, и как можно скорей.

Все понимали, что надо возвращаться. Но как? В нескольких шагах от карниза на тропе громоздились такие сугробы, что хоббиты утонули бы в них с головой. Да и на карнизе, где стояли путники, возвышались холмы снеговых заносов — а ведь карниз прикрывала от ветра стена!

— Гандальф расчистит невысокликам путь своим огненным Жезлом, — сказал Леголас. Буран ничуть не встревожил эльфа, и он, один из всего Отряда, сохранил до утра хорошее настроение.

— Или Леголас слетает на небо, — откликнулся Гэндальф, — и разгонит тучи, чтоб солнце растопило для Отряда снег. Мой Жезл — не печка, — добавил он, — а снег, по несчастью, невозможно испепелить.

— Не сумеет умный — осилит сильный, — вмешался Боромир, — так у нас говорят. Буран начался, — продолжал гондорец, — когда мы обогнули вон тот утес, — он указал на большую скалу, которая заслоняла от путников тропку. — До нее отсюда пол-лиги, не больше. И вот, если самый сильный из нас осилит дорогу к этому утесу, оттуда мы все спустимся без труда.

— Надо попробовать, — сказал Арагорн. — Уж вдвоем-то мы одолеем пол-лиги.

Арагорн был самым рослым в Отряде, но Боромир казался крепче. Они отправились, Боромир — впереди, кое-где снег доходил ему до плеч, и он врезался в него, словно плуг — или как очень усталый пловец.

Леголас, улыбаясь, глядел на людей; потом повернулся к магу и воскликнул:

— Да поможет уму и силе искусность!

А потом проворно зашагал по снегу, и Фродо заметил — как бы впервые, хотя он знал об этом и раньше, что у эльфа не было тяжелых башмаков, которыми снабдили Хранителей в Имладрисе; а легкие эльфийские туфли Леголаса почти не оставляли на снегу следов.

— До свидания! — весело крикнул он Гэндальфу. — Я постараюсь отыскать вам солнце! — Он прибавил шагу и, словно танцуя, обогнал медленно бредущих людей, махнул им рукой, звонко рассмеялся и скрылся из глаз за поворотом тропинки.

Люди медленно продвигались вперед; остальные молча смотрели им вслед, пока и они не исчезли за поворотом. Клубя-

щиеся у вершины тучи сгустились; вниз поплыли редкие снежинки.

Прошло, вероятно, около часа — хоббитам показалось, что гораздо больше, — и вот на тропе появился эльф. Потом они увидели людей, медленно, с трудом, подымающихся в гору.

— Мне не удалось заманить сюда солнце, — подмигнув хоббитам, сказал Леголас. — Оно ублажает южные земли, и его, как я понял, ничуть не беспокоят несколько тучек над этой горушкой. Но зато я принес хорошие вести тем, у кого тяжелая поступь. За скалой, про которую говорил Боромир, намело довольно высокий сугроб, и наши воители из Племени Сильных приготовились погибать перед этой преградой, ибо тропинка-то идет по ущелью, а выход из ущелья закрыт сугробом. Ну, пришлось мне объяснить Сильным, что они отчаялись перед снежной крепостью шириной не больше десяти шагов и что за нею на нашей тропке лежит слой снега по щиколотку хоббитам.

— Так я и думал,— проворчал Гимли. — Конечно же, злая воля Баразинбара раскачала этот проклятый буран. Баразинбар не жалует гномов и эльфов...

— К счастью, Баразинбар, вероятно, забыл, что к Отряду Хранителей примкнули люди, — перебил гнома подошедший гондорец, — и люди, скажу без хвастовства, неслабые... Мы одолели снежный завал — проторили в сугробе узкую тропку — для тех, кто не может порхать по-эльфийски.

— Да как же мы-то туда доберемся? — взволнованно спросил Пин, высказав общую тревогу хоббитов.

— Не беспокойся, — ответил ему Боромир. — Я устал, но силы у меня еще есть; у Арагорна — тоже. Мы отнесем вас к завалу. И начнем, почтеннейший Перегрин, с тебя.

Пин вскарабкался гондорцу на спину.

— Держись крепче, — сказал Боромир. — У меня-то руки должны быть свободными. — Он зашагал по тропинке вниз.

За ним отправился Арагорн с Мерри.

Разглядывая протоптанную в снегу дорожку, Пин восхищался силой людей. Даже сейчас, с хоббитом на закорках, Боромир расширял руками проход, чтоб остальным было легче идти.

Вскоре они подошли к сугробу, который, словно гигантская стена вдвое выше человеческого роста, перегородил узкое ущелье. Гребень сугроба был плотным и острым, да и весь сугроб казался монолитом, разрубленным посредине узкой тропой. За сугробом Мерри с Пином и Леголас остались дожидаться других, а люди снова ушли наверх.

Боромир вернулся через полчаса — с Сэмом за спиной, следом шел Гэндальф, ведя в поводу навьюченного пони, верхом на пони сидел гном Гимли, а замыкал шествие Арагорн с Фродо.

Едва Арагорн миновал сугроб, как путников оглушил раскатистый грохот, и откуда-то сверху посыпались камни, взвихрившие облако снежной пыли, потом, когда белая завеса развеялась, Хранители увидели, что проход в сугробе завален ссыпавшимися вниз камнями.

— Хватит, Баразинбар! — взмолился Гимли. — Мы же уходим! Оставь нас в покое! — Но гора, казалось, и сама успокоилась, как бы удовлетворенная отступлением пришельцев: начавшийся было камнепад иссяк, а тучи, закрывавшие перевал, рассеялись.

Слой снега под ногами становился все тоньше, и вскоре, спустившись по круче, путники вышли к той самой площадке, где вчера их застигли первые снежинки.

Утро начинало клониться к полудню; с площадки, где стояли утомленные Хранители, открывались широкие предгорные дали — холмы, озерца, извилистые овраги, заросли падуба, островки дубрав... А внизу виднелась неглубокая лощина, в которой они отдыхали накануне.

У Фродо отчаянно болели ноги, он продрог до костей и хотел есть; а когда ему вспомнилось, что дорога вниз займет по крайней мере полдня, у него на мгновение потемнело в глазах; он закрыл их, а открыв, с удивлением обнаружил, что видит какие-то черные точки. Он протер глаза — точки не исчезли: они кружились в прозрачном воздухе, и Фродо решил, что он начал слепнуть...

— Опять птицы, — сказал Арагорн, тоже увидевший их.

— Теперь уж с этим ничего не поделаешь, — глянув на птиц, отозвался Гэндальф. — Друзья ли они, или Вражьи шпионы, или просто безобидные птахи, нам все равно придется спускаться: Карадрас не любит ночных гостей.

Путники, спотыкаясь, побрели вниз; их подгонял ледяной ветер. Багровые Ворота оказались закрытыми.

Глава IV

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ТЬМЕ

Только под вечер, в пасмурных сумерках, остановились усталые путники на отдых. Баразинбар дышал вниз холодом — дул порывистый ветер. Гэндальф пустил свою баклагу по кругу, и все Хранители отхлебнули здравура. После ужина они устроили совет.

— Сегодня ночью мы отдохнем, — объявил Гэндальф, — ибо штурм перевала дорого дался каждому из нас...

— А куда мы пойдем потом? — спросил Фродо.

— У Хранителей есть только две дороги, — ответил Гэндальф, — назад в Раздол или вперед, к Огненной горе.

Когда Гэндальф упомянул о возвращении, лицо Пина радостно просветлело, а Мерри и Сэм весело встрепенулись. Но Боромир с Арагорном остались бесстрастными, а Гимли и Леголас выжидательно промолчали. Фродо понял, что все его спутники хотят, чтобы первым высказался он.

— Вернуться... — нерешительно начал Фродо, потом преодолел нерешительность и закончил: — ...Мы можем, по-моему, только с победой. Или с позором — признав свое поражение. Я предлагаю пробиваться вперед.

— Я тоже так думаю, — поддержал его Гэндальф. — Вернуться — значит признать свое поражение, которое неминуемо обернется гибелью для всех свободных народов Средиземья. Кольцо Всевластья останется в Раздоле, ибо иного убежища не найдешь; Враг со временем узнает об этом, двинет все свое воинство против Элронда, и рано или поздно Раздол падет, а Враг сделается Всесильным Властителем, и Завеса Тьмы сомкнется над Средиземьем. Черные Кольценосцы — страшные противники, но, когда их хозяин добудет Кольцо, они окажутся просто непобедимыми.

— Я и говорю — надо пробиваться, — с тяжелым вздохом повторил Фродо. — Ты знаешь другую дорогу через горы?

— Знаю, мой друг, — ответил Гэндальф. — Но это довольно мрачная дорога. Арагорн даже слышать о ней не хотел, пока надеялся одолеть перевал.

— Если она еще хуже перевала, то это и правда мрачная дорога! — глянув на Арагорна, воскликнул Мерри. — Ну а все-таки расскажи нам о ней хоть немного, чтобы мы знали самое худшее.

— Дорога, про которую я говорю, проходит через пещеры Мории, — сказал Гэндальф.

Гимли взволнованно посмотрел на мага, но даже и его охватил страх: о гиблых пещерах необъятной Мории сложено немало страшных легенд.

— Никто не знает, — заметил Арагорн, — сохранился ли сквозной проход через Морию.

— Зато все знают, — добавил Боромир, — что Мория именуется Черною Бездной. Да и для чего нам спускаться в Морию? Зачем штурмовать неприступные перевалы? Давайте выйдем к Мустангримской равнине: мустангримцы — давние союзники гондорцев, они помогут нам добраться до Андуина. А можно спуститься по реке Изен, чтобы выйти к Гондору с юга, через Приморье.

— Завеса Тьмы разрастается, — сказал Гэндальф, — и сейчас уже нельзя ручаться за ристанийцев. Ты ведь был у них довольно давно. А главное, на пути к Ристанийской равнине никак не минуешь владений Сарумана. Настанет время, и я сведу с ним счеты. Ну а пока Хранителю Кольца не следует подходить близко к Изенгарду: Сарумана сжигает жажда всевластья, и он попытается завладеть Кольцом. Так что Ристания для нас закрыта.

Теперь о дальнем, обходном пути. Во-первых, он окажется чересчур долгим — мы затратим на него не меньше чем год. Во-вторых, за долинами западных рек наверняка следят Саруман и Саурон, а убежища на этих незаселенных равнинах нам не найти, ибо эльфов там нет. Пробираясь на север к Владыке Раздола, ты был для Врага лишь случайным путником, на которого он не обратил внимания. Но теперь ты воин Отряда Хранителей, и тебе угрожают такие же опасности, как и Главному Хранителю Кольца, Фродо. Гибельные опасности, ибо если нас обнаружат...

Впрочем, боюсь, что нас *уже* обнаружили, — неожиданно перебил сам себя Гэндальф, — обнаружили на подступах к Багровым Воротам. Нам необходимо скрыться от соглядатаев, чтобы Враг опять потерял нас из виду: не обходить горы, не штурмовать перевалы, а спрятаться под горами, в пещерах Мории, — вот что сейчас самое разумное. Этого Враг от нас не ожидает.

— Как знать, — возразил Гэндальфу Боромир. — Зато уж если он догадается, где мы, то нам не выбраться из этой ловушки. Говорят, Враг распоряжается в Мории, словно в своем собственном Черном Замке. Называют же Морию Черной Бездной!

— Не всякому слуху верь, — сказал Гэндальф. — В Мории хозяйничает вовсе не Враг. Правда, там могут встретиться орки, однако я думаю, что этого не случится — полчища орков истреблены и рассеяны в Битве Пяти Воинств у Одинокой. Горные Орлы недавно сообщили, что орки опять стекаются к Мглистому... но, надеюсь, в Морию они еще не проникли.

Зато, возможно, мы встретим здесь Балина с его небольшой, но отважной дружиной, и тогда нам нечего бояться орков. Как бы то ни было, путь через Морию — единственный, других путей у нас нет.

— Я пойду с тобой, Гэндальф! — воскликнул Гимли. — Меня не страшат древние предания. Но сначала нужно отыскать Ворота, которые захлопнулись давным-давно!

— Превосходно сказано, мой милый Гимли, — с легкой улыбкой отозвался Гэндальф. — Я найду Ворота и сумею открыть их. А уж с гномом мы наверняка не заблудимся. Я-то спу-

скался в Морию один — когда разыскивал пропавшего Траина — и, как видишь, вышел оттуда живым. Я прошел тогда Морию насквозь, Арагорн, — добавил маг, посмотрев на Бродяжника.

— Я тоже спускался однажды в Морию, — сказал Арагорн, — со стороны Черноречья. И тоже ухитрился выйти живым. Но второй раз я туда лезть не хочу: слишком солоно мне там пришлось.

— Я и первый-то раз не хочу, — буркнул Пин.

— Я тоже не хочу, — пробормотал Сэм.

— Да и никто не хочет, — заметил Гэндальф. — Однако нам надо попасть в Черноречье. Поэтому я спрашиваю, кто *согласится* — не захочет, а согласится — идти через Морию, чтобы потом добраться до Андуина.

— Я! — с готовностью воскликнул Гимли.

— Я тоже, — мрачно сказал Арагорн. — Ты не отказался штурмовать перевал, предупредив меня, что мы можем погибнуть, — и мы едва не замерзли насмерть. Я пойду с тобой через Морию, Гэндальф. Но помни — не нам, а именно тебе угрожает в Мории смертельная опасность!

— А я, — угрюмо объявил Боромир, — соглашусь лезть в эту Черную Бездну только вместе *со всеми* Хранителями. Два невысоклика не хотят туда лезть. Леголас и Фродо — главный Хранитель! — и Мерри пока еще ничего не сказали.

— Я против Мории, — проговорил эльф.

Все посмотрели на Фродо и Мерри. Оба хоббита долго молчали. Затянувшееся молчание нарушил Фродо.

— Я боюсь спускаться в Морию, — сказал он. — Но и совет Гэндальфа не хочу отвергать. Давайте отложим решение до утра. Очень уж сейчас темно и тоскливо. И страшно. Послушайте, как воет ветер!

Путники прятались под ветвями падуба. Они оборвали разговоры и прислушались. Ветер свистел в обнаженных ветвях и шуршал засохшими стеблями вереска. Но в этот приглушенный свистящий шорох вплетался заунывный, с переливами, вой, словно ветер выл над горным ущельем. Арагорну не понадобилось вслушиваться долго.

— Ветер? — вскакивая, воскликнул он. — Ветер волчьими голосами не воет! Волкалаки опять перебрались через Мглистый!

— Видимо, охота началась, — сказал Гэндальф. — Так стоит ли откладывать решение на утро? Если мы с вами и доживем до рассвета, нам не прорваться к Ристанийской равнине.

— А далеко эта Мория? — спросил Боромир.

— Ты хочешь узнать, — переспросил его Гэндальф, — далеко ли отсюда Западные Ворота? Я думаю, лигах в десяти... для

орла. А самыми короткими наземными тропами получится лиг восемнадцать-двадцать.

— Надо прятаться в Морию, — сказал Боромир. — Боишься орка — не утаишься от волка!

— Так-то оно так, — согласился Арагорн, проверяя, легко ли вынимается его меч. — Но, с другой стороны, где волк, там и орк: в ущельях волки-оборотни, да в пещерах-то орки — ордами.

— Не послушался я Элронда, — шепнул Пин Сэму, — и зря. Ну какой из меня Хранитель? От этого воя все во мне обмирает. Никогда еще в жизни я так не боялся, даром что Бандобрас Быкобор — мой предок.

— А у меня, — прошептал ему Сэм в ответ, — как сердце оборвалось, когда Бродяжник вскочил, так по сю пору в пятках и трепыхается. Ну да ничего — авось пронесет. Арагорн с Боромиром — бывалые люди; Гимли, он у нас всем гномам гном; да и Леголас — тоже эльф не промах. А старина Гэндальф, тот одно слово — маг. Нет, думаю, не сожрут нас волки.

Путники хотели заночевать в лощине, но теперь, для того чтобы защищаться от волколаков, они поднялись на соседний холм с тремя или четырьмя кряжистыми дубами, которые были обнесены оградой из больших серых валунов. Кое-где каменная ограда обвалилась, и Хранители, понимая, что ночная тьма не помешает стае волколаков найти их, поспешно разожгли небольшой костер.

Путники сидели возле и все, кроме двух часовых, дремали — это был не сон, а тревожное забытье. Пони Билл трясся от страха, он взмок, словно только что пробежал лиг двадцать. Вой теперь слышался со всех сторон, а вокруг, в черной ночной темноте, зловеще поблескивали парные огоньки. Внезапно там, где ограда обвалилась, Хранители увидели огромного волколака — он застыл в проломе и хрипло взвыл, словно бы подавая сигнал к атаке.

Подняв мерцающий Магический Жезл, Гэндальф шагнул навстречу зверю.

— Ну ты, шелудивая собака Саурона, — нарочито негромко проговорил он. — Перед тобой — Гэндальф. Убирайся отсюда, если тебе дорога твоя шкура.

С коротким рычанием зверь прыгнул вперед — мелодично прозвенела спущенная тетива, и, коротко взвыв, он рухнул на землю: в горле у него торчала стрела. Леголас тотчас же вынул вторую. Но кольцо зловещих огоньков распалось. Гэндальф и Арагорн подошли к ограде — волколаков на склонах холма уже не было: стая, лишенная вожака, отступила. Путников окружала безмолвная тьма.

Миновала полночь; близился рассвет; на западе, почти что у

самой земли, то гасла, ныряя в драные тучи, то снова бледно вспыхивала луна; эти слабые, судорожно короткие вспышки бессильно меркли в предрассветном сумраке. Внезапно громкий многоголосый вой вырвал Фродо из зыбкого забытья — волколаки, беззвучно окружившие холм, со всех сторон ринулись в атаку.

— Сушняка в костер! — крикнул Гэндальф хоббитам. — Мечи наголо! Стать спиной к спине.

В неверном свете разгорающегося костра Фродо видел, как серые тени перемахивают невысокую каменную ограду. Арагорн сделал молниеносный выпад, и огромный зверь, захлебно скуля, рухнул на землю с пронзенным горлом; холодно блеснул меч Боромира, и у второго волколака отлетела голова; третьего зарубил топором гном; стрела Леголаса прикончила четвертого; однако все новые серые тени, волна за волной, вплескивались в ограду.

Фродо с надеждой глянул на Гэндальфа. Фигура мага, как показалось хоббиту, неожиданно выросла почти до неба, ослепительно вспыхнул Магический Жезл, и, словно высеченный из камня великан, Гэндальф на мгновение застыл в неподвижности, заслоняя Хранителей от наступающих волколаков. Потом он взмахнул Магическим Жезлом, и над холмом громогласно прозвучало заклинание:

— *Наур он адриат аммин!*

Дуб, на который был направлен Жезл, превратился в неистово полыхающий факел, за ним вспыхнули остальные дубы, и над холмом, ярко осветив поле битвы, распустился гигантский огненный цветок. Ослепленные волколаки в ужасе попятились; мечи Хранителей, разбрызгивая искры, как будто их только что вынули из горна, крушили ошеломленных, оцепеневших зверей; вспыхнувшая в воздухе стрела Леголаса поразила в сердце черного волколака — он оглушительно взвыл и свалился замертво. Его смерть завершила ночную битву: уцелевшие звери обратились в бегство.

Медленно догорали вековые дубы; над холмом клубилось дымное облако; с первыми лучами бледной зари погасли последние всплески огоньков, пробегавшие по обугленным дубовым стволам.

— Ну, что я говорил, — сказал Сэм Пину, устало засовывая в ножны свой меч. — Старину Гэндальфа просто так не сожрешь, не на того напали. Одно слово — маг!

Путники окинули взглядом равнину и увидели, что все волколаки скрылись. Но на склонах холма не было и трупов! Леголас молча подобрал свои стрелы — они валялись недалеко от ограды; он был уверен, что ни разу не промахнулся, и, однако,

стрелы, все, кроме одной (от нее остался только наконечник), лежали, целехонькие, в зарослях вереска.

— Так я и думал, — заметил Гэндальф. — Это волколаки, волки-оборотни, а не просто волки: трупов-то нет! Давайте-ка быстро позавтракаем — и в путь.

Погода в этот день опять изменилась. Как бы по приказу могущественной силы, которая больше не нуждалась в буране, потому что путники отступили от перевала, ветер быстро разогнал тучи, а потом, когда небо расчистилось, утих. Из-за гор неспешно выплыло солнце. При ясной погоде движущийся Отряд издалека был виден на открытой равнине — а отсиживаться в укрытии путники не могли.

— Нам нужно добраться до Мории засветло, — с мрачной серьезностью объявил Гэндальф, — иначе мы вообще до нее не доберемся. Двадцать пять лиг — расстояние небольшое, но Арагорн не знает здешних дорог, да и я был здесь всего один раз.

Ворота вон там, — продолжал маг, указывая Жезлом на юго-восток, где в голубоватой рассветной дымке виднелись зубчатые контуры Мглистого, обрывающегося к равнине отвесной стеной. — Когда нас прогнал с перевала буран, я свернул на юг и пошел вдоль хребта, чтобы хоть немного приблизиться к Мории. Чуяло мое сердце, что она нам понадобится! Надеюсь, мы быстро найдем Ворота и успеем до темноты ускользнуть от оборотней.

Гимли подгоняло пылкое нетерпение, и он шагал впереди, рядом с Гэндальфом. Когда-то у Ворот Мории бил родник, питающий небольшую речку Привратницу, или, как называли ее эльфы, Сираннону, и Гэндальф надеялся отыскать эту речку, чтоб выйти по приречной дороге к Воротам. Однако то ли Привратница пересохла, то ли маг взял неверное направление, но ему не удавалось найти дорогу.

Путники блуждали по каменистой равнине, иссеченной сетью извилистых трещин и усеянной россыпями бурых камней. Маг сворачивал то к востоку, то к западу, но речка по-прежнему никак не отыскивалась, и все понимали, что, двигаясь без дороги, они не доберутся к вечеру до Ворот. Бесконечно тянулась бесплодная равнина — бурая, иссохшая, растрескавшаяся почва, красноватые валуны да россыпи гальки. Вокруг не было ни птиц, ни зверей. Путники обреченно шагали за Гэндальфом и старались не думать, что с ними будет, если ночь застигнет их на этой равнине.

Гимли, ушедший немного в сторону, вдруг вскарабкался на валун и подозвал Гэндальфа. За магом к нему свернули все пут-

ники. Гном показывал рукой на запад. Глянув туда, путники увидели каменистое русло пересохшей речки. А по берегу речки тянулась дорога, некогда мощенная красными плитами.

— Ага, наконец-то! — воскликнул Гэндальф. — Интересно, что же произошло с рекой? Но, как бы то ни было, это она — Привратница, или, по-эльфийски, Сираннона. Вперед, друзья, нам надо спешить!

Уставшие путники зашагали быстрей: их подбадривала надежда спрятаться от оборотней.

А время шло; перевалило за полдень, солнце начало клониться к западу. Путники сделали короткий привал, торопливо поели и отправились дальше. Перед ними маячили Мглистые горы, но дорога нырнула в глубокую ложбину, и теперь виднелись лишь снежные вершины, пока еще ярко освещенные солнцем.

Через несколько часов дорога свернула. Раньше Хранители шли на юг, и слева от них тянулось нагорье, а теперь они круто забирали к востоку. Вскоре русло уперлось в скалу с промоиной наверху и ямой у основания. Со скалы когда-то низвергался водопад, а сейчас змеился чуть заметный ручеек.

— Да, Сираннона высохла, — сказал Гэндальф. — Но мы, несомненно, приближаемся к Воротам. Это водопад Приморийский Порог, и слева от него, если я не ошибаюсь, в скале должны быть вырублены ступеньки, а дорога, сделав просторную петлю, выходит к верхнему срезу Порога у северного склона Сираннонской долины. Долина тянется с востока на запад (гномы называли ее Родниковой), и лестница выводит к ее западному концу; а напротив, у восточного конца долины, расположены Ворота и бьет родник. Давайте-ка посмотрим, сохранились ли ступеньки.

Они без труда отыскали ступеньки, и Гимли, а вслед за ним Гэндальф и Фродо торопливо поднялись к Родниковой долине. На месте долины чернело озеро. Заходящее солнце вызолотило небо, но в матово-черной, как бы мертвой, воде не отражались ни Хранители, ни горы, ни закат. Сираннону, видимо, запрудил обвал, поэтому она и затопила долину. В конце долины, над черной водой, тяжко громоздились отвесные утесы — зловещие, темные, монолитные. Не то что Ворот — даже тонкой трещины не увидел Фродо в этих утесах.

— Вон она, Морийская Стена, — сказал Гэндальф, заметив, что Фродо разглядывает утесы. — Когда-то в ней были Западные Ворота — или, как называли их люди, Эльфийские, — ибо дорога, по которой мы шли, связывала Родниковую долину с Остранной. Но путь напрямую, как видишь, затоплен, а перехо-

дить вброд это мертвое озеро никто из нас, насколько я понимаю, не захочет. Тем более что озеро, наверно, глубокое.

— Давайте вернемся, — предложил Гимли, — и попробуем подняться по главной дороге. Нам так и так пришлось бы возвращаться, даже если бы тропка не была затоплена: Билл не умеет лазить по лестницам.

— Билла-то в Морию не возьмешь, — сказал Гэндальф. — Там встречаются иногда такие переходы, в которые не сможет протиснуться пони.

— Жалко Билла, — пробормотал Фродо. — И Сэма жалко. Что-то он скажет? Как расстанется со своим любимцем?

— Да, жалко, — согласился Гэндальф. — Пони служил нам верой и правдой, а мы его бросим на произвол судьбы. И ведь я говорил — не берите Билла, предлагал вам отправиться в поход налегке. Ибо с самого начала подозревал, что нам придется идти через Морию.

Меркла, догорая, вечерняя заря, и в небе льдисто поблескивали звезды, когда изрядно замученные путники, поспешно поднявшись по главной дороге, вышли к северному склону долины, в двух примерно лигах от Морийской Стены. Долина, шириною около двух лиг, протянулась в длину лиги на три или четыре, а между барьером из скал и водой виднелась узкая полоска земли. Хранители пошли вдоль озера на восток — туда, где располагались Ворота Мории, — вернее, не пошли, а почти побежали, чтобы найти Ворота до темноты.

На подходе к Стене, в конце долины, путь им неожиданно преградил залив, перерезавший сухую полоску земли между озером и грядой береговых скал. Вода в заливе, темная и затхлая, была затянута зеленой ряской; залив походил на руку утопленника, мертвой хваткой вцепившегося в скалы. Гимли отважно шагнул вперед — никто не успел его остановить, — залив был мелкий, но со скользким дном; поскользнувшись, Гимли едва не упал, однако сумел сохранить равновесие и вскоре выбрался на сухое место, за ним последовали остальные путники; вступая в ледяную зеленоватую воду, Фродо невольно содрогнулся от омерзения.

Когда замыкавший шествие Сэм вывел на берег дрожащего пони, Хранители услышали приглушенный всплеск, как будто из воды вдруг выпрыгнула рыба и тотчас же плашмя шлепнулась обратно; обернувшись, они увидели, что по озеру, от центра, вкруговую расходятся волны — черные в сумеречном вечернем свете; потом раздалось прерывистое бульканье, и над озером снова сомкнулась тишина. Золотистые отблески вечерней зари скрывались за тучами; сумрак сгущался.

Гэндальф торопливо шагал вперед; хоббиты с трудом поспевали за ним; теперь они двигались вдоль Морийской Стены по каменистой и узкой полоске суши, загроможденной острыми обломками скал; путники старались не отходить от Стены, даже придерживались за нее руками, чтобы матово-черная, с прозеленью вода все время была от них как можно дальше. Когда они одолели около лиги, в сумраке нежданно прорисовались деревья: у Стены стояли два мощных дуба, на мелководье валялись почерневшие ветки, а в глубину озера, двумя рядами, протянулись остовы полуистлевших стволов. Здесь, вероятно, кончалась дорога, обсаженная по обеим сторонам дубами. Деревья, растущие возле Стены, выглядели на диво могучими и древними; с Порога, под отвесной стеной Мглистого, они казались совсем невысокими, но сейчас Фродо с изумлением осознал, что раньше ему не доводилось видеть таких могучих и громадных дубов — они возвышались над головами Хранителей, словно гигантские сторожевые башни, охраняющие вход в подгорное царство.

— Наконец-то! — обрадованно воскликнул Гэндальф. — Здесь кончается Эльфийский Тракт. Гномы прорубили Западные Ворота, чтобы беспрепятственно торговать с эльфами, а эльфы насадили дубовую аллею в Родниковой долине, принадлежавшей гномам, чтобы увековечить их тесную дружбу — дуб считался символом Остранны. Ибо в те благословенные времена народы Средиземья дружили между собой, даже эльфы и гномы умели не ссориться.

— Я ни разу не слышал, — заметил Гимли, — что эта дружба прервалась из-за гномов.

— А я не слышал, — сказал Леголас, — что эта дружба прервалась из-за эльфов.

— Я частенько слышал и то и другое, — оборвал начинающуюся перепалку Гэндальф. — Сейчас не время решать, кто прав. Надеюсь, вы-то останетесь друзьями. Ибо мне очень нужна ваша помощь, а действовать сообща могут только друзья. Мы должны найти и открыть Ворота, пока не стало совсем темно.

А вы, — сказал он, повернувшись к остальным, — приготовьтесь без промедления вступить в Морию, как только мы отыщем и отворим Ворота. Нам ведь придется расстаться с Биллом, поэтому надо его разгрузить. Теплую одежду можно не брать: она не понадобится нам ни в Мории, ни потом, когда мы пойдем на юг. А пищу и, главное, баклаги с водой, которые тащил до сих пор пони, надо распределить между всеми Хранителями.

— А как же быть со стариной Биллом? — испуганно и него-

дующе воскликнул Сэм. — Да я без него и с места не сдвинусь! Завели беднягу неведомо куда, а теперь бросим на съедение волколакам?

— Мне ведь тоже его жаль, — сказал Гэндальф. — Но тебе, мой друг, придется выбирать между твоим хозяином и Биллом. Пойми, когда мы откроем Ворота, ты его и затащить-то в Морию не сможешь, он не полезет в эту Черную Бездну.

— Со мной полезет, — возразил Сэм. — Я не оставлю его на растерзание этим вашим растреклятым оборотням!

— Ну, до растерзания-то, надо полагать, дело не дойдет, — проговорил Гэндальф. Он ласково погладил пони по голове, наклонился к нему и негромко сказал: — Ты многому научился в Раздоле, Билл. Береги себя, когда будешь возвращаться, а береженого, как известно, и судьба бережет. Никто из нас не знает своей судьбы — но мы всегда надеемся на лучшее... Никто из нас не знает своей судьбы, — повторил маг, обернувшись к Сэму. — Будем надеяться, что Билл выживет.

Сэм ничего не ответил Гэндальфу. Он молча стоял рядом с пони и плакал. А тот прижался к нему и вздохнул, как бы поняв, о чем идет речь. Сэм принялся развьючивать пони; остальные путники сортировали поклажу, разбирая по своим вещевым мешкам то, что им надо было взять с собой.

Распределив поклажу, Хранители огляделись, пытаясь понять, что же делает Гэндальф. Но он, казалось, ничего не делал — стоял и пристально смотрел в Стену, как будто хотел просверлить ее взглядом. А Леголас прижимался к ней, словно бы вслушиваясь, и глаза у него были почему-то закрыты. Гимли молча бродил вдоль Стены, постукивая по ней обухом топора.

— Ну вот, мы готовы удирать в Морию, — сказал Мерри. — А где же Ворота?

— Если ворота, сделанные гномами, закрыты, то их невозможно увидеть, — со сдержанной гордостью ответил Гимли. — Даже мастер, который сделал ворота, и тот не сумеет их потом найти, пока не скажет заветного заклинания.

— Да, но Западные Ворота Мории не были тайными, — заметил Гэндальф. — Ворота прорубили для друзей-эльфов, и, если их в наше время не переделали, тот, кто знает, где они расположены, должен без труда обнаружить их и открыть.

Гэндальф опять посмотрел на Стену. В середине между сторожевыми дубами она была неестественно гладкой, и Гэндальф, приблизившись к ней вплотную, начал ощупывать ее руками, бормоча какие-то непонятные слова. Потом, отступив, спросил спутников:

— А теперь? Теперь вы что-нибудь видите?

Стену осветила взошедшая луна, но Хранители не заметили

никаких изменений — сначала. А потом на поверхности Стены появились тонкие серебристые линии, стали постепенно ярче, отчетливей, и вскоре глазам изумленных путников открылся искусно выполненный рисунок.

Вверху аркой выгибалась надпись из прихотливо сплетенных эльфийских букв; под надписью виднелись молот и наковальня, увенчанные короной с семью звездами; опиралась арочная надпись на дубы, точь-в-точь как те, что росли у Стены; а между дубами сияла звезда, окруженная ореолом расходящихся лучей.

— Эмблема Дарина! — воскликнул Гимли, показав на молот с наковальней и корону.

— И символ Остранны, — сказал Леголас.

— И Звезда Феанора, — добавил Гэндальф, разглядывая обрамленную лучами звезду. — Мы не видели рисунка, ибо древний *ночельф,* которым расписаны Западные Ворота, оживает лишь в свете луны или звезд под звуки староэльфийского языка, давно забытого народами Средиземья. Я и сам с трудом припомнил слова, оживившие под моими пальцами рисунок.

— А что здесь написано? — спросил Фродо Гэндальфа. — Я вроде знаю эльфийские руны, но эту надпись прочитать не могу.

— Ничего удивительного, — ответил Гэндальф, — ибо это староэльфийский язык. А Бильбо учил тебя новоэльфийскому. Мне-то староэльфийский понятен, да тут не написано самого главного. Вот что здесь сказано — я перевожу: *Западные Ворота Морийского Государя Дарина открывает заветное заклинание, друг. Скажи, и войдешь.* А ниже, мелкими буквами, написано: *Я, Нарви, сработал эти Ворота, Наговор запечатлел Селебримбэр из Остранны.*

— А что это значит — «скажи, и войдешь»? — поинтересовался Мерри.

Гимли ответил:

— Если ты друг, скажи заклинание, и Ворота откроются и ты войдешь.

— Я тоже думаю, — проговорил Гэндальф, — что эти Ворота подчиняются заклинанию. Иногда Ворота, сработанные гномами, открываются только в особых обстоятельствах; иногда — только перед особо избранными; а иногда только особо избранные в особых обстоятельствах могут их отпереть, ибо они запираются на замок. У этих-то замка, мне кажется, нет. Их делали для друзей и не считали тайными. Они обыкновенно были открыты, и стражники мирно сидели под деревьями. А если Ворота порой закрывали, то они отворялись при звуках заклинания: механических запоров у Ворот не было. Правильно я понял эту надпись, Гимли?

— Совершенно правильно, — подтвердил гном. — Но слова заклинания, к несчастью, забыты. Ибо род Нарви давно угас.

— Да разве *ты-то* не знаешь заклинания? — ошарашенно спросил у Гэндальфа Боромир.

— Нет, не знаю, — ответил Гэндальф.

Хранители с испугом посмотрели на мага, лишь один Арагорн остался спокойным, ибо он не раз путешествовал с Гэндальфом и верил, что тот откроет Ворота.

— Тогда зачем же мы сюда пришли? — с тревожной злостью вскричал Боромир. — Ты говорил, что спускался в Морию, что прошел ее насквозь... и не знаешь, где вход?

— Я знаю, где вход, и привел вас к нему, — бесстрастно ответил гондорцу Гэндальф, но его глаза недобро блеснули. — Я не знаю заветного заклинания — пока. Ты спрашиваешь, зачем мы сюда пришли? Отвечаю: чтобы нас не сожрали волколаки. Но ты задал мне еще один вопрос. И в ответ мне придется спросить у тебя: не усомнился ли ты в моих словах, Боромир? — Тот промолчал, и Гэндальф смягчился. — Я спускался в Морию с востока, из Черноречья, а не отсюда, — спокойно объяснил он. — Западные Ворота открываются наружу, изнутри на них надо легонько нажать, и они откроются, как обычные двери; а тот, кто стоит перед ними здесь, должен произнести заветное заклинание, иначе отсюда в Морию не проникнешь.

— Так что же нам делать? — спросил мага Пин, словно бы напряженного разговора и не было.

— Тебе — побиться о Ворота головой, — ответил Гэндальф, — авось сломаются. А мне — отдохнуть от бестолковых вопросов и постараться вспомнить ключевые слова.

Было время, — пробормотал маг, — когда они сами приходили мне в голову. Да я и сейчас их вроде бы не забыл. Западные Ворота прорубили для друзей — заклинание должно быть очень простым. А на каком языке? Наверняка на эльфийском...

Гэндальф опять подошел к Стене и дотронулся Жезлом до Звезды Феанора.

Аннон эдэлен эдро до аммин,
Фэннас ноготрим асто бет ламмин! —

негромко, но звучно проговорил он. Серебристый рисунок немного потускнел, однако Стена осталась монолитной.

Маг повторил те же самые слова в других сочетаниях — и ничего не добился. Перепробовал много иных заклинаний, говорил то негромко и медленно, нараспев, то громко и повелительно, тоном приказа, произносил отдельные эльфийские слова и длинные, странно звучавшие фразы — отвесные утесы оставались недвижными, и лишь тьма скрадывала их резкие очерта-

ния. От озера подувал промозглый ветер, в небе зажигались все новые звезды, а Ворота по-прежнему были закрыты.

Гэндальф опять отступил от Стены и, шагнув к ней, резко скомандовал:

— *Эдро!*

Потом он повторил это слово — «откройся!» — на всех без исключения западных языках, однако опять ничего не добился, в гневе отбросил свой Магический Жезл и молча сел на обломок скалы.

И тотчас же в черной ночной тишине послышалось отдаленное завывание волколаков. Тревожно всхрапнул испуганный Билл, но Сэм подошел к нему, что-то прошептал, почесал за ухом, и пони притих.

— Как бы он со страху куда-нибудь не удрал, держи его крепче, — сказал Боромир. — Похоже, что он еще нам понадобится... если нас не разыщут здесь волколаки. Проклятая лужа! — Боромир нагнулся, поднял камень и швырнул его в озеро.

Вода проглотила брошенный камень с утробным, приглушенно чавкнувшим всплеском, — а в ответ озеро вспузырилось, забулькало, и от того места, где утонул камень, по воде разбежалась круговая рябь.

— Что ты делаешь, Боромир! — всполошился Фродо. — Тут и так-то страшно! — Фродо поежился. — Этот гиблый пруд... он страшней волколаков, страшней Мории, а ты его баламутишь!

— Бежать отсюда надо, — пробормотал Мерри.

— Когда же Гэндальф откроет Ворота? — дрожащим голосом спросил Пин.

А Гэндальф, казалось, не замечал своих спутников. Он сидел, поставив локти на колени и обхватив ладонями склоненную голову — то ли задумавшись, то ли отчаявшись. Опять послышался вой волколаков. Раскатившаяся по озеру круговая зыбь злобно лизнула каменистый берег.

Внезапно маг с хохотом вскочил, перепугав и без того напуганных спутников.

— Ну конечно же! — весело воскликнул он. — И как я, глупец, сразу не догадался? А впрочем, любая разгаданная загадка кажется потом поразительно легкой.

Он встал, уверенно подошел к Стене, направил Жезл на Звезду Феанора и звонким голосом сказал:

— *Мэллон!*

Звезда вспыхнула и тотчас погасла. В стене обозначились створки Ворот и медленно, но бесшумно и плавно распахнулись. В черном проеме, за входной площадкой, смутно виднелись две крутые лестницы — одна вверх, а другая вниз.

— Я неверно понял арочную надпись, — объяснил маг. — Да и Гимли ошибся. В ней же дается ключевое слово! Вот как следовало ее перевести: «Западные Ворота Морийского Государя Дарина открывает заветное заклинание, *друг*». Когда я сказал по-эльфийски «друг» — *мэллон,* — Ворота сразу же открылись. В наше смутное и тревожное время такая простота кажется безумной. Дни всеобщего дружелюбия миновали... Однако Ворота открыты. Идемте.

Гэндальф вошел в открытые Ворота и уже было начал подыматься по лестнице — поставил ногу на первую ступеньку, — но тут, с неистовством лавины в горах, на путников обрушилось множество событий. Фродо кто-то ухватил за ногу, и он, болезненно вскрикнув, упал. С коротким, хриплым от ужаса ржанием Билл поскакал вдоль Морийской Стены и мгновенно растворился в ночной темноте. Сэм рванулся за ним вдогонку, но, услышав болезненный вскрик хозяина, с проклятьями бросился к нему на выручку. Остальные путники оглянулись назад и увидели, что вода у берега бурлит, словно в ней бьется, пытаясь распутаться, тугой клубок разозленных змей.

Одна змея... впрочем, нет, не змея, а змеистое, слизистое, зеленое щупальце с пальцами на конце уже выбралось на берег, подкралось к Фродо и, схватив его за ногу, потащило в зловонную пузыристую воду. Сэм не раздумывая выхватил меч, рубанул слабо светящееся щупальце, и оно, потускнев, бессильно замерло, а Фродо торопливо поднялся на ноги и, пошатываясь, вошел в распахнутые Ворота.

Сэм тоже попятился к пещере. Из бурлящей, покрытой пузырями воды выползло штук двадцать пальчатых страшилищ, а воздух отравило удушливое зловоние.

— В пещеру! Вверх по лестнице! Быстро! — отпрянув назад, прокричал Гэндальф.

Хранители, оцепеневшие на миг от ужаса (выручать Фродо бросился лишь Сэм), опомнились — и вовремя: когда Сэм с Фродо, шедшие последними, начали подыматься, а Гэндальф, отступая, подошел к лестнице, извивающиеся щупальца дозмеились до Ворот, и одно просунулось внутрь пещеры. Гэндальф не стал подыматься вверх. Но если он мысленно подыскивал слово, которое заставило бы Ворота закрыться, то тут же и выяснилось, что этого не нужно: множество жаждущих добычи чудищ жадно ухватились за створки Ворот и, со страшной силой рванув их, захлопнули. Пещеру затопила черная тишина — лишь слабо светилось, темнея и замирая, перерубленное створками Ворот щупальце да снаружи слышались глухие удары.

Сэм, стоящий рядом с Фродо, всхлипнул и бессильно сел на холодную ступеньку.

— Бедный Билл, — пробормотал он. — Черные вороны, буран, волколаки, пальчатые щупальца — кто ж это выдержит? И я не смог ему ничем помочь, ведь мне и правда пришлось выбирать: то ли гнаться за горемыкой Биллом, то ли уходить с хозяином в пещеру. Ну и, конечно же, я пошел с хозяином.

Тем временем Гэндальф приблизился к Воротам и ударил по ним Магическим Жезлом. На мгновение Жезл ослепительно вспыхнул, пещера наполнилась рокочущим грохотом, дрогнули под путниками каменные ступени, однако Ворота остались закрытыми.

— Так и есть, — сказал Гэндальф. — Ворота не открываются. Теперь у нас одна дорога — на восток. Я думаю, что эти беснующиеся щупальца выдрали последние эльфийские дубы и, пытаясь выломать ими Ворота, вызвали обвал, замуровавший нас в Мории. Жаль, дубы были очень красивые.

— Мне стало страшно, — проговорил Фродо, — когда нам пришлось переходить залив. Я понял, что мы попадем в беду. Кто это был? — спросил он Гэндальфа. — Который напал на меня у Ворот? Или их было, по-твоему, много?

— Я ни разу не сталкивался с такими существами, — немного помолчав, ответил Гэндальф. — Но все эти руки, насколько я понимаю, направляла одна лиходейская воля. Кто-то выполз — или был выгнан — из самых глубинных подземных вод. Там, в неизведанных черных безднах, обитает немало древних чудовищ пострашнее, чем орки или волколаки. — Маг не добавил, что чудовище из бездны охотилось, по-видимому, именно за Фродо.

— Только чудовищ нам и не хватало, — хрипло пробурчал себе под нос Боромир. — И ведь я был против этой Черной Бездны. Кто теперь выведет нас отсюда? — Боромир не хотел, чтоб его услышали, но гулкое эхо усилило звук...

— Я, — отозвался Гэндальф. — И Гимли. Кстати, нам пора отправляться в путь. — Он поднял вверх свой Магический Жезл, и тот засветился голубоватым светом.

Держа в руке светящийся Жезл, Гэндальф начал подыматься по лестнице. Лестница была крутой, но широкой.

Путники насчитали двести ступеней, а потом увидели сводчатый коридор, уводящий в таинственную темную даль.

— Давайте поедим, — предложил Фродо. — Вряд ли в Мории найдутся стулья, а здесь, на ступеньках, можно есть сидя. — Его отпустил леденящий страх, и он вдруг понял, что очень проголодался.

Путники поели, сидя на ступенях, после еды Гэндальф вынул баклагу, и все в третий раз отхлебнули здравура.

— Здравура осталось совсем немного, но нам всем было необходимо подкрепиться, — пряча баклагу, заметил маг. — Воду тоже придется экономить. В Мории много родников и речек, но пить пещерную воду нельзя. Нам не удастся пополнить баклаги, пока мы не выйдем из пещер Мории.

— А долго нам придется идти? — спросил Фродо.

— Три или четыре дня, — сказал маг. — Если не стрясется какой-нибудь беды. По прямой от Западных до Восточных Ворот лиг сорок. Но прямой дороги здесь нет.

Хранители собрали вещевые мешки и пошли за Гэндальфом по темному коридору. Всем им хотелось оказаться в Черноречье, под открытым небом, как можно скорей, и они решили, что не будут отдыхать, хотя их буквально шатало от усталости. Гэндальф бессменно возглавлял колонну. В левой руке он держал свой Жезл, рассеивающий черную тьму коридора шага на три вперед, а в правой — Яррист. Рядом шел неутомимый Гимли, и за ним — Фродо с обнаженным Терном. Клинки Терна и Яррист не светились, а значит, орков поблизости не было, ибо мечи, изготовленные эльфами в Предначальную Эпоху, тревожно мерцали, когда неподалеку появлялись орки. Позади Фродо шли верный Сэм, Мерри с Пином, Леголас и Боромир; замыкал шествие молчаливый Арагорн.

После двух или трех плавных поворотов путники заметили, что движутся под уклон. Вскоре их стала донимать жара, однако духоты они не ощущали, а иногда их лица овевало прохладой: сквозь отдушины, как-то выходящие на поверхность, в пещеры проникал свежий воздух с гор. Временами при свете Магического Жезла Фродо видел поперечные галереи, лестницы, ведущие то вверх, то вниз, разветвления коридора, по которому они шли, и с тревожным любопытством пытался понять, какими ориентирами пользуется маг.

Гимли если и помогал Гэндальфу, то главным образом верой в победу — его не угнетала безмолвная тьма, — но маг выбирал направление сам, изредка предварительно советуясь с гномом. Схему пещер Морийского царства не мог удержать в голове даже Гимли, несмотря на то, что он, сын Глоина, принадлежал к племени подгорных гномов. Да и маг руководствовался только чутьем, ибо, разыскивая некогда Траина, пересек Морию с востока на запад, а сейчас они шли с запада на восток; однако направление он выбирал безошибочно: чутье ни разу его не подвело.

— Не надо тревожиться, — сказал Арагорн.

Гэндальф, стоя у развилки коридора, дольше обычного совещался с Гимли, и Хранителей охватило смутное беспокойство.

— Не надо тревожиться, — повторил Арагорн. — Мы не раз попадали с ним в скверные переделки, и он всегда находил из них выход; а от эльфов я слышал о его путешествиях, куда опаснее и серьезней этого. Мы пошли за ним в Морию, и он нас выведет — выведет, что бы с ним самим ни случилось. Он умеет отыскивать дорогу во тьме искусней, чем кошки королевы Берутиэли.

Такой проводник был спасением для Отряда. Хранители не успели заготовить факелов — во время свалки у Ворот Мории никто об этом, разумеется, не подумал, — а без света они не ушли бы далеко. Во-первых, коридор постоянно разветвлялся, во-вторых, на пути им попадались речки, глубокие колодцы и широкие расселины, через одну из них, шириной шага в три, гулкую (по ней струился ручей) и при взгляде сверху бездонно-черную, Пина едва уговорили перепрыгнуть.

— Веревка, — уныло укорил себя Сэм. — И ведь я же знал, что она понадобится!

Расселины преграждали им путь все чаще, и они продвигались удручающе медленно. Спуску, казалось, не будет конца. От усталости у них подкашивались ноги, однако отдыхать никто не хотел. Фродо опять стало не по себе. Сначала, после спасения от щупалец и глотка живительного раздольского здравура, он как будто бы совсем успокоился, а теперь его снова одолевал страх. Хотя он полностью вылечился от раны, нанесенной ему Черным Всадником у Заверти, ранение не прошло для него бесследно. Он начал отчетливей воспринимать мир: ему нередко открывалось то, чего другие обычно не замечали. Он лучше спутников видел во тьме; увереннее их предвидел опасности, раньше, чем они, предчувствовал неудачи. Маг был, конечно, дальновидней Фродо, но сейчас Фродо, Хранитель Кольца, ощущал, что их окружают враги — Кольцо висело у него на шее и наливалось грозной, холодной тяжестью, — большой отряд незримых врагов ждал их где-то впереди, в засаде, а один враг крался за ними. Однако Фродо не подымал тревоги, ибо доверял своим опытным спутникам гораздо больше, чем себе самому, — он крепко сжимал рукоять Терна, стараясь не отставать от Гимли и Гэндальфа. Интересно, знал ли о врагах маг?..

Хранители почти не разговаривали друг с другом, а если и обменивались короткими фразами, то понижали голос до глухого шепота. Тишину нарушал лишь шорох шагов, а когда Гэн-

дальф выбирал дорогу и путники поневоле стояли на месте, в черном безмолвии затихшего коридора раздавалось негромкое журчание воды. Но с некоторых пор Фродо стал слышать — или ему это только казалось? — какой-то едва различимый шум, непохожий на журчание пещерных ручьев. Этот шум напоминал осторожное шлепанье пары проворных босых подошв. Шлепанье обрывалось — однако не сразу, и слышалось дольше, чем звучало бы эхо, — когда останавливались сами Хранители.

К полуночи путники вступили в зал с тремя черными полукружиями арок, за которыми начинались три коридора, и тут Гэндальф серьезно задумался. Все коридоры были попутными, ибо вели, в общем-то, на восток; но левый опускался, правый подымался, а средний тянулся вдаль горизонтально, да зато был уже и ниже, чем крайние.

— Нет, не помню я этого места. Решительно не помню, — признался маг. Он поднял вверх светящийся Жезл, в надежде обнаружить над арками знаки, которые помогли бы ему сделать выбор. Никаких надписей на стенах не было. — Видимо, я слишком утомлен, — сказал он, — чтобы решать сейчас, куда нам идти. Да и вам, я думаю, не мешало бы отдохнуть. Надо отложить решение до утра... хотя светлей здесь утром не станет. И все же утро вечера мудренее.

В северной стене огромного зала путники заметили каменную дверь. Гэндальф подошел к ней и, стоя чуть сбоку, слегка надавил на нее рукой — негромко скрипнув, дверь отворилась.

— Назад! — рявкнул маг, когда Мерри и Пин с радостными возгласами юркнули за дверь, решив, что здесь они отдохнут спокойней, чем на каменном полу неуютного зала. — Назад! — Хоббиты отступили в зал. — Мы не знаем, куда ведет эта дверь, — объяснил Гэндальф. — Я войду первый.

Он вошел и, высветив Магическим Жезлом небольшую комнату с низким потолком, позвал оставшихся за дверью Хранителей.

— Видите? — спросил он вошедших спутников, указав Жезлом на круглую дыру, которая чернела в середине комнаты. У дыры валялись ржавые цепи и осколки разбитой каменной крышки.

— Не одерни вас Гэндальф, — сказал Арагорн, с укором глянув на Мерри и Пина, — ухнули бы вы, голубчики, вниз и, быть может, еще и сейчас бы гадали, когда вам суждено долететь до дна. У нас, по счастью, есть опытный проводник — нечего без надобности соваться вперед.

— Это Караульная, — объявил Гимли. — Здесь днем и но-

чью сидели часовые, охранявшие вход в те три коридора. А колодец для воды был закрыт крышкой. Он, я думаю, очень глубокий. — Гном с усмешкой покосился на хоббитов.

Колодец словно бы притягивал Пина. Пока Хранители расстилали одеяла — как можно дальше от черной дыры, — Пин подполз к краю колодца и, подавив страх, заглянул внутрь. На него повеяло влажной прохладой. Не совсем понимая, чего ему хочется, он нашарил камень, швырнул его вниз, затаил дыхание и прислушался к тишине. Однако ему не хватило воздуха — так долго падал в колодец камень, — он несколько раз перевел дыхание и наконец услышал далекий всплеск, многократно повторенный колодезным эхом.

— Что это? — тотчас насторожился Гэндальф. Пришлось Пину во всем признаться. Маг успокоился, но Пина выругал. — Мы не на прогулке для хоббитов-несмышленышей, — гневно нахмурившись, сказал он Пину. — Когда ты в следующий раз соскучишься, лучше уж прыгай в колодец сам, чтоб избавить Отряд от юного неслуха. А сейчас угомонись и посиди молча.

Гэндальф прислушался: все было тихо; и вдруг из темной глубины колодца выкатилось усиленное эхом постукивание: тук-тук-тук, тук-таки-тук. Потом оборвалось и, когда эхо смолкло, зазвучало опять: так-туки-так... Донельзя подозрительное и странное постукивание — как будто кто-то подавал сигналы. Однако вскоре постукивание стихло, и Караульная погрузилась в темную тишину — Жезл Гэндальфа едва светился.

— Мы слышали молот, — объявил гном, — или я в этом ничего не смыслю.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Гэндальф. — И ничего хорошего это нам не сулит. Надеюсь, что камень Пина тут ни при чем; и все же его идиотская выходка может обернуться грозной бедой. Никогда не делайте ничего подобного!.. А теперь — всем, кроме Пина, спать. Пин, во искупление своей вины, назначается часовым. Спокойной ночи.

Несчастный Пин, не сказав ни слова, отошел к двери и там притих. Караульную комнату затопила тьма — Жезл Гэндальфа окончательно потух. Пин не отрывал взгляда от колодца — ему казалось, что из черной дыры непременно выползет подгорное чудище. Он очень хотел закрыть колодец — хоть чем-нибудь, хотя бы одеялом, — однако не решился к нему подойти, даром что Гэндальф, по-видимому, спал...

На самом-то деле Гэндальф не спал: он мучительно вспоминал свое прежнее путешествие, пытаясь определить, куда им идти, ибо в Мории даже ничтожнейшая ошибка могла закончиться гибелью Отряда. Через час маг встал и подошел к Пину.

— Иди уж, отдохни, — сказал он ворчливо. — Мне все равно

не удастся заснуть. Я тут подумаю, а заодно и покараулю. Завтра нам предстоит нелегкий денек.

Я знаю, почему мне так трудно думать, — усевшись у двери, пробормотал маг. — Все дело в том, что я давно не курил. Ну да, я выкурил последнюю трубку накануне штурма Багровых Ворот.

Последнее, что видел, засыпая, Пин, был маг, прятавший в ладонях трубку, — ее огонек высветил на мгновение пальцы и крючковатый нос.

Утром Хранителей разбудил Гэндальф — он так и просидел всю ночь у двери, зато его спутники прекрасно выспались.

— Я решил, куда мы пойдем, — сказал маг. — Средний коридор чересчур узкий, дорога к Воротам должна быть шире. В левом коридоре жарко и душно — он ведет вниз, к Морийским Копям. А нам пора подыматься вверх, и мы пойдем по правому коридору.

Восемь часов поднимались Хранители, сделав лишь два коротких привала. Они не слышали ничего тревожного и видели только огонек Жезла, который, подобно путеводной звездочке, неутомимо выводил их из Черной Бездны. Стены коридора постепенно раздвигались, потолка в темноте уже не было видно, а пол покрывали каменные плиты. Путники вышли на большой тракт; ни ям, ни предательских расселин здесь не было, и они двигались быстрей, чем вчера, тем более что коридор ни разу не разветвлялся.

По прямой они одолели, как считал Гэндальф, пятнадцать, а может, и восемнадцать лиг; но пройти им пришлось лиг двадцать-тридцать. Коридор полого подымался вверх, и у Фродо постепенно поднималось настроение; однако он все еще был угнетен и временами слышал — или думал, что слышит, — приглушенное шлепанье босых подошв.

Хранители упорно двигались вперед, пока у хоббитов не кончились силы; все уже начали подумывать о ночлеге — и вдруг оказались в черной пустоте. Они не заметили, как вышли из коридора и попали в огромную прохладную пещеру. Путники взволнованно окружили Гэндальфа; в спину им подувал теплый ветерок, а пещерный воздух был на диво свежим.

— Ну вот! — обрадованно воскликнул Гэндальф. — Кажется, мы вышли к жилым пещерам. Значит, я выбрал верную дорогу. Если мне не изменяет память, мы сейчас выше Восточных Ворот, и здесь, вдалеке от глубинных ярусов, можно, я думаю, оглядеться при свете.

Гэндальф поднял Магический Жезл, и пещеру озарила ослепительная вспышка. Черная тьма на мгновение расступилась, и путники увидели громадный зал с высоким куполообразным потолком, полированными зеркально-черными стенами и четырьмя широкими стрельчатыми арками, за которыми угадывались четыре коридора — на запад (из которого путники вышли), на восток, на юг и на север. Больше они ничего не разглядели: вспыхнувший, как молния, Жезл померк.

— Да, мы добрались до жилых ярусов, — притушив Жезл, проговорил маг. — Для освещения жилищ в отвесных склонах прорублено множество окон-шахт, но сейчас ночь, и мы их не видели. Сегодня дальше идти не стоит: мы все утомились, а бедные хоббиты просто валятся с ног от усталости. Если я прав, то завтра утром нам не придется вставать в темноте. А теперь — спать. К завтрашнему дню мы должны как следует набраться сил. Пока нам неизменно сопутствовала удача, и большая часть пути уже пройдена... однако мы еще не покинули Морию, а Восточные Ворота — далеко внизу.

Хранители отошли к западной арке — потому что оттуда тянуло теплом, а по пещере гуляли холодные сквозняки — и, завернувшись в одеяла, прикорнули у стены. Хоббитов преследовали странные видения: им чудилось, что они безнадежно заблудились в бесконечном лабиринте черных коридоров и, пытаясь выбраться, оказались на дне безбрежного моря враждебной тьмы. Самые мрачные легенды о Мории были не такими мрачными, как правда, — а ведь с ними ничего плохого не случилось, и Гэндальф считал, что им повезло...

— Ай да гномы! — пробормотал Сэм. — Это ж надо — продолбить такую Черную Бездну! И трудилась тут, наверно, прорва работников. А зачем? Разве можно жить в темноте? Стало быть, жить-то они здесь не жили?

— Как это не жили? — оскорбился гном. — Здесь было великое Морийское царство. Везде сияли яркие огни, и Мория славилась на все Средиземье — об этом говорится в наших преданиях.

Гимли резко отбросил одеяло, вскочил на ноги и нараспев прочитал — под аккомпанемент гулкого эха:

Был свет еще не пробужден,
Когда, стряхнув последний сон,
Великий Дарин, первый гном,
Легко шагнул за окоем

Высоких колыбельных скал
И в лунной тьме ему предстал
Неназванною новизной
Новорожденный мир земной.

Дарил он землям имена,
И оживала тишина
В названьях рек, равнин и гор,
Болот, ущелий и озер;
Но вот, как видят вещий сон,
Зеркальное увидел он
И отраженный в бездне вод —
Короной звездной — небосвод.

На царство первая заря
Венчала юного царя
У вод Зеркального. Но трон
Был в Морию перенесен,
И золоченый Тронный Зал
Огнями вечными сиял —
Ни тьма ночей, ни злая мгла
Сюда проникнуть не могла.

Искристый свет крыла простер
Под легким сводом юных гор,
Чертоги светлые всегда
Звенели музыкой труда —
Не зная страхов и забот,
Трудился даринский народ.
А в копях донных добывал
Алмазы, мрамор и металл.

Дремал в глубинах грозный рок,
Но этого народ не знал —
Ковал оружие он впрок
И песни пел под кровлей скал.
Недвижный мрак крыла простер
Под грузным сводом древних гор,
И в их тени давным-давно
Зеркальное черным-черно;
Но опрокинут в бездну вод —
Короной звездной — небосвод,
Как будто ждет он, словно встарь,
Когда проснется первый царь.

— Здо́рово! — восхищенно воскликнул Сэм. — Надо мне выучить ваше сказание. Но после него здешняя темнота кажется еще чернее, чем раньше. А интересно — алмазы-то тут остались?

Гимли промолчал. Прочитав сказание, он не захотел участвовать в разговоре.

— Алмазы? — переспросил хоббита Гэндальф. — Нет, драгоценностей тут не осталось — по крайней мере в жилых пещерах. Их давно уже разграбили орки. Но на нижние ярусы, к шахтам и кладовым, не спускаются теперь даже алчные орки, ибо там властвует древний ужас.

— А зачем же Балин вернулся в Морию? — спросил мага дотошный Сэм.

— За легендарным *мифрилом*, — ответил Гэндальф. — Не железо — рабочий материал гномов, не золото и алмазы — их любимые игрушки — принесли гномам богатство и славу, а истинное, или морийское, серебро, которое эльфы называли мифрилом. В те времена морийское серебро стоило раз в десять дороже золота, а сейчас оно стало поистине бесценным, ибо его просто нет в Средиземье. Рудная жила морийского серебра залегает на самых глубинных ярусах, тянется под горами к Багровому Рогу и там уходит в недоступные бездны. Мифрил обогатил и прославил гномов, однако от него-то пошли все их беды, ибо, охотясь за этим металлом, они вгрызались в земные недра, пока не разбудили Глубинный Ужас, или Великое Лихо Дарина. Когда гномы бежали из Мории, добытым мифрилом завладели орки, а потом, не зная всех его свойств, заплатили им дань Черному Властелину.

Мифрил!.. Мечта народов Средиземья. Ковкий, как медь, прочный, как сталь, сияющий после полировки, как зеркало, никогда не тускнеющий и удивительно легкий. Эльфы очень ценили мифрил; их древняя эмблема, Звезда Феанора, изображение которой вы видели на Воротах, изготовлена из морийского серебра — мифрила. Между прочим, Торин подарил Бильбо мифрильную кольчугу. Интересно, где она? Наверно, лежит в каком-нибудь сундуке...

— Мифрильную кольчугу? — изумился Гимли. — Вот уж воистину — царский подарок!

— Ты прав, — спокойно подтвердил Гэндальф. — Эта кольчуга стоит дороже, чем вся Хоббитания с ее обитателями.

Фродо просунул руку под рубашку и погладил прохладные колечки кольчуги. Он сдержался и ничего не сказал своим спутникам, но был ошеломлен словами Гэндальфа. Чтобы заплатить за его кольчугу, не хватило бы всех богатств Хоббитании! Знал ли об этом Бильбо? Наверняка! Да, он сделал ему царский подарок. Но, вспомнив Бильбо и далекую Хоббитанию, Фродо припомнил то давнее время, когда он жил себе в Торбе-на-Круче и знать не знал, ведать не ведал про Морию, про мифрил, а главное — про Кольцо. Как ему хотелось повернуть время вспять!..

Вскоре усталые путники уснули, и Фродо остался один на один с черной тишиной — он был часовым.

Он сидел, прижавшись к западной арке, и порой невольно заглядывал в коридор. Ему казалось, что по этому коридору, поднимаясь из темных глубин Мории, в пещеру вползает леденящий страх; на лбу у него выступил холодный пот, и, вытирая лоб, он с ужасом почувствовал, что его рука напоминает ледыш-

ку. Два часа своего дежурства, которые показались ему годами, он внимательно вслушивался в мертвую тишину, однако решительно ничего не слышал — даже шлепанья босых подошв.

И вместе с тем его сковывала дрема. Уже перед самым концом дежурства, когда он опять заглянул в коридор, ему померещилось, что к пещере приближаются два чуть заметно мерцающих огонька. Он вздрогнул, зажмурился и потряс головой. Потом выглянул в коридор еще раз. Никаких мерцающих огоньков там не было. «Позор, — укоризненно сказал он себе. — Наверно, я просто заснул на посту». Он встал и больше уже не садился, пока его не сменил Леголас.

Добравшись до одеяла, он мгновенно уснул, и на него навалился все тот же сон: ему казалось, что он слышит шаги — осторожное шлепанье босых подошв — и видит два мерцающих глаза, и они приближаются... Он в ужасе проснулся — пещеру заливал сероватый свет, а его спутники негромко переговаривались друг с другом.

— Доброе утро! — сказал ему Гэндальф. — Ибо над миром разгорается утро, и оно принесло нам добрую весть. Мы пересекли Морийское царство, и до вечера нам надо спуститься к Воротам, чтобы выйти наконец в долину Черноречья.

— Да, хорошо бы, — пробормотал Гимли. — Великая Мория, погруженная во тьму, нагонит страх на любого храбреца. И похоже, что Балин не проник в Морию — ведь какие-то следы он должен был оставить...

Гэндальф решил не устраивать дневки.

— Нам всем нужен отдых, — сказал он Хранителям, — но до озера Зеркального — полдня пути. И насколько я понимаю, никому из нас не хочется провести в Мории еще одну ночь.

— Что верно, то верно, — проворчал Боромир. — Куда нам надо идти? На восток?

— Пока не знаю, — ответил Гэндальф. — По-моему, мы выше и северней Ворот, но найти к ним дорогу не так-то легко. Сначала мне надо спокойно осмотреться. Северная арка — самая светлая. Давайте-ка заглянем в северный коридор. Если мы сможем добраться до окна, мне станет ясно, где мы находимся, и я решу, куда нам идти. Но, к сожалению, окна в Морийских пещерах прорубали, как правило, очень высоко.

Хранители быстро свернули лагерь, и Гэндальф повел их в северный коридор. Коридор освещался откуда-то справа. Пройдя его — сто пятьдесят шагов, — они увидели полуоткрытую дверь, через которую в коридор попадал свет. За дверью обнаружилась квадратная комната с окошком, прорубленным в вос-

точной стене; путники, привыкшие к полной темноте, невольно зажмурившись, остановились на пороге. Потом осторожно шагнули в комнату.

Наступая на какие-то хрупкие осколки, покрытые ковром черно-серой пыли, путники подошли к прямоугольному камню трех или четырех пядей высотой, расположенному в середине комнаты так, что свет из маленького окошка под потолком освещал белую мраморную плиту, которая лежала на большом камне.

— Уж не могилу ли мы нашли? — пробормотал Фродо и со скверным предчувствием склонился над плитой. К нему подошел Гэндальф. Плиту покрывали странные руны.

— Это древнеморийский язык, — посмотрев на плиту, проговорил маг, — стародавнее наречие людей и гномов. — И добавил: — Здесь выбита надгробная надпись:

БАЛИН, СЫН ФУНДИНА, ГОСУДАРЬ МОРИИ

— Значит, Балин погиб, — сказал Фродо.

Гимли надвинул свой капюшон на глаза.

— Этого-то я и опасался, — промолвил он.

Глава V

МОРИЙСКИЙ МОСТ

Хранители молча стояли у могилы. Фродо печально вспоминал Балина, его многолетнюю дружбу с Бильбо и давний приезд гнома в Хоббитанию. Отсюда, из пыльного морийского склепа, мирная жизнь тех далеких времен казалась полузабытой волшебной сказкой.

Наконец, преодолев унылое оцепенение, путники разбрелись по пыльной комнате, надеясь разыскать какие-нибудь следы, которые прояснили бы участь Балина или судьбу его храброй дружины. Под окном, напротив двери в коридор, они обнаружили еще одну дверь. Теперь, попривыкнув к дневному свету, они заметили, что хрупкие осколки, все время хрустевшие у них под ногами, были костями убитых воинов; а среди костей, в черно-серой пыли, валялись боевые топоры гномов, разбитые шлемы, треснувшие щиты и кривые мечи с воронеными клинками — излюбленное оружие горных орков.

У стен, в глубоких и вместительных нишах, стояли взломанные дубовые сундуки, окованные заржавевшими железными полосами; возле одного из них, под разбитой крышкой, Гэн-

дальф увидел разодранную книгу. Нижний край книги обгорел, она была истыкана мечами или стрелами и заляпана бурыми пятнами — кровью. Гэндальф бережно поднял книгу и осторожно положил ее на могилу Балина. Фродо с Гимли подошли к магу и смотрели, как он перелистывает страницы, исписанные многими разными почерками на эльфийском, дольском и морийском языках. Страницы были твердыми и ломкими, словно тонкие костяные пластины.

— Насколько я понимаю, — проговорил Гэндальф, — это летопись Балинского похода. Начата она тридцать лет назад, со вступления дружины Балина в Черноречье. Видите, тут написано I/3? По-моему, это значит *год первый, страница третья* — двух первых страниц в книге недостает. И вот что мне удалось разобрать.

Мы уничтожили охрану орков у Ворот и в Кар... — дальше прочитать невозможно, страница залита кровью; но тут-то все ясно: *в Караульной комнате. Однако часовые успели поднять тревогу, и многих орков мы...* — видимо, *убили — в битве у Зеркального озера. Флоин порубил целый отряд врагов, но и сам был смертельно ранен вражеской стрелой...* Две строчки я прочитать не сумел. Дальше говорится: *... выбили орков из Двадцать первого чертога в Северном крыле. Здесь...* Опять непонятно, но упоминается слово *шахта.* И наконец: *... Балин со своими советниками расположился в Летописном чертоге...*

— Это и есть Летописный чертог, — оглянувшись на сундуки, заметил Гимли.

— Дальше несколько страниц залито кровью, я разобрал только слова *золото, топор Дарина и шлем.* Потом: *... Балин провозгласил себя государем Морийского царства.* Тут кончается первая запись, и после трех звездочек другой рукой написано: *Мы нашли истинное серебро...* Снова ничего не понятно, кроме предпоследней строки: *... Оин отправился к складу оружия на Третьем глубинном ярусе...* — опять пятно крови — *... на запад...* — и после проткнутой копьем дыры... *к Эльфийским Воротам.*

Гэндальф молча листал Летопись.

— Несколько страниц очень сильно попорчены, при этом свете их не прочтешь, — после долгой паузы сказал он спутникам, — но видно, что их заполняли в спешке и, по всей вероятности, разные летописцы. Потом сколько-то страниц вырвано и следующие помечены цифрой V — пятый год с начала похода, V/1, V/2, V/3, V/4... Нет, ничего не могу разобрать. А тут? Ага, вот разборчивый почерк, но запись почему-то сделана по-эльфийски.

Гимли придвинулся к надгробию вплотную и под рукой Гэндальфа заглянул в Летопись.

— Это почерк Ори, — объявил он. — У него, как я слышал, была привычка записывать важные сообщения по-эльфийски.

— Боюсь, что это важное сообщение окажется весьма и весьма печальным, — сказал маг, вглядываясь в Летопись. — Первое ясное слово тут — *скорбь*. Дальше снова трудно разобрать, и потом — *...ра*. По-видимому, *вчера*. Да, так оно и есть, слушайте: *... вчера, 10 ноября, погиб государь Мории Балин. Он спустился к Зеркальному, и его застрелил из лука притаившийся в скалах орк. Царские дружинники уничтожили орка, однако огромный отряд врагов...* Конец страницы оборван, а следующая страница начинается словами *... с востока по Серебрянке...* Тут опять пятно засохшей крови, и потом: *... успели закрыть Ворота...* дальше дыра, пробитая, вероятно, стрелой, и несколько слов: *... удержали бы Ворота, если б не...* А ниже страница обуглена, так что осталось лишь одно слово — *чудовищный*. Жаль Балина, он был храбрым воином и со временем стал бы великим государем. Его царствование длилось только пять лет. Здесь Летопись, как видите, обрывается, а разыскивать вырванные страницы нам некогда, и мы, наверно, никогда не узнаем, что же приключилось с Балинской дружиной.

Да, это очень мрачная Летопись, — листая книгу, заключил маг. — Дружинники, без сомнения, тоже погибли, и погибли мучительной смертью... Послушайте... *Нам некуда отступать. Некуда! Они захватили мост и Караульную. Лони, Фрар и Нали свалились...* Тут шесть или семь страниц слиплись от крови, а дальше речь идет о Западных Воротах: *Привратница затопила долину. Вода поднялась до самых Ворот. Глубинный Страж уволок Оина в воду. Нам некуда отступать. Некуда!..* И все, нижний край страницы оторван. — Маг в задумчивости опустил голову. — Ага, вот еще одна страница, — шагнув к нише, проговорил он и поднял с полу измятый листок. — Она исписана только до половины. Похоже, что ею заканчивается Летопись. Слушайте: *... Нам некуда отступать. Некуда! Они вызвали из Глубинных ярусов Смерть! От страшного грохота где-то внизу того и гляди провалится пол. Они приближаются!..* Это заключительные слова Летописи... Да, хотелось бы мне понять, о чем говорит последний летописец. — Маг снова задумался и умолк.

— «Нам некуда отступать», — пробормотал Гимли. И вдруг Хранители отчетливо осознали, что они забрались в могильный склеп. Всем, даже Гэндальфу, стало не по себе.

— Они воевали на два фронта, — нарушил напряженную тишину Гэндальф, — защищали и Восточные и Западные Ворота. Да и в Мории их подстерегал враг... дорого бы я дал, чтоб узнать — какой. Героическая, но безрассудная попытка не удалась. Балин и все его дружинники погибли... А теперь нам пора

отсюда уходить. Гимли, захвати Балинскую Летопись, ее надобно передать Даину, хотя она и ввергнет его в печаль. Спи спокойно, отважный Балин, Мория приютила тебя навсегда!.. Пойдемте, нас ждет нелегкая дорога.

— А куда мы теперь? — спросил Боромир.

— Сначала обратно, — ответил Гэндальф. — Но мы не напрасно потратили время. Этот склеп — бывший Летописный чертог, и теперь я знаю, где мы находимся: на Седьмом ярусе, в Северном крыле. А Ворота расположены на Первом ярусе. Сейчас мы вернемся в Купольный зал — у гномов он назывался Двадцать первым чертогом, — спустимся по восточному коридору вниз и, свернув на юг, выйдем к Воротам. В путь! — Гэндальф шагнул вперед...

... И тотчас из гулких глубин Мории до них донесся раскатистый грохот — Р-Р-Р-Р-О-К, — и они ощутили под ногами судорожную дрожь каменного пола.

Путники не сговариваясь ринулись к двери. Р-Р-Р-Р-О-К — волна грохочущего рокота во второй раз прокатилась по Морийским пещерам, и потом еще раз, и еще, и еще: Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К — как будто недра необъятной Мории кто-то превратил в громадный барабан. И, словно в ответ громоподобному грохоту, неподалеку резко протрубил рог, и Хранители услышали тяжелый топот.

— Орки! — громко воскликнул Гимли.

— Они приближаются, — вскричал Леголас.

— Ловушка, — хрипло проговорил маг. — Мы пойманы, как некогда дружинники Балина. Но с ними не было меня! Посмотрим...

Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К — гремела Мория, и стены комнаты явственно сотрясались.

— Попытайтесь запереть восточную дверь! — крикнул Арагорн, обнажая меч. — Надо прорваться в Купольный зал! Мы с Боромиром пойдем впереди.

— Не торопись, — остановил Арагорна Гэндальф. — Нам пока незачем начинать драку. Давайте отступим через восточную дверь.

Снова пронзительно протрубил рог. Слитный топот быстро приближался. Все Хранители выхватили мечи. Яррист светился синеватым светом. Радужно мерцал маленький Терн. Боромир закрыл западную дверь.

— Подожди! — Гэндальф шагнул к Боромиру, приоткрыл дверь и громко крикнул: — Кто нарушает покой Балина, державного властителя Морийского царства?

В ответ послышались раскаты хохота и раздались резкие слова команды. Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К — гремело из глубины.

Гэндальф пригнулся, выглянул за дверь, и на мгновение его Жезл ослепительно вспыхнул. Прежде чем орки успели опомниться, маг уже снова захлопнул дверь: ни одна стрела его не задела.

— Там не только орки, — сказал он спутникам. — С ними черные урхи из Мордорских земель, они гораздо опасней орков. И один гигантский пещерный тролль, а может, и несколько, я не разглядел. В Купольный зал нам дорога закрыта.

— Да и на восток, я думаю, закрыта, — обронил угрюмое пророчество Боромир.

— Здесь пока тихо, — возразил Арагорн, подошедший тем временем к восточной двери. — За дверью лестница, ведущая вниз, так что Купольный зал нам вроде бы не нужен, но, по-моему, отступать, не зная куда, с погоней за плечами очень опасно. Мы даже не можем запереть дверь — засов на ней сломан, и открывается она внутрь. Сначала надо остановить врагов... они запомнят Летописный чертог, — процедил он сквозь зубы, оглянувшись назад, — а кое-кто из них останется здесь навсегда.

В коридоре послышались тяжелые шаги. Боромир торопливо подсунул под дверь пять или шесть сломанных мечей и забил их, как клинья, дубовой доской. Шаги смолкли, и на каменную дверь обрушился из коридора сокрушительный удар, дверь выдержала, но мелко затряслась, и от следующего удара немножко приоткрылась — клинки-клинья, отъезжая назад, прочертили в полу глубокие борозды. На дверь обрушился третий удар, и в щель просунулась огромная рука, покрытая зеленовато-черной чешуей. Потом дверь еще раз содрогнулась, и Хранители увидели гигантскую ступню — черно-зеленую, плоскую и беспалую. Скрежеща клиньями по каменному полу, дверь медленно, но неуклонно открывалась.

Боромир рубанул по руке мечом, но меч со звоном отскочил вверх и, едва не вывернув гондорцу кисть, отлетел под ноги оцепеневшему Фродо.

А Фродо, неожиданно для себя самого, неистово выкрикнув «Бей, Хоббитания!», рванулся к двери и со всего размаха вонзил Терн в чешуйчатую ступню. Хранителей оглушил пронзительный вой, и громадная ступня отдернулась за дверь — Фродо едва удержал Терн. Стекая с Терна, на каменистый пол шмякнулось несколько черных капель. Боромир снова захлопнул дверь и вогнал в щель выскочившие клинья.

— Ай да Хоббитания! — воскликнул Арагорн. — Хоббиты, я вижу, разят без пощады. У тебя превосходный клинок, мой друг!

А дверь уже снова сотрясалась от ударов. Окажись она деревянной, ее давно разнесли бы в щепки: у нападающих были палицы или молоты. Внезапно она опять приоткрылась. Воздух взрезали свистящие стрелы, ударяясь о северную стену, с еле слышным шорохом валились на пол. Совсем близко протрубил рог, и в комнату начали протискиваться орки; щель была узкой — дверь заклинило, — и враги пролезали внутрь поодиночке.

Хранители не успели сосчитать врагов — бой был жаркий и яростный, но короткий. Орки, не ожидавшие такого отпора, мешая друг другу, топтались на месте. Леголас уложил двух орков из лука; орку, вспрыгнувшему на могилу Балина, перерубил ноги подоспевший Гимли; троих орков убил Боромир; двоих — Арагорн, одного — Гэндальф. Орки дрогнули, попятились к двери и с визгливыми воплями убрались в коридор.

Враги ранили — к счастью, легко — лишь Сэма: он сумел вовремя отскочить, и ятаган орка оцарапал ему плечо; зато орк не успел приготовиться к защите, и Сэм, сделав глубокий выпад, проткнул его насквозь своим мечом из Могильника. В карих сузившихся глазах Сэма полыхал суровый бойцовский огонь — то-то удивились бы его родители, если бы увидели сейчас сына.

— А теперь — отступаем, — распорядился Гэндальф, — пока они снова не привели тролля.

Однако Хранители не успели отступить: в комнату протиснулся предводитель врагов — огромный, чуть ниже Арагорна, орк со смуглым, широким и плоским лицом, маленькими, горящими, словно угли, глазами, вздернутым носом и низким лбом. На нем была черная кольчужная рубаха, свисающая до голеней кожаных сапог, и вороненый, инкрустированный серебром шлем, в левой руке он держал щит, а в правой — длинное и массивное копье. Другие орки толпились у двери, но входить в комнату явно не спешили.

Орк-предводитель бросился к Фродо и, закрывшись от Арагорнова меча щитом, умело нырнув под меч Боромира, со страшной силой метнул копье, пригвоздившее несчастного Фродо к стене, правда, хоббит успел повернуться, и копье вошло ему не прямо в грудь, а соскользнуло по мифрильной кольчуге чуть вбок. Сэм перерубил вражье копье, и Фродо безжизненно сполз по стене, а орк уже выхватил черный ятаган и хотел прикончить беззащитного Фродо, но в это мгновение тяжелый Андрил, сверкнув, обрушился на шлем врага, и он упал с разрубленной головой — шлем не спас его от Возрожденной Мол-

нии. Боромир и Арагорн рванулись к двери, но остальные орки поспешно отступили. Р-Р-Р-Р-О-К — тяжело вздохнула Мория.

— Скорей! — властно скомандовал Гэндальф. — Все на лестницу! Не то будет поздно!

Арагорн подхватил упавшего Фродо, вытолкнул Мерри с Пином из комнаты и быстро проскользнул в полуоткрытую дверь. Следом вышли остальные Хранители. Последним выбрался на лестницу Леголас, таща за собой упирающегося Гимли: гном, словно бы позабыв об опасности, никак не хотел уходить от могилы. Боромир что есть силы потянул дверь, и она медленно, со скрипом, закрылась, однако запереть ее было нечем.

— Меня... не ранило... Я пойду... сам, — одышливо сказал Арагорну Фродо. Тот чуть не выронил хоббита из рук.

— Так ты, значит, жив? — изумился он.

— Мертвые не разговаривают, — проворчал Гэндальф. — Но нам сейчас некогда удивляться чудесам. Спускайтесь и ждите меня внизу, а если я вскорости не появлюсь — уходите. Ворота в двух примерно лигах к югу. Да смотрите не спуститесь ниже Первого яруса!

— Я тоже останусь, — сказал Арагорн.

— Спускайся! — властно приказал Гэндальф. — Мечом ты тут ничего не сделаешь.

На лестнице не было оконных шахт, и они спускались в полной темноте. Фродо машинально считал ступени, их оказалось восемьдесят пять: на этом лестничный марш закончился. Путники подняли головы вверх, но увидели только огонек Жезла. Вероятно, враги еще не опомнились, и маг по-прежнему стоял у двери. Фродо с трудом перевел дыхание — ему было трудно вздохнуть глубоко; он обессиленно прислонился к Сэму, и тот обнял его за плечи. Внезапно послышался голос Гэндальфа, но слов Хранители разобрать не смогли: их исковеркало гулкое эхо. Глухо громыхнул глубинный гром, дрогнул под ногами путников пол.

Вдруг Жезл мага ослепительно вспыхнул, стер на мгновение темноту — и потух. Р-Р-Р-Р-О-К — победно громыхнула тьма, а потом грозно грохочущий рокот загремел у них над самой головой — Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К — и стих. По лестнице кубарем скатился Гэндальф.

— Идемте! — крикнул он, вскакивая на ноги. — Мне повстречался страшный противник, я с трудом выстоял. В путь, скорее! Сначала нам придется идти без света, у меня нет сил, чтоб засветить Жезл. Гимли пойдет со мной впереди. Не отставайте от нас ни на шаг. Вперед!

Ничего не поняв из объяснений Гэндальфа — а расспрашивать его никто не решился, — Хранители послушно двинулись за ним. Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К — гремело вдали; громыхание казалось теперь приглушенным, однако оно доносилось не снизу, а как бы катилось вслед за беглецами. Никаких иных признаков преследования — торопливого топота, громких воплей или резких команд — путники не слышали. Гэндальф шагал, никуда не сворачивая, хотя им встречались поперечные галереи: коридор, по которому они сейчас шли, вел в нужную сторону, к Восточным Воротам. Порой им попадались крутые лестницы, и маг, чтобы не свалиться вниз, постукивал по полу Магическим Жезлом — так обыкновенно ходят слепые, — засветить Жезл он все еще не мог.

За час они одолели чуть больше лиги и несколько раз спускались по лестницам, темнота была безмолвной и беспросветной; но с каждым шагом в них крепла надежда, что им удалось уйти от погони. После седьмой, самой длинной, лестницы (Фродо насчитал в ней сто ступеней) Гэндальф устало остановился и сказал:

— По-моему, мы спустились на Первый ярус. Если двигаться по этому коридору дальше, он уведет нас в Южное крыло. Пора сворачивать налево, к востоку. Надеюсь, Ворота уже недалеко. Я очень устал. Мне нужен отдых. Иначе я просто не дотащусь до Ворот.

Гимли подставил магу плечо, и тот тяжело опустился на ступеньку.

— Ты сдерживал того, который грохотал? — спросил его Гимли. — Который из Глубин?

— Не знаю, — раздумчиво ответил Гэндальф. — Я впервые встретился с таким противником, и мне не оставалось ничего другого, как запереть дверь Неснимаемым Наговором. Я знаю много Неснимаемых Наговоров, да чтобы наложить их, требуется время, и дверь не становится от этого прочнее: открыть ее нельзя, а выломать — можно.

Я готовился встретить орков и троллей. За дверью уже слышались их голоса, но о чем они толкуют, я не разобрал: их тарабарский язык очень труден для понимания. Впрочем, одно-то слово я уловил — они все время его повторяли, — *ехаш,* или, в переводе, — «огонь». А потом им на помощь явился союзник, которого они сами панически боятся.

Кто он такой или что это такое, я понять не сумел; а главное, не знаю, можно ли победить его в единоборстве. Неснимаемый Наговор он преодолел: несмотря на мое отчаянное сопротивление, дверь начала понемногу открываться. Тогда, собрав последние силы, я произнес Запретительное Заклятие. Но

дверь под напором противоборствующих сил разлетелась вдребезги — а ведь она была каменной!

Мне не удалось ничего разглядеть, ибо в комнате клубилось косматое облако — раскаленное и темное, как дым над горном. Я не успел подготовиться к встрече, и меня — к счастью! — отшвырнуло вниз, а стены комнаты с грохотом рухнули.

Над могилой морийского государя Балина воздвиглось истинно царское надгробие. Надеюсь, моего противника завалило... хотя уверенности у меня нет. Так или иначе, мы выиграли время: нас отгородил от преследователей обвал. Ох и вымотал меня этот поединок! А впрочем, чепуха, мне уже лучше... Да, так что же произошло с Фродо? Я, признаться, ушам своим не поверил, когда вдруг послышался его голосок. Мне-то казалось, что в руках у Арагорна поразительно храбрый, но мертвый хоббит.

— Я жив... и, по-моему, невредим, — сказал Фродо. — На груди у меня, наверно, громадный синяк... ну да ничего, это скоро пройдет.

— Хоббиты умеют разить без пощады, а сами, похоже, изготовлены из мифрила, — с мимолетной усмешкой заметил Арагорн. — Теперь я понимаю, как серьезно рисковал, насильно навязывая им свое общество в пригорянском трактире толстяка Наркисса. Этот орк проткнул бы насквозь и быка!

— Меня он, по счастью, проткнуть не сумел, — проговорил Фродо, потирая грудь. — Правда, мне почудилось, что я оказался между молотом и наковальней, — добавил он. Больше хоббит ничего не сказал: ему в самом деле было трудно дышать.

— Ты частенько напоминаешь мне Бильбо, — глянув на Фродо, заметил Гэндальф. — Он тоже любил удивлять своих спутников.

Размышляя о словах Арагорна и Гэндальфа, Фродо так и не смог решить, все ли они сказали, что думали.

Путники шли по коридору на юг. Неожиданно Гимли с тревогой спросил:

— Вы видите свет? Там, впереди? По-моему, это отблески пожара.

— *Гхаш,* — невольно пробормотал маг. — Интересно, что они имели в виду? Но деваться нам некуда, надо идти... — Он не останавливаясь шагал вперед.

Гимли был прав. Шагов через тридцать коридор круто пошел под уклон, и путники увидели низкую арку, озаряемую изнутри бликами огня. В коридоре стало светло и жарко.

Гэндальф подал им знак остановиться, вошел под арку и на мгновение замер — его осветили розоватые сполохи.

— Нам подготовили пышную встречу, — вернувшись к Отряду, сказал он спутникам, — но теперь я знаю, где мы находимся. За аркой расположен Привратный покой, через который тянется Главный Тракт, соединяющий Восточные и Западные Ворота. Миновав арку, мы свернем налево, Привратный чертог выведет нас к Мосту, мы пересечем Морийский ров, подымемся по лестнице и выйдем в Черноречье! До Ворот осталось полмили, не больше. А сейчас посмотрите, как нам везет.

Путники заглянули в Привратный чертог. Он был просторней и выше, чем Двадцать первый. Посредине этого удлиненного зала двумя рядами тянулись колонны, похожие на могучие каменные деревья. Поднятые вверх ветви деревьев поддерживали теряющийся в сумраке потолок. Сперва, совсем недалеко от арки, зал рассекала широкая трещина, в которой буйно полыхало пламя, и на черных стволах деревьев-колонн дрожали кроваво-красные блики. Иногда змеистые языки пламени злобно обвивались вокруг колонн. Над расселиной клубилась дымная туча.

— Если б мы шли по Главному Тракту, нас перебили бы у этой трещины, — покачав головой, проговорил Гэндальф. — Будем надеяться, что нам повезло и она задержит наших преследователей. Однако времени терять нельзя...

Только Гэндальф это сказал, как путники услышали тяжкий грохот, угрожающие крики и звуки рога. От грохота содрогнулись каменные колонны и бессильно опали языки пламени.

— За мной! — властно приказал Гэндальф. — Если сегодня солнечный день, орки не решатся выходить из пещер. Последнее усилие, и мы спасены!

Гэндальф торопливо вышел из-под арки и побежал по Привратному чертогу на восток. Зал оказался более длинным, чем думали Хранители; но пол был ровный, и бежать им было бы вовсе не трудно, если б не их застарелая усталость. За расселиной послышались пронзительные вопли — орки заметили убегающих путников. Над головой Фродо просвистела стрела. Боромир глянул назад и расхохотался.

— Ишь, рассвирепели! — прокричал он. — А вот не устраивай другим ловушек!

— Рано радуешься! — оборвал его маг. — Впереди опасный и узкий мост.

Вскоре им открылась черная пропасть и узкая, без перил, арка моста длиной в пятьдесят-шестьдесят шагов. Гномы выстроили его столь узким, чтобы защищать Морию от врагов, если те выломают внешние ворота. Идти по нему можно было лишь гуськом. Подбежав к мосту, Гэндальф остановился, и его окружили запыхавшиеся Хранители.

— Гимли — первый, — приказал маг. — За ним — хоббиты, Леголас и люди.

Стрела клюнула Фродо в спину и, со звоном отскочив, упала на землю. Другая, проткнувшая шляпу мага, торчала из нее, как черное перо. Фродо с тревогой посмотрел назад. За расселиной, в отсветах огня, толпились черные фигурки орков — их собралось там несколько сотен. Они размахивали длинными копьями и черными, в багровых бликах, ятаганами. Все громче грохотал глубинный гром — Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К.

Леголас вынул из колчана стрелу, но, оглянувшись, испуганно вскрикнул и уронил ее. К расселине подошли два громадных тролля с длинными каменными плитами в руках: они собирались соорудить мост. Однако не троллей испугался эльф. Внезапно орки в страхе расступились, и путники увидели исполинскую тень, окутанную косматой клубящейся тучей, в ней угадывалась свирепая мощь, внушающая ужас всему живому.

У расселины туча на миг замерла, и багровое пламя сейчас же поблекло, будто придушенное завесой дыма. А потом чудовищный союзник орков легко перемахнул раскаленную трещину, и поблекшие было языки пламени с приветственным гулом взметнулись вверх, радужно расцветив косматую тучу, сгусток тьмы в туче уплотнился и обрел очертания громадного человека с клинком пламени в правой руке и длинным огненным хлыстом в левой.

— Спасайтесь! — отчаянно закричал Леголас. — Это Барлог! Его не уничтожишь! Спасайтесь!

Глаза гнома остекленил ужас.

— Вот оно, Великое Лихо Дарина, — прошептал он и, выронив топор, закрыл лицо обеими руками.

— Барлог, — хрипло пробормотал Гэндальф. — Теперь понятно. — Он оперся на Жезл. — А я и так до смерти устал.

Барлог стремительно приближался к Хранителям. Тролли перекрыли расселину плитами, и орки двинулись вслед за Барлогом. Боромир громко протрубил в рог, и клич Гондора, усиленный эхом, остановил орду наступающих орков; даже Барлог на мгновение задержался. Но отзвуки вскоре заглохли, и враги снова двинулись вперед.

— Бегите! Живо! — скомандовал Гэндальф. — Поднимайтесь по лестнице и уходите к Зеркальному. Этот противник вам не по силам. Да и я не смогу его остановить, если в бой ввяжутся орки с троллями. Мне надо встретить его на мосту. — Путники по одному перешли мост и остановились около лестницы, не в силах бросить Гэндальфа одного. А Боромир с Арагорном застыли у рва.

Темная туча с огненными проблесками, окутывающая черную фигуру Барлога, неспешно подползла к узкому мосту. В середине моста, опираясь на Жезл и устало ссутулившись, стоял Гэндальф. Барлог тоже на мгновение замер; его косматая мантия уплотнилась и раздалась в стороны, как два крыла; огненный хлыст со многими хвостами щелкнул, рассыпая багровые искры; клинок раскаленного, но темного пламени обрел форму изогнутого меча. Однако Гэндальф не сдвинулся с места.

— Уходи, — негромко проговорил он. Орки молчали; Привратцы и чертог затопило зловещее предгрозовое безмолвие. — Я служитель вечного солнечного пламени, — все так же негромко продолжал Гэндальф, — и повелитель светлого пламени Анора. Тебе не поможет Багровая тьма: Огонь Глубин на земле бессилен. Ты не пройдешь по мосту. Уходи!

Барлог ничего не ответил Гэндальфу. Проблески огня в его крыльях угасли, но багровой чернью налился ятаган и тускло засветились хвосты хлыста. Он шагнул вперед, и черные крылья, неожиданно выросшие до гигантских размеров, завесой тьмы нависли над магом. Однако сомкнуть два черных крыла над серо-серебристой фигуркой Гэндальфа Барлогу явно было не под силу.

Тогда он развел ослабевшие крылья и поднял багрово-черный ятаган.

Холодно взблеснул голубоватый Яррист.

Путников ослепила синеватая вспышка, раздался звон, и багровый ятаган распался на тысячу осколков. Барлог вздрогнул и в замешательстве попятился; маг покачнулся, однако не отступил.

— Ты не пройдешь, — проговорил он.

Барлог молча устремился вперед. Засвистел и оглушительно хлопнул хлыст.

— Ему не выстоять одному! — вскричал Арагорн и побежал по узкому мосту к магу. — *Элендил!* — громко воскликнул он. — Я с тобой, Гэндальф, мы его сокрушим!

— Гондор! — грозно прорычал Боромир и помчался по мосту вслед за Арагорном.

А Гэндальф поднял Магический Жезл и, когда он засверкал, как маленькое солнце, резко, наискось, опустил его вниз, словно бы перечеркивая мост перед Барлогом. Вспыхнул сноп серебристого пламени. Магический Жезл сломался пополам, а мост под Барлогом обрушился в пропасть.

С хриплым воем проваливаясь вниз, Барлог взмахнул над головой хлыстом, и хлыст дважды опоясал мага. Увлекаемый в пропасть тяжестью Барлога, Гэндальф ухватился за мост руками, однако не удержался и, вскрикнув: «Беги-и-ите!» — исчез в

пасти Морийского рва; черный обломок разрушенного моста, похожий на высунутый из пасти язык, мелко подрагивал в наступающей тьме.

Беззвучная тьма стала бархатно-черной. Парализованные ужасом, путники молчали. Первыми опомнились Арагорн с Боромиром. Едва они успели отступить к лестнице, остатки моста рухнули в пропасть. Мертвую тишину нарушил Арагорн:

— Надо идти, — сказал он спутникам. — Это его последняя воля. Отныне я поведу Отряд.

Спотыкаясь на крутой неосвещенной лестнице, путники побрели за Арагорном вверх; Боромир замыкал колонну беглецов.

Лестница вывела их в гулкий коридор; Арагорн не задерживаясь двинулся вперед. Рядом с Фродо шел всхлипывающий Сэм, да и сам Фродо безмолвно плакал. Глухой, постепенно замирающий рокот едва заметно сотрясал пол. Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-О-К... Р-О-К...

Впереди показался освещенный зал. Хранители невольно зашагали быстрее. Зал освещали четыре окна, узкие и длинные, словно бойницы. Напротив коридора, из которого они вышли, путники заметили каменную дверь. Открыв ее, они увидели Ворота — высокую, ослепительно сияющую арку.

Вернее, Ворот путники не увидели — их давно не было, — они увидели выход. А у выхода, в тени, расположились часовые, пятеро спокойно дремлющих орков; здесь не ожидали появления Хранителей. Первым вскочил предводитель стражи — и тут же упал, сраженный Арагорном. Остальные орки в ужасе разбежались. Хранители быстро подошли к выходу и спустились по древним каменным ступеням.

Страшное путешествие завершилось.

Арагорн без отдыха двинулся дальше: он решил сразу же уйти от Ворот, чтоб орки не смогли настигнуть Отряд. Перед путниками лежала долина Черноречья. Мглистые горы заслоняли солнце, но впереди долина приветливо золотилась, а вверху синело просторное небо с легкими барашками белых облаков. Совсем недавно перевалило за полдень.

Остановившись, они оглянулись назад. В прозрачной тени Мглистого хребта угрюмо чернела громадная арка. Где-то глубоко-глубоко под землей чуть слышно ворочался умирающий грохот — Р-Р-Р-Р-О-К, Р-Р-Р-Р-О-К... Р-Р-О-К... Р-О-К...

И тут, не в силах преодолеть скорбь, Хранители дали волю слезам. Одни стояли и плакали молча, другие рыдая повалились на землю. Всхлипывал даже суровый Боромир. Еще раз чуть слышно вздохнули глубины — РОК, — и в долине воцарилась тишина.

Глава VI

КВЕТЛОРИЭН

— Нам пора уходить, — сказал Арагорн. Оглянувшись, он поднял Андрил и воскликнул: — Прощай, Гэндальф! Я ведь говорил: «Тебе угрожает смертельная опасность». По несчастью, я оказался прав — и безнадежным видится наше путешествие! — Повернувшись к спутникам, Арагорн добавил: — Но мы и без надежды пойдем к Мордору. Может быть, нам удастся отомстить. А на скорбь у нас нет времени, друзья. Нам предстоит многотрудный путь.

Путники вытерли слезы и огляделись. На севере, по узкому затемненному ущелью между двумя отрогами Мглистого, катился, прыгая с уступа на уступ, серовато-белый вспененный поток, а немного дальше к северо-востоку возвышались три исполинских пика — Фануиндхол, Карадрас и Селебдор.

— Видите? Это Черноречный Каскад, — показал на уступчатое ущелье Арагорн. — Именно оттуда мы спустились бы в Черноречье, улыбнись нам счастье Багровых Ворот.

— А над нами вместо этого посмеялся Баразинбар. Вон он и сейчас, проклятый, ухмыляется! — Гимли погрозил горе кулаком.

Отроги Мглистого, образующие ущелье с каскадом серебристых от пены водопадов, тянулись к востоку лиги на полторы, а потом русло Серебрянки расширялось, и она спокойно текла по равнине до впадения в большое овальное озеро, наполовину закрытое тенью Мглистого; однако гладкая поверхность озера казалась темной даже на востоке — там, где его не закрывала тень. Зеркальная, без ряби, озерная вода была похожа на вечернее небо, каким оно видится из освещенной комнаты. Иссиня-лазоревый овал озера обрамляли ярко-зеленые луга.

— Помните, я его спросил в Остранне, — с грустью сказал своим спутникам Гимли, — «неужели же мне суждено это счастье — увидеть наше заповедное озеро?» И вот теперь я увидел Зеркальное, а чувствую себя осиротевшим и несчастным...

Хранители шагали по древней дороге, мощенной шестиугольными растрескавшимися плитами; трещины в плитах и стыки между ними поросли вереском и колючим терновником. Дорога спускалась к холмистой равнине, сворачивала у Зеркального на юго-восток и потом тянулась по берегу Серебрянки; возле дороги, то справа, то слева, валялись разбитые каменные статуи. У озера высилась огромная колонна, ее вершина была разрушена.

— Это Даринский Столп! — воскликнул Гимли. — Арагорн, можно я спущусь к озеру?

— Только сразу же возвращайся обратно, — посмотрев на небо, ответил Арагорн. — Солнце закатится часа через три. Днем орки из пещер не выходят, но к ночи снарядят за нами погоню, так что нам надо уйти подальше. Сейчас новолуние, и ночь будет темной, а в темноте орки необычайно опасны.

— Пойдем, ты должен заглянуть в Келед-Зарам, — позвал гном Фродо и побежал вниз.

Фродо, преодолев апатию и усталость, побрел к темному овалу Зеркального; следом за хозяином пошел и Сэм.

Возле колонны Гимли задержался и, когда подошли хоббиты, сказал:

— Видите, тут по-морийски написано: *«Отсюда Дарин впервые заглянул в Келед-Зарам»*. — На колонне виднелись полустертые руны, однако прочитать их было невозможно: песок и ветры заровняли надпись. — Давайте заглянем в озеро и мы! — повернувшись к берегу, предложил Гимли.

Путники наклонились над темной водой. Сначала они ничего не увидели. А потом в сине-зеркальной поверхности проступили серебристые блестки звезд — хотя на небе сияло солнце — и снежные шапки высоких гор. Путников озеро почему-то не отразило, и они в смущении отошли от берега.

— Здравствуй и прощай, Заповедное Озеро! — низко поклонившись, воскликнул Гимли. Потом повернулся к хоббитам и добавил: — Здесь покоится Корона Дарина. Она ожидает его пробуждения...

— Что ты там видел? — спросил Пин Сэма, когда гном и хоббиты догнали Отряд. Но задумавшийся Сэм ничего не ответил.

Серебрянка на севере, а Белогривка на юге ограничивали большую холмистую долину с основанием из черных скальных пород, прикрытых слоем плодородной почвы; поэтому дно у рек было черным, и долину исстари называли Черноречьем, хотя, освещенные лучами солнца, обе реки весело серебрились, а чернели только вечерами да в непогоду. Возможно, первые жители долины пришли сюда, когда было пасмурно.

Путники шагали по берегу Серебрянки.

— От Зеркального до слияния Серебрянки с Белогривкой лиг десять, — на ходу рассказывал Арагорн, — и там, в лесу, мы сможем заночевать. Этот путь наметил для Отряда Гэндальф, чтобы выйти потом к Великой Реке. Когда Серебрянка и Белогривка сливаются, образуется полноводная Золотая Ворожея, которая впадает в Андуин Великий.

— Они сливаются у Кветлориэна, — с радостным волнени-

ем подхватил Леголас, — самого прекрасного поселения эльфов, расположенного в удивительном Золотом Лесу. Серебряные деревья Кветлориэна (у них серо-серебристая кора) не теряют осенью густой листвы: она становится ярко-золотой и держится на ветках до прихода весны. Весною прошлогодняя листва опадает, устилая лесные поляны золотом, а на ветках, одновременно с новыми листьями, распускаются золотисто-желтые цветы, наполняющие воздух медовым благоуханием. Так повествуют древние легенды — я-то ни разу не был в Лориэне. Хотелось бы мне побывать там весной!

— Там и зимой неплохо побывать, — обронил Арагорн. — Но Лориэн далеко. А сейчас нам надо уйти от Мории, поэтому прибавьте-ка шагу, друзья.

Арагорн размашисто шагал вперед, и Сэм с Фродо начали отставать. Они весь день ничего не ели. У Сэма от ссадины, оставленной ятаганом, поднялся жар и кружилась голова; а вместе с тем после жаркой Мории его прохватывала на ветру дрожь — даром что в небе сияло солнце. Фродо хрипло и часто дышал; каждый шаг давался ему с трудом.

Через полчаса, посмотрев назад и увидев, что хоббиты очень отстали, Леголас тревожно окликнул Арагорна. Тот оглянулся и подбежал к отставшим. Следом за ним вернулся и Боромир. Остальные Хранители сразу остановились.

— Простите, друзья, — сказал Арагорн. — Сегодня так много всего случилось, и я так спешил увести вас от Мории, что про ваши-то раны совсем забыл. Да вы и сами-то хороши — не напомнили! Конечно же, нам надо было задержаться и первым делом осмотреть ваши раны!.. Ну а теперь чуть-чуть потерпите. Впереди есть удобное для привала место, и там уж я сделаю все, что смогу. Давай-ка, Боромир, понесем их на руках!

Вскоре путники увидели ручей, с тихим журчанием впадающий в Серебрянку. А потом, перекатившись через черный порог, Серебрянка разливалась широкой заводью, которую обступили разлапистые пихты с плотным подлеском из колючей ежевики. Арагорн продрался сквозь колючие кусты и вышел на маленькую прибрежную поляну, поросшую голубикой и затененную пихтами. Здесь устроили короткий привал. Солнце начинало клониться к западу, а они одолели только несколько лиг, и орки без труда могли их настигнуть...

Пока Хранители собирали сушняк, разводили костер и кипятили воду, Арагорн осматривал раны хоббитов. Ссадина Сэма была неглубокой, но она почему-то до сих пор кровоточила, и Арагорн с беспокойством склонился над Сэмом. Однако осмотр его явно обрадовал.

— Тебе повезло, — сказал он Сэму. — Многие расплачива-

лись гораздо серьезней за своего первого убитого орка. Ты был ранен чистым клинком. А орки нередко мажут ятаганы очень сильными и зловредными ядами. Эту-то ранку мы быстро залечим. — Арагорн порылся в вещевом мешке и достал пригоршню засохших листьев. — Это листья целемы, — объяснил он, — я нарвал их неподалеку от горы Заверть. Сухие, они действуют слабее, чем свежие, но твою-то ссадину, думаю, исцелят. Положи их в кипяток, а когда он остынет, промой рану и осторожно вытри. Ну, теперь твоя очередь, Фродо.

— Мне уже лучше, — объявил хоббит, не давая Арагорну расстегнуть на нем плащ. — Я просто устал и очень проголодался — отдых и еда меня полностью вылечат.

— Оказаться между молотом и наковальней — не шутка, — усмехнулся Арагорн и серьезно добавил: — А вдруг у тебя переломаны ребра? Нет уж, ты не противься осмотру! — Он бережно снял с Фродо плащ, рубашку... недоуменно нахмурился, а потом рассмеялся. Кольчуга мерцала, как Серебрянка под солнцем. Арагорн снял ее, слегка встряхнул — и драгоценные камни радужно сверкнули, а шорох тонких кольчужных колец напомнил ему шум летнего дождичка. — Посмотрите-ка, друзья, — сказал Арагорн, — на драгоценную шкурку нашего Фродо. Если бы средиземские охотники знали, что у хоббитов такая редкостная шкурка, они бы толпами стекались в Хоббитанию...

— И стрелы искуснейших охотников Средиземья не причинили бы хоббитам ни малейшего вреда, — разглядывая кольчугу, заметил Гимли. — Ведь это же кольчужная рубаха из мифрила! Из мифрила!!! А такой великолепной работы я, признаться, ни разу не видел — и даже не знал, что такое возможно. Не об этой ли кольчуге говорил Гэндальф? Тогда он, по-моему, ее недооценил.

— То-то я думал, — вмешался Мерри, — зачем ты все время сидишь у Бильбо? А он, оказывается, снаряжал тебя в путь. Вот ведь какой замечательный старикан! Надо при случае ему сказать, что его подарок спас Фродо от смерти.

Там, где об кольчугу ударилось копье, мифрильные кольца, продавив подкольчужник — рубашку из тонкой эластичной кожи, — синевато отпечатались у Фродо на груди, но кольчуга не порвалась, и соскользнувшее копье резко отшвырнуло хоббита в сторону, пригвоздив, как бабочку, за плащ к стене, и на боку у него вздулся огромный синяк. Пока другие готовили еду, Арагорн приготовил взвар из целемы и промыл хоббиту все его синяки. Острый запах целемного взвара повис над укрытой от ветра поляной, и вскоре Хранители с радостью ощутили, что их усталость быстро проходит. Ссадина Сэма перестала кровоточить, а Фродо почувствовал, что может дышать; однако синяк

от удара копьем долго не рассасывался и болел много дней — для того, чтобы Фродо мог носить кольчугу, Арагорн сделал ему мягкую перевязку.

— Когда ты в кольчуге, — сказал он хоббиту, — я чувствую себя гораздо спокойней. Носи ее, не снимая, до конца похода — тем более что она поразительно легкая. Отдохнуть от нее ты сможешь у друзей, там, где могущество Врага бессильно... но, к сожалению, таких заповедных земель на нашем пути встретится не много.

Подкрепившись, Хранители потушили костер, забросали кострище пихтовыми ветками, чтобы скрыть следы своего привала, и выбрались вслед за Арагорном на дорогу. Примерно через час Мглистый хребет загородил от путников заходящее солнце, и в горах залегли темные тени. С реки, расползаясь по прибрежным низинам, потянулись белесые космы тумана. На востоке серые вечерние сумерки постепенно скрадывали просторную равнину, обманно приближая к шагающим Хранителям черную щеточку далекого леса. Теперь, когда Сэм и Фродо приободрились, Отряд мог двигаться довольно быстро, и путники шли еще часа три, сделав лишь одну короткую передышку.

Долину окутала ночная тьма. В небе ясно поблескивали звезды, однако месяц еще не взошел. Фродо и Гимли, прислушиваясь к ночи, шагали последними. Все было тихо. Наконец Гимли нарушил тишину.

— Погони не слышно, — сказал он хоббиту, — или я глух, как дубовый пень. Может быть, орки напали на нас, потому что хотели выгнать из Мории, а про наш поход — про Кольцо Всевластья — они не знают, да и знать не желают? Правда, когда им надо отомстить, они подолгу преследуют врагов...

Фродо вынул из ножен Терн и поднял вверх — клинок не светился. А все-таки хоббит слышал шаги! С тех пор как путников накрыла ночь, он слышал шлепанье босых подошв, иногда заглушаемое шумом ветра. Или ему это только казалось? Да нет же, он слышал их, вот и сейчас... он резко оглянулся, и ему почудилось, что над дорогой плывут две светящиеся точки. Он вгляделся пристальней — и ничего не увидел.

— Устал? — заботливо спросил его Гимли.

— Не в этом дело, — ответил Фродо. — По-моему, за нами кто-то крадется. Я почти все время слышу шаги. А сейчас вот видел два мерцающих огонька — глаза, да и только... — Фродо умолк.

Гимли посмотрел назад и прислушался.

— Ты ошибаешься, — сказал он Фродо. — Это поступь ветра в траве. А глаза... вон их сколько, мерцающих огоньков! — Гимли указал на ночное небо. — Пойдем! А то мы и так отстали.

Шелест ветра стал гуще, слышнее, ночная темень впереди уплотнилась, и путники поняли, что приближаются к лесу.

— Это Кветлориэн! — возликовал Леголас. — Здесь начинается Золотой Лес. Какая жалость, что сейчас не весна!

Дорога нырнула в искристый мрак — высокие серебристо-серые деревья заслонили от путников звездное небо золотым пологом шуршащей листвы.

— Ты прав, — радостно подтвердил Арагорн, — это действительно Золотой Лес, где по плану Гэндальфа мы сможем заночевать. Он предполагал, что в эльфийских владениях орки не отважатся нас преследовать.

— А удалось ли эльфам отстоять свой край от Вражьей Тучи? — усомнился Гимли.

— Лихолесские эльфы не бывали в Лориэне много десятилетий, — сказал Леголас, — но, как я слышал, наши сородичи успешно сдерживают Завесу Тьмы, хотя их владения сильно уменьшились.

— Да, их владения очень уменьшились. — Арагорн, словно вспомнив о чем-то, вздохнул. — Они отступили в глубину Лориэна, и сегодня нельзя рассчитывать на их помощь. Давайте пройдем немного вперед и отыщем подходящую для ночлега поляну. — Арагорн повернулся и зашагал по дороге; однако Боромир не сдвинулся с места.

— А обойти этот лес нельзя? — спросил он.

— Обойти? Зачем? — удивился Арагорн.

— Неведомые беды на тайных тропах всегда оказываются гораздо опасней, чем открытые враги на торных дорогах, — мрачно хмурясь, объяснил Боромир. — По совету Гэндальфа мы спустились в Морию... так теперь и тебе не терпится сгинуть? Выбраться из Лориэнского Леса нелегко, а выбраться таким же, как был, невозможно — вот что говорят о Лориэне в Гондоре!

— И ведь правильно говорят, — заметил Арагорн. — А вот смысл присловья, видимо, забылся — иначе гондорцы не страшились бы Лориэна. Но, как бы то ни было, выйти к Андуину можно отсюда только по лесу — если ты не хочешь возвращаться в Морию или подниматься на Баразинбар.

— Конечно, не хочу, — сказал Боромир, — а поэтому пойду за тобой через лес. Однако помни — он тоже опасен!

— Опасен, — согласился Арагорн. — Для зла. И для тех, кто ревностно служит злу. А теперь — вперед, мы теряем время.

Путники одолели не больше лиги, когда журчащую слева Серебрянку заглушил шум водопада справа. Шагов через тридцать они увидели впереди черный, с кругами водоворотов, поток, перерезавший серую полоску дороги.

— Это Белогривка? — воскликнул Леголас. — О ней сложено немало песен, и мы, северные лесные эльфы, до сих пор поем их, не в силах забыть вспененные гривы ее водопадов, радужные днем и синеватые ночью, гул серебряных, с чернью, перекатов да безмолвную глубину ее темных омутов. Но некогда обжитые берега Белогривки давно пустуют. Белый мост разрушен, а эльфы оттеснены орками на восток. Подождите меня, я спущусь к воде, ибо говорят, что эта река исцеляет грусть и снимает усталость. — Эльф спустился по крутому берегу, изрезанному множеством небольших бухточек, вошел в воду и крикнул спутникам: — Здесь неглубоко! Спускайтесь и вы! Давайте переправимся на южный берег. Я вижу удобную для ночлега поляну. И, быть может, под говор белогривого водопада нам всем привидятся приятные сны.

Путники спустились вслед за Леголасом. Фродо вступил в прохладную воду — здесь, на перекате, река была мелкой — и ощутил, что уныние, грусть, усталость, память о потерях и страх перед будущим, как по волшебству, оставили его.

Хранители медленно перешли Белогривку (из нее не хотелось выбираться быстро), вскарабкались на обрывистый правый берег, приготовили еду и спокойно поели, а Леголас рассказал им несколько преданий о Кветлориэне древних времен, когда весь мир Средиземья был светел и над шелковыми лугами Великой Реки ясно спали звезды и солнце.

Когда он умолк, в ночной тишине послышался монотонный шум водопада, и постепенно Хранителям стало казаться, что они различают голоса эльфов, поющих какую-то грустную песню.

— Эту речку назвали Белогривкой люди, — после долгой паузы сказал Леголас, — а по-эльфийски она называется Нимродэль, что значит *Дева с белыми волосами*. Про нее сложена печальная песня, и мы часто поем ее на нашем северном наречии, потому что сложили эту песню у нас, но эльфы Элронда тоже ее поют — на всеобщем языке, — и вот как она звучит:

Расцветом утренних надежд,
Звездою заревой,
В светлейшей белизне одежд
С каймою золотой,

Сияя, будто лунный след
Перед ненастьем дня,
От тленья угасавших лет
Кветлориэн храня,

Ясна, лучиста, как листок
На ясене весной,

Свободна, словно ветерок
В бескрайности степной,

Над серебристою рекой
Бродила Нимродэль,
И смех ее в тиши лесной
Звенел, как птичья трель.

Но засыпает серый прах
Следы ее шагов:
Ушла — и сгинула в горах,
Когда у берегов

За цепью золотистых скал,
Где жарок небоскат,
Ее корабль эльфийский ждал —
Ждал много дней подряд.

Но тщетно ждали моряки
И Эмрос — рулевой;
Однажды ночью встерки
Скрутились в грозовой,

Изодранный громами шквал,
И он взъярил отлив,
И вмиг корабль на юг угнал,
Едва не утопив.

И в клочьях пены штормовой
Лишь очертанья гор
Увидел утром рулевой.
И проклял он с тех пор

И вероломство кораблей,
И горечь перемен —
Удел бессмертных королей, —
И вечный Лориэн.

И, словно чайка в небесах,
Метнулся он за борт
И с ветром в светлых волосах
Поплыл, как лебедь, в порт.

Где южные закаты спят
И брезжится заря
Эльфийского пути назад
В Предвечные Края.

Но Запад и Восток молчат
О древнем короле,
И смог ли он доплыть назад,
Не знают на земле...

Голос у Леголаса неожиданно пресекся.

— Дальше я петь не могу, — сказал он. — Это только часть нашей давней песни, но остального я, к сожалению, на память не знаю. Песня очень грустная: она рассказывает о том, как Кветлориэн затопила печаль, когда морийцы, добывая мифрил,

невольно разбудили злое лиходейство, а Нимродэль погибла в Белых горах...

— Гномы не совершали никаких лиходейств! — перебив Леголаса, воскликнул Гимли.

— Правильно, я и не сказал — *совершили,* — откликнулся эльф, — я сказал — *разбудили.* Лиходейство бессильно перед Перворожденными, но, когда оно проснулось, многие эльфы решили покинуть Кветлориэн — Лориэн Цветущий на всеобщем языке, — и по дороге к Морю Нимродэль погибла...

Говорят, — помолчав, продолжал Леголас, — что Нимродэль, как и все лориэнские эльфы, жила на вершине громадного дерева, недаром эльфов из Кветлориэна называют древесянами, или галадриэммами. Возможно, они и сейчас так живут, ибо в глубине Лориэнского Леса растут редкостно могучие деревья.

— Должен признаться, — подал голос Гимли, — что на дереве я чувствовал бы себя спокойней. — Он покосился в сторону Мглистого. — Меня не обрадует встреча с орками.

— Гимли прав, — сказал Арагорн. — Ведь мы сидим у самой дороги, а мелкая речка орков не остановит. Надо попробовать забраться на дерево.

Хранители не стали возвращаться на дорогу, а пошли по правому берегу реки, сворачивая к западу, в чащу леса. После слияния Серебрянки и Белогривки, у группы особенно мощных деревьев — из-за пышных крон лишь угадывалась их огромная высота, — Леголас остановился и предложил своим спутникам:

— Подождите меня, я влезу на дерево и посмотрю, какая у него вершина. Вдруг нам удастся скоротать там ночь? Мне не привыкать к лесным гигантам... правда, о *мэллорнах* — исполинских ясенях — я слышал только в старинных легендах.

— Не знаю, как ты, — отозвался Пин, — а я не умею спать на деревьях, даже легендарных. Я ведь не птица!

— Ну так вырой нору, — сказал ему Леголас. — Но если ты хочешь спастись от орков, не теряй времени и забирайся поглубже! — Эльф подпрыгнул, ухватился за ветку... и, тотчас отпустив ее, соскочил на землю. Ибо сверху, из золотистой тьмы, раздался повелительный окрик:

— *Дара!*

— Не шевелитесь, — шепнул Хранителям Леголас. Вверху послышался мелодичный смех, а потом негромкий, но звонкий голос произнес несколько непонятных слов. Леголас ответил на том же языке.

— Кто он и что он говорит? — спросил Пин.

— Эльф! — мгновенно догадался Сэм. — Ты что, не слышишь, какой у него голос?

— Да, это эльф, — подтвердил Леголас. — Он говорит на лориэнском наречии. По его словам, ты так громко пыхтишь, что тебя и зажмурившись можно подстрелить. — У Сэма от страха

перехватило дыхание. Между тем лориэнец заговорил снова. — Он сказал, — начал переводить Леголас, — что мы у друзей и бояться нам нечего... Он узнал во мне северного сородича... Да ему и про Фродо, оказывается, известно... Он предлагает Фродо и мне залезть на дерево, чтобы познакомиться... А остальных просит подождать внизу.

С дерева опустили веревочную лестницу. Сделанная из очень тонкого шпагата, она, как вскоре убедились Хранители, была вместе с тем необычайно прочной. Леголас проворно взбежал по лестнице; Фродо подымался осторожно и медленно; за хозяином взбирался преданный Сэм, стараясь дышать размеренно и беззвучно.

Нижние ветви исполинского ясеня расходились от ствола в стороны и вверх, а потом, подобно гигантскому цветку, разветвлялся вкруговую сам главный ствол, и на дне громадной золотолиственной чаши покоилась серебристая платформа из досок — или, как говорили лориэнцы, *дэлонь* — с отверстием посредине для веревочной лестницы.

Добравшись до платформы, Фродо и Сэм увидели трех лориэнских эльфов, неожиданно вынырнувших из искристой тьмы, ибо, когда те сидели неподвижно, маскировочные плащи превращали их в невидимок. Эльфы подошли к запыхавшимся хоббитам, и один из них сказал на всеобщем языке:

— Добро пожаловать в Лориэн, друзья. Мы редко принимаем у себя гостей и почти забыли всеобщий язык. Помнят его только наши разведчики, которые часто покидают Лес, ибо им нужно следить за врагами и узнать последние средиземские новости. Даже наши северные сородичи и те давно уже не бывали в Лориэне. Я-то разведчик. Меня зовут Хэлдар. А мои братья, Орофин и Рамил, почти не знают всеобщего языка.

Эльфы, услышав свои имена, учтиво, но молча поклонились хоббитам.

— Про вас нам поведали посланцы Элронда, и мы припомнили, хотя и с трудом, что где-то на северо-западе Средиземья в давние времена жили невысоклики, или, как вы себя называете, хоббиты. Мы не допускаем сюда чужаков, но за вас ручается наш северный родич, да вы и без поручительства непохожи на лиходеев, а поэтому мы, как просил нас Элронд, готовы помочь вам добраться до Андуина. Сегодняшнюю ночь вы проведете здесь, а завтра переправитесь через Ворожею. Сколько воинов у вас в Отряде?

— Восемь, — ответил Хэлдару Леголас, — они, я, еще два хоббита (всего их четыре) да два человека; об одном из них вы, может быть, слышали. Это Арагорн, следопыт-северянин.

— Да, Арагорн, сын Араторна, известен в Лориэне, — под-

твердил Хэлдар. — Мы знаем о нем от нашей Владычицы. Но ты назвал мне только семерых.

— Восьмой — гном, — сказал Леголас.

— Гном? — нахмурившись, переспросил Хэлдар. — Мы не имеем с гномами дела. Черные Годы разрушили наш союз. Я не могу допустить его в Лориэн.

— Но этого гнома из Царства Даина сам Элронд назначил в Отряд Хранителей, — попытался переубедить Хэлдара Фродо.

Хэлдар принялся совещаться с братьями, изредка спрашивая о чем-то Леголаса; тот отвечал им на лориэнском наречии, и Фродо не понял, про что они говорят. Наконец Хэлдар повернулся к хоббитам.

— Ладно, я нарушу наши обычаи и пропущу гнома в Лориэн, — сказал он, — если Арагорн с Леголасом пообещают, что будут внимательно за ним следить. Но мы завяжем ему глаза, как только он переправится через реку. — Эльф помолчал и деловито закончил: — Однако пора кончать разговоры. Орки давно уже стекаются в Морию, — значит, за вами гонятся орки. На ранней заре мы отправимся в путь. Хоббиты будут ночевать здесь. А люди и гном — на соседнем ясене, там у нас есть еще одна дэлонь. Ты отвечаешь за них, Леголас! Мы не доверяем ни гномам, ни людям.

Леголас бесшумно спустился вниз, чтобы исполнить поручение Хэлдара. Вскоре послышалось громкое сопение, и Мерри с Пином вылезли на платформу; обоим явно было не по себе.

— Мы захватили ваши одеяла, — немного отдышавшись, проговорил Мерри. — А остальной скарб Бродяжник припрятал и завалил его сверху ворохом листьев.

— Зря вы тащили их сюда, — сказал Хэлдар. — На вершине мэллорна зимой прохладно — хотя сегодня-то ветер южный, — но у нас найдутся и запасные одеяла, и теплые плащи, подбитые мехом: ведь здесь, при слиянии Селебранты и Нимродэли, расположен постоянный сторожевой пост.

Хоббиты, конечно, не отказались от второго (и, надо сказать, очень вкусного!) ужина, а поев, надели меховые плащи, завернулись в свои, потом в эльфийские одеяла и попытались уснуть — да не тут-то было! Хоббиты не любят забираться высоко и никогда не устраивают спален наверху — потому что в их одноэтажных жилищах попросту нет никакого «верха». А у дэлони на вершине исполинского ясеня мало того что не было стен, не было даже перил по краям — только переносной плетень из прутьев, который защищал часовых от ветра. Вот и попробуй усни в такой спальне!

— Не проснуться б на земле, — пробормотал Пин.

— Если я засну, — откликнулся Сэм, — то не проснусь, даже если грохнусь об землю... Да разве на такой высотище уснешь? — добавил он сонно и начал похрапывать.

Фродо бездумно смотрел во тьму. Рядом спокойно посапывал Сэм, на небе перемигивались неяркие звезды, у края дэлони сидели эльфы, едва различимые в сумраке ночи. Хоббит видел только двух часовых, третий, наверно, спустился вниз. Фродо устало закрыл глаза и, убаюканный шелестом листвы, уснул.

Он проснулся под утро. Хоббиты спали. Ни одного эльфа на дэлони не было. Бледно светился рогатый месяц. В отдалении слышались хриплые голоса, мерный топот и звон металла. Шум нарастал, становился отчетливей...

Вдруг над центральным отверстием дэлони показалась чья-то голова в капюшоне — Фродо вскочил, — это был эльф.

— Что случилось? — прошептал Фродо.

— *Ирчи!* — коротко шепнул ему эльф и забросил на дэлонь свернутую лестницу.

— Орки? — шепотом спросил его Фродо. Но эльф, ничего не ответив, исчез.

Топот укатился к северо-востоку. На лес опустилась черная тишина. Теперь даже ветер не шуршал листвой, не было слышно даже водопада. Фродо сел и укутался в одеяла. Хорошо, что орки не застигли их на земле... но разве ясень — надежная защита? Орки славились острым чутьем, да к тому же умели лазать по деревьям. Фродо вытащил из ножен Терн — клинок вспыхнул, но вскоре померк. И все же Фродо не покидала тревога; мало этого — она росла. Он встал и, подкравшись к отверстию для лестницы, осторожно заглянул в черную дыру. Ему не удалось ничего разглядеть, но он услышал шуршащий шорох, непохожий на шелест ветра в траве...

И на шаги эльфов непохожий — потому что эльфы ходят бесшумно. Фродо затаил дыхание и прислушался. Да, кто-то карабкался вверх. Фродо пристально глядел во тьму...

И вскоре увидел светящиеся глаза. Тот, кто карабкался к дэлони, замер — подозрительные звуки внизу оборвались — и теперь не мигая смотрел на Фродо. Фродо вздрогнул. Глаза смигнули, вокруг серебристо-серого ствола стремительно скользнула смутная тень, и за стволом послышался замирающий шорох...

А из тьмы вдруг вынырнул лориэнец Хэлдар. Легко, почти не касаясь ветвей, он вскарабкался вверх и удивленно сказал:

— К вам тут наведался странный пришелец. Я его заметил еще с земли. Да и он меня, вероятно, увидел — потому что удрал. Но это не орк. Сначала, когда я на него посмотрел, то подумал, что кто-нибудь из вас, невысокликов, спустился с дэлони: пришелец был маленький. Да ведь вам-то незачем от меня удирать, и мне стало ясно, что это враг.

Но я не решился его пристрелить, ибо он мог перед смертью вскрикнуть, а орки не успели уйти далеко. Они явились со стороны Мории, переправились, поганые лиходеи, через речку и долго рыскали по южному берегу — наверно, учуяли, куда вы свернули. Их было тут сотни полторы, не меньше. Нам не удалось бы их остановить, поэтому я остался на посту, Рамил, подражая вашим голосам, увлек их орду в Тайные Чащобы, а Орофин отправился к нашим за подмогой.

Ни один орк не вырвется из Леса. А с завтрашнего дня у западных границ будут дежурить пограничные отряды. Спи. На рассвете мы отправимся в Стэрру.

Зарево по-зимнему бледного солнца, золотясь в листве исполинских ясеней, напоминало проснувшимся на рассвете хоббитам летнюю зарю в их далекой Хоббитании. К западу от дэлони сквозь ветви деревьев виднелась узкая долина Белогривки со вспененной лестницей многочисленных водопадов. На северо-западе блестела Серебрянка, Золотую Ворожею закрывали деревья. Хранители быстро собрались в путь.

— Прощай, Нимродэль, — сказал Леголас.

— Прощай, — повторил и Фродо, думая, что вряд ли он когда-нибудь увидит такую на диво светлую речку с успокоительным голосом и животворной водой.

Хэлдар повел их вдоль Ворожеи. Вскоре к ним присоединился и Рамил.

— Ваши преследователи, — сказал он Хранителям, — проплутают в Тайных Чащобах до вечера, и ни один из них не вернется домой — об этом позаботятся воины Лориэна.

Лиги через три Хэлдар остановился и, повернувшись лицом к Золотой Ворожее, дважды негромко свистнул по-птичьи.

— На том берегу, — объяснил он Хранителям, — расположен Второй сторожевой пост.

Из-за деревьев вышел эльф-часовой в маскировочном плаще, но с откинутым капюшоном. Хэлдар искусно перебросил через реку свернутую в моток серебристую веревку.

Эльф поймал ее и привязал к дереву.

— Ворожея здесь очень холодная, — сказал Хэлдар. — Но в наше бурное и тревожное время опасно строить постоянные мосты. Смотрите, как мы переходим реку.

Эльф туго натянул веревку и крепко-накрепко привязал к дереву. А потом спокойно, словно по дороге, прошелся над речкой туда и обратно.

— Для меня-то это обычная переправа, — сказал Леголас. — А как быть другим? Неужели они будут переправляться вплавь?

— Зачем же вплавь? — отозвался Хэлдар. — У нас тут есть

еще две веревки. Мы натянем их чуть повыше первой, и, держась за них, твои товарищи переправятся.

Когда этот шаткий мост был сделан, Хранители перешли на северный берег — одни медленно, с большим трудом, другие немного быстрей и свободней. У хоббитов лучшим канатоходцем стал Пин: он держался только за одну веревку и шагал вперед довольно уверенно, однако старался не смотреть вниз. А Сэм шел медленно, мелкими шажками, крепко ухватившись за обе веревки, и не отрывал взгляда от золотистой воды. На берегу он с облегчением вздохнул и воскликнул:

— Век живи — век учись, как говорит мой старик. Правда, он всю жизнь копается в земле, а не ползает, ровно паук, по паутинкам...

Рамил остался на южном берегу и после переправы отвязал две веревки, а третью, отвязанную переправившимся Хэлдаром, вытянул к себе и смотал. Потом он повесил моток на плечо, прощально помахал Хранителям рукой и зашагал обратно к Первому посту.

— Итак, друзья, вы вступили в Стэрру, или, по-вашему, Сердце Лориэна, — торжественно объявил Хранителям Хэлдар. — Немногие бывали на этом берегу... — Хэлдар помолчал и буднично закончил: — А теперь мы завяжем гному глаза — я говорил об этом Леголасу. Остальные пойдут с открытыми глазами, пока мы не приблизимся к Лесной Крепости.

— Леголас не мог решать за меня, — мрачно нахмурившись, проговорил Гимли. — Я не пленник. Не шпион Саурона. Жители Подгорного Царства Даина никогда не вступали в сделки с Врагом. Почему ж ты считаешь меня лиходеем?

— Как ты думаешь, — спросил его Хэлдар, — стал бы я нарушать наш древний закон, если бы считал тебя лиходеем? По закону я должен уничтожить гнома, который пытается проникнуть в Стэрру. А ты с моей помощью переправился через реку!

— Я пойду вперед с открытыми глазами или вернусь в Подгорное Царство, где меня никто не назовет соглядатаем, — гордо ответил Хэлдару Гимли. Отступив, он положил руку на топорище.

— Ты отрезал себе дорогу назад, перейдя Золотую Ворожею, — сказал Хэлдар. — Я должен доставить тебя к Владыкам, а уж они решат, что с тобой делать. Если ты попробуешь переплыть речку, тебя пристрелит первый же часовой.

Гимли выхватил из-за пояса топор.

Хэлдар молниеносно вынул стрелу и натянул тетиву, второй эльф — тоже.

— Проклятый упрямец, — сокрушенно пробормотал Леголас.

— Гимли, ни с места! — рявкнул Арагорн, так что Леголаса никто не услышал. Гимли замер, и Арагорн сказал: — Отряд ве-

ду я — вы должны меня слушаться. Гимли будет несправедливо унижен, если завяжут глаза лишь ему. Мы все пойдем с завязанными глазами... хотя это очень замедлит путешествие.

— Ох и хорошо же мы будем выглядеть! — внезапно расхохотавшись, воскликнул Гимли. — Марш сумасшедших в Золотом Лесу... Я готов разыграть из себя сумасшедшего вдвоем с Леголасом, — добавил он весело. — Остальные могут остаться зрителями.

— Ты гном, — возмутился Леголас, — а я...

— Упрямец? — ехидно спросил его Арагорн. — Нет уж, давайте поступим по справедливости. Завяжи мне глаза! — обратился он к Хэлдару.

— Помни, ты ответишь мне за каждый синяк, если я упаду, — буркнул Хэлдару гном, ощупывая туго затянутую повязку.

— Не упадешь, — уверенно сказал ему Хэлдар, — у нас в Лориэне превосходные тропы.

— Странные времена, — проворчал Леголас. — Мы все враги одного Врага, на небе сияет ясное солнце, и при этом я должен идти вслепую, оказавшись в гостях у своих же сородичей.

— Не странные, а страшные, — возразил ему Хэлдар. — Наша разобщенность и взаимное недоверие вызваны лиходейской мудростью Врага и его поистине грозным могуществом. Нас, лориэнцев, столько раз предавали, что мы почти никому не доверяем — кроме, быть может, раздольских сородичей, — и наше поселение превратилось в остров, со всех сторон окруженный врагами. — Помолчав, Хэлдар мрачно добавил: — Завеса Тьмы разрастается и крепнет. Она не может сомкнуться над Лориэном, но ее могучие черные крылья огибают нас и с востока, и с запада. Теперь, если мы и решимся уйти, нам не удастся прорваться к Морю. Мглистый захвачен ордами орков. В Глухоманье рыщут стаи волколаков. Говорят, уже затемнена Ристания и Враг подступил к Великой Реке. Значит, свободные гавани эльфов остались только на северо-западе, за Вековечным Лесом и землями невысокликов.

— Да, к западу от наших земель есть приморские поселения эльфов, — с важным видом подтвердил Мерри.

— Счастлив народ, — воскликнул Хэлдар, — живущий неподалеку от западных гаваней! Мы не были там с незапамятных времен. Расскажи мне о них, — попросил он хоббита.

— Да я их не видел, — признался Мерри. — Раньше-то мне не случалось путешествовать. И если б я знал, что творится в мире, то вряд ли решился бы уйти из Хоббитании.

— Даже для того, чтобы увидеть Имладрис или Кветлориэн? — спросил его Хэлдар. — Наш нынешний мир суров и опасен, некоторые свободные земли затемнены, а любовь часто оборачивается печалью — но становится от этого еще прекрас-

ней. — Эльф помолчал и грустно закончил: — Многие думают, что Завеса Тьмы развеется со временем даже над Мордором и сгинет бесследно... Я в это не верю. Мир никогда уже не будет прежним, а солнце — таким же ясным, как раньше. Быть может, настанет короткое просветление, и мы, эльфы, прорвемся к Морю... чтобы покинуть Средиземье навеки. Неужели нам предстоит уйти из Лориэна и жить в мире, где не растут мэллорны? Ведь, если верить эльфийским преданиям, за Морем нет Золотых Лесов. Не знаю уж, как мы сможем там жить!

Хранители гуськом брели по тропе. Впереди колонны неспешно шел Хэлдар, а замыкал шествие второй лориэнец. Тропа была мягкой — вероятно, песчаной, — и вскоре путники зашагали уверенней. Наверно, из-за того, что они шли вслепую, все их чувства очень обострились. Фродо ощущал чуть заметный запах приуснувшей на зиму, но живой травы, слышал и шепот ясеневой листвы, и перекличку птиц, и журчание ручьев, и спокойный плеск полноводной Ворожеи. Когда Отряд пересекал поляны, он чувствовал на щеках солнечный свет, хотя зимнее солнце не было жарким.

Еще над Ворожеей ему вдруг почудилось, что он уходит из сегодняшнего мира, как будто шаткий мостик был перекинут через три эпохи и вел к минувшим Предначальным Дням. В Стэрре это странное ощущение усилилось — возможно, из-за плотной повязки на глазах, — и Фродо не мог отделаться от мысли, что вокруг него оживает прошлое. В Раздоле все *напоминало* о прошлом, а здесь оно было живым и реальным, злоба и лиходейство, печаль и страдания хоть были и не властны над северными эльфами, но уже подступили к Раздолу вплотную, а Лориэн жил так, будто зло еще не родилось.

Хранители без отдыха шагали за Хэлдаром, пока заметно посвежевший ветер не принес им весть о наступлении вечера. Они поели и, завернувшись в одеяла, спокойно уснули на мягкой лужайке, заслоненной от северного ветра кустами. Хэлдар не разрешил им снять повязки, так что на дерево они влезть не могли, а про орков почему-то даже не вспомнили. Наутро они снова пустились в путь и сделали привал только после полудня. Поев, они уже собирались трогаться, как вдруг услышали эльфийские голоса.

К северо-западным границам Леса двигался сильный заградительный отряд, чтобы отразить нападение орков, если они снова сунутся в Лориэн; некоторые вести, принесенные воинами, Хэлдар кратко пересказал Хранителям: орки, попытавшиеся их настичь, были уничтожены в Тайных Чащобах; эльфы видели странное существо, вроде бы двуногое, но похожее на

зверя, поймать пришельца эльфам не удалось, а стрелять в него издали они не хотели — вдруг это просто безобидный звереныш? — и пришелец удрал вдоль реки на восток. Хранители удивились беспечности эльфов, но Хэлдар объяснил им, что настоящие лиходеи решаются проникать в Лориэн только ордами, а значит, пришелец был и правда звереныш.

— Но главного вы еще не слышали, — сказал Хэлдар. — Владыки Лориэна разрешили вам всем — даже гному! — идти с открытыми глазами. Похоже, что они знают каждого из вас. Быть может, пока меня не было в Лориэне, от Элронда прибыл новый гонец. — Гимли он первому снял повязку. И, поклонившись, воскликнул: — Не гневайся, друг! С тех пор как настали Черные Годы, ни один гном не бывал в Лориэне. Тебе оказана высокая честь!

Вскоре сняли повязку и с Фродо. Он открыл глаза и взволнованно огляделся. Хранители стояли на огромном лугу. Слева от них возвышался холм, покрытый ярко-изумрудной травой. Холм венчала двойная диадема из высоких и, видимо, древних деревьев, а в центре росло еще одно дерево, громадное даже среди этих гигантов. Это был мэллорн — исполинский ясень — с белой дэлонью в золотистой листве. Внутреннее кольцо древесной диадемы образовали тоже исполинские ясени, а внешнее — неизвестные хоббитам деревья с необыкновенно стройными белыми стволами и строго шарообразными кронами, но без листьев. Изумрудные склоны округлого холма пестрели серебристыми, как зимние звезды, и синими, словно крохотные омуты, цветами, а над холмом, в бездонной голубизне неба, сияло ясное послеполуденное солнце.

— Перед вами Курган Горестной Скорби, — с печальной гордостью проговорил Хэлдар. — Под ним, как утверждают наши предания, на месте своего лориэнского жилища, похоронен первый властитель Лориэна — или, по-вашему, Благословенного Края — Эмрос, переселившийся сюда из Эльдара. Здесь даже в самые суровые зимы не увядают эльдарские всегда живые цветы и шелестит о прошлом вечнозеленая трава. Отдохните, нам остался один переход, вечером вы предстанете перед нашими Владыками.

Усталые Хранители прилегли на траву, но Фродо ошеломленно озирался по сторонам, не в силах лечь или даже пошевельнуться. Он смотрел на канувший в прошлое мир, освещенный навеки исчезнувшим светом, и этот поразительно древний мир, открываясь его изумленному взгляду, как бы на его же глазах и рождался. Он видел лишь знакомые ему цвета — белый, желтый, зеленый, синий, — но они были такими свежими и яр-

кими, словно явились ему здесь впервые, а он, разглядев их, дал им названия. Тут нельзя было летом сожалеть о весне или мечтать зимою о лете — в неизменной жизни Благословенного Края прошлое и будущее сливались воедино.

Неожиданно Фродо заметил Сэма — он ошарашенно протирал глаза, будто не верил тому, что видит.

— Раньше я думал, — пробормотал Сэм, — что если эльфы, то надо, чтоб ночь... чтобы темный лес, и луна, и звезды... А тут нате-ка вам — белый день... да светлей светлого, да ярче яркого... И оно им, оказывается, в самый раз подходит! Вроде ты не сам по себе, а в песне... если вы понимаете, про что я толкую.

Хэлдар посмотрел на них и улыбнулся, словно он не только услышал слова, не только понял, о чем Сэм «толкует», но проник в сокровенный смысл его мыслей.

— Вы почувствовали могущество Владычицы Лориэна, — не очень понятно объяснил он хоббитам. — Хотите подняться на Дэлонь Эмроса?

Хоббиты шли к вершине Кургана. Фродо неспешно шагал за Хэлдаром, ощущал на лице ветерок — словом, жил — и, однако, отчетливо чувствовал, что попал в извечно неизменный мир и что, когда ему придется уйти отсюда, он, путник из далекой Хоббитании, на веки веков останется в этой жизни.

Они приблизились к центральному мэллорну. И тотчас ветер потянул с юга, и в шелесте золотистой ясеневой листвы Фродо услышал, как лазоревые волны накатываются из минувшего далека на берег, давно смытый в бездонные глубины, а над бескрайней лазурью всхлипывают чайки, которых никто в Средиземье не видел.

Хэлдар уже исчез наверху. Фродо взялся за веревочную лестницу, а левой рукой оперся на мэллорн — никогда еще ему столь полно не открывалась живая жизнь, пульсирующая в дереве. Он ощущал бархатистую кожу-кору и могучую, но беззащитную древесную плоть не как лесничий, столяр или плотник, а так, словно стал побратимом ясеня.

На Дэлони Хэлдар взял его за руку и, повернув к югу, серьезно сказал:

— Прежде всего посмотри туда!

Фродо послушно поглядел на юг и увидел в отдалении невысокий холм, то ли поросший гигантскими деревьями, то ли застроенный серебристыми замками с прозрачно-золотистыми куполами крыш. Холм излучал, как почудилось Фродо, светлую, неодолимо притягательную силу, и ему, словно у него вдруг выросли крылья, захотелось подняться в прозрачный воздух, чтобы перелететь к светлому холму и спокойно отдохнуть там от всех невзгод. Потом он глянул на восток — перед ним расстилался Золотой Лес, по которому спокойно текла Воро-

жея, впадающая в Андуин — Великую Реку. Он всмотрелся пристальней и с удивлением заметил, что левый берег Андуина Великого и низкие луга восточного заречья подернуты серовато-блеклой пеленой — там привычно хозяйничала зима. На лугах кое-где щетинился кустарник, а уходящие за горизонт приземистые холмы поросли редким, с проплешинами, лесом. В серой мгле обесцвечивались и меркли бледные лучи предвечернего солнца, ярко золотящегося над Кветлориэном. Хэлдар посмотрел на Андуин и сказал:

— Чуть дальше, за этим редким мелколесьем, тянутся дремучие Чародейские Дебри, где ели и пихты, продираясь к свету, безжалостно душат своих же сородичей, а у земли, в душном и сыром сумраке, заживо гниют их нижние ветви. Там, на высоком, но болотистом холме, высится неприступный замок Дул-Гулдур, в котором некогда скрывался Враг, а сейчас творится что-то непонятное. Над его островерхой дощатой крышей часто клубятся черные тучи, иногда озаряемые вспышками молний, но какие силы противоборствуют в Дебрях, не знает пока даже наша Владычица. — Хэлдар умолк и спустился вниз; Фродо с Сэмом последовали за эльфом.

У подножия Кургана они увидели Арагорна, молчаливого и неподвижного, как ясень Эмроса; в руке он держал серебристый цветок, а глаза его светились памятью о счастье. Фродо понял, что их проводник переживает какое-то светлое мгновение, вечно длящееся в неизменности Лориэна. Ибо суровое лицо Арагорна было сейчас молодым и прекрасным, а его выцветший походный плащ казался в солнечных лучах золотым. Перед Фродо стоял нуменорский витязь. *«Ванаи-мэльда, Арвен»*, — услышал он. Арагорн пошевелился — и увидел хоббитов.

— Сюда неизменно стремится мое сердце, — грустно улыбнувшись, сказал Арагорн. — И если наш путь не завершится победой, оно упокоится здесь навеки. Пойдемте! — Арагорн взял хоббитов за руки, и они присоединились к остальным путникам. В этой жизни он больше никогда здесь не был.

Глава VII

ЗЕРКАЛО ГАЛАДРИЭЛИ

Хэлдар повел Хранителей дальше. Солнце клонилось к Мглистому хребту, а на востоке сгущались вечерние тени. Тропинка нырнула в ясеневый лес, где сумрак был уже почти ночным, и эльфы зажгли неяркие фонари.

Но вскоре сумрак опять поредел — Хранители вышли на

просторную поляну. Впереди поляна плавно расширялась, открывая взгляду высокую стену, отделенную от путников широким рвом с почти отвесными изумрудными склонами. За стеной, под шатром темнеющего неба, усеянного серебристыми крапинками звезд, высились такие громадные ясени, каких они не видели даже здесь, в Лориэне. Ветви у этих могучих гигантов росли вкруговую на нескольких уровнях, как бы образуя древесные этажи. Сквозь густую листву каждого этажа проблескивало множество разноцветных огоньков — серебряных, синих, зеленых и золотых. Хэлдар повернулся к Хранителям и сказал:

— Это Галадхэн — Лесная Крепость, где исстари живут Властители Лориэна! Но отсюда в Крепость попасть невозможно, ибо Ворота расположены на юге. И до них неблизко — Галадхэн велик.

Вдоль рва тянулась широкая дорога, мощенная шестигранной белой брусчаткой; она сворачивала на юго-восток.

Слева от Хранителей, за темной стеной, высился расцвеченный огоньками Галадхэн; в листве загорались все новые огоньки, и, когда путники подошли к мосту, пологий склон Галадхэнского холма казался отражением далекого неба с яркими блестками цветных звезд.

Белокаменный, изогнутый аркою мост подвел путников к монолитной стене, и Хэлдар зашагал вдоль нее на восток. Шагов через тридцать стена оборвалась, но за нею, шагах в четырех от первой и параллельно ей, шла вторая стена, а между ними тянулся узкий коридор. В этот-то коридор Хэлдар и свернул; теперь путники пошли обратно; в конце коридора виднелись Ворота, обращенные на восток. Фродо восхитился. Ворота, прорубленные в южной стене, были обращены к Андуину Великому! А получилось так потому, что древние зодчие не сомкнули стену, возводя ее вокруг города, а протянули ее концы параллельно друг другу, оставив между ними узкий коридор. Вот в этом-то коридоре и располагались Ворота.

Справа от Ворот, на бронзовой цепочке, висел молоток с деревянной ручкой. Постучав молотком, Хэлдар что-то крикнул, и массивные Ворота бесшумно отворились; но ни одного стражника Фродо не заметил. Путники вошли, и Ворота закрылись. Еще через двадцать или тридцать шагов высокая стена справа оборвалась — Хранители вступили в Лесную Крепость. Жителей Галадхэна видно не было, но повсюду слышались их звонкие голоса; а на холме негромко звучала песня, мелодичная и веселая, как весенний дождик.

Хранители подымались довольно долго. И наконец увидели

высокий фонтан, подсвеченный оливково-зелеными фонариками. За фонтаном, на самой вершине холма, рос особенно могучий ясень с матово-серебряной бархатистой корой и шелково шелестящей золотой листвой. Вдоль его ствола шла белая лестница, теряясь наверху в золотистом сумраке. На нижних ступенях этой белой лестницы сидели три вооруженных эльфа. Увидев Хранителей, стражники встали.

— Владыки Лориэна, — объявил Хэлдар, — поручили мне привести к ним наших гостей.

Один из эльфов протрубил в рог, и вверху прозвучал троекратный отзыв.

— Пойдемте, — сказал Хранителям Хэлдар, — я покажу вам дорогу наверх. Владыки просили эльфа Леголаса и невысоклика Фродо подняться первыми. Остальные гости пусть следуют за ними. Жилище Владык расположено высоко, но, если вы устанете, мы сможем передохнуть.

Много «этажей» миновал Фродо, подымаясь по лестнице к жилищу Владык. Наконец в чаще разветвленного ствола показалась огромная белая дэлонь; Фродо вылез на нее вслед за Хэлдаром и увидел большой деревянный дом. Хэлдар открыл двустворчатую дверь и знаком пригласил хоббита войти.

Глазам Фродо открылся зал, освещенный мягким серебристым светом. Овальной формы, с изумрудным полом, лазоревым потолком и бирюзовыми стенами, зал казался драгоценным камнем, внутри которого застыло мгновение вечно длящейся волшебной жизни. В центре зала, на золотых тронах *сидели* рядом Селербэрн и Галадриэль, окруженные многочисленной свитой эльфов.

Увидев хоббита, Владыки встали — так у эльфов приветствовали гостей даже самые великие властители, — и Фродо, пораженный их величественной красотой, едва сдержал возглас изумления. Владыки Лориэна были высокими — Селербэрн чуть-чуть повыше Галадриэли, — а широкие, ослепительно белые мантии не скрывали их юношеской стройности. На плечи им ниспадали длинные волосы — серебряные у Владыки и золотистые у Владычицы. Возраст по лицам Владык не угадывался, и только глаза, глубокие, словно Море, но острые, как лучи Вечерней Звезды, говорили об их глубочайшей памяти и опыте древнейших мудрецов Средиземья.

Хэлдар подвел хоббита к Владыкам; Галадриэль лишь глянула ему в глаза, а Селербэрн сказал на всеобщем языке:

— Добро пожаловать, Фродо из Хоббитании! Сядь рядом с нами и немного отдохни. Мы поговорим, когда придут остальные.

Каждого входящего в зал Хранителя Селербэрн вежливо называл по имени, а приветствовал на его родном языке.

— Здравствуй, сын и посланник Трандуила! Мне жаль, что нашим северным родичам все труднее прорываться в Благословенный Край.

— Входи, Арагорн, сын Араторна! Ты не был у нас тридцать восемь лет и жил суровой бродяжьей жизнью — я вижу это по твоему лицу. Но борьба, как ты знаешь, скоро завершится. А пока — забудь о своих заботах: в Лориэне ты сможешь спокойно отдохнуть.

— Приветствую тебя, Гимли, сын Глоина! После гибели великого государя Дарина границы Лориэна закрылись для гномов. Ради тебя мы нарушили наш закон. Так пусть же сегодняшняя встреча в Галадхэне поможет восстановить нашу древнюю дружбу и развеять Черную Тучу над Средиземьем!

Гном низко поклонился Владыкам.

Когда Хранители собрались в зале, Селербэрн обвел их вопросительным взглядом.

— На Совете у Элронда, по словам гонца, выбрали девять Хранителей, — сказал он. — Значит, потом что-нибудь изменилось?

— Нет, — возразила ему Владычица, — Совет не менял своего решения. — Голос Галадриэли был звучным и мелодичным, но неожиданно низким. Хранители промолчали. — Насколько я знаю, — продолжала Владычица, — с Хранителями отправился Гэндальф Серый. Мне давно хотелось повидать его вновь, но границ Лориэна он не переступал, а я могу проследить его путь, только когда он в моих владениях — на чужих землях уследить за магом не под силу и самому зоркому глазу...

— Гэндальфа Серого поглотила Тьма, — тяжело вздохнув, проговорил Арагорн. — Ему не удалось вырваться из Мории.

— Это поистине зловещая новость, — в наступившем молчании сказал Селербэрн и, посмотрев на Хэлдара, спросил по-эльфийски: — Почему мне не сообщили об этом раньше?

— Хэлдар не знает о нашем горе, — ответил на всеобщем языке Леголас. — Сначала мы были слишком измучены, чтобы рассказать про поход через Морию, а потом целительный покой Лориэна приглушил на время горечь утраты, и нам не хотелось об этом вспоминать.

— Приглушил, но не вылечил, — добавил Фродо. — Ибо наша утрата невосполнима, а горе никогда не забудется, Гэндальф сумел вывести нас из Мории и погиб в битве за наше спасение!

— Но если он сумел вывести вас из Мории, то почему же

сам не ушел вместе с вами? — недоуменно спросил Хранителей Селербэрн.

— Потому что погиб, — отозвался Арагорн. — Давай я расскажу тебе все по порядку. — Арагорн поведал Владыке Лориэна о буране на Карадрасе, о воронах и волколаках, об отступлении в Морию и Глубинном Страже, о Летописном чертоге, могиле Балина, атаке орков и битве на мосту. — ...Это был Барлог, — заключил Арагорн, — Багровый Огонь под Покровом Тьмы.

— Враг из багровых подгорных глубин, — добавил с подавленным испугом Леголас.

— Глубинный Ужас, разбуженный гномами, или Великое Лихо Дарина, — не скрывая страха, пробормотал Гимли.

— Мы издавна знали, что в недрах Карадраса таится страшный Багровый Враг, — посмотрев на Гимли, сказал Селербэрн. — Так, значит, гномы опять его растревожили? Жаль, что я допустил тебя в Лориэн... тебя и всех, кто с тобою пришел. А Гэндальфа следовало бы назвать безумцем — ибо спуститься в Морию мог только безумец! — но он был Мудрым... и не мне судить, обуяло ли его напоследок безумие.

— Гэндальф Серый, — вмешалась Галадриэль, — никогда не совершал безумных поступков, а тем, кого он вел через Морию, были неизвестны все его замыслы. И уж во всяком случае за поступки Гэндальфа можно винить лишь Гэндальфа! А гномы... Скажи, если бы народу Лориэна пришлось покинуть Благословенный Край и спустя много лет кто-нибудь из нас, например Владыка Селербэрн Мудрый, смог бы снова побывать в Лориэне, — разве он упустил бы такую возможность? — Галадриэль умолкла, а потом заговорила, словно бы вспоминая древнюю летопись: — Непроглядна вода Келед-Зарама и холодны как лед ключи Кибель-Налы. Но, пока не проснулся Глубинный Ужас, чудесные чертоги славного Казад-Дума были ярко освещены и жарко натоплены... — Плавная речь Владычицы пресеклась, но на ее губах расцвела улыбка. И гневный, угрюмо нахмурившийся Гимли вдруг увидел в глазах своих мнимых врагов дружеское сочувствие и участливую любовь. Он растерянно — а потом благодарно — улыбнулся, встал и, поклонившись, звонко ответил:

— Однако Золотые Леса Лориэна прекрасней мраморных чертогов Мории, а сверкающие сокровища Морийского царства меркнут пред красотою Лориэнской Владычицы!

Эльфы и Хранители долго молчали. Наконец Селербэрн заговорил снова:

— Простите меня за резкие слова! Они рождены горечью и тревогой. Мы постараемся вам всем помочь — каждому из вас, — и особенно тому, кто взвалил на себя тягчайшее бремя.

— Нам известно, зачем вы отправились в поход, — посмот-

рев на Фродо, сказала Галадриэль, — и хотя я не знаю, как он закончится, но надеюсь все же, что Гэндальф не зря упорно вел Хранителей к Лориэну. Ибо народ Благословенного Края живет на востоке с Начальной Поры, и нам знакомы уловки злодейства гораздо лучше, чем другим средиземцам.

Мы переправились через горы еще до того, как пали первые западные твердыни, и с тех пор обреченно, без надежды на победу, однако не отступая, сдерживаем Зло. Это я собрала в начале эпохи Первый Совет Светлых Сил Средиземья — потом его назвали Советом Мудрых, — и, если б тогда, как я предлагала, Верховным Мудрецом Совета стал Гэндальф, жизнь, возможно, пошла бы иначе. А впрочем, для Средиземья не все еще потеряно: многое зависит от вашего Похода, и я думаю, что сумею кое в чем вам помочь, ибо мне открыто не только минувшее, не только то, что происходит сейчас, но отчасти и то, что должно случиться. А пока я скажу вам, что ваш Поход — это путь над пропастью по лезвию ножа; вас, а с вами и все Средиземье погубит первый же неверный шаг и спасет лишь взаимная верность.

Потом, словно связывая Хранителей воедино, Владычица медленно обвела их взглядом — они ощущали, что не могут пошевелиться, пока она сама не опустила глаза, — и после паузы успокоенно сказала:

— А теперь вас всех ожидает отдых.

Хранители вздохнули — облегченно и устало. Сначала, под завораживающим взглядом Владычицы, каждого из них, кроме Леголаса и Арагорна, охватило тревожное недоверие к себе (Сэм, тот даже мучительно покраснел), а сейчас вдруг сковала спокойная усталость.

— Доброй вам ночи, — проговорил Селербэрн. — Вы измучены горем и тяжкими злоключениями, но мы поможем вам набраться сил для борьбы с бесчисленными слугами Зла.

Этой ночью, к радости четверки хоббитов, Хранителям не пришлось забираться на дерево. Эльфы разбили у фонтана шатер, приготовили для гостей удобные постели и, пожелав им спокойного сна, удалились. Когда затихли голоса эльфов, путники обсудили вчерашнюю ночевку, вспомнили Курган великого Эмроса, поговорили о нынешних Владыках Лориэна, но ни словом не обмолвились о событиях в Мории — для этого у них пока не было сил.

— Скажи-ка, а почему ты покраснел у Владычицы? — вдруг спросил Сэма любопытный Пин. — Эльфы-хозяева могли подумать, что ты замышляешь какое-то лиходейство. Надеюсь, в твоей лиходейской голове не таится ничего особенно опасного — кроме гнусной кражи моего одеяла?

— Да разве от нее одеяло-то загородит? — не ответив на шутку, проворчал Сэм. — Она же мне прямо в душу заглянула!

Глядит и спрашивает — а что ты, мол, сделаешь, если я предложу тебе отправиться в Хоббитанию? Да еще и садик с домиком посулила!

— Вот так штука! — изумился Пик. — Она ведь и мне... Ну да что там рассказывать, — оборвал он себя и смущенно умолк.

Оказалось, что каждому участнику похода, как поняли, глядя друг на друга, Хранители, был предложен ясный, но безжалостный выбор между верностью и самой заветной мечтой: переложи смертельно опасную борьбу со Всеобщим Врагом на чужие плечи, сверни с дороги — и мечта сбудется.

— Да уж, рассказывать, пожалуй, не стоит, — пробормотал Гимли и тоже умолк.

— А по-моему, стоит, — возразил Боромир — Быть может, Владычица хотела нас испытать с неведомыми нам, но добрыми замыслами... И все же зачем она нас искушала? Зачем столь искусно внушила нам веру, что может выполнить свои обещания? Не затем ли, чтоб выведать все наши мысли?.. Я-то, конечно, не стал ее слушать. Верность слову — закон для гондорца... — Однако Хранители так и не узнали, что же ему-то пообещала Владычица, ибо он резко переключился на Фродо: — А чем Владычица прельщала тебя?

Фродо не захотел отвечать Боромиру.

— Об этом, я думаю, не нужно рассказывать, — убежденно повторил он за Пином и Гимли.

— Будь начеку! — посоветовал ему гондорец. — Неизвестно, какие у нее намерения...

— Известно! — перебил Боромира Арагорн. — А вот ты не знаешь, о чем говоришь. На этой земле нет места Злу: оно умирает даже в помыслах лиходеев, если они приносят его с собой... правда, порою погибают и лиходеи — но только те, для которых Зло стало единственной основой жизни. Так что сегодня я усну спокойно — впервые с тех пор, как покинул Раздол. Надеюсь, наши невзгоды и горести хотя бы на время канут в небытие. Нам необходимо как следует отдохнуть. — Арагорн лег и мгновенно уснул.

Вскоре уснули и остальные Хранители. Их не тревожили даже сновидения, а спали они необычайно долго. Когда, проснувшись, они вылезли из шатра, в небе светило серебристое солнце, а над круглым водоемом высокого фонтана круто выгибалась яркая радуга.

Спокойно-светлые, словно капли росы, искрились над Галадхэном ясные дни, и вскоре Хранители потеряли им счет; иногда с востока наползала туча, но, пролившись дождем, быстро выцветала и уплывала стайкой облачков на запад: день ото

дня становилось теплее, прозрачный воздух казался весенним, однако в мягкой лесной тишине по-прежнему ощущалось дыхание зимы. Хранители гуляли по окрестностям Галадхэна, плотно ели и много спали, но их житье не казалось им скучным — видимо, они очень вымотались в пути.

Владыки больше не призывали гостей, а другие эльфы, жившие в Крепости, почти не знали всеобщего языка. Хэлдар, пожелав им счастливого пути, снова отправился на северную границу — теперь там стояла сильная дружина. Леголас постоянно пропадал у сородичей, он даже редко ночевал в шатре и только обедать приходил к Хранителям.

Болезненная, как свежая рана, тоска, не дававшая Хранителям говорить о Гэндальфе, постепенно сменилась благодарной грустью, и теперь они часто его вспоминали. Порой в мелодичных эльфийских песнях им слышалось имя сгинувшего друга — лориэнцы тоже оплакивали мага. «А митрандир э сэрвен» — печально пели жители Галадхэна; они, как сказал Хранителям Леголас, называли Гэндальфа Серым Скитальцем. Но переводить их песни Леголас отказывался — говорил, что ему недостанет искусности, — да и горькая печаль, по его словам, вызывала желание не петь, а плакать.

Первым, кто переплавил свою горечь в песню, оказался, как это ни странно, Фродо, хотя обычно песен не сочинял и даже в Раздоле, слушая эльфов, сам он почти никогда не пел, даром что помнил множество песен. А сейчас, прислушиваясь к лориэнским напевам, неожиданно для себя создал песню о Гэндальфе. Но, когда он попытался спеть ее Сэму, она распалась на неуклюжие куплеты — так рассыпаются сухие листья под порывами ветра. И все же он ее спел:

Бывало, смеркнется чуть-чуть,
И слышен шум его шагов;
Но на рассвете в дальний путь
Он уходил без лишних слов.

На запад или на восток —
Сквозь тьму пещер, простор степной,
Ненастья, ветры, пыль дорог, —
Во вьюжный мрак и южный зной.

В отважных странствованьях он
Прекрасно понимал язык
Любых народов и племен
И огненно-драконий рык —

Воитель с гибельным мечом,
Целитель с чуткою рукой,
Мудрец со старческим челом,
Навек отринувший покой.

Один стоял он на мосту,
Седой, усталый пилигрим,
Как древний витязь на посту,
Готовый в бой, а перед ним —

Багровый Ужас из Глубин,
Непобедимый, страшный Враг,
Но витязь выстоял — один! —
И канул навсегда во мрак...

— Ишь, а ведь вы скоро превзойдете Бильбо! — выслушав песню, восхитился Сэм.

— Куда мне, — возразил Фродо. — Но что мог, я сделал.

— Только, знаете, сударь, хорошо бы еще придумать, какой он был искусник насчет всяких фейерверков. Что-нибудь вроде такого вот куплета:

А небеса цвели при нем
Ракетами, как дивный сад,
Где искры что цветы горят
И как дракон рокочет гром, —

хотя он устраивал все еще чудесней.

— Ну, это уж ты сам опиши. Или, может, опишет когда-нибудь Бильбо. А я больше говорить сейчас про Гэндальфа не в силах. И не знаю, как расскажу о его участи Бильбо...

Фродо и Сэма одолевало беспокойство. Они решили прогуляться по лесу, но в тихих, ласково прохладных сумерках обоим казалось, что исполинские ясени шелестят им про скорое расставание с Лориэном.

— Что ты думаешь об эльфах, Сэм? — нарушил Фродо шелестящую тишину. — Я уже задавал тебе этот вопрос, но с тех пор мы ближе узнали эльфов. Так что ты думаешь про них теперь?

— Да ведь они, эльфы-то, здорово разные, — откликнулся Сэм, — даром что родичи. Эльф, он, конечно, одно слово — эльф, его и по голосу ни с кем не спутаешь... А присмотришься — непохожи они друг на друга. Вы вот возьмите хоть здешних, благословенных, — наш-то, Леголас, он ведь вовсе другой. Здешние привязаны к своей Благословении вроде как мы с вами к нашей Хоббитании. Они ли уж переделали по себе свою землю, или она их к себе приспособила, этого я вам сказать не могу, а только их край как раз им под стать. Они ведь не хотят никаких перемен, а тут и захочешь, так ничего не изменишь. У них даже завтра никогда не бывает: просыпаешься утром — опять сегодня... если вы понимаете, про что я толкую. И магии ихней я ни разу не видел...

— Да тут ее ощущаешь на каждом шагу! — перебив Сэма, воскликнул Фродо.

— Ощущаешь-то, ощущаешь, а видеть не видишь, — упрямо возразил хозяину Сэм. — Вот Гэндальф, тот был и правда маг — помните, какие он засвечивал огни? Все небо горело, и слепой бы увидел... Жаль, что Владыки нас больше не зовут. Потому что, я думаю, ихняя Владычица может показать настоящее волшебство... Хотелось бы мне на это поглядеть! Да и вы бы, наверно, с удовольствием посмотрели, раз уж бедняга Гэндальф погиб.

— Нет, — сказал Фродо. — Здесь и так хорошо. А Гэндальф нужен мне без всякой магии. Я ведь любил его не за то, что он маг.

— Оно конечно, — согласился Сэм. — И вы не подумайте, что я их ругаю. Просто очень мне хочется увидеть настоящие чудеса — как в древних сказках. А так-то край даже лучше раздольского. Тут ведь живешь — вроде ты и дома, а вроде бы приехал в гости на праздник... если вы понимаете, про что я толкую. Меня бы отсюда и пирогом не выманить — да ведь никто за нас наше дело не сделает, а значит, пора собираться в дорогу. Потому что, как любил говорить мой старик, сидя сиднем дела не сделаешь. И сдается мне, что здешние эльфы в нашем походе никакие не помощники, даже и с ихней благословенной магией. Куда уж им против настоящего мага! Мы еще наплачемся в пути без Гэндальфа!

— Наверно, — со вздохом откликнулся Фродо. — И все же я думаю, что Владычица эльфов захочет дать нам прощальное напутствие.

Едва он сказал последние слова, навстречу им вышла Владычица Лориэна — высокая, стройная и прекрасная.

Она поманила хоббитов за собой и, обойдя с востока вершину холма, привела их на обнесенную оградой поляну. Замедлив шаги, хоббиты огляделись. По поляне струился неглубокий ручей, вытекающий из фонтана у жилища Владык, а вдоль ручья шла пологая лестница. Все трое спустились по лестнице в лощинку, и здесь, возле гладкой как зеркало заводи, хоббиты увидели серебряную чашу на низком постаменте из белого мрамора. Возле чаши стоял серебряный кувшин.

Владычица нагнулась, взяла кувшин и наполнила чашу водой из ручья. Потом легонько дохнула на воду, дождалась, когда рябь успокоится, и сказала:

— Перед вами Зеркало Владычицы Лориэна. Я привела вас к нему для того, чтобы вы, если у вас достанет решимости, заглянули за грань обыденно зримого.

В синеватом сумраке тесной лощинки высокая и стройная фигура Галадриэли излучала, как почудилось взволнованным хоббитам, холодное бледно-опаловое сияние.

— А зачем нам заглядывать за грань зримого и что мы увидим? — спросил ее Фродо.

— По моей воле Магическое Зеркало явит вам все, что вы пожелаете, — ответила хоббиту Владычица Лориэна. — Но гораздо интереснее, а главное — полезней предоставить Зеркалу полную свободу. Я не знаю, что именно покажет вам Зеркало — прошлое, определившее вашу нынешнюю жизнь, или какие-нибудь сегодняшние события, способные повлиять на вашу судьбу, или то, что, возможно, случится в будущем. Да и вы едва ли сумеете понять, какие события открываются перед вами — минувшие, нынешние или грядущие... — Владычица помолчала и спросила Фродо: — Так хочешь ли ты заглянуть в мое Зеркало?

Фродо не ответил на ее вопрос.

— А ты? — обратилась Владычица к Сэму. — Насколько я знаю, — добавила она, — у вас назвали бы это волшебством. Слово «волшебство» мне не очень понятно — тем более что вы именуете волшебством и уловки, которыми пользуется Враг. Ты хотел увидеть эльфийскую магию — или, по-твоему, настоящее волшебство, — так попробуй заглянуть в Магическое Зеркало.

— Я попробую, — неуверенно отозвался Сэм. И, обернувшись к Фродо, со вздохом сказал: — Хорошо бы глянуть на Торбу-на-Круче. Мы ж просто страх сколько не были дома! Да разве волшебство Норгорд-то покажет? Небось увижу я какие-нибудь звезды... или такое, что и понять невозможно.

— А все же попробуй, — сказала Галадриэль. — Только не касайся воды руками.

Сэм вскарабкался на подножие постамента и опасливо заглянул в серебряную чашу. Темная вода отражала лишь звезды.

— Ясное дело, — проговорил он ворчливо, — звездочки небесные... — И внезапно умолк. Вместо черного неба с яркими звездами в чаще сияло весело солнце и на ветру подрагивали ветви деревьев. Однако понять, что ему привиделось, хоббит не успел, ибо свет померк, и в неясной мгле он заметил Фродо — тот лежал возле темной каменной стены, и лицо у него было мертвенно-бледное. Потом видение опять изменилось, и Сэм увидел самого себя. Он брел нескончаемыми темными коридорами, долго взбирался по спиральной лестнице, стараясь кого-то разыскать — но кого?.. Точно в причудливо обрывчатом сне, перед ним уже снова сияло солнце и мелко подрагивали ветви деревьев — не от ветра, как ему показалось вначале, а под ударами топора. Сэм всполошился.

— Что за лиходейство! — вскричал он зло. — Кто ему дозволил, проклятому Пескунсишке? Они же полезные Норгорду деревья — чтоб затенять дорогу от Мельницы до Приречья, — а

он, проклятый лиходейщик, их рубит! Эх, очутиться бы сейчас в Хоббитании — он бы у меня *на носу себе зарубил* не хвататься ручищами за чего не просили!

Но, вглядевшись внимательней, Сэм обнаружил, что там, где стояла Старая Мельница, строится уродливый кирпичный дом, а рядом со стройкой вздымается к небу закопченная красно-кирпичная труба. Клубы дыма, быстро сгущаясь, черной завесой затягивали Зеркало.

— А в Норгорде-то худо, — пробормотал Сэм. — Господин Элронд, видно, знал, что делает, когда посылал Перегрина домой... Ну лиходейщики! — вдруг выкрикнул он, соскочил с пьедестала и угрюмо сказал: — Я ухожу домой. Они разрушили Истербинку и выгнали на улицу моего старика. Я видел — ковыляет он, горемыка, по Норгорду и катит в тачке все свое барахлишко.

— Ты же не можешь вернуться один, — спокойно напомнила Сэму Галадриэль. — Когда тебе очень захотелось уйти, ты решил, что не вправе покинуть Фродо. А Зеркало часто открывает события, для которых время еще не настало и, весьма вероятно, никогда не настанет — если тот, кому оно их открыло, не свернет с выбранной им однажды дороги, чтобы предотвратить возможное будущее. Магическое Зеркало — опасный советчик.

— А мне и не надо никаких советов. И волшебства не надо, — пробурчал Сэм. Потом замолчал и сел на траву. — Нет уж, наша дорога домой лежит, по всему видать, через Мордор, — после паузы глухо выговорил он. — Но ежели мы доберемся до Хоббитании, а там все окажется, как было в Зеркале, пусть лиходейщики пеняют на себя!

— А тебе не хочется заглянуть в Зеркало? — посмотрев на Фродо, спросила Галадриэль. — Ты сказал, что всюду ощущаешь здесь магию... но эльфийская магия тебя не прельщает?

— Я и сам не знаю, — ответил Фродо. И, немного помолчав, с надеждой добавил: — Ты думаешь, мне стоит в него заглянуть?

— Я не буду тебе ничего советовать, — сказала Галадриэль. — Решайся сам. Да и видения Зеркала не принимай за советы, ибо, случайно узнав о событиях, которые способны изменить нашу жизнь, мы рискуем отказаться от того, что задумали, и навеки предать свою собственную судьбу. Случайные знания очень опасны, хотя иногда и помогают в борьбе... По-моему, ты достаточно мудр и отважен, чтобы верно понять увиденное в Зеркале, но поступай как хочешь, — заключила Галадриэль.

— Я хочу посмотреть, — проговорил Фродо и, взобравшись на постамент, заглянул в Зеркало. Гладь воды сразу же просветлела — взгляду хоббита открылась равнина, освещенная лучами

заходящего солнца. Вдали равнину замыкали горы; от гор, петляя меж пологими холмами, тянулась к Фродо полоска дороги, но потом она круто сворачивала налево и вскоре исчезала за чертой горизонта. По дороге ползла чуть заметная точечка — Фродо всмотрелся, — крохотная фигурка... Хоббита охватило радостное волнение: он был уверен, что это Гэндальф, но с белым жезлом и в белом плаще. Однако лица его Фродо не разглядел — он ушел по дороге налево, за горизонт, — и потом, вспоминая этого белого путника, Фродо не смог для себя решить, Гэндальфа он видел или Сарумана; а равнину стерло новое видение.

По маленькой комнате с квадратным столом, заваленным грудой исписанных листков, от окна к двери прохаживался Бильбо; в окно барабанили капли дождя, а старый хоббит был чем-то взволнован, внезапно он замер, но поверхность Зеркала подернулась рябью, и комнатка исчезла.

Когда Магическое Зеркало прояснилось, Фродо по внезапному озарению осознал, что перед ним, чередой разрозненных видений, мелькают вехи великой Истории, в которую и его вовлекла судьба.

Ему открылось штормовое Море — он сразу понял, что именно *штормовое,* хотя до этого Моря не видел, — вздыбленное сизыми громадами волн, тяжелые тучи закрывали солнце, но оно, прожигая их свинцовую пелену, освещало корабль, плывущий к востоку. Потом возник многолюдный город, рассеченный надвое могучей рекой, потом — горделивая горная крепость о семи башнях из белого камня. А потом сверкнуло рассветное солнце, осветив совершенно спокойное Море. Прозрачную рябь голубоватой воды вспарывал корабль под черными парусами и с белым деревом на узком флаге. Корабль медленно приблизился к берегу и тотчас же скрылся за дымным заревом, и солнце закатилось, и в багровом сумраке краткими вспышками кровавых боев проступили картины нескончаемой битвы, и багровый сумрак стал черной тьмой, и Фродо ничего уже не мог разглядеть. А потом, когда тьма немного поредела, от берега отвалил серебристый кораблик и вскоре скрылся в морских просторах. Фродо приготовился слезть на землю.

Но зеркальная чаша вдруг опять почернела — словно черная дыра в бесконечную пустоту, — и, всплыв из тьмы на поверхность Зеркала, к Фродо медленно приблизился ГЛАЗ. Обрамленный багровыми ресницами пламени, тускло светящийся мертвенной желтизной, был он, однако, напряженно-живым, а его зрачок — скважина в ничто — постоянно пульсировал, то сужаясь, то расширяясь. Фродо с ужасом смотрел на Глаз, не в силах вскрикнуть или пошевелиться.

Стеклянисто-глянцевое яблоко Глаза, иссеченное сетью кровавых прожилок, ворочалось в тесной глазнице Зеркала, и Фродо, скованный леденящим ужасом, понимал, что Глаз, обшаривая мир, силится разглядеть и Хранителя Кольца, но, пока у него есть воля к сопротивлению, пока он сам не захочет открыться, Глаз бессилен его обнаружить. Кольцо, ставшее неимоверно тяжелым, туго натягивало тонкую цепочку, и шея хоббита клонилась вниз, а вода в Зеркале кипела и клокотала.

— Осторожнее, мой друг. Не коснись воды, — мягко сказала Фродо Галадриэль, и он отпрянул от черного кипятка, и Глаз, постепенно тускнея, утонул, а в Зеркале отразились вечерние звезды. Фродо торопливо соскочил с постамента и, все еще дрожа, посмотрел на Владычицу.

— Мне знакомо твое последнее видение, — проговорила она. — Не надо пугаться. Но знай — не песни и лютни менестрелей и даже не стрелы эльфийских воинов ограждают Лориэн от Черного Властелина. Ибо, когда он думает об эльфах, мне открываются все его замыслы, и я могу их вовремя обезвредить, а ему в мои мысли проникнуть не удается.

Владычица посмотрела на восток и как бы отстранила что-то левой рукой, а правую медленно подняла к небу. Вечерняя Звезда, любимица эльфов, светила столь ярко, что фигура Владычицы отбрасывала на землю чуть заметную тень. В лощинке уже было по-ночному темно, но внезапно ее словно молния озарила: на левой руке у Владычицы Лориэна ослепительно сверкнуло золотое кольцо с овальным переливчато-перламутровым самоцветом, и Фродо *понял* — или так показалось.

— Да, — спокойно подтвердила Галадриэль, хотя он ни слова не сказал вслух. — Одно из Трех сохраняется в Лориэне. Мне доверено Кольцо Нэнья. Враг об этом не знает — пока. И от твоей удачи — или неудачи — зависит судьба Благословенного Края. Ибо, если ты погибнешь в пути, Магия Средиземья падет перед лиходейством, а если сумеешь исполнить свой долг, мир подчинится всевластному Времени, а мы уйдем из Благословенного Края или станем, как и вы, смертными, добровольно сдавшись новому властелину, от которого не спасешь даже память о прошлом.

Галадриэль умолкла; молчал и Фродо; потом он посмотрел ей в глаза и спросил:

— А какую судьбу выбрала бы ты — если б тебе было дано выбирать?

— К сожалению, мне не дано выбирать, — печально ответила ему Владычица. — Мы будем вечно вспоминать Лориэн — даже за Морем, в Благословенной Земле, — и наша тоска никогда не смягчится. Однако ради победы над Сауроном эльфы

готовы отказаться от родины — поэтому мы и приютили Хранителей: вы не в ответе за судьбу Лориэна... А если б я стала мечтать о несбыточном, то мне захотелось бы, чтоб Вражье Кольцо навеки сгинуло в Андуине Великом.

— Ты мудра, бесстрашна и справедлива, — сказал ей хоббит. — Хочешь, я отдам тебе Вражье Кольцо? Его могущество — не по моим силам.

Неожиданно Владычица звонко рассмеялась.

— Так, значит, *мудра, бесстрашна и справедлива?* — все еще усмехаясь, повторила она. — Когда ты предстал предо мною впервые, я позволила себе заглянуть в твое сердце — и тебе удалось отомстить мне за это. Ты становишься поразительно прозорливым, Хранитель! Зачем скрывать, я много раз думала, как поступлю, если Вражье Кольцо волею случая окажется у меня — и вот теперь я могу его получить! Зло непрерывно порождает зло, независимо от того, кто принес его в мир, — так, быть может, я совершу великое благо, завладев доверенным тебе Кольцом?

Тем более что мне оно достанется без насилия и я не сделаюсь *Черной* Властительницей! Я буду грозной, как внезапная буря, устрашающей, как молния на ночных небесах, ослепительной и безжалостной, как солнце в засуху, любимой, почитаемой и опасной, как пламя, холодной, как зимняя звезда, — но не ЧЕРНОЙ!

Она подняла к небу левую руку, и Кольцо Нэнья вдруг ярко вспыхнуло, и Фродо испуганно отступил назад, ибо увидел ту самую Властительницу, о которой только что говорила Галадриэль, — ослепительно прекрасную и устрашающе грозную. Но она опять мелодично рассмеялась и опустила руку, и самоцвет померк, и Фродо с облегчением понял, что обознался: перед ним стояла Владычица эльфов — высокая, но хрупкая, прекрасная, но не грозная, в белом платье, а не в сверкающей мантии, и голос у нее был грустно-спокойный.

— Я прошла испытание, — сказала она. — Я уйду за Море и останусь Галадриэлью.

После долгого молчания Владычица сказала:

— Пойдемте. Завтра вы покинете Лориэн, ибо выбор сделан и время не ждет. А сейчас вас желает видеть Владыка.

— Но сначала ответь мне, — попросил ее Фродо, — на вопрос, который я не задал Гэндальфу: хотел спросить его, да все не решался, а потом он погиб в Морийских пещерах. Мне доверено главное Магическое Кольцо — почему ж я не вижу других Владетелей? Почему не знаю их тайных помыслов?

— Ты ведь не пытался увидеть и узнать, — ответила Влады-

чица. — И никогда не пытайся! Это неминуемо тебя погубит. Разве Гэндальф тебе не говорил, что сила любого Магического Кольца зависит от могущества его Владетеля? Если ты будешь распоряжаться Кольцом, не сделавшись истинно могучим и мудрым, то рано или поздно Всеобщий Враг сумеет подчинить тебя своей воле и ты, незаметно для себя самого, начнешь выполнять все его повеления. Помни — ты Хранитель, а не Владетель: тебе доверено *не владеть, а хранить*. Трижды ты надевал на палец Кольцо... однако скажи — по своей ли воле? И все же ты стал удивительно прозорливым! Тебе открылись мои тайные мысли — не многие Мудрые могут этим похвастаться! Ты увидел Глаз Великого Врага и Кольцо Нэнья у меня на пальце... Скажи, ты заметил мое Кольцо? — спросила Владычица, повернувшись к Сэму.

— Какое кольцо? — переспросил Сэм. — Ты показала рукой на Вечернюю Звезду, и она очень ярко тебя осветила, но я не видел никакого кольца и, признаться, не понял, про что вы. Но раз уж ты дозволила мне говорить, то и я прошу тебя вместе с хозяином — возьми ты у него это Вражье Кольцо! Ведь ежели бы оно перешло к тебе, то тебя-то никто не посмел бы ослушаться! Ты-то навела бы порядок в мире. Лиходеи зареклись бы сносить Исторбинку и выгонять на улицу моего старика. Они у тебя сами нахлебались бы лиха!

— Да, я сумела бы их обуздать, — задумчиво подтвердила Галадриэль. — Но потом... Впрочем, Кольцо остается у Фродо, так что не будем об этом говорить. Пойдемте, вас ждет Владыка Лориэна.

Глава VIII

ПРОЩАНИЕ С ЛОРИЭНОМ

Все Хранители собрались у Владыки. После приветствий Селербэрн сказал:

— Отряду Хранителей пора выступать. Перед вами снова открывается выбор. Тот, кто решится продолжить Поход, завтра должен покинуть Кветлориэн. А тот, кто не хочет идти с Хранителем, волен пока что остаться у нас. Но, если Враг завладеет Кольцом, гости эльфов будут втянуты в битву — ведь нам предстоит прорываться к Морю, — а в этой битве уцелеют немногие.

Все молчали.

— Они решили продолжить Поход, — оглядев гостей, сказала Галадриэль.

— Для меня Поход — это путь домой, — объявил Боромир, — мой выбор прост.

— А ты уверен, — спросил его Селербэрн, — что Хранители собираются идти в Минас-Тирит?

— Мы еще не знаем, как нам идти, — озабоченно ответил Владыке Арагорн. — Гэндальф ни разу об этом не говорил. Да, по-моему, он и не успел обдумать, куда мы пойдем после Кветлориэна.

— Впереди — Андуин, — напомнил Владыка. — Через него можно переправиться лишь на лодке, ибо мосты в Осгилиате разрушены. Если вам нужно попасть в Минас-Тирит, вы можете двигаться вдоль правого берега, но по левому берегу дорога короче. Так какой же путь вы думаете избрать?

— Путь через Гондор длиннее, но безопасней, — сказал Боромир. Арагорн промолчал.

— Я вижу, вам еще неясен ваш путь, — сказал Селербэрн. — И не мне его выбирать. Я помогу вам немного иначе. Некоторым Хранителям лодка не в диковину — Боромиру, Леголасу, Арагорну-Следопыту...

— И одному из хоббитов! — выкрикнул Мерри. — По нашему уделу течет Брендидуим, и я-то знаю, что речная лодка — это... это не дикая кобылица, которая норовит пришибить седока.

— Прекрасно, мой друг, — сказал Селербэрн. — Я могу снабдить вас лориэнскими лодками. Они у нас небольшие и легкие, но прочные, так что вы сможете плыть без опаски, а там, где понадобится, нести их по берегу: на Андуине много порогов и перекатов. Пешком путешествовать утомительнее, чем в лодках, а главное, спускаясь по Великой Реке, вы спокойно обдумаете, куда вам свернуть — на восток, в Мордор, или к западу, в Гондор.

Арагорн очень обрадовался лодкам, ибо он все еще не мог решить, по какому берегу вести Отряд. Остальные Хранители тоже приободрились. Впереди их ждали великие опасности, в этом ни один из них не сомневался; ну а все-таки *плыть* навстречу опасностям гораздо приятней, чем тащиться пешком. Всеобщей радости не разделял лишь Сэм: он был уверен, что речные лодки гораздо опаснее диких кобылиц (которых, как он думал, вообще не бывает).

— Мы приготовим лодки и походное снаряжение к завтрашнему дню, — пообещал Селербэрн. — А сейчас уже поздно, вам пора отдохнуть. Доброй ночи и приятных снов!

— Спите спокойно, — сказала Галадриэль, — вы еще успеете выбрать дорогу. А быть может, каждый из вас уже начал — не заметив этого — тот единственный путь, который предназначен ему судьбой.

Хранители вернулись в свой шатер у фонтана — Леголас вместе с ними, — чтоб устроить совет: слова Владычицы их не очень-то успокоили.

Долго и бурно обсуждали путники, как добраться до Роковой горы; но вскоре стало совершенно ясно, что почти всех их пугает Мордор и они хотят идти в Минас-Тирит — чтобы хоть ненадолго оттянуть путешествие в страшное логово Черного Властелина. Впрочем, позови их Фродо за Андуин, им удалось бы преодолеть страх; однако Фродо упорно молчал, и они не знали, на что решиться.

Если бы Гэндальф был по-прежнему с ними, Арагорн без колебаний свернул бы в Гондор, веря, что пророческий сон Боромира, подтвердивший древнее предание дунаданцев, призывает его, наследника Элендила, выйти на битву со Всеобщим Врагом. Но Гэндальф сгинул, и Арагорн понимал, что ему придется сопровождать Фродо, если тот захочет переправиться через Андуин. И однако — чем он поможет хоббиту, слепо нырнув под Завесу Тьмы?

— Я-то и один пойду в Минас-Тирит, это мой долг, — сказал Боромир. Потом он пристально посмотрел на Фродо, как бы пытаясь прочитать его мысли, но, заметив, что хоббит не собирается говорить, опустил голову и раздумчиво продолжил: — Если Кольцо необходимо уничтожить, то силой оружия тут ничего не добьешься, и Хранителю незачем идти в Гондор. Но если необходимо уничтожить *Врага,* то глупо отказываться... — Боромир замолчал, словно до этого он рассуждал сам с собой, а теперь вдруг понял, что говорит вслух, и закончил явно не так, как хотел: — ...от военной помощи Великого Гондора.

Фродо встревожили слова Боромира. *Глупо отказываться,* начал гондорец... От чего? Может — от Кольца Всевластья? Фродо вспомнил, что на Совете у Элронда он уже заводил об этом разговор, но Элронд тогда же ему все объяснил, и он как будто бы понял, в чем дело. Хоббит с надеждой глянул на Арагорна, однако тот, погруженный в раздумье, видимо, просто не слушал Боромира. На этом их совещание и кончилось. Мерри с Пином давно уже спали, Сэм крепился, но украдкой позевывал; в воздухе ощущалась предрассветная свежесть. Фродо забрался под одеяло и уснул.

Поутру они начали собираться в путь. Эльфы принесли к их шатру одежду и несколько небольших мешков с продовольствием. Гимли развязал один из мешков, вынул тонкую коричневую лепешку, разломил ее — внутри она оказалась кремовой — и, еще не попробовав, разочарованно сказал:

— Галеты... — Однако снизошел до пробы.

И в одно мгновенье сжевал лепешку.

— Остановись! — со смехом закричали эльфы. — Ты и так проголодаешься теперь только к вечеру, да и то если будешь весь день работать.

— В жизни не ел таких вкусных галет, — признался Гимли. — Просто чудеса! Уж на что люди из Приозерного королевства мастера готовить дорожные галеты, но с вашими лепешками их нельзя и сравнивать.

— У нас они называются не галетами, а *путлибами,* или, в переводе на всеобщий язык, дорожным хлебом, — объяснили эльфы. — Если их не ломать, они будут свежими даже через несколько недель пути, так что храните их на черный день. Путнику — хотя бы и Громадине-человеку — достаточно всего лишь путлиба в сутки, чтобы не чувствовать ни голода, ни усталости.

Потом хозяева вынули одежду — длинные лориэнские плащи с капюшонами из легкой и тонкой, но плотной ткани, сшитые по мерке на каждого Хранителя. Они показались переливчато-серебристыми в прозрачной тени исполинских ясеней и как бы впитывали любые оттенки, золотясь под солнцем, зеленея в траве, голубея на фоне безоблачного неба и становясь бесцветно-сероватыми в сумерки, — Хранители не однажды с удивлением замечали, что эльфов необычайно трудно разглядеть, когда им хочется, чтобы их не увидели (ходят-то они совершенно бесшумно), и очень обрадовались подаренным плащам. На шее ворот плаща и капюшон застегивались маленькой малахитовой брошкой в форме листа с золотыми прожилками.

— А он волшебный? — осведомился Пин, радостно разглядывая свой новый плащ.

— Мы не понимаем, что значит «волшебный», — ответил хоббиту один из эльфов. — Твой плащ — эльфийский, можешь не сомневаться... если ты это имеешь в виду. Вода и воздух, земля и камни, деревья и травы Благословенного Края отдали ему переливчатые краски, мягкость и красоту, прочность и вековечность, ибо все, что окружает эльфов, оживает в изделиях их мастеров. Плащи — одежда воинов и разведчиков, но именно одежда, а не воинские доспехи; от стрел или копий они не спасут. Зато защитят от холода и дождя, прикроют в жару от палящего солнца и скроют в походе от вражеских глаз. Вы удостоились особой дружбы Владык, ибо доселе ни один чужестранец не получал в подарок лориэнской одежды.

Между тем настала пора уходить. Хранители с грустью глянули на шатер, который долго заменял им дом — хотя они не сумели бы вспомнить, сколько дней им пришлось тут прожить, — на фонтан у шатра, на мэллорн Владык... Отвернувшись, они увидели Хэлдара. Фродо очень обрадовался знакомцу.

— Я охраняю северную границу, — поднявшись по склону, сказал им эльф, — но меня назначили вашим проводником, и я ненадолго вернулся в Галадхэн. Долина Черноречья застлана дымом, а земные недра тяжело содрогаются — в горах происходит что-то неладное, и вы не смогли бы уйти на север, домой. Но путь по Андуину пока свободен. Идемте, времени терять нельзя.

Мэллорны звенели голосами эльфов, но на тропках путникам никто не встретился; они спустились к подножию холма, миновали Ворота, коридор между стенами, перешли по белому мосту через ров и свернули следом за Хэлдаром на восток.

Тропа петляла по густому лесу, небо закрывали золотистые листья, и путники чувствовали, что идут под уклон. Лиг через десять ясени расступились, в небе сверкнуло полуденное солнце, путники невольно ускорили шаг, вышли на открытую поляну и огляделись. Справа от них струилась Ворожея, прозрачная, звонкая и не очень широкая; а впереди, перерезая им путь на восток, бесшумно катил свои темные воды необозримо широкий и хмурый Андуин. С севера узкую луговую косу окаймляла стена исполинских ясеней; за Андуином, среди кочковатых лугов, щетинились кусты и редкие перелески; за Ворожеей до темной линии горизонта тянулись угрюмые голые леса. Реки ограничивали с юга и востока цветущие земли Благословенного Края. Хранители подступили к рубежам Глухоманья.

На левом берегу Золотой Ворожеи, шагах в тридцати от ее впадения в Андуин, виднелся низкий белокаменный причал; у причала были пришвартованы лодки разных размеров и всевозможных цветов. Эльфы грузили припасы Хранителей в три небольшие светло-серые лодочки. Сэм опасливо подошел к берегу, нагнулся, поднял моток веревки — она была легкая, а на ощупь шелковистая — и спросил у эльфов:

— Это тоже нам?

— Конечно, — ответили хоббиту эльфы. — Мы положили в каждую лодку по три мотка — чтоб уж с избытком. Никогда не пускайся в путешествие без веревки — длинной, легкой, тонкой и прочной. А наши веревки как раз такие. И они не единожды вам пригодятся.

— А то я не знаю! — воскликнул Сэм. — Мы вот ушли из Раздола без веревки, так я себя клял до самого Лориэна...

— Можете отчаливать, — объявил Хэлдар. — Только не торопитесь выходить в Андуин. Сначала вам надо освоиться с лодками.

— Да-да, будьте осторожны, друзья, — поддержали Хэлдара другие эльфы. — У наших лодок мелкая осадка, даже когда они загружены до предела, и вы не сразу к этому привыкнете. Испробуйте их сперва возле берега.

Хранители не спеша расселись по лодкам — первыми Фродо и Сэм с Арагорном, за ними Мерри и Пин с Боромиром, а очень сдружившиеся в последнее время Гимли и Леголас поплыли вдвоем; к ним погрузили мешки с провизией.

На дне лодочек лежали весла с лопастями в форме широкого листа. Арагорн оттолкнулся веслом от причала и пошел для пробы вверх по реке. Он греб умело, но течение было быстрым, и лодка двигалась довольно медленно. Сэм устроился на передней банке и, вцепившись обеими руками в борта, со страхом смотрел на могучий Андуин. Ворожея весело искрилась под солнцем; порой мимо лодки проплывал к Андуину чуть-чуть притонувший ясеневый лист. Вскоре путники миновали косу, и над ними сомкнулся полог листвы; воздух был сух, но свеж и прохладен; тишину нарушала лишь песня жаворонка.

Арагорн развернулся и пошел по течению. Вдруг из-за крутого поворота реки стремительно выплыл громадный лебедь с гордо изогнутой белоснежной шеей, янтарными глазами, золотистым клювом и слегка раскинутыми в стороны крыльями. Послышалась негромкая мелодичная музыка, и, когда невиданная птица приблизилась, путники поняли, что это лодка, с изумительным искусством сработанная эльфами, — издали лебедь казался живым, хотя он и был неестественно огромным. Два гребца в светло-серых плащах слаженно работали черными веслами, над которыми распростерлись широкие крылья. В лодке сидел Владыка Лориэна, а рядом с ним стояла Галадриэль — высокая, стройная, в белом одеянии и венке золотистых, вечно живых цветов, она пела печальную эльфийскую песню, негромко аккомпанируя себе на арфе. Грустно, но сладкозвучно звенел напев, словно бы приглушаемый зимней прохладой:

Я пела о золотистой вешней листве, и леса шелестели листвой;
Я пела о ветре, и ветер звенел в шелковистой травс луговой;
В Заокраинный Край уплывала луна,
И за нею спешила морская волна
В Эльдамар, где среди светозарных долин
Возвышается гордый гигант Илмарин
И, горами от Мстительной мглы заслонен,
Полыхает огнями Святой Тирион,
А на Дереве Белом, как искры утрат,
В каждой капле росы наши слезы горят...
О Златой Лориэн! Слишком долго я здесь
Прожила в окружении смертных и днесь
Безнадежно пою про корабль в те Края,
Где зажглась бы для нас прежней жизни Заря...

— Мы приплыли, чтобы пожелать вам удачи на вашем опасном и трудном пути, — допев песню, сказала Галадриэль.

— Вы долго были гостями эльфов, — добавил Селербэрн, — но так уж случилось, что мы ни разу не разделили трапезы. Вла-

дычица приглашает вас на прощальный обед у берегов Великой Пограничной Реки.

Фродо почти не притронулся к еде. Он с грустью поглядывал на Владычицу эльфов, предчувствуя, что это их последняя встреча. Владычица не казалась могущественной и грозной, хотя была по-всегдашнему красива. Она неожиданно представилась хоббиту (как и всем, кто сталкивается с эльфами сейчас) неизменно юной и вечно прекрасной жительницей давно ушедшего прошлого.

После обеда Владыка Лориэна рассказал Хранителям о Приречных землях:

— Андуин течет по широкому ущелью среди лесов и каменистых степей. Сначала он круто забирает к востоку, а потом, после нескольких гигантских петель, устремляется, постепенно сужаясь, на юг, прорезает небольшое бесплодное взгорье и после довольно опасного переката разбивается на два разъяренных потока об остров Тол-Брандир — по-вашему Скалистый, — чтобы низвергнуться в низины Болони, или, как именуют их эльфы, Нэндальфа. Водопад Оскаленный — по-эльфийски Рэрос — на лодках, конечно же, одолеть невозможно, и вам придется обходить его берегом. Однако тем, кто свернет в Минас-Тирит, лучше распрощаться с Андуином до Рэроса, чтобы идти по Ристанийской равнине, минуя болотистые низины Нэндальфа. Только не уклоняйтесь на северо-запад, к лесам у южных отрогов Мглистого, ибо про эти древние леса сложено немало странных легенд.

— Последний раз я пересек Мустангрим на пути к Раздолу, — сказал Боромир. — И хотя пробирался я по западным землям — от Белых гор к Серострую и Бесноватой, — хотя я не знаю восточного Мустангрима, но дорогу домой отыщу и с востока...

Заметив, что гондорец не собирается продолжать, Галадриэль встала и торжественно возгласила:

— Пусть каждый выпьет прощальный бокал — за успешное завершение начатого пути! — Когда Хранители осушили бокалы, хозяйка снова предложила им сесть. — Мы распрощались, и нас уже разделила незримая тень предстоящей разлуки, — после долгой паузы сказала она. — Но прежде чем вы покинете Лориэн, примите прощальные подарки эльфов.

Сначала она обратилась к Арагорну:

— Для тебя, Предводитель Отряда Хранителей, наши мастера изготовили ножны под стать прославленному мечу Элендила. Меч, извлеченный из этих ножен, не может сломаться или затупиться... Однако вскоре между нами встанет непроглядно черная Завеса Тьмы. Так нет ли у тебя заветного желания, которое

могла бы исполнить лишь я, Владычица эльфов Благословенного Края?

И Арагорн ответил Галадриэли:

— Владычица, к исполнению моего желания приведет меня лишь мой собственный путь — путь сквозь Тьму до победы или гибели. Все мои помыслы о будущей жизни связаны с эльфами Раздола и Лориэна, но исполнить мое заветное желание не под силу даже тебе или Элронду...

— Как знать, — возразила ему Владычица. И добавила: — Прими же еще один дар. — Она протянула Арагорну брошь, сработанную из прозрачно-зеленого самоцвета. Брошь — орел с распростертыми крыльями — источала мягкий искрящийся свет, словно заслоненное листьями солнце. — Я получила этот камень от матери и подарила его своей дочери Селебрайне, а та — своей; но отныне он твой. Ибо предсказано, что *в свой час ты назовешься Элессар-Эльфийский Берилл из Рода Элендила.*

И Арагорн поклонился, и принял брошь, и приколол на грудь; и все вдруг заметили его поистине царственный облик: он сбросил с плеч, как почудилось Фродо, тяжелый груз многолетних скитаний по самым гибельным Глухоманным землям.

— Благодарю тебя, о Владычица Лориэна, давшая жизнь Селебрайне и Арвен, за этот неоценимый дар, — сказал он. Владычица молча склонила голову.

Двум юным хоббитам, Пину и Мерри, Галадриэль подарила серебряные пояса с массивными пряжками в форме цветка, а Боромиру — золотой, инкрустированный топазами; Леголас получил лориэнский лук, более упругий и мощный, чем лихолесские, и колчан с тонкими, но тяжелыми стрелами.

— Ну а для тебя, мой милый садовник, — ласково сказала Владычица Сэму, — у меня приготовлен особый подарок: скромный, однако, надеюсь, полезный. — Она протянула хоббиту шкатулку с единственной буквой, выгравированной на крышке. — Это руна «Г», — объяснила Владычица, — а в шкатулку я положила немного земли, благословленной мною на щедрое плодородие в любых краях Средиземного мира. Она не защитит от опасностей на пути, не спасет от вражеских мечей и стрел, но если ты когда-нибудь возвратишься домой и удобришь этой землею свой сад — пусть даже давно разоренный и заброшенный, — то он расцветет с необычайной пышностью. И тогда, быть может, тебе вспомнится Лориэн, который ты видел, к сожалению, лишь зимой, ибо наше лето давно миновало.

Сэм густо покраснел и, бормоча неуклюжие слова благодарности, низко поклонился Владычице эльфов.

— Осталось узнать, — сказала Галадриэль, — какой подарок в память об эльфах было бы приятно получить гному.

— Никакого, Владычица, — отозвался Гимли. — Мне доста-

точно, что я видел собственными глазами прекрасную Владычицу Благословенного Края.

— Вы слышали? — спросила у эльфов Галадриэль. — Теперь, я думаю, вам не будет казаться, что всякий гном — угрюмый корыстолюбец? И однако без подарка мы тебя не отпустим, дорогой мой Гимли, — добавила она. — Скажи мне, что ты хотел бы получить на память об эльфах Благословенного Края?

— Я ничего не прошу, Владычица, — ответил ей гном. И надолго умолк. Но потом набрался храбрости и закончил: — Если же говорить о *несбыточных* желаниях... то я пожелал бы получить в подарок прядь волос Владычицы Лориэна. Гномы умеют ценить драгоценности, а в сравнении с твоими волосами, Владычица, золото кажется ржавым железом! Не гневайся — я ведь ни о чем не прошу... — На этот раз он умолк окончательно.

Послышалось испуганное перешептывание эльфов, а Селербэрн в изумлении глянул на гнома. Но Владычица улыбнулась и мягко спросила:

— Что же ты сделал бы с этим подарком?

— Хранил бы его как великую драгоценность, — не задумываясь ответил Владычице гном, — в память о дружбе с эльфами Лориэна.

И Владычица, отрезав у себя прядь волос, отдала ее гному и раздумчиво сказала:

— Я ничего не хочу предрекать, ибо на Средиземье надвигается Тьма и мы не знаем, что ждет нас в будущем. Но если Тьме суждено развеяться, ты сумеешь добыть немало золота — однако не станешь его рабом.

— Тебя, Хранитель, я одариваю последним, — посмотрев на Фродо, сказала Галадриэль, — именно потому, что давно уже решила, как хоть немного облегчить твой путь. — Владычица поднялась и протянула хоббиту хрустальный, светящийся изнутри сосуд. — В этом *фиале*, — объяснила она, — капля воды из Зеркальной Заводи, пронизанная лучами Вечерней Звезды. Чем чернее тьма, тем ярче он светится. Надеюсь, что если на твоем пути померкнут иные источники света, то тебе поможет Эльфийский Светильник — вспомни тогда Галадриэль с ее Зеркалом!

Владычица, озаряемая светом фиала, казалась могущественной, прекрасной и величавой, но вовсе не грозной, как когда-то у Зеркала. Фродо поклонился, ничего не сказав: нужные слова ему в голову не пришли.

Селербэрн проводил Хранителей до причала. Под косыми лучами заходящего солнца мягко золотились волны Ворожеи; небо звенело трелями жаворонков. Путники разделились, как в первый раз, когда решили испробовать лодки; эльфы оттолкну-

ли их шестами от берега, громко пожелали счастливого пути, и они поплыли к Андуину Великому. На косе, при впадении Ворожеи в Андуин, молча стояла Владычица Лориэна. Легкие лодки вынесло на стрежень, и Лориэн медленно начал удаляться, словно могучий златопарусный корабль, уплывающий от Хранителей в безвозвратное прошлое.

За косой величественно-хмурый Андуин затемнил прозрачные струи Ворожеи, лодки быстро понесло к югу, и вскоре светлая фигурка Галадриэли стала маленькой, чуть-чуть заметной черточкой, светящейся искрой в ладонях рек. Фродо почудилось, что искра вдруг вспыхнула — это Галадриэль поднялась на цыпочки и вскинула руки в последнем прощании, — а потом сквозь шелест попутного ветра ему послышалась отдаленная песня, едва различимая и все-таки звонкая. Но теперь Владычица Лориэна пела на древнеэльфийском языке Заморья — мелодия звучала необычайно красиво, однако слова лишь тревожили Фродо:

Аи! Лауриэ лантар ласси сýринен,
Йéни ýнотимэ ве рамар алдарон!
Йени ве линтэ йуадар а канцер
Ми оромарди лиссэ-мировóрева
Андунэ релла, Вардо желлумар
Нэ лоини йоссен тинтилар о элени
Омарьо апретáри-лиринен.

Си мон а йулма нин энквуантума?

Ан си Тинталлэ Варда Оиолоссао
Ее фанйар тарьйат Элентáри ортанс
Ар Ильс тиер Рундулáве лумбулс;
Ар синданопрела канто морниз.
Си ванва нэ Рóмэлло ванва, Валимар!

Намариэ! Нам хирувалио Валимар.
Наи эльо хирава. Намариэ!

Но смысл песни — очень невнятно — все же отпечатался в памяти Фродо, хотя и слова, и события той эпохи, о которой вспоминала Владычица Лориэна, казались ему недоступно чужедальними: «Ветер срывает золотистые листья с бесчисленных, словно годы, золотистых ветвей. Долгие, долгие годы прошли, как медовая свежесть над лугами Заморья, и звезды трепетали в голубых небесах над светлым перевалом от голоса Ее, и Она, Варда, притушила звезды и Море, отделившее нас от Отчего края, окутала Вечновечерняя Мгла. И потерян, потерян для нас Валимар. Прощай, Валимар! Но с надеждой тебя найти мы не расстанемся во веки веков!..»

Вардой называли живущие в Средиземье эльфы Предвечную Владычицу Заокского Края — Элберет.

Неожиданно Андуин свернул к востоку, и высокий, поросший деревьями берег скрыл от Фродо Благословенный Край. Больше он там никогда не бывал.

Путешественники плыли на юго-восток. Предзакатное солнце, отражаясь в реке, слепило их наполненные слезами глаза. Гимли плакал, ничуть не таясь.

— Теперь, повидав Благословенный Край, — печально сказал своему спутнику гном, — я уж ничто не назову прекрасным... Кроме ее прощального дара.

Он ощупал в кармане плоскую коробочку, где хранился золотистый локон Галадриэли.

— Я с трудом решился на Поход в Мордор, — вытирая слезы, заговорил он снова, — а про главные-то опасности, оказывается, не знал. И ведь Элронд предупреждал нас, что никому не известно, какие испытания нам встретятся на пути. Я боялся невзгод и лишений во Тьме — но этот страх меня не остановил. А если б я знал, как страшно измучаюсь, когда мне придется покидать Лориэн, то еще из Раздола ушел бы домой. Потому что, поймай меня завтра же Враг, муки горше, чем сегодняшнее прощание, ему не придумать... Бедный я, несчастный!

— Нам всем тяжело, — сказал ему Леголас. — Всем, кто живет в наше смутное время. Каждый из нас обречен на потери. Но тебя-то не назовешь бедным и несчастным: ты не потерял самого себя — а это самая горькая потеря. В тяжелое мгновение ты остался с друзьями — и ничем не замутненная память о счастье будет тебе пожизненной наградой.

— Память? — с сомнением отозвался Гимли. — Спасибо тебе за добрые слова, но память — слишком холодное утешение. Ведь она лишь зеркало ушедшей жизни. Во всяком случае, так думают гномы. Для эльфов прошлое вечно продолжается, и память у них — как живая жизнь; а мы вспоминаем о том, что ушло, и наша память подернута холодком... — Гимли умолк, а потом воскликнул:

— Ладно, нечего себя травить. Разговорами горю все равно не поможешь... и ледяной ванной, между прочим, тоже. А нас вон вынесло на самую стремнину. — Он сел поудобнее, взялся за весла и начал выгребать к западному берегу — туда, где виднелась лодка Арагорна.

Могучие темные воды Андуина уносили Хранителей на юго-восток. Здесь безраздельно властвовала зима. По берегам теснились голые деревья, заслоняя от путников приречные земли. Теплый ветер из Лориэна утих, и Андуин окутала стылая тишина. Не было слышно даже щебета птиц. Потускневшее солнце скрылось за лесом, и на реку пали промозглые сумерки,

сменившиеся вскоре беззвездной ночью. Путники плыли у левого берега; голые деревья, словно серые призраки, жадно тянули узловатые корни к черной, глухо плещущейся воде. Фродо устало закрыл глаза, и его сморила неспокойная дрема.

Глава IX

ВЕЛИКАЯ РЕКА

Проснулся Фродо на лесной поляне. Он был заботливо укутан в одеяло и все же чувствовал, что очень продрог. Занималось холодное серое утро. Поляну обступили высокие деревья, а где-то внизу шумела река. Неподалеку Гимли разводил костерок.

Позавтракав, путники сразу отчалили; однако грести никому не хотелось, и лодки спокойно плыли по течению. Впереди, куда бы они ни свернули, путников ждали великие опасности; они были рады, что Скалистый далеко, и отнюдь не спешили до него добраться. Зато они совсем не тратили сил, и Арагорн решил, что не будет их торопить. Он лишь следил, чтоб они плыли весь день, с раннего утра и до позднего вечера, ибо опасался, что, пока они отдыхали, Властелин Мордора не сидел сложа руки.

Прибрежные леса постепенно редели, а на третьи сутки исчезли совсем. Восточный берег взбугрился холмами, которые простирались до самого горизонта — бесформенные, бурые и совершенно безжизненные: ни птицы или зверя, ни деревца или кустика или хоть скалы, чтоб отдохнуть глазу. Путники приплыли к Бурым Равнинам, тянувшимся вдоль Андуина от Чародейских Дебрей до Приречного взгорья и Гиблых Болот. Враг ли отравил их каким-нибудь лиходейством, выжег ли багровый подземный огонь или опустошила черная саранча — этого не знал даже Арагорн; они издревле были мертвыми и пустынными.

Западный берег, тоже безлесный, закрывали густые заросли камыша — его фиолетово-черные метелки шелестели на ветру печально и глухо. Когда стена камыша обрывалась, Фродо видел холмистые луга, покрытые густой и высокой травой, а за ними — полоску далекого леса и уступчатые контуры Мглистого хребта.

В камышах слышались птичьи голоса; иногда над рекой пролетали утки; а однажды путники заметили лебедей.

— Лебеди! — воскликнул Сэм. — Здоровущие!

— И черные, — мрачно добавил Арагорн.

— До чего же холодный и угрюмый край, — зябко поежившись, пробормотал Фродо. — Я думал, что на юге радостно и тепло и все цветет, а зимы не бывает.

— Разве это юг? — откликнулся Арагорн. — В низовьях Андуина и на морском побережье уже наступила пора цветенья — там, я думаю, тепло и радостно, — если южные края не затемнены. А мы-то еще в средней полосе — у северной границы Ристанийской державы, которая проходит по реке Кристалинке, — всего лиг на сто южней Хоббитании. Здесь в это время и снег может выпасть. Ристанийские земли славятся плодородием, и раньше они были густо заселены, но теперь близ Андуина никто не живет, ибо у его восточных берегов снова стали появляться орки. А кочуют они огромными ордами, уничтожая на своем пути все живое, и, говорят, вторгаются даже к ристанийцам.

Сэм с беспокойством огляделся по сторонам. Раньше, когда они плыли через лес, ему казалось, что из прибрежных чащоб за ними наблюдают шпионы Врага; ну а теперь, на открытых просторах, он чувствовал себя совсем беззащитным.

Андуин резко свернул к югу. Берега медленно уплывали назад. Холмы на востоке как бы приплюснуло: западный берег превратился в низину, поросшую пучками жесткой травы. Андуин широко разлился и обмелел. Восточный ветер был сухим и холодным.

Путники почти не разговаривали друг с другом — каждый был погружен в собственные раздумья. Фродо вспоминал цветущий Лориэн, яркое солнце и прозрачные ливни, золотые леса и серебристые реки. Леголас мысленно перенесся на север: ему представилась летняя ночь, поляны, затененные голубыми елями, журчание искрящихся под звездами родников и звонкие голоса лихолесских эльфов. Гимли размышлял, где найти алмаз — большой, но прозрачный, словно капля росы, — чтоб выдолбить шкатулку для дара Галадриэли. Мерри с Пином пытались понять, какие заботы одолевают их спутника — Боромир грыз ногти, что-то бормотал, а иногда подгребался к лодке Арагорна и очень странно смотрел на Фродо. Сэм думал, что путешествие по реке, оказавшееся, к счастью, не слишком опасным, доконает его полнейшим бездельем. Скрюченный и несчастный, сидел он в лодке, глядя на уныло однообразные берега, — Арагорн даже весел ему не доверял, когда приходилось обходить мели.

Заканчивался четвертый день их плавания; в воздухе клубился вечерний туман: Сэм, как обычно, сидел на носу, устало сгорбившись, и поглядывал назад. Ему не терпелось вылезти из лодки и ощутить под ногами твердую землю. Внезапно он выпрямился, протер глаза и долго смотрел на большое бревно, ко-

горое медленно плыло за лодками. Потом его взгляд скользнул по берегу, и он опять дремотно притих.

В эту ночь они остановились на островке неподалеку от западного берега реки. После ужина, уютно укутавшись в одеяло, Сэм сказал засыпающему Фродо:

— Сегодня, часа эдак за два до привала, мне примерещилось что-то непонятное... А теперь вот я думаю — может, не примерещилось?

— Так примерещилось или нет? — спросил его Фродо, зная, что Сэм все равно не угомонится, пока не расскажет свою историю до конца. — Давай уж толком — что ты увидел?

— Бревно, — таинственно шепнул ему Сэм. — Да не просто бревно, а живое и с глазами.

— Ну, бревен тут в реке много, — сладко зевнув, отозвался Фродо. — А насчет глаз — это ты брось. Бревен с глазами даже здесь не бывает.

— Ан нет, бывает, — уперся Сэм. — Я тоже думал — бревно и бревно, плывет себе за Гимлиной лодкой и все. Да оно вдруг начало нас догонять. Ну и тут уж я увидел глаза: светятся на бревне, ровно два огонька. А потом смотрю — бревно-то живое. Потому что у него были лапы, как у лебедя, только большие, и оно этими лапами гребло. Что, думаю, за сон? И протер глаза. А бревно заметило, что я пошевелился, и стало как мертвое — ни лап, ни глаз. Я и раздумал подымать тревогу: решил, что все это мне со сна примерещилось. А когда отвернулся и глянул на берег, мне показалось, что какой-то зверь выскочил из воды и притаился в осоке. Как вы думаете — что это было?

— Пожалуй, не сон, — сказал ему Фродо. — Эти глаза появлялись и раньше. Я видел их в Мории, а потом в Черноречье. И однажды существо с такими же глазами карабкалось к нам на дэлонь в Лориэне. Хэлдар тогда его тоже заметил. А помнишь, про что нам рассказывали эльфы, которые поубивали орков из Мории?

— Конечно, помню, — ответил Сэм. — И рассказы вашего дядюшки помню. И, по-моему, знаю, кто нас преследует. Горлум, чтоб ему, проклятому, провалиться!

— Вот и я так думаю, — отозвался Фродо. — Наверно, из Лихолесья он удрал в Морию и сумел нас выследить. А теперь преследует.

— Наверно, — согласился с хозяином Сэм. — И, стало быть, надо нам крепко поостеречься? А то ведь у этого склизкого лиходейщика лапы не дрогнут — подкрадется да и придушит. Сейчас уж не стоит будить Бродяжника. Вы тоже спите. А я посторожу. Потому как в лодке-то я просто груз, могу и днем неплохо отоспаться.

— Груз-наблюдатель, — усмехнулся Фродо. — Ладно, ты, значит, сторожи до полуночи, а потом обязательно меня разбуди — если ничего не стрясется раньше.

В полночь Сэм разбудил хозяина и доложил, что ничего тревожного не заметил:

— Вроде бы что-то тут плескалось в реке, а потом и на берегу что-то шебуршало, да это, я думаю, ветер и волны.

Фродо сел и закутался в одеяло.

Хранители спали; все было тихо; время тянулось дремотно и медленно; у хоббита уже начали слипаться глаза... Вдруг возле лодок послышался всплеск, и кто-то осторожно вынырнул из воды. За борт ухватилась бледная рука, пловец подтянулся, заглянул в лодку и медленно повернул голову к островку. Фродо сидел у самого берега. Он ясно увидел два светящихся глаза, услышал даже дыхание пришельца — вскочил, выхватил из ножен меч... Но светящиеся глаза мгновенно погасли. Раздался плеск, и пловец исчез. А рядом с Фродо уже стоял Арагорн.

— В чем дело? — шепотом спросил он хоббита.

— Горлум, — коротко ответил Фродо.

— Так ты о нем знаешь? — удивился Арагорн. — Он выследил нас в Морийских пещерах. А теперь вот приладился преследовать на бревне. Я было пытался его изловить, да ничего у меня из этого не вышло: он юркий, как ласка, и скользкий, как угорь. Значит, надо от него уплыть, ибо на свободе он очень опасен: и сам способен исподтишка убить, и врагов при случае может привести.

Больше в ту ночь Горлум не появлялся. Днем путники отдыхали на острове, а вечером снова отправились в путь. Теперь, укладываясь по утрам спать, они всегда выставляли часового. Но ни один часовой Горлума не видел. Может быть, он не подходил к ним близко, а может быть, попросту отстал в пути — Хранители взялись наконец за весла. Плыли они быстрее, чем прежде, и до восьмой ночи — без всяких происшествий.

Погода была холодной и пасмурной, ветер устойчиво дул с востока. К вечеру небо немного расчистилось, и в разрывах туч появлялся месяц — еле заметный серебристый серп.

А приречные земли опять изменились. Бурые, поросшие терновником утесы подступали к Андуину с обеих сторон; за ними, громоздясь все выше и выше, вставали уступчатые скалистые кряжи с черными провалами глубоких ущелий; кое-где, вцепившись корнями в скалы, гнулись на ветру корявые кедры, увитые цепкими стеблями плюща. Путники подходили к Приречному взгорью, которое ристанийцы называли Привражьем: у этих земель была недобрая слава.

Над скалами кружилось множество птиц, солнце, закрытое пеленой облаков, уплывало за буро-багровые скалы; лежа под прикрытием береговых утесов, Арагорн рассеянно поглядывал в небо и обдумывал, не мог ли злоумышленный Горлум сообщить об Отряде Вражьим вассалам; Хранители готовились рассаживаться по лодкам. Вдруг Арагорн поспешно вскочил. Он увидел вдалеке громадную птицу, которая летела на юго-восток.

— Послушай-ка, Леголас, — окликнул он эльфа, — как по-твоему, это не орел?

— Орел, — всмотревшись, ответил эльф. — Хотел бы я знать, что он тут делает? Ведь орлы гнездятся только в горах. А Приречное взгорье — это не горы.

— До наступления темноты мы отчаливать не будем, — решительно объявил Арагорн Хранителям.

К ночи восточный ветер утих. Андуин окутала безмолвная тьма. Ущербный месяц едва светился, и тускло мерцали в тумане звезды. Сэм недоверчиво рассматривал месяц.

— Странное дело, — сказал он Фродо. — Месяц ведь вроде бы везде один — что здесь, в Глухоманье, что у нас, в Хоббитании. А вот получается, как будто их два — над Лориэном свой собственный, а везде другой, — или я совсем заплутался во времени. Помните, когда мы оказались у эльфов и в первую ночь ночевали на дэлони, месяц уменьшался — рожками вправо, — и жить ему оставалось не больше недели. Ну вот, а теперь мы ушли из Лориэна и плыли семь дней, и вчера я смотрю — на небо карабкается молоденький месяц, только что народившийся, рожками влево. Так, выходит, время-то стояло на месте? Не тридцать же дней мы гостили у эльфов!

— Не знаю, — задумчиво отозвался Фродо. — Эльфы, по-моему, не властны над временем — значит, оно все же движется в Лориэне; но и время пока еще не властно над эльфами — поэтому его в Лориэне не замечаешь. Могущество Владелицы Наина велико...

— Говорить о Наине за пределами Лориэна нельзя даже с самыми близкими друзьями, даже со мной, — перебил его Арагорн. Он окинул берег тревожным взглядом. Однако ничего тревожного не заметил и, посмотрев на Сэма, коротко объяснил: — Пока мы жили в Благословенном Краю, месяц умер, и народился снова, и снова умер. Время не остановишь. Тридцать дней мы гостили у эльфов. Зима, сковавшая Средиземье, кончается. Подступает весна последней надежды. — Арагорн умолк и подошел к лодкам. — Пора отправляться, — сказал он громко. — Это последний ночной переход. Дальше я русла Реки не знаю. Ниже по течению нам встретится Сарн-Гебир — Взгорный Перекат на всеобщем языке, — и ночью нас там неминуемо

разобьет. А днем, при свете, мы заранее остановимся, чтобы обойти его по прибрежной тропе. Но до Взгорного отсюда лиг сто, не меньше. Правда, и здесь надо плыть с осторожностью, чтобы не напороться на утес или остров. Поэтому держитесь все время за мной.

Сэма назначили впередсмотрящим. Туман развеялся, и яркие звезды искристо высветили воду Реки. Бликующая рябь слепила глаза. Сэм внимательно вглядывался во тьму. Перевалило за полночь; у невидимых берегов глухо шумела в скалах вода; течение становилось все более быстрым. Внезапно Сэм предостерегающе вскрикнул — впереди, преграждая Хранителям путь, от западного берега до середины Реки протянулась узкая каменистая мель. Течение, круто выгибаясь влево, потащило лодки к восточному берегу. Вспененная вода ревела и клокотала; там, где сузившийся вдвое поток разбивался об утесы восточного берега, крутились белые от пены водовороты.

— Ночью нам эту стремнину не пройти! — крикнул Боромир, пытаясь повернуть. — А если за ней начинается Взгорный, нас всех утопит, как слепых котят!

— Надо выгребаться к западному берегу! — резко разворачиваясь, прокричал Арагорн.

Гимли с Леголасом тоже повернули.

Арагорн мощно налегал на весла.

— Я ошибся в расчетах, — сказал он Фродо. — Мы уже, видимо, подошли к Сарн-Гебиру. Андуин течет быстрей, чем я думал.

Путники с трудом выгребались против течения. Лодки медленно ползли вперед. Но их отжимало к правому берегу. Он казался зловещим и черным.

— Левее! Нас может посадить на мель, и лодки перевернет! — крикнул Боромир.

Фродо почувствовал, что днище лодки царапают камни прибрежной отмели. А потом глухое рычание стремнины резко взрезал пронзительный свист, и с берега в путников полетели стрелы. Одна проткнула капюшон Арагорна — счастье, что Следопыт в это время пригнулся; другая хищно клюнула Фродо и, звякнув, отскочила от мифрильной кольчуги; третья расщепила лопасть весла, которым греб в средней лодке Мерри. Сэму казалось, что он видит стрелков — черные силуэты на темных утесах, — восточный берег был очень близко.

— Ирчи! — по-эльфийски вскричал Леголас.

— Орки! — тревожно воскликнул Гимли.

— Горлумова работа, — пробормотал Сэм, — больше-то их некому было привести. Чтоб ему сдохнуть, треклятому лиходей-

щику! Да и Андуин тоже на них работает — так ведь и тащит к восточному берегу!

Хранители гребли из последних сил. Стрелы то проносились над их головами, то с глухим всплеском вспарывали воду. Однако больше попаданий не было. Орки прекрасно видят в темноте, но Хранителей спасли лорианские плащи — без них им пришлось бы, наверное, худо.

Лодки медленно продвигались вперед. Вскоре напор течения ослабел. Хранители выгреблись на середину реки, и утесы справа поглотила тьма. Тогда они резко свернули влево, пересекли Реку и, причалив к берегу, скрывшись под ветками прибрежных кустов, перевели дыхание и бросили весла.

Леголас вынул из колчана стрелу, поднялся по уступчатым скалам чуть вверх, натянул тетиву и глянул за Реку. Однако разглядеть ничего не смог. Да и крики орков постепенно затихли. Фродо снизу смотрел на эльфа. В ночном небе перемигивались звезды, но с юга наползали черные тучи, и звезды одна за другою меркли.

Внезапно путников охватил страх.

— *О Элберет! Гилпониэль,* — вскидывая голову, прошептал Леголас.

Обгоняя надвигающиеся с юга тучи, к путникам приближалась крылатая тень, огромная, как древний сказочный дракон. Из-за Андуина послышались радостные вопли. Фродо замер от леденящего ужаса, и ему вдруг вспомнился холодный клинок, блеснувший перед его глазами у Заверти. Он бессильно съежился и закрыл глаза.

Зазвенела тетива лорианского лука. Со свистом устремилась к небу стрела. Крылатая тень конвульсивно дернулась и, хрипло вскрикнув, исчезла за Андуином. В небе снова мерцали звезды. Вопли на восточном берегу стихли. Черную тишину ничто не нарушало.

Передохнув, Хранители взялись за весла и медленно поплыли вверх по течению. Вскоре им встретился узкий залив. Они вошли в него, причалили к берегу и решили остановиться тут до рассвета. Костер, даже маленький, мог выдать их оркам, и они подкрепились эльфийскими лепешками.

— Будь благословен лориэнский лук и верный глаз лихолесского эльфа! — дожевав лепешку, воскликнул Гимли. — Это был замечательный выстрел, мой друг!

— Я так и не понял, в кого стрелял, — подавляя дрожь, сказал Леголас.

— Я тоже не понял, кто к нам летит, но меня не радовала предстоящая встреча, совсем не радовала, — признался Гимли. —

Мне почему-то вдруг вспомнилась Мория... — Гном опасливо оглянулся по сторонам. — ... и Барлог, — шепотом закончил он.

— Это не Барлог, — возразил Фродо, который еще не успел оправиться от черного ужаса, — а кто-то другой. Барлог похож на раскаленную тучу. А тот, которого подстрелил Леголас... он дохнул на меня... — Фродо зябко поежился, — ... могильным холодом. И мне показалось... — Хоббит запнулся и не стал продолжать.

— Что тебе показалось? — подхватил Боромир, перегнувшись через борт к лодке Арагорна.

— Да ведь только показалось, — уклонился Фродо, — так что нечего об этом и говорить. А вот орки явно очень приуныли, когда Леголас подстрелил их союзника.

— Приуныли и обозлились, — уточнил Арагорн. — Но мы, к сожалению, не знаем их замыслов. На всякий случай приготовьтесь к бою. Нынешней ночью нам спать не придется.

Немо тянулись ночные часы. Монотонно шумел в отдалении Перекат. За Рекой таилась враждебная тишина. Тяжелые тучи, принесенные с юга, опустились на Андуин, словно волглое одеяло. Безветренный мрак был теплым и влажным. На ветках, тускло поблескивая во тьме, висели бисеринки мелких капель.

Когда на востоке затлел рассвет, серое, процеженное сквозь тучи утро открыло глазам утомленных путников печальный и странно смягчившийся мир: ни резких контуров, ни темных теней — лишь полупрозрачная белесая мгла. Восточного берега не было видно.

— Не люблю туман, — пробормотал Сэм. — А вот, глядишь, и туман пригодится. Может, не отыщут нас теперь орки-то?

— Может, и не отыщут, — сказал Арагорн. — Если мы сумеем отыскать тропу, чтобы обойти по берегу Сарн-Гебир.

— А зачем нам Река и прибрежные тропы? — вмешался Боромир. — Настало время бросить эти эльфийские скорлупки. — Кивком головы гондорец указал на лодки. — Раз мы добрались до Взгорного Переката, надо уходить к западу, сворачивать на юг и переправляться через Чистолесицу.

— Это путь в Минас-Тирит, — сказал Арагорн. — А мы еще не решили, куда нам идти. Но главное, двигаться вдоль Болонских топей, не зная точно, где свернуть на юг, гораздо опасней, чем плыть по Реке. Ты ведь не знаешь восточной Ристании. А Река не даст нам сбиться с пути.

— Как только туман над рекой развеется, нас перебьют, — возразил Боромир. — А если даже мы оторвемся от орков и дойдем до Скалистого — дальше-то что? Перепрыгнем Оскаленный и свернем в болота?

— Оскаленный мы обойдем по берегу, — сказал Арагорн. — И заодно уж осмотримся. Ты забыл или просто не хочешь вспоминать про древние Сторожевые Посты нуменорцев — Амон-Ведар и Амон-Слоуш? Быть может, оглядев окрестные земли, мы решим наконец, куда нам идти.

Боромир долго спорил с Арагорном. Однако, убедившись, что Фродо и остальные решили идти вдоль Реки, сказал:

— Гондорцы не привыкли сворачивать в сторону, когда их друзей ждет нелегкий путь. Я помогу вам перенести лодки, а потом вместе спустимся к Скалистому, хотя из-за орков это очень опасно. Но потом сразу же уйду на запад — один, если я недостоин попутчиков.

Понизу туман слегка развеялся. Было решено, что Арагорн с Леголасом отправятся на поиски прибрежной тропы.

— До появления орков, — сказал Арагорн, — путники часто спускались по Андуину, и тропу, я думаю, найти нетрудно: Взгорный всегда обходили берегом.

— С тех пор как у Андуина бродят орки, прорваться по Реке с севера на юг почти невозможно, — предупредил Боромир. — И чем дальше к югу, тем опасней Андуин.

— Любая дорога на юг опасна, — спокойно ответил ему Арагорн. — Ждите нас здесь до завтрашнего утра. Если мы к этому сроку не возвратимся, выбирайте предводителя и сразу же уходите.

С тяжкой тревогой смотрели путники, как скрываются в тумане Леголас и Арагорн. Однако их тревога оказалась напрасной. Разведчики вернулись часа через два.

— Все в порядке, — спустившись, объявил Арагорн. — Чуть выше по берегу тянется тропа, которая выводит за Взгорным к причалу. Пройти нам придется лиги полторы: лигу вдоль Переката и до него пол-лиги. За южным причалом течение быстрее, но рифов и отмелей в Реке уже нет. А северный причал, где тропа начинается, довольно далеко, и плыть к нему долго. Так что надо выбираться здесь. Главное — вытащить на тропу лодки: берег тут, как видите, крутой и скалистый.

— Это будет нелегко, — проворчал Боромир.

— Но мы с этим справимся, — сказал Арагорн.

— Конечно, справимся! — воскликнул Гимли.

Выгрузка очень утомила путников, но в конце концов с нею было покончено. Сначала на тропу вынесли поклажу. Потом, отдохнув, приступили к лодкам, которые оказались поразительно легкими. Из какой древесины они изготовлены, Леголас не знал, а остальные тем более — она была твердой, но почти невесомой, так что нести разгруженную лодку могли по тропе даже Пин и Мерри. Однако дотащить лодки до тропы без помощи Боромира, наверно, не удалось бы. Высокие уступы крошащих-

ся скал, облепленные ползучими стеблями плюща, глубокие расселины, прикрытые ежевикой, которая намертво вцеплялась в одежду, ледяные ручьи, бездонные колодцы — для маленьких путников с лодками в руках такой подъем был бы неодолим. Даже могучие Арагорн с Боромиром едва одолели этот трудный подъем — но лодки были доставлены на тропу, и дальше дело пошло быстрей.

Справа к тропе подступала стена из отвесных, с извилистыми трещинами, утесов, а слева рычала невидимая река, процеживаясь сквозь зубья Взгорного Переката. Иногда на тропе попадались камни, скатившиеся сверху, иногда — промоины; но их нетрудно было обойти. Вскоре тропа повернула налево и спустилась к причалу в естественной бухточке. Пешеходный путь вдоль берега кончился: дальше громоздились неприступные скалы. Этот путь Хранители проделали дважды и в два приема все перенесли.

Между тем постепенно начало смеркаться; путники сели на каменный причал и устало пригорюнились. День умирал; в отдалении монотонно выл Сарн-Гебир, навевая на путников тяжелую дрему.

— Ну вот, пришли, — сказал Боромир. — Однако плыть мы сегодня не можем. Нам всем нужно как следует выспаться.

— Нужно, — согласился с гондорцем Арагорн. — Но долгого сна у нас не получится, ибо дежурить мы будем по двое: три часа сна и час на посту. Если туман продержится до утра, мы, возможно, ускользнем от врагов.

За ночь никаких происшествий не случилось, лишь брызнул под утро небольшой дождичек. На рассвете Хранители отправились в путь. Пелена тумана слегка поредела; путники жались к западному берегу, сереющему под ними в молочной мгле. Часа через три стал накрапывать дождь, и вскоре начался весенний ливень. Чтоб лодки не затопило, их прикрыли фартуками, сделанными из тонкой непромокаемой кожи, но плыть продолжали — почти что вслепую.

Ливень разодрал завесу тумана и быстро иссяк. Небо расчистилось. Темные тучи уползли на север. Зубчатые кряжи Приречного взгорья с обеих сторон стеснили Андуин; путников стремительно несло вперед; повернуть и выгрести против течения они, вероятно, теперь не смогли бы.

Фродо тревожно смотрел вперед. Хранители приближались к огромным утесам, смутно напоминающим фигуры людей. Высокие, могучие, зловеще грозные, они походили на каменных воинов, охраняющих низовья Реки от врагов. Путникам предстояло проплыть между ними.

— Это Каменные Гиганты, — сказал Арагорн, — великие витязи Нуменорского королевства. — И громко крикнул ос-

тальным Хранителям: — Следуйте за мной! Держитесь на стремнине! Идите как можно дальше друг от друга!

Каменные Гиганты были уже близко. Они пронесли сквозь бури столетий приданный им создателями величественный облик. Немые, но грозные, древние, но могучие, в каменных, растрескавшихся от времени шлемах, смотрели они, чуть сощурившись, на север, предостерегающе подняв левую руку вверх и сжимая в правой боевой топор. Величавые часовые легендарного королевства внушали Фродо благоговейный страх, и он не поднял на Гигантов глаза когда их тени накрыли путников. Даже Боромир опустил голову, проплывая в отчаянно пляшущей лодочке между исполинскими стражами прошлого.

Отвесные, уходящие в небо утесы стремительно проносились мимо Хранителей; черная, как волнистое зеркало, вода оглушительно грохотала; было сумеречно и знобко; ледяной ветер пронизывал до костей. Фродо прижался к дрожащему Сэму, вслушиваясь в его прерывистое бормотание:

— Если выживу... больше никогда... ни за что... близко не подойду... издали не гляну...

— Не бойтесь! — раздался вдруг странный голос.

Фродо оглянулся и увидел Бродяжника — однако не сразу его узнал. Ибо перед ним стоял не Бродяжник — усталый скиталец дикого Глухоманья, — а прекрасный, молодой и могучий витязь. Неколебимо и гордо, с поднятой головою и небрежно откинутым назад капюшоном, возвышался он на корме лориэнской лодки, оседлавшей бешеную стремнину Андуина, — государь, возвращающийся в свои владения.

— Не бойтесь! — Голос был спокойный и звучный: его не заглушило рычание Реки. — Долгие годы мечтал я увидеть Каменных Гигантов — Исилдура с Анарионом. Своему потомку Элессару Эльфийскому, сыну Араторна из рода Элендила, они помогут одолеть стремнину. Не бойтесь. Здесь нам ничто не угрожает.

Ущелье, по которому плыли Хранители, быстро сужаясь, поворачивало на запад, монолитный рокот стиснутого потока многократно усиливало гулкое эхо; грохочущий сумрак синевато сгущался... Но вот впереди чуть забрезжил свет, стены ущелья неожиданно расступились, и Хранителей вынесло в спокойное озеро. Бледное, выстуженное ветром небо с редкими перьями взлохмаченных облаков, мелко дробясь, отражалось в воде. Солнце стояло довольно низко. Скалистые берега овального озера поросли могучими кряжистыми дубами; холодно и сиро блестели на солнце их искривленные бурями ветви. В отдалении, у южной окраины озера, возвышались над пологим берегом три горы; среднюю с двух сторон омывала Река.

— Это Тол-Брандир, — сказал Арагорн, указывая спутникам на среднюю гору. А слева и справа от него, за протоками, древние Сторожевые Посты нуменорцев: Амон-Слоуш и Амон-Ведар — Наслух и Овид на всеобщем языке. Там когда-то дежурили часовые, чтоб слушать и наблюдать, не приближаются ли враги. Но, говорят, на берегах острова Тол-Брандир никогда не бывал ни человек, ни зверь... А за островом вечно ярится Рэрос.

Увлекаемые к югу медленным течением, Хранители поели и немного передохнули. А потом снова взялись за весла. Низкое солнце стало тускло-багровым; на юге темнела громада Скалистого и отчетливо слышался рев Оскаленного. К острову путники подошли в темноте.

Кончался десятый день их путешествия по Великой Реке. Земли Глухоманья остались позади. Утром им предстояло свернуть на запад или на восток.

Глава X

РАЗБРОД

Арагорн повел их по правой протоке. Между Овидом и протокой тянулся луг. Дальше земли тонули во тьме. Арагорн повернул и причалил к берегу.

— Я ни разу не слышал, — сказал он спутникам, — чтоб возле Овида появлялись орки. Однако часовой нам все-таки нужен.

Хранители вытащили лодки на берег, завернулись в одеяла и вскоре уснули. Ночью ничего тревожного не случилось. Каждый часовой дежурил по часу — Горлум и орки до рассвета не появлялись. Если Горлум продолжал следить за Отрядом, то таился где-то невидимый и неслышимый. Но Арагорну спалось плохо и беспокойно. Под утро он встал и подошел к Фродо, который только что сменил Сэма.

— До твоего дежурства еще далеко, — сказал ему хоббит. — Почему ж ты не спишь?

— Сам не знаю, — ответил Арагорн. — Что-то встревожило меня во сне. Давай-ка глянем на твой Терн.

— Зачем? — удивленно спросил его Фродо. — Ты думаешь, к нам подбираются орки?

— Давай посмотрим, — повторил Арагорн.

Фродо вынул из ножен меч. Края клинка чуть заметно светились.

— Орки! — с беспокойством пробормотал хоббит. — Не очень близко... а все же близко.

— Довольно близко, — подтвердил Арагорн. — Но, быть может, это лишь соглядатаи Саурона, которые бродят по восточному берегу. До последнего времени, насколько я знаю, у Амон-Ведара орки не появлялись. А впрочем, с тех пор как гондорцы отступили, в приречных землях многое изменилось. Нам надо идти теперь очень осторожно.

Утренняя заря напоминала зарево далекого пожара. Космами темного дыма клубились на востоке тяжелые тучи, освещенные снизу тускло мерцающим солнцем, но вскоре солнце выплыло в чистое небо, золотисто высветив резкие контуры Тол-Брандира. Фродо с любопытством разглядывал остров. Стеною отвесных утесов поднимался он из поблескивающей мелкой рябью протоки, по крутым склонам его, выше опорных утесов, карабкались к вершине дубовые рощицы; а сама вершина — громадный скалистый шпиль — была совершенно бесплодной и голой. Над островом кружились птицы; но никаких зверей — или хотя бы змей в расселинах скал — Фродо не заметил.

После завтрака Арагорн сказал своим спутникам:

— Время настало, друзья. Сегодня нам придется наконец решить, куда мы свернем — на запад, в Гондор, чтобы открыто драться с Врагом, или на восток, в страну страха и тьмы. А возможно, нам предстоит разойтись, чтобы каждый мог выполнить свой собственный долг. Откладывать решение нельзя, ибо за Андуином бродят орки — если они еще не переправились на этот берег — и задержка может нас погубить.

Арагорн умолк. Но никто из Хранителей не нарушил тишины, никто не пошевелился. Тогда Арагорн заговорил снова:

— Видимо, бремя выбора ляжет на твои плечи, Фродо. Мы зовемся Хранителями, ибо сопровождаем тебя, но за судьбу Кольца отвечаешь ты один, тебе доверил его Совет Мудрых, и не нам определять, куда ты пойдешь. У меня нет права давать советы Главному Хранителю: я не Гэндальф — хотя заменял его, как мог, в дороге — и не знаю, на что решился бы он после Тол-Брандира. А впрочем, и Гэндальф оставил бы, мне кажется, выбор за тобой. Да, Фродо, твое слово — главное и окончательное.

— Я знаю, что нужно спешить, — медленно и далеко не сразу проговорил Фродо. — Но это очень тяжкое бремя — окончательный выбор. Дай мне час на раздумье, Арагорн, и, вернувшись, я скажу свое слово. Потому что я хочу побыть один.

— Что ж, подумай в одиночестве, Фродо, сын Дрого, — согласился Арагорн, окинув хоббита добрым и сочувственным взглядом. — Час мы подождем тебя здесь. Только не уходи далеко.

Сколько-то времени Фродо сидел не двигаясь; голова его

была опущена. Сэм, внимательно наблюдавший за хозяином, пробормотал себе под нос:

— Я-то, конечно, помолчу. А только чего тут думать, когда и так все ясно?

Словно бы в ответ на бормотанье Сэма, Фродо поднялся и ушел. Чтобы не глядеть ему в спину, Хранители отвернулись. Однако Боромир, как заметил Сэм, пристально следил за ним, пока его не заслонили деревья, росшие на склоне Овида.

Без всякой цели бродя по лесу, Фродо случайно вышел на заброшенную дорогу. Она вела к вершине горы. Там, где подъем становился круче, виднелись почти разрушенные каменные ступени, расколотые во многих местах корнями деревьев. Фродо машинально пошел вверх и вскоре оказался на лужайке, окруженной с трех сторон горными рябинами. В центре лужайки лежал плоский серый валун; как бы расступившись, чтобы не заслонять утреннее солнце, деревья открывали на востоке Тол-Брандир и кружащих вокруг его вершины птиц. В отдалении грозно выл Рэрос.

Фродо сел на камень и, подперев подбородок ладонями, глубоко задумавшись, притих. Перед его мысленным взором стремительно промелькнули события, случившиеся после ухода Бильбо из Торбы. Он припомнил рассказы Гэндальфа, начало Похода, Совет у Элронда — но окончательное решение ускользало, мысли двоились...

Внезапно ему стало не по себе: чей-то взгляд в спину оборвал, скомкал его раздумья. Он торопливо вскочил, оглянулся — и с невольным облегчением увидел Боромира. На лице гондорца застыла чуть напряженная, но добрая улыбка.

— Я беспокоился за тебя, Фродо, — сказал он. — Если Арагорн прав и орки близко, то бродить по лесу в одиночку очень опасно. Особенно тебе — ты ведь поистине бесценная добыча для врагов. Меня одолевают горькие мысли. Разреши мне посидеть тут с тобой, раз уж я тебя отыскал. Когда мы собираемся все вместе, каждое слово вызывает бесконечные споры. А здесь, вдвоем, нам, быть может, удастся найти какое-нибудь мудрое решение.

— Спасибо тебе, Боромир, — отозвался Фродо. — Да только вряд ли ты сумеешь мне помочь. Потому что я знаю, как мне надо поступить — и боюсь. Просто боюсь, Боромир.

Фродо замолчал. Сквозь ровный гул Рэроса слышался свист ветра в голых ветвях деревьев. Боромир подошел к хоббиту и сел рядом с ним на камень.

— А ты уверен, что мучаешься не впустую? — мягко спро-

сил он. — Зачем заранее отвергать всякую помощь? Я же вижу, что тебе нужен совет. Выслушай меня, Фродо!

— В том-то и дело, что я догадываюсь, какой ты дашь мне совет, Боромир, — сказал Фродо. — Он кажется мудрым... но сердце предостерегает меня.

— Предостерегает? Против чего? — резко спросил Боромир.

— Против отсрочки, — ответил Фродо. — Против легкого пути. Против желания сбросить с плеч тяжелое бремя. Против... как бы это сказать?.. Ну да — против слепой веры в силу и надежность людей.

— А между тем эта сила надежно охраняет вас от великих бедствий! — воскликнул Боромир.

— Я нисколько не сомневаюсь в доблести гондорцев, — сказал Фродо. — Но мир сейчас быстро меняется. Стены Минас-Тирита крепки, я знаю. А вдруг они окажутся недостаточно крепкими? Что тогда?

— Мы встретим смерть, как подобает воинам, — ответил Боромир. — Да и есть ведь еще надежда, что Вражье воинство сломает зубы о нашу крепость.

— Нету такой надежды, пока существует Кольцо, — отрезал Фродо.

— Кольцо! — подхватил Боромир, и глаза его вспыхнули. — Не странно ли, что нам всем доставляет столько тревог такая крохотная пустяковинка — золотое колечко. Покажи-ка ты мне, как оно хоть выглядит, а то я даже и не разглядел его на Совете у Элронда.

Подняв голову, Фродо заметил странный блеск в глазах Боромира. И хотя лицо гондорца было по-прежнему дружелюбным, хоббит почувствовал холодную отчужденность.

— Его лучше не вынимать, — коротко сказал он.

— Лучше так лучше, — сразу же отступил Боромир, — тебе видней. Но говорить-то о нем, надеюсь, можно? Вы вот все время толкуете про его страшное могущество в руках Врага: дескать, мир сейчас меняется и, если Кольцо не уничтожить, Минас-Тирит, а потом и все Средиземье сгинет под Завесой Тьмы. Возможно, так и случится, я не спорю — если Кольцо попадет к Врагу. Ну а если оно останется у нас?

— Элронд предупреждал на Совете, что Кольцо может служить лишь злодейству, — напомнил гондорцу Фродо.

— Да не пой ты с чужого голоса! — вскричал Боромир. Он встал и принялся беспокойно ходить по лужайке. — А впрочем, быть может, они и правы — Гэндальф, Элронд, все эти эльфы и маги — для самих себя. Быть может, они действительно станут злодеями, если к ним попадет Кольцо. Хотя по-настоящему-то я до сих пор не знаю, мудрые они или просто робкие... Но нас, людей из Минас-Тирита, которые вот уже много лет защищают

Средиземье от Черного Властелина, не превратишь в злодеев! Нам не нужна власть над миром и Вражья магия. Мы хотим сокрушить Всеобщего Врага, чтобы отстоять свою свободу — и только. Но заметь, как удивительно все совпало: сейчас, когда силы у нас на исходе, снова нашлось Великое Кольцо — подарок судьбы, иначе не скажешь! К победам приводят лишь решительность и бесстрашие. Ради победы в справедливой битве отважный воин должен быть готов на все. Чего не сделает воин для победы — истинный воин? Чего не сделает Арагорн? А если он откажется — разве Боромир дрогнет в борьбе? Кольцо Всевластья даст мне великое могущество. Под моими знаменами соберутся доблестные витязи из всех свободных земель — и мы навеки сокрушим Вражье воинство!

Боромир, казалось, позабыл о Фродо. Он возбужденно расхаживал взад и вперед по лужайке, толкуя про защиту Минас-Тирита и наступательные бои, про могучие союзы людей и будущие победы. Его голос гремел все громче, а уверенность в окончательной победе над Врагом стремительно росла. И вот уже Вражье воинство в беспорядке покатилось к Мордору, последних врагов беспощадно добили у стен Черного Замка, а он, Боромир, стал великим государем — справедливым и мудрым.

Внезапно гондорец замер перед понуро сидящим на камне хоббитом.

— Так нет же, они хотят лишиться Кольца! — вскричал он. — Именно лишиться, а не уничтожить его — ибо если крохотный невысоклик слепо сунется в темный Мордор, то Враг неминуемо завладеет своим сокровищем!

Боромир глянул сверху вниз на Фродо.

— Надеюсь, ты и сам понимаешь, мой друг? — спросил он. — Ты сказал, что боишься. Но в тебе говорит не страх, а здравый смысл.

— Да нет, мне просто страшно, — возразил Фродо. — Просто страшно, Боромир. И все же я рад, что ты высказался. Теперь у меня не осталось сомнений.

— Давно бы так! — воскликнул гондорец.

— Ты не понял меня, Боромир, — сказал Фродо. — Я не пойду в Минас-Тирит.

— Но тебе непременно нужно завернуть к нам, хотя бы ненадолго, — продолжал настаивать Боромир. — Минас-Тирит уже близко, и доберешься ты от Скалистого до Мордора ничуть не быстрей, чем из нашей крепости. А зато у нас ты узнаешь последние вести о Враге. Пойдем, Фродо, — сказал Боромир, дружески положив ему руку на плечо. Но, выдавая скрытое возбуждение гондорца, рука его мелко дрожала. Фродо встал и, с беспокойством оглядев Боромира, отступил — человек был вдвое больше хоббита и намного сильнее.

— Неужели ты боишься меня? — спросил Боромир. — Разве я похож на предателя или злодея? Да, мне нужно твое Кольцо, теперь ты это знаешь. Но, клянусь честью гондорца, я отдам его тебе после победы. Сразу же отдам!

— Нет! — испуганно вскрикнул Фродо. — Я не могу доверять его другим. Не могу!

— Глупец! — прорычал Боромир. — Упрямый глупец! Ты погибнешь сам — по собственной глупости — и погубишь всех нас. Если кто-нибудь из Смертных может претендовать на Великое Кольцо, то уж, конечно, не вы, невысоклики, а люди Нуменора — и только они! Нелепая случайность отдала тебе в руки Кольцо. Оно могло стать моим! Оно должно стать моим! Отдай его мне!

Фродо, не отвечая, попятился, чтобы отгородиться от громадного гондорца хотя бы камнем.

— Зря ты боишься, — немного спокойней сказал Боромир. — Почему бы тебе не избавиться от Кольца? А заодно — от всех твоих страхов и сомнений. Объяви потом, что я отнял его силой, что я гораздо сильнее тебя. Ибо я гораздо сильнее тебя, невысоклик!.. — Гондорец перепрыгнул камень и бросился к Фродо. Его красивое мужественное лицо отвратительно исказилось, глаза полыхнули алчным огнем.

Увернувшись, Фродо опять спрятался за камень и, вынув дрожащей рукой Кольцо, надел его — потому что Боромир снова устремился к нему. Ошеломленный, гондорец на мгновение замер, а потом стал метаться по лужайке, пытаясь отыскать исчезнувшего хоббита.

— Жалкий штукарь! — яростно орал он. — Теперь я знаю, что у тебя на уме! Ты хочешь отдать Кольцо Саурону — и выискиваешь случай, чтобы сбежать, чтобы предать нас всех! Ну подожди, дай мне только до тебя добраться! Будь ты проклят. Вражье отродье, будь проклят на вечную тьму и смертельный мрак!.. — В слепом неистовстве гондорец споткнулся о камень, грохнулся на землю и мертво застыл, словно его сразило собственное проклятье, а потом вдруг начал бессильно всхлипывать.

Ветер усилился; заунывный свист привел гондорца в себя. Он медленно встал, вытер глаза и пробормотал:

— Что я тут нагородил? Что я натворил? Фродо! Фродо! — со страхом закричал он. — Фродо, вернись! У меня помутился разум, но это уже прошло! Фродо!..

Однако Фродо был уже далеко: не слыша последних выкриков Боромира, не разбирая дороги, бежал он вверх. Жалость и ужас терзали хоббита, когда ему вспоминался озверевший гон-

дорец с искаженным лицом и горящими глазами, в которых светилась безумная алчность.

Вскоре он выбрался на вершину горы, перевел дыхание и поднял голову. Ему открылась, но как бы в тумане, мощенная плитами круглая площадка, каменная, с проломами, ограда вокруг нее, беседка на четырех колоннах за оградой и многоступенчатая лестница к беседке. Хоббит понял, что перед ним Амон-Ведар — или Овид на всеобщем языке, — Огромный Сторожевой Пост нуменорцев. Он поднялся по лестнице, вошел в беседку, сел в Караульное Кресло и осмотрелся.

Однако сначала ничего не увидел, кроме призрачно туманных теней — ведь у него на пальце было Вражье Кольцо. А потом тени вдруг обрели резкость и стали картинами неоглядного мира, будто хоббит, как птица, вознесся в небо. На восток уходили неведомые равнины, обрамленные в отдалении чащобами без названий, за которыми высились безымянные горы. На севере поблескивала ленточка Андуина, и слева к Реке подкрадывался Мглистый, сверкая зубьями заснеженных скал. На западе зеленели ристанийские пастбища и крохотно чернела башенка Ортханка, с которой Гэндальфа унес Ветробой. На юге, от вспененных струй Оскаленного, низвергающихся под радугой в низины Болони, Андуин устремлялся к Этэрским Плавням и там, разделившись на множество проток, вплескивался в серо-серебристое Море, над которым, подобно солнечным пылинкам, кружились мириады и мириады птиц.

Но не было мира в зацвстающем Средиземье. На Мглистом, как муравьи, копошились орки. Под голубыми елями восточного Лихолесья дрались люди, эльфы и звери. Дымом затянуло границы Лориэна. Над Морией клубились черные тучи. В землях Бранда полыхали пожары.

Вооруженные всадники, настегивая коней, мчались по широким равнинам Ристании. Изенгард охраняли стаи волколаков. Вастаки и хородримцы двигались на запад: лучники, меченосцы, верховые копейщики, сотники и тысячники в легких колесницах, тяжело груженные припасами обозы, пустые телеги для награбленного добра — несметная сила Вражьего воинства.

Фродо снова посмотрел на юг. В Белых горах, к западу от Андуина, горделиво вздымалась могучая крепость, окруженная белокаменной неприступной стеной, — Минас-Тирит, надежда гондорцев. И в сердце хоббита вспыхнула надежда. Однако на черном предгорном плато к востоку от Андуина, у Изгарных гор, воздвиглась громадная черная крепость — хищная, многолюдная, грозная. Фродо невольно посмотрел на восток. За Изгарными горами, в долине Горгорота, темной даже под сверка-

ющим солнцем, громоздилась одиночная Роковая гора, окутанная клубами багрового дыма. Взгляд хоббита скользнул чуть дальше. И вот, заслоняя остальные видения, ему открылся укрепленный Замок. Фродо хотел отвернуться — и не смог. На уступчатом утесе, за бесчисленными стенами, окруженный приземистыми дозорными башнями, которые лепились по уступам все выше, застыл, словно черный паук, Барад-Дур — Бастион Тьмы, логово Саурона. И тьма загасила надежду хоббита.

А потом он ощутил ГЛАЗ.

Глаз напряженно разыскивал Хранителя, который осмелился надеть Кольцо. Как цепкий палец, он обшаривал Средиземье. Фродо чувствовал, что от Глаза не спрячешься. Вот он уже ощупывает Наслух. Вот скользнул по ущельям Скалистого... Фродо спрыгнул с Караульного Кресла, упал, скорчился на полу беседки, заслонил глаза лориэнским капюшоном.

Он беззвучно шептал: *Не отдам! Не сдамся!* — а в беседке звучало: *Отдам! Сдамся!* — и гулкое эхо разносило над Овидом эту сиплую клятву бессилия. А потом в голове у него прозвенело: *Сними! Сними же, дуралей, Кольцо!* — и над Овидом разлилась тишина.

В крохотном Хранителе противоборствовали две могучие силы. На мгновение они уравновесились, и он потерял сознание. А когда пришел в себя, то почувствовал, что ни Глаза, ни Голоса больше нет: у него снова была свободная воля, и он сорвал с пальца Кольцо — как раз вовремя. Над беседкой пронеслась темная тень, вниз дохнуло могильным холодом — и опять засверкало солнце. В небе перекликались птичьи голоса.

Фродо медленно поднялся на ноги. Он чувствовал слабость, как после болезни, но воля его окончательно окрепла.

— Я должен идти один, — сказал он. — Потому что темная сила Кольца уже злодействует у нас в Отряде. Да, мне надо уходить одному. Теперь я и верить-то могу не всем, а тех, кто меня никогда не предаст — старину Сэма или Мерри с Пином, — слишком люблю, чтоб тащить в Мордор. Бродяжник рвется на помощь гондорцам, и он им нужен сейчас вдвойне — раз Боромир заражен злодейством. Надо уходить одному. Сразу же.

Он сбежал вниз, к лужайке, где его нашел Боромир, и прислушался. До него донеслись встревоженные крики.

— Они меня ищут, — сказал он вслух. — Интересно, сколько же прошло времени? Наверное, несколько часов, не меньше. — Ему показалось, что крики приближаются. — Как же быть? — пробормотал он негромко. И твердо сказал: — Уходить. Сразу. Иначе я вообще никогда не уйду. И прощаться нельзя. Они меня не отпустят! Значит, надо уходить не прощаясь.

И Фродо надел на палец Кольцо.

Там, где только что стоял хоббит, медленно подымалась примятая трава. А вниз по склону прошуршали шаги — легкие, как шелест весеннего ветра.

Остальные Хранители, собравшись в кружок, сидели на берегу. И хотя каждый из них дал себе слово спокойно ждать, разговор постоянно возвращался к решению Фродо.

— Да, тяжкий ему предстоит выбор, — со вздохом сказал Арагорн. — Путь на восток смертельно опасен из-за орков, а идти в Гондор, быть может, еще опасней, ибо Врагу донесут, где мы укрылись, и под натиском Темных Сил Минас-Тирит рано или поздно падет. Ведь даже Элронд признал, что противостоять всему Вражьему воинству он не в силах. Как же быть? Боюсь, что лишь Гэндальф сумел бы разгадать эту гибельную загадку. Но Гэндальфа нет...

— А значит, разгадывать ее придется нам, — продолжил за Арагорна Леголас. — Мы должны помочь Фродо. Давайте-ка позовем его и проголосуем, куда идти. Мне кажется, что, раз путь на восток закрыт, надо пробраться в Гондор и немного переждать.

— И мне так кажется, — поддержал Гимли. — Но, если Фродо все же решит свернуть на восток, я пойду с ним.

— Да и я пойду, — отозвался Леголас. — Бросить его сейчас было бы предательством.

— Ну, предателей-то среди нас, я думаю, нет, — сказал Арагорн. — Однако, если Фродо отправится в Мордор, ему не помогут ни семь, ни семьдесят семь спутников... а возможно, и навредят: большой Отряд легко обнаружить. Так что я предложил бы всего троих: Сэма (разве он отстанет от хозяина?), себя и Гимли.

— А мы? — негодующе воскликнул Мерри. — Мы с Пином еще в Норгорде решили, что пойдем за Фродо куда угодно.... И пойдем... Да только это же ужасно — отпускать его... прямо к Врагу в зубы! Мы должны его остановить!

— Конечно, должны! — поддержал приятеля Пин. — Ну мыслимо ли сейчас туда лезть! Вот он и не может решиться: понимает, что одного мы его не отпустим, а просить нас идти с ним в Мордор — не хочет... Мог бы, правда, и догадаться, что мы без всяких просьб, сами пойдем — если не сумеем его удержать.

— Эх, не знаете вы хозяина, — вмешался Сэм. — Это он-то не может решиться? Да он небось уже в Лориэне решился! Ну на кой ему, скажите, Минас-Тирит? Ты уж не сердись, — ища глазами гондорца, добавил Сэм. И вдруг обеспокоенно воскликнул: — А где же Боромир? Он ведь еще с вечера вроде как не в себе... Ну да ладно, у него дом рядом, ему не до нас... А хозяин, он давно уж решил, что пойдет в Мордор. Решить-то ре-

шил, да побаивался. Ему и сейчас, ясное дело, страшно. Он, конечно, много кой-чего повидал с тех пор, как ушел из Торбы — раз не выбросил это треклятое Кольцо в Реку и не удрал куда глаза глядят... Ну а все-таки страх его гложет. Да и кто тут не испугается, хотел бы я знать? А про нас про всех он понимает, что мы его не бросим — это-то ему главная помеха и есть. Потому как у него решено идти одному. Он вот сейчас вернется, и мы еще хлебнем с ним горя — попомните мои слова, — он ведь никого в Мордор брать не захочет!

— А Сэм-то, пожалуй, прав, — задумчиво сказал Арагорн. — Так что же нам делать?

— Не пускать его! Ни в коем случае не пускать! — вскричал Пин.

— У нас нет на это права, — возразил Арагорн. — Он Главный Хранитель и один отвечает за судьбу Кольца. Мы не должны диктовать ему свою волю. Не должны, да и не сможем: слишком грозные силы втянуты в борьбу за Великое Кольцо.

— А тогда пусть скорей возвращается, и будь что будет, — жалобно сказал Пин. — От такого ожидания и рехнуться недолго. Час-то, наверно, давно прошел?

— Гораздо больше, чем час, — подтвердил Арагорн. — Пора бы ему вернуться.

Хранители встали, и в это мгновение из-за деревьев вышел Боромир, растерянный и угрюмый. Он приостановился, словно пересчитывая своих спутников, и молча сел на траву немного поодаль от них.

— Где ты был, Боромир? — спросил его Арагорн. — Тебе не встретился Фродо?

— Встретился, — чуть помедлив, ответил гондорец. — А потом исчез. Я уговаривал его пойти в Минас-Тирит... и погорячился... И он исчез. Видимо, надел Кольцо. Исчез, как сквозь землю провалился. Мне не удалось его разыскать. Я думал, он уже вернулся.

— И тебе больше нечего сказать? — мрачно нахмурившись, спросил гондорца Арагорн.

— Сейчас — нечего, — с усилием проговорил Боромир.

— Да это как же? — испуганно воскликнул Сэм. — Его же нельзя надевать! От него же, один только Враг знает, какие беды могут стрястись!

— Ну, он его, наверное, сразу и снял, — рассудительно сказал Мерри. — Вроде Бильбо, когда ему хотелось отделаться от незваных гостей.

— А куда он хоть пошел-то? — взволнованно вскричал Пин. — Его ведь уже целую вечность нету! Где он?

— Когда ты его видел, Боромир? — спросил Арагорн.

— Полчаса... а может, час назад, — неуверенно отозвался гондорец. — Он исчез... Я долго его искал. Я не знаю! Не знаю!.. — Боромир обхватил руками голову и умолк.

— Целый час? — простонал Сэм. — Скорей! Пойдемте! Надо его найти! — Сэм бросился в лес.

— Подожди! — тревожно окликнул хоббита Арагорн. — Поодиночке нельзя! Надо разделиться на пары!..

Но никто его не слушал. Сэм уже подбегал к лесу. Мерри с Пином мчались вдоль берега Реки. «Фродо! Фродо!» — кричали они, и гулкое эхо далеко разносило их звонкие голоса. Леголас и Гимли тоже скрылись в лесу.

Арагорн рванулся за Сэмом, потом остановился и крикнул Боромиру:

— Приди в себя! Сейчас некогда разбираться, что ты учинил с Фродо. Беги за Пином и Мерри. Охраняй их и, если Фродо не отыщется, возвращайся сюда. Я тоже скоро вернусь.

Боромир побежал вдоль Реки. Арагорн — вверх по склону горы. Он догнал Сэма у лужайки, окаймленной с трех сторон горными рябинами. Тяжело отдуваясь, хоббит разглядывал Тол-Брандир, словно Фродо мог перенестись туда на крыльях.

— Пойдем вместе, — сказал ему Арагорн. — Никто из нас не должен бродить здесь в одиночку. Того и гляди, грянет какая-нибудь беда. Я ее чувствую. Скорее! Мы подымемся на Амон-Ведар и посмотрим, что творится вокруг. Фродо, по-моему, пошел именно туда. Так что не отставай и смотри в оба. — Арагорн быстро зашагал к Обзорному Сторожевому Посту.

Сэм не смог угнаться за следопытом. Потеряв его из виду, он остановился.

— Не умеешь как следует работать ногами — работай головой, — посоветовал он себе. — У гондорца нету привычки врать. Да только вот рассказал он вроде бы не все. Что-то новое испугало хозяина, и его вдруг сразу как стукнуло — уходить. А куда? Ясное дело, на восток. Без Сэма? То-то и получается, что без Сэма. — У хоббита на глаза навернулись слезы. — Да не реви ты, а думай! — одернул он себя. — Летать хозяин пока не умеет. А восток — за Рекой. А у берега — лодки. Ну-ка, Сэм, бери ноги в руки и дуй к берегу — авось поспеешь!

Хоббит умолк и помчался вниз. Упал, до крови ободрал колени, торопливо вскочил и побежал дальше. Вот и берег. Сэм осмотрелся. И на мгновенье застыл, вытаращив глаза. С берега медленно съезжала лодка. Пустая. И рядом никого не было. Вскрикнув, хоббит рванулся к Реке. Пустая лодка съехала в воду.

— Я тоже! — отчаянно заорал Сэм. — Я тоже! — И, разбе-

жавшись, плюхнулся в Андуин. Лодка уже отошла от берега. Сэма подхватило мощное течение, и он тотчас же скрылся под водой.

Из пустой лодки послышалось проклятие. Потом проворно заработали весла — сами по себе, — лодка развернулась и подошла к тому месту, где скрылся Сэм.

Голова Сэма показалась над водой. В его широко открытых глазах застыл ужас. Он судорожно отплевывался. Фродо протянул ему левую руку, а правой цепко ухватил за волосы.

— Ну-ну, ничего, — проговорил он с испугом. — Держи меня за руку. Сейчас мы причалим.

— Спасите! — жалобно воскликнул Сэм. — Я не вижу руку-то! Я тону! Спасите!

— Да вот она, вот! — отозвался Фродо. Он похлопал Сэма рукой по плечу, и тот немедленно в нее вцепился. — Держись за борт, — сказал ему Фродо. — Мне же надо грести. — Сэм перехватился.

Фродо быстро подошел к берегу, вылез из лодки и снял Кольцо. Сэм торопливо выбрался на луг.

— Ну и репей! — сказал ему Фродо.

— Да как же вы, сударь, на такое решились-то? — укоризненно воскликнул дрожащий Сэм. — Что бы вы делали, если б я не поспел?

— Спокойно шел бы себе на восток, — невольно улыбнувшись, ответил Фродо.

— Спокойно! — с негодованием подхватил Сэм. — Без всех, а главное, даже без меня? А ну как с вами что-нибудь случится? Кто вам поможет? Одному-то? Нет уж! Этого я, сударь, вынести не могу!

— Не можешь? А если ты погибнешь в дороге? Как по-твоему — я смогу это вынести? — спросил его Фродо. — Ведь я иду в Мордор!

— А то куда же? — отозвался Сэм. — Конечно, в Мордор. Вместе и пойдем.

— Послушай, Сэм, — сказал ему Фродо. — Сейчас вернутся все наши спутники и опять заведут бесконечные споры. А мне обязательно надо уйти. В этом — единственное спасение, пойми!

— Идти одному — погибель, а не спасение, — возразил Сэм. — Я тоже пойду. Или никто из нас никуда не пойдет. Да я все лодки сейчас продырявлю, чтоб не отпускать вас одного в Мордор!

Фродо благодарно и весело рассмеялся.

— Одну-то оставь, — сказал он Сэму. — Иначе как мы переправимся через Андуин? Ладно, собирай свои пожитки, репей!

— Я мигом! — радостно откликнулся Сэм. — Вещевой-то мешок у меня уже собран. Только вот немного еды прихвачу...

Оттолкнувшись от берега, Фродо сказал:

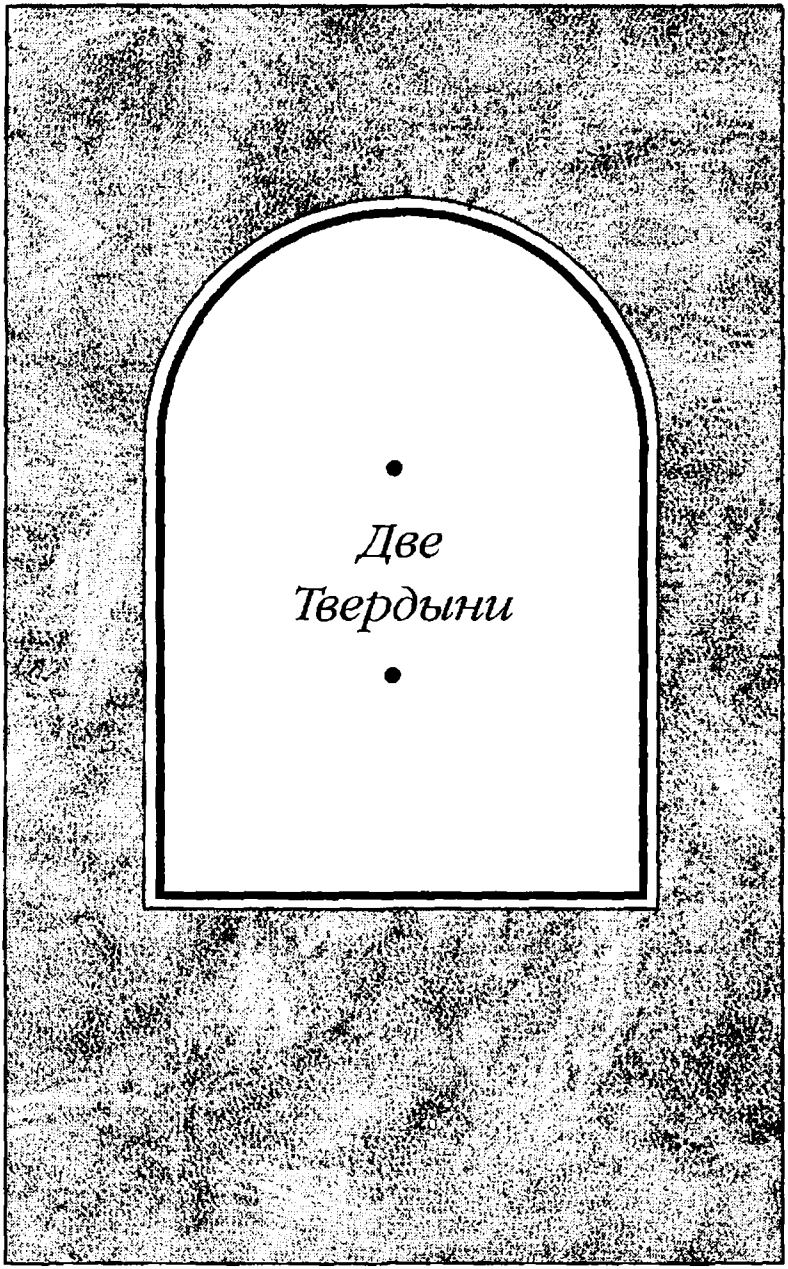
— Значит, не удалось мне уйти одному. А ведь я, признаться, и рад, что не удалось. Ужасно рад, дорогой ты мой Сэм! Видно, так уж нам суждено судьбой — идти вместе до самого конца. Будем надеяться, что наши спутники сумеют отыскать безопасный путь. Но мы-то едва ли их когда-нибудь встретим.

— Гора с горой, говорят, не сходятся, а мы ведь не горы, — возразил ему Сэм.

Два хоббита плыли на восток.

Фродо усердно работал веслами, но легкую лодку сносило течением. Утесы Скалистого остались позади; рев Оскаленного явственно приближался. Сэм старательно помогал хозяину — и все же медленно, очень медленно пересекали хоббиты могучий Андуин.

В конце концов они добрались до берега у южных склонов лесистого Наслуха. Вынув из лодки вещевые мешки, они оттащили ее от воды и спрятали за большим серым валуном. А потом не мешкая пустились в путь.


Две
Твердыни

Книга III

Глава I

ОТПЛЫТИЕ БОРОМИРА

Арагорн взбегал крутой тропой, приглядываясь к земле. Хоббиты ступают легко: иной Следопыт и тот, бывало, сбивался с их следа. Но близ вершины тропу увлажнил ручей, и наконец нашлись едва заметные вмятинки.

«Все верно, — сказал он сам себе. — Фродо побывал наверху. Что ему оттуда открылось? А вот и обратный след».

Он замешкался: не взойти ли на Пост, не там ли ждет его путеводное озарение? Правда, время не ждет... Внезапно решившись, Арагорн ринулся по массивным плитам, по мшистым ступеням к Сторожевому Посту, сел в Караульное Кресло и поглядел окрест.

Но солнце точно померкло; расплылись и отодвинулись блеклые дали. Взгляд его неотразимо притягивал север: там среди угрюмых вершин парил в поднебесье огромный орел, снижаясь широким оплывом.

Так он осматривался и вдруг замер: чуткое ухо его уловило смутный гомон в подножном лесу у берега Андуина. Послышались крики, и он насторожился. Кричали орки, истошно и грубо. Потом зычно затрубил рог, раскаты его прогремели по горным склонам и огласили ущелья своей горделивой яростью, заглушая тяжкий гул водопада.

— Рог Боромира! — воскликнул он. — Боромир, Боромир зовет на помощь!

Он в три прыжка одолел ступени и помчался по тропе.

— Горе мне! — повторял он. — Неверный выпал мне день, и, что я ни делаю, все невпопад. Где же наконец Сэм?

Он бежал со всех ног, а кричали все громче, и все слабее с грозным надрывом трубил рог. Исистово-злобные вопли орков разразились торжеством — и зычный призыв осекся. У последнего откоса, возле самого подножия, заглохли и крики. Стихая, они отдалились влево, и влево обратился Арагорн, но его обступило безмолвие. Он обнажил сверкнувший меч и с кличем: «Элендил! Элендил!» — бросился напролом сквозь чащу.

В миле от Парт-Галена, что по-эльфийски означает Зеленый Луг, на приозерной прогалине отыскался Боромир. Он сидел, прислонившись к могучему стволу, будто отдыхал. Но Арагорн увидел, что он весь истыкан черноперыми стрелами; в руке он сжимал меч, обломанный у рукояти, рядом лежал надвое треснувший рог. И кучами громоздились у ног его трупы изрубленных орков.

Арагорн опустился возле него на колени. Боромир приоткрыл глаза, силясь заговорить. И наконец сказал:

— Я хотел отобрать Кольцо у Фродо. Я виноват. Но я расплатился.

Он обвел взглядом груду мертвецов: их было тридцать с лишним.

— Невысокликов... я не уберег. Но их не убили... только связали. — Веки его смежились, и он тяжело промолвил: — Прощай, Арагорн! Иди в Минас-Тирит, спасай наших людей. А я... меня победили.

— Нет! — воскликнул Арагорн, взяв его за руку и целуя холодеющий лоб. — Ты победил. И велика твоя победа. Покойся с миром! Минас-Тирит выстоит.

И Боромир, превозмогая смерть, улыбнулся.

— Куда? Ты видел, куда они побежали? — допытывался, склонившись к нему, Арагорн. — Фродо был с ними?

Но Боромир замолк навеки.

— Увы мне! — сказал Арагорн. — Вот так отошел к предкам наследник Денэтора, блюстителя Сторожевой Крепости! Горестный конец ждал его. И Отряд наш распался по моей вине — напрасно Гэндальф мне доверился. Что же мне теперь делать? Предсмертным веленьем своим Боромир позвал меня в Минас-Тирит, и сердце мое зовет меня туда же. Но где Кольцо и где Хранитель Кольца? Как мне найти их, как спасти великий замысел от крушения?

Он стоял на коленях, роняя слезы на мертвую руку Боромира. Так их увидели Леголас и Гимли, охотники на орков, неслышно пробравшиеся западным склоном. Гимли держал в руке окровавленный топор, Леголас — длинный кинжал: стрел у него больше не было. Выйдя на прогалину, они застыли в изумлении и горестно понурили головы, ибо, как им показалось, поняли, что произошло.

— Увы! — сказал Леголас, став рядом с Арагорном. — Мы охотились за орками и немало перебили их в лесу, но лучше бы мы были здесь. Мы услышали рог и явились, но, кажется, поздно. Обоих вас постигла жестокая гибель.

— Да, Боромир мертв, — глухо сказал Арагорн. — Я невредим, ибо меня с ним не было. Он погиб, защищая хоббитов; я в это время был на вершине.

— Хоббитов? — воскликнул Гимли. — Где же они? И где Фродо?

— Не знаю, — устало обронил Арагорн. — Перед смертью Боромир сказал мне, что орки их связали, будто бы не убили. Я послал его за Мерри и Пином, и я не спросил его, куда подевались Фродо и Сэм, а когда спросил, было поздно. Что я ни сделал сегодня, все обернулось во зло. Что делать теперь?

— Теперь — хоронить павшего, — сказал Леголас. — Не оставлять же его среди падали!

— Только без промедления, — добавил Гимли. — Он бы и сам велел не медлить. Надо бежать за орками, коли есть хоть какая-то надежда, что узники живы.

— Да мы же не знаем, с ними ли Хранитель Кольца, — возразил Арагорн. — А если нет? Его ведь нам и надо искать первым делом! Да, трудный перед нами выбор!

— Что ж, в таком случае начнем с неотложного, — сказал Леголас. — Нет у нас ни времени, ни даже лопат, чтобы схоронить, как подобает, нашего соратника, чтобы насыпать над ним курган. Разве что сложить каменную гробницу.

— Трудно и долго будет складывать гробницу, — заметил Гимли. — Камни придется таскать от реки.

— Ну что же, тогда возложим его на ладью, — сказал Арагорн, — а с ним его оружие и оружие поверженных врагов. Доверим его останки водопадам Рэроса и волнам Андуина. Река Гондора убережет тело гондорского витязя от осквернителей праха.

Они наспех обыскали убитых орков и собрали в кучу их ятаганы, рассеченные щиты и шлемы.

— Взгляните! — вдруг воскликнул Арагорн. — Это ли не знамение? — И он извлек из грязной груды оружия два ясных клинка с червлено-золотой насечкой, а за ними и двое черных ножен, усыпанных мелкими алыми самоцветами. — У орков нет таких кинжалов, а у наших хоббитов были. Орки, конечно же, их обшарили, но кинжалы взять побоялись, учуяли, что добыча опасная: ведь они откованы мастерами Западного Края, исписаны рунами на погибель Мордору. Стало быть, наши друзья если и живы, то безоружны. Прихвачу-ка я их с собой, эти клинки: может, вопреки злой судьбе они еще вернутся к владельцам.

— А покамест, — сказал Леголас, — я подберу какие ни на есть целые стрелы, а то мой колчан пуст.

Он перерыл оружие, поискал кругом и нашел добрый десяток целых стрел, но древко у них было куда длиннее, чем у обычных стрел орков. Леголас задумчиво приглядывался к ним.

Между тем Арагорн разглядывал убитых и сказал:

— Многие тут у них явились не из Мордора. Есть, как я по-

нимаю, — а я в этом понимаю, — северные орки, с Мглистых гор. А есть и такие, что совсем невесть откуда. Да и снаряжены они по-особому.

Среди мертвецов простерлись четыре крупных гоблина — смуглые, косоглазые, толстоногие, большерукие. При них были короткие широкие мечи, а не кривые ятаганы, какими рубятся орки, и луки из тиса, длиной и выгибом хоть бы и человеку впору. Щиты их носили незнакомую эмблему: малая белая длань на черном поле; над наличниками блистала светлая насечка — руническое С.

— Такого я прежде не видывал, — признался Арагорн. — Что бы это значило?

— С значит «Саурон», — сказал Гимли. — Тут и гадать нечего.

— Ну нет! — возразил Леголас. — Саурон — и эльфийские руны?

— Подлинное имя Саурона под запретом, его ни писать, ни произносить нельзя, — заметил Арагорн. — И белый цвет он не жалует. Нет, орки из Барад-Дура мечены Огненным Глазом. — Он призадумался. — «Саруман» — вот что, наверно, значит С, — наконец проговорил он. — В Изенгарде созрело злодейство, и горе теперь легковерному Западу. Этого-то и опасался Гэндальф: предатель Саруман так или иначе проведал о нашем Походе. Узнал, наверно, и о гибели Гэндальфа. Не всю погоню из Мории перебили эльфы Лориэна, да и на Изенгард есть окольные пути. Орки медлить не привыкли. А у Сарумана и без них хватает осведомителей. Помните — птицы?

— Много тут загадок, и не время их разгадывать, — перебил его Гимли. — Давайте лучше воздадим последние почести Боромиру!

— А все же придется нам разгадывать загадки, чтобы сделать правильный выбор, — отвечал Арагорн.

— Сколько ни выбирай — все равно ошибешься, — сказал гном.

Своим боевым топором Гимли нарубил веток. Их связали тетивами, настелили плащи. Получились носилки, и на этих грубых носилках отнесли они к берегу тело соратника, а потом груду оружия — немое свидетельство последней, смертельной брани. Идти было недалеко, но трудно дался им этот ближний путь, ибо тяжел был покойный воитель Боромир.

Арагорн остался на берегу, у погребальной ладьи, а Леголас и Гимли побежали к Парт-Галену. До него была всего миля или около того, но вовсе не так уж скоро пригнали они две лодки.

— Чудные дела! — сказал Леголас. — Две у нас, оказывается, лодки, и не более того. А третьей как не бывало.

— Орки, что ли, похозяйничали? — спросил Арагорн.

— Какие там орки! — отмахнулся Гимли. — Орки ни одной бы лодки не оставили и с поклажей разобрались бы по-своему.

— Ну, я потом погляжу, кто там побывал, — обещал Арагорн.

А пока что они возложили Боромира на погребальную ладью. Серая скатка — эльфийский плащ с капюшоном — стала его изголовьем. Они причесали его длинные темные волосы: расчесанные пряди ровно легли ему на плечи. Золотая пряжка Лориэна стягивала эльфийский пояс. Шлем лежал у виска, на грудь витязю положили расколотый рог и сломанный меч, а в ноги — мечи врагов. Прицепленный челн шел за кормой, его плавно вывели на большую воду. Со скорбной силой гребли они быстрым протоком, минуя изумрудную прелесть Парт-Галена. Тол-Брандир сверкал крутыми откосами: перевалило за полдень. Немного проплыли к югу, и перед ними возникло пышное облако Рэроса, бледно-золотое марево. Торжественный гром водопада сотрясал безветренный воздух.

Печально отпустили они ладью на юг по волнам Андуина; неистовый Боромир возлежал, навек упокоившись, в своем плавучем гробу. Поток подхватил его, а они протабанили веслами. Он проплыл мимо них, черный очерк ладьи медленно терялся в золотистом сиянии и вдруг совсем исчез. Ревел и гремел Рэрос. Великая Река приняла в лоно свое Боромира, сына Денэтора, и больше не видели его в Минас-Тирите, у зубцов Белой Башни, где он, бывало, стоял дозором поутру. Однако же в Гондоре родилось преданье, будто эльфийская ладья проплыла водопадами, взрезала мутную речную пену, вынесла свою ношу к Осгилиату и увлекла ее одним из несчетных устьев Андуина в морские дали, в предвечный звездный сумрак.

Трое Хранителей безмолвно глядели ей вслед. И сказал Арагорн:

— Долго еще будут высматривать его с высоты Белой Башни и ждать, не придет ли он от горных отрогов или морским побережьем. Но он не придет.

Первым начал он медленное похоронное песнопение:

По светлым раздольям Ристании, по ее заливным лугам
Гуляет Западный Ветер, подступает к стенам.
«Молви, немолчный странник, Боромир себя не явил
В лунном сиянии или в мерцании бледных светил?» —
«Видел его я, видел: семь потоков он перешел,
Широких, серых и буйных, и пустошью дальше ушел,
И, уходя в безлюдье, шел, пока не исчез
В предосеннем мареве, в сонном сиянье небес.
Шел он к северу: наверно, Северный Брат

Знает, где странствует витязь, не ведающий преград». —
«О Боромир! Далеко видно с высоких стен,
Но нет тебя в неоглядной, в западной пустоте».

И продолжил Леголас:

От ста андуинских устьев, мимо дюн и прибрежных скал
Южный несется Ветер: как чайка, он застонал.
«Какие же вести с Юга? Стоны и вскрики — к чему?
Где Боромир-меченосец? Стенаний я не пойму». —
«Где бы он ни был — не спрашивай
Над грудами желтых костей,
Усеявших белый берег и черный берег — как те,
Как древние костные груды, рассыпавшиеся в прах.
Спроси лучше Северный Ветер, что он сберег впотьмах!» —
«О Боромир! Далеко вопли чаек слышны,
Но тебя не дождутся с юга, с полуденной стороны».

И опять вступил Арагорн:

От Княжеских, от Привражьих, непроходимых Врат
Грохочет Северный Ветер, обрушиваясь, как водопад.
«Какие вести оттуда, могучий, ты нам принес?
Ты трубишь горделиво — за громом не ливень ли слез?» —
«Я слышал клич Боромира, и рог его слышал я,
Пролетая над Овидом, где гладью помчалась ладья,
Унося его щит разбитый и его сломанный меч,
Его непреклонный лик и мертвую мощь его плеч». —
«О Боромир! Отныне и до скончания времен
Ты пребудешь на страже там, где ты был сражен».

Так они проводили Боромира. Потом развернули лодку, изо всех сил выгребая против течения, к Парт-Галену.

— Восточный Ветер вы оставили мне, — сказал Гимли, — но я за него промолчу.

— И правильно сделаешь, — сказал Арагорн, спрыгнув на берег. — В Минас-Тирите лицом встречают Восточный Ветер, но о вестях его не спрашивают. Что ж, вот мы и снарядили в путь Боромира, наш-то путь где? — Он обошел приречный луг, обыскал его скорым и пристальным взглядом. — Орков здесь не было. Они бы все истоптали. Зато мы сами прошлись по своим следам. Я уж теперь не знаю, были тут наши хоббиты или нет с тех пор, как потерялся Фродо. — Он вернулся к берегу, к тому месту, где в реку впадал медлительный ручей. — Вот здесь следы отчетливые, — заметил он. — Хоббит забрел в реку и вышел назад; только не знаю, давно ли это было.

— Ну и как, тебе что-нибудь понятно? — спросил Гимли.

Арагорн ответил не сразу; он прошел к месту ночевки и осмотрел поклажу.

— Двух мешков не хватает, — сказал он. — Сэмова мешка уж точно нет — он был самый большой и тяжелый. Понятно: Фродо взял лодку, и его самый верный друг, его слуга уплыл

вместе с ним. Должно быть, Фродо возвратился, пока мы его разыскивали. Я встретил Сэма на склоне и велел ему бежать за мной, но он, значит, не побежал. Он догадался, что на уме хозяина, и вернулся в самую пору. Нет, не вышло у Фродо — от Сэма так просто не избавишься!

— От нас-то зачем ему избавляться, слова не молвив на прощанье? — полюбопытствовал Гимли. — Опять загадка!

— Не загадка, а разгадка, — возразил Арагорн. — Похоже, Сэм был прав. Фродо решил не вести нас — никого из нас — на верную смерть в Мордор. А сам пошел — понял, что должен идти. Видно, что-то случилось — и он одолел свой страх и сомнения.

— Может быть, он бежал от орков? — предположил Леголас.

— Он бежал, это верно, — согласился Арагорн, — но думаю, что не от орков.

А отчего Фродо решил бежать, этого Арагорн не сказал, хоть и догадывался, отчего. Надолго осталось в тайне горькое признание Боромира.

— Ну, уж одно-то нам ясно, — сказал Леголас. — Ясно, что Фродо на нашем берегу нет: лодку взял он, больше некому. И Сэм уплыл вместе с ним, иначе кто бы взял его мешок?

— И выбор простой, — подтвердил Гимли. — Либо погнаться за Фродо на последней нашей лодке, либо за орками пешим ходом. Так и так затея безнадежная. Да и время все равно упущено.

— Погодите, дайте подумать! — сказал Арагорн. — Надо мне на этот раз выбрать правильно, а то нынче все не так. — Он постоял, точно прислушиваясь, потом вымолвил: — В погоню за орками. Я повел бы Фродо в Мордор и охранял бы его до конца, но теперь другое дело: искать его в заречной пустоши — значит, отдать на смертную пытку двух пленников. Сердце вещает мне твердо: за судьбу Хранителя Кольца я больше не в ответе. Вдевятером и ввосьмером мы исполнили, что сумели. Втроем мы должны выручать товарищей. Скорее в путь! Спрячем где-нибудь лишнюю поклажу — бежать придется почти без роздыху, днем и ночью!

Они вытянули на берег последнюю лодку и укрыли ее в чаще, а под нею — все, что могло обременить в дороге. И, покинув Парт-Гален, под вечер вернулись на берег озера, туда, где в неравном бою пал Боромир. След орков искать не понадобилось.

— Сразу видать, кто прошел, — сказал Леголас. — Неймется им, лишь бы нагадить, вытоптать, выломать, вырубить — даже в стороне от своего пути.

— Однако же скороходы они изрядные, — заметил Ара-

горн, — и неутомимые. Пока что след как на ладони, но зелени скоро конец, дальше камни да осыпи.

— Ну так за ними! — сказал Гимли. — Гномы тоже ходоки привычные и двужильные, не хуже орков. Только догоним мы их не скоро: давно уж они припустились отсюда.

— Да, — согласился Арагорн, — не худо бы нам всем троим быть двужильными гномами. Но будь что будет, нечего загадывать: идем вдогон. И горе врагам, если наши ноги быстрее! Тогда погоня кончится побоищем и станет сказанием трех свободных народов: эльфов, гномов и людей. Вперед же, трое гончих!

Он прянул, точно олень, и замелькал меж деревьев. Сомнения его сменились решимостью, и он мчался без устали, а Леголас и Гимли не отставали. Приозерный лес остался далеко позади. Они бежали предгорьем вверх по каменистой тропе, и справа, на рдяном закатном небе, темнели зубчатые хребты. Мимо сумеречных скал проносились три серые тени.

Глава II

КОННИКИ РИСТАНИИ

Смеркалось. Позади, у лесистых подножий, деревья тонули в тумане, и туман подползал к светлым заводям Андуина, но в небесах было ясно. Высыпали звезды. Новорожденная луна проплывала на западе, и скалы отбрасывали угольно-черные тени. Возле крутых откосов пришлось замедлить шаг, чтобы не сбиться со следу. Взгорье тянулось далеко на юг двумя прерывистыми цепями. Западные их склоны были крутые, обрывистые, а восточные — пологие, изрезанные балками и узкими лощинами. Всю ночь напролет взбирались они по осыпям на ближний возвышенный гребень, а потом спускались темными провалами к извилистой ложбине.

Там и остановились — в глухой и стылый предутренний час. Луна давно уже зашла, звезды еле мерцали, за восточным кряжем смутно брезжил рассвет. Арагорн постоял в раздумье: едва заметные следы, приведшие в низину, пропали начисто.

— Куда они, по-твоему, свернули? — спросил, подошедши, Леголас. — То ли на север, а там побегут прямиком к опушкам Фангорна и лесом почти до самого Изенгарда — ну, если они и вправду оттуда? То ли, может быть, на юг, к Онтаве?

— Куда бы они ни бежали, к реке их путь не лежит, — отозвался Арагорн. — И коли все в Ристании прахом не пошло и

Саруман здесь не воцарился, то орки, по-моему, опрометью кинутся через равнины Мустангрима. Пойдемте-ка на север!

Ложбина пролегала, точно каменный желоб, между ребристыми кряжами, и неспешно струился по дну ее, среди массивных валунов, убогий ручеек. Справа нависали скалы, слева высился серый склон, расплывчатый в ночном неверном свете. Добрую милю к северу прошли они наугад. Приникая к земле, Арагорн пядь за пядью обследовал балки и впадины слева, Леголас ушел вперед. Вдруг эльф вскрикнул, и к нему тотчас подбежали.

— За иными уж и гнаться не надо, — сказал Леголас. — Глядите!

Скопление валунов у медленного ручья оказалось грудой мертвецов. Пять жестоко изрубленных орков, два из них безголовые. Кровавая лужа еще не совсем подсохла.

— Вот тебе и на! — воскликнул Гимли. — Впотьмах не разберешь, что тут случилось.

— Что бы ни случилось, а нам это на руку, — сказал Леголас. — Кто убивает орков, тот наверняка наш друг. Люди живут здесь в горах?

— Не живут здесь люди, — сказал Арагорн. — И мустангримцам здесь делать нечего, и от Минас-Тирита далековато. Разве что с севера кто-нибудь забрел, только зачем бы это? Нет, никто сюда не забредал.

— Ну и как же тогда? — удивился Гимли.

— Да они сами себе злодеи, — нехотя отвечал Арагорн. — Мертвецы-то все северной породы, гости издалека. Ни одной нет крупной твари с бледной дланью на щите. Повздорили, должно быть, а у этой погани что ни свара, то смертоубийство. Решали, куда бежать дальше.

— И не убить ли пленников, — прибавил Гимли. — Их-то лишь бы не тронули.

Арагорн обыскал все вокруг, но попусту. Они пошли вдоль русла. Бледнел восток, тускнели звезды, и расползался серый полусвет. Немного севернее обнаружилось ущелье с витым упругим ручейком, проточившим сквозь камни путь в ложбину. По откосам кое-где торчала трава, шелестели жесткие кусты.

— Ну вот! Нашлись следы: вверх по ручью, — сказал Арагорн. — Туда они и побежали, когда разобрались друг с другом.

И погоня, свернув, ринулась в ущелье — бодро, будто после ночного отдыха, прыгали они по мокрым, скользким камням. Наконец взобрались на угрюмый гребень, и порывистый ветер весело хлестнул их предутренним холодом, ероша волосы и топорща плащи.

Обернувшись, они увидели, как яснеют дальние вершины над Великой Рекой. Рассвет обнажил небеса. Багряное солнце вставало над черными враждебными высями. А впереди, на западе, по бескрайней равнине стелилась муть; однако ночь отступала и таяла на глазах, и пробуждалась многоцветная земля. Зеленым блеском засверкали необозримые поля Ристании; жемчужные туманы клубились в заводях, и далеко налево, за тридцать с лишним лиг, вдруг воссияли снежно-лиловые Белые горы, их темные пики, блистающие льдистыми ожерельями в розовом свете утра.

— Гондор! Вот он, смотрите, Гондор! — воскликнул Арагорн. — Если бы довелось мне увидеть тебя, о Гондор, в иной, в радостный час! Покамест нет мне пути на юг к твоим светлым потокам.

О белокаменный Гондор! С незапамятных пор
Западный веял Ветер от Взморья до Белых гор,
И сеял Серебряный Саженец серебряный свет с ветвей —
Так оно было в давние времена королей.
Сверкали твои твердыни, и с тех, с нуменорских времен
Был славен венец твой крылатый и твой золотой трон.
О Гондор, Гондор! Узрим ли Саженца новый свет,
Принесет ли Западный Ветер горный отзвук, верный ответ?

— Вперед! — сказал он, переводя взгляд на северо-запад и свою дальнюю дорогу.

Погоня стояла над каменным обрывом. Сорока саженями ниже тянулся широкий щербатый уступ, а за ним скалистый отвес — Западная Ограда Ристании. Последний обрыв Приречного взгорья, дальше, сколько хватал глаз, раскинулась пышная степь.

— Гляньте! — вскричал Леголас, указывая на бледные небеса. — Снова орел — высоко-высоко! Летит вроде бы отсюда, возвращается к себе на север. Летит — ветер обгоняет! Гляньте, вон он!

— Нет, друг мой Леголас, — отозвался Арагорн, — незачем и глядеть. Не те у нас глаза. Выше высокого, должно быть, летит. Наверно, он вестник, и хотел бы я знать, с какими вестями, не его ли я вчера и видел? А ты лучше вон куда погляди! Туда, на равнину! Уж не наша ли это погань там бежит? Вглядись-ка толком!

— Да, — согласился Леголас, — там-то все как на ладони. Бежит целое полчище — все пешим ходом. А наша ли это погань — не разобрать. Далековато до них, лиг двенадцать, не меньше. Если не больше: степь — она обманчива.

— Лиг до них, сколько ни есть, все наши, — проворчал Гимли. — Ладно, теперь хоть след искать не надо. Бежим вниз — любой тропой!

— Любая тропа длиннее оркской, — возразил Арагорн.

При дневном свете след нельзя было потерять. Орки, видно, неслись со всех ног, разбрасывая грязные объедки мякинного хлеба, изодранные в клочья черные плащи, засаленные тряпицы, разбитые кованые сапоги. След вел на север, вдоль по гребню, и наконец подвел к глубокой стремнине, откуда низвергался злобный ручей. Тропка вилась по уступам, резко ныряла вниз и пропадала в густой траве.

Так они окунулись в живые зеленые волны, колыхавшиеся у самых отрогов Приречного взгорья. Ручей расструился в зарослях желтых и белых водяных лилий, и зазвенел где-то вдали, унося свои притихшие воды покатыми степными склонами к изумрудной пойме дальней Онтавы.

Зима отстала, осталась за хребтом, а здесь веял резвый, ласковый ветерок, разносил едва уловимое благоухание весенних трав, наливающихся свежим соком. Леголас полной грудью вдохнул душистый воздух, точно утоляя долгую мучительную жажду.

— Травы-то как пахнут! — сказал он. — Всякий сон мигом соскочит. А ну-ка, прибавим ходу!

— Да, здесь легконогим раздолье, — сказал Арагорн. — Не то что оркам в кованых сапогах. Теперь мы, пожалуй, немного наверстаем!

Они бежали друг за другом, точно гончие по горячему следу, и глаза их сверкали восторгом погони. Справа пролегала загаженная полоса, окаймленная истоптанной травой. Вдруг Арагорн что-то воскликнул и свернул с пути.

— Погодите! — крикнул он. — За мной пока не надо!

Он кинулся в сторону, завидев следы маленьких босых ног. Далеко они его не увели: кованые подошвы явились следом и по кривой выводили обратно, теряясь в слякотной неразберихе. Арагорн прошел до обратного поворота, наклонился, выудил что-то из травы и поспешил назад.

— Ага, — сказал он, — дело ясное: хоббитские это следы. Должно быть, Пина; Мерри повыше будет. А вот на что поглядите!

И на ладони его заблистал под солнцем как будто кленовый лист, неожиданно прекрасный здесь, на безлесной равнине.

— Застежка эльфийского плаща! — наперебой воскликнули Леголас и Гимли.

— Листы Кветлориэна падают и звучат, — усмехнулся Арагорн. — И этот упал не просто так: обронен, чтобы найтись. То-то, я думаю, Пин и отбежал в сторону, рискнув жизнью.

— Живой, значит, — заметил Гимли. — И голова на плечах, и ноги на месте. Спасибо и на том: не зря, стало быть, бежим.

— Лишь бы он не очень поплатился за свою смелость, — сказал Леголас. — Скорее, скорее! А то я как подумаю, что наши веселые малыши в лапах у этой сволочи, так у меня сердце не на месте.

Солнце поднялось в зенит и медленно катилось по небосклону. Облака приплыли с моря, и ветер их рассеял. Незаметно приблизилась закатная пора. Сзади, с востока, наползали длинные цепкие тени. Погоня бежала ровно и быстро. Сутки прошли с тех пор, как они схоронили Боромира, а до орков было еще далеко. Невесть сколько: в степи не разберешь.

В густых сумерках Арагорн остановился. За день у них было две передышки, и двенадцать лиг отделяли их от того обрыва, где они встречали рассвет.

— Трудный у нас выбор, — сказал он. — Заночуем или поспешим дальше, пока хватит сил и упорства?

— Вряд ли орки сделают привал, а тогда мы от них и вовсе отстанем, — отозвался Леголас.

— Как это не сделают, им отдохнуть-то надо? — возразил Гимли.

— Где это слыхано, чтобы орки бежали степью средь бела дня? А эти бегут, — сказал Леголас. — Стало быть, и ночью не остановятся.

— Мы же в темноте, чего доброго, со следа собьемся, — заметил Гимли.

— С такого следа не собьешься, он и в темноте виден и никуда не сворачивает, — посмотрел вдаль Леголас.

— Идти по следу напрямик немудрено и впотьмах, — подтвердил Арагорн. — Но почем знать, вдруг они все-таки свернут куда-нибудь, а мы пробежим мимо? Оплошаем, и волей-неволей придется ждать рассвета.

— Тут еще вот что, — добавил Гимли. — Следы в сторону заметны только днем. А может, хоть один из хоббитов да сбежит или кого-нибудь из них потащат на восток, к Великой Реке — ну, в Мордор; как бы нам не проворонить такое дело.

— Тоже верно, — согласился Арагорн. — Правда, если я там, на месте распри, не ошибся в догадках, то одолели орки с белой дланью на щите, и теперь вся свора бежит к Изенгарду. А я, видимо, не ошибся.

— Пес их, орков, знает, — сказал Гимли. — Ну а если Пин или Мерри все-таки сбежит? В темноте мы бы давешнюю застежку не нашли.

— Вдвойне теперь будут орки настороже, а пленники устали

вдвое пуще прежнего, — заметил Леголас. — Вряд ли кому из хоббитов удастся снова сбежать, разве что с нашей помощью. Догоним — как-нибудь выручим, и догонять надо, не мешкая.

— Однако даже я, бывалый странник и не самый слабосильный гном, не добегу до Изенгарда без передышки, — сказал Гимли. — У меня тоже сердце не на месте, и я первый призывал не мешкать, но теперь хорошо бы отдохнуть, а потом прибавить ходу. И уж если отдыхать, то в глухие ночные часы.

— Я же сказал, что у нас трудный выбор, — повторил Арагорн. — Так на чем порешим?

— Ты наш вожатый, — сказал Гимли, — и к тому же опытный ловчий. Тебе и решать.

— Я бы не стал задерживаться, — вздохнул Леголас, — но и перечить не стану. Как скажешь, так и будет.

— Не в добрый час выпало мне принимать решение, — горько молвил Арагорн. — С тех пор как миновали мы Каменных Гигантов, я делаю промах за промахом.

Он помолчал, вглядываясь в ночную темень, охватывающую северо-запад.

— Пожалуй, заночуем, — наконец проговорил он. — Тьма будет непроглядная: беда, коли и вправду потеряем след или не заметим чего-нибудь важного. Если б хоть луна светила, но она же едва народилась, тусклая и заходит рано.

— Какая луна — небо-то сплошь затянуто, — проворчал Гимли. — Нам бы волшебный светильник, каким Владычица одарила Фродо!

— Ей было ведомо, кому светильник нужнее, — возразил Арагорн. — Фродо взял на себя самое тяжкое бремя. А мы... что наша погоня по нынешним грозным временам! И бежим-то мы, может статься, без толку, и выбор мой ничего не изменит. Но будь что будет — выбор сделан. Ладно, утро вечера мудренее!

Растянувшись на траве, Арагорн уснул мертвым сном — двое суток, от самого Тол-Брандира, ему глаз не привелось сомкнуть, да и там не спалось. Пробудился он в предрассветную пору — и мигом вскочил на ноги. Гимли спал как сурок, а Леголас стоял, впиваясь глазами в северный сумрак, стоял задумчиво и неподвижно, точно стройное деревце безветренной ночью.

— Они от нас за тридевять лиг, — хмуро сказал он, обернувшись к Арагорну. — Чует мое сердце, что уж они-то прыти не сбавили. Теперь только орлу их под силу догнать.

— Мы тоже попробуем, — сказал Арагорн и, наклонившись, потормошил гнома. — Вставай! Пора в погоню! А то и гнаться не за кем будет!

— Темно же еще, — разлепив веки, выговорил Гимли. —

Небось, пока солнце не взошло, Леголас их тогда и с горы не углядел.

— Теперь гляди не гляди, с горы не с горы, при луне или под солнцем — все равно никого не высмотришь, — отозвался Леголас.

— Чего не увидят глаза, то, может, услышат уши, — улыбнулся Арагорн. — Земля-то, наверно, стонет под их ненавистной поступью.

И он приник ухом к земле, приник надолго и накрепко, так что Гимли даже подумал, уж не обморок ли это — или он просто снова заснул?

Мало-помалу забрезжил рассвет, разливаясь неверным сиянием. Наконец Арагорн поднялся, и лицо его было серое и жесткое, угрюмое и озабоченное.

— Доносятся только глухие, смутные отзвуки, — сказал он. — На много миль вокруг совсем никого нет. Еле-еле слышен топот наших уходящих врагов. Однако же громко стучат лошадиные копыта. И я вспоминаю, что я их заслышал, еще когда лег спать: кони галопом мчались на запад. Скачут они и теперь и еще дальше от нас, скачут на север. Что тут творится, в этих краях?

— Поспешим же! — сказал Леголас.

Так начался третий день погони. Тянулись долгие часы под облачным покровом и под вспыхивающим солнцем, а они мчались почти без продыху, сменяя бег на быстрый шаг, не ведая усталости. Редко-редко обменивались они немногими словами. Их путь пролегал по широкой степи, эльфийские плащи сливались с серо-зелеными травами, только эльф различил бы зорким глазом в холодном полуденном свете бесшумных бегунов, и то вблизи. Много раз возблагодарили они в сердце своем Владычицу Лориэна за *путлибы*, съеденные на бегу и несказанно укрепившие их силы.

Весь день вражеский след вел напрямик на северо-запад, без единого витка или поворота. Когда дневной свет пошел на убыль, они очутились перед долгими, пологими, безлесными склонами бугристого всхолмья. Туда, круто свернув к северу, бежали орки, и след их стал почти незаметен: земля здесь была тверже, трава — реже. В дальней дали слева вилась Онтава, серебряной лентой прорезая степную зелень. И, сколько ни гляди, нигде ни признака жизни. Арагорн дивился, почему бы это не видать ни зверя, ни человека. Правда, ристанийские селения располагались большей частью в густом подлесье Белых гор, невидимом за туманами; однако прежде коневоды пасли свои несметные стада на пышных лугах юго-восточной окраины Мустангрима, и всюду было полным-полно пастухов, обитавших в шалашах и палатках, даже и в зимнее время. А теперь почему-то

луга пустовали и в здешнем крае царило безмолвие, недоброе и немирное.

Остановились в сумерках. Дважды двенадцать лиг пробежали они по ристанийским лугам, и откосы Приречного взгорья давно уж сокрыла восточная мгла. Бледно мерцала в туманных небесах юная луна, и мутью подернулись тусклые звезды.

— Будь сто раз прокляты все наши заминки и промедленья! — сказал в сердцах Леголас. — Орки далеко опередили нас: мчатся как ошалелые, точно сам Саурон их подстегивает. Наверно, они уже в лесу, бегут по темным взгорьям, поди сыщи их в тамошней чащобе!

— Зря мы, значит, надеялись и зря из сил выбивались, — сквозь зубы проскрежетал Гимли.

— Надеялись, может, и зря, а из сил выбиваться рано, — отозвался Арагорн. — Впереди долгий путь. Но я и вправду устал. — Он обернулся и взглянул назад, на восток, тонущий в исчерна-сизом мраке. — Неладно в здешних землях: чересчур уж тихо, луна совсем тусклая, звезды еле светят. Такой усталости я почти и не припомню, а ведь негоже Следопыту падать с ног в разгар погони. Чья-то злая воля придает сил нашим врагам и дает нам незримый отпор: не так тело тяготит, как гнетет сердце.

— Еще бы! — подтвердил Леголас. — Я это почуял, лишь только мы спустились с Привражья. Нас не сзади оттягивают, а теснят спереди. — Он кивком указал на запад, где над замутненными просторами Ристании поблескивал тонкий лунный серп.

— Саруманово чародейство, — проговорил Арагорн. — Ну, вспять-то он нас не обратит, но заночевать придется, а то вон уже и месяц тучи проглотили. Путь наш лежит между холмами и болотом. Выступим на рассвете.

Первым, как всегда, поднялся Леголас, да он едва ли и ложился.

— Проснитесь! Проснитесь! — воскликнул он. — Уже алеет рассвет. Диковинные вести ждут нас у опушки Фангорна. Добрые или дурные — не знаю, но медлить нельзя. Проснитесь!

Витязь и гном вскочили на ноги; погоня ринулась с места в карьер. Всхолмье виднелось все отчетливее, и еще до полудня они подбежали к зеленеющим склонам голых хребтов, напрямую устремленных к северу. Суховатая земля у подошвы поросла травяной щетиной; слева, миль за десять, источали холодный туман камышовые плесы и перекаты Онтавы. Возле крайнего южного холма орки вытоптали огромную черную проплешину. Оттуда след опять вел на север, вдоль сохлых подножий. Арагорн обошел истоптанную землю.

— Тут у них был долгий привал, — сказал он, — однако же изрядно они нас опередили. Боюсь, что ты прав, Леголас: трижс-

ды двенадцать часов, не меньше, прошло с тех пор. Если они прыти не поубавили, то еще вчера под вечер добежали до опушки Фангорна.

— И на севере, и на западе только и видать, что траву в дымке, — пожаловался Гимли. — Может, заберемся на холмы — вдруг оттуда хоть лес покажется?

— Не покажется, — возразил Арагорн. — Холмы тянутся к северу лиг на восемь, а там еще степью все пятнадцать до истоков Онтавы.

— Тогда вперед, — сказал Гимли. — Лишь бы ноги не подвели, а то что-то на сердце так и давит.

Бежали без роздыху, и к закату достигли наконец северной окраины всхолмья. Но теперь они уж не бежали, а брели, и Гимли тяжело ссутулился. Гномы не ведают устали ни в труде, ни в пути, но нескончаемая и безнадежная погоня изнурила его. Угрюмый и безмолвный Арагорн шел за ним следом, иногда пытливо склоняясь к черным отметинам. Один Леголас шагал, как всегда, легко, едва приминая траву, словно летучий ветерок. Лориэнские дорожные хлебцы питали его сытней и надежней, чем других, а к тому же он умел на ходу, с открытыми глазами забываться сном, недоступным людям или гномам, — эльфийским мечтанием о нездешних краях.

— Взойдемте-ка на вон тот зеленый холм, оглядимся! — позвал он усталых друзей и повел их наискось к лысому темени последней вершины, высившейся особняком. Тем временем солнце зашло, и пал вечерний сумрак. Густая серая мгла плотно окутала зримый мир. Лишь на дальнем северо-западе чернели горы в лесной оправе.

— Вот тебе и огляделись, — проворчал Гимли. — Зато уж здесь как-никак, а заночуем. Крепко что-то похолодало!

— Северный ветер дует, от снеговых вершин, — сказал Арагорн.

— К утру подует восточный, — пообещал Леголас. — Отдохните, раз такое дело. Только ты, Гимли, с надеждой зря расстался. Мало ли что завтра случится. Говорят, поутру солнце путь яснит.

— Яснило уж три раза кряду, а толку-то? — сказал Гимли.

Холод пробирал до костей. Арагорн и Гимли засыпали, просыпались — и всякий раз видели неизменного Леголаса, который то стоял недвижно, то расхаживал взад-вперед, тихо напевая что-то на своем древнем языке, и звезды вдруг разгорались в черной небесной бездне. Так проплывала ночь, а рассвет они

встретили вместе. Бледная денница озарила мертвенно-безобла-чное небо; наконец взошло солнце. Ветер дул с востока, тума-ны он разогнал и обнажил угрюмую равнину в жестком утрен-нем свете.

Перед ними далеко на восток простерлось ветреное раз-долье Ристании. Эти степи они мельком видели много дней назад, еще плывя по Андуину. На северо-западе темнел Вели-кий Лес Фангорн; до его неприветных опушек было не меньше десяти лиг, а там холмами и низинами стояло в мутно-голубой дымке несметное древесное воинство. Дальше взблескивала, точно поверх серой тучи, высокая вершина Метхедраса, послед-ней из Мглистых гор. Из лесу, между крутыми берегами, стру-ила ключевые воды еще узкая и быстрая Онтава. К ней сворачи-вал след орков от всхолмья.

Арагорн пригляделся к следу до самой реки, потом прово-дил взглядом реку к истокам и вдруг заметил вдали какое-то пятно, смутное перекати-поле на бескрайней зеленой равнине. Он кинулся на землю, прижался к ней ухом и вслушался. Но рядом стоял Леголас. Из-под узкой, длинной ладони он увидел зорким эльфийским оком не тень и не пятно, а маленьких всад-ников, много-много всадников, и копья их поблескивали в рас-светных лучах точно мелкие звезды, сокрытые от смертных взо-ров. Далеко позади за ними вздымался и расхлестывался чер-ный дым.

Пустая степь хранила безмолвие, и Гимли слышал, как ветер ворошит траву.

— Всадники! — воскликнул Арагорн, вскочив на ноги. — Большой отряд быстроконных всадников приближается к нам.

— Да, — подтвердил Леголас, — всадники. Числом сто пять. У них желтые волосы, и ярко блещут их копья. Вожатый их очень высок.

— Далеко же видят эльфы, — с улыбкой сказал Арагорн.

— Тоже мне далеко, — отмахнулся Леголас. — Они от нас не дальше чем за пять лиг.

— За пять лиг или за сто саженей, — сказал Гимли, — все равно нам от них в степи не укрыться. Как, будем их ждать или пойдем своим путем?

— Ждать будем, — сказал Арагорн. — Я устал, и орков мы не нагоним. Вернее, их нагнали раньше нашего: всадники-то возвращаются вражеским следом. Может, они встретят нас но-востями.

— Или копьями, — сказал Гимли.

— Три пустых седла, но хоббитов что-то не видать, — заме-тил Леголас.

— А я не сказал — добрыми новостями, — обернулся к нему Арагорн. — Добрые или дурные — подождем, узнаем.

Слишком были бы заметны и подозрительны их черные силуэты на палевом небе, и они неспешно спустились северным склоном, облюбовали у подножия блеклый травянистый бугорок, укутались в плащи, сели потеснее. Налетал пронизывающий ветер. Гимли было не по себе.

— А что ты про них знаешь, Арагорн, про этих коневодов? — спросил он. — Может, мы здесь сидим и ждем, пока нас убьют?

— Народ мне знакомый, — отвечал Арагорн. — Заносчивые они, своевольные, однако ж твердые и великодушные, слово у них никогда не расходится с делом, в бою неистовы, но не кровожадны, смышленые и простоватые: книг у них нет, лишь песни помнит каждый, как помнили их в седой древности сыны и дочери человеческие. Давно я здесь, правда, не был и не знаю: может, их подкупили посулы предателя Сарумана или подкосили угрозы Саурона. С гондорцами они искони в дружбе, хоть и не в родстве: некогда их привел с севера Отрок Эорл, и они, наверно, сродни обитателям краев приозерных, подвластных Барду, и лесных, подвластных Беорну. Там, как и здесь, тоже много высоких и белокурых. И с орками тамошние и здешние враждуют.

— А Гэндальф говорил, есть слух, будто они здесь данники Мордора, — заметил Гимли.

— Боромир этому не поверил, я тоже не верю, — отозвался Арагорн.

— Сейчас разберетесь, чья правда, — сказал Леголас. — Их вон уже слышно.

Вскоре даже Гимли заслышал, как близится топот копыт. Всадники свернули от реки к всхолмью и мчались по черному следу наперегонки с ветром.

Издалека звенели сильные юные голоса. Вдруг они общим громом грянули из-за холма, и показался передовой: он вел отряд на юг, мимо западных склонов. Длинной серебристой вереницей мчались за ним кольчужные конники, витязи как на подбор.

Высокие стройные кони с расчесанной гривой, в жемчужно-серых чепраках, помахивали хвостами. И всадники были под стать им, крепкие и горделивые; их соломенно-желтые волосы взлетали из-под шлемов и развевались по ветру; светло и сурово глядели их лица. Ясеневое копье было в руках у каждого, расписной щит за спиной, длинный меч у пояса, узорчатые кольчуги прикрывали колени.

В строю по двое мчались они мимо, и хотя иной из них то и дело привставал в стременах, озирая окрестности по обеим сто-

ронам пути, однако же безмолвные чужаки, следившие за ними, остались незамеченными. Дружина почти что миновала их, когда Арагорн внезапно поднялся и громко спросил:

— Конники Ристании, нет ли вестей с севера?

Всадники мигом осадили своих скакунов и рассыпались вкруговую. Трое охотников оказались в кольце копий, надвигавшихся сверху и снизу. Арагорн стоял молча, и оба его спутника замерли в настороженном ожидании.

Конники остановились разом, точно по команде: копья наперевес, стрелы на тетивах. Самый высокий, с белым конским хвостом на гребне шлема, выехал вперед; жало его копья едва не коснулось груди Арагорна. Тот не шелохнулся.

— Кто вы такие, зачем сюда забрели? — спросил всадник на всеобщем языке Средиземья, и выговор его был гортанный и жесткий, точь-в-точь как у Боромира, у гордого гондорского витязя.

— Я зовусь Бродяжником, — отвечал Арагорн. — Я пришел с севера. Охочусь на орков.

Всадник соскочил с седла. Другой выдвинулся и спешился рядом; он отдал ему копье, обнажил меч и встал лицом к лицу с Арагорном, изумленно и пристально разглядывая его.

— Поначалу я вас самих принял за орков, — сказал он. — Теперь вижу, что вы не из них. Но худые из вас охотники, ваше счастье, что вы их не догнали. Бежали они быстро, оружием их не обидели, и ватага была изрядная. Догони вы их ненароком, живо превратились бы из охотников в добычу. Однако, знаешь ли, Бродяжник, что-то с тобой не так. — И он снова смерил усталого Следопыта зорким, внимательным глазом. — Не подходит тебе это имя. И одет ты диковинно. Вы что, исхитрились спрятаться в траве? Как это мы вас не заметили? Может, вы эльфы?

— Есть среди нас и эльф, — сказал Арагорн. — Вот он: Леголас из Северного Лихолесья. А путь наш лежал через Кветлориэн, и Владычица Цветущего Края обласкала и одарила нас.

Еще изумленнее оглядел их всадник и недобро сощурился.

— Не врут, значит, старые сказки про Чародейку Золотого Леса! — промолвил он. — От нее, говорят, живым не уйдешь. Но коли она вас обласкала и одарила, стало быть, вы тоже волхвы и чернокнижники? — Он холодно обратился к Леголасу и Гимли: — А вас что не слышно, молчуны?

Гимли поднялся, крепко расставил ноги и стиснул рукоять боевого топора; черные глаза его сверкнули гневом.

— Назови свое имя, коневод, — сказал он, — тогда услышишь мое и еще кое-что в придачу.

Высокий воин насмешливо посмотрел на гнома сверху вниз.

— Вернее было бы тебе, чужаку, назваться сначала, — сказал он, — но так и быть... Имя мое — Эомер, сын Эомунда, а звание — Третий Сенешаль Мустангрима.

— Послушай же, Эомер, сын Эомунда, Третий Сенешаль Мустангрима, что скажет тебе Гимли, сын Глоина: вперед остерегайся глупых речей и не берись судить о том, до чего тебе как до звезды небесной, ибо лишь скудоумие твое может оправдать тебя на этот раз.

Взгляд Эомера потемнел, глухим ропотом отозвались ристанийцы на слова Гимли, и вновь надвинулись со всех сторон острия копий.

— Я бы одним махом снес тебе голову вместе с бородищей, о достопочтенный гном, — процедил Эомер, — да только вот ее от земли-то едва видать.

— А ты приглядись получше, — посоветовал Леголас, в мгновение ока наложив стрелу и натянув лук, — это последнее, что ты видишь в жизни.

Эомер занес меч, и худо могло бы все это кончиться, когда б не Арагорн: он встал между ними, воздев руку.

— Не взыщи, Эомер! — воскликнул он. — Узнаешь побольше — поймешь, за что так разгневались на тебя мои спутники. Мы ристанийцам вреда не замышляем: ни людям, ни коням. Может, выслушаешь, прежде чем разить?

— Выслушаю, — сказал Эомер, опуская меч. — Но все же лучше бы мирным чужестранцам, забредшим в Ристанию в наши смутные дни, быть поучтивее. И сперва назови мне свое подлинное имя.

— Сперва ты скажи мне, кому вы служите, — возразил Арагорн. — В дружбе или во вражде вы с Сауроном, с Черным Властелином Мордора?

— Я служу лишь своему властителю, конунгу Теодену, сыну Тенгела, — отвечал Эомер. — С тем, за дальней Завесой Мрака, мы не в дружбе, но мы с ним и не воюем. Если ты бежишь от него, то скорее покидай здешние края. Границы наши небезопасны, отовсюду нависла угроза; а мы всего и хотим жить по своей воле и оставить свое при себе — нам не нужно чужих хозяев, ни злых, ни добрых. В былые дни мы привечали странников, а теперь с непрошеными гостями велено быстро управляться. Так кто же ты такой? *Ты-то* кому служишь? По чьему веленью преследуешь орков на нашей земле?

— Я не служу никому, — сказал Арагорн, — но прислужников Саурона преследую повсюду, не разбирая границ. Вряд ли кому из людей повадки орков знакомы лучше меня, и гонюсь я за ними не по собственной прихоти. Те, кого мы преследуем, захватили в плен двух моих друзей. В такой нужде мчишься без

оглядки, конный ты или пеший, и ни у кого на это не спрашиваешь дозволения. И врагам заранее счет не ведешь — разве что потом по отсеченным головам. Я ведь не безоружен.

Арагорн сбросил плащ. Блеснули самоцветные эльфийские ножны, и яркий клинок Андрила взвился могучим пламенем.

— Элендил! — воскликнул он. — Я Арагорн, сын Араторна, и меня именуют Элессар, Эльфийский Берилл, Дунадан; я — наследник великого князя гондорского Исилдура, сына Элендила. Вот он, его сломанный и заново скованный меч! Кто вы — подмога мне или помеха? Выбор за вами!

Гимли и Леголас не верили глазам — таким своего сотоварища они еще не видели: Эомер словно бы умалился, а он точно вырос, лицо его просияло отблеском власти и величия древних изваяний. Леголасу на миг почудилось, будто чело Арагорна увенчала белая огненная корона.

Эомер отступил и почтительно потупил гордый взор.

— Небывалые настали времена, — проговорил он. — Сказанья и были вырастают навстречу тебе из травы. Скажи мне, о господин, — обратился он к Арагорну, — что привело тебя сюда? Речи твои суровы и темны. Давно уж Боромир, сын Денэтора, поехал за ответом на прорицанье, и конь, ему отданный, вернулся назад без всадника. Ты — северный вестник рока: что же он велит нам?

— Велит выбирать, — ответствовал Арагорн. — Скажи Теодену, сыну Тенгела, что войны не минуешь, в союзе с Сауроном или против него. Жить по-прежнему никому больше не дано, и оставить при себе то, что мнишь своим, — тоже. Но об этом потом, если мне приведется, — а надо, чтоб привелось, — говорить с самим конунгом. Теперь же время не терпит, и мне нужна твоя помощь, хотя бы твои вести. Ты слышал уже, мы гнались за ватагой орков, чтобы освободить друзей. Каков твой совет?

— Мой совет — оставить погоню, — сказал Эомер. — Орки перебиты все до единого.

— А наши друзья?

— Были одни лишь трупы орков.

— Да, что-то непонятно, — сказал Арагорн. — А вы хорошо искали? Точно ли не было других мертвецов, только орки? Наши друзья — маленькие, на ваш взгляд, почти что дети, босые, в серой одежде.

— Ни детей, ни гномов не было среди мертвых, — сказал Эомер. — Мы пересчитали убитых и, как велит наш обычай, свалили падаль грудою и подожгли ее. Останки, наверно, еще дымятся.

— Они не дети и не гномы, — сказал Гимли. — Друзья наши были хоббиты.

— Хоббиты? — удивился Эомер. — Какие такие хоббиты? Чудно вы их называете.

— Они и народец-то чудной, — сказал Гимли. — Но с этими двумя мы очень сдружились. А про хоббитов вы слыхали в том прорицании, которое встревожило Минас-Тирит. Там сказано было: «...невысоклик отважится взять...» Хоббиты и есть невысоклики.

— Невысоклики! — расхохотался спешившийся всадник рядом с Эомером. — Ох, невысоклики! Это коротышки-то из детских песенок и северных побасенок? Ой-ой-ой! Мы что, заехали в сказку или все-таки ходим средь бела дня по зеленой траве?

— Бывает, что не различишь, — сказал Арагорн. — Ведь сказки о нашем времени будут слагаться потом. Ты говоришь — по зеленой траве? Вот тебе и сказка средь бела дня!

— Замешкались мы, — сказал всадник Эомеру, не обращая внимания на Арагорна. — Надо нам торопиться на юг, Сенешаль. А они пусть тешатся выдумками, эти дикари. Или, может, связать их и доставить к конунгу?

— Спокойствие, Эотан! — распорядился Эомер на здешнем наречии. — Оставь меня с ними. И выстрой эоред на дороге, сейчас пойдем к Онтаве.

Эотан что-то буркнул под нос, потом отдал команду, всадники отъехали и построились поодаль. На склоне остались лишь трое путников с Эомером.

— Удивительны речи твои, Арагорн, — сказал он. — Однако же говоришь ты правду, это ясно: мы ведь не лжем никогда, так что нас нелегко обмануть. Правду ты говоришь, но не договариваешь. Не расскажешь ли все толком, чтобы я знал, как мне быть?

— Много недель назад выступили мы из Имладриса, куда прорицание — помнишь? — привело Боромира из Минас-Тирита, — начал Арагорн. — Сыну Денэтора я был попутчиком: мы готовились биться бок о бок в грядущей войне с Сауроном. Но вышли мы не вдвоем, и Отряд наш имел совсем иное поручение, о котором я пока не вправе говорить. Вел Отряд Гэндальф Серый.

— Гэндальф! — воскликнул Эомер. — Как же, Гэндальф Серая Хламида у нас повсюду известен, однако нынче, знай это, именем его тебе не снискать милости конунга. Сколько люди помнят, он то и дело вдруг наведывался: бывало, по многу раз в год, а бывало, пропадал и на десять лет. И всегда приносил тревожные вести — теперь его только горевестником называют.

Да и то сказать — вот был он у нас прошлым летом, и с тех

пор все пошло вкривь и вкось. Начались нелады с Саруманом. Дотоле мы Сарумана считали другом, а Гэндальф сказал нам, что в Изенгарде точат на нас мечи. Ортханк, сказал он, был его узилищем, и он чудом спасся. Он просил помощи у Теодена, но Теоден отказал. Будешь у конунга — ни слова о Гэндальфе! Гнев его не остыл. Ибо Гэндальф выбрал себе коня по имени Светозар, благороднейшего из отборного табуна Бэмаров, коня, чьим седоком может быть лишь конунг. Прародителем этой породы был жеребец Эорла, понимавший человеческий язык. Правда, семь суток назад Светозар воротился, но конунг пуще прежнего гневен: конь одичал и никому не дается в руки.

— Стало быть, Светозар добрался в отчий край один из дальних северных земель, — сказал Арагорн. — Там расстались они с Гэндальфом. Но Гэндальфу уж не быть его седоком. Он сгинул навеки в бездонных копях Мории.

— Скорбная весть, — сказал Эомер. — Скорбная для меня и для тех, кто мыслит схоже; но, увы, многие мыслят иначе — узнаешь, представши пред конунгом.

— Боюсь, даже и тебе невдомек, какая это скорбная весть, — отозвался Арагорн. — Месяца не пройдет, как ее страшная тяжесть ляжет на сердце всем и каждому. Однако ж если гибнут великие, то с малых великий спрос. Вот я и повел наш Отряд от здешних ворот Мории через Кветлориэн — о нем ты, Эомер, сначала узнай истину и больше не роняй пустых слов — и оттуда по Великой Реке до водопадов Рэроса. Там был убит Боромир — теми орками, которых вы истребили.

— О, горе нам! — тоскливо воскликнул Эомер. — Какого воина лишился Минас-Тирит и все мы какого лишились воина! Первейший был богатырь — всюду пели ему хвалу. У нас-то он бывал редко — воевал на восточных окраинах Гондора, — но я его все-таки видел. Он больше походил на быстрых сынов Эорла, чем на суровых витязей Гондора, и стал бы, наверно, в свой час великим полководцем. Однако же Гондор не прислал вести о его гибели. Когда это случилось?

— Четвертые сутки пошли, — отвечал Арагорн. — Вечером того дня мы бросились в погоню от подножия Тол-Брандира.

— Как, пешие? — не понял Эомер.

— Да, как видишь, пешие.

Изумленно распахнулись глаза Эомера.

— Неверно прозвали тебя, о сын Араторна, — вымолвил он. — Тебе бы не Бродяжником зваться, а Крылоногом. Придет время — песни сложат об этом вашем походе. За неполные четверо суток одолели вы четырежды двадцать и пять лиг! Крепки же мышцы у потомков Элендила! Но, господин мой, что прикажешь мне делать? Конунг ждет; медлить мне не пристало. Перед дружиной я в своих речах не волен, однако по правде сказал

тебе, что покамест мы не воюем с Черным Властелином. Конунг преклонил слух к малодушным наперсникам, и все же войны нам не избежать. Гондор наш старинный союзник, мы его в беде не покинем и будем сражаться бок о бок — так мыслю я, и многие скажут подобно. Я в ответе за западные пределы Ристании, и я приказал отогнать табуны за Онтаву; за табунами снялись пастушеские селения, а здесь остались одни сторожевые дозоры.

— Так вы, значит, не платите дани Саурону? — вырвалось у Гимли.

— Не платим и никогда не платили, — отрезал Эомер. — Слыхал я отзвуки этой лжи, но не знал, что она разнеслась так далеко. Было вот что: несколько лет тому назад посланцы Черных Земель торговали у нас лошадей и давали большую цену, но понапрасну. Нельзя им лошадей продавать: они их портят. Тогда к нам заслали орков, ночных конокрадов, и те угнали немало коней — вороных, только вороных: у нас теперь их почитай что и нет. Ну, с орками-то наша расправа была и будет короткой, и с одними орками мы бы управились.

А управляться надо с Саруманом. Он объявил себя хозяином всех здешних земель, и вот уже много месяцев мы с ним воюем. И такие ему орки подвластны, и сякие, на волколаках верхом, да только ли орки! Он перекрыл Проходное Ущелье, и теперь поди знай, откуда грянет напасть — с востока или с запада.

Трудный это неприятель: хитроумный и могущественный чародей, мастер глаза отводить — гибель у него обличий. Где только, говорят, его не увидишь: является там и сям, старец-странник, в плаще с капюшоном, ни дать ни взять, Гэндальф — с тем и Гэндальфа припоминают. Его земные лазутчики проникают повсюду, а небесные зловеще парят над нами. Не знаю, что нам выпадет, но хорошего не предвижу: по всему видать, есть у него среди нас незнаемые союзники. Ты и сам их увидишь в хоромах конунга, если поедешь с нами. Поедем с нами, Арагорн! Неужели напрасно мелькнула у меня надежда, что ты явился нам в помощь посреди невзгод и сомнений?

— Буду, как только смогу, — глухо отвечал Арагорн.

— Нет, поедем сейчас! — заклинал Эомер. — Как воспряну-ли бы сыны Эорла, явись среди них в эту мрачную пору наследник, преемник Элендила! Ведь и сейчас идет битва за битвой на Западной Окраине, и боюсь, худо приходится нашим.

Да и в северный этот поход я выступил без позволения конунга, под малой охраной оставив его дворец. Разведчики доложили мне, что большая ватага орков спустилась с Западной Ограды трое суток назад и среди них замечены были дюжие, с бледной дланью на щите — Саруманово воинство. Я заподозрил

то, чего пуще всего опасаюсь, — что Ортханк и Черный Замок стакнулись, что они против нас заодно, — и вывел свой эоред, личную свою дружину, и мы нагнали орков на закате, тому двое суток, у самой опушки Онтвальда. Там мы их окружили и вчера с рассветом взяли на копья. Погибли, увы, пятнадцать дружинников и двенадцать коней! Ибо орков оказалось больше, нежели мы насчитали: немалая свора подошла к ним с востока, из-за Великой Реки. След их виден к северу отсюда. Еще свора выбежала из лесу: огромные твари и тоже мечены бледной дланью. Они уж нам знакомы, они крупнее и свирепее прочих.

Словом, мы их всех порешили. Но долгая вышла отлучка. Копья нужны на юге и на западе. Неужели же ты не пойдешь с нами? Есть для вас кони, сам видишь. И твой из времен пробудившийся меч без дела не останется. Найдется дело и для топора Гимли, и для лука Леголаса, да простят они мне опрометчивые слова о Владычице Золотого Леса. Я ведь говорил по нашему разумению, а ежели что не так, то рад буду узнать лучше.

— Спасибо тебе на добром слове, — сказал Арагорн, — и сердце мое рвется за тобой, однако я не могу оставить друзей, покуда есть надежда.

— Надежды нет, — сказал Эомер. — Ты не найдешь тех, кого ищешь, в северных пределах.

— Однако же они позади не остались. Неподалеку от Западной Ограды нам был явный знак, что хотя бы один из них жив и ждет. Правда, оттуда до самого всхолмья нет никакого их следа, ни напрямик, ни по сторонам, если только не изменил мне напрочь глаз следопыта.

— Тогда что же, по-твоему, с ними случилось?

— Не знаю. Может статься, они убиты и похоронены вместе с орками; но ты говоришь, не было их среди трупов, и вряд ли ты ошибаешься. Вот разве что их утащили в лес до начала битвы, даже прежде чем вы окружили врагов. Ты вполне уверен, что никто из них не выскользнул из вашего кольца?

— Могу поклясться, что ни один орк никуда не выскользнул после того, как мы их окружили, — сказал Эомер. — К опушке мы подоспели первыми и сомкнули кольцо, а после этого если кто и выскользнул, то уж никак не орк, и разве что эльфийским волшебством.

— Друзья наши были одеты так же, как мы, — заметил Арагорн, — а мимо нас вы проехали средь бела дня.

— И правда, — спохватился Эомер, — как это я позабыл, что когда кругом чудеса, то и сам себе лучше не верь. Все на свете перепуталось. Эльф рука об руку с гномом разгуливают по нашим лугам; они видели Чаровницу Золотолесья — и ничего, остались живы, и заново блещет предбитвенный меч, сломан-

ный в незапамятные времена, прежде чем наши праотцы появились в Ристании! Как в такие дни поступать и не оступаться?

— Да как обычно, — отвечал Арагорн. — Добро и зло местами не менялись: что прежде, то и теперь, что у эльфов и гномов, то и у людей. Нужно только одно отличать от другого — в дому у себя точно так же, как в Золотом Лесу.

— Поистине ты прав, — сказал Эомер. — Но тебе я и так верю, верю подсказке сердца. Однако же я человек подневольный. Я связан законом: он запрещает чужакам проезд и проход через Ристанию без дозволения самого конунга, а в нынешние тревожные дни кара ослушнику — смерть. Я просил тебя добром ехать с нами, но ты не согласен. Ужели придется сотнею копий одолевать троих?

— Закон законом, а своя голова на плечах, — ответствовал Арагорн. — Да я здесь и не чужак: не единожды бывал я в ваших краях и бился с вашими врагами в конном строю Мустангрима — правда, под другим именем, в ином обличье. Тебя я не видел, ты был еще мальчиком, но знался с твоим отцом Эомундом, знаю и Теодена, сына Тенгела. В те времена властителям Ристании на ум бы не пришло чинить препоны в столь важном деле, как мое. Мой долг мне ясен, мой путь прям. Поторопись же, сын Эомунда, не медли с решением. Окажи нам помощь или на худой конец отпусти нас с миром. Или же ищи пути исполнить закон. Одно скажу: тогда дружина твоя сильно поредеет.

Эомер помолчал, потом поднял голову.

— Нам обоим надо спешить, — сказал он. — Кони застоялись, и с каждым часом меркнет твоя надежда. Я принял решение. Следуй своим путем, а я... я дам тебе лошадей. Об одном прошу: достигнешь ли своего или проездишь впустую, пусть кони вернутся в Медусельд за Онтавой, к высокому замку в Эдорасе, где нынче пребывает Теоден. Лишь так ты докажешь ему, что я в тебе не ошибся. Как видишь, ручаюсь за тебя — и, может статься, ручаюсь жизнью. Не подведи меня.

— Не подведу, — обещал Арагорн.

Недоуменно и мрачно переглядывались всадники, когда Эомер велел отдать чужакам свободных лошадей, но один лишь Эотан осмелился поднять голос.

— Ладно, — сказал он, — витязю Гондора — поверим, что он из них, — впору сидеть на коне, но слыханное ли дело, чтоб на ристанийского коня садился гном?

— Неслыханное, — отозвался Гимли. — И уж будьте уверены — ни о чем таком никогда не услышите. В жизни на него не полезу — куда мне такая огромная животина? Коль на то пошло, я и пешком не отстану.

— Отстанешь, а нам задерживаться некогда, — сказал ему Арагорн.

— Садись-ка, друг мой Гимли, позади меня, — пригласил Леголас. — Ведь и то правда: тебе конь не нужен, а ты ему и того меньше.

Арагорну подвели большого мышастого коня; он вскочил в седло.

— Хазуфел имя ему, — сказал Эомер. — Легкой погони, и да поможет тебе прежний, мертвый его седок Гарульф!

Резвый и горячий конек достался Леголасу. Арод звали его. Леголас велел его разнуздать.

— Не нужны мне ни седло, ни поводья, — сказал он и легко прянул на коня, а тот, к удивлению ристанийцев, гордо и радостно повиновался каждому его движению: эльфы и животные, чуждые злу, сразу понимали друг друга. Гимли усадили позади приятеля, он обхватил его, но было ему почти так же муторно, как Сэму Скромби в лодке.

— Прощайте, удачного поиска! — напутственно крикнул Эомер. — Скорей возвращайтесь, и да заблещут наши мечи единым блеском!

— Я вернусь, — проронил Арагорн.

— И меня ждите, — заверил Гимли. — Так говорить о Владычице Галадриэли отнюдь не пристало. И если некому больше, то придется мне поучить тебя учтивости.

— Поживем — увидим, — отозвался Эомер. — Видать, чудные творятся дела, и в диво не станет научиться любезности у гнома с боевым топором. Однако ж покамест прощайте!

С тем они и расстались. Ристанийским коням не было равных. Немного погодя Гимли обернулся и увидел в дальней дали муравьиный отряд Эомера. Арагорн не оборачивался, чтобы не упустить след под копытами, и склонился ниже холки Хазуфела. Вскоре они оказались близ Онтавы, и обнаружился, как и говорил Эомер, след подмоги с востока.

Арагорн спешился, осмотрел следы и снова вскочил в седло, отъехал влево и придержал коня, чтобы ступал осторожнее. Потом будто что-то приметил, опять спешился и долго расхаживал, обыскивая глазами израненную землю.

— Что ясно, то ясно, а ясно немного, — выговорил он наконец. — Конники на обратном пути все затоптали, подъехавши строем от реки. Только восточный след свежий и нетронутый, и назад, к Андуину, он нигде не сворачивает. Сейчас нам надо ехать помедленнее и глядеть в оба, не было ли бросков в стороны. А то орки, видать, здесь как раз и учуяли погоню: того и гляди, попробуют подевать куда-нибудь пленников, пока не поздно.

День понемногу мрачнел. С востока приплыли тяжелые тучи. Темная муть заволокла солнце, уходившее на запад, а Фангорн приближался, и все чернее нависали лесистые склоны. Ни налево, ни направо никакие следы не уводили, путь устилали трупы и трупики, пронзенные длинными стрелами в сером оперенье.

Тускнели сумерки, когда они подъехали к лесной опушке; в полукружье деревьев еще дымился неостывший пепел огненного погребенья. Рядом были свалены грудой шлемы и кольчуги, рассеченные щиты, сломанные мечи, луки, дротики и прочий воинский доспех. Из груды торчал высокий кол, а на нем гоблинская башка в изрубленном шлеме с едва заметной Белой Дланью. Поодаль у берега реки, вытекавшей из лесной чащи, возвышался свеженасыпанный холм, заботливо обложенный дерном; в него было воткнуто пятнадцать копий.

Арагорн с друзьями принялись обыскивать поле боя, но солнце уже скрылось, расползался густой туман. Ночью нечего было и надеяться набрести на след Пина и Мерри.

— Все попусту, — угрюмо сказал Гимли. — Много загадок выпало нам на пути от Тол-Брандира, но эта самая трудная. Наверно, горелые кости наших хоббитов смешались с костями орков. Тяжко придется Фродо, коли весть эта застанет его в живых, и едва ли не тяжелее будет тому старому хоббиту в Раздоле. Элронд им идти не велел.

— А Гэндальф решил — пусть идут, — возразил Леголас.

— Ну, Гэндальф тоже пошел и сам же сгинул первым, — заметил Гимли. — Ошибся он на этот раз в своих расчетах.

— Не в том был расчет Гэндальфа, чтобы спастись от гибели или уберечь нас, — сказал Арагорн. — Тут не убережешься, а берись за дело волей-неволей, чем бы оно ни кончилось. Так вот, отсюда мы пока никуда не тронемся. Непременно надо оглядеться поутру.

Заночевали чуть дальше от кровавого поля, под раскидистыми ветвями гостеприимного дерева, совсем бы каштан, да только многовато сберег он широких бурых прошлогодних листьев, нависших отовсюду, точно хваткие старческие руки; они скорбно шелестели под легким ночным ветерком.

Гимли поежился. У них было всего-то по одеялу на каждого.

— Давайте разведем костер, — сказал он. — Ну, опасно, ну и ладно. Пускай их орки слетаются на огонь, как мотыльки на свечку!

— Если вдруг наши несчастные хоббиты блуждают в лесу, они тоже сюда прибегут, — сказал Леголас.

— Мало ли кого притянет наш костер — не орков, может

статься, и не хоббитов, — сказал Арагорн. — Мы ведь неподалеку от горных проходов предателя Сарумана. И на опушке Фангорна, где лучше, как говорится, веточки не трогать.

— Подумаешь, а мустангримцы вчера большой огонь развели, — сказал Гимли. — Они не то что веточки, деревья рубили, сам видишь. Сделали свое дело, переночевали здесь же, и хоть бы что.

— Во-первых, их было много, — отвечал Арагорн. — Во-вторых, что им гнев Фангорна: они здесь редко бывают, и в глубине Леса им делать нечего. А нам, чего доброго, надо будет углубиться в Лес. Так что поосторожнее! Деревья не трогайте!

— Деревья и незачем трогать, — сказал Гимли. — Конники их и так тронули, вон сколько лапника кругом валяется, да и хвороста хоть отбавляй.

Он пошел собирать хворост и лапник и занялся костром, но Арагорн сидел безмолвно и неподвижно, прислонившись к мощному стволу, и Леголас стоял посреди прогалины, наклонившись и вглядываясь в лесную темень, будто слушал дальние голоса.

Гном понемногу развел костер, и все трое сели вокруг него, как бы заслоняя от лишних взглядов. Леголас поднял глаза и посмотрел на охранявшие их ветви.

— Взгляните! — воскликнул он. — Дерево радуется теплу!

Может быть, их обманула пляска теней, однако всем троим показалось, что нижние тяжкие ветви пригнулись к огню, а верхние заглядывали в костер; иссохшие бурые листья терлись друг о друга, будто стосковавшись по теплу.

Внезапно и воочию, как бы напоказ, была им явлена чуждая и таинственная жизнь темного неизведанного леса. Наконец Леголас прервал молчание.

— Помнится, Селербэрн остерегал нас против Фангорна, — сказал он. — Как думаешь, Арагорн, почему? И Боромир тоже — что за россказни слышал он про этот Лес?

— Я и сам наслышался о нем разного — и от гондорцев, и от других, — отвечал Арагорн, — но, когда бы не Селербэрн, считал бы эти россказни выдумками от невежества. Я-то как раз хотел спросить у тебя, есть ли в них толика правды? Но коль это неведомо лесному эльфу, что взять с человека!

— Ты странствовал по свету больше моего, — возразил Леголас. — А у нас в Лихолесье о Фангорне ничего не рассказывают, вот только песни поют про онодримов, по-вашему — онтов, что обитали здесь давным-давно, ведь Фангорн древнее даже эльфийских преданий.

— Да, это очень древний Лес, — подтвердил Арагорн, — такой же древний, как Вековечный у Могильников, только этот вдесятеро больше. Элронд говорил, что они общего корня: ос-

танки могучей лесной крепи Предначальных Времен — тех лесов без конца и края, по которым бродили Перворожденные, когда люди еще не пробудились к жизни. Однако есть у Фангорна и собственная тайна. А что это за тайна, не знаю.

— Я так и знать не желаю, — сказал Гимли. — Пусть Лес не тревожится за свои тайны, мне они ни к чему.

Кинули жребий, кому оставаться на часах: первому выпал черед Гимли. Остальные двое улеглись, и сон мгновенно сковал их, однако Арагорн успел проговорить:

— Гимли! Не забудь — здесь нельзя рубить ни сука, ни ветки. И за валежником далеко не отходи, пусть уж лучше костер погаснет. Чуть что — буди меня!

И уснул как убитый. Леголас покоился рядом с ним: сложив на груди легкие руки, лежал с открытыми глазами, в которых дремотные видения мешались с ночной полуявью, ибо так спят эльфы. Гимли сгорбился у костра, задумчиво поводя пальцем вдоль острия секиры. Лишь шелест дерева нарушал безмолвие.

Вдруг Гимли поднял голову и в дальнем отблеске костра увидел сутулого старика, укутанного в плащ; он опирался на посох, шляпа с широкими обвислыми полями скрывала его лицо. Гимли вскочил на ноги, потеряв от изумления дар речи, хотя ему сразу подумалось, что они попали в лапы к Саруману. Арагорн с Леголасом приподнялись, пробужденные его резким движением, и разглядывали ночного пришельца. Старик стоял молча и неподвижно.

— Подходи без опаски, отче, — выпрямившись, обратился к нему Арагорн. — Если озяб, погреешься у костра.

Он шагнул вперед, но старец исчез, как провалился. Нигде поблизости его не оказалось, а искать дальше они не рискнули. Луна зашла, костер едва теплился.

— Кони! Наши кони! — вдруг воскликнул Леголас.

А коней и след простыл. Они сорвались с привязи и умчались неведомо куда. Все трое стояли молча, бессильно опустив руки, ошеломленные новой зловещей бедой. До единственных здешних соратников, ристанийских витязей, сразу стало далеко-далеко: за опушками Фангорна простиралась, лига за лигой, необъятная и тревожная степь. Откуда-то из ночного мрака до них словно бы донеслись ржание и лошадиный храп; потом все стихло, и холодный ветер всколыхнул уснувшую листву.

— Ну что ж, ускакали они, — сказал наконец Арагорн. — Ни найти, ни догнать их не в нашей власти, если сами не вернутся, то на нет и суда нет. Отправились мы пешком, и ноги пока остались при нас.

— Ноги! — устало фыркнул Гимли. — Пускать свои ноги в

ход — это я пожалуйста, только есть свои ноги не согласен. — Он подкинул хворосту в огонь и опустился рядом.

— Совсем недавно тебя и на лошадь-то было не заманить, — рассмеялся Леголас. — Ты погоди, еще наездником станешь!

— Куда уж мне, упустил свой случай, — отозвался Гимли.

— Если хотите знать, — сказал он, мрачно помолчав, — то это был Саруман, и никто больше. Помните, Эомер как говорил: является, дескать, старец-странник в плаще с капюшоном. Так и говорил. То ли он, Саруман, лошадей спугнул, то ли угнал — ничего теперь не поделаешь. И попомните мое слово, много бед нам готовится!

— Слово твое я попомню, — обещал Арагорн. — Попомню еще и то, что наш старец прикрывался не капюшоном, а шляпой. Но все равно ты, пожалуй что, прав, и теперь нам не будет покоя ни ночью, ни днем. А пока все-таки надо отдохнуть, как бы оно дальше ни вышло. Ты вот что, Гимли, спи давай, а я покараулю. Мне надо немного подумать, высплюсь потом.

Долго тянулась ночь. Леголас сменил Арагорна, Гимли сменил Леголаса, и настало пустое утро. Старец не появлялся, лошади не вернулись.

Глава III

УРУККАЙ

Пин был окован смутной и беспокойной дремой: ему казалось, что он слышит свой слабенький голос, где-то в темных подвалах зовущий: «Фродо, Фродо!» Но Фродо нигде не было, а гнусные рожи орков ухмылялись из мрака, и черные когтистые лапы тянулись со всех сторон. Мерри-то куда же делся?

Пин проснулся, и холодом повеяло ему в лицо. Он лежал на спине. Наступал вечер, небеса тускнели. Он поворочался и обнаружил, что сон не лучше яви, а явь страшнее сна. Он был крепко-накрепко связан по рукам и ногам. Рядом с ним лежал Мерри, лицо серое, голова обмотана грязной кровавой тряпкой. Кругом стояли и сидели орки, и числа им не было.

Трудно складывалось былое в больной голове Пина, еще труднее отделялось оно от сонных видений. А, ну да: они с Мерри бросились бежать напропалую через лес. Куда, зачем? Затмение какое-то: ведь окликал же их старина Бродяжник! А они знай бежали, бежали и орали, пока не напоролись на свору орков: те стояли, прислушивались и, может, даже не заметили бы их, да тут поди не заметь. Заметили — вскинулись: визг, вой, и еще орки за орками выскакивали из ольшаника. Они с Мер-

ри — за мечи, но орки почему-то биться не желали, кидались и хватали за руки, а Мерри отсек несколько особо хватких лап. Эх, молодчина все-таки Мерри!

Потом из лесу выбежал Боромир: тут уж оркам, хочешь не хочешь, пришлось драться. Он искрошил их видимо-невидимо, какие в живых остались — бежали со всех ног. Но они втроем с Боромиром далеко не ушли, их окружила добрая сотня новых орков, здоровенных, с мечами и луками. Стрелы так и сыпались, и все в Боромира. Боромир затрубил в свой огромный рог, аж лес загудел, и поначалу враги смешались и отпрянули. Но на помощь, кроме эха, никто не спешил; орки расхрабрились и освирепели пуще прежнего. Больше Пин, как ни силился, припомнить ничего не мог. Последнее, что помнил, — как Боромир, прислонясь к дереву, выдергивал стрелу из груди, и вдруг обрушилась темнота.

«Ну, наверно, дали чем-нибудь по голове, — рассудил он. — Хоть бы Мерри, бедняга, не очень поранили. А как с Боромиром? И с чего это орки нас не убили? Где мы вообще-то и куда нас волокут?»

Вопросов хватало — ответов не было. Он озяб и изнемог. «Зря, наверно, Гэндальф уговорил Элронда, чтоб мы пошли, — думал он. — Какой был от меня толк? Помеха, лишняя поклажа. Сейчас вот меня украли, и я стал поклажей у орков. Вот если бы Бродяжник или хоть кто уж догнали их и отбили нас! Да нет, как мне не стыдно! У них-то ведь дела поважнее, чем нас спасать. Самому надо стараться!»

Пин попробовал ослабить путы, но путы не поддавались. Орк, сидевший поблизости, гоготнул и сказал что-то приятелю на своем мерзостном наречии.

— Отдыхай, пока дают, ты, недомерок! — обратился он затем к Пину на всеобщем языке, и звучал он чуть ли не мерзостнее, чем их собственный. — Пока дают, отдыхай! Ножками-то зря не дрыгай, мы тебе их скоро развяжем. Наплачешься еще, что не безногий, соплями и кровью изойдешь!

— Моя бы воля, ты бы и щас хлюпал, смерти просил, — добавил другой орк. — Ох, попищал бы ты у меня, крысеныш вонючий!

И он склонился к самому лицу Пина, обдав его смрадом и обнажив желтые клыки. В руке у него был длинный черный нож с зубчатым лезвием.

— Тише лежи, а то ведь не выдержу, пощекочу немножечко, — прошипел он. — Еще чухнешься — я, пожалуй, и приказ малость подзабуду. Ух, изенгардцы! *Углук у багронк ша пушдуг*

Саруман-глоб бубхош скай! — И он изрыгнул поток злобной ругани, щелкая зубами и пуская слюну.

Пин перепугался не на шутку и лежал без движения, а перетянутые кисти и лодыжки ныли нестерпимо, и щебень впивался в спину. Чтоб легче было терпеть, он стал прислушиваться к разговорам. Кругом стоял галдеж, и, хотя орки всегда говорят, точно грызутся, все же ясно было, что кипит какая-то свара, и кипела она все круче.

К удивлению Пина, оказалось, что ему почти все понятно: орки большей частью изъяснялись на общем наречии Средиземья. Тут, видно, был пестрый сброд, и, говори каждый по-своему, вышла бы полная неразбериха. Злобствовали они недаром: не было согласья насчет того, куда бежать дальше и что делать с пленниками.

— И убить-то их толком нет времени, — пожаловался кто-то. — Прогуляться — прогулялись, а поиграться некогда.

— Тут ладно, ничего не поделаешь, — сказал другой. — Убьем хоть поскорее, прямо щас и убьем, а? Чего их с собой тащить, раз такая спешка. Завечерело уже, надо бежать дальше.

— Приказ есть приказ, — отозвался басистый голос. — ВСЕХ ПЕРЕБИТЬ, КРОМЕ НЕВЫСОКЛИКОВ. ИХ ПАЛЬЦЕМ НЕ ТРОГАТЬ. ПРЕДСТАВИТЬ ЖИВЬЕМ КАК МОЖНО СКОРЕЕ. Что непонятно?

— Непонятно, зачем живьем, — раздалось в ответ. — С ними что, на пытке потеха?

— Да не то! Я слышал, один из них что-то там знает или есть у него при себе что-то, какая-то эльфийская штуковина, помеха войне. А допрашивать всех будут, вот и живьем.

— Ну и что, ну и все? Давайте щас обыщем и найдем! Мало ли что найдется, самим еще, может, понадобится!

— Забавно разговариваете, — мягко сказал жуткий голос. — Пожалуй, донести придется. Пленников НЕ ВЕЛЕНО ни мучить, ни обыскивать: такой У МЕНЯ приказ.

— У меня такой же, — подтвердил басистый голос. — ЖИВЬЕМ, КАК ВЗЯЛИ: НЕ ОБДИРАТЬ. Так мне было велено.

— А нам ничего такого никто не велел! — возразил один из тех, кто начал спор. — Мы с гор прибежали убивать, мстить за наших: все ноги отбили. Вот и хотим убить — и назад.

— Мало ли чего вы хотите, — раздался ответный рык. — Я Углук. Я над вами начальник. И веду вас к Изенгарду самым ближним путем!

— А что, Саруману уже и Всевидящее Око не указ? — спросил жуткий голос. — Мы что-то не туда бежим: в Лутбурзе ждут нас и наших вестей.

— Да как же через Великую Реку, — возразил кто-то. — А к мостам не пробьемся: маловато нас все-таки.

— А вот я переправился, — сказал жуткий голос. — Крылатый назгул ждет-поджидает нас там, на севере, на восточном берегу.

— Может, и поджидает! Ты-то с ним улетишь, прихватишь пленников и будешь в Лугбурзе молодец молодцом, а мы пробирайся как знаешь через эти края, где рыщут коневоды. Не-ет, нам надо вместе. Края опасные: кругом разбойники да мятежники.

— Ага, вместе нам надо, — прорычал Углук. — С вами, падалью, вместе только в одну могилу. Как с гор спустились, так обделались. Где бы вы были, не будь нас! Мы — бойцы, мы — Урукхай! Мы убили большого воина. Мы взяли в плен эту мелюзгу. Мы — слуги Сарумана Мудрого, Властителя Белой Длани, подающей нам вкусную человечину. Мы — посланцы Изенгарда, вы шли за нами сюда и за нами пойдете отсюда, нашим путем. Я — Углук, слышали? Я свое слово сказал.

— Многовато наговорил ты, Углук. — В жутком голосе послышалась издевка. — Ох, как бы в Лугбурзе совсем не решили, что умной башке Углука не место на его плечах. А заодно и спросят: откуда ж такое завелось? Уж не от Сарумана ли? А Саруман-то кто такой, с чего это *он* свои поганые знаки рисует? Властитель Белой Длани, ишь ты! Спросят они у меня, у своего верного посланца Грышнака, а Грышнак им скажет: Саруман — паскудный глупец, а то и предатель. Но Всевидящее Око следит за ним и уж как-нибудь его устережет.

— «Падаль» он говорит? Про кого — про нас? Слыхали, ребята, они человечину жрут; да не нас ли они едят, не нашу ли мертвечину?

Орки загалдели, залязгали обнаженные мечи. Пин осторожно крутнулся в путах: не будет ли чего видно. Охранники оставили хоббитов и подались поближе к заварушке. В сумеречном полусвете маячила огромная черная фигура — должно быть, Углук, — а перед ним стоял Грышнак, приземистый и кривоногий, но неимоверно широкоплечий, и руки его свисали чуть не до земли. Их обступили гоблины помельче. «Не иначе как северяне», — подумал Пин. Они выставили мечи и кинжалы, но нападать на Углука не решались.

А тот гаркнул, и, откуда ни возьмись, набежало десятка полтора орков его породы. Внезапно Углук прыгнул вперед и короткими взмахами меча снес головы паре недовольных. Грышнак шарахнулся в темноту. Прочие попятились, один споткнулся о Мерри и с проклятием растянулся плашмя. Зато спас свою жизнь: через него перепрыгнули меченосцы Углука, рассеивая и рубя противников. Охранника с желтыми клыками распластали чуть не надвое, и труп его с зубчатым ножом в руке рухнул на Пина.

— Оружие отставить! — рявкнул Углук. — Хватит с них! Бежим на запад, вниз проходом и прямиком к холмам, дальше по берегу до самого леса. Бежать будем днем и ночью, понятно?

«Давай-давай, — подумал Пин, — пока ты, гнусное рыло, будешь их собирать да строить, мы тут авось кое-что свое провернем».

И было что провертывать. Острие черного ножа полоснуло его по плечу, скользнуло к руке. Ладонь была вся в крови, но холодное касание стали бодрило и обнадеживало.

Орки понемногу строились, но кое-кто из северян опять заартачился, двоих изенгардцы зарубили, остальные понуро повинновались. Стояла ругань, царила неразбериха. За Пином почти наверняка никто не следил. Ноги его были спутаны плотно, руки — только в кистях, и не за спиной, а впереди. И хотя узел затянули нестерпимо, пальцами он шевелить мог. Он подвинул мертвеца и, сдерживая дыхание, стал тереть перетяжку об отточенное лезвие: рука трупа крепко сжимала нож. Перерезал! И по-хоббитски ловко наладил и затянул двойную петлю на прежний манер; только теперь она, если надо, мигом развязывалась. А уж потом лежал смирнее смирного.

— Пленных на плечи! — рявкнул Углук. — И без штучек! Если кто из них по дороге подохнет, отправитесь за ними!

Дюжий орк ухватил Пина точно куль муки, продел башку между его связанными руками, поддернул руки книзу, приплюснув хоббита лицом к чешуйчатой шее, и побежал со всех ног. Так же было — углядел он одним глазом — и с Мерри. Орковы лапы-клешни сжимали руки Пина мертвой хваткой, когти впивались в тело. Он зажмурил глаза и постарался снова заснуть.

Вдруг его опять бросили на камни. Ночь едва надвинулась, и тощий полумесяц плыл на запад. Они были на краю скалы, тусклая мгла расстилалась впереди. Где-то рядом журчала вода.

— Вот они, дозорные, вернулись, — сказали рядом.

— Ну, что видели? — рыкнул Углук.

— Да ничего не видели, один только всадник удрал на запад. Впереди никого нет.

— Пока нет, а потом чего будет? Ну, дозорные из вас! Почему не подстрелили? Он же поднимет тревогу, и подлюги коневоды нас еще до утра перехватят. Теперь бежать надо вдвое шибче прежнего.

На Пина пала черная тень Углука.

— Давай вставай! — велел орк. — Не все моим ребятам тебя таскать. Сейчас дорога пойдет под гору, беги сам, только смот-

ри у меня! Не вздумай кричать, удрать тоже не пробуй — не выйдет. А в случае чего я из тебя жилы-то повытяну, не рад будешь, что жив остался.

Одним махом перерезав ременные путы, он освободил ноги Пина, схватил его за волосы и поставил перед собой. Пин упал как подкошенный, и Углук снова вздернул его стоймя за волосы. Орки заливались хохотом. Углук сунул ему в зубы фляжку, и горло Пина обожгла какая-то скверная, горькая и вонючая жидкость. Ноги, однако, выпрямились, боль пропала, он мог стоять.

— Где там другой? — сказал Углук. Он отошел к Мерри и дал ему здоровенного пинка. Мерри застонал, а Углук рывком посадил его, сдернул перевязь с пораненной головы и смазал рану каким-то черным снадобьем из деревянной коробочки. Мерри вскрикнул от боли, яростно отбиваясь. Орки свистели и улюлюкали.

— Лечиться не хочет, вот обалдуй! — гоготали они. — Сам не знает, чего ему надо! Ох, ну мы с ними потом и позабавимся!

Покамест, однако, было не до забав. Нужно было скорее бежать и чтобы пленники бежали наравне. Углук лечил и вылечил Мерри на свой манер: ему залили в глотку мерзкое питье, перерезали ножные путы, вздернули на ноги, и Мерри стоял, чуть пошатываясь, бледный, угрюмый, но живехонький. Лоб был рассечен, но боль унялась, и на месте воспаленной, кровоточащей раны появился и остался навсегда глубокий бурый шрам.

— А, Пин, вот и ты! — сказал он. — Тоже решил немного прогуляться? Не вижу завтрака. А где твоя постель?

— А ну, заткни глотку! — рявкнул Углук. — Языки не распускать! Молчать, пока зубы торчат! Обо всем будет доложено, и с рук вам ничего не сойдет. И постелька вас ждет, и лакомый завтрак — кости свои сгрызете!

Спускались тесниной в туманную степь. Мерри и Пина разделяла дюжина или больше орков. Наконец под ногами зашелестела трава, и сердца хоббитов воспрянули.

— Прямо бегом марш! — скомандовал Углук. — Держать на запад и чуть к северу. Лугдуш ведущий — не отставать!

— А что нам делать, когда солнце взойдет? — спросил кто-то из северян.

— Брать ноги в руки! — ощерился Углук. — А ты как думал? Может, сядем на травку, подождем бледнокожих?

— Мы же под солнцем не можем бежать!

— У меня побежите сломя голову! — пообещал Углук. — Помните, мелюзга: кто начнет спотыкаться, тому, клянусь Белой Дланью, не видать больше своей берлоги. Навязали вас,

гнид, на мою голову, эх вы, горе-вояки! Давай живей шевелись, покуда не рассвело!

Орки сорвались с места и припустились звериной побежкой. Это был не воинский строй, а гурьба: бежали вразброд, натыкаясь друг на друга и злобно переругиваясь, — бежали, однако ж, очень быстро. К хоббитам было приставлено по три охранника. Пин оказался в хвосте ватаги. «Долго так не пробегу, — думал он, — с утра маковой росинки во рту не было». Один из охранников держал наготове плеть-семихвостку, но пока что в ней не было нужды: глоток мерзостного бальзама по-прежнему горячил и бодрил. И голова была на диво ясная.

Снова и снова виделось ему, как наяву, склоненное над их прерывчатым следом суровое лицо Бродяжника, без устали бегущего вдогон. Но даже и Следопыт, опытный из опытных, — что он разберет в этой слякотной каше? Как различит его и Мерри легкие следы, затоптанные и перетоптанные тяжелыми коваными подошвами?

За откосом, через милю или около того, они попали в котловину, под ногами была сырая мягкая земля. Стелился туман, осветленный косым прощальным лучом месяца. Густые черные тени бегущих впереди орков потускнели и расплылись.

— Эй, там! Поровнее! — рявкнул сзади Углук.

Пина вдруг осенил быстрый замысел, и медлить он не стал. Он бросился направо, увернулся от простершего лапы охранника, нырнул в туман и, споткнувшись, растянулся на росистой траве.

— Стой! — завопил Углук.

Орки спутались и смешались. Пин вскочил на ноги и кинулся наутек. Но за ним уже топотали орки, и кто-то обошел его спереди.

«Спастись и думать нечего! — соображал Пин. — Главное-то сделано — я оставил незатоптанные следы на сырой земле!»

Он схватился за горло связанными руками, отстегнул эльфийскую брошь и обронил ее в тот самый миг, когда его настигли длинные руки и цепкие клешни.

«Пролежит здесь, наверно, до скончания дней, — подумал он. — И зачем я ее отстегнул? Если кто-нибудь из наших и спасся, наверняка они охраняют Фродо!»

Ременная плеть со свистом ожгла ему ноги, и он подавил выкрик.

— Будет! — заорал подоспевший Углук. — Ему еще бежать и бежать. Обои вшивари пусть ноги в ход пустят! Помоги им, только не слишком!.. Получил на память? — обратился он к Пину. — Это так, пустяки, а вообще-то за мной не заржавеет. Успеется, а пока чеши давай!

Ни Пин, ни Мерри не помнили, как им бежалось дальше. Жуткие сны и страшные пробуждения сливались в один тоскливый ужас, и где-то далеко позади все слабее мерцала надежда. Бежали и бежали — со всех ног, кое-как поспевая за орками, выбивались из сил, и плеть подгоняла их, жестоко и умело. Запинались, спотыкались и падали — тогда их хватали и несли.

Жгучее оркское снадобье потеряло силу. Пину опять стало зябко и худо. Он споткнулся и упал носом в траву. Когтистые лапы подхватили его и подняли, опять его несли как мешок, и ему стало темным-темно: ночь ли наступила, глаза ли ослепли — какая разница!

Он заслышал грубый гомон: должно быть, орки требовали передышки. Хрипло орал Углук. Пин шлепнулся оземь и лежал неподвижно во власти мрачных сновидений. Но скоро снова стало больно: безжалостные лапы взялись за свое железной хваткой. Его бросали, встряхивали, наконец мрак отступил, он очнулся и увидел утренний свет. Его швырнули на траву; кругом выкрикивали приказы.

Пин лежал пластом, из последних сил отгоняя мертвящее отчаяние. В голове мутилось, в теле бродил жар: верно, опять поили снадобьем. Какой-то орк, подавшись в его сторону, швырнул ему кусок хлеба и обрезок сухой солонины. Тронутый плесенью черствый ломоть Пин жадно сглодал, но к мясу не прикоснулся. Он, конечно, с голоду и сапог бы съел, но нельзя же брать мясо у орка, страшно даже подумать, чье оно.

Он сел и осмотрелся. Мерри лежал ничком неподалеку. Они были на берегу бурливой речонки, впереди возвышались горы, ранние солнечные лучи брызнули из-за вершины. Ближний склон оброс понизу неровным лесом.

У орков опять был яростный галдеж и свара: северяне ни за что не хотели бежать дальше с изенгардцами. Одни показывали назад, на юг, другие — на восток.

— Ладно, хватит! — заорал Углук. — Дальше мое дело! Убить нельзя, вам сказано, а хотите их бросить — бросайте: понабегались, мол, так и мы понабегались не меньше вашего — бросайте! А уж я присмотрю, никуда они не денутся. Урукхай потрудится и повоюет, ему не привыкать. Боитесь бледнокожих, так и бегите! Вон туда — в лес! — зычно указал он. — Может, и доберетесь — больше-то вам некуда. Давай шевелись! Да живо, пока я не оттяпал башку-другую: то-то взбодритесь!

Еще ругань, еще потасовка — и больше сотни орков отделились и опрометью кинулись по речному берегу в сторону гор. При хоббитах остались изенгардцы — плотная, мрачная свора, шесть-семь дюжин здоровенных, черномазых и косоглазых орков с большими луками и короткими широкими мечами и с десяток северян, посмелее и покрупнее.

— Ну, теперь разберемся с Грышнаком, — объявил Углук, но даже самые стойкие его заединщики поглядывали через плечо на юг.

— Знаю, знаю, — прорычал он. — Лошадники распроклятые нас унюхали. А все из-за тебя, Снага. Тебе и другим дозорным надо бы уши обрубить. Погодите, бой за нами, а мы бойцы. Мы еще поедим ихней конины, а может, и другого мясца, послаще.

Пин обернулся: почему это иные урукхайцы указывали на юг? Оттуда донеслись хриплые вопли, и явился Грышнак, а за ним с полсотни таких же, кривоногих и широкоплечих, с руками до земли. На их щитах было намалевано красное око. Углук выступил им навстречу.

— Явились — не запылились! — хохотнул он. — Никак передумали?

— Вернулся приглядеть, как выполняются приказы и чтобы пленников не тронули, — проскрежетал Грышнак.

— Да неужели! — издевался Углук. — Зря беспокоился. Я и без тебя как-нибудь распоряжусь: и приказы выполним, и пленников не тронем. Еще-то чего надо: уж больно ты запыхался. Может, забыл что-нибудь?

— Забыл с одним дураком посчитаться, — огрызнулся Грышнак. — Он-то и сам на смерть наскочит, да с ним крепкие ребята остались, жаль, если сгинут без толку. Вот я и вернулся им помочь.

— Помогай нашелся! — реготал Углук. — Если только драться помогать, а то лучше бегите-ка в свой Лугбурз, нас бледнокожие окружают. Ну и где же твой хваленый назгул? Опять под ним коня подстрелили, а? Ты бы его, что ли, сюда позвал, может, и пригодился бы, если россказни про назгулов не сплошь вранье.

— Назгулы, ах, назгулы, — произнес Грышнак, вздрагивая и облизываясь, точно слово это мучительно манило его могильной гнилью. — Помалкивай лучше, Углук, серая скотинка, — вкрадчиво посоветовал он. — Тебе такое и в самом паскудном сне не привидится. Назгулы! Вот кто всех насквозь видит! Ох и нависишься ты вверх ногами за такие свои слова, ублюдок! — лязгнул он зубами. — Ты что, не знаешь? Они — зрачки Всевидящего Ока. А тебе подавай крылатого назгула — не-ет, подождешь. По эту сторону Великой Реки им пока что не велено показываться — рановато. Вот грянет война — тогда увидите... но и тогда у них будут другие дела.

— Ты зато больно много знаешь, умник! — отозвался Углук. — Не на пользу тебе это, вовсе не на пользу. Тоже ведь и в Лугбурзе могут призадуматься, не слишком ли много ума у тебя в башке? А пока что ты языком болтаешь, а мы, Урукхай, посланцы грозного Изенгарда, должны разгребать за вами, и раз-

гребем! Кончай хайлом мух ловить! Строй свое отребье! Прочая сволочь вон уже драпает к лесу. Давай за ними — все равно не видать тебе Великой Реки как своих ушей. Бегом марш, да живо! Я от вас не отстану.

Изенгардцы снова схватили Пина и Мерри и мешками закинули их за плечи. Земля загудела под ногами. Час за часом бежали они без передышки, приостанавливаясь, только чтобы перебросить хоббитов на новые спины. То ли бежалось им, здоровякам, быстрее, то ли план особый был у Грышнака, но постепенно изенгардцы обогнали мордорских орков, и свора Всевидящего Ока сгрудилась позади. Немного осталось догонять северян, а там и до леса почти что рукой подать.

Пина обдавали болью синяки и ушибы на всем теле, и горело лицо, исцарапанное о гнусную чешуйчатую шею и волосатое ухо. Впереди убегали, не убегая, согнутые спины, и толстые крепкие ноги топали, топали, топы-топы, без устали, точно кости, скрученные проволокой, отмеряя жуткие миги нескончаемого сна.

Под вечер углуковцы северян обогнали. Те мотались под лучами солнца, хотя и солнце-то уже расплылось в холодном, стылом небе, но они бежали, свесив головы и высунув языки.

— Эй вы, слизни! — хохотали орки Изенгарда. — Каюк вам. Щас бледнокожие вас догонят и слопают. Гляньте, вон они!

Донесся злобный крик Грышнака: оказалось, что это не шутки. Появились конники, и мчались они во весь опор, еще далеко-далеко, но нагоняя быстро и неотвратимо, словно накат прибоя застрявших в песке ленивых купальщиков.

Вдруг изенгардцы, на удивление Пину, кинулись бежать чуть не вдвое быстрее прежнего: того и гляди, добегут, одолеют первые. И еще он увидел, как солнце заходит, теряется за Мглистыми горами и быстро падает ночная тень. Солдаты Мордора подняли головы и тоже прибавили ходу. Лес надвигался темной лавиной. Навстречу выплеснулись перелески, тропа пошла в гору, забирая все круче и круче. Орки, однако, шагу не сбавляли. Впереди орал Углук, сзади — Грышнак: призывали своих молодцов наподдать напоследок.

«Добегут, успеют, а тогда все», — думал Пин и, чуть не вывернув шею, исхитрился глянуть через плечо. И увидел краем глаза, что на востоке всадники уже поравнялись с орками, мчась по равнине. Закат золотил их шлемы и жала копий; блестели длинные светлые волосы. Они окружали орков, сбивая их в кучу, оттесняя к реке.

«Что же за люд здесь живет?» — припоминал Пин. Было б ему в Раздоле-то поменьше слоняться, а побольше смотреть на карты и вообще учиться уму-разуму. Но ведь тогда какие головы дело обмозговывали: откуда ему было знать, что в недобрый час придется думать самому, без Гэндальфа, без Бродяжника, да что там, даже и без Фродо. Про Мустангрим ему помнилось только, что отсюда родом конь Гэндальфа Светозар; это, конечно, уже хорошо, но одного этого все-таки маловато.

«От орков-то они нас как отличат? — задумался Пин. — Они ведь небось про хоббитов здесь слыхом не слыхали. Хорошо, конечно, ежели они истребят гадов-орков всех подчистую, но лучше бы нас заодно не истребили!»

А между тем очень было похоже, что его и Мерри, как пить дать, стопчут вместе с орками, убьют и похоронят в общей куче.

Среди конников были и лучники, стрелявшие на скаку. Они подъезжали поближе и одного за другим подстреливали отстающих, потом галопом отъезжали, и ответные стрелы орков, не смевших остановиться, ложились под копыта их коней. Раз за разом подъезжали они, и наконец их меткие стрелы настигли изенгардцев. Один из них, пронзенный насквозь, рухнул перед самым носом Пина.

Подошла ночь, однако ристанийские всадники битвы не начинали. Орков перебили видимо-невидимо, но осталось их все же сотни две с лишком. Уже в сумерках орки взбежали на холм, ближний к лесу, до опушки было саженей триста, только дальше ходу не было: круг конников сомкнулся. Дюжины две орков не послушались Углука и решили прорваться, вернулись трое.

— Вот какие у нас дела, — гадко рассмеялся Грышнак. — В хорошую переделку угодили! Ну ничего, великий Углук нас, как всегда, вызволит.

— Недомерков наземь! — скомандовал Углук, как бы не расслышав грышнакской подначки. — Ты, Лугдуш, возьми еще двоих и неси охрану. Не убивать, пока бледнокожие, суки, не прорвутся. Понятно, нет? Покуда я живой, они тоже пусть поживут. Только чтоб не пискнули, и не вздумай упустить. Ноги им свяжи!

Последний приказ выполнили злобно и старательно. Однако же Пин впервые оказался рядом с Мерри. Орки галдели и ссорились, орали и клацали оружием, а хоббиты тем временем ухитрились перемолвиться словечком.

— Голова у меня совсем не варит, — сказал Мерри. — Укатали, сил больше никаких нет. Если даже окажусь на свободе, далеко не уползу.

— А путлибы-то! — шепнул Пин. — Путлибы! Слушай, у

меня есть. У тебя ведь тоже? Они же не обыскивали, мечи забрали, и все.

— Да были вроде у меня в кармане, — отозвался Мерри, — раскрошились только, наверно. Какая разница, я же ртом в карман не залезу!

— Ртом лезть и не надо. У меня... — Но тут ему с размаху пнули в ребра: галдеж прекратился, и охранники снова были начеку.

Ночь стояла тихая и холодная. Вокруг холма, на котором сгрудились орки, вспыхнули сторожевые костры, рассеивая золотисто-красные отблески. Костры были неподалеку, но всадники возле костров не показывались, и много стрел было растрачено впустую, пока Углук не велел отставить стрельбу.

А всадники вовсе исчезли. Потом уж, когда луна как бы нехотя взошла из туманного сумрака, они порой мелькали в огневых просветах — несли, должно быть, неусыпный дозор.

— Солнца, падлы, дожидаются! — процедил один из охранников. — А мы, может, не будем дожидаться, рванем, слушай, а? Углук-то о чем думает, где у него башка?

— Башка у меня где, говоришь? — рыкнул Углук, вынырнув из темноты. — Я, значит, ни о чем не думаю? Гады вы все-таки! Не лучше тех желтопузых с севера или горилл из Лугбурза. Какие из них бойцы — завизжат и наутек, а вонючих коневодов тринадцать на дюжину, не управимся мы с ними, тем более на ровном месте. Одно только умеют эти желтопузые вшивари: видят в темноте, что твои совы, но тут и это без пользы. Белокожие, слышно, тоже мастера глазом темень буровить, да у них еще кони! Говорят, на пару с конем они и ночной ветерок углядят. Но кое-чего они покамест не учуяли: Маухур и с ним отборные ребята идут на подмогу лесом, вот-вот подоспеют.

Изенгардцев Углуку вроде бы удалось приободрить; прочие орки по-прежнему роптали и злобились. Выставили дозорных, но те большей частью улеглись наземь, стосковавшись по спасительной темноте. А темно стало — хоть глаз выколи: на луну наползла с запада черная туча, и собственные ноги исчезли из виду. Тьма сгущалась между кострами. Но отдыхать до рассвета оркам не дали, от восточного склона донесся гвалт, и, верно, неспроста. Действительно, конники беззвучно подъехали, спешились, ползком пробрались в лагерь, перебили с десяток орков и растворились в ночи. Углук кинулся наводить порядок.

Пин и Мерри сели. Охранники-изенгардцы убежали с Углуком. Однако помышлять о спасении было рановато: обоих перехватили под горло волосатые лапищи, и, притянутые друг к другу, они увидели между собой огромную башку и мерзостную

харю Грышнака, пасть его источала гнилой смрад. Стиснув хоббитов мертвой хваткой, он принялся ощупывать и обшаривать их. Пин задрожал, когда холодная клешня прошлась по его спине, обдирая кожу.

— Шшто, малышатки? — вкрадчиво прошептал Грышнак. — Как отдыхается? Ну да, ну да, неуютненько. Тут тебе ятаганы и плети, а там — гадкие острые пики. А не надо, не надо мелюзге соваться в дела, которые им не по мерке.

Крючковатые пальцы рыскали все нетерпеливее. Глаза орка светились бледным огнем добела раскаленной злобы.

Внезапно Пин разгадал, точно учуял, умысел врага: «Грышнак знает про Кольцо! Углук отлучился, вот он нас и обыскивает: ему оно самому нужно!» Сердце Пина сжималось от ужаса, и все же он изо всех сил соображал, как бы им половчее обойти ослепленного алчностью злыдня.

— Зря ищешь — не найдешь его, — шепнул он. — Не так-то это просто.

— Не найдешь его? — мигом отозвался Грышнак, вцепившись в плечо Пина. — Чего это не найдешь? Ты о чем говоришь, лягушоночек?

Пин немного выждал и вдруг едва слышно заурчал:

— *Горлум, горлум.* Ни о чем, моя прелесть, — прибавил он.

Хватка Грышнака стала судорожной.

— Ого! — тихо-тихо протянул гоблин. — Так ты вот о чем, а? Ого! Оч-чень опас-сно слишком много знать, оч-чень.

— Еще бы, — подхватил Мерри, поняв, куда клонит Пин. — Еще бы не опасно — тебе не меньше нашего. Но это уж твое дело. Лучше скажи, хочешь его заполучить или нет? А если хочешь — что дашь за это?

— Заполучить? Заполучить? — повторил Грышнак как бы в недоумении, но дрожь выдавала его. — Что я дам за это? Как то есть — что дам?

— Да вот так, — сказал Пин, цедя слово за слово. — Чего тебе без толку-то шарить в темноте. Времени нет, возни много. Ты только ноги нам поскорее развяжи, а то не скажем больше ни словечка.

— Козявочки вы несчастненькие, — зашипел Грышнак, — да все, что у вас есть, и все, что вы знаете, вы в свое время выложите: наизнанку вывернетесь! Об одном жалеть будете — что вам больше нечем ублажить Допросчика, ох как будете жалеть и как скоро! Куда спешить? Спешить-то некуда. Думаете, почему вас до сих пор не распотрошили? Уж поверьте мне, малявочки вы мои, что не из жалости: такого даже за Углуком не водится.

— Чего-чего, а этого нет, — согласился Мерри. — Только добычу-то еще тащить и тащить, к тому же все равно не в твое логово, как дело ни обернись. Притащат нас в Изенгард, и оста-

нется большой гоблин Грышнак с преогромным носом, а руки нагреет Саруман. Нет, хочешь подумать о своей выгоде, думай сейчас.

Грышнак вконец остервенился. Особенно разъярило его имя Сарумана. Время было на исходе, гам затих. Того и гляди, вернется Углук или охранники-изенгардцы.

— Ну, говорите: у тебя оно, что ли? Или у тебя? — повел он глазами-угольями.

— Горлум, горлум! — откликнулся Пин.

— Ноги развяжи! — отозвался Мерри.

Лапищи орка содрогнулись.

— Ладно же, гниды недоделанные! — скрежетнул он. — Ножки вам развязать? Да я вас лучше вашими кишками удавлю. Вы что думаете, я вас до костей не обыщу? Обыщу! Изрежу обоих на мелкие вонючие клочья! И ножки ваши не понадобятся, я и так вас унесу туда, где нам никто не помешает!

Он подхватил и стиснул под мышками обоих хоббитов до костного хруста — неимоверная силища была в его руках и плечах. Пришлепнув им рты ладонями, он втянул голову в плечи и прыгнул вперед. Быстро и бесшумно добрался он до ската, а там проскочил между орками-дозорными и темным призраком смешался с ночью, сбегая по холму на запад, к реке, вытекавшей из леса. Серел мутный широкий простор, и одинокое пламя колыхалось впереди.

Пробежав с десяток саженей, он остановился, всматриваясь и вслушиваясь. Ничего не было видно, ничего не слышно. Он медленно пробирался вперед, согнувшись чуть не вдвое, потом присел на корточки, снова вслушался — и выпрямился: настал миг рискнуть и прорваться. Но вдруг перед ним возник темный конный силуэт. Конь заржал и вздыбился. Всадник что-то прокричал.

Грышнак бросился наземь плашмя, подминая под себя хоббитов, и обнажил ятаган. Он, конечно же, решил на всякий случай убить пленников, но решение это было роковое. Ятаган брякнул и блеснул в свете дальнего костра слева. Из мрака свистнула стрела: то ли пущена она была очень метко, то ли судьба ее подправила, но стрела пронзила его правую руку. Он уронил ятаган и вскрикнул. Топотнули копыта, и едва Грышнак вскинулся и побежал, как его насквозь прободало копье. Он дико взвыл и тяжело рухнул, испуская дух.

Хоббиты лежали ничком, как их бросил Грышнак. Другой конник подъехал на помощь товарищу. То ли конь его видел по-особому, то ли особое было у него чутье, только он перепрыгнул хоббитов, а седок не заметил их, прикрытых эльфийскими плащами, прижавшихся к земле, испуганных до полусмерти.

Наконец Мерри шевельнулся и тихо прошептал:

— Ну ладно, это вышло, а теперь же что?

Ответа ждать не пришлось. Орки услышали предсмертные вопли Грышнака. На холме раздались еще и не такие вопли: обнаружилось, что хоббиты исчезли, и Углук, должно быть, оттянул виновным одну-другую башку. Ответные крики орков вдруг послышались справа, за сторожевыми кострами, со стороны леса и гор. Явился, верно, долгожданный Маухур и с ходу кинулся на конников. Пронесся топот коней. Ристанийны стянули кольцо вокруг холма, подставившись под стрелы орков, лишь бы никто из них не ушел; кое-кого отрядили разобраться с новоприбывшими. Мерри и Пин оказались за пределами битвы: путь к бегству никто им не преграждал.

— Ишь ты, — сказал Мерри, — будь у нас руки и ноги свободны, мы бы, пожалуй что, и спаслись. Но я до узлов не дотянусь, их не перегрызу.

— Была нужда их грызть, — возразил Пин. — Зачем бы это? Я же тебе начал говорить: руки-то у меня свободны. Связаны так, для виду. Ты не болтай зря, а поешь-ка вот путлибов.

Он высвободил кисти и залез в карман. Путлибы раскрошились, конечно, однако никуда не делись, обернутые листами. Хоббиты съели по две, если не по три раскрошенные галеты. Вкус их был давний и вызвал в памяти милые светлые лица, веселый смех и вкусную полузабытую еду. Они сидели и вкушали, медленно и задумчиво, не обращая внимания на крики и лязги битвы, происходившей рядом. Первым опомнился от забытья Пин.

— Бежать надо, — сказал он. — Погоди-ка!

Ятаган Грышнака лежал рядом, но он был тяжелый и неудобный; пришлось проползти к трупу гоблина, нащупать и вытащить длинный острый нож. Этим ножом он мигом разрезал все их путы.

— Поехали! — сказал он. — Вот малость разогреемся, тогда уж можно и на ноги, а дальше своим ходом. Только знаешь, для начала лучше все-таки ползком.

И они поползли. Земля была сырая и мягкая, ползти было легко, только ползлось медленно. Они сильно приняли в сторону от сторожевого костра и продвигались совсем потихонечку, пока не добрались до речного берега: внизу, под кручей, клокотала вода. Хоббиты обернулись.

Шум битвы стих. Наверно, Маухура с его «ребятами» искрошили или прогнали. Конники возобновили свою безмолвную зловещую стражу. Недолго им оставалось нести ее. Ночь уходила. На востоке, по-прежнему безоблачном, побледнели небеса.

— Надо нам куда-нибудь спрятаться, — сказал Пин, — а то ведь, чего доброго, заметят. Или стопчут нас конники, а потом

увидят, что мы не орки, — утешительно, конечно... — Он встал и потопал ногой. — Ну и веревки, жестче проволоки, но у меня ноги понемногу оживают. Поковыляем, что ли? Ты как, Мерри?

Мерри поднялся на ноги.

— Да, — сказал он, — пожалуй, попробуем. Ай да путлибы — не то что это оркское снадобье. Из чего, интересно, они его делают? Хотя вообще-то лучше не знать, из чего. Давай-ка глотнем водички, чтобы отбить его вкус!

— Нет, здесь к речке не спустишься, берег уж больно крутой, — возразил Пин. — Пойдем к лесу, там посмотрим.

Бок о бок побрели они вдоль берега. За спиной у них светлел восток. Они беседовали и перешучивались, как истые хоббиты, сопоставляя впечатления последних дней. Никто со стороны и не подумал бы, что они еле держатся на ногах, чудом избавились от неминуемой пытки и смерти, а теперь очутились одни в дальнем диком краю и надеяться им было не на что и не на кого.

— Ну, сударь мой Крол, вы лицом в грязь не ударили, — подытожил Мерри. — В книге Бильбо тебе причитается чуть ли не целая глава: уж я ему тебя при случае распишу. Молодец, нечего сказать, здорово ты раскусил этого волосатого бандюгу и ловко ему подыграл. Хотел бы я знать, найдет ли кто-нибудь твой след и сыщется ли твоя брошь? Я-то свою буду беречь пуще глаза, а ты, пожалуй что, пиши пропало. Да, надо мне подсуетиться, чтоб ты нос не задирал. Настал черед братана Брендизайка, а он, глядите, уж тут как тут. Ты вот небось туго смекаешь, куда это нас занесло. Скажи спасибо, что я в Раздоле чуть поменьше твоего ворон насчитал. Идем мы вдоль Онтавы. Вон южные отроги Мглистых гор, а это — Фангорн.

И точно, впереди зачернела мрачная широкая опушка. Казалось, ночь отползает и прячется от рассветных лучей в непроглядную лесную глубь.

— Вперед, бесстрашный Брендизайк! — предложил Пин. — А может, все-таки назад? Вообще-то в Фангорн нам не велено соваться. Это из твоей ученой головы не вылетело?

— Не вылетело, — отвечал Мерри, — но лучше уж в чащу леса, чем в гущу битвы.

Он первым вступил под сень обомшелых многовековых деревьев, под низко склоненные гигантские ветви; до земли свисали с них седые бороды лишайника, чуть колыхаясь от предутреннего ветерка. Хоббиты робко выглядывали из лесного сумрака: две крохотные фигурки в полусвете были точь-в-точь малютки эльфы, изумленно глазевшие с опушки Диколесья на первые рассветы мироздания.

За Великой Рекой, за Бурыми Равнинами алым пламенем вспыхнула денница, озаряя степные просторы. Звучной и дружной перекличкой приветствовали ее охотничьи рога. Конники Ристании воспрянули к бою.

Мерри и Пин слышали, как звонко разнеслось в холодном воздухе ржание боевых коней и многоголосое пение. Огненный солнечный край возник над землей. И с громким кличем ринулись конники с востока; кровавым блеском отливали их панцири и копья. Орки завопили и выпустили навстречу им тучу стрел, опустошив колчаны. Хоббиты видели, как несколько всадников грянулись оземь, но строй сомкнулся, лавина промчалась по холму, развернулась и понеслась обратно. Уцелевшие орки разбегались кто куда; их настигали и брали на копья. Однако небольшой отряд, сбившись черным клином, упорно и успешно продвигался к лесу. Им оставалось одолеть с полсотни саженей, и ясно было, что они их одолеют, они сшибли трех всадников, преградивших им путь.

— Что-то мы с тобой загляделись, — сказал Мерри. — Смотри, Углук! Как бы нам с ним опять не встретиться!

Хоббиты повернулись и бросились без оглядки подальше в лес.

Поэтому и не видели они, чем кончилась битва, как Углука и его свору нагнали и окружили возле самой опушки Фангорна, как, спешившись, бился с Углуком на мечах и зарубил его Эомер, Третий Сенешаль Мустангрима. А на равнине зоркие конники догоняли и прикалывали последних беглецов.

Они предали погребению павших друзей и спели над могильным курганом похвальную песнь их доблести. Потом спалили вражеские трупы и рассеяли пепел. Тем и кончился набег орков, и ни в Мордоре, ни в Изенгарде вестей о нем не получили, но дым от кострища вознесся к небесам, и не одно недреманное око заметило его.

Глава IV

ДРЕВЕНЬ

Между тем хоббиты поспешно и бестолково пробирались напрямик темной лесной чащобой близ тихоструйной речки к западным горным склонам, все дальше и дальше уходя в глухую глубину Фангорна. Становилось не так страшно, и спешить вроде было уже незачем. Однако же одышка не проходила, а усиливалась, точно недоставало воздуха или он сделался таким, что его не хватало.

В конце концов Мерри потерял всякую прыть.

— Все, больше сил нет, — выговорил он непослушным языком. — Глоток бы воздуха!

— Глотнем хотя бы воды, — сказал Пин. — А то у меня глотка совсем пересохла.

Он спустился к воде по извилистому толстому корню, присел и зачерпнул пригоршню. Вода струилась чистая и студеная, он никак не мог нахлебаться. Мерри рядом с ним — тоже. Питье освежило их, и на сердце полегчало. Они посидели на берегу, омывая речной водой измученные ноги и поглядывая на молчаливые деревья, ряд за рядом возвышавшиеся над ними, тонувшие в сером сумраке.

— Заблудиться-то пока не успел? — спросил Пин, прислонившись спиной к могучему стволу. — А то смотри, пойдем обратно по течению и выйдем, где вошли.

— Оно бы можно, — сказал Мерри, — да на ноги плохая надежда, а тут еще и дышать нечем.

— Да, тускловато здесь и малость затхловато, — подтвердил Пин. — Мне, знаешь, припоминаются заброшенные палаты Старинной норы Кролов — ну, в смиалах. Дворец дворцом, запущенный только, мебель там отродясь не двигали, как стояла, так и стоит. Говорят, будто жил там сам Старый Крол, жил и жил, дряхлел вместе с палатами, а потом умер — и никто туда ни ногой вот уже лет сто. Старик мне доводится прапрадедушкой — дела, сам понимаешь, давние. Но с этим лесом сравнить — так вчера это было! Ты только посмотри на лишайник: всюду вырос, все оплел, висит-качается, точно бородой трясет. Деревья тоже, глянь, в сухой листве: листопадов для них словно и не бывало! Не прибрано в общем. Вот уж не знаю, какая здесь может быть весна, а тем более весенняя уборка.

— Однако же солнце сюда порой заглядывает, — заметил Мерри. — Помнишь, Бильбо расписывал Лихолесье — так здесь вовсе, совсем даже не то. Там все черно и гадко, там всякая мразь ютится. А здесь тускло, глухо и одни деревья. Зверья никакого нет, зверье здесь жить не станет, им здесь не житье.

— И хоббитам не житье, — согласился Пин. — Взять хоть меня — мне и идти через Фангорн ох как неохота. Идти миль сто, а есть нечего. Запас у нас как, имеется?

— Имеется, только пустяковый, — сказал Мерри. — Побежали-то мы как дураки, с пачкой-другой путлибов в карманах. Остальной припас в лодках остался.

Они проверили, сколько у них было эльфийских галет: крошево, дней на пять, да и то впроголодь.

— И ни тебе одеяльца, — вздохнул Мерри. — Ох и озябнем мы нынче ночью, куда бы нас ни понесло.

— Впору подумать, куда нас понесет, — заявил Пин. — Утро уж, поди, разгорается.

Лес впереди вдруг просиял золотистым светом: где-то, должно быть, лучи пронизали древесный шатер.

— Ишь ты! — сказал Мерри. — Пока мы тут с тобой торчали, солнце, наверно, пряталось за облаком, а теперь вот выглянуло. А может, взошло так высоко, что ему листва и ветки не помеха. Вон оно где сквозит — пойдем-ка поглядим!

Неблизко оно сквозило, пришлось попотеть: склон стал чуть ли не круче прежнего и уж куда каменистее. А свет разливался, и вскоре навис над ними скалистый склон: то ли обрез холма, то ли скос длинного отрога дальних гор. Он был голый — ни деревца, — и солнце вовсю искрилось на каменном сломе. Лес у подножия распростер ветви, точно согреваясь. Только что все казалось серым и тусклым, а тут проблеснуло густо-коричневое, и чернопятнистые стволы засверкали, залоснились, словно звериные шкуры. Понизу они отливали зеленью под цвет юной травы: ранняя весна, не во сне ли увиденная, оставила им свой блеск.

Откос, однако, был вроде лестницы, грубой и неровной, образовавшейся, должно быть, по милости погоды, услужливо выветривавшей камень. Высоко-высоко, почти вровень с древесными вершинами, тянулся широкий уступ, по краям обросший жесткими травами, а на нем стояло одинокое дерево — обрубок с двумя склоненными ветвями, ни дать ни взять какой-то корявый человечище: выбрался и стоит, греется на солнышке.

— А ну-ка, наверх! — воскликнул Мерри. — Глотнем воздуху, а заодно и оглядимся!

Оскользаясь, карабкались они по каменистой горе. Если и правда здесь проложили лестницу, то уж точно не для них: чьи-то ноги были побольше и шагали пошире. Они очень спешили и поэтому не заметили, что их раны и порезы, ссадины и ушибы сами собой зажили и сил против прежнего прибавилось. Наконец они добрались до уступа возле того самого высокого обрубка, вскочили и обернулись спиной к взгорью, передохнули немного и поглядели на восток. Стало видно, что они прошли по лесу всего лишь три или четыре мили, судя по верхушкам деревьев, никак не больше. От опушки поднимался черный дым, крутясь и стремясь вслед за ними.

— Переменился ветер, — сказал Мерри. — Снова дует с востока. Холодно здесь.

— Да, холодно, — сказал Пин. — И вообще, вот погаснет солнце, и все снова станет серое-серое. Жалость какая! Лес пря-

мо засверкал под солнцем в своих ветхих обносках. Мне уж даже показалось, что он мне нравится.

— Даже показалось, что Лес ему нравится, ах ты, скажите на милость! — произнес чей-то неведомый голос. — Ну-ка, ну-ка, обернитесь, дайте я на вас спереди посмотрю, а то вот вы мне прямо-таки совсем не нравитесь. Сейчас, не торопясь, порассудим да смекнем, как с вами быть. Давайте, давайте обернемся-ка!

На плечи хоббитам легли долгопалые корявые ручищи, бережно и властно повернули их кругом и подняли к глазам четырнадцатифутового человека, если не тролля. Длинная его голова плотно вросла в кряжистый торс. То ли его серо-зеленое облачение было под цвет древесной коры, то ли это кора и была — трудно сказать, однако на руках ни складок, ни морщин, гладкая коричневая кожа. На ногах по семь пальцев. А лицо необыкновеннейшее, в длинной окладистой бороде, у подбородка чуть не ветвившейся, книзу мохнатой и пышной.

Но поначалу хоббиты приметили одни лишь глаза, оглядывавшие их медленно, степенно и очень проницательно. Огромные глаза, карие с прозеленью. Пин потом часто пытался припомнить их заново: «Вроде как заглянул в бездонный колодезь, переполненный памятью несчетных веков и долгим, медленным, спокойным раздумьем, а поверху искристый блеск, будто солнце золотит густую листву или мелкую рябь глубокого озера. Ну вот как бы сказать, точно земля проросла древесным порожденьем и оно до поры дремало или мыслило сверху донизу, не упуская из виду ни корешочка, ни лепестка, и вдруг пробудилось и осматривает тебя так же тихо и неспешно, как издревле растило самого себя».

— Хррум, хуум, — прогудел голос, густой и низкий, словно контрабас. — Чудны́е, чудны́е дела! Торопиться не будем, спешка нам ни к чему. Но если бы я вас увидел прежде, чем услышал, — а голосочки у вас ничего, милые голосочки, что-то мне даже как будто напоминают из незапамятных времен, — я бы вас попросту раздавил, подумал бы, что вы из мелких орков, а уж потом бы, наверно, огорчался. Да-а, чудны́е, чудны́е вы малыши. Прямо скажу, корни-веточки, очень вы чудны́е.

По-прежнему изумленный Пин бояться вдруг перестал. Любопытно было глядеть в эти глаза, но вовсе не страшно.

— А можно спросить, — сказал он, — а кто ты такой и как тебя зовут?

Глубокие глаза словно заволокло, они проблеснули хитроватой искринкой.

— Хррум, ну и ну, — пробасил голос, — так тебе сразу и скажи, кто я. Ладно уж, я — онт, так меня называют. Так вот и называют — онт. По-вашему если говорить, то даже не онт, а

Главный Онт. У одних мое имя — Фангорн, у других — Древень. Пусть будет Древень.

— Онт? — удивился Мерри. — А что это значит? Сам ты как себя называешь? Как твое настоящее имя?

— У-у-у, ишь вы чего захотели! — насмешливо прогудел Древень. — Много знать будете — скоро состаритесь. Нет уж, с этим не надо спешить. И погодите спрашивать — спрашиваю-то я. Вы ко мне забрели, не я к вам. Вы кто такие? Прямо сказать, ума не приложу, не упомню вас в том древнем перечне, который заучил наизусть молодым. Но это было давным-давно, может статься, с тех пор и новый перечень составили. Погодите-ка! Погодите! Как бишь там, а?

Слух преклони к изначальному Перечню Сущих!
Прежде поименуем четыре свободных народа:
Эльфы, дети эфира, встречали зарю мирозданья;
Горные гномы затем очнулись в гранитных пещерах;
Онты-опекуны явились к древесным отарам;
Люди, лошадники смелые, смертный удел обрели.

Хм, хм, хм-м-м...

Бобр — бодрый строитель, баран быстроног и брыклив,
Вепрь — свирепый воитель, медведь — сластена-мохнач,
Волк вечно с голоду воет, заяц-затейник пуглив...

Хм, хм-м-м...

Орлы — обитатели высей, буйволы бродят в лугах,
Ворон — вещун чернокрылый, олень осенен венцом,
Лебедь, как лилия, бел, и, как лед, холоден змей...

Н-да, хм-хм, хм-хм-хм, как же там дальше? Там-тарарам-татам и татам-тарарам-там-там. Неважно, как дальше, вас все равно там нет, хотя список и длинный.

— Вот так и всегда нас выбрасывали из списков и выкидывали из древних легенд, — пожаловался Мерри. — А мы ведь не первый день живем на белом свете. Мы — хоббиты.

— Да просто надо вставить! — предложил Пин. — Хоббит хоть невелик, но хозяин хорошей норы — ну, в этом роде. Рядом с первой четверкой, возле людей, Громадин то есть, — и дело с концом.

— Хм! А что, неплохо придумано, совсем неплохо! — одобрил Древень. — Пожалуй, так и будем соображать. Вы, значит, в норках живете? Хорошее, хорошее дело. М-да, а кто же это вас называет хоббитами? Звучит, знаете ли, не по-эльфийски, а все старинные имена придумали эльфы: с них и началось такое обыкновение.

— Никто нас хоббитами не называет, мы сами так себя зовем, — сказал Пин.

— У-гу-гу, а-га-га! Ну и ну! Вот заторопились! Вы себя сами так называете? Ну и держали бы это про себя, а то что же — вот так бряк первому встречному. Эдак вы невзначай и свои имена назовете.

— А чего тут скрывать? — засмеялся Мерри. — Если уж на то пошло, так меня зовут Брендизайк, Мериадок Брендизайк, хотя вообще-то называют меня просто Мерри.

— А я — Крол, Перегрин Крол, и зовут меня Пин, короче уж просто некуда.

— Эге-ге, да вы и впрямь, как я погляжу, сущие торопыги, — заметил Древень. — Что вы мне доверяете, за это спасибо, но вы бы лучше поосторожнее. Разные, знаете, бывают онты, а вернее сказать, онты онтам рознь, со всеми всякое бывает, иные, может, вовсе и не онты, хотя, по правде сказать, похожи, да, очень похожи. Я буду, если позволите, звать вас Мерри и Пин — хорошие имена. Но свое-то имя я пока что вам не скажу — до поры до времени незачем. — И зеленый проблеск насмешки или всеведения мелькнул в его глазах. — Начать с того, что и говорить-то долговато: имя мое росло с каждым днем, а я прожил многие тысячи лет, и длинный получился бы рассказ. На моем языке, по-вашему, ну, скажем, древнеонтском, подлинные имена рассказывают долго-долго. Очень хороший, прекрасный язык, однако разговаривать на нем трудно, и долго надобно разговаривать, если стоит поговорить и послушать.

Ну а если нет, — тут его глаза блеснули здешним блеском и как бы немножко сузились, проницая, — тогда скажите по-вашему, что у вас нынче творится? И вы тут при чем? Мне отсюда кое-что и видно, и слышно (бывает, и унюхаешь тоже) — ну, отсюда, с этой, как ее, с этой, прямо скажу, *а-лалла-лалла-румба-каманда-линд-ор-буруме*. Уж не взыщите: это малая часть нашего названья, а я позабыл, как ее называют на других языках, — словом, где мы сейчас, где я стою погожими утрами, думаю, как греет солнце, как растет трава вокруг леса, про лошадей думаю, про облака и про то, как происходит жизнь. Ну так как же? При чем тут Гэндальф? Или эти — *бурарум*, — точно лопнула контрабасная струна, — эти орки, что ли, и молодой Саруман в Изенгарде? Новости я люблю. Только без всякой спешки.

— Большие дела творятся, — сказал Мерри. — И как ни крути, а долгонько придется нам тебе о них докладывать. Ты вот нас просишь не спешить — так что, может, и вправду спешить не будем? Не сочти за грубость, только надо бы тебя сперва спросить, как думаешь с нами обойтись, на чьей ты вообще-то стороне? Ты что, знаешь Гэндальфа?

— А как же, знаю, конечно. Вот это маг так маг — один, который по-настоящему о деревьях заботится. А вы его тоже знаете?

— Очень даже знали, — печально выговорил Пин. — Он и друг наш был, и вожатый.

— Тогда отвечу и на другие ваши вопросы, — сказал Древень. — «Обходиться» я с вами никак не собираюсь: обижать вас, что ли? Нет, зачем же? Может, у нас вместе с вами что-нибудь да получится. А насчет «сторон», простите, даже и в толк не возьму. У меня своя, ничья сторона: хорошо, коли нам с вами окажется по дороге. Да, а про Гэндальфа вы почему так говорили, будто его уж и в живых нет?

— Нет его в живых, — угрюмо сказал Пин. — Вроде бы и надо жить дальше, а Гэндальфа с нами уж нет.

— Ого-го, ничего себе, — сказал Древень. — Хум, хм, вот тебе и на. — Он примолк и поглядел на хоббитов. — Н-да, ну извините, не знаю, что и сказать. Дела, дела!

— Захочешь подробнее, мы тебе и подробнее расскажем, — пообещал Мерри. — Только это много времени займет. Ты опусти-ка нас на землю, а? Посидим, погреемся на солнышке, пока оно не спряталось. Устал, поди, держать-то нас.

— Хм, *устал*, говоришь? Нет, я не устал. Со мной такого почти что не бывает. И сидеть я не охотник. Я, как бы сказать, сгибаться не люблю. Но солнце и вправду норовит спрятаться. Давайте-ка уйдем с этой — как вы ее называете?

— С горы, что ли? — предположил Пин.

— С уступа, с лестницы? — не отстал Мерри.

Древень медленно и задумчиво взвесил предложенные слова.

— Ну да, с горы. Вот-вот. Слово-то какое коротенькое, а она ведь здесь стоит спокон веков. Ну ладно, ежели вам так понятней. Тогда пошли, уйдем отсюда.

— Куда уйдем-то? — спросил Мерри.

— Ко мне домой, домов у меня хватает, — отвечал Древень.

— А далеко это?

— Вот уж не знаю. По-вашему, может, и далеко. А какая разница?

— Видишь ли, мы ведь чуть не нагишом остались, — извинился Мерри. — Еды и той почти что нет.

— А! Хм! Ну, это пустяки, — сказал Древень. — Я вас так накормлю-напою, что вам только расти да зеленеть. А если наши пути разойдутся, я вас доставлю куда захотите, на любую свою окраину. Пошли, пошли!

Бережно и плотно примостив хоббитов на предплечьях, Древень переступил огромными ногами и оказался у края уступа. Пальцы ног его впивались в камень точно корни. Осторожно и чинно прошел он по ступеням и углубился в лес.

Широкими, ровными шагами шествовал он напрямик сквозь чащу, не отдаляясь от реки, все выше по лесистому склону. Из деревьев многие словно дремали, не замечая его: ступай, мол, своей дорогой; но были и такие, что с радостным трепетом вздымали перед ним ветви. Он шел и разговаривал сам с собой, и долгий мелодичный поток странных звуков струился и струился мимо ушей.

Хоббиты помалкивали. Им почему-то казалось, что пока все более или менее в порядке и надо поразмыслить, прикинуть на будущее. Пин наконец решился и заговорил.

— Древень, а Древень, — сказал он, — можно немного поспрашивать? Вот почему Селербэрн не велел к тебе в Лес соваться? Он сказал нам: мол, берегитесь, а то мало ли.

— Н-да-а, вот что он вам сказал? — прогудел Древень. — Ну и я бы вам то же самое сказал, иди вы от нас обратно. Да, сказал бы я, вы поменьше плутайте, а главное — держитесь подальше от кущей Лаурелиндоренана! Так его встарь называли эльфы; нынче-то называют короче, Кветлориэн нынче они его называют. Так-то вот: звался Золотозвончатой Долиной, а теперь всего лишь Дремоцвет, если примерно по-вашему. И недаром, должно быть: ихнему бы краю цвести да разрастаться, а он, гляди-ка, чахнет, он все меньше и меньше. Ну, словом, неверные те места, и не след туда забредать, вовсе даже незачем, ни вам, ни кому другому. Вы оттуда выбрались, а зачем туда забрались, пока не знаю, и такого что-то ни с кем, сколько помню, не бывало. Да, неверный край.

Наши места тоже, конечно, хороши. Худые здесь случались дела со странниками, ох, худые, иначе не скажешь. М-да, от нас не выберешься: *Лаурелиндоренан линдолорендор малинорнелион орнемалин*, — как бы нехотя произнес он. — За Кветлориэном они, похоже, уж и света белого не видят. Селербэрн застрял в своей юности, а с тех пор что у нас, что вообще за опушками Златолесья много чего переменилось. Но все же верно, что *Тауреллиломеа-тумбалеморна Тумбалетаурея Ломеанор*, это да, это как и прежде. Да-да, многое переменилось, однако же это по-прежнему, хоть и не везде.

— Ты это о чем? — спросил его Пин. — Что не везде?

— Деревья с онтами, онты и деревья, — ответствовал Древень. — Сам-то я не очень понимаю, что происходит, и не смогу, наверно, толком объяснить. Однако попробую. Вот некоторые из нас как были онты, так и есть и живут по-положенному, а другие призаснули, вроде бы одеревенели, что ли. Деревья — наоборот, они все больше деревья как деревья, а некоторые, и очень таких многовато, пробуждаются. Иные даже и совсем пробудились: из этих кое-какие ни дать ни взять онты, хотя куда им до онтов. Да, дела, что ни говори.

Вот тебе дерево: растет-зеленеет как ни в чем не бывало, а сердцевина-то у него гнилая. Древесина — нет, древесина добротная, я не о том. Да взять те же древние ивы у нижнего тока Онтавы: их уж нет теперь, только в моей памяти навечно остались. Совсем они прогнили изнутри, держались еле-еле, а были тихие и простые, мягкие и легкие, что твой весенний листочек. И есть, наоборот, деревья в предгорьях — ядреные, как орех, а на поверку — дрянь дрянью. Сущая это зараза. Нет, правда, пожалуй что, очень опасно к нам зазря забредать. Есть у нас черные, угрюмые лощины, как были, так и есть.

— Вроде как там, на севере, в Вековечном Лесу? — робко осведомился Мерри.

— Ну да, ну да, вроде как там, только гораздо хуже, чернее. Оно конечно, Великая Тьма и там, на севере, обрушилась, и там у вас тоже дурной памяти хватает. Только у нас кое-где Тьма изначально как лежала, так и лежит, а деревья-то иной раз постарше меня. Ну, мы, конечно, делаем что можем. Отгоняем чужаков, не подпускаем кого не надо, учим и умудряем, выхаживаем и ухаживаем.

Мы, онты, издревле назначены древопасами. Теперь нас маловато осталось. Говорят, пастух и овца преподобны с лица, но и это вовсе не сразу, а жизнь им отмерена короткая. Зато онты с деревьями — живое подобие друг друга: века они обвыкают рядом. Ведь онты, они вроде эльфов: сами себе не слишком-то и любопытны, не то что люди, и уж куда лучше людей умеют вникать в чужие дела. И однако же люди нам, может, и больше сродни: мы, как бы сказать, переменчивей эльфов, видим снаружи, не только изнутри. Вообще-то что эльфы, что люди нам не чета: онты тверже ходят и дальше смотрят.

Кое-кто из моей близкой родни совсем уж одеревенел, им хоть в ухо труби, а сами только шепотом и разговаривают. Но есть и деревья, которые разогнулись, и с ними у нас идет разговор. Разговор, конечно, эльфы завели: они, бывало, будили деревья, учили их своему языку и учились по-ихнему. Древние эльфы, они были такие, им лишь бы разговоры выдумывать — ну со всеми обо всем говорили. А потом пала Великая Тьма, и они уплыли за Море или обрели приют в дальних краях, там сложили свои песни о веках невозвратных. Да, о невозвратных веках. В те давние времена отсюда до Лунных гор тянулся сплошной лес, а это была всего лишь его восточная опушка.

То-то было времечко! Я распевал и расхаживал день за днем напролет, гулким эхом вторили моему пению лесистые долы. Тогдашний лес походил на Кветлориэн, однако ж был гуще, мощнее, юнее. А какой духовитый был воздух! Я, помню, стоял неделями и надышаться не мог.

Древень примолк, вышагивая размашисто и бесшумно,

потом снова забормотал, бормотание стало напевом, в нем зазвучали слова, и хоббиты наконец расслышали обращенное к ним песнопение:

У ивняков Тасаринена бродил я весенней порой.
О пряная свежесть весны, захлестнувшей Нантасарион!
И было мне хорошо.
К вязам Оссириандa на лето я уходил.
О светлый простор Семиречья, о звонкоголосица вод!
И радостней мне не бывало.
А осенью я гостил в березняках Нелдорета.
О Таур-на-Нелдор в осеннем, златобагряном уборе!
Я не видел прекрасней тебя.
На взгорьях Дортониона я встречал холода.
О ветер, о белоснежье, о зимний Ород-на-Тхон!
И я возвысил голос и восславил творенье.
А теперь эти древние земли сокрылись на дне морском,
Остались мне Амбарон, Тауреморне и Аладоломэ,
Брожу по своим краям и обхожу свой Фангорн,
Где корни впились глубоко-глубоко,
Где годы слежались, как груды палой листвы,
У меня, в Тауреморналомэ.

Отзвучали медленные слова. Древень шествовал молча, а кругом стояла непроницаемая тишь.

День померк, и дымкой окутывались деревья у корней. В вышине возникли из полусвета и надвинулись темные взлобья: они подошли к южной оконечности Мглистых гор, к зеленым подножиям великана Метхедраса. От высокогорных истоков неслась по уступам и прыгала с круч шумливая, резвая Онтава. По правую руку тянулся отлогий сумеречно-серый травянистый склон. Ни деревца на нем, сливавшемся с облачными небесами; уже мерцали из бездонных промоин ранние звезды.

Древень пошел вверх по склону, почти не сбавляя шага. Внезапно, хоббитам на изумление, гора расступилась. Два высоких дерева явились по сторонам прохода, точно неподвижные привратники, но никаких ворот не было, вход преграждали лишь переплетенные ветви. Перед старым онтом ветви разомкнулись и поднялись, приветственно всплеснув листвой, темной, крупной, вечнозеленой; она лоснилась в тусклом сумраке. Открылась широкая травяная гладь — пол горного чертога с наклонными стенами-скалами высотой до полусотни футов; вдоль стен, крона за кроной, выстроились густолиственные стражи.

Дальней стеной чертога служила отвесная скала, прорезанная сквозной аркой — входом в сводчатый внутренний покой; остальной чертог от небосвода заслоняли одни воздетые ветви, и деревья так столпились возле арки, что видна была только

широкая входная тропа. От реки оторвался ручеек и, угодив на отвесную скалу над аркой, расструился, затенькал, сделался серебристой занавесью. Внизу вода стекалась в каменный водоем, осененный деревьями, и, переполняя его, бежала к откосу, а там опять становилась ручьем, и мчалась вниз, и догоняла Онтаву в лесистых предгорьях.

— Кгм! Ну вот и пришли! — промолвил Древень, прерывая долгое молчание. — Отмерили мы с вами тысяч эдак семьдесят моих, онтских шагов, а сколько это будет вашим счетом, того не ведаю. Словом сказать, мы у гранитных корневищ Последней горы. Как это место называется? Ну, если маленький кусочек его названия перевести на ваш язык, то оно, пожалуй что, называется Ключиши. Я здесь люблю бывать. Здесь и переночуем.

Он опустил хоббитов на травяной ковер, и они побежали вслед за ним к дальней арке. Снизу им стало видно, как он шагает, почти не сгибая колен, впиваясь в землю широкими пальцами, а потом уж опускаясь на всю ступню.

Древень постоял под струистой завесой, глубоко-глубоко вздохнул, рассмеялся и вошел в покой. Там стоял большой каменный стол, но никаких сидений возле него не было. Из углов ползла темнота. Древень поставил на стол две каменные чаши, должно быть, с водой, повел над ними ладонями, и одна засветилась золотым, другая — темно-зеленым светом. Покой озарился, по стенам и своду забегали зелено-золотые блики, точно лучистое летнее солнце пронизывало молодую листву. Хоббиты огляделись и увидели, что стали светиться деревья во всем чертоге, сначала чуть-чуть, а потом все ярче, и наконец всякий лист оделся ореолом — зеленым, золотым, медно-красным, а стволы казались колоннами, изваянными из прозрачного камня.

— Ладно, теперь и поговорим, — сказал Древень. — Только вам ведь, наверно, пить хочется. А может, вы, чего доброго, и устали. Ничего, сейчас освежитесь!

Он отошел в угол, в цветной полумрак. Там обнаружились высокие корчаги с массивными крышками. Древень поднял и отложил крышку, запустил в корчагу черпак и наполнил три кубка — один огромный и два маленьких.

— В домах у онтов, — сказал он, — сидений не бывает. Так что вы давайте садитесь пока что на стол.

Он разом поднял обоих хоббитов и посадил их на гранитную плиту футах в шести над землей. Они сидели, болтали ногами и прихлебывали из кубков.

В кубках была вода, на вкус вроде такая же, как из Онтавы близ опушки, но был в ней другой, какой-то несказанный при-

вкус и запах, точно вдруг повеял свежий ночной ветерок и пахнуло дальним лесом. От пальцев ног свежая, бодрящая струя разлилась по всему телу, аж до корней волос. Да и волосы взаправду шевельнулись, стали расти, виться, курчавиться. А Древень пошел за арку к водоему и подержал ноги в воде, потом вернулся, взял наконец свой кубок и опорожнил его одним долгим, прямо-таки нескончаемым глотком.

И поставил на стол пустой кубок.

— У-ух, а-ах, — выдохнул он. — Гм, кгм, м-да-а, поговорим. Слезайте, садитесь на пол, а я прилягу, чтоб мне питье-то в голову не бросилось, не заснуть бы.

У правой стены была большая кровать фута два вышиной, застланная сеном и хворостом. Древень медленно опустился на нее, чуть-чуть прогнувшись посредине, и улегся в свое удовольствие, заложив руки за голову и глядя в потолок, на цветные зайчики. Мерри с Пином пристроились возле него на пышных копнах.

— Давайте рассказывайте, только без спешки! — приказал Древень.

И хоббиты принялись рассказывать с самого начала, с тех самых пор, как они покинули Норгорд. В рассказе их не было порядка, они все время перебивали друг друга, да и Древень то и дело останавливал рассказчика вопросами о том, что было раньше и что случилось после. Про Кольцо они ни слова не сказали, не сказали и о том, зачем они пустились в путь и куда направлялись.

А он ужас как любопытствовал обо всем: выспрашивал и про Черных Всадников, и про Элронда, и про Раздол, про Вековечный Лес, Тома Бомбадила, копи Мории, про Кветлориэн и про Владычицу Галадриэль. Хоббитанию, Норгорд и вообще свои места им пришлось описать не один раз. Древень слушал-слушал, а потом вдруг спросил:

— Вы там у себя не видели, кгм, онтов, нет? Онтов-то нет, я не о том, онтицы вам не встречались?

— Онтицы? — удивился Пин. — Они какие, вроде тебя?

— Ну да, вроде меня, хотя, кгм, нет, не вроде. Пожалуй что, уж и не помню, какие они, — задумчиво проговорил Древень. — Но им бы ваши края понравились, я потому и спросил.

Особенно же он любопытствовал насчет Гэндальфа и еще того пуще — про Сарумана и про все его дела. Хоббиты переглядывались и огорчались, что так мало об этом знают: только со слов Сэма, что говорилось на Большом Совете, что Гэндальф сказал. Одно они знали точно: Углук со всей его сворой — изенгардцы, а хозяин их — Саруман.

— Гм, кгм! — сказал Древень, когда их рассказ кое-как подошел к концу и они наперебой повествовали о битве орков с ристанийскими конниками. — Н-да, нечего сказать, целая груда у вас новостей. Рассказали вы мне, конечно, не все, чего там, очень много пропустили, это сразу видно, н-да. Ну, Гэндальф вам, наверно, так бы и велел. У вас там, видать, большие дела творятся, большие, н-да, а что за дела, узнается в свое время, лишь бы не позже. Ах ты, корни-веточки, вот ведь штука: откуда ни возьмись, явился народец, даже и в перечень не занесенный, и вот поди ж ты! Про Девятерых все давно уж и позабыли, кто они такие, а они объявились и гонятся за малышами. Гэндальф зачем-то берет малышей с собой в дальний путь, Галадриэль дает им приют в Карас-Галадхэне, орки гоняются за ними по голой степи — н-да, попали детки в большую переделку. Теперь только держись!

— А ты-то с кем? — рискнул спросить Мерри.

— Кгм, гм, мне дела нет до ваших Великих Войн, — отвечал Древень. — Пусть их люди с эльфами разбираются, как умеют. Туда же и маги: чародействуют, хлопочут, о будущем пекутся. Меня будущее не касается. И я — ни с кем, со мной-то ведь, соображайте, никого нет, верно? Моя забота — Лес, а нынче кто о Лесе заботится? Бывало, эльфы заботились, да эльфы давно уж не те. Все же если с кем бы то ни было, так, пожалуй, с эльфами: они ведь нас когда-то излечили от немоты, а такое не забывается, хоть и выпали нам разные пути. Н-да, и уж само собой, не по пути мне со всякой мразью, вроде этих, эти-то враги всегдашние (*«бурарум»*, — сердито пророкотал он на своем языке) — орки-то эти, и их хозяева тоже.

Когда они захватили Лихолесье, я встревожился, а потом они убрались в Мордор, и я думать о них забыл. Мордор — вон он где, далеко Мордор. Конечно, ежели повеет страшным ветром с востока, то и от лесов ничего не останется. Что тут делать старому онту? Погибай, либо уж как-нибудь.

Однако же вот Саруман! Саруман — наш сосед. Это так оставить нельзя. Надо, наверно, что-то делать. Я уж и то все время думал: как быть с Саруманом?

— А Саруман, он кто? — спросил Пин. — Ты про него-то много ли знаешь?

— Саруман, он маг, — объяснил Древень. — Маг, да и все тут. Мало я про них знаю, про магов. Маги эти объявились, когда из-за Моря приплыли большие корабли: может, на кораблях они к нам приехали, а может, и нет — дело неясное. Саруман, помнится, был у них в большом почете. Поначалу он все разгуливал там да сям и совался не в свои дела, в людские и в эльфийские, а потом перестал соваться — давным-давно пере-

стал, вам и не объяснить, когда, — и облюбовал крепость Ангреност, по-пристанийски Изенгард. Держал себя тише тихого, а прославился на все Средиземье. Его, говорят, выбрали главою Светлого Совета, ну и, наверно, зря выбрали. Я уж теперь думаю, не тогда ли он стал склоняться ко злу. Однако соседей он до поры до времени никак не задевал. Любил со мной потолковать, по нашим местам гуляючи. Он прежде был учтивый, на все у меня позволения спрашивал, ежели мы встречались, и слушал в оба уха. Много я ему тогда порассказал такого, что сам бы он в жизни не выведал, а он держал язык на привязи. Ни разу не разговорился. Дальше — больше: и глаза-то его, как мне помнится (а давненько же я его не видел), стали ни дать ни взять окна в каменной стене, да-да, занавешенные окна.

Теперь-то мне, пожалуй, и понятно, чего ему надо. Власти ему надо, всемогущества. В голове у него одни колесики да винтики, а живое — глядишь, на что и сгодится, а нет — пропадай. Понятно, понятно; предатель он, не иначе. Это ж надо, с орками связался, всякая дрянь у него под началом. Бр-р-р, кгм! Да нет, еще того хуже, он и с ними как-то там чародействует, черные дела творит. Изенгардцы по вашим рассказам выходят не просто орки, а злодеи на людскую стать. Злыдням и нежити, отродью Великой Тьмы, дневной свет невмоготу, а Саруманову новоявленные орки хоть и злобствуют, да терпят. Что же это такое он там намудрил? Людей, что ли, испортил или орков обчеловечил? Хуже мерзости не придумаешь!

Древень бурчал и рокотал, точно про себя предавал Сарумана неизбывному, земляному, онтскому проклятию.

— То-то я в толк не возьму, с чего это орки так осмелели и средь бела дня шляются у меня по Лесу. Давеча только я додумался, что виною тут Саруман: он давным-давно разведал все лесные тропинки, а я, дурак, раскрывал ему здешние тайны. Вот он теперь и хозяйничает со своими сворами. Деревьев на опушках порубили видимо-невидимо, а хорошие были деревья. Много оставлено бревен — пусть, мол, гниют сорокам на радость, а еще больше оттащили в Изенгард, на растопку тамошних печей. Нынче Изенгард все время дымится.

Да чтоб ему сгинуть от корня до последней веточки! Я с этими порубленными деревьями дружил, я их многих помнил с малого росточка, и голоса их помню, а теперь их нет, как и не было. Где была звонкая чаща, там торчат пни и стелется кустарник. Нет, я, видать, проморгал. Запустил я свои дела. Хватит!

Древень рывком встал с постели, распрямился и ударил кулаком по столу. Огненные чаши вздрогнули и выплеснули цветное пламя. Глаза его тоже сверкнули зеленым огнем, и борода вздыбилась пышной метлой.

— Нет уж, хватит! — загудел он. — И вы со мной пойдете. Глядишь, чем и поможете. Не мне, а своим друзьям: им-то, в Ристании и Гондоре, каково, ежели враг и спереди, и с тыла. Пока пойдем вместе — на Изенгард!

— Да, мы пойдем с тобой, — согласился Мерри. — И попробуем быть тебе не в тягость.

— Непременно пойдем! — подхватил Пин. — И с ихней Белой Дланью обязательно разделаемся. На что другое, а на это я погляжу, пусть от меня и не будет толку. Углука я не забуду, и как мы бежали — тоже.

— Вот и ладно, и не забывай! — сказал Древень. — Но слова мои были поспешные, а торопиться не надо. Разгорячился я. Надо успокоиться и подумать, а то ведь легко сказать «хватит»! Кому хватит, а кому и нет. Разберемся!

Он пошел под арку и постоял под струйчатой занавесью. Потом рассмеялся и встряхнулся, разбрызгивая зеленые и алые капли. Подумал, возвратился, лег на постель и лежал молча.

Вскоре хоббиты услышали, как он забормотал. И вроде бы считал на пальцах.

— Фангорн, Финглас, Фладриф, ага, всего-то, — вздохнул он. — Н-да, маловато нас осталось, вот в чем печаль. — И обратился к слушателям: — Только трое осталось из тех, что бродили, пока не обрушилась Великая Тьма, ну да, трое: я, Фангорн, а еще Финглас и Фладриф — это их эльфийские имена; можете называть их Листвень и Вскорень, если вам так больше нравится. И вот из нас-то из троих Листвень и Вскорень уже никуда не годятся. Листвень заспался, совсем, можно сказать, одеревенел: все лето стоит и дремлет, травой оброс по колено. И весь в листьях, лица не видать. Зимой он, бывало, встрепенется, да теперь уж и зимой шелохнуться лень. А Вскорень облюбовал горные склоны к западу от Изенгарда — самые, надо сказать, ненадежные места. Орки его ранили, родичей перебили, от любимых деревьев и пней не осталось. И ушел он наверх, к своим милым березам, теперь там и живет, и оттуда его не выманить. А все ж таки, сдается мне, молодых-то я, может, и наберу — вот только объяснить бы им, чтобы поняли, поддеть бы их как-нибудь, а то ведь мы ох как тяжелы на подъем. Экая жалость, что нам счет чуть ли не по пальцам!

— А почему по пальцам, вы же здесь старожилы? — удивился Пин. — Умерли, что ли, многие?

— Да нет! — сказал Древень. — Как бы это вам сказать: сам по себе никто из нас не умер. Ну, бывали, конечно, несчастья за столько-то лет, а больше одеревенели. Нас и так-то было немного, а поросли никакой. Онтят не было — ну, детишек, по-

вашему, — давным-давно, с незапамятных лет. Онтицы-то ведь у нас сгинули.

— Ой, прости, пожалуйста! — сказал Пин. — Прямо все до одной перемерли?

— Не перемерли они! — чуть не рассердился Древень. — Я же не сказал «перемерли», я сказал «сгинули». Запропастились невесть куда, никак не отыщутся. — Он вздохнул. — Я думал, все об этом знают, сколько песен про это: и эльфы их пели, и люди, от Лихолесья до Гондора, — как онты ищут онтиц. Надо же, совсем уж все позабыли.

— Вовсе мы ничего не забыли, — возразил Мерри. — Просто к нам, в Хоббитанию, песни из-за гор не дошли. Ты вот возьми да расскажи поподробнее, как было дело, а заодно и песню бы спел, какая лучше помнится. Расскажи, а?

— Ладно уж, расскажу и даже, так и быть, спою, — согласился явно польщенный Древень. — Поподробнее-то рассказывать некогда, придется покороче: время позднее, а завтра надо совет держать, заводить большой разговор, да, глядишь, и в путь собираться.

— Чудно об этом вспоминать и грустно рассказывать, — вымолвил он, призадумавшись. — В ту изначальную пору, когда повсюду шумел и шелестел дремучий Лес без конца и края, жили да были онты и онтицы, онтики и онтинки, и тогда, в дни и годы нашей давней-предавней юности, не было краше моей Фимбретили, легконогой Приветочки, — где-то она, ах, да! Да! Так вот, онты и онтицы вместе ходили-расхаживали, вместе ладили жилье. Однако же сердца их бились вразлад: онты полюбили сущее в мире, а онтицы возжелали иного; онтам были в радость высокие сосны, стройные осины, густолесье и горные кручи, пили они родниковую воду, а ели только паданцы. Эльфы стали их наставниками, и на эльфийский лад завели они беседы с деревьями. А у онтиц под опекой были деревья малые, и радовали их залитые солнцем луговины у лесных подножий; лиловый терновник проглядывал в зарослях, брезжил по весне вишневый и яблоневый цвет, летом колыхались пышные заливные луга, и клонились по осени травы, рассеивая семена. Беседовать с ними у онтиц нужды не бывало: те лишь бы слышали, что им велят, и делали, что велено. Онтицы-то и велели им расти как надо, плодоносить как следует; им, онтицам, нужен был порядок, покой и изобилие (ну, то есть нужно было, чтобы все делалось по-положенному). И онтицы устроили роскошные сады. А мы, онты, по-прежнему расхаживали да скитались и только иногда, редко навещали ихние сады. Потом Тьма заполнила север, и онтицы ушли за Великую Реку, разбили там новые сады, распахали новые поля, и совсем уж редко мы стали ви-

деться. Тьму одолели, и тогда еще пышнее расцвела земля у наших подруг, и не бывало изобильнее их урожаев. Разноплеменные люди переняли их уменья, и онтицы были у них в большом почете, а мы словно бы исчезли, ушли в полузабытую сказку, стали темной лесной тайной. Однако же мы вот они, а от садов наших онтиц и следа не осталось. Люди называют тамошние места Бурыми Равнинами, Бурятьем.

И вот еще помню, как сейчас, а сколько времени прошло, — когда Заморские Витязи взяли в плен Саурона, очень мне захотелось повидать Фимбретиль. Я ее помнил все такой же красавицей, хотя в последний раз она была вовсе не та, что в былые времена. И немудрено: они ведь трудились не покладая рук, стали сутулыми и смуглыми, волосы у них выцвели под солнцем, а щеки задубели яблочным румянцем. Но все же глаза у них наши — наши, зеленые глаза. Мы пересекли Андуин, мы явились в тамошний край и увидели пустыню, изувеченную промчавшейся войной. И не было там наших онтиц. Мы их звали, мы их долго искали и спрашивали всех, кто нам ни попадался. Одни говорили, что не видали, другие — что видели, как они уходили на запад, на восток, а может, и на юг. Туда и сюда мы ходили: не было их нигде. Очень нам стало горько. Но Лес позвал нас обратно, и мы вернулись в любимое густолесье. Год за годом выходили мы из Леса и звали наших подруг, выкликали их милые, незабвенные имена. А потом выходили все реже, и выходили недалеко. Теперь наших онтиц как и не было, только и остались у нас в памяти, и отросли у нас длинные седые бороды. Много песен сложили эльфы про то, как мы искали наших подруг, потом и люди переиначили эльфийские песни. Мы об этом песен не слагали, мы про них помнили и напевали их древние имена. Наверно, мы с ними все-таки встретимся, и, может быть, еще отыщется край, где мы заживем вместе. Однако же предсказано другое — что мы воссоединимся, потерявши все, что есть у нас теперь. Нынче, кажется, к тому и дело идет. Тот Саурон, прежний, выжигал сады, а нынешний Враг, похоже, все леса норовит извести под корень.

Н-да, и вот эльфы давным-давно сложили про все про это одну такую песню. Пели ее всюду по берегам Великой Реки. Эльфийская это песня: мы бы не так пели, наша была бы очень длинная, чересчур даже длинная, пожалуй. Но эту-то, эльфийскую, мы все помним наизусть. По-вашему вот она как будет:

ОНТ

Березы оделись прозрачной листвой и вешним соком полны,
Резвится и блещет лесной поток, прыгая с крутизны,
Шагается вольно, ветер свеж, рокочет эхо в горах —
Скорей, скорей возвращайся ко мне, в веселый весенний край!

ОНТИЦА

Весна залила поля и луга, расплеснулась зеленой волной,
В цвету, как в снегу, блистают сады серебряной белизной,
Брызжет солнце, и плещут дожди, чтоб жажду земли утолить.
Зачем же я возвращусь к тебе из своих цветущих долин?

ОНТ

Простерся и млеет летний покой, золотистый, знойный, дневной,
Под лиственным кровом лесные сны бредут чудной чередой,
В прохладных чертогах зеленая тишь, и западный всет встер —
Приди же ко мне! Возвратись ко мне! Здесь лучше всего на свете!

ОНТИЦА

Вызревают в летнем тепле плоды, и ягоды все смуглей,
Золотые снопы и жемчуг зерна вот-вот повезут с полей,
Наливаются яблоки, соты в меду, и пусть веет западный ветер —
Я к тебе не вернусь ни за что: у меня лучше всего на свете!

ОНТ

Но грянет сумрачная зима, и мертвенной станет тень,
В древесном треске беззвездная ночь поглотит бессолнечный день,
Ветер с востока все омертвит, обрушится черный дождь,
И сам я тогда разыщу тебя, если ты сама не придешь!

ОНТИЦА

Небывалой зимой обомрут поля, кладбищами лягут сады,
Заглохнут песни, и смех отзвучит, и сгинут наши труды.
Тогда былое явится вновь, и мы друг друга найдем
И вместе пойдем в подзакатный край под черным, злобным дождем!

ОБА

Мы вместе пойдем заповедным путем за дальние рубежи,
И нам откроется новый край, и снова заблещет жизнь.

Древень допел и примолк.

— Да, вот такая песня, — сказал он погодя. — Эльфийская, это само собой: траля-ля-ля, словцо за словцом, раз-два, и дело с концом. Однако же неплохо сочинили, ничего не скажешь. Только онтов малость обидели: очень уж коротко они говорят. Н-да, ну ладно, я, пожалуй, постою да посплю. А вы где встанете спать?

— Мы обычно спать не встаем, а ложимся, — сказал Мерри. — Мы бы, если можно, прямо здесь, на ложе, и поспали бы.

— Как то есть ложитесь спать? — удивился Древень. — Ах, ну да, конечно! Гм, кгм, спутался я: пришли мне на память древние времена, и показалось, будто я говорю с онтятами, вот

ведь как, ишь ты! Что ж, тогда ложитесь и спите. А я постою под ручеечком. Покойной ночи!

Хоббиты пристроились на постели, с головой зарывшись в душистое сено, свежее, мягкое, теплое. Мало-помалу угасли светильники и померкли разноцветные деревья, но все равно было видно, как Древень неподвижно стоит под аркой, закинув руки за голову. Вызвездило, и замерцали струи, тихо стекавшие к его ногам, и тенькали, тенькали, тенькали сотни серебряных звездных капель. Под этот капельный перезвон Мерри с Пином крепко-крепко уснули.

Когда они проснулись, пышнозеленый чертог освещало лучистое утреннее солнце, проникая в укромный покой. Высоко в небесах порывистый восточный ветер рассеивал облачные клочья. Древень куда-то подевался, и Мерри с Пином пока что пошли купаться в бассейне за аркой — и заслышали его гуденье и пенье, а потом и сам он появился на широкой тропе меж деревьев.

— Кгм, кха! Ну, доброе утро, Мерри и Пин, — прогудел он при виде хоббитов. — Вы, однако, поспать горазды! А я уж нынче отшагал шагов под тысячу. Сейчас вот попьем водички и отправимся на Онтомолвище!

Он нацедил им по полному кубку из каменной корчаги, но не из вчерашней, из другой. И вкус у воды был не тот, что вечером: она была гуще и сытнее, вроде и не питье вовсе, а прямотаки еда. Хоббиты прихлебывали, сидя на краю высокого ложа, и закусывали эльфийскими хлебцами-путлибами (они были вовсе не голодные, но как-никак завтрак, жевать что-то полагается), а Древень стоял дожидался их, напевая то ли на онтском, то ли на эльфийском, то ли еще на каком языке и поглядывая на небо.

— А где оно, ваше Онтомолвище? — отважился наконец спросить Пин.

— Кгм, как? Онтомолвище-то где? — переспросил Древень, обернувшись. — Это не место, Онтомолвище, это собрание онтов, нынче такие собрания созываются очень-очень редко. Ну, сейчас-то многие, н-да, многие мне накрепко обещали быть. А соберемся мы, где и всегда: людское название этому месту — Тайнодол. Отсюда малость на юг. Надо нам подойти туда к полудню, не позже.

Вскоре они тронулись в путь. Древень, как накануне, усадил хоббитов на предплечьях. Выйдя из чертога, он свернул вправо, шутя перешагнул через бурливый ручей и пошел на юг возле безлесных подножий высоких обрывистых склонов. За каме-

нистыми осыпями виднелись березняк и рябинник, а выше — темное густое краснолесье. Потом Древень отошел от предгорий и подался в Лес, где деревья были такие высокие, раскидистые и толстые, каких хоббиты в жизни не видывали. Поначалу их, почти как на опушке Фангорна, прихватило удушье, но очень скоро дыхание наладилось. Древень с ними не заговаривал. Он раздумчиво бухтел себе под нос, и слышалось только «бум-бум, рум-бум, бух-трах, бум-бум, трах-бах, бум-бум, тара-рах-бум» или вроде того — то угрюмей, то радостней, то глуше, то гулче. Иногда хоббитам чудился ответный гул, трепет или звук, не то из-под земли, не то над головой, а может быть, гудели стволы, но Древень знай себе вышагивал, не глядя по сторонам.

Пин принялся было считать мерные «онтские шаги», но сбился со счету на третьей тысяче, а тут и Древень пошел чуть помедленнее. Внезапно остановившись, он опустил хоббитов на траву, раструбом приложил ладони ко рту и, словно из гулкого рога, огласил лес протяжным кличем. «Гу-у-гу-у-гу-умм!» — раскатилось окрест, и деревья явственно вторили зову. Потом со всех сторон издалека донеслось: «Гу-у-гу-у-гу-у-гу-у-гумм!» — и это был уже не отзвук, а отклик.

Древень примостил хоббитов на плечи и опять зашагал, время от времени повторяя громогласный призыв. Отклики слышались все ближе. Так они шли да шли — и наконец уперлись в глухую стену вечнозеленых деревьев неведомой хоббитам разновидности: они ветвились от самых корней, густой темно-глянцевитой листвой походили на падуб и были усыпаны крупными, налитыми оливковыми бутонами.

Древень свернул налево, и через несколько шагов живая преграда вдруг разомкнулась: утоптанная тропа ныряла в узкий проход и вела вниз по крутому склону в просторную чашеобразную долину, обнесенную поверху вечнозеленой изгородью. На округлой травянистой глади не было ни деревца, лишь посреди долины высились три белоснежные красавицы березы. По откосам сбегали еще две тропы, с запада и с востока.

Одни онты уже пришли, другие шествовали вдали по тропам, третьи вереницей спускались за Древнем. Пин и Мерри озирались и изумлялись: они-то ожидали, что онты все похожи на Древня, как хоббиты друг на друга (если, конечно, глядеть посторонним глазом), а оказалось — ничего подобного. Они были разные, как деревья — как деревья одной породы, но разного возраста и по-разному возросшие, или совсем уж несхожие, как бук и береза, дуб и ель. Были старые онты, бородатые и

заскорузлые, точно могучие многовековые деревья (и все же по виду намного моложе Древня), были статные и благообразные пожилые исполины, но ни одного молодого, никакой поросли. Десятка два их сошлось у берез, с разных сторон брели еще двадцать или около того.

Сперва у хоббитов глаза разбежались от несхожести их фигур и окраски, обхвата и роста — и руки-ноги разной длины, и пальцев на них неодинаково (не меньше трех, не больше девяти). С подобиями дубов и буков Древень все же мог бы, наверно, посчитаться родней, но многие онты вовсе на него не походили. Иные были вроде каштанов: кожа коричневая, разлапистые ручищи, короткие толстые ноги. Иные — вроде ясеней: рослые серокожие онты, многопалые и длинноногие. Были еще пастыри сосен и елей (эти самые высокие), пестуны берез, рябин и лип. Но когда все онты столпились возле Древня, чинно кланяясь и учтиво приветствуя его благозвучными голосами, разглядывая чужестранцев неспешно и пристально, тут хоббитам сразу стало яснее ясного, до чего они друг на друга похожи: глаза-то у всех такие же — ну, не такие, конечно, бездонные, как у Древня, но спокойные, задумчивые, внимательные, с зеленым мерцанием.

Подоспели последние; онты обступили Древня широким кругом и завели прелюбопытный и загадочный разговор. Полилась плавная молвь: каждый вступал в свой черед, и общий медленный распев притихал по одну сторону круга и гулко гудел по другую. Хотя Пин не различал и не понимал слов — по-онтски все ж таки разговаривали онты, — однако поначалу ему очень понравилось их слушать, пока не надоело. Он слушал и слушал (а они все говорили и пели) и наконец начал думать, что онтский язык слишком уж медленный. Интересно, сказали они или нет друг другу «доброе утро», а коли Древень делает перекличку, то когда они доскажут ему свои имена?

«Хотел бы я знать, как по-онтски *да* и *нет*», — подумал он и зевнул.

Древень мгновенно все учуял.

— Кгм, кха-кха, ты вот что, друг мой Пин, — сказал он, и звучный хоровод онтов вдруг примолк. — Я и забыл, что вы такие несусветные торопыги. Но и то правда, скучновато слушать разговор на непонятном языке. Подите-ка погуляйте. Имена ваши на Онтомолвище названы, все вас разглядели и все согласны, что вы не орки и что нужно добавить строку-другую в древний перечень. На этом мы пока что и порешили, и очень, я вам скажу, быстро порешили, едва ли не чересчур. Вы с Мерри побродите пока по долине, чем вам плохо. Пить захотите — там есть на северном склоне, повыше, очень вкусный источник.

А тут еще надо изрядно поговорить, чтобы устроилось настоящее Онтомолвище. Я потом приду вас проведать, тогда расскажу, как у нас чего.

Он опустил Пина и Мерри наземь, а они, не сговариваясь, оба враз сообразили низко и благодарственно поклониться. Онтов это очень позабавило: они о чем-то перемолвились, и зеленые искры замелькали в их взорах. Но вообще-то им, видимо, было уже не до хоббитов. А те побежали наверх западной тропой: надо же поглядеть, что там, за оградой, с этой стороны Тайнодола. Там громоздились лесистые откосы, и за высокогорным ельником сверкал сахарно-белый пик. Слева, на юге, тоже виднелся лес, лес и лес, уходивший в серую расплывчатую даль с бледной прозеленью. «Наверно, ристанийская равнина», — догадался Мерри.

— А где, интересно, Изенгард? — спросил Пин.

— Знал бы я, куда хоть нас занесло, — отозвался Мерри. — Ну, если это вот вершина Метхедраса, то у подножия его, помнится, как раз и есть Изенгард, крепость в глубоком ущелье. Небось вон там, слева за хребтиной. Видишь, не то дым сочится, не то туман?

— Изенгард, он какой? — выспрашивал дальше любопытный Пин. — Он ведь онтам, поди, не по зубам.

— Да и я тоже думаю — куда им, — согласился Мерри.— Изенгард — это скалистое кольцо, внутри каменная гладь, а посредине торчит высоченная гранитная башня, называется Ортханк. Там и живет Саруман, гранит на граните, на возвышении. Кругом скалы, во сто раз толще любых стен, ворот не помню сколько, может, и не одни, и в каменном русле бежит горная речка, которая пересекает Врата Ристании. Да, онтам вроде бы там делать нечего. Но про онтов, понимаешь, как-то мне странно думается: не такие они смирные, не такие смешные. С виду-то, оно конечно, — чудаковатые тихони, терпеливые, опечаленные, обиженные, обойденные жизнью, но, если их обидишь, тогда хватайся за голову и смазывай салом пятки.

— Ага, ага, — подтвердил Пин. — Сидит себе старая корова и жует свою жвачку; и глазом не успеешь моргнуть, как это не корова, а бык, и не сидит он, а вскачь несется на тебя. Да, хорошо бы старик Древень их расшевелил. Затем, видать, и собрал, только трудное это дело. Вчера, помнишь, как он сам собой разозлился, а потом пых-пых — и выкипел.

Хоббиты вернулись в долину. Онтомолвище продолжалось вовсю: то глуше, то громче звучала напевная неспешная беседа. Солнце поднялось над оградой, брызнули серебром кроны срединных берез, и желтоватым светом озарился северный склон. Блеснул незаметный родник. Хоббиты пошли закраиной круг-

лой долины, возле вечнозеленой изгороди — так отрадно было не спеша брести по свежей мягкой траве, — и напрямик спустились к искристому фонтанчику. От кристальной студеной воды заныли зубы. Они уселись на обомшелый валун и смотрели, как бегают по траве солнечные блики и проплывают тени облаков. Онтомолвище не смолкало. Какие-то все ж таки непонятные, совсем уж чужедальние это были места, точно все былое осталось в другой жизни. И чуть не до слез захотелось увидеть лица и услышать голоса друзей — особенно Фродо, особенно Сэма и особенно Бродяжника.

Вдруг стихли голоса онтов, и невдалеке появился Древень, да не один, а со спутником.

— Кгум, кгу-гум, вот и я, — сказал Древень. — А вы тут, поди, притомились, всякое терпенье у вас кончается, кгмм, а что, разве не так? Нет уж, терпеньем вы запаситесь как следует. На первый случай мы все проговорили, это да, однако еще надо много чего растолковать и разжевать, довести до ума тех наших, кто живет далеко-далеко от Изенгарда, и еще тех, кого я не застал дома, когда утром приглашал на разговор; потом уж будем сообща решать, что нам делать. Ну, правда, онты не слишком долго решают, что им делать, ежели перед тем все как есть обговорено и разобрано до последнего листочка-корешка. Но толком-то если, еще поговорить надо: день-другой, не меньше. Так вот, я вам пока что товарища привел. Он здесь живет неподалеку. По-эльфийски зовут его Брегалад. Он говорит: решенье, мол, у него готово, на Онтомолвище ему, дескать, делать нечего. Гм, гм, таких торопливых онтов прямо-таки свет не видывал. Вы с ним поладите. Вот и до свидания! — И Древень удалился.

Брегалад стоял замерши, пристально разглядывая хоббитов, а те сидели в ожидании, когда-то он заторопится. Высокий, стройный и гибкий, он, наверно, считался у онтов молодым: гладкая, блескучая кора обтягивала его руки и ноги; у него были темно-алые губы и пышные серо-зеленые волосы. Наконец Брегалад заговорил, и звучный, как у Древня, был его голос, однако же тоньше и звонче.

— Кха-ха, эге-гей, ребятки, пойдемте-ка погуляем! — пригласил он. — Меня, как сказано было, зовут Брегалад, по-вашему — Скоростень. Но это, конечно, не имя, а всего-то навсего кличка. Так меня прозвали с тех пор, как один наш старец едва-едва напыжился задать мне важный вопрос, а я ему ответил: «Да, конечно». Опять же и пью я слишком быстро: добрые онты только-только бороды замочили, а я уж губы утираю. Словом, идемте со мной, не пожалеете!

Он протянул им руки — очень красивые, длинные, долгопа-

лые. Весь день пробродили они втроем по лесу — хором пели песни, дружно смеялись. А смеялся Скоростень часто, и смеялся всегда радостно. Смеялся он, когда солнце являлось из-за облаков, смеялся при виде родника или ручья, смеясь, останавливался и кропил водой ноги и голову. Слышал трепет или шепоток деревьев — и тоже заливался смехом. А завидев рябину, стоял, раскинув руки, стоял и пел, гибкий, точно юное деревце.

Под вечер он привел их к себе домой, впрочем, дома-то никакого у него не было, а был мшистый камень в уютной зеленой лощинке. Рябины осеняли ее, и журчал ручей, как в любом жилище онта: этот, звеня, бежал сверху. Они разговаривали, пока не стемнело, а в темноте где-то неподалеку гудело Онтомолвище, басовитое, гулкое и по-новому беспокойное; время от времени чей-нибудь голос звучал громче и тревожнее других, и общий гомон смолкал. Но их слух заполняла тихая речь Брегалада, и шелестели знакомые, понятные слова: он вел рассказ о том, как разорили его древний край, где старейшиной был Вскорень. «Вот оно что, — подумали хоббиты, — с орками у него, стало быть, особые счеты, то-то он долго и не раздумывал».

— Рябинник обступал мой дом, — печально повествовал Брегалад, — и рябины эти взрастали вместе со мною в тишине и покое незапамятных лет. Иные из них, самые старинные, были посажены еще ради онтиц, но те лишь взглянули на них и с усмешкой покачали головами: в наших, мол, землях у рябин и цветы белее, и ягоды крупнее. А по мне, так не бывало и быть не могло деревьев прекраснее и благороднее этих. Они росли и росли, раскидывая тенистую густолиственную сень и развешивая по осени тяжкие, ярко-багряные, дивные ягодные гроздья, и птицы слетались стаями на роскошный рябиновый пир. Я люблю птиц, хоть они и болтушки, и чего-чего, а уж ягод им хватало с избытком. Однако птицы почему-то стали грубые, злые и жадные, они терзали деревья, отклевывали грозди и разбрасывали никому не нужные ягоды. Явились орки с топорами и срубили мои рябины. Я приходил потом и звал их по именам, незабвенным и нескончаемым, но они даже не встрепенулись, они не слышали меня и отозваться не могли, они лежали замертво.

О Орофарнэ, Лассемисте, Карнимириэ!
Рябины мои нарядные, горделивые дерева!
Рябины мои ненаглядные, о, как мне дозваться вас?
Серебряным покрывалом вас окутывал вешний цвет,
В ярко-зеленых уборах встречали вы летний рассвет,
Я слышал ваши приветные, ласковые голоса,

Венчалась червонными гроздями рябиновая краса.
Но рассыпаны ваши кроны ворохами тусклых седин,
Голоса ваши смолкли навеки, и я остался один.
О Орофарнэ, Лассемисте, Карнимириэ!

И хоббиты мирно уснули, внимая горестным песнопениям Брегалада, оплакивавшего на разных языках гибель своих возлюбленных, несравненных деревьев.

Наутро они снова пошли гулять втроем и провели весь день невдалеке от его жилища. Ходили они мало, больше сидели под зеленой закраиной. Ветер стал холоднее, солнце редко пробивалось сквозь нависшие серые облака, и немолчные голоса онтов звучали то гулко и раскатисто, то глухо и печально, то почти наперебой, то медленно и скорбно, как погребальный плач. Настала вторая ночь, а совещание все длилось. В разрывах мчащихся туч мутно мерцали звезды.

Забрезжил третий рассвет, ветреный и угрюмый. Онтомолвище загремело и снова притихло. Прояснилось утро, ветер улегся, и неподвижный воздух точно отяжелел в ожидании. Хоббиты заметили, что теперь-то Брегалад прислушивался в оба уха, хотя до их лощинки вроде бы доносился лишь смутный гул.

Близился вечер, солнце клонилось к западу, за мглистые вершины, и длинные желтые лучи пронизывали облака. Стало как-то уж очень тихо, кругом ни звука, ни шороха. Ну вот, значит, кончилось Онтомолвище. Чем же оно кончилось? Брегалад напряженно замер, глядя на север, в сторону Тайнодола.

Вдруг по лесу раскатился зычный и дружный возглас: «Ттрам-тарарам-тарам!» Деревья затрепетали и пригнулись, словно под могучим порывом ветра. Снова все смолкло, а потом донесся мерный, как будто барабанный рокот, его перекрывало грозное многогласие:

— Идем под барабанный гром: трамбам-барам-барам-бамбом!

Онты приближались, и все оглушительнее гремел их походный напев:

— Идем-грядем, на суд зовем: трумбум-бурум́-бурум-бумбом!

Брегалад подхватил хоббитов и поспешно выбрался из лощины.

Навстречу им шагали пятьдесят с лишним онтов; широкими, ровными шагами спускались они колонной по двое. Во главе их шествовал Древень, они отбивали такт ладонями по бедрам. Вблизи стало видно, что глаза их полыхают зеленым светом.

— Кхум-кхам! Вот и мы, идем-гремим, не так уж и долго

пришлось нас ждать! — возгласил Древень, завидев Брегалада с хоббитами. — Давайте становитесь в строй! Мы выступили в поход. В поход на Изенгард!

— На Изенгард! — подхватила дружина, и грянуло в один голос: — На Изенгард!

На Изенгард! Пусть грозен он, стеной гранитной огражден,
Пусть щерит черепной оскал за неприступной крепью скал, —
Но мы идем крушить гранит, и Изенгард не устоит!
Горит кора, обуглен ствол, бушует лес и мрачен дол —
Обрушим своды и столбы стопой разгневанной судьбы!
Идем под барабанный гром,
Идем-грядем, судьбу несем!

Так пели онты, шагая на юг.

Брегалад с сияющими глазами пристроился к колонне возле Древня. Тот пересадил хоббитов к себе на плечи, они торжествующе оглядывали шагавшую вслед за ними онтскую дружину и прислушивались к суровому, монотонному напеву. Они хоть и надеялись, что в конце концов что-нибудь да случится, но такой разительной перемены вовсе не ожидали — точно потоком прорвало плотину.

— А ведь быстро рассудили онты, правда же? — радостно задыхаясь от собственной смелости, спросил Пин, когда онты перестали петь и слышались лишь тяжкая поступь да гулкое прихлопывание.

— Быстро, говоришь? — отозвался Древень. — Хм! Да, пожалуй что, и быстро. Быстрее, чем я думал. Уж и не припомню, когда мы в последний раз так сердились: много-много веков назад. Мы, онты, сердиться-то не любим и очень редко сердимся, только если почуем, что нашим деревьям и нам самим чуть ли не гибель грозит. Такого в нашем краю не бывало со времен войны Саурона и Заморских Витязей. А все эти орки, древорубы треклятые — *рарум!* — ишь, размахались топорами, ладно бы уж на дрова рубили, мерзавцы, еще куда бы ни шло, на дрова много не надо, — так ведь нет, для одного изуверства. Тут от соседа впору помощи ждать, а он, смотрите, пожалуйста, заодно с ними. Нет, уж коли ты маг, с тебя и спрос особый; и то сказать, другие маги все ж таки не ему чета. Ни на эльфийском, ни на онтском, ни на людских языках и проклятья-то ему подходящего никак не сыщу. Долой Сарумана, да и только!

— А вы что, взаправду собрались сокрушить изенгардские стены? — осторожно поинтересовался Мерри.

— Ха, хм-м, да как тебе сказать, а почему бы и нет! Вам ведь небось и невдомек, какие мы сильные? Про троллей когда-нибудь слышали? Они очень сильные, тролли. Но они, тролли, не

сами собой на свет появились, их вывел Предвечный Враг под покровом Великой Тьмы: вывел в насмешку над онтами, вроде как орков — над эльфами. Так вот мы гораздо сильнее троллей. Мы — кость от кости самой земли. Как древесные корни впиваются в камень, знаете? Только они впиваются веками, а мы — сразу, ну, если, конечно, рассердимся. Изрубить-то нас, сильно постаравшись, можно, сжечь или чародейством каким одолеть — тоже не очень, но все-таки можно, а мы зато, коли захотим, и Изенгард вдребезги разнесем, и от стен его одно крошево оставим, понятно?

— Но Саруман-то не будет смотреть на вас, сложа руки.

— Кгм, да нет, он не будет, это верно, и я об этом не забыл. По правде сказать, я как раз об этом все время и думаю. Но я из нас самый старый, многие онты куда помоложе, на сотни древесных веков. Сейчас они осерчали, и у них одно на уме — сокрушить Изенгард. А потом немного поодумаются, поостынут, выпьют водички на ночь — и начнут успокаиваться. Ох, изрядно водички мы выпьем на ужин! Ну а пока пусть их топают и поют! Идти нам еще далеко, поразмыслить времени хватит. Лиха беда начало.

И Древень подхватил общий напев, раздававшийся с прежней силой. Однако мало-помалу голос его притих и смолк, а нахмуренный лоб глубоко взбороздили морщины. Потом он поднял глаза, и Пин заметил в них скорбь — но не уныние. Казалось, зеленый огонь разгорелся еще сильнее, но светил он как бы издали, из темной глубины его мыслей.

— Оно конечно, друзья мои, может статься иначе, — медленно промолвил он. — Может статься и так, что судьба против нас, что *нас* постигнет рок, что это последний поход онтов. Но если бы мы остались дома в блаженном бездействии, мы бы своей судьбы не миновали, раньше ли, позже ли, не все ли равно? Мы об этом давно размышляем, потому и в поход двинулись. Нет, спешки тут не было: просто решение созрело. Зато, глядишь, и песни сложат когда-нибудь о нашем последнем походе. Да, — вздохнул он, — сами, может, и сгинем, но хоть другим поможем. Жаль только, если вопреки старым песням мы никогда больше не встретимся с онтицами. Очень бы мне хотелось еще разок повидать Фимбретиль. Однако ж, друзья мои, песни — они ведь как деревья: плодоносят по-своему и в свою пору, а случается, что и безвременно засыхают.

Онты шагали ровно и размашисто. Вначале путь их лежал на юг длинной логовиной; потом приняли вправо и двинулись наискосок, все выше и выше, к вздымавшимся за верхушками деревьев западным кряжам Метхедраса. Лес отступал, рассы-

пался купами окраинный березняк, а там лишь кое-где на голом склоне торчали одинокие сосны. Солнце кануло за темный гребень. Стелились сумерки.

Пин оглянулся. То ли онтов прибавилось, то ли... что за наваждение? За ними оставался пустой и тусклый откос, а теперь он был покрыт деревьями. И деревья не росли, не стояли — они двигались! Неужели Фангорн очнулся от вековечной дремы и выслал на горный хребет древесное воинство? Он протер глаза: может, он сам задремал или ему померещилось в сумерках? Но нет, серые громады шествовали вверх по склону, разнося глухой шум, гудение ветра в бесчисленных ветвях. Онты всходили на гребень и давно уже не пели. Воцарились темень и тишь, только земля трепетала от поступи древопасов и пробегал шелест, зловещий многотысячелистный шепот. С вершины стала видна далеко внизу черная пропасть, огромное ущелье между последними отрогами Мглистых гор — Нан-Курунир, Долина Сарумана.

— Изенгард окутала ночь, — вымолвил Древень.

Глава V

БЕЛЫЙ ВСАДНИК

— Ну и ну, до костей пробирает, — выговорил Гимли, стуча зубами, хлопая в ладоши и приплясывая. На ранней зорьке они всухомятку перекусили и теперь дожидались, пока рассветет: вдруг да сыщутся все-таки хоббитские следы. — Да, а старик-то! — вспомнил он. — Вот чей след мне бы ох как хотелось увидеть!

— Зачем бы это? — удивился Леголас.

— Если по земле ходит, значит, он старик и старик, не более того, — пояснил гном.

— Откуда тебе следы возьмутся, трава-то жесткая и высокая.

— Это Следопыту не помеха, — возразил Гимли, — Арагорн и примятую былинку мигом заметит. Другое дело, что нечего ему замечать: призраки следов не оставляют, а являлся нам Саруманов призрак. Что ночью, что поутру я то же самое скажу. Да он и сейчас небось исподтишка следит за нами с той вон лесной кручи.

— Очень может быть, — согласился Арагорн, — однако же вряд ли. Ты, Гимли, помнится, сказал: дескать, спугнули лошадей? Леголас, а ты не расслышал — по-твоему, как они ржали, испуганно?

— Ясно расслышал, — сказал Леголас. — Нет, ничуть не испуганно. Это мы в темноте перепугались, а они — нет, они ржали радостно, точно встречали старинного друга.

— Вот и мне так показалось, — сказал Арагорн. — А что было на самом деле — узнаем, если они вернутся. Ладно! Вон уж светлым-светло. Пойдем искать, думать будем потом! Вкруговую от ночлега и весь склон перед опушкой. Ищем следы хоббитов, с ночным пришельцем отдельно разберемся. Если им каким-нибудь чудом удалось сбежать, то они прятались за деревьями — больше негде. Не найдем ничего отсюда до опушки, тогда придется обыскивать поле битвы и рыться в пепле. Но там надежда плоха: ристанийские конники свое дело знают.

Они прощупывали и разглядывали каждую пядь. Печальное, поникшее над ними дерево шелестело сухими листьями на холодном восточном ветру. Арагорн медленно продвигался к груде золы от дозорного костра над рекой, потом заново обошел холм последней сечи. Вдруг он остановился и нагнулся так низко, что лицо его утонуло в траве. И подозвал Леголаса с Гимли — те прибежали со всех ног.

— Вот наконец и новости! — объявил Арагорн и показал им изорванный бледно-золотистый лист, немного увядший и порыжелый. — Лист лориэнского мэллорна, в нем крошки, и вокруг крошки рассыпаны. А еще — взгляните-ка! — перерезанные путы.

— Здесь же и нож, которым их перерезали! — заметил Гимли и, склонившись, извлек из дерновины вдавленный в нее копытом короткий зубчатый клинок, затем отломанную рукоять. — Оркский кинжал, — прибавил он, брезгливо разглядывая резной черенок с омерзительной харей, косоглазой и ухмыляющейся.

— Да, это всем загадкам загадка! — воскликнул Леголас. — Связанный пленник сбегает от орков и ускользает от бдительного ока ристанийских конников. Потом останавливается посередь поля и перерезает путы оркским ножом. Не возьму в толк. Если у него были связаны ноги, то как он сбежал? Если руки — как орудовал ножом? Если ни ноги, ни руки — тогда что это за веревка, зачем разрезана? А каков голубчик-то: едва спасся, тут же уселся и давай закусывать. Сразу видно, что это хоббит, если б и листа мэллорна не было. Дальше, как я понимаю, руки у него обернулись крыльями, и он с песней улетел в лес. Полетим следом и запросто отыщем его: только за крыльями дело стало!

— Нет, видать, без чародейства не обошлось, — заключил Гимли. — Недаром по лесу тот старик шастал. Ну, Арагорн, Леголас нам почти все растолковал, как сумел. Может, ты лучше сумеешь?

— Да попробую, — усмехнулся Арагорн. — Плоховато вы осмотрелись, потому кой-чего и не сообразили. Верно, что

пленник этот — хоббит и что либо руки, либо ноги ему еще прежде удалось высвободить. Думаю, что руки, — тогда все понятнее, это первое, а второе — его сюда *притащил* орк. Неподалеку на земле засохшие подтеки черной крови. И кругом глубокие следы копыт: судя по всему, волокли тело. Орка, разумеется, убили конники, и труп его сожгли в общем костре. А хоббита «посередь поля» не заметили: темень, а он в эльфийском плаще. Перерезал кинжалом мертвеца ножные путы; был он голодный и изнуренный, решил отдохнуть и подкрепиться — что здесь удивительного? Мешка при нем наверняка не было, стало быть, путлибы — из кармана: вот это по-хоббитски, и тут есть чему порадоваться. Я говорю «при нем», хотя, по-моему, спаслись они оба — надеюсь, что так. Пока только надеюсь.

— А как же, по-твоему, удалось одному из них руки высвободить? — спросил Гимли.

— Чего не знаю, того не знаю, — отвечал Арагорн. — Не знаю и того, зачем орк их утащил. Едва ли он помогал им сбежать... Погодите, погодите-ка, я как будто разрешил один вопрос, который донимал меня с самого начала. Кажется, я начинаю понимать, почему орки, одолев Боромира, схватили Мерри с Пином и бросились наутек. Остальных они не искали, скарб наш не разграбили, а припустились прямым путем к Изенгарду. Может, решили, что им в когти попал Хранитель Кольца со своим верным другом? Нет, не так. Не рискнули бы хозяева орков доверить им столь важную тайну, если б даже сами ее проведали. Нельзя с орками в открытую говорить о Кольце: ненадежные они рабы. Им, должно быть, просто велели любой ценой захватить в плен *хоббитов* и доставить их живьем. А перед решающей битвой кто-то попытался улизнуть с драгоценными узниками. Пахнет предательством, но это у них в заводе; какой-нибудь ражий и лихой орк решил дать тягу с живой добычей и отличиться в одиночку. Вот вам моя разгадка, можете разгадывать иначе. Ясно только, что хотя бы один из наших друзей спасся, и надо его найти и выручить: без этого нет нам пути в Ристанию. Раз судьба занесла его в Фангорн, придется следовать за ним, отринув страхи и опасения.

— Я уж и не знаю, что меня больше пугает: Фангорн или пеший путь в Ристанию, — проворчал Гимли.

— Тогда пошли в Лес, — сказал Арагорн.

Вскоре отыскались новые, опять-таки еле заметные хоббитские следы: возле берега Онтавы и под раскидистыми ветвями огромного дерева на самой опушке — земля там была голая и сухая.

— Уж один-то хоббит точно стоял здесь и озирался, а потом побежал в Лес, — сказал Арагорн.

— Значит, и нам Леса не миновать, — вздохнул Гимли. — Ох, не по нутру мне этот Фангорн, и ведь сказано было — нам в него не забираться! За ними, так за ними, только бы не сюда.

— А я не думаю, что это злокозненный Лес, не внушает он мне опаски, — задумчиво произнес Леголас. Он стоял у лесного порога, подавшись вперед, вслушиваясь и вглядываясь в тусклую чащобу. — Кознями здесь и не пахнет; я, правда, чую слабое и дальнее зловещее эхо — наверно, где-нибудь в темной глуши деревья с гнилой сердцевиной таят недобрые замыслы. Но поблизости нет никакого лиходейства, просто Лес встревожен и рассержен.

— На меня-то за что ему сердиться? — буркнул Гимли. — Я ему худа не сделал.

— Не сделал, — подтвердил Леголас. — Но он и без тебя натерпелся. И еще... Что-то такое в этом Лесу то ли творится, то ли готовится. Чувствуешь, как замерло все кругом? Дыханье перехватывает.

— Да, душновато, — согласился гном. — Лихолесье-то ваше куда погуще будет, и дух там спертый, но не такой затхлый, и деревья не такие ветхие.

— Древний Лес, очень древний, — проговорил эльф. — Я даже словно бы помолодел, а то с вами, детишками, я сущий дед-лесовик. Древний Лес, хранилище памяти. Мне бы здесь гулять да радоваться, кабы не война.

— Тебе-то конечно, — хмыкнул Гимли. — Ты как-никак лесной эльф, хотя все вы, эльфы, и лесные, и прочие, народ чудной. Однако ты меня приободрил. Что ж, куда ты, туда и я. Ты держи лук наготове, а я приготовлю секиру. Только пусть деревья не сердятся, — поспешно добавил он, покосившись на могучий дуб, под которым они стояли, — я их пальцем не трону. Просто не хочу, чтобы тот старик, чего доброго, застал нас врасплох, вот и все. Пойдемте!

Леголас и Гимли не отставали от Арагорна, а тот шел чутьем по грудам сухой листвы, меж ворохами валежника. «Беглецов, — рассудил он, — наверняка потянет к воде», — и держался близ берега Онтавы. Так они и вышли к тому месту, где Мерри и Пин напились, вымыли ноги и оставили две пары отчетливых следов — побольше и поменьше.

— Добрая весточка, — сказал Арагорн. — Следы, правда, третьегодняшние, и похоже, что затем хоббиты пошли прочь от реки.

— Ну и как же нам быть? — спросил Гимли. — Прочесывать, что ли, весь Фангорн? Припасов у нас маловато. Хороши

мы будем, ежели хоббиты найдутся через неделю-другую: усядемся рядком и для пущего дружества вместе ноги протянем.

— Хоть ноги вместе протянем, тоже неплохо, — сказал Арагорн. — В путь!

В свой черед они подошли к отвесу Древенной горы и, запрокинув головы, разглядывали щербленые ступени, ведущие на уступ. Сквозь быстрые рваные облака пробивалось солнце, оживляя и расцвечивая унылый серый лес.

— Взберемся наверх, оглядеться бы надо! — предложил Леголас. — Трудно все-таки дышится, а там воздух посвежее.

Арагорн пропустил друзей вперед и медленно поднимался следом, тщательно осматривая ступени и выступы.

— Почти уверен, что хоббиты здесь побывали, — сказал он. — Но следов их незаметно, а чьи тут небывалые следы — ума не приложу. Ладно, оглядимся, может, что и высмотрим.

Он выпрямился во весь рост и без особой надежды окинул взглядом окрестность. Уступ был обращен на юго-восток, с хорошим восточным обзором. Но виднелись только верхушки деревьев, серо-зеленой лавиной наползавших на степь.

— Изрядного мы крюка дали, — заметил Леголас. — Свернули бы на второй или третий день к западу от Великой Реки и давным-давно все как один добрались бы досюда. Так ведь почем знать, куда тебе надо, пока не придешь.

— Нам вовсе и не надо было в Фангорн, — возразил Гимли.

— А попали мы сюда, как птички в силок, — сказал Леголас. — Посмотри!

— Куда смотреть-то?

— Вон туда, в чащу.

— Ну и что ты там углядел своими эльфийскими глазами?

— Тише ты разговаривай! Смотри, смотри, — показал Леголас. — В лесу, на тропе, которой мы шли... Это он: видишь, пробирается между деревьями.

— Ага, теперь вижу! — зашептал Гимли. — Гляди, Арагорн! Говорил я тебе? Старик, он самый, в грязном сером балахоне, потому я его сначала и не заметил.

Арагорн присматривался к согбенному путнику: тот уже вышел из лесу у склона горы. С виду старый нищий, брел он еле-еле, подпираясь суковатым посохом, брел, устало понурив голову, не глядя по сторонам. В других землях они бы окликнули его, обратились с приветливым словом, а сейчас стояли молча, напрягшись в непонятном ожидании, чуя смутную и властную угрозу.

Гимли глядел во все глаза, как согбенный старец шаг за шагом приближался, и наконец не вытерпел, крикнул сдавленным шепотом:

— Бери лук, Леголас! Целься! Это Саруман. Не давай ему рта раскрыть, а то околдует! Стреляй сразу!

Леголас нацепил тетиву — медленно, будто вопреки чьей-то воле — и нехотя извлек стрелу из колчана, но к тетиве ее не приладил.

— Чего ты дожидаешься? Что это с тобой? — яростно прошептал Гимли.

— Леголас прав, — спокойно молвил Арагорн. — Нельзя беспричинно и безрассудно убивать немощного старика, чего бы мы ни опасались, что бы ни подозревали. Подождем, посмотрим!

Между тем старец вдруг ускорил шаг, мигом оказался у подножия каменной лестницы, поднял голову и увидел безмолвных наблюдателей на уступе, но не издал ни звука.

Лицо его скрывала накидка и нахлобученная поверх нее широкополая шляпа, виднелись лишь кончик носа да седая борода. Однако Арагорну показалось, что из-под невидимых бровей сверкнули острым блеском пронзительные глаза. Наконец старик нарушил молчание.

— С добрым утром, друзья! — негромко проговорил он. — Я не прочь с вами потолковать. Может, вы спуститесь или я поднимусь к вам?

Не дожидаясь ответа, он двинулся по ступеням.

— Ну же! — вскрикнул Гимли. — Стреляй в него, Леголас!

— Сказал же я, что не прочь потолковать с вами, — настойчиво повторил старик. — Оставь в покое лук, сударь мой эльф!

Лук и стрела выпали из рук Леголаса, и плечи его опустились.

— А ты, сударь мой гном, сделай милость, не хватайся за секиру! Она тебе пока не понадобится.

Гимли вздрогнул и замер как изваяние, а старик горным козлом взлетел по ступеням — немощь его как рукой сняло. Он шагнул на уступ, сверкнув мгновенной белизной, точно белым одеянием из-под засаленной ветоши. В тишине было слышно, как Гимли с присвистом втянул воздух сквозь зубы.

— Я повторяю, с добрым утром! — сказал старик, подходя к ним. За несколько футов он остановился, тяжело опершись на посох, вытянув шею и, должно быть, оглядывая всех троих таящимися под накидкой глазами. — Что привело вас в здешние края? Эльф, человек и гном — и все одеты по-эльфийски! Наверно, вам есть о чем порассказать: здесь такое не часто увидишь.

— Судя по твоим речам, ты хорошо знаешь Фангорн? — спросил в ответ Арагорн.

— Какое там! — отозвался старик. — На это ста жизней не хватит. Но я сюда иной раз захаживаю.

— Может быть, ты назовешься, и мы выслушаем тебя? — предложил Арагорн. — Утро на исходе, а мы торопимся.

— Меня вы уже выслушали: я спросил, что вы здесь делаете и что вас сюда привело? А имя мое!..

Старик залился тихим протяжным смехом. Холод пробежал по жилам Арагорна, и он встрепенулся, но это был не холодный трепет ужаса: он точно глотнул бодрящего морозного воздуха, ему точно брызнуло свежим дождем в лицо, прерывая тяжкий сон.

— Мое имя! — повторил старик, отсмеявшись. — А вы разве еще не угадали? Кажется, вам доводилось его слышать. Да наверняка доводилось. Лучше уж вы скажите, какими судьбами вас сюда занесло.

Но никто из троих не вымолвил ни слова.

— Можно подумать, что дела у вас неблаговидные, — продолжал старик. — Но, по счастью, я о них кое-что знаю. Вы идете по следам двух юных хоббитов — так, кажется? Да, хоббитов. Не делайте вида, будто впервые слышите это слово. Вы его слышали прежде, да и я тоже. Они, хоббиты, стояли на этом самом месте позавчера и здесь повстречались... скажем так, неведомо с кем. Любопытно вам это слышать? Или вы вдобавок захотите узнать, куда они после этого делись? Ладно уж, расскажу, что знаю. Однако почему мы стоим? Не так уж вы торопитесь, как вам кажется. Давайте-ка, правда, посидим, потолкуем.

Старик повернулся и отошел к россыпи валунов и высокой скале у отвесной кручи. И сразу же, словно рассеялось волшебство, все трое воспрянули. Гимли схватился за рукоять секиры, Арагорн обнажил меч, Леголас поднял свой лук.

Ничего этого как бы не замечая, старик присел на низкий и плоский обломок; его ветхий балахон распахнулся — да, он был весь в белом.

— Саруман! — крикнул Гимли, подскочив к нему с занесенной секирой. — Говори! Говори, куда упрятал наших друзей? Что ты с ними сделал? Говори живей, колдовством не спасешься, я надвое раскрою тебе череп вместе со шляпой!

Но старик опередил его. Он вскочил на ноги, одним махом вспрыгнул на скалу и внезапно вырос, как слепящий столп, сбросив накидку вместе с балахоном. Сверкало его белое одеяние. Он воздел посох, и секира Гимли бессильно звякнула о камни. Меч Арагорна запламенел в его недрогнувшей руке. Леголас громко вскрикнул, и стрела его, полыхнув молнией, прянула в небеса.

— Митрандир! — возгласил он затем. — Это Митрандир!

— Повторяю тебе: с добрым утром, Леголас! — промолвил старец.

Пышные волосы его блистали, как горный снег, сияло белоснежное облаченье, ярко светились глаза из-под косматых бровей, и мощь была в его подъятой руке. От изумленья, ужаса и восторга все трое приросли к земле и утратили дар речи.

Наконец Арагорн обрел язык.

— Гэндальф! — воскликнул он. — Ты ли это возвратился в час нашего отчаяния? Как мог я тебя не узнать, о Гэндальф!

Гимли молча упал на колени, закрыв руками лицо.

— Гэндальф, — повторил старец, как бы припоминая давно забытое имя. — Да, так меня звали. Я был Гэндальфом.

Он сошел со скалы, поднял сброшенную серую хламиду и снова облачился в нее — будто просиявшее солнце утонуло в туче.

— Да, можете по-прежнему называть меня Гэндальфом, — сказал он, и голос его зазвучал, как прежде, стал голосом старого друга и наставника. — Встань, мой добрый Гимли! Нет за тобой вины, и вреда ты мне не нанес. Да, по правде говоря, и не мог: я неуязвим для вашего оружия. Приободритесь же! Вот мы и встретились снова, на гребне вскипевшей волны. Грядет великая буря, но эта волна спадает.

Он возложил руку на круглую голову Гимли; гном поднял глаза и внезапно рассмеялся.

— Точно, Гэндальф! — признал он. — Но почему ты в белом?

— Теперь мне пристало белое одеяние, — отвечал Гэндальф. — Можно даже сказать, что я теперь Саруман — такой, каким ему надлежало быть. Но это потом, расскажите-ка о себе! Я не тот, кого вы знали! Я сгорел в черном пламени, захлебнулся в ледяных подземных водах. Забылось многое из того, что было мне ведомо прежде, и многое ведомо заново — из того, что было забыто. Я отчетливо вижу дали, а вблизи все как в тумане. Рассказывайте о себе!

— Что ты хочешь узнать? — спросил его Арагорн. — Столько всякого приключилось с тех пор, как мы вышли из Мории; это долгая повесть. Скажи нам сперва про хоббитов — ты нашел их, они целы и невредимы?

— Нет, я их не нашел и не искал, — покачал головой Гэндальф. — Долины Привражья были покрыты мглой, и я не знал, что их захватили в плен, пока орел не сказал мне об этом.

— Орел! — воскликнул Леголас. — Я видел орла в дальней выси: последний раз над Привражьем, четвертого дня.

— Да, — подтвердил Гэндальф, — это был Гваигир Встробой, тот, что вызволил меня из Ортханка. Я послал его в дозор, следить за Великой Рекой и разведать новости. Немало, однако,

укрылось от его орлиного глаза в лесах и лощинах, и то, чего он не увидел, потом разузнал я сам. Хранитель Кольца ушел далеко, и подмоги ему не будет ни от меня, ни от вас. Черный Властелин едва не отыскал свое орудие всевластья, но этого не случилось, отчасти и потому, что я из заоблачных высей противился его непреклонной воле и отвел ее от Кольца: Тень пронеслась мимо. Но я тогда обессилел, совсем обессилел и долго потом блуждал во мраке забвенья.

— Значит, про Фродо ты все знаешь! — обрадовался Гимли. — Где он, что с ним?

— Этого я не знаю. Он избегнул страшной опасности, но впереди его ждут другие, еще пострашнее. Он решился один-одинешенек идти в Мордор и отправился в путь — вот все, что мне известно.

— Не одинешенек, — сказал Леголас. — Похоже, Сэм увязался за ним.

— Вот как! — Гэндальф улыбнулся, и глаза его блеснули. — Увязался, значит? Это для меня новость, впрочем, предвиденная. Хорошо! Хорошо, что это сбылось! Мне стало легче на сердце. Присядьте и расскажите подробнее о своих злоключениях.

Друзья уселись у его ног, и Арагорн повел рассказ. Гэндальф долго слушал молча, прикрыв глаза и положив руки на колени, и вопросов не задавал. И лишь когда Арагорн поведал о гибели Боромира и о скорбном отплытии его праха по Великой Реке, старик вздохнул.

— Ты сказал не все, что знаешь или о чем догадался, друг мой Арагорн, — мягко заметил он. — Бедняга Боромир! А я-то недоумевал, что с ним приключилось. Трудное выпало испытание ему, прирожденному витязю и военачальнику. Галадриэль говорила мне, что с ним неладно. Но он победил себя — честь ему и хвала. Значит, недаром мы взяли с собой юных хоббитов — даже если только ради Боромира. На самом же деле — не только ради него. Орки, на свою беду, дотащили их до Фангорна... да, мелкие камушки обрушивают горный обвал. Далекий гул его слышен уже сейчас — и горе Саруману, если он не успеет укрыться от лавины за крепостными стенами!

— В одном ты вовсе не изменился, дорогой друг, — сказал ему Арагорн. — Ты по-прежнему говоришь загадками.

— Да? Разве? — отозвался Гэндальф. — Нет, я просто говорил вслух сам с собой. Стариковский обычай: избирай собеседником мудрейшего — молодежи слишком долго все объяснять.

Он рассмеялся, но теперь и смех его был ласков, как теплый солнечный луч.

— Меня молодым не назовешь, даже в сравненье с короля-

ми древности, — возразил Арагорн. — Ты разъясни, попробуй, а я постараюсь понять.

— Как же мне вам разъяснить, чтоб всем троим было понятно? — призадумался Гэндальф. — Ладно, попробую — вкратце и как нельзя проще. Враг, разумеется, давно уже выведал, что Кольцо в наших руках и что оно доверено хоббиту. Он знает, сколько нас отправилось в путь из Раздола, знает, кто мы такие, про всех и каждого. Покамест неведома ему лишь наша цель. Он думает, что все мы держим путь в Минас-Тирит, ибо так он поступил бы на нашем месте. И поступил бы мудро, подрывая и умаляя враждебную мощь. Сейчас он в великом страхе ждет внезапного появления неведомого и могучего недруга, который наденет Кольцо, дабы низвергнуть его былого Властелина и самому воцариться на черном троне. Что мы хотим лишь низвергнуть, а не заменить его — это превыше его разумения. Что мы хотим уничтожить Кольцо — это ему и в самом страшном сне не приснится. Таков неверный залог нашей удачи, зыбкое основание надежды. Опережая призрак, он поспешил с войной: ведь если первый удар — смертельный, то второго не надо. И вот по мановению его зашевелились — раньше намеченного — давно и втайне снаряжавшиеся полчища. Мудрый глупец! Ему бы всеми силами охранять Мордор, чтоб туда муха не залетела, и всеми средствами охотиться за Кольцом — и не было бы у нас никакой надежды: с помощью самого Кольца он быстро отыскал бы его Хранителя. Но взор его рыщет за пределами Мордора и вперяется в Минас-Тирит. Скоро, очень скоро на Гондор обрушится грозная буря.

Ибо уже известно ему, что лазутчики, высланные наперехват Хранителям, сгинули без следа. Кольцо не отыскалось. И заложников-хоббитов ему не доставили. Если бы удалось хоть это, судьба наша повисла бы на волоске. Но не стоит бередить сердце ужасами испытаний, ожидавших хрупкую стойкость наших малышей в застенках Черного Замка. Пока что планы Врага сорвались — благодаря Саруману.

— Так, значит, Саруман — не предатель? — удивился Гимли.

— Предатель, конечно, — сказал Гэндальф. — Вдвойне предатель. Ну не чудеса ли! Из наших недавних горестей горше всего казалась нам измена Сарумана; к тому же, сделавшись владыкой и воеводой, он большую силу набрал. Он сковал угрозой Мустангрим, и отсюда не шлют дружины в Минас-Тирит, на защиту от нашествия с востока. Но изменник всегда сам себе петлю вьет. Саруман возмечтал овладеть Кольцом или же захватить хоббитов и выпытать у них всю подноготную. А удалось ему на пару с Сауроном всего лишь вихрем домчать Мерри и Пина к Фангорну, и они как раз вовремя оказались там, куда бы иначе нипочем не попали!

А обоюдные подозрения путают их планы. В Мордоре о битве у опушки ничего не знают, спасибо ристанийским конникам; зато известно, что в Привражье были захвачены в плен два хоббита и что их умыкнули в Изенгард вопреки веленью Черного Властелина. Теперь ему надо остерегаться Изенгарда в придачу к Минас-Тириту. И если Минас-Тирит падет, худо придется Саруману.

— Как жаль, что наши друзья поневоле мешают им сцепиться! — заметил Гимли. — Будь Изенгард и Мордор соседями, дрались бы они между собой, а нам было бы легче разделаться с обессиленным победителем.

— Мощь победителя возросла бы вдвое, а сомнения исчезли бы, — возразил Гэндальф. — Да и куда Изенгарду воевать с Мордором — разве что Саруман прибрал бы к рукам Кольцо, но теперь это ему больше не грозит. Он и сам еще не ведает, в какую петлю угодил. Вообще ему многое невдомек. Он так спешил ухватить добычу, что не усидел дома, вышел навстречу своим лазутчикам. Но опоздал: лишь куча пепла осталась от его свирепой своры. Недолго он здесь бродил. Его сомнения и помыслы ясны мне до смешного. В лесной науке он не смыслит: что ему Фангорн! Он решил, что конники перебили всех без разбора и спалили все трупы, а были с орками пленники или нет — это ему неизвестно. Он ничего не ведает ни о распре своих молодцов с посланцами Мордора, ни о Крылатом Супостате.

— Какой еще Крылатый Супостат! — перебил Леголас. — Я его подстрелил из лориэнского лука над Взгорным Перекатом; он рухнул в воду. Нагнал он на нас страху. А что это было за чудище?

— Это чудище стрелой не достанешь, — сказал Гэндальф. — Ты спешил всадника, добро тебе, но он опять верхом. Это назгул, один из Девятерых, они теперь носятся на крылатых тварях. Скоро эти невиданные чудища, черной тучей затмевая небеса, нависнут над последними ратями Запада, и ужас оледенит сердца наших воинов. Но пока что им не велено перелетать за Великую Реку, и Саруман еще не проведал о новом обличье Кольценосцев. В мыслях у него одно Кольцо: а вдруг его нашли на поле брани? Что, если оно теперь у Теодена, конунга Мустангрима, что, если он распознает Кольцо и сумеет им воспользоваться? Это страшит Сарумана больше всего, потому он и кинулся назад в Изенгард, чтобы удвоить и утроить натиск на Ристанию. А угроза таится вовсе не там, куда обращен его воспаленный взор. Угроза у него под боком: про Древня-то он и думать забыл.

— Ты опять говоришь сам с собой, — улыбнулся Арагорн. —

Я не знаю, кто такой Древень. О двойном предательстве Сарумана я догадался, но какой прок в том, что судьба забросила хоббитов в Фангорн, а мы попусту сбились с ног и потеряли время?

— Погоди, погоди! — вмешался Гимли. — Я сперва хочу про другое спросить. Вчера-то вечером кто был на опушке — ты, Гэндальф, или же Саруман?

— Меня там вчера вечером не было, — отвечал Гэндальф, — стало быть, вы видели Сарумана. Должно быть, мы так схожи, что ты недаром покушался раскроить надвое мою шляпу.

— Ладно, ладно! — сказал Гимли. — Я рад, что это был не ты.

— Еще бы, о досточтимый гном, — опять рассмеялся Гэндальф. — Приятно все-таки хоть в чем-то не ошибиться. Мне ли, увы, этого не знать? Но ты не подумай, я на тебя ничуть не в обиде за приветливую встречу. Разве не я всегда твердил друзьям, чтобы они на всякий случай опасались собственной тени? Так что хвала тебе, Гимли, сын Глоина! Может быть, тебе однажды доведется увидеть рядом меня и Сарумана — тогда и разберешься.

— О хоббитах речь! — напомнил Леголас. — Мы прибежали сюда сломя голову их выручать, а ты, оказывается, знаешь, где они? Говори, где!

— Там же, где Древень и прочие онты, — отвечал Гэндальф.

— Онты! — повторил Арагорн. — Значит, не врут старые небылицы об исполинах-древопасах из лесной глуши? Есть еще онты на белом свете? А я думал, это обманный отзвук былых дней или просто ристанийские байки.

— Ристанийские! — воскликнул Леголас. — Да любой тебе эльф в Глухоманье слышал и помнит жалобные песни про онодримское разлучение! Но даже и для нас это древние были. Вот бы мне встретить живого онта, тогда бы я и вправду помолодел! Но «Древень» — это же «Фангорн» на всеобщем языке, а ты ведь говорил не о Лесе. Кто такой Древень?

— Ну и вопрос, — вздохнул Гэндальф. — Я о нем совсем немного знаю, а начни я рассказывать, и этой незатейливой повести конца не будет видно. Древень — это и есть Фангорн, главный здешний лесовод, извечный обитатель Средиземья. А знаешь, Леголас, возможно, ты с ним еще и встретишься. Вот Мерри с Пином повезло: они на него наткнулись прямо здесь, где мы сидим. Третьего дня он унес их к себе в гости на другой конец Леса, к горным подножиям. Он сюда частенько захаживает, когда ему неспокойно, а нынешние слухи один другого тревожней. Я видел его четверо суток назад: он бродил по лесу и, кажется, заметил меня, даже остановился, но я не стал с ним

заговаривать: меня угнетали мрачные мысли, и я был изнурен поединком с Оком Мордора. Он промолчал и не окликнул меня.

— Наверно, он тоже принял тебя за Сарумана, — предположил Гимли. — Но ты о нем говоришь так, точно это друг. А вроде бы Фангорна надо остерегаться?

— Остерегаться! — усмехнулся Гэндальф. — Меня тоже надо остерегаться: опасней меня ты в жизни никого не встретишь, разве что тебя приволокут живьем к подножию трона Черного Владыки. И Арагорна надо остерегаться, и Леголаса. Поберегись, Гимли, сын Глоина, да и тебя тоже пусть поберегутся! Конечно, Фангорн-Лес опасен — особенно для тех, кто размахивает топорами, и опасен лесной страж Фангорн, однако же мудрости и доброты ему не занимать. Веками копились его обиды, чаша терпения переполнилась, и весь Лес напоен гневом. Хоббиты с их новостями расплескали чашу и обратили гнев на Сарумана, на изенгардских древорубов. И будет такое, чего не бывало со Дней Предначальных: смирные онты, воспрянув, познают свою непомерную силу.

— А что они могут? — изумленно спросил Леголас.

— Не знаю, — сказал Гэндальф. — Если бы я знал! Должно быть, и сами они этого не ведают.

Он замолчал, низко склонив голову.

Друзья не сводили с него глаз. Проглянувшее солнце озарило его руки и наполнило пригоршни светом, словно живую чашу. Он обратил лицо к небесам.

— Близится полдень, — сказал он. — Пора в путь.

— Пойдем туда, где сейчас Древень и хоббиты? — спросил Арагорн.

— Нет, — отвечал Гэндальф. — Наш путь не туда лежит. Я вас обнадежил, но от надежды до победы как до звезды небесной. Война зовет нас; все наши друзья уже сражаются. Верную победу в этой войне сулит одно лишь Кольцо. Скорбь и тревога обуревают меня, ибо впереди великие утраты, а может статься, и всеобщая гибель. Я — Гэндальф, Гэндальф Белый, но черные силы ныне превозмогают.

Он поднялся и устремил на восток пристальный взор из-под ладони, вглядываясь в непроницаемую даль. И покачал головой.

— Нет, — сказал он тихо, — его уже не вернуть, порадуемся хотя бы этому. Кольцо перестало быть для нас искушеньем. Мы пойдем навстречу отчаянию и гибели, но эта смертельная опасность миновала. — Он обернулся. — Мужайся, Арагорн, сын Араторна! В долине Привражья, в горестный час ты выбрал свой жребий: не сожалей о выборе, не называй вашу погоню тщетной. В тяжком сомнении ты избрал путь, указанный совестью. Ты поступил правильно, и награда не замедлила: мы с тобой

встретились вовремя — беда, если бы разминулись. Спутники твои как хотят; они свое исполнили. Тебе же должно спешить в Эдорас, к трону Теодена, и да заблещет ярче всех молний меч твой Андрил, стосковавшийся по сече! Ристания охвачена войной, но страшнее войны — немощь Теодена.

— Значит, мы больше никогда не увидим веселых малышей-хоббитов? — спросил Леголас.

— Я этого не говорил, — сказал ему Гэндальф. — Почем знать! Иди туда, где ты нужен, наберись терпенья и не теряй надежды. Итак, в Эдорас! Мне с вами пока по пути.

— Пешему путнику — и старому, и молодому — долго отсюда брести до Эдораса, — сказал Арагорн. — Пока мы дойдем, все битвы уже отгремят.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал Гэндальф. — Так ты идешь со мной?

— Да, мы пойдем вместе, — ответил Арагорн. — Но ты, конечно, опередишь меня, если захочешь.

Он поднялся и долгим взглядом посмотрел на Гэндальфа. Они стояли друг против друга, и в молчании наблюдали за ними Леголас и Гимли. Суров, как серое каменное изваяние, высился Арагорн, сын Араторна, держа руку на мече; казалось, величавый исполин явился из-за морей на берег своей державы. А перед ним ссутулился согбенный годами старец, весь в белом сиянии, наделенный властью превыше царей земных.

— Поистине сказал я, Гэндальф, — произнес наконец Арагорн, — что ты всегда и везде опередишь меня, если захочешь. И скажу еще вот что: ты — ниспосланный нам предводитель. У Черного Владыки Девятеро приспешников. Но властительней, чем они все, наш Белый Всадник. Он прошел сквозь огонь, бездна не поглотила его, и они рассеются перед ним. А мы пойдем вслед за ним, куда он нас поведет.

— Втроем не отстанем, — подтвердил Леголас. — Только все-таки, Гэндальф, расскажи ты нам, что выпало на твою долю в Мории? Неужто не расскажешь? Велико ли промедленье, а на сердце у друзей как-никак полегчает!

— Я уж и так промедлил, а время не ждет, — сказал Гэндальф. — Да и рассказов тут хватит на год с лишним.

— На год с лишним не надо, а полчаса можно, — попросил Гимли. — Расскажи хотя бы, как ты разделался с Барлогом.

— Не именуй его! — Гэндальф вздрогнул, лицо его мертвенно посерело, и он застыл в молчании. — Падал я очень долго, — наконец выговорил он, припоминая как бы через силу. — Я очень долго падал, а тот падал вместе со мной и опалил меня своим огнем до костей. Потом нас поглотили черные воды, и замогильный мрак оледенил мое сердце.

— Бездонна пропасть под Мостом Дарина, и несть ей меры, — глухо произнес Гимли.

— Она не бездонна, она лишь неимоверна, — сказал Гэндальф. — И, однако ж, я достиг ее дна, последней каменной глуби. Но он был со мной; лишившись огня, он сделался скользким и могучим, как огромный удав.

И там, в заподземном глухом тупике, мы продолжали бой. Он сдавливал меня змеиной хваткой, а я разил его мечом, и он бежал от меня по извилистым узким проходам, не кирками народа Дарина прорубленным, о Гимли, сын Глоина. Так глубоко не забирался ни один гном; каменные корневища гор источены безымянными тварями, неведомыми самому Саурону, ибо они древнее его. О тамошнем кромешном ужасе я молчу, чтоб не омрачить дневной свет. Выбраться оттуда я мог лишь вслед за врагом; я гнался за ним по пятам, и волей-неволей он вывел меня наконец к потайным ходам Казад-Дума: вверх и вверх вели они, и мы очутились на Бесконечной Лестнице.

— О ней уж и память изгладилась, — вздохнул Гимли. — Одни говорят, что это сказка, другие — что Лестницу давным-давно разрушили.

— Это не сказка, и давным-давно ее не разрушили. В ней много тысяч ступеней, и винтом восходит она от каменных подземелий к Башне Дарина, вытесанной в остроконечной скале, вершине Зиракзигила, иначе Среброга, Келебдора по-среднеэльфийски.

Там, за одиноким окном, прорезью в оснеженном льду, был узкий выступ, точно орлиное гнездовье над мглистым покровом гор. Сверху ярилось солнце, внизу залегли облака. Я выпрыгнул наружу вслед за ним, а он вспыхнул огненной головней. Ничьи глаза не видели этого Поединка на Вершине Вершин, а то бы песни о нем, может статься, пережили века. — И Гэндальф вдруг рассмеялся. — Но о чем тут слагать песни? Издали заметили только страшную грозу на вершине Келебдора: грохотал, говорят, гром, и молния за молнией разрывались лоскутьями пламени. Может, для песен и этого хватит? Дым стоял над нами столбом, клубился смрадный пар, сыпалось ледяное крошево. Я одолел врага; он низвергся с заоблачных высот, в паденье обрушивая горные кручи. Но тьма объяла меня, и я блуждал в безначальном безвременье, путями, тайна которых пребудет нерушима.

Нагим меня возвратили в мир — ненадолго, до истечения сроков. И очнулся я на вершине горы. Ни окна, ни самой Башни не было; Лестницу загромоздили груды обожженных каменьев. Я лежал один, не чая спасенья и помощи ниоткуда, на кремнистой крыше мира. Надо мною вершился звездный круго-

ворот, и дни казались мне веками. Я внимал смутному, слитному ропоту земного бытия: предсмертным крикам и воплям рожениц, застольным песням и погребальному плачу и медленным, тяжким стонам утомленного камня. И прилетел Гваигир Ветробой; он меня поднял и понес неведомо куда.

«Ты поистине друг в беде, а я — твое вечное бремя», — сказал я ему.

«Был ты когда-то бременем, — проклекотал он, — но нынче ты не таков. Лебединое перышко несу я в своих когтях. Солнечные лучи пронизывают тебя. И я тебе больше не нужен: отпущу — и ты поплывешь с потоками ветра».

«Не надо, не отпускай! — попросил я, понемногу возвращаясь к жизни. — Отнеси меня лучше в Кветлориэн!»

«Так мне и повелела Владычица Галадриэль, высылая меня за тобою», — отвечал он.

И принес он меня в Галадхэн, откуда вы недавно перед тем отплыли. Вы знаете, время там не старит, а целит, и я исцелился. Меня облачили в белые одежды. Я был советчиком и принимал советы. Необычной дорогой пришел я оттуда и принес вам устные посланья. Арагорну сказано так:

> На сумеречном Севере блесни, Эльфийский Берилл!
> Друзей призови к оружию и родичей собери.
> Они увидят, услышат — и откликнутся все, кто жив, —
> И Серая выйдет Дружина на южные рубежи.
> Тебе же сужден одинокий и непомерный труд:
> Прямую дорогу к Морю мертвые стерегут.

А тебе, Леголас, Галадриэль передала вот что:

> Царевич из Лихолесья! Под сенью лесной
> Жил ты себе на радость. Но потеряешь покой!
> Возгласы быстрых чаек и рокот прибрежной волны
> Станут тебе отрадней возлюбленной тишины.

Гэндальф замолк и прикрыл глаза.

— А мне, значит, ничего нет? — спросил Гимли и повесил голову.

— Темны слова ее, — сказал Леголас. — Моему уху они ничего не говорят.

— Для меня это не утешение, — буркнул Гимли.

— Тебе что, больше всех надо? Хочешь, чтобы она предрекла твою гибель?

— Да, хочу, если больше ей нечего мне передать.

— О чем вы там? — спросил Гэндальф. — Нет, моему уху обращенные к вам слова кое-что говорят. Прошу прощенья, Гимли! Я просто сызнова обдумывал эти два ее послания. Но есть и третье, не туманное и не скорбное.

— «Гимли, сыну Глоина, — сказала она, — поклон от его Дамы. Хранитель моей пряди, мысли мои неотлучно следуют за тобой. Да не остынет твоя доблесть, и пусть рубит твоя секира лишь то, что до́лжно рубить!»

— В добрый час ты вернулся к нам, Гэндальф! — возгласил Гимли и пустился в пляс под диковатый напев на гномьем языке. — Ну, теперь держитесь! — кричал он, вертя топором над головой. — С Гэндальфом я, конечно, дал маху, но уж в следующий раз рубанем кого надо на славу!

— Следующего раза недолго ждать, — пообещал Гэндальф, вставая с камня. — Что ж, поговорили — и будет с нас на первый случай. Пора в путь!

Он снова завернулся в свою ветхую хламиду и пошел первым. Молча и быстро спустились они с горы, добрались до Онтавы и берегом вышли к опушке, на лужайку под развесистым дубом. Лошадей было по-прежнему не видать и не слыхать.

— Не возвратились они, — заметил Леголас. — Пешком побредем.

— Некогда мне пешком ходить, — сказал Гэндальф. Он задрал голову и засвистел так пронзительно-звонко, что все на него обернулись — неужто свист этот издал благообразный старец с пышной бородой? Он просвистел трижды; им почудилось, будто восточный ветер донес издалека ржание лошадей, и они изумленно прислушались. Арагорн лег, приложил ухо к земле и почуял дальнее содрогание; вскоре оно превратилось в цокот быстрых копыт, стучавших все четче и ближе.

— Скачет не одна лошадь, — сказал Арагорн.

— Конечно, не одна, — отозвался Гэндальф. — Одной на четверых маловато.

— Их три! — воскликнул Леголас, вглядываясь в степную даль. — Вот скачут так скачут! Да это Хазуфел, и Арод мой с ним! Но третий мчится впереди: огромный конь, я таких в жизни не видывал.

— И не увидишь, — молвил Гэндальф. — Это Светозар, вожак царственного табуна Бэмаров, такой конь в диковинку самому конунгу Теодену. Видишь, он блещет серебром, а бег его плавен, точно живой ручей! Конь под стать Белому Всаднику, мой соратник в грядущих битвах.

Так говорил старый маг, и пышногривый красавец конь на скаку появился вдали, весь в серебряных бликах. Хазуфел и Арод поотстали, а Светозар приблизился легкой рысью, стал, склонил горделивую шею и положил голову на плечо старика. Гэндальф ласково потрепал его по холке.

— Далек был путь от Раздола, друг мой, — сказал он, — но ты не промедлил и примчался в самую пору. Теперь поскачем

вместе и уж более не разлучимся до конца дней! Мы спешим в Медусельд, в тронный чертог вашего господина, — обратился Гэндальф к двум другим коням, стоявшим поодаль как бы в ожидании. Они понятливо склонили головы. — Время наше на исходе. Позвольте, друзья мои, мы поедем верхом, и просим вас бежать со всею резвостью. Седок Хазуфела — Арагорн, Арода — Леголас. Гимли я посажу перед собою: надеюсь, Светозару будет не в тягость двойная ноша. Тронемся в путь немедля, только напьемся воды у Онтавы.

— Теперь хоть я понимаю, что случилось ночью, — сказал Леголас, взлетев на коня. — Сначала их, может быть, и спугнули, а потом они с радостным ржанием понеслись навстречу своему вожаку Светозару. Ты знал, что он неподалеку, Гэндальф?

— Знал, — ответил маг. — Я устремил к нему мысль и призывал его поспешить, ибо вчера еще он был далеко на юге. А нынче помчится обратно — серебряной стрелой!

Гэндальф склонился к уху Светозара, и тот прянул с места, оглянувшись на собратьев, круто свернул к Онтаве, мигом отыскал покатый береговой спуск и брод, пересек реку и поскакал на юг по безлесной плоской равнине, колыхавшей от края до края серые травяные волны. Ни дорог, ни тропинок не было и в помине, но Светозар несся, точно летел над землей.

— Скачет напрямик на Эдорас, к подножиям Белых гор, — объяснил Гэндальф. — Так, конечно, быстрее. Есть туда и наезженная дорога, она осталась за рекой, в Остемнете, и сильно забирает на север, а здесь бездорожье, но Светозар каждую кочку знает.

Тянулись дневные часы, а они все ехали приречьем, заболоченными лугами. Высокая трава порой охлестывала колени всадников, и кони их словно плыли в серо-зеленом море. Ехали, минуя глубокие промоины и коварные топи среди зарослей осоки; Светозар скакал как посуху, и оба других коня поспешали за ним след в след.

Солнце медленно клонилось к западу; далеко-далеко, за бескрайней равниной, трава во всю ширь занялась багрянцем, и, надвинувшись, озарились багровым отсветом склоны гор. А снизу подымалось и кровянило солнечный диск меж горами дымное облако: закат пламенел как пожар.

— Это Врата Ристании, — объявил Гэндальф, — они прямо к западу от нас. А вон там, севернее, Изенгард.

— Дым валит тучей, — пригляделся Леголас. — Там что, большой пожар?

— Большая битва! — сказал Гэндальф. — Вперед!

Глава VI

КОНУНГ В ЗОЛОТОМ ЧЕРТОГЕ

Закат догорел, понемногу смерклось, потом сгустилась ночная тьма. Они скакали во весь опор; когда же наконец остановились, чтоб дать отдых лошадям, то даже Арагорн пошатнулся, спешившись. Гэндальф объявил короткий ночлег. Леголас и Гимли разом уснули; Арагорн лежал на спине, раскинув руки; лишь старый маг стоял, опершись на посох и вглядываясь в темноту на западе и на востоке. В беззвучной ночи шелестела трава. Небо заволокло, холодный ветер гнал и рвал нескончаемые облака, обнажая туманный месяц. Снова двинулись в путь, и в жидком лунном свете кони мчались быстро, как днем.

Больше не отдыхали; Гимли клевал носом и наверняка свалился бы с коня, если б не Гэндальф: тот придерживал и встряхивал его. Хазуфел и Арод, изнуренные и гордые, поспевали за своим вожаком, за серой елью заметной тенью. Миля за милей оставались позади; бледный месяц скрылся на облачном западе.

Выдался знобкий утренник. Мрак на востоке поблек и засерел. Слева, из-за дальних черных отрогов Привражья, брызнули алые лучи. Степь озарил яркий и чистый рассвет; на их пути заметался ветер, вороша поникшую от холода траву. Внезапно Светозар стал как вкопанный и заржал. Гэндальф указал рукой вперед.

— Взгляните! — крикнул он, и спутники его подняли усталые глаза. Перед ними возвышался южный хребет — круговерхие белые громады, изборожденные рытвинами. Зеленело холмистое угорье, и прилив степной зелени устремлялся в глубь могучей гряды — клиньями еще объятых темнотой долин. Взорам открылась самая просторная и протяженная из них. Она достигала горного узла со снежной вершиной, а широкое устье разлога стерегла отдельная гора за светлым речным витком. Еще неблизкое ее взлобье золотилось в утренних лучах.

— Ну, Леголас! — сказал Гэндальф. — Поведай нам, что ты видишь!

Леголас заслонил глаза от рассиявшегося солнца.

— Я вижу, со снеговых высей, блистая, бежит поток, исчезает в разлоге и возникает из мглы у подошвы зеленой горы, близ восточной окраины дола. Гора обнесена мощной стеной, остроконечной оградой и крепостным валом. Уступами вздымаются крыши домов; венчает крепость круглая зеленая терраса с высоким дворцом. Кажется, он крыт золотом — так и сияет.

И дверные столбы золотые. У дверей стража в сверкающих панцирях; во всей крепости никакого движения — видно, еще спят.

— Крепость называется Эдорас, — сказал Гэндальф, — а златоверхий дворец — Медусельд. Это столица Теодена, сына Тенгела, властителя Мустангрима. Хорошо, что мы подоспели к рассвету. Вот она, наша дорога. А ехать надо с оглядкой — время военное, и коневоды-ристанийцы не спят и не дремлют, мало ли что издали кажется. Не прикасаться к оружию и держать языки на привязи — это я всем говорю, да и себе напоминаю. Надо, чтобы нас добром пропустили к Теодену.

Стояло хрустальное утро, и птицы распевали вовсю, когда они подъехали к реке. Она шумно изливалась в низину, широким извивом пересекая их путь и унося свои струи на восток, к камышовым заводям Онтавы. Сырые пышные луговины и травянистые берега заросли ивняком, и уже набухали, по-южному рано, густо-красные почки. Мелкий широкий брод был весь истоптан копытами. Путники переправились и выехали на большую колеистую дорогу, ведущую к крепости мимо высоких курганов у подошвы горы. Их зеленые склоны с западной стороны подернуло точно снегом звездчатыми цветочками.

— Смотрите, — сказал Гэндальф, — как ярко они белеют! Называются поминальники, по-здешнему *симбельмейны,* кладбищенские цветы, и цветут они круглый год. Да-да, это все могильники предков Теодена.

— Семь курганов слева, девять — справа, — подсчитал Арагорн. — Много утекло жизней с тех пор, как был воздвигнут золотой чертог.

— У нас в Лихолесье за это время пять сотен раз осыпались красные листья, — сказал Леголас, — но, по-нашему, это не срок.

— Это по-вашему, а у мустангримцев другой счет времени, — возразил Арагорн. — Лишь в песнях осталась память о том, как построили дворец, а что было раньше, уж и вовсе не помнят. Здешний край они называют своей землей, и речь их стала невнятна для северных сородичей.

Он завел тихую песню на медлительном языке, неведомом ни эльфу, ни гному, но им обоим понравился ее протяжный напев.

— Послушать, так ристанийское наречие, — сказал Леголас, — и правда, звучит по-здешнему, то красно и раздольно, то жестко и сурово: степь и горы. Но я, конечно, ничего не понял. Слышится в песне печаль о смертном уделе.

— На всеобщий язык, — сказал Арагорн, — это можно перевести примерно так:

Где ныне конь и конный? Где рог его громкозвучащий?
Где его шлем и кольчуга, где лик его горделивый?
Где сладкозвучная арфа и костер, высоко горящий?

Где весна, и зрелое лето, и золотистая нива?
Отгремели горной грозою, отшумели степными ветрами,
Сгинули дни былые в закатной тени за холмами.
С огнем отплясала радость, и с дымом умчалось горе,
И невозвратное время не вернется к нам из-за Моря.

Такое поминанье сочинил давно забытый ристанийский песенник в честь Отрока Эорла, витязя из витязей: он примчался сюда с севера, и крылья росли возле копыт его скакуна Феларофа, прародителя нынешних лошадей Мустангрима. Вечерами, у костров, эту песню поют и поныне.

За безмолвными курганами дорога вкруговую устремилась вверх по зеленому склону и наконец привела их к прочным обветренным стенам и крепостным воротам Эдораса.

Возле них сидели стражи, числом более десятка; они тотчас повскакивали и преградили путь скрещенными копьями.

— Ни с места, неведомые чужестранцы! — крикнули они по-ристанийски и потребовали затем назвать себя и изъяснить свое дело. Изумление было в их взорах и ни следа дружелюбия; на Гэндальфа они глядели враждебно.

— Добро вам, что я понимаю ваш язык, — отозвался тот на их наречии, — но странники знать его не обязаны. Почему вы не обращаетесь на всеобщем языке, как принято в западных землях?

— Конунг Теоден повелел пропускать лишь тех, кто знает по-нашему и с нами в дружбе, — отвечал самый видный из стражей. — В дни войны к нам нет входа никому, кроме мустангримцев и гондорцев, посланцев Мундбурга. Кто вы такие, что безмятежно едете в диковинном облаченье по нашей равнине верхом на конях, как две капли воды схожих с нашими? Мы стоим на часах всю ночь и заметили вас издалека. В жизни не видели мы народа чуднее вас и коня благородней того, на котором вы сидите вдвоем. Он из табуна Бэмаров — или же глаза наши обмануты колдовским обличьем. Ответствуй, не ведьмак ли ты, не лазутчик ли Сарумана, а может, ты чародейный призрак? Говори, ответствуй немедля!

— Мы не призраки, — отвечал за Гэндальфа Арагорн, — и глазам своим можете верить. Что кони это ваши — знаете сами, нечего и спрашивать зря. Однако же редкий конокрад пригоняет коня хозяевам. Это вот Хазуфел и Арод. Эомер, Третий Сенешаль Мустангрима, одолжил их нам двое суток назад. Мы их доставили в срок. Разве Эомер не вернулся и вас не предупредил?

Страж, как видно, смутился.

— Об Эомере у нас речи не будет, — молвил он, отводя глаза. — Если вы говорите правду, то конунга, без сомнения, надо оповестить. Пожалуй, вас, и то сказать, поджидают. Как

раз две ночи назад к нам спускался Гнилоуст, именем Теодена он не велел пропускать ни единого чужестранца.

— Гнилоуст? — сказал Гэндальф, смерив его строгим взглядом. — Тогда больше ни слова! До Гнилоуста мне дела нет, дела мои — с повелителем Мустангрима. И дела эти спешные. Пойдешь ты или пошлешь объявить о нашем прибытии?

Глаза его сверкнули из-под косматых бровей; он сурово нахмурился.

— Пойду, — угрюмо вымолвил страж. — Но о ком объявлять? И как доложить о тебе? С виду ты стар и немощен, а сила в тебе, по-моему, страшная.

— Верно ты углядел и правильно говоришь, — сказал маг. — Ибо я — Гэндальф. Я возвратился. И, как видишь, тоже привел коня, Светозара Серебряного, не подвластного ничьей руке. Рядом со мной Арагорн, сын Араторна, наследник славы древних князей, в Мундбург лежит его дорога. А это эльф Леголас и гном Гимли, испытанные наши друзья. Ступай же, скажи своему подлинному господину, что мы стоим у ворот и хотим говорить с ним, если он допустит нас в свой чертог.

— Чудеса, да и только! — пожал плечами страж. — Ладно, будь по-твоему, я доложу о вас конунгу, а там воля его. Погодите немного, я скоро вернусь с ответом. Очень-то не надейтесь, время нынче недоброе.

И страж удалился быстрыми шагами, препоручив чужестранцев надзору своих сотоварищей. Вернулся он и взаправду скоро.

— Следуйте за мною! — сказал он. — Теоден допускает вас к трону, но всякое оружие, будь то даже посох, вам придется сложить у дверей. За ним приглядит охрана.

Негостеприимные ворота приоткрылись, и путники вошли по одному вслед за своим вожатым. В гору поднималась извилистая брусчатая улица: то плавные изгибы, то короткие лестницы, выложенные узорными плитами. Они шли мимо бревенчатых домов, глухих изгородей, запертых дверей, возле переливчатого полноводного ручья, весело журчавшего в просторном каменном желобе. Выйдя к вершине горы, они увидели, что над зеленой террасой возвышается каменный настил, из него торчала искусного ваяния лошадиная голова, извергавшая прозрачный водопад в огромную чашу; оттуда и струился ручей. Длинная и широкая мраморная лестница вела ко входу в золотой чертог; по обе стороны дверей были каменные скамьи для телохранителей конунга: они сидели с обнаженными мечами на коленях. Золотистые волосы, перехваченные тесьмой, ниспадали им на плечи; зеленые щиты украшал солнцевидный герб; их

длинные панцири сверкали зеркальным блеском. Они поднялись во весь рост и казались на голову выше простых смертных.

— Вам туда, — сказал вожатый. — А мне — обратно, к воротам. Прощайте! Да будет милостив к вам повелитель Мустангрима!

Он повернулся и, точно сбросив бремя, легко зашагал вниз. Путники взошли по длинной лестнице под взглядами молчаливых великанов-часовых и остановились у верхней площадки. Гэндальф первым ступил на мозаичный пол, и сразу же звонко прозвучало учтивое приветствие по-ристанийски.

— Мир вам, пришельцы издалека! — промолвили стражи и обратили мечи рукоятью вперед. Блеснули зеленые самоцветы. Потом один из часовых выступил вперед и заговорил на всеобщем языке:

— Я Гайма, главный телохранитель Теодена. Прошу вас сложить все оружие здесь у стены.

Леголас вручил ему свой кинжал с серебряным черенком, колчан и лук.

— Побереги мое снаряжение, — сказал он. — Оно из Золотого Леса, подарок Владычицы Кветлориэна.

Гайма изумленно вскинул глаза и поспешно, с видимой опаской сложил снаряжение возле стены.

— Можешь быть спокоен, никто его пальцем не коснется, — пообещал он.

Арагорн медлил и колебался.

— Нет на то моей воли, — сказал он, — чтобы расставаться с мечом и отдавать Андрил в чужие руки.

— На то есть воля Теодена, — сказал Гайма.

— Вряд ли воля Теодена, сына Тенгела, хоть он и повелитель Мустангрима, указ для Арагорна, сына Араторна, потомка Элендила и законного государя Гондора.

— В этом дворце хозяин Теоден, а не Арагорн, даже если б он и сменил Денэтора на гондорском троне, — возразил Гайма, преградив путь к дверям. Меч в его руке был теперь обращен острием к чужеземцам.

— Пустые перекоры, — сказал Гэндальф. — Веленье Теодена неразумно, однако же спорить тут не о чем. Конунг у себя во дворце волен в своем неразумии.

— Поистине так, — согласился Арагорн. — И я покорился бы воле хозяина дома, будь то даже хижина дровосека, если бы меч мой был не Андрил.

— Как бы он ни именовался, — сказал Гайма, — но ты положишь его здесь или будешь сражаться один со всеми воинами Эдораса.

— Почему же один? — проговорил Гимли, поглаживая пальцем лезвие своей секиры и мрачно поглядывая на телохранителя конунга, точно примеряясь рубить молодое деревце. — Не один!

— Спокойствие! — повелительно молвил Гэндальф. — Мы — ваши друзья и соратники, и всякая распря между нами на руку только Мордору — он отзовется злорадным хохотом. Время дорого. Прими *мой* меч, доблестный Гайма. Его тоже побереги: имя ему Яррист, и откован он эльфами много тысяч лет назад. Меня теперь можешь пропустить. А ты, Арагорн, образумься!

Арагорн медленно отстегнул пояс и сам поставил меч стоймя у стены.

— Здесь я его оставлю, — сказал он, — и повелеваю тебе не прикасаться к нему, и да не коснется его никто другой. Эти эльфийские ножны хранят Сломанный Клинок, перекованный заново. Впервые выковал его Тельчар — во времена незапамятные. Смерть ждет всякого, кто обнажит меч Элендила, кроме его прямых потомков.

Страж попятился и с изумлением взглянул на Арагорна.

— Вы словно явились по зову песни из дней давно забытых, — проговорил он. — Будет исполнено, господин, как ты велишь.

— Ну, тогда ладно, — сказал Гимли. — Рядом с Андрилом и моей секире не зазорно полежать отдохнуть. — И он с лязгом положил ее на мозаичный пол. — Теперь все тебя послушались, давай веди нас к своему конунгу.

Но страж мешкал.

— Еще твой посох, — сказал он Гэндальфу. — Прости меня, но и его надлежит оставить у дверей.

— Вот уж нет! — сказал Гэндальф. — Одно дело — предосторожность, даже излишняя, другое — неучтивость. Я — старик. Если ты не пустишь меня с палкой, то я сяду здесь и буду сидеть, пока Теодену самому не заблагорассудится приковылять ко мне на крыльцо.

Арагорн рассмеялся.

— Кто о чем, а старик о своей палке, — сказал он. — Что ж ты, — укоризненно обратился он к Гайме, — неужели и вправду станешь отнимать палку у старика? А без этого не пропустишь?

— Посох в руке волшебника может оказаться не подпоркой, а жезлом, — сказал Гайма, пристально поглядев на ясеневую палку Гэндальфа. — Однако ж в сомнении мудрость велит слушаться внутреннего голоса. Я верю, что вы друзья и что такие, как вы, не могут умышлять лиходейство. Добро пожаловать!

Загремели засовы, тягучим скрежетом отозвались кованые петли, и громоздкие створки медленно разошлись. Пахнуло теплом, почти затхлым после свежего и чистого горного воздуха. В многоколонном чертоге повсюду таились тени и властвовал полусвет, лишь из восточных окон под возвышенным сводом падали искристые солнечные снопы. В проеме кровли, служившем дымоходом, за слоистой пеленой виднелось бледно-голубое небо. Глаза их пообвыкли, и на мозаичном полу обозначилась затейливая руническая вязь. Резные колонны отливали тусклым золотом и сеяли цветные блики. Стены были увешаны необъятными выцветшими гобеленами; смутные образы преданий терялись в сумраке. Но один из ковров вдруг светло озарился: юноша на белом коне трубил в большой рог, и желтые волосы его развевались по ветру. Конь ржал в предвкушении битвы, задрав голову, раздувая красные ноздри. У колен его бурлил, плеща зеленоватой пеной, речной поток.

— Вот он, Отрок Эорл! — сказал Арагорн. — Таким он был, когда примчался с севера и ринулся в битву на Келебранте.

Посредине чертога ровно и ясно пламенел гигантский очаг. За очагом, в дальнем конце зала, было возвышение — трехступенчатый помост золоченого трона. На троне восседал скрюченный старец, казавшийся гномом; его густые седины струились пышной волной из-под тонкого золотого обруча с крупным бриллиантом. Белоснежная борода устилала его колени, и угрюмо сверкали глаза навстречу незваным гостям. За его спиной стояла девушка в белом одеянии, а на ступеньках у ног примостился иссохший человечек, длинноголовый, мертвенно-бледный; он смежил тяжелые веки.

Молча и неподвижно взирал на пришельцев с трона венценосный старик. Заговорил Гэндальф:

— Здравствуй, Теоден, сын Тенгела! Видишь, я снова явился к тебе, ибо надвигается буря и в этот грозный час все друзья должны соединить оружие, дабы не истребили нас порознь.

Старик медленно поднялся на ноги, подпираясь коротким черным жезлом со светлым костяным набалдашником; тяжко лежало на конунге бремя лет, но, видно, старческому телу памятна еще была прежняя осанка могучего, рослого витязя.

— Здравствуй и ты, чародей Гэндальф, — отвечал он. — Но если ты ждешь от меня слова привета, то ждешь напрасно: по чести, ты его не заслужил. Ты всегда был дурным вестником. Напасти слетаются вслед за тобой, как вороны, и все чернее их злобная стая. Скажу не солгу: когда я услышал, что Светозар вернулся, потеряв седока, я рад был возвращению коня, но еще больше рад избавлению от тебя, и не печалился я, когда Эомер привез весть о том, что ты наконец обрел вечный покой. Увы,

дальнее эхо обычно обманчиво: ты не замедлил явиться вновь! А за тобою, как всегда, беды страшнее прежних. И ты, Гэндальф Зловещий Ворон, ждешь от меня милостивых речей? Не дождешься!

И он опустился на свой золоченый трон.

— Справедливы слова твои, государь, — сказал бледный человечек на ступеньках. — И пяти дней не прошло, как принесли нам скорбную весть о гибели сына твоего Теодреда в западных пределах: ты лишился правой руки, Второго Сенешаля Мустангрима. На Эомера надежда плоха: ему только дай волю, и он оставит дворец твой безо всякой охраны. А из Гондора между тем извещают, что Черный Властелин грозит нашествием. В лихую годину пожаловал вновь этот бродячий кознодей! Взаправду, о Зловещий Ворон, неужели радоваться нам твоему прилету? *Латспелл* нареку я тебя, Горевестник — а по вестям и гонца встречают.

Он издал сухой смешок, приподняв набрякшие веки и злобно оглядывая пришельцев.

— Ты слывешь мудрецом, приятель Гнилоуст, и на диво надежной опорой служишь ты своему господину, — спокойно заметил Гэндальф. — Знай же, что не одни кознодеи являются в горестный час. Бывает, что рука об руку с худыми вестями спешит подмога, прежде ненадобная.

— Бывает, — ехидно согласился Гнилоуст, — но бывают еще и такие костоглоды, охочие до чужих бед, стервятники-трупоеды. Бывала ли от тебя когда-нибудь подмога, Зловещий Ворон? И с какой подмогой спешил ты сейчас? Прошлый раз ты, помнится, сам явился за подмогой. Конунг оказал тебе милость, дозволил выбрать коня, и, всем на изумленье, ты дерзостно выбрал Светозара. Государь мой был опечален; но иным даже эта великая цена не показалась чересчур дорогой, лишь бы ты поскорее убрался восвояси. И нынче ты опять наверняка явился не с подмогой, а за подмогой. Ты что, привел дружину? Конников, меченосцев, копейщиков? Вот это была бы подмога, надобная нам теперь. А ты — кого ты привел? Троих грязных голодранцев, а самому только нищенской сумы недостает!

— Неучтиво стали встречать странников во дворце твоем, о Теоден, сын Тенгела, — покачал головой Гэндальф. — Разве привратник не поведал тебе имен моих спутников? Таких почетных гостей в этом чертоге еще не бывало, и у дверей твоих они сложили оружие, достойное величайших витязей. Серое облачение подарили им эльфы Кветлориэна; оно уберегло их от многих опасностей на трудном пути в твою столицу.

— Так, стало быть, верно сказал Эомер, что вас привечала

колдунья Золотого Леса? — процедил Гнилоуст. — Оно и немудрено: от века плетутся в Двиморнеде коварные тенета.

Гимли шагнул вперед, но рука Гэндальфа легла ему на плечо, и он замер.

О Двиморнед, Квстлориэн,
Где смертных дней не властен тлен!
Укрыт вдали от смертных глаз,
Тот край сияет, как алмаз.
«Галадриэль! Галадриэль!» —
Поет немолчная свирель,
И подпевает ей вода,
И блещет белая звезда.
Кветлориэн, о Двиморнед,
Прозрачный мир, где тлена нет!

Так пропел Гэндальф, и вмиг его облик волшебно изменился. Он сбросил хламиду, выпрямился, сжимая посох в руке, и произнес сурово и звучно:

— Мудрые не кичатся невежеством, о Грима, сын Галмода. Но без остатка сгнило твое нутро. Замкни же смрадные уста! Я не затем вышел из огненного горнила смерти, чтоб препираться с презренным холуем!

Он воздел посох, и грянул гром. Солнечные окна задернуло черным пологом, чертог объяла густая тьма. Огонь исчез в груде тускнеющих угольев. Виден был один лишь Гэндальф — высокая белая фигура у мрачного очага.

В темноте послышалось яростное шипение Гнилоуста:

— Я же говорил, государь, надо было отнять у него посох! Болван и предатель Гайма погубил нас!

Проблистала ветвистая молния; казалось, свод раскололся. Потом все смолкло. Гнилоуст простерся ничком.

— Выслушай же меня, Теоден, сын Тенгела! — молвил Гэндальф. — Ты искал помощи в годину бедствий? — Он указал посохом на высокое окно: в разрыве туч открылась глубокая небесная лазурь. — Еще не всевластен мрак в Средиземье. Мужайся, повелитель Мустангрима! — вот тебе самая верная подмога. Отчаянье к советам глухо; отринь его, и я готов быть твоим советчиком, но лишь с глазу на глаз. А прежде выйди на свое крыльцо, погляди вокруг. Засиделся ты взаперти, внимая кривдам и кривотолкам.

Еще медленней прежнего поднялся с трона Теоден. В чертоге стало светлее. Девушка поддерживала дряхлого конунга; старец неверными шагами сошел по ступеням помоста и, волоча ноги, поплелся через огромную палату. Гнилоуст остался лежать, где лежал. Наконец они подошли к дверям, и Гэндальф гулко ударил в них посохом.

— Отворите! — крикнул он. — Отворите повелителю Мустангрима!

Двери распахнулись, и свежий воздух с шумом хлынул в чертог. Горный ветер засвистал в ушах.

— Отошли телохранителей к подножию лестницы, — сказал Гэндальф. — И ты оставь его, дева, на мое попечение.

— Иди, Эовин, сестрина дочь! — повелел конунг. — Время страхов миновало.

Девушка отправилась назад, но в дверях обернулась. Суров и задумчив был ее взор; на конунга она глянула с безнадежной грустью. Лицо ее сияло красотой; золотистая коса спускалась до пояса; стройнее березки была она, в белом платье с серебряной опояской; нежнее лилии и тверже стального клинка — кровь конунгов текла в ее жилах.

Так Арагорну впервые предстала при свете дня Эовин, ристанийская принцесса, во всей ее холодной, еще не женственной прелести, ясная и строгая, как вешнее утро в морозной дымке. А она поглядела на высокого странника в серых отрепьях и увидела властителя и воина, величавого и доблестного, умудренного долголетними многотрудными испытаниями. На миг она застыла, не сводя с него глаз, потом повернулась и исчезла.

— Государь, — сказал Гэндальф, — взгляни на свою страну! Вздохни полной грудью!

С крыльца на вершине высокой террасы, далеко за бурливой рекой виднелась зеленая степная ширь в туманном окоеме. Ее застилали косые дождевые полотна. Грозовые тучи еще клубились над головой и омрачали западный край небосвода: там, среди невидимых вершин, вспыхивали дальние молнии. Но все упорнее задувал северный ветер, и гроза, налетевшая с востока, отступала на юг, к морю. Внезапно тучи вспорол яркий солнечный луч, и засеребрились ливни, а река словно остекленела.

— Не так уж темно на белом свете, — молвил Теоден.

— Темно, да не совсем, — подтвердил Гэндальф. — И годы твои не так уж гнетут тебя, как тебе нашептали. Отбрось клюку!

Черный жезл конунга со стуком откатился. А конунг выпрямился устало и медлительно, точно разгибаясь из-под ярма. И стоял, стройный и высокий, а глаза его просияли небесной голубизной.

— Смутные, черные сны одолевали меня, — сказал он, — но я, кажется, пробудился. Да, Гэндальф, пожалуй, надо было тебе явиться пораньше. Боюсь, ты запоздал и подоспел лишь затем, чтоб увидеть крушение Мустангрима, мои последние дни в высоком чертоге, который построил некогда Брего, сын Эорла. Пепелище останется на месте древней столицы. И все же как быть, по-твоему?

— Сперва, — отвечал Гэндальф, — вели послать за Эоме-

ром. Ты ведь заточил его в темницу по совету Гримы, которого все, кроме тебя, называют Гнилоустом?

— Да, это так, — подтвердил Теоден. — Он ослушался меня и вдобавок угрожал Гриме смертью у подножия моего трона.

— Твой верноподданный вправе ненавидеть Гнилоуста и презирать его советы, — возразил Гэндальф.

— Может быть, может быть. Пусть свершится по просьбе твоей. Кликни Гайму. Телохранитель он ненадежный, посмотрим, каков на посылках. Обе провинности рассудим заодно, — сказал Теоден, и голос его был суров, но он встретил взгляд Гэндальфа улыбкой, и многие морщины на челе его изгладились бесследно.

Гайму призвали и отправили с поручением в темницу, а Гэндальф указал Теодену на каменную скамью и сел у ног его на верхней ступени лестницы. Арагорн, Леголас и Гимли стояли неподалеку.

— Нет времени на долгие рассказы, — сказал Гэндальф. — А между тем многое не мешало бы тебе знать. Впрочем, должно быть, вскоре выпадет нам с тобой случай потолковать как следует. А пока открою тебе, что бедствия подлинные не в пример грознее тех, которыми пугал тебя Гнилоуст. Однако же явь — не морок, а ты теперь ожил въяве. Не только Гондор и Мустангрим противостоят Всеобщему Врагу. Полчища его несметны, но нас осеняет надежда, неведомая ему.

Быстрой стала речь Гэндальфа, тихий его голос был слышен одному конунгу, и глаза Теодена разгорались все ярче. Наконец он встал со скамьи и выпрямился во весь рост. Гэндальф стоял рядом, и оба глядели на восток с горной высоты.

— Поистине так, — произнес Гэндальф громко, звонко и раздельно. — Спасение наше там, откуда грозит нам гибель. Судьба наша висит на волоске. Однако надежда есть, лишь бы удалось до поры до времени выстоять.

Трое спутников Гэндальфа тоже обратили взоры к востоку. Неоглядная даль тонула во мгле, но они уносились мыслью за горные преграды, в край, окованный холодным мраком. Где-то там Хранитель Кольца? Тонок же тот волосок, на котором повисла общая судьба! Зоркому Леголасу почудилась точно бы светлая вспышка: должно быть, солнце блеснуло на шпиле гондорской Сторожевой Башни и в запредельном сумраке зажегся ответный, крохотный и зловещий багровый огонек.

Теоден опустился на скамью: старческая немощь снова обессилила его вопреки воле Гэндальфа. Он обернулся и поглядел на свой дворец.

— Увы! — сказал он. — Увы мне, под старость мою нагряну-

ли скорбные дни, а я-то надеялся окончить жизнь в мире, заслуженном и благодатном. Доблестный Боромир убит! Увы, молодые гибнут смертью храбрых, а мы, старики, догниваем, кое-как доживаем свой век.

— Длань твоя вспомнит былую мощь, если возьмется за рукоять меча, — сказал Гэндальф.

Теоден встал, рука его попусту обшаривала бедро: не было меча у него на поясе.

— Куда его спрятал Грима? — пробормотал он.

— Возьми, государь! — раздался чей-то звонкий голос. — Лишь в твою честь обнажался этот клинок, ты — его хозяин.

Два воина приблизились незаметно и остановились за несколько ступеней. Один из них был Эомер, без шлема и панциря; он держал за острие обнаженный меч и протягивал его конунгу.

— Это что еще такое? — сурово спросил Теоден. Он повернулся к Эомеру, статный и величавый. Куда подевался скрюченный гном на троне, немощный старец с клюкой?

— Моя вина, государь, — с трепетом признался Гайма. — По моему разумению, ты простил и освободил Эомера, и я так возрадовался, что не взыщи за ошибку. Освобожденный Сенешаль Мустангрима потребовал меч, и я ему не отказал.

— Лишь затем, чтобы положить его к твоим ногам, государь, — сказал Эомер.

Теоден молча глядел на преклонившего колени Эомера. Все стояли неподвижно.

— Меч-то, может, возьмешь? — посоветовал Гэндальф.

Теоден потянулся за мечом, взялся за рукоять — и рука его на глазах обрела богатырскую силу и сноровку. Меч со свистом описал в воздухе сверкающий круг. Конунг издал клич на родном языке, призыв к оружию, гордый и зычный:

Конники Теодена, конунг зовет на брань!
На кровавую сечу, в непроглядную тьму.
Снаряжайте коней, и пусть затрубят рога!
Эорлинги, вперед!

Взбежав по лестнице, телохранители с изумлением и восторгом поглядели на своего государя и сложили мечи у его ног.

— Повелевай! — в один голос молвили они.

— *Весту Теоден хал!* — воскликнул Эомер. — Великая радость выпала нам — узреть возрожденное величье. Уж не скажут более про тебя, Гэндальф, будто приносишь ты одни горести!

— Возьми свой меч, Эомер, сестрин сын! — сказал конунг. — Гайма, пойди за моим мечом: он хранится у Гримы. И Гриму приведи. Ты сказал, Гэндальф, что готов быть моим советчиком, но советов твоих я пока не слышал.

— Ты их уже принял, — отозвался Гэндальф. — Доверься Эомеру вопреки подлым наветам. Отбрось страхи и сожаленья. Ничего не откладывай. Всех годных к ратному делу немедля конным строем на запад, как и советовал тебе Эомер: надо, пока не поздно, расправиться с Саруманом. Не сумеем — все пропало. Сумеем — там будет видно. Женщины, дети и старики пусть перебираются из Эдораса в горные убежища — на этот случай они и уготованы. И как можно скорей — побольше припасов, поменьше скарба, лишь бы сами успели спастись.

— Да ты советчик хоть куда, — сказал Теоден. — Снаряжаться и собираться! Но хороши мы хозяева! Верно сказал ты, Гэндальф, неучтиво стали встречать у нас странников. Вы скакали ночь напролет, вот уж и полдень; вам надо поесть и выспаться. Сейчас приготовят покои: отоспитесь после трапезы.

— Нет, государь, — сказал Арагорн. — Не будет нынче отдыха усталым. Сегодня же выступят в поход копейщики Мустангрима, и мы с ними — секира, меч и лук. Не до́лжно оружию нашему залеживаться у твоих дверей. Я обещал Эомеру, что клинки наши заблещут вместе.

— И победа будет за нами! — воскликнул Эомер.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал Гэндальф. — Изенгард — страшный противник, но во сто крат гибельнее грядущие напасти. Мы отправимся им навстречу, а ты, Теоден, поскорее уводи оставшихся всех до единого в Дунхергскую теснину.

— Нет, Гэндальф! — возразил конунг. — Ты сам еще не знаешь, каков ты лекарь. Я поведу ристанийское ополчение и разделю общую участь на поле брани. Иначе не будет мне покоя.

— Что ж, тогда и поражение Мустангрима воспоют как победу, — сказал Арагорн, и рядом стоявшие воины, бряцая оружием, возгласили:

— Да здравствует вождь Теоден! Вперед, эорлинги!

— Однако и здесь нельзя оставить безоружный люд без предводителя, — сказал Гэндальф. — Кого ты назначишь своим наместником?

— Решение за мной, и я повременю, — отвечал Теоден. — А вот, кстати, и мой тайный советник.

Гайма показался в дверях чертога. За ним, между двух стражей, втянув голову в плечи, следовал Грима Гнилоуст. Лицо его было мучнистое, непривычные к солнцу глаза часто моргали. Гайма преклонил колени и вручил Теодену длинный меч в златокованых ножнах, усыпанных смарагдами.

— Вот, государь, твой старинный клинок Геругрим, — сказал он. — Нашелся у него в сундуке, который он никак не хотел отпирать. Там припрятано много пропавших вещей.

— Ты лжешь, — прошипел Гнилоуст. — А меч свой государь сам отдал мне на хранение.

— И теперь надлежит возвратить его владельцу, — сказал Теоден. — Тебе это не по нутру?

— На все твоя воля, государь, — ответствовал тот. — Я лишь смиренно пекусь о тебе и твоем достоянии. Но побереги свои силы, повелитель, они ведь уж не те, что прежде. Препоручи другим назойливых гостей. Трапеза твоя готова. Не пожалуешь ли к столу?

— Пожалую, — сказал Теоден. — И позаботься о трапезе для моих гостей, мы сядем за стол вместе. Ополчение выступает сегодня. Разошли глашатаев по столице и ближним весям. Мужам и юношам — всем, кому по силам оружие и у кого есть кони, — построиться у ворот во втором часу пополудни!

— Ох, государь! — воскликнул Гнилоуст. — Этого-то я и страшился: чародей околдовал тебя. И ты оставишь без охраны золотой чертог своих предков и свою казну? Без охраны останется повелитель нашего края?

— Околдовал, говоришь? — переспросил Теоден. — По мне, такие чары лучше твоих нашептываний. Твоими заботами мне бы давно уж впору ползать на четвереньках. Нет, в Эдорасе не останется никого; даже тайный советник Грима сядет на коня. Ступай! У тебя еще есть время счистить с меча ржавчину.

— Смилостивись, государь! — завопил Гнилоуст, извиваясь у ног конунга. — Сжалься над стариком, одряхлевшим в неусыпных заботах о тебе! Не отсылай меня прочь! Я и в одиночку сумею охранить твою царственную особу. Не отсылай своего верного Гриму!

— Сжалюсь, — сказал Теоден. — Сжалюсь и не отошлю. Я поведу войско; сражаясь рядом со мной, ты сможешь доказать свою верность.

Гнилоуст обвел враждебные лица взглядом затравленного зверя, судорожно изыскивающего спасительную уловку. Он облизнул губы длинным бледно-розовым языком.

— Подобная решимость к лицу конунгу из рода Эорла, как бы он ни был стар, — сказал он. — Конечно, преданный слуга умолил бы его пощадить свои преклонные лета. Но я вижу, что запоздал и государь мой внял речам тех, кто не станет оплакивать его преждевременную кончину. Тут уж я ничем не могу помочь; но выслушай мой последний совет, о государь! Оставь наместником того, кто ведает твои сокровенные мысли и свято чтит твои веления! Поручи преданному и многоопытному советнику Гриме блюсти Эдорас до твоего возвращения — увы, столь несбыточного.

Эомер расхохотался.

— А если в этом тебе будет отказано, о заботливый Гнилоуст, ты, может, согласишься и на меньшее, лишь бы не ехать на войну? Согласишься тащить в горы куль муки — хотя кто его тебе доверит?

— Нет, Эомер, не понимаешь ты умысла почтенного советника, — возразил Гэндальф, обратив на Гнилоуста пронзительный взгляд. — Он ведет хитрую, рискованную игру — и близок к выигрышу даже и сейчас. А сколько он уже отыграл у меня драгоценного времени! Лежать, гадина! — крикнул он устрашающим голосом. — Лежи, ползай на брюхе! Давно ты продался Саруману? И что тебе было обещано? Когда все воины полягут в бою, ты получишь свое — долю сокровищ и вожделенную женщину? Ты уж не первый год исподтишка, похотливо и неотступно следишь за нею.

Эомер схватился за меч.

— Это я знал и раньше, — проговорил он. — И за одно это я готов был зарубить его в чертоге, на глазах у конунга, преступив древний закон. Так, стало быть, он еще и изменник? — И он шагнул вперед, но Гэндальф удержал его.

— Эовин теперь в безопасности, — сказал он. — А ты, Гнилоуст... что ж, для своего подлинного хозяина ты сделал все, что мог, и он у тебя в долгу. Но Саруман забывчив и долги платить неохоч: поезжай-ка скорей к нему, напомни о своих заслугах, а то останешься ни при чем.

— Ты лжешь, — прогнусил Гнилоуст.

— Недаром это слово не сходит у тебя с языка, — сказал Гэндальф. — Нет, я не лгу. Смотри, Теоден, вот змея подколодная! Опасно держать его при себе, и здесь тоже не оставишь. Казнить бы его — и дело с концом, но ведь много лет он служил тебе верой и правдой, служил, как умел. Дай ему коня и отпусти на все четыре стороны. Выбор его будет ему приговором.

— Слышишь, Гнилоуст? — сказал Теоден. — Выбирай: либо рядом со мною, в битве, докажешь свою преданность мечом, либо отправляйся, куда знаешь. Только, если мы снова встретимся, милосердия не жди.

Гнилоуст медленно встал, повел глазами исподлобья, взглянул на Теодена и открыл было рот, но вдруг разогнулся и выпрямился. Скрюченные пальцы его дрожали; взор зажегся такой нещадной злобой, что перед ним расступились, а он ощерился, с присвистом сплюнул под ноги конунгу, отскочил и кинулся вниз по лестнице.

— За ним! — распорядился Теоден. — Приглядите, чтоб он чего не учинил, но его не трогать и не задерживать. Если ему нужен конь, дайте ему коня.

— Еще не всякий конь согласится на такого седока, — сказал Эомер.

Один из телохранителей побежал вниз. Другой принес в шлеме родниковой воды и омыл камни, осквернённые плевком Гнилоуста.

— Теперь воистину добро пожаловать! — сказал Теоден. — Пойдемте побеседуем за нашей недолгой трапезой.

Они вернулись во дворец. Снизу, из города, слышались крики глашатаев и пение боевых рогов: объявляли приказ конунга и уже трубили сбор.

За столом у Теодена сидели Эомер и четверо гостей. Конунгу прислуживала Эовин. Ели и пили быстро и молча; лишь хозяин расспрашивал Гэндальфа про Сарумана.

— С каких пор он стал предателем, этого мне знать не дано, — сказал Гэндальф. — Зло овладевало им постепенно. Некогда он, я уверен, был вашим искренним другом, и, даже когда черные замыслы его созрели и сердце ожесточилось, Мустангрим поначалу ему не мешал, а мог быть и полезен. Но это было давно, и давно уже он задумал вас погубить, собираясь для этого с силами и скрывая козни под личиной добрососедства. В те годы Гнилоуст просто-напросто сразу оповещал Изенгард обо всех твоих делах и намерениях. Это было ему нетрудно: чужаки-соглядатаи сновали туда-сюда, но Ристания — край открытый, и никто их не замечал. А он вдобавок советовал да наушничал, отравляя твои мысли, оледеняя сердце, расслабляя волю; подданные твои это видели, но ничего не могли поделать, ибо ты стал его безвольным подголоском.

Но когда я спасся из Ортханка и предостерег тебя, когда личина была сорвана — тут уж тайное сделалось явным, и Гнилоуст принялся опасно хитрить. Он выдумывал препоны, отводил удары, распылял войска. А изворотлив он был на диво: то стыдил за оглядку, то стращал колдовством. Помнишь, как по его наущению все войска впустую услали на север, когда они нужны были на западе? Твоими устами он запретил Эомеру погоню за сворой орков, и если бы Эомер не ослушался твоего, а вернее, Гнилоустова злокозненного запрета, то орки сейчас доставили бы в Изенгард бесценную добычу. Не ту, о которой пуще всего мечтает Саруман, нет, — но двоих из нашего Отряда, сопричастных тайной надежде: о ней я даже с тобой, государь, пока не смею говорить открыто. Подумай только, что бы им довелось претерпеть и что Саруман проведал бы на пагубу нам?

— Я многим обязан Эомеру, — сказал Теоден. — Говорят: словом дерзок, да сердцем предан.

— Скажи лучше: кривой суд всегда правое скривит, — посоветовал Гэндальф.

— Да, судил я вкривь, — подтвердил Теоден. — А тебе обязан прозрением. Ты опять явился вовремя. Позволь одарить тебя по твоему выбору: что ни захочешь — все твое. Лишь меч мой оставь мне!

— Вовремя явился я или нет, это мы увидим, — сказал Гэндальф. — А дар от тебя охотно приму, и выбор мой уже сделан. Подари мне Светозара! Ведь ты его лишь одолжил — таков был уговор. Но теперь я помчусь на нем навстречу неизведанным ужасам: один серебряный конь против девяти вороных. Чужим конем рисковать не след; правда, мы с ним уже сроднились.

— Достойный выбор, — сказал Теоден, — и нынче я с радостью отдаю тебе лучшего коня из моих табунов, ибо нет среди них подобных Светозару и, боюсь, не будет. В нем одном нежданно возродилась могучая порода древности. А вы, гости мои, подыщите себе дары у меня в оружейной. Мечи вам не надобны, но там есть шлемы и кольчуги отменной работы мастеров Гондора. Подберите, что придется по душе, и да послужат они вам в бою!

Из оружейной нанесли груды доспехов, и вскоре Арагорн с Леголасом облачились в сверкающие панцири, выбрали себе шлемы и круглые щиты с золотой насечкой, изукрашенные по навершью смарагдами, рубинами и жемчугом. Гэндальфу доспех был не нужен, а Гимли не требовалась кольчуга, если бы даже и нашлась подходящая, ибо среди сокровищ Эдораса не было панциря прочнее, чем его собственный, выкованный гномами Подгорного Царства. Но он взял себе стальную шапку с кожаным подбоем — на его круглой голове она сидела как влитая, взял и маленький щит с белым скакуном на зеленом поле — гербом Дома Эорла.

— Да сохранит он тебя от стрел, мечей и копий! — сказал Теоден. — Его изготовили для меня еще во дни Тенгела, когда я был мальчиком.

Гимли поклонился.

— Я не посрамлю твоего герба, Повелитель Ристании, — сказал он. — Да мне и сподручней носить щит с лошадью, чем носиться на лошади. Свои ноги — они как-то надежнее. Вот отвезут меня куда надо, опустят на твердую землю, а там уж я себя покажу.

— Увидим, — сказал Теоден.

Конунг встал, и Эовин поднесла ему кубок вина.

— *Фэрту Теоден хал!* — промолвила она. — Прими этот кубок и почни его в нынешний добрый час. Да окрылит тебя удача, возвращайся с победой!

Теоден отпил из кубка, и она обнесла им гостей. Перед Ара-

горном она помедлила, устремив на него лучистые очи. Он с улыбкой взглянул на ее прекрасное лицо и, принимая кубок, невзначай коснулся затрепетавшей руки.

— Привет тебе, Арагорн, сын Араторна! — сказала она.

— Привет и тебе, Дева Ристании, — отвечал он, помрачнев и больше не улыбаясь.

Когда круговой кубок был допит, конунг вышел из дверей чертога. Там его поджидала дворцовая стража, стояли глашатаи с трубами и собрался знатный люд из Эдораса и окрестных селений.

— Я отправляюсь в поход, может статься, последний на моем веку, — сказал Теоден. — Мой сын Теодред погиб, и нет прямых наследников трона. Наследует мне сестрин сын Эомер. Если и он не вернется, сами изберите себе государя. Однако же надо назначить правителя Эдораса на время войны. Кто из вас останется моим наместником?

Ни один не отозвался.

— Что ж, никого не назовете? Кому доверяет мой народ?

— Дому Эорла, — ответствовал за всех Гайма.

— Но Эомера я оставить не могу, да он и не останется, — сказал конунг. — А он — последний в нашем роду.

— Я не называл Эомера, — возразил Гайма. — И он в роду не последний. У него есть сестра — Эовин, дочь Эомунда. Она чиста сердцем и не ведает страха. Любезная Эорлингам, пусть примет она бразды правления — она их удержит.

— Да будет так, — скрепил Теоден. — Глашатаи, оповестите народ о моей наместнице!

И конунг опустился на скамью у дверей и вручил коленопреклоненной Эовин меч и драгоценный доспех.

— Прощай, сестрина дочь! — молвил он. — В трудный час расстаемся мы, но, может, еще и свидимся в золотом чертоге. Если же нет, если нас разобьют, уцелевшие ратники стекутся в теснину Дунхерга: там вы еще долго продержитесь.

— Напрасны эти слова, — сказала она. — Но до вашего возвращенья мне день покажется с год.

И, говоря так, взглянула на Арагорна, стоявшего рядом.

— Конунг вернется, — сказал тот. — Не тревожься! Не на западе — на востоке ждет нас роковая битва!

Теоден и Гэндальф возглавляли молчаливое шествие, растянувшееся по длинной извилистой лестнице. Возле крепостных ворот Арагорн обернулся. С возвышенного крыльца, от дверей золотого чертога смотрела им вслед Эовин, опершись на меч обеими руками. Ее шлем и броня блистали в солнечных лучах.

Гимли шел рядом с Леголасом, держа секиру на плече.

— Ну, наконец-то раскачались! — сказал он. — Ох и народ эти люди — за все про все у них разговор. А у меня уж руки чешутся, охота секирой помахать. Хотя ристанийцы-то небось тоже рубаки отчаянные. А все ж таки не по мне такая война: поле боя невесть где, как хочешь, так и добирайся. Ладно бы пешком, а то трясись, мешок мешком, на луке у Гэндальфа.

— Завидное местечко, — сказал Леголас. — Да ты не волнуйся, Гэндальф тебя, чуть что, живенько на землю спустит, а Светозар ему за это спасибо скажет. Верхом-то секирой не помашешь.

— А гномы верхом и не воюют. С лошади удобно разве что людям затылки брить, а не оркам рубить головы, — сказал Гимли, поглаживая топорище.

У ворот выстроилось ополчение: и стар, и млад — все уже в седлах и в полном доспехе. Собралось больше тысячи; колыхался лес копий. Теодена встретили громким, радостным кличем и подвели его коня, именем Белогрив. Наготове стояли кони Арагорна и Леголаса. Покинутый Гимли только было насупился, как к нему подошел Эомер с конем в поводу.

— Привет тебе, Гимли, сын Глоина! — сказал он. — Вот видишь, все недосуг поучиться у тебя учтивости. Но, может, мы пока не будем квитаться? Обещаю, что более ни словом не задену Владычицу Золотого Леса.

— Я готов отложить наш расчет, Эомер, сын Эомунда, — важно отозвался Гимли. — Но если тебе выпадет случай воочию увидеть царицу Галадриэль, ты либо признаешь ее прекраснейшей на свете, либо выйдешь со мной на поединок.

— Да будет так! — сказал Эомер. — До тех пор, однако, прости мои необдуманные слова и в знак прощения изъяви, если можно, согласие быть моим спутником. Гэндальф поедет впереди, вместе с конунгом, а мой конь Огненог, с твоего позволения, охотно свезет нас двоих.

— Согласен и благодарен, — ответил польщенный вежливой речью Гимли. — Только пусть мой друг Леголас едет рядом с нами.

— Решено! — сказал Эомер. — Слева поедет Леголас, справа — Арагорн. Кто устоит против нас четверых?

— А где Светозар? — спросил Гэндальф.

— Пасется у реки, — сказали ему. — И никого к себе близко не подпускает. Вон он, там, близ переправы, легкой тенью мелькает в ивняке.

Гэндальф свистнул и громко кликнул коня; Светозар переливисто заржал в ответ и примчался в мгновение ока.

— Западный ветер во плоти, да и только, — сказал Эомер, любуясь статью и норовом благородного скакуна.

— Как тут не подарить, — заметил Теоден. — Впрочем, — повысил он голос, — слушайте все! Да будет ведомый всем вам Гэндальф Серая Хламида, муж совета и брани, отныне и присно желанным гостем нашим, сановником Ристании и предводителем Эорлингов, и да будет слово мое нерушимо, пока не померкнет слава Эорла! Дарю ему — слышите? — Светозара, коня из коней Мустангрима!

— Спасибо тебе, конунг Теоден, — молвил Гэндальф. Он скинул свой ветхий плащ и отбросил широкополую шляпу. На нем не было ни шлема, ни брони; снежным блеском сверкнули его седины и засияло белое облачение.

— С нами наш Белый Всадник! — воскликнул Арагорн, и войско подхватило клич.

— С нами конунг и Белый Всадник! — пронеслось по рядам. — Эорлинги, вперед!

Протяжно запели трубы. Кони вздыбились и заржали. Копья грянули о щиты. Конунг воздел руку, и точно могучий порыв ветра взметнул последнюю рать Ристании: громоносная туча помчалась на запад.

Эовин провожала взглядом дальние отблески тысячи копий на зеленой равнине, одиноко стоя у дверей опустевшего чертога.

Глава VII

ХЕЛЬМОВО УЩЕЛЬЕ

Когда отъезжали от Эдораса, солнце уже клонилось к западу, светило в глаза, и простертую справа ристанийскую равнину застилала золотистая дымка. Наезженная угорная дорога вилась то верхом, то низом, разметав густые сочные травы, истоптанными бродами пересекая быстрые мутные речонки. В дальнем далеке, на северо-западе, возникали Мглистые горы, все темнее и выше, обрисованные зарей. Вечерело.

А войско мчалось во весь опор почти что без остановок: боялись промедлить, надеялись не опоздать и торопили коней. Резвей и выносливей их не бывало в Средиземье, однако же и путь перед ними лежал неблизкий: добрых сорок лиг по прямой, а дорогой — миль сто сорок от Эдораса до Изенгардской переправы, где рати Ристании отражали Саруманову полчища.

Надвинулась ночь, и войско наконец остановилось; пять с лишним часов проскакали они, но не одолели еще и половины

пути. Расположились на ночлег широким кругом, при свете звезд и тусклого месяца. На всякий случай костров не жгли; выставили круговое охранение и выслали дозорных, серыми тенями мелькавших по ложбинам. Ночь тянулась медленно и беспокойно. Наутро запели рога, и дружина в одночасье снова тронулась в путь.

Мутновато-безоблачное небо стояло над ними, и наваливалась не по-вешнему тяжкая духота. В туманной поволоке вставало солнце, а за ним омрачала тусклые небеса черная, хищная, грозовая темень. И ей навстречу, с северо-запада, расползалась у подножия Мглистых гор подлая темнота из Колдовской логовины.

Гэндальф придержал коня и поравнялся с Леголасом, ехавшим в строю возле Эомера.

— У тебя зоркие глаза, Леголас, — сказал он. — Вы, эльфы, за две лиги отличаете воробья от зяблика. Скажи ты мне, видишь ли что-нибудь там, на пути к Изенгарду?

— Далеко еще до Изенгарда, — отозвался Леголас, козырьком приложив ко лбу длиннопалую руку. — Темнотой окутан наш путь, и какие-то громадные тени колышутся во тьме у речных берегов, но что это за тени, сказать не могу. Сквозь темноту или туман я бы их разглядел, но некою властительной силой опущен непроницаемый занавес, и река теряется за ним. Точно лесной сумрак из-под бесчисленных деревьев ползет и ползет с гор.

— И вот-вот обрушится вдогон гроза из Мордора, — проговорил Гендальф. — Страшная будет ночь.

Духота все сгущалась, под вечер их нагнали черные тучи, застлавши небеса, и уже впереди нависали лохматые клочья, облитые слепящим светом. Кроваво-красное солнце утопало в дымной мгле. Приблизилась северная оконечность Белых гор, солнце озарило слоистые кручи троеверхого Трайгирна, и закатным огнем полыхнули копья ристанийского воинства. Передовые увидели черную точку, потом темное пятно: всадник вырвался к ним навстречу из алых отблесков заката. Они остановились в ожидании.

Усталый воин в изрубленном шлеме, с иссеченным щитом медленно спешился, постоял, шатаясь, переводя дух, и наконец заговорил.

— Эомер с вами? — сипло спросил он. — Прискакали все-таки, хоть и поздно, только мало вас очень. Худо пошло наше дело после гибели Теодреда. Вчера мы отступили за Изен, многие приняли смерть на переправе. А ночью их полку прибыло, и

со свежими силами они штурмовали наш берег. Вся изенгардская нечисть, все здесь, и числа им нет, а вдобавок Саруман вооружил диких горцев и заречных кочевников из Дунланда. Десять на одного. Опорную стену взяли приступом. Эркенбранд из Вестфольда собрал кого мог и затворился в крепости, в Хельмовом ущелье. Остальные разбежались кто куда. Эомер-то где? Скажите ему: все пропало. Пусть возвращается в Эдорас и ждет изенгардских волколаков, недолго придется ждать.

Теоден молча слушал, скрытый за телохранителями; тут он тронул коня и выехал вперед.

— Дай-ка поглядеть на тебя, Сэорл! — сказал он. — Я здесь, не в Эдорасе. Последняя рать эорлингов выступила в поход и без битвы назад не вернется.

Радостным изумлением просияло лицо воина. Он выпрямился и горделиво преклонил колено, протягивая конунгу зазубренный меч.

— Повелевай, государь! — воскликнул он. — И прости меня! Я-то думал...

— Ты думал, я коснею в Медусельде, согбенный, как дерево под снежным бременем? Верно, когда ты поехал на брань, так оно и было. Но теперь не так: западный ветер стряхнул снег с ветвей. Дайте ему свежего коня! Скачем на выручку к Эркенбранду!

Тем временем Гэндальф проехал вперед; он глядел из-под руки на север, на Изенгард, и на отуманенный запад.

— Веди их, Теоден! — велел он, вернувшись галопом. — Скорей сворачивайте к Хельмову ущелью! На Изенских бродах вам делать уже нечего. А у меня другие срочные дела — Светозар не подведет! — И крикнул еще Арагорну, Эомеру и телохранителям конунга: — Во что бы то ни стало сберегите государя! Ждите меня у Хельмовой Крепи! Прощайте!

Он склонился к уху Светозара, и точно стрела сорвалась с тетивы: мелькнул серебристый блик, порхнул ветерок, исчезла легкая тень. Белогрив заржал и вздыбился, готовый мчаться следом, но и самая быстрая птица не угналась бы за Светозаром.

— Это как же понимать? — спросил у Гаймы один из телохранителей.

— Так и понимать, что Гэндальф Серая Хламида куда-то очень спешит, — ответствовал Гайма. — Нежданно-негаданно он, Гэндальф, появляется и пропадает.

— Был бы здесь Гнилоуст, он бы живенько это объяснил, — заметил тот.

— Объяснил бы, — согласился Гайма, — да только я уж лучше подожду Гэндальфа, авось все само объяснится.

— Жди-жди, может, и дождешься, — послышалось в ответ.

Войско круто свернуло на юг и помчалось ночной степью. Уже близок был горный кряж, но высокие вершины Трайгирна едва виднелись в темном небе. На юге Вестфольдского низкодолья пролегала, уходя в горы, обширная зеленая логовина, посреди которой струилась река, вытекавшая из Хельмова ущелья. Река звалась Ущелицей, а ущелье носило имя Хельма — в честь древнего конунга-ратоборца, державшего здесь долгую оборону. Узкое, глубокое, извилистое ущелье взрезало склон Трайгирна, уходя на север, и наконец утесистые громады почти смыкались над ним.

На северном отроге у горловины ущелья возвышалась старинная башня, обнесенная могучей стеной древней каменной кладки. По преданию, во времена могущества и славы Гондора крепость эту выстроили заморские короли руками титанов. Горнбург звалась она, и трубный глас с высоты башни стократ откликался позади в ущелье, будто несметное воинство дней былых, хоронившееся в пещерах, спешило на выручку.

Древние строители преградили ущелье от Горнбурга до южных утесов; под стеной был широкий водосток, откуда выбегала Ущелица, огибая скалистое подножие крепости, и ровной ложбиной по зеленому пологому склону стекала от Хельмовой Крепи к Хельмовой Гати, а оттуда — в Ущельный излог, к Вестфольдскому низкодолью. Ныне Горнбург стал оплотом Эркенбранда, правителя Вестфольда, воеводы западного пограничья. В предгрозье последних лет он, опытный и дальновидный военачальник, отстроил стены и обновил укрепления.

Войско еще мчалось низиной, приближаясь к устью излога, когда от передовых разъездов послышались крики и затрубили рога. Потом из темноты засвистали стрелы. Вскоре прискакал разведчик: по ущелью рыскали орки верхом на волколаках, и большое полчище надвигалось с севера, от Изенгардской переправы, видимо, к ущелью.

— Много там наших поодиночке перебито, — продолжал разведчик. — Отрядами кое-как отбиваются, но мечутся без толку, собирать их некому. Что с Эркенбрандом, никто вроде бы не знает. До Хельмовой Крепи он едва ли доберется, а может, уже и убит.

— Гэндальфа там не видели? — спросил Теоден.

— Видели, государь. То там, то сям проносился белый старик на серебряном коне. Думали, это Саруман. Говорят, он впотьмах ускакал к Изенгарду. Еще говорят, будто видели Гнилоуста, правда, пораньше, этот скакал на север со сворой орков.

— Не завидую Гнилоусту, если он подвернется Гэндальфу, — сказал Теоден. — Зато я дурак дураком: сбежали оба советника, и прежний, и новый. Гэндальф, правда, посоветовал кое-что на прощанье, хоть это и без него ясно: надо пробивать-

ся к Хельмовой Крепи, что бы там ни было с Эркенбрандом. Полчище, говоришь, валит, а каково полчище, не разузнал?

— Огромное полчище, — сказал разведчик. — У страха, конечно, глаза велики, но я говорил с опытными и хладнокровными воинами, и, по их словам, даже головной отряд орков во много раз больше всей нашей рати.

— Тогда поторопимся, — сказал Эомер. — Ту сволочь, которая встанет между нами и крепостью, перебьем с первого до последнего. А пещеры за Хельмовой Крепью забыли? Там, может статься, уже собралась не одна сотня воинов, и оттуда есть тайные ходы в горы.

— На тайные ходы надежда плоха, — сурово осек его конунг. — Саруман их небось давным-давно разведал. Однако ж оборонять Крепь можно долго. Вперед!

Арагорн и Леголас, по-прежнему рядом с Эомером, стали теперь передовыми. Понемногу с галопа перешли на шаг, темень сгущалась, а дорога вела все выше, прячась в сумрачных теснинах. Путь был свободен, своры орков мигом рассеивались, избегая малейшей стычки.

— Ох, боюсь, что о прибытии конунга с ополчением уже доложено Саруману или Саруманову главарю, да и точный счет нашим воинам известен, — угрюмо заметил Эомер.

А ратный грохот нарастал и нагонял их. Темнота полнилась многотысячегласым сиплым песенным ревом. Посреди излога, уже на высоте, обернувшись, они увидели бесчисленные факелы, красновато-огнистый ковер, расстилавшийся у горных подножий, и прерывистые огненные струи, вползавшие по склонам. Там и сям вспыхивали мрачные зарева.

— Большое войско идет за нами по пятам, — сказал Арагорн.

— Они несут огонь, — глухо отозвался Теоден, — и поджигают все на своем пути — дома, рощи и стога. Богатый край, благословенная долина, селенье за селеньем. Горе мне и моему народу!

— При дневном-то свете повернули бы мы коней и обрушились на поджигателей с высоты, — сказал Арагорн. — Не по мне это — бежать от них.

— Бежать осталось недолго, — заверил Эомер. — Вот-вот подъедем к Хельмовой Гати: там глубокий ров, надежный вал и до Крепи еще добрая миля. Развернемся и дадим бой.

— Нет, на оборону Гати у нас сил недостанет, — возразил Теоден. — Где нам, она длиннее мили и въезд очень широкий.

— Въезд все равно придется оборонять — значит, нужна тыловая застава, — сказал Эомер.

Ни звездочки не было в безлунном небе, когда передовые конники достигли въезда над рекой по широкой дороге, спускавшейся берегом от Горнбурга к Гати. Из-за черного провала, со смутной высоты стены их окликнул часовой.

— Властитель Ристании ведет ополчение к Хельмовой Крепи, — отозвался Эомер. — Говорю я, Эомер, сын Эомунда.

— Мы такого и не чаяли, — молвил часовой. — Скорей заезжайте! Того и гляди, нагрянут орки.

Вскоре войско выстроилось за Гатью у реки, на пологом склоне. Взбодрившись, передавали из уст в уста, что Эркенбранд оставил в крепости изрядную дружину и ее немало пополнили беженцы.

— Пожалуй, наберется и с тысячу пеших ратников, — сказал старый Гамлинг, поставленный начальником низовой охраны. — Многие, правда, в чересчур уж почтенных летах, вроде меня, а у других, как у моего внука, молоко на губах не обсохло. Что слышно про Эркенбранда? Вчера говорили, будто он идет сюда с остатками отборной дружины Вестфольда. А нынче о нем ни слуху ни духу.

— Боюсь, что недаром, — сказал Эомер. — Дозорные наши вернулись ни с чем, а где ему быть? Всю долину заполонили враги.

— Худо наше дело, если он погиб, — молвил Теоден. — Могучий витязь — поистине в нем ожила доблесть Хельма Громобоя. Но ждать его здесь мы не можем: надо стянуть все силы к Горнбургу. Как у вас там с припасами? Мы-то налегке: на битву ехали, а не садиться в осаду.

— Три четверти вестфольдцев укрылись в здешних пещерах — стар и млад, женщины и дети, — сказал Гамлинг. — Но припасов все равно хватит надолго: туда согнали весь скот, да и кормов заготовлено в достатке.

— Это хорошо, — сказал Эомер. — Долину они выжгли и разграбили дотла.

— Разграбить Хельмову Крепь куда потруднее, это им дороговато станет, — проворчал Гамлинг.

Спешились у крепостной плотины и по гребню ее, а затем по откосу длинной вереницей провели коней к воротам Горнбурга. Там их тоже встретили с ликованием и новой надеждой — как-никак вдвое прибавилось защитников крепости.

Эомер быстро распорядился: конунгу с телохранителями и сотней-другой вестфольдцев предоставил оборонять Горнбург, а всех остальных разместил на Ущельной стене и Южной башне, ибо там ожидался главный натиск оголтелых полчищ. И там он был опаснее всего. Коней под малой охраной отвели подальше в ущелье.

Ущельная стена была высотой в двадцать футов и такой толщины, что по верху ее могли пройти рука об руку четверо, а парапет скрывал воинов с головой. На стену можно было спуститься по лестнице от дверей внешнего двора Горнбурга или подняться тремя пролетами сзади, со стороны ущелья. Впереди она была гладко обтесана, и громадные каменья плотно и вровень пригнаны, сверху они нависали, точно утесы над морем.

Гимли стоял, прислонясь к парапету, а Леголас уселся на зубце, потрагивая тетиву лука и вглядываясь во мглу.

— Вот это другое дело, — говорил гном, притопывая. — Насколько же мне легче дышится в горах! Отличные скалы! Вообще крепкие ребра у здешнего края. Как меня спустили с лошади, так ноги просто не нарадуются. Эх, дайте мне год времени и сотню сородичей — да никакой враг сюда после этого даже не сунется, а сунется — костей не соберет.

— Охотно верю, — отозвался Леголас. — Ты ведь истый гном, гном всем на удивленье, любитель горного труда. Мне-то здешний край не по сердцу, что ночью, что наверняка и днем. Но с тобою я чувствую себя надежнее, мне отрадно, что рядом эдакий толстоногий крепыш с боевым топором. И правда, не помешала бы здесь сотня твоих сородичей. Но еще бы лучше — сотня лучников из Лихолесья. Ристанийцы — они стрелки по-своему неплохие, но мало у них стрелков, раз-два и обчелся!

— Тесновато для стрельбы, — возразил Гимли. — А если уж на то пошло, так лучше всего бы сейчас как следует выспаться. Честное слово, таких сонных гномов, как я, свет еще не видывал. Маятное дело эта верховая езда. И однако ж секира у меня в руках ну прямо ходуном ходит. Ладно уж, раз спать нельзя, давайте сюда побольше орков, было бы только где размахнуться — и сразу станет не до сна.

Время тянулось еле-еле. В долине догорали далекие пожары. Изенгардское воинство теперь надвигалось в молчании, огненные змеи вились по излогу.

Вдруг от Гати донесся пронзительный вой и ответный клич ристанийцев. Факелы точно уголья сгрудились у въезда и рассыпались, угасая. По приречному лугу и скалистому откосу к воротам Горнбурга примчался отряд всадников: застава отступила почти без потерь.

— Штурмуют вал! — доложили они. — Мы расстреляли все стрелы, ров и проход завалены трупами. Это их задержит ненадолго — они лезут и лезут на вал повсюду, бесчисленные, как муравьи. Но идти на приступ с факелами им впредь будет неповадно.

Перевалило за полночь. Нависла непроглядная темень, душное затишье предвещало грозу. Внезапно тучи распорола ослепительная вспышка, и огромная ветвистая молния выросла среди восточных вершин. Мертвенным светом озарился склон от стены до Гати, там кишмя кишело черное воинство — приземистые, широкозадые орки и рядом рослые, грозные воины в шишаках, с вороненными щитами. А из-за Гати появлялись, наползали все новые и новые сотни. Темный неодолимый прибой вздымался по скату, от скалы к скале. Гром огласил долину. Хлынул ливень.

И другой, смертоносный ливень обрушился на крепостные стены: стрелы свистели, лязгали, отскакивали, откатывались — или впивались в живую плоть. Так начался штурм Хельмовой Крепи, а оттуда не раздалось ни звука, не вылетело ни единой ответной стрелы.

Осаждающие отпрянули перед безмолвной, окаменелой угрозой. Но молния вспыхивала за молнией, и орки приободрились. Они орали, размахивали копьями и мечами и осыпали стрелами зубчатый парапет, а ристанийцы с изумлением взирали на волнуемую военной грозой зловещую черную ниву, каждый колос которой ощетинился сталью.

Загремели медные трубы, и войско Сарумана ринулось на приступ: одни — к подножию Ущельной стены и Южной башне, другие — через плотину на откос, к воротам Горнбурга. Туда устремились огромной толпой самые крупные орки и дюжие, свирепые горцы Дунланда. В блеске молний на их шлемах и щитах видна была призрачно-бледная длань. Они бегом одолели откос и подступили к воротам.

Крепость, словно пробудившись, встретила их тучей стрел и градом каменьев. Толпа дрогнула, откатилась врассыпную и снова хлынула вперед, опять рассыпалась и опять набежала, возвращаясь упорно, как приливная волна. Громче прежнего взвыли трубы, и вперед с громогласным ревом вырвался плотный клин дунландцев; они прикрывались сверху своими большими щитами и несли два огромных обитых железом бревна. Позади них столпились орки-лучники, держа бойницы под ураганным обстрелом. На этот раз клин достиг ворот, и они содрогнулись от тяжких размашистых ударов. Со стены падали камни, но место каждого поверженного тут же занимали двое, и тараны все сокрушительней колотили в ворота.

Эомер и Арагорн стояли рядом на стене. Они слышали воинственный рев и гулкие удары таранов; ярко сверкнула молния, и при свете ее оба враз поняли, что ворота вот-вот поддадутся.

— Скорей! — крикнул Арагорн. — Настал час обнажить мечи!

Вихрем промчались они по стене и вверх по лестнице во внешний двор Горнбурга, прихватив с собой десяток самых отчаянных рубак. В стене была потайная дверца, выходившая на запад, узкая тропа над обрывом вела от нее к воротам. Эомер и Арагорн бежали первыми, ратники едва поспевали за ними. Два меча заблистали вместе.

— Гутвинэ! — воскликнул Эомер. — Гутвинэ и Мустангрим!

— Андрил! — воскликнул Арагорн. — Андрил и Дунадан!

Нападения сбоку не ожидали, и страшны были разящие насмерть удары Андрила, пылавшего белым пламенем. Стену и башню облетел радостный клич:

— Андрил! Андрил за нас! Сломанный Клинок откован заново!

Захваченные врасплох горцы обронили бревна-тараны, изготовившись к бою, но стена их щитов раскололась точно гнилой орех. Отброшенные и разрубленные, падали они замертво наземь или вниз со скалы, в поток. Орки-лучники выстрелили, не целясь, и бросились бежать.

Эомер и Арагорн задержались у ворот. Гром рокотал в отдалении, и где-то над южными горами вспыхивали бледные молнии. Резкий ветер снова задувал с севера. Рваные тучи разошлись, и выглянули звезды, мутно-желтая луна озарила холмы за излогом.

— Вовремя же мы подоспели, — заметил Арагорн, разглядывая ворота. Их мощные петли и железные поперечины прогнулись и покривились, толстенные доски треснули.

— Но здесь, снаружи, мы их не защитим, — сказал Эомер. — Смотри! — Он указал на плотину. Орки и дунландцы снова собирались за рекой. Засвистели стрелы, на излете звякая о камень. — Пойдем! Надо завалить ворота камнями и подпереть бревнами. Поспешим!

Они побежали назад. В это время около дюжины орков, схоронившихся среди убитых, вскочили и кинулись им вслед. Двое из них бесшумно и быстро, в несколько прыжков нагнали отставшего Эомера, подвернулись ему под ноги, оказались сверху и выхватили ятаганы, как вдруг из мрака выпрыгнула никем дотоле не замеченная маленькая черная фигурка. Хрипло прозвучал клич: *«Барук Казад! Барук ай-мену!»* — и дважды сверкнул топор. Наземь рухнули два обезглавленных трупа. Остальные орки опрометью кинулись врассыпную.

Арагорн, почуяв недоброе, вернулся, но Эомер уже стоял на ногах.

Дверцу тщательно заперли, ворота загромоздили бревнами и камнями. Наконец Эомер, улучив минуту, обратился к своему спасителю.

— Спасибо тебе, Гимли, сын Глоина! — сказал он. — Я и не знал, что ты отправился с нами на вылазку. Но частенько незваный гость — самый дорогой. А что это тебе вздумалось?

— Да хотел прогуляться, сон стряхнуть, — отвечал Гимли. — А потом гляжу — уж больно здоровы эти горцы. Ну, я присел на камушек и полюбовался, как вы орудуете мечами.

— Теперь я у тебя в неоплатном долгу, — сказал Эомер.

— Ночь длинная, успеешь расплатиться, — засмеялся гном. — Да это пустяки. Главное дело — почин, а то я от самой Мории своей секирой разве что дрова рубил.

— Двое! — похвастал Гимли, поглаживая топорище. Он возвратился на стену.

— Вот как, целых двое? — отозвался Леголас. — На моем счету чуть больше, хотя приходится, видишь, собирать стрелы: у меня ни одной не осталось. Но два-то десятка я уж точно уложил, а толку что? Их здесь что листьев в лесу.

Небо расчистилось, и ярко сияла заходящая луна. Но лунный свет не обрадовал осажденных: вражьи полчища множились на глазах, прибывала толпа за толпой. Вылазка отбросила их ненадолго, вскоре натиск на ворота удвоился. Свирепая черная рать, неистовствуя, лезла на стену, густо облепив ее от Горнбурга до Южной башни. Взметнувшись, цеплялись за парапет веревки с крючьями, и ристанийцы не успевали отцеплять и перерубать их. Приставляли сотни осадных лестниц, на месте отброшенных появлялись другие, и орки по-обезьяньи вспрыгивали с них на зубцы. Под стеной росли груды мертвецов, точно штормовые наносы, и по изувеченным трупам карабкались хищные орки и озверелые люди, и не было им конца.

Ристанийцы бились из последних сил. Колчаны их опустели, дротиков не осталось, копья были изломаны, мечи иззубрены, щиты иссечены. Трижды водили их на вылазку Арагорн с Эомером, и трижды отшатывались враги, устрашенные смертоносным сверканием Андрила.

Сзади по ущелью раскатился гул. Орки пробрались водостоком под стену и, скопляясь в сумрачных расселинах скал, выжидали, пока все воины уйдут наверх отражать очередной приступ. Тут они повыскакивали из укрытий, целая свора бросилась в глубь ущелья, рубя и разгоняя коней, оставленных почти без охраны.

Гимли спрыгнул со стены во двор, оглашая скалы яростным кличем: «*Казад! Казад!*» — и сразу принялся за дело.

— Э-гой! — кричал он. — Орки напали с тыла! Э-гей! Сюда, Леголас! Тут их нам обоим хватит! *Казад ай-мену!*

Старый Гамлинг услышал из крепости сквозь шум битвы зычный голос гнома.

— Орки в ущелье! — крикнул он, вглядываясь с высоты. — Хельм! Хельм! За мной, сыны Хельма! — и ринулся вниз по лестнице во главе отряда вестфольдцев.

Смятые внезапной атакой, орки со всех ног бежали в теснину и все до единого были изрублены или сброшены в пропасть; и молча внимали их предсмертным воплям и следили за падающими телами стражи потаенных пещер.

— Двадцать один! — воскликнул Гимли, взмахнув секирой и распластав последнего орка. — Вот мы и сравнялись в счете с любезным другом Леголасом.

— Надо заткнуть эту крысиную дыру, — сказал Гамлинг. — Говорят, гномы — на диво искусные каменщики. Окажи нам помощь, господин!

— Тесать камни секирой несподручно, — заметил Гимли. — Ногтями тесать я тоже не горазд. Ладно, попробуем, что получится.

Вестфольдцы набрали булыжников и щебня и под руководством Гимли замуровали водосток, оставив лишь небольшое отверстие. Полноводная после дождя Ущелица вспучилась, забурлила и разлилась среди утесов.

— Авось наверху посуше, — сказал Гимли. — Пойдем-ка, Гамлинг, посмотрим, что делается на стене.

Леголас стоял возле Арагорна с Эомером и точил свой длинный кинжал. Нападающие покамест отхлынули — наверно, их смутила неудача с водостоком.

— Двадцать один! — объявил Гимли.

— Отлично! — сказал Леголас. — Но на моем счету уже две дюжины. Тут пришлось поработать кинжалом.

Эомер и Арагорн устало опирались на мечи. Слева от крепостного подножия слышались крики, грохот и лязг — там вновь разгоралась битва. Но Горнбург стоял незыблемо, как утес в бушующем море. Ворота его сокрушили, однако завал из камней и бревен не одолел еще ни один враг.

Арагорн взглянул на тусклые звезды, на заходящую луну, золотившую холмистую окраину излога, и сказал:

— Ночь эта длится словно многолетнее заточение. Что так медлит день?

— Да недолго уж до рассвета, — молвил Гамлинг, взобравшись на стену вслед за Гимли. — Но много ли в нем толку? От осады он нас не избавит.

— От века рассвет приносит людям надежду, — отвечал Арагорн.

— Этой изенгардской нечисти, полуоркам и полулюдям, выпестованным злым чародейством Сарумана, — им ведь солнце нипочем, — сказал Гамлинг. — Горцы тоже рассвета не испугаются. Слышите, как они воют и вопят?

— Слышать-то слышу, — отозвался Эомер, — только их вой и вопли какие-то не человеческие, а скорее птичьи, не то звериные.

— А вот ты бы вслушался, может, и слова бы различил, — возразил Гамлинг. — Дунландский это язык, я его помню смолоду. Когда-то он звучал повсюду на западе Ристании. Вот, слышите? Как они нас ненавидят и как ликуют теперь, в свой долгожданный и в наш роковой час! «Конунг, где ваш конунг? — вопят они. — Конунга вашего давайте сюда! Смерть Форгойлам — да сгинут желтоволосые ублюдки! Северянам-грабителям — смерть всем до единого!» Вот так они нас честят. За полтысячи лет не забылась их обида на то, что Отрок Эорл стал союзником Гондора и властителем здешнего края. Эту застарелую рознь Саруман разжег заново, и теперь им удержу нет. Ни закат им не помеха, ни рассвет: подавай на расправу Теодена, и весь сказ!

— И все равно рассвет — вестник надежды, — сказал Арагорн. — А правда ли, будто Горнбург не предался врагам ни единожды и не бывать этому, доколе есть у него защитники?

— Да, так поется в песнях, — устало отвечал Эомер.

— Будем же достойными его защитниками! — сказал Арагорн.

Их речи прервал трубный вой. Раздался грохот, полыхнуло пламя, повалил густой дым. Шипя, клубясь и пенясь, Ущелица рванулась новопроложенным руслом сквозь зияющий пролом в стене. А оттуда хлынули черные ратники.

— Вот проклятый Саруман! — воскликнул Арагорн. — Пока мы тут лясы точим, орки снова пробрались в водосток и подорвали стену колдовским огнем Ортханка! Элендил, Элендил! — крикнул он, кидаясь в пролом, а тем временем орки сотнями влезали по лестницам. И сотни напирали с тыла, везде бушевала сеча, приступ накатывался точно мутная волна, размывающая прибрежный песок. Защитники отступали к пещерам, сра-

жаясь за каждую пядь, другие напропалую пробивались к цитадели.

Широкая лестница вела от ущелья на крепостную скалу, к задним воротам Горнбурга. У ее подножия стоял Арагорн со сверкающим мечом в руке. Орки испуганно пятились, а те из своих, кому удавалось прорубиться к лестнице, стремглав бежали наверх. За несколько ступеней от Арагорна опустился на одно колено Леголас, натянув лук, готовый подстрелить любого осмелевшего орка.

— Все, Арагорн, черная сволочь сомкнулась! — крикнул он. — Пошли к воротам!

Арагорн побежал вслед за ним, но усталые ноги подвели: он споткнулся, и тут же с радостным воем кинулись снизу подстерегавшие орки. Первый из них, самый громадный, опрокинулся со стрелой в глотке, однако за ним спешили другие, попирая кровавый труп. Но сверху обрушился метко пущенный тяжкий валун — и смел их в ущелье. Ворота с лязгом затворились за Арагорном.

— Плоховаты наши дела, друзья мои, — сказал он и отер рукавом пот со лба.

— Да хуже вроде бы некуда, — подтвердил Леголас, — а все-таки здорово повезло, что ты уцелел. Гимли-то где?

— Не знаю, где он, — сказал Арагорн. — Я видел, он рубился у стены, а потом нас разнесло в разные стороны.

— Ой-ой-ой! Вот так новости! — огорчился Леголас.

— Да нет, он крепкий, сильный боец, — сказал Арагорн. — Будем надеяться, что он пробился к пещерам и там ему лучше, чем нам. Гном — он в любой пещере как дома.

— Ну ладно, будем надеяться, — вздохнул Леголас. — Но лучше бы он сюда пробился. Кстати бы узнал, что на моем счету тридцать девять.

— Если он и правда в пещерах, он тебя опять перекроет, — рассмеялся Арагорн. — Секирой он орудовал так, что залюбуешься.

— Пойду-ка я поищу, может, стрелы какие валяются, — сказал Леголас. — Когда-нибудь да рассветет, тут они и пригодятся.

Арагорн поднялся в цитадель и с огорчением узнал, что Эомера в Горнбурге нет.

— И не ищи, не проходил он, — сказал один из стражей-вестфольдцев. — Я видел, как он собирал бойцов в устье ущелья; рядом с ним дрались Гамлинг и гном, но туда было не пробиться.

Арагорн пересек внутренний двор и взошел на башню, в покой, где конунг стоял, ссутулившись, подле узкого оконца.

— Что нового, Арагорн? — спросил он.

— Ущельная стена захвачена, государь, и разгромлена оборона Крепи, но многие прорвались в Горнбург.

— Эомер здесь?

— Нет, государь. Однако и в ущелье отступило немало воинов. Говорят, среди них видели Эомера. Может быть, там, в теснине, они задержат врага и проберутся к пещерам. А уж как им дальше быть...

— Им-то ясно, как дальше быть. Припасов, кажется, достаточно. Дышится легко — там воздушные протоки в сводах. Да к пещерам и подступу нет, лишь бы защитники стояли насмерть. Словом, долго могут продержаться.

— Так-то оно так, однако орков снарядили в Ортханке пробойным огнем, — сказал Арагорн. — Иначе бы мы и стену не отдали. Если не пробьются в пещеры, то могут наглухо замуровать защитников. Впрочем, нам и вправду надо сейчас думать не о них, а о себе.

— Душно мне здесь, как в темнице, — сказал Теоден. — На коне перед войском, с копьем наперевес я бы хоть испытал в последний раз упоение битвы. А тут какая от меня польза?

— Еще ничего не потеряно, пока ты цел и невредим со своей дружиной в неприступнейшей цитадели Ристании. У нас больше надежды отстоять Горнбург, чем Эдорас или даже горные крепи Дунхерга.

— Да, Горнбург славен тем, что доселе не бывал во вражеских руках, — сказал Теоден. — Правда, на этот раз я и в нем не уверен. Нынче рушатся в прах вековые твердыни. Да и какая башня устоит перед бешеным натиском огромной орды! Знал бы я, как возросла мощь Изенгарда, не ринулся бы столь опрометчиво мериться с ним силою по первому слову Гэндальфа. Теперь-то его советам и уговорам другая цена, чем под утренним солнцем.

— Государь, не суди раньше времени о советах Гэндальфа, — сказал Арагорн.

— Чего же еще дожидаться? — горько обронил Теоден. — Конец наш близок и неминуем, но я не хочу подыхать, как старый барсук, обложенный в норе. Белогрив, Хазуфел и другие кони моей охраны — здесь, во внутреннем дворе. С рассветом я велю трубить в рог Хельма и сделаю вылазку. Ты поскачешь со мною, сын Араторна? Может быть, мы и прорубимся, а нет — погибнем в бою и удостоимся песен, если будет кому их слагать.

— Я поеду с тобой, — сказал Арагорн.

Он вернулся на внешнюю стену и обошел ее кругом, ободряя воинов и отражая вместе с ними самые яростные приступы. Леголас не отставал от него. Один за другим полыхали взрывы,

камни содрогались. На стену забрасывали крючья, взбирались по приставным лестницам. Сотнями накатывались и сотнями валились со стены орки — крепка была оборона Горнбурга.

И вот Арагорн встал у парапета над воротной аркой, вокруг свистели вражеские стрелы. Он взглянул на восток, на бледнеющие небеса — и поднял руку ладонью вперед, в знак переговоров.

— Спускайся! Спускайся! — злорадно завопили орки. — Если тебе есть что сказать, спускайся к нам! И подавай сюда своего труса конунга! Мы — могучие бойцы, мы — непобедимый Урукхай! Все равно мы до него доберемся, выволокем его из норы. Конунга, конунга подавай!

— Выйти ему или оставаться в крепости — это конунг решает сам, — сказал Арагорн.

— А ты зачем выскочил? — издевались они. — Чего тебе надо? Подсчитываешь нас? Мы — Урукхай, нам нет числа.

— Я вышел навстречу рассвету, — сказал Арагорн.

— А что нам твой рассвет? — захохотали снизу. — Мы — Урукхай, мы бьемся днем и ночью, ни солнце, ни гроза нам не помеха. Не все ли равно, когда убивать — средь бела дня или при луне? Что нам твой рассвет?

— Кто знает, что ему готовит новый день, — сказал Арагорн. — Уносите-ка лучше ноги подобру-поздорову.

— Спускайся со стены, а то подстрелим! — заорали в ответ. — Это не переговоры, ты тянешь время и просто мелешь языком!

— Имеющий уши да слышит, — отозвался Арагорн. — Никогда еще Горнбург не видел врага в своих стенах, не увидит и нынче. Бегите скорей, иначе пощады не будет. В живых не останется никого, даже вестника вашей участи. Бьет ваш последний час!

Так властно и уверенно звучала речь Арагорна, одиноко стоявшего над разбитыми воротами лицом к лицу с полчищем врагов, что многие горцы опасливо оглянулись на долину, а другие недоуменно посмотрели на небо. Но орки злобно захохотали, и туча стрел и дротиков пронеслась над стеной, едва с нее спрыгнул Арагорн.

Раздался оглушительный грохот, взвился огненный смерч. Своды ворот, над которыми он только что стоял, расселись и обрушились в клубах дыма и пыли. Завал размело точно стог соломы. Арагорн бросился к королевской башне.

Орки радостно взревели, готовясь густой оравой ринуться в пролом, но снизу докатился смутный гомон, тревожный много-

голосый повтор. Осадная рать застыла — прислушивались и озирались. И тут с вершины башни внезапно и грозно затрубил большой рог Хельма.

Дрожь пробежала по рядам осаждающих. Многие бросались ничком наземь и затыкали уши. Ущелье отозвалось раскатистым эхом, словно незримые трубачи на каждом утесе подхватывали боевой призыв. Защитники Горнбурга с радостным изумлением внимали немолчным отголоскам. Громовая перекличка огласила горы, и казалось, не будет конца грозному и звонкому пению рогов.

— Хельм! Хельм! — возгласили ристанийцы. — Хельм восстал из мертвых и скачет на битву! Хельм и конунг Теоден!

И конунг явился — на белоснежном коне, с золотым щитом и огромным копьем. Одесную его ехал Арагорн, наследник Элендила, а за ними — дружина витязей-эорлингов. Занялась заря, и ночь отступила.

— Вперед, сыны Эорла! — с яростным боевым кличем на устах, громыхая оружием, врезалась конная дружина в изенгардские полчища и промчалась от ворот по откосу к плотине, топча и сминая врагов как траву. Послышались крики воинов, высыпавших из пещер и врубавшихся в черные толпы. Вышли на битву из Горнбурга все его защитники. А в горах все перекликались рога.

Ни громадные латники-орки, ни богатыри-горцы не устояли перед конунгом и сотней его витязей. Мечи сносили им головы, копья вонзались в спины; без оглядки, с воем и воплями бежали они вниз по склону, ибо дикий страх обуял их с рассветом, а впереди ожидало великое изумление.

Так выехал конунг Теоден из Хельмовой Крепи и отбросил осаждающих за Гать. У Гати дружина его остановилась в рассветном сиянии. Солнце, выглянув из-за восточного хребта, золотило жала их копий. Они замерли и молча глядели вниз, на Ущельный излог.

А тамошние места было не узнать. Где прежде тянулись зеленые склоны ложбины, нынче вырос угрюмый лес. Большие деревья, нагие, с белесыми кронами, недвижно высились ряд за рядом, сплетя ветви и разбросав по густой траве извилистые, цепкие корни. Тьма была разлита под ветвями. От Гати до опушки этого небывалого леса было всего лишь три сотни саженей. Там-то и скоплялось заново великое воинство Сарумана, опасное едва ли не пуще прежнего, ибо мрачные деревья пугали их больше, чем копья ристанийцев. Весь склон от Крепи до

Гати опустел, но ниже, казалось, копошился огромный мушиный рой. Направо, по крутым каменистым осыпям, выхода не было, а слева, с запада, близилась их судьбина.

Там, на гребне холма, внезапно появился всадник в белом светоносном одеянии, грянули рога, и тысячный отряд пеших ратников с обнаженными мечами устремился в ложбину. Впереди всех шагал высокий, могучий витязь с красным щитом; он поднес к губам большой черный рог и протрубил боевой сигнал.

— Эркенбранд! — в один голос закричали конники. — Эркенбранд!

— Взгляните! — воскликнул Арагорн. — Белый Всадник! Гэндальф возвратился с подмогой!

— Митрандир! Митрандир! — подхватил Леголас. — Вот это, я понимаю, волшебство! Скорее, скорее, поедем поглядим на лес, пока чары не развеялись!

Изенгардцы с воплями метались из стороны в сторону между двух огней. С башни снова затрубил рог, и дружина конунга помчалась в атаку по мосту через Хельмову Гать. С холмов ринулись воины Эркенбранда, правителя Вестфольда. Светозар летел по склону точно горный олень, едва касаясь земли копытами, и от ужаса перед Белым Всадником враги обезумели. Горцы падали ниц; орки, визжа, катились кубарем, бросая мечи и копья. Несметное воинство рассеивалось, как дым на ветру. В поисках спасения ополоумевшие орки кидались во мрак под деревьями и в этом мраке исчезали без следа.

Глава VIII

ДОРОГА НА ИЗЕНГАРД

Так ясным весенним утром на зеленом лугу возле реки Ущелицы снова встретились конунг Теоден и Белый Всадник Гэндальф, и были при этом Арагорн, сын Араторна, эльф-царевич Леголас, Эркенбранд из Вестфольда и сановники Златоверхого дворца. Вокруг них собрались ристанийцы, конники Мустангрима, более изумленные волшебством, нежели обрадованные победой: взоры их то и дело обращались к таинственному лесу, который не исчезал.

Но снова раздались громкие возгласы: из-за Гати показались воины, вышедшие из пещер, — и старый Гамлинг, и Эомер, сын Эомунда. А рядом с ними вразвалку шагал гном Гимли: шлема на нем не было, голова обвязана окровавленной тряпицей, но голос звучал по-прежнему задорно и зычно.

— Сорок два как один, любезный друг Леголас! — крикнул он. — Только вот у последнего оказался стальной воротник. Голова его слетела, а секира моя зазубрена. Твои-то как успехи?

— На одного ты меня перегнал, — отвечал Леголас. — Да ладно уж, гордись: коли ты на ногах держишься, то мне и проигрыш не в тягость!

— Привет тебе, Эомер, сестрин сын! — сказал Теоден. — Поистине рад я, что вижу тебя в живых.

— Здравствуй и ты, повелитель Ристании! — отвечал Эомер. — Видишь, рассеялся мрак ночи, и снова наступил день. Однако же диковинный подарок преподнес нам рассвет! — Он удивленно огляделся и, посмотрев на лес, перевел взгляд на Гэндальфа. — А ты снова явился в трудный час нежданно и негаданно, — сказал он ему.

— Нежданно? — отозвался Гэндальф. — Негаданно? Я, помнится, даже назначил вам место встречи.

— Однако время ты не указал, и не знали мы, с чем ты вернешься, с какой неведомой подмогой. Ты великий волшебник, о Гэндальф Белый!

— Может быть, и так. Но пока обошлось без моего волшебства. Я всего лишь дал в свое время нужный совет, и Светозар меня не подвел. А победу принесли ваша доблесть и крепкие ноги вестфольдцев, ни разу не отдохнувших за ночь.

Все уставились на Гэндальфа, онемев от изумления. Искоса поглядывали на странный лес и протирали глаза: быть может, ему не видно того, что видят они?

Гэндальф весело расхохотался.

— Ах, вы о деревьях? — сказал он. — Да нет, деревья я вижу не хуже вас. Но этот исход вашей битвы от меня не зависел. Здесь растерялся бы даже целый Совет Мудрых. Я этого не замышлял и уповать на это не мог, однако же так вот случилось.

— Не твое волшебство, так чье же? — спросил Теоден. — Не Саруманово — это уж точно. Значит, есть колдун сильнее вас обоих, и надо узнать, кто он таков.

— Тут не волшебство, тут нет колдовского морока, — промолвил Гэндальф. — Встала древняя сила, старинные обитатели Средиземья: они бродили по здешним местам, прежде чем зазвенели эльфийские песни, прежде чем молот ударил о железо,

Еще руду не добыли, деревья не ранил топор,
Еще были юны подлунные, серебристые выси гор,
Колец еще не бывало в те стародавние дни,
А по лесам неспешно уже бродили они.

— Ты задал загадку, а где на нее ответ? — спросил Теоден.

— Хочешь ответа, поехали со мною в Изенгард, — предложил ему Гэндальф.

— Как в Изенгард? — вскричали все разом.

— Да так вот, в Изенгард, — отвечал Гэндальф. — Туда лежит мой путь, и кто хочет, пусть едет со мной. Странные, должно быть, нас ожидают зрелища.

— Однако ж во всей Ристании, — возразил Теоден, — не найдется довольно ратников, — даже если поднимутся на битву все до одного, забыв усталость и презрев раны, — не хватит их, чтобы осадить, а не то что взять неприступную твердыню Сарумана.

— Словом, я еду в Изенгард, — еще раз повторил Гэндальф. — И времени у меня в обрез: на востоке темень смыкается. Увидимся, значит, в Эдорасе до ущерба луны!

— Нет! — сказал Теоден. — В смутный предрассветный час я усомнился в тебе, но теперь нам расставаться не с руки. Я поеду с тобою, если таков твой совет.

— Я хочу как можно скорее поговорить с Саруманом, — объяснил Гэндальф. — А он — виновник всех ваших бед, и слово теперь за вами. Но уж ехать, так ехать немедля — сможете?

— Воины мои утомлены битвой, — проговорил конунг, — да и сам я, по правде сказать, тоже очень устал: полсуток в седле, а потом бессонная ночь. Увы, старость моя неподдельна, и не Гнилоуст нашептал ее. От этого недуга исцеленья нет, тут и Гэндальф бессилен.

— Что ж, пусть все, кто поедет со мной, сейчас отдохнут, — сказал Гэндальф. — Тронемся ввечеру — да так оно и лучше, а впредь мой вам совет: таитесь, действуйте скрытно. И поменьше людей бери с собой, Теоден, — не на битву едем, на переговоры.

Отрядили гонцов из числа тех немногих, кто остался цел и невредим; на самых быстрых скакунах помчались они по ближним и дальним долам и весям, разнося весть о победе; и повелел конунг всем ристанийцам от мала до велика снаряжаться в поход и поспешать к Эдорасу на боевой смотр — через двое суток после полнолуния. Он взял с собой в Изенгард Эомера и двадцать дружинников. А с Гэндальфом поехали Арагорн, Леголас и Гимли. Гном, несмотря на рану, не пожелал отстать от своих.

— Удар-то пустяковый, пришелся вкось по шлему, — сказал он. — Да если я из-за каждой поганой царапины...

— Сейчас попробуем подлечить, — прервал его Арагорн.

Теоден вернулся в Горнбург и опочил таким безмятежным сном, каким не спал уж много лет. Легли отдыхать и те, кому предстоял с ним далекий путь. А остальные — все, кроме тяжелораненых, — принялись за дело, ибо надлежало собрать под стенами и в ущелье тела павших и предать их земле.

Орков в живых не осталось, и не было числа их трупам. Но многие горцы сдались в плен; в ужасе и отчаянии молили они о пощаде. У них отобрали оружие и приставили их к работе.

— Отстроите вместе с нами заново то, что разрушали с орками, принесете клятву никогда более с враждою не переступать Изенских бродов и ступайте себе восвояси, — сказал им Эркенбранд. — Саруман обманул вас, и дорогой ценой расплатились вы за вашу доверчивость, а если б одержали победу, расплатились бы еще дороже.

Дунландцы ушам своим не верили: Саруман говорил им, что свирепые ристанийцы сжигают пленников живьем.

Подле Горнбурга посреди поля насыпали два кургана: под одним схоронили вестфольдцев, под другим — ополченцев Эдораса. У самой стены был погребен главный телохранитель Теодена Гайма — он пал, защищая ворота.

Трупы орков свалили поодаль, возле опушки новоявленного леса. И многие тревожились, ибо неведомо было, что делать с огромными грудами мертвечины: закапывать — хлопотно, да и некогда, сжечь — недостанет хворосту, а рубить диковинные деревья никто бы не отважился, если б Гэндальф и не запретил строго-настрого даже близко к ним подходить.

— И не возитесь с трупьем, — велел он. — К завтрашнему утру, я думаю, все уладится.

Еще далеко не закончено было погребение, когда конунг со свитой изготовились к отъезду. И Теоден оплакал своего верного стража Гайму и первым бросил горсть земли в его могилу.

— Великое горе причинил Саруман мне и всему нашему краю, — молвил он. — Когда мы с ним встретимся, я ему это припомню.

Солнце клонилось к западному волнолью чолога. Теодена и Гэндальфа провожали до Гати — ополченцы и вестфольдцы, стар и млад, женщины и дети, высыпавшие из пещер. Звонко разливалась победная песнь — и вдруг смолкла, ибо угрюмые деревья внушали страх ристанийцам.

На опушке кони стали: им, как и их всадникам, не хотелось углубляться в лес. Недвижные, серые, зловещие деревья стояли в туманной дымке, их простертые ветки растопырились, точно лапы, готовые схватить и впиться, извилистыми щупальцами застыли корни, а под ними зияли черные провалы. Но Гэндальф тронулся вперед, и за ним последовали остальные, въезжая один за другим под своды корявых ветвей, осенявших дорогу из Горнбурга, а она оказалась свободна, рядом с ней текла Ущелица, и золотистым сиянием лучились небеса. А древесные стволы по обе стороны уже окутывали сумерки, и из густеющей мглы доносились скрипы, треск и кряхтение, дальние вскрики

и сердитая безголосая молвь. Ни орков, ни лесных зверей не было.

Леголас и Гимли ехали на одной лошади и держались поближе к Гэндальфу, а то Гимли сильно побаивался леса.

— Душно как, правда? — сказал Леголас Гэндальфу. — Нас обступает безысходный гнев. Слышишь, воздух трепещет?

— Слышу, — отозвался Гэндальф.

— А что сталось с несчастными орками? — спросил Леголас.

— Этого, я думаю, никто никогда не узнает, — отвечал Гэндальф.

Какое-то время они ехали молча, и Леголас все поглядывал по сторонам: если б не Гимли, он бы охотно остановился и послушал лесные голоса.

— Ничего не скажешь, чудны́е деревья, — заметил он, — а уж я ли их не навидался на своем веку! Сколько дубов знал от желудя до кучи трухи! А что, никак нельзя немного задержаться? Я походил бы по лесу, вслушался бы в их разговор, может, и понял бы, о чем речь.

— Нет-нет! — поспешно возразил Гимли. — Оставь их в покое! Я и так понимаю, о чем речь: им ненавистны все двуногие, вот они и переговариваются, как нас ловчее ловить и давить.

— Нет, не все двуногие им ненавистны, это ты выдумываешь, — сказал Леголас. — Ненавидят они орков, а до эльфов и людей им дела нет, они и не знают, кто мы такие. Откуда же? Они нездешние, они родились и выросли в лесной глуши, в тенистых ложбинах Фангорна. Так-то, друг мой Гимли, фангорнские это деревья.

— Ну да, из самого, стало быть, гиблого леса в Средиземье, — проворчал Гимли. — Спасибо им, конечно, здорово помогли, но не лежит у меня к ним душа. Любуйся на них, коли они тебе в диковинку, а вот мне и правда такое привелось увидеть! Что там все леса и долины на свете! До сих пор не нарадуюсь.

Говорю тебе, Леголас, чудной народ эти люди! Под носом у них диво дивное, на всем Севере не сыщешь подобного, а они говорят — пещеры! Пещеры, и все тут! Убежища на случай войны, кладовки для припасов! Друг мой Леголас, да знаешь ли ты, какие хоромы сокрыты в горных недрах возле Хельмова ущелья? Проведай об этом гномы, они бы стекались сюда со всех концов земли, чтобы только взглянуть на них, и платили бы за вход чистым золотом!

— А я не пожалел бы золота за выход, если бы там случайно оказался, — заявил Леголас.

— Ты их не видел, что с тебя взять, — сказал ему Гимли. —

Прощаю, так и быть, твою дурацкую шутку. Да ваш царский подгорный дворец в Лихолесье, который, кстати, гномы же и отделывали, — просто берлога по сравненью со здешними хоромами! Это огромные чертоги, в которых звучит и звучит медленная музыка переливчатых струй и вечной капели над озерами, прекрасными, как Келед-Зарам в сиянье звезд.

А когда зажигают факелы и люди расхаживают по песчаным полам под гулкими сводами, тогда, представляешь, Леголас, гладкие стены сеют сверканье самоцветов, хрусталей, рудных жил — и озаряются таинственным светом мраморные кружева и завитки вроде раковин, прозрачные, словно пясти Владычицы Галадриэли. И, слушай, Леголас, повсюду вздымаются, вырастают из многоцветного пола причудливые, как сны, витые изваяния колонн — белоснежные, желто-коричневые, жемчужно-розовые, а над ними блещут сталактиты — крылья, гирлянды, занавеси, окаменевшие облака, башни и шпили, флюгера и знамена висячих дворцов, отраженных в недвижно-стылых озерах, и дивные мерцающие виденья рождаются в темно-стеклянной глади: города, какие и Дарину сдва ли грезились, улицы, колоннады и галереи, подвешенные над черною глубиной. Но вот падает серебряная капля, круги расходятся по стеклянистой воде — и волшебные замки колышутся, словно морские водоросли в подводном гроте. Наступает вечер — факелы унесли: видения блекнут и гаснут, а в другом чертоге, блистая новой красой, является новая греза. Чертогов там не счесть, Леголас, хоромина за хороминой, своды над сводами, бесконечные лестницы, и в горную глубь ведут извилистые ходы. Пещеры! Хоромы возле Хельмова ущелья! Счастлив жребий, что привел меня сюда! Уходя, я чуть не плакал.

— Ну раз так, Гимли, — сказал немного ошарашенный Леголас, — то желаю тебе уцелеть в грядущих битвах, вернуться в здешние края и снова узреть любезные твоему сердцу пещеры. Только ты своим-то про них не очень рассказывай: судя по твоим словам, здесь трогать ничего не надо, а от семейки гномов с молотками и чеканами вреда, пожалуй, не оберешься. Может, ристанийцы и правильно делают, что помалкивают об этих горных хоромах.

— Ничего ты не понимаешь, — рассердился Гимли. — Да любой гном просто обомлеет от восторга. Нет среди потомков Дарина таких, чтобы принялись здесь добывать драгоценные камни или металл, будь то даже алмазы и золото. Ты ведь не станешь рубить по весне на дрова цветущие деревца? Этот каменный цветник стал бы у нас изумительным, блистающим заповедником. Бережно и неспешно, тюк да тюк, там да сям, бывает, за день только один раз и приладишься с чеканом — мы

знаешь как умеем работать! — и через десятки лет чертоги явили бы свою сокровенную красоту и открылись бы новые — там, где сейчас за расселинами скал зияют темные пропасти. И все бы озарилось светом, Леголас! Засияли бы такие же невиданные светильники, как некогда в Казад-Думе, и отступила бы ночь, от века заполонившая горные недра; она возвращалась бы только по нашему мановению.

— Удивил ты меня, Гимли, — сказал Леголас. — Раньше я таких речей от тебя не слыхивал. Еще немного — и я, чего доброго, начну сожалеть, что не видел твоих чертогов. Ладно! Давай заключим уговор: если обоих нас минует гибель, — что вряд ли, — то немного попутешествуем вдвоем. Ты со мною в Фангорн, а потом я с тобой — к Хельмову ущелью.

— Фангорн-то я бы далеко стороной обошел, — вздохнул Гимли. — Но будь по-твоему, в Фангорн так в Фангорн, только уж после этого — прямиком сюда, я сам тебе покажу пещеры.

— Идет, — скрепил Леголас. — Но пока что, увы, и от пещер мы отъезжаем все дальше, а вот, гляди-ка, и лес кончается. Далеко еще до Изенгарда, Гэндальф?

— Кому как, — отозвался Гэндальф. — Саруманovы вороны летают по прямой, им пятнадцать лиг: пять от Ущельного излога до переправы, а оттуда еще десять до изенгардских ворот. Но мы отдохнем — заночуем.

— А там, на месте, что нас все-таки ожидает? — спросил Гимли. — Ты-то, конечно, знаешь заранее, а я даже не догадываюсь.

— Нет, я заранее не знаю, — отвечал маг. — Я там был вчера ночью; с тех пор могло случиться многое. Но ты, я думаю, сетовать не будешь, что зря проехался, хотя и покинул, не насмотревшись, Блистающие Пещеры Агларонда.

Наконец они выехали из лесу к развилке большой дороги, которая вела от Ущельного излога на восток, к Эдорасу, и на север, к Изенгардской переправе. Леголас остановил коня на опушке, с грустью оглянулся и громко вскрикнул.

— Там глаза! — закричал он. — Из-за ветвей глаза глядят нам вслед! В жизни не видал таких глаз!

Встревоженные его возгласом воины тоже остановились и обернулись, а Леголас поскакал обратно.

— Нет-нет! — завопил Гимли. — Езжай, куда хочешь, коли совсем свихнулся, а меня спусти с лошади! Ну тебя с твоими глазами!

— Стой, царевич Лихолесья! — приказал Гэндальф. — Сейчас не время. Погоди, от тебя этот лес не уйдет.

Между тем на опушке показались три удивительных ис-

полина: ростом с троллей, футов двенадцати, если не больше, плотные, крепко сбитые, как деревья в поре, долгоногие, длиннорукие, многопалые; то ли одежда в обтяжку, то ли кожа была у них светло-бурая, курчавились кронами пышные волосы, торчали серо-зеленые, мшистые бороды. Огромные внимательные глаза глядели вовсе не на конников, взоры их устремлялись к северу. Внезапно они, приставив раструбом руки ко рту, издали громкий клич, похожий на пение рога, но протяжнее и мелодичнее. Раздались ответные звуки. Всадники обернулись в другую сторону и увидели, что с севера к лесу быстро приближаются такие же исполины, вышагивая в траве. Шагали они точно аисты, но гораздо проворнее. Конники разразились изумленными возгласами, иные из них схватились за мечи.

— Оставьте оружие, — сказал Гэндальф. — Это всего-навсего пастухи. Они не враги наши, да они нас вовсе и не замечают.

Видимо, так оно и было: исполины, даже не взглянув на всадников, скрылись в лесу.

— Пастухи! — сказал Теоден. — А где же их стада? Кто они такие, Гэндальф? Тебе они, по всему видать, знакомы.

— Пастыри деревьев, — отвечал Гэндальф. — Давно ли, о конунг Теоден, внимал ты долгим рассказам у вечернего очага? Многие ристанийские дети, припомнив волшебные сказки и чудесные были, шутя отыскали бы ответ на твой вопрос. Ты видел онтов, конунг, онтов из Фангорнского Леса, который на вашем языке зовется Онтвальд. Может, тебе казалось, что он прозван так ненароком? Нет, Теоден, разуверься: это вы для них мимолетная небыль, столетья, минувшие со времен Отрока Эорла до старца Теодена, в их памяти короче дня, и летопись ваших деяний — как пляска солнечных зайчиков.

— Онты! — вымолвил конунг после долгого молчания. — Да, среди сказочных теней понятнее нынешние чудеса, а время нынче небывалое. Век за веком мы холили коней и распахивали поля, строили дома, ковали мечи и косы, выезжали в дальние походы и помогали гондорцам воевать — и называли это жизнью людской, и думали, будто мир вертится вокруг нас. И знать не желали никаких чужаков за нашими рубежами. Старинные песни и сказания мы забывали, одни обрывки их случайно достигали детских ушей. И вот свершилось — древние небылицы ожили и, откуда ни возьмись, явились средь бела дня.

— Вот и радуйся, конунг Теоден, — сказал Гэндальф. — Стало быть, нынче злая беда грозит не только недолговечному роду людскому, но и жизни иной, которая мнилась вам небылицей. Есть у вас союзники и соратники, неведомые вам самим.

— Не знаю, радоваться мне или печалиться, — возразил Теоден. — Ведь даже если мы победим, все равно много дивного и прекрасного исчезнет, наверное, из жизни Средиземья.

— Исчезнет, — подтвердил Гэндальф. — Лиходейство Саурона с корнем выкорчевать не удастся, и след его неизгладим. Но такая уж выпала нам участь. Поехали дальше, навстречу судьбе!

Обросший лесом излог остался позади, свернули налево, к бродам. Леголас скакал последним, то и дело озираясь. Солнце уже закатилось, но, отъехав от горных подножий, они взглянули на запад и увидели за Вратами Ристании багряное небо и пылающие облака. Стаи черных птиц носились кругами и разлетались врассыпную у них над головой, с жалобным криком возвращаясь на свои скалистые кручи.

— Вдоволь поживы стервятникам на бранном поле, — сказал Эомер.

Они шли на рысях по темнеющей равнине. Медленно выплыла чуть урезанная луна, и в ее серебристом свете степь колыхала неровные серые волны. Часа через четыре подъехали к переправе; под откосом виднелись длинные отмели и высокие травянистые насыпи. С порывом ветра донесся волчий вой, и горестно припомнили ристанийцы, сколько доблестных воинов полегло в этих местах.

Прорезая насыпи, дорога витками спускалась к воде и поднималась в гору на том берегу. Три узкие тропы из тесаных каменьев и конские броды между ними вели через голый островок посредине реки. Конники смотрели на переправу и дивились: обычно там меж валунов клубилась и клокотала река, а сейчас было тихо. Безводное русло обнажило галечники и серые песчаные залежи.

— Унылые места, их и не узнать! — проговорил Эомер. — Саруман изуродовал все, что смог: неужели же запрудил и загадил источники Изена?

— Похоже на то, — сказал Гэндальф.

— Надо ли нам, — молвил Теоден, — непременно ехать этим путем, мимо наших мертвецов, истерзанных и изглоданных?

— Надо, — сказал Гэндальф. — Надо нам ехать этим путем. Скорбь твоя, конунг, понятна; ты, однако, увидишь, что волки с окрестных гор до наших мертвецов не добрались. Они обжираются трупами своих приятелей-орков: такая у них дружба, не на жизнь, а на смерть. Вперед!

Они спустились к реке, и волчий вой притих, а волки попятились: страшен был им вид Гэндальфа, грозно-белого в лунном свете, и его гордого серебряного коня Светозара. Конники перешли на островок, а мерцающие глаза тускло и хищно следили за ними с высокого берега.

— Взгляни! — указал Гэндальф. — Друзья твои не дремали.

И они увидели посреди островка свеженасыпанный курган, обложенный каменьями и утыканный копьями.

— Здесь покоятся все мустангримцы, павшие окрест, — сказал Гэндальф.

— Мир их праху! — отозвался Эомер. — Ржа и гниль источат их копья, но курган останется навеки — стеречь Изенгардскую переправу.

— И это тоже ты, Гэндальф, бесценный друг? — спросил Теоден. — Многое ж ты успел за вечер и за ночь!

— Спасибо Светозару и другим безымянным помощникам, — сказал Гэндальф. — Дела было — только поспевай! Одно скажу тебе в утешение возле этого холма: молва троекратно умножила число павших, хотя погибло и вправду немало. Больше, однако, рассеялось; и я собрал всех, кого удалось собрать. Одних я отправил с Гримбладом из Вестфольда на помощь Эркенбранду, другим поручил погребение. Теперь они на пути к Эдорасу; твой сенешаль Эльфхельм ведет их, и вдогон им послана еще сотня-другая конников. Саруман обрушил на Хельмову Крепь все свое воинство, завернул даже мелкие отряды, а все же я опасался, что какая-нибудь банда мародеров или свора волколаков нападет на беззащитную столицу. Теперь-то можешь не тревожиться: дворец твой ожидает тебя в целости и сохранности.

— Радостно будет мне возвратиться под златоверхий кров моих предков, пусть и ненадолго, — сказал Теоден.

Распростившись с островком и скорбным курганом, пересекли реку и взъехали на высокий берег. Едва они отдалились, волки снова злобно завыли.

Еще в седой древности была проложена дорога от Изенгарда к переправе. Она шла подле реки, сворачивая на восток, потом на север и наконец, оставив реку в стороне, вела прямиком к изенгардским воротам на западной окраине долины, миль за шестнадцать от ее устья.

Ехали они не дорогой, а рядом с нею, по целине, густо заросшей свежей травой. Ехали быстрее, чем прежде, и к полуночи проскакали добрых пять лиг. Тут, у подножия Мглистых гор, и заночевали: конунг не на шутку утомился. Длинные отроги Нан-Курунира простерлись им навстречу, и густая темень сокрыла долину; луна отошла к западу, спряталась за холмами. Однако же из долины, затопленной темнотой, вздымался огромный столп дымных паров, клубившихся и опадавших, и под лучами луны черно-серебряные клочья расползались в звездном небе.

— В чем тут дело, как думаешь, Гэндальф? — спросил Арагорн. — Похоже, будто горит вся Колдовская логовина.

— Нынче из этой логовины дым всегда клубами валит, —

сказал Эомер. — Но такого и я, пожалуй что, не видывал. Дымато, поглядите, маловато, все сплошь пар. Это Саруман готовит что-нибудь новенькое. Наверно, вскипятил воды Изена, оттого и русло сухое.

— Может, и вскипятил, — согласился Гэндальф. — Завтра утром узнаем, в чем дело с Изеном. А пока попробуйте все-таки отдохнуть.

Заночевали неподалеку от бывшего русла Изена, пустого и заглохшего. И спали, кому спалось. Но посреди ночи вскрикнули сторожевые, и все проснулись. Луна зашла. Блистали звезды, но темнее ночи вскрылась темнота — и пролилась по обе стороны реки, и уползала к северу.

— Ни с места! — велел Гэндальф. — Оружие не трогать! Погодите, сейчас минует!

Их окутал сплошной туман; сверху мигала горсточка серых звезд, но по обе руки стеной выросла темень. Они оказались как бы в узкой лощине, стиснутые раздвоенным шествием исполинских теней. Слышались голоса и шепоты, стенания и тяжелый, протяжный вздох; и долгим трепетом ответствовала земля. Казалось, конца не будет их испуганному ожиданию, однако темнота растаяла, и звуки стихли, замерли где-то в горах.

А в южной стороне, близ Горнбурга, за полночь раздался громовой гул, точно ураган пронесся по долине, и содрогнулись недра земные. Всех объял ужас — затворившись, ждали, что будет. Наутро вышли поглядеть и замерли в изумлении: не стало ни волшебного леса, ни кроваво-черной груды мертвецов. Далеко в низине трава была вытоптана, будто великаны-пастухи прогнали там бесчисленные стада, а за милю от Гати образовалась огромная расселина и над ней — насыпь щебня. Говорили, что там схоронены убитые орки, но куда подевались несметные толпы, бежавшие в лес, никто никогда не узнал: туда, на этот холм, не ступала нога человеческая, и трава на нем не росла. Его прозвали Мертвецкая Запасть. И диковинных деревьев в Ущельном излоге более не видели: как явились они ночью, так и ушли к себе обратно, в темные ложбины Фангорна. Страшной местью отомстили они оркам.

После этого конунгу с дружинниками не спалось, а ночь тянулась тихая, и только под утро вдруг обрела голос река. Валуны и мели захлестнуло половодьем, потом вода схлынула. Изен струился и клокотал деловито, как ни в чем не бывало.

На рассвете они изготовились к походу. За бледно-серой дымкой вставало невидимое солнце. Отяжелела, напитавшись стылым смрадом, сырая утренняя мгла. Медленно ехали по ши-

рокой, ровной и гладкой дороге. Слева сквозь туман виднелся длинный горный отрог — въезжали в Нан-Курунир, Колдовскую логовину, открытую лишь с юга. Когда-то была она зеленой и пышной; ее орошал полноводный Изен, вбирая ручьи, родники и дождевые горные потоки, и вся долина возделывалась, цвела и плодоносила.

Но это было давно. У стен Изенгарда и нынче имелись пашни, возделанные Сарумановыми рабами, но остальной долиной завладели волчцы и терние. Куманика оплела землю, задушила кустарник; под ее густыми порослями гнездились робкие зверьки. Деревьев не было; среди гниющей травы там и сям торчали обугленные, изрубленные пни — останки прежних рощ. Угрюмое безмолвие нарушал лишь Изен, бурливший в каменистом русле. Плавали клочья дыма и клубы пара, оседая в низинах. Конники помалкивали, и сомнение закрадывалось в их сердца: зачем их сюда понесло и добром ли все это кончится?

Через несколько миль дорога превратилась в мощеную улицу, и ни травинки не росло между каменными плитами. По обе стороны улицы текла вода в глубоких канавах. Громадный столб появился из мглы; на черном постаменте был установлен большой камень, высеченный и размалеванный наподобие длинной Белой Длани. Перст ее указывал на север. Недалеко, они знали, оставалось до ворот Изенгарда, и чем ближе к ним, тем тяжелее было на сердце, а впереди стеной стояла густая мгла.

Многие тысячелетия в Колдовской логовине высилась у горных подножий древняя крепость, которую люди называли Изенгардом. Ее извергла каменная глубь, потом потрудились нуменорские умельцы, и давным-давно обитал здесь Саруман, строитель не из последних.

Посмотрим же, каков был Изенгард во дни Сарумана, многими почитавшегося за верховного и наимудрейшего мага. Громадное каменное кольцо вросло в скалистые откосы, и лишь один был вход внутрь: большая арка с юга и под ней — туннель, прорубленный в скале, с обеих сторон закупоренный массивными чугунными воротами. Толстые стальные брусья глубоко впились в камень, а ворота были так подвешены на огромных петлях, что растворялись легко и бесшумно, от слабого нажима. За этим гулким туннелем приезжий оказывался как бы на дне чаши, от края до края которой была добрая миля. Некогда там росли меж аллей фруктовые рощи и журчали ручьи, стекавшие с гор в озерцо. Но к концу владычества Сарумана зелени не осталось и в помине. Аллеи замостили черным плитняком, вдоль них вместо деревьев тянулись ровными рядами мраморные, медные, железные столбы; их сковывали тяжкие цепи.

Громады скал, ограждавшие крепость, были источены изнутри ходами и переходами между тайниками, кладовыми и камерами, кругом обставлены всевозможными постройками; зияли бесчисленные окна, бойницы и черные двери. Там ютились тысячи мастеровых, слуг, рабов и воинов, там хранилось оружие, там, в подвалах, выкармливали волков. Все днище каменной чаши тоже было иссверлено; низкие купола укрывали скважины и шахты, и при луне Изенгард выглядел беспокойным кладбищем. Непрестанно содрогалась земля; винтовые лестницы уходили вглубь, к сокровищницам, складам, оружейням, кузницам и горнилам. Вращались железные маховики, неумолчно стучали молоты. Скважины изрыгали дымные струи и клубы в красных, синих, ядовито-зеленых отсветах.

Дороги меж цепей вели к центру, к башне причудливой формы. Ее воздвигли древние строители, те самые, что вытесали скалистую ограду Изенгарда. Казалось, однако же, что людям такое не под силу, что это отросток костей земных, увечье развернутых гор. Гигантскую глянцевито-черную башню образовали четыре сросшихся граненых столпа. Лишь наверху, на высоте пятисот футов над равниной, они вновь расходились кинжальными остриями; посредине этой каменной короны была круглая площадка, и на ее зеркальном полу проступали таинственные письмена.

Ортханк — так называлась мрачная цитадель Сарумана, и волею судеб (а может, и случайно) имя это по-эльфийски значило Клык-гора, а по-древнеристанийски — Лукавый Ум.

Могучей и дивной крепостью был Изенгард, и многие тысячи лет хранил он великолепие; обитали здесь и великие воеводы, стражи западных пределов Гондора, и мудрецы-звездочеты. Но Саруман медленно и упорно перестраивал его в угоду своим злокозненным планам и думал, что он — великий, несравненный, искусный зодчий; на самом же деле все его выдумки и ухищрения, на которые он разменял былую мудрость и которые мнились ему детищами собственного хитроумия, с начала до конца были подсказаны из Мордора: строил он не что иное, как раболепную копию, игрушечное подобие Барад-Дура, великой Черной Твердыни с ее бастионами, оружейнями, темницами и огнедышащими горнилами; и тамошний властелин в непомерном своем могуществе злорадно и горделиво смеялся над незадачливым и ничтожным соперником.

Таков был оплот Сарумана, так его описывала молва, хотя очевидцев и не было, ибо не помнилось ристанийцам, чтобы кто-нибудь из них проник за крепостные врата, а те немногие, кто там побывал, — те, вроде Гнилоуста, ездили туда тайком и держали язык за зубами.

Гэндальф проехал мимо столба с изваянием Длани, и тут конники заметили, что Длань-то вовсе не белая, а точно испятнанная засохшей кровью, и вблизи стало видно, что ногти ее побагровели. Гэндальф углубился в туман, и они нехотя последовали за ним. Кругом, словно после половодья, разлились широкие лужи, поблескивали колдобины, налитые водой, журчали в камнях ручьи.

Наконец Гэндальф остановился, сделал им знак приблизиться, и они выехали из тумана. Бледный послеполуденный солнечный свет озарил ворота Изенгарда.

А ворот не было; ворота, сорванные с петель и покореженные, валялись поодаль, среди руин, обломков и бескрайней свалки щебня. Входная арка уцелела, но за ней тянулась расселина — туннель, лишенный кровли. По обеим его сторонам стены были проломлены, сторожевые башни сшиблены и стоптаны в прах. Если бы океан во всей своей ярости обрушился на горную крепь — и то бы он столько не наворотил.

А в кольце полуразваленных скал дымилась и пузырилась залитая водой огромная каменная чаша, испуская пары, колыхалось месиво балок и брусьев, сундуков и ларей и всяческой прочей утвари. Искривленные, покосившиеся столбы торчали над паводком; все дороги были затоплены, а каменный остров посредине окутан облаком пара. Но по-прежнему темной, незыблемой твердыней возвышалась башня Ортханка, и мутные воды плескались у ее подножия.

Конунг и его конники глядели и поражались: владычество Сарумана было, очевидно, ниспровергнуто, но кем и как? Снова посмотрели они на арку, на вывернутые ворота и рядом с ними, на груде обломков, вдруг заметили двух малышей в сером, почти неразличимых средь камней. Подле них стояли и валялись бутылки, чашки и плошки; похоже, они только-только плотно откушали и теперь отдыхали от трудов праведных. Один, видимо, вздремнул, другой, скрестив ноги и закинув руки за голову, выпускал изо рта облачка и колечки синеватого дымка.

Теоден, Эомер и прочие ристанийцы обомлели от изумления: такое ни в одном сне не привидится, тем более посреди сокрушенного Изенгарда. Но прежде чем конунг нашел слова, малыш-дымоиспускатель заметил, в свою очередь, всадников, вынырнувших из тумана, и вскочил на ноги. Ни дать ни взять юноша, только в половину человеческого роста, он стоял с непокрытой головой, на которой курчавилась копна каштановых волос, а облачен был в замызганный плащ, вроде Гэндальфа и его сотоварищей, когда те заявились в Эдорас. Положив руку на

грудь, он низко поклонился. Потом, словно не замечая мага и его спутников, обратился к Эомеру и конунгу:

— Добро пожаловать в Изенгард, милостивые государи! — промолвил он. — Мы тут исполняем должность привратников. Меня лично зовут Мериадок, сын Сарадока, а мой товарищ по оружию, которого — увы! — одолела усталость, — тут он отвесил товарищу по оружию хорошего пинка, — зовется Перегрин, сын Паладина, из рода преславного Крола. Обиталище наше далеко на севере. Хозяин крепости Саруман — он у себя, но затворился, видите ли, с неким Гнилоустом, иначе бы, разумеется, сам приветствовал столь почетных гостей.

— Да уж, конечно, приветствовал бы! — расхохотался Гэндальф. — Так это, значит, Саруман поставил тебя стеречь выломанные ворота и принимать гостей, если будет тебе под силу оторваться от бутылки и оставить тарелку?

— Нет, ваша милость, он не изволил на этот счет распорядиться, — ответствовал Мерри. — Слишком он был занят, извините. К воротам нас приставил некий Древень, теперешний управляющий Изенгарда. Он-то и повелел мне приветствовать властелина Ристании в подобающих выражениях. Надеюсь, я не оплошал?

— А на друзей, значит, плевать, на Леголаса и на меня! — воскликнул Гимли, которого так и распирало. — Ах вы, мерзавцы, ах вы, шерстопятые и шерстолапые лежебоки! Ну и пробежались мы по вашей милости! Двести лиг по лесам и болотам, сквозь битвы и смерти — и все, чтобы вас догнать! А вы тут, оказывается, валяетесь-пируете как ни в чем не бывало, да еще куревом балуетесь! Куревом, это ж подумать только! Вы откуда, негодяи, взяли табак? Ах ты, клещи с молотом, иначе не скажешь! Если я не лопну от радости и ярости, вот это будет настоящее чудо!

— Хорошо говоришь, Гимли, — поддержал его Леголас. — Однако мне вот любопытно, откуда они взяли вино?

— Бегать-то вы горазды, только ума не набегаешь, — заметил Пин, приоткрыв один глаз. — Видите же, сидим мы, победивши, на поле боя, среди всяческой добычи, и еще спрашиваете, откуда взялись эти заслуженные трофеи?

— Заслуженные? — взъярился Гимли. — Вот уж это никак!

Конники захохотали.

— Сомненья нет, мы свидетели встречи старых друзей, — сказал Теоден. — Это и есть, Гэндальф, твои пропавшие спутники? Да, нынче наши дни исполнены чудес. Я уж их навидался с тех пор, как покинул Эдорас, а вот смотрите-ка, опять средь бела дня народец из легенд. Вы кто же, вы, что ли, невысоклики, которых у нас называют хольбитлы?

— Хоббиты, государь, с твоего позволения, — сказал Пин.

— Хоб-биты? — неуверенно повторил Теоден. — Странно изменился ваш язык, однако же имя это вполне вам подходит. Хоббиты, значит! Нет, россказни россказнями, а правда их чудне́й.

Мерри поклонился, Пин встал и последовал его примеру.

— Приятны слова твои, государь, — сказал он. — Надеюсь, что я их правильно понял. И вот ведь чудо из чудес! В долгом нашем странствии не встречал я никого, кто бы знал хоть что-нибудь о хоббитах.

— Недаром предки мои родом с севера, — сказал Теоден. — Однако не буду вас обманывать, мы тоже о хоббитах знаем мало. Всего-то нам известно, что далеко-далеко, за горами и синими реками, будто бы живут невысоклики, в норах под песчаными дюнами. Но о делах и деяниях ваших речи нет; говорят, не знаю, правду ли, что нечего про них и рассказывать, что вы избегаете людского глаза, скрываясь во мгновение ока, и что не имеете равных в подражании любым птичьим голосам. Наверняка можно бы и еще про вас что-нибудь порассказать.

— Можно бы, государь, золотые твои слова, — сказал Мерри.

— Вот хотя бы, — сказал Теоден, — я и слыхом не слыхивал, что вы умеете пускать дым изо рта.

— Ну, это как раз неудивительно, — заметил Мерри, — этому искусству мы не слишком давно научились. Тобольд Громобой из Длиннохвостья, что в Южном уделе, впервые вырастил у себя в саду истинное табачное зелье, и было это по нашему счисленью примерно в тысяча семидесятом году. А о том, как старина Тоби набрел на эту травку...

— Ты бы остерегся, Теоден, — вмешался Гэндальф. — Хоббитам только дай волю — они усядутся хоть на поле битвы и давай обсуждать кушанья и стряпню, а заодно порасскажут о деяньях своих отцов, дедов и прадедов, девятиюродных родичей с отцовской и материнской стороны. В другой раз послушаем, как они пристрастились к табачному зелью. Мерри, где Древень?

— Я так понимаю, где-нибудь в северной стороне, — задумчиво сказал Мерри. — Он пошел водицы испить — чистой, сказал он, водицы. И онты вместе с ним доламывают Изенгард — вон, где-то там. — И Мерри махнул рукой в сторону дымящегося озера. Они прислушались — и точно, оттуда доносился дальний грохот и рокот, будто лавина катилась с гор. Слышалось протяжное *хру-у-умм хуу-мм!* — как бы торжествующая перекличка рогов.

— А Ортханк, стало быть, оставили без охраны? — сурово спросил Гэндальф.

— Там вода плещется на страже, — возразил Мерри. — Да и не одна вода. Скоростень и еще там ребятушки с ним — они ох как стерегут башню. Да ты погляди как следует — думаешь, это

все торчат Саруманovы столбы? А Скоростень, по-моему, — вон он где, возле скалы, у подножия лестницы...

— Да, там стоит высокий серый онт, — подтвердил Леголас, — застыл и руки свесил, не отличишь от воротного столба.

— Уже изрядно за полдень, — сказал Гэндальф, — а мы, в отличие от вас, с раннего утра ничего не ели. Однако же мне бы надо сперва повидаться с Древнем. Он ничего мне передать не просил — или у тебя за питьем и кушаньем память отшибло?

— Он как раз очень даже просил, — сказал Мерри, — и давно бы я тебе это передал, если б меня не перебивали посторонними вопросами. Мне велено сказать вам, что ежели повелитель Ристании и Гэндальф соизволят съездить к северной окраине Изенгарда, то они там имеют встретить Древня, и он будет очень рад с ними свидеться. Смею ли прибавить, что там для них приготовлена отличная трапеза из припасов, отысканных и отобранных вашими покорными слугами. — И он опять поклонился.

— Давно бы так! — рассмеялся Гэндальф. — Что ж, Теоден, поехали со мной, поищем, где там Древень! В обход придется ехать, но все равно недалеко. Зато, увидевши Древня, многое уразумеешь. Ибо он — Фангорн, древнейший и главнейший из онтов. Переговоришь с ним — и услышишь первого из ныне живущих.

— Да, я поеду с тобой, — сказал Теоден. — До свидания, холь... хоббиты! Может, еще увидимся у меня во дворце. Вы тогда мирно усядетесь рядом со мною и расскажете обо всем, о чем душа пожелает: и о деяниях ваших предков, обо всем, что памятно из них; поговорим заодно и про старину Тобольда, про его ученье о травах. До свидания, государи мои!

Хоббиты низко поклонились.

— Вот он, значит, повелитель Ристании! — вполголоса проговорил Пин. — Старик хоть куда. А учтивый какой!

Глава IX

ХЛАМ И КРОШЕВО

Гэндальф и конунг с дружиной отправились на поиски Древня в объезд разрушенных изенгардских стен, а Леголас, Гимли и Арагорн отпустили коней щипать, какую найдут, травку и уселись рядом с хоббитами.

— Догнать мы вас, голубчиков, догнали, но как вас сюда занесло — это уму непостижимо, — сказал Арагорн.

— Вот-вот, — подхватил Леголас, — пусть сильные мира

сего обсуждают великие дела, а мы, охотники за хоббитами, возьмем-ка их в оборот, раз попались. Ведь что получается — мы их, можно сказать, проводили до самого леса, и все равно загадок не оберешься.

— А нам, наоборот, про вас, охотничков, интересно, — возразил Мерри. — Древень — это который самый старый онт — нам кое-что поразъяснил, теперь очередь за вами.

— За нами? — возмутился Леголас. — Кто за кем гнался? Мы за вами — вот давайте вы сперва и рассказывайте.

— Не сперва, а потом, — сказал Гимли. — После еды оно лучше пойдет. У меня голова с голодухи побаливает, да и время, кстати, самое обеденное. Соберите-ка вы нам, бездельники, какой ни на есть обед: хвастались ведь добычей. Поем-попью — глядишь, и подобрею.

— Сейчас мы тебя задобрим, — пообещал Пип. — Пить-есть-то где будете — здесь или все-таки, для пущего уюта, в Саруманової бывшей караулке, вон там, под аркой? Мы-то здесь расположились, чтобы вас не проморгать.

— И проморгали, ротозеи! — сказал Гимли. — Но я в гости к оркам, даже к мертвым, не пойду и не стану подъедать за ними объедки.

— А кто тебя зовет в гости к оркам? — осведомился Мерри. — Нам они и самим, знаешь ли, слегка осточертели. В Изенгарде всякой твари было по паре: у Сарумана и у того хватало мозгов не очень-то доверять оркам. Ворота люди стерегли — похоже, это его лейб-гвардия. Ну, так или иначе, а кормили их не худо.

— И табачным зельем снабжали? — ехидно спросил Гимли.

— Нет, не снабжали, — рассмеялся Мерри. — Но это уже другая, послеобеденная история.

— Ладно, уговорили, ведите обедать! — согласился гном.

Следом за хоббитами они прошли под арку налево в широкую дверь за лестницей и очутились в просторном покое с большим очагом и двумя маленькими дверцами в дальней стене. Окна его глядели в туннель, и обычно здесь, должно быть, царила темнота; нынче, однако, свет проливался сквозь разломанные своды. В очаге лылал огонь.

— Это я разжег, — сказал Пин. — Как-никак, все веселей у огонька, тем более в тумане. Только вот хворосту маловато и дрова сыроваты. Спасибо, дымоход треснул, и тяга такая, что лучше некуда. А теперь огонек очень даже пригодится — я вам сделаю гренки. Хлебушек-то, извините, черственький, третьегодняшней выпечки.

Арагорн и спутники его присели к длинному столу, а хоббиты скрылись за дверцами.

— Там у нас ихняя кладовка, ее, по счастью, не залило, — пояснил Пин, когда они вернулись с мисками, кружками, плошками, столовыми ножами и съестными припасами.

— И нечего нос воротить, сударь ты наш Гимли, — сказал Мерри. — Это тебе не оркская жратва, а самая настоящая людоеда́, как говорит Древень. Хотите вина или, может, пива? Имеется здоровенный бочонок — и недурное, знаете, пивцо. А это, изволите видеть, отличнейший окорочок. Не угодно ли поджаренного бекону? С гарниром, правда, плохо: последнюю неделю, представьте, никакого подвозу не было! Кроме мясного, могу предложить только хлеб с маслом и медом. Устроит?

— Ай да хоббиты! — сказал Гимли. — На славу задабривают!

Все трое ели так, что за ушами трещало, но и хоббиты от них, как ни странно, не отставали.

— Хочешь не хочешь, а гостям надо составить компанию, — вздохнули они, усаживаясь.

— Фу-ты ну-ты, какие гостеприимные хозяева! — захохотал Леголас. — Чего дурака-то валяете, не было бы нас, вы бы и друг другу компанию составили.

— А что, почему бы и нет, — ответствовал Пин. — Орки нас чуть не уморили, раньше тоже знай пояс подтягивай. Давненько живем впроголодь.

— Изголодались, бедняжки, а по вас и не скажешь, — заметил Арагорн. — Вид у вас цветущий.

— Да уж, — сказал Гимли, выхлебнув кружку в один глоток и оглядывая их. — И волосы у вас вдвое гуще и кучерявее, чем прежде, и сами вы, помнится, были пониже — выросли, что ли? Расти-то вам вроде уж поздновато. Но Древень этот вас, видать, голодом не морил!

— Чего не было, того не было, — признался Мерри. — Но онты — они только пьют, а ведь иной раз и пожевать что-нибудь не мешает. Даже путлибы и те приедаются.

— Ах, вы напились воды из онтских родников? — сказал Леголас. — Тогда все понятно, и Гимли, стало быть, верно углядел. Про чудесные фангорнские родники у нас и песни поются.

— Я тоже наслышался чудес о тамошних краях, — сказал Арагорн. — И никогда там не бывал. А вы побывали — вот и рассказывайте сперва об онтах!

— Онты, они... — начал Пин и осекся. — Они вообще-то совсем разные, онты. Вот глаза у них у всех... ну, необыкновенные! — Он поискал слов и махнул рукой. — Да что тут говорить, ведь вы онтов уже видели, хоть и издали, а они-то вас уж точно видели и донесли, что вы сюда едете. Ладно, еще насмотритесь на них, тогда, наверно, сами разберетесь.

— Погоди, погоди, ишь расскакался! — сказал Гимли. — Ни складу, ни ладу. Давай по порядку, с того злосчастного дня, когда все пошло кувырком.

— Можно и по порядку, если времени хватит, — сказал Мерри. — Только сначала, — если вы наелись, конечно, — набьем трубки и закурим. И вообразим ненадолго, будто мы, живы-здоровы, вернулись в Пригорье, а то и в Раздол.

Он достал толстенький кожаный кисет.

— Табачку у нас хоть отбавляй. Набивайте карманы, пока мы добрые. Поутру был богатый улов — чего тут только не плавает! Пин изловил два бочонка: их небось вынесло откуда-нибудь из подвала. Мы их взяли да вскрыли, а там — что бы вы думали? — первейшее трубочное зелье, и ничуть не подмокшее.

Гимли растер табак в ладонях и понюхал.

— Пахнет не худо и на ощупь хорош, — сказал он.

— Да что там не худо, он лучше хорошего! — укорил его Мерри. — Друг мой Гимли, он же из Длиннохвостья! На бочонках-то было, шутка сказать, клеймо Громобоя! А вот как он сюда попал, ума не приложу. Не иначе Саруман сам для себя расстарался. Оказывается, наши товары вывозят за тридевять земель. Но ведь как кстати пришелся, а?

— Пришелся бы кстати, — пробурчал Гимли, — будь у меня трубка. А я свою потерял не то в Мории, не то еще раньше. Или, может, вы и трубку тоже выловили?

— Увы, — сказал Мерри, — не выловили. И в кладовках не нашлось ничего похожего. Видно, Саруман не хотел табачком делиться с лейб-гвардией. Можно бы, конечно, сбегать в Ортханк, спросить, не одолжит ли он трубку, да, по-моему, не стоит. Дружить так дружить — обойдемся одной трубкой на двоих.

— В следующий раз! — сказал Пин. Он сунул руку за пазуху и извлек оттуда мешочек на шнурке. — Есть которые на себе Кольца таскают, а у меня другие сокровища. Вот, например, моя старая черешневая трубка. А вот, смотрите-ка, еще одна — необкуренная! Зачем я ее сберегал, сам не знаю. Никак уж не рассчитывал, что мне табачку подбросят, когда мой кончится. А вот поди ж ты — пригодилась. — Он протянул Гимли трубку с широким плоским чубуком. — Ну как, может, мы с тобой квиты?

— Скажешь тоже — квиты! — воскликнул Гимли. — О благороднейший из хоббитов, я твой должник навеки!

— Вы как хотите, а я пошел на воздух: там и ветер свежий, и небо над головой, — сказал Леголас.

— Мы тоже пойдем, — поддержал его Арагорн.

Они уселись на каменной россыпи у ворот. Слоистые туманы подымались и уплывали с ветром, открывая долину.

— Ну что ж, давайте и правда немного передохнем! — сказал

Арагорн. — Устроимся на развалинах и поболтаем, как выражается строгий Гэндальф, пока его нету. Устал я, однако, на удивление, давно такого не припомню. — Он запахнул плащ, так что панциря стало не видно, откинулся, вытянул свои длинные ноги и выпустил изо рта струю голубого дыма.

— Глазам не верю, — развел руками Пин. — Явился не запылился Бродяжник-Следопыт!

— А он никуда и не девался, — сказал Арагорн. — Я и Бродяжник, и Дунадан, гондорский воин и северный Следопыт.

До поры до времени курили в молчании; их озаряли косые солнечные лучи из-за перистых облаков на западе. Леголас лежал неподвижно, широко раскрыв глаза, глядя на солнце и светлое небо, что-то тихо напевая себе под нос. Вдруг он сел, окинул взглядом друзей и сказал:

— Ладно, полежали! Время тянется хоть и медленно, но верно, туманы рассеялись, небо ясное; одни вы, диковинный люд, кутаетесь в дымы. Рассказ-то обещанный где?

— Ну, мой рассказ начинается с того, что я очнулся в темноте среди орков, связанный по рукам и ногам, — сказал Пин. — Погодите-ка, сегодня какое?

— По хоббитскому счислению пятое марта[1], — отозвался Арагорн.

Пин посчитал на пальцах.

— Всего-то девять дней прошло! — сказал он. — А кажется, мы уж год как расстались. Трудно порядком припомнить дурной сон, целых три дня, переполненных жутью. Ежели что забуду, Мерри меня поправит, только я все-таки без подробностей: не хватало еще припоминать вонь, гнусь, бичи и всякое такое.

И он рассказал про последний бой Боромира и про бегство от Привражья до Леса. Слушатели кивали, когда рассказ совпадал с их догадками и домыслами.

— Кое-какие свои сокровища вы обронили в дороге, — сказал Арагорн. — Однако же радуйтесь — не потеряли! — Он отстегнул ремень под плащом и снял с него два кинжала в ножнах.

— Батюшки! — воскликнул Мерри. — Вот уж чего не чаял снова увидеть! Немного окровавить свой меч я все-таки успел, но потом Углук чуть не с руками вырвал оба, у Пина и у меня. Ну и скрежетал же он зубами! Я было подумал: сейчас зарежет, но он только отшвырнул мечи точно горячие уголья.

— Вот и твоя застежка, Пин, — сказал Арагорн. — Я сберег ее для тебя — ей ведь цены нет.

---

[1] Согласно хоббитскому календарю, во всех месяцах по тридцать дней. *(Прим. авт.)*

— А то я не знаю, — сказал Пин. — Я с нею расстался скрепя сердце, но что было делать?

— Правильно ты сделал, — отвечал Арагорн. — Кто не может расстаться с сокровищем, тому оно станет в тягость. Так, и никак иначе.

— Ладно, вот что они исхитрились руки освободить — вот это да! — сказал Гимли. — Повезло, конечно; но ведь известное дело — не всяк вывозит, кому везет.

— Вывезти вывезли, а куда следы подевались? — спросил Леголас. — Я уж думал, может, у вас крылья выросли?

— Нет, не выросли, — вздохнул Пин. — Тут не крылья, тут Грышнак потрудился. — Его передернуло, и он замолчал. Про самое страшное досказывал Мерри — про цепкое обшаривание, про смрадное и жаркое пыхтение, про костоломную хватку волосатых лапищ Грышнака.

— Очень мне все это не по душе насчет орков из Барад-Дура, по-ихнему Лугбурза, — задумчиво сказал Арагорн. — Черному Властелину и его прислужникам и так-то слишком много было известно, а тут еще Грышнак наверняка изловчился оповестить его из-за реки о кровавой стычке с изенгардцами. Теперь он будет буровить Изенгард своим Огненным Оком. Угодил Саруман в переделку, нечего сказать.

— Да, кто бы ни победил, а ему не поздоровится, — сказал Мерри. — Как сунулись его орки в Ристанию, так и пошло у него все наперекосяк.

— Видели мы тут одним глазком этого старого мошенника, если верить Гэндальфу, что это не он был, — сказал Гимли. — На опушке Фангорна.

— Когда видели? — спросил Пин.

— Пять ночей назад, — отвечал Арагорн.

— Погоди-ка, ага, — сказал Мерри, — пять ночей назад — это значит, как раз начинается история, вам с начала до конца неизвестная. Наутро после битвы мы встретили Древня и к ночи попали в один из его домов, Ключищи называется. Утром отправились мы на Онтомолвище, но это не место, а собрание онтов, и такого я в жизни не видал и не увижу. Продолжалось оно весь день и еще два, а мы ночевали у онта по имени Скоростень. Только на третий вечер онты договорились до дела — и вскипели ой-ой-ой как! Лес замер, точно копил грозу, а потом она разразилась. Ох, слышали бы вы их походную песню!

— Слышал бы ее Саруман, он бы драпанул за сто земель, не разбирая дороги, — сказал Пин.

На Изенгард! Пусть грозен он, стеной гранитной огражден,
Но мы идем крушить гранит, и Изенгард не устоит!

Длинная была песня. В ней уж и слов не стало, одни рога распевали да гремели барабаны. Шумим-гремим, идем-грядем! Я было подумал, что они так себе расшумелись, но теперь знаю: они просто так не шумят.

— Стемнело, и мы взошли на гребень над Нан-Курунир ом, — продолжил Мерри. — Тогда мне впервые показалось, что за нами движется Лес. Ну, думаю, сплю и вижу онтские сны. Ан нет, Пин тоже, хоть и раззява, а чего-то такое заметил. И оба мы здорово испугались, но в чем было дело, покамест не разгадали.

А это, оказывается, были гворны — так их онты именуют на «сокращенном языке». Древень про них вскользь упоминал, и я сообразил, что это вроде бы те же онты, только одеревенелые — во всяком случае, с виду. Стоят они там и сям, в лесу или на опушке, стоят, помалкивают и приглядывают за деревьями, а в ложбинах, что поглубже, их, наверно, скопились многие сотни.

Сила в них тайная и страшная, и они напускают вокруг себя мрак — даже не заметишь, что движутся. А они очень даже движутся, и если рассердятся, то куда как быстро. Стоишь, к примеру, глядишь, какая погода, слушаешь шорох ветра — глядь, а ты уж среди леса, и огромные деревья тянутся к тебе корнями и голыми ветвями. Речь они сохранили, бывает, говорят с онтами, — потому и зовутся гворны, как сказал Древень, — но вконец ошалели и одичали. Вот уж не приведи Фангорн с ними встретиться, если поблизости нет настоящего онта.

Ну, в общем, до полуночи мы скрывались в горах на севере Колдовской логовины — онты, а за ними тьма-тьмущая гворнов. Мы их, конечно, видеть не могли, только слышали жуткое поскрипывание и покряхтывание. Темная была ночь, облачная. А с гор они двинулись словно лавина, и ветер засвистал в ушах. Луна из-за туч не выглядывала, и в первом часу пополуночи на Изенгард с севера надвинулся густой лес. А кругом никого-никого — ни врагов, ни друзей. Только светилось окно высоко на башне — вот и все.

Древень с товарищами подобрался поближе к большим воротам, и мы с Пином никуда не делись — сидели на плечах у Древня, и я чувствовал, как он напрягся. Но онты — они, если даже сильно волнуются, все равно очень осторожные и терпеливые. Они и застыли как статуи, тихо дышали и молча вслушивались.

Внезапно все кругом загрохотало. Завыли трубы, гул прокатился по стенам Изенгарда. Мы уж думали: все, нас заметили и сейчас начнется битва. Но не тут-то было. Просто Саруман выпустил из крепости все свое воинство. Я мало чего понимаю про войну, про эту и про любую, ничего толком не знаю про

ристанийских конников, что они за люди, но ясное было дело: Саруман задумал одним махом разделаться с конунгом и его подданными. А Изенгард от кого охранять? Я видел, как они шли: орки за орками, черные стальные полчища, и верховые — на громадных волках. Потом люди, и тоже их видимо-невидимо, при свете факелов различались их лица. Вроде бы люди как люди, высокие, темноволосые — мрачные, но не злобные. Жуть-то была не в них; страшно стало, когда пошли другие — росту людского, а хари гоблинские, изжелта-серые, косоглазые. И знаете, мне припомнился тот южанин в Пригорье; тот, правда, был все же скорее человек, чем орк.

— Да, я его тоже припоминаю, — сказал Арагорн. — Мы навидались таких полуорков в Хельмовом ущелье. Теперь-то ясно, что тот южанин был шпионом Сарумана, но стакнулся ли он с Черными Всадниками или соблюл верность здешнему хозяину — кто его знает. Да и то сказать: разве их, лиходеев, разберешь, когда они служат верой и правдой, а когда плутуют и мошенничают?

— Короче говоря, набралось Саруманова рати самое малое тысяч десять, — сказал Мерри. — Час или около того выходили они из ворот. Одни отправились к Бродам, другие — прямо на восток. Там был мост, примерно за милю отсюда, где река глубоко уходит в каменное русло. Да вон он, что там от него осталось: если встанешь, отсюда видно. Они сипло орали песни, гоготали и галдели. Ну, подумал я, ристанийцам-то, пожалуй, худо придется. Но Древень и ухом не повел. Он сказал: «Нынче мне до них дела нет. Я займусь Изенгардом, скалами и стенами».

В кромешной тьме много не увидишь, но мне почудилось, будто гворны помалу двинулись на юг, как только затворились ворота. Должно быть, им-то было дело до орков. А поутру они продвинулись далеко в долину: там лежало темное пятно.

Как только удалилось Саруманово воинство, настал наш черед. Древень опустил нас наземь, подошел к воротам и принялся колотить в них, вызывая Сарумана. Со стен посыпались стрелы и полетели камни. Ну, стрелы онтам нипочем: они их только язвят, будто осиные укусы. Онта можно истыкать стрелами как игольник, а он почти и не заметит. Отрава их не берет, да и кожа потолще древесной коры. Разве что если изо всех сил рубануть топором — вот топоров они не любят. Много, однако, понадобится дровосеков на одного онта, тем более что, единожды рубанув его, в живых уж точно не останешься. Онтский кулак мнет броню как жесть.

Ну и вот, обстреляли они Древня, и тот малость осердился, «поспешничать» стал — есть у него такое словечко. Как гаркнет:

«Хрру-ум — ху-ум» — и, откуда ни возьмись, явилась ему на подмогу добрая дюжина онтов. А уж сердитый онт — это не шуточки. Пальцами — что рук, что ног — они, мало сказать, впиваются в камень: они его крошат что твой черствый хлеб. Представьте, что сделают со скалами лет за сто древесные корни, так вот, это делалось у нас на глазах.

Они шатали, трясли, дробили, колотили, молотили — бумбам, ттрах-кррах, — и через пять минут эти огромные ворота валялись, где сейчас, а стены они рассыпáли, как кролики роют песок. Не знаю уж, что там подумал Саруман, понял ли он, какая напасть на него свалилась, но надумать он ничегошеньки не надумал. Нынче он и маг-то, видно, так себе, плохонький, но волшебство побоку, просто кишка тонка, а для храбрости ему нужны рабы в ошейниках и колеса на ремнях, извините, конечно, за красивое выражение. Да уж, не то что старина Гэндальф. Саруман небось потому и прославился, что всех облапошил, запершись в Изенгарде.

— Нет, — возразил Арагорн. — Когда-то он был достоин своей громкой славы. Велики были его познания, победительна сметка, на диво искусны руки, а главное, он имел власть над чужими умами: мудрых он уговаривал, тех, кто поглупей, запугивал. И эту власть он сохранил: во всем Средиземье немногие устоят или поставят на своем, побеседовав с Саруманом, и это даже теперь, после его поражения. Гэндальф, Элронд, пожалуй, Галадриэль, а кто еще — не знаю, даром что козни его и злодейства очевидны и несомненны.

— Онты — они устоят, — сказал Пин. — Однажды ему их удалось объехать по кривой, другой раз не удастся. Да он про них мало что понимает и очень ошибся, исключив их из расчетов. В его замыслах им места нет, а передумывать уж теперь поздно, когда они сами за ум взялись. Словом, онты пошли на приступ, остатки изенгардского гарнизона разбежались кто куда и точно крысы полезли изо всех дыр. Людей онты отловили, выспросили и отпустили; их здесь вылезло дюжины две-три, не больше. А вот из орков, крупных и мелких, вряд ли кто спасся. От онтов — может быть, но от гворнов — никак, а они тогда не все еще покинули долину, Изенгард был наглухо оцеплен.

Так вот, когда онты развалили и искрошили южные стены, а гарнизона и след простыл, откуда-то выскочил и сам Саруман. Он, верно, ошивался у ворот, провожал свое достославное воинство. Поначалу он ловко укрывался, и его не заметили. Но тучи разогнало, звезды засияли; словом, для онтов стало светло, как днем, и вдруг слышу — Скоростень кричит: «Древогуб, древогуб!» Он по натуре тихий и ласковый, Скоростень, но тем

страшнее ненавидит Сарумана — его самые любимые рябины погибли под оркскими топорами. Он спрыгнул со стены у внутренних ворот и помчался по дороге к Ортханку: они, когда надо, быстрее ветра. Серенькая фигурка перебегала от столба к столбу и уже была у башенной лестницы, но еще чуть-чуть — и Скоростень сцапал бы и придушил его возле самых дверей.

Забравшись в Ортханк, Саруман тут же запустил на полную катушку все свои прохиндейские машины, а в стенах Изенгарда уже набралось порядком онтов: одних призвал своим криком Скоростень, другие вломились с востока и севера — расхаживали и крушили что ни попадя. И вдруг скважины и шахты повсюду стали изрыгать огонь и вонючий дым. Кого обожгло, кого опалило. Один высокий красивый онт — Буковец, кажется, его звали — попал в струю жидкого огня и загорелся как факел: ужас несусветный!

Вот когда они впрямь рассвирепели. Я по глупости думал, что они и так уже здорово сердитые, но тут такое поднялось! Они трубили, гудели, голосили — от одного этого шума камни стали сами трескаться и осыпаться. Мы с Мерри забились поглубже в какие-то щели, заткнув уши плащами.

Точно смерч обрушился на Изенгард: онты выдергивали столбы, засыпали шахты валунами и щебнем; обломки скал летали кругом, как листья, взметенные вихрем. И посреди этого бушующего урагана несокрушимым утесом высилась башня Ортханка: ни малейшего вреда не причинял ей град каменьев и железок, взлетавших на сотни футов.

Спасибо, Древень головы не потерял; его, кстати, по счастью, даже не обожгло. Похоже было, что онты, того и гляди, угробят самих себя, а Саруман улизнет в суматохе каким-нибудь тайным подземным ходом. Они с разгону, как на стену лезли, кидались на черную гладкую башню — и без толку, разумеется. Тут, видно, постарались чародеи почище Сарумана. Ни щелочки в камне не сделали онты, только сами расшиблись и поранились.

Тогда Древень вышел за кольцо стен и затрубил так громко, что перекрыл голосом дикий шум и грохот. Вдруг наступило мертвое молчание, и из верхнего окна башни донесся злорадный, пронзительный, леденящий хохот. Чудно́ он подействовал на онтов. Только что они были сами не свои от ярости — и вмиг стали угрюмые, холодные и спокойные. Собрались они в круг возле Древня: тот держал к ним речь, а они молча, неподвижно внимали. Говорил он на их языке; я так понял, что разъяснял им свой план, который был у него готов заранее, а может, и давным-давно. Потом они словно растворились в серой темени — как раз уже начинало светать.

С башни они, конечно, глаз не спускали, но дозорные притаились где-то в тени, невидимые и неслышные. Другие все ушли на север и как в воду канули, а мы остались сами по себе. Денек выдался мрачный; мы бродили, осматривались и хоронились, как умели, от всевидящих и зловещих окон Ортханка. Искали мы хоть чего-нибудь поесть, ничего не находили, присаживались отдохнуть в укромном местечке и заглушали голод разговорами о том, каково-то воюют на юге, в Ристании, и как нынче дышится прочим разнесчастным Хранителям. Время от времени доносилось, будто с каменоломни, гулкое громыхание, и глухо рушились глыбы, раскатывая эхо в горах.

Под вечер мы отправились взглянуть, что там такое делается. Угрюмый лес гворнов вырос у края долины; другой подступил с северо-востока к изенгардскому кольцу. Подойти ближе мы не отважились, только послушали издали треск, грохот и шумы стройки. Онты и гворны копали пруды и канавы, возводили дамбы: собирали воды Изена, родников, ручьев и речушек. Мы им мешать не стали.

В сумерках Древень явился к воротам. Он ухал, гудел и, кажется, был доволен. Вытянул свои длиннющие руки, размял ноги и продышался. Я спросил его, уж не устал ли он.

«Устал? — повторил он. — Не устал ли я? М-да, нет, не устал, так, разве что заскорузнул. Сейчас бы испить как следует водицы из Онтавы. А вот поработали мы на славу: перебросали камней и разворотили земли больше чем лет эдак за сто. Зато, почитай что, и кончили дело. Вы ночью-то держитесь подальше от ворот и от этого... как его... туннеля! Вода оттуда хлынет — поначалу гнилая, мутная, пока не вымоет все пакости Сарумана, а уж потом Изен прикатит чистые, свежие воды». Он еще немного постоял, ковыряя стену и так себе, для развлечения, обрушивая стопудовые обломки.

Мы принялись выбирать место, где бы это поспокойней улечься и вздремнуть, но тут пошли диковинные дела. Раздался стук копыт: всадник мчался по дороге. Мы с Мерри залегли, а Древень укрылся в тени под аркой. Выскочил огромный конь, точно серебро заблистало. Темно уже было, но я разглядел лицо всадника: оно как будто светилось, и он был в белом облачении. Я сел и уставился на него, разинув рот. Хотел позвать, да язык не слушался.

Но звать не понадобилось. Он стал рядом и глядел на нас. «Гэндальф!» — выговорил я наконец едва слышным шепотом. Вы думаете, он сказал: «Ах, Пин, привет! Какая приятная встреча!» Как бы не так! Он гаркнул: «Вставай, лодырь-бездельник Крол! Куда, разрази вас гром, подевался в этой каше Древень? Мне он сейчас же нужен. Сыщи его, да поживее!»

Древень заслышал его голос и вышел на свет: вот встретились так встретились! Меня, главное, поразило, что им хоть бы что. Гэндальф наверняка здесь и искал Древня, а тот, поди, затем и торчал у ворот, чтобы его встретить. А я-то старику рассказывал-разливался про Морию и тому подобное. Помнится, правда, он странным глазом на меня при этом глядел. Только и остается думать, что он то ли виделся с Гэндальфом, то ли что о нем прослышал, да не торопился рассказывать. У него первое дело: «Спешить не надо: поспешишь — людей насмешишь»; но спеши не спеши, а эльфы и те за Гэндальфом не поспеют.

«Кгум! Вот и ты, Гэндальф! — проговорил Древень. — Ты как раз вовремя явился. Вода, деревья, камни, скалы — это мне все под силу, а тут засел маг, и я не знаю, как быть».

«Вот что, Древень, — сказал Гэндальф. — Мне, понимаешь ли, нужна твоя помощь. Ты и так много сделал, но этого мало. Мне надо как-то разобраться с десятком тысяч орков».

Потом они оба куда-то ушли совещаться, чтоб без помех. Наверняка совещание это Древень счел поспешным и торопливым, да Гэндальф и вправду очень торопился, он говорил на ходу, потом уж их слышно не стало. Минут, что ли, десять просовещались, самое большее — четверть часа. Потом Гэндальф вернулся, и видно, отлегло у него от сердца, даже повеселел и сказал спасибо, что рад нас видеть.

«Слушай, Гэндальф, — воскликнул я, — ты где вообще-то был? Ты остальных наших видел?»

«Где был, там меня уж нет, — отвечал он на гэндальфский манер. — Да, кое-кого из остальных видел. Но с новостями подождем. Ночь опасная, медлить нельзя, мне еще скакать и скакать. Но с рассветом, может быть, просветлеет; увидимся — поговорим. Берегите себя и от Ортханка держитесь подальше. А пока — прощайте!»

Древень очень задумчиво проводил Гэндальфа глазами. Он, видимо, многое враз узнал и теперь медленно переваривал. Поглядел он на нас и говорит: «Хм, да вы, оказывается, не такие уж и торопыги. Рассказали куда меньше, чем могли, и ровно столько, сколько следовало. Н-да, целый ворох новостей, и никуда от них не денешься! Вот тебе, Древень, и еще куча дел!»

Мы из него все ж таки кое-что вытянули — и новостям не порадовались. Огорчались мы, правда, только из-за вас троих, а про Фродо с Сэмом и беднягу Боромира и думать забыли. Оказывается, вам предстояла великая битва, и почем еще было знать, уцелеете вы или нет.

«Гворны помогут», — сказал Древень. Потом он ушел и появился только нынче утром.

— Муторная была ночь, — продолжал Мерри. — Мы кое-как пристроились на высокой груде камней, а кругом все заволокло: мгла колыхалась над нами огромным одеялом. Пáрило, слышались шорохи, трески, удалялось медленное бормотание. Не иначе сотня-другая гворнов отправилась на подмогу своим. Потом с юга донесся страшный громовой раскат, над Ристанией замелькали молнии, на миг выхватывая из темноты далекие черно-белые вершины. У нас в горах тоже гром грохотал, и долина полнилась эхом, но совсем по-другому, не похоже на отзвуки битвы.

После полуночи онты разобрали свои запруды и затопили Изенгард через северный пролом. Гворны ушли, их темень рассеялась, и гром понемногу стих вдалеке. Луна спустилась к западному хребту.

А по Изенгарду расползались потоки, повсюду вскипали колдобины, черный паводок бурлил в лунном свете. Вода впивалась воронками в сарумановские шахты и скважины, оттуда вырывались столбы пара; свист, шипение, дым валил клубами. Вспыхивали разрывы. Длинный сгусток тумана змеей оплел Ортханк; он стал будто снежный пик, огнисто-рдяный внизу и лунно-зеленый сверху. А вода все прибывала. Изенгард кипел, точно кастрюля супа на огне.

— Прошлой ночью Нан-Курунир изрыгнул нам навстречу мутное облако дыма, — сказал Арагорн. — Мы опасались, не Саруман ли это измыслил какое-нибудь новое злодейство.

— Ну да, Саруман! — фыркнул Пин. — Ему уж стало не до смеха: он, поди, задыхался в собственном смраде. Ко вчерашнему утру онтские воды затопили все хитрые провалы, и расстелился плотный вонючий туман. Мы в ту самую караульню и сбежали — и натерпелись там страху. Вода прибывала; по тунне́лю мчалась река — того гляди, захлестнет, и поминай как звали. Мы уж думали: все, сгинем, как орки в норе; нашлась, спасибо, винтовая лесенка из кладовой, вывела поверх арки. Там мы уселись на камушке над паводком и глядели на великую изенгардскую лужу. Онты подбавляли и подбавляли воды, чтобы загасить все огни и залить все подземные пещеры. Туман прибывал, густел и склубился в огромный гриб, с милю, не меньше, высотой. Вечером над восточным взгорьем опрокинулась исполинская радуга, и такой потом хлынул грязный ливень, что и заката видно не было. А в общем было довольно тихо, только где-то вдали тоскливо подвывали волки. Ночью онты остановили наводнение и пустили Изен по старому руслу. Тем все покамест и кончилось.

И вода стала опадать. Небось там в пещерах есть нижние подвальные ярусы. Вот уж не завидую Саруману: из любого

окна, смотри не смотри, ничего путного не увидишь, одна грязь да гадость. Мы тоже взгрустнули — кругом ни души, ни тебе онта, и новостей никаких. Так мы и проторчали всю ночь над аркою без сна, в холоде и сырости. Казалось, вот-вот что-нибудь такое приключится: Саруман-то в башне сидит! Ночью и впрямь поднялся шум, будто ветер свищет в долине. Вроде бы онты и те гворны, что уходили, вернулись назад, но куда они подевались, даже не спрашивайте — не знаю, и все тут. Промозглым туманным утром спустились мы вниз, огляделись, а кругом опять никогошеньки. Ну вот, пожалуй, и нечего больше рассказывать. После всей этой катавасии нынче тише тихого. А раз Гэндальф приехал, он и вообще порядок наведет. Эх, соснуть бы сейчас!

Помолчали. Гимли выколотил и заново набил трубку.

— Мне вот что еще интересно, — сказал он, запалив трут и затянувшись, — про Гнилоуста. Ты сказал Теодену, что он в башне с Саруманом. Как он туда попал?

— Забыл рассказать, — спохватился Пин. — Нынче утром он пожаловал. Только это мы разожгли очаг, немного позавтракали — глядь, ан Древень тут как тут. Слышим: гудит, топочет и нас кличет.

«А, — говорит, — вот и вы, ребятки, ну как, не скучаете? А у меня для вас, — говорит, — новости. Гворны возвратились. Там, в Ристании, все хорошо и даже очень не худо! — смеется и хлопает лапищами по ляжкам. — Покончено, — говорит, — с изенгардскими орками-древорубами. К нам сюда с юга едут и скоренько будут здесь — кое с кем вы, пожалуй, не прочь будете свидеться!»

Только он это сказал, как раздался цокот копыт. Мы кинулись к воротам, я глаза растопырил, жду Гэндальфа с Бродяжником во главе победного воинства, но не тут-то было! Из тумана выехал всадник на заморенном коне и виду довольно-таки неприглядного. А за ним — никого. Выехал он из тумана, увидел, что здесь творится, разинул рот и аж позеленел от изумления. Совсем растерялся, сперва даже нас не заметил. А когда заметил, вскрикнул и вздыбил коня, но Древень шагнул раз-другой, протянул свою длинную руку и вынул его из седла. Конь метнулся и умчался, а его Древень отпустил, и он сразу хлоп на брюхо. Ползает и говорит: «Я, — говорит, — Грима, приближенный советник конунга, меня, — говорит, — Теоден послал к Саруману с неотложными вестями. Все, — говорит, — испугались ехать, кругом ведь гады-орки рыщут, я один вызвался. Ужас, — говорит, — что претерпел, до смерти устал, сутки голодаю. За мной, — говорит, — волки гнались, я, — говорит, — к северу крюка дал».

Я примечаю, как он косится на Древня, и думаю: «Все врет». А Древень посмотрел на него медленно-медленно — тот чуть в землю не вдавился. Потом Древень говорит: «Кха, кхм, а я тебя давно поджидаю, сударь ты мой Гнилоуст. — Тот совсем съежился и ждет, что дальше будет, а Древень-то: — Гэндальф уже побывал здесь, я все про тебя знаю и знаю даже, куда тебя девать. Гэндальф сказал, чтоб все крысы были в одной крысоловке. Давай поспешай. Хозяин Изенгарда теперь я, а Саруман сидит у себя в башне. Ступай к нему, раз у тебя такие неотложные вести».

«Пропусти меня, пропусти! — воскликнул Гнилоуст. — Я дорогу знаю».

«Раньше ты ее знал, это конечно, — сказал Древень. — Но теперь там трудновато пройти. Впрочем, ступай посмотри!»

Гнилоуст поплелся под арку, мы шли за ним следом. Миновал он туннель, огляделся, увидел загаженную грязную топь между стенами и Ортханком и попятился.

«Отпустите меня! — заныл он. — Отпустите! Вести мои запоздали!»

«Что правда, то правда, — сказал Древень. — Но тебе предстоит выбирать: либо полезай в воду, либо оставайся со мной, подождем Гэндальфа и твоего государя. Что тебе больше нравится?»

Тот как услышал о государе, задрожал и сунулся было в воду, но отпрянул.

«Я не умею плавать!» — проскулил он.

«А там неглубоко, — сказал Древень. — Вода, правда, гнилая, но уж тебя-то, Гнилоуста, она не осквернит. Ступай вперед!»

И несчастный подлец погрузился в жижу почти по горло; сначала брел кое-как, потом схватился за бочонок, не то за доску. Древень проводил его.

«Добрался-таки, — сказал он, вернувшись. — А полз по ступеням и лязгал зубами — ну крыса крысой. В башне сидят, как сидели: оттуда высунулась рука и затащила его внутрь. Наверняка его встретили по заслугам. А я пойду обмоюсь от этой гнуси. Если кому понадоблюсь, я на северной окраине, а то здесь и воды-то чистой не сыщешь: ни тебе напиться, ни умыться, а онту без этого никак нельзя. А вы, зайчатки, вот что: побудьте-ка у меня привратниками. Тут ведь такие гости ожидаются — не кто-нибудь, а сам хозяин ристанийских угодий! Вы уж его привечайте, как у вас положено. Едет он тем более с победою: войско конунга одолело орков в кровавой битве. Нешто простой лесной онт сообразит, как его надо чествовать? Вы-то небось лучше нашего знаете людские словеса и обычаи. Много перебывало государей в зеленых ристанийских степях, а я не то что

языка их не знаю, а и самые имена позабыл. Им, наверно, нужна будет людоеда́. Позаботьтесь, поищите, чем не стыдно угостить конунга». Ну, мы что могли, то сделали. Но хотел бы я все-таки знать, кто этот Гнилоуст? Неужто он и правда был советником конунга?

— Был, — подтвердил Арагорн. — А заодно шпионом Сарумана, его главным соглядатаем в Ристании. Судьба его, впрочем, не пощадила: ему привелось увидеть поверженным в прах то величие, которому он поклонялся, и пережить крушение всех своих упований. Казалось бы, он довольно наказан, однако худшее у него впереди.

— Да уж едва ли Древень запихал его в Ортханк по доброте душевной! — сказал Мерри. — Очень он угрюмо посмеивался, когда пошел купаться и пить водичку. Ну а мы принялись не покладая рук ворошить плавучий хлам да по каморкам копаться. Нашли мы целых три незатопленные кладовки, и вдруг на тебе — явились онты от Древня, да и забрали все чуть не подчистую.

«Нам, — говорят, — нужна людоеда, чтоб хватило на двадцать пять человек». Так что, как видите, все поголовно подсчитаны, вы в том числе. Но вы не огорчайтесь, что остались: мы себя не обидели, смею вас уверить. А выпивки онты и вовсе никакой не взяли.

«Пить-то они что будут?» — говорю я им.

«Известно, что, — отвечают, — изенскую воду, она и для онтов, и для людей вполне годится». Наверняка, впрочем, онты состряпали из родниковой воды какой-нибудь свой напиток и Гэндальф вернется с курчавой бородой. Словом, они отвалили, а мы, вконец усталые и голодные, давай отдыхать и кормиться. Внакладе-то мы не остались: усердствовали в поисках людоеды, а нашли такое, о чем и мечтать не смели. Пин притащил эти бочонки с клеймом Громобоя, напыжился и говорит: «Поевши и подымить не грех». Ну вот и сказка вся.

— Да, теперь все разъяснилось, — одобрил Гимли.

— Неясно одно, — задумчиво сказал Арагорн, — как хоббитское зелье попало из Южного удела в Изенгард. Что-то я этого в толк не возьму. Положим, в Изенгарде я прежде не бывал, но уж пустынные края между Хоббитанией и Мустангримом исходил вдоль и поперек. Дороги там позаросли, места опасные, товары не возят. Видно, были у Сарумана тайные поставщики из хоббитов. Что ж, гнилоусты водятся не только в золотом чертоге конунга Теодена. Там на бочонках дата не обозначена?

— Обозначена, — сказал Пин. — Сбор тыща четыреста сем-

надцатого, прошлогодний, значит, то есть, виноват, уже позапрошлогодний, хороший был сбор.

— Ну, пока что он свои лиходейские затеи поневоле отложит, да и нам, по правде, нынче не до них, — сказал Арагорн. — А все ж таки скажу-ка я об этом Гэндальфу: пустяки тоже упускать из виду не след.

— Что он там застрял, хотел бы я знать, — сказал Мерри. — Время уж за полдень. Идемте прогуляемся! Вот тебе, Бродяжник, и представился случай побывать в Изенгарде, только виды там сейчас незавидные.

Глава X

КРАСНОРЕЧИЕ САРУМАНА

Они прошли разрушенным туннелем, выбрались на каменный завал, и перед ними предстала черная громада Ортханка, ее окна-бойницы угрюмо и грозно обозревали разоренную крепость. Вода почти совсем спала. Остались замусоренные, залитые водой ямины в мутной пене, но большей частью дно каменной чаши обнажилось, являя взору кучи ила, груды щебня, почернелые провалы и торчащие вкривь и вкось столбы. У щербатых закраин громоздились наносы, за стенами виднелась извилистая, заросшая темнолохматой зеленью лощина, стиснутая высокими горными отрогами. Со стороны северного пролома к Ортханку приближалась вереница всадников.

— Это Гэндальф и Теоден с охраной, — сказал Леголас. — Пойдем к ним навстречу!

— Только поосторожней! — предупредил Мерри. — Плиты разъехались: того и гляди, оступишься и провалишься в какую-нибудь бездонную шахту.

Они пробирались по расколотым, осклизлым плитам бывшей главной дороги от ворот к башне. Всадники заметили их и подождали, укрывшись под сенью огромной подбашенной скалы. Гэндальф выехал им навстречу.

— Мы с Древнем основательно побеседовали и о том о сем договорились, — сказал он, — а все прочие наконец-то хоть немного отдохнули. Пора и в путь. Вы тоже, надеюсь, удосужились отдохнуть и подкрепиться?

— Еще бы! — отозвался Мерри. — Подымить и то удосужились — для начала и напоследок. Мы теперь даже на Сарумана не очень сердимся.

— Вот как? — сказал Гэндальф. — А я все-таки сержусь, тем более что с ним-то как раз и придется сейчас иметь дело. Разговор предстоит опасный, а может, и бесполезный, но неизбежный. Кто хочет, пошли со мной, но глядите в оба! Учтите, тут не до шуток!

— Я-то пойду, — сказал Гимли. — Охота мне толком на него поглядеть и сравнить с тобой: будто уж вы так похожи?

— Не многого ли захотел, любезнейший гном? — сказал Гэндальф. — Если Саруману понадобится, ты его от меня ни за что не отличишь. И ты думаешь, у тебя хватит ума не поддаться на его уловки? Ну что ж, посмотрим. Как бы он только не заартачился: чересчур уж много собеседников. Онтам я, правда, велел на глаза не показываться, так что, пожалуй, он и рискнет.

— А чего опасного? — спросил Пин. — Стрелять он, что ли, в нас будет, огнем из окон поливать или околдует издали?

— Да, наверно, попробует околдовать в расчете на ваше легкомыслие, — сказал Гэндальф. — Впрочем, кто знает, что ему взбредет на ум и что он пустит в ход. Он сейчас опасней загнанного зверя. Помните: Саруман — коварный и могучий чародей. Берегитесь его голоса!

Черная скала — граненое подножие Ортханка — влажно поблескивала; ее чудовищные острые ребра, казалось, только что вытесаны. Несколько щербин да осыпь мелких осколков напоминали о бессильной ярости онтов.

С восточной стороны между угловыми столпами была массивная дверь, а над ней — закрытое ставнями окно, выходившее на балкон с чугунными перилами. К дверному порогу вели двадцать семь широких и гладких круговых ступеней, искусно вырубленных в черном камне мастерами незапамятных лет. Это был единственный вход в многоглазую башню, исподлобья глядевшую на пришельцев рядами высоких и узких стрельчатых окон.

Гэндальф и конунг спешились у нижней ступени.

— Я поднимусь к дверям, — сказал Гэндальф. — Я бывал в Ортханке, а козни Сарумана не застанут меня врасплох.

— Я тоже поднимусь, — сказал конунг. — Мне, старику, никакие козни уже не страшны. Я хочу лицом к лицу встретиться с врагом, который причинил мне столько зла. Мне поможет взойти Эомер.

— Да будет так, — скрепил Гэндальф. — А со мною пойдет Арагорн. Остальные пусть подождут здесь. Хватит с них и того, что они увидят и услышат отсюда.

— Нет! — воспротивился Гимли. — Мы с Леголасом желаем смотреть и слушать вблизи. У наших народов свои счеты с Саруманом. Мы последуем за вами.

— Ну что ж, следуйте! — сказал Гэндальф и бок о бок с Теоденом медленно взошел по ступеням.

Всадники разъехались по сторонам лестницы и остались на конях; тревожно и недоверчиво поглядывали они на страховидную башню, опасаясь за своего государя. Мерри с Пином присели на нижней ступени, им было очень не по себе.

— Это ж по такой грязище от ворот не меньше полумили! — ворчал Пин. — Эх, удрать бы сейчас потихонечку и спрятаться в караулке! Чего мы сюда притащились? Нас и не звал никто.

Гэндальф ударил жезлом в двери Ортханка, они отозвались глухим гулом.

— Саруман! Саруман! — громко и повелительно крикнул он. — Выходи, Саруман!

Ответа долго не было. Наконец растворились ставни за балконом, но из черного проема никто не выглянул.

— Кто там? — спросили оттуда. — Чего вам надо?

Теоден вздрогнул.

— Знакомый голос, — сказал он. — Кляну тот день, когда впервые услышал его.

— Ступай позови Сарумана, коль ты у него теперь в лакеях, Грима Гнилоуст! — сказал Гэндальф. — И без оттяжек!

Ставни затворились. Они ждали. И вдруг послышался другой голос, низкий и бархатный, очарование было в самом его звуке. Кто невзначай поддавался этому очарованию, услышанных слов обычно не помнил, а если припоминал, то с восторженным и бессильным трепетом. Помнилась же более всего радость, с какой он внимал мудрым и справедливым речам, звучавшим как музыка, и хотелось как можно скорее и безоглядней соглашаться, причащаться этой мудрости. После нее всякое чужое слово язвило слух, казалось грубым и нелепым; если же ее оспаривали, то сердце возгоралось гневом. Иные бывали очарованы, лишь пока голос обращался к ним, а после с усмешкой качали головой, как бы разгадав штукарский трюк. Многим было все равно, что кому говорится: их покорял самый звук речей. Те же, кому эти речи западали в душу, уносили восторг и сладкий трепет с собой, бархатистый голос слышался им непрестанно — он объяснял, уговаривал, нашептывал. Равнодушным не оставался никто, и немалое требовалось усилие, чтобы отвергнуть вкрадчивые или повелительные настояния этого мягкого и властного голоса.

— Ну, что случилось? — укоризненно вопросил он. — Непременно нужно меня тревожить? Вот уж поистине покоя нет

ни днем, ни ночью! — В укоре была доброта — и горечь незаслуженного оскорбления.

Все удивленно подняли глаза, ибо совсем бесшумно невесть откуда у перил появился старец, снисходительно глядевший на них сверху вниз, кутаясь в просторный плащ непонятного цвета — цвет менялся на глазах, стоило зрителям сморгнуть или старцу пошевелиться. Лицо у него было длинное, лоб высокий, темноватые глаза смотрели радушно, проницательно и чуть-чуть устало. В белоснежной копне волос и окладистой бороде возле губ и ушей сквозили черные пряди.

— Похож, да не слишком, — пробормотал Гимли.

— Что ж вы молчите? — молвил благосклонный голос. — Ну, хотя бы двое из вас мне хорошо знакомы. Гэндальф, увы, знаком слишком хорошо: едва ли он приехал за помощью или советом. Но как не узнать тебя, повелитель Ристании Теоден: твой герб горделиво блещет и благородна осанка конунга из рода Эорла. О, достойный отпрыск преславного Тенгела! Отчего ты так промедлил, зачем давно не явился как друг и сосед? Да и сам я хорош! Надо, надо мне было повидаться с тобой, владыкой из владык западных стран, в нынешние грозные годы! Надо бы остеречь тебя от дурных и малоумных советов! Но, может статься, еще не поздно? Тяжкий урон нанес ты мне ради бранной славы со своими буйными витязями, но я не попомню зла и готов, несмотря ни на что, избавить тебя и царство твое теперь уже от неминуемой гибели, ибо в пропасть ведет тот путь, на который тебя заманили. Скажу больше: лишь я один в силах тебе помочь.

Казалось, Теоден хотел что-то ответить, но речь замерла на его устах. Он глядел в лицо Саруману, в его темные строгие глаза, призывно обращенные к нему, потом взглянул на Гэндальфа — видимо, его одолевали сомнения. А Гэндальф не шелохнулся: опустив глаза, он словно бы ожидал некоего знака, терпеливо и неподвижно. Конники заволновались: слова Сарумана были встречены одобрительным ропотом, — потом смолкли и застыли как зачарованные. Никогда, подумалось им, не оказывал Гэндальф их государю такого неподдельного почтения. Грубо и надменно разговаривал он с Теоденом. И сердца их стеснило темное предчувствие злой гибели: Гэндальф по своей прихоти готов был ввергнуть Мустангрим в пучину бедствий, зато Саруман открывал путь к спасению, и в словах его брезжил отрадный свет. Нависло тяжкое безмолвие.

Внезапно его нарушил гном Гимли.

— Да это не маг, а какой-то вертун, — буркнул он, сжимая рукоять секиры. — У этого ортханского ловкача помощь означает предательство, а спасти — значит, погубить: тут дело ясное.

Только ведь мы сюда не за тем явились, чтобы молить его о помощи и спасении.

— Тише! — сказал Саруман, и голос его на миг потерял обаяние, а в глазах появился недобрый блеск. — Есть у меня и к тебе слово, о Гимли, сын Глоина, — продолжал он по-прежнему. — Далеко отсюда чертоги твои, и не твоя забота — здешние запутанные распри. Да сам бы ты в жизни не стал в них впутываться, и я тебя не виню за твое опрометчивое великодушие, за неуместное геройство. Но позволь мне сперва побеседовать с ристанийским конунгом, моим давним соседом и былым другом.

Что скажешь, конунг Теоден? Быть может, мы все же заключим мир и все мои познания, обретенные за много веков, послужат тебе на пользу? Рука об руку выстоим мы в трудные времена, предадим забвению взаимные обиды, и наши дружественные края расцветут пышнее прежнего!

Но Теоден не отвечал — то ли в сомнении, то ли в гневе. Заговорил Эомер.

— Выслушай меня, государь! — взмолился он. — Нас ведь предупреждали, что так и будет. Неужели же мы одержали многотрудную победу лишь затем, чтобы стоять, разинув рот, под окном у старого лжеца, точащего мед со змеиного жала? Это же волк из норы держит речь перед гончими псами! Какая от него помощь? Он всего лишь тщится избегнуть заслуженной участи. Но тебе ли вести беседу с предателем и кровопийцей, схоронив Теодреда на переправе и Гайму у Хельмовой Крепи?

— Змеиного жала? Да не ты ли норовишь ужалить в спину, змееныш? — не сдержал злобы Саруман. — Но одумайся, Эомер, сын Эомунда! — И речь его вновь заструилась. — Каждому свое. Ты доблестный витязь, честь тебе и хвала. По велению конунга рази без пощады — таков твой славный удел. Оставь политику государям, ты для нее еще молод. Но если тебе суждено взойти на престол, заранее учись выбирать друзей. Дружбу Сарумана и могущество Ортханка неразумно отвергать во имя обид — подлинных или мнимых. Победа в одной битве — еще не победа, к тому же победили вы с чужой и опасной помощью. Лесные чудища — ненадежные и своенравные союзники: в иной, недобрый час они могут обрушиться на вас самих, ибо люди им ненавистны.

Но рассуди, властелин Ристании, можно ли называть меня убийцей потому лишь, что в битве пали отважные воины? Двинув на меня свои рати, — к моему великому изумлению, ибо я не желал войны, — ты отправил их на смертоносную брань. И если я — кровопийца, то уж род Эорла запятнан кровью с го-

ловы до ног, ибо немало войн в его достославной летописи и случалось конунгам отвечать ударом на вызов. Однако потом они заключали мир, и даже худой мир лучше доброй ссоры. Итак, молви свое слово, конунг Теоден: установим ли мы мир, восстановим ли дружбу? То и другое в нашей власти.

— Да, мы установим мир, — наконец глухо выговорил Теоден, и ристанийцы разразились радостными возгласами. Теоден поднял руку, призывая их к молчанию. — Да, мы установим мир, — сказал он ясно и твердо, — мир настанет, когда сгинешь ты и разрушатся твои козни, когда будет низвергнут твой Черный Властелин, которому ты замыслил услужливо нас предать. Ты лжец, Саруман, а ложь растлевает души. Ты протягиваешь мне руку дружбы? Это не рука, это коготь лапы, протянутой из Мордора, цепкий, длинный, острый коготь! Война началась из-за тебя: будь ты вдесятеро мудрей, все равно не вправе ждать от нас рабской покорности во имя чего бы то ни было; но, даже если бы не ты ее начал, это твои орки зажигали живые факелы в Вестфольде и душили детей. Это они изрубили на куски мертвое тело Гаймы у ворот Горнбурга. Да, мир с Ортханком настанет — когда ты будешь болтаться на виселице подле этих окон и станешь лакомой поживой для своих друзей-воронов. Вот тебе приговор Дома Эорла. Предков своих я, может быть, и недостоин, однако холопом твоим не стану. Обольщай и предавай других, правда, голос твой прежней власти уже не имеет.

Ристанийцы недоуменно воззрились на Теодена, точно пробудившись от сладкого сна. После Саруманових плавных речей голос их государя показался им сиплым карканьем старого ворона. Но и Саруман был вне себя от бешенства. Он пригнулся к перилам, занес жезл, будто вот-вот поразит им конунга, и поистине стал внезапно похож на змею, готовую прянуть и ужалить.

— Ах, на виселице! — процедил он, и вселял невольную дрожь его дико исказившийся голос. — Слабоумный выродок! Твой Дом Эорла — навозный хлев, где пьяные головорезы вповалку храпят на блевотине, а их вшивое отродье ползает среди шелудивых псов! Это вас всех заждалась виселица! Но уже захлестывается петля у вас на горле — неспешная, прочная, жестокая петля. Что ж, коли угодно, подыхайте! — Он с трудом овладел собой, и речь его зазвучала иначе. — Но будет испытывать мое терпение. Что мне до тебя, лошадник Теоден, до тебя и до кучки твоих всадников, которые только удирать и горазды! Давно уж я понапрасну предлагал тебе участь, которой ты недостоин, обделенный разумом и величием. И сегодня предложил ее снова лишь затем, чтобы увидели путь спасения несчастные,

увлекаемые на верную погибель. Ты отвечал мне хвастливой бранью. Что ж, будь по-твоему. Убирайтесь в свои лачуги!

Но ты-то, Гэндальф! О тебе я скорблю паче всего — скорблю и, прости, стыжусь за тебя. С кем ты ко мне приехал? Ведь ты горделив, Гэндальф, и недаром: у тебя светлый ум, зоркий и проницательный глаз. Ты и теперь не хочешь выслушать меня?

Гэндальф шевельнулся и поднял взгляд.

— А ты что-нибудь забыл мне сказать, когда мы прошлый раз виделись? — спросил он. — Или, может быть, ты хочешь взять свои слова обратно?

Саруман помедлил, как бы раздумывая и припоминая.

— Обратно? — удивился он. — Что взять обратно? В тревоге за тебя, в заботе о твоем же благе я пытался помочь тебе разумными советами, а ты пропустил их мимо ушей. Я знаю, ты немного заносчив и непрошеных советов не любишь — и то сказать, своим умом крепок. Должно быть, ты ошибся и неверно меня понял, да попросту не дослушал. А я был кругом прав, но, видимо, слегка погорячился и очень об этом сожалею. Я пекся лишь о твоем благе, да и сейчас зла на тебя не держу, хоть ты и явился с гурьбою невежд и забияк. Разве можем мы с тобой поссориться, разве дано нам такое право — нам, соучастникам верховного древнего ордена, главнейшего в Средиземье! Мы оба равно нужны друг другу — нужны для великих и целительных свершений. Отринем же пустые раздоры, поймем один другого и не будем впутывать посторонних в дела, которые им не по разуму. Да будут законом для них наши обоюдные решения! Словом, я готов немедля забыть о прежних неурядицах, готов принять тебя, как и должно. А ты... ужели не смиришь ты свою гордыню, не поступишься обидой ради общего блага? Поднимайся, я жду!

Такая сила обольщения была в этой последней попытке, что завороженные слушатели оцепенели в безмолвии. Волшебный голос все переменил. Они услышали, как милостивый монарх журит за просчеты своего горячо любимого наместника. Они тут были лишними: как нашалившие и невоспитанные дети, подслушивали они речи старших, для них загадочные, однако решающие их судьбу. Да, не чета им эти двое — мудрецы, властители, маги. Конечно же, они поладят между собой. Сейчас Гэндальф войдет в башню и там, в высоких покоях Ортханка, два седовласых чародея поведут беседу о делах, непостижимых простому уму. А они останутся у запертых дверей ждать наказания и дальнейших повелений. Теоден и тот невольно, как бы нехотя подумал: «Да, он предаст и покинет нас — мы пропали».

Но Гэндальф засмеялся, и наваждение рассеялось как дым.

— Ах, Саруман, Саруман! — смеясь, выговорил он. — Нет, Саруман, ты упустил свой жребий. Быть бы тебе придворным шутом, передразнивать царских советников — и глядишь, имел бы ты под старость лет верный кусок хлеба и колпак с бубенцами. Ну и ну! — покачал он головой, отсмеявшись. — Поймем, говоришь, один другого? Боюсь, меня ты не поймешь, а я тебя и так вижу насквозь. И дела твои, и доводы памятны мне как нельзя лучше. Тюремщиком Мордора ты был прошлый раз, и не твоя вина, что я избег Барад-Дура. Нет уж, коли гость сбежал через крышу, обратно в дом его через дверь не заманишь. Так что не жди, не поднимусь. Слушай-ка, Саруман, в оба уха, я повторять не буду. Может, надумаешь спуститься? Как видишь, твой несокрушимый Изенгард лежит в руинах. Не зря ли ты уповаешь и на другие твердыни? Не напрасно ли к ним прикован твой взор? Оглянись и рассуди, Саруман! Словом, не надумаешь ли спуститься?

Тень пробежала по лицу Сарумана; он мертвенно побледнел. Сквозь маску его угадывалось мучительное сомнение: постыдно было оставаться взаперти и страшно покинуть убежище. Он явственно колебался, и все затаили дыхание. Но холодно скрежетнул его новый голос: гордыня и злоба взяли свое.

— Не надумаю ли спуститься? — с издевкой промолвил он. — И отдаться безоружным на милость разбойников и грабителей, чтобы лучше их слышать? Мне и отсюда вас хорошо слышно. Не одурачишь ты меня, Гэндальф. Ты думаешь, я не знаю, где укрыты от глаз подвластные тебе злобные лешие?

— Предателю всюду чудится ловушка, — устало отвечал Гэндальф. — Но ты зря боишься за свою шкуру. Если бы ты и вправду меня понял, то понимал бы, что останешься цел и невредим. Напротив, я-то и могу тебя защитить. И оставляю за тобой решающий выбор. Покинь Ортханк своею волей — и ты свободен.

— Чудеса, да и только! — осклабился Саруман. — Вот он, Гэндальф Серый — и снисходителен, и милостив. Еще бы, ведь без меня в Ортханке тебе, конечно, будет куда уютней и просторней. Вот только зачем бы мне его покидать? А «свободен» — это у тебя что значит? Связан по рукам и ногам?

— Тебе, наверно, из окон видно, зачем покидать Ортханк, — отозвался Гэндальф. — Вдобавок сам подумай: твои орды перебиты и рассеяны, соседям ты стал врагом, своего теперешнего хозяина обманул или пытался обмануть, и, когда его взор сюда обратится, это будет испепеляющий взор. А «свободен» — у меня значит ничем не связан: ни узами, ни клятвой, ни зароком. Ступай, куда знаешь, даже... даже, если угодно, в Мордор. С одним условием: ты отдашь мне ключ от Ортханка и

свой жезл. После ты их получишь обратно, если заслужишь; они берутся в залог.

Лицо Сарумана посерело, перекосилось, и рдяным огнем полыхнули глаза. Он дико, напоказ расхохотался.

— После! — вскрикнул он, срываясь на вопль. — Еще бы, конечно, после! После того, как ты добудешь ключи от Барад-Дура, так, что ли? Добудешь семь царских корон, завладеешь всеми пятью жезлами и достанешь головой до небес? Как бы не так! Немного ж тебе надо, и уж без моей скромной помощи ты обойдешься. Я лучше займусь другими делами. А пока что, несчастный глупец, проваливай-ка подобру-поздорову и, если я тебе вдруг понадоблюсь, приходи, отрезвевши! Только без этой свиты — без шайки головорезов и жалкого охвостья! Прощай! — Он повернулся и исчез с балкона.

— Вернись, Саруман! — повелительно молвил Гэндальф. И, к общему изумлению, Саруман появился снова точно вытащенный; он медленно склонился к чугунным перилам, с трудом переводя дыхание. В морщинистом дряхлом лице его не было ни кровинки, а рука, сжимавшая внушительный черный жезл, казалось, истлела до костей.

— Я тебе не дал разрешенья уйти, — строго сказал Гэндальф. — Я с тобой разговор не закончил. Ты ослаб рассудком, Саруман, и мне тебя жаль. Как много принес бы ты пользы, если бы перестал злобствовать и безумствовать. Но ты избрал свою участь — грызть капкан, в который сам себя загнал. Что ж, оставайся в капкане! Но помни, наружу теперь тебе нет пути. Разве что с востока протянутся за тобой ухватистые черные лапы. Саруман! — воскликнул он, и голос его властно загремел. — Гляди, я уж не тот Гэндальф Серый, кого ты предал врагам. Я — Гэндальф Белый, отпущенный на поруки смертью! А ты отныне бесцветен, и я изгоняю тебя из ордена и из Светлого Совета! — Он воздел руку и молвил сурово и ясно: — Саруман, ты лишен жезла!

Раздался треск, жезл преломился в руке Сарумана, и набалдашник его упал к ногам Гэндальфа.

— Теперь иди! — сказал Гэндальф, и Саруман вскрикнул, осел и уполз. И грянулось что-то сверху, тяжелое и блестящее: в перила, едва не задев Сарумана, возле виска Гэндальфа, на лестницу. Перила дрогнули и рассыпались вдребезги, лестница с треском брызнула огнистым снопом искр. А брошенный шар промчался вниз по ступеням — черный, хрустальный, багровеющий изнутри. И покатился к колдобине — там его успел перехватить Пин.

— Подлый негодяй! — воскликнул Эомер. Но Гэндальф пожал плечами.

— Нет, — сказал он, — это не Саруманових рук дело. Брошено из другого, из высокого окна. Гнилоуст, я так думаю, с нами прощается, но неудачно.

— Потому неудачно, что он толком не знал, в кого метит, в тебя или в Сарумана, — предположил Арагорн.

— Может, и так, — согласился Гэндальф. — Хороша подобралась парочка! Они же заедят друг друга: слова страшнее всего. Впрочем, поделом вору и мука. Но если Гнилоуст выйдет из Ортханка живьем, ему изрядно повезет... Ну-ка, ну-ка, маленький, оставь шарик! Меня бы сначала спросил! — воскликнул он, резко обернувшись и увидев Пина, который медленно всходил по лестнице, точно нес непосильную тяжесть. Он сбежал ему навстречу и поспешно отобрал у хоббита темный шар, обернув его полой плаща. — Дальше мое дело, — сказал он. — Н-да, Саруман бы, пожалуй, не стал такими вещами швыряться.

— У него и без этого найдется чем швырнуть, — сказал Гимли. — Если разговор окончен, так хоть отойдем подальше!

— Разговор окончен, — сказал Гэндальф. — Отойдем.

У подножия лестницы ристанийцы громко и радостно приветствовали своего конунга и склонились перед Гэндальфом. Колдовство Сарумана развеялось: все видели его озлобленное бессилие и жалкий позор.

— Ну, вот и все, — вздохнул Гэндальф. — Надо бы Древню сказать, чем дело кончилось.

— А ему это невдомек? — удивился Мерри. — Могло, что ль, кончиться иначе?

— Да нет, наверно, не могло, — сказал Гэндальф, — хоть и висело на волоске. Но пришлось на это пойти — отчасти из милосердия, а отчасти... Надо было показать Саруману, что голос его теряет привычную власть. Деспоту не стоит прикидываться советником. И уж если тайное стало явным, то дальше его не утаишь. А мудрец наш как ни в чем не бывало принялся обрабатывать нас порознь на слуху друг у друга — нерасчетливо поступил. Но все-таки надо было дать ему последнюю возможность отказаться от мордорского лиходейства, а заодно и от своих замыслов. Загладить постыдное прошлое: он ведь мог бы нам очень помочь. Лучше всякого другого знает он наши дела, и захоти он только — нынче же все пошло бы иначе. Но он предпочел свою бессильную злобу и надежную твердыню Ортханка. Не желает помогать, а желает начальствовать. И живет-то в ужасе перед тенью Мордора, а тянется к верховной власти. Вот уж кто несчастный дурак! Если с востока до него доберутся — пиши

пропало. Мы-то не можем, да и не станем крушить Ортханк, а Саурон — тот, пожалуй что, и сокрушит.

— Ну а если победа Саурону не достанется? Ты тогда что с ним сделаешь, с Саруманом? — спросил Мерри.

— Я? С Саруманом? Да ничего я с ним делать не стану, — сказал Гэндальф. — Всякая власть мне претит. А вот что с ним станется, этого я не знаю. Жалко все-таки: столько добра и столько могущества пропадает задаром. Зато нам-то как повезло! Вот уж не угадаешь заранее, злоба — она сама по себе в ущерб. Если бы мы даже вошли в Ортханк, то и среди всех тамошних сокровищ вряд ли нашлось бы равное тому, которое вышвырнул Гнилоуст.

Раздался и осекся яростный вопль из высокого открытого окна.

— Похоже, Саруман со мной согласен, — сказал Гэндальф. — Вот теперь давайте отойдем подальше!

Они вернулись к разрушенному входу и едва вышли из-под арки, как тут же, откуда ни возьмись, к ним зашагали онты, дотоле скрытые за грудами камней. Древень шел во главе, и Арагорн, Гимли и Леголас в изумлении уставились на лесных великанов.

— Вот, кстати, три моих спутника, Древень, — сказал Гэндальф. — Я тебе про них говорил, но ты их еще не видел.

И представил их, одного за другим. Старый онт внимательно оглядел каждого и с каждым немного побеседовал. Последним оказался Леголас.

— Так ты, стало быть, сударь мой эльф, явился из так нынче называемого Лихолесья? Как оно ни зовись, а лес там был, помнится, хоть куда!

— Да наш лес — он и сейчас ничего себе, — скромно сказал Леголас. — Но ведь деревьев сколько ни есть, а все мало! Больше всего на свете хочется мне побродить по Фангорну, дальше опушки-то и побывать не привелось, а уж так тянуло!

Радостно замерцали глубокие глаза Древня.

— Ну что ж, авось еще и горы не очень постареют, как твое желанье сбудется, — сказал он.

— Надо, чтоб сбылось, — подтвердил Леголас. — Я условился с другом, что если мы останемся живы, то непременно наведаемся в Фангорн — с твоего позволения, конечно.

— Мы эльфам всегда рады, — сказал Древень.

— Друг мой, как бы сказать — не соврать, не из эльфов, — заметил Леголас. — Это Гимли, сын Глоина, вот он стоит.

Гимли низко поклонился, топор его выскользнул из-за пояса и брякнул о камни.

— Кгм, хм! Вот тебе и на! — сказал Древень, тускло взглянув

на него. — Гном, да еще с топором! Ну, не знаю, не знаю! Кгм! Эльфам, я говорю, мы всегда рады, но это уж слишком, а? Н-да, подобрал себе дружка!

— Друзей не выбираешь, — возразил Леголас. — Одно скажу: покуда жив Гимли, я без него в Фангорн — ни ногой. А топор у него не на деревья, о владыка бескрайнего леса! Он им оркам головы рубит. В одном последнем бою четыре с лишним десятка завалил.

— Кхум! Дела, дела! — сказал Древень. — Ну, это, само собой, приятно слышать. Ладно, пусть будет как будет: торопиться нам некуда. А вот расставаться пора. Вечереет, а Гэндальф сказал, что вам надо выехать до ночи: повелитель Ристании торопится в свой золотой чертог.

— Да-да, ехать надо немедля, — сказал Гэндальф. — И твоих привратников я с собой заберу. Ты и без них прекрасно обойдешься.

— Обойтись-то обойдусь, — сказал Древень, — но отпускать их жалко. Мы так с ними быстро, прямо сказать, второпях подружились, что мне и самому удивительно — видно, в детство впадаю. Но ежели порассудить, то, может, и дивиться нечему: сколько уж веков не видел я ничего нового под солнцем и под луною, а тут на тебе. Нет, кто-кто, а они у меня в памяти останутся, и в перечень я их поместил, велю онтам переучивать:

> Онты-опекуны явились к древесным отарам —
> Исполины собой, земнородные водохлебы;
> И хоббиты-хохотуны, лакомки-объедалы,
> Храбрые малыши, человечьи зайчата.

Так теперь он и будет читаться, покуда листья растут на деревьях. Прощайте же! Если до вашей прелестной Хоббитании дойдут какие-нибудь новости, дайте мне знать! Вам ведь понятно, о чем я? Я про онтиц: вдруг да чего увидите или прослышите. И сами ко мне выбирайтесь!

— Мы выберемся! — сказали в один голос Мерри с Пином и поспешно отвернулись.

Древень молча поглядел на них и задумчиво покачал головой. Гэндальфу же он сказал:

— Саруман, значит, убоялся выйти? Ну, я так и знал. Нутро у него гнилое, как у последнего гворна. Правда, если бы меня одолели и истребили все мои деревья, я бы тоже небось затаился в какой-нибудь дыре и носа не казал наружу.

— Зря сравниваешь! — сказал Гэндальф. — Ты ведь не собирался заполонить мир своими деревьями в ущерб всякой иной жизни. А Саруман — да, он предпочел лелеять свою черную злобу и вынашивать новые козни. Ключ от Ортханка у него не отнимешь, а выпускать его оттуда никак нельзя.

— Не тревожься! Онты за ним приглядят, — пообещал Древень. — Следить будут денно и нощно, и без моего соизволения он шагу не ступит.

— Вот и ладно! — сказал Гэндальф. — Я только на вас и надеялся; хоть одной заботой меньше, а то мне, право, не до него. Но вы уж будьте начеку: воды схлынули, и боюсь, одними часовыми вокруг башни не обойдешься. Наверняка из Ортханка есть глубокие подземные ходы, и Саруман рассчитывает тайком улизнуть. Уж коли на то пошло, затопите-ка вы Изенгард еще разок, да как следует, пока он весь не станет озером или ходы не обнаружатся. Заткните ходы, наводните пещеры — и пусть Саруман сидит в башне и поглядывает из окон.

— Положись на онтов! — сказал Древень. — Мы общарим каждую пядь и перевернем все камушки до единого! И насадим вокруг деревья — старые, одичалые. Они будут называться Дозорный Лес. Любую белку в тот же миг заприметят. Будь покоен! Семижды минет срок наших скорбей, которых он был виною, но мы и тогда не устанем его стеречь!

Глава XI

ПАЛАНТИР

Солнце опускалось за длинный западный хребет, когда Гэндальф со спутниками и конунг с дружиной покинули Изенгард. Мерри сидел позади Гэндальфа, Арагорн взял Пина. Двое вестовых стрелой помчались вперед и вскоре исчезли из виду в долине. Остальные тронулись мерной рысью.

Онты чинно выстроились у ворот, воздев свои длинные руки и замерши как истуканы. Мерри и Пин точно по команде обернулись у поворота извилистой дороги. Небо еще сияло солнечным светом, но серые развалины Изенгарда сокрыла вечерняя тень. Древня пока было видно: он стоял одиноко, словно древесный ствол, и хоббитам припомнилась их первая встреча на залитом солнцем горном уступе близ опушки Фангорна.

Подъехали к столбу с Белой Дланью: столб высился по-прежнему, но изваяние было сшиблено с верхушки его и расколото на куски. Посреди дороги валялся длинный мертвенно-белый указующий перст с кроваво-черным ногтем.

— До чего же основательный народ эти онты! — заметил Гэндальф.

Они проехали мимо. Сумерки сгущались.

— Долго ли нам нынче ехать, Гэндальф? — спросил Мерри

немного погодя. — Тебе-то небось все равно, что сзади тебя болтается жалкое охвостье, а охвостье еще прежде того устало, ему не терпится отдохнуть.

— А-а, расслышал и даже обиделся! — сказал Гэндальф. — Скажи лучше Саруману спасибо за вежливость! Он на вас крепко глаз положил. Если угодно, можешь даже гордиться — сейчас он только про тебя с Пином и думает: кто вы такие, откуда взялись, что вам известно, вас или не вас захватили в плен и как же вы спаслись, когда всех орков перебили, — над такими вот мелкими загадками бьется наш великий мудрец. Так что, любезный друг Мериадок, будь польщен его руганью.

— Благодарствуйте! — сказал Мерри. — Но мне еще более льстит мотаться у тебя за спиной, хотя бы потому, что я могу повторить свой вопрос: долго ли нам нынче ехать?

— Вот неугомонный хоббит! — расхохотался Гэндальф. — К каждому магу надо бы приставить хоббита-другого, дабы они, маги, следили за своими словами. Прости, что оставил тебя без ответа, даром что и ответ проще простого. Сегодня мы не спеша проедем несколько часов и выберемся из долины. Завтра поскачем галопом. Мы хотели ехать от Изенгарда степным путем в Эдорас, да передумали. К Хельмовой Крепи отправили гонцов, оповестить о завтрашнем прибытии конунга и созвать ополчение: на Дунхерг пойдем горными тропами. Отныне в открытую — ночью или днем, все равно, — велено будет ездить по двое, по трое.

— То от тебя слова не допросишься, то получай дюжину, — сказал Мерри. — Я ведь только и спросил, долго ли до ночлега? Почем мне знать, что это за Хельмова Крепь и разные Эдорасы? Я, может, чужестранец!

— Так разузнай, коли хочешь что-нибудь понять! А меня больше не теребя, не мешай мне думать.

— Ладно, ладно, сядем у костра, и я пристану к Бродяжнику, он не такой гневливый. Скажи только, чего ради нам таиться, разве мы не выиграли битву?

— Оттого и таиться, что выиграли: победили мы покамест на свою голову. Изенгард напрямую связан с Мордором — ума не приложу, как они обменивались вестями, а ведь обменивались! Сейчас Око Барад-Дура вперится в Колдовскую логовину и зарыщет по Ристании. Чем меньше оно увидит, тем лучше.

Дорога вилась по долине, то дальше, то ближе слышалось клокотание Изена. Ночная тень наползала с гор. Туманы развеялись, подул холодный ветер. Бледная полная луна блистала на

востоке. Горная цепь справа стала чередой голых холмов. Широкая серая гладь открывалась перед ними.

Наконец повернули коней с дороги налево, на мягкий и упругий травяной ковер, и через милю-другую наехали на лощину за округлым зеленым подножием Дол-Брана, последней горы Мглистого хребта, густо поросшей вереском. Скаты лощины устилал прошлогодний папоротник, сквозь настил из сырой пахучей земли пробивались плотные, крученые молодые побеги. По краям тянулись сплошные заросли боярышника. Примерно за час до полуночи путники спешились и развели костер в ямине под корнями раскидистого куста, большого, как дерево, старого и корявого, однако все ветви его были в набухших почках.

Выставили пару часовых, остальные поужинали, укутались в плащи и одеяла и мигом уснули. Хоббиты приютились в уголке на груде папоротниковой листвы. У Мерри слипались глаза, но Пину почему-то не спалось. Он вертелся с боку на бок, шурша и хрустя подстилкой.

— В чем дело? — спросил Мерри. — На муравейник улегся?

— Да нет, — сказал Пин. — Просто неудобно. Вспоминаю, сколько я уже не спал в постели.

Мерри сладко зевнул.

— Сочти на пальцах! — сонно сказал он. — Чего мудрить-то, от Лориэна и не спал.

— Да, как же! — хмыкнул Пин. — В настоящей постели, в спальне.

— Тогда от Раздола, — сказал Мерри. — А я сегодня и на иголках заснул бы.

— Тебе-то хорошо, Мерри, — тихо сказал Пин, помолчав. — Ты с Гэндальфом ехал.

— Ну и что?

— Ты у него что-нибудь узнал, вытянул из него? Или не удалось?

— Вытянул — куда больше обычного. Но ты же все слышал: ехали рядом и говорили мы громко. Ладно уж, поезжай ты с ним завтра, ежели думаешь больше выспросить — и если он согласится.

— Да? Можно? Вот здорово! А он такой же скрытник? Ничуть не изменился!

— Очень даже изменился! — сказал Мерри, приочнувшись от дремы и не понимая, почему другу неймется. — Правда, это объяснить трудно. По-моему, он стал и добрее, и жестче, и веселее, и суровее. Словом, другой он стал, но вроде и не совсем другой — пока не разберешь. Ты вспомни, чем кончилось с Саруманом! Саруман-то раньше был главнее Гэндальфа в ихнем каком-то Совете, не знаю уж, что это за Совет. Он был Саруман

Белый. А теперь Белый — Гэндальф. Саруману велено было вернуться — он и вернулся, и жезл его тю-тю, велели убираться — он и уполз на карачках!

— Не знаю, не знаю, только скрытности у него еще прибавилось против прежнего, — возразил Пин. — Взять хоть этот... ну, хрустальный шар. Вроде он доволен, что его заполучил. То ли он знает, то ли догадывается, что это за шар. И нам — ни полслова, а ведь шар-то я поймал, без меня бы он в пруду потонул. «Ну-ка, маленький, оставь шарик!» — и весь сказ. А правда, что это за шар? Тяжелый такой... — Пин говорил совсем-совсем тихо, точно сам с собой.

— Ага! — сказал Мерри. — Вон ты чего ворочаешься! Слушай, дружище Пин, ты вспомни-ка присловье Гаральда, которое Сэм любил повторять: «В дела мудрецов носа не суй — голову потеряешь!»

— Ну, знаешь, за эти месяцы мы в делах мудрецов поневоле по уши завязли, — сказал Пин. — И головой только и делаем, что рискуем. Невелика была бы награда — посмотреть на этот шар!

— Спал бы ты, честное слово! — сказал Мерри. — Все в свое время узнаешь. Между прочим, по части любопытства пока еще ни один Крол Брендизайка не обставил, и ты, значит, решил на ночь глядя постоять за честь рода? Ох, не вовремя спохватился!

— Да ну тебя! Я всего-то и сказал, что хочу на этот шар поглядеть, а на него поглядишь, как же, Гэндальф лежит на нем, будто собака на сене. Тут еще ты заладил: нельзя да нельзя, спи да спи! Спасибо на добром слове!

— Пожалуйста, — сказал Мерри. — Ты меня прости, Пин, но уж как-нибудь потерпи до утра. Отоспимся, позавтракаем, загоримся любопытством — авось на пару и распотрошим мага! А сейчас не могу больше, до ушей зеваю. Покойной ночи!

Пин в ответ промолчал. Лежал он неподвижно, однако сна у него не было ни в одном глазу, и он досадовал на мирно засопевшего Мерри. Чем тише становилось, тем назойливее вертелся у него перед глазами черный шар. Он точно снова оттягивал ему руки, и снова мерещилась ему багровая глубь, в которую Пин успел на миг заглянуть. Он опять принялся ворочаться и старался думать о чем-нибудь другом.

Но это у него никак не получалось. Наконец он сел и огляделся. Его пронизала дрожь, и он запахнулся в плащ. Ярко-белая луна холодно озаряла лощину, кусты отбрасывали угольно-черные тени. Кругом все спали. Часовых было не видать: может, отошли на гору, а может, укрылись где-нибудь в папоротниках. Движимый какой-то непонятной и неодолимой

силой, Пин тихонько подкрался к спящему Гэндальфу и заглянул ему в лицо. Маг хоть вроде бы и спал, но с полуприкрытыми веками: из-под его длинных ресниц поблескивали белки. Пин поспешно отступил, но Гэндальф не шелохнулся, и хоббит, точно его что подталкивало, обошел его со спины. Поверх одеяла маг был укрыт плащом, и рядом, у него под правой рукой, лежал круглый сверток в темной тряпице — казалось, рука Гэндальфа только что соскользнула со свертка на землю.

Едва дыша, Пин подбирался все ближе и ближе, наконец встал на колени, воровато протянул обе руки, ухватил сверток и медленно поднял его — он был вовсе не такой уж тяжелый. «Пустяки, всего-то какая-нибудь стеклянная безделушка», — со странным облегчением подумал он, однако на место сверток не положил, а выпрямился, прижимая его к себе. Потом его осенило: он отошел на цыпочках и вернулся с большим булыжником. Снова встав на колени, он разом сорвал тряпицу с круглого предмета, закутал в нее булыжник и подсунул его поближе к руке Гэндальфа.

И наконец посмотрел на гладкий хрустальный шар, черный и тусклый, лежавший возле его колен. Пин поднял его, торопливо обернул полой плаща и хотел было вернуться к своему ложу, но тут Гэндальф зашевелился во сне и что-то пробормотал на чужом языке; рука его вытянулась, ощупала круглый сверток, он вздохнул и опять затих.

«Болван ты стоеросовый, — неслышно увещевал себя Пин. — Вляпаешься — не выберешься! Сейчас же положи обратно!» Но колени его тряслись, он не смел подойти к магу и обменять свертки. «Не выйдет, я его разбужу, — мелькнуло у него в голове, — надо сперва успокоиться. Так что уж ладно, посмотрю хоть, чтобы не зря. Только не здесь!» Он прокрался к зеленому холмику неподалеку от своего травяного ложа. Луна вдруг выглянула из-за края лощины.

Пин сел, сдвинул колени, пристроил на них шар и низко склонился к нему — точь-в-точь голодный мальчишка, стащивший миску с едой, — наконец отвел плащ и посмотрел. Тишина сомкнулась и зазвенела у него в ушах. Сначала шар был темный, янтарно-черный, сверкающий в лунных лучах, потом медленно засветился изнутри, впиваясь в его глаза, неотвратимо притягивая их. Шар вспыхнул и закрутился, нет, это в нем закрутился огненно-багровый вихрь — и вдруг погас. Хоббит ахнул, застонал и попробовал оторваться от шара, но только скрючился, сжимая его обеими руками. Он приникал к нему все ближе и ближе, потом оцепенел, губы его беззвучно шевелились. С придушенным криком он опрокинулся навзничь.

Крик был ужасающий. Часовые спрыгнули в лощину. Весь лагерь мгновенно пробудился.

— Ах ты, воришка несчастный! — сказал Гэндальф, поспешно набросив плащ на хрустальный шар. — Ну, Пин, вот уж не было печали! — Он опустился на колени подле простертого, застывшего хоббита, чьи раскрытые глаза неподвижно глядели в небо. — Что же он успел натворить и чего нам теперь ждать?

Лицо мага резко осунулось.

Он взял Пина за руку и прислушался к его дыханию, потом возложил ладони ему на лоб. Дрожь пробежала по телу хоббита, и веки его сомкнулись. Он вскрикнул, сел и уставился на склоненные к нему в лунном свете бледные лица.

— Не для тебя эта игрушка, Саруман! — пронзительно и монотонно прокричал он. — Я тотчас же за нею пришлю. Понятно? Так и передай!

Он вскочил и бросился бежать, но Гэндальф перехватил и удержал его — бережно и крепко.

— Перегрин Крол! — молвил он. — Вернись!

Хоббит успокоенно прижался к надежной и твердой руке.

— Гэндальф, это ты! — воскликнул он. — Прости меня, Гэндальф!

— Простить? — нахмурился маг. — Сперва скажи, за что?

— Я ук... унес шар и заглянул в него, — запинаясь, проговорил Пин. — И я увидел очень страшное, а уйти было нельзя. Он явился, и допрашивал меня, и стал на меня глядеть, и... и я больше ничего не помню.

— Нет, так не пойдет, — строго сказал Гэндальф. — Что ты увидел, о чем он допрашивал, что ты ему сказал?

Пин закрыл глаза и мелко задрожал, но не произнес ни слова. Все молча смотрели на него, кроме Мерри — тот отвернулся. Лицо Гэндальфа было по-прежнему сурово.

— Отвечай! — велел он.

Пин начал снова — глухим, непослушным голосом, но речь его с каждым словом становилась все отчетливее.

— Я увидел темное небо и высокую зубчатую башню, — сказал он. — И крохотные звезды. Казалось, видится то, что было давным-давно и далеко-далеко, но видится ясно и четко. Звезды меркли, мерцали: их точно гасили какие-то крылатые чудища — казалось, огромные летучие мыши вьются над башней. Я их насчитал девять. Одна полетела прямо на меня, разрастаясь и разрастаясь. У нее было жуткое... нет, нет! Нельзя об этом говорить.

Я хотел отдернуться — вдруг она оттуда вылетит, но она заслонила весь шар и исчезла, а появился *он*. Слов он не говорил, только глядел, и мне было все понятно.

«Ты возвратился? Почему так долго отмалчивался?»

Я не ответил. Он спросил: «Кто ты?», а я все молчал, терпел дикую боль и, когда стало совсем уж невмоготу, сказал: «Хоббит».

А он будто вдруг увидел меня — и его хохот мучил, как медленная пытка. Я противился из последних сил. Он сказал: «Погоди немного. Скоро снова свидимся. Пока скажи Саруману, что эта игрушка не для него. Я тотчас же за нею пришлю. Понял? Так и передай».

И снова злорадно захохотал, как клещами жилы вытягивал, страшнее всякой смерти... нет, нет! Об этом нельзя говорить. Больше я ничего не помню.

— Посмотри мне в глаза! — сказал Гэндальф.

Пин встретил его взгляд, не сморгнув. Длилось нестерпимое молчание. Потом лицо мага потеплело, и по нему скользнула тень улыбки. Он погладил Пина по голове.

— Ладно! — сказал он. — Будет! Ты уцелел. Глаза твои, вижу, не лгут. Ну, он недолго с тобой говорил. Олухом ты был и остался, но ты честный олух, Перегрин Крол. Будь на твоем месте кто поумнее, он бы, может, вел себя хуже. Но запомни вот что! Тебя и твоих друзей уберег, что называется, счастливый случай, но другой раз не убережет. Допроси он тебя толком, ты бы не вынес пытки и рассказал ему все, что знаешь, к нашей общей погибели. Но он поторопился. Одних сведений ему показалось мало, он решил немедля заполучить *тебя* и не спеша замучить в темнице Черной Башни. Нет уж, ты не дергайся! Суешь нос в дела мудрецов, так и хвост не поджимай! Ладно уж, я тебя прощаю. Все не так худо обернулось, как могло бы.

Он бережно отнес Пина на папоротниковое ложе. Мерри сел возле друга.

— Лежи смирно и попробуй уснуть, Пин! — сказал Гэндальф. — А впредь больше доверяй мне! Зазудит опять — скажи, есть от этого средства. И уж, во всяком случае, не вздумай опять подкладывать мне камни под локоть! Побудьте вдвоем, это вам полезно.

Маг вернулся к остальным; они в угрюмом раздумье стояли над ортханкским камнем.

— Беда явилась за полночь и застала нас врасплох, — сказал он. — Спаслись мы чудом!

— А что хоббит, что Пин? — спросил Арагорн.

— Думаю, с ним все обойдется, — отвечал Гэндальф. — Пытали его недолго, а хоббиты — на диво стойкий народ. Память о пережитом ужасе, и та у него быстро выветрится. Пожалуй, даже чересчур быстро. Не возьмешь ли ты, Арагорн, на сохранение этот камушек? Хранить его, конечно, опасно, но...

— Кому как, — сказал Арагорн. — У него есть законный владелец. Этот камушек — *палантир* Ортханка из сокровищницы Элендила, и установили его здесь гондорские князья. Роковые сроки близятся. И мой палантир может мне пригодиться.

Гэндальф взглянул на Арагорна и затем, к общему изумлению, с глубоким поклоном протянул ему завернутый камень.

— Прими его, государь! — сказал он. — И да послужит он залогом грядущих дней! Но позволь все же посоветовать тебе: до поры не гляди в него! Остерегись!

— Был ли я тороплив и тщеславен хоть раз за долгие годы испытаний? — спросил Арагорн.

— Ни разу. Не оступись под конец пути, — отвечал Гэндальф. — По крайней мере храни его в тайне. И вы все, свидетели ночного происшествия, пуще всего берегитесь ненароком выдать хоббиту Перегрину, где хранится камень! Он его будет по-прежнему притягивать, ибо, увы, он держал его в руках еще в Изенгарде — это я недоглядел. Но я был занят Саруманом и не догадался, что это за Камень. Потом я был близок к разгадке, но меня сморила усталость и одолел сон. Лишь сейчас все открылось!

— Да, и вне всяких сомнений, — сказал Арагорн. — Теперь воочию видна связь между Изенгардом и Мордором — объяснилось многое.

— Диковинно могущество наших врагов, и диковинна их немощь! — сказал Теоден. — Издавна говорят: нередко зло пожрется злом.

— Чаще всего так оно и бывает, — подтвердил Гэндальф. — Но в этот раз нам неимоверно повезло. Проступок хоббита, кажется, спас меня от чудовищного промаха. Я думал было сам изучить этот Камень, проверить его на себе. Сделай я это — и пришлось бы состязаться в чародействе с величайшим колдуном, а я не готов к такому испытанию, оно, может статься, и вообще не для меня. Но если б я и не подпал под его власть, узнан все равно был бы, а это пагубно для нас — пока не настанет время выступить в открытую.

— По мне, так оно настало, — сказал Арагорн.

— Еще нет, — возразил Гэндальф. — Покамест враг в заблуждении, и это нам на руку. Прислужник Саурона думает, будто Камень в Ортханке; с какой стати нет? Значит, там же заключен и хоббит. Саруман для пущей муки принуждает его глядеть в чародейное зеркало. Ему запомнились голос и лицо хоббита, он ждет свою безвольную жертву — и ошибка его обнаружится еще не сейчас. Но мы-то что ж упускаем время попусту? Мы были слишком беспечны. Скорее в путь! Нечего медлить

неподалеку от Изенгарда. Я поеду вперед и возьму с собой Перегрина Крола: нынче спать ему не придется.

— При мне останутся Эомер и десять дружинников, — сказал конунг. — Прочие пусть едут с Арагорном и мчатся во весь опор.

— Можно и так, — сказал Гэндальф. — Вместе или порознь — спешите в горы, к Хельмову ущелью!

В этот миг их накрыла огромная тень, яркая луна вдруг погасла. Дружинники с криком припали к земле, закрывая головы руками, словно защищаясь от удара сверху: их обуял слепой ужас и пронизал цепенящий холод. Еле-еле отважились они поднять глаза — и увидели огромную крылатую тварь, черным облаком затмившую луну. Она описала круг и вихрем умчалась на север; звезды тускнели на ее пути.

Ристанийцы поднялись на ноги, но двинуться с места не было сил. Гэндальф провожал чудище глазами, опустив крепко сжатые кулаки.

— Назгул! — крикнул он. — Посланец Мордора! Буревестник Саурона! Назгулы пересекли Великую Реку! Скачите, скачите, не ждите рассвета! И не дожидайтесь отстающих! Скачите!

Он кинулся прочь, кликнув на бегу Светозара. Арагорн быстро помог ему собраться. Гэндальф подхватил Пина на руки.

— На этот раз поедешь со мной, — сказал он. — Светозару лишняя ноша нипочем.

Серебряный скакун уже поджидал его. Гэндальф закинул за плечи свой легкий мешок, вскочил на коня и принял из рук Арагорна укутанного в одеяло и плащ Пина.

— Прощайте. Не мешкайте! — крикнул он. — Вперед, Светозар!

Красавец конь гордо тряхнул головой, его пышный хвост переливчато заблистал в лунном свете. Он прянул, взмыв над землей, и умчался, как северный ветер с гор.

— Приятная и спокойная выдалась ночка! — сказал Мерри Арагорну. — Везет же некоторым! Ему, видите ли, не спалось — он и не спал, захотелось ехать с Гэндальфом — пожалуйста! А надо бы ему окаменеть и остаться здесь в назидание потомкам.

— Если б не он, а ты подобрал ортханский камень, думаешь, ты бы себя лучше показал? — спросил Арагорн. — Сомневаюсь! Словом, тебе не повезло: повезу тебя я. Иди собирайся и, если Пин что позабыл, прихвати. Мигом!

Светозар мчался по темной степи, его не надо было ни понукать, ни направлять. Прошло меньше часа, а они уже миновали Изенгардскую переправу и высокий серый курган, утыканный копьями.

Пин мало-помалу приходил в себя. Он угрелся, лицо овевал свежий бодрящий ветер. Гэндальф был рядом. Ужас, затягивающий в камень, уродливая тень, затмившая луну, — все это осталось позади, как дурной сон или горный туман. Он вздохнул полной грудью.

— А я и не знал, что ты ездишь без седла и уздечки, Гэндальф! — сказал он.

— Обычно я по-эльфийски не езжу, — отозвался Гэндальф. — Но Светозар не терпит сбруи: либо он берет седока, либо нет. Если берет, то уж позаботится, чтобы ты не упал — разве что нарочно спрыгнешь.

— А быстрота его какая? — спросил Пин. — Ветер так и свищет в ушах, а как плавно едем! Почти не касаясь земли!

— Сейчас он мчится быстрее самого быстрого скакуна, — сказал Гэндальф. — Но для него и это пустяки. Здесь идет подъем, и степь неровная. Однако смотри, как на глазах близятся Белые горы под звездным пологом! Вон та, островерхая, трехрогая — это Трайгирн. Недалеко уж до развилки, а там рукой подать и до Ущельного излога, где две ночи назад бушевала битва.

Пин ненадолго примолк. Он слушал, как Гэндальф мурлычет себе под нос обрывки песен на чужих языках, и миля уходила за милей. Наконец маг пропел целый стишок из понятных слов, и хоббит расслышал сквозь немолчный посвист ветра:

Короли привели корабли,
Трижды их было три.
А на кораблях — что они привезли
Из дальней своей земли?
Семь светлых звезд, семь зрячих камней
И Саженец — белый как снег.

— О чем это, Гэндальф? — спросил Пин.

— Я перебирал в памяти древние стихи и песни, — отвечал маг. — Хоббиты их, наверно, давно позабыли — даже и те немногие, что знали.

— Не все мы позабыли, — возразил Пин. — И сочинили много-много своих, хотя у тебя сейчас не хватит на них любопытства. Но этих стихов я никогда не слыщал. Что это за семь звезд и семь камней?

— *Палантиры* королей древности, — отвечал Гэндальф.

— Какие такие палантиры?

— «Палантир» — значит «дальнозоркий». Ортханский камень — из них.

— Стало быть, его вовсе... вовсе не Враг изготовил, этот Камень?

— Нет, не Враг, — сказал Гэндальф. — И не Саруман. Такое мастерство недоступно ни ему, ни Саурону. Да и никому в Западном Крае, палантиры — они из Эльдамара, изготовили их эльфы Нолдора. Может статься, это дело рук самого Феанора, дело дней столь давно минувших, что с тех пор потерян и счет векам. Однако же злая воля Саурона все на свете пятнает скверной. На этом и попался Саруман, как мне теперь понятно. Опасны орудия, свойства которых превыше нашего разумения. Однако и сам он не без вины. Он сокрыл этот Камень ради собственных тайных целей и в Совете о нем не заикнулся. А мы за грохотом сотрясающих Гондор нашествий да распрей и думать забыли о древних палантирах. Из людской памяти они тоже едва ли не исчезли: даже в Гондоре мало кто помнит о них, да и в Арноре немногие из дунаданцев поймут загадочные слова древней былины.

— А зачем они были людям древности? — спросил Пин, восхищенный и изумленный тем, что на все его вопросы отвечают, и спрашивая себя, долго ли это продлится.

— Чтобы видеть незримое очами и беззвучно разговаривать издали, — сказал Гэндальф. — Они тайно охраняли целость Гондора. Камни водрузили в Минас-Аноре, в Минас-Итиле и в нерушимом Ортханке, посреди неприступного Изенгарда. Но главенствовал над ними Камень в Звездной Цитадели Осгилиата, ныне лежащего в руинах. Остальные три увезли на далекий север. От Элронда я слышал, будто один из них был в столице Арнора Ануминасе, другой — в Амон-Суле, Ветрогорной Башне, а главный Камень, Камень самого Элендила, — на Подбашенных горах, откуда виден Митлонд и серебристые корабли в Полумесячном заливе.

Палантиры отзывались друг другу в круговой перекличке, и во всякое время любой из гондорских был открыт взору из Осгилиата. И вот оказывается, что одна лишь скала Ортханка выдержала напор времени и в тамошней башне сохранился палантир. Сам-то по себе он лишь крохотное зрелище давно минувших времен и событий. Тоже неплохо, но Саруману, видать, этого было мало. Он впивался взором все глубже и глубже и наконец разглядел Барад-Дур. Тут-то он и поймался!

Кто знает, куда подевались пропащие арнорские и гондорские Камни? В земле они схоронены или зарылись в ил на речном дне? Но один из них так или иначе достался Саурону и сделался его орудием. Должно быть, Камень из Минас-Итила, ибо

эту крепость он взял давно и превратил ее в обитель ужаса — она стала называться Минас-Моргул.

Теперь-то легко догадаться, как был пленен и прикован блуждающий взгляд Сарумана и как его с той поры исподволь улещали и запугивали. Изо дня в день, год за годом приникал он к колдовскому зеркалу и под надзором из Мордора впитывал мордорские подсказки. Ортханкский зрячий камень стал волшебным зеркальцем Барад-Дура: ныне всякий, кто взглянет в него, — если он не наделен несгибаемой волей, — увидит и узнает лишь то, что угодно Черному Владыке, сделается его добычей. А как он притягивает к себе! Мне ли этого не знать! Меня и сейчас подмывает испробовать свою силу, проверить, не смогу ли я высвободить палантир и увидеть в нем за океанской далью времен прекрасный град Тирион, немыслимое творение зодчества Феанора, увидеть в цвету и Белое Древо, и Золотое!

Он вздохнул и замолк.

— Жалко, я этого ничего не знал, — сказал Пин. — Вот уж истинно не ведал, что творил.

— Отлично ведал, — сказал Гэндальф. — Как же не ведал ты, что поступаешь дурно и по-дурацки! Ведал, и сам себе говорил это, и сам себя не послушал. А я тебя раньше не остерег, потому что сейчас только до всего этого додумался. Но если бы и остерег, тебя бы это ничуть не охладило и не удержало. Напротив! А вот как, ожегшись на молоке, станешь дуть на воду, тут и добрый совет кстати придется.

— О чем говорить! — сказал Пин. — Разложи теперь передо мной все эти семь Камней — я только зажмурюсь покрепче и заложу руки в карманы.

— Рад слышать, — сказал Гэндальф. — Затем и рассказано.

— Вот еще хотел бы я знать... — начал Пин.

— Смилостивись! — воскликнул Гэндальф. — Если ублажать твое любопытство рассказами, то остаток моих дней мне рта закрыть не удастся. Ну, что еще ты хотел бы знать?

— Я-то? Названия звезд небесных и зверей земных, историю Средиземья, Верховья и Нездешних Морей. Всего-то навсего! — рассмеялся Пин. — Но мне это не к спеху, могу и подождать. Я спрашивал про ту черную тень... Ты крикнул: «Посланец Мордора!» Какой посланец? Зачем ему надо в Изенгард?

— Это был крылатый Черный Всадник, кольценосец-назгул, — сказал Гэндальф. — А зачем? Ну вот, например, забрать тебя и доставить в Барад-Дур.

— Но он ведь не за мной летел, нет? — пролепетал Пин. — Он же не мог еще знать, что я...

— Никак не мог, — сказал Гэндальф. — По прямой от Барад-Дура до Ортханка добрых двести лиг, и даже назгул их

меньше чем часа за три-четыре не пролетит. Но Саруман, конечно, наведывался к Камню после вылазки орков и волей-неволей выдал многие свои тайные помыслы. Вот и полетел посыльный разведать, что он там поделывает. После нынешней ночи и второй наверняка прилетит вдогон. И пропал Саруман, как та птичка, у которой увяз коготок. Откупиться пленником он не может. Камня у него не стало, он даже не знает, чего от него хотят. А Саурон заведомо подумает, что пленника он прячет и придерживает, а Камня чурается. Даже если Саруман расскажет посланцу всю правду, это Саруману не поможет. Изенгард — верно, разрушен, но он-то отсиживается в Ортханке, почему-то цел и невредим! Словом, Саурон непременно сочтет его мятежником, а ведь он затем и спешил с нами расплеваться, чтобы и тени таких подозрений не было! И как ему быть теперь, это сущая загадка. В Ортханке он, пожалуй, сможет кое-как отбиться от Девятерых: попробует, если придется. Может, даже попробует осадить какого-нибудь назгула, убить под ним крылатую тварь. Если у него это выйдет — пусть ристанийцы получше глядят за своими вороными конями! Как это обернется для нас — тоже не знаю. Может быть, Враг собьется с толку, его на время ослепит гнев против Сарумана. Или же проведает, что я стоял на крыльце Ортханка, а позади невдалеке болтались хоббиты. И что наследник Элендила жив и стоял со мною рядом. Если ристанийские доспехи не обманули Гнилоуста, он вспомнит, кто таков Арагорн. Этого-то я и опасаюсь. Поэтому мы и бежим — чтоб как можно скорей попасть из огня да в полымя. Ибо Светозар несет нас с тобой, Перегрин Крол, в сторону Края Мрака.

Пин промолчал, только зябко укутался в плащ, как от порыва холодного ветра. Серая равнина мелькала под ними.

— Смотри! — показал Гэндальф. — Перед нами долины Вестфольда: выезжаем на восточную дорогу. Вон там тень — это устье Ущельного излога, там — Агларонд и Блистающие Пещеры. Но про них ты меня не спрашивай. Вот встретишься с Гимли, спроси у него — узнаешь тогда, какие бывают длинные ответы на короткие вопросы. Самому тебе увидеть их на этот раз не доведется, скоро мы их оставим далеко позади!

— Как это, а я думал, мы остановимся в Хельмовой Крепи! — сказал Пин. — Куда же ты так торопишься?

— В Минас-Тирит, пока его не захлестнуло войной.

— Ого! А это здорово далеко?

— Далековато, — сказал Гэндальф. — Втрое дальше, чем до столицы конунга Теодена, а до нее отсюда к востоку сотня с лишним миль, если считать по прямой, как летают посланцы

Мордора. Путь Светозара длиннее — посмотрим, кто кого опередит.

На рассвете, часа через три, где-нибудь передохнем — отдых нужен даже Светозару. В горах где-нибудь. Хорошо бы доскакать до Эдораса. Постарайся уснуть! Проснешься — и в глаза тебе блеснет первый рассветный луч на золотой кровле дворца эорлингов. А еще через два дня увидишь лиловую тень горы Миндоллуин и белые стены великой крепости Денэтора в утреннем свете.

Скачи же, Светозар! Скачи, благородный конь, как никогда прежде! Ты возрос в этих краях, ты знаешь здесь каждый камень. Скачи во весь опор! Вся надежда на тебя!

Светозар тряхнул головой и звонко заржал, словно услышал зов боевой трубы. И прянул вперед. Копыта его сыпали искры; ночь расступалась по сторонам.

Пин понемногу засыпал, и ему казалось, будто они с Гэндальфом, неподвижные как изваяния, сидят на каменной конской статуе, а из-под копыт коня в шуме и свисте ветра уносится земля.

Книга IV

Глава I

ПРИРУЧЕНИЕ СМЕАГОРЛА

— Ну, хозяин, засели мы, что гвозди, — ни туда ни сюда, — сказал Сэм Скромби. Он стоял подле Фродо, горестно сгорбившись, и без толку пялил глаза в сумрак.

В третий раз смеркалось с тех пор, как они бежали от своих, хотя где там было вести счет дням и часам, карабкаясь и пробираясь по голым обрывистым склонам Привражья, то возвращаясь след в след, потому что вперед уже никакого пути не было, то кружа и кружа на одном месте. Однако ж вперед они все-таки продвигались, держась по возможности ближе к краю путаного, ломаного нагорья. Края у него были отвесные, возвышенные, непроходимые; немо и хмуро взирали обветренные скалы на простершиеся от подножных раздрызганных осыпей гнило-зеленоватые безжизненные болота, над которыми не видать было ни единой птицы.

Хоббиты стояли у скалистого обрыва, далеко внизу серое голое подножие заволокло туманом, а поверху громоздились кручи, упиравшиеся в облака. С востока дул леденящий ветер. Ночь опускалась на болота, мутно-зеленый их цвет менялся на серо-бурый. Далеко справа был Андуин. Днем он нервно поблескивал в лучах робкого солнца, теперь потерялся в бесцветной мгле. Но за реку они не глядели, хотя где-то там были их друзья и светлые земли, населенные людьми. Они смотрели на юго-восток, откуда надвигалась грозовая ночь, где даль была отчеркнута чернотой, как неподвижно склубившимся дымом. Там, между землей и небесами, мерцал ярко-красный огонек.

— Крепко засели! — сказал Сэм. — Одно было место во всем Средиземье, куда нам не хотелось, так теперь на́ тебе — нам туда и надо! Надо-то надо, а не попадешь, похоже, нас вообще малость подзанесло. Вниз поди-ка спустись, а спустишься — как раз увязнешь по уши в непролазном болотище. Фью! А воняет-то как, замечаете? — Он сопнул.

— Уж как не заметить, — отозвался Фродо, не шевельнувшись.

Он глядел на черный окоем и мигающий огонек.

— Мордор! — едва слышно вымолвил он. — Ну что ж, в Мордор так в Мордор. Поскорей бы только дойти, да и дело с концом!

Он зябко повел плечами: холодный ветер обволакивал густым, тяжелым смрадом.

— Ну ладно, — сказал он, устало прикрыв глаза, — засели мы не засели, а всю ночь не торчать же на уступе. Поищем какое ни на есть укрытие, заночуем, а наутро, глядишь, и выберемся.

— Выберемся, как же, — в такую дыру, откуда и вовсе не выберешься, — буркнул Сэм. — Нет, на утро надежда плохая. Говорю же: не туда нас занесло, отсюда пути нет.

— Да нет, путь-то найдется, — сказал Фродо. — Раз уж судьба мне туда попасть, то кривая вывезет. Другое дело — что это будет за кривая. Сказано было нам: промедление смерти подобно. Всякая оттяжка на руку врагу, а мы вот застряли, и ни с места. Может, нас уже водят на крючке из Черной Башни? Эх, что ни делает дурак, все он делает не так: давно надо было мне оставить Отряд, еще на севере, и обойти Привражье с востока посуху, а там как-нибудь и в Мордор горными тропами. А теперь сам посуди — ну разве мы с тобой сумеем вернуться обратно? По восточному берегу Андуина рыщут орки. Да и всякий потерянный день невозместим. Устал я, Сэм, и, честное слово, не знаю, как нам быть. Еда-то у нас осталась?

— Обязательно осталась, сударь: эти, как бишь их там, путлибы. А кроме них — ничегошеньки. На самом-то деле грех жаловаться: я, когда их впервые отведал, вот уж не подумал бы, что приедятся, а приелись. Сейчас бы ломоть ржаного хлеба и кружку... да ладно, полкружки пивка — это бы да! Волок я, волок свои котелки-сковородки, а что с них толку? И огонь не разведешь — не из чего, и какая стряпня, когда травы и той не сваришь, потому что нет ее, травы!

Они отошли назад, спустились по откосу и подыскали выбоину поуютнее. Закатное солнце потонуло в тучах, настала ночь. Спалось им плоховато: донимал холод, и они ворочались с боку на бок в своем каменном закоулке, стесненном косыми, обкрошенными громадами, с востока хотя бы не дуло, и то спасибо.

— Вы их больше не видели, сударь? — спросил Сэм, когда они, перемогая утреннюю дрожь, сидели в сером сумраке и жевали тоненькие путлибы.

— Нет, — сказал Фродо. — И не видел, и не слышал ничего, вот уже вторую ночь.

— Я тоже, — сказал Сэм. — Брррр! Ну и лупетки, извините за грубое выражение! Но, может, мы и правда от него наконец избавились, от слизняка несчастного. Горлум! Вот попадется он мне, тогда узнает, где у него «горлум»!

— Авось не придется тебе об него руки марать, — сказал Фродо. — Не знаю уж, как он за нами уследил, но, кажется, потерял след — давай вместе порадуемся. На сухих камнях не то что следа — запаха не остается, как он ни принюхивайся.

— Хорошо бы, — вздохнул Сэм. — Выискался тоже спутничек!

— Да уж, — сказал Фродо, — обойдемся, пожалуй, и без него. Однако ж пес с ним. Вот как бы отсюда все-таки спуститься! Я тут сам не свой: с востока смотрят-ищут, а мы, как нарочно, торчим здесь и подставляемся, когда между нами и тамошним мраком ничего нет, одни мертвые болота. И оттуда еще Око поглядывает. Пойдем-ка поищем, не может же быть, чтобы сплошь кручи.

Но прошел день, и свечерело, а они все мытарились поверху: пути вниз, как Сэм и сказал, не было и не предвиделось.

В тиши и запустении им иногда мерещились какие-то звуки: падал камень, шлепали по скале босые ноги. Они останавливались, прислушивались — ничего, лишь ветер грузно вздыхал, ушибаясь о скалы, но даже и этот звук напоминал им, как *тот* с присвистом втягивает воздух, осклабив острые зубы.

Внешний кряж Привражья сворачивал к северу, и они то карабкались над откосами, то брели забитой камнями плоской складкой от расселины к расселине, стараясь держаться поближе к тысячефутовому обрыву в длиннющих трещинах. Расселины попадались все чаще, становились все глубже, и Фродо с Сэмом уходили все дальше налево, незаметно спускаясь миля за милей.

И зашли в тупик. Кряж изломом направился к северу, перед ними зияло глубокое ущелье. На той его стороне вздымалась на сто саженей отвесная, точно срезанная, щербатая серая скала. Вперед пути не было, надо было сворачивать на запад или на восток. На запад — значит, карабкаться наугад, уходя от цели и забираясь в глубь каменного лабиринта, на восток — значит, выйти на край пропасти.

— Вниз, в ущелье, больше некуда, Сэм! — сказал Фродо. — Поглядим, куда оно нас выведет.

— Оно выведет! — мрачно посулил Сэм.

Ущелье оказалось бездонное. Они набрели на пространную поросль чахлых, суковатых деревьев: все больше березки, редко

сосенка. Многие иссохли и омертвели на корню — восточный ветер пощады не давал. Видимо, когда-то здесь был целый лесок, но уже ярдов через пятьдесят деревья поредели и сошли на нет, хотя пни торчали до самого края пропасти. Дно ущелья, круто уходившего под скалу, было усеяно битым камнем. Они подошли к просвету, Фродо выглянул наружу.

— Смотри-ка! — сказал он. — То ли мы глубоко спустились, то ли скалы осели. Гораздо ниже, чем было, и откос не такой уж крутой.

Сэм опустился рядом с ним на колени и неохотно поглядел за обрыв. Потом покосился налево, на суровый отвес надвинувшейся скалы.

— Н-да, не крутой! — буркнул он. — Ну, вообще-то вниз — не вверх. Летать не все умеют, а прыгать чуть ли не все!

— Прыгать-то высоко все-таки, — сказал Фродо. — Примерно, — он смерил высоту глазами, — так, примерно саженей восемнадцать. Не больше!

— Тоже ничего себе! — заметил Сэм. — Ух! Ну и не люблю же я смотреть вниз с высоты! Смотреть-то пусть, лишь бы не спускаться.

— Ладно, ладно, — сказал Фродо. — Сможем мы здесь спуститься или нет, а попробовать надо обязательно. Погляди, и скала совсем другая — пологая, треснутая.

Скала была не пологая, но и вправду как бы осунулась вниз. Она походила на бастион — или на морской берег, оставленный морем: пласты его ссохлись и перекосились, и скосы местами выглядели как огромные ступени.

— И уж ежели спускаться, то прямо сейчас. Темнеет рано. И некстати, по-моему, гроза собирается.

Дымный очерк восточных гор заслонила темень, наползавшая на запад. Предгрозовой ветер донес бормотание грома. Фродо понюхал воздух и с большим сомнением взглянул на небо. Потом опоясался поверх плаща, затянул пояс, приладил на спине вещевой мешок — и ступил на край обрыва.

— Будем пробовать, — сказал он.

— Тогда ладно! — угрюмо согласился Сэм. — Только пробовать буду я.

— Ты? — удивился Фродо. — Ты же вроде ползать по скалам не любитель?

— Ну и что, ну и не любитель. Тут ведь, сударь, головой рассудить надо: пускай вперед того, который первым оскользнется. А то ничего себе — шмякнусь на вас, и обоих поминай как звали!

Фродо и глазом не успел моргнуть, как Сэм уже сидел, свесив ноги над обрывом, протянул их и нашаривал уступ на скале.

Такого с ним, сколько ни припоминай, втрезве не бывало, и глупо это было донельзя.

— Да ну тебя! Сэм, не валяй дурака! — крикнул Фродо. — Ты же попросту убьешься — ишь, кинулся, даже не посмотрел, куда. Давай назад! — Он подхватил Сэма под мышки и затащил обратно. — Ну-ну, подождем уж малость и обойдемся без спешки! — сказал он, лег на живот, высунулся и осмотрелся: смеркалось, хоть солнце и не село. — Да одолеем мы этот спуск, — сказал он немного погодя. — Я-то уж точно одолею, ты тоже, если хладнокровно и поосторожнее.

— Сами себя, что ль, подбадриваете? — сказал Сэм. — Ничего же не видно: вон как уж смерклось. Занесет туда, где ногу не поставишь и рукой не уцепишься, — тогда что?

— Тогда назад, — сказал Фродо.

— Легко сказать, — фыркнул Сэм. — Давайте-ка лучше подождем, утром оно как-никак посветлее будет.

— Нет! Нет, пока меня ноги держат! — сказал Фродо, сверкнув глазами, с каким-то внезапным упорством. — Каждый лишний час мне в тягость, каждая минута! Я пошел вниз. А ты сиди смирно, пока я не вернусь или не позову!

Он ухватился за выступ, осторожно сполз и еще с запасом нащупал ногами опору.

— Нашел! — крикнул он. — Уступ направо тут широкий, можно стоять и не держаться. Я дальше... — И голос его оборвался.

Налетевшая с востока сплошная темень охватила небосвод. Над головой раскатисто треснул гром, пламенная молния ударила в нагорье. Взревел шквальный ветер, с ревом его мешался дикий, цепенящий вой — тот самый, слышанный на Болотище, по пути из Норгорда. Он и в лесах Хоббитании замораживал кровь, а здесь, среди каменных дебрей, вонзался во сто крат яростней, ледяными жалами ужаса и отчаяния, — замирало сердце, и дух захватывало. Сэм упал ничком. Фродо невольно отнял руки от скалы, зажал уши, покачнулся, оступился и с жалобным воплем соскользнул вниз.

Сэм услышал этот вопль и, пересилив себя, подполз к краю обрыва.

— Хозяин, хозяин! — позвал он. — Хозяин!

Ответа не было. Его колотила дрожь, и все же он, лязгая зубами, выкрикнул еще раз:

— Хозя-а-а-ин!

Ветер сорвал крик с его губ и унес в глубину ущелья и дальше, в горную глушь, но вдруг слабо донесся ответный возглас:

— Здесь я, здесь, не кричи! Только я ничего не вижу.

Голос был еле слышен, хотя Фродо оказался вовсе не так уж далеко. Он не упал, а проехался животом по скале — благо она была в этом месте пологая и ветер дул в спину, так что он, не опрокинувшись, задержался на уступе еще шире прежнего. Сердце его трепыхалось, он приник лицом к холодному камню. Вокруг было черным-черно: то ли мрак сгустился, то ли глаза отказали — может быть, он ослеп? Фродо с трудом перевел дыхание.

— Возвращайтесь! Возвращайтесь! — голосил Сэм сверху, из непроницаемой темноты.

— Не могу я, — проговорил Фродо. — Ничего не видно. Как я взберусь? Мне и двинуться-то невмочь.

— Чем помочь, сударь? Чем помочь? — отозвался Сэм, выставившись по пояс. Почему это хозяину ничего не видно? Ну темень, конечно, но не сказать, чтоб непроглядная. Ему-то Фродо был виден: одинокая серая фигурка, распластавшаяся на уступе. Виден-то виден, а как до него достанешь?

Снова загрохотал гром, и хлестнул ледяной ливень вперемежку с градом, обрыв мигом словно задернуло мутной завесой.

— Сейчас я спущусь к вам! — прокричал Сэм, хотя зачем бы ему спускаться, было неясно.

— Не вздумай! Погоди! — крикнул Фродо. Голос его окреп. — Я скоро оклемаюсь! Мне уже получше. Не торопись! Тут без веревки не обойдешься!

— Веревки! — с несказанным облегчением возопил Сэм и в гневе обрушился на себя: — Эх, вот бы кого на веревке-то подвесить вверх ногами в науку всем остолопам! Ну и недотепа же ты, Сэм Скромби! Сколько раз мне Жихарь это повторял, словцо у него такое. Веревки!

— Да не болтай ты! — закричал ему Фродо. Он уже почти пришел в себя и не знал, смеяться ему или сердиться. — Оставь Жихаря в покое! У тебя что, веревка в кармане и ты сам себя распекаешь? Так лучше доставай ее!

— Не в кармане, сударь, а в котомке! Ну и ну, сколько сотен миль проволок, а понадобилось — забыл!

Сэм быстро развязал и перерыл котомку. На дне ее и в самом деле без труда отыскался целый моток шелковисто-серой лориэнской веревки. Тьма перед глазами Фродо словно бы поредела, зрение понемногу возвращалось. Он увидел спускавшуюся к нему по воздуху серую змейку, различил ее серебристый отблеск, и голова его почти перестала кружиться. Фродо поймал конец, обвязался вокруг пояса и схватился за веревку обеими руками.

Сэм отступил назад, уперся ногами в пень и вытянул из-за

обрыва что есть мочи карабкавшегося по отвесу Фродо; тот повалился в изнеможении.

Раскаты грома отдалились, но дождь хлестал пуще прежнего. Хоббиты заползли в ущелье и схоронились под каменным навесом, правда, не очень-то это им помогло. Кругом бурлили и пенились ручьи, вода низвергалась со скалы, как по водостоку огромной крыши.

— Я бы там или захлебнулся, или меня бы просто смыло, — сказал Фродо. — Как нам повезло, что ты прихватил веревку!

— Еще больше повезло бы, если бы я, раззява, припомнил о ней раньше, — сказал Сэм. — Ведь когда эльфы грузили лодки, они же положили по три мотка веревки в каждую. Очень мне ихняя веревка понравилась, и я один моток перепрятал к себе. «Наши, — говорят, — веревки не единожды вам пригодятся», вроде это Хэлдар сказал, а может, и другой кто из них. Правильно говорил.

— Жаль, я не захватил еще моток, — сказал Фродо, — но разве упомнишь, такая была неразбериха, когда мы с тобой улизнули. А захватил бы — спустились бы сейчас проще простого. Ну-ка, сколько в ней длины?

Сэм сноровисто промерил веревку на расставленных руках.

— Пять, десять, двадцать, примерно так тридцать локтей, чуть больше, чуть меньше, — сказал он.

— Не может быть! — воскликнул Фродо.

— Ага! Не может? — сказал Сэм. — Дивный народ эти эльфы! С виду-то она тонковата, а прочная какая, упругая и мягкая-мягкая. Моток-крохоток, и весу в нем нет. Дивный народ, иначе не скажешь!

— Тридцать локтей! — соображал Фродо. — А пожалуй что, и хватит. Если гроза до ночи кончится, я возьму да попробую спуститься.

— Дождь уж почти перестал, — заметил Сэм, — да ведь как бы в сумерках снова не обмишулиться! А вой-то каков был — забыли? У меня он до сих пор в ушах стоит. Ни дать ни взять Черный Всадник — спасибо, они хоть летать не умеют: а вдруг научились? Давайте лучше отлежимся до свету в этой дыре.

— Самое место здесь отлеживаться, когда из Черной Башни так и зыркают через болота, — сказал Фродо. — Да здесь лишней минуты оставаться нельзя!

С этими словами он встал, снова подобрался к обрыву и выглянул. На востоке прояснилось, по небу ползли последние, обвислые грозовые лохмотья, и даже над Привражьем, над которым помедлили черные думы Саурона, гроза уже отбушевала. Она посекла градом и осыпала молниями долину Андуина и мрачной, зловещей тенью заволокла Минас-Тирит, сокрыв ее

шины Белых гор. Медленно прокатилась она по Гондору к Ристании и омрачила закат перед взорами конников, мчавшихся равниной на запад. А здесь, над пустошью и смрадными болотами, расстелился голубой полог вечерних небес и замерцали бледные звездочки, точно мелкие прорехи возле висячего месяца.

— Хорошо-то как, когда глаза видят, — сказал Фродо, глубоко вздохнув. — Знаешь, я ведь было подумал, что совсем ослеп — от молнии или от чего похуже. И вдруг увидел серую веревку, и она словно светилась.

— И верно, она в темноте вроде как серебрится, — сказал Сэм. — Раньше-то я этого не замечал, да и где ж было заметить: запихнул ее в котомку, там она и лежала, кушать не просила. А как вы ее думаете приспособить, коли уж вам невтерпеж карабкаться по скалам? Тридцать локтей — это, стало быть, от силы восемнадцать саженей: в обрез донизу хватит, и то если вы насчет высоты не ошиблись.

— Обвяжи ее вокруг пня, Сэм! — велел Фродо, немного подумав. — На этот раз пусть будет по-твоему, спускайся первый. Я тебя придержу, а ты знай себе отталкивайся от скалы руками и ногами. Ну, если где сумеешь притулиться-постоять — тоже неплохо, я передохну. Спустишься до самого низу, отдашь веревку — и я за тобой. Я уже вполне оправился.

— Как скажете, — угрюмо проговорил Сэм. — Ладно, чему быть, того не миновать!

Он закрепил веревку на ближнем к обрыву пне, другой конец обвязал вокруг пояса, повернулся и нехотя полез в пропасть.

А спуск оказался вовсе не очень страшным. Веревка не только поддерживала, но словно подбадривала Сэма, хотя, ненароком взглянув вниз, он каждый раз зажмуривался. Один был очень трудный участок — отвесная круча, да еще скошенная внутрь, он оскользнулся и закачался на серебристой бечеве. Но Фродо был начеку, он отпускал веревку равномерно и медленно — словом, все кончилось как нельзя лучше. Больше всего ему было боязно, что веревки не хватит, однако в руках у Фродо оставался еще изрядный моток, когда снизу донесся голос Сэма: «Готово!» Слышно его было хорошо, а видно не было: серый эльфийский плащ сливался с сумерками.

Фродо спускался подольше. Он тоже надежно обвязался, узел на пне был проверен, он закоротил веревку — в случае чего повиснет, а не шлепнется. И все же хорошо бы не упасть — в отличие от Сэма, он не слишком доверял тонкой серой бечеве. Однако ж дважды пришлось на нее целиком положиться: уступов поблизости не было, и даже цепкие хоббитские пальцы не

находили в скале ни трещинки. Но вот и он тоже ступил на землю.

— Ну и ну! — воскликнул он. — Спустились! Прощай, Привражье! Ладно, а дальше-то что? Чего доброго, еще затоскуем по твердой земле, по камням под ногами?

Но Сэм не отвечал, он тоскливо глядел на скалистый обрыв.

— Недотепа я, недотепа! — сетовал он. — Дуботол! Веревочка моя! Завязана ты накрепко вокруг пня там наверху, а мы вон где. Эх, и лесенку мы оставили для этого лиходея Горлума! Чего там, надо было вообще указатель поставить: ушли, мол, туда-то. Чуяло мое сердце, что больно все просто получается!

— Просто не просто, а если сумеешь придумать, как нам было спуститься вместе с веревкой, то зови меня недотепой или любым другим Жихаревым словцом, — сказал Фродо. — Коли хочешь, взбирайся обратно, отвяжи ее и спускайся, я на тебя посмотрю!

Сэм почесал в затылке.

— Да нет, чего-то не придумывается, уж не взыщите, — сказал он. — И все же ох как неохота мне ее оставлять! — Он ласково погладил веревку и встряхнул ее. — Жалко расставаться с эльфийским подарком: может, ее сама Галадриэль для нас сплела. Галадриэль... — пробормотал он, грустно покачал головой, взглянул наверх и на прощание подергал веревку, легкую, крепкую, упругую.

К изумлению обоих хоббитов, веревка сорвалась с пня, Сэм перекувырнулся, и мягкие серые витки укрыли его с ног до головы. Фродо расхохотался.

— Кто, интересно, узел завязывал? — спросил он. — Еще спасибо, что до сих пор продержался! А я-то спокойно висел: Сэм, думаю, не подведет!

— Лазить туда-сюда по горам я, сударь, может, и не обучен, — обиженно сказал Сэм, — но насчет веревок и узлов прощенья просим. Это, с вашего позволения, наше семейное рукомесло. У деда в Канатчиках исстари была сучильня; досталась-то она не Жихарю, а старшему брату, дяде моему Энди, но уж ежели узел завязать — так это лучше меня вряд ли кто спроворит во всей Хоббитании, не говоря уж о Средиземье.

— Ну, значит, веревка порвалась — перетерлась, наверно, о какой-нибудь острый выступ.

— Прямо — перетерлась! — За веревку Сэм обиделся еще больше, чем за себя. Он поднял ее и осмотрел. — Целехонька!

— Стало быть, все-таки узел подгулял, — настаивал Фродо.

Сэм покачал головой и не ответил. Он задумчиво перебирал веревку.

— Вы, сударь, думайте как хотите, — наконец сказал он, — а

я смекаю, что веревка сама отвязалась и прибежала, когда я ее позвал.

Он ловко смотал бечеву и любовно уложил ее в котомку.

— Прибежала, было дело, — согласился Фродо, — а прочее неважно. Давай лучше подумаем, как дальше быть. Скоро уж и ночь. Какие красивые звезды, а луна-то!

— Посмотришь — и сердцу веселее, правда? — сказал Сэм, взглянув на небо. — Что-то в них есть такое эльфийское. И месяц с прибылью. Мы же его две ночи, почитай что, не видели за тучами. Ишь рассветился!

— Да, — сказал Фродо, — а все ж таки пока тускловат. Придется нам выждать денек-другой, а то при таком свете недолго и в топь угодить.

Еще не совсем стемнело, когда они тронулись в путь. Пройдя несколько шагов, Сэм обернулся и поглядел на обрыв. Издали ущелье казалось черной зазубриной утеса.

— Хорошо, что веревка не осталась там висеть, — сказал он. — Авось оглоед потычется: куда это мы девались? Пусть-ка попрыгает с уступа на уступ на своих поганых перепончатых лапах!

Они отошли от подножия скалы и пробирались крутым откосом среди валунов, по щебняку, мокрому и скользкому после недавнего ливня. И чуть не свалились в расселину, которая внезапно разверзлась у них под ногами. Расселина была неширока, но прыгать впотьмах не стоило, к тому же где-то в глубине ее бойко журчал ручей. Она изгибалась влево, к северу, и уходила в горы, безнадежно преграждая им дорогу — не идти же ночью в обход!

— Пойдем-ка лучше подле скал на юг, — предложил Сэм. — Повезет — так сыщется какой-нибудь сухой уголок, а то и пещерка.

— Может, и сыщется, — сказал Фродо. — Я порядком устал и еле плетусь, а тут еще сплошные каменья. Волей-неволей придется отдохнуть. Эх, была бы перед нами хоть тропка — я бы шел и шел до упаду.

Идти по осыпи у подножий оказалось ничуть не легче. И Сэму не удалось сыскать ни уголка, ни пещерки: тянулся отлогий каменистый скос, а над ним все выше громоздились угрюмые отвесные кручи. Наконец, почти падая с ног, они притулились у огромного валуна неподалеку от обрыва. Сели рядышком, как можно теснее, чтобы как-нибудь угреться среди холодных камней, и сон начал их одолевать — бороться с ним не

было сил. Высоко сиял ясный месяц, в его беловатом свете поблескивали голые глыбы. Утесистый обрыв заливал серый полумрак, изборожденный черными тенями.

— Ну ладно! — сказал Фродо, поднимаясь и зябко запахивая плащ. — Поспи-ка ты, Сэм, немного, укройся моим одеялом. А я постою — вернее, поброжу — на часах. — Вдруг он замер и, нагнувшись, крепко взял Сэма за плечо. — Что это такое? — прошептал он. — Взгляни на утес!

Сэм взглянул и присвистнул.

— Здрасьте! — сказал он. — Не успели соскучиться, чтоб его! Это же Горлум! А я-то думал, мы провели его за нос, спустившись с нашего пригорочка! Нет, вы только посмотрите! Сущий паук!

По бледно озаренному — с виду гладкому и скользкому — отвесу ползло, раскинув конечности, маленькое черное существо. Наверно, все двадцать его чутких, липучих пальцев цеплялись за любые щели и выступы, но казалось, оно по-насекомьи перебирает клейкими ножками. Спускалось оно головой вниз, точно вынюхивало путь. Время от времени голова вертелась на длинной тонкой шее, и мерцали два бледных огонька — два глаза, смаргивавших в лунном свете и тут же закрывавшихся.

— Вы думаете, он нас видит? — спросил Сэм.

— Не знаю, — тихо отвечал Фродо, — но думаю, что нет. Эльфийские плащи неплохо скрывают даже от взгляда друзей: я, например, не вижу тебя в тени за несколько шагов. А он, помнится, враждует и с солнцем, и с луной.

— А чего ж он тогда прямо сюда ползет? — спросил опять Сэм.

— Тише ты, Сэм! — сказал Фродо. — Может быть, он нас унюхал. И слышит он, кажется, не хуже эльфов. По-моему, он что-то услышал: наверно, наши голоса. Мы там орали как оглашенные, да и здесь с минуту назад галдели почем зря.

— Ну, мне он малость надоел, — сказал Сэм. — Терпел я, терпел, а теперь хочу перекинуться с ним парой ласковых слов. Удрать-то от него, похоже, все равно не выйдет.

И, надвинув серый капюшон, Сэм бесшумно пополз к утесу.

— Осторожней! — прошептал Фродо, следуя за ним. — Не вспугни его! Он даром что с виду ледащий, а с ним шутки плохи!

Черная ползучая тварь уже спустилась на три четверти, до подножия утеса оставалось меньше пятидесяти футов. Недвижно притаившись в тени своего валуна, хоббиты глядели во все глаза. То ли ползти ему стало трудно, то ли он почему-то встревожился. Донеслось его сопение, потом он злобно зашипел, точно выругался, поднял голову и вроде бы сплюнул, наконец двинулся дальше. И послышался его скрипучий, сиплый голос.

— Аххх, с-с-с! Осторожно, моя прелесссть! Поспешишшь — шею сломаешь, а мы же не сстанем ломать шею, да, прелесссть? Не сстанем, прелесссть, — *горлум!* — Он снова поднял голову, смигнул и быстро закрыл глаза. — Нам она ненависстна, — прошипел он. — Мерзкий, мерзкий, трусслливый свет — с-с-с, — она подсматривает за нами, моя прелесссть, она суется нам в глаза.

Он спустился еще ниже, и сиплое бормотание стало слышно совсем отчетливо.

— Где же оно, где его спрятали — Прелесть мою, мою Прелесть? Это наша Прелесть, наша, мы по ней скучаем. Воры, воры, гнусные воришки. Где они спрятались с моей Прелестью? Презренные! Ненавистные!

— Да, вроде ему невдомек, что мы здесь, — прошептал Сэм. — А что еще за прелесть? Это он про...

— Ш-ш-ш! — выдохнул Фродо. — Он уж совсем близко, ему теперь и шепот слышен.

И верно, Горлум опять вдруг замер, и его большая голова на жилистой шее моталась туда-сюда — видно, прислушивался. Замерцали его бледные глаза. Сэм затих, только пальцы у него дрожали. С гневом и омерзением он рассматривал жалкую тварь, а Горлум сполз еще ниже, шипя и пришептывая.

Он повис у них над головой, футах в двенадцати от земли, на срезе скалы. Надо было падать либо прыгать — даже Горлум не находил, за что уцепиться. Видимо, он хотел повернуться ногами книзу, но сорвался, испустив пронзительный визг и поджавшись, как падающий паук.

Сэм в два прыжка подскочил к утесу и кинулся на лежачего Горлума, но тот, ушибленный и захваченный врасплох, ничуть не растерялся. Сэм глазом не успел моргнуть, как его неодолимо оплели длинные гибкие руки и ноги, липкие пальцы подобрались к горлу, а острые зубы вонзились в плечо. Он только и сумел крепко ударить головой в физиономию Горлума. Горлум зашипел и сплюнул, но хватки не ослабил.

Худо пришлось бы Сэму, будь он один. Но Фродо был тут как тут с обнаженным мечом в руке. Он схватил Горлума за редкие сальные космы, запрокинул ему голову, и налитые злобой бледные глаза поневоле обратились к небу.

— Отпусти его, Горлум! — велел Фродо. — Это меч Терн, ты его уже видел, он очень острый. На этот раз смотри не уколись. Отпусти, а то глотку перережу.

Горлум обмяк и отвалился дряблой кучей. Сэм встал, держась за укушенное плечо и сердито глядя на беспомощного врага, с жалким хныканьем елозящего у ног, — таких не трогают.

— Не надо нас обижать! Не позволяй им нас обижать, пре-

лесть! Они ведь нас не обидят, миленькие добренькие хоббитцы? Мы ничего, мы сами по себе, а они шасть на нас, как гадкая кошка на бедненькую мышку, правда, прелесть? Мы такие сиротки, *горлум*. Если с нами по-хорошему, мы будем очень, очень послушненькие, да, прелесть? Да-ссс.

— Ну и что с ним теперь делать? — спросил Сэм. — По-моему, давайте свяжем по рукам и ногам, чтоб неповадно ему было за нами таскаться.

— Это смерть для нас, ссмерть, — захныкал Горлум. — Жестокие хоббитцы! Они нас свяжут и оставят умирать с голоду на холодных, жестких камнях, *горлум, горлум*!

В горле у него клокотали рыдания.

— Нет, — сказал Фродо. — Убивать, так сразу. Но убивать его сейчас стыдно и недостойно. Бедняга! Да он и вреда-то нам никакого не причинил.

— Это точно, — буркнул Сэм, потирая плечо. — Не успел, только собирался. Погодите, причинит. Во сне нас задушит, вот что у него на уме.

— Похоже на то, — сказал Фродо. — Но за умысел не казнят.

Он задумался, что-то припоминая. Горлум лежал смирно и даже хныкать перестал. Сэм, насупившись, не спускал с него глаз.

А Фродо послышались далекие, но отчетливые голоса из прошлого:

Какая все-таки жалость, что Бильбо не заколол этого мерзавца, когда был такой удобный случай!

Жалость, говоришь? Да ведь именно жалость удержала его руку. Жалость и милосердие: без крайней нужды убивать нельзя.

Горлума жалеть глупо. Он заслужил смерть.

Заслужить-то заслужил, спору нет. И он, и многие другие, имя им — легион. А посчитай-ка таких, кому надо бы жить, но они мертвы. Их ты можешь воскресить — чтобы уж всем было по заслугам? А нет — так не торопись никого осуждать на смерть. Ибо даже мудрейшим не дано провидеть все.

— Да, ты прав, — сказал он вслух и опустил меч. — Я боюсь оставлять его в живых и все же убивать не стану. Ты и тут прав: нельзя увидеть его и не пожалеть.

Сэм воззрился на хозяина, который разговаривал то ли сам с собой, то ли невесть с кем. Горлум приподнял голову.

— Да, мы бедняжки, бедняжки мы, прелесть, — проскулил он. — Плохо нам жить, плохо! Хоббитцы не убьют нас, добренькие хоббитцы.

— Нет, не убьем, — сказал Фродо. — Но и не отпустим.

В тебе уйма злобы и коварства, Горлум. Придется тебе идти с нами: за тобой нужен глаз да глаз. И будем ждать от тебя помощи, коли уж мы тебя пощадили.

— Да, да, да-ссс, мы согласны, — заторопился Горлум и сел. — Добренькие хоббитцы! Мы пойдем с ними и будем искать для них в темноте совсем незаметные тропочки, искать и находить, да, прелесть? А куда идут хоббитцы по жесткой и холодной каменной стране, нам интересненько, нам очень интересненько!

Он поднял на хоббитов глаза — хитрые, жадные, бледно мерцавшие из-под белесых ресниц.

Сэм гневно посмотрел на него и, сдерживаясь, сжал зубы: он чуял, что мешать не надо, у хозяина свой замысел. И все же ответ Фродо его совершенно поразил.

Фродо взглянул Горлуму прямо в лицо, тот сморгнул и потупился.

— Ты знаешь, куда мы идем, Смеагорл, — сказал он тихо и сурово. — А не знаешь, так догадываешься. Идем мы, разумеется, в Мордор, и путь туда тебе знаком.

— Аххх! Ш-ш-ш-ш! — прошипел Горлум, затыкая уши ладонями, точно слова, сказанные впрямую, язвили его слух. — Догадываемся, да, мы догадываемся и просим их туда не ходить, правда, прелесть? Зачем туда добреньким хоббитцам? Там пепел, зола и пыль, в горле першит, а водицы нет, там всюду нарыты ямы и везде шляются орки, тысячи тысяч орков. В такие места не надо ходить добреньким, умненьким хоббитцам — нетссс, не надо.

— Так ты побывал там? — настаивал Фродо. — И тебя снова туда тянет, против воли?

— Снова, да, сснова. Нет! — взвизгнул Горлум. — Это случилось нечаянно, правда, прелесть? Да, совсем нечаянно. Снова мы не хотим, нет, нет! — И вдруг его голос и речь неузнаваемо изменились; он захлебывался рыданиями и обращался вовсе не к хоббитам. — Оставь, отпусти меня, *горлум*! Мне больно. Бедные мои лапки, *горлум*! Я, мы, нет, я не хочу к тебе возвращаться. Не могу я его найти. Я устал. Я, мы не можем найти его, *горлум, горлум*, его нигде нет. А они подстерегают, не спят: гномы, люди, эльфы, ужасные эльфы с горящими глазами. Не могу я его найти. Аххх! — Он вскочил на ноги и погрозил костистым кулаком, узлом бескровной плоти, в сторону востока. — Не станем его искать! — крикнул он. — Для тебя — не станем. — Он съежился и припал к земле. — *Горлум, горлум!* — скулил он, не поднимая лица. — Не смотри на нас. Уходи! Иди спать!

— По твоему слову, Смеагорл, он не уйдет и не уснет, — сказал Фродо. — Но если ты и вправду хочешь от него избавить-

ся, то помоги мне. А для этого придется тебе проводить меня в его страну. Только до ворот, внутрь ты со мной не пойдешь.

Горлум снова сел и поглядел на него из-под полуопущенных век.

— И так известно, где он, — заскрежетал его голос. — Он всегда там, на одном месте. Орки вас доведут — здесь, на восточном берегу, они толпами бродят. Не просите Смеагорла. Бедный, бедный Смеагорл, нет его, он сгинул. У него отобрали его Прелесть, и он пропал.

— Может быть, он найдется, поищем вместе, — сказал Фродо.

— Нет-нет, никогда не найдется! Прелесть его пропала.

— Встань! — велел Фродо.

Горлум встал и прижался спиной к утесу.

— Решай! — сказал Фродо. — Когда тебе легче искать тропу — днем или ночью? Мы очень устали, но если ты скажешь — ночью, мы сейчас пойдем.

— Мерзкий яркий свет жжет нам глаза, — хныкал Горлум. — А сейчас Белая Морда в небе, сейчас еще рано. Скоро, скоро она скроется за горами, сскоро. Сперва отдохните немножечко, добренькие хоббитцы!

— Тогда садись! — сказал Фродо. — И не вздумай удирать!

Хоббиты уселись с двух сторон рядом с ним, прислонившись к скале и вытянув ноги. Сговариваться им нужды не было: оба понимали, что задремать нельзя ни на миг. Луна медленно зашла, и серые скалы почернели. На небо высыпали яркие звезды. Ни один не шевелился. Горлум сидел, упершись подбородком в колени, распластав по земле вялые ладони и ступни, глаза его были закрыты, но он весь подобрался: видно, выжидал, ушки на макушке.

Фродо и Сэм переглянулись, понемногу расслабились, закинули головы и сомкнули веки, как бы засыпая. Вскоре послышалось их ровное дыхание. Пальцы Горлума затрепетали. Он едва заметно повел головой: приоткрылась одна, потом другая бледная щелка. Хоббиты явно спали.

Внезапно Горлум сорвался с места прыжком, как лягушка или кузнечик, и задал стрекача в темноту. Но Фродо и Сэм только этого и ждали. Сэм вмиг нагнал и сгреб его, а Фродо ухватил за ногу и повалил.

— Вот и опять твоя веревка пригодится, Сэм, — сказал он.

Сэм вытащил веревку.

— А куда же это вы намылились по холодным жестким камням, моя прелесть, сударь мой Горлум? — грозно спросил он. —

Нам интересненько, нам очень интересненько! Голову даю на отсечение, что к своим дружкам-оркам! Ах ты, пакостная, лживая тварь! Тебе бы эту веревку на шею да петельку потуже затянуть.

Горлум лежал как колода, точно и не он улепетывал. Сэму он ничего не ответил, только смерил его ненавистным взглядом.

— Нам его просто нужно держать на привязи, — сказал Фродо. — Ноги ему не связывай — идти не сможет, руки тоже не надо, он через раз ходит на четвереньках. Привяжи его за щиколотку и сам обвяжись.

Он стоял и смотрел, как Сэм завязывает узел, но тут Горлум изрядно удивил их обоих. Он вдруг разразился диким, пронзительным, несмолкаемым визгом — при этом катался по земле, извивался и тянулся к лодыжке зубами — перекусить веревку.

Фродо наконец понял, что он не притворяется — петля, что ли, слишком тугая? Он проверил: не слишком, и даже вовсе не слишком. Сэм был грознее на словах, чем на деле.

— Да в чем дело-то?! — прикрикнул он. — Раз ты норовишь сбежать, иди на привязи, а больно тебе никто не сделал.

— Нет, нам болестно, болестно! — сипел сквозь зубы Горлум. — Она кусает, она морозит! Гадкие, жестокие хоббитцы! Мы потому и хотели спастись, правда же, моя прелесть? Мы догадались, что хоббитцы станут нас мучить. Они якшались с эльфами, со злыми огнеглазыми эльфами. Снимите ее, снимите! Нам болестно!

— Нет, не сниму, — покачал головой Фродо. — Разве что, — он помедлил, — разве что ты дашь честное слово, а я ему поверю.

— Мы поклянемся слушаться, да, да, да-ссс, — стенал Горлум, корчась и хватаясь за лодыжку. — Болестно нам!

— Поклянешься? — спросил Фродо.

— Смеагорл поклянется, — вдруг сказал Горлум ясным голосом, уставив на Фродо странно заблестевшие глаза. — Смеагорл поклянется на Прелести.

Фродо резко выпрямился, и Сэма снова поразили его слова и суровый голос.

— На Прелести? Да ты что! — сказал он. — Опомнись!

Одно Кольцо покорит их
И в черную цепь скует их.

Ты понимаешь, что тебе грозит, Смеагорл? Что ж, такую клятву ты поневоле сдержишь. Но клятва тебя предаст. Берегись!

Горлум съежился, прижав уши.

— На Прелести, на Прелести! — твердил он.

— И в чем же ты поклянешься? — спросил Фродо.

— Он поклянется быть послушненьким, — сказал Горлум. Он подполз к ногам Фродо и, елозя на животе, сипло зашептал, содрогаясь, точно все кости тряслись у него со страха: — Смеагорл поклянется, что никогда, никогда не отдаст ее Тому. Никогда! Смеагорл ее упасет и схоронит. Только дайте ему поклясться на Прелести.

— Нет! Этого нельзя, — сказал Фродо, строго и жалостливо глядя на него. — Ты жаждешь всего лишь увидеть и потрогать его, хотя сам знаешь, что это безумие. На нем — нельзя. Хочешь, поклянись им, ибо ты знаешь, где оно. Оно перед тобой.

Сэму на миг показалось, что хозяин его вырос, а Горлум совсем усох: величавая тень, могучий властитель, скрывающий тайные знаки избранности под серым облачением, и у ног его — скулящая собачонка. Однако же эти двое заведомо были в родстве: они читали в сердце друг у друга. Горлум стоял на коленях, обнимая ноги Фродо, по-собачьи ластясь к нему.

— Прочь! Прочь! — сказал Фродо. — Ну, приноси свое обещанье!

— Мы обещаем, да, я обещаю! — проговорил Горлум. — Обещаю верно служить хозяину Прелести. Добрый хозяин, послушный Смеагорл, *горлум, горлум*!

Он вдруг заплакал и опять потянулся зубами к лодыжке.

— Отвяжи его, Сэм! — приказал Фродо.

Сэм неохотно повиновался. Горлум тут же вскочил и запрыгал вокруг, как нашкодивший пес, которого хозяин простил и приласкал. С этой минуты повадка его хоть ненадолго, а изменилась. Шипеть и хныкать он стал реже и обращался к спутникам, а не к себе и своей прелести. Он поджимался и вздрагивал от их внезапных движений, боялся подходить близко и с ужасом сторонился их эльфийских плащей, но был приветлив и жалко угодлив. Он кряхтел от смеха в ответ на любую шутку, прыгал и ликовал, когда Фродо был с ним ласков, и заливался слезами, если Фродо его корил. Сэм с ним почти не разговаривал и ни в чем ему не доверял: новый Горлум, Горлум-Смеагорл, был ему, пожалуй, чуть ли не противнее прежнего.

— Ладно, Горлум, или как бишь тебя теперь, — сказал он. — Пошли! Луна скрылась, ночь на исходе. Пора в дорогу.

— Пошли, пошли, — двигаясь вприскочку, соглашался Горлум. — Пойдемте скорее! Есть только один путь от каменной страны через болота, ни к северу, ни к югу другого пути нет. Я его нашел, давно уже. Орки там не ходят, орки его не знают. Орки боятся болот, они их обходят за много-много миль. Хорошо вышло, что вы здесь оказались. И хорошо, что нашли Смеагорла, да. Смеагорл вас выведет!

Он побежал вперед и оглянулся, словно пес, зовущий хозяев на прогулку.

— Ты полегче, Горлум! — крикнул ему Сэм. — Не больно-то убегай, я ведь далеко не отстану, а веревка — вот, наготове.

— Нет-нет, он не убежит! — сказал Горлум. — Смеагорл дал обещание.

И они пустились в путь под звездным пологом ночи. Горлум повел их назад на север, но вскоре они свернули, оставив за спиной обрывы Привражья, и спустились по каменным грудам к окраине необъятных болот. Быстро и бесшумно исчезли они в темноте. В огромной топкой пустыне перед Воротами Мордора царила сумрачная тишь.

Глава II

ТРОПА ЧЕРЕЗ ТОПИ

Горлум двигался одинаково быстро на своих двоих и на четвереньках, вытянув шею вперед и выставив голову. Фродо и Сэм едва поспевали за ним, но он, видно, раздумал улизнуть и, когда они далеко отставали, оборачивался и поджидал их. Они пришли к давешней расселине, но уже вдалеке от горных подножий.

— Ага, вот она где! — крикнул Горлум. — Там понизу тропочка, мы по ней пойдем-пойдем и выйдем во-он туда. — Он махнул рукой на юго-восток, в сторону болот, гнилое и тяжкое зловоние которых превозмогало ночную свежесть.

Горлум порыскал на краю расселины и подозвал их:

— Сюда! Здесь легко можно спуститься. Смеагорл ходил здесь однажды, я здесь ходил, прятался от орков.

Хоббиты спустились во мглу следом за ним — оказалось, и вправду легко. Футов двенадцать шириной, не больше пятнадцати в глубину, впадина служила руслом одной из бесчисленных речушек, стекавших с Привражья, пополняя застойные хляби. Горлум свернул направо, более или менее к югу, и зашлепал по ровному каменному дну. Вода ему была явно очень приятна, он радостно хихикал и даже покваКивал себе под нос нечто вроде песенки:

Ноги грызет холод,
Гложет кишки голод,
Камни больно кусаются —
Голые, словно кости,
Грызть их нету корысти —
Зубы об них обломаются.

А мокрая мягкая речка
Радует нам сердечко,
К усталым ногам ласкается.
И мы говорим с улыбкой...

— Ха-ха! Кому же это мы улыбаемся? — прогнусавил он, покосившись на хоббитов. — А вот сейчас скажем, кому. Он тогда сам догадался, треклятый Торбинс.

Глаза его гадко сверкнули в темноте, и Сэму это сверкание очень не понравилось.

Живет она — не дышит,
Безухая — а слышит.
Как мертвая, холодна
В кольчуге своей она.
Все пьет и никак не напьется,
На земле — скачет и бьется.
Ей водомет — дыра,
А островок — гора.
Блестит она и мелькает,
Гладенькая такая!
И мы ее кличем с улыбкой:
Плыви к нам, вкусная рыбка —
Жирненькая!

Песенка снова навела Сэма на мысль, которая осаждала его с тех самых пор, как он понял, что хозяин решил взять Горлума в провожатые, — мысль о еде. Хозяин-то, наверно, об этом и вовсе не подумал, зато Горлум подумал наверняка. И вообще — как, интересно, Горлум кормился в своих одиноких скитаниях? «Плоховато кормился, — подумал Сэм. — Сразу видно, изголодался. Ох, не побрезгует он, коли уж рыбка не ловится, хоббитским мясцом. Заснем — и ау! — как пить дать слопает обоих. Ну смотри, Сэм Скромби, на тебя вся надежда».

Они долго брели по дну темной извилистой расселины, усталым хоббитам казалось, что и конца этому не будет. Ущелье свернуло к востоку, расширилось, постепенно стало совсем неглубоким. Серая дымка предвещала рассвет. По-прежнему проворный Горлум вдруг остановился и посмотрел на небо.

— День недалеко, — прошептал он, будто день, того и гляди, услышит его и накинется. — Смеагорл спрячется здесь, я спрячусь, и Желтая Морда меня не заметит.

— Мы бы и рады увидеть солнце, — сказал Фродо, — да сил нет выбираться наверх: ноги подкашиваются.

— Не надо радоваться Желтой Морде, — сказал Горлум. — Она нарочно выдаст врагам. Добренькие умненькие хоббитцы спрячутся со Смеагорлом, а то кругом шныряют орки и злые люди — они далеко видят. Прячьтесь, хоббитцы, здесь со Смеагорлом!

На отдых пристроились у крутого каменного ската расселины, из которой теперь высокий человек запросто мог бы выглянуть. Ручей бежал поодаль, под ногами была сухая гладь. Фродо и Сэм уселись на большом плоском камне, прислонившись к скату. Горлум плескался и копошился в ручье.

— Надо немного подкрепиться, — сказал Фродо. — Смеагорл, ты голодный? У нас у самих немного, но мы поделимся.

При слове «голодный» глаза Горлума зажглись зеленоватым светом и вытаращились так, что за ними стало не видно лица — исхудалого и землистого. Он заговорил по-старому, по-горлумски:

— Мы совсем, совсем изголодались, прелесть. А какая у них есть еда? Сочненькая рыбка?

Из-за острых желтых зубов высунулся длинный язык и жадно облизнул бескровные губы.

— Нет, рыбы у нас нет, — сказал Фродо. — Вот только это, — он показал путлиб, — и вода, если здешнюю воду можно пить.

— Да, да, да-ссс, водица чисстенькая, — сказал Горлум. — Пейте, пейте ее досыта, пока она ессть. А что это такое хрустит у них на зубах, моя прелесть? Это вкусненькое?

Фродо отломил и протянул ему кусок лепешки в листовой обертке. Горлум понюхал лист, и лицо его исказилось отвращением и застарелой злобой.

— Смеагорл чует, чем пахнет! — процедил он. — Это листья из страны эльфов, кха! Ф-ф-ф, как они воняют! Он лазил по тем деревьям, и вонь пристала к его рукам, к моим милым лапкам. — Он бросил лист, отгрыз кусочек путлиба, тут же выплюнул его и закашлялся. — Аххх! Нет, — отплевывался он. — Бедненький Смеагорл из-за вас подавился. Пыль и зола, это есть нельзя. Ему придется голодать. Но Смеагорл потерпит. Добренькие хоббитцы! Смеагорл дал обещание. Он будет голодать. Хоббитская пища ему в рот не лезет, и он будет умирать с голоду. Бедненький худенький Смеагорл!

— Жаль, — сказал Фродо, — но уж тут я тебе ничем не смогу помочь. Эта пища, я думаю, пошла бы тебе на пользу, если б ты себя пересилил. Однако пока что, наверно, даже и пытаться не стоит.

Хоббиты молча хрустели путлибами. Сэм заметил, что они вроде бы стали гораздо вкуснее: Горлум напомнил, какая это чудесная еда, но он же и портил ему аппетит, провожая глазами каждый кусок, точно пес у обеденного стола. Лишь когда они сжевали по лепешке и разлеглись отдыхать, он, видимо, убедился, что никаких лакомств от него не прячут, отошел на несколько шагов, сел и похныкал от жалости к себе.

— Хозяин! — довольно громко прошептал Сэм: ему было плевать, слышит Горлум или нет. — Как ни крути, а поспать нам надо, только обоим зараз спать не дело — вон он, гад, каким голодным глазом на нас косится. Мало ли что он «дал обещание»! Горлум он или Смеагорлум — один леший: горбатого могила исправит, а он пока живой. Вы давайте-ка спите, сударь, а я вас разбужу, когда мне уж совсем невмоготу станет. Будем спать по очереди, а то не ровен час...

— Что верно, то верно, Сэм, — сказал Фродо, не таясь. — Он *заведомо* изменился, но, как и насколько, пока неизвестно. Однако, по-моему, нынче нам опасаться нечего. Ну, стереги, если хочешь. Часика два дай мне поспать, а там и буди.

Фродо так устал, что уронил голову на грудь и заснул, едва договорив. А Горлум, видать, свои штучки оставил. Он свернулся калачиком и тоже уснул как ни в чем не бывало и хотя подозрительно присвистывал сквозь сжатые зубы, однако не шевелился, ровно убитый. Сэм послушал-послушал, как его спутники спят наперегонки, и чуть сам не заснул, но вместо этого встал, подошел к Горлуму и легонько его потыкал. Ладони Горлума раскрылись, пальцы задергались — и больше ничего. Сэм наклонился и сказал ему прямо в ухо: «Вкусненькая рыбка», — но Горлум даже ухом не повел и присвистывал по-прежнему.

Сэм почесал в затылке.

— Может, и правда спит, — пробормотал он. — Будь я вроде Горлума, одним Горлумом меньше бы стало.

Он со вздохом отогнал заманчивые мысли о том, что и меч вот он, и за веревкой недалеко ходить, пошел и сел рядом с хозяином.

Открыв глаза, он увидел тусклые небеса, гораздо темнее, чем когда он заснул. Сэм вскочил на ноги и понял, что раз он такой бодрый и голодный, значит, проспал весь день, а уж часов-то девять отхватил наверняка. Фродо спал без задних ног, только на бок повернулся. А Горлума было не видать. Сэму припомнились многие нелестные клички, какими, исполняя отцовский долг, награждал его Жихарь, никогда не лазивший за словом в карман; потом он сообразил, что хозяин-то был прав — стеречься не от кого. Как-никак оба целы, невредимы и ничуть не удавлены.

— Вот бродяга! — сказал он с некоторым раскаянием за свою подозрительность. — А где же он болтается, хотел бы я знать?

— Недалеко, недалеко! — сказал голос сверху, и Сэм увидел

на фоне вечернего неба огромную голову и оттопыренные уши Горлума.

— Э-гей, ты чего там делаешь? — спросил Сэм, мигом став подозрительней прежнего.

— Смеагорл голодный, — сказал Горлум. — Он скоро вернется.

— А ну, воротись! — заорал на него Сэм. — Назад, кому говорю!

Но Горлума и след простыл. Разбуженный криками, Фродо сидел и протирал глаза.

— Здрасьте! — сказал он. — Что случилось? Сколько времени?

— Еще не знаю, — сказал Сэм. — Солнце, кажись, закатилось. А он удрал. Говорит — голодный.

— Ладно тебе! — сказал Фродо. — Тут уж ничего не поделаешь. Вернется, не бойся. И обещание заржаветь не успело, да и от своей Прелести он никуда не денется.

Фродо во всем разобрался, когда узнал, что они полсуток мирно проспали рядом с Горлумом, очень голодным и совершенно не связанным.

— Не поминай Жихаря попусту, — сказал он. — Ты был еле живой, и все обернулось не худо: оба мы отдохнули. А впереди трудная дорога, труднее еще не было.

— С едой плоховато, — сказал Сэм. — Сколько нам примерно за все про все времени понадобится? После-то, когда управимся, что будем делать? Я ничего не говорю, эти дорожные хлебцы тебя прямо-таки на ногах держат, спасибо и низкий поклон эльфам-пекарям, хотя в желудке все же ветер свищет, извините за грубость. Но и с ними беда — чем больше их ешь, тем меньше остается. Недельки так на три их, может, и хватит, ежели затянуть пояса и держать зубы на полке. А то мы на них здорово подналегли.

— Я не знаю, сколько нам времени нужно за все про все, — сказал Фродо. — Долгонько мы в горах проторчали. Но вот что я скажу тебе, Сэммиум Скромби, дорогой мой хоббит Сэм, друг из друзей, по-моему, незачем нам и думать, что будет *после*, когда мы, как ты говоришь, *управимся*. На это нечего и надеяться, но если это нам вдруг удастся, то уж какое там *после*! Представляешь: Кольцо Всевластья упадет в огонь, а мы тут рядышком! Ну посуди сам, до хлеба ли нам будет. Нет, хлеб нам больше никогда не понадобится. Дотащимся как-нибудь до Роковой Горы, и дело с концом. Дотащиться бы — мне и это вряд ли по силам.

Сэм молча кивнул, взял хозяина за руку и склонился над ней: не поцеловал, только капнул слезами, отвернулся и утер нос рукавом. Потом встал, прошелся туда-сюда, якобы посвистывая, и выговорил сдавленным голосом:

— Да куда же этот лиходей подевался?

Горлум ждать себя не заставил: неслышно подобрался и, откуда ни возьмись, вырос перед ними. Руки его и лицо были перепачканы черным илом. Он что-то дожевывал и ронял слюну. Что он там жевал, они любопытствовать не стали.

«Жуков-червяков, а может, каких пиявок, — подумал Сэм. — Брррр! Ну, оглоед, ну, бродяга!»

Горлум тоже помалкивал, покуда не напился и не умылся из ручья. Потом подошел к ним, облизываясь.

— Заморил червячка, — сказал он. — Отдохнули? Пойдем дальше? Добренькие хоббитцы крепенько поспали. Теперь верите Смеагорлу? Вот и хорошо, вот и очень хорошо.

Дальше было, как раньше. Расселина становилась все более плоской и пологой, каменистое дно стало глинистым, а скаты превратились в береговые пригорочки; ручей петлял без конца. Ночь была на исходе, но облачная хмарь скрывала звезды и луну, лишь разлитый кругом сероватый отсвет возвестил утро.

В стылый предутренний час они прыгали по мшистым кочкам, а ручей забулькал на последней россыпи каменных обломков и канул в ржавое озерцо. Шелестели и перешептывались сухие камыши, хотя в воздухе не было ни дуновения.

И впереди, и по обе руки простирались в тусклом свете неоглядные топи и хляби. Тяжелые испарения стелились над темными смрадными мочажинами. Их удушливое зловоние стояло в холодном воздухе. Далеко впереди, на юге, высились утесистые стены Мордора, словно черный вал грозовых туч над туманным морем.

Хоббитам оставалось лишь целиком довериться Горлуму. Ведь им было невдогад, что у них за спиной, в двух шагах, прячется во мгле северная окраина болот. Будь им знакомы эти края, они могли бы, слегка задержавшись, вернуться немного назад, свернуть к востоку и выйти торными дорогами на голую равнину Дагорлада — поле древней битвы у Ворот Мордора. Правда, там они вряд ли пробрались бы: на твердой каменистой равнине укрываться негде, а через нее днем и ночью маршируют туда-сюда орки и прочая солдатня Саурона. Лориэнские плащи и те бы их не спасли.

— Ну и как же мы пойдем, Смеагорл? — спросил Фродо. — Нам обязательно лезть в эти вонючие болота?

— Необязательно, вовсе необязательно, — сказал Горлум. — Хоббиты могут куда быстрее добраться до Черных гор и предстать перед Тем. Чуточку назад, немножечко обойти, — его жилистая рука махнула на север и на восток, — и попадете на боль-

шую, на жесткую, холодную дорогу, а там все дороги ведут прямо к Тому, да-да. И Тот туда все время смотрит, там он и заметил Смеагорла, давным-давно. — Горлум не сразу совладал с дрожью. — Но Смеагорл тоже с тех пор осмотрелся, да-да, и глаза у него недаром, и нос, и ноги пригодились. Я знаю другие пути. Потруднее, подлиннее, зато безопаснее, если не хотите попасться Тому на глаза. Идите за Смеагорлом! Смеагорл проведет вас через болота в туманах, в густых, хороших туманах. Следуйте за Смеагорлом — и, может быть, Тот еще не скоро, совсем не так уж скоро вас сцапает.

Утро было хмурое и безветренное, болотные испарения лежали недвижными пластами, небо плотно застилали низкие тучи. Горлум радовался, что солнца нет как нет, и торопил их. Едва передохнув, они пустились в путь — и с первых шагов утонули в туманной глуши: позади скрылось из виду Привражье, впереди — хребты Мордора. Они шли гуськом — Горлум, Сэм, Фродо.

Фродо был самый усталый, и, как ни медленно они шли, он все время отставал. Сплошная топь оказалась вблизи ячеистой: окна, заводи, озерца, раскисшие русла речонок. Намстанным глазом можно было прикинуть, а привычной ногой нащупать неверную, петлястую тропу. Уж на что сноровист по этой части был Горлум, но и ему понадобилась вся его сноровка. Голова его на длинной шее вертелась туда-сюда, он принюхивался и бормотал себе под нос. Иногда он поднимал руку: погодите, мол, дальше не суйтесь, — а сам продвигался на четвереньках, осторожно пробуя зыбун руками и ногами, а то и приникая ухом к земле.

Это было нудно и утомительно. Зима с ее мертвенным, цепким холодом еще не отступилась от здешнего захолустья. Никакой зелени и в помине не было, разве что синеватая, пенистая ряска на маслянисто-черных заводях. Сухие травы и сгнившие на корню камыши казались в тумане убогими призраками невозвратного лета.

Посветлело, туман поднялся и поредел. Высоко над гнилостными испарениями, в ясной небесной лазури сияло золотистое солнце, однако свет его едва-едва пробивался сквозь густую волнистую пелену — над головой появилось блеклое пятно. Теплее не стало, мертвенный болотный мир ничуть не ожил, но Горлум все равно ежился, вздрагивал, глухо ворчал и наконец заявил, что идти нельзя. Точно загнанные зверьки, скорчились они на краю буроватых плавней. Стояла глубокая тишина, лишь

шелестели жухлые стебли да трепетали невесть отчего сломанные былинки.

— Ну хоть бы одна пташка! — печально проговорил Сэм.

— Нет, птичек здесь нету, — сказал Горлум. — Вкусненькие птички! — Он облизнулся. Змейсы есть, пиявсы, ползучая и плавучая, совсем невкусная гадость. А птичек нет, — вздохнул он.

Сэм на него брезгливо покосился.

Тянулись третьи сутки их путешествия с Горлумом. В иных, счастливых и светлых краях мягко легли вечерние тени, а они были снова в пути, и редко случалось им присесть, да и то не для отдыха, а из-за Горлума: он продвигался очень-очень осторожно и не слишком уверенно. Они забрели в самую глубь Гиблых, или Мертвецких, Болот, и было уже темновато.

Продвигались медленно, согнувшись в три погибели, держась поближе друг к другу, в точности повторяя движения Горлума. Мшистые ходуны стали широкими водяными окнами, и все труднее было выбирать места потверже, где нога не тонула в булькающей жиже. Легонькие хоббиты шли налегке, а то вряд ли бы и выбрались.

Вскоре совсем стемнело, в плотной черноте, казалось, не продохнуть. Когда кругом замелькали огоньки, Сэм даже протер глаза: подумал, что малость свихнулся. Сперва вспыхнул огонек где-то слева, бледненький и тусклый, вот-вот погаснет, но тут же явились еще и еще — одни точно светлые струйки дыма, другие как мутные язычки пламени, плясавшие над невидимыми свечами, и множество их возникло, точно призрачное шествие. А оба спутника воды, что ли, в рот набрали? И наконец Сэм не выдержал.

— Что это такое творится, Горлум? — шепотом спросил он. — Что это за огоньки? Кругом же обступили — чего мы им дались? Они откуда?

Горлум поднял голову. Он полз на четвереньках, прощупывая и обнюхивая черную лужу.

— Обступили, да, — прошептал он в ответ. — Заманивают нас к мертвецам, да-да, шаг в сторону — и засосет. А тебе-то что? Ты на них не гляди! Пусть себе пляшут! Где хозяин?

Сэм обернулся. Фродо снова отстал, его даже и видно не было. Сэм прошел немного назад, оступаясь на каждом шагу и призывая хозяина тихим, сиплым шепотом. И наткнулся на Фродо, который стоял, задумавшись, глядя на бледные огоньки. Руки его беспомощно повисли, с них капала вода и стекала слизь.

— Пойдемте, сударь! — сказал Сэм. — Вы на них не глядите! И Горлум то же говорит: чего глядеть? Пес с ними, давайте выберемся поскорее из этих гиблых мест — уж постараемся!

— Хорошо, — сказал Фродо, как бы очнувшись. — Иду. Не задерживайтесь!

Сэм поспешил обратно, запнулся за корень, не то за кочку, увязнул руками в илистой жиже и чуть не утопил в ней лицо. Послышалось шипение, его обдало смрадом, огоньки замигали-заплясали, сближаясь. Черная влага перед его глазами вдруг стала темным окном, в которое он заглянул, и, кое-как выдернув руки, отпрянул назад.

— Там же могила! — вскрикнул он, еле очнувшись от ужаса. — Полным-полно мертвецов, и все глядят!

— Мертвецкие Болота, да-да, так они и называются, — гадко хихикнул Горлум. — Не гляди в воду, когда свечки горят!

— Кто они такие? Откуда взялись? — вздрагивая, спрашивал Сэм у Фродо, который их нагнал.

— Не знаю, кто они, — сказал Фродо дремотным голосом. — Но я их тоже видел: в заводях, когда засветились свечки. Они лежат в черной глубине и глядят мертвыми глазами. Злобные, страшные хари, а рядом — скорбные и величавые, гордые и прекрасные лики, и водоросли оплели их серебристые кудри. И все мертвые, сплошь гнилые трупы, и свет от них замогильный. — Фродо провел ладонями по лицу. — Не знаю, кто они такие и откуда. Кажется, я видел эльфов, людей — и орков подле них.

— Да-да, — сказал Горлум. — Все мертвые, все сгнили — эльфы, люди, орки. Потому болота и Мертвецкие. Здесь была великая битва, маленькому Смеагорлу об этом рассказывали, мне бабушка рассказывала, когда еще Прелесть не нашлась. Великая битва, которой не видно было конца. Бились высокие люди с длинными мечами, и страшные эльфы, и орки голосили без умолку. Они бились на равнине у Черных Ворот много дней, много месяцев. А потом наползли, наползли болота — поглотили могилы.

— Но это же все было я не знаю сколько тысяч лет назад, — сказал Сэм. — Не может там быть мертвецов! Волшебство, что ли, какое лиходейское?

— Не знаю, не знаю, Смеагорл не знает, — отвечал Горлум. — До них нельзя дорыться, не доберешься до них. Мы пробовали однажды, да, моя прелесть? — нет, не добрались. Глаз их видит, а зуб неймет, никак, моя прелесть! Они мертвые, их нет.

Сэм угрюмо посмотрел на него и, передернувшись, догадался, зачем Смеагорл хотел до них дорыться.

— Ну, с меня мертвецов хватит! — сказал он. — Как бы нам поскорее отсюда слинять?

— Посскорее, да, да, посскорее, — сказал Горлум. — Посскорее и поосторожнее, а то как бы нашим хоббитам не про-

палиться к мертвецам и не засветить еще по свечечке. Ступайте след в след за Смеагорлом! Не смотрите на огоньки!

Он пополз куда-то вправо, в обход трясины, они старались не отставать от него и тоже поневоле опустились на карачки. «Еще малость поползаем — и будет не одна, а целых три препакостные горлумские прелести, как на подбор!» — подумал Сэм.

Тропа кое-как отыскалась, и они двинулись через топь — то ползком, то прыгая с зыбкой кочки на кочку: оступались, оскользались, шлепались в черную смрадную жижу. Перемазались с головы до ног, и воняло от всех троих, как из выгребной ямы.

В глухой ночной час они наконец миновали трясину и ступили на твердую, хотя и не очень-то твердую землю. Горлум шипел и шептался сам с собой — видать, он был доволен. Верхнее чутье, особый нюх и необычайная памятливость на очертания помогли ему выбраться к нужному месту, а дальше он знал, как идти.

— Ну вот и пойдемчики! — сказал он. — Умнички хоббитцы! Храбренькие хоббитцы! Совсем-совсем устали, конечно, мы тоже, моя прелесть, мы тоже. Но надо скорее увести хозяина подальше от мертвецких свечечек, да-да, подальше.

С этими словами он пустился чуть не вприпрыжку по длинной прогалине в камышах, а они, спотыкаясь, побежали следом. Внезапно он остановился, снова присел на четвереньки и потянул носом, зашипев не то встревоженно, не то недовольно.

— В чем дело-то? — проворчал подбежавший Сэм, которому почудилось, будто Горлум брезгливо фыркает. — Чего носом водить? Я нос зажимаю, и то у меня глаза на лоб лезут. И ты смердишь, и хозяин смердит — кругом от вони не продохнешь.

— Да-да, и Сэм смердит! — отозвался Горлум. — Бедняжечке Смеагорлу противно нюхать, но послушный Смеагорл терпит, помогает добренькому хозяину. Пусть воняет! Нет-нет, в воздухе что-то неладное, и Смеагорлу это очень не нравится.

Он побрел дальше, однако становился все беспокойнее, то и дело выпрямляясь, изгибая шею и обращаясь ухом к юго-востоку. Поначалу хоббиты никак не могли взять в толк, что его тревожит. И вдруг все трое разом насторожились. Фродо и Сэму послышался вдалеке протяжный и неистово-злобный леденящий вой. Они вздрогнули и в тот же миг ощутили, как повеяло стужей и колеблется воздух. Потом донесся шум налетающего ветра. Огоньки трепетали, блекли, гасли.

Горлум не двигался. Он стоял, сотрясаясь, и что-то лепетал. Ветер с ревом и свистом обрушился на болота, расшвыривая клочья тумана, и высоко в небе показались рваные облака, а между ними заблистала луна.

На мгновение хоббиты обрадовались, но Горлум прижался к

земле, ругмя ругая Белую Морду. Фродо и Сэм глядели в небо, вдыхали полной грудью свежий воздух — и увидели облачко, мчащееся от проклятых гор, черную тень, которую изрыгнул Мордор, огромную и жуткую крылатую тварь. Терзая слух смертоносным воем, она затмила месяц и, обгоняя ветер, унеслась на запад.

Они упали ничком как подкошенные, беспомощно корчась на холодной земле. А призрачный замогильный ужас возвратился и пронесся ниже, прямо над ними, разметав крылами зловонные испарения. Пронесся и умчался обратно в Мордор, куда призывал его гнев Саурона, следом за ним бушующий ветер сорвал остатки туманной пелены с Мертвецких Болот. Впереди, сколько видел глаз, до подножий сумрачных гор простерлась голая пустыня в пятнах лунного света.

Фродо и Сэм привстали, протирая глаза, словно дети, очнувшиеся от дурного сна в обыкновенной темноте. Но Горлум лежал на земле как пришибленный. Они с трудом растолкали его, и все равно он не поднимал головы, стоя на карачках, уткнув локти в землю и прикрывая затылок широкими ладонями.

— Призраки! — стенал он. — Крылатые призраки! Прислужники Прелести! Они все видят, все. От них не спрячешься. Ненавистная Белая Морда! Они все расскажут Тому, и он увидит нас, он нас узнает, аххх, *горлум, горлум, горлум*!

И лишь когда луна закатилась далеко на западе за вершины Тол-Брандира, они продолжили путь.

С этих пор Сэм стал замечать, что Горлум снова переменился. Он угодничал и подлизывался пуще прежнего, но в глазах его мелькало странное выражение, особенно когда он поглядывал на Фродо, и говорил он все больше по-горлумски, па старый манер. Но еще тревожнее было то, что Фродо, видимо, совсем изнемог. Он не жаловался, он и вообще-то почти не раскрывал рта, но брел, согнувшись, как под непосильным грузом, тащился еле-еле — Сэм то и дело просил Горлума подождать хозяина.

Между тем с каждым шагом к Воротам Мордора Кольцо на шее Фродо все тяжелее оттягивало цепочку и точно пригибало его к земле. Но куда мучительнее донимало его Око: это из-за него, не из-за Кольца Фродо втягивал голову в плечи и робко сутулился. Оком он называл про себя жуткое, обессиливающее чувство могучей и враждебной воли, которой нипочем земные преграды и воздушные заслоны, которая вот-вот отыщет, обнажит, пригвоздит мертвящим взором. Укрыться от него негде, последние покровы тонки и ненадежны. Фродо в точности знал, откуда исходит этот смертоносный луч, так же как сквозь

закрытые глаза знаешь, где пламенеет жгучее и беспощадное солнце. Луч палил ему лицо, поэтому он и опускал голову.

Горлуму, может статься, было немногим легче. Но что творилось в его иссохшем сердце, что его больше мучило — ищущее ли Око, алчная ли тоска по Кольцу, до которого только руку протянуть, или унизительное обещание, наполовину исторгнутое страхом перед холодной сталью, — этого хоббитам знать было не дано. Да Фродо об этом и не думал, а Сэм большей частью думал о хозяине, своих грызущих страхов почти не замечая. Он теперь шел позади Фродо и ни на миг не терял его из виду: поддерживал, когда тот спотыкался, и старался подбодрить неуклюжими шутками.

Когда наконец рассвело, хоббиты с изумлением увидели, насколько придвинулись угрюмые кручи. В холодном и ясном утреннем свете все же еще далекие стены-утесы Мордора не нависали угрозой на небосклоне, а исполинскими черными башнями сумрачно взирали окрест. Болота кончились, дальше тянулись торфяники и короста растрескавшейся грязи. К мерзости запустения у Сауроновых Ворот вели длинные голые пологие склоны.

Покуда серо-стальной день не угас, они ютились как черви под огромным камнем, хоронились от крылатого ужаса, от жестоких пронзительных мертвых глаз. Страх опустошил память этих дней и тех двух ночей, когда они пробирались по унылому бездорожью. Воздух здесь был какой-то колкий, напитанный горечью, от него першило в пересохшем горле.

Наконец на пятое утро путешествия с Горлумом они снова остановились. Перед ними высились в серой мгле огромные утесы; вершины их скрывали дымные тучи, а подножия были укреплены мощными устоями и загромождены скалами, до ближней из них оставалось не более двенадцати миль. Фродо огляделся, и ему стало жутко. Отвратны были Мертвецкие Болота и пересохшая пустошь, но во сто крат чудовищнее то, что теперь открывал его запавшим глазам ползучий рассвет. Даже Могильные Топи весна еще подернет зеленоватой пеленой, но здесь не могло быть ни весны, ни лета. Здесь не было ничего живого, не было даже трупного тлена. Зияли ямины, засыпанные золой, загаженные белесовато-серой грязью, точно блевотиной горных недр. Бесконечными рядами возвышались груды каменного крошева и кучи обожженной, изъязвленной земли — дневной свет как бы нехотя озарял изнанку смерти, кладбище без мертвецов.

Это была поистине мордорская пустыня, памятник на веч-

ные времена непосильному труду рабских полчищ — цели трудов забудутся, но след их пребудет: опоганенная, неисцелимо изуродованная земля, разве что волны Великого Моря сокроют ее от глаз.

— Сейчас меня вывернет, — сказал Сэм.

Фродо промолчал. Они помедлили как бы на краю неминучего бредового сновидения, которое надо претерпеть, нырнуть во мрак, чтобы пробудиться утром. Между тем светлело — жестоко и безысходно. Провалы и язвы прокаженной земли виднелись с ужасающей четкостью. Между тучами и клоками дыма проглянуло солнце, но и солнечные лучи были осквернены. Хоббиты не обрадовались солнцу: оно, казалось, служило Врагу, высвечивая их во всей беспомощности — крохотные писклявые существа, копошащиеся на мусорной свалке Черного Властелина.

Идти дальше им было невмочь. Они поискали, где бы отдохнуть. Присели за горой шлака, но она источала удушливый дым, и все трое начали кашлять и задыхаться. Первым встал Горлум; отплевываясь, бранясь и даже не взглянув на хоббитов, он уполз на четвереньках. Фродо и Сэм последовали за ним, и вскоре выискалась большая круглая яма, закрытая с запада насыпью. Там было, как и везде, холодно и гадко, на дне радужно лоснилась маслянистая лужа. Там они и приткнулись в надежде хоть как-то укрыться от всевидящего Ока.

День тянулся медленно. Нестерпимо хотелось пить, но они лишь смочили губы водой из фляжек, наполненных в ручье, — и он, и каменная расселина казались им теперь прекрасным видением. Хоббиты караулили по очереди. Сперва, несмотря на усталость, ни один из них уснуть не мог, но, когда солнце утонуло в тяжелой туче, Сэм задремал. Бодрствовать был черед Фродо. Он разлегся на спине, но легче ему ничуть не стало, ноша давила все так же. Глядя в дымное небо, он видел странные тени, мчались темные конники, чудились полузабытые лица. Он потерял счет времени, явь смешалась с дремой, и наконец он забылся.

Сэм открыл глаза: ему показалось, будто хозяин зовет его. Но Фродо спал, съехав по скату на дно ямы. Возле него присел Горлум. Сэм было подумал, что он хочет разбудить Фродо, но нет, Горлум разговаривал сам с собой. Смеагорл спорил с кем-то, кто говорил его голосом, сипя и пришепетывая. И глаза его мерцали то бледным, то зеленым огнем.

— Смеагорл дал обещанье, — говорил первый.

— Да-да, моя прелесть, — отвечал другой, — мы обещались сберечь нашу Прелесть, не отдать ее Тому — нет, никогда. Но

что ни шаг, мы к Тому все ближе. Что хочет хоббит сделать с нашей Прелестью, интересненько, да, нам интересненько.

— Не знаю. Тут уж ничего не поделаешь. Она у хозяина. Смеагорл обещал помогать хозяину.

— Да, да, помогать хозяину нашей Прелести. А если мы сстанем хозяином, то будем помогать себе и ссдержим обещание.

— Но Смеагорл обещал быть очень-очень послушным. Добренький хоббит! Он снял жестокую петлю с ноги Смеагорла. Он ласково говорит со мной.

— Очень-очень посслушным, да, моя прелесть? Давай будем посслушным и сскользким, как рыбка: будем, сладенький мой, сслушаться самого себя! Но мы не сделаем худа добренькому хоббиту, нет, совсем нет.

— Я же поклялся Прелестью, — возражал голос Смеагорла.

— Так возьми ее себе, — отвечал другой, — и ссдержи клятву! Сстань сам хозяином Прелести, *горлум*! Тогда другой хоббит, сердитый, неласковый, подозрительный хоббит, он у нас поползает в ногах, *горлум*!

— А добренького хоббита трогать не будем?

— Нет, не будем, если не понадобится. Он ведь все-таки Торбинс, моя прелесть, да-да, он Торбинс. Торбинс стащил у нас Прелесть. Он нашел ее и ничего нам не сказал. Ненависстные Торбинсы!

— Но это же не тот Торбинс!

— Все Торбинсы ненависстные. Все, у кого наша Прелесть. Она нам самим нужна!

— Но Тот увидит, Тот узнает. Он отберет ее у нас!

— Тот все видит, все знает. Тот сслышал наше безрассудное обещание — мы нарушили его приказ-сс. Надо ее забрать. Призраки всюду рыскают. Забрать ее надо!

— Но Тому не отдавать!

— Нет, ссладенький. Суди сам, моя прелесть: когда она будет у нас, что нам сстоит с ней сскрыться, а? А может, мы сстанем сильные-сильные, сильнее призраков. Властелин Смеагорл? Несравненный Горлум! Горлум из Горлумов! Будем есть рыбку каждый день, три раза в день, свеженькую, вкусненькую, с моря. Самый Прелесстный Горлум! Ее надо забрать. Сскорее, сскорее, сскорее!

— Но их же двое. Они быстро проснутся и нас убьют, — заскулил Смеагорл, сдаваясь. — Не сейчас. Еще рано. Потерпим.

— Сскорее, мы сстосковались! Но сскажем... — И другой замолчал, должно быть, раздумывая. — Сскажем — не сейчас? Пусть не сейчас. Она поможет нам. Она поможет, да.

— Нет-нет! Так нельзя! — заныл Смеагорл.

— Да! Нет у нас сил терпеть! Нет сил!

И каждый раз, когда говорил другой, длинная рука Горлума медленно ползла к Фродо — и отдергивалась со словами Смеагорла. Наконец обе скрюченные руки с дрожащими пальцами подобрались к горлу Фродо.

Сэм тихо лежал и внимательно слушал, следя за каждым движением Горлума из-под полуприкрытых век. Раньше он в простоте своей думал, что Горлум — тварь голодная и потому опасная — того и гляди, сожрет, не успеешь чухнуться. Теперь ему стало понятно, что все куда страшнее. Горлума неодолимо притягивало Кольцо. Тот — это, конечно, Черный Властелин, но вот кто такая *Она*, о которой было упомянуто под конец? Наверно, сукин кот Горлум сдружился тут с какой-нибудь дрянью. Но Сэм оставил эти размышления: дело зашло далековато, пора вмешиваться. Руки-ноги его были как свинцом налиты, но он с усилием поднялся и сел, сообразив попутно, что надо быть поосторожнее и притвориться, будто ничего не слышал. Он шумно вздохнул и зевнул во весь рот.

— Времени-то сколько? — сонным голосом спросил он.

Горлум зашипел сквозь зубы, постоял в угрожающей позе, но потом обмяк, плюхнулся на карачки и пополз к краю ямы.

— Добренькие хоббитцы! Добренький Сэм! — сказал он. — Заспались, сони, сильно заспались! Один послушный Смеагорл караулил! Вечер уже. Темнеет. Пора идти.

«Да уж! — подумал Сэм. — И пора нам с тобой, друг ситный, расставаться!» Но тут ему пришло в голову, что вернее-то, пожалуй, будет держать Горлума под присмотром.

— Чтоб ему провалиться! Вот еще напасть! — проворчал он, спустился вниз по скату и разбудил хозяина.

А Фродо, как ни странно, отоспался. Его посетили светлые сны. Черная тень словно бы отшатнулась, и посреди прокаженного края ему явились зрелища дальних стран. В памяти ничего не осталось, однако на сердце полегчало, и ноша не так бременила. Горлум по-собачьи обрадовался, он урчал, хихикал, тараторил, щелкал длинными пальцами, оглаживал колени Фродо. Тот ему улыбнулся.

— Хорошо, хорошо, — сказал он. — Ты молодец, ты надежный вожатый. Мы уж почти у цели. Проводи нас к Воротам, дальше не надо. Доведешь до Ворот — и ступай, куда знаешь, только не к нашим общим врагам.

— К Воротам? — Горлум даже взвизгнул от испуга и изумления. — Хозяин говорит: проводи к Воротам? Да, он так сказал, а послушный Смеагорл делает все, что велит хозяин, да-да. Вот

мы подойдем поближе, и хозяин, может быть, передумает, посмотрим. Ничего там нет хорошего, у Ворот. Совсем ничего хорошего!

— Ладно, ладно, тебя забыли спросить! — сказал Сэм. — Ты знай веди!

В полутьме они выкарабкались из ямы и двинулись медленно и опасливо. Вскоре их снова охватил страх — тот самый, что на болотах, когда над ними металось крылатое чудище. Они вжались в сухую зловонную землю, но сумеречные небеса не омрачились: видно, зловещий посланец Барад-Дура промчался стороной. Наконец Горлум встал и побрел дальше, вздрагивая и бормоча себе под нос.

Около часу пополуночи страх опять пригвоздил их к земле, но отдаленная угроза и на этот раз быстро миновала: призрак летел выше туч и вихрем унесся на запад. Однако Горлум совсем обессилел от ужаса, он был уверен, что это за ними, что их почуяли.

— Три раза! — прохныкал он. — Целых три раза! Они чуют нас, чуют Прелесть, они — ее прислужники. Здесь нам дальше идти нельзя. Изловят нас, изловят!

Тщетно его уламывали и улещивали. Лишь когда Фродо на него прикрикнул и взялся за рукоять меча, Горлум с глухим ворчанием поднялся на ноги и потрусил впереди, как наказанный пес.

До конца мучительно долгой ночи и жуткой рассветной порой брели они в молчании, ничего не видя и не слыша, только ветер злобно свистел в ушах.

Глава III

У ЗАПРЕТНЫХ ВОРОТ

На рассвете они подошли к Мордору. Болота и пустыня остались позади; перед ними темнели горы, вздымая грозные вершины к белесому небу.

С запада Мордор ограждает сумрачная цепь Эфель-Дуата, Изгарных гор, а с севера — пепельно-серый, обветренный хребет Эред-Литуи. Вместе они образуют великую и неприступную стену вокруг скорбных выжженных равнин — Литлада и Горгорота — и горько-соленого внутреннего моря Нурнен; на северо-западе их длинные отроги сближаются и между ними пролегает глубокая теснина. Это Кирит-Горгор, Ущелье Привидений, един-

ственный проход во вражеские земли. Возле устья ущелья утесы с обеих сторон чуть пониже, и на двух крайних скалах, крутых, голых и черных, воздвигнуты высокие массивные башни, именуемые Клыками Мордора. Их построили в давнюю пору, во времена славы и могущества Гондора после разгрома Саурона, дабы сбежавший Властелин не вздумал вернуться в свои былые владения. Но Гондор ослаб, гондорцы обленились, и многие века сторожевые башни пустовали. А потом Саурон возвратился, они были отстроены, наполнены воинством, вооруженным до зубов, и снова стали сторожевыми. Из их темных окон-глазниц глядели на север, восток и запад тысячи бессонных глаз.

Черный Властелин преградил ущелье от утеса до утеса мощной стеной с единственными чугунными воротами, и часовые день и ночь напролет расхаживали по зубчатому верху стены. В подножных утесах были вырублены сотни пещер, высверлены ходы и переходы; там кишмя кишели орки, всегда готовые к бою, как черное муравьиное полчище. Миновать кусачие Клыки Мордора мог лишь тот, кто был призван Сауроном либо же знал тайное заклятие, отмыкающее Мораннон, Черные Ворота его царства.

Хоббиты смотрели на башни и стену в немом отчаянии. Даже издали, в тусклом предутреннем свете, им были видны часовые на стене и дозорные у ворот. Они притаились в каменной ложбинке под сенью последней северной горы Эфель-Дуата. От их укрытия до черной вершины ближней башни ворон летел бы сотню саженей. Над башней курился дымок, как над исполинской трубой.

Настал день, и красноватое солнце замигало над костистым гребнем Эред-Литуи. Внезапно на сторожевых башнях взревели фанфары; отовсюду, с гор и из ущелий, отозвались невидимые казармы и лагеря, далеко в Барад-Дуре загрохотали барабаны, завыли рога, и по равнине прокатилось зловещее немолчное эхо. Мордор пробуждался к новому дню, к тяжкому труду и беспросветному ужасу. Ночную стражу строем развели по каменным мешкам, и место ее заступила стража дневная, бодрая, свирепая и зоркая. Между зубцами стены тускло блистала сталь.

— Вот тебе и пожалуйста! — сказал Сэм. — Пришли к Воротам, только сдается мне, что и зайти нас не пригласят, и ноги унести не дадут. Попадись я сейчас на глаза Жихарю, он бы нашел, что сказать! И ведь сколько раз говорил мне: не зарывайся, Сэм, выкапывать будет некому! Честное слово, так и говорил. Теперь уж не скажет: вряд ли мы с ним когда свидимся. А жаль, я бы послушал — пусть бы костерил меня день-день-

ской, я бы на него глядел и радовался. «Ну, Сэм, голова твоя садовая...» Только сперва, конечно, пришлось бы помыться, а то бы он меня не узнал. Без толку небось спрашивать: куда мы теперь? Теперь мы никуда, разве что к оркам на поклон: проведите, мол, ребятушки!

— Нет-нет! — сказал Горлум. — Не надо к оркам. Дальше идти нельзя. Смеагорл так и говорил. Он говорил: подойдем к Воротам, посмотрим. Вот мы и смотрим. Да, моя прелесть, смотрим и видим. Смеагорл знал, что хоббиты здесь не пройдут, о да, Смеагорл это знал.

— Ну и какого же лешего ты нас сюда притащил? — спросил Сэм, хотя вопрос, конечно, был глупый и бессовестный.

— Потому что хозяин велел. Хозяин сказал: проводи нас к Воротам. И Смеагорл послушался. Хозяину видней, он мудренький.

— Да-да, это я велел, — сказал Фродо. У него был угрюмый, суровый и решительный вид. Перепачканный, изможденный, смертельно усталый, он, однако, словно распрямился, и глаза его прояснились. — Велел, потому что мне нужно пробраться в Мордор, а другого пути туда я не знаю. Стало быть, этим путем. С собою я никого не зову.

— Нет, нет, хозяин! — взвыл Горлум, ошалело хватаясь за него, по-видимому, в жуткой тревоге. — Нельзя этим путем! Не надо! Не надо отдавать Прелесть Тому! С Прелестью он всех нас сожрет, он весь свет слопает. Оставь ее себе, добренький хозяин, пожалей Смеагорла. Владей ею, лишь бы Тот ее не заполучил. А еще лучше — уходи, иди, куда тебе хочется, и отдай ее обратно бедненькому Смеагорлу. Да-да, хозяин, отдай, а? Смеагорл ее спрячет, схоронит, он сделает много-много добра, особенно добреньким хоббитцам. А хоббитцы пойдут домой. Не ходи к Воротам!

— Мне сказано идти в Мордор — значит, так надо, — сказал Фродо. — Туда только один путь — значит, нечего и мешкать. Будь что будет.

Сэм помалкивал. Какой толк молоть языком: у хозяина на лице все как есть написано. Да по правде-то он и с самого начала ничего хорошего от этой затеи не ждал, но он был не из нытиков и считал, что коли уж не на что надеяться, то и огорчаться загодя незачем. Теперь дело к концу, ну и что с того; он при хозяине, хозяин при нем; вон сколько вместе протопали — зря, что ли, он за ним увязался? Разве ж можно одному в Мордор? Куда он, туда и Сэм, а Горлум пусть идет гуляет.

Горлум, однако, покамест идти гулять не собирался. Он ползал на коленях у ног Фродо, ломал руки и повизгивал.

— Здесь не пройти, хозяин! — скулил он. — Есть другой путь.

Да-да, совсем-совсем другой: темный, тайный, неприметный. Но Смеагорл его знает. Позволь, Смеагорл покажет тебе его!

— Другой путь? — сказал Фродо с сомнением, приглядываясь к Горлуму.

— Да-ссс! Да, сссовсем другой — был, и Смеагорл его отыскал. Пойдемте поссмотрим — может, он есть и сейчас!

— Ты о нем раньше не говорил.

— Нет, хозяин же не спрашивал. Хозяин не говорил, куда он собрался, ни словечка не сказал бедненькому Смеагорлу. Он сказал: Смеагорл, проводи меня к Воротам и беги своей дорогой! Смеагорл убежал бы — и сделался хорошим и добрым. А сейчас хозяин говорит: здесь я войду в Мордор. И Смеагорлу очень-очень страшно: он не хочет потерять добренького хозяина. И он обещал, хозяин взял с него клятву, что он спасет Прелесть. А теперь хозяин попадется Тому, и Тот схватит ее черной рукой и наденет на черный палец — если идти здесь. Смеагорл хочет спасти хозяина и уберечь Прелесть — вот он и вспомнил про другой путь, где однажды шел. Добренький хозяин. Смеагорл хороший, послушный, он хочет помочь.

Сэм нахмурился. Были бы у него не глаза, а сверла, он бы Горлума насквозь просверлил. Очень ему все это было сомнительно. Вроде бы Горлум и вправду встревожился и старается помочь Фродо. Но Сэм-то помнил, как он сам с собой разговаривал: ох, вряд ли без году неделя воскресший Смеагорл одержал победу, да и в том разговоре не за ним осталось последнее слово. Скорее уж, рассудил Сэм, Смеагорл и Горлум (или, как он их называл про себя, Липучка и Вонючка) помирились и договорились: оба одинаково не хотели, чтоб Фродо сцапали и Кольцо досталось Врагу; оно куда вернее до поры до времени ошиваться возле Фродо и поджидать случая — авось Вонючке удастся не мытьем, так катаньем наложить лапу на свою «Прелесть». А насчет другого пути в Мордор — это бабушка надвое сказала.

«Спасибо хоть, обоим невдомек, зачем хозяину в Мордор, — подумал он. — Проведай они, что господин Фродо собрался угробить ихнюю Прелесть, — ох, повело бы кота на мясо! Вонючка-то Врага до смерти боится — тот его и отпустил вроде под зароком. Он бы нас мигом продал с потрохами, чтоб самому не попасться, да и Прелесть свою уберечь от огня. Я так дело понимаю. Хорошо бы, хозяин его толком обмозговал. Умато у него палата, а вот что на уме — тут любой Скромби руками разведет. Слишком уж он именно что добренький».

Фродо ответил Горлуму не сразу. Пока Сэм медленно, но верно раздумывал и сомневался, он стоял и смотрел на черные утесы Кирит-Горгора. Их ложбинка была на склоне невысокой горы, над овражиной у мордорских стен, возле западной сторо-

жевой башни. В утреннем свете были отчетливо видны пыльные дороги-большаки от Ворот Мордора: одна витками убегала на север, другая — восточная — терялась в туманах у подножий Эред-Литуи, третья огибала башню, выныривала из ущельица неподалеку от хоббитов с Горлумом, сворачивала к западным склонам Эфель-Дуата, в их густую тень, и, уже не различимая глазом, угадывалась вдоль берега Андуина, между горами и Великой Рекой.

Осматриваясь, Фродо заметил, что вся равнина Дагорлада словно колышется. Повсюду двигались войска, большей частью скрытые за болотными туманами и дымными пелснами. Сверкали шлемы и копья, по дорогам с разных сторон двигались отряды конницы. Он вспомнил, что ему открылось с Овида всего неделю назад, а казалось, прошли годы. И понял, что надежда, на миг озарившая его сердце, была тщетной. Они слышали не предбитвенные трубы, а приветственные фанфары. Не поднялись против Черного Властелина из давно заросших травой могил опочившие во славе воины Гондора; нет, это разноплеменное воинство с необъятного Востока спешило на зов своего владыки: заночевали в одном-двух переходах от Ворот и теперь стягивались к крепости, вливаясь в сонмище рабов Саурона. И, точно вдруг поняв, что он одиноко стоит на виду у бесчисленных врагов, что жизнь его висит на волоске, Фродо набросил на голову легкий серый капюшон, спустился в ложбину и обратился к Горлуму.

— Смеагорл, — сказал он, — я еще раз доверюсь тебе. Видно, так надо. Должно быть, мне суждено принимать помощь от тебя, от кого я меньше всего ее ожидал, а ты осужден помогать мне во искупление прежних своих злых умыслов. Пока что мне укорить тебя не в чем: ты достойно соблюдал свое обещание. Достойно, говорю я, — прибавил он, оглянувшись на Сэма, — ибо уже дважды мы были в твоей власти, но ты нас не тронул. И не поддался соблазну похитить у меня то, что тебе так желанно. Смотри же, не оплошай в третий раз! И помни, Смеагорл, ты в большой опасности.

— Да-да, хозяин! — сказал Горлум. — В ужасной опасности! У Смеагорла все поджилки трясутся, но он не убегает. Он знает: надо помочь добренькому хозяину.

— Я не о той опасности, которая грозит всем нам, — сказал Фродо. — Угроза еще страшнее нависла над тобой. Ты поклялся Прелестью, как ты называешь — не скажу что. Помни же: она, Прелесть, принудит тебя сдержать клятву, но извратит ее тебе на погибель. Она уже ищет тебя соблазнить. Ты сейчас невольно, по глупости открылся мне. «Отдай ее обратно Смеагорлу», — сказал ты. Не повторяй этих слов! Изгони всякое по-

мышленье об этом! Ты никогда не получишь ее обратно. Но если нечистая похоть осилит тебя — ты погиб. Обратно ты ее никогда не получишь, Смеагорл, но если иного выхода не будет, то я надену твою Прелесть, а Прелесть эта давным-давно подчинила тебя. И, надев ее, я буду приказывать, а ты — повиноваться, даже если я прикажу броситься в пропасть или кинуться в огонь. Берегись, потому что таков и будет мой приказ. Берегись, Смеагорл!

Сэм поглядел на хозяина одобрительно и недоуменно: ни такого вида, ни таких речей он за ним не помнил. Он-то всегда думал, что дорогой господин Фродо чересчур добрый и через это малость подслеповат. Причем само собой разумелось, что он все равно умней всех на свете (кроме разве что старого господина Бильбо и, может быть, Гэндальфа). Горлум, видно, тоже подумал — ему это было простительно, он и знал-то Фродо всего пять дней, — что добренького хозяина можно обвести вокруг пальца, и теперь обращенная к нему речь ошеломила и ужаснула его. Он ползал на брюхе и едва мог выговорить два слова: «Добренький хозяин».

Фродо немного подождал, давая ему успокоиться, и сказал уже не так сурово:

— Что ж, Горлум, — или, может быть, Смеагорл, — расскажи мне, какой это другой путь, объясни, коли сможешь, чем он надежней того, который лежит передо мной. Поскорей только, я тороплюсь.

Но на Горлума жалко было смотреть: казалось, угрозы Фродо совсем его доконали. Какие там объяснения — он всхлипывал, скулил, снова и снова елозил по земле и умолял их обоих пожалеть «бедненького Смеагорла». Наконец он немного поутих, и Фродо мало-помалу вытянул из него, что если идти от Эфель-Дуата на запад, а потом свернуть к югу, то придешь на перекресток посреди густой рощи. Дорога направо ведет к Осгилиату и андуинским мостам, средняя — дальше на юг.

— Дальше, дальше, дальше, — повторял Горлум. — Мы по этой дороге никогда не ходили, но говорят, если пройти сто лиг, то увидишь Огромную Воду, которая не знает покоя. Там много-много рыбы, большие птицы ее ловят и едят — вкусненькие птицы, — только мы там, аххх, никогда не бывали, далеко очень. А еще дальше есть, говорят, совсем другие страны, но там Желтая Морда очень кусается, туч там почти никогда нет, а люди с черными лицами страшно свирепые. Мы туда не хотим идти.

— Не хотим, не хотим, — подтвердил Фродо. — И не пойдем, но тебя не туда занесло. Что третья дорога?

— Да-да, есть и третья дорога, — сказал Горлум, — дорога

налево. Она сразу идет в гору, петляет, заводит высоко-высоко в серую тень. А потом огибает черную скалу — и видишь, вдруг видишь прямо над собой, и хочешь скорее куда-нибудь спрятаться.

— Что видишь-то? Что прямо над собой?

— Старую крепость, очень старую, а теперь очень страшную. Было много сказок с юга, когда Смеагорл был маленький, давным-давно. Да-да, по вечерам сидели на берегу Великой Реки под ивами и рассказывали, рассказывали сказки, и Река тогда еще была совсем другая, *горлум, горлум.*

Он захныкал и забормотал. Хоббиты терпеливо ждали.

— Да, сказки с юга, — продолжал наконец Горлум, — про высоких людей с ясными глазами, про их каменные дома словно горы, про короля в серебряной короне и про Белое Древо — красивые сказки. Люди построили башни до небес, и выше всех была серебряно-белая, а в ней — Лунный камень, и кругом высокие белые стены.

— Это, наверно, Минас-Итил, Крепость Восходящей Луны, которую воздвиг Исилдур, сын Элендила, — заметил Фродо. — Тот самый Исилдур, что отрубил палец Врагу.

— Да-да, у него на черной руке только четыре пальца, — задрожав, сказал Горлум, — но ему и четырех хватает. Крепость Исилдура была ему ненавистна.

— Ему все ненавистно, — сказал Фродо. — Но нам-то зачем нужна Крепость Восходящей Луны?

— Хозяин, хозяин, она как стояла, так и стоит: высокая башня, белые дома и крепостная стена, — только крепость стала нехорошая, некрасивая. Тот захватил ее очень давно, и теперь там страшно-страшно. Кто ее видит, хочет уползти и подальше спрятаться, уйти от ее тени. Но хозяину придется идти этим путем, потому что другого нет. Горы там становятся ниже, старая дорога доходит до самых вершин, до темного перевала, а потом вниз, вниз, вниз — на Горгорот. — Он говорил шепотом и дрожал.

— Ну и что? — сказал Сэм. — Враг-то, поди, знает эти горы как свои четыре пальца, и уж, наверно, ту дорогу охраняют не хуже этой? Башня же не пустая стоит?

— Нет, она не пустая, — прошептал Горлум. — Кажется, что пустая, а она не пустая, нет! Там ужас кто угнездился. Орки, конечно, орки, они везде, но там хуже орков, гораздо хуже. Дорога идет под стенами, в тени, и ведет через ворота. И за дорогой следят, следят изнутри Безмолвные Соглядатаи.

— Ну, спасибо за совет, — сказал Сэм. — Это нам, значит, прогуляться на юг — да видать, не близко — и влипнуть еще похуже, чем здесь?

— Да нет же, нет, — сказал Горлум. — Пусть хоббиты подумают, пусть попробуют рассудить. Оттуда Тот никого не ждет. Око его везде шарит, но по-разному: он ведь покуда еще не может видеть все сразу. Он давно завоевал земли от Изгарных гор до реки, а теперь захватил мосты и думает, что до Лунной башни можно добраться только по мостам или на лодках, а лодки не спрячешь, и он их увидит.

— Ты-то больно много знаешь, что Тот думает да куда смотрит. Недавно с ним разговаривал, что ли? Или с орками якшался?

— Нехороший хоббит, глупенький, — отозвался Горлум, сердито сверкнув глазами на Сэма и опять обратившись к Фродо: — Смеагорл говорил с орками, конечно, говорил, прежде чем встретил хозяина, и не только с орками, со всеми говорил и расспрашивал: он в разные места ходил, Смеагорл. И сейчас повторяет, что ему сказали. Тот знает, что здесь, на севере, всего опаснее, потому и для нас это самый опасный путь. Однажды он выйдет из Черных Ворот, скоро выйдет — только отсюда можно выпустить большое войско. А там, на южном западе, он нападения не опасается, и там следят Безмолвные Соглядатаи.

— Час от часу не легче! — Сэм стоял на своем. — Пойдем, значит, туда, постучимся у ворот и спросим: извините, здесь вход в Мордор? Или они такие безмолвные, что и ответить не смогут? Зачем же тащиться за семь лиг киселя хлебать — уж тогда попробуем здесь за те же деньги.

— Шутить не стоит, — прошипел Горлум. — Совсем не смешно, нет-нет, вовсе не забавно! В Мордор идти незачем, но раз хозяин говорит: *«Мне надо, я пойду»*, — значит, надо искать путь. И через страшную крепость он не пойдет, нет, конечно же, нет. Смеагорл ему поможет, хоть Смеагорлу и не говорят, зачем надо в Мордор. Смеагорл все время помогает. Он сам отыскал. Только он знает.

— Что ты сам отыскал? — спросил Фродо.

Горлум припал к его ногам и снова зашептал:

— В горы ведет мимо крепости маленькая тропочка — к лестнице, к длинной, очень длинной узкой лестнице. Одна лестница, другая, третья, потом, — и шепот его стал едва слышен, — проход, темный-темный проход, за ним узкая расселина в скалах и еще тропочка — высоко-высоко над главным входом. Там Смеагорл спасся из тьмы, но это было много лет назад. Может быть, тропочки уже нет, а может, и есть, может, и есть.

— Ох, не нравится мне вся эта петрушка, — сказал Сэм. — Ишь ты, как, оказывается, просто: иди да посвистывай. Тропочка-то, может, и есть, да уж наверняка ее стерегут. Тогда ее стерегли, а, Горлум? — И при этих словах ему почудилось — или

нет? — зеленое мерцание в глазах Горлума. Горлум что-то глухо проворчал, но вслух ничего не ответил.

— Стерегут или нет? — строго спросил Фродо. — А ты вправду *спасся* из тьмы, Смеагорл? Разве тебя не отпустили, не отпустили с поручением? Так считал Арагорн — тот, который изловил тебя у Мертвецких Болот.

— Это ложь! — прошипел Горлум, и глаза его зажглись злобой при имени Арагорна. — Он оболгал меня, да, оболгал. Я сам спасся. Да, мне велено было искать Прелесть, и я ее искал и искал, а как же иначе. Но не для Того, не для Черного. Прелесть — наша, она была моя, говорю вам. Я спасся сам.

Фродо был до странного уверен, что тут Горлум, может быть, не так уж и врет, что он и вправду отыскал лазейку из Мордора и думал, что отыскал сам, без подсказки. К тому же Фродо заметил, что он говорил «я», а это случалось при редких проблесках забытой честности и правдивости. Но пусть даже Горлум и не врал, Фродо памятовал о коварстве Врага. «Спасение» это могло быть подстроено с ведома и позволения Саурона. К тому же Горлум явно что-то недоговаривал.

— Я тебя еще раз спрашиваю, — сказал он, — стерегут или нет твою тайную тропу?

Но самое имя Арагорна было Горлуму что нож острый, и обозлило сомнение в его правдивости, вдвойне обидное для лжеца, когда ему случится сказать правду или полуправду. Он не отвечал.

— Стерегут? — настаивал Фродо.

— Да-да, может, и стерегут, — буркнул Горлум. — Здесь все под надзором. Но иначе хозяин нигде не пройдет, тогда пусть уходит домой.

Больше из него не удалось вытянуть ни слова. Название этого высокогорного прохода он утаил или не знал.

А назывался он Кирит-Унгол, и слава у него была дурная. Арагорн объяснил бы им, что это имя значит, Гэндальф остерег бы их. Но с ними не было ни того, ни другого, оба они стояли среди развалин Изенгарда на ступенях Ортханка, и Гэндальф, теряя время, разделывался с предателем Саруманом. Однако, даже когда Гэндальф изрекал свой приговор и *палантир* расколол гранитные ступени, он искал мыслью Фродо и Сэммиума, чтоб их ободрить и поддержать.

Может быть, Фродо, сам того не зная, почувствовал эту незримую опору, как было на Овиде, хоть он и думал, что Гэндальф погиб, канул в бездну далекой Мории. Он долго молча сидел, склонив голову и тщетно перебирая в памяти наставления Гэндальфа: годных на этот случай не находилось. Увы, слишком рано покинул их мудрый вожатый, еще далеко было

до здешнего сумрачного края. Ничего не говорил Гэндальф о том, как пробраться в Мордор, да и что бы он мог посоветовать? Когда-то он проник в Дул-Гулдур, северную цитадель Врага. Но бывал ли он в Мордоре, возле Барад-Дура и огнедышащей горы, после воцарения Саурона? Вряд ли. И вот ему, невысоклику из Хоббитании, простому деревенскому хоббиту, надо быть смелее и находчивее магов и витязей. Злая выпала ему доля. Но не сам ли он избрал ее прошлогодней весной в своей уютной гостиной — так давно, будто это было на заре мирозданья, когда еще стояли в цвету Серебряное и Золотое Древа? Худой у него выбор. Какой путь предпочесть? И если на том и на другом подстерегают последний ужас и смерть, что толку выбирать?

Тянулся день. Над их серой ложбинкой в двух шагах от Ворот царства ужасов плотным пологом нависла незыблемая тишь. Высокое бесцветное небо в дымных разводах виднелось как сквозь тускловатую водяную толщу.

Никакой орел из поднебесья не различил бы притаившихся хоббитов, молчаливых и неподвижных, закутанных в серые плащи. Может быть, он углядел бы распростертого на земле Горлума: должно быть, трупик изголодавшегося человеческого детеныша, едва прикрытый лохмотьями, одна кожа да кости — незавидная добыча!

Фродо уткнулся лицом в колени, а Сэм откинулся на спину, заложив руки за голову и глядя из-под капюшона в пустые небеса. Пустовали они долго, но потом Сэму почудилось, будто над ними парит на страшной высоте черная птица — не птица, покружилась и улетела. Вторая, третья... четвертая. Они были еле-еле видны, но он-то знал, невесть откуда, что они громадные, как драконы, с широким размахом крыл. Он быстро опустил веки и перекинулся навзничь. Вещий страх и жуткую оторопь, что вызывали у него Черные Всадники, замогильный вой ветра и тень, затмевавшая луну, он испытал и сейчас, но как бы мельком — угроза была отдаленная. Однако же явственная — ее ощутил и Фродо. Мысли его прервались, он вздрогнул, но не поднял лица. Горлум подобрался, точно перепуганный паук. Крылатые тени завершили облет и метнулись к себе в Мордор. Сэм облегченно вздохнул.

— Опять эти Всадники носятся по воздуху, — глухо прошептал он. — Я их видел. А вы как думаете, могут они нас увидеть, да еще с такой высоты? Те-то Черные Всадники вроде бы днем были слепые?

— Вроде бы так, — сказал Фродо. — Кони у них зато были зрячие. А эти их твари, чего доброго, видят лучше всякой хищной птицы — они на стервятников и похожи. Что-то они высматривают — Враг насторожился.

Страх исчез, но и полога безмолвия как не бывало, им казалось, будто они на невидимом островке, а теперь полог сдернули, и гибель опять грозила со всех сторон. И все же Фродо не отвечал Горлуму, он еще не сделал выбора. Глаза его были закрыты: то ли он дремал, то ли советовался сам с собой, ждал подсказки сердца и памяти. Наконец он шевельнулся и встал; казалось, сейчас прозвучит решительное слово. Но он сказал:

— Слышите? Что это такое?

Было чего испугаться: послышались пение и грубые окрики, сначала вдали, потом все ближе и ближе. Оба сразу подумали, что это за ними, что Черные Летуны их высмотрели, и ничуть не удивились молниеносной быстроте — то ли еще могут страшные слуги Саурона! Припав к земле, они прислушивались. Совсем близко звучали голоса, лязгало оружие, бренчала сбруя. Фродо и Сэм взялись за мечи — бежать было некуда.

Горлум по-паучьи подполз к краю ложбины, осторожно выглянул, не выставляя головы, между камнями и повис, неподвижный, бесшумный. Вскоре голоса стали удаляться и наконец стихли. На стене Мораннона затрубил рог. Горлум отцепился и ящеркой скользнул на дно ложбины.

— Люди идут и идут в Мордор, — сказал он. — Чернолицые люди. Мы раньше таких людей не видели, нет, Смеагорл таких свирепых не видел. У них черные глаза и длинные черные волосы, а в ушах золотые кольца; да, много всякого золотца на них, красивенького золотца. С красными, раскрашенными щеками, в красных плащах, и флаги у них красные, и наконечники копий. А щиты круглые, желтые и черные, с большими шипами посредине. Нехорошие люди: сразу видно, злые и жестокие. Гаже орков и гораздо больше. Смеагорл думает, что они с юга, с того конца Великой Реки: они пришли по южной дороге. Идут к Черным Воротам, и за ними, наверно, придут еще другие. Все время люди идут в Мордор. Когда-нибудь все люди будут в Мордоре, никого не останется.

— А олифантов с ними не было? — полюбопытствовал Сэм, развесив уши и позабыв всякий страх.

— Нет, не было олифантов. Кто это — олифанты? — спросил Горлум.

Сэм встал, заложил руки за спину (он всегда так делал, когда «говорил стихи») и начал:

Я серый, как мышь.
Спина моя выше крыш.
Нос у меня, как змея.
Дрожит подо мною земля.
Я на травке пастись люблю —
Невзначай деревья валю.
Ножищами топ да топ,

Ушищами хлоп да хлоп,
А спать никогда не ложусь.
Я тысячу лет брожу,
Брожу сто веков подряд,
Из пасти рога торчат.
Олифантом зовуся я,
В самых южных живу краях.
Я древней всех зверей,
Всех огромней и всех мудрей.
Коль случится меня увидать —
Увидать захочешь опять.
А коль увидать не случится —
Будешь врать, что я небылица.
А я олифантом зовусь
И спать никогда не ложусь.

— Вот, — сказал Сэм в заключение, — такие вот стишата я слышал у нас в Хоббитании. Может, и чепуха все это, а может, и нет. У нас ведь тоже сколько хочешь сказок и россказней про южные края. Бывало, раньше иной хоббит нет-нет да и раскачается, спутешествует куда глаза глядят. Кое-кто так и пропал, а которые возвращались, тем веры не было: одно дело — «пригорянские новости», другое — «припечатано в Хоббитании», как говорится. Слыхивал я рассказы про черных Громадин из солнечных стран. У нас они зовутся смуглинги, и воюют они будто бы верхом на олифантах. Олифанты носят на спине дома и башни и швыряются деревьями и камнями. Как ты сказал: «Люди с юга, раскрашенные и золотом обвешанные», так у меня само с языка сорвалось: «А олифантов не было?» Потому что, если бы были, я бы сунулся поглядеть, и пропадай моя головушка. Но, может, и правда нет таких зверей на свете. — Он вздохнул.

— Нет, не было с ними олифантов, — повторил Горлум. — Смеагорл про них никогда не слышал и видеть их не хочет. Смеагорл не хочет, чтобы такие звери были на свете. Он хочет скорее уйти отсюда и спрятаться получше. Смеагорл хочет, чтобы хозяин пошел с ним вместе. Добренький хозяин, он пойдет со Смеагорлом?

Фродо встал. Как он ни был озабочен, а все же рассмеялся, когда Сэм читал старинные детские стишки про «олифанта», и смех помог ему решиться.

— Эх, нам бы тысячу олифантов и вперед бы пустить самого белого, а на нем — Гэндальфа, — сказал он, — тогда бы, глядишь, и пробились в эту проклятую страну. Но у нас олифантов нету, есть только усталые ноги, на которые вся надежда. Что ж, Смеагорл, три — счастливое число. Где там твоя третья дорога? Давай веди.

— Хороший хозяин, умный хозяин, добренький хозяин! —

радостно восклицал Горлум, обнимая колени Фродо. — Самый хороший хозяин! Отдохните, добренькие хоббиты, только схоронитесь под камушками, чтоб вас совсем-совсем было не видно! Полежите, поспите, пока Желтая Морда не уберется. Тогда мы быстренько пойдем. Побежим тихонько и быстренько, как тени!

Глава IV

КРОЛИК, ТУШЕННЫЙ С ПРИПРАВАМИ

Остаток дня отдыхали, прячась от солнечного света, и, лишь когда тени удлинились и ложбину затопило сумраком, собрались в дорогу, немного поели и выпили глоток-другой воды. От путлибов Горлум по-прежнему воротил нос, но от воды не отказался.

— Скоро напьемся вдоволь, — сказал он, облизывая губы. — Хорошая вода течет с гор к Великой Реке, вкусная водица там, куда мы идем. Там Смеагорл авось и покушенькает. Он очень голодноющий, очень, *горлум*!

Он приложил широкие плоские лапы к ввалившемуся животу, и в глазах его вспыхнул зеленоватый блеск.

В густых сумерках они подползли к западному краю ложбины, выскочили и припустились рысцой по взрытой, покореженной земле вдоль дорожной обочины. До полнолуния оставалось трое суток, но яркая луна выглянула из-за гор не раньше полуночи, и сперва было очень темно. Клык Мордора буровил темноту красным лучом — больше ничего не видать было и не слыхать, но бессонная стража Моранноиа уж наверняка отовсюду смотрела.

Красный луч, точно одноглазый взгляд, преследовал беглецов, спотыкавшихся на каменистой пустоши. Выйти на дорогу они не смели, держались слева от нее, по возможности неподалеку. Наконец уже на исходе ночи, когда они изрядно утомились (только разок немного передохнули), луч стал огненной точкой и совсем исчез — его заслонил темный хребет нижнего кряжа: дорога свернула на юг.

На сердце полегчало, и они опять рискнули присесть, хотя Горлуму и не сиделось. По его прикидке, от Моранноиа до распутья близ Осгилиата было около тридцати лиг, и он хотел их осилить за четыре ночных перехода. Они снова побежали, оступаясь на каждом шагу, но уже светало, и пустынное серое угорье все более обнажалось. Почти восемь лиг было пройдено, и хоббиты вконец выбились из сил, да и рисковать не стоило.

Взгляду их открывалась земля не столь запущенная и опоганенная, как у Ворот Мордора. Слева по-прежнему грозно нависали горы, но южная дорога, завидневшаяся поблизости, уходила наискосок, к западу от сумрачных подножий. Темные купы деревьев вверху на склонах казались осевшими клочьями туч, а впереди простиралась диковатая пустошь, заросшая вереском, ракитником, кизилом и всяким иным незнакомым кустарником. Там и сям высилось несколько сосен. Усталые хоббиты приободрились: воздух был свежий и душистый, и все вместе напоминало им холмы далекого Северного удела. Ужасы отошли в будущее, а пока что они брели по земле, которая лишь недавно подпала под владычество Саурона и Черный Властелин еще не успел ее изгадить. Но хоббиты не забывали, что клыкастая пасть его пока совсем неподалеку, хотя и спрятана за угрюмыми вершинами, и подыскивали какое ни на есть укрытие на опасное дневное время.

День был томительный. Они лежали в зарослях вереска и кое-как коротали медленные дневные часы; тень Эфель-Дуата давила на них, солнце скрывалось в серых тучах. Фродо временами засыпал, спокойно и глубоко, то ли доверяя Горлуму, то ли от усталости не желая о нем думать, а Сэм дремал вполглаза, даром что Горлум дрыхнул, гад, без задних ног, всхрапывая и дергаясь, — за такие сны ему бы голову оторвать. По правде-то, не спалось ему не из-за Горлума, а из-за голода: очень хотелось поесть по-домашнему, какой-нибудь горячей стряпнятинки.

Когда окрестность утонула в серой мгле, они тронулись в путь. Вскоре Горлум спустился на дорогу, и они зарысили быстрее, хоть и не без опаски. Держали ушки на макушке: не раздастся ли стук копыт, тяжелая поступь спереди или сзади? Но не слышно было ни копыт, ни поступи — ночь прошла спокойно.

Дорогу проложили в давние времена, и миль на тридцать от Моранноиа она была уложена заново, но южнее изрядно заросла. Строили ее мастера своего дела: ровная и прямая, она врезалась в каменные откосы, взбегала на широкие прочные арки над ручьями, но постепенно исчезали всякие следы кладки, разве что высунется сбоку из кустов сломанный столб да проглянет обомшелая, затравенелая плита. Косогор за обочинами, как и сама дорога, зарос деревьями, вереском, папоротником. Большак превратился в заброшенный проселок, однако же прямой как стрела — он вел их к цели самым коротким путем.

Так вышли они на северную окраину земли, которую люди некогда звали Итилией, — лесистое, ручьистое всхолмье. Луна уже почти округлилась, высыпали звезды; воздух благоухал все гуще, и Горлуму это было явно не по нутру: он фыркал и злобно

ворчал. Первые лучи рассвета застигли их в конце долгой, глубокой, крутосклонной ущелины, напрямую прорезавшей встречный утес. Они вскарабкались на западный склон и огляделись.

В небе занималась заря, и они увидели, что горы отодвинулись, изогнувшись к востоку и теряясь вдали. На западе плавно уходили вниз подернутые дымкой пологие склоны. Дышали смолой хвойные рощи: пихты, кедры, кипарисы и еще другие деревья, неизвестные в Хоббитании; светились широкие прогалины. И повсюду росли душистые травы и раскинулся кустарник.

Сколько несчитанных миль прошли они на юг от Раздола и от родных мест, но лишь здесь вполне ощутили наступление весны. Весна хозяйничала напропалую: сквозь мох и плесень повсюду пробивались ростки, лиственницы зазеленели, из травы светло выглядывали изумленные цветы, и вовсю распевали птицы. Итилия, запущенный сад Гондора, дивила и радовала своей красотой.

На юге и на западе тянулись теплые долины Андуина, закрытые с востока хребтом Эфель-Дуата, однако удаленные от его тени, а с севера их защищало Привражье, и только с дальнего юга свободно прилетали и резвились теплые ветерки. Вокруг огромных, давным-давно посаженных, а нынче неухоженных деревьев весело разрастался молодняк: полонил землю душистый тамариск, росли маслины и лавры, можжевельник и мирт, кустился чебрец, извилистыми ветвями заслоняя проросшие плиты, шалфей цвел синими цветками, цвел красными, бледно-зелеными, были тут душица и свежая невзрачница и еще много разных трав, о которых Сэм понятия не имел. Провалы и каменистые скаты заросли камнеломкой и заячьей капустой. Очнулись и выглянули туберозы и анемоны, асфодель и другие лилейные цветы кивали полураскрытыми бутонами, и густой пышно-зеленой травой поросли пруды, в которых задерживались прохладные горные струи на пути в Андуин.

Беглецы спустились вниз от дороги в зеленую гущу и с головой окунулись в запах духовитых трав и кустарников. Горлум кашлял и отплевывался, а хоббиты дышали полной грудью, и вдруг Сэм засмеялся — от радости, а не оттого, что было смешно. Они спускались вдогонку за речными струями, и быстрая речушка привела их в неглубокую лощину; там был обветшалый каменный водоем. Резные мшистые его края заросли шиповником, кругом рядами выстроились нежные ирисы, а на темной зыбкой поверхности колыхались кувшинки; свежая, чистая вода изливалась по желобу.

Они умылись, напились и стали немедля искать укромное

местечко для отдыха: это все ж таки были вражеские владения. Недалеко отошли от дороги и сразу наткнулись на военные увечья — застарелые и свежие шрамы земли: может, орки постарались, а может, еще какие Сауроновы лиходеи. Смердела незарытая отхожая яма, валялись древесные стволы, исчерканные мордорскими рунами, меченные грубым и страшным знаком Ока.

Сэм разведал сток, обнюхал и потрогал незнакомые деревья, не говоря уж о кустиках и травах. За этим занятием он про близкий Мордор и думать забыл, но тот напомнил о себе сам: Сэм чуть не провалился в изгарную яму, в кучу обожженных, изрубленных костей и черепов. Яма уже заросла вереском, шиповником, ломоносом, зелень затянула следы недавнего побоища. Сэм поспешил обратно, но открытие свое утаил: не хватало еще, чтобы голодный Горлум полез ворошить и обгрызать мертвые кости.

— Поищем местечко поуютнее, — сказал он. — Только не внизу. Чем выше, тем лучше.

И точно, над озерцом обнаружилась темно-бурая поросль прошлогоднего папоротника. Выше склон зарос темно-зеленым лавром, а вершину крутого холма венчал старый кедрач. Решено было забраться в папоротники и скоротать там наступающий день, по-видимому, теплый и ясный. Идти бы и идти по рощам и полянам Итилии, тем более что и орки не любят дневного света; ну а вдруг они отсиживаются где-нибудь в темных тайниках и следят оттуда? И кроме них, есть кому следить: у Саурона соглядатаев хватает. Да и все равно Горлум не потерпит Желтой Морды в небесах, а она вот-вот выглянет из-за кряжей Эфель-Дуата и начнет, назло Горлуму, светить и греть.

Сэм шагал и раздумывал о своем — о еде. В растреклятые Ворота соваться теперь не надо, и он снова посетовал на беспечность и недальновидность хозяина. Вообще кто там знает, что дальше будет, а эльфийские дорожные хлебцы не худо бы приберечь про черный день. С тех пор как он подсчитал, что запасу у них в обрез на три недели, прошло уж целых шесть дней.

«Это еще хорошо, ежели не припозднимся! — соображал Сэм. — А потом что — лапу сосать? Потом ничего не будет! А ну как будет?»

К тому же он после длинного ночного перехода, напившись и искупавшись, был еще голоднее обычного. Ужин или же завтрак на старой кухне в Исторбинке пришелся бы сейчас в самый раз. Тут его осенило, и он поглядел па Горлума. Тот встал на карачки и принюхивался, готовясь выползти из папоротников.

— Эй, Горлум! — позвал он. — Куда собрался? На добычу? Вот что, скорохват-руконог: ты от нашей еды нос воротишь, да

и мне она поднадоела. А ты нынче так и рвешься помогать. Может, добудешь что-нибудь на зуб голодному хоббиту?

— Может быть, может быть, — сказал Горлум. — Смеагорл всегда помогает, если его ласково попросят.

— Ну так я тебя ласково попрошу, — сказал Сэм. — А если тебе этого мало, то попрошаю.

Горлум исчез. Фродо сгрыз полпутлиба, забрался поглубже в папоротник и уснул. Сэм пошел посмотрел, как ему спится. Еще только-только светало, но и лицо хозяина, и его устало вытянутые руки виднелись ясно. Он вдруг вспомнил, как Фродо все спал и спал в доме Элронда, оправляясь от смертельной раны. Тогда Сэм почти не отлучался от его постели и заметил, что он как-то вроде бы светится изнутри. Теперь-то уж точно светился. Ни страха, ни озабоченности не было в лице Фродо, красивом и постаревшем, точно минули не месяцы, а многие годы. Оно не изменилось, но тонкой сетью проступили на нем бесчисленные морщинки. Правда, Сэм Скромби думал не этими словами; он покачал головой — что, мол, тут скажешь! — и пробормотал:

- Люблю я его. Вот он такой и есть, как изнутри просвечивает. Да что там, люблю — вот и весь сказ!

Неслышно возвратился Горлум; взглянув на Фродо через плечо Сэма, он закрыл глаза и без единого слова отполз в сторону. Сэм через минуту подошел к нему и услышал жевание и бурчание. На земле подле него безжизненно вытянулись два небольших кроличка — он жадно косился на них.

Смеагорл всегда послушно помогает, — сказал он. — Он принес кроликов, вкусненьких кроликов. Но хозяин заснул, и Сэму небось тоже хочется спать? Он не будет сейчас есть кроликов? Смеагорл очень старается, но зверюшки не сразу ловятся.

Сэм был покамест согласен на кроликов, так он и сказал Горлуму. Правда, есть их сырьем он не собирался. Все хоббиты, само собой, умеют стряпать — их этому учат раньше, чем грамоте (которой, бывает, что и не учат), но Сэм даже по хоббитским меркам был повар хоть куда, и, сколько раз за время их путешествия что-нибудь стряпалось, столько раз стряпал Сэм. Даже когда они с хозяином сбежали налегке, он и то успел прихватить кой-какую утварь: маленькую трутницу, две плоские кастрюльки, одна в другой, деревянную ложку, двузубую вилку и несколько вертелов, а глубже и заботливее всего было припрятано в деревянной коробочке главное и невосполнимое сокровище — пригоршня соли. Однако надо было разводить огонь: вообще возни многовато, но того стоит. Сэм поразмыслил, достал кинжал, почистил, подточил его и принялся свежевать

кроликов. Спящего Фродо он не хотел оставлять без присмотра даже на пару минут.

— Слышь, Горлум, — сказал он, — у меня есть для тебя еще одно дело. Сходи-ка ты набери водицы в эти вот кастрюльки.

— Смеагорл сходит за водой, раз его просят, — сказал Горлум. — Но зачем хоббиту столько воды? Он напился, он умылся.

— За тем самым, — сказал Сэм. — Узнаешь, коль не догадываешься. Как воды принесешь, так сразу и узнаешь. Только смотри, за кастрюльки своей горлумской головой отвечаешь.

Пока Горлума не было, Сэм пошел снова взглянуть на Фродо. Тот по-прежнему мирно спал, и в этот раз Сэма особенно поразила худоба его лица и рук.

— Чересчур отощал, — ворчливо сказал он. — Будто и не хоббит вовсе. Ладно, вот сготовлю трусиков — и все-таки разбужу его.

Сэм набрал кучу сухого папоротника, слазил на гору и приволок хворосту; разлапистой кедровой ветви должно было хватить надолго. Он подрылся под холм и сварганил очажок, нащипал веточек, в два счета управился с огнивом, и заполыхало веселенькое пламя, почти не дымившее, а слегка благоухавшее. Он заслонял и подкармливал свой костерок, когда вернулся Горлум, осторожно неся полные кастрюльки и ворча себе под нос.

Он поставил воду, не расплескав, но вдруг увидел, чем занят Сэм, и издал сипловатый визг, рассерженный и испуганный враз.

— Аххх! Нет-ссс! — вскрикнул он. — Нельзя! С ума сошли глупые хоббитцы, да-да, совсем сошли с ума. Нельзя этого делать!

— Чего нельзя-то? — удивился Сэм.

— Нельзя распускать гадкие красные языки! — злился Горлум. — Огня нельзя, огня: он опасный! Он кусается, он жжется. Он выдаст нас врагам, обязательно выдаст!

— Да врял ли, — сказал Сэм. — Не выдаст, если не совать в костер сырые ветки. Ну а выдаст — значит, такая наша судьба, никуда не денешься. Мне надо трусиков сварить-потушить.

— Сварить кроликов! — взвизгнул Горлум. — Испортить чудесное мясцо, которое раздобыл и отдал Смеагорл, бедный голодненький Смеагорл! Зачем? Зачем, глупый хоббит? Они молоденькие, сочные, вкусненькие. Ешь их, ешь! — И он потянулся когтистой лапой за кроличьей тушкой, лежавшей на листьях у огня.

— Но-но, прибери грабки! — сказал Сэм. — На вкус и цвет товарищей нет. Ты вон отплевываешься от наших хлебцев, а мне сырой кролик в глотку не полезет. Ты мне трусиков от-

дал — и ладно, это уж мое дело, как их слопать. Хочу вот их потушить, и хоть ты тресни. Иди налови других и кушенькай их, как знаешь, только чтоб я не видел. Давай, давай, а то кому что глаза мозолит: тебе мой костерок, а мне тут один хмырь болотный. За огнем я пригляжу, он дымить не будет, не беспокойся.

Горлум с ворчанием уполз в папоротники, а Сэм занялся стряпней.

— Взять ту же крольчатину, — говорил он себе. — Что нужно хоббиту к ней в придачу? Травки-приправки, коренья-картохи, ну, хлеб само собой. А за травками-то, пожалуй, недалеко ходить. Горлум! — тихо позвал он. — Услужи, будь другом, в третий раз. Нарви мне кой-каких травок.

Горлум выставил голову из зарослей, но его физиономия не выражала ни дружелюбия, ни готовности к услугам.

— Лавровых листиков, тимьяна и шалфею — да скоренько, пока вода не закипела, — сказал Сэм.

— Нет! — сказал Горлум. — Смеагорл сердитый. И Смеагорл не любит вонючие листики. Он не ест всяких травок-кореньев, нет, моя прелесть, только если совсем-совсем голодный или если он заболел, бедненький Смеагорл.

— Если бедненький Смеагорл не будет слушаться, то вот сейчас вода вскипит и сильно его покусает, — пригрозил Сэм. — Злой Сэм ткнет его носиком в кипяточек, да, моя прелесть. Будь сейчас другое время года, ты у меня отыскал и нарыл бы брюквы, морковки, а может, и картох. Здесь наверняка много чего самосейкой растет. Эх, сейчас бы пяток картох!

— Смеагорл не пойдет никуда, он уже находился, да, моя прелесть, — прошипел Горлум. — Он боится ходить, и он очень устал, а хоббит плохой, гадкий, нехороший. Смеагорл не станет рыться в земле, искать коренья, морковки и картохи. Какие картохи, моя прелесть, какие такие картохи?

— Кар-то-фе-ли-ны, — сказал Сэм. — Жихарь в картошке души не чает, а уж ежели набить пустое брюхо, так лучше-то ничего и на свете нет. Картох тебе искать не надо, все равно не найдешь. Ты лучше будь послушненьким Смеагорлом и нарви мне травок, вот мы с тобой и поладим, а если не рассоримся по твоей милости, то я тебе как-нибудь сготовлю картошечки. Печеная рыбка с жареной картошечкой по рецепту С. Скромби — небось не откажешься.

— Нет, нет-ссс, откажемся. Нельзя печь, нельзя портить вкусненькую рыбку. Дай рыбку сейчас, и не надо мерзсской картошечки!

— Ну, с тобой толковать — это надо гороху наесться, — сказал Сэм. — Ладно, иди дрыхни!

В конце концов он обошелся и без Горлума: нарвал травоклистиков на пригорке неподалеку, даже не потеряв из виду спящего хозяина. Сидя у костра и подкладывая хворостинки, он размышлял так себе, ни о чем: вода что-то долго не закипала. Кругом разливался утренний свет, теплело с каждой минутой, роса обсохла на траве и на листьях. Кастрюльки с заправленной по-умному крольчатиной булькали над костром, и Сэм, пока суд да дело, чуть не заснул. Кролики тушились час или около того, он тыкал в них вилкой и время от времени пробовал бульон.

Наконец он признал блюдо готовым, снял кастрюльки с огня и пошел будить Фродо. Тот приоткрыл глаза, увидел стоящего над ним Сэма и расстался с мирными, милыми, нездешними сновидениями.

— Сэм, ты чего? — проговорил он. — Почему не спишь? Что-нибудь стряслось? Сколько времени?

— Да уж часа два как рассвело, — сказал Сэм. — У нас в Хоббитании примерно полдевятого. Пока ничего не стряслось. Хотя как сказать: ни тебе кореньев, ни лука, ни картох. Тут я кое-что потушил, сударь, и бульончик имеется — подзаправьтесь малость. Из кружки, что ль, будете? А можно прямо из кастрюльки, вот только остынет. Тарелок-то нет, все сикось-накось.

Фродо зевнул и потянулся.

— Ты бы лучше отоспался, Сэм, — сказал он. — И костер здесь разводить не надо бы. Но я, правда, жутко голодный. Хмм! — Он потянул носом. — Даже отсюда пахнет. Что это ты состряпал?

— Да Смеагорл расщедрился, — сказал Сэм. — Отвалил нам парочку крольчат, теперь небось локти кусает. Но к ним — ничегошеньки, спасибо хоть нашлось, чем приправить.

Они устроились поудобнее и принялись уплетать мясо из кастрюлек, орудуя на пару ложкой и вилкой. Разломили и сжевали еще один путлиб — словом, пир, да и только.

— Фью-уу! Горлум! — присвистнув, позвал Сэм. — Иди сюда! Передумывай, пока не поздно. Отведай тушеной крольчатинки, тут еще порядком осталось.

Но ответа не было.

— Делать нечего, придется доедать, — вздохнул Сэм. — Да он себя не обидит: я думаю, пошел по свежатинку.

— И теперь уж давай поспи, — сказал Фродо.

— Я, так и быть, сосну, а вот вы, сударь, не дремлите. С ним надо держать ухо востро. Он же все-таки наполовину Вонючка,

ну, вы меня поняли, прежний Горлум-лиходей, а сейчас вроде как больше чем наполовину. Сперва-то он, будьте уверены, меня попробует придушить. Худо мы с ним ладим, не нравится ему Сэм, нет-ссс, моя прелесть, ссовсем не нравится.

Они вылизали кастрюльки, и Сэм пошел вниз к ручью мыть посуду, домыл, встал на ноги и оглядел пригорок. Солнце как раз поднялось над дымным облаком или туманным маревом — над вечно затененными горами — и озарило золотистым светом деревья и лужайки. Вверху, над рощицей, вилась как нельзя более заметная под солнцем тонкая струйка сероватого дыма. Он вздрогнул и понял, что это дымит его костерок, который он толком не загасил.

— Хорош, нечего сказать! Вот недотепа! — пробурчал он и бегом припустил назад, но вдруг остановился и насторожил уши. Свистнули — или почудилось? Может, какая здешняя птица? А если свист, то не со стороны, где Фродо. Тут раздался ответный свист, совсем уж с другой стороны. Сэм помчался опрометью.

Оказалось, головешка подпалила кучку папоротника возле костра и затлелась подсохшая трава. Он поспешно затоптал огонь, разбросал золу и завалил очажок дерном. И пополз к Фродо.

— Слышали свист и потом ответный? — спросил он. — С минуту-другую назад? Хорошо бы это были птицы, да что-то не похоже: скорее перекликаются по-птичьи. А тут еще мой костерок дымить вздумал! Стрясется из-за меня беда — никогда себе этого не прощу, ежели нас сразу не укокошат!

— Чшшш! — шепнул Фродо. — Кажется, голоса.

Хоббиты мигом увязали и навьючили котомки, отползли подальше в заросли и притаились.

Теперь уж не стало сомнений, что это голоса: негромкие, осторожные, но близкие, все ближе и ближе. Внезапно кто-то сказал совсем рядом:

— Вот след костра! Дым отсюда шел. Далеко он убежать не мог: должно быть, засел в папоротниках. Сейчас мы его словим, как кролика, и разберемся, что это за птица!

— И вытянем из него всю подноготную! — отозвался другой голос.

Четыре человека вошли в заросли с разных сторон. Бежать было некуда, прятаться поздно: Фродо и Сэм вскочили на ноги и стали спина к спине, выхватив мечи.

Но ловчие были изумлены куда больше, чем дичь. Четыре рослых воина остановились как вкопанные. Двое держали в руках копья с широкими светлыми жалами. У других двоих были луки в человеческий рост и колчаны с длинными зеленоперыми стрелами. Мечи на бедре у каждого. Пятнистое буро-зе-

леное облачение, видимо, служило для маскировки, затем же зеленые рукавицы, зеленые капюшоны и повязки на лицах. Видны были одни глаза, ясные и яркие. Фродо сразу припомнился Боромир: эти люди походили на него ростом, статью и речью.

— Кого искали, того не нашли, — сказал один. — А кого мы нашли?

— Это не орки, — сказал другой, отпустив рукоять меча, за которую взялся при виде Терна в руке Фродо.

— Может, эльфы? — неуверенно вымолвил третий.

— Нет! Это не эльфы, — заметил четвертый, самый высокий и, судя по осанке, их предводитель. — Эльфы больше в Итилию не заходят. К тому же, как известно, эльфы — народ дивной красоты.

— Видать, мы вас своей красотой не удивили, — сказал Сэм. — Спасибо на добром слове. А вы, может, перестанете нас обсуждать, представитесь сами и объясните, зачем помешали отдыху двух усталых странников?

Высокий воин в зеленом угрюмо рассмеялся.

— Я Фарамир, военачальник Гондора, — сказал он. — Странников в здешних местах не бывает: либо вы служите Черным Силам, либо Светлым.

— Однако же ни то, ни другое не верно, — сказал Фродо. — При всем уважении к военачальнику Фарамиру мы тем не менее странники.

— Тогда немедля объявите, кто вы такие и куда путь держите, — сказал Фарамир. — Нам некогда разгадывать загадки или обмениваться любезностями. Да! И где третий ваш спутник?

— Третий?

— Да, такой вороватый молодчик: он мочил нос в пруду, вон там. Довольно гнусного вида существо. Верно, из породы орков-соглядатаев или их подручный. Но он каким-то чудом исхитрился от нас улизнуть.

— Не знаю, где он, — сказал Фродо. — Он наш случайный спутник, и я за него не в ответе. Но если он вам еще попадется, пощадите его: приведите или отошлите к нам. Это жалкая, заблудшая тварь, меня свела с ним судьба. Что же до нас, то мы — хоббиты из Хоббитании, северо-западного края за многими реками. Меня зовут Фродо, сын Дрого, а это Сэммиум, сын Хэмбриджа, достойный хоббит, взятый мною в услуженье. Мы пришли издалека — из Раздола, или Имладриса, как он иначе зовется. — Тут Фарамир насторожился и стал слушать очень внимательно. — С нами было еще семеро; один погиб в Мории, с другими мы расстались в Парт-Галене за Рэросом: двое из них нашей породы, а еще — гном, эльф и два человека, Арагорн и Боромир из южного града Минас-Тирита.

— Боромир! — воскликнули все четверо.

— Боромир, сын наместника Денэтора? — сказал Фарамир, и лицо его странно посуровело. — Вы шли с ним? Это поистине новости, если это правда. Знайте же, малютки-странники, что Боромир, сын Денэтора, был Верховным Стражем Белой Крепости и нашим воеводою — худо приходится нам без него. Так почему же вы оказались в одном отряде с Боромиром? Отвечайте скорее, солнце уже высоко!

— Тебе ведомы слова, за разгадкой которых Боромир отправился в Раздол? — отвечал вопросом Фродо.

Но в Имладрисе скуют опять
Сломанный меч вождя...

— Слова эти мне ведомы, — с удивлением сказал Фарамир. — И то, что они ведомы вам, говорит в вашу пользу.

— Так вот, Арагорн, о котором я упоминал, — владелец Сломанного Меча, — сказал Фродо. — А мы — невысоклики, о нас там тоже шла речь.

— Вижу, — задумчиво сказал Фарамир. — Вернее, вижу, что может быть и так. А Проклятие, которое добыл в бою Исилдур, — это что?

— Это пока сокрыто, — ответствовал Фродо. — Со временем, вероятно, разъяснится.

— Придется вас толком допросить, — сказал Фарамир, — а то все же непонятно, как вы забрели так далеко на восток и блуждаете в тени... — Он указал рукой и не стал называть горы. — Но это все потом, сейчас нам недосуг. Вам грозила гибель, недалеко прошли бы вы по этой дороге или окрестными холмами. Сегодня здесь будет большая сеча, и либо мы из нее не выйдем живыми, либо разгромим неприятеля и быстро отступим к Андуину. Я оставлю с вами двоих, для вашей охраны и ради моего спокойствия. Безрассудно доверять случайным встречным на здешних дорогах. Если я вернусь, поговорим подробнее.

— Прощай же! — сказал Фродо, низко поклонившись. — Думай обо мне как знаешь, но я в дружбе со всеми, кто воюет против общего врага. Мы пошли бы на бой, если бы столь могучие и доблестные мужи, как вы, не побрезговали нашей помощью, а я бы мог пренебречь своим поручением. Да воссияют ваши мечи!

— Что ни говори, а невысоклики — народ учтивый, — усмехнулся Фарамир. — Прощай!

Хоббиты снова уселись, но поверять друг другу мысли и сомнения не стали: рядом, в рассеянной тени лавров, стояли двое стражей. Они то и дело снимали повязки с лица — уж очень

па́рило, — и Фродо видел светлокожих, темноволосых и сероглазых мужчин, полных достоинства и суровой печали. Разговаривали они вполголоса, сперва на всеобщем языке, но как-то по-старинному; потом зазвучало иное наречие. Фродо ушам не поверил, услышав эльфийский язык, правда, немного измененный, и принялся удивленно разглядывать воинов, ибо понял, что они — южные дунаданцы, потомки властителей Заокраинного Запада.

Наконец он решился заговорить с ними, они отвечали медлительно и немногословно. Звали их Маблунг и Дамрод, они были дружинниками Гондора, итильскими Следопытами, ибо их предки жили в Итилии, покуда она не была завоевана. Из таких, как они, наместник Денэтор составил передовые отряды, воины-Следопыты втайне переправлялись через Андуин (где и как, они, конечно, не сказали) и набегами громили и рассеивали орков и прочую солдатню Саурона между Великой Рекой и Эфель-Дуатом.

— Отсюда до восточного берега Андуина около десятка лиг, — сказал Маблунг. — Так далеко мы редко заходим. Но нынче случай особый: подкарауливаем хородримцев, будь они сто раз неладны!

— Да, беда с этими южанами! — подтвердил Дамрод. — Говорят, в старину Гондор даже торговал с хородскими царьками, хотя дружбы с ними никогда не было. Прежде владычество Гондора простиралось до устьев Андуина, и Умбар, самое ближнее их царство, был вассальным. Но это дела давние, много жизней утекло с тех пор. Умбар отложился, о прочих долго ничего не было известно. Лишь недавно узнали мы, что Враг соблазнил их посулами власти и наживы и они ему предались — издавна, как многие царства Востока, склонялись они к нему. Увы, дни Гондора сочтены, и недолго выстоят стены Минас-Тирита, ибо велико могущество Врага и непомерна его злоба.

— Но все же мы не сидим сложа руки и, сколько можем, препятствуем его умыслам, — сказал Маблунг. — Треклятые южане выслали огромное войско, будто без них мало полчищ собрал за стенами Мордора властелин Черного Замка, и оно шествует по древним дорогам, когда-то проложенным мастерами-строителями Гондора. Идут в открытую, не стерегутся: видно, уповают на могущество своего нового владыки, думают, что одна тень его воли оборонит их. Ну, мы их немного проучим. Несколько дней назад нас оповестили, что войско их на подходе и передовой отряд появится еще до полудня там, наверху, где развилиной проходит большак. Большак-то проходит, а они не пройдут. Фарамир их не пропустит: он теперь наш всегдашний предводитель в смертельных схватках. Но его смерть минует и судьба щадит — может статься, для горшей участи.

Разговор прервался: все замолкли и прислушались. Застыла настороженная тишь. Сэм выглядывал из своего папоротникового укрытия и зорким хоббитским глазом видел, что люди кругом прибывали и прибывали: крались по склонам в одиночку или длинными вереницами, хоронясь близ лесочков и рощиц, иные пробирались по траве и сквозь кустарник, почти невидимки в своем пятнистом буро-зеленом облачении. Все были в нахлобученных капюшонах, в зеленых рукавицах и вооружены, как Фарамир и его спутники. Прошли и бесследно исчезли средь бела дня. Высоко стояло полуденное солнце. Тени укоротились.

«Где-то наш оглоед Горлум? — подумал Сэм, забираясь в папоротник поглубже, чтоб не припекало. — Примут его за орка — мокрого места не оставят. А тут еще Желтая Морда так и норовит изжарить. Ну, ему к переделкам не привыкать, авось уцелеет».

Он разлегся возле Фродо, задремал — и проснулся от дальнего пения рогов. Проснулся, сел и огляделся: солнце светило вовсю и пекло немилосердно, их стражи замерли начеку в тени деревьев. Рога затрубили громче — и совсем неподалеку, на горе. Сэму послышались боевой клич и дикие вопли, но это подальше, словно из какой-то пещеры. Потом грохот битвы докатился до них — казалось, дерутся почти рядом. Сталь скрежетала о сталь, мечи со звоном врубались в железные шлемы и глухо ударяли о щиты, крики мешались с отчаянным визгом, и разносился громозвучный клич: *Гондор! Гондор!*

— Будто сто кузнецов враз за работой, — сказал Сэм Фродо. — Ближе-то лучше бы не надо.

Но битва еще приблизилась.

— Вот они! — крикнул Дамрод. — Глядите-ка! Десяток-другой южан прорвал засаду: бегут вниз с дороги. Удирают со всех ног, а наши не отстают, и Фарамир впереди всех!

Сэм не пожелал упустить зрелище, пошел к стражам, влез на высокий лавр и увидел, как смуглые люди в красном сломя голову мчатся по склону, а за ними — зеленые воины, с маху рубя их на бегу. Тучей летели стрелы. Вдруг с пригорка над их убежищем рухнул, ломая деревца, человек и чуть не придавил Фродо, распластавшись лицом вниз за несколько футов от него. Зеленоперые стрелы торчали из-под золотого наплечника, алый плащ был изорван, медный пластинчатый панцирь разрублен, черные космы, переплетенные золочеными нитями, намокли от крови. Его коричневая рука сжимала рукоять сломанного меча.

Так Сэм впервые увидел, как страшно люди бьются друг с другом, и ему это очень не понравилось. Он был рад, что хоть мертвого лица не видно. «Интересно, — подумал он, — как его звали, откуда он родом, злое у него было сердце или же его обманом и угрозами погнали в дальние края. Может, ему вовсе не хотелось воевать, и он лучше остался бы дома». Но эти мысли унеслись точно дым, ибо едва Маблунг шагнул к мертвецу, как накатился неимоверный грохот. Голосили, вопили, орали, но все заглушал трубный вой, а потом землю сотряс топот, будто рушились тяжеленные бревна.

— Берегись! Берегись! — крикнул другу Дамрод. — Оборони нас валары! Мумак! Мумак!

С изумлением, ужасом и восторгом увидел Сэм громадного зверя, сметающего деревья на пути вниз. Огромный, как дом, да нет, куда больше любого дома, он показался хоббиту живой горой в серой коже. У страха глаза велики, а он их вдобавок разинул, но хородский мумак и вправду был зверем невиданной величины, теперь таких в Средиземье уже не осталось, нынешняя его отдаленная родня — пигмеи рядом с ним. Он мчался прямо на них, но свернул и прогрохотал мимо за несколько ярдов. Ножищи его были как деревья, ушищи хлопали, как паруса, длинный хобот подъят, будто грозный, готовый наброситься змей, маленькие глазки воспалены, из-под задранных, будто рога, бивней в золотых кольцах хлестала кровавая пена. Алая с золотом изодранная попона волочилась за ним, на спине его застряли обломки боевой башни, сокрушенной о деревья, и крохотный человечек отчаянно цеплялся за его шею — могучий воин, исполин среди смуглингов.

Страшный зверь промчался, разметав рощу и разломав каменный водоем. Стрелы свистели вокруг него и отскакивали от его толстенной шкуры. Южане и гондорцы бежали перед ним; кто попадался, тех он хватал хоботом и расшибал о землю. Вскоре он исчез из виду, трубя и топоча. Что с ним сталось — этого Сэм не узнал: может, он еще долго носился по пустошам, пока не сгинул в чужих краях или не угодил в глубокую яму, а может, с разгону добежал до Великой Реки и в ней утонул.

Сэм восхищенно перевел дыхание.

— Олифант! — выговорил он. — Есть, значит, олифанты, и я одного видел. Вот это жизнь! Но дома-то кто мне поверит? Ну, если больше ничего не покажут, я пошел спать.

— Спи, пока можно, — сказал Маблунг. — Но скоро начальник вернется, если он жив, конечно, а как вернется, так мы

немедля и в путь. Лишь только Враг проведает о кровавой битве, сразу вышлет за нами погоню.

— Ну и уходите, только не топочите! — сказал Сэм. — Не мешайте мне спать, я всю ночь провел на ногах.

Маблунг рассмеялся.

— Сомневаюсь, что Фарамир оставит вас здесь, господин Сэммиум, — сказал он. — Впрочем, увидите сами.

Глава V

ЗАКАТНОЕ ОКНО

Сэму казалось, что он проспал несколько минут. Между тем проснулся он часа через три, когда возвратился Фарамир и с ним много-много людей. Все, кто уцелел в битве, собрались на склоне холма — человек двести или триста. Они расселись широким полукругом; Фарамир сидел посредине, перед ним стоял Фродо. Это походило на странное судилище.

Сэм выполз из папоротников, никем не замеченный, и пристроился к человеческому полумесяцу с краю; оттуда было хорошо видно и слышно, и он глядел во все глаза и не пропускал ни одного слова, готовый, ежели что, тотчас ринуться на выручку хозяину. Повязка больше не скрывала лицо Фарамира, суровое и властное; его устремленные на Фродо серо-стальные глаза глядели остро, проницательно и раздумчиво.

Сэм скоро понял, что Фарамиру подозрительны недомолвки Фродо, из-за которых неясно, зачем он шел с Отрядом от Раздола, почему расстался с Боромиром и куда направляется теперь. То и дело заводил он речь о Проклятии Исилдура — словом, явно раскусил, что самое важное от него скрывают.

— Раз невысоклик отважился взять на себя Проклятие Исилдура, — настаивал он, — и раз ты и есть тот невысоклик, значит, тебе известно, что это за Проклятие, и ты предъявил его Совету, о котором говоришь, а Боромир видел его. Так или не так?

Фродо не отвечал.

— Так! — сказал Фарамир. — Ты скрытничаешь, однако же все, что касается Боромира, касается и меня. Согласно былинам, Исилдура поразила оркская стрела, но стрел этих что песчинок в реке, и едва ли воитель Гондора Боромир принял бы одну из них за роковое знамение. Ты что же, был хранителем этого неведомого Проклятия? Оно сокрыто, сказал ты. Не ты ли его сокрыл?

— Нет, сокрыл его не я, — сказал Фродо. — Оно не принадлежит мне, и нет его владельца среди смертных, ни самых великих, ни самых ничтожных. Если кто и вправе владеть им, то это Арагорн, сын Араторна, наш предводитель от Мории до Рэроса; я о нем говорил.

— Почему он, а не Боромир, страж Крепости, воздвигнутой сынами Элендила?

— Потому что Арагорн по отцовской линии прямой потомок Исилдура, сына Элендила. Он опоясан Элендиловым мечом.

Изумленным гулом отозвалось собрание на эти слова. Послышались возгласы:

— Меч Элендила! Меч Элендила скоро заблещет в Минас-Тирите! Добрые вести!

Но Фарамир и бровью не повел.

— Может быть, — сказал он. — Но столь великие притязания надобно подтвердить, и, коли этот Арагорн явится в Минас-Тирит, от него потребуют бесспорных доказательств. Пока что, — а я был там шесть дней назад, — не явился ни он и никто другой из твоего Отряда.

— Боромир признал его притязания, — сказал Фродо.— Да будь здесь Боромир, он бы и ответил тебе на твои вопросы. Уже давно расстались мы с ним у Рэроса, и он направлялся прямиком в вашу столицу. Наверно, по возвращении туда ты все от него узнаешь. Ему, как и всем остальным, было известно, зачем я в Отряде: Элронд из Имладриса объявил об этом всему Совету. Мне было дано поручение, оно привело меня сюда, но я не волен открыть его никому более. Скажу только, что тем, кто насмерть бьется с Врагом, не пристало меня задерживать.

Фродо говорил горделиво, хоть на сердце у него, верно, кошки скребли, и Сэм его мысленно одобрил. Но Фарамир не унимался.

— Так! — сказал он. — Ты, стало быть, советуешь мне не мешаться в чужие дела, уходить восвояси и отпустить тебя на все четыре стороны. Дескать, Боромир мне все объяснит, когда вернется. Вернется, говоришь ты! Ты был другом Боромиру?

Фродо живо припомнилось, как Боромир напал на него, и он замешкался с ответом. Взгляд Фарамира стал жестче.

— Много тягостей и невзгод вынесли мы бок о бок с Боромиром, — вымолвил наконец Фродо. — Да, я был ему другом.

Фарамир мрачно усмехнулся.

— И тебе горько было бы узнать, что Боромира нет в живых?

— Конечно, горько, — удивленно ответил Фродо. Он взглянул Фарамиру в глаза и оторопел. — Нет в живых? — сказал он. — Ты хочешь сказать, что он погиб и тебе это известно? Или ты

просто испытываешь меня пустыми словами? Хочешь обманом вывести меня на чистую воду?

— Я даже орка не стану обманом выводить на чистую воду, — сказал Фарамир.

— Как же он погиб, откуда ты знаешь об этом? Ты ведь сказал, будто никто из нашего Отряда к вам в столицу не явился?

— О том, как он погиб, я надеялся услышать от его друга и спутника.

— Но я оставил его живым и здоровым. И, насколько мне известно, он жив и поныне. Правда, гибель подстерегает нынче на каждом шагу.

— Да, на каждом шагу, — подтвердил Фарамир. — И гибельнее всего — предательство.

Сэм слушал, слушал — и так рассердился, что потерял всякое терпение. Последние слова Фарамира его доняли: он выскочил на середину полукруга и обратился к хозяину.

— Прошу прощения, сударь, — сказал он, — только, по-моему, уже хватит с вас колотушек. Кто он такой, чтобы эдак вам дерзить? После всего-то, что вам пришлось вынести ради них же, Громадин неблагодарных!

Вот что, начальник! — Он встал перед Фарамиром, руки в боки, с таким же видом, с каким распекал хоббитят, «по нахалке» отвечавших ему на строгий вопрос, что это они поделывают в чужом фруктовом саду. Послышался ропот, но большей частью воины ухмылялись: уж очень было забавно глядеть на их сурового предводителя, сидевшего на земле лицом к лицу с широко расставившим ноги разъяренным малышом-хоббитом, — такое не каждый день увидишь! — Вот что я тебе скажу, — продолжал Сэм. — Ты на что это намекаешь, а? Кончай ходить вокруг да около, говори прямо, а то дождешься, что набежит сто тысяч орков из Мордора! Если ты думаешь, что мой хозяин прикончил вашего Боромира и убежал, то не знаю, где твоя голова, но хоть не виляй! И не забудь сказать нам, что дальше-то делать собираешься. Жалко вот, между прочим, что некоторые на словах самые главные противники Врагу, а другим становятся поперек дороги, хотя другие-то, может, не меньше ихнего делают. То-то бы Враг на тебя сейчас порадовался: решил бы, что у него новый дружок объявился!

— Тише! — сказал Фарамир без малейшего гнева. — Не мешай говорить своему хозяину, он не в пример умнее. Я и без тебя знаю, что медлить нам опасно, однако улучил время, дабы разобраться в трудном деле. Будь я поспешлив, как ты, я бы давно уже вас зарубил, ибо мне строго-настрого велено убивать

всех, кто обретается здесь без позволения властителя Гондора. Но мне претит всякое ненужное и даже необходимое убийство. И слов я на ветер не бросаю, будь уверен. Сядь рядом с хозяином и помолчи!

Сэм плюхнулся на землю, красный как рак. Фарамир снова обратился к Фродо:

— Ты спросил, откуда я знаю, что сына Денэтора нет в живых. Дурные вести крылаты. А ночью, как говорится, сердце сердцу весть подает. Боромир — мой родной брат.

Скорбная тень омрачила его лицо.

— Тебе памятно что-нибудь из богатырского доспеха Боромира?

Фродо немного подумал, опасаясь новой ловушки и недоумевая, чем это все может обернуться. Ему едва ли не чудом удалось спасти Кольцо от свирепой хватки Боромира, а как уберечь его в окружении могучих витязей — этого он не представлял. Сердце его, однако, чуяло, что Фарамир, с виду очень похожий на брата, осмотрительнее, мудрее и надежнее его.

— Да, я помню рог Боромира, — сказал он.

— Ответ верный и, судя по всему, правдивый, — сказал Фарамир. — Вспомни как следует, яви его перед глазами: это был рог восточного тура, оправленный серебром, с начертанием древних рун. Во многих поколениях наследовал его старший сын, и есть поверье, что если он затрубит в роковой час в древних пределах Гондора, то зов его будет услышан.

За пять дней до того, как я отправился в Итилию, одиннадцать дней назад, как ныне, предвечерней порой, я слышал этот зов: доносился он, казалось, с севера, но доносился глухо, словно бы чудился. Дурным предзнаменованьем сочли это мы с отцом, ибо от Боромира с его ухода не было вестей и ни один пограничный страж не дал знать о его возвращении. А на третьи сутки мне было диковинное виденье.

Я сидел туманной ночью под бледной молодой луной на берегу Андуина, следил за его медленными водами и слушал скорбное шуршанье камышей. Мы несем ночной прибрежный дозор напротив Осгилиата, захваченного врагами: они переправляются и разбойничают. Но в тот полночный час все было тихо. И вдруг я увидел, или мне померещилась на воде серебристо-серая лодка чужеземного вида, с высоким гребенчатым носом; она плыла сама по себе.

Я похолодел, ибо ее окружало мертвенное сиянье, однако же встал, спустился к берегу и вошел в воду, влекомый неведомой силой. И лодка повернула ко мне и медленно проплыла вблизи, и я не отважился протянуть руку и остановить ее. Она глубоко осела, словно под тяжким грузом; казалось, она запол-

нена почти до краев прозрачной светящейся водой, и в воде покоился мертвый витязь.

Он был весь изранен, сломанный меч лежал у него на коленях. Это был мой брат Боромир: я узнал его меч и доспех, его любимое лицо. Не было с ним лишь его рога, и незнаком был мне его пояс, точно из золотых листьев. *«Боромир!* — воскликнул я. — *Где твой рог, Боромир? Куда плывешь ты, о Боромир?»* — но он уж скрылся из виду. Лодку подхватило течение, и она, мерцая, исчезла в ночи. Сон это был или явь, не знаю, однако пробуждения не было. Я уверен, что он мертв и тело его уплыло вниз по Великой Реке.

— Увы! — сказал Фродо. — В твоем сновидении наяву я узнаю Боромира, каким помню его. Золотой пояс ему подарила Владычица Галадриэль. От нее же наши серые эльфийские плащи. А вот брошь из Лориэна. — Он притронулся к зеленовато-серебряной застежке под горлом.

Фарамир присмотрелся к ней.

— Красивая брошь, — сказал он. — Да, той же выделки. Так, значит, путь ваш лежал через Лориэн? Встарь он звался Лаурелиндоренан, и уж давным-давно там не ступала нога человека, — тихо прибавил он, с новым изумлением глядя на Фродо. — Ну что ж, теперь мне понятней многое, что показалось странным. Не поведаешь ли ты мне еще что-нибудь? Ибо горестно думать, что Боромир погиб один вблизи родного края.

— Ничего не могу я поведать тебе в утешение, — сказал Фродо. — А твой рассказ мне кажется зловещим, но не более. Тебя посетило видение, призрак злой судьбы, прошлой, а может быть, и грядущей. Если только это не вражеское наваждение. Я видел прекрасные лики древних воителей в заводях Мертвецких Болот, и это было его лиходейское волшебство.

— Нет, тут он ни при чем, — сказал Фарамир. — Его наваждения отвращают сердце, а мое было полно скорби и сострадания.

— Но как же такое могло случиться наяву? — спросил Фродо. — Пороги Тол-Брандира не минует невредимой никакая лодка, а Боромир собирался домой через Онтаву, степями Ристании. Возможно ли, чтобы полный воды челн проплыл водопадами и не перевернулся?

— Не знаю, — сказал Фарамир. — А лодка откуда?

— Из Лориэна, — сказал Фродо. — У нас их было три: мы прошли по Андуину на веслах до водопадов. Лодка эльфийская.

— Вы побывали в Сокрытой Стране, — сказал Фарамир, — но, кажется, чары ее остались для вас непостижимы. Тем, кто

виделся с Чаровницей из Золотого Леса, не след удивляться ничему. Смертным опасно покидать наш подлунный мир: вернутся они уж не теми, что были прежде. Так гласят легенды.

Боромир, о Боромир! — воскликнул он. — *Что поведала тебе она, Владычица, неподвластная смерти? Что увидела она, что пробудила в твоем сердце? Зачем пошел ты в Лаурелиндоренан, а не отправился своей дорогой, не примчался свежим утром на ристанийском коне?*

Он снова обернулся к Фродо и заговорил спокойно:

— И на все эти вопросы ты, наверно, мог бы дать ответ, о Фродо, сын Дрого. Пусть не здесь и не сейчас. Но чтобы ты не думал, будто меня обморочило наваждение, узнай, что рог Боромира возвратился наяву, но разрубленный надвое топором или мечом. Осколки выбросило порознь: один нашли в камышах дозорные Гондора на севере, ниже впадения Онтавы, другой выловили в андуинском омуте — он подвернулся пловцу. Странные случайности, однако смерти не утаишь, как говорится.

И вот теперь осколки рога, которым владел старший сын, лежат на коленях у Денэтора. Он сидит на своем высоком престоле и ждет страшных вестей. Ты все-таки умолчишь о том, как был разрублен рог?

— Умолчу о том, чего не знаю, — сказал Фродо. — Но коль не ошибся в подсчетах, слышал ты его в тот самый день, когда мы расстались, когда я и мой слуга оставили Отряд. И теперь твой рассказ наполняет меня ужасом. Если Боромир попал в беду и был убит, то боюсь, что все остальные мои спутники тоже погибли — и сородичи, и друзья.

Быть может, ты перестанешь сомневаться во мне и отпустишь нас? Я устал, меня грызет скорбь и мучает страх. Но мне нужно нечто совершить или хоть попытаться, пока меня не убьют. Если из всех нас остались в живых лишь два невысокли-ка, так тем более надо спешить.

Возвращайся же, о Фарамир, доблестный военачальник Гондора, в свою столицу и защищай ее до последней капли крови, а мне позволь идти навстречу судьбе!

— Не много мне утешения в твоих речах, — сказал Фарамир, — однако же ты напрасно поддаешься страху. Если не эльфы из Лориэна, то кто, по-твоему, снарядил Боромира в последний путь? Не орки же, не прислужники Врага, да не будет он назван. Наверняка жив еще кто-нибудь из вашего Отряда.

Но, что бы ни случилось близ нашей северной границы, ты, Фродо, очистился от подозрений. Раз я берусь в наши смутные дни судить о людях по их лицам и речам, то и с невысокликами, может статься, не ошибусь! Хотя, — и он наконец улыбнулся, —

есть в тебе что-то странное, Фродо, — не эльфийское ли? И разговор наш куда важней, чем мне показалось сначала. Мне надлежит отвести тебя в Минас-Тирит к престолу Денэтора. По справедливости я буду достоин казни, если поступлю во вред своему народу. Так что нельзя торопиться с решением, а сейчас — в путь без проволочек.

Он вскочил на ноги и быстро распорядился. Воины его мигом разбились на мелкие отряды и поисчезали между деревьями и в тени скал. Вскоре остались только Маблунг и Дамрод.

— Вы, Фродо и Сэммиум, пойдете со мной и моими дружинниками, — сказал Фарамир. — Все равно дорога на юг для вас пока закрыта. Несколько дней она вся будет запружена войсками, и после нынешней засады наблюдение усилят вдесятеро. Да вы сегодня недалеко и ушли бы: вы еле па ногах держитесь. Мы тоже устали. У нас есть тут тайное прибежище, миль за десять отсюда. Орки и вражеские соглядатаи его еще пока не разведали, а если и разведают, голыми руками не возьмут: целого войска будет мало. Там мы отдохнем, и вы тоже. А наутро я решу, что делать дальше и как быть с вами.

Фродо оставалось лишь принять это настоятельное приглашение. Ведь и правда, идти через Итилию сразу после вылазки гондорцев стало гораздо опаснее прежнего.

Они тут же тронулись в путь: впереди — Маблунг и Дамрод, за ними Фарамир с хоббитами. Мимо пруда, где они купались, вброд через ручей, потом на высокий холм, а оттуда все вниз и вниз, на запад — пологим тенистым лесным склоном. Фарамир примерился к хоббитской трусце, и вполголоса шла беседа.

— Мы прервались, — сказал Фарамир, — не только потому, что время не терпит, как напомнил мне господин Сэммиум, но и чтобы не было лишних ушей, ибо кое-что надо обсудить втайне. Я недаром перевел разговор на судьбу брата, пренебрегши Проклятием Исилдура. Ты о многом умолчал, Фродо.

— Я не солгал ни словом, хоть сказал и не всю правду, — отозвался Фродо.

— Я не корю тебя, — сказал Фарамир. — Ты с честью вышел из трудного испытания, и в уме тебе не откажешь. Однако я вижу и то, что стоит за твоими речами. С Боромиром дружен ты не был, и расстались вы худо. Он, видно, нанес обиду — и тебе, и господину Сэммиуму. Я очень любил Боромира и отомщу за его смерть, но я хорошо его знал. Должно быть, это случилось из-за Проклятия Исилдура — ведь из-за него распался ваш Отряд? Мне ясно, что это могущественный талисман, из тех, ка-

кие порождают распри между соратниками, если верить старинным былям. Верно ли я угадал?

— Верно, да не совсем, — сказал Фродо. — Распри не было в нашем Отряде, было сомнение — куда направиться от Привражья. А старинные были, коли на то пошло, учат нас не ронять лишних слов, когда дело идет о... талисманах.

— Увы, значит, как я сразу подумал, ссора вышла с одним Боромиром. Он хотел доставить талисман в Минас-Тирит. Как печально сложилась судьба: тебе, который видел его последним, зарок смыкает уста, и ты не можешь рассказать мне о главном, о том, что было у него на сердце перед смертью. Заблуждался он или нет, не знаю, но уверен в одном: умер он достойно и превозмог себя. Лицо его было еще прекрасней, нежели при жизни.

Прости меня, Фродо, что я поначалу выпытывал у тебя лишнее о Проклятии Исилдура. Не ко времени это было и не к месту, но я не успел рассудить. Бой был тяжелый, и меня ожидали иные заботы. Но как только я вдумался, о чем у нас зашла речь, я тут же отвел ее в сторону. Ибо мы, правители града, причастны древней мудрости, закрытой от иных. Мы происходим не от Элендила, но в жилах у нас тоже течет нуменорская кровь. Мы из колена Мардила, которого оставил наместником, отправляясь на войну, великий князь Эарнур, последний в роду Анариона. Детей у государя не было, и с войны он не вернулся. С тех пор и правят у нас наместники, вот уже многие века.

Я помню, как Боромир еще мальчиком, когда мы вместе читали сказанья о наших предках и летописи Гондора, все время сердился, что наш отец — не князь. «Сколько же надо сотен лет, чтобы наместник стал князем, коли князь не возвращается?» — спрашивал он. «В иных краях хватало и десятка лет, — отвечал ему отец. — А в Гондоре недостанет и десяти тысяч». Увы, бедняга Боромир! Это тебе что-нибудь о нем говорит?

— Говорит, — сказал Фродо. — Однако же к Арагорну он всегда относился с почтением.

— Еще бы, — сказал Фарамир. — Если он признал его право на великокняжеский престол, значит, признал себя его подданным. Но до самых трудных испытаний дело не дошло. Кто знает, что было бы в Минас-Тирите, где война превратила бы их в соперников.

Но я отвлекся. Род Денэтора, сказал я, издревле сопричастен премудрости дней былых; в наших сокровищницах хранятся старинные книги и многоязычные письмена на ветхом пергаменте, на камне, на золотых и серебряных пластинах. Многое и прочесть у нас никто не сумеет, многое пылится под спудом. Я трудился над ними: мне ведомы начала знаний. Ради этих со-

кровищ наведывался к нам Серый Странник; еще ребенком я впервые увидел его, и дважды или трижды с тех пор.

— Серый Странник? — переспросил Фродо. — А как его имя?

— Мы его называли по-эльфийски, Митрандиром, — сказал Фарамир, — и ему это, кажется, было по нраву. «По-разному зовут меня в разных краях, — говорил он. — У эльфов я Митрандир, у гномов — Таркун, когда-то, на западе, о котором и молва стерлась, я звался Олорином, на юге я — Инканус, на севере — Гэндальф, на востоке я не бываю».

— Гэндальф! — воскликнул Фродо. — Так я и подумал. Гэндальф Серый, наш друг и советчик. Предводитель нашего Отряда. Он сгинул в Мории.

— Митрандир сгинул! — сказал Фарамир. — Злая, однако же, выпала вам доля. Даже не верится, что такой великий мудрец — наш верный помощник в невзгодах — мог погибнуть и мир лишился его несравненных познаний. Ты уверен, что он погиб? Может статься, он вас покинул из-за иных неотложных дел?

— Уверен, — сказал Фродо. — Я видел, как его поглотила бездна.

— Наверно, страшной повестью чреваты твои слова, — сказал Фарамир. — Может быть, ты расскажешь ее ввечеру. Как мне теперь ясно, Митрандир был не только мудрецом и книжником — он был вершителем судеб нашего времени. Окажись он в Гондоре, когда мы с братом услышали во сне прорицание, он, верно, разъяснил бы его, не пришлось бы отправлять посланца в Раздол. А быть может, не стал бы разъяснять, и Боромир все равно не ушел бы от рока. Митрандир никогда не открывал нам будущего и не посвящал в свои замыслы. С позволенья Денэтора — не знаю уж, как ему это удалось, — он был допущен в нашу сокровищницу, и я почерпнул из едва приоткрытого кладезя его познаний: он был скупым наставником.

Более всего занимали его летописи и устные предания времен Великой Битвы на равнине Дагорлада и основания Гондора, когда был низвержен Тот, кого называть не стану. И про Исилдура выспрашивал он, хотя о нем наши предания памяти не сохранили: он ушел, как сгинул.

Фарамир перешел на шепот:

— Я же частью узнал, частью домыслил и сохранил в глубокой тайне вот что. Исилдур заполучил некое сокровенное достояние Врага, да не будет он назван, и взял его с собой, уходя из Гондора навстречу безвестной гибели. И казалось мне, что я понял, чего доискивается Митрандир, однако же поиски эти, устремленные в глубокую древность, счел любомудрием книжника. Но когда мы пытались разгадать таинственное прорица-

ние, пришло мне на ум, что эта добыча и есть Проклятие Исилдура. Ибо ничего мы больше о нем не знаем, лишь упомянуто в одном из сказаний, что его пронзила стрела орка. Это же, и только это сказал мне Митрандир.

Не знаю и не ведаю, какое вражеское достояние понадобилось Исилдуру: должно быть, некий могучий гибельный талисман, орудие лиходейства Черного Властелина. И если оно сулит удачу в бою, то наверняка Боромир, гордый, бесстрашный, зачастую безоглядный, жаждущий блеска побед Минас-Тирита и блистания своей воинской славы, неудержимо возжелал этим орудием завладеть. В недобрый час отправился он в Раздол! И отец, и старшины послали бы меня, но он, как старший брат и закаленный воин, не мне чета (говорю без всякой обиды), настоял на своем.

Однако же не страшитесь! Я не подобрал бы этот талисман и на большой дороге. Если бы даже Минас-Тирит погибал на моих глазах и я один мог бы его спасти с помощью вражеского колдовского орудья, возвеличить Гондор и прославиться, то и тогда — нет! Такою ценой не нужны мне ни победы, ни слава, о Фродо, сын Дрого.

— Так же решил и Совет, — сказал Фродо. — И мне они не нужны, и вообще — не мое это дело.

— Мне в мечтах представляется, — сказал Фарамир, — и цветущее Белое Древо в великокняжеском дворце, и Серебряный Венец на челе князя, и мирный Минас-Тирит — нет, Минас-Анор, град, каким он был в древности, светлый, высокий и дивный, прекрасный, как царь среди царей, а не грозный, подобно властелину, окруженному рабами, да и добрый властелин не лучше, даже если рабы им довольны. Воевать надо: мы защищаем свою жизнь и честь от убийцы, изувера и разрушителя. Однако не по душе мне ни сверканье острых мечей, ни посвист быстрых стрел, ни слава великого воителя. Все это надобно лишь затем, чтобы оборонить то, что мы обороняем: светлый град, воздвигнутый нуменорцами, оплот памяти и хранилище древней мудрости, святилище красоты и светоч живой истины. Надо, чтоб его любили, а не боялись, и чтили, как почитают убеленных сединами мудрецов.

Так что оставь опасенья! Я тебя больше не буду выспрашивать, не спрошу даже, верно ли я догадался. Разве что ты сам мне доверишься — что ж, тогда попробую помочь тебе советом, а быть может, и делом.

Фродо на это ничего не сказал. Он едва не уступил желанию искать помощи и совета у этого сурового юноши, так были отрадны его ясные речи. Однако что-то его удержало, на сердце у него были страх и тревога, ведь если и в самом деле только они

с Сэмом уцелели из Девяти Хранителей, то одни остались в ответе за все. Излишняя подозрительность надежней слепого доверия. К тому же, поглядывая на высокого спутника и внимая его голосу, он вспоминал Боромира — внезапно перекошенное лицо и алчный огонь в глазах. Непохожие братья были ужасно похожи.

Потом они шли молча, бесшумно скользя по траве мимо старых деревьев, точно серо-зеленые тени; над ними распевали птицы и отливала темным блеском вечнозеленая листва итильского леса.

Сэм в разговор не встревал, только прислушивался, в то же время ловя чутким хоббитским ухом окрестные лесные шумы и шорохи. Про Горлума ни разу упомянуто не было, и он был этому рад: никуда от Липучки, конечно, не денешься, но хоть малость-то отдохнуть — и то хлеб. Вскоре он заметил, что идут они вроде одни, а кругом уйма людей: впереди мелькали Дамрод и Маблунг и со всех сторон быстрые, бесшумные, еле видные Следопыты поспешали к условленному месту.

Вдруг его точно кольнул в спину чей-то взгляд; он обернулся и успел углядеть маленькую темную фигурку, перебегавшую за деревьями. Сэм открыл было рот, но подумал и махнул рукой.

«Может, показалось, — сказал он сам себе. — Да и чего я буду лезть к ним с этой паскудиной, раз про него и помнить забыли? Что мне, больше всех надо?»

Наконец лес поредел, склон сделался круче. Они свернули вправо и набрели на речонку, тот самый ручеек, что точился из водоема, стал бурливым потоком, и его каменистое русло пролегало по дну узкого ущелья, заросшего самшитом и остролистом. Приречные низины на западе были подернуты золотистой дымкой, и, озаренный предзакатным солнцем, широко струился Андуин.

— А теперь, увы, я вынужден быть неучтивым, — сказал Фарамир. — Надеюсь, мне это простится: пока что, в нарушение всех приказов, я не только не убил вас, но даже не ослепил. Но тут уж запрет строжайший: эту тропу не должен знать никто, даже наши союзники-ристанийцы. Придется завязать вам глаза.

— Да пожалуйста, — сказал Фродо. — Эльфы и те не учтивее тебя: с завязанными глазами вступили мы в прекрасный Лориэн. Гном Гимли обиделся, а нам, хоббитам, хоть бы что.

— Ничего столь же прекрасного я вам не обещаю, — сказал

Фарамир. — Прекрасно, впрочем, что вас не надо ни уламывать, ни принуждать.

На его тихий зов из-за деревьев немедля явились Маблунг и Дамрод и подошли к ним.

— Завяжите гостям глаза, — приказал Фарамир. — Плотно, но не туго. Руки не связывайте: они дадут слово, что подглядывать не станут. Я бы поверил им и так, без повязки, пусть бы шли, зажмурившись, но не ровен час споткнутся и нечаянно откроют глаза. Кстати же проследите, чтобы они не оступились.

Дружинники завязали хоббитам глаза зелеными шарфами, низко нахлобучили им капюшоны и повели их за руку. Прогулка по солнечной Итилии закончилась для Фродо и Сэма путешествием в темноте, и где они шли, можно было только гадать. Сначала спускались крутой тропой и залезли в такой узкий проход, что двинулись гуськом между каменных стен; дружинники направляли их сзади, крепко взяв за плечи. Где было трудно идти вслепую, их приподнимали — и снова ставили на ноги. Справа слышался гул и плеск воды — все ближе, все громче. Наконец они остановились. Маблунг и Дамрод покрутили их, чтобы сбить с направления, и путь пошел наверх. Потянуло холодом, шум потока отдалился. Потом их взяли на руки и понесли вниз по каким-то ступенькам: несли, несли, свернули за угол скалы, и снова кругом гулко заклокотала вода. Их обдало моросью, и вот они опять стояли молча, с повязками на глазах, испуганные и растерянные. Сзади раздался голос Фарамира.

— Развяжите им глаза! — велел он. Капюшоны откинули, шарфы сняли, и они ошеломленно заморгали.

Они стояли на гладкой сырой плите, как бы на крыльце за черным провалом прорубленных в скале дверей, а перед ними — близко, рукой подать — колыхалась струистая водяная завеса, озаренная прямыми лучами заходящего солнца, и алый свет рассыпался мерцающим бисером. Казалось, они подошли к окну эльфийской башни, к занавесу из золотых и серебряных нитей, унизанных рубинами, сапфирами и аметистами, и трепетно переливалось драгоценное многоцветье.

— Вот вам и награда за терпение, — сказал Фарамир. — Подоспели минута в минуту к заходу солнца. Это Закатное Окно, Хеннет-Аннун, а перед ним — красивейший водопад Итилии, края блещущих вод. Не знаю, бывал ли здесь хоть один чужестранец. Покой попроще, чем окно, не княжеский покой, но заходите, посмотрите сами!

Солнце закатилось, и померкла водяная занавесь. Они вошли под низкую грубоватую арку и оказались в большой сводча-

той пещере; тусклые отблески факелов играли на стенах. Народу уже собралось много, но из узкой боковой двери входили еще и еще, по двое и по трое. Когда глаза их привыкли к полумраку, хоббиты увидели, что пещера выше и гораздо просторнее, чем им сперва показалось; здесь размещался, не стесняя людей, склад оружия и съестных припасов.

— Такое у нас прибежище, — сказал Фарамир. — Роскоши маловато, но переночуете спокойно и удобно. Сухо, еды вдоволь, очага, правда, нет. Некогда это был водосточный грот, из той вон арки вода выливалась, но древние мастера-каменщики ее отвели, и теперь она низвергается со скал высоко над нами. Все отверстия этого грота замурованы — ни вода, ни супостат сюда не проникнут, кроме как тем же путем, что вы прошли с завязанными глазами. Выход есть еще один — через Водяное Окно, в глубокое озеро, полное острых скал. Отдыхайте, пока все вернутся и соберут на стол.

Хоббитов отвели в угол, к низкому ложу. Трапезу собирали быстро, несуетливо и споро. От стен принесли столешницы, водрузили их на козлы, заставили утварью, неприхотливой и добротной: блюдами, чашками, мисками — глиняными, глянцевито-коричневыми, и желтыми, самшитовыми, отличной токарной работы. Царила чистота и опрятность. Кое-где поблескивали бронзовые чаши, и серебряный кубок был поставлен для Фарамира посредине отдельного столика.

Фарамир прохаживался по пещере и негромко расспрашивал новоприбывших. Одни были отправлены преследовать и добивать разгромленный отряд, другие остались следить за дорогой — эти припоздались. Никто из южан не ушел, кроме огромного мумака — за ним не уследили. Враг не появлялся, не видать было даже орков-соглядатаев.

— И ты ничего не видел и не слышал, Анборн? — обратился Фарамир к вошедшему.

— Ни слуху ни духу, государь, — отвечал тот. — Орки куда-то запропастились. Но то ли я видел, то ли мне померещилась диковинная тварь — уже в сумерках, когда все кажется больше, чем надо бы. Наверно, просто белка. — Сэм навострил уши. — Но если белка, то черная и без хвоста. Ты не велел нам понапрасну бить зверей, я и не стал стрелять. Да и темно было, а этот зверек мигом скрылся в листьях. Я постоял, подождал немного — все-таки будто и не совсем белка, — а потом пошел, и тут она вроде бы зашипела на меня сверху. Да нет, пожалуй, крупная белка. Быть может, звери бегут от Врага, да не будет он назван, из Лихолесья и забегают сюда к нам. Говорят, там водятся черные белки.

— Может быть, — сказал Фарамир. — Однако же это дурной знак. Нам здесь, в Итилии, только беглецов из Лихолесья и не хватало.

Сэму показалось, что он при этом оглянулся на хоббитов, однако Сэм снова решил промолчать. Они с Фродо лежали рядом и глядели на огни факелов, на расхаживающих и тихо переговаривающихся людей. Потом Фродо взял и заснул.

Сэм уговаривал себя не спать.

«Поди знай, — думал он. — С людьми дело темное. На словах-то хорош, да с тем и возьмешь. — Он зевнул до ушей. — Проспать бы с недельку — стал бы как новенький. А положим, не засну: как быть-то в случае чего? Больно уж тут много Громадин на одного хоббита. И все равно, не спи, Сэм Скромби, не смей спать!»

И не смел. Дверной проем потускнел, серая водяная пелена потерялась в темноте. И лишь монотонный шум и переплеск падающей воды не смолкал ни вечером, ни ночью, ни утром. Бормотание и журчание убаюкивало, и Сэм яростно протер глаза кулаками.

Запылали новые факелы. Выкатили бочонок вина, раскладывали снедь, натаскали воды из-под водопада. Умывали руки. Фарамиру поднесли медный таз и белоснежное полотенце.

— Разбудите гостей, — сказал он, — и подайте им умыться. Время ужинать.

Фродо сел, зевнул и потянулся. Сэм недоуменно уставился на рослого воина, склонившегося перед ним с тазиком воды.

— Поставьте его на пол, господин, если можно! — сказал он. — И вам, и мне удобнее будет.

К веселому изумлению окружающих, он окунул в тазик голову и, отфыркиваясь, поплескал холодной водой на шею и уши.

— У вас всегда моют голову перед ужином? — спросил воин, прислуживающий хоббитам.

— Да нет, обычно-то перед завтраком, — сказал Сэм. — Но ежели сильно не выспался, обдай голову холодной водой — и расправишься, что твой салат от поливки. Ффу-у! Ну, теперь авось не засну, пока не наемся.

Их провели и усадили рядом с Фарамиром на покрытые шкурками бочонки, куда повыше скамеек, на которых разместились люди. Внезапно все встали, обратились лицом к западу и с минуту помолчали. Фарамир сделал знак хоббитам поступить так же.

— Перед трапезой, — сказал он, садясь, — мы обращаем

взор к погибшему Нуменору и дальше на запад, к нетленному Блаженному Краю, и еще дальше, к Предвечной отчизне. У вас нет такого обычая?

— Нет, — покачал головой Фродо, чувствуя себя неучем и невежей. — Но у нас принято в гостях перед едой кланяться хозяину, а вставая из-за стола, благодарить его.

— Это и у нас принято, — сказал Фарамир.

После долгой скитальческой жизни впроголодь, в холоде и грязи, ужин показался хоббитам пиршеством: золотистое вино, прохладное и пахучее, хлеб с маслом, солонина, сушеные фрукты и свежий сыр, а вдобавок — чистые руки, тарелки и ножи! Фродо и Сэм живо уплели все, что им предложили, не отказались от добавки, а потом и еще от одной. Вино приободрило их, и на сердце полегчало — впервые после Кветлориэна.

После ужина Фарамир отвел их в полузанавешенный закуток. Туда принесли кресло и две скамейки. В нише горела глиняная лампада.

— Скоро вам захочется спать, — сказал он, — особенно досточтимому Сэммиуму, который не смыкал глаз до самого ужина: то ли сберегал свой голод, то ли оберегал от меня хозяина. Однако после обильной еды, да еще с отвычки, лучше превозмочь сон. Давайте побеседуем. Вам ведь есть что рассказать о своем путешествии от Раздола. И не мешает поближе познакомиться с той страной, куда вас забросила судьба. Расскажите мне о брате моем Боромире, про старца Митрандира и про дивный народ Лориэна.

С Фродо сон соскочил, и он был очень не прочь поговорить. Но хотя вкусная еда и доброе вино развязали ему язык, он все же не распускал его. Сэм сиял благодушием и мурлыкал себе под нос, но сперва только слушал Фродо и усиленно поддакивал.

О многом поведал Фродо, умалчивая о Кольце и о назначении Отряда, расписывая доблести Боромира — в бою с волколаками Глухомани, в снегах Карадраса, в копях Мории, где сгинул Гэндальф. Фарамира задел за живое рассказ о битве на Мосту.

— Не по душе Боромиру было бежать от орков, — сказал он, — да и от того свирепого чудища — Барлогом ты его назвал? — пусть даже и последним, прикрывая остальных.

— Он и был последним, — сказал Фродо. — Арагорн шел впереди: он один знал путь, кроме Гэндальфа. Не будь нас, не побежали бы ни он, ни Боромир.

— Быть может, лучше бы он погиб вместе с Митрандиром,

избегнув злой судьбины за водопадами Рэроса, — сказал Фарамир.

— Может быть. Но расскажи, как обещал, о превратностях ваших судеб, — сказал Фродо, опять уходя от опасного оборота беседы. — Мне хотелось бы услышать о Минас-Итиле и об Осгилиате, о несокрушимом Минас-Тирите. Есть ли надежда, что он выстоит в нынешних войнах?

— Есть ли надежда, говоришь? — переспросил Фарамир. — Давно уж нет у нас никакой надежды. Может статься, меч Элендила, если он и вправду заблещет, возродит ее в наших сердцах и срок нашей черной гибели отодвинется, но ненадолго. Разве что явится иная, неведомая подмога — от эльфов иль от людей. Ибо мощь Врага растет, а наша слабеет. Народ наш увядает, и за этой осенью весне не бывать.

Некогда нуменорцы расселились по всему приморью и в глубь Материка, но злое безумие снедало их царства. Одни предались *лиходейству* и *чернокнижию*, *другие* упивались праздностью и роскошью, третьи воевали между собой, пока их обескровленные уделы не захватили дикари.

Гондор обошло стороной поветрие черной ворожбы, и Враг, да не будет он назван, в почете у нас не бывал. От века славилось древней мудростью и блистало гордой красой, двойным наследием Заокраинного Запада, великое княжество потомков Элендила Прекрасного. Оно и поныне сверкает отблесками былой славы. Но гордыня подточила Гондор: в надменном слабоумии властители его мнили, будто Враг унялся навеки, изгнанный и недобитый Враг.

Смерть витала повсюду, ибо нуменорцы, как и прежде, в своем древнем царстве, оттого и погубленном, чаяли земного бессмертия. Князья воздвигали гробницы пышней и роскошней дворцов; имена пращуров в истлевших свитках были слаще их уху, нежели имена сыновей. Бездетные государи восседали в древних чертогах, исчисляя свое родословие, в тайных покоях чахлые старцы смешивали таинственные эликсиры, всходили на высокие холодные башни и вопрошали звезды. У последнего князя в колене Анариона не было наследника.

Зато наместники оказались дальновиднее и удачливее. Мудро рассудив, они пополнили свои рати крепкими поморами и стойкими горцами Эред-Нимрайса. И примирились с горделивыми северянами, вечной грозой тамошних пределов, народом, исполненным неистовой отваги, нашими дальними родичами, в отличие от восточных дикарей и свирепых хородримцев.

И во дни Кириона, Двенадцатого Наместника (мой отец — двадцать шестой), они явились к нам на подмогу и в жестокой

битве на Келебранте наголову разгромили вторгшиеся с севера полчища наших врагов. Мы их зовем мустангримцами, коневодами-наездниками; им был дарован навечно дотоле пустынный степной край Кендархон, который стал с той поры называться Ристанией. А они учинились нашими верными союзниками, не раз приходили нам на выручку и взяли под охрану северные наши пределы и Врата Ристании.

У нас они переняли то, что пришлось им по нраву, их государи научаются нашему языку, однако большей частью они держатся обычая предков, верны живым преданиям и сохраняют свое северное наречие. Они нам полюбились — рослые мужи и стройные девы, равные отвагой, крепкие, золотоволосые и ясноглазые; в них нам видится юность рода человеческого, отблеск Предначальных Времен. Наши законоучители говорят, будто мы с ними принадлежим к одному древнему Клану, породившему нуменорцев, но они происходят не как мы, от Хадора Златовласого, Друга Эльфов, а от его сынов, которые не откликнулись на зов в начале Второй Эпохи и не уплыли за море в Нуменор.

А надо вам сказать, что от истоков своих род людской, согласно нашим священным преданиям, делится на три Клана: Вышний, Люди Западного Света, нуменорцы; Средний, Люди Сумерек, как мустангримцы и их сородичи, поныне обитающие на Севере; и Отступный, Люди Тьмы.

Ныне, однако, мустангримцы во многом уподобились нам: нравы их смягчились, и ремесла стали искусствами; мы же, напротив, сделались им подобны и Вышними больше именоваться не можем. Мы опустились в Средний Клан, мы теперь Люди Сумерек, сохранившие память иных времен. Ибо, как и мустангримцы, мы ценим превыше всего воинскую доблесть и любим бранную потеху; правда, и сейчас воину положено знать и уметь многое, помимо ремесла убийцы, но все же воин, а не кто другой, у нас в особом почете. Да в наши дни иначе и быть не может. Таков и был брат мой Боромир: искусный и отважный военачальник, и высший почет стяжал он у нас в Гондоре. В доблести он не имел равных: давно уж в Минас-Тирите не было среди наследников престола столь закаленных, могучих и неустрашимых ратников. И впервые так громозвучно трубил Большой Рог.

Фарамир вздохнул и замолк.

— Почему-то у нас, сэр, об эльфах не было речи, — сказал Сэм, расхрабрившись. Он заметил, что Фарамир отзывается об эльфах очень почтительно, и это еще более, чем его учтивость,

обходительность, вкусная трапеза и крепкое вино, расположило к нему Сэма и усыпило его подозрения.

— Поистине ты прав, господин Сэммиум, — сказал Фарамир, — но я не многое знаю об эльфах. Ты попал в точку: и в этом мы изменились не к лучшему, став из нуменорцев средиземцами. Как ты, быть может, знаешь, раз Митрандир был твоим спутником и тебе случалось беседовать с Элрондом, Эданны, прародители нуменорцев, бились бок о бок с эльфами в первых войнах, за это и было им наградой царство посреди морей, вблизи Блаженного Края. Но когда в Средиземье пала тьма, людей развели с эльфами козни Врага, и с течением времени они расходились все дальше, шли разными путями. Ныне люди опасаются эльфов, не доверяют им, ничего о них толком не зная. И мы, гондорцы, не лучше других, подобны тем же ристанийцам: они, заклятые враги Черного Властелина, чураются эльфов и рассказывают про Золотой Лес страшные сказки.

Но все же есть среди нас и такие, кто с эльфами в дружбе, кто иной раз втайне пробирается в Лориэн; редко они оттуда возвращаются. Я не из них: я думаю, нынче гибельно для смертных водиться с Перворожденными. Однако я завидую тебе — что ты разговаривал с Белой Владычицей.

— Владычица Лориэна! Галадриэль! — воскликнул Сэм. — Эх, видели бы вы ее, сэр, ну глаз оторвать нельзя. Я-то простой хоббит, мое дело — садовничать, а выше головы, сэр, сами понимаете, не прыгнешь, и по части стихов я не очень — не сочинитель, ну там, знаете, иногда приходится, смешное что-нибудь, песенку или в этом роде, но настоящих стихов сочинять сроду не стану — словом, куда мне о ней рассказывать, тут петь надо, это вам нужен Бродяжник, ну, Арагорн то есть, или старый господин Бильбо, те запросто могут. А все ж таки хотелось бы и мне про нее сочинить песню. Ну и красивая же она, сэр! Не налюбуешься! То, знаете, она как стройное дерево в цвету, а то вроде беленького амариллиса, ветерком ее колышет. Кремень, да и только — и мягче лунного света. Теплее солнышка, а холодна — что мороз в звездную ночь! Гордая, величавая — чисто гора в снегу, а веселенькая, как девчонка в ромашковом венке. Ну вот, у меня, конечно, чепуха выходит, я все не о том.

— Да, видно, она и в самом деле прекрасна, — сказал Фарамир. — Гибельная это прелесть.

— Да я бы не сказал, что гибельная, — возразил Сэм. — По-моему, люди сами носят в себе свою гибель, приносят ее в Кветлориэн и удивляются — откуда, мол, взялась? Не иначе наколдовали! Ну как — может, и гибельная, сильная она уж очень. Об эту ее красоту — какая там прелесть! — можно расшибиться вдребезги, что твой корабль о скалу, или потонуть из-за нее, что

хоббит в реке. Только ведь ни скала, ни река не виноваты, верно? Вот и Боро... — Он запнулся и покраснел.

— Да? «Вот и Боромир» — хотел ты сказать? — спросил Фарамир. — Договаривай! Он что, тоже принес с собой свою гибель?

— Да, сэр, уж вы извините, даром что витязь витязем, тут что и говорить! Но вы, в общем-то, сами почти догадались. А я аж от Раздола следил за Боромиром в оба глаза — не то чтобы что-нибудь, а мне ж хозяина беречь надо, — и я вам так скажу: в Лориэне он увидел и понял то, что я уж давно раскумекал, — понял, чего он хочет. А он с первого же мига захотел Кольцо Врага!

— Сэм! — в ужасе воскликнул Фродо. Он пребывал в раздумье и очнулся слишком поздно.

— Батюшки! — вымолвил Сэм, побелев как стена и вспыхнув как мак. — Опять двадцать пять! «Ты бы хлебало ногой, что ли, затыкал», — сколько раз говорил мне мой Жихарь, и дело говорил. Ах ты, морковка с помидорами, да что ж я натворил!

Послушайте меня, сэр! — обратился он к Фарамиру, призвав на помощь всю свою храбрость. — Вы не имеете права обидеть хозяина за то, что у него остолоп слуга. Вы красиво говорили, тем более про эльфов, а я и уши развесил. Но ведь, как говорится, из словес хоть кафтан крои. Вы вот себя на деле покажите.

— Да уж, придется показать, — очень тихо проговорил Фарамир со странной улыбкой. — Вот, значит, ответ сразу на все загадки! Кольцо Всевластья — то, что, как мнили, навсегда исчезло из Средиземья! Боромир пытался его отобрать, а вы спаслись бегством? Бежали, бежали и прибежали ко мне! Заброшенная страна, два невысоклика, войско под моим началом и под рукой — Кольцо из Колец! Так покажи себя на деле, Фарамир, воевода Гондора! Ха! — Он поднялся во весь рост, суровый и властный, серые глаза его блистали.

Фродо и Сэм вскочили со скамеек и стали рядом к стене, судорожно нащупывая рукояти мечей. В пещере вдруг сделалось тихо: все люди разом умолкли и удивленно глядели на них. Но Фарамир сел в кресло и тихонько рассмеялся, а потом вдруг заново помрачнел.

— Бедняга Боромир! Какое тяжкое испытание! — сказал он. — Сколько горя вы мне принесли, два странника из дальнего края, со своей погибельной ношей! Однако же я сужу о невысокликах вернее, чем вы о людях. Мы, гондорцы, всегда говорим правду. И если даже похвастаем, — а это случается редко, — то и тогда держим слово насмерть. «Я не подобрал бы этот талисман и на большой дороге» — таковы были мои слова. И если

бы я теперь возжаждал его, — ведь я все же не знал, о чем говорил, — слова мои остались бы клятвой, а клятв нарушать нельзя.

Но я его не жажду. Может быть, потому, что знаю накрепко: от иной гибели нужно бежать без оглядки. Успокойтесь. А ты, Сэммиум, утешься. Хоть ты и проговорился, но это был голос судьбы. У тебя верное и вещее сердце, оно зорче твоих глаз. Оно тебя и на этот раз не подвело. Может быть, ты даже помог своему возлюбленному хозяину: я сделаю для него все, что в моих силах. Утешься же. Но впредь остерегись произносить это слово. Много и одной оговорки.

Хоббиты снова, присмирев, уселись на скамейки; люди вернулись к недопитым чаркам и продолжали беседу, решив, что их предводитель ненароком напугал малышей, но теперь все уладилось.

— Ну вот, Фродо, наконец мы стали друг другу понятней, — сказал Фарамир. — Коли ты нехотя взял это на себя, уступил просьбам, то прими мое почтительное сочувствие. И я дивлюсь тебе: ты ведь и не пытаешься прибегнуть к его силе. Вы для меня словно открываете неведомый мир. И все ваши сородичи таковы же? Должно быть, страна ваша живет в покое и довольстве и садовники у вас в большом почете.

— Не все у нас хорошо, — сказал Фродо, — но садовники и правда в почете.

— Однако даже и в садах своих вы, наверно, иногда устаете — таков удел всякой твари под солнцем. А здесь вы вдали от дома, изнурены дорогой. На сегодня будет. Спите оба, и спите спокойно — лишь бы спалось. Не бойтесь! Я не хочу ни видеть, ни трогать его, не хочу знать о нем больше, чем знаю (этого с лишком хватит): не оказаться бы мне пред гибельным для всякого соблазном слабее Фродо, сына Дрого. Идите отдыхайте, но сперва скажите мне — все-таки скажите, куда вы идете и что замышляете? Ибо надо разведать, рассчитать и подумать, а время идет. Наутро мы разойдемся, каждый своим путем.

Страх отпустил Фродо, и он неудержимо дрожал. Потом усталость тяжко сковала его: ни упорствовать, ни выкручиваться он больше не мог.

— Я искал пути в Мордор, — еле выговорил он. — На Горгорот, к Огнистой горе — бросить его в Роковую Расселину. Так велел Гэндальф. Вряд ли я туда доберусь.

Фарамир взирал на него в несказанном изумлении. Потом, когда он покачнулся, бережно подхватил его, отнес на постель и тепло укрыл. Фродо уснул как убитый.

Рядом было постлано для слуги. Сэм немного подумал, потом низко поклонился.

— Доброй ночи, господин мой, — сказал он. — Вы показали себя на деле.

— Показал? — спросил Фарамир.

— Да, сударь, и, знаете, хорошо показали. Это уж так.

Фарамир улыбнулся.

— Для слуги ты смел на язык, господин Сэммиум. Нет, я шучу: хвала от того, кто сам ее достоин, — высшая награда. Но я недостоин хвалы, ибо не было у меня побужденья поступить иначе.

— Вот вы, помните, сказали моему хозяину, что он похож на эльфа: оно и верно, и правильно. А я вам скажу, что вы както похожи на... — Сэм запнулся, — да, пожалуй, на мага, на Гэндальфа.

— Вот как, — сказал Фарамир. — Может быть, сказывается нуменорская кровь. Доброй ночи!

Глава VI

ЗАПРЕТНЫЙ ПРУД

Фродо открыл глаза, увидел склоненного над ним Фарамира и отпрянул в испуге.

— Не надо пугаться, — сказал Фарамир.

— А что, уже утро? — зевнув, спросил Фродо.

— Еще не утро, однако ночь на исходе. Нынче полнолуние — хочешь пойти посмотреть? И кое о чем мне нужно с тобой посоветоваться. Очень не хотелось тебя будить. Пойдешь?

— Пойду, — сказал Фродо, вылезая из-под одеяла и наброшенных шкур и поеживаясь: в нетопленой пещере застоялся холод. Тишину нарушал шум водопада. Он надел плащ и последовал за Фарамиром.

Сэм проснулся, будто его толкнули, увидел пустую постель хозяина и вскочил на ноги. В беловатом проеме сводчатой арки мелькнули две темные фигуры, высокая и низенькая. Он поспешил за ними вдоль вереницы спящих — на тюфяках, у стены. Мерцающая занавесь струилась шелковистым, жемчужно-серебряным пологом, капелью лунного света. Любоваться было некогда: он юркнул вслед за хозяином в боковой проход.

За проходом начались и никак не кончались сырые скользкие ступеньки. Наконец они поднялись на дно глубокого ка-

менного колодца, и вверху засветился бледный клочок небес. Отсюда вели две лестницы: одна прямо, должно быть, на высокий берег реки, другая влево. На нее и свернули; она вилась словно башенная.

Вынырнули из темноты на плоскую вершину утеса — просторную неогражденную площадку. Справа низвергался поток, плеща по уступам и обрушиваясь с отвеса, клокотал и пенился прямо у них под ногами и убегал гладко вытесанным отводным руслом за гребень по левую руку от них: с востока на запад. На гребне, возле обрыва неподвижно стоял часовой и смотрел вниз.

Фродо поглядел, как пляшут и сплетаются маслянисто-черные струи, потом обвел глазами дали. Охладелая земля замерла в ожидании рассвета. На западе опускалась круглая белая луна. Широкую долину заволокли туманы; под их густой осеребренной пеленой катил темные воды Андуин. За ним вставала чернота, пронизанная острыми призрачно-светлыми зубьями Эред-Нимрайса — снеговых Белых гор княжества Гондор.

Фродо стоял, смотрел, и его пробирала дрожь: он думал о том, где затерялись в бескрайних ночных просторах его былые спутники. Идут они, спят или туман пеленает их оцепеневшие тела? Как хорошо было спать и не помнить, зачем его сюда привели.

Сэм этого тоже не мог понять и пробормотал наконец лишь для хозяйских ушей:

— Зрелище, сударь, на зависть, слов нет, да вот немного зябко, как бы не окочуриться!

Но услышал его не Фродо, а Фарамир.

— Луна заходит над Гондором, — сказал он. — Прекрасная Итил, покидая Средиземье, ласкает прощальным взором седовласый Миндоллуин. Не жаль и озябнуть немного. Но я не затем вас сюда привел, хотя тебя-то, Сэммиум, я вовсе и не звал, ты расплачиваешься за свою неусыпную бдительность. Ничего, глотнешь вина — согреешься. Пойдемте, я вам кое-что покажу!

Он подошел к безмолвному часовому над черным обрывом, и Фродо не отстал от него, а Сэм поплелся за ними. Ему было сильно не по себе на этой высокой скользкой скале. Фарамир указал Фродо вниз. Из пенистого озера поток устремлялся к скалам, заполнял глубокий овальный водоем, покрутившись там, находил узкий сток и с ропотом, пенясь, убегал вниз, на отлогий склон. Луна косо освещала подножие водопада; поблескивал бурливый водоем. Вскоре Фродо увидел на его ближнем краю черную фигурку, но она тут же, точно почуяв взгляд,

нырнула и исчезла в клубящейся темной воде, рассекая ее, как стрела или брошенный плашмя камушек.

Фарамир повернулся к часовому.

Теперь что скажешь, Анборн? Белка или, может, зимородок? Как там, на озерах Лихолесья, черные зимородки водятся?

— Кто это ни есть, только не птица, — отвечал Анборн. — О четырех конечностях и ныряет по-людски, да надо сказать, очень сноровисто. Чего ему там надо? Ищет лазейку к нам под Завесь? Похоже, они до нас добираются. У меня с собой лук, и я расставил еще четверых вокруг пруда, стреляют немногим хуже меня. Как прикажешь, сразу подстрелим.

— Стрелять? — спросил Фарамир, быстро обернувшись к Фродо. Фродо помешкал. Потом сказал:

— Нет. Нет! Очень прошу, не стреляйте в него!

Сэм не решился, а надо бы сказать «да», поскорее и погромче. Ему было ничего не видно из-за спин, но он сразу догадался, о ком речь.

— Так ты, стало быть, знаешь, что это за тварь? — спросил Фарамир. — Тогда скажи, почему надо его пощадить? Ты о нем почему-то ни разу даже не упомянул, о своем заблудшем спутнике, и я решил не допытываться, лишь велел его поймать и привести. Послал своих лучших охотников, но он и их провел и вот только сейчас объявился; один Анборн видел его в сумеречный час. Теперь на нем вина потяжелее: что там ловля кроликов на угорье! Он посмел проникнуть в Хеннет-Аннун — за это платят жизнью. Дивлюсь я ему: такой ловкач и хитрец, а резвится в пруду под самым нашим Окном. Может быть, он думает, что люди ночью спят и ничего не видят? С чего это он так оплошал?

— На этот вопрос целых два ответа, — сказал Фродо. — Во-первых, с людьми он мало знаком, и какой он ни хитрец, а прибежище ваше так укрыто, что он о нем ведать не ведает. Во-вторых, я думаю, что его сюда неодолимо влечет и он потерял голову.

— Влечет, говоришь ты? — переспросил Фарамир вполголоса. — Уж не догадался ли он о твоей тяжкой ноше?

— Он знает о ней. Он сам таскал ее много лет.

— *Он* таскал? — У Фарамира от изумления дух перехватило. — А я-то думал, все загадки позади. Так он за ним охотится?

— Не теряет из виду. Оно у него зовется «Прелесть». Но сейчас не оно влечет его.

— Чего же ему надо?

— Рыбы, — сказал Фродо. — Смотри!

Они глядели вниз на темный пруд. Черная голова вынырнула в дальнем конце, в тени скал. Блеснуло серебро, пробежала мелкая рябь, и на диво проворная лягушачья фигурка выпрыг-

нула из воды на берег, уселась и впилась зубами во что-то серебристое, снова блеснувшее в последних лунных лучах: луна скрылась за утесом с другой стороны пруда.

Фарамир тихо рассмеялся.

— Рыбы! — сказал он. — Ну, это не столь гибельно. Хотя как сказать: рыбка из пруда Хеннет-Аннуна обойдется ему очень дорого.

— Я прицелился, — сказал Анборн. — Стрелять или нет? Незваным гостям у нас одна кара — смерть.

— Погоди, Анборн, — сказал Фарамир. — На этот раз все не так просто. Что скажешь, Фродо? Почему его щадить?

— Это жалкая изголодавшаяся тварь, — сказал Фродо. — Он не знает, что ему грозит. И Гэндальф, ваш Митрандир, наверняка просил бы уже поэтому не убивать его, а есть и другие причины. Эльфам он запретил его убивать: я точно не знаю, почему, а о догадках своих лучше промолчу. Однако же тварь эта имеет касательство к тому, что мне поручено. Прежде чем ты нас нашел, он был моим провожатым.

— Провожатым! — повторил Фарамир. — Диковинные дела. Я готов на многое для тебя, Фродо, но это, пожалуй, слишком: отпустить поганого хитреца как ни в чем не бывало, чтобы он опять к вам пристал, коль того пожелает, или попался оркам, которые вывернут его наизнанку? Нет, его надо убить или хотя бы изловить. Изловить немедля или убить. Но кто угонится за этим скользким оборотнем, кроме пернатой стрелы?

— Давай я тихонько спущусь к нему, — сказал Фродо. — Держите луки наготове: если я его упущу, подстрелите меня. Я не убегу.

— Ступай, да поскорей! — сказал Фарамир. — Если повезет ему остаться в живых, то по гроб жизни он обязан быть твоим верным слугой. Проведи Фродо на берег, Анборн, только поосторожнее: у него что чутье, что слух. Дай мне твой лук.

Анборн что-то проворчал под нос и повел Фродо вниз по винтовой лестнице до площадки, оттуда вверх другой лестницей, и наконец они выбрались из узкой расщелины, укрытой за кустами. Фродо оказался на высоком южном берегу пруда. Стало темно, лишь водопад серел в меркнущих лунных отсветах. Горлума видно не было. Фродо сделал несколько шагов; за ним неслышно следовал Анборн.

— Иди! — выдохнул он в ухо Фродо. — Справа круча. Если свалишься в пруд, выручать тебя будет некому, кроме твоего дружка-рыболова. И не вздумай удрать, не забудь, что рядом лучники, хоть их тебе и не видно.

Фродо пополз вперед по-горлумски, на карачках, ощупывая каждую пядь. Каменная тропа была ровная и гладкая, но очень

скользкая. Он застыл и прислушался; сперва был слышен только шум водопада позади, потом он различил совсем недалеко сиплое бормотание.

— Рыбка, сславненькая рыбка. Белая Морда убралась, прелесть моя, наконец-то убралась, да-ссс. Можно скушенькать рыбку спокойно, нет, не спокойно, прелесть. Нашу Прелесть унесли, да, унесли. Гадкие хоббиты, пасскудные хоббиты. Бросили насс, *горлум*, и Прелесть унесли. Осстался один бедненький Смеагорл. Прелести нет. Мерзкие люди, хотят украсть мою Прелесть. Ненавистные воры! Рыбка, вкусненькая рыбка. Мы подкрепимся, сстанем сильнее всех. Зоркие глазки, сильные цепкие пальчики, да-ссс. Мы их передушим, Прелесть. Мы их всех передушим, мы изловчимся. Вкусненькая рыбка. Сславненькая рыбка!

И так оно продолжалось почти без умолку, как шум водопада; в придачу слышалось чавканье, хлюпанье и урчанье. Фродо вздрагивал от жалости и омерзения. Хоть бы он замолк, хоть бы никогда больше не слышать этого голоса. Анборн за пять-десять шагов. Можно отползти и сказать ему: пусть стреляют. Они, наверно, совсем близко подобрались, пока Горлум обжирается. Одна меткая стрела, и Фродо больше никогда не услышит этого мерзостного голоса. Но нет, нельзя, Горлум вправе на него полагаться. Слуга вправе полагаться на хозяина, на его заступничество. Без Горлума они бы утонули в Мертвецких Болотах. И Фродо чутьем знал, что Гэндальф не допустил бы убийства.

— Смеагорл! — тихо позвал он.

— Рыбка, вкуссненькая рыбка, — сипел голос.

— Смеагорл! — сказал он погромче.

Голос смолк.

— Смеагорл, хозяин ищет тебя. Хозяин пришел. Иди сюда, Смеагорл!

Ответа не было, лишь тихий присвист, точно воздух втянули сквозь зубы.

— Иди сюда, Смеагорл! — повторил Фродо. — Тут опасно. Люди убьют тебя, если найдут. Иди скорее, если хочешь остаться в живых. Иди к хозяину!

— Нет! — сказал голос. — Злой хозяин. Оставил бедненького Смеагорла и завел себе новых друзей. Пусть хозяин подождет. Смеагорл не успел покушенькать.

— У нас нет времени, — сказал Фродо. — Возьми с собой рыбу. Иди сюда!

— Нет! Сначала Смеагорл съест рыбку!

— Смеагорл! — позвал Фродо, отчаиваясь. — Прелесть рассердится. Я возьму в руку Прелесть и скажу: пусть Смеагорл по-

давится костями. И никогда больше не отведает рыбки. Иди, Прелесть ждет!

Зашипев по-змеиному, Горлум выскочил из темноты на четвереньках, словно пес к ноге. В зубах у него была полусъеденная рыбина, в руке другая, целая. Он приблизился к Фродо вплотную и обнюхал его с бледным огнем в глазах. Потом вытащил рыбину изо рта и выпрямился.

— Добренький хозяин! — прошептал он. — Славненький хоббит, вернулся к бедненькому Смеагорлу. Послушненького Смеагорла позвали, и он сразу пришел. Пойдем, пойдем скорее, да-ссс. Деревьями, лесом, пока Морды спрятались. Да-да, пойдем скорее!

— Да, мы скоро пойдем, — сказал Фродо. — Но еще не сейчас. Я пойду с тобой, как обещал. И снова обещаю. Но не сейчас. Сейчас опасно. Я спасу тебя, но ты мне должен верить.

— Верить хозяину, зачем? — насторожился Горлум. — Зачем не сразу идти? Куда подевался другой, скверный, грубый хоббит? Где он спрятался?

— Там, наверху, — сказал Фродо, махнув рукой в сторону водопада. — Я без него не пойду. Пошли, надо к нему вернуться. — Ему было тошно. Слишком похоже на обман. Едва ли, конечно, Фарамир велит убить Горлума, но связать, разумеется, свяжет, и, уж конечно, это будет предательством в глазах несчастного, завзятого предателя. Как ему потом объяснишь, разве он поверит, что Фродо спас ему жизнь и иначе спасти ее не мог? Как тут быть? Невозможно угодить и нашим, и вашим, а все ж таки надо попытаться. — Идем! — сказал он. — А то Прелесть рассердится. Мы вернемся вверх по реке. Пойдем, пойдем, иди вперед!

Горлум пополз по краю пруда, недоверчиво принюхиваясь, остановился и поднял голову.

— Здесь кто-то есть! — шепнул он. — Не хоббит, нет. — И вдруг отпрянул назад. Выпученные глаза его зажглись зеленым огнем. — Хозяин, хозяин! — засипел он. — Злой! Скверный! Ненависстный изменник!

Он заплевался; хваткие длинные белые пальцы метнулись к горлу Фродо.

Но позади выросла большая темная фигура Анборна, крепкая рука обхватила загривок Горлума и пригвоздила его к земле. Он чуть не вывернулся: мокрый, юркий и скользкий как угорь, кусачий и царапучий как кот. Но из темноты появились еще два человека.

— А ну, смирно! — сказал один из них. — Сейчас так истыкаем стрелами — за ежа сойдешь. Смирно, говорю!

Горлум обмяк, заскулил и захныкал. Его связали туго-натуго.

— Осторожнее же! — сказал Фродо. — Силу-то соразмеряйте, не делайте ему больно, пожалуйста, и он присмиреет. Смеагорл! Они не обидят тебя. Я пойду с тобой, и все будет хорошо, жизнью своей ручаюсь. Верь хозяину!

Горлум обернулся и плюнул в него. Воины нахлобучили ему мешок на голову, подняли и понесли.

Фродо шел за ними, расстроенный и угнетенный. Пролезли в расщелину и по длинным лестницам и переходам возвратились в пещеру. Пылали два-три факела. Воины шевелились во сне. Сэм был уже там; он недобрым взглядом посмотрел на обмяклый сверток.

— Попался голубчик? — спросил он у Фродо.

— Да. Нет, его не ловили: я его подманил, а он мне поверил на слово. Я просил его так не связывать. Надеюсь, он цел остался, но мне тошно и стыдно.

— Мне тоже, — угрюмо вздохнул Сэм. — С этой мразью пакости не оберешься.

Воин жестом пригласил их в закуток. Фарамир сидел в кресле; в нише над его головой снова зажгли лампаду. Он указал хоббитам на скамейки.

— Принесите вина гостям, — велел он. — И давайте сюда пленника.

Вино принесли; потом Анборн притащил Горлума. Он сдернул мешок с его головы и поставил его на ноги, а сам встал сзади — придерживать. Горлум подслеповато моргал, пряча злобищу за набрякшими веками. Выглядел он жалко донельзя: с него стекала вода, от него воняло рыбой (одну рыбину он сжимал в руке), жидкие космы облепили костистый лоб точно водоросли, под носом висели сопли.

— Развяжите нас! Развяжите насс! — молил он. — Нам болестно, болестно от гадкой веревки, мы ничего плохого не сделали!

— Ничего?! — спросил Фарамир, пристально разглядывая омерзительную тварь; в лице его не было ни гнева, ни жалости, ни удивления. — Так-таки ничего? Ты ничем не заслужил ни такого обращения, ни более тяжкой кары? Ну, об этом, по счастью, не мне судить. Этой ночью, однако, ты заслужил смерть, ибо ценою жизни ловится рыбка в нашем пруду.

Горлум выронил рыбину.

— Мы не хотим рыбки, — сказал он.

— Да не в рыбке дело, — сказал Фарамир. — Смерти заслуживает всякий, кто издали посмотрит на пруд. Я пощадил тебя пока лишь потому, что за тебя просил Фродо: он говорит, будто чем-то тебе обязан. Но решаю здесь я. И мне ты скажешь, как тебя зовут, откуда ты взялся, куда идешь и какое твое занятие.

— Мы сгинули, нас нет, — простонал Горлум. — Нас никак не зовут, нету у нас занятия, нет Прелессти, нет ничего. Все пусто. И пустой живот: мы голодные, да, мы голодные. Две мерзкие рыбки, костлявые, гадкие рыбки, и нам говорят: ссмерть. Столько в них мудрости, столько справедливости!

— Мудрости, пожалуй, немного, — сказал Фарамир. — Но поступим по справедливости, как велит нам наша малая мудрость. Освободи его, Фродо.

Фарамир извлек кинжальчик из ножон у пояса и протянул его Фродо. Горлум завизжал в смертельном ужасе и шлепнулся на пол.

— Ну же, Смеагорл! — сказал Фродо. — Ты должен верить мне. Я тебя не оставлю. Отвечай, если можешь, по всей правде. Увидишь, плохо не будет.

Он разрезал тугие путы на кистях и лодыжках Горлума и поднял его стоймя.

— Подойди! — приказал Фарамир. — Смотри мне в глаза! Ты знаешь, как называется это место? Ты бывал здесь прежде?

Горлум медленно, нехотя поднял тусклые глаза и встретил ясный и твердый взгляд воина Гондора. Стояло молчание, потом Горлум уронил голову и осел на карачки, мелко дрожа.

— Мы не знаем, как называется, и знать не хотим, — проскулил он. — Никогда мы здесь не были, никогда сюда не возвратимся.

— В душе у тебя сплошь запертые двери и наглухо закрытые окна, и черно там, как в подвале, — сказал Фарамир. — Но сейчас, я вижу, ты говоришь правду. Тем лучше для тебя. Какой же клятвой поклянешься ты никогда сюда не возвращаться и ни словом, ни знаком не выдать разведанный путь?

— Хозяин знает, какой, — сказал Горлум, покосившись на Фродо. — Да, он знает. Мы поклянемся хозяину, если он нас спасет. Мы поклянемся Ею, да-ссс. — Он извивался у ног Фродо. — Спаси нас, добренький хозяин! — хныкал он. — Смеагорл поклянется Прелестью, принесет страшную клятву. Он не возвратится, он ни за что никому не выдаст, нет, никогда! Нет, Прелесть, ни за что!

— Ты ему веришь? — спросил Фарамир.

— Да, — сказал Фродо. — И тебе придется либо поверить, либо исполнить закон вашей страны. Большего ты не дождешься. Но я обещал, что если он подойдет ко мне, то останется жив, и обманывать мне не пристало.

Фарамир посидел в раздумье.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Препоручаю тебя твоему хозяину Фродо, сыну Дрого. Пусть он объявит, как поступит с тобой!

— Однако же, государь, — сказал Фродо, поклонившись, — ты сам еще не объявил своего решения касательно поименованного Фродо, и, пока оно неизвестно, оный хоббит не может ни строить планы, ни распоряжаться судьбою спутников. Твой приговор был отложен на завтра, и вот завтра настало.

— Что ж, изрекаю свой приговор, — сказал Фарамир. — Итак, Фродо, властью, дарованной мне, объявляю, что ты волен пребывать в древних пределах Гондора, где тебе заблагорассудится, и лишь в сие место не изволь являться, не быв зван, ни один, ни с кем бы то ни было. Приговор сей действителен отныне год и один день, а затем теряет силу свою, буде ты не явишься до истеченья указанного срока в Минас-Тирит и не предстанешь пред очи Наместника и Градоправителя. А явишься — я испрошу его дозволения продлить право твое пожизненно. Покамест же всякий, кого ты примешь на поруки, тем самым принимается под мою заступу, под щит Гондора. Удовлетворен ли ты?

Фродо низко поклонился.

— Удовлетворен, — сказал он. — И прошу считать меня преданным слугою, если преданность моя имеет достоинство в глазах высокого правителя.

— Имеет, и немалое, — сказал Фарамир. — Итак, берешь ли ты ответчика Смеагорла на поруки?

— Беру на поруки ответчика Смеагорла, — произнес Фродо.

Сэм шумно вздохнул, но не по поводу избыточных церемоний — нет, он, как истый хоббит, всецело их одобрял и лишь сожалел, что поклонов и словес было маловато, в Хоббитании за месяц бы не управились.

— Помни же, — сказал Фарамир, обращаясь к Горлуму, — что тебе вынесен смертный приговор, но, пока ты состоишь при Фродо, от нас тебе ничего не грозит. Однако, встретив тебя без него, любой гондорец немедля приведет приговор в исполнение. И да постигнет тебя скорая и злая смерть, будь то в Гондоре или за его пределами, если ты обманешь доверие хозяина. Теперь отвечай мне: куда вы идете? Он говорит, что ты был его провожатым. Куда же ты вел его?

Горлум не отвечал.

— Отмолчаться не удастся, — сказал Фарамир. — Отвечай или приговор мой станет жестче!

Но Горлум и тут не ответил.

— Я отвечу за него, — сказал Фродо. — Он привел нас, как я просил, к Черным Воротам, но Ворота были заперты.

— Отпертых ворот в этой стране нет, — сказал Фарамир.

— Увидев это, мы свернули в сторону и пошли южной доро-

гой, — продолжал Фродо, — ибо он сказал, что там есть или может отыскаться тропа близ Минас-Итила.

— Минас-Моргула, — поправил Фарамир.

— В точности я не понял, — сказал Фродо, — но, кажется, к северу от старой крепости уходит высоко в горы тропка, ведет к темному переходу, а с той стороны из расщелины вниз на равнину... и так далее.

— А ты знаешь, как называется этот темный переход? — спросил Фарамир.

— Нет, — сказал Фродо.

— Он называется Кирит-Унгол.

Горлум с присвистом втянул воздух и забормотал себе под нос.

— Так или не так? — обратился к нему Фарамир.

— Нет! — отрезал Горлум и вдруг завопил, точно его ткнули кинжалом: — Да-да, мы слышали это название, зачем нам его знать? Хозяин сказал, ему нужно пройти, и, раз проход есть, мы постараемся. Больше нигде пройти нельзя, нет.

— Больше нигде? — спросил Фарамир. — А ты откуда знаешь? Никто не обходил рубежи черного государства. — Он долго и задумчиво смотрел на Горлума и наконец сказал: — Забери его отсюда, Анборн. Помягче с ним, но глаз не спускай. А ты, Смеагорл, не вздумай нырнуть в озеро: там очень острые скалы, и смерть постигнет тебя раньше времени. Уходи и возьми свою рыбину!

Горлум приниженно потащился к выходу. Анборн пошел следом, по знаку Фарамира задернув занавеску.

— Фродо, по-моему, ты поступаешь безрассудно, — сказал Фарамир. — По-моему, не надо тебе с ним идти. Порченая это тварь.

— Ну, не совсем порченая, — возразил Фродо.

— Может быть, и не совсем, — согласился Фарамир, — но злоба изгрызла его насквозь. Он вас до добра не доведет. Расстанься с ним, я дам ему пропуск, а лучше провожатого до любого пограничья Гондора.

— Он не согласится, — сказал Фродо. — Он потащится за мной, как уж давно таскается. И я подтвердил обещание взять его на поруки и пойти, куда он сказал. Ты ведь не хочешь склонить меня к вероломству?

— Нет, — сказал Фарамир. — Но у меня сердце не на месте. Конечно, одно дело — нарушить слово самому, другое — советовать это другу, который вслепую бредет по краю пропасти. Ну да если он все равно за тобой увяжется, то лучше уж пусть будет

на глазах. Однако ж не думаю, что ты должен идти с ним через Кирит-Унгол, о котором он говорит далеко не все, что знает, — это яснее ясного. Не ходи через Кирит-Унгол!

— А куда мне идти? — сказал Фродо. — Назад к Черным Воротам, сдаваться стражникам? Почему тебя так пугает название, что ты знаешь об этом переходе?

— Ничего достоверного, — сказал Фарамир. — В наши дни гондорцы не заходят восточнее большака, а уж мы, кто помоложе, и подавно там не были и близко не подходили к Изгарным горам. Старинные слухи да древние сказания — больше положиться не на что. Но в памяти людской переход над Минас-Моргулом таит безымянный ужас. Когда говорят «Кирит-Унгол», наши старцы и знатоки преданий бледнеют и смолкают.

Долину Минас-Моргула мы потеряли давным-давно, и чудовищной стала она, еще когда изгнанный Враг не возвратился, а Итилия большей частью пребывала под нашей державой. Как ты знаешь, там некогда высилась могучая, дивная, горделивая крепость Минас-Итил, сестра-близнец нынешней столицы. Но ее захватили шайки бесчисленных головорезов, прежних наймитов Врага, которые разбойничали в тех краях после его низвержения. Говорят, их предводителями были нуменорцы, порабощенные злом, владетели властительных Колец, пожранные ими и превратившиеся в живые призраки, жуткие и лютые. Они сделали Минас-Итил своим обиталищем и объяли тленом ее и окрестную долину. Казалось, крепость пуста, но это лишь казалось, ибо нежить царила в разрушенных стенах. Девять Кольценосцев, которые по возвращении их Владыки, тайно приуготованном, безмерно усилились, и Девять Всадников выехали из обители ужаса, и мы не смогли им противостоять. Не подходи к их полой твердыне. Тебя выследят: неживые не спят и не гаснут их безглазые глазницы. Не ходи этим путем!

— А каким прикажешь идти? — спросил Фродо. — Ты же не можешь, сам говоришь, довести меня до гор и перевести через них. Мне нужно за горы, я дал на Совете торжественное обещание найти туда путь или погибнуть. А если я убоюсь страшной участи и пойду на попятный, куда я направлюсь? К эльфам? К людям? Не в Гондор же нести залог лиходейства, ополоумивший твоего брата? Какие чары опутают тогда Минас-Тирит? Хочешь, чтобы два Минас-Моргула, как два черепа, скалились друг на друга через мертвенную пустыню?

— Нет, этого я не хочу, — сказал Фарамир.

— А что тогда прикажешь мне делать?

— Не знаю. Только мучительна мне мысль, что ты идешь на смерть или на пытку. И вряд ли Митрандир избрал бы этот путь.

— Но Митрандира нет, и я должен сам избирать путь, какой найдется. А искать некогда.

— Роковое решение и безнадежная затея, — сказал Фарамир. — Но послушай меня хоть в этом: берегись своего провожатого, Смеагорла. У него на совести не одно убийство — я это вижу как на ладони. — Он вздохнул. — Ну что ж, вот мы и расстаемся, Фродо, сын Дрого. Тебе ни к чему слова утешенья, и едва ли суждено нам с тобой свидеться на земле. Будь благословен — и ты, и весь твой народ. Немного отдохни, пока вам соберут в дорогу припасов.

Охотно послушал бы я, как этот ползучий Смеагорл завладел тем залогом, о котором шла речь, и как он утратил его, но сейчас тебе не до рассказов. А если ты все же вернешься к живым из смертного мрака, то мы сядем с тобою на солнце у белой стены, будем с улыбкой повествовать о минувших невзгодах — тогда расскажешь и об этом. Но до той несбыточной поры или до иных, нездешних времен, незримых даже в глубине всевидящих Камней Нуменора, — прощай!

Он встал, низко поклонился Фродо и, отдернув занавесь, вышел в пещеру.

Глава VII

К РАЗВИЛКУ ДОРОГ

Фродо и Сэм вернулись на свои постели и долеживали молча, а люди кругом вставали и возвращались к дневным заботам. Вскоре им принесли умыться, потом проводили к столику, накрытому на троих, где уже сидел Фарамир. Он целые сутки не спал, даже не прилег отдохнуть после битвы, но словно бы и не утомился.

Позавтракали и сразу поднялись из-за стола.

— Голодать в пути не след, — сказал Фарамир, — а припас ваш скудный, и я велел уложить вам в котомки понемногу дорожной снеди. Водой Итилия богата, только не пейте из рек и ручьев, протекающих через Имлад-Моргул, Неживую Логовину. И вот еще что. Мои разведчики и дозорные все возвратились, даже те, кто ходил к Мораннону. И все доносят, что край пуст — никого на дорогах, нигде ни звука: ни шума шагов, ни пения рога, ни звона тетивы. Черная страна, да не будет она названа, замерла. Понятно, что это предвещает: вот-вот грянет великая буря. Поторопитесь! Если вы готовы, пойдемте, скоро уж солнце выглянет из-за вечной тени Изгарных гор.

Хоббитам принесли потяжелевшие котомки и два крепких

посоха — полированных, с железным наконечником и резной рукоятью с продернутой ременной косицей.

— Мне нечем одарить вас на прощанье, — сказал Фарамир, — возьмите хоть посохи. Пригодятся и на бездорожье, и в горах: с такими ходят горцы Эред-Нимрайса, а эти обрезаны вам по росту и заново подбиты. Они из добротной древесины *лебетрона*, излюбленной гондорскими столярами, и есть поверье, будто волшебное это дерево помогает найти, что ищешь, и благополучно вернуться. Да сохранит волшебство свою светлую силу в сумраке зла!

Хоббиты низко поклонились.

— О радушный хозяин, — сказал Фродо, — мне предрекал полуэльф Элронд, что на пути мы встретим нежданных и негаданных помощников. Но поистине я не ждал и не чаял встретить такое радушие; оно несказанно утешило меня в моей скорби.

Приготовились к отходу. В каком-то закоулке отыскали и привели Горлума, и он был не такой разнесчастный, как давеча, только жался к Фродо и избегал взгляда Фарамира.

— Вашему проводнику мы завяжем глаза, — сказал Фарамир, — но ты и слуга твой Сэммиум свободны от этой повинности.

Когда подошли к Горлуму с повязкой, он завизжал, увернулся и схватился за Фродо, а тот сказал:

— Завяжите глаза всем троим, мне первому; может, он тогда поймет, что его не хотят обидеть.

Так и сделали. Из пещеры Хеннет-Аннуна провели их переходами и лестницами, и в лицо им пахнул свежий, душистый утренний воздух. Еще немного прошли вслепую, спустились под гору, и голос Фарамира приказал снять повязки.

Над их головой покачивались ветви, перешептывалась листва; гул водопадов смолк, они остались за длинным южным склоном холма, отделившим их от реки. На западе лес сквозил, как над обрывом на краю света.

— Здесь нам расходиться, — сказал Фарамир. — Послушайтесь меня и пока не сворачивайте к востоку. Ступайте прямо — много миль пройдете под покровом леса. Справа за опушкой спуск в широкую долину, местами обрывистый, местами пологий. Держитесь у края леса, поближе к этим склонам. Поначалу, я думаю, вам и дневной свет не помеха: земля объята ложным покоем и зло затаилось. Воспользуйтесь этим!

Он обнял хоббитов, по гондорскому прощальному обыкновению положил им руки на плечи и, склонившись, поцеловал в лоб.

— Ступайте же, и добро да будет вашей обороной! — сказал он.

Они поклонились земным поклоном. Он, не оборачиваясь, пошел к дружинникам, дожидавшимся поодаль. Во мгновение ока все три зеленых воина исчезли, затерялись в лесу, и пусто было там, где сейчас только стоял Фарамир, словно все, что случилось, было во сне.

Фродо вздохнул и повернулся лицом к югу. Для пущего неуважения Горлум копошился во мху под корневищем.

— Убралиссь наконец-то? — спросил Горлум. — Мерзкие, злые людишки! У Смеагорла шеинька еще болит, да, да-ссс. Пойдем сскорее!

— Да, пошли, — сказал Фродо. — Но чем бранить тех, кто сжалился над тобой, лучше бы помолчал!

— Добренький хозяин! — сказал Горлум. — Нельзя уж и пошутить Смеагорлу. Он всех всегда сразу прощает, да-да, и хозяину простил его обманцы. Такой добренький хозяин, такой послушненький Смеагорл!

Фродо и Сэм смолчали, закинули за плечи котомки, взяли посохи и двинулись в путь по итильскому лесу.

Дважды за день они отдохнули и поели Фарамировой спеди: сухих фруктов и солонины — запас многодневный, а хлеба ровно столько, чтоб не зачерствел. Горлум от еды отказался.

Солнце взошло, невидимкой проплыло по небесам и вот уж садилось, расструив золотистый свет по западной окраине леса, а они все шли и шли в прохладном зеленом сумраке, в глухой тишине. Все птицы либо улетели, либо онемели.

В молчаливом лесу быстро смерклось, и они заночевали, притомившись: семь лиг, не меньше, прошли от Хеннет-Аннуна. Фродо разлегся на мшистой подстилке возле старого дерева и спал всю ночь без просыпу, зато Сэм рядом с ним то и дело поднимал голову, но Горлума было не видать — он как улизнул сразу, так и не показывался: может, забился в какую дыру, а может, живоглотничал. Вернулся он с первым лучом и разбудил спутников.

— Вставать надо, вставать! — сказал он. — Еще далеко идти, на юг и потом на восток. Хоббитам лучше поспешить!

День прошел, как и накануне, только безмолвие углублялось; воздух отяжелел, и па́рило под деревьями. Казалось, вот-вот зарокочет гром. Горлум останавливался, принюхивался, бормотал под нос и торопил их.

На третьем дневном переходе, уже под вечер, лес поредел,

деревья покрупнели. Среди полян угрюмо и важно раскинули ветви огромные падубы, между ними высились дряхлые лишаистые ясени, могучие дубы пустили буро-зеленую поросль. В траве на прогалинах пестрели цветочки ветреницы и чистотела, белые и голубые, свернувшиеся на ночь; из заплесневелых россыпей листвы лесных гиацинтов пробивались глянцевитые молодые ростки. Нигде ни зверя, ни птицы, но Горлум боялся открытых мест, и они, пригибаясь, перебегали из тени в тень.

Уже в полумраке вышли они на опушку и уселись под старым шишковатым дубом, чьи змеистые корни торчали над сыпучим обрывом. Перед ними расстилалась тусклая глубокая долина; на дальней ее стороне снова густел и тянулся на юг серо-голубой лес в дымчатом полумраке. Справа, далеко на западе, розовели в закатных огнях кряжи Белогорья. Слева застыла тьма: там возвышались утесистые стены Мордора, и туда, сужаясь от Великой Реки, вклинивалась долина. По дну ее бежал поток, и его ледяной голос нарушал глухое безмолвие; подле него беловатой лентой вилась дорога, теряясь в исчерна-серой мгле, не тронутой ни отблеском заката. Фродо почудилось, будто он различает у берега Андуина как бы на плаву в тумане верхушки и шпили высоких разрушенных башен. Он обернулся к Горлуму.

— Ты знаешь, где мы сейчас?

— Да, хозяин. Это опасные места. Дорога от Лунной Башни к развалинам города на берегу реки. Мерзкие развалины, там полным-полно врагов. Не надо было слушать людей. Хоббиты далеко отошли от тропы. Сейчас нужно идти на восток, туда, наверх. — Он махнул жилистой рукой в сторону мрачных гор. — А по дороге идти нельзя, нет-нет! Ее стеречь посылают страшных людей из Башни.

Фродо поглядел на дорогу. Она, безлюдная и пустынная, вела в туман, к заброшенным руинам. Но было зловещее чувство, будто по ней и в самом деле проходят существа, незримые глазу. Фродо, зябко передернувшись, снова взглянул на дальние шпили, тонувшие в сумерках, и словно заново услышал леденящий плеск реки, голос Моргулдуина, отравленного потока из логовины призраков.

— Как же нам быть? — сказал он. — Шли мы долго, прошли много. Может быть, пока не будем выходить из леса, спрячемся где-нибудь и переночуем?

— Незачем прятаться в темноте, — сказал Горлум. — Днем пусть прячутся хоббиты, да, днем.

— Да ладно тебе! — сказал Сэм. — Отдохнуть-то все равно надо, хоть до полуночи, а потом уж потащимся в темноте, коли ты и правда дорогу знаешь.

Горлум нехотя согласился, и они побрели вслед за ним назад по бугристой опушке, забирая к востоку. Он опасался ночевать на земле так близко от страшной дороги, и они надумали забраться в развилину огромного падуба, под густую сень пучка ветвей: устроились скрытно и уютно, а уж темно было — хоть глаз выколи. Фродо и Сэм глотнули воды и поели хлеба с сушеными фруктами. Горлум тут же свернулся и заснул. Хоббиты глаз не смыкали.

Проснулся Горлум, должно быть, немного за полночь. Они вдруг увидели два бледных, мерцающих огня. Он вслушался и принюхался; хоббиты давно заметили, что так он определял время ночью.

— Мы отдохнули? Мы хорошо поспали? — спросил он. — Тогда пошли.

— Не отдохнули и не поспали, — проворчал Сэм. — Надо, так идем.

Горлум спрыгнул с дерева сразу на карачки, хоббиты медленно слезли. Он повел их вверх по склону на восток. Стемнело так, что они чуть не наталкивались на деревья. Идти в темноте по буеракам было трудновато, но Горлума это не смущало. Он вел их сквозь кустарник и заросли куманики, огибал глубокие овраги; иногда они спускались в темные кустистые ложбинки и выбирались оттуда, а восточные скаты становились все круче. Оглянувшись на первом привале, они увидели, что лес остался далеко внизу, он лежал огромной тенью, словно сгустившаяся темнота. Темень еще гуще наползала с востока, и меркли без следа крохотные мутные звездочки. Потом из-за длинной тучи выглянула заходящая луна в мутно-желтой поволоке.

Наконец Горлум обернулся к хоббитам.

— Скоро день, — сказал он. — Надо хоббитцам поторопиться. Здесь днем нельзя на открытых местах, совсем нельзя. Скореньки!

Он пошел быстрее, и они еле поспевали за ним. Началась большая круча, заросшая утесником, черникой и низким терном; то и дело открывались обугленные прогалы — следы недавнего огня. Наверху утесник рос сплошняком: высокий, старый и тощий понизу, он густо ветвился и осыпан был желтыми искорками-цветками с легким пряным запахом. Хоббиты, почти не пригибаясь, шли между шиповатых кустов по колкой мшистой подстилке.

Остановились на дальнем склоне горбатого холма и залезли отдохнуть в терновую заросль: глубокую рытвину прикрывали оплетенные вереском иссохшие узловатые ветви-стропила,

кровлей служили весенние побеги и юная листва. Они полежали в этом терновом чертоге. Устали так, что и есть не хотелось, выглядывали из-под навеса и дожидались дня.

Но день не наступил: разлился мертвенно-бурый сумрак. На востоке под низкой тучей трепетало багровое марево — не рассветное, нет. Из-за бугристого всхолмья супились кручи Эфель-Дуата, стена ночного мрака, а над ней черные зазубренные гребни и угловатые вершины в багровой подсветке. Справа громоздился еще чернее высокий отрог, выдаваясь на запад.

— В какую нам сторону? — спросил Фродо. — Там что, за этим кряжем, логовина Моргула?

— А чего примериваться? — сказал Сэм. — Дальше-то пока не пойдем, все-таки день, какой ни на есть.

— Может быть, пока и не пойдем, может быть, и нет, — сказал Горлум. — Но идти надо скорей — и поскорее к Развилку, да, к Развилку. Хозяин правильно подумал — нам туда.

Багровое марево над Мордором угасло, а сумрак густел: чадное облако поднялось на востоке и проползло над ними. Фродо и Сэм поели и легли, но Горлум мельтешился. Есть он не стал, отпил воды и выполз из рытвины, а потом и вовсе исчез.

— Мышкует небось, — сказал Сэм и зевнул. Был его черед спать, и сон его тут же сморил. Ему снилось, что он возле Торбы-на-Круче и чего-то он такое ищет на огороде, но тяжко навьючен и чуть землю носом не бороздит. Там все почему-то заросло и как-то запаршивело: сплошные репьи да купыри, аж до нижней изгороди. «Работенки невпроворот, а я, как на грех, уставши, — приговаривал он и вдруг вспомнил, что ему надо. — Да трубку же!» — сказал он и проснулся.

— Вот дубина! — обругал он себя, открыв глаза и раздумывая, с чего бы это он валяется под забором. Потом сообразил, что трубку искать не надо — она в котомке, а табаку-то нет — и что он за сотни миль от Торбы. Он сел. Было темным-темно. Ишь, хозяин додумался: не будить его до самого вечера! — Это вы совсем не спали, сударь? — строго сказал он. — Времени-то сколько? Вроде уже поздно.

— Нет, не поздно, — сказал Фродо. — Просто день становится все темнее. А так-то и за полдень, поди, еще не перевалило, и проспал ты не больше трех часов.

— Интересные дела, — сказал Сэм. — Это что ж, буря собирается? Такой бури небось еще и на свете не бывало. Не худо бы забраться куда и поглубже, а то вон веточками прикрылись. — Он прислушался. — Что это, гром, барабаны или так просто тарахтит?

— Не знаю, — сказал Фродо. — Уж давно затарахтело. То будто земля дрожит, а то словно кровь стучит в ушах.

Сэм огляделся.

— А где Горлум? — спросил он. — Неужто не приходил?

— Нет, — сказал Фродо. — Ни слуху ни духу.

— Ну, невелика потеря, — сказал Сэм. — Такой кучей дерьма я еще никогда не запасался в дорогу. Это надо же, сто миль провисеть на шее, а потом запропаститься, как раз когда в тебе есть нужда, хотя какая в нем нужда — это еще вопрос.

— Ты все-таки не забывай Болота, — сказал Фродо. — Надеюсь, ничего с ним не стряслось.

— А я надеюсь, что он ничего не затевает или хотя бы не угодил, как говорится, в хорошие лапы, а то нам крутенько придется.

Опять прокатилось громыхание, гулче и ближе. Земля под ними задрожала.

— Куда уж круче, — сказал Фродо. — Вот, наверно, и конец нашему путешествию.

— Может, и так, — согласился Сэм, — только мой Жихарь говорил: «Поколь жив, все жив» — и добавлял в придачу: «А не помрешь, так и есть захочется». Вы перекусите, сударь, потом на боковую.

«Хошь — день, а не хошь — как хошь», — говорил себе Сэм, выглядывая из-под тернового укрытия. Бурая мгла превращалась в бесцветный непроницаемый туман. Стояла холодная духота. Фродо спал беспокойно, ворочался и метался, бормотал во сне. Дважды Сэму послышалось имя Гэндальфа. Время тянулось по-страшному. Наконец Сэм услышал за спиной шипение и, обернувшись, увидел Горлума на карачках; глаза его сверкали.

— Вставайте, вставайте! Вставайте, сони! — зашептал он. — Вставайте быстренько! Нельзя мешкать, нисколько нельзя. Надо идти, надо выходить сейчас. Мешкать нельзя!

Сэм недоуменно взглянул на него: перепугался, что ли, или так гоношится?

— Прямо сейчас? Чего это ты вскинулся? Еще не время. Еще и полдничать-то не время: в порядочных домах даже на стол собирать не начали.

— Глупости! — засипел Горлум. — Мы не в порядочных домах. Время уходит, время бежит, потом будет поздно. Мешкать нельзя! Надо идти! Вставай, хозяин, вставай!

Он потряс за плечо Фродо, и Фродо, внезапно разбуженный, сел и перехватил его руку. Горлум вырвался и попятился.

— Без всяких глупостей, — процедил он. — Надо идти. Нельзя мешкать!

Объяснений они от него не добились, не сказал он, и где был, и с чего так заторопился. Донельзя подозрительно все это было Сэму, но Фродо вникать не хотел. Он вздохнул, вскинул котомку и, видно, готов был брести невесть куда, в густую темень.

Со всей осторожностью вывел их Горлум на гору, прячась, где только возможно, и перебегая открытые места; но едва ли и самый зоркий зверь углядел бы хоббитов в капюшонах и эльфийских плащах, да и бесшумны они были, как сущие хоббиты: ни веточка не хрустнула, ни былинка не прошелестела.

Час или около того они молча шли гуськом в сумраке и полной тишине, лишь изредка погромыхивали то ли раскаты грома, то ли барабаны в горах. Они спускались, забирая все южнее, насколько позволяли буераки. Невдалеке темной стеной возникла купа деревьев. Подобравшись ближе, они увидели, что деревья огромные и очень старые, но все же величавые, хотя обугленные их вершины были обломаны, будто в них била молния, но ни она, ни свирепая буря не смогли сгубить их или выдрать из земли вековые корни.

— Развилок, да, — прошептал Горлум, молчавший от самой рытвины. — Нам его не миновать.

Свернув на восток, он повел их в гору, и вдруг перед глазами открылась Южная дорога, извивавшаяся у горных подножий и исчезавшая меж деревьев.

— Иначе не пройти, — шепнул Горлум. — За дорогой тропок нет, ни тропочки. Надо дойти до Развилка. Мешкать нельзя! Только ни слова!

Скрытно, будто разведчики во вражеском стане, сползли они вниз к дороге и по-кошачьи крались у западной обочины, подле серого парапета, сами серее камней. И вошли в древесную колоннаду, как в разрушенный дворец под темным пологом небес, и словно арки зияли промежутки меж исполинскими стволами. Посреди колоннады крестом расходились четыре дороги: одна вела назад, к Мораннону, другая — на дальний юг, справа вздымалась дорога из древнего Осгилиата: она пересекала тракт и уходила на восток, в темноту; туда и лежал их путь.

На миг остановившись в страхе, Фродо вдруг заметил, что кругом посветлело и отблесками дальнего света озарилось лицо Сэма. Он обратил взгляд к прямой, как тугая лента, дороге книзу, на Осгилиат. Далеко над скорбным Гондором, одетым тенью, солнце выглянуло из-под медленной лавины туч, и огнистое крыло заката простерлось к еще не оскверненному Морю. И осветилась огромная сидячая фигура, величественная, под стать Каменным Гигантам на Андуине. Обветренная тысячелетиями, она была покалечена и изуродована недавно. Голову

отломали, на место ее в насмешку водрузили валун: грубо намалеванная рожа с одним красным глазом во лбу ухмылялась во весь рот. Колени, высокий трон и постамент были исписаны бранными словами и разрисованы мерзостными мордорскими иероглифами.

И вдруг Фродо увидел в последних солнечных лучах голову старого государя, брошенную у дороги.

— Гляди, Сэм! — крикнул он, от изумления снова обретя дар речи. — Гляди! Он в короне!

Глаза были выбиты и отколота каменная борода, но на высоком суровом челе появился серебряно-золотой венец. Повилика в белых звездочках благоговейно обвила голову поверженного государя, а желтые цветы жив-травы, заячьей капусты осыпали его каменные волосы.

— Не вечно им побеждать! — сказал Фродо.

Но солнечные блики уже пропали, а солнце погасло, как разбитая лампа, и ночная темень стала еще чернее.

Глава VIII

БЛИЗ КИРИТ-УНГОЛА

Горлум дергал Фродо за плащ и трясся от страха и нетерпения.

— Идти, идти надо, — шипел он. — Здесь нельзя стоять. И мешкать нельзя!

Фродо нехотя повернулся спиной к западу и следом за своим провожатым вышел из кольца деревьев дорогой, уводящей в горы. Сперва она тоже вела прямо, но скоро отклонилась на юг, к огромному каменному утесу, виденному с холма; проступая сквозь темноту, он грозно придвинулся к ним. Дорога заползла в его тень и, огибая отвесное подножие, подалась к востоку и круто пошла в гору.

У Фродо и Сэма было так тяжко на сердце, что они перестали заглядывать в будущее, и страх отпустил их. Фродо брел, свесив голову: ноша опять тяготила его. Как только они свернули с Развилка, этот гнет, почти забытый в Итилии, усиливался с каждой минутой. Изнывая от крутизны дороги под ногами, он устало поднял взгляд — и увидел *ее*, в точности как говорил Горлум, прямо над собой: крепость Кольценосцев. Его отшатнуло к парапету.

Длинная долина теневым клином вдавалась в горы. По ту ее сторону, на высоком уступе, точно на черных коленях Эфель-Дуата, высились башня и стены Минас-Моргула. Над темной

землей застыло темное небо, а крепость светилась, но не тем оправленным в мрамор лунным сиянием, каким лучились некогда стены Минас-Итила, озаряя окрестные горы. Теперь ее свет был болезненно-мутным, лунно-белесым; она источала его, точно смрадное гниение, светилась, как гниющий труп, не освещая ничего. В стенах и башне зияли черные оконные дыры, а купол был извернуто скруглен: мертвец, казалось, косится с ухмылкой. Три спутника замерли и съежились, глядя как завороженные. Горлум опомнился первым. Он молча тянул их за плащи и чуть не тащил вперед. Каждый шаг был мучителен, время растянулось, и тошнотворно медленно ступала нога.

Так они добрели до белого моста. Дорога, слабо мерцая, пересекала поток посреди долины и подбиралась извивами к воротам — черной пасти в северной стене. По берегам протянулись плоские низины, туманные луга в беловатых цветах. Они светились по-своему, красивые и жуткие, точно увиденные в страшном сне, и разливали гниловато-кладбищенский запах. Мост вел от луга к лугу; изваяния стояли при входе — искусные подобия людей и зверей, бредовые искажения земных обличий. Вода струилась беззвучно; клубясь, овеивали мост ее мертвенно-холодные отравные испарения. У Фродо закружилась голова и в глазах померкло; вдруг, словно незримая сила одолела его волю, он заторопился, заковылял вперед, вытянув руки; голова его моталась. Сэм с Горлумом оба кинулись за ним. Сэм подхватил хозяина: тот споткнулся и чуть не упал у самого входа на мост.

— Не сюда! Нет, только не сюда! — прошептал Горлум, но его шипение сквозь зубы свистом прорезало безмолвие, и он в ужасе бросился наземь.

— Постойте, сударь! — выдохнул Сэм в самое ухо Фродо. — Назад, назад! Нам не сюда, на этот раз я с Горлумом согласен.

Фродо провел рукой по лбу и оторвал взгляд от крепости на возвышении. Светящаяся башня притягивала его, и он боролся с мучительным, тягостным желанием стремглав побежать к воротам по мерцающей дороге. Наконец он кое-как пересилил тягу, но Кольцо опять рвануло его на мост точно за ошейник; глаза его, когда он отвернулся, внезапно ослепли, и перед ним сомкнулась темнота.

Горлум отполз, как насмерть перепуганный пес, и уже почти исчез во мгле. Сэм, поддерживая и направляя шаги спотыкавшегося хозяина, торопился за ним.

Недалеко от берега реки в придорожной стене был пролом, за ним оказалась узенькая тропка, сперва тоже слабо мерцавшая, но, миновав луга с кладбищенскими цветочками, она потускнела и почернела, извиваясь и уходя все выше в гору, к се-

верной окраине долины. Хоббиты брели по ней рядышком; Горлум исчезал впереди и возвращался, маня их знаками. Глаза его горели бледно-зеленым огнем — может, отражали гнилостное свечение Моргула, а может, сами зажглись. Мертвечинный свет и черные башенные глазницы Фродо и Сэм все время чувствовали за спиной, испуганно озираясь и насильно возвращая взгляд к невидной тропе. Они еле тащились, и лишь когда поднялись выше смрадных испарений отравленного потока, дышать стало легче и в голове прояснилось, но теперь набрякли свинцом руки и ноги, будто они всю ночь ворочали камни или выплыли против сильного течения. Наконец идти дальше сделалось совсем невмоготу.

Фродо остановился и присел на камень. Они были на вершине голого утеса; дальше тропка кружила над обрывом, вползала на кручу и пропадала в темноте.

— Мне бы немного отдохнуть, Сэм, — прошептал Фродо. — Как тяжело висит оно на шее, дружище Сэм, о, как тяжело! Далеко я его не пронесу. И все равно надо сперва отдохнуть, а то недолго и сверзиться. — И он указал на пропасть.

— Шшшш! Шшш! — шипел Горлум, быстро вернувшись к ним. — Шшш! — Он прижимал палец к губам и качал головой, потянул Фродо за рукав и указал ему на тропку, но Фродо и шевельнуться не мог.

— Нет, погоди, — сказал он, — нет, погоди.

Неимоверная усталость сковала его, как заколдовала.

— Нет, надо отдохнуть, — повторил он.

От страха и трепета Горлум опять заговорил — из-под руки, как бы тая́ свой еле слышный шепот от невидимых ушей:

— Только не здесь, нет. Здесь нельзя отдыхать. Дураки! Глаза нас видят. С моста нас увидят. Идем скорей. Наверх, наверх! Скорей!

— Идемте, сударь, — сказал Сэм. — Опять он прав. Не место здесь отдыхать.

— Ладно, — сказал Фродо тусклым голосом, точно в полусне. — Попробую.

И он устало поднялся на ноги.

Но было поздно. Утес под ними содрогнулся. Тяжкое громыхание, гораздо гулче прежнего, прокатилось по долине и отдалось в горах. Вдруг небо на северо-востоке озарила чудовищная огневая вспышка, и низкие тучи окрасились багрянцем. В оцепенелой, залитой мертвенной тенью бледной долине красный свет показался невыносимо яростным и ослепительным.

Пламя Горгорота взметнуло к небу хребетные гребни, как зазубренные клинки. И загрохотал гром.

Минас-Моргул отозвался: ударили в небеса лиловые молнии, вспарывая тучи синеватым пламенем. Земля застонала, и дикий вопль раздался из крепости. В нем слышались хриплые крики точно бы хищных птиц и бешеное ржание ярящихся в испуге лошадей, но все заглушал леденящий пронзительный вой, ставший недоступным слуху и трепещущий в воздухе. Хоббитов приподняло и швырнуло оземь, они зажали уши руками.

Вой сменился долгим злобно-унылым визгом, и, когда все смолкло, Фродо медленно поднял голову. По ту сторону узкой долины почти вровень с его глазами высились стены смертоносной крепости и зияли ее ворота — отверстая зубастая пасть. Они были распахнуты настежь, и оттуда выходило войско.

Все воинство было в черном, под стать ночи. Из-за восковых стен по светящимся плитам выступали ряд за рядом, быстро и молчаливо, черные ратники, и не было им конца. Впереди в едином сомкнутом строю ехала конница, а во главе ее — всадник и конь крупнее всех остальных, и всадник на черном коне был в черном плаще и латах, и лишь поверх его опущенного капюшона мерцал замогильным светом шлем — или, быть может, венец. Он подъезжал к мосту, и Фродо не мог ни сморгнуть, ни отвести от него широко раскрытых глаз. Так это же Предводитель Девятерых Кольценосцев возвращался на землю во главе несметного воинства? Да, это был он, тот самый костистый король-мертвец, чья ледяная рука пронзила Хранителя Кольца смертельным клинком. И старая рана страшно заныла, и холод подобрался к сердцу Фродо.

И когда он застыл, пригвожденный ужасом и зачарованный, Всадник внезапно остановился у самого моста, а за ним стало все войско. Тишина омертвела. Должно быть, главарь призраков расслышал зов Кольца и на миг смутился, почуяв в своей долине присутствие иной мощи. Венчанная мертвенным блеском черная голова поворачивалась, проницая темень невидимыми очами. Фродо оцепенел, как птичка при виде подползшей змеи, и почувствовал во сто крат сильнее, чем бывало прежде, властный приказ надеть Кольцо. Однако теперь он ничуть не хотел подчиниться. Он знал, что Кольцо выдаст его и что ему не под силу тягаться с Моргульским властителем — пока не под силу. Скованный смертным страхом, он испытывал гнетущее принуждение извне; ответного побуждения не было. Его рука пошевелилась — Фродо, томимый предчувствием, безвольно наблюдал со стороны, словно читая жуткую повесть, — и поползла к цепочке на шее. Наконец воля Фродо проснулась и подвела руку к какому-то предмету, спрятанному у сердца, хо-

лодному, твердому, — и ладонь его сжала фиал Галадриэли, забытый и как бы ненужный до этой роковой минуты. И всякая мысль о Кольце покинула его; он вздохнул и опустил голову.

В тот же миг Повелитель призраков тронул коня и вступил на мост; мрачное полчище двинулось за ним. Может статься, незримый его взор обманули эльфийские накидки, а окрепнувший духом, независимый маленький враг стал незаметным. К тому же он торопился. Урочный час пробил, и по мановению своего Властелина он обрушивался войной на Запад.

И он промчался зловещей тенью вниз по извилистой дороге, а по мосту все проходил за строем строй. Со дней Исилдуровых не выступало такой рати из долины Минас-Итила, никогда еще не осаждало Андуинские броды столь свирепое и могучее воинство, и однако же это было лишь одно, и не самое несметное, из полчищ, которые изрыгнул Мордор.

Фродо шевельнулся, и вдруг мысли его обратились к Фарамиру. «Вот буря и грянула, — подумал он. — Стальная туча мчится на Осгилиат. Успеет ли Фарамир переправиться? Он предвидел это, но все же не застанут ли его врасплох? Броды гондорцы не удержат: кто сможет противостоять Первому из Девятерых Всадников? А вслед ему не замедлят и другие несметные рати. Я опоздал. Все пропало. Я замешкался в пути. Все погибло. Если даже я исполню поручение, все равно об этом никто никогда не узнает. Кто останется в живых, кому рассказать? Все было зря, все напрасно». Обессилев от горя, он заплакал, а Моргульское войско все шло и шло по мосту.

Потом откуда-то издалека, словно бы в Хоббитании ранним солнечным утром, когда пора было просыпаться и растворялись двери, послышался голос Сэма: «Проснитесь, сударь! Проснитесь» — и, если бы голос прибавил: «Завтрак уже на столе», он бы ничуть не удивился. Вот приставучий Сэм!

— Очнитесь, сударь! — повторял он. — Они прошли.

Лязгнули, закрываясь, ворота Минас-Моргула. Последний строй копейщиков утонул в дорожной мгле. Башня еще скалилась мертвенной ухмылкой, но на глазах тускнела, и крепость окутывалась сумрачной тенью, воцарялось прежнее безмолвие, и по-прежнему глядели изо всех черных окон недреманные очи.

— Очнитесь, сударь! Они умотали, и нам тоже надо живенько сматывать удочки. Тут караулит глазастая нежить, того и гляди, увидят, и они-то тебя да, а ты-то их нет, извините, ежели непонятно, мне и самому не очень. Но тут поторчи на месте, и мигом тебя накроют. Пойдемте, сударь!

Фродо поднял голову и встал на ноги. Отчаяние осталось, но бессилие он одолел. Он даже угрюмо улыбнулся: наперекор всему вдруг стало яснее ясного, что ему надо из последних сил

выполнять свой долг, а узнают ли об этом Фарамир, Арагорн, Элронд, Галадриэль или Гэндальф — дело десятое. Он держал в одной руке посох, в другой — фиал; заметив, что ясный свет уже струится из-под его пальцев, он спрятал фиал обратно и прижал его к сердцу. Потом, отвернувшись от Моргульской крепости — сереющего пятна в темной логовине, — он изготовился в путь.

Видимо, Горлум бросил хоббитов и уполз наверх, в темень, когда открылись ворота Минас-Моргула. Теперь он приполз обратно. Зубы его клацали, длинные пальцы дрожали.

— Дурачки! Глупыши! — шипел он. — Нельзя мешкать! Пусть они не думают, что опасность миновала, нет. Не мешкайте!

Не отвечая, они пошли за ним по краю пропасти. Это было жутковато даже после всех пережитых ужасов, но вскоре тропа свернула за выступ скалы и нырнула в узкий пролом — должно быть, к первой лестнице из обещанных Горлумом. Там было своей протянутой руки не видно, и только сверху светились два бледных огонька: Горлум повернул к ним голову.

— Осторожней! — шепнул он. — Тут ступеньки, много-много ступенек. Надо очень осторожно!

И опять не соврал: хотя Фродо и Сэму полегчало — все ж таки стены с обеих сторон, — но лестница была почти отвесная, и чем выше карабкались они по ней, тем сильнее оттягивал черный провал позади. Ступеньки были узкие, неровные, ненадежные: стертые и скользкие, а некоторые просто осыпались под ногой. Хоббиты лезли и лезли, хватаясь непослушными, онемелыми пальцами за верхние ступеньки и заставляя сгибаться и разгибаться ноющие колени, а лестница все глубже врезалась в утес, и все выше вздымались стены над головой.

Наконец, когда руки-ноги отказали, вверху снова зажглись горлумские глаза.

— Поднялиссь, — прошептал он. — Первая лестница кончилась. Высоко вскарабкались умненькие хоббитцы, очень высоко. Еще немножечко ступенечек, и все.

Пошатываясь и тяжело пыхтя, Сэм, а за ним Фродо вылезли на последнюю ступеньку и принялись растирать ступни и колени. Они были в начале темного перехода, который тоже вел наверх, но уже не так круто и без ступенек. Горлум не дал им толком передохнуть.

— Дальше будет другая лестница, — сказал он. — Гораздо длиньше. Взберемся по ней, тогда и отдохнете. Здесь еще рано.

Сэм застонал.

— Длиньше, говоришь? — переспросил он.

— Да-да, длиньше, — сказал Горлум. — Но легче. Хоббиты карабкались по Прямой лестнице. Сейчас начнется Витая лестница.

— А там что? — спросил Сэм.

— Там поссмотрим, — тихо проговорил Горлум. — О да, там мы поссмотрим!

— Ты вроде говорил, что дальше проход? — сказал Сэм. — Темный-темный проход?

— Да-да, там длинный проход под скалой, — сказал Горлум. — Но хоббитцы сначала отдохнут. Если они сейчас взберутся по лестнице, все будет хорошо, это уже самый верх. Почти самый верх, если они сумеют взобраться, да-ссс.

Фродо вздрогнул. Карабкаясь, он вспотел, а теперь ему стало зябко и одежда липла к телу: коридор продувал сквозняк с невидимых высот. Он поднялся и встряхнулся.

— Пошли, что ли! — сказал он. — Здесь не посидишь: дует.

Долгонько тащились переходом, а холодный сквозняк пронимал до костей и постепенно превращался в свистящий ветер. Видно, горы злобствовали, отдувая чужаков от своих каменных тайн и стараясь их сдунуть назад, в черный провал. Наконец стена справа исчезла — значит, все-таки вышли наружу, хотя светлее почти не стало. Мрачные громады обволакивала густая серая тень. Под низкими тучами вспыхивали красноватые зарницы, и на миг становились видны высокие пики спереди и по сторонам, точно подпорки провисающих небес. Они поднялись на много сот футов и вышли на широкий уступ: слева скала, справа бездна.

Провожатый Горлум жался к скале. Карабкаться вверх было пока что не надо, но пробираться в темноте по растрескавшемуся уступу, заваленному обломками, приходилось чуть ли не ощупью. Сколько часов прошло с тех пор, как они вступили в Моргульскую долину, ни Сэм, ни Фродо гадать не пробовали. Бесконечная ночь бесконечно тянулась.

Впереди снова выросла стена, и опять они попали на лестницу, передохнули и принялись карабкаться. Подъем был долгий и изнурительный, но хоть в гору эта лестница не врезáлась: она вилась змеей по скалистому откосу. Когда ступеньки шли краем черной пропасти, Фродо увидел внизу огромное ущелье, которым кончалась логовина. В страшной глубине чуть мерцала светляком призрачная тропа от мертвой крепости к Безымянному Перевалу. Фродо поспешно отвел глаза.

А тропка-лестница петляла, вползала по уступам и наконец вывела их в боковое ущелье к вершинам Эфель-Дуата, отклонившись от мертвяцкого пути на перевал. По обе стороны смутно виднелись щербатые зубья, заломы и пики, а между ними чернели трещины и впадины: несчетные зимы жестоко

изгрызли бессолнечный хребет. Красный свет в небесах разгорелся: может быть, это кровавое утро заглядывало в горную тень, а может, Саурон яростнее прежнего терзал огнем Горгорот. Подняв глаза, Фродо увидел еще далеко впереди конец пути — вершинный гребень в красноватом небе, рассеченный теснины между двумя черными выступами, на обоих торчали рогами острые каменные наросты.

Он остановился и присмотрелся. Левый рог был потоньше и повыше и сочился красным светом: быть может, небо в скважине. Но нет, это была черная башня у прохода. Он тронул Сэма за рукав и указал на башню.

— Здрасьте, пожалста, — сказал Сэм и повернулся к Горлуму. — Стало быть, твой тайный проход все-таки стерегут? — рявкнул он. — И ты, поди, не очень удивился?

— Здесь стерегут все ходы-выходы, — огрызнулся Горлум. — А как же! Но где-то же надо хоббитцам пройти. Здесь, может, меньше стерегут. Попробуйте, вдруг они все ушли на войну, попробуйте!

— И попробуем, — буркнул Сэм. — Ладно, дотуда еще далеко, а досюда тоже было не близко, да потом твой переход. Вы бы, сударь, отдохнули. Уж не знаю, день сейчас или ночь, но сколько мы часов на ногах!

— Да, отдохнуть не мешает, — согласился Фродо. — Спрячемся где-нибудь от ветра и соберемся с силами — напоследок.

Ему и вправду казалось, что напоследок. Какие страхи ждут их за горами и как уж там быть — это своим чередом, до этого далеко. Пока что перед ними неодолимая преграда и неусыпная стража. Зашли в тупик, и назад ходу нет, а как-нибудь проскочим — там пойдет как по маслу. Так казалось ему в тот темный час возле Кирит-Унгола, когда он, изнемогая, брел по сумрачному ущелью.

Нашли глубокую расселину между утесами. Фродо и Сэм забрались подальше, Горлум скорячился при входе. Хоббиты устроили себе роскошную трапезу, последнюю, думали они, невмордорскую, а может, и последнюю в жизни. Поели снеди из Гондора, преломили эльфийский дорожный хлебец, выпили воды — вернее сказать, смочили губы, да и то скудно.

— Где бы это нам водой разжиться? — сказал Сэм. — Ведь, наверно, и здесь, не пивши, не проживешь? Орки пьют или как?

— Пьют, — сказал Фродо. — Давай лучше про это не говорить. Их питье не для нас.

— Тогда тем более воды надо набрать, — сказал Сэм. — Только где здесь ее возьмешь: ни ручейка я не слышал. Правда, Фарамир все равно сказал, чтоб мы моргульской воды не пили.

— Ну, уж если на то пошло, он сказал: «не пейте из рек и ручьев, протекающих через Имлад-Моргул», — сказал Фродо, — а мы уже выбрались из ихней долины и если набредем на родник, то пожалуйста.

— Береженого судьба бережет, — сказал Сэм, — ну разве что подыхать буду от жажды. Дурные места, хоть и выбрались. — Он сопнул носом. — А кажись, подванивает, чуете? Чудна́я какая-то вонь, затхлая, что ли. Ох, не нравится мне это.

— Да мне здесь все не нравится, — сказал Фродо, — ни ветры, ни камни, ни тропки, ни реки. Земля, вода и воздух — все уродское. Но что поделать, сюда и шли.

— Это верно, — сказал Сэм. — Знали бы, куда идем, нипочем бы здесь не оказались. Но это, наверно, всегда так бывает. К примеру, те же подвиги в старых песнях и сказках: я раньше-то говорил — приключения. Я думал, разные там герои ходят ищут их на свою шею: ну как же, а то жить скучно, развлечься-то охота, извините, конечно, за выражение. Но не про то, оказывается, сказки-то, ежели взять из них самые сто́ящие. С виду оно так, будто сказочные люди взяли, да и попали в сказку, вот как вы сказали: сюда и шли. А они небось вроде нас: могли бы и не пойти или пойти на попятный двор. Которые не пошли — про тех мы не знаем, что с ними дальше было, потому что сказки-то не про них. Сказки про тех, кто пошли — и пришли вовсе не туда, куда им хотелось, а если все хорошо и кончилось, то это как посмотреть. Вот господин Бильбо — вернулся домой, стал жить да поживать, и все ему стало не так. Опять же хорошо, конечно, попасть в сказку с хорошим концом, да сказки-то эти, может, не самые хорошие! А мы, интересно, в какую сказку попали?

— Интересно, — согласился Фродо. — Вот уж не знаю. В настоящей сказке этого и знать нельзя. Возьми любое сказание из тех, какие ты любишь. Ты-то знаешь или хоть догадываешься, что это за сказка — с хорошим или печальным концом, а герою это невдомек. И тебе ни к чему, чтобы он догадался.

— Конечно, сударь, ни к чему. Тот же Берен — он и думать не думал добывать Сильмарилл из железной короны, а пришлось ему топать в Тонгородрим, местечко почище этого. Но про него сказка длинная-длинная, там тебе и радость, и горе под конец, а конец вовсе и не конец — Сильмарилл-то, если разобраться, потом попал к Эарендилу. Ух ты, сударь, да я же ни сном ни духом! Да у нас же... да у вас же отсвет этого Сильмарилла в той хрусталине, что вам подарила Владычица! Вот тебе на — мы, оказывается, в той же сказке! Никуда она не делась, а я-то думал! Неужто такие сказки — или, может, сказания — никогда не кончаются?

— Нет, они не кончаются, — сказал Фродо. — Они меняют героев — те приходят и уходят, совершив свое. И мы тоже раньше или позже уйдем — похоже, что раньше.

— Уйдем, отдохнем и отоспимся, — сказал Сэм и невесело рассмеялся. — А я ведь серьезно, сударь. Не как-нибудь там, а обыкновенно отдохнем, выспимся толком, с утра я в сад пойду работать. Мне ведь на самом-то деле только этого и надо, а геройствовать да богатырствовать — это пусть другие, куда мне. А вообще-то интересно, попадем мы в сказку или песню? Ну да, конечно, мы и сейчас, но я не о том, а знаете: все чтоб словами рассказано, вечерком у камина, или еще лучше — прочитано вслух из большой такой книжищи с красными и черными буквицами, через много-много лет. Отец усядется и скажет: «А нука, почитаем про Фродо и про Кольцо!» А сын ему: «Ой, давай, папа, это же моя любимая история! А Фродо был какой храбрый, правда, папа?» — «Да, малыш, он самый знаменитый на свете хоббит, а это тебе не баран чихнул!»

— Это точно, что не баран, — сказал Фродо и звонко, от всей души рассмеялся. С тех пор как Саурон явился в Средиземье, здесь такого не слыхивали. И Сэму показалось, будто слушают все камни и все высокие скалы. Но Фродо было не до них: он рассмеялся еще раз. — Ну Сэм, — сказал он, — развеселил ты меня так, точно я эту историю сам прочел. Но что же ты ни словом не обмолвился про чуть не самого главного героя, про Сэммиума Неустрашимого? «Пап, я хочу еще про Сэма. Пап, а почему он так мало разговаривает? Я хочу, чтоб еще разговаривал, он смешно говорит! А ведь Фродо без Сэма никуда бы не добрался, правда, папа?»

— Ну вот, сударь, — протянул Сэм. — Я серьезно, а вы насмешки строите.

— Я тоже серьезно, — возразил Фродо, — серьезней некуда. Только мы с тобой оба проскочили через конец, а по правде-то застряли мы на самом страшном месте, и, наверно, найдется такой, кто скажет: «Папа, закрой книжку, не надо, не читай дальше».

— Ну, не знаю, — сказал Сэм, — мои бы дети такого не сказали. А потом, коли все прополоть да обтяпать, как оно в сказке и полагается, так это хоть Горлума туда вставляй: там-то он не то что под боком. Да он же вроде любил двести лет назад сказки послушать. Вот как он сам думает — герой он или злодей? Эй, Горлум! — позвал он. — Хотишь быть героем?.. Да куда же он опять подевался?

Его не оказалось ни на прежнем месте, ни поблизости. Их снедь он есть не стал; как повелось, глотнул водички, а потом вроде бы свернулся калачиком. Прежде хоть было понятно,

куда он пропадает — ходит на добычу, кушенькать-то ему надо, но вот и сейчас умотал, пока они разговаривали. Здесь-то какая добыча?

— Чего-то он тишком мухлюет, — сказал Сэм, — не разбери-поймешь. Кого ему здесь ловить, чего копать? Камень, что ли, вкусный нашел? Мха и того с фонарем не сыщешь!

— Да оставь ты его в покое, — сказал Фродо. — Без него мы бы в жизни и близко не добрались. Каков есть, таков есть, ловчит — значит, ловчит.

— Все равно, мне спокойнее, когда он вертится на глазах, — сказал Сэм. — А коль он ловчит, так тем более. Помните, как он тень на плетень наводил: не знаю, мол, не то стерегут, не то нет. А башня вот она — либо она пустая, либо там полным-полно орков или кто у них здесь в сторожах. Может, он за ними и отправился?

— Да нет, не думаю, — сказал Фродо. — Если даже он что и затевает, — а похоже на то, — ни орки, ни другие рабы Врага тут ни при чем. Зачем бы он столько дожидался, суетился, волок нас сюда? Он и сам этого края смертельно боится. Сто раз мог он нас выдать с тех пор, как мы встретились. Нет, уж ежели он что выкинет, то выкинет на свой манер, тихохонько.

— Как есть вы правы, сударь, — сказал Сэм. — Ну, прыгать от радости я пока погожу — меня-то он хоть сейчас продаст с потрохами, да еще приплатит, чтоб купили. Но я и забыл — а Прелесть-то! Нет, с самого начала у него на лбу было написано: «Отдайте Прелесть бедненькому Смеагорлу!» И коли он что замышляет, так только в этих видах. Но зачем он сюда нас приволок — нет, спросите что-нибудь попроще.

— Да он, поди, и сам не знает, зачем, — сказал Фродо. — Вряд ли какой-нибудь замысел удержится в его худой голове. Я думаю, он просто бережет, как может, свою Прелесть от Врага: ведь если Тот ее заполучит, то и Горлуму крышка. Ну а уж заодно выжидает удобного случая.

— Ну да, как я и говорил — Липучка и Вонючка, — сказал Сэм. — Но чем ближе к вражеской земле, тем больше вони от Липучки. Вот помяните мое слово — если дойдет до дела, до его хваленого перехода, он свою Прелесть так, за здорово живешь, не отпустит.

— Это еще дожить надо, — сказал Фродо.

— Вот чтоб дожить, и надо ушами не хлопать, — сказал Сэм. — Прохлопаем, засопим в две дырочки, а Вонючка уж тут как тут. Это я себе говорю, а вы-то, хозяин, как раз вздремните, порадуйте меня, только ляжьте поближе. Я вас буду стеречь. Вот давайте я вас обниму, и спите себе — кто к вам протянет лапы, тому ваш Сэм живо голову откусит.

— Спать! — сказал Фродо и вздохнул, точно странник в пустыне при виде прохладно-зеленого миража. — Смотри-ка, а я ведь и вправду даже здесь смогу заснуть.

— Вот и спите, хозяин! Положите голову ко мне на колени и спите!

Так и нашел их Горлум через несколько часов, когда он вернулся по тропке из мрака ползком да трусливой побежкой. Сэм полусидел, прислонившись щекой к плечу, и глубоко, ровно дышал. Погруженный в сон Фродо лежал головой у него на коленях, его бледный лоб прикрывала смуглая Сэмова рука, другая покоилась на груди хозяина. Лица у обоих были ясные.

Горлум поглядел на них, и его голодное, изможденное лицо вдруг озарилось странным выражением. Хищный блеск в глазах погас; они сделались тусклыми и блеклыми, старыми и усталыми. Его передернуло, точно от боли, и он отвернулся, глянул в сторону перевала и покачал головой едва ли не укоризненно. Потом подошел, протянул дрожащую руку и бережно коснулся колена Фродо — так бережно, словно погладил. Если бы спящие могли его видеть, в этот миг он показался бы им старым-престарым хоббитом, который заждался смерти, потерял всех друзей и близких и едва-едва помнил свежие луга и звонкие ручьи своей юности, — измученным, жалким, несчастным старцем.

Но от его прикосновения Фродо шевельнулся и тихо вскрикнул во сне, а Сэм тут же открыл глаза и первым делом увидел Горлума, который «тянул лапы к хозяину» — так ему показалось.

— Эй, ты! — сурово сказал он. — Чего тебе надо?

— Ничего, ничего, — тихо отозвался Горлум. — Добренький хозяин!

— Добренький-то добренький, — сказал Сэм. — А ты чего мухлюешь, старый злыдень, где ты пропадал?

Горлум отпрянул, и зеленые щелки засветились из-под его тяжелых век. Он был вылитый паук — на карачках, сгорбился, втянул голову, глаза так и торчали из глазниц. Невозвратный миг прошел, словно его и не было.

— Мухлюешь, мухлюешь! — зашипел он. — Хоббиты всегда такие вежливенькие, да-ссс. Сславненькие хоббитцы! Смеагорл привел их к тайному проходу, о нем никто-никто не знает. Он устал, ему пить хочется, да, очень хочется пить, а он ходит, рыщет, тропки ищет — вернется, и ему говорят: *мухлюешь, мухлюешь*. Хорошенькие у него друзья, да, моя прелесть, очень хорошенькие.

Сэм немного устыдился, но доверчивей не стал.

— Ну прости, — сказал он. — Ты уж прости, со сна еще и не то скажешь, а спать-то мне ох не надо бы, вот я и сгрубил малость. Хозяин вон как устал, я ему говорю: вздремните, мол, я постерегу, а оно вишь ты как вышло. Прости. А пропадал-то где?

— Мухлевал, — сказал Горлум, и глаза его налились зеленым мерцанием.

— Ну как знаешь, — сказал Сэм, — тебе виднее. Не так уж я небось и ошибся. Ладно, теперь нам надо как-нибудь втроем смухлевать. Сколько времени-то? Еще сегодня или уже завтра?

— Уже завтра, — сказал Горлум. — Уже завтра было, когда хоббиты заснули. Спать здесь нельзя, спать опасно — и бедненький Смеагорл стережет их и мухлюет.

— Вот прицепился к словечку, — сказал Сэм. — Хватит тебе. Бужу хозяина. — Он бережно отвел волосы со лба Фродо и, склонившись к нему, тихо проговорил: — Проснитесь, сударь! Проснитесь!

Фродо пошевелился, открыл глаза и улыбнулся, увидев над собой лицо Сэма.

— Не рано будишь, а, Сэм? — спросил он. — Темно ведь еще!

— Да здесь всегда темно, — сказал Сэм. — Горлум вернулся, сударь, и говорит, что нынче уже завтра, надо идти. Постараемся напоследок-то.

Фродо глубоко вздохнул и сел.

— Да, напоследок! — сказал он. — Привет, Смеагорл! Нашел себе что-нибудь поесть? Отдохнул?

— Смеагорлу некогда есть и отдыхать, — сказал Горлум. — Он мухлюет, он мухляк.

Сэм цокнул языком, но сдержался.

— Не обзывай сам себя, Смеагорл, — сказал Фродо. — Это очень неразумно, даже если заслуженно.

— Смеагорл сам себя не обзывает, — сказал Горлум. — Его обзывает ласковый господин Сэммиум, такой умненький хоббит.

Фродо поглядел на Сэма.

— Да, сударь, — сказал Сэм. — Было дело: я чего-то всполошился со сна, а он тут как тут. Я попросил у него прощенья, но, похоже, зря.

— Нашли время ссориться, — сказал Фродо. — Вот ты и довел меня до места, Смеагорл. Дальше ведь мы и сами пройдем, верно? Куда идти, понятно, перевал на виду, и если там нет ничего мудреного, то ты свое дело сделал, исполнил, что обещал, и ты свободен: иди куда знаешь, только не к вражеским

слугам, ешь, отдыхай. Будет тебе и награда — не от меня, так от тех, кто меня помнит.

— Нет-нет, еще нет, — заскулил Горлум. — Пройдут они дальше сами? Нет еще, не пройдут. Переход трудный. Смеагорлу нужно идти с ними: ни поесть, ни поспать, ничего ему нельзя. Пока еще нет.

Глава IX

ЛОГОВО ШЕЛОБ

Может, и вправду был день, как сказал Горлум, но хоббиты ничего дневного не заметили, только небо подернулось дымной мутью, чернота расползлась по расселинам и нагорную глушь окутывал пепельно-бурый сумрак. Хоббиты бок о бок шли за Горлумом по дну ущелья между обветренными, обглоданными каменными глыбинами и столбами, похожими на идолища. Стояла тишина. Впереди, за милю или около того, серел отвесный срез огромного утеса. Он приблизился и заслонил небо и землю высокой черной стеной, подножие которой затенял сумрак. Сэм потянул носом воздух.

— Уф! Ну и вонища! — сказал он. — С ног валит.

Углубились в сумрак: посреди стены зияло отверстие пещеры.

— Вот сюда, — тихо произнес Горлум. — Здесь начинается переход.

Он не назвал его, а имя ему было Торек-Унгол, Логово Шелоб. Оттуда смердело; и это был не тощий смрад трупного гниения, как на Моргульских лугах, а густое зловоние, точно от чудовищной свалки нечистот.

— Иначе никак не пройти, Смеагорл? — спросил Фродо.

— Нет-нет, только здесь, — отозвался тот. — Теперь нам всем надо сюда.

— А ты неужто лазил в эту дыру? — спросил Сэм. — Наш пострел везде поспел! Ну да, тебе небось любая вонь нипочем.

Глаза Горлума злобно блеснули.

— Он не знает, что нам почем, правда, прелесть? Нет, он совсем не знает. Просто Смеагорл очень терпеливый, да-ссс. Он лазил, да, он проходил насквозь, да-да, насквозь. Иного пути нет.

— А чего так воняет? — сказал Сэм. — Вроде как... тьфу, даже говорить противно. Наверняка здесь орки гадят, и лет за сто столько поднакопилось золота, что и лопатой не разгребешь.

— Орки не орки, — сказал Фродо, — а раз нет иного пути, то нам сюда.

Они перевели дыхание и полезли в пещеру. Через несколько шагов их поглотил непроглядный мрак. В такую темень Фродо и Сэм после Мории не попадали, а эта была, пожалуй, еще чернее и гуще. Там, в Мории, все-таки и поддувало, и эхо слышалось, и чувствовался подгорный простор. Здесь воздух был недвижный, тяжкий, затхлый; он мертвил звуки. Это была черная отрыжка кромешной тьмы, она не только слепила глаза, но и отшибала память о цветах и очертаниях, изгоняла самый призрак света. Вечная ночь вечно пребудет, и нет ничего, кроме ночи.

Оставалось только осязать, и болезненно чутки стали пальцы на вытянутых вперед руках и осторожно ступающие ступни. Стены были, к их удивлению, гладкие, пол ровный, наклонный им навстречу, иногда попадалась ступенька-другая. Проход был такой широкий, что хоббиты, которые шли, ощупывая стены, и старались держаться рядом, почти сразу потеряли друг друга.

Горлум пошел вперед и был, должно быть, за несколько шагов — поначалу они еще слышали его шипенье и пыхтенье, но вскоре притупились все их чувства: пресекся слух и онемели пальцы, и они пробирались вперед лишь потому, что раз заставили себя войти, то не возвращаться же, а впереди все-таки должен быть какой-то выход.

Может быть, и вскоре — время тоже растворилось во тьме — Сэм на ощупь обнаружил справа скважину, из которой не так воняло; ему даже померещилось какое-то дуновение, но он побрел дальше.

— Здесь не один проход, — шепнул он с невероятным усилием. — Вот где оркам-то жить да радоваться!

Потом, сперва он по правую руку, потом Фродо по левую, миновали они три или четыре такие скважины, пошире и пуже, но проход не ветвился, он вел прямо и прямо, вверх по уклону. Да что ж ему никак нет конца, сколько еще можно это терпеть, сколько станет сил терпеть? Чем выше, тем гуще становилось зловоние, а из-за спертого черного смрада напирало что-то куда страшнее и чернее. Какое-то висячее вервие липкими щупальцами цеплялось за их головы; зловоние все усиливалось, и стало так, будто из пяти чувств им оставлено одно обоняние — и только затем, чтобы их мучить. Час, два или три часа — сколько они уже шли? Да какие часы — дни, а может, и недели. Сэм оторвался от своей стены, нашел руку Фродо, и рука в руке пошли они дальше.

Фродо чуть не провалился влево, в пустоту; скважина была гораздо шире, чем попадались до сих пор, и оттуда несло таким смрадом и такой страшной злобищей, что он едва не потерял

сознание. Сэм тоже споткнулся и упал ничком. Одолевая тошнотный ужас, Фродо схватил его за руку.

— Вставай! — прохрипел он без голоса. — Это отсюда и вонь, и гибель. Вперед! Быстрее!

Собрав остатки сил и решимости, он вздернул Сэма на ноги и ринулся вперед. Сэм, шатаясь, ковылял рядом — шаг, два шага, три, наконец — шесть шагов: то ли они миновали невидимую скважину, то ли еще что, но идти вдруг стало чуть-чуть легче, словно приослабла беспощадная хватка, и они побрели, по-прежнему взявшись за руки.

Но проход раздвоился, а может, растроился, расчетверился, и в темноте не понять было, какой из них шире, какой ведет прямее: левый, правый? как выбрать? — а выберешь неверно, выберешь верную смерть.

— Куда Горлум-то пошел? — задыхаясь, проговорил Сэм. — Чего ж он нас не подождал?

— Смеагорл! — попробовал позвать Фродо. — Смеагорл! — Но голос его увяз в гортани, и зов замер, едва сорвавшись с губ. Ответа не было — ни эха, ни шепотка.

— В этот раз насовсем удрал, — пробурчал Сэм. — Довел до места, спасибочки: сюда, видать, и вел. Горлум! Попадешься — голову оторву!

Ощупью, спотыкаясь на каждом шагу, они наконец обнаружили, что левый проход — тупиковый, может быть, изначально, а может, его завалило.

— Здесь мы не пройдем, — шепнул Фродо. — Значит, и выбора нет — только другой проход, если он там один, и будь что будет.

— Скорее обратно! — пропыхтел Сэм. — Тут не горлумством пахнет. На нас кто-то глядит.

Другим проходом они не пробежали и двух саженей, как сзади послышалось невыносимо жуткое в плотном беззвучье урчанье, бульканье и долгий, шипящий присвист. Они в ужасе обернулись, но видно пока ничего не было. Хоббиты окаменели в ожидании неведомой напасти.

— Это ловушка! — сказал наконец Сэм, взялся за рукоять меча и вспомнил могильную мглу, из которой он был добыт. «Эх, сюда бы сейчас старину Тома!» — подумал он. Но Том был далеко, а он стоял в непроглядной черноте, и гневное, темное отчаянье сжимало его сердце. Вдруг в нем самом забрезжил, потом зажегся свет такой нестерпимо яркий, будто солнце брызнуло в глаза, полуослепшие от подвального сумрака. Свет расцветился: зеленый, золотой, серебряный, огненно-белый. Вдали, как на эльфийской картинке, он увидал Владычицу Галадриэль на траве Лориэна, и в руках ее были дары. *«Тебя, Хра-*

нитель, — услышал он далекий, но внятный голос, — *я одариваю последним*».

Ближе раздались шипенье, хлюпанье и тихий скрип с прищелком — точно что-то суставчато-членистое медленно шевелилось во тьме, источая смрад.

— Хозяин, хозяин! — крикнул Сэм, обретая голос. — Подарок Владычицы! Звездинка! Помните, она сказала: в темноте будет светить. Да звездинка же!

— Звездинка? — пробормотал Фродо в недоумении, как бы сквозь сон. — Ах да! Как же я забыл о ней! *Чем чернее тьма, тем ярче он светит*! Вот она, тьма, и да возгорится свет!

Медленно вынул он из-за пазухи фиал Галадриэли и поднял его над головой. Он замерцал слабо, как восходящая звездочка в туманной мгле, потом ярко блеснул, разгоняя мрак, наконец разгорелся ясным серебряным пламенем — и вспыхнул неугасимый светильник, словно сошел к ним закатной тропой сам Эарендил с Сильмариллом на челе. Темнота расступалась, а серебряный огонь сиял в хрустале и осыпал руку Фродо ослепительно белыми искрами.

Фродо изумленно глядел на чудесный дар, который так долго носил с собой как драгоценную и милую безделушку. В дороге он редко вспоминал о фиале — вот вспомнил в Моргульской долине — и не вынимал его: вдруг засветится и выдаст.

— *Айя Эарендил Эленион Анкалима*! — воскликнул он, не ведая, что значат и откуда взялись эти слова, ибо иной голос говорил его устами, голос ясный и звонкий, пронизавший смрадную тьму.

Но много злодейства таят глубокие полости Средиземья — могучего, древнего, ночного злодейства. Исчадие мрака, *Она* слышала этот эльфийский возглас в незапамятные времена, слышала и не убоялась его, не убоялась и теперь. И Фродо почуял ее кромешную, черную злобу и мертвящий взгляд. Невдалеке, между ними и скважиной, от которой их отшатнуло, явились из темени два больших многоглазых пучка, и скопища пустых глаз отразили и распылили ясный свет звездинки; смертоносным белесым огнем налились они изнутри, огнем ненасытной и беспросветной злобы. Чудовищны и омерзительны были эти паучьи — и вовсе не паучьи — глаза, налитые злорадством при виде беспомощных, затравленных жертв.

Фродо и Сэм пятились, не в силах оторвать взгляд от многоглазых пучков, а они все приближались. Дрогнула рука Фродо, он медленно опустил светильник. Цепенящее злорадство приугасло, глаза хотели позабавиться предсмертной суетней жертв —

и жертвы повернулись и побежали. Через плечо Фродо, чуть не плача от страха, увидел, что глаза скачками движутся следом. И смрад объял его как смерть.

— Стой! Стой! — выкрикнул он. — От них не убежишь!

Глаза медленно близились.

— Галадриэль! — воскликнул он и с мужеством отчаяния снова воздел светильник над головой. Глаза застыли и опять приугасли, словно бы в некоем сомнении. И сердце Фродо воспламенилось гневом и гордостью, и он — безоглядно, безрассудно, отважно, — перехватив светильник в левую руку, правой обнажил меч. Острый, надежный клинок заблистал в серебряном свете, полыхая голубым пламенем. Высоко подняв эльфийскую звезду и выставив сверкающее острие, Фродо Торбинс, маленький хоббит из маленькой Хоббитании, твердым шагом пошел навстречу паучьим глазам.

Они еще потускнели, сомнение в них усилилось, и они попятились от ненавистного и небывалого света, надвигающегося на них. Ни солнце, ни луна, ни звезды не проникали в логово; но вот звезда спустилась в каменные недра и приблизилась, и глаза отпрянули и медленно погасли; мелькнула тенью огромная невидимая туша. Они скрылись.

— Хозяин, хозяин! — кричал Сэм. Он не отставал от Фродо с обнаженным мечом наготове. — Ура и слава нам! Ну, эльфы если б об этом прослышали, как пить дать сочинили бы песню. Может, я как-нибудь уцелею, все расскажу им и сам эту песню послушаю. Но дальше, сударь, не ходите! Не надо в ихнюю берлогу! Улепетнем поскорее из этой вонючей дыры!

И они пошли по проходу дальше, а после и побежали. Там был крутой подъем, и с каждым шагом смрад логова слабел; сердце забилось ровнее, и сами собой двигались ноги. Но полуслепая злоба хватки не разжала: она таилась где-то позади, а может, рядом и по-прежнему грозила смертью. Наконец-то повеял холодный разреженный воздух. Вот он, другой конец прохода. Задыхаясь от тоски по небу над головой, они кинулись к выходу — и снова, отброшенные назад, поднялись на ноги.

Выход был прегражден, но не камнем, а чем-то пружинисто-податливым, однако неодолимым. Воздух снаружи сочился, свет — ничуть. Они снова ринулись напролом и опять были отброшены.

Подняв светильник, Фродо пригляделся и увидел серую завесу, которую не проницало и даже не освещало сияние звездинки, точно это была тень бессветная и для света неприступная. Во всю ширину и сверху донизу проход затянула огромная сеть, по-паучьи тщательно и очень плотно сплетенная, а паутина была толщиной с веревку. Сэм мрачно рассмеялся.

— Паутинка! — сказал он. — Всего-то навсего? Но каков паук! Долой ее, руби ее!

И он с размаху рубанул мечом, но паутину не рассек. Она спружинила, как тетива, свернув клинок плашмя и отбросив руку с мечом. Три раза изо всей силы рубанул Сэм, и наконец одна-единственная паутинка перерубилась, свилась и свистнула в воздухе, задев Сэмову руку: он вскрикнул от боли, сделал шаг назад и поднес руку к губам — подуть.

— Ну, этак мы за неделю не управимся, — сказал он. — Что будем делать? Как там глаза — не появились?

— Да нет, не видно, — сказал Фродо. — Но меня их взгляд не отпускает; не взгляд, а может, помысел — они быстро что-нибудь надумают. Как только светильник ослабеет или угаснет, они явятся тут же.

— Ну, влипли все-таки! — горько сказал Сэм, но гнев его превозмогал усталость и отчаяние. — Чисто комары в марле. Чтоб этот Горлум лопнул! Фарамир обещал ему скорую и злую смерть, так вот чтоб поскорее!

— Нам-то что с этого, — сказал Фродо. — Погоди еще! Попробуем Терном — все-таки эльфийский клинок, а в темных ущельях Белерианда, где его отковали, водилась паутинка в этом роде. А ты постереги и в случае чего отгони глаза. Вот, возьми звездинку, не бойся. Держи ее повыше и смотри в оба!

Фродо подступил к плотной серой сети, полоснул по ней между узлами широким взмахом меча и быстро отскочил. Блистающий голубой клинок прорезал паутину, как лезвие косы — траву: веревки-паутинки взметнулись, скукожились и обвисли. Для начала было неплохо.

Фродо рубил и рубил, пока не рассек всю паутину, сколько хватало руки. Свисавшее сверху охвостье покачивалось на ветру. Вырвались из ловушки!

— Пойдем! — крикнул Фродо. — Скорей! Скорей!

Его обуяла дикая радость спасения из самых зубов смерти. Голова у него кружилась, как от стакана крепкого вина. Он с криком выскочил наружу.

После зловонного мрака черная страна показалась ему светлым краем. Дым поднялся и немного поредел; угрюмый день подходил к концу, и померкли в сумерках красные зарницы Мордора. Но Фродо чувствовал себя как при свете утренней надежды. Он у вершины стены, еще чуть выше — и вон Кирит-Унгол, щербина в черном гребне между каменными рогами. Рывок, перебежка — и на той стороне!

— Вон перевал, Сэм! — крикнул он, сам не замечая, до чего

пронзительно: высоким и звонким стал его голос, освобожденный от смрадного удушья. — Туда, к перевалу! Бежим, бежим — мы проскочим, не успеют остановить!

Сэм бежал за ним со всех ног, но и на радостях не терял осторожности и озирался — не покажутся ли глаза из-под черной арки прохода, да, чего доброго, не только глаза, а вся туша, страх подумать, кинется вдогонку. Плохо они с хозяином знали Шелоб. Из ее Логова был не один выход.

Исстари жила она здесь, исчадие зла в паучьем облике; подобные ей обитали в древней западной Стране Эльфов, которую поглотило море: с такой бился Берен в Горах Ужасов в Дориате, а спустившись с гор, увидел танец Лучиэнь при лунном свете на зеленом лугу, среди цветущего болиголова. Как Шелоб спаслась из гибнущего края и появилась в Мордоре, сказания молчат, да и маловато сказаний дошло до нас от Темных Времен. Но была она здесь задолго до Саурона, прежде чем был заложен первый камень в основание Барад-Дура. Служила она одной себе, пила кровь эльфов и людей, пухла и жирела, помышляя все о новых и новых кровавых трапезах, выплетая теневые тенета для всего мира, ибо все живое было ее еще не съеденной пищей и тьма была ее блевотиной. Ее бесчисленные порождения, ублюдки ее же отпрысков, растерзанных ею после совокупления, расползлись по горам и долам, от Эфель-Дуата до восточных всхолмий, Дул-Гулдура и Лихолесья. Но кто мог сравниться с нею, с Великой Шелоб, последним детищем Унголиант, прощальным ее подарком несчастному миру?

Несколько лет назад с ней встретился Горлум-Смеагорл, превеликий лазун по всем черным захолустьям, и тогда, во дни былые, он поклонился ей, и преклонился перед ней, и напитался отравой ее злобы на все свои странствия, став недоступен свету и раскаянию. И он пообещал доставлять ей жертвы. Но вожделения у них были разные. Ей не было дела до дворцов и колец, ни до иных творений ума и рук: она жаждала лишь умертвить всех и вся и упиться соком их жизни, раздуться так, чтоб ее не вмещали горы, чтоб темнота сделалась ей тесна.

Но до этого было далеко, а меж тем как власть Саурона возрастала и в пределах царства его не стало места свету и жизни, она крепко изголодалась: и внизу, в долине, сплошь мертвецы, и в Логово не забредали ни эльфы, ни люди, одни разнесчастные орки. Жесткая, грубая пища. Но есть-то надо, и сколько ни прокладывали они окольные ходы мимо нее от башни и перевала, все равно попадались в ее липкие тенета. Однако она стосковалась по лакомому кусочку, и Горлум сдержал обещание.

«Поссмотрим, поссмотрим, — частенько говорил он себе, когда злобища снедала его на опасном пути от Привражья до Моргульской долины, — там поссмотрим. Сслучись так, что она выбросит кости и тряпье, — и мы найдем ее, мы ее заполучим, нашу Прелесть, подарочек бедненькому Смеагорлу, который приводит вкусненькую пищу. И мы ссбережем Прелесть, в точности как поклялись, да-ссс, унесем ее, а уж потом... потом мы ей покажем. Мы сквитаемся с нею, моя прелесть. Мы потом со всеми сквитаемся!»

И пряча эти мысли в темных закоулках души, надеясь утаить их от нее, явился он к ней снова с низким поклоном, покуда спутники его безмятежно спали.

А что до Саурона, то Саурон знал, где ютится Шелоб. Ему была приятна ее голодная и неукротимая злоба, приятна и полезна — лучшего стража для древнего перевала, пожалуй, и он бы не сыскал. Орки — рабы сподручные, но уж кого-кого, а орков у него хватало. Пусть Шелоб кормится ими в ожидании лучших времен: и дешево, и сердито. И как иной раз подбрасывают вкуснятинки кошке (*кошечкой своей* он называл ее, но она и его презирала), так Саурон прикармливал ее узниками после пыток; их запускали к ней в логово, а потом доносили ему о ее забавах.

И так они жили, оба довольные собой, и не опасались ничьего нападения и гнева, не предвидя конца своей обоюдной ненависти ко всему миру. Никогда еще ни одна жертва не вырвалась из тенет и когтей Шелоб, и тем страшней было нынче ее голодное бешенство.

А бедняга Сэм ничего не знал об этой чудовищной злобе; он лишь с возрастающим страхом чуял незримую и смертельную угрозу, такую властную, что и бежать ему было невмоготу, ноги подкашивались.

Ужас не отпускал, впереди, на перевале, были враги, а хозяин беспечно — где у него голова? — бежал им навстречу. От черной пещеры и от густого мрака под скалой слева он обратил взгляд вперед и встревожился еще больше. Обнаженный меч в руке Фродо полыхал голубым пламенем, а башенное окно краснелось, хотя зарницы Мордора погасли.

— Орки! — пробурчал он. — Проскочишь тут, как же. Полно и орков, и прочей нечисти.

И, привычно таясь, укрыл ладонью драгоценный светильник; рука его налилась теплым светом живой крови, и он сунул фиал в нагрудный карман и запахнул плащ. Надо было спешить:

хозяин отбежал порядком, шагов уже за двадцать мелькал его серый плащ, — того гляди, потеряется из виду во мгле.

Едва лишь Сэм спрятал светильник, как вылезла она. Впереди, слева, из черной тени под скалой, точно из глубины страшного сна, появилась невыносимо омерзительная тварь. Была она как паук, но крупнее всякого зверя, и свирепее с виду, ибо страшно глядели ее беспощадные глаза, будто бы посрамленные и побежденные. Не тут-то было: заново светились бледной яростью многоглазые пучки. Рогатая голова торчала на толстом шейном стебле, а тулово ее огромным раздутым мешком моталось между восьми коленчатых ног — сверху черное, в синеватых пятнах и потеках, а брюхо белесое, тугое и вонючее. Шишковатые суставы возвышались над серощетинистой спиной, и на каждой ноге клешня.

Протиснув хлюпающее тулово и сложенные, поджатые конечности сквозь верхний выход из логова, она ужасающе быстро побежала вприскочку, поскрипывая суставами. Она была между хозяином и Сэмом: то ли она не заметила его, то ли от него, от нынешнего хранителя светильника, и увернулась, чтоб уж никак не упустить одну жертву — Фродо, у которого теперь не было фиала и который бежал со всех ног, ничего не видя за собой. Но куда быстрее бежала Шелоб. Догонит в три прыжка — ахнув, прикинул Сэм и на остатке дыхания завопил:

— Обернитесь! Обернитесь, сударь! Я сейчас... — Но крик его прервался.

Рот ему заткнула длиннопалая липкая рука, другая обхватила его шею; ему подставили подножку, и он повалился ничком, кому-то в самые лапы.

— Попалсся! — засипел Горлум ему в ухо. — Наконец-то он нам попался, да-ссс, скверненький хоббит. Мы задушим этого, а ей досстанется другой. Мы его не тронем, это ей, Шелоб, а Смеагорл сдержит клятву, совсем-совсем не тронет хозяина. Ему досстанешься ты, сскверный, мерзкий мухляк! — Он плюнул на затылок Сэму.

Взбешенный предательством и нежданной помехой, когда хозяин вот-вот погибнет, Сэм оказался неистово силен, чего вовсе не ждал Горлум от этого глупого увальня, каким он его считал. Сам Горлум не вывертывался бы столь яростно и проворно. Сэм сдернул со рта его руку, пригнулся, напрягся, рванулся и чуть не высвободил шею. В его правой руке был меч, а на левой висел в кожаной петле Фарамиров посох. Он силился извернуться и достать Горлума клинком, но тот мгновенно зажал его кисть как в тиски и выкручивал ее, пока Сэм не вскрикнул от боли и не обронил меч, а хватка на его горле все крепла.

Тогда Сэм, собравшись с силами, изловчился, выгнулся, упершись ногами в землю и резко, что было мочи, откинулся назад.

Даже этот простой прием застал Горлума врасплох. Он шлепнулся наземь, Сэм навалился сверху; дюжий хоббит здорово наподдал ему в живот, и Горлум, злобно зашипев, на миг ослабил хватку на его шее, по-прежнему стискивая и не пуская к мечу правую руку. Сэм рванулся вперед, крутнулся, высвободил шею, поднялся на ноги, откинул как можно дальше повисшего на руке Горлума и наотмашь хватил его подвернувшимся посохом ниже локтя.

Горлум оторвался от него с диким и жалобным визгом, а Сэм, не меняя руки, съездил его посохом покрепче — жаль, по спине, а не по голове: увернулся, гадина. Посох треснул и разломился, но Горлум уже получил свое. Он всегда нападал сзади с неизменным успехом, но на этот раз его подвела собственная злоба: надо было сперва схватить врага за горло обеими руками, а уж потом злорадствовать. Как он все хорошо придумал и как все испортилось, когда этот скверный свет вдруг зажегся в темноте. А теперь он оказался лицом к лицу с разъяренным врагом, почти равным ему силою. Да он и не умел драться по-настоящему. Свистнул поднятый с земли меч — Горлум завизжал еще жалобнее, плюхнулся на карачки, прыгнул лягушкой и метнулся к пещере.

Сэм кинулся за ним с мечом в руке: на миг забылось все, кроме неистовой ярости и жажды убить Горлума, но, когда в лицо ему дохнул черный смрад, он молниеносно вспомнил, что Фродо — во власти чудища, вспомнил, повернулся и со всех ног помчался по тропе, громко призывая хозяина. Но было поздно. Тут Горлум преуспел.

Глава X

ВЫБОР СЭММИУМА СКРОМБИ

Фродо лежал ничком на камне, и гнусная тварь склонилась над ним, занятая поверженной жертвой; криков Сэма она не услышала и не заметила его, пока он не подбежал вплотную — и увидел, что Фродо плотно обмотан паутиной от лодыжек до плеч; чудище уже поднимало передними ногами и поволокло его спеленутое тело.

Рядом лежал и поблескивал эльфийский клинок, выпавший из его руки. Сэм не раздумывал, что ему делать: ни верности, ни храбрости, ни гнева ему было не занимать. Он подскочил с

яростным криком, схватил в левую руку меч хозяина и ринулся в бой. Странное это было зрелище, небывалое в животном мире: бешеный зверек всего-то с двумя острыми клыками кидается отбивать тело собрата у глыбины в чешуйчатой шкуре-броне.

А она уже наслаждалась предвкушением кровавой трапезы, но, услышав его писк, медленно обратила к нему пучки глаз, налитые убийственной злобой. И прежде чем она поняла, что с такой яростью не встречалась еще никогда за все несчетные годы своей паучьей жизни, острый как бритва меч уже отсек ей клешню, а другой, еще острее, вонзился в многоглазую гроздь, и она померкла.

Жалкий звереныш спрятался под ней, укрылся от ее жала и клешней. Над ним висело зловонное, гнойно-прозрачное брюхо, и он, задыхаясь от смрада, наотмашь полоснул по нему эльфийским клинком.

Но Шелоб была не чета драконам: у нее уязвимы были только глаза. Шкура ее обросла чешуей из окаменелых нечистот, а изнутри наросло много слоев гнуси. Широкой раной вспорол ее меч, но пронзить этот гнусный панцирь не могли бы ни Берен, ни Турин, ни эльфийским, ни гномским оружием. Безвредно вспоротая, она вскинула тяжкое брюхо высоко над головой Сэма. Рана пенилась и сочилась ядовитым гноем. И, широко расставив ноги, она с мстительной силой обрушила брюхо на Сэма, но поторопилась: он устоял на ногах, обронил свой клинок и направил острием вверх эльфийский, держа его обеими руками, и Шелоб в смертельном ожесточении нанизалась на стальной терн так глубоко, как не вонзил бы его ни один богатырь. Тем глубже вонзался он, чем тяжелей и беспощадней придавливало Сэма к земле зловонное брюхо.

Такой страшной боли Шелоб не знавала за все века своего безмятежного злодейства. Ни могучим воинам древнего Гондора, ни остервенелым, затравленным огромным оркам не удавалось даже задеть ее возлюбленную ею самой плоть. Дрожь сотрясла ее. Снова вскинувши брюхо, спасаясь от боли, она далеко отпрыгнула на задергавшихся членистых ногах.

Сэм упал на колени у головы Фродо в полуобмороке от вонищи, по-прежнему сжимая меч в обеих руках. Сквозь туман перед глазами он смутно различал лицо Фродо и силился овладеть собой, не поддаваться дурноте. Медленно поднял он голову и увидел ее за несколько шагов. Многоглазый пучок страшно смотрел на него; другой потух и подтекал зеленоватой жижей; с клюва свисала струйка отравленной слюны. Она раскорячилась, припав брюхом к земле, ноги ее вздрагивали, напрягаясь перед

прыжком — сшибить с ног и ужалить насмерть, не просто отравить, одурманить и уволочь, а убить и растерзать.

А Сэм стоял на четвереньках, видел свою смерть в ее взгляде — и вдруг словно услышал голос издалека и нашарил левой рукой на груди холодный, твердый и надежный в этом призрачно-зыбком мире подарок Галадриэли.

— Галадриэль! — тихо проговорил он, и зазвенели дальние голоса эльфов под звездным пологом в лесу любимой Хоббитании, зазвучали их слышанные сквозь сон песни и нежная музыка в Каминном зале дворца Элронда.

Гилтониэль А Элберет!

И ожил голос в его пересохшей гортани, и он воскликнул на незнакомом ему языке:

А Элберет Гилтониэль
о менель палан-дириэль,
ле наллон си дингурутос!
А тиро нин, Фануилос!

И поднялся на ноги хоббит Сэммиум, сын Хэмбриджа.

— Иди-ка сюда, мразь! — крикнул он. — Ты ранила моего хозяина, гадина, и тебе несдобровать. Мы пойдем дальше, но сперва разделаемся с тобой! Иди-ка сюда, а то тебе еще мало!

И, словно зажженный его неукротимым духом, светильник в его руке запламенел как светоч, засиял как светило, пронизывая мутную тьму ослепительно ясными лучами. Невиданный огонь с поднебесья опалил Шелоб как молния; лучи жгли раненый глаз нестерпимой болью; другой, показалось ей, ослеп. Она шлепнулась на спину, беспомощно суча длинными коленчатыми ногами, заслоняясь от жгучего, терзающего света, потом отвернула изувеченную голову, перекатилась и поползла на брюхе, подтягивая ноги, цепляясь клешнями за камни, к черной дыре, к спасительному логову.

Сэм наступал; он шатался как пьяный, но шел на нее. Она заторопилась прочь, мерзко, трусливо дрожа и колыхаясь, обгаживая камни желто-зеленой слизью, и втиснулась в проход, а Сэм успел еще рубануть по ее ногам, вползавшим за нею. И упал без памяти.

Шелоб удалилась; а что было с нею дальше, долго ли безвылазно пролежала она в своей берлоге, зализывая и залечивая раны спасительной темнотой, отращивая пучковатые глаза, когда озлобленный, смертоносный голод выгнал ее из Логова и где она снова раскинула свои тенета в Изгарных горах — об этом наша хроника умалчивает.

Сэм остался один. В густеющих черных сумерках проклятой страны он очнулся и устало пополз назад, к хозяину.

— Хозяин, дорогой хозяин, — проговорил он, но Фродо не отзывался. Когда он летел со всех ног без оглядки, радуясь освобождению, Шелоб огромным прыжком подскочила сзади и вонзила жало ему в шею. Теперь он лежал бледный, бесчувственный, неподвижный.

— Хозяин, дорогой хозяин! — снова позвал Сэм и долго-долго тщетно ждал ответа.

Он быстро, ловко и бережно разрезал путы и приложил ухо к груди, потом ко рту Фродо, но сердце его не билось, губы отвердели. Он растирал ему охладелые руки и ноги, трогал ледяной лоб.

— Фродо, господин Фродо, сударь! — звал он. — Не оставляйте меня одного! Это ваш Сэм, откликнитесь! Не надо, не уходите без меня! Проснитесь, сударь! Господин Фродо, милый, дорогой, проснитесь! Проснитесь, пожалуйста!

Потом его охватил гнев, и он бегал вокруг тела хозяина, пронзая воздух, рубя камни, выкрикивая проклятья. Потом склонился над Фродо и долго смотрел на его бледный лик на черных камнях. И вдруг он вспомнил, что ему привиделось в Зеркале Галадриэли: мертвенно-бледный Фродо крепко спит у черной скалы. Это он тогда подумал, что крепко спит, а на самом деле...

— Он умер! — сказал Сэм. — Он не спит, он умер!

И от этих его слов точно яд разошелся в холодеющей крови, и лицо Фродо стало исчерна-зеленоватым.

И черное отчаяние овладело Сэмом, он склонился к земле и укрыл голову капюшоном, сердце его оцепенело от горя, и он лишился чувств.

Схлынула темнота, и Сэм очнулся в тумане, но протянулись минуты или часы — этого он не знал. Он лежал на том же месте, и так же лежал возле него мертвый хозяин. Горы не обрушились, камни не искрошились.

— Что мне делать, делать-то чего? — проговорил он. — Неужто же мы с ним зря всю дорогу... — И ему припомнились собственные слова, сказанные еще в начале пути, не очень тогда понятные ему самому: *«Я ведь обязательно вам пригожусь — и не здесь, не в Хоббитании... если вы понимаете, про что я толкую»*. — А что я могу сделать? Оставить его мертвое тело на камнях и бежать домой? Или идти дальше? Дальше? — повторил он, вдруг задумавшись и испугавшись. — Как это — дальше? Мне, значит, идти дальше, а его что же, бросить?

И он заплакал и подошел к Фродо, прибрал его тело, и скрестил его холодные руки на груди, и обернул его плащом, и

положил с одной стороны свой меч, а с другой — Фарамиров посох.

— Если мне надо идти дальше, — сказал он, — то придется, сударь, уж извините, взять ваш меч, а вам я оставлю этот, он лежал возле старого мертвого короля в Могильниках; и пусть вам останется ваша мифрильная кольчуга, подарок господина Бильбо. И вот еще ваша звездинка, сударь, — вы мне ее одолжили, и она мне очень еще понадобится, темень-то никуда не делась, и мне от нее никуда не деться. Куда уж мне такие подарки, да и не мне она была подарена, Владычица вам ее дала, но она-то как раз, может, и поймет. А *вы-то* хоть понимаете, сударь? Раз мне надо дальше.

Ну не мог он идти дальше, никак не мог. Он опустился на колени, взял мертвую руку и не мог ее отпустить. Шло время, а он все стоял на коленях, держал холодную руку и не мог решиться.

Да, решимости не хватало, а надо было пускаться в одинокий путь — затем, чтоб отомстить. Он не остановится, пройдет любыми тропами, исходит все Средиземье, есть-пить не будет, пока не настигнет и не убьет Горлума. Но ведь не за этим он пошел с хозяином, да ради этого не стоит и покидать его тело. Убийством его не вернешь. Его ничем не вернешь. Тогда уж лучше умереть рядом с ним: тоже одинокий путь, уводящий из жизни.

Он поглядел на ярко-голубой клинок и подумал о пути назад краем черного обрыва в никуда. Мстить или не мстить — не все ли равно? Нет, не за этим он шел за тридевять земель.

— Ну а что ж тогда? — воскликнул он снова. — Что же мне делать? — И ответ пришел сам собой, простой и жестокий: обещал пригодиться — пригодись, исполни за него. Вон он, твой путь — тоже одинокий и самый страшный.

— Это как? Мне одному идти, что ли, к Роковой Расселине? — Он задрожал, но тут-то и пришла решимость. — Как так? Это *мне-то*, мне *у него* забрать Кольцо? Совет поручил Кольцо ему.

И опять не замедлил ответ: «Совет поручил ему Кольцо и дал спутников, чтоб они помогли выполнить поручение. Ты — последний из Хранителей: вот и выполняй, за тебя некому».

— Зачем так надо, чтоб я был последним? — простонал он. — Сюда бы старину Гэндальфа или кого из прочих... И как мне одному решать? Я ж непременно маху дам! Чего мне выставляться-то, какой из меня Хранитель Кольца?

«Ты не выставляешься: тебя выставила судьба. А что, мол,

ты в Хранители не годишься, так не больно-то годились и господин Фродо, да что говорить, господин Бильбо и тот... Они ж не сами себя выбирали, а так получилось».

— Словом, хочешь не хочешь, а надо решать самому. Осрамлюсь, конечно, но это уж как водится: чтобы Сэм Скромби да не сел в лужу? Будем думать: ну вот, найдут нас здесь, господина Фродо то есть, и эта Штуковина, что на нем, достанется Врагу. Тут нам всем и конец — конец Лориэну, Раздолу, а Хоббитании уж и подавно. Ишь, думать наладился — думать-то времени нет. Война началась, и Враг, видать, берет верх. Обратно с Кольцом не проберешься: да и с кем советоваться, у кого спрашиваться? Нет уж, либо сиди жди, пока тебя укокошат над телом хозяина, а Штуковину отнесут Кому не надо, либо забирай Колечко и бери ноги в руки. — Сэм глубоко вздохнул. — Вот так, и больше ничегошеньки не надумаешь!

Он склонился над Фродо, отстегнул брошь у подбородка, засунул руку ему под рубашку, а другой рукой приподнял мертвую голову, поцеловал холодный лоб и бережно снял цепочку с шеи. И опустил голову хозяина на камень; застывший лик не изменился, и тут уж все стало понятней понятного: да, Фродо умер и поручение его больше не касается.

— Прощай, хозяин, прощай, дорогой мой! — тихо молвил он. — Прости своего Сэма. Он вернется сюда непременно, вот только доделает, ежели получится, твое дело. И уж больше не разлучимся. А покуда покойся с миром: авось не доберутся до тебя вражеские стервятники! Может, Владычица услышит меня и соблаговолит исполнить одно-единственное мое желание — устроит так, чтоб я возвратился и нашел тебя. Прощай!

Он склонил голову, продел ее в цепочку — и согнулся под тяжестью Кольца, словно на шею ему повесили огромный камень. Но мало-помалу, то ли привыкая к тягости, то ли обретая новые силы, он распрямился, с трудом встал на ноги и понял, что идти сможет и ношу унесет. При свете фиала он еще раз поглядел на своего хозяина, а фиал светился тихо, будто ранняя звезда летним вечером, и мягко озарял лицо Фродо, строгое, бледное и по-эльфийски красивое: смертная тень сошла с него. Горько утешенный на прощание, Сэм отвернулся, спрятал светильник и побрел в сгустившуюся темень.

Идти было недалеко: сотня саженей, не больше, от прохода до Ущелины. Тропа и в сумерках виднелась — широкая, исхоженная, она отлого поднималась в гору между сближавшихся скал и превратилась в длинную лестницу с плоскими стертыми ступенями. Черная сторожевая башня угрюмо высилась прямо

над ним, мигая красным глазом. Он скрылся в тени у ее подножия. Вот и лестнице конец, а вон и Ущелина.

— Решенного не перерешить, — твердил он сам себе, а все же хоть вроде бы решил и по совести, но сердце его противилось каждому шагу. — Неверно, что ль, я рассудил? — пробормотал он. — А как же надо было?

У самого гребня громоздились отвесные скалы, и, прежде чем углубиться в проход между ними и выйти к тропе, ведущей вниз во Вражьи края, Сэм обернулся и постоял неподвижно, пытаясь отделаться от мучительных сомнений и глядя вниз, на каменную пустыню, где разбилась вдребезги его жизнь. Черной точкой виднелся проход в Логово; правее саженей так на тридцать остался лежать Фродо; там словно бы метались какие-то отсветы, а может, это слезы застлали ему глаза.

— Одно у меня желание, больше нет, — вздохнул он, — только б вернуться и найти его! — И он нехотя — да и ноги не слушались — сделал несколько шагов к перевалу.

Всего несколько шагов; еще несколько — и начнется спуск, и страшные утесы скроются с глаз его, может быть, навсегда. Но внезапно послышались крики и гомон. Он застыл. Точно, орки, и спереди, и позади. Тяжелый топот, грубые окрики: откуда-то, слева, что ли, приближались они к Ущелине — должно быть, вышли из башни. И сзади тоже — топот и окрики. Он обернулся: факельные огоньки плясали у подножия утесов, появлялись из прохода. Вот наконец и погоня. Недаром башня мигала красным глазом. Он угодил между двух огней.

Впереди уж совсем близко мелькали отсветы факелов и слышался лязг стали. Через минуту они подойдут к гребню — и ему крышка. Больно долго он раздумывал, и, видать, понапрасну. Куда ж ему деваться, как спастись, главное — как спасти Кольцо? Кольцо. Не колеблясь и не размышляя, он вытащил цепку, взял Кольцо в руку. Передовой орк возник в Ущелине прямо перед ним, и он надел Кольцо.

Все переменилось, и за один миг пролетел словно бы час. Слух его обострился, а зрение помутилось, но иначе, чем в Логове Шелоб. Кругом стало не черно, а серо, и он был один в зыбкой мгле, как маленькая черная-пречерная скала, а Кольцо, тяготившее левую руку, жарко сверкало золотом. Он себя невидимкой не чувствовал: наоборот, ему чудилось, будто его видно отовсюду, и всевидящее Око, он знал, жадно ищет его. Надсадный хруст камней был ему слышен, и мертвенный лепет воды в Моргульской долине, и хлюпающие стенания Шелоб, заблудив-

шейся в собственном Логове, и стоны узников из башенных подземелий, и крики орков, выходящих из Логова, и оглушительный галдеж и топотня пришельцев из-за гребня. Он прижался к скале, а они промчались мимо, как вереница уродливых теней, мерзкие призраки в брызгах бледных огоньков. Он съежился, отыскивая ощупью укромную выбоину.

И прислушался. Орки из перехода и эти, с башни, завидели друг друга — шум и гам удвоились. Он отчетливо слышал тех и других и понимал их речь. То ли, надев Кольцо, начинаешь понимать все языки, то ли язык рабов Саурона, его изготовителя, — словом, все было понятно, он как бы сам себе переводил. Видно, мощь Кольца возросла стократ неподалеку от горнила, где оно было отковано, но уж чего-чего, а мужества оно не придавало — Сэм думал лишь о том, где бы спрятаться и переждать суматоху, а пока напряженно вслушивался. Где орки встретились, этого он не знал, но говорили точно у него под ухом.

— Видали? Горбаг! Чего это ты приперся — воевать надоело?

— Приказ, мордоплюй! Ты-то, Шаграт, зачем задницу приволок? Повоевать захотелось?

— Здесь я приказываю, я здесь начальник, а ты придержи язык. Чего нашли?

— Ни хрена.

— Гей! Гой! Эге-гей! — Галдеж перебил начальственную беседу. Нижние орки что-то обнаружили и забегали. Подбегали остальные.

— Го-го-го! Тут что-то валяется прям на дороге. Лазутчик, лазутчик! — Сипло завизжали рога, все перекрикивали друг друга.

В холодном ужасе Сэм очнулся от напавшей на него трусости. Нашли хозяина, гады. Что они с ним сделают? Слыхивал он такие рассказы, что аж кровь замерзала в жилах. Ну нет! Он вскочил на ноги. Пропадай все пропадом, грош цена всем его доводам; сомнения и страхи как рукой сняло. Он твердо понял, где его место: рядом с хозяином, живым или мертвым, а почему да зачем — неважно. И он сбежал по лестнице и помчался тропой к Фродо.

«Сколько их там? — думал он. — Из башни тридцать-сорок, не меньше, да снизу столько же, а то и побольше. И сколько ж я их успею перебить? Голубой клинок они заметят и раньше ли, позже ли одолеют меня. Хорошо бы когда-нибудь сложили песню: «Как Сэммиум погиб на перевале, защищая тело хозяина». Да нет, какая песня! Кольцо найдется, и песен больше не будет.

Что ж, нет так нет, а мое место — возле господина Фродо. Должны они это понять — и Элронд, и Совет, и все они, великие и мудрые: просчитались они. Из меня Хранителя не выйдет — я только вместе с господином Фродо».

Что-то орков не видать в этой мути. Прежде он как-то перемогался, а теперь вдруг разом устал так, что впору копыта отбрасывать. Не бежит, а еле тащится, и тропе конца нет. Да куда же они все подевались — вот проклятый туман!

Ага, вон они! Еще далеко, ух ты, как далеко! Столпились, а некоторые рыщут кругом, следы вынюхивают. Он силился побежать.

— Ну давай, давай, Сэм! — торопил он себя. — А то опять прохлопаешь, что тогда? — Он нащупал рукоять меча. Сейчас он его выдернет из ножен и...

Дико загалдели, заржали, загоготали, поднимая тело с земли:

— Раз-два, взяли! Эй, ты, рыло! Оп! Оп!

И начальственный окрик:

— Шагом марш, поровнее! Напрямую к Нижним Воротам! Сегодня она, похоже, не вылезет. — И целая свора сорвалась с места. Четверо посредине несли тело на плечах. — Го-гой!

Все, убежали, унесли тело Фродо, теперь уж их не догнать; но он не останавливался. Орки исчезли в проходе: четверка с телом впереди, задние устроили толчею. Сэм подоспел — и обнажил меч, полыхнувший голубым пламенем, но его никто не заметил, и последний орк скрылся в зияющей дыре.

Он постоял, держась за сердце, и немного отдышался. Потом отер рукавом с лица копоть, пот и слезы.

— Гадина проклятая! — сказал он и нырнул в смрадную темноту.

Теперь темнота была не такая черная: просто он из туманной мглы окунулся в густой туман. Усталость его возрастала, но и упорства прибавилось. Вроде бы и невдалеке плясали огоньки факелов, но, как он ни спешил, догнать их не удавалось. Орки — ходоки быстрые, а уж этот-то переход они знали назубок: как ни страшились они Шелоб, а иного пути, кроме самых окольных и запретных, от Мертвой Крепости до сторожевой башни не было. Когда проделали главный проход и зачем вырубили тот круглый отсек, где она облюбовала берлогу, — этого никто не знал, но обходных туннельчиков наделали видимо-невидимо: бегать-то мимо Шелоб приходилось по сто раз на дню. Нынче бежать было недалеко — потайным боковым ходом к

подбашенной скале. Полные злорадного ликования — не без добычи! — на бегу они чисто по-оркски орали и переругивались. Сэм слышал их грубые голоса, точно ржавый скрежет в мертвенном воздухе. Громче и ближе всех говорили между собой два вожака, замыкавшие шествие.

— Унял бы ты своих долбаков, Шаграт, — буркнул один. — Вот щас Шелоб как выскочит!

— Не воняй, Горбаг! Твои не меньше галдят! — огрызнулся другой. — Дай ребятам подурачиться. Шелоб нынче квелая, авось не выскочит. На гвоздь она, что ли, напоролась, не знаю, и утешать не побегу. Видал, как все запакощено аж до поганой ее берлоги? Да коли сто раз сошло, сойдет и в сто первый, пусть их поржут. Опять же везуха: в Лугбурзе будут довольны.

— Сказанул: в Лугбурзе! С чего бы это. Подумаешь, какой-то эльфийский недомерок. Особо опасный, что ль?

— Не знаю, глазами поглядеть надо.

— А-а-а! Сам, стало быть, не знаешь, в чем дело, из-за чего сыр-бор? Ну да, у них там наверху все тайны да секреты, где нам, дуракам. А я тебе по секрету вот что скажу: на самом верху те же портачи сидят, даже еще хуже.

— Ч-ш, Горбаг! — Шаграт так понизил голос, что и болезненно чуткий слух Сэма едва улавливал слова. — Портачи-то они портачи, а глаза и уши у них повсюду, и мои огольцы всегда на стреме, было бы что доносить. А они там сротозейничали, это точно. Недаром назгулы, сам говоришь, места себе не находят, в Лугбурзе тоже переполох. Что-то у них чуть не сорвалось.

— Чуть не сорвалось, говоришь? — хохотнул Горбаг.

— Ладно, ладно, — сказал Шаграт, — поговорим потом. Тут щас будет один закоулок: парни пусть идут, а мы присядем, потолкуем.

Факелы куда-то поисчезали. Прокатился гул, раздался глухой удар. Сэм подбежал — оказалось, орки ушли тупиковым проходом.

Его загораживал огромный камень, но они как-то, видать, его отодвинули и задвинули: голоса их доносились с той стороны. Орки убегали в каменную глубь, к своей башне и уносили на поругание тело Фродо, а Сэм, хоть ты тресни, не мог даже следовать за ними. Он потыкался в каменную глыбу, попробовал ворохнуть ее, кидался на нее всем телом, но она не поддавалась. И снова, вроде бы совсем неподалеку, послышались голоса вожаков, и он навострил уши: вдруг что-нибудь разузнает? Кстати же, Горбаг, должно быть, снизу, из Минас-Моргула; будет выходить, а он и прошмыгнет.

— Не-а, не знаю, — сказал голос Горбага. — Обычно-то приказы поступают быстрей, чем птица долетит. А как — не знаю, да лишнего и не надо знать. Брр! С этими назгулами не захочешь, а обделаешься. Глянут на тебя — будто шкуру сдирают: раз-два, и отправят освежеванного вялиться на том свету. А Самому они лучше братьев родных, так что терпи да молчи в тряпочку. Нет, я тебе скажу, в крепости служить — не шутка.

— Ты бы здесь послужил, погулял бы в обнимку с Шелоб, — сказал Шаграт.

— Она мне тоже без надобности: податься бы куда-нибудь, где ни их, ни ее. Да куда же подашься: война, разве что после.

— Война, говорят, хорошо идет.

— Они скажут, — хмыкнул Горбаг. — Поживем — увидим. Но если и правда все утрюхается, то заживем попросторнее. Как думаешь? Может, подберем с десяток лихих парней, дадим тягу да поищем, где поразжиться есть чем, а командиров нет?

— Эх! — сказал Шаграт. — А что, тряхнем стариной?

— Ну, — сказал Горбаг. — Это мы потом, а сейчас тут что-то не то, нюхом чую. Я тебе говорю, Большие Шишки, — он перешел почти на шепот, — ну, самые большие, где-то напортачили. «Чуть не сорвалось»! То-то и оно, что сорвалось! А мы — бегай поднимай. Бедняга наш брат Урукхай — только бы им дыры нашими задницами затыкать! Пользуются, что враги любят нас не больше, чем Самого, и что ежели Ему, то и нам конец. Погодика, ты когда приказ-то получил?

— Да с час назад, мы почти сразу и встретились. Сказано было: *«Назгул тревожится. Берегись лазутчиков на Лестницах. Стражу везде удвоить. К лестницам выставить дозор»*. Я скомандовал — и побежали.

— Скверное дело, — сказал Горбаг. — Видишь ли, наши Безмолвные Соглядатаи встревожились пораньше назгула, дня два назад, это я точно знаю. А с дозором меня послали только вчера и в Лугбурз не сразу доложили: то да се, гром и молния, Главный Назгул выступает с войском. Говорят, из Лугбурза вообще велели не соваться с пустяками.

— Ну да, и Око здесь не шарило, — сказал Шаграт. — Говорят, на западе большие бои.

— Это само собой, — проворчал Горбаг. — А враги тем временем пробрались по Лестницам. Ты-то, между прочим, где был? Особого распоряжения дожидался? Кто за тебя должен стеречь верхнее ущелье и переход?

— Заткнись ты! Ишь, командир нашелся, не учи ученого. Мы и так всю ночь глаз не смыкали. Тут чудные дела творились.

— Что за чудные дела?

— Да уж чудные: свет мелькал, крики слышались. Но Шелоб-то тоже не дремала. Парни видели ее с Мозгляком.

— Какой еще Мозгляк?

— Поглядел бы ты на него: черненький такой вшиварь, сам как паучок или замоpенный лягушонок. Он здесь и раньше бывал. Первый раз явился не откуда-нибудь, а из Лугбурза, понял, несколько лет назад, и нам велено было задержек ему не чинить. И с тех пор разок-другой вскарабкался по Лестницам, но мы его не трогали, будто и не замечаем: он как-то поладил с ее милостью. Видать, она просто на тощий кус не позарилась — на приказы-то сверху ей сто раз плевать ядовитой слюной. Ну, вы там в долине хороши сторожа: он сюда уж сутки как пробрался. Вчера под вечер его видели. А потом докладывают мне, что ее Милость забавляется, я думаю — ну и на здоровье, другое дело — когда приказ вышел. Верно, думаю, Мозгляк ей какую-нибудь живую кровянку притащил, а может, от вас доставили подарочек — пленного или кого там. Я ей забавляться никогда не мешаю — ей помешаешь, как же! — а мимо нее все равно никому ходу нет.

— «Ходу нет, ходу нет»! Ты гляделки-то разуй! Говорю тебе: что-то стряслось, нюхом чую. Кто уж там пожаловал по Лестницам, не знаю, только он протырился, понял? Раскромсал ее паутинку и вылез из Логова. Это тебе не хухры-мухры!

— Ну он же от нее не ушел, верно?

— Не *ушел? Кто* не ушел? Этот замухрышка? Да если б он был один, давно уж вылеживался бы в ее кладовочке на верхней полочке, а ты бы его у нее выпрашивал, потому как в Лугбурзе шутить не любят. Считай, тебе повезло. Только он не один был!

Тут Сэм стал слушать внимательнее и прижался ухом к камню.

— Кто его освободил-то, а, Шаграт? Да тот же самый, что раскромсал паутину. Сам, что ль, не понимаешь? А кто подколол ее милость? Опять же он. А где он? Ну где он, Шаграт?

Шаграт промолчал.

— Ты шевели, шевели мозгами — нет своих, займи на время, дело-то нешуточное! Никогда и никто еще до Шелоб иголкой не дотянулся, не хуже меня ты это знаешь. Старушку-то жалеть не будем, хрен с ней; но ты сообрази сам: тут у тебя шастает всем мятежникам мятежник, с недобрых времен Великой Осады таких и в заводе не было. В общем, что-то сорвалось.

— Ну и что это за мятежник, по-твоему?

— Да по всему видать, мил друг Шаграт, что это огромный богатырь, наверняка эльф, с эльфийским мечом — это точно, да и секира небось при нем; он тут орудует у тебя под боком, а ты

хайлом мух ловишь! Что говорить, чудные дела! — Горбаг сплюнул. Сэм мрачно усмехнулся, узнав себя в описании.

— Да ну тебя в Моргул, вечно ты тоску нагоняешь, — сказал Шаграт. — Охота тебе выдумывать, а может, все гораздо проще объясняется. Короче, дозорных я всюду выставил, и, если их даже двое, разбираться будем по одному. Погляжу как следует на того, который нам попался, а там и подумаю, что дальше делать.

— А я тебе говорю, что на замухрышку можешь заранее плюнуть, — сказал Горбаг. — Он тут вообще сбоку припека. Да тот великан с острым мечом и возиться-то с ним не стал, бросил подыхать: эльфы, они такие.

— Посмотрим. Айда, а то заговорились. Пошли разбираться с пленным.

— Чего ты с ним делать-то собираешься? Ты не забудь — это мои молодцы нашли его. Если потрошить, то чур мы первые.

— Легче, легче, — заворчал Шаграт. — Нечего тут, у меня приказ, и нарушать его никому не позволено — наши с тобой головы первые полетят. *Всякого* пойманного нарушителя заточить в башню. Раздеть донага. Составить полную опись одежды, оружия и всего, что при нем найдено, — письма, кольца, любые безделушки, опись немедля переправить в Лугбурз, и *только* в Лугбурз. Пленника под страхом смертной казни для всех и каждого пальцем не трогать и беречь пуще глаза, покамест Сам за ним не пришлет или не явится. Инструкции ясные, мое дело их выполнять от точки до точки.

— А донага раздеть — это как? — спросил Горбаг. — Уж заодно-то, может, зубки повыдергать, ноготки, волосики, а?

— Ни-ни, и не мечтай. В Лугбурз без никаких, целого и невредимого.

— Ну, это дудки, — расхохотался Горбаг. — Чего дохлятину-то беречь? Жмуриков у них, что ли, в Лугбурзе не хватает? Сварить бы его на ужин, и дело с концом.

— Болван! — рявкнул Шаграт. — Язык у тебя без костей, а ты бы лучше послушал тех, кто смыслит побольше твоего. Смотри, вот сам попадешь на ужин к Шелоб. Дохлятина! Много ты понимаешь про ее милость! Если она пеленает — значит, мясцо заготавливает, а дохлятины она не жрет и тухлой кровянки не пьет. Не мертвый он вовсе!

Сэма шатнуло; он вцепился в камень. Ему показалось, будто черное Логово переворачивается вверх дном. От потрясения он чуть не лишился чувств, но превозмог дурноту, ясно услышав свой внутренний голос: «Дуралей ты, он же не мертвый, и в сердце своем ты это знал. Голова твоя, Сэммиум, садовая,

ты ее лучше в карман спрячь. Беда с тобой та, что ты потерял надежду, а лучше сказать, с самого начала ни на что не надеялся. Теперь-то как быть?» Пока никак, пока всем телом вжаться в холодный камень и слушать, слушать, слушать гнусные голоса орков.

— Эх ты, тютя! — сказал Шаграт. — У нее же разные яды на разные случаи. Когда она охотится, то ужалит в шею, упакует мягонькое мясцо в кокон, а уж потом лакомится помаленьку. Помнишь старину Уфтхака? Он вдруг запропал: день его нет, два нет, на третий идем — а он висит в уголочке живехонек и пялит зенки. Ну, мы и хохотали! Может, она его подвесила и забыла, но мы его так висеть и оставили — охота была с нею связываться! Нет, этот вшиварочек через часик-другой очухается. Ну, потошнит его, а так хоть бы что, это уж в Лугбурзе его на части разберут. Память у него, конечно, малость отшибет: невдомек ему будет, где он да что такое с ним приключилось.

— И чего дальше будет! — захохотал Горбаг. — Ладно, это мы ему порасскажем, раз больше ничего нельзя. В лугбурзских хоромах он вряд ли бывал, надо его подготовить, а то испугается с непривычки. А что, забава не хуже другой. Пошли!

— А я тебе говорю, забавляться не будем, — пробурчал Шаграт. — Если он в уме повредится, то все мы, считай, мертвецы.

— Ладно, ладно, не пукай! Я бы на твоем месте обложил другого, здоровяка, а пока чего даже и в Лугбурз не докладывал бы. Там ведь косо посмотрят на то, что ты изловил котенка и упустил кота.

Голоса стихли, и шаги удалились. Сэм оправился от потрясения и пришел в бешеную ярость.

— Ну и сглупил же я! — кричал он. — Так я и знал! Теперь он у них, у гадов, у мерзавцев! Одно тебе надо было помнить: никогда, ни под каким видом не оставляй хозяина, и все тут! И не мудрить! Ох, хоть бы мне это простилось! А теперь надо пробраться к нему — как хочешь, хоть из кожи вон!

Он снова обнажил меч и рукоятью выстукивал камень: тот отзывался глухим гулом, но клинок запылал ярко-ярко, и при свете его Сэм с изумлением увидел, что перед ним не просто камень, а каменная дверь в полтора его роста. Между дверью и аркой оставался узкий лаз; дверь небось была от Шелоб и запиралась с той стороны хитрым засовом или крюком, для нее недосягаемым. Сэм подпрыгнул, схватился за верх двери, подтянулся, просунулся в лаз, перевалился, тут же вскочил и побежал со всех ног со сверкающим клинком в руке по извилистому про-

ходу. Узнав, что хозяин жив, он и думать забыл о своей усталости. Впереди ничего не было видно: уж больно петлял проход, но орков он, должно быть, догонял — два голоса послышались совсем рядом.

— Как сказал, так и сделаю, — сердито отрезал Шаграт. — Запру его в потайной каморке на самом верху.

— Зачем это? — буркнул Горбаг. — У тебя что, внизу нет надежных застенков?

— Сказал же — подальше от вашего брата, — отвечал Шаграт. — Понял? Его нельзя трогать, а я не всем своим парням доверяю, твоим-то и подавно, да и тебе не очень — мало ли, приспичит тебе позабавиться. Я за него в ответе и тебя к нему близко не подпущу, разве что под моим присмотром. Говорю: на самый верх, там до него никто не доберется.

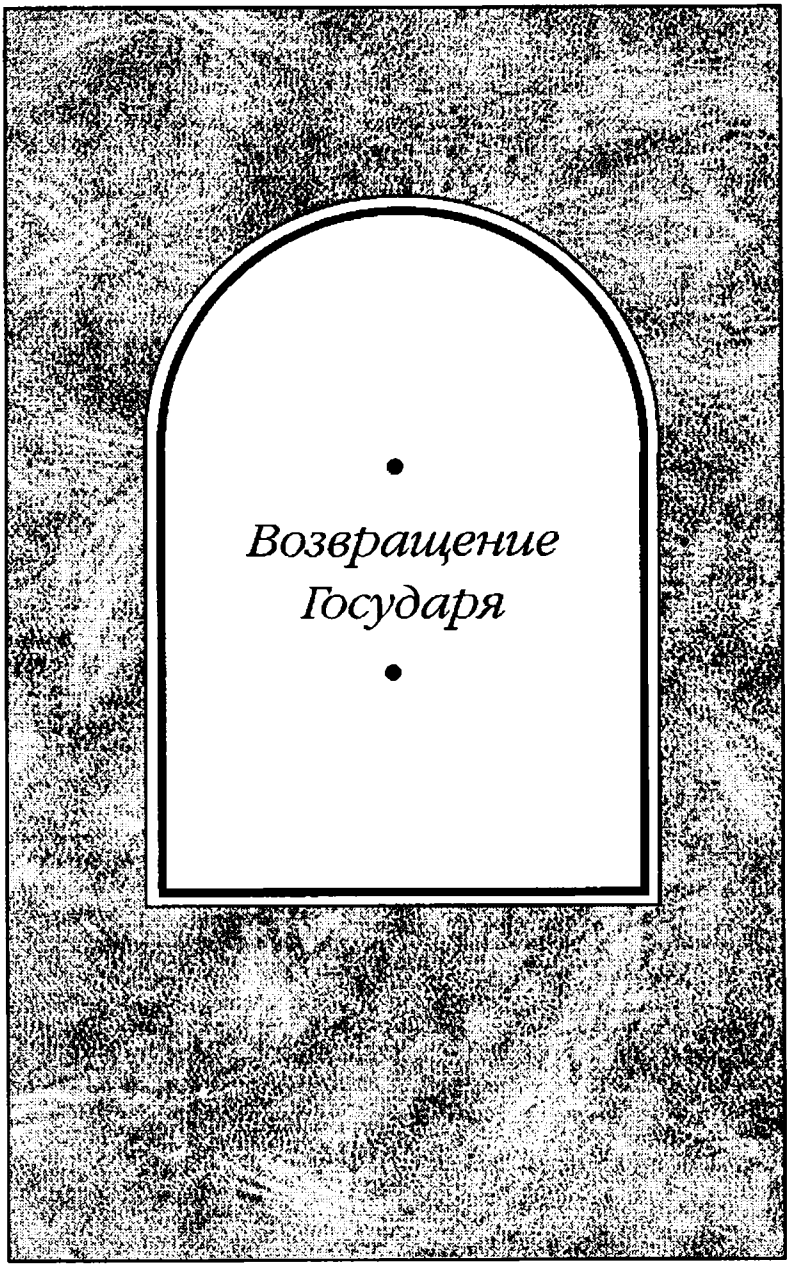
— Никто? — крикнул Сэм. — А про эльфийского-то богатыря у вас под боком забыли!

И он выпрыгнул из-за последнего поворота, но Кольцо, что ли, обмануло его — уж очень их было хорошо слышно — или проход такой опять же хитрый, только они оказались довольно далеко: два черных приземистых урода на фоне багрового неба. Они поднимались по каменному скату к широко распахнутым двустворчатым воротам в нижние, а то и подвальные помещения башни — ее могучего рога даже и видно не было. Орки со своей ношей уже давно зашли в ворота. Горбаг и Шаграт были от них за два шага.

Хриплый хор грянул песню, затрубили рога, ударили в гонги, заорали на все голоса. Горбаг и Шаграт переступили порог.

Сэм кричал и махал сверкающим Терном, но его голосок тонул в несусветном гаме. Никто его не заметил.

Гулко захлопнулись огромные ворота. С лязгом задвинулись тяжелые железные засовы. Сэм с разгону ударился о шиповатую бронзовую обшивку и без чувств упал наземь. Он остался один снаружи, в темноте. Фродо был жив и живым попал в руки Врага.


Возвращение
Государя

Книга V

Глава I

МИНАС-ТИРИТ

Пин выглянул у Гэндальфа из-за пазухи и не понял, проснулся он или спит по-прежнему, видит быстротечный сон, в который погрузился, когда Светозар ударил галопом. Пробегала мимо та же темень, и ветер гулко свистел в ушах. Виднелись одни лишь переливчатые звезды; справа заслоняли небеса темные громады. Он стал было сонно соображать, где они и сколько уже проехали, но память его мутилась и расплывалась.

Сперва, он помнил, мчались во весь опор, на рассвете блеснули тусклым золотом купола, и они приехали в какой-то тихий город, и огромный пустой дворец стоял на холме. Едва они там укрылись, как опять налетела крылатая тень, и люди растерялись от ужаса. Но потом Гэндальф с ним ласково говорил, а он спал где-то в уголочке, спал устало и беспокойно и слышал сквозь сон, как ходили туда-сюда и Гэндальф отдавал приказы. А потом они снова мчались и мчались, скакали в ночь. Вторая это была — нет, уже третья ночь, как он заглянул в Камень. Он вспомнил этот ужас, вспомнил, проснулся и задрожал, а расшумевшийся ветер грозил на все голоса.

Небо вспыхнуло желтым сиянием из-за черных кряжей, а Пин съежился в комочек: куда это, в какие неведомые края завез его Гэндальф? Он протер глаза и увидел, что луна одолела восточные тени, почти что полная луна. Значит, ночь в самом начале и долог еще путь под темным небом. Он шевельнулся и заговорил.

— Это мы где, Гэндальф? — спросил он.

— Заехали в пределы Гондора, — отвечал тот. — Пока что в Анориэне.

И дальше скакали молча, а потом Пин вскрикнул, дернув Гэндальфа за рукав:

— Смотри-ка, смотри! Огонь же, красный огонь! Тут что, драконы? А вон еще!

Вместо ответа Гэндальф воззвал к коню:

— Поспешим, Светозар! Близки последние сроки. Видишь,

Гондор зажигает маяки — вестники бедствия. Война нагрянула. Вон зажегся Амон-Дин, вспыхнуло пламя на Эйленахе, и огни побежали к западу: Нардол, Эрелас, Мин-Римон, Кэленхад, а вот полыхнул Галифириэн у ристанийской границы!

Но Светозар перешел с галопа на шаг, поднял голову и звонко заржал. Послышались ответное ржание и перестук копыт. Из темноты вынырнули три всадника, пронеслись на запад и исчезли, точно растаяли в лунном сиянии. А Светозар напрягся, прянул — и ночной ветер снова загудел в ушах.

Сквозь дремоту Пин краем уха слушал, что рассказывает Гэндальф о гондорских обычаях — о том, как намеетник повелел воздвигнуть маяки по обоим отрогам горной цепи, а у маяков учредил подставы, где всегда держат наготове сменных лошадей для гонцов, отправленных на север, в Ристанию, или на юг, в Бельфалас.

— Давно уж северные маяки не зажигались, — сказал он, — а прежде-то Гондору в них и нужды не было, хватало Семи Каменьев.

Пин вздрогнул и заерзал.

— Спи себе, не пугайся! — велел ему Гэндальф. — Это Фродо надо идти в Мордор, а ты едешь в Минас-Тирит, в надежнейшую крепость: ныне надежней нигде нету. Если уж Гондор не устоит, если Враг завладеет Кольцом, то и в Хоббитании не укроешься.

— Хорош утешитель, — спросонья выговорил Пин. Но, и засыпая, все же увидел осиянные луной белые вершины, плывущие над облаками. И подумал: «А где же все-таки Фродо? Может, он уже в Мордоре или его в живых нет?» Откуда ему было знать, что тогда-то и Фродо глядел издалека на ту же самую предрассветную луну.

Голоса разбудили Пина. Вот и еще сутки прочь: день в укрытии, ночь на коне. Светало, стелился холодный туман. Поблескивали потные бока Светозара, но в горделивой его осанке не было ни признака усталости. Кругом стояли высокие люди в плащах до пят, а за ними виднелась полуразрушенная стена, которую, должно быть, поспешно отстраивали, и в этот ранний предрассветный час отовсюду слышался стук молотков, скрежет лопат и скрип колес. В мутной мгле пылали факелы, горели светильники. Гэндальф разговаривал с теми, кто преграждал им путь, и Пин, прислушавшись, понял, что речь идет о нем.

— Да нет, ты-то ладно, Митрандир, — говорил Главный, — тебя мы знаем. А ты знаешь заветные слова, и Семь Врат открыты перед тобой. Езжай себе. Но вот спутник твой — он кто? Гном, что ли, с северных гор? Нам, как бы сказать, нынче ни к

чему чужестранцы, разве что придет мощная подмога — из тех, кого мы опять-таки знаем и кому верим.

— Я поручусь за него перед престолом Денэтора, — отвечал Гэндальф. — И не судите о нем по росту. Если хочешь знать, Ингольд, так и битв, и опасностей ему выпало на долю куда больше твоего, хоть он и вдвое меньше тебя. Мы с ним приехали от Изенгарда — вы еще услышите, что там было. Устал он очень, а то бы я его разбудил. Зовут его Перегрин, и не всякий из вас равен доблестью этому мужу.

— Этому мужу? — изумился Ингольд, и остальные рассмеялись.

— Какому еще мужу! — воскликнул Пин, совсем проснувшись. — Скажет тоже, мужу! Я никакой не муж, а хоббит, и вовсе не доблестный, разве что иной раз не сплоховал. Чего вам Гэндальф голову морочит!

— Такие слова и впрямь под стать доблестному мужу, — задумчиво проговорил Ингольд. — А хоббит — это кто?

— Хоббит — это невысоклик, — объяснил Гэндальф. — Нет-нет, — прибавил он, окинув взглядом изумленные лица, — прорицание было не о нем. Это не тот, но один из них.

— Хоть и не тот, но его спутник, — заявил Пин. — И Боромир из вашего города тоже был с нами, он спас меня в северных снегах, и как раз меня он защищал и отбивался от целого полчища, когда его застрелили.

— Будет! — вмешался Гэндальф. — Эту скорбную весть должен прежде услышать отец Боромира.

— Скорбная весть предугадана, — сказал Ингольд, — ибо недавно были диковинные знамения. Езжайте же, спешите! Свидетелю участи наследника престола Минас-Тирита нет задержки — будь то человек или...

— Или хоббит, — докончил Пин. — Мало проку от моего свидетельства, я могу лишь поведать вашему властителю о доблести Боромира, я у него в долгу.

— Добро пожаловать! — сказал Ингольд, и люди расступились перед Светозаром: в стене был узкий проход. — Подай Денэтору и всем нам мудрый совет, Митрандир! — крикнул он вслед. — А то ведь говорят, будто ты не советчик, а горевестник, ибо вести твои всегда скорбные и грозные!

— Потому что являюсь я в годины бедствий, — отозвался Гэндальф, — являюсь, когда нужна моя помощь. Вам же совет мой таков: поздно уже чинить пеленнорскую стену. Буря вот-вот налетит, и надейтесь лишь на свою стойкость, а выстоите — будет вам и иная надежда. Не все мои вести скорбные. Отложите лопаты и точите мечи!

— Да мы к вечеру управимся, — возразил Ингольд. — Стена вся отстроена, только здесь и осталось: мы же не ждем врагов со

стороны Ристании. А что ристанийцы? Как думаешь, откликнутся, прискачут на зов?

— Прискачут, дайте срок. Пока что они заслонили вас от удара в спину. Ждите врагов отовсюду, с любой стороны, днем и ночью! Когда б не Гэндальф-горевестник, на вас бы сейчас обрушились вражьи полчища из разгромленной Ристании. И почем знать, что еще будет. Прощайте — и глядите в оба!

И Гэндальф выехал на раздолье за Раммас-Экором — так называли гондорцы дальние укрепления, воздвигнутые, когда враг захватил Итилию. Десять с лишним лиг тянулись они от северных горных отрогов к южным, вокруг Пеленнорских пажитей — богатых, пышных угодий на пологом правобережье Андуина. На северо-востоке от стены до Великих Врат было дальше всего — лиги четыре. Здесь Минас-Тирит отгородился от приречных низин могучей крепью, и недаром: сюда, к заставе с двумя сторожевыми башнями, вела меж стен по насыпи большая дорога от бродов и мостов Осгилиата. А на юго-востоке стена отстояла от города всего лишь на лигу, минуя Эмин-Арнен — Королевскую Гряду на том берегу, в южной Итилии, — Андуин круто сворачивал к западу, и укрепления высились над берегом реки, над пристанями Харлондской гавани, где швартовались корабли и барки с подвластных Гондору андуинских низовьев и с приморья.

Изобильны были городские окрестности: тучные пашни и фруктовые сады, усадьбы с житницами и сушильнями, овчарнями и коровниками; в зелени струились с гор к Андуину бесчисленные речушки. Правда, земледельцев и скотоводов было здесь немного: большей частью гондорцы обитали в своем семистенном граде, или же по высокогорным долинам Лоссарнаха, или еще дальше к югу, в прекрасном Лебеннине, который орошают пять буйных потоков. Суровые жители южных предгорий считались исконными гондорцами, хоть и были они — приземистые и смуглые — потомками безвестного племени, поселившегося там в незапамятные века, еще до того, как Морем приплыли короли. И многолюдна была южная окраина Гондора — Бельфалас, где правил родовитый князь Имраиль; замок его Дол-Амрот стоял у самого Моря. Тамошние уроженцы были рослые, статные, сероглазые.

...Они ехали, и небо светлело. Пин привстал и огляделся. Слева стелилась мгла, сгущалась в темень на востоке, а справа уходила на запад горная цепь, такая обрывистая, точно при сотворении мира могучая река обрезала и отодвинула ее, образовав широкую долину — ристалище грядущих битв. И, выступая из тени, возникла перед ними, как и обещал Гэндальф, крайняя вершина — гигант Миндоллуин, изборожденный лиловыми рубцами, обративший к рассвету белеющее взлобье. На его ус-

тупе, как на огромном выставленном колене, воздвигся Несокрушимый Град, могучая и древняя семистенная крепость — казалось, и не построенная, а изваянная сказочными исполинами из тверди земной.

Пин изумленно смотрел, как серые стены белели и розовели с рассветом; потом солнце вдруг выглянуло из сумрака и ярко озарило каменный лик города. И Пин вскрикнул, ибо над верхней стеной засверкала в небесах жемчужным блеском Эктелионова башня, и шпиль ее сиял словно хрустальный; белые стяги реяли на утреннем ветру, и высоко-высоко серебряными голосами запели трубы.

Так, с первыми лучами солнца, Гэндальф и Перегрин подъехали к Великим Вратам столицы Гондора, и чугунные створы раскрылись перед ними.

— Митрандир! Митрандир! — восклицали стражи. — Значит, буря вот-вот налетит!

— Она уже налетела, — объявил Гэндальф. — Я примчался на ее крылах. Дорогу! Я тороплюсь к вашему повелителю Денэтору, покуда он еще государит. Будь что будет, но прежнему Гондору уж не бывать. Дорогу, сказал я!

Стража послушно расступилась; не спросили ни о чем, хотя изумленно взирали на хоббита, восседавшего впереди, и на великолепного коня. Лошадей тут видывали редко, а если уж всадник проезжал по улице — значит, спешил с неотложным государевым поручением. И поплыла молва: «Этот конь не иначе как от самого ристанийского конунга! Может статься, мустангримцы не замедлят с подмогой?» А Светозар, горделиво вскинув голову, двинулся наверх длинным извилистым путем.

Ибо в семь ярусов был выстроен Минас-Тирит, врезан в гору на семи уровнях и окружен семью стенами. Нижние Великие Врата внешней стены обращены были на восток, следующие — на четверть окружности к югу, третьи — настолько же к северу, и так до седьмых ворот. Мощеный подъем к цитадели сворачивал то налево, то направо и, проходя над Великими Вратами, всякий раз пронизывал сводчатым туннелем исполинскую скалу, разделявшую надвое все ярусы, кроме первого. Прихотью изначального творения, довершенной трудами древних мастеров, скала, которая вздымалась за нижней площадью, была устремлена к востоку, точно корабельный форштевень. И с парапета седьмой стены можно было, как с палубы, увидеть на семисотфутовой глубине Великие Врата. Подобно им, глядели на восток ворота цитадели; к ним поднимался сквозь толщу скалы длинный проход, озаренный светильниками. И не было

из города иного пути к Вышнему двору и Фонтанной площади у стройной Белой Башни в пятьдесят сажен высотою; на шпиле ее, в тысяче футов над равниной, развевалось знамя наместников Гондора.

Воистину неприступна была эта крепость, не по зубам никакому супостату, доколе оставались у нее защитники, разве что враги зашли бы с тыла и взобрались по кручам Миндоллуина к узкому перешейку между горой и крепостью на высоте пятой стены. Но перещеек был надежно укреплен и огражден по краю западного ущелья; а в пустынной седловине, в склепах и усыпальницах, покоились прежние властители Гондора, князья и наместники.

Пин никак не мог надивиться на огромный белокаменный град; такого, думал он, и во сне не увидишь, что там Изенгард перед этой могучей твердыней! Да и по красоте не сравнить. На самом же деле город хирел год от года, и народу обитало здесь вполовину меньше прежнего, а и прежде было не тесно. Что ни улица, проезжали они мимо дворцов и хором, где над дверями и арками ворот были искусно высечены древние рунические надписи — как догадывался Пин, имена и прозвания былых владельцев; но теперь там царила тишина, никто не всходил по широким ступеням, ничей голос не раздавался в опустевших покоях, ничье лицо не появлялось в ослепших окнах.

Наконец они выехали из туннеля к седьмым воротам, и теплое солнце, сиявшее из-за реки, озарявшее Фродо в перелесках Итилии, засверкало на гладких стенах и мощных колоннах, и ярко блеснул замковый камень большой арки — изваяние главы в короне. Гэндальф спешился, ибо всадников в цитадель не пускали, и Светозар по тихому слову хозяина позволил увести себя прочь.

Стражи у ворот были в черных плащах и причудливых шлемах с венцами и тесными наланитниками, украшенными сверху светлыми крылами чаек; шлемы лучились ясным блеском, ибо отковали их из *мифрила* в давние дни могущества Гондора. На плащах было вытканo дерево в белоснежном цвету, а над ним — серебряная корона и звездная россыпь. Это облачение дружинников Элендила во всем Гондоре носили одни лишь стражи цитадели, охранявшие Фонтанный Двор, где некогда росло Белое Древо.

Здесь им почему-то вовсе не удивились, а молча пропустили без всяких расспросов, и Гэндальф быстро зашагал по белым плитам двора. Поодаль на ярко-зеленом лугу искрился фонтан в

лучах утреннего солнца, и поникло над водой иссохшее дерево, скорбно роняя капли с голых обломков ветвей в прозрачное озерцо.

Поспешая за Гэндальфом, Пин оглянулся на дерево и подумал, какое оно печальное и как странно, что оно торчит здесь, а кругом все так ухожено.

Семь звезд, семь камней и белое древо.

Он припомнил эти слова, которые бормотал Гэндальф, и вслед за ним очутился на крыльце сверкающей башни, миновал безмолвных стражей и вступил под высокие своды, в гулкую полутьму. Они шли по длинному пустому залу, и Гэндальф тихо наставлял Пина:

— Держи язык на привязи, сударь мой Перегрин! Сейчас не время для хоббитских прибауток. Это тебе не добродушный старец Теоден. Денэтор — человек совсем иного склада, гордый и хитроумный, высокородный и могущественный властитель, хоть князем и не именуется. Говорить он будет больше с тобой, чем со мной, и выспросит тебя обо всем, что ты знаешь о сыне его Боромире. Он очень — пожалуй, даже слишком — любил старшего сына, любил еще и потому, что тот был ни в чем на него не похож. Но любовь не помешает ему взять тебя в оборот — смотри не проболтайся! Не говори ничего лишнего, а пуще всего помалкивай о поручении Фродо. Об этом я скажу в свое время. И постарайся как можно реже упоминать об Арагорне.

— А почему? Бродяжник-то чем плох? — шепотом возмутился Пин. — Он ведь сюда и шел. Да он все равно же явится за нами следом!

— Явиться-то он явится, — подтвердил Гэндальф. — Но явится оттуда, откуда его никто не ждет, даже Денэтор. Вот пусть и не ждет, так оно лучше. И не пристало нам возвещать его приход.

Гэндальф остановился перед высокими дверями, облицованными вороненой сталью.

— У меня, любезнейший Пин, и минуты лишней нет, чтобы вдалбливать тебе историю Гондора. Лучше бы ты ее поучил, чем разорять гнезда и гонять лодыря в хоббитанских лесах. Слушай, что тебе говорят! И посуди сам: очень это будет кстати — принести властителю весть о гибели его наследника и заодно сообщить, что, мол, власти твоей конец, вот-вот явится законный Государь? Уразумел?

— Государь? — изумился Пин.

— Да, — отрезал Гэндальф. — Хватит тебе уже хлопать ушами, возьмись-ка за ум!

И он постучал в двери.

Двери растворились словно бы сами собой, и Пин увидел огромный чертог с узкими стрельчатыми окнами по обеим сторонам, за черномраморными колоннадами. Пышные капители украшали узорная листва и диковинные звериные морды, высокий мозаичный свод отливал тусклым золотом. Ни занавесей, ни гобеленов, ни деревянной утвари; меж колонн застыли суровые изваяния.

Они напоминали андуинских Каменных Гигантов, и не без трепета Пин окинул взглядом длинные ряды статуй давным-давно умерших Государей Гондора. В дальнем конце чертога, на многоступенчатом возвышении, стоял трон под мраморным навесом в виде увенчанного короной шлема, а позади поблескивал самоцветами стенной горельеф — дерево в цвету. Но трон был пуст. На широкой нижней ступени в незатейливом черном каменном кресле сидел, опустив взор, древний старец. В руке он держал белый жезл с золотым набалдашником. Он даже не взглянул на них, и они медленно приблизились; остановившись шага за три от подножной скамейки, Гэндальф молвил:

— Привет тебе, властитель и наместник Минас-Тирита, Денэтор, сын Эктелиона! В этот роковой час я принес тебе вести и готов подать совет.

Старец поднял голову. Пин увидел строгое и надменное точеное лицо, длинный нос с горбинкой и запавшие темные глаза, и вовсе не Боромир вспомнился ему, а скорее Арагорн.

— Час поистине роковой, — отозвался старец, — твой излюбленный час, Митрандир. Да, судя по всему, Гондор на краю бездны, однако сейчас мне мое горе горше общей судьбины. Говорят, ты привез свидетеля гибели моего сына. Это он и есть?

— Да, это он и есть, — подтвердил Гэндальф. — Их было двое свидетелей. Другой — с Теоденом Ристанийским, может, еще и явится. Оба невысоклики, но прорицание было не о них.

— О них или нет, но самое слово это, — угрюмо сказал Денэтор, — язвит мой слух с тех пор, как Совет наш смутило темное прорицанье и Боромир очертя голову кинулся невесть куда, навстречу своей гибели. О сын мой, как худо нам без тебя! Фарамира надо было отправить.

— Фарамир и вызывался, — возразил Гэндальф. — Горюешь — горюй, но и в горе будь справедлив. Боромир сам пожелал идти и настоял на своем. Властный и своевольный, он пререканий не терпел. Много лиг я прошел с ним бок о бок, и мне довелось его распознать. Ты, однако же, упомянул о его гибели. Стало быть, тебя уже оповестили об этом?

— Вот оно — оповещение, — молвил Денэтор, отложив жезл и поднявши с колен в обеих руках обломки турьего рога, оправленного серебром.

— Это же рог Боромира, он его всегда носил! — воскликнул Пин.

— Верно, — сказал Денэтор. — А прежде я носил его, как всякий старший сын в нашем роду еще со времен последнего князя, когда Ворондил, отец наместника Мардила, охотился на диких быков Араува в дальних рунских степях. Тринадцать дней назад я расслышал его смутный зов от северных пределов княжества, и вот Великая Река принесла мне осколки рога: больше уж он не затрубит. — Денэтор умолк, и настала тяжкая тишина. Но вдруг он вперил взор в Пина. — Что скажешь на это ты, невысоклик?

— Тринадцать, тринадцать дней назад, — залепетал тот. — Пожалуй что и так, правда, тринадцать. И я был рядом с ним, когда он трубил в рог. Но подмога не явилась. Только орки набежали.

— Вот оно как, — протянул Денэтор, пристально глядя в лицо Пину. — Ты был рядом с ним? Расскажи, расскажи! Почему же не явилась подмога? И как случилось, что ты спасся, а он погиб, он, могучий витязь, не одолел оркскую погань?

Пин вспыхнул и позабыл робость.

— Величайшего витязя можно убить одной стрелой, — сказал он, — а Боромира пронзили едва ли не десятью. Помню, как он, прислонившись к дереву, выдергивал из груди черноперую стрелу. А потом я упал без сознания, и меня взяли в плен. Больше я его не видел, больше ничего не знаю. Но память его мне дорога и доблесть памятна. Он погиб, спасая нас — меня и друга моего, родича Мериадока: нас подстерегли в лесу солдаты Черного Властелина. И пусть он погиб и не выручил нас, я все равно буду благодарен ему до конца жизни.

Пин поглядел в глаза властительному старцу и сам вдруг загордился, обиженный презрительным, высокомерным голосом.

— И то сказать, что там какой-то хоббит у трона повелителя людей; подумаешь, невысоклик из северной Хоббитании — ну и пожалуйста, а я все равно плачу мой долг: примите мою жизнь.

Пин откинул полу плаща, извлек меч из ножен и положил его к ногам Денэтора.

Бледная улыбка словно луч холодного солнца, зимою блеснувшего ввечеру, озарила лицо старика; он склонил голову и протянул руку, отложив обломки рога.

— Дай мне твое оружие! — сказал он.

Пин поднял меч и протянул его рукоятью вперед.

— Откуда он у тебя? — спросил Денэтор. — Давным-давно был он откован. Тысячу лет назад, а клинок нашей северной ковки, так ли, невысоклик?

— Он из могильников к северу от нашей страны, — сказал

Пин. — Там, в могильниках, теперь одни только умертвия, и я о них говорить лучше не буду.

— Да ты, я вижу, нагляделся чудес на своем недолгом веку, — покачал головой Денэтор, — недаром говорится, что человека сразу не разглядишь, а невысоклика тем более. Что ж, принимаю твою жизнь. Ты за словом в карман не лезешь, а говоришь учтиво, хоть и необычно, не по-нашему звучит твоя речь. Учтивые, а паче того преданные приближенные нам очень нужны будут в грядущие дни. Итак, приноси клятву!

— Возьми меч за рукоять, — сказал Гэндальф, — и повторяй клятву за своим государем, коль уж ты принял решение.

— Я принял решение, — подтвердил Пин.

Старец возложил меч себе на колени, Пин взялся за рукоять и размеренно повторил вслед за Денэтором:

— Сим присягаю верно служить Гондору и государю наместнику великого княжества, клянусь по слову его молвить и молчать, исполнять и пресекать, являться и ходить — в годину изобилия или нужды, мира или войны, в радостный или же смертный час, отныне и навечно, ежели государь мой не отрешит меня от клятвы, или смерть меня от нее не избавит, или же не рухнет мироздание. Так говорю я, Перегрин, сын Паладина, невысоклик из Хоббитании.

— Слушаю и принимаю клятву я, Денэтор, сын Эктелиона, наместник Великого Князя, властелин Гондора, и не забуду клятвы твоей; да будет ей в награждение: любовь за верность, почести за доблесть и расплата за клятвопреступление.

И Пин принял свой меч и вложил его в ножны.

— Так вот, — сказал Денэтор, — слушай первое мое веление: говори без утайки! Расскажи все как было и не утаи ничего о сыне моем Боромире. Садись и начинай рассказ!

С этими словами он ударил в серебряный гонг возле подножной скамейки, и выступили из ниш по обе стороны дверей прежде незримые служители.

— Принесите вина, еды и сиденья для гостей, — распорядился Денэтор, — и пусть целый час никто нас не тревожит... Больше часа я не смогу вам уделить, — сказал он Гэндальфу. — Меня ждут неотложные дела, однако же ладно, немного подождут. С тобой-то мы еще, наверно, поговорим ближе к вечеру.

— Надеюсь, даже раньше, — отозвался Гэндальф. — Я ведь не затем скакал сюда от Изенгарда вперегонки с ветром, чтобы доставить тебе нового, необычайно учтивого и, паче того, преданного служителя. А что Теоден победил в смертельной битве, что Изенгард низвергнут, что я преломил жезл Сарумана — эти вести для тебя не важны?

— Важны, разумеется. Но я уже знаю обо всем этом — знаю

достаточно, столько, сколько надо, дабы по-прежнему противостоять грозе с востока.

Он обратил свои темные глаза на Гэндальфа, и Пин заметил сходство двух властительных старцев и почуял их обоюдную неприязнь: взоры их были точно тлеющие уголья, готовые вот-вот полыхнуть пламенем.

И Денэтор был с виду куда больше похож на могучего чародея, нежели Гэндальф: величавее, горделивее, благообразнее — и старше. Однако же вопреки зрению иным чувством Пин ощущал, что Гэндальф и могущественнее, и мудрее, а истинное величие его до поры сокрыто. И он древнее, намного древнее. «А сколько же ему, правда, лет?» — подумал Пин и удивился: почему-то такой вопрос ему никогда на ум не приходил. Чего-то там Древень толковал насчет магов, но это было словно бы и не про Гэндальфа. Кто же такой Гэндальф, на самом-то деле? Когда, в какие незапамятные времена явился он в Средиземье, когда суждено ему покинуть этот мир? Очнувшись от раздумий, Пин увидел, что Денэтор с Гэндальфом по-прежнему смотрят друг на друга, будто читают в глазах. Первым отвел взгляд Денэтор.

— Да-да, — сказал он, — хотя Зрячих Камней, говорят, больше нет на свете, однако властителям Гондора зоркости по-прежнему не занимать, и многими путями доходят до них вести. Но садитесь же!

Поставили кресло, скамеечку и столик, принесли на подносе чеканный серебряный кувшин с кубками и белые хлебцы. Пин присел, не сводя глаз с престарелого наместника. То ли ему показалось, то ли правда, упомянув о Камнях, Денэтор искоса сверкнул на него взором?

— Ну что ж, рассказывай, верноподданный мой, — с милостивой усмешкой молвил Денэтор. — Ибо поистине дорого для меня каждое слово того, с кем был столь дружен мой сын.

Пин заломнил навеки этот долгий час в пустынном чертоге под пронзительным оком наместника Гондора, который непрестанно задавал ему трудные, опасные вопросы, а рядом к тому же был Гэндальф, он смотрел, слушал и (Пина не обманешь) еле сдерживал гнев и нетерпение.

Час наконец истек, Денэтор ударил в гонг, и Пин был еле живой. «Да ведь еще не больше девяти, — подумал он. — Эх, съесть бы сейчас три, что ли, завтрака!»

— Отведите гостя нашего Митрандира в жилище, уготованное для него, — велел Денэтор, — вместе с его спутником, если тот пожелает покамест оставаться с ним. Да будет, однако же, известно, что он теперь у меня в услужении. Зовется он Пере-

грин, сын Паладина, скажите ему первые пропуска. И передайте военачальникам — пусть ожидают меня у дверей на исходе третьего часа. И ты, государь мой Митрандир, прибудь к этому часу, а впредь являйся, когда тебе угодно. Во всякое время тебя пропустят ко мне, кроме кратких часов моего сна. Не гневись на стариковскую дурость и приходи утешить меня!

— На стариковскую дурость? — переспросил Гэндальф. — Нет, государь, из ума ты не выжил, для тебя это было бы смерти подобно. Как хитро заслоняешься ты своим горем! Думаешь, я не понял, почему ты целый час расспрашивал свидетеля, которому известно куда меньше моего?

— Вот и хорошо, если понял, — заметил Денэтор. — Безрассуден гордец, пренебрегающий в трудный час помощью и советом, но ты помогаешь и советуешь лишь со своим потаенным умыслом. А властелину Гондора негоже служить чужим целям, сколь угодно достойным. И нынче нет в этом мире цели превыше спасения Гондора, а Гондором правлю я и никто иной, доколе не явится его законнейший повелитель.

— Законнейший, говоришь, повелитель доколе не явится? — подхватил Гэндальф. — Именно так, государь мой наместник, ты поистине призван сберегать доверенное тебе княжество в ожидании неведомых сроков. И в этом деле ты получишь всякую помощь, какой пожелаешь. Но я скажу тебе вот что: я не правитель Гондора и не властвую иными краями, ни великими, ни малыми. Однако же в нынешнем мире я в ответе за все, что достойно спасения. И коль уж на то пошло, пусть даже Гондор падет, я исполню свой долг, если, когда схлынет мрак, уцелеет хоть что-то от земной красоты, если будут для кого-то расти цветы и вызревать плоды. Ведь я тоже наместник. Этого ты не знал?

Он повернулся и удалился из чертога, а Пин бежал рядом.

По дороге Гэндальф ни разу не взглянул на Пина, ни словом с ним не обмолвился. Их проводили к дверям и через Фонтанный Двор в проулок, стесненный высокими каменными строениями. Они свернули несколько раз и очутились перед домом у северной стены цитадели, неподалеку от перешейка. Широкая мраморная лестница вела на второй этаж, они вошли в светлый и просторный покой. Солнце струилось сквозь золотистые занавеси. Мебели всего и было что столик, два стула и скамейка да по обеим сторонам, в нишах, застеленные кровати, а возле них кувшины с водой и умывальные тазы. Три узких высоких окна выходили на север, и в дальней дали, за подернутой туманом излучиной Андуина, виднелось, должно быть, Привражье, а еще дальше — водопады Рэроса. Пин взобрался на скамью, а то подоконник мешал смотреть.

— Гэндальф, ты на меня, что ли, сердишься? — спросил он, когда за их провожатым затворилась дверь. — Я очень старался.

— Старался, старался! — вдруг рассмеявшись, сказал Гэндальф; он подошел к окну, стал рядом с Пином и обнял его за плечи. Пин удивленно заглянул ему в лицо: он ли это смеялся так весело и беспечно? Нет, не может быть: вид у старого мага был горестный и озабоченный, и, лишь вглядевшись, Пин почуял за этим великую радость — такое сокрытое веселье, что, пожалуй, выплеснись оно наружу, расхохоталось бы и целое царство.

— Да, — сказал маг, — ты и вправду старался, и, надеюсь, не скоро ты снова попадешь в такой переплет — малютка меж двух устрашающих старцев. Но как ты ни старался, Пин, а властитель Гондора вытянул из тебя больше, чем ты полагаешь. Ты же не смог утаить, что вовсе не Боромир вел ваш Отряд от Мории, а некий знатный витязь, который направлялся в Минас-Тирит, и при нем был прославленный меч. В Гондоре памятны предания дней былых, а Денэтор, провожая мыслью Боромира, немало раздумывал над пророчанием и доискивался до смысла слов «Проклятие Исилдура».

Он вообще не чета нынешним людям, Пин: случилось так, что если не по крови, то по духу он — истый потомок нуменорцев; таков же и младший сын его Фарамир, в отличие от Боромира, хоть тот и был любимцем. Он прозорлив. Он умеет распознать людей, даже и заочно. Провести его нелегко, лучше не пробуй.

Так что держись, ты накрепко связан клятвою. Не знаю, как это взбрело тебе на ум — наверно, сердце подсказало. Но это было ко времени, да и нельзя гасить благородный порыв трезвым остережением. Ты его тронул, а пожалуй что и польстил ему. Во всяком случае, ты волен теперь разгуливать по Минас-Тириту, когда позволит служба. А служба отнюдь не всегда позволит: ты теперь его подданный, и он о тебе не забудет. Будь осмотрительнее!

Он смолк и вздохнул.

— Что проку загадывать на завтра? День ото дня будет все страшнее, и ничего предотвратить я не могу. Игра идет, фигуры движутся. Вот только не видно одной из главных фигур — Фарамира, теперешнего наследника Денэтора. Должно быть, в городе его нет, но мне и спрашивать-то было некогда и не у кого. Мне надо идти, Пин, на совет военачальников и там разузнать все, что можно. Игру ведет Враг, и он себя ждать не заставит. И пешки играют наравне с фигурами — увидишь сам, Перегрин, сын Паладина, воин Гондора. Точи свой клинок!

В дверях Гэндальф обернулся.

— Я спешу, Пин, — сказал он. — У меня к тебе просьба. На-

деюсь, ты не очень устал, но все равно погоди отдыхать, сперва сходи проведай Светозара, как его там поместили. Его, конечно, не обидят, народ здесь понятливый и добрый, но к лошадям непривычный.

С этими словами Гэндальф вышел, и звонко ударил колокол на цитадельной башне. Чистый серебряный звон прозвучал трижды: три часа минуло с восхода солнца.

Пин спустился по лестнице, вышел на улицу и огляделся. Тепло и ясно сияло солнце; башни и высокие дома отбрасывали на запад длинные четкие тени. В лазури высился белый пик одетого снегами Миндоллуина. Ратники проходили по улицам — наверно, сменялись на часах.

— По-нашему сейчас девять утра, — вслух сказал Пин сам себе. — Весна, солнышко — сиди да завтракай у открытого окна. А что, позавтракать куда как не мешало бы и здесь! Да нет, эти-то уж небось поели. А когда они обедают, интересно, и где?

По узкой улочке от Фонтанного Двора навстречу шел человек в черно-белом, и Пин решил с горя обратиться хотя бы к нему, но тот и сам подошел.

— Ты — невысоклик Перегрин? — осведомился он. — Мне сказали, что ты присягнул на верность нашему государю и державе. Здравствуй! — Он протянул руку, и Пин пожал ее. — Меня зовут Берегонд, сын Боранора. Нынче утром я свободен, и меня послали сообщить тебе пропуска и рассказать обо всем, что тебе должно и дозволено знать. Я тоже надеюсь узнать от тебя о многом, ибо прежде невысокликов в наших краях не бывало, мы лишь краем уха слышали про них. К тому же ты приятель Митрандира. А с ним ты хорошо знаком?

— Да как сказать, — отозвался Пин. — За глаза-то я с ним знаком от колыбели, хоть это и недолго, а теперь довелось вот постранствовать вместе. Вроде как из большой книги читал страницу-другую. И однако же мало таких, кто знаком с ним лучше. Из нашего Отряда, пожалуй, только Арагорн знал его по-настоящему.

— Арагорн? — переспросил Берегонд. — А кто он такой?

— Ну, — Пин замялся, — ну, был с нами один такой человек. По-моему, он сейчас в Ристании.

— Да, я слышал, что ты прямиком из Ристании. И о ней тоже я хотел бы тебя порасспросить: надежды у нас мало, но какая есть, почти вся на ристанийцев. Впрочем, мне ведь поручено первым делом ответить на твои вопросы. Спрашивай, сударь мой Перегрин!

— Дело в том, — отважился Пин, — что у меня сейчас, по правде говоря, один вопрос на языке вертится: как насчет за-

втрака или там подзакусить? Ну, то есть когда у вас вообще едят, где, положим, харчевня — есть, наверно, где-нибудь? Или трактир, может, какой? Я что-то по дороге ни одного не заметил, а уж так надеялся с устатку хлебнуть пивка — не в глушь ведь заехал, а в город, да еще какой!

Берегонд сурово взглянул на него.

— Сразу виден бывалый солдат, — сказал он. — Говорят, солдат в походе только и думает, где ему доведется поесть-попить следующий раз: знаю понаслышке, сам я в дальних походах не бывал. Так у тебя, значит, сегодня еще маковой росинки во рту не было?

— Ну, из учтивости можно сказать, что была, — признался Пин. — Выпил я кубок вина и съел пару хлебцев: ваш государь нас угощал, но зато же и допрашивал меня битый час, тут поневоле проголодаешься.

Берегонд рассмеялся.

— Как у нас говорится, и малорослый едок за столом витязь. Ты, однако ж, утолил утренний голод не хуже любого стража цитадели, да еще и с немалым почетом. Мы же в крепости, мы ее охраняем, а время военное. Встаем до зари, перекусываем на рассвете и расходимся по своим постам. Погоди отчаиваться! — опять-таки со смехом воскликнул он, заметив унылую гримасу на лице Пина. — Кому пришлось труднее прочих, тем можно утром и лишний раз подкрепиться. Потом полдничаем, кто в полдень, кто попозже, а главная общая трапеза, какое ни на есть застолье — в закатный час или около того. Пойдем! Пройдемся немного, что-нибудь да раздобудем, устроимся на парапете, будем есть-пить и любоваться: вон утро какое выдалось.

— Погодите-ка! — краснея, сказал Пин. — От жадности или от голода — думайте, как хотите, — но я совсем было позабыл вот о чем. Гэндальф, по-вашему Митрандир, просил меня проведать его коня Светозара, лучшего скакуна Ристании, любимца конунга — хоть он и подарил его Митрандиру в награду за великие заслуги. Митрандир в нем души не чает, и если в городе вашем чтут нового хозяина Светозара, то окружите коня почетом и заботой — словом, будьте к нему, если можно, добрее, чем к голодному хоббиту.

— К хоббиту? — переспросил Берегонд.

— Да, так мы себя называем, — сказал Пин.

— Спасибо, буду знать, — сказал Берегонд. — Пока же замечу, что у чужестранца иной раз не худо поучиться учтивости и у хоббита — красноречию. Пойдем же! Ты познакомишь меня с этим дивным конем. Я люблю животных — правда, здесь, в нашей каменной твердыне, мы их редко видим, но мои-то предки жили в горных долинах, а прежде того в Итилии. Не вешай нос, мы только наведаемся — и оттуда сразу в кладовую.

Светозара устроили на славу — в отличных конюшнях на шестом ярусе за стенами цитадели, возле жилища для государевых гонцов, которых всегда держали наготове на случай неотложных поручений Денэтора или высших военачальников. Сейчас ни в стойлах не было лошадей, ни в жилище — гонцов: всех разослали.

Светозар встретил Пина ржанием и повернул к нему голову.

— Доброе утро! — сказал Пин. — Гэндальф, как сможет, придет: его задержали. Он шлет тебе привет, а мне велено узнать, всем ли ты доволен, хорошо ли отдыхается после многотрудного пути.

Светозар встряхнул гривой и топнул копытом. Берегонду он, однако же, позволил потрепать себя по холке и огладить могучие бока.

— Да он, можно подумать, застоялся, а не отдыхает после многотрудного пути, — сказал Берегонд. — Что за богатырская стать! А где его сбруя? Вот уж, наверно, богатая и пышная!

— Нет такой богатой и пышной, чтоб ему подошла, — отвечал Пин. — Да и к чему она! Если седок ему по нраву — никакая сбруя не нужна, а если нет — не помогут ни седло, ни подпруги, ни узда, ни удила. До свидания, Светозар! Потерпи немного, скоро в битву.

Светозар вскинул голову и заржал так, что содрогнулась конюшня, а они заткнули уши. И удалились, подсыпав зерна в ясли.

— Теперь пойдем к нашим яслям, — сказал Берегонд. Они с Пином вернулись в цитадель, подошли к северным дверям башни и спустились по длинной прохладной лестнице в широкий коридор со светильниками. В ряду низеньких дверей по правую руку одна была открыта.

— Это наша ротная кладовая и раздаточная, — сказал Берегонд. — Привет, Таргон! — крикнул он в дверь. — Рановато вроде, но со мной тут новобранец, принят по приказу государя. Он проголодался в долгом пути, и нынче утром ему несладко пришлось. Сыщи уж там какой ни на есть снеди!

Им дали хлеба, масла, сыра и яблок, запасенных осенью — сморщенных, но душистых и сладких, — дали кожаную фляту свежего пива, деревянные миски и кубки. Все это они сложили в корзину и выбрались наверх, на солнышко. Берегонд повел Пина к восточному выступу парапета, где под бойницей была каменная скамья. Далеко видны были озаренные утренним светом просторы.

Они ели, пили и разговаривали о Гондоре, о здешних делах и обычаях, потом о Хоббитании и прочих неведомых здесь краях, которые Пину довелось повидать. Они говорили, а Берегонд изумлялся все больше и больше и все растерянее смотрел на

хоббита, который то сидел на скамье, болтая короткими ножками, то вставал на цыпочки и выглядывал в бойницу.

— Не скрою от тебя, сударь мой Перегрин, — молвил Берегонд, — что ты показался мне с виду ни дать ни взять десятилетним мальчишкой, а ты между тем столько претерпел опасностей и столько навидался чудес, что хватило бы и нашему седобородому старцу. Я-то думал, что нашему государю угодно было обзавестись пажом, какие бывали, говорят, в старину у королей. Но теперь вижу, что дело обстоит совсем иначе, и ты уж не взыщи за глупость мою.

— Чего там, — сказал Пин. — Да ты не так уж и ошибся. По-нашему-то я сущий мальчишка и войду в возраст, как говорят у нас в Хоббитании, только через четыре года. И вообще, не обо мне речь. Давай лучше показывай и объясняй.

Солнце уже поднялось высоко, и туманы в низине рассеялись. Последние клочья рваными облаками проносились в небе, и на резком, порывистом восточном ветру бились и трепетали белые стяги цитадели. За пять лиг от них и дальше, сколько хватало глаз, серела и блистала огромная излучина Великой Реки, выгнутая к востоку с северо-запада; устремляясь затем на юг, река терялась в зыблющейся дымке, а до Моря оставалось еще добрых пятьдесят лиг.

Весь Пеленнор был виден как на ладони: россыпь огражденных усадеб, амбаров, коровников, хотя нигде не паслись ни коровы, ни другой скот. Вдоль и поперек пересекали зеленые пажити большие и малые дороги, и вереницы повозок тянулись к Великим Вратам, а оттуда навстречу им катила повозка за повозкой. Изредка подъезжали вскачь верховые, спешивались и торопились в город. Поток от ворот направлялся по тракту, который круто сворачивал на юг и, уходя от извива реки, вскоре исчезал из виду у горных подножий. Тракт был просторный, гладко вымощенный; за восточной его обочиной, вдоль дамбы проходила широкая зеленая дорожка для верховых. По ней мчались туда и сюда всадники, а тракт, казалось, был запружен людским месивом. Потом Пин пригляделся и увидел, что на тракте царит строгий порядок. Там двигались в три ряда: один быстрее — конские упряжки, другой помедленнее — воловьи, с громоздкими разноцветными фургонами, у западной обочины, медленнее всех, — люди, впрягшиеся в тележки.

— Уходят в долины Тумладена и Лоссарнаха, в горные селения или еще дальше — в Лебеннин, — сказал Берегонд. — Старики и женщины с детьми; это последние обозы. К полудню надо, чтобы на целую лигу дорога от города была свободна. Таков приказ, а что поделаешь! — Он вздохнул. — Не многие встре-

тятся из тех, что разлучились. Детей у нас тут всегда было маловато, а теперь остались только мальчишки постарше, которых и силком не вывезешь, — вроде моего сына. Ну ладно, может, на что и сгодятся.

Они помолчали. Пин тревожно глядел на восток, будто ожидая, что оттуда вот-вот появятся черные полчища орков.

— А там что? — спросил он, указывая на средину огромной излучины Андуина. — Там другой город, да?

— Был там другой город, — отвечал Берегонд, — столица Гондора; наш-то Минас-Тирит — всего-навсего сторожевая крепость. Там, за Андуином, развалины Осгилиата, который давным-давно захватили и сожгли враги. Мы, правда, отбили его у них, когда еще Денэтор был молодой, но обживать не стали, а сделали там передовую заставу и отстроили мост, чтобы перебрасывать подкрепления. Но из Минас-Моргула нагрянули Лютые Всадники.

— Черные Всадники? — переспросил Пин, широко раскрыв потемневшие глаза: ему припомнились давнишние ужасы.

— Да, они были черные, — подтвердил Берегонд, — и я вижу, ты знаешь их не только понаслышке, хоть и не упоминал об этом в своих рассказах.

— Нет, не понаслышке, — тихо откликнулся Пин, — только я сейчас лучше не буду говорить о них, а то близко, уж очень близко тут...

Он осекся и поглядел за реку: там простерлась необъятная и зловещая черная тень. Может, это замыкали окоем темные горы, щербатые гребни которых расплылись в туманной дали, а может, стеной клубились тучи, и за ними чернел непроглядный мрак. И казалось, этот мрак на глазах расползался и разрастался, медленно и неотвратимо заполняя солнечные просторы.

— Близко от Мордора? — спокойно закончил Берегонд. — Да, он тут недалеко. Называть его мы избегаем, но живем, сколько себя помню, в его сумрачной тени: она то редеет и отдаляется, то сгущается и нависает. Сейчас она чернее черного и разрослась, оттого и мы в страхе и тревоге. А Лютые Всадники — они год назад или около того обрушились на переправу, и много там погибло лучших наших воинов. Тогда Боромир отогнал их и освободил западный берег — до сих пор мы удерживаем почти половину Осгилиата. Пока удерживаем. Но они со дня на день снова нагрянут. Там, наверно, война и начнется, оттуда будет главный удар.

— А когда начнется? — спросил Пин. — Думаешь, со дня на день? Я ночью видел, как зажигались маяки и вестники скакали: Гэндальф сказал — это, мол, знак, что война началась. Он спешил как на пожар. А теперь снова вроде как тихо.

— У Врага все готово — вот и тихо, — сказал Берегонд. — Как, представь себе, ныряльщик воздуху в грудь набирает.

— Маяки-то почему вчера зажгли?

— Поздновато было бы слать за помощью, когда уж тебя обложили, — усмехнулся Берегонд. — Я, правда, не знаю, как там рассудили государь и прочие начальники. К ним стекаются все вести. А наш властитель Денэтор видит дальше других, видит и недоступное взору. По ночам он, говорят, восходит на башню, сидит там в верхнем покое и проникает мыслью в грядущее; иногда он даже прозревает замыслы Врага и схватывается с ним. Потому-то он так и постарел прежде времени. Ну, и к тому же Фарамира услали в набег за Реку: может, от него прибыл вестник.

Но я так думаю, что маяки зажгли после вчерашних вестей из Лебеннина. Умбарские пираты собрали в устьях Андуина огромный флот. Они давно уж не боятся Гондора и стакнулись с Врагом, а теперь и выступили с ним заодно. Для нас это страшный удар: не жди, значит, особой подмоги из Лебеннина и Бельфаласа, не придут многие тысячи опытных воинов. Нам только и остается, что мечтать о северной, ристанийской подмоге и радоваться твоим известиям о тамошних победах.

Однако же, — он помедлил, встал и повел взглядом с севера на восток и на юг, — после изенгардского предательства стало яснее ясного, что сеть сплетена громадная и раскинута широко. Бои на переправе, набеги из Итилии и Анориэна, засады, стычки — это все было так, прощупывание. А теперь начинается подготовленная война — и вовсе не только против нас, что тут важничать, — война великая, всемирная. Говорят, неладно на востоке, за Внутренним Морем; в Лихолесье и на севере тоже худые дела, тем более на юге, в Хороде. Нынче у всех одна судьбина, тень нависла надо всеми — и либо выстоять, либо сгинуть.

Но нам, сударь Перегрин, и правда, честь особая, нас Черный Властелин ненавидит пуще всех остальных — с незапамятных пор, от заморских времен. Очень он крепко по нам ударит. Потому-то и Митрандир прискакал сюда во весь опор. Ведь если мы сгинем, то кто выстоит? Как полагаешь, сударь Перегрин, выстоим, есть надежда?

Пин не ответил. Он поглядел на мощные стены, на гордые башни и реющие стяги, на солнце высоко в небе, а потом на восток, на ползучий сумрак, и вспомнил о всепроникающей Тени, об орках, кишащих в лесах и горах, об изенгардской измене, о птицах-соглядатаях, о Черных Всадниках, разъезжающих по Хоббитании, и о крылатом страшилище — о назгуле. Дрожь охватила его, и всякая надежда пропала. В этот миг померкло солнце, словно заслоненное черным крылом. И ему по-

слышался из поднебесных далей жуткий вопль — глухой, неистовый и леденящий. Он съежился и прижался к стене.

— В чем дело? — спросил Берегонд. — Тоже что-то почуял?

— Д-да, — выговорил Пин. — Кажется, мы погибли, а это роковой знак — Лютый Всадник в небесах.

— Да, роковой знак, — подтвердил Берегонд. — Видно, Минас-Тирит обречен. Ночь будет непроглядная. У меня аж кровь в жилах стынет.

Они сидели понурившись и молчали. Потом Пин вскинул глаза и увидел, что солнце сияет, как прежде, и стяги полощутся на ветру. Он встряхнулся.

— Миновало, — сказал он. — Нет, я еще все-таки не отчаялся. Гэндальф, казалось, погиб, а вот вернулся и теперь с нами. Пусть даже и на одной ноге, а все-таки выстоим; на худой конец выстоим на коленях!

— Вот это верно! — воскликнул Берегонд, поднявшись и расхаживая взад-вперед. — Нет уж, оно хоть все когда-нибудь прахом пойдет, но Гондор покамест уцелеет. Ну, возьмут Минас-Тирит, навалив трупья вровень со стенами, так ведь есть еще и другие крепости! Есть тайные ходы и горные убежища. И надежду сбережем, и память — не здесь, так где-нибудь в зеленой укромной ложбине.

— Да ладно, лишь бы скорее хоть как-нибудь все это кончилось, — вздохнул Пин. — Какой из меня воин, я и думать-то боюсь о сражениях, а уж думать, что вот-вот придется сражаться, — это хуже некуда. Ох, длинный же нынче день, и ведь он еще только начался! Ну что бы нам не цепенеть и медлить, а ударить первыми! В Ристании небось тоже бы ждали-дожидались, кабы не Гэндальф.

— Э, да ты на больную мозоль наступил! — усмехнулся Берегонд. — Погоди, погоди, вот вернется Фарамир. Он храбрец, каких мало, настоящий храбрец, хоть у нас и думают, что ежели кто умудрен не по летам и знает наперечет старинные песни и сказания, то он, дескать, и воин никудышный, и воевода курам на смех. Это про Фарамира-то! Да, он не такой, как Боромир, не такой отчаянный рубака, но решимости у него на двоих хватит. Только вот решаться-то на что? Не штурмовать же эти... эти вон ихние горы! Силы не те, ну и ждем, пока нападут. А уж тогда поглядим! — И он хлопнул по рукояти длинного меча.

Пин взглянул на него: высокий, горделивый, как все здешние, и глаза блестят, не терпится в сечу. «Меня-то куда несет? — горько подумал он и смолчал. — Вот еще выискался меченосец! Как Гэндальф говорит — пешка? Ну да, пешка, только не на своем месте».

Так они разговаривали, а тем временем солнце взошло в зенит, грянули колокола, и оживилась цитадель: все, кроме часовых, отправились трапезовать.

— Ну что, пошли? — предложил Берегонд. — Пока чего — побудешь с нами. Мало ли куда тебя потом определят, может, будешь состоять при государе. А пока давай приходи. И приводи с собой кого захочешь.

— Да я-то приду, — сказал Пин. — Только приводить мне с собой некого. Лучший мой друг остался в Ристании, мне и поговорить не с кем, не с кем и пошутить. Может, и правда мне к вам? Ты ведь начальник, возьми меня к себе, замолви словечко, а?

— Нет-нет, — рассмеялся Берегонд. — Никакой я не начальник. Я всего-навсего рядовой третьей роты крепостной охраны. Однако же, сударь мой Перегрин, крепостная стража у нас в большом почете не только в городе, но и повсюду.

— Ну и будьте в почете, — отмахнулся Пин. — А меня покамест отведи-ка обратно, и ежели Гэндальфа там нет, то я, пожалуйста, куда хотите — ваш почетный гость.

Гэндальфа не было, вестей от него тоже, и Берегонд повел Пина знакомиться с третьей ротой. Пина так привечали, что и Берегонда чуть не на руках носили. А в крепости уже пошли разговоры насчет спутника Митрандира, как они втроем с властителем беседовали битый час; и само собой придумалось, что с севера явился невысоклицкий князь, ведет на подмогу Гондору пять тысяч клинков. Говорили, что вот прискачут ристанийские конники, а у каждого за спиной воин-невысоклик, доблестный-предоблестный, даром что малорослый.

Пин смущенно опровергал эти обнадеживающие росказни, но от новообретенного княжеского титула отделаться никак не мог: как же не князь — и с Боромиром был в дружбе, и Денэтор его обласкал. Его благодарили, что он изволил пожаловать, ловили каждое его слово, расспрашивали о дальних краях, щедро потчевали пивом и нехитрой снедью. А Пин изо всех сил старался следовать совету Гэндальфа — «быть осмотрительным» и не распускать язык на хоббитский манер.

Наконец Берегонд поднялся.

— Ну, пока до свидания! — сказал он. — Я до заката на часах, все прочие вроде бы тоже. А ты, чтоб не скучать одному, возьми себе провожатого повеселее — да хоть моего сына, то-то он обрадуется! Он паренек неплохой. Если надумаешь — спускайся в нижний ярус, спросишь там, как пройти к Старой гостинице на Рат-Келердайн, Улице Фонарщиков. И найдешь его —

он с ребятами, какие остались в городе. Ступайте с ним к Великим Вратам, там будет на что посмотреть.

С этими словами он удалился; вскоре разошлись и остальные. Было по-прежнему солнечно, но в воздухе стояла дымка и парило не по-мартовски: конечно, юг, а все же слишком. Пина клонило ко сну, возвращаться в пустое жилье не хотелось, и он решил прогуляться по городу. Он прихватил кой-какие лакомые кусочки для Светозара; тот снизошел к его приношению, хотя, по всему видать, был сыт. И Пин отправился вниз извилистым путем.

Все встречные глазели на него и вслед ему — торжественно приветствовали, как принято в Гондоре, склоняя голову и прижимая обе ладони к сердцу, а потом за спиной слышались возгласы: выходите, мол, посмотреть, вот он, невысоклицкий князь, спутник Митрандира! Кричали одно и то же на всеобщем и на незнакомом языке, Пин сообразил, что по-здешнему его величают «Эрнил-и-Ферианнат» — похоже, этот нелепый титул пристал к нему крепко.

Он потерял счет сквозным аркам, мощеным проулкам, ровным улицам и наконец спустился в самый пространный первый ярус. Там ему показали, где Улица Фонарщиков, широкая, ведущая к Великим Вратам. Он отыскал Старую гостиницу — серое обветренное каменное строение о двух флигелях. Узкая лужайка тянулась перед многооконным домом с колоннадой и крыльцом. Между колоннами играли мальчишки, и Пин остановился поглядеть на них: покамест он нигде в Минас-Тирите детей не видел. Вскоре один из них его заметил, с криком сбежал по ступеням на траву и выскочил на улицу; целая ватага мчалась за ним. Он стал перед Пином и обмерил его взглядом.

— Привет! — сказал парнишка. —А ты откуда такой? Вроде нездешний.

— Вообще-то нездешний, — признал Пин, — но теперь уж я гондорский воин.

— Ладно тебе! — рассмеялся тот. — Тогда мы все здесь воины. Тебе сколько лет и как тебя зовут? Мне уже десять, а ростом я скоро буду в пять футов. Я и сейчас-то выше тебя. Ну, правда, отец у меня страж цитадели и почти самый из них высокий. А твой кто отец?

— На какой вопрос тебе сперва ответить? — спросил Пин. — Отец мой — земледелец из деревни Беляки, что возле Кролов в Хоббитании. Мне скоро двадцать девять: тут я тебя обогнал. А росту во мне четыре фута, и больше я уж не вырасту, разве что вширь раздамся.

— Двадцать девять! — протянул паренек и присвистнул. — Да ты, значит, уже старый, прямо как мой дядя Иорлас. Только

я все равно, — задорно прибавил он, — если захочу, поставлю тебя вверх тормашками или положу на лопатки.

— Может, поставишь, а может, и положишь, — смеясь, подтвердил Пин, — но только если я этого захочу. А может, я сам тебя поставлю да положу: мы в наших краях тоже не дураки подраться. И у нас, знаешь ли, я считаюсь очень даже большим и сильным, так что меня покуда никто не пробовал поставить вверх тормашками. Если ты вдруг попробуешь, то мне, чего доброго, придется тебя укокошить. Вот подрастешь — и не будешь опрометчиво судить по внешности: тебе небось показалось, что перед тобой этакий увалень-недомерок, которого неплохо бы вздуть, а на самом-то деле я ужасный, злющий, кровожадный невысоклик! — И Пин скроил такую страшную рожу, что парнишка попятился, но тут же прянул вперед, сжав кулаки и сверкнув глазами.

— Ну-ну! — захохотал Пин. — Опять-таки опрометчиво верить чужакам на слово, мало ли что они о себе скажут! Нет, я не кровожадный. А ты, чем задираться, сначала бы назвался — вежливее будет.

Мальчик горделиво выпрямился.

— Я — Бергил, сын стража цитадели Берегонда, — сказал он.

— Оно и видно, — кивнул Пин, — ты вылитый отец. А я как раз от него.

— Чего ж ты сразу не сказал? — И Бергил вдруг приуныл. — Он, что ли, передумал и хочет меня отослать с девчонками? Не может быть, уже ушел последний обоз!

— Погоди пугаться, все не так страшно, — сказал Пин. — Пока что тебе велено не ставить меня вверх тормашками, а составить мне компанию и показать ваш город. А я зато расскажу тебе про далекие страны.

Бергил обрадованно захлопал в ладоши.

— Все, значит, в порядке, ура! — воскликнул он. — Тогда пошли! Мы как раз собирались к Вратам, побежали туда!

— А зачем туда бежать?

— Да ведь сегодня еще до захода солнца должны подойти союзные дружины! Пошли, пошли, сам все увидишь.

Бергил оказался парень хоть куда, а Пину без Мерри ох как не хватало приятеля; они мигом сдружились, болтали и перешучивались наперебой, шли по улицам рука об руку и никакого внимания не обращали на любопытные взгляды со всех сторон. Народ толпой валил к Великим Вратам. Пин назвался и сказал пропуск, а часовой пропустил их обоих, к полному восхищению Бергила.

— Вот это да! — сказал он. — А ведь нам больше не позволяют выходить за ворота без взрослых. Ну, теперь наглядимся!

Люди стояли по обочинам тракта и заполнили огромную мощеную площадь, где сходились воедино дороги к Минас-Тириту. Все глядели на юг, и вскоре послышались возгласы:

— Пыль, пыль на дороге! Идут!

Пин с Бергилом исхитрились протиснуться в первые ряды. Невдалеке запели рога, и, словно встречный ветер, поднялся приветственный гул. Потом грянули трубы, и толпа разразилась дружным кличем.

— Форлонг! Форлонг! — услышал Пин.

— Это что значит? — спросил он.

— Ну как, это же старина Форлонг, Брюхан Форлонг из Лоссарнаха! — отозвался Бергил. — Там мой дед живет. Ура! Вон он сам, наш первейший друг, старина Форлонг!

Колонну возглавлял плечистый и утробистый седобородый старик на могучем коне, в кольчуге и черном шлеме, с огромным копьем. За ним гордо выступали запыленные пешие ратники, пониже ростом и смуглее гондорцев из Минас-Тирита. Лица их были суровы, на плече тяжелые бердыши.

— Форлонг! — кричали кругом. — Верный, доблестный друг! Ура, Форлонг!

Но когда лоссарнахские воины прошли, раздался ропот:

— Как мало их, всего две сотни! А мы-то надеялись, что будет тысячи две. Должно быть, пираты на них наседают: девять десятых остались обороняться. Ну что ж, у нас каждый боец на счету.

Так проходила к Вратам под клики толпы рать за ратью: окраины Гондора послали своих сынов в грозный час на выручку столицы. Но все прислали меньше, чем здесь надеялись, куда меньше, чем надо бы. Прошагали уроженцы долины Рингло во главе с тамошним княжичем Дерворином — триста человек. С Мортхондского нагорья, из Темноводной долины — статный Дуингир с сыновьями Дуилином и Деруфином и пятьсот лучников. С Анфаласа, с далекой Береговины — длинная вереница охотников, пастухов, поселян, вооруженных чем попало; лишь их правитель Голасгил с домочадцами были при боевых доспехах. Десяток-другой угрюмых горцев без предводителя — из Ламедона. Рыбаки с Этхира, от устьев Андуина — сотня с лишним, другие остались на кораблях. Гирлуин Белокурый с Изумрудных Холмов Пиннат-Гелина привел три сотни крепких ратников в зеленом. И наконец, горделивее всех, — Имраиль, владетель Дол-Амрота, родич самого наместника: золотистые стяги с изображением Корабля и Серебряного Лебедя реяли над конной дружиной; за всадниками на серых конях выступали в пешем

строю семьсот витязей, статных, сероглазых и темноволосых, — они прошли с песней.

Вот и все, и трех тысяч не набралось. А больше ждать было некого. Возгласы, песни и мерная поступь стихли за Вратами. Толпа еще немного помедлила, не расходясь. Пыль повисла в воздухе, ветер улегся, и стояла духота. Наступил закатный час; багровое солнце скрылось за Миндоллуином. Вечерняя тень пала на столицу Гондора.

Пин поднял взгляд и увидел грязно-серое небо, будто над ними нависла дымная, пепельная туча, и еле пробивался сквозь нее сумеречный свет. Только запад еще пламенел, и черная громада Миндоллуина, казалось, была осыпана тлеющими головнями и угольями.

— Так ясно начался день и так мрачно кончается! — проговорил он, забыв о мальчике рядом с ним.

— Кончится еще мрачнее, коли не поспеем до сигнальных колоколов, — отозвался Бергил. — Пойдем-ка, пойдем! Слышишь, трубят, сейчас закрывать будут!

Они вернулись в город последними. Врата за ними сразу же закрыли, и, когда они шли по Улице Фонарщиков, башенные колокола торжественно перекликались. Теплились окна; из домов и казарм у крепостной стены доносилось пение.

— Ладно, расходимся, — сказал Бергил. — Передай привет отцу, скажи: спасибо, мол, приятель что надо. Ты приходи завтра пораньше. Может, даже лучше, чтоб войны не было, мы бы и без нее обошлись. Съездили бы к дедушке в Лоссарнах, там весной знаешь как здорово, в лесу и на полях полно цветов. Нет, правда, вот возьмем и съездим. Где им одолеть нашего государя, и отец мой их всех перебьет. До скорого свидания!

Они расстались, и Пин заторопился обратно в цитадель. Путь был неблизкий, он вспотел и вконец оголодал. Спустилась темная и душная беззвездная ночь. К вечерней трапезе он, конечно, опоздал, но его все ж таки накормили, Берегонд ему обрадовался, уселся рядом и расспрашивал про сына. Наевшись, Пин немного отдохнул и попрощался: очень ему было не по себе, хотелось скорее увидеть Гэндальфа.

— Сам-то найдешь дорогу? — спросил его Берегонд, выведя к северной стене цитадели, к скамье, на которой они сидели днем. — Ночь хоть глаз выколи, а приказано всюду гасить огни, фонарей на стенах не зажигать. Тебе же велено рано поутру явиться к властителю Денэтору. Да, вряд ли тебя припишут к нашей третьей роте. Ну что ж, приведется — так свидимся. Прощай, покойной ночи!

В покое было темно, лишь ночник горел на столике. Гэндальф не приходил, и Пину становилось все тоскливее. Он взобрался на скамейку и выглянул в окно, точно ткнулся носом в

чернильную лужу. Он уныло слез, опустил штору и отправился спать. Сначала лежал и прислушивался, ждал Гэндальфа, потом кое-как уснул.

Среди ночи его разбудил свет: Гэндальф явился и расхаживал взад-вперед — тень его металась по занавеске. На столе горели свечи и лежали свитки. Маг вздохнул, и Пин расслышал его бормотание:

— Да что же это до сих пор нет Фарамира?

— Э-гей! — позвал Пин, раздвинув постельные занавеси. — Я уж думал, ты обо мне вообще позабыл. Спасибо хоть вернулся. Ну и длинный нынче выдался день!

— Ночь зато будет короткая, — отрезал Гэндальф. — Я затем и вернулся, чтобы поразмыслить без помех. А ты давай спи: скоро ли еще доведется поспать в постели. На рассвете нам с тобой надо к Денэтору. Да и не на рассвете, а когда позовут. Навалилась темнота, и рассвета не будет.

Глава II

ШЕСТВИЕ СЕРОЙ ДРУЖИНЫ

Гэндальф ускакал, и уже стих в ночи стук копыт Светозара, когда Мерри прибежал обратно к Арагорну с легоньким узелком: вещевой мешок его остался в Парт-Галене и все свои нынешние пожитки он выловил или подобрал на развалинах Изенгарда. Хазуфел был оседлан, Леголас и Гимли стояли подле своего коня.

— Четверо, значит, остались из нашего отряда, — сказал Арагорн. — Ну что ж, вчетвером так вчетвером — только не одни, а вместе с конунгом, он сейчас выезжает. Крылатая тень его встревожила, и он хочет укрыться в горах еще до утренней зари.

— Укрыться в горах, а потом? — спросил Леголас.

— А потом — не знаю, — задумчиво отвечал Арагорн. — Конунг-то поедет в Эдорас, там он через четыре дня назначил войсковой сбор. Там его, вероятно, настигнут недобрые вести, и оттуда ристанийцы поспешат к Минас-Тириту. Не знаю — это я не про них, а про себя и про тех, кто пойдет за мною...

— Я пойду за тобою! — воскликнул Леголас.

— И я не отстану! — подхватил Гимли.

— Да нет, не так все просто, — сказал Арагорн. — Глаза мне застилает мрак. Вроде бы и мне нужно в Минас-Тирит, только другой, неведомой дорогой. Верно, близится урочный час.

— Вы меня-то прихватите! — попросил Мерри. — Я понимаю, толку от меня покамест не было, и все равно не бросать же

меня, как поклажу: лежи, мол, коли не надобна! Ведь конникам ристанийским я уж и вовсе не нужен, хотя, правда, конунг обещал, что усадит меня за трапезой рядом с собой, а я буду рассказывать ему про Хоббитанию.

— Да, Мерри, — сказал Арагорн, — вот тебе с ним, пожалуй что, по пути. Только не очень-то надейся на отдых и трапезу. Боюсь, не скоро воссядет Теоден на троне у себя в Медусельде! Многим надеждам суждено увянуть в эту горестную весну.

Вскоре двадцать четыре всадника — Гимли сидел за Леголасом, Мерри перед Арагорном — помчались сквозь ночную темень. Едва они миновали курганы у Изенских бродов, как прискакал конник из замыкающих.

— Государь, — сказал он конунгу, — за нами погоня. Я их учуял, еще когда мы подошли к реке. Теперь точно нагонят — скачут вовсю.

Теоден приказал остановиться. Конники развернулись и взялись за копья. Арагорн спешился, опустил Мерри наземь и, обнажив меч, стал у стремени конунга. Эомер с оруженосцем поскакали подтягивать задних. Мерри лишний раз подумал, что он как есть ненужная поклажа, вот сейчас будет сеча, а ему что делать? Всего-то их горсточка, всех перебьют, а он, положим, как-нибудь улизнет в темноте — и что же, шататься потом по диким, бескрайним ристанийским степям? «Нет уж», — решил он, обнажая меч и затянув пояс.

Луна заходила, ее заслоняло огромное летучее облако, но, вдруг открывшись, она засияла вновь. И тут они услышали топот, и со стороны переправы возникли, надвигаясь, темные фигуры всадников. Лунный свет поблескивал на жалах копий. Еще не видно было, сколько их там, но уж наверняка не меньше, чем в свите конунга.

Когда они приблизились шагов на пятьдесят, Эомер громко крикнул:

— Стой! Стой! Кто разъезжает в Ристании?

Погоня вмиг застыла на месте. В тишине один из всадников спешился и медленно двинулся вперед. Он поднял руку в знак мира, ладонь белела в лунном свете. Но ристанийцы держали копья наперевес. Шагов за десять от них он остановился: высокая черная тень точно вырастала из земли. И прозвучал ясный голос:

— В Ристании? Ты сказал — в Ристании? Мы это рады слышать. Мы издалека торопились в Ристанию.

— Теперь торопиться вам некуда, — объявил Эомер. — Переехавши броды, вы на ристанийской земле: здесь властвует конунг Теоден, и лишь с его позволения можно здесь разъезжать. Кто ты такой? И почему вы торопились?

— Я — Гальбарад Дунадан, северный Следопыт, — отвечал тот. — Мы ищем Арагорна, сына Араторна: мы прослышали, будто он в Ристании.

— И вы его отыскали! — воскликнул Арагорн. Он кинул поводья Мерри, выбежал вперед, и они обнялись с пришельцем. — Ты ли это, Гальбарад? Вот уж нечаянная радость!

Мерри облегченно вздохнул. Он-то был уверен, что это недобитый Саруман исхитрился перехватить конунга с малой свитой, но, видно, если и придется сложить голову, защищая Теодена, то не сейчас, а когда-нибудь потом. Он сунул меч в ножны.

— Все в порядке, — сказал Арагорн, воротившись. — Это мои родичи, они из дальнего края, где я прожил многие годы. Гальбарад скажет нам, почему они вдруг явились и сколько их тут.

— Нас тридцать, — сказал Гальбарад. — Все наши, кого удалось скликнуть, да еще братья Элладан и Элроир: они едут на брань вместе с нами. А мы собрались в путь сразу же, едва получили твой вызов.

— Вызов? — переспросил Арагорн. — Я взывал к вам лишь в мыслях. Думал я о вас, правда, часто и нынче даже больше обычного, но вызов послать не мог. Впрочем, это все потом. Мы в опасности, медлить нельзя. Скачем вместе, если позволит конунг.

— В добрый час! — молвил обрадованный Теоден. — Если твои родичи под стать тебе, государь мой Арагорн, то тридцать таких витязей — это целое войско!

Поскакали дальше. Арагорн ехал с дунаданцами, и, когда они обменялись новостями с севера и с юга, Элроир сказал ему:

— Отец мой велел передать тебе: *«Каждый час на счету. Если рискуешь опоздать, вспомни о Стезе Мертвецов»*.

— У меня всегда был каждый час на счету, — сказал Арагорн, — и вечно их не хватало. Но велик должен быть риск опоздать, чтобы я двинулся этим путем.

— Как решишь, так и будет, — отозвался Элроир. — Ночью на дороге об этом толковать не стоит.

И Арагорн сказал Гальбараду:

— Что это ты везешь, родич? — ибо он заметил, что в руке у него не копье, а длинный шест, словно бы древко знамени; шест был натуго обмотан темной тканью и перетянут ремнями.

— Это прислала тебе Дева Раздола, — отвечал Гальбарад. — Втайне и с давних пор она трудилась над этим. И велела тебе сказать: *«На счету каждый час. Либо наши надежды сбудутся, либо всем надеждам конец. Я все исполнила в срок, по-задуманно-*

му. Прощай же до лучших времен, Эльфийский Берилл!» Такие были ее слова.

На это Арагорн молвил:

— Теперь я знаю, что́ ты привез. Побереги это для меня еще немного!

Он обернулся к северу, взглянул на яркие крупные звезды и потом за всю ночь не сказал ни слова.

Под серым предрассветным небом они наконец выехали из Ущельного излога и добрались до Горнбурга. Надо было хоть немного передохнуть и рассудить, что их ждет.

Мерри спал как сурок; его разбудили Леголас и Гимли.

— Солнце стоит в небе, — сказал Леголас. — И все давно уж на ногах, кроме тебя, лежебока ты этакий. Вставай, а то и к шапочному разбору не поспеешь!

— Три дня назад здесь была страшная битва, — сказал Гимли, — и я Леголасу чуть не проиграл, но выиграл все-таки, угробил одного лишнего орка! Пойдем покажу, где это было! Да, Мерри, а какие тут пещеры! Сходим в пещеры, давай, а, Леголас?

— Нет-нет, не надо, — сказал эльф. — Кто ж второпях любуется чудесами! Условились ведь мы с тобой: коли переживем лихие дни, то и отправимся туда вместе. А сейчас полдень на носу, общая трапеза и вроде бы снова в дорогу.

Мерри зевнул и потянулся. Спал он всего ничего, усталость не прошла, и тоска одолевала пуще прежнего. Пина теперь не было, не с кем словом перемолвиться, а кругом все спешат, и каждый знает куда — один он дурак дураком.

— Арагорн-то хотя бы где? — спросил он.

— Он наверху, на башне, — отвечал Леголас. — Отдыхать не отдыхал, какое там, и глаз-то не сомкнул. Пошел наверх — ему, мол, поразмыслить надо, и Гальбарад с ним. Трудные у него, видать, мысли: мрачные сомнения, тяжкие заботы.

— Темный они вообще-то народ, эти пришельцы, — сказал Гимли. — Витязи, конечно, на подбор, могучие, статные, ристанийцы рядом с ними сущие дети, а они суровые такие, обветренные, что твои скалы — ну, наподобие Арагорна, и уж слова лишнего от них не услышишь.

— На Арагорна они похожи, это верно, — подтвердил Леголас. — Такие же молчаливые, но если скажут слово, то учтивые, как и он. А братья-то... ну, Элладан и Элроир? Эти и одеты поярче, и держатся по-другому: шутка сказать, сыновья Элронда, не откуда-нибудь, из Раздола!

— Чего это они вдруг приехали, не знаешь? — спросил Мер-

ри. Он наконец оделся, накинул на плечи серый плащ, и они все втроем вышли к разрушенным воротам крепости.

— Позвали их, вот и приехали, сам же слышал, — отозвался Гимли. — Говорят, в Раздоле послышался голос: *«Арагорн ждет родичей. Дунаданцы, спешите в Ристанию!»* — а уж откуда и кто их позвал, это неизвестно. Гэндальф, наверно, кто же еще.

— Нет, не Гэндальф, это Галадриэль, — возразил Леголас. — Она же, помнишь, устами Гэндальфа возвещала прибытие Серой Дружины?

— Да, это ты в точку попал, — согласился Гимли. — Она это, она, Владычица Зачарованного Леса! Вот уж кто читает в сердцах и выполняет заветные желания! А мы с тобой дураки, Леголас, — что ж мы не позвали своих-то на помощь?

Леголас, стоя у ворот, обратил свои ясные глаза на север и на восток, и лицо его омрачилось.

— Наши не придут, — сказал он. — Что им ехать на войну за тридевять земель, когда война у них на пороге?

Они еще немного погуляли, обсуждая подробности давешней битвы, потом вышли через разрушенные ворота, миновали свежие могильники у дороги, выбрались на Хельмову Гать и поглядели на излог. Уже воздвиглась Мертвая гора, черная, высокая, обложенная камнями, а кругом были видны следы гворнов, истоптавших траву, избороздивших землю. Дунландцы и защитники Горнбурга вместе восстанавливали Гать, разравнивали поле, возводили заново стены и насыпали валы; повсюду царило странное спокойствие — казалось, долина отдыхала после налетевшей бури. Они повернули назад, чтобы успеть к полуденной трапезе.

Завидев их, конунг подозвал Мерри и усадил его рядом.

— Здесь, конечно, не то что в златоверхих чертогах Эдораса, — сказал он. — Да и друга твоего нет с нами, а он бы не помешал. Однако за высоким столом в Медусельде мы воссядем еще не скоро: если и доберемся туда, боюсь, нам будет не до пирования. Впрочем, что загадывать! Ешь и пей на здоровье, заодно и побеседуем. И поедешь со мною.

— Я — с тобою? — обрадовался и восхитился Мерри. — Вот здорово-то! — Он был как никогда благодарен за теплые слова. — А то я как-то, — запинаясь, выговорил он, — только у всех под ногами путаюсь, неужели совсем уж ни на что не пригожусь?

— Пригодишься, — заверил его Теоден. — Для тебя подыскали отличного пони местной породы: на горных тропах как раз такой нужен, не отстанет. Мы ведь в Эдорас горами поедем,

через Дунхерг, где меня ждет Эовин. Хочешь быть моим оруженосцем? Эомер, доспех для него найдется?

— Оружейня здесь небогатая, государь, — отвечал Эомер. — Легонький шлем на его голову, пожалуй, подберем, но кольчугу и меч по росту — едва ли.

— А меч у меня и так есть, — сказал Мерри, вскочив на ноги и выхватив из черных ножен яркий клинок. Тронутый чуть не до слез лаской старого конунга, он внезапно опустился на одно колено, взял его руку и поцеловал. — Конунг Теоден, — воскликнул он, — позволь Мериадоку из Хоббитании присягнуть тебе на верность! Можно, я возложу свой меч тебе на колени?

— С радостью позволяю, — ответствовал Теоден и, в свою очередь, возложил длинные старческие пясти на темно-русую голову хоббита. — Встань же, Мериадок, отныне ты наш оруженосец и страж Медусельда. Прими свой меч — да послужит он на благо Ристании!

— Теперь ты мне вместо отца, — сказал Мерри.

— Боюсь, ненадолго, — отозвался Теоден.

За трапезой шел общий разговор; наконец Эомер сказал:

— Скоро уж пора нам ехать, государь. Прикажешь ли трубить в рога? Но где же Арагорн? Он так и не вышел к столу.

— Готовьтесь выезжать, — велел Теоден, — и оповестите Арагорна, что время на исходе.

Конунг с Мерри и охраной вышли из ворот Горнбурга на просторный луг, где строились воины; многие уже сидели на конях. В крепости конунг оставил лишь небольшой гарнизон; прочие все до единого отправлялись в Эдорас, на войсковой сбор. Уже отъехал ночью отряд в тысячу копий, но и сейчас с конунгом было около пятисот, большей частью вестфольдцы.

Поодаль сомкнулся конный строй молчаливых Следопытов с копьями, луками и мечами, в темно-серых плащах; капюшоны закрывали их шлемы и лица. Кони у них были могучие, статные и шерстистые, и без седока стоял приведенный с севера конь Арагорна по имени Рогерин. Ни золото, ни самоцветы не украшали их доспехи и сбруи, не было ни гербов, ни значков, только на левом плече у каждого звездой лучилась серебряная брошь — застежка плаща.

Конунг сел на своего Белогрива, Мерри взобрался на стоявшего рядом пони, звали его Стибба. Вскоре из ворот вышли Эомер с Арагорном и Гальбарад, который нес обмотанный черной тканью шест, а за ними еще двое — ни молоды, ни стары. Сыновья Элронда были до того похожи, что и не различишь: оба темноволосые и сероглазые, сияющие эльфийской красой, оба в блестящих кольчугах и серебристых плащах. Следом шли

Леголас и Гимли. Но Мерри не мог отвести глаз от угрюмого, землистого, усталого лица Арагорна: он за одну ночь словно бы состарился на много лет.

— Я в большой тревоге, государь, — сказал он, остановившись у стремени конунга. — Дурные вести дошли до меня: нам грозит новая, нежданная беда. Я долго размышлял, и сдается мне, что надо менять планы. Скажи, Теоден: ты ведь держишь путь в Дунхерг — сколько времени он займет?

— Уже час пополудни, — отозвался Эомер. — На третьи сутки к вечеру, должно быть, доедем до Укрывища. Полнолуние будет накануне; сбор конунг назначил еще через день. Быстрее не поспеют съехаться со всей Ристании.

— Стало быть, через три дня, — задумчиво проговорил Арагорн, — войсковой сбор только начнется. Да, быстрее не выйдет, спешка тут ни к чему. — Он поднял глаза, и лицо его прояснилось, точно он окончательно принял трудное решение. — Тогда, государь, с твоего позволения, пути наши расходятся. У нас с родичами своя дорога, и поедем мы теперь в открытую. Мне больше незачем таиться. Поедем на восток кратчайшим путем, а дальше — Стезей Мертвецов.

— Стезей Мертвецов! — повторил Теоден, вздрогнув. — Что ты говоришь!

Эомер изумленно взглянул на Арагорна, и Мерри показалось, что конники, которые расслышали эти слова, стали белее мела.

— Если и вправду есть такая стезя, — продолжал Теоден, — то она начинается за воротами близ Дунхерга, но там никто еще не бывал.

— Увы, Арагорн, друг мой! — горестно молвил Эомер. — А я-то надеялся, что мы с тобой будем биться бок о бок. Но если жребий влечет тебя на Стезю Мертвецов, то мы расстаемся и едва ли увидимся на этом свете.

— Другой дороги мне нет, — отвечал Арагорн. — И все же, Эомер, на поле брани мы, быть может, еще и встретимся, прорубившись друг к другу сквозь все полчища Мордора.

— Поступай как знаешь, государь мой Арагорн, — сказал Теоден. — Видно, и правда таков твой жребий — идти нехожеными путями. Как ни горько мне с тобой расставаться, как ни тягостно, однако нас ждут горные тропы и медлить больше нельзя. Прощай!

— Прощай, государь! — сказал Арагорн. — Скачи навстречу великой славе! Прощай и ты, Мерри! В хороших руках ты остаешься, я и надеяться не смел на такое, когда мы гнались за орками до Фангорна. Леголас и Гимли, наверно, и теперь последуют за мной, но мы тебя не забудем.

— До свидания! — проговорил Мерри. Других слов у него

не нашлось. Он чувствовал себя совсем крохотным; его смущали и угнетали услышанные мрачные речи. Эх, сюда бы сейчас неунывающего Пина! Конники стояли наготове, лошади перебирали ногами: скорей бы в путь, и дело с концом.

Теоден обратился к Эомеру, тот поднял руку и громко отдал приказ; конники тронулись. Они миновали Гать, выехали из Ущельного излога и круто свернули к востоку, тропою, которая с милю вилась у подножий, а потом уводила на юг и исчезала в горах. Арагорн выехал на Гать и провожал ристанийцев взглядом, пока излог не скрыл их из виду.

— Вот уехали трое близких моему сердцу, — сказал он Гальбараду, — и едва ли не ближе других этот малыш. Он не знает, что его ждет, но, если б и знал, все равно бы поехал.

— Да, о малышах-хоббитанцах не по росту судить, — заметил Гальбарад. — Вовсе им невдомек, какими трудами охраняли мы их границы, но мне это ничуть не обидно.

— А теперь наши судьбы сплелись воедино, — сказал Арагорн. — Но что поделать, приходится разлучаться. Ладно, мне надо перекусить, да в дорогу. Пойдемте, Леголас и Гимли! Поговорим за едой.

Они вместе вернулись в Горнбург. Однако за столом Арагорн хранил молчание, и друзья переглядывались.

— Говори же! — сказал наконец Леголас. — Говори, может, полегчает, светлее станет на сердце! Что случилось с тех пор, как мы приехали на мглистом рассвете в эту хмурую крепость?

— Я выдержал битву куда более жестокую, чем на стенах этой хмурой крепости, — отвечал Арагорн. — Я глядел в Ортханкский камень, друзья мои.

— Ты глядел в эту проклятую колдовскую штуковину? — вскричал Гимли с ужасом и недоумением. — Он... Враг у тебя что-нибудь выведал? Ведь даже Гэндальф и тот не отважился на такой поединок, а ты...

— Ты забываешь, с кем говоришь, — сурово осек его Арагорн, и глаза его блеснули. — Не при тебе ли я во всеуслышание назвался у ворот Эдораса? Что, по-твоему, я мог ему выдать? Нет, Гимли, — уже мягче продолжал он, и тень сбежала с его лица, видна была лишь безмерная усталость, точно после многих бессонных ночей, исполненных тяжкого труда. — Нет, друзья мои, я законный владелец Камня, я вправе и в силах воспользоваться им — так я рассудил. Право мое неоспоримо. И сил хватило — правда, еле-еле.

Он глубоко вздохнул.

— Да, жестокий был поединок, все никак не приду в себя. Я не сказал ему ни слова, но сумел подчинить Камень своей воле. От одного этого он придет в неистовство. И я предстал

перед ним. Да, сударь мой Гимли, Враг видел меня, но не в том обличье, в каком ты видишь меня сейчас. Если я оказал ему услугу, дело плохо, но думаю, что оказал дурную услугу. Он был, по-моему, страшно поражен тем, что я объявился среди живых, ибо доныне он обо мне не знал. Под окнами Ортханка на меня не обратили внимания, благо я был в ристанийском доспехе, но уж Саурон-то не забыл Исилдура и меча Элендила. И вот как раз когда начинают сбываться его черные замыслы, вдруг он воочию видит наследника Исилдура и тот самый меч: я обнажил перед ним заново откованный клинок. А он все же не так силен, чтоб ничего не опасаться — нет, его еще гложут сомнения.

— Ну, сил-то ему не занимать, — возразил Гимли, — и тем быстрее нанесет он удар.

— Быстрее вовсе не значит вернее, — сказал Арагорн. — И настала пора опережать Врага, а не дожидаться его ударов. Друзья мои, когда я овладел Камнем, мне многое открылось. Беда нагрянула на Гондор с юга, и защитников Минас-Тирита вдвое поубавилось. Если мы с этой бедой немедля не управимся, то город погибнет, не выстоит и десяти дней.

— Значит, погибнет, — сказал Гимли. — Кого посылать на подмогу и как туда поспеть вовремя?

— Посылать на подмогу некого, стало быть, надо ехать самим, — сказал Арагорн. — И есть лишь один путь, которым можно поспеть к Морю вовремя, пока еще не все потеряно. Это — Стезя Мертвецов.

— Стезя Мертвецов! — повторил Гимли. — Жутковатое название — и слух ристанийцев оно, как я заметил, не тешит. Ну а живым-то можно проехать этой Стезей и не сгинуть? И что толку, если проедем, — нас же всего горстка против несметных полчищ Мордора!

— Живые по этой дороге не ездили, мустангримцы такого не упомнят, — сказал Арагорн. — Она закрыта для живых. Однако наследник Исалдура в эту черную годину может и проехать, если отважится. Слушайте! Сыновья Элронда из Раздола, премудрого знатока преданий, передали мне слова отца: *«Пусть Арагорн припомнит речь провидца, пусть памятует о Стезе Мертвецов»*.

— А что за речь провидца? — спросил Леголас.

— Вот что изрек провидец Мальбет во дни Арведуи, последнего властителя Форноста:

Простерлась черная тень над землей,
На запад стремится крылатый мрак.
Содрогается град; подступает враг
К заветным гробницам. И встают мертвецы.
Ибо клятвопреступникам вышел срок,
Ибо их созывает гремучий рог,

С вершины Эрека вновь затрубив.
Кто протрубит? Кто призовет
Из могильной мглы забытый народ?
Потомок того, кто был предан встарь,
Возвратится с севера Государь
Темным путем, Стезей Мертвецов.

— Что темным путем — это понятно, — сказал Гимли, — но в остальном стихи уж очень темные.

— Остальное станет понятно, если поедешь со мной темным путем, — сказал Арагорн. — Сам бы я его не избрал, но, видно, предуказанного не миновать. А вы решайте сами, хватит ли у вас мужества и сил, чтобы одолеть неодолимый страх и вынести непосильные тяготы — может статься, себе на беду.

— Я пойду за тобой даже Стезей Мертвецов, куда бы она ни привела, — сказал Гимли.

— И я тоже, — сказал Леголас, — я мертвецов не боюсь.

— Хорошо бы этот забытый народ не забыл ратного дела, — сказал Гимли, — а то не к чему их и тревожить.

— Это мы узнаем, если доберемся живыми до вершины Эрека, — сказал Арагорн. — Ведь они поклялись сражаться с Сауроном и нарушили клятву; чтобы исполнить ее ныне, надо сразиться. На вершине Эрека Исилдур водрузил черный камень, который, по преданию, привез из Нуменора. И в начале его правления князь горцев присягнул на верность Гондору возле этого камня. Когда же Черный Властелин объявился в Средиземье и вновь стал могуч и страшен, Исилдур призвал горцев на великую брань, а они отказались воевать, ибо втайне предались Саурону еще во вторую Эпоху, в проклятые времена его владычества.

И тогда Исилдур сказал их князю: «Твое княжение да будет последним. И если Запад восторжествует над твоим Черным Владыкою, то вот я налагаю проклятие на тебя и на весь твой народ: вы не узнаете покоя, доколе не исполните клятву. Ибо войне этой суждено длиться несчетные годы, и в конце ее снова призовут вас на брань». И они бежали от гнева Исилдура и не посмели выступить на стороне Саурона; укрылись в горах, отъединились от соседей и мало-помалу вымерли в своих каменистых пустошах. Но умершие не опочили; их замогильное бдение охватило ужасом окрестности Эрека. Туда и лежит мой путь, раз от живых мне помощи не будет. Вперед! — воскликнул он, поднявшись и обнажив меч, ярко блеснувший в сумрачном зале. — Я еду Стезей Мертвецов к Эрекскому камню. Кто отважится на это — за мной!

Леголас и Гимли промолчали и вышли следом за ним из ворот, к безмолвному и недвижному строю всадников в капюшонах. Они сели на своего коня, Арагорн вскочил на Рогерина.

Гальбарад затрубил в большой рог, гулкое эхо огласило Хельмово ущелье, и Дружина вихрем пронеслась по излогу; ей вослед изумленно глядели с Гати и крепостных стен.

Теоден пробирался горными тропами, а Серая Дружина мчалась по степи и на другой день уже подъезжала к Эдорасу. Едва передохнув, отправились дальше, в горы, и в сумерках достигли Дунхерга.

Царевна Эовин радостно приветствовала их; таких могучих витязей, как дунаданцы и сыновья Элронда, она в жизни не видела, но взгляд ее все время устремлялся на Арагорна. За ужином они беседовали, и ей было рассказано обо всем, что случилось после отъезда Теодена из столицы. Лишь обрывочные вести дошли до нее. Теперь она услышала о битве у Хельмовой Крепи, о полном разгроме врага, о том, как конунг повел в последний бой своих всадников, и глаза ее засияли.

Наконец она сказала:

— Государи мои, вам пора отдохнуть с дороги. Нынче наспех я предложу вам скромный ночлег. Наутро же мы приготовим более достойные вас покои.

Но Арагорн сказал:

— Нет, царевна, не заботься об этом. Нам нужно всего лишь переночевать и позавтракать. Я очень тороплюсь, и на рассвете мы выезжаем.

— Тогда спасибо тебе, государь, — с улыбкой молвила она, — что ты, свернув с пути, проехал столько миль, чтобы порадовать добрыми вестями отшельницу Эовин.

— Ради такой отшельницы дальняя дорога не в тягость, — сказал Арагорн, — однако же, царевна, с пути я бы сюда не свернул.

— Значит, государь, — отозвалась она, и в голосе ее слышна была печаль, — ты сбился с пути, потому что из Дунхергской долины нет выхода ни на восток, ни на юг — тебе надо вернуться обратно.

— Нет, царевна, — сказал он, — с пути я не сбился: я странствовал в здешних краях задолго до того, как ты родилась им на украшение. Есть выход из этой долины, он-то мне и нужен. Отсюда на юг ведет Стезя Мертвецов.

Она замерла будто громом пораженная; лицо ее побелело, она глядела ему в глаза и молчала, и молчали все кругом.

— Арагорн, — наконец молвила она, — неужели ты торопишься навстречу гибели? Лишь гибель ждет тебя на этом пути. Там нет проходу живым.

— Меня, может статься, пропустят, — сказал Арагорн. — Так или иначе, я попробую пройти. Другие дороги мне не годятся.

— Но это безумие, — сказала она. — С тобой славные, доблестные витязи, и не в смертную тень ты их должен вести, а на бой, на поле брани. Молю тебя, останься, ты поедешь с моим братом, на радость всему ристанийскому войску, в знак великой надежды.

— Нет, царевна, это не безумие, — отвечал он, — этот путь предуказан издревле. Кто идет со мной — идет по доброй воле; кто захочет остаться и ехать на бой вместе с ристанийцами — пусть остается. Но я пойду Стезей Мертвецов даже в одиночку.

Больше сказано ничего не было, и в молчании завершилась трапеза, но Эовин не сводила глаз с Арагорна, и мука была в ее глазах. Наконец все поднялись из-за стола, пожелали ей доброй ночи, поблагодарили за радушие и отправились спать.

Арагорна поместили с Леголасом и Гимли; у шатра окликнула его царевна Эовин. Он обернулся и увидел словно бы легкое сияние в ночном сумраке: на ней было белое платье, и светились ее глаза.

— Арагорн, — сказала она, — зачем ты едешь этим гиблым путем?

— Затем, что иначе нельзя, — отвечал он. — Только так я, может быть, сумею опередить Саурона. Я ведь не ищу гибели, Эовин. Будь моя воля, я гулял бы сейчас на севере по светлым тропинкам Раздола.

Она промолчала, обдумывая последние его слова. Потом вдруг положила руку ему на плечо.

— Ты суров и тверд, — сказала она. — Таким, как ты, суждена слава. — И снова примолкла. — Государь, — решилась она наконец, — если таков предуказанный тебе путь, то позволь мне ехать с тобой. Мне опротивело прятаться и скрываться, я хочу испытать себя в смертном бою.

— Ты должна оставаться со своим народом, — ответил он.

— Только и слышу, что я кому-то что-то должна! — воскликнула Эовин. — Разве я не из рода Эорла? Воительница я или нянька? Долгие годы я опекала немощного старца. Теперь он, кажется, встал на ноги, а мне все равно нельзя жить по своей воле?

— Этого почти никому нельзя, — ответил он. — И не ты ли, царевна, приняла теперь на себя попечение о своем народе, покуда не воротится конунг? Если б это доверили не тебе, а военачальнику или сенешалю, ты думаешь, он мог бы оставить свой пост, как бы ему все ни опротивело?

— Значит, так всегда и будет? — горько спросила она. — Ратники будут уезжать на войну и добывать бранную славу, а мне оставаться, хозяйничать и потом их встречать, заботиться о еде и постелях, так?

— Может статься, и встречать будет некого, — сказал он. —

Настанет темное время безвестной доблести: никто не узнает о подвигах последних защитников родимого крова. Но безвестные подвиги ничуть не менее доблестны.

— Ты твердишь одно и то же, — отвечала она, — женщина, говоришь ты, радей о доме своем. А когда воины погибнут славной смертью, сгори вместе с домом, погибшим он больше не нужен. Но я не служанка, я царевна из рода Эорла. Я езжу верхом и владею клинком не хуже любого воина. И я не боюсь ни боли, ни смерти.

— А чего ты боишься, царевна? — спросил он.

— Боюсь золоченой клетки, — сказала она. — Боюсь привыкнуть к домашнему заточению, состариться и расстаться с мечтами о великих подвигах.

— Как же ты отговаривала меня идти избранной дорогой, потому что она опасна?

— Я ведь тебя, а не себя отговаривала, — сказала она. — И я призывала тебя не избегать опасности, а ехать на битву, добывать мечом славу и победу. Просто я не хотела, чтобы сгинули попусту благородство и великая отвага!

— Я тоже этого не хочу, — сказал он. — Потому и говорю тебе, царевна: оставайся! Нечего тебе делать на юге.

— Другим — тем, кто пойдет за тобой, — тоже нечего там делать. Они пойдут потому, что не хотят с тобой разлучаться, потому, что любят тебя.

Сказав так, она повернулась и исчезла в темноте.

В небе забрезжил рассвет, но солнце еще не выглянуло из-за высоких восточных хребтов. Дружина сидела верхами, и Арагорн собрался было вскочить в седло, когда царевна Эовин, в ратном доспехе и при мече, вышла попрощаться с ними. Она несла чашу с вином; пригубив ее, пожелала она воинам доброго пути и передала чашу Арагорну, который, прежде чем допить вино, молвил:

— Прощай, царевна Ристании! Я пью во славу дома конунгов, пью за тебя и за весь ваш народ. Скажи своему брату, что мы еще, может, и свидимся, прорвавшись сквозь тьму!

Гимли и Леголасу показалось, что она беззвучно заплакала: скорбь исказила ее гордое и строгое лицо. И она проговорила:

— Арагорн, ты едешь, куда сказал?

— Еду, — отвечал он.

— И не позволишь мне ехать с вами, как я просила тебя?

— Нет, царевна, — сказал он. — Нельзя тебе ехать без позволения конунга или твоего брата, а они будут лишь завтра. У меня же на счету каждый час, каждая минута на счету. Прощай!

Тогда она упала на колени и воскликнула:

— Я тебя умоляю!

— Нет, царевна, — сказал он, взяв ее за руку и поднимая с колен; потом поцеловал ей руку, вспрыгнул в седло и тронул коня, больше не оглядываясь. Лишь тем, кто знал его близко и ехал рядом, понятно было, как тяжело у него на сердце.

А Эовин стояла, неподвижная, точно изваяние, сжав опущенные руки, стояла и смотрела, как они уходят в черную тень Двиморберга, Горы Призраков, к Вратам мертвого края. Когда всадники пропали из виду, она повернулась и неверным шагом, как бы вслепую, отправилась к себе в шатер. Никто из ее подданных не видел этого расставания: они попрятались в страхе и ждали, пока рассветет и уедут безрассудные чужаки.

И люди говорили:

— Это эльфийцы. Пусть себе едут в гиблый край, коли им суждено там сгинуть. У нас своего горя хватает.

Ехали в предрассветной мгле; восходящее солнце заслонил сумрачный гребень Горы Призраков. Извилистая дорога меж двумя рядами древних стоячих камней привела их в бор Димхолт — преддверие страшного края. Под сенью черных деревьев, где даже Леголасу было не по себе, открылась падь, и посреди тропы роковой вехой возник громадный столп.

— Что-то у меня кровь леденеет, — заметил Гимли, но никто не отозвался, и звук его голоса поглотила сырая хвойная подстилка.

Кони один за другим останавливались перед зловещим столпом; всадники спешились и повели их под уздцы в обход по крутому склону к подножию Горы, туда, где в отвесной скале зияли Врата словно жерло ночи. Над широкой аркой смутно виднелись тайнопись и загадочные рисунки, и Врата источали серый туман будто смертную тоску. Дружина оцепенела; лишь у царевича эльфов Леголаса не дрогнуло сердце — он не страшился человеческих призраков.

— За этими Вратами, — сказал Гальбарад, — таится моя смерть. Я пойду ей навстречу, но кони туда не пойдут.

— Мы должны пройти, значит, пройдут и кони, — отвечал Арагорн. — За Вратами мертвенная тьма, а за нею — дальняя дорога, и каждый час промедления приближает торжество Саурона. Вперед!

И Арагорн пошел первым; вдохновленные его могучей волей, следовали за ним дунаданцы, а кони их так любили своих хозяев, что не убоялись даже замогильного ужаса, ибо надежны были сердца людей, которые их вели. Только Арод, ристанийский конь, стоял весь в поту и дрожал — горестно было смот-

реть на него. Но Леголас закрыл ему ладонями глаза, напел в уши ласковые, тихие слова — и конь послушно пошел за своим седоком. Перед Вратами остался один лишь гном Гимли. Колени его дрожали, и он стыдил сам себя.

— Вот уж неслыханное дело! — сказал он. — Эльф спускается под землю, а гном боится!

И он ринулся вперед, волоча непослушные, как свинцом налитые ноги; тьма обрушилась на него и ослепила Гимли, сына Глоина, который, бывало, бесстрашно спускался в любые подземелья.

Арагорн запасся в Дунхерге факелами и нес огонь впереди; Элладан, вознося факел, замыкал шествие, а за ним, спотыкаясь, брел Гимли. Ему видны были только тусклые факельные огни, но едва Дружина приостанавливалась, как слух его полнился ропотом и отзвуками голосов, невнятной молвью на неведомом языке.

Дружина шла и шла, и помехи ей не было, а гному становилось все страшнее — он-то знал, что вспять повернуть нельзя, что позади в темноте толпится незримое сонмище. Страшно тянулось время, и то, что Гимли наконец увидел, он очень не любил вспоминать. Вроде бы шли они по широкому проходу, но стены внезапно исчезли, и перед ними разверзлась пустота. Ужас давил его так, что ноги подкашивались на каждом шагу. Слева что-то блеснуло во мраке, и факел Арагорна приблизился. Должно быть, Арагорн вернулся поглядеть, что там блестит.

— Неужели ему не страшно? — пробормотал гном. — В любой другой пещере Гимли, сын Глоина, первым побежал бы на блеск золота. Но здесь — не надо! Пусть лежит!

И все же он подошел — и увидел, что Арагорн стоит на коленях, а Элладан держит оба факела. Перед ними простерся скелет богатыря. Боевой доспех уцелел: кольчуга была золоченая, а воздух в пещере такой сухой, что чуть не скрипел на зубах. Золотом и гранатами изукрашен был пояс; череп в шлеме с золотой насечкой ничком уткнулся в песок. При свете факелов стало видно, что скелет лежит у стены пещеры, возле закрытой каменной двери, впившись в щели костяными пальцами. Рядом валялись обломки зазубренного меча: наверно, он отчаянно рубил камень, пока хватило сил.

Арагорн не прикоснулся к останкам; он молча разглядывал их, потом поднялся и вздохнул.

— До скончания веков не расцветут над ним цветы *симбельмейна,* — проговорил он. — Девять и еще семь могильников давным-давно заросли травой, и все эти несчетные годы он пролежал здесь, у дверей, которых не смог открыть. Куда ведут эти

двери? Что он искал за ними? Этого никто никогда не узнает... И мне об этом знать незачем! — возгласил он, обращаясь к шелестящей темноте позади. — Храните свои клады и тайны Проклятых Времен! А нам надо спешить. Пропустите нас и ступайте следом! Я призываю вас всех к Эрекскому камню!

Вместо ответа настало бездонное молчание, пострашнее зловещего шелеста; потом повеяло холодом, факелы вспыхнули, угасли, и зажечь их снова не удалось. Что было дальше и сколько часов это длилось, Гимли толком не помнил. Дружина шла вперед, а он кое-как поспевал за остальными, спасаясь от ужаса, который, казалось, вот-вот обессилит его, настигая шелестами, шорохами, призрачным звуком несчетных шагов. Он спотыкался, падал, под конец полз на четвереньках и чувствовал, что больше не может: либо впереди найдется выход и спасение, либо уж будь что будет — он бросится назад на растерзание ужасу.

Вдруг он услышал журчание воды, такое отчетливо-звонкое, точно где-то прокатился камень, пробудив от дурного сна. Становилось светлее, и вот Дружина вышла из-под высокой сводчатой арки. Ручей бежал рядом, а впереди круто уходила вниз дорога между отвесными скалами, упирающимися в небеса. Ущелье было такое узкое и глубокое, что небо казалось темным и мерцали мелкие звезды. Однако же Гимли узнал потом, что день был тот самый, когда они вышли из Дунхерга, до заката оставалось еще два часа, а могли миновать и годы; и вышел он будто бы совсем в иной мир.

Дружинники снова ехали вереницей, и Гимли сидел позади Леголаса. Смеркалось, сгущались синие сумерки, и ужас шел по пятам. Леголас обернулся, и Гимли увидел прямо перед собой блистающие глаза эльфа. За ними ехал Элладан, замыкающий, но не последний на этой наклонной дороге.

— Мертвые следуют за нами, — сказал Леголас. — Я вижу тени всадников, тусклые стяги, как клочья тумана, копья, точно заиндевелый кустарник. Они следуют за нами.

— Да, мертвецы не отстают. Они откликнулись на зов, — сказал Элладан.

Наконец Дружина вышла из ущелья — внезапно, как сквозь трещину в стене; они очутились над высокогорной долиной и услышали переплеск потока, низвергавшегося водопадами.

— Куда это нас занесло? — спросил Гимли, и Элладан отвечал ему:

— Пониже истоков длинной студеной реки, которая впадает

в морской залив, омывающий стены Дол-Амрота. Мортхонд зовется она — Черноводная; теперь ты, наверно, не спросишь, почему.

Широким изгибом Мортхондская долина охватывала крутогорье с юга. Травянистые склоны в этот сумеречный час подернуло серой пеленой; далеко внизу мигали огоньки селений. Долина была плодородная и многолюдная.

Арагорн, не оборачиваясь, крикнул во весь голос:

— Друзья, забудьте об усталости! Пустите коней вскачь! Нам нужно прежде полуночи быть у Эрекского камня, а до него еще далеко.

И они без оглядки промчались косогором к мосту через реку, набиравшую ширину, и дальше вниз по дороге в долину.

Повсюду гасили огни и запирали двери, а те, кто был в поле, крича от ужаса, метались, точно вспугнутое зверье. В полутьме разносился общий крик:

— Полчище мертвых! На нас идет полчище мертвых!

Звонили колокола, все разбегались и прятались, а Серая Дружина неслась во весь опор, покуда кони не начали спотыкаться. И перед самой полуночью, в черной, как бы пещерной тьме они все-таки доскакали до Эрекского камня.

С незапамятных пор витал смертный страх над горой Эрек и окрестными пустошами. На вершине ее торчал черный камень, круглый, как огромный шар, наполовину вкопанный в землю и все же высотой в человеческий рост. Был он нездешнего вида, словно упал с небес, как думали иные; те же, кто помнил предания Запада, говорили, что вывез его из руин Нуменора и вкопал на горе сам Исилдур. Жители долины не смели приближаться к нему, да поблизости никто и не жил: рассказывали, что в недобрую годину вокруг камня собирается и ропщет сонмище привидений.

Дружина остановилась у камня; царила мертвенная ночная тишь. Арагорн взял у Элроира серебряный рог, затрубил в него — и всем послышались глухие ответные раскаты дальним эхом из пещерных глубин. Больше ничего слышно не было, но чуялось, что гору обступило большое войско; и дохнул леденящий ветер. Арагорн спешился, стал подле камня и громовым голосом спросил:

— Крятвопреступники, зачем вы пришли?

И кто-то в ночи отозвался как бы издалека:

— Чтобы исполнить клятву и обрести покой.

Тогда Арагорн молвил:

— Настал ваш час! Вы последуете за мной в Пеларгир-на-Андуине, и, когда тамошний край будет избавлен от Сауроновой нечисти, я сниму с вас заклятие, и вы обретете покой навеч-

но. Ибо я — Элессар, наследник великого князя гондорского Исилдура.

И он повелел Гальбараду развернуть и водрузить знамя, которое тот привез из Раздола; затрепетало черное полотнище, и в темноте не видно было, что на нем вытканo. Дружина заночевала возле камня, но почти никому не спалось в безмолвном окружении призраков.

С первыми лучами бледного рассвета Арагорн повел свою Дружину в далекий и многотрудный поход без отдыха и промедления: такой был лишь ему по силам, и его непреклонная воля поддерживала остальных. Подобных тягот не вынес бы никто из смертных, но вынесли северные витязи-дунаданцы, и с ними были гном Гимли и Леголас из рода эльфов.

Они прошли в Ламедон Тарлангским перевалом; за ними по пятам мчалось призрачное воинство, а страшная весть о нем летела впереди, и, когда они въезжали в Калембель-на-Кириле, кровавый закат озарял их со спины, из-за хребта Пиннат-Гелина. В городе не было ни души, переправа через Кирил не охранялась, ибо многие ушли на войну, а прочие бежали в горы, прослышав о нашествии полчища мертвых. Наутро рассвета не было, и Серая Дружина исчезла с глаз людских во тьме, нахлынувшей из Мордора, а мертвецы спешили следом.

Глава III

ВОЙСКОВОЙ СБОР

Все пути сходились теперь на востоке, на рубеже грядущей войны — там, где сгущалась грозная Темень. И когда Пин стоял у столичных Великих Врат, провожая взглядом золотистые стяги владетеля Дол-Амрота, дружина конунга Ристании спускалась с гор к Укрывищу.

День угасал. Длинные тени тянулись перед конниками. Темнота вползала в густой перешептывающийся ельник, облекавший горные кручи. Конунг ехал медленно, он утомился за день. Вскоре тропа, обогнув выступ огромного утеса, углубилась в тихий лесной сумрак. Вниз, вниз и вниз двигались они длинной извилистой вереницей. Ближе ко дну ущелья уже совсем свечерело. Солнце зашло, и сумеречная мгла окутала водопады.

Весь день виднелся далеко внизу бурливый поток, сбегавший с высокого перевала, клокоча в своем узком русле между скалистыми откосами в сосновом убранстве; и вот он был перед

ними, готовый вырваться на приволье из каменных теснин. Конники ехали берегом — и вдруг им открылась Дунхергская долина, оглашаемая вечерним гулом воды. Кипучая Снеговая, усиленная притоком, мчалась, обдавая пеной каменистое ложе, к Эдорасу, к зеленым холмам и равнинам. Справа, у края широкой долины, вздымал заоблачные взлобья могучий Старкгорн, и его иззубренная вершина в шапке вечных снегов сияла в высоте; черно-синие тени ложились на нее с востока, и багровыми пятнами осыпал ее закат.

Мерри изумленно озирал этот неведомый край, о котором столько понаслышался в долгом пути. Небес тут не было: вглядывайся не вглядывайся в туманную пелену поверху, увидишь только громоздящиеся склоны, утес за утесом и хмурые ущелья, подернутые дымкой. Он сонно вслушивался в шум воды, в смутный шепот деревьев, в треск расседающегося камня — и чуял огромное молчание, ожидающее, пока все эти шумы стихнут. Ему вообще-то нравились горы, а лучше сказать — нравилось, как они возникают за обочиной рассказов о дальних странах, но теперь его придавила несусветная тяжесть взаправдашнего Средиземья, и больше всего на свете он хотел бы оказаться у себя, возле камина, в уютной комнатушке.

Он очень устал: ехали-то они медленно, однако же почти не отдыхали. Три долгих, томительных дня трясся он по тропам вверх и вниз, через перевалы, длинными долинами и звенящими бесчисленными бродами. Ежели дорога была пошире, он ехал рядом с конунгом, не замечая, что многие конники усмехались, глядя на это соседство: хоббит на лохматеньком сером пони и повелитель Ристании на большом белом коне. А он разговаривал с Теоденом, рассказывал ему о себе, о своих и прочие хоббитанские байки, потом слушал рассказы о Мустангриме и о подвигах ристанийских витязей. Но чаще всего, как и нынче, Мерри ехал сам по себе, за конунгом, говорить было не с кем, и он вслушивался в медленную звучную речь ристанийцев, доносившуюся сзади. Многие слова он вроде бы узнавал, только звучали они и звонче, и протяжнее, а вместе никак не складывались. Иногда чей-нибудь ясный голос заводил песню, и у Мерри взыгрывало сердце, хоть он и не понимал, о чем поется.

Очень ему было все-таки одиноко, особенно теперь, на закате дня. Он думал, куда же в этом непонятном мире подевался Пин, где Арагорн, Леголас и Гимли? И внезапным холодом полоснула мысль: а Сэм с Фродо — они-то где? «Совсем я про них забыл, — укорил он себя. — Они же из всех нас главные, я и пошел-то им на помощь, и вот теперь они за сотни миль, спасибо еще, если живы». Он испуганно поежился.

— Вот и Укрывище! — молвил Эомер. — Близок конец пути.

Кони стали. Через узкую горловину ущелья, как сквозь высокое окно, едва-едва был виден крутой спуск в меркнущую долину. Внизу, возле реки, вспыхивал и угасал крохотный огонек.

— Да, конец пути близок, — подтвердил Теоден, — и это начало нового пути. Прошлой ночью было полнолуние, а наутро я поеду в Эдорас, на войсковой сбор.

— Прими мой совет, — негромко сказал Эомер, — возвратись потом сюда, пережди здесь победу или поражение.

— Нет, — усмехнулся Теоден, — нет, сын мой, ибо так я буду тебя называть, ты уж не будь советником наподобие Гнилоуста! — Он выпрямился в седле и оглянулся на длинный строй ратников, терявшийся в сумерках. — Давно я не водил вас в поход, многие дни стеснились в годы, но теперь-то я клюку отбросил. Коли нас победят, что мне толку скрываться в горах? А коли мы победим, то нестрашно мне и погибнуть, исполнив свой долг до конца. Однако ж будет об этом. Нынче я ночую в Укрывище, и есть еще у нас хотя бы один мирный вечер. Едем!

Уже почти стемнело, когда они спустились. Снеговая протекала у западного края долины, и вскоре тропа привела их к броду, где вода бурлила среди камней. Брод охраняли; воины выпрыгивали из-за темных скал и, завидев их, радостно возглашали:

— Конунг Теоден! Конунг Теоден! Властитель Ристании возвратился!

Протяжно затрубил рог, и гулким эхом отозвалась долина. За рекой зажигались огни.

И вдруг с высот дружно грянули трубы. Казалось, они поют под единым сводом, и слитный трубный гром раскатился по каменным склонам.

Так возвратился с победой властитель Мустангрима в Дунхерг, в свое высокогорное Укрывище. Последняя рать Ристании была в сборе. Проведав о приближении конунга, воеводы встретили его у переправы, как и велел Гэндальф. Впереди ехал Дунгир, здешний правитель.

— Государь, — сказал он, — три дня назад на рассвете примчался с запада в Эдорас Светозар, и Гэндальф несказанно обрадовал нас вестью о твоей победе. Но он приказал от лица твоего поторопить сбор. А затем нагрянул крылатый Призрак.

— Крылатый Призрак? — повторил Теоден. — Мы тоже видели его, но посреди ночи, еще когда Гэндальф был с нами.

— Может статься, вы его и видели, государь, — сказал Дунгир. — Он ли был тогда или другой, но исчадием мрака, подоби-

ем чудовищной птицы явился он в то утро над Эдорасом, и страх объял всех до единого. Ибо он снизился к Медусельду, почти до самого купола, и раздался вопль, оледенивший сердца. Тогда-то Гэндальф и посоветовал нам не собираться на равнине, а встретить тебя здесь, в горном Укрывище. И не зажигать ни костров, ни факелов помимо крайней нужды — так мы и сделали, потому что повелительны были его слова и мы услышали в них твое веление. Здесь, над долиной, чудища не появлялись.

— Вы рассудили верно, — сказал Теоден. — Я сейчас еду в Укрывище, и, прежде чем отойду ко сну, надо мне встретиться с воеводами и сенешалями. Созовите их ко мне как можно скорее!

Теперь дорога вела прямиком на восток — по долине, где она была шириной не более полумили. Кругом лежали поля и травяные сумеречно-серые луга, и за дальним краем ложбины Мерри увидел утесистый отрог Старкгорна, некогда разрезанный рекой.

Равнина была заполнена людьми. Они толпились у дороги, приветственными кликами встречая конунга и западных ратников, а поодаль виднелись ряды палаток и шатров, стояли за частоколами кони и стройно было составлено оружие: копья торчали, как древесная поросль. Сумерки застилали многолюдный лагерь, с гор веяло ночной прохладой, однако же фонари не горели и не пылали костры. Расхаживали часовые в длинных плащах.

«Сколько же их тут собралось, ристанийцев?» — задумался Мерри. В сгущавшейся тьме на глазок было не прикинуть, но вроде бы большое, многотысячное войско. А пока он вертел головой, дружина конунга оказалась возле огромной скалы у восточного края долины; дорога вдруг пошла в гору, и Мерри изумленно поднял взгляд. Таких дорог он еще не видывал: верно, люди проложили ее во времена совсем уж незапамятные. Змеею вилась она вверх, врезаясь в отвесную скалу. Крутая, точно лестница, она открывала обзор то спереди, то сзади. Лошади этот подъем кое-как одолевали; можно было втащить и повозки, но никакой враг ниоткуда не смог бы обойти защитников, разве что с воздуха. На каждом повороте дороги высились грубые изваяния: человекоподобные фигуры сидели, поджав ноги и сложив толстые руки на пухлых животах. Черты лица у многих с годами стерлись, лишь черные глазные дыры взирали на мимоезжих. Конники их вниманием не удостаивали. Назывались они Пукколы, колдовской силы не имели, страха никому не

внушали, и Мерри провожал изумленным и почти что жалостным взглядом эти выступавшие из сумрака фигуры.

Потом он глянул назад и увидел, что взобрался уже высоко, и все равно в тумане видно было, как снизу идут конники — нескончаемой вереницей идут и расходятся по лагерю. Лишь конунг с приближенными ехали вверх, в Укрывище.

Наконец они выбрались на край обрыва, а дорога вела все вверх, крутым склоном к скалистой расселине, а за нею расстилалась долина. Звалась она Фириэнфельд — широкая это была и красивая долина, травянистая, поросшая вереском, над бурным ложем Снеговой, по южным склонам Старкгорна и северным отлогам зубчатого хребта Ирензаги. Туда-то и направлялись конники, и перед ними вздымался Двиморберг, Гора Призраков с ее одетыми мрачным сосняком кручами. Долину пересекал двойной ряд неуклюжих каменных вех; дорога между ними уходила в сумрак и пропадала среди сосен. Отважься кто-нибудь по ней поехать — он вскоре оказался бы в лесной мгле Димхолта, увидел бы зловещий столп и зияющие Запретные врата.

Таков был угрюмый Дунхерг, сооруженный древним людским племенем, о котором ни песни, ни сказания не сохранили памяти. И неведомо было, что воздвигали древние строители — то ли город, то ли тайный храм, то ли царскую усыпальницу. Трудились они в Темные Века, задолго до того, как приплыли корабли к западным берегам и дунаданцы основали Гондор, и давным-давно сгинул этот народ, одни лишь Пукколы упрямо сидели на изгибах дороги.

Мерри взглянул на каменные зубья, на их неровный строй; они исчернели и выветрились, те покосились, другие упали, третьи надломились или искрошились — ни дать ни взять голодный старческий оскал. Он подумал, зачем бы им тут торчать, и понадеялся, что конунг не поедет между ними в густеющую темень. Потом он различил по обеим сторонам дороги множество палаток и навесов, но расположены они были поодаль от сумрачного леса и даже теснились к обрыву. Большая часть лагеря находилась справа, где Фириэнфельд распластался вширь, а слева палаток было поменьше, и сзади них высился шатер. Оттуда выехал навстречу им конник, и они свернули с дороги.

Конник приблизился, и Мерри увидел, что это женщина — длинные перевитые волосы ее блистали в сумерках, но она была в шлеме, одета в кольчугу, опоясана мечом.

— Привет тебе, властитель Мустангрима! — воскликнула она. — Всем сердцем радуюсь твоему возвращению.

— Нерадостный у тебя голос, Эовин, — молвил конунг. — Ты чем-то опечалена?

— Нет, все идет как должно, — отвечала она и вправду глухим голосом, словно превозмогая слезы; да едва ли, подумал Мерри, вон у нее какое суровое лицо. — Все как должно. Конечно, людям тяжко было в одночасье собираться в дальний путь и покидать родные дома. Многие горько роптали — давно уж не звучал призыв на брань средь наших зеленых равнин, — но непокорства не было. Ополчение, как видишь, в сборе. И ночлег твой готов: я наслышана о вашей победе и знала, когда тебя ждать.

— А, стало быть, Арагорн приехал! — воскликнул Эомер. — Он еще здесь?

— Нет, здесь его нету, — сказала Эовин, отвернувшись и глядя на сумрачные вершины, южные и восточные.

— А где же он? — спросил Эомер.

— Не знаю, — сказала она. — Он прискакал ночью и уехал вчера на рассвете, солнце еще не встало из-за гор. И где он теперь — не знаю.

— Ты горевала, дочь, — снова сказал Теоден. — О чем твоя печаль? Была ли, скажи, речь о *той* дороге? — И он указал на чернеющий путь между каменных вех к Двиморбергу. — Была ли речь о Стезе Мертвецов?

— Да, государь, — ответила Эовин. — Он ушел в смертную тьму, из которой нет возврата. Я не сумела его отговорить. И где он теперь — не знаю.

— Значит, пути наши разошлись, — сказал Эомер. — Он сгинул во тьме, и биться мы будем без него, обделенные надеждой.

Медленно, в безмолвии проехали они наверх травянистым вересковым лугом и спешились возле шатра конунга. Все было для всех приготовлено, а о Мерри позаботились особо: для него разбили палатку возле огромного шатра. Там он и сидел одинодинешенек, и мимо него проходили люди — на совет к конунгу. Темнело все больше, западные вершины высились в звездных венцах, и непроглядная тьма застилала восток. Уже почти исчезли из виду каменные зубья, но за ними из ночной мглы проступала черная громада Двиморберга.

— Что еще за Стезя Мертвецов? — тихо разговаривал Мерри сам с собой. — Какая такая Стезя? Да, а вот я-то один остался не при деле из всего нашего Отряда. Всех судьба разбросала: Гэндальф с Пином отправились воевать на востоке, Сэм и Фродо — в Мордор, а Бродяжник, Леголас и Гимли уехали Стезей Мертвецов. Наверно, скоро выпадет и мой черед. Знать бы хоть,

о чем они там совещаются, что надумал конунг. А то я ведь теперь с ним повязан — куда он, туда и я.

Невеселые мысли шли ему на ум, а вдобавок он еще вдруг ужасно проголодался и решил выйти поглядеть, неужто же он один здесь такой голодный. Но в это время грянула труба, и его, оруженосца конунга, вызвали прислуживать государю за столом.

В глубине шатра, за узорчатыми занавесями, были разостланы шкуры, и за низеньким столом сидели Теоден, Эомер и Эовин, а с ними Дунгир, правитель Укрывища. Мерри занял свое место позади конунга, но вскоре тот, очнувшись от глубокой задумчивости, с улыбкой обернулся к нему.

— Иди сюда, сударь мой Мериадок! — сказал он. — Негоже тебе стоять. Покуда мы пребываем в моих владениях, ты будешь сидеть возле меня и тешить мне сердце своими рассказами.

Хоббита усадили на скамью по левую руку от конунга, но до рассказов дело не дошло. Трапеза была молчаливая, слова роняли скупо; наконец Мерри собрался с духом и все-таки задал вопрос, вертевшийся у него на языке.

— Уже дважды, государь, слышал я о Стезе Мертвецов, — сказал он. — Что это за Стезя? И куда отправился этой Стезею Бродяж... то есть Арагорн?

Конунг лишь вздохнул, и тщетно Мерри ждал ответа; потом Эомер сказал:

— Куда он отправился, нам, увы, неведомо. А Стезя Мертвецов... ты сам нынче ехал по ней. Нет, не ищи в моих словах зловещего смысла! Просто дорога наверх, с которой мы свернули, ведет через Димхолт к Запретным вратам. А что за ними — никто не знает.

— Да, этого не знает никто, — подтвердил Теоден. — Лишь древние, полузабытые предания хранят об этом неясную память. В нашем роду, в роду Эорла, отцы искони рассказывали их сыновьям, и если правдивы старинные были, то за вратами под Двиморбергом лежит тайный путь в горные недра. Но к вратам и подступиться никто не смеет с тех пор, как вошел в них Бальдор, сын Брего. Брего устроил празднество в честь воздвижения Медусальда, и Бальдор, осушив лишний рог вина, сгоряча поклялся проникнуть к тайну Горы Призраков. Навеки пропал он с глаз людских, и остался без наследника высокий престол в златоверхом дворце.

Говорят в народе, что покойники Темных Веков крепко стерегут от живых проход к своим сокровенным чертогам, а бывает, они выходят наружу и призрачными тенями спускаются

вниз по дороге. Тогда жители Укрывища в страхе запирают двери и завешивают окна. Но мертвецы появляются редко — лишь в тревожные и кровавые времена.

— Из Укрывища доносят, — тихо промолвила Эовин, — что недавно, в безлунную ночь, на гору взъехало большое войско в диковинных доспехах. Откуда оно взялось, никто не знает: воины промчались меж каменных вех к Двиморбергу, словно их там заждались.

— Да Арагорн-то зачем туда поехал? — не унимался Мерри. — Неужели совсем уж неизвестно?

— Разве что тебе, его другу, от него самого известно что-нибудь, о чем не ведаем мы, — отозвался Эомер. — А если нет — никто из живых тебе ответа не даст.

— Вовсе не таким запомнила я его, когда впервые увидела во дворце, — сказала Эовин. — Он постарел и посуровел. И был точно одержимый: казалось, ему был слышен замогильный зов.

— Может статься, и был слышен, — сказал Теоден, — сердце мое чует, что мы с ним больше не свидимся. И все же ему, прирожденному властителю, должно быть, уготован высокий жребий. Утешься, дочь, я вижу, ты горько скорбишь о нашем госте, утешься, ибо рассказывают, что, когда эорлинги явились с севера и поднялись к истокам Снеговой, примечая места для будущих крепостей, Брего и сын его Бальдор проехали за Укрывище сквозь Димхолт и достигли Черных Врат. Возле них сидел древний-древний старец, высокий и царственный, безмолвный и недвижный — точь-в-точь обветшалый истукан. Так и рассудили Брего с Бальдором и хотели было проехать мимо, но вдруг раздался голос будто из-под земли — старец, к их изумлению, молвил на всеобщем языке: *Путь закрыт.*

Они остановились, взглянули на старца и увидели, что он еще жив, но к ним он взора не обратил. *Путь закрыт,* повторил голос. *Он проложен теми, кто давно уже мертв, и мертвецы устерегут его, покуда не исполнятся сроки. Путь закрыт.*

«А когда исполнятся сроки?» — спросил Бальдор, но ответа не дождался: старец замертво рухнул ничком. И с тех пор мы больше ничего не проведали о призрачных стражах горных недр. Однако же, может статься, ныне сроки исполнились, и Арагорну путь откроется.

— Как узнать, не входя во Врата, откроется путь или нет? — сказал Эомер. — А я туда не пошел бы, даже если б стоял один против всех полчищ Мордора и больше некуда было податься. Что за напасть, какая одержимость одолела витязя из витязей в нынешний роковой час! Неужели мало кругом нечисти, что надо искать ее под землей? Война вот-вот грянет, а он...

Эомер смолк: снаружи послышался шум, кто-то выкликнул имя Теодена, и стража его расспрашивала.

Вскоре начальник стражи откинул завесу шатра.

— Государь, — сказал он, — из Гондора прибыл посланец. Просит немедля допустить его к тебе.

— Пусть войдет! — велел Теоден.

Вошел высокий ратник, и Мерри едва не вскрикнул: на миг ему почудилось, будто перед ними вживе предстал Боромир. Приглядевшись, он увидел, что это, конечно же, незнакомец, но и вправду очень похожий на Боромира — рослый, статный, сероглазый. На нем был темно-зеленый плащ конника поверх мелкосетчатой кольчуги, с венца шлема мерцала серебряная звездочка. В руке он держал черноперую стрелу с зазубренным и обагренным стальным наконечником.

Став на одно колено, он протянул стрелу конунгу.

— Привет тебе, властитель Мустангрима, исконный наш друг и верный соратник! — молвил он. — Я, Хиргон, посланец Денэтора, вручаю тебе это знамение войны. Великая беда грозит Гондору. Никогда прежде мустангримцы не отказывали нам в подмоге, но на сей раз Денэтор просит вас собрать все ваши силы и явиться как можно скорее — иначе Гондор падет!

— Багряная Стрела! — проговорил Теоден, принимая ее дрогнувшей рукой; весть была хоть и заведомая, но оттого не менее грозная. — На моем веку Багряной Стрелы в Ристанию ни разу не присылали! Неужто на нас вся надежда? А как мыслит Денэтор — велики ли наши силы и скоро ли мы сможем явиться?

— Про то тебе лучше знать, государь, — сказал Хиргон. — Но, наверно, на днях Гондор будет окружен, и коли хватит у тебя сил прорвать мощную осаду, то государь Денэтор велел сказать тебе, что лучше бы ристанийскому воинству стоять на стенах, чем лечь под стенами!

— Разве не знает он, что нам привычнее биться верхом в поле и что народ наш рассеян по горам, долам и равнинам и наших конников мигом не соберешь? Верно ли, Хиргон, что повелитель Минас-Тирита знает всегда больше, чем говорит? Ибо мы, как видишь, уже в сборе, весть твоя не застала нас врасплох. У нас побывал Гэндальф Серый, и мы изготовились ехать на восток, на великую битву.

— Ведает обо всем этом властодержец Денэтор или нет, мне знать не дано, — отвечал Хиргон. — Мой государь не шлет вам повелений, он просит вас во имя старой дружбы и во исполнение давних клятв, ради собственного спасения свершить все, что в ваших силах. Нам доносят, что многие восточные цари привели свои рати под начало Мордора. От северных краев до равнины Дагорлада разгорается пожар войны. С юга идут хородримцы, все наше побережье настороже, и невелика будет

нам подмога оттуда. Поспешите же! Ведь у стен Минас-Тирита решится общая судьба, и если там мы врага не сдержим, то черный потоп захлестнет цветущие равнины Ристании и даже здесь, в горах, никто не укроется.

— Мрачные известия, — сказал Теоден, — хотя новостями их не назовешь. Впрочем, скажи Денэтору, что, если бы Ристании не грозила опасность, мы все равно пришли бы к нему на подмогу. Но битвы с предателем Саруманом были кровопролитны, а ведь надо еще позаботиться о северных и восточных границах — сам же говоришь, что война надвигается отовсюду. У Черного Властелина достанет войска и Минас-Тирит обложить, и обрушиться на нас с севера, перейти Андуин за Каменными Гигантами.

Чересчур осмотрительны мы все же не будем. И не промедлим. Наутро назначен смотр, после него сразу выступаем. Будь все иначе, я отправил бы наперехват врагу десять тысяч конных копьеносцев. Боюсь, придется послать меньше — нельзя же оставить крепости вовсе без охраны. Но шесть тысяч с лишком поедут за мной. Скажи Денэтору, что нынче войско поведет в Гондор сам конунг, и будь что будет. Надо лишь, чтобы дальняя дорога не обессилила людей и коней, поэтому с завтрашнего утра минет не меньше недели, прежде чем вы услышите с севера боевой клич сынов Эорла.

— Неделя! — воскликнул Хиргон. — Что ж, тебе виднее. Однако через семь дней вы, похоже, прискачете к разрушенным стенам — ну, хотя бы помешаете оркам и чернолицым пировать в Белой Крепости.

— На худой конец хоть пировать помешаем, — сказал Теоден. — Но будет: я приехал с поля брани, одолев долгий путь, и изрядно утомился. Оставайся в лагере на ночь. Утром увидишь ристанийское ополчение, и зрелище это тебя взбодрит, а отдых укрепит твои силы. Утро вечера мудренее: за ночь думы проясняются.

С этими словами конунг встал; за ним поднялись остальные.

— Ступайте отдыхать, — сказал он, — покойной вам ночи. И тебя, сударь мой Мериадок, на сегодня отпускаю. Зато поутру, чуть свет, будь готов явиться ко мне.

— Явлюсь по первому зову, — сказал Мерри, — и, если надо будет, готов ехать с тобой даже Стезей Мертвецов.

— Остерегайся зловещих слов! — покачал головой конунг. — Быть может, не одна дорога заслуживает этого имени. Но я тебя в такую дорогу не звал. Доброй ночи!

— Нет уж, не останусь я здесь дожидаться их возвращения! — твердил себе Мерри. — Ни за что не останусь, ни за что! — И, повторяя это на разные лады, он наконец заснул в своей палатке.

Разбудил его дружинник, тряся за плечо.

— Проснись, проснись, господин хольбитла! — звал он, и Мерри вдруг очнулся от глубокого сна и сел на постели. «Темно-то еще как», — подумал он. И спросил:

— Что случилось?

— Конунг ждет тебя.

— Да ведь еще солнце не взошло, — удивился Мерри.

— Нет, господин хольбитла, не взошло и сегодня не взойдет. Такая наползла темь, будто солнце и вовсе погасло. Но встанет ли солнце, нет ли, а время идет своим ходом. Поторопись!

Наспех одевшись, Мерри выглянул из палатки. В потемках, в мутно-бурой мгле, все виделось черным и серым, нигде ни единой тени: царило мертвящее затишье. Сплошная хмарь затянула небеса, лишь далеко на западе чуть брезжило из-под низкого рваного края тучи, как бы сквозь крючковатые пальцы. Тяжко нависал слепой и темный небосвод, и меркли последние дальние отсветы.

Потом Мерри заметил, что кругом стоят серолицые люди, угрюмо или испуганно поглядывая вверх и вполголоса переговариваясь. Он сильно приуныл и пробрался к шатру конунга. Хиргон был уже там, рядом с ним стоял другой гонец, одетый так же и похожий на него, только пониже и плечистее. Когда Мерри вошел, он говорил конунгу:

— Из Мордора надвинулась она, государь. Вчера поползла, на закате. С Истфольдского всхолмья видел я, как она поднялась и потом нагоняла меня, застилая небо и угашая звезды. Весь край отсюда до Изгарных гор объят темнотой, и сумрак сгущается. Видно, война уж началась.

Настало молчание, и наконец конунг вымолвил:

— Да, чему быть, того не миновать. Значит, вот-вот она грянет, великая битва наших дней, и многое сгубит она безвозвратно. Что ж, теперь хоть нет нужды скрываться. Поскачем во весь опор напрямик по равнине. Смотр начинаем сейчас, опоздавших ждать не будем. Достанет ли припасов там у вас в Минас-Тирите? А то ведь быстро ехать можно лишь налегке, взяв самую малость воды и съестного.

— Припасов достанет с избытком, — отвечал Хиргон. — Берите как можно меньше и скачите как можно быстрее!

— Созывай герольдов, Эомер, — сказал Теоден. — Строиться к походу!

Эомер вышел. Вскоре в Укрывище зазвучали трубы, и десятки других откликнулись снизу, но трубное пение уже не казалось Мерри, как накануне, зычным и властным хором. Глухое и сиплое, зловещее завывание тонуло в душной мгле.

Конунг обратился к Мерри.

— Я еду на войну, сударь мой Мериадок, — сказал он. — Через час-другой отправляемся в путь. Ты свободен от моей службы, но приязни моей не теряешь. Оставайся здесь и, если угодно тебе, послужи царевне Эовин — она будет править вместо меня.

— Да как же так, государь, — запинаясь, произнес Мерри. — Я ведь принес клятву на мече! Нет, конунг Теоден, не свободен я от твоей службы. Да и друзья мои все поехали на битву, стыдно было бы мне здесь отсиживаться.

— Но мы поедем на больших, быстрых скакунах, — сказал Теоден. — Ты с таким не управишься, одной отваги для этого мало.

— Тогда привяжите меня к седлу или как-нибудь там к стремени, — упорствовал Мерри. — Бежать уж больно далеко, но раз нельзя ехать, давайте я побегу — только вот ноги, наверно, собью и опоздаю недели на две.

— Чем так, я тебя лучше бы довез на Белогриве, — усмехнулся Теоден. — Ладно, езжай со мной в Эдорас, поглядишь на Медусельд — сперва мы туда отправимся. Да пока что и Стибба не оплошает: настоящая скачка начнется потом, на равнине.

Тут поднялась Эовин.

— Пойдем, Мериадок! — сказала она. — Пойдем, примеришь доспех, что я тебе подобрала. — Они вышли вместе. — Всего одна просьба была ко мне у Арагорна, — продолжала Эовин, когда они шли между шатрами, — он попросил снарядить тебя на битву. Надеюсь, ты останешься доволен, и уверена, что доспех тебе непременно пригодится.

Она подвела Мерри к одной из палаток для стражи конунга, и оружничий вынес оттуда маленький шлем, круглый щит и прочее снаряжение.

— Кольчуги по твоему росту не нашлось, — сказала Эовин, — и выковать на тебя панцирь уже не успеем, зато вот тебе плотная кожаная куртка, ремень и кинжал. Меч у тебя есть.

Мерри поклонился, и царевна подала ему щит чуть поменьше того, какой в свое время получил Гимли, с белым конем на зеленом поле.

— Облачайся в доспех, — сказала она, — и да сослужит он тебе добрую службу! Прощай же, Мериадок! Но, быть может, мы с тобой еще встретимся.

В густеющем сумраке строилось ристанийское ополчение у восточной дороги. Тревога сжимала сердца, и многих терзал страх. Но крепки духом были ристанийцы и преданы своему государю: даже в Укрывище, где приютили женщин, детей и стариков из Эдораса, почти не было слышно ни рыданий, ни ропота. Грозную судьбу встречали молча, лицом к лицу.

Пролетели два часа, и вот уж Теоден сидел на своем белом коне; шерсть Белогрива серебрилась в потемках. Высок и величав был всадник, хотя из-под шишака его ниспадали на плечи седые пряди, и понурые ратники бодрились, взирая на своего бесстрашного и непреклонного вождя.

На широких лугах возле шумной реки стояли строй за строем без малого пятьдесят пять сотен конников в полном вооружении и еще несколько сотен воинов при запасных конях с легкой поклажей. Одиноко запела труба. Конунг поднял руку, и двинулась молчаливая рать Мустангрима. Впереди ехали двенадцать телохранителей конунга, прославленные витязи, за ними сам Теоден и Эомер одесную. Они распростились с Эовин наверху, в Укрывище, и горька была память прощания, но думы их устремлялись вперед. Затем ехали посланцы Гондора и Мерри на своем пони, а следом — еще двенадцать телохранителей. Ехали мимо длинного строя конников; суровы и недвижны были их лица. Уж почти миновали строй, как вдруг один из конников повернул голову и пристально поглядел на хоббита. «Совсем еще юноша, — подумал Мерри, встретив его взгляд, — невысокий, худощавый». Он уловил отсвет ясных серых глаз и вздрогнул, внезапно поняв, что в лице этом нет надежды, что его затеняет смерть.

Серая дорога вела вдоль берега Снеговой, бурлящей в каменьях, мимо селений Ундерхерга и Обернана, где скорбные женские лица выглядывали из тесных дверей. Войско не провожали в путь ни рога, ни арфы, ни поющие голоса. Так начался великий поход на восток, о котором слагали песни многие поколения ристанийцев.

Из темного Дунхерга в тусклое утро
Вывел сын Тенгела свою последнюю рать
И достиг Эдораса, но царственные чертоги,
Старинные, златоверхие, были застланы мглой.
Здесь, в обители предков, он распростился с народом,
Со своим свободным народом и с очагом своим.
Простился с высоким троном и с благословенным кровом,
Под которым он пировал в былые светлые дни.

И дальше поехал конунг, по пятам за ним гнался ужас.
Впереди ожидал рок. Но он присягал на верность,
Он принес нерушимую клятву, и он исполнил ее.
Теоден ехал дальше. Пять дней и ночей
Мчались эорлинги вперед восточным путем
Через Фольд и Фенмарк, через Фириэнвуд.
Шесть тысяч копьеносцев мчались через Санлендинг
К могучей твердыне Мундбург у горы Миндоллуин,
К столице Государей, из-за Моря приплывших,
Теперь осажденной врагами и окруженной огнем.
Судьба торопила их, и темнота поглотила,
Поглотила коней и конников, и стук уходящих копыт
Заглох в тишине: так нам поведали песни.

Когда конунг приехал в Эдорас, Медусельд и вправду был застлан мглой, хотя полдень едва наступил. Задержался он здесь ненадолго, и к войску его примкнули десятков шесть всадников, опоздавших на сбор. После короткой трапезы он велел готовиться в путь и ласково простился со своим оруженосцем. Но Мерри еще напоследок попробовал умолить его.

— Я ведь тебе объяснил: такой поход Стибба не осилит, — сказал Теоден. — И к тому же сам посуди, сударь мой Мериадок: пусть ты и при мече и не по росту отважен, но что тебе делать в таком бою, какой нас ждет под стенами гондорской столицы?

— Мало ли, тут не угадаешь, — возразил Мерри. — И зачем тогда, государь, ты взял меня в оруженосцы — не затем разве, чтобы в битве я был рядом с тобой? И чем помянут меня в песнях, коли я буду все время оставаться неприкаянным?

— Взял я тебя в оруженосцы, чтоб с тобой ничего не стряслось, — отвечал Теоден. — Чтоб ты был под рукой. А в походе ты будешь лишним бременем. Случись битва у моих ворот, может статься, в песнях и помянули бы твои подвиги, но до Мундбурга, где правит Денэтор, больше ста двух лиг. Это мое последнее слово.

Мерри поклонился и уныло побрел прочь, оглядывая ряды воинов. Все уже стояли наготове: потуже затягивали пояса, проверяли подпруги, ласкали коней, иные тревожно косились на почерневшее небо. Кто-то незаметно подошел к хоббиту и шепнул ему на ухо:

— У нас говорят: «Упорному и стена не препона», я это на себе проверил. — Мерри поднял глаза и увидел юношу, которого заметил поутру. — А ты, по лицу видно, хочешь ехать вслед за государем.

— Да, хочу, — подтвердил Мерри.

— Вот и поедешь со мной, — сказал конник. — Я посажу тебя впереди, укрою плащом, а там отъедем подальше, и еще

стемнеет. Ты упорен — так будь же по-твоему. Ни с кем больше не говори, поехали!

— Очень, очень тебе благодарен! — пролепетал Мерри. — Благодарю тебя, господин... прости, не знаю твоего имени.

— Не знаешь? — тихо сказал конник. — Что ж, называй меня Дернхельмом.

Так и случилось, что, когда конунг выехал в поход, впереди ратника Дернхельма на большом сером скакуне Вихроноге сидел хоббит Мериадок, и коня он не тяготил, потому что Дернхельм был легкий седок, хотя сложен крепко и ловок на диво.

Они углублялись во тьму. Заночевали в зарослях ивняка, за двенадцать лиг к востоку от Эдораса, у слияния Снеговой и Онтавы. Потом ехали через Фольд и через Фенмарк, мимо больших дубрав по всхолмьям, осененным черной громадой Галифириэна на гондорской границе, а слева клубились болотные туманы над устьями Онтавы. Тут их настигли вести о войне на севере: одинокие, отчаянные беглецы рассказывали, что с востока вторглись полчища орков, что враги заполнили Ристанийскую степь.

— Вперед! Вперед! — приказал Эомер. — Сворачивать поздно, а онтавские болота защитят нас с фланга. Прибавим ходу. Вперед!

И конунг Теоден покинул Ристанию; войско его мчалось по извилистой нескончаемой дороге, и справа возникали вершины: Кэленхад, Мин-Риммон, Эрелас, Нардол. Но маяки на них не горели. Угрюмый край объяла страшная тишь; впереди сгущалась темнота, и надежда угасла в сердцах.

Глава IV

НАШЕСТВИЕ НА ГОНДОР

Пина разбудил Гэндальф. Теплились зажженные свечи, окна застилала тусклая муть, и было душно, как перед грозой, — вот-вот громыхнет.

— Сколько времени-то? — зевая, спросил Пин.

— Третий час, — отвечал Гэндальф. — Пора вставать, теперь твое дело служивое. Градоправитель вызывает тебя — верно, распорядиться хочет.

— И завтраком накормит?

— Нет! Вот твой завтрак, и до полудня больше ничего не жди. Кормить будут впроголодь, привыкай.

Пин уныло поглядел на ломоть хлеба и совсем уж какой-то маленький кусочек масла, на чашку с жидким молоком.

— И зачем ты меня сюда привез? — вздохнул он.

— Прекрасно знаешь, зачем, — отрезал Гэндальф. — Чтоб ты больше ничего не натворил, а коли здесь тебе не нравится, не взыщи: сам виноват.

Пин прикусил язык.

И вот он уже шагал рядом с Гэндальфом по длинному холодному залу к дверям Башенного чертога. Денэтор сидел так неподвижно, словно затаился в сером сумраке. «Ну, точь-в-точь старый паук, — подумал Пин, — похоже, он и не шелохнулся со вчерашнего». Гэндальфу был подан знак садиться, а Пин остался стоять — его даже взглядом не удостоили. Но вскоре он услышал обращенные к нему слова:

— Ну как, господин Перегрин, надеюсь, вчера ты успел порезвиться и оглядеться? Боюсь только, стол у нас нынче скудный, ты не к такому привык.

Пину показалось, будто, что ни скажи, что ни сделай, об этом немедля узнает Градоправитель, для которого и мысли чужие тоже не тайна. И он промолчал.

— К чему же мне тебя приставить?

— Я думал, государь, об этом ты сам мне скажешь.

— Скажу, когда узнаю, на что ты годен, — обещал Денэтор. — И наверно, узнаю скорее, если ты будешь при мне. Служитель моих покоев отпросился в передовую дружину, и ты его покуда заменишь. Будешь мне прислуживать, будешь моим нарочным, будешь занимать меня беседой между делами войны и совета. Ты петь умеешь?

— Умею, — сказал Пин. — Ну, то есть умею, судя по-нашему. Только ведь наши песенки не годятся для здешних высоких чертогов, и не идут они к нынешним временам, государь. У нас ведь что́ самое страшное? Ливень да буран. И поем-то мы обычно о чем-нибудь смешном, песни у нас застольные.

— А почему ж ты думаешь, что такие ваши песни не к месту и не ко времени? Разве нам, обуянным чудовищной Тенью, не отрадно услышать отзвуки веселья с дальней и светлой стороны? Недаром, стало быть, охраняли мы ваши, да и все другие края, не уповая ни на чью благодарность.

Пин очень огорчился. Вот только этого не хватало — распевай перед властителем Минас-Тирита хоббитские куплеты, тем более смешные, в которых уж кто-кто, а он-то знал толк. Но покамест обошлось. Не было ему велено распевать куплеты. Денэтор обратился к Гэндальфу, расспрашивал его про Мустангрим, про тамошние державные дела и про Эомера, племянника ко-

нунга. А Пин знай себе дивился, откуда это здешнему государю столько известно про дальние страны — сам-то небось давным-давно не бывал дальше границы.

Наконец Денэтор махнул Пину рукой — иди, мол, пока что не нужен.

— Ступай в оружейную, — сказал он. — И оденься, как подобает башенному стражу. Там все для тебя готово, вчера я распорядился.

И точно, все было готово: Пин облачился в причудливый черно-серебряный наряд. Сыскали ему и кольчугу — наверно, из вороненой стали, а с виду вроде гагатовую; шлем с высоким венцом украшен был по бокам черными крылышками, а посредине — серебряной звездочкой. Поверх кольчуги полагалась черная накидка, на которой серебром было вытканно Древо. Прежние его одежды свернули и унесли; серый лориэнский плащ, правда, оставили, однако носить его на службе не велели. И стал он теперь, на чужой взгляд, сущим Эрнил-и-Ферианнатом, невысоклицким князем, как его именовали гондорцы, и было ему очень не по себе. Да и сумрак нагнетал уныние.

Тянулся беспросветный день. От бессолнечного утра до вечера чадные потемки над Гондором еще отяготели, дышалось трудно, теснило грудь. Высоко в небесах ползла на запад огромная тяжкая туча, она пожирала свет, ее гнал ветер войны, а внизу стояло удушье, будто вся долина Андуина ожидала неистовой бури.

В одиннадцатом часу его наконец ненадолго отпустили. Пин вышел из башни и отправился поесть-попить, авось дадут, а заодно встряхнуться — не по нутру ему пришлась нудная дворцовая служба. В столовой он встретил Берегонда — тот как раз вернулся из-за пеленнорских рубежей, от сторожевых башен. Пин позвал его прогуляться к парапету: измаяли его каменные мешки и даже высокие своды цитадели давили нестерпимо. Они уселись рядом возле бойницы, глядевшей на восток, — той самой, где они угощались и беседовали накануне.

Был закатный час, но неоглядная пелена уже простерлась далеко на запад, и, лишь уходя за Море, солнце едва успело пронизать ее прощальными лучами; они-то, на радость Фродо, и озарили у развилки голову поверженного государя. Но на Пеленнорские пажити в тени Миндоллуина не пал ни единый отблеск, там застоялась бурая мгла.

Пину казалось, что сидел он здесь много-много лет назад, в какие-то полузабытые времена, когда был еще хоббитом, беспечным странником, которому все невзгоды нипочем. Нынче он стал маленьким воином, защитником белокаменного града

от великой беды, в мраморном и чинном убранстве башенного стража.

В другое время и в другом месте Пин, может, и возгордился бы таким убранством, но сейчас он понимал, что дело его нешуточное, что в жизни его и смерти волен суровый властитель, а гибель висит над головой. Кольчуга обременяла его, шлем сдавливал виски. Накидку он снял и бросил на скамью. Усталыми глазами окинул он темневшие внизу поля, зевнул и горько вздохнул.

— Что, устал за день? — спросил Берегонд.

— Еще бы не устал, — сказал Пин, — с ног падаю от безделья. Час за часом околачивался у дверей своего господина, пока он принимал Гэндальфа, князя Имраиля и прочих важных особ. А ведь я, знаешь ли, Берегонд, совсем не привык прислуживать за столом, щелкая зубами от голода. Хоббиты этому не обучены. Ты, конечно, скажешь: зато, мол, честь какая! Да проку-то что в этой чести? Да если на то пошло, что проку даже есть-пить в этих ползучих потемках! А тебе не темновато? Смотри, не воздух, а какое-то бурое месиво! И часто у вас ветер с востока нагоняет такие туманы?

— Да нет, — сказал Берегонд, — погода тут ни при чем. Это вражьи козни: не иначе как из недр Огненной горы валит этот гнусный чад — он и душу мутит, и рассудок туманит, а Врагу того и надо. Скорее бы Фарамир воротился! Только вот вернется ли он из-за Реки, из тамошней кромешной тьмы?

— Н-да, — сказал Пин. — Гэндальф тоже за него тревожится. Он, по-моему, сильно огорчился, что Фарамира нет в городе. Сам-то он, кстати, куда подевался? Ушел с совета еще до полуденной трапезы, хмурый-прехмурый: видно, ничего доброго не ожидал.

Внезапно оба онемели на полуслове, беспомощно цепенея. Пин съежился, прижав ладони к ушам. Берегонд, который, говоря о Фарамире, стоял у бойницы, там и застыл, всматриваясь в темень глазами, полными ужаса. Пин знал этот надрывный вопль, он слышал его когда-то в Хоббитании, на Болотище; но здесь он звучал куда громче и яростнее, отравляя сердце безысходным отчаянием. Наконец Берегонд с усилием заговорил.

— Явились! — сказал он. — Наберись мужества и посмотри! Вон они, эти лютые твари.

Пин нехотя влез на скамью и глянул между зубцами. Покрытый мглою лежал Пеленнор, и едва угадывалась вдали Великая Река. А над землею, вполвысоты стен, кружили, точно жуткие ночные тени, пять подобий птиц, мерзкие, как стервятники, но больше всякого орла, и смерть витала с ними. Они проноси-

лись поблизости, почти на выстрел от стен, улетали к реке и возвращались.

— Черные Всадники! — проговорил Пин. — Черные Всадники в небесах! Погоди-ка, Берегонд! — вдруг воскликнул он. — Они же явно что-то высматривают! Гляди, как они кружат, потом кидаются вниз, и все вон там! А видишь, там по земле что-то движется? Маленькие темные фигурки... Ну да, верховые — четверо или пятеро. Ой, опять! Гэндальф! Гэндальф, спаси нас!

Разнесся, нарастая, новый пронзительный вопль, и он отпрянул от стены, задыхаясь, как затравленный зверек. Но потом далеко внизу прерывисто, едва слышно запела труба, и звук ее стих на высокой протяжной ноте.

— Фарамир! Это Фарамир! Это его сигнал! — воскликнул Берегонд. — Вот смельчак! Но как же он доскачет до ворот, если эти летучие гады умеют не только пугать? Смотри ты, скачут, уже не так и далеко! Эх, лошади шарахнулись! Сбросили седоков... те поднялись... бегут! Нет, один еще в седле, возвращается к своим. Наверняка это он, Фарамир, — ему и люди, и кони покорны. Ах ты, гнусная тварь, налетела, кидается! Да на подмогу же, на подмогу! Чего они там? Фарамир!

Берегонд одним прыжком исчез во мраке. А Пин устыдился: что ж он тут корчится от страха, когда Берегонд без оглядки поспешил выручать вождя? Он снова заглянул в бойницу и увидел, как вспыхнула на севере серебряно-белая звездочка, вспыхнула и покатилась на сумрачные поля. Да нет, не покатилась, она мчалась быстрее стрелы, разгораясь все ярче и нагоняя четверых воинов, бегущих к Вратам. Пину почудилось, будто ее бледный свет разгоняет вязкие тени, все ближе была она, и загудело в крепостных стенах эхо могучего возгласа.

— Гэндальф! — отозвался Пин. — Гэндальф! Когда уж надеяться не на что, он тут как тут! Вперед! Вперед, Белый Всадник! Гэндальф, Гэндальф! — кричал он во всю мочь, невесть зачем и кому, как зритель на скачках.

Но и кружащие черные тени заметили нового всадника, и одна из них ринулась к нему, а всадник, видимо, поднял руку — и полыхнула белая молния. Назгул с исступленным воем метнулся прочь; за ним свернули четыре остальных — и витками умчались на восток, скрывшись в нависшей туче; и Пеленнорские пажити, казалось, чуть-чуть посветлели.

Пин следил, как верховой и Белый Всадник съехались и ожидали пеших. Подоспели ратники из города, и вскоре толпу не стало видно со стены — наверно, зашли во Врата. Пин рассудил, что они немедля поднимутся в Башню, к наместнику, и скорее побежал встречать их у входа в цитадель. Там уже собра-

лось много народу — из тех, кто наблюдал со стен погоню и нечаянное спасение.

Ждать пришлось недолго: с ближних улиц послышался многоголосый приветственный гул, возглашали имена Фарамира и Митрандира. Пин увидел факелы и двух всадников, продвигавшихся в окружении толпы: один был в белом, но потускнел, сияние его угасло или сокрылось; второй, темный, ехал, опустив голову. Они спешились, препоручив конюхам Светозара и другого коня, и подошли к часовому у ворот: Гэндальф твердым шагом, серая хламида за плечами, с грозным отсветом в глазах; спутник его, в зеленом, медленно и немного пошатываясь, как смертельно усталый или раненый.

Пин протеснился вперед, когда они подходили к фонарю под аркой, и, увидев бледное лицо Фарамира, затаил дыхание. Видно было, что он перенес смертный ужас и муку — перенес, преодолел и остался самим собой. Он задержался перемолвиться словом с часовым, спокойный и властный, а Пин глядел на него и думал, как он похож на своего брата Боромира, который Пину сразу же, еще в Раздоле, очень понравился и величавой осанкой, и ласковым обращением. Но Фарамир совсем иначе тронул его сердце — такого чувства он еще не испытывал. В нем было высокое благородство, напоминавшее Арагорна, ну, может, менее высокое, зато ближе и понятнее: властитель иного склада, других времен, он все же наследовал и древнюю мудрость, и древнюю скорбь. Недаром так любовно говорил о нем Берегонд. За таким хоть в огонь — и пойдут, и Пин пошел бы за ним даже в гибельную тень черных крыл.

— Фарамир! — звонко выкрикнул он. — Фарамир! — И Фарамир, расслышав странный голосок средь общих кликов, обернулся, увидел его и замер от изумления.

— Откуда ты взялся? — проговорил он. — Невысоклик в наряде башенного стража! Откуда?..

На это ответил, шагнув к ним, Гэндальф.

— Со своей родины, из невысоклицкого края, — сказал он. — А привез его я. Пошли, пошли: дел впереди много, речей тоже, а ты еле живой. Он пойдет с нами. Да ему и надо с нами — совсем я забыл, и он, видно, тоже: хорош гусь, давно уж должен бы стоять возле своего повелителя. Идем, Пин, не отставай!

И они пришли в отдаленный дворцовый покой. Там близ жаровни с угольями расставлены были сиденья, принесли вино. Пин как бы невидимкой оказался за спиной Денэтора и забыл о своей усталости, жадно ловя каждое слово.

Фарамир преломил белый хлеб, пригубил вино и сел по левую руку отца; справа, поодаль сидел Гэндальф в высоком рез-

ном кресле и сначала едва ли не дремал. Потому что Фарамир сначала поведал о том, как исполнено поручение десятидневной давности: рассказывал, что творится в Итилии, о передвижениях войск Врага и его пособников, о придорожной битве, в которой истреблен был отряд хородримцев с громадным боевым зверем, — словом, вернулся с рубежа военачальник и, как водится, доносит государю про пограничные стычки, про заботы и тревоги, вчера еще насущные, а нынче ничтожные.

Затем Фарамир вдруг посмотрел на Пина.

— А теперь о делах диковинных, — сказал он. — Из северных сказаний к нам на юг явился не один лишь этот невысоклик.

Тут Гэндальф выпрямился, стиснув подлокотники кресла, но ни слова не промолвил и осадил взглядом Пина — в самую пору, тот едва не вскрикнул. Денэтор покосился на них и медленно кивнул — дескать, ему и так все понятно. Слушали молча, недвижно, и неторопливо рассказывал Фарамир, большей частью обращаясь к Гэндальфу и порой переводя глаза на Пина: припоминал, должно быть, тех двоих.

Фарамир рассказывал, как ему подвернулся Фродо со слугой, как те переночевали в Хеннет-Аннуне, и Пин заметил, что руки Гэндальфа дрожат, сжимая резные подлокотники. Руки были мучнисто-белые и очень дряхлые; Пин глядел на них и с ужасом понимал, что Гэндальф, сам Гэндальф не только встревожен, а прямо-таки испугался. Стояла затхлая духота. Фарамир закончил рассказ о проводах путников, которые решились идти к Кирит-Унголу; он смолк, покачал головой и вздохнул. Гэндальф вскочил на ноги.

— К Кирит-Унголу? Через Моргульскую долину? — повторил он. — Когда это было, когда? Когда ты с ними расстался? Сколько им ходу до этой гиблой долины?

— Расстался я с ними третьего дня утром, — отвечал Фарамир. — Идти им до Моргулдуина было пятнадцать лиг — это если прямиком на юг, а оттуда пять с лишком лиг на восток до проклятой башни. Раньше, чем сегодня, они дойти никак не могли, а может, и сейчас еще в пути. Я понял твои опасения: нет, не из-за них нахлынула темень. Она поползла вчера вечером и за ночь окутала всю Итилию. У Врага все давным-давно расчислено, и он начал наступление день в день, час в час; наши путники тут ни при чем.

Гэндальф мерил пол шагами.

— Позавчера утром, почти три дня назад! А где вы распрощались, далеко отсюда?

— Птичьего полета лиг двадцать пять, — отозвался Фарамир. — Но я не мог вернуться скорее. Еще ввечеру мы стояли дозором на Каир-Андросе, это такой длинный речной островок,

там у нас северная застава, а кони были на этом берегу, четыре коня. Когда надвинулась темь, я понял, что мешкать не след, взял с собою троих дружинников, а прочих послал укрепить отряд на осгилиатской переправе. Надеюсь, я верно распорядился? — Он посмотрел на отца.

— Верно ли? — воскликнул Денэтор, и глаза его засверкали. — Зачем ты меня об этом спрашиваешь? Люди были у тебя под началом. Разве ты привык советоваться со мной? Держишься ты почтительно, однако поступаешь всегда по-своему, не спрашивая моего совета. Вот и сейчас стелил мягко, но я-то видел, что ты глаз не сводишь с Митрандира — мол, не проговорился ли о чем невзначай? Давно уж он прибрал тебя к рукам. Сын мой, отец твой стар, но из ума еще не выжил. Я, как прежде, слышу и вижу все — и легко разгадываю твои недомолвки и умолчание. Мало что можно от меня утаить. Ах, был бы жив Боромир!

— Видно, ты недоволен мною, отец, — спокойно сказал Фарамир, — и мне жаль, что, не ведая, как бы ты рассудил, я должен был сам принять столь важное решение.

— А то бы решил иначе? — насмешливо спросил Денэтор. — Наверняка поступил бы так же, я тебя знаю. Ты взял за образец властителей древности и стараешься выглядеть, как они, — величественным и благородным, милостивым и великодушным. Что ж, так и подобает потомку высокого рода, доколе он правит с миром. Но в роковую годину за великодушие можно поплатиться жизнью.

— Да будет так, — сказал Фарамир.

— Так и будет! — вскричал Денэтор. — И не только своей жизнью, любезный мой Фарамир: погибнет и твой отец, и твой народ, за который ты в ответе — теперь, когда нет Боромира.

— Ты хотел бы, — спросил Фарамир, — чтобы он был на моем месте?

— Конечно, хотел бы, — сказал Денэтор. — Боромир был предан мне, а не заезжему чародею. Уж он бы не забыл об отце, не отшвырнул бы подарок судьбы! Он принес бы мне этот великий дар.

— Прошу тебя, отец, — наконец не сдержался Фарамир, — прошу тебя, припомни, отчего в Итилии нынче вместо него оказался я. В свое время, и не так уж давно это было, решение принял ты: волею Градоправителя отправился в путь Боромир.

— Не подбавляй горечи в мою и без того горькую чашу, — сказал Денэтор. — Много бессонных ночей я вкушаю из нее отраву и думаю, неужто осадок будет еще горше? Вот он и осадок. Что ж ты наделал! Ах, если бы оно досталось мне!

— Утешься! — сказал Гэндальф. — Не досталось бы оно тебе, Боромир не отдал бы его. Он умер смертью храбрых, мир его

праху! Но ты обманываешься: он взял бы то, о чем ты говоришь, на погибель себе. Он стал бы его владельцем, и, если б вернулся, ты не узнал бы сына.

Твердо и холодно поглядел на него Денэтор.

— Должно быть, с тем было не так легко управиться? — тихо сказал он. — Я отец Боромира, и я ручаюсь, что он бы принес его мне. Ты, Митрандир, может, и мудр, но не перемудрил ли ты сам себя? Есть ведь иная мудрость, превыше чародейских оков и опрометчивых решений. И я сопричастен ей больше, нежели ты думаешь.

— В чем же твоя мудрость? — спросил Гэндальф.

— Хотя бы в том, что я вижу, чего делать нельзя. Нельзя его использовать — это опасно. Но в нынешний грозный час отдать его безмозглому невысоклику и отправить в руки к Врагу, как сделал ты и следом за тобой мой младший сын, — это безумие.

— А как поступил бы наместник Денэтор?

— По-своему. Но ни за что не отправил бы его наудачу, безрассудно обрекая нас на злейшую гибель, если Враг вернет свое всемогущество. Нет, *его* надо было схоронить, упрятать в темной, потаенной глуби. И не трогать, сказал я, не трогать помимо крайней нужды. Чтоб Тот не мог до *него* добраться, не перебив нас всех, — а тогда пусть торжествует над мертвецами.

— Ты, государь, как обычно, помышляешь об одном Гондоре, — сказал Гэндальф. — Есть ведь другие края и другие народы, да и времени твоя смерть не остановит. А мне... мне жаль даже его послушных рабов.

— Кто поможет другим народам, если Гондор падет? — возразил Денэтор. — Будь *оно* сейчас укрыто в подземельях моей цитадели, мы не трепетали бы в потемках, ожидая неведомых ужасов, и был бы у нас совет, а не перебранка. Думаешь, такое искушение мне не по силам? Плохо ты меня знаешь.

— И все же думаю, что не по силам, — сказал Гэндальф. — Если б я так не думал, я просто прислал бы *его* сюда тебе на хранение, и дело с концом. А послушав тебя, скажу: Боромир и тот внушал мне больше доверия. Погоди, не гневись! Себе я тоже ничуть не доверяю, я отказался принять *его* дар. Ты силен духом, Денэтор, и пока еще властен над собой, хоть и не во всем, но *оно* сильнее тебя. Схорони ты *его* в горной глуби под Миндоллуином, *оно* и оттуда испепелило бы твой рассудок, ибо велика *его* мощь в наступающей тьме, велика и еще растет с приближением тех, кто чернее тьмы.

Горящие глаза Денэтора были устремлены на Гэндальфа, и Пин вновь ощутил, как скрестились их взгляды, на этот раз сущие клинки — казалось, даже искры вспыхивали. Ему стало страшно: чего доброго, гром грянет. Но Денэтор вдруг откинулся в кресле, и взор его потух. Он пожал плечами.

— Если бы я! Если бы ты! — сказал он. — Пустые речи начинаются с «если». *Оно* исчезло во тьме, со временем узнаем, что сталось с *ним* и что ожидает *нас*. Очень скоро узнаем... А пока что будем воевать с Врагом кто как умеет, доколе хватит надежды; потом хватило бы мужества умереть свободными. — Он обернулся к Фарамиру. — Крепка ли рать в Осгилиате?

— Мала, — сказал Фарамир. — Я, как ты помнишь, выслал им на подмогу свою итилийскую дружину.

— Еще надо послать людей, — сказал Денэтор. — Туда обрушится первый удар. Им бы нужен воевода понадежнее.

— Не только им, везде нужен, — сказал Фарамир и вздохнул. — Как тяжко думать о брате, которого я тоже любил! — Он поднялся. — Позволь мне идти, отец? — И, шатнувшись, оперся на отцовское кресло.

— Я вижу, ты устал, — сказал Денэтор. — Мне говорили, что ты примчался издалека и лютые призраки кружили над тобой.

— Не будем вспоминать об этом! — сказал Фарамир.

— Так не будем же, — подтвердил Денэтор. — Иди отдыхай, сколько время позволит. Завтра придется еще труднее.

Все трое удалились из покоя Градоправителя — и то сказать, времени на отдых оставалось немного. В беззвездной темноте Гэндальф с Пином, который нес маленький фонарь, брели к своему жилищу. По дороге ни тот, ни другой не промолвил ни слова, и, лишь притворив дверь, Пин робко тронул руку Гэндальфа.

— Скажи мне, — попросил он, — хоть какая-то надежда есть? Я про Фродо, ну, и про нас тоже, но сперва про него.

Гэндальф положил руку на голову Пина.

— Особой надежды никогда не было, — ответил он. — Только безрассудная, это Денэтор верно сказал. И когда я услышал про Кирит-Унгол... — Он осекся и подошел к окну, будто хотел проникнуть взглядом сквозь мрак на востоке. — Кирит-Унгол! — пробормотал он. — Зачем они туда пошли, хотел бы я знать? — Он обернулся. — При этих словах, Пин, у меня дыхание перехватило. А вот подумавши, сдается мне, что вести Фарамира не так уж безнадежны. Сомнения нет: когда Враг начал войну, как наметил, Фродо ему еще не попался. Стало быть, теперь он день за днем будет шарить Багровым Оком по сторонам, за пределами Мордора. Но знаешь ли, Пин, я издали чую, что он поспешил и даже, как ни странно, испугался. Что-то все же случилось, что-то его встревожило...

Гэндальф задумался.

— Может быть, — проговорил он. — Может быть, дружок, и твоя дурость пригодилась. Погоди-ка: пять, кажется, дней назад

он узнал, что мы разделались с Саруманом и завладели палантиром. Ну и что? Толку от него никакого, да тайком от Врага в Камень и не поглядишь. Ага! Уж не Арагорн ли? Время его приспело. А сила в нем, Пин, непомерная, и он тверже алмаза — отважный и решительный, хладнокровный и дерзновенный. Да, наверно, он. Должно быть, он поглядел в Камень, предстал перед Врагом и назвался — затем и назвался, чтоб Тот... Видимо, так. Но мы не узнаем, так или нет, пока не прискачут ристанийские конники — лишь бы не опоздали. Да, страшные ждут нас дни. Скорее на боковую!

— Только... — замялся Пин.

— Что «только»? — строго спросил Гэндальф. — Вот «только» этот вопрос — и все.

— Горлум-то при чем? — сказал Пин. — Как это могло случиться, что они идут с ним, что он у них провожатый? И Фарамиру это место, куда он их повел, нравится не больше твоего. В чем же дело?

— Чего не знаю, того не знаю, — отозвался Гэндальф. — Сердце мне подсказывало, что Фродо с Горлумом непременно встретятся: к добру ли, к худу ли — как обернется. Про Кирит-Унгол нынче больше ни слова. Предательства я боюсь, предательства: предаст их эта жалкая тварь. Но будь что будет. Может статься, предатель проведет самого себя и невольно совершит благое дело. Иной раз бывает и так. Доброй ночи!

Утро потонуло в бурых сумерках, и гондорцы, накануне обнадеженные появлением Фарамира, снова пали духом. Крылатые призраки не показывались, но высоко над городом то и дело разносился отдаленный вопль; заслышав его, одни на миг цепенели, другие, послабее, плакали от ужаса.

А Фарамир опять уехал.

— Передохнул бы хоть немного, — ворчали ратники. — Государь не жалеет своего сына: он воюет за двоих — за себя и за того, который не вернется.

И многие, глядя на север, вопрошали:

— Где же все-таки ристанийские конники?

Уехал Фарамир не по своей воле. Военный совет возглавлял Градоправитель, и был он в этот день неуступчив. Совет собрался рано утром. Общий глас присудил, что из-за угрозы с юга войска у них мало и отразить нашествие не удастся, разве что подойдут ристанийцы. Пока их нет, надо всех ратников собрать в городе и разместить по стенам.

— Однако, — возразил Денэтор, — нельзя же без боя покидать Раммас-Экор, великую крепь, раз уж мы ее такими трудами отстроили. И нельзя позволять им переправиться без урона.

Войско для осады им нужно огромное, не смогут они переправить его ни к северу от Каир-Андроса — там болота, ни на юге — там Андуин широк, у них лодок не хватит. Стало быть, они пойдут на Осгилиат — как и прежде, когда Боромир их отразил.

— Тогда это был просто-напросто набег, — заметил Фарамир. — А нынче, если даже мы их положим десятерых на одного нашего — что им этот урон! Силы уж очень неравные: для них и тысяча не в счет, а для нас и сотня — огромная потеря. Да при отступлении к городу от крепи нам и вовсе несдобровать — могут отрезать и тогда перебьют всех до единого.

— А Каир-Андрос? — добавил князь Имраиль. — Оборонять Осгилиат — значит, удерживать и этот островок, но слева-то он не прикрыт! Мустангримцы, может, подоспеют, а может, и нет. Фарамир говорит, за Черными Вратами собралось бесчисленное воинство. Они могут выставить не одну рать и ударить с разных сторон.

— Волков бояться — в лес не ходить, — сказал Денэтор. — Есть дружина на Каир-Андросе — вот пусть и удерживают остров. Повторяю: нельзя сдавать пеленнорскую крепь и переправу без боя, и хорошо бы нашелся воевода, у которого хватит отваги исполнить приказ государя.

Воеводы молчали. Наконец Фарамир сказал:

— Не мне перечить тебе, государь. И кому как не мне попытаться заменить Боромира. Итак, ты велишь мне отстаивать переправу и крепь?

— Да, велю, — подтвердил Денэтор.

— Тогда прощай! — сказал Фарамир. — Но ежели я вернусь, смени гнев на милость!

— Смотря с чем ты вернешься, — отозвался Денэтор.

Фарамира провожал Гэндальф и сказал ему на прощание:

— Ты все-таки побереги себя, не кидайся в сечу на верную смерть. Война войной, а здесь, в городе, без тебя не обойтись. И отец твой любит тебя, Фарамир, он еще вспомнит об этом. Возвращайся же!

И вот Фарамир снова уехал, взяв с собой небольшой отряд добровольцев. В Минас-Тирите со стен вглядывались во мрак, застилавший руины древней столицы, и гадали, что там происходит, ибо видно ничего не было. А другие по-прежнему смотрели на север и высчитывали, далеко ли до них скакать Теодену Ристанийскому.

— Но он ведь придет на подмогу? Не изменил старинному союзу? — спрашивали они.

— Придет, — говорил Гэндальф, — даже если запоздает с подмогой. Но посудите сами: не раньше чем два дня назад вручили ему Багряную Стрелу, а от Эдораса до Минас-Тирита многие десятки миль.

Лишь к ночи примчался гонец с переправы; он сказал, что несметная рать вышла из Минас-Моргула и близится к Осгилиату, а с нею полчища рослых, свирепых хородримцев.

— Ведет ее, как встарь, — оповестил гонец, — Черный Повелитель Призраков, и смертный ужас предшествует ему.

Эти зловещие слова были последними, какие Пин услышал в свой третий день в Минас-Тирите. Почти всем было не до сна: мало оставалось надежды, что Фарамир отобьет или задержит врагов.

На следующий день темнота хоть больше и не сгущалась, но еще тяжелей давила на сердце, и страх не отпускал. Дурные вести не замедлили. Вражеская рать переправилась через Андуин. Сдерживая натиск, Фарамир отступал к пеленнорской крепи, к сторожевым башням, но врагов было десятеро на одного.

— Туго нам придется по эту сторону крепи, — сказал гонец. — От них не оторваться, идут по пятам. На переправе их много побили, но куда меньше, чем надо бы. Они хорошо подготовились: понастроили втайне на восточном берегу уймищу плотов и паромов. Воды было не видать — кишмя кишели. Но страшней всего Черный Главарь: один слух о нем цепенит самых стойких бойцов. Враги и те страшатся его пуще злой смерти, потому и лезут как очумелые.

— Тогда мое место там, а не здесь, — сказал Гэндальф и немедля умчался, исчезнув в темной дали серебристым промельком. И всю эту ночь Пин одиноко стоял на стене и глядел меж зубцов на восток.

Едва в сумраке словно в насмешку прозвонил утренний колокол, как за мутным простором Пеленнора показались огни — где-то там, у крепи. Тревожные возгласы караульных призвали к оружию всех ратников в городе. Красные вспышки зачастили, и в душной мгле прокатился глухой грохот.

— Штурмуют крепь! — слышалось кругом. — Проламывают стены! Сейчас прорвутся!

— Фарамир-то где? — в смятении воскликнул Берегонд. — Не погиб же он, не может этого быть!

Первые вести доставил Гэндальф. Он приехал ближе к полу-

дню с горсткой всадников, сопровождая повозки, забитые ранеными, — не многих удалось вынести из боя у сторожевых башен. Гэндальф сразу же поднялся к Денэтору. Градоправитель сидел теперь в высокой палате над тронным чертогом Белой Башни, и Пин был при нем. Денэтор переводил взгляд с тусклых северных окон на южные, с южных — на восточные, словно его черные горящие глаза проницали завесы обступившей тьмы. Но чаще всего смотрел он все же на север, а иногда и прислушивался, точно до ушей его силою некой древней ворожбы мог донестись топот копыт с далеких равнин.

— Фарамир вернулся? — спросил он.

— Нет, — отвечал Гэндальф. — Но, когда я его покинул, он был еще цел и невредим. Он остался с тыловым отрядом — прикрывать отступление через Пеленнор, только вряд ли они продержатся. Грозный у них противник — тот самый, кого я опасался.

— Неужели... неужели явился сам Черный Властелин? — в ужасе вскрикнул Пин, забыв о дворцовых приличиях.

— Нет, господин Перегрин, пока еще не явился! — с горьким смехом ответил ему Денэтор. — Он явится торжествовать надо мной, когда все будет кончено. А до поры до времени шлет воевать других. Так, сударь мой невысоклик, делают все великие владыки, не обделенные мудростью. Иначе зачем бы сидел я здесь на башне, наблюдал, размышлял, выжидал и жертвовал сыновьями? Мечом я владеть не разучился.

Он встал и распахнул свое длинное темное облачение, и под ним, к изумлению Пина, оказались кольчуга и длинный двуручный меч в черно-серебряных ножнах.

— Уж много лет я даже и сплю в доспехе, — молвил он, — чтоб не давать поблажки старческому телу.

— Словом, для начала владыка Барад-Дура послал на тебя самого могучего из подвластных ему царственных мертвецов, и тот уже завладел твоей дальней крепью, — сказал Гэндальф. — Тысячу лет назад он был государем Ангмара — чародей, кольценосец, главарь назгулов, Сауроново черное жало ужаса и отчаяния.

— Что ж, Митрандир, вот тебе и достойный противник, — сказал Денэтор. — А я без тебя давно знаю, кто возглавляет воинство Черной Твердыни. Ты затем и вернулся, чтоб мне об этом сказать? Или просто сбежал с поля боя, потому что сражаться с ним тебе не по силам?

Пин вздрогнул, испугавшись, что Гэндальф разгневается, но испуг его был напрасен.

— Может быть, и не по силам, — тихо проговорил Гэндальф. — Мы еще силами не мерились. Если верно древнее пророчество, ему суждено сгинуть не от руки мужа, но судьба его

сокрыта от мудрецов. Да и сам этот Повелитель Ужасов, к слову сказать, еще не явился. В полном согласии с мудростью, о которой ты говорил, он гонит перед собой полчища обезумевших рабов.

Нет, я всего лишь охранял раненых, которых еще можно исцелить и вернуть в строй. Раммас-Экор повсюду взрывают и таранят, и скоро моргульское войско хлынет лавиной. С тем я и вернулся, чтобы сказать тебе: вот-вот битва переметнется на Пажити. Надо собрать на вылазку верховых ратников, на них вся наша надежда, потому что вражеской конницы мало: еще не подошла.

— У нас ее тоже мало. Вот бы подоспели сейчас ристанийцы! — сказал Денэтор.

— Прежде сюда пожалуют гости иного разбора, — сказал Гэндальф. — Беглецы с Каир-Андроса уже бьются там, у крепи. Остров захвачен. Второе войско вышло из Черных Врат и надвинулось с северо-запада.

— Видно, недаром винят тебя, Митрандир, в пристрастии к дурным вестям, — заметил Денэтор. — Но мне ты новостей не принес: я все это знаю со вчерашнего вечера. И о вылазке я уже подумал. Спустимся вниз.

Время шло, и вскоре со стен стало видно отступление передовых дружин. Сперва появились разрозненные кучки измученных, израненных людей; иные брели, спотыкаясь, иные бежали сломя голову. Загорались дома и амбары. Потом потянулись огненные ручьи, извиваясь в сумраке и сливаясь на широкой дороге от городских ворот к Осгилиату.

— Идут, — переговаривались люди. — Заставу взяли. Лезут сквозь проломы крепи! Похоже, с факелами. А где же наши?

Надвигался вечер, потемки густели, и даже самые зоркие воины ничего не видели с крепостных стен, только множились пожары, и длинные огненные ручьи текли все быстрее. Наконец за милю от города показалась толпа, а может, отряд: не бежали, а шли, сохраняя подобие строя. Со стен глядели, затаив дыхание.

— Наверняка Фарамир, — говорили они. — Ему и люди, и кони покорны. Дойдут, вот увидите.

Пройти оставалось не более четверти мили. Вслед за пешим отрядом из сумрака вынырнули конники тылового прикрытия — их уцелело десятка два. Они развернулись и снова ринулись навстречу огненным струям. И вдруг раздался яростный, оглушительный рев. Тучей налетели вражеские всадники. Струи

слились в огневой поток — толпа за толпой валили орки с факелами, озверелые южане с красными знаменами; все они дико орали, обгоняя, окружая отступающих. Но даже их ор заглушили пронзительные вопли из темного поднебесья: крылатые призраки, назгулы, устремились вниз — убивать.

Строй смешался, объятые ужасом люди метались, бросали оружие, кричали, падали наземь.

И тогда протрубила труба со стен цитадели: Денэтор наконец-то разрешил вылазку. Этого сигнала дожидались воины, притаившиеся у Врат и под стенами, — все верховые, какие были в городе. Они разом прянули вперед и помчались во весь опор с боевым кличем, лавой охватывая врага. Ответный клич послышался сверху, когда оттуда увидели, что впереди всех летят витязи Дол-Амрота и над ними реет голубой с серебряным лебедем стяг князя Имраиля.

— Амрот на выручку Гондору! — кричали со стен. — Амрот и Фарамир!

Они обрушились на врага по обе стороны отступающего отряда, и, опередив их, ураганом пронесся серебряно-белый всадник с воздетой рукой и лучезарным светочем.

Назгулы удалились, и стих озлобленный вой; еще не явился их Главарь, гаситель белого огня. Воинство Мордора, хищно накинувшееся на добычу, было захвачено врасплох и, точно костер от вихря, разлетелось россыпью искр.

Гондорские дружины оборотились и с победным кличем ударили на преследователей. Охотники стали дичью, отступление — атакой. Поле покрылось трупами орков и хородримцев; шипели, гасли и смердели брошенные факелы. А всадники мчались вперед, рубя и топча.

Но Денэтор наступления не замышлял. Хотя врага остановили и отбросили, с востока по-прежнему надвигались многотысячные полчища. И снова запела труба, отзывая вылазку. Конница Гондора остановилась. Под ее защитой отступавшие выстроились, мерно зашагали к городу и вступили во Врата с гордо поднятыми головами, и ратники Минас-Тирита приветствовали их, гордясь и печалясь, ибо многих недоставало. Фарамир потерял больше трети своих воинов. А где же он сам?

Он прибыл, когда прошагали дружины и въехала в город конница, последними — витязи под стягом Дол-Амрота; князь Имраиль вез на руках с поля брани тело своего родича Фарамира, сына Денэтора.

— Фарамир! Фарамир! — кричали на улицах, и крики прерывались рыданиями. Но он был недвижим и безмолвен. Длинным извилистым путем провезли его в цитадель, к отцу. Шарахнувшись от Белого Всадника, один из назгулов успел метнуть смертоносный дротик, и Фарамир, который бился один на один

с конным вожаком хородримцев, грянулся оземь. Лишь безудержный натиск витязей Дол-Амрота спас его от уже занесенных багровых мечей хородримцев.

Князь Имраиль внес Фарамира в Белую Башню и молвил:

— Твой сын воротился, государь, свершив великие подвиги, — и рассказал о том, чему был свидетелем. Но Денэтор не слушал его, он молча поднялся и взглянул сыну в лицо. Затем он велел приготовить постель в чертоге, возложить на нее Фарамира и всем удалиться. Сам же направился в тайный покой у вершины Башни; и многие видели этой ночью, как в узких окнах загорелся и мерцал слабый свет, вспыхнул напоследок и угас. И вновь спустился Денэтор, подошел к распростертому Фарамиру и безмолвно сел возле него; серым было лицо Правителя, мертвеннее, чем у его сына.

Враги осадили город, плотно обложили его со всех сторон, Раммас-Экор был разрушен и захвачен весь Пеленнор. Последние вести принесли защитники северной заставы — те, кто успел добежать, прежде чем заперли Врата. Это был остаток стражи, охранявшей путь из Анориэна и Ристании. Воинов привел Ингольд, тот самый, что впустил Гэндальфа с Пином неполных пять дней назад, когда в небе еще светило солнце и утро лучилось надеждой.

— Про мустангримцев ничего не известно, — сказал он. — Нет, из Ристании никто не подойдет. А подойдут — тем хуже для них. Их опередили: едва донесли нам, что новое войско из-за реки идет на Каир-Андрос, а войско уж тут как тут. Тьма-тьмущая: многие тысячи здоровенных орков с Оком на щитах и шлемах и еще больше людей, каких мы прежде не видели. Невысокие, угрюмые и кряжистые, бородатые, как гномы, с бердышами. Наверно, из какого-нибудь дикого края на востоке. Северную дорогу перекрыли, и большая рать ушла в Анориэн. Нет, мустангримцам не пройти.

Врата была заперты. Ночь напролет слушали караульные на стенах, как внизу разбойничают враги: выжигают поля и рощи, добивают раненых, рубят на куски мертвецов. Впотьмах было не разобрать, сколько еще полчищ подошло из-за реки, но в утренних сумерках увидели, что их даже больше, чем страх подсказывал ночью. От края до края копошилась почернелая равнина, и, сколько хватало глаз, во мгле повсюду густо, как поганки с мухоморами, выросли солдатские палатки, черные и темно-красные.

Деловито, по-муравьиному, сновали везде орки — и копали,

копали рвы за рвами, огромным кольцом охватывая город, чуть дальше полета стрелы. Каждый вырытый ров вдруг наливался огнем, и неведомо было, откуда огонь этот брался, каким ухищрением или колдовством он горел и не гас. Весь день прокапывались огненные рвы, а осажденные глядели со стен, не в силах этому помешать. Как только ров загорался, подъезжали фургоны, подходили новые сотни орков и быстро сооружали за огненными прикрытиями громадные катапульты. В городе таких не было; какие были, до рвов не достреливали.

Однако сперва осажденные посмеивались: не очень-то пугали их эти махины. Высокие и мощные стены города воздвигли несравненные строители, изгнанники-нуменорцы, еще во всей силе и славе своей. Как в Ортханке, черная каменная гладь была неуязвима для огня и стали, а чтобы проломить стену, надо было сотрясти и расколоть ее земную основу.

— Нет, — говорили гондорцы, — даже если Тот и сам явится, в город он не войдет, покуда мы живы.

Иные же возражали:

— Покуда мы живы? А долго ли живы будем? У него есть оружие, перед которым от начала дней ни одна крепость не устояла. Голод. Все дороги перекрыты. И ристанийцы не придут.

Но из катапульт не стали попусту обстреливать несокрушимую стену. Не разбойному атаману, не оркскому вожаку поручено было разделаться с злейшим врагом Мордора. Властная рука и злодейский расчет правили осадой. Наладили огромные катапульты — с криками, бранью, со скрипом канатов и лебедок, — и сразу полетели в город поверх стенных зубцов в первый ярус неведомые снаряды. Глухо и тяжко бухались они оземь и, на диво гондорцам, разрывались, брызжа огнем. Так перемётнули колдовской неугасимый огонь за стену, и скоро все, кроме дозорных, кинулись тушить разраставшиеся пожары. И на них градом посыпались совсем другие, небольшие ядра. Они раскатывались по улицам и переулкам за воротами, и, увидев, что это за ядра, суровые воины вскрикивали и плакали, не стыдясь. Ибо враги швыряли в город отрубленные головы погибших в Осгилиате, в боях за Раммас-Экор, на Пеленнорских пажитях. Страшен был их вид — сплюснутые, расшибленные, иссеченные, с гнусным клеймом Недреманного Ока на лбу, и все же в них угадывались знакомые, дорогие черты, сведенные смертной мукой. Вглядывались, вспоминали и узнавали тех, кто еще недавно горделиво шагал в строю, распахивал поля, приезжал на праздник из зеленых горных долин.

Понапрасну грозили со стен кулаками скопищу кровожадных врагов. Что им были эти проклятья? Да они не понимали западных наречий, сами же словно бы не говорили, а рычали, каркали, клокотали и завывали. Впрочем, скоро даже на про-

клятья ни у кого не стало духу: чем морить осажденных голодом, Владыка Барад-Дура предпочел действовать побыстрее — донять их ужасом и отчаянием.

Снова налетели назгулы, и страшнее стали их пронзительные вопли — отзвуки смертоносной злобы торжествующего Черного Властелина. Они кружили над городом, как стервятники в ожидании мертвечины. На глаза не показывались, на выстрел не подлетали, но везде и всюду слышался их леденящий вой, теперь уже вовсе нестерпимый. Даже закаленные воины кидались ничком, словно прячась от нависшей угрозы, а если и оставались стоять, то роняли оружие из обессилевших рук, чернота полнила им душу, и они уж не думали о сражениях, им хотелось лишь уползти, где-нибудь укрыться и скорее умереть.

А Фарамир лежал в чертоге Белой Башни, и лихорадка сжигала его: кто-то сказал, что он умирает, и «умирает» повторяли ратники на стенах и на улицах. Подле него сидел отец, сидел и молчал, не сводя с него глаз и совсем забыв о делах войны.

Наверно, даже в лапах у орков Пину было все-таки легче. Он должен был находиться при государе и находился, хотя тот его вроде бы не замечал, а он стоял час за часом у дверей неосвещенного чертога, кое-как справляясь с мучительным страхом. Иногда он поглядывал на Денэтора, и ему казалось, что гордый Правитель дряхлеет на глазах, точно его непреклонную волю сломили и угасал его суровый разум. Может, скорбь тяготила его, а может, раскаяние. Первый раз в жизни катились слезы по его щекам, и было это ужаснее всякого гнева.

— Не плачь, государь, — пролепетал Пин. — Быть может, он еще поправится. Ты у Гэндальфа спрашивал?

— Молчи ты про своего чародея! — сказал Денэтор. — Его безрассудство нас погубило. Враг завладел ты знаешь чем, и теперь мощь его возросла стократ: ему ведомы все наши мысли, и что ни делай — один конец.

А я послал сына — без одобрения и напутствия — на бесполезную гибель, и вот он лежит, с отравой в крови. Нет-нет, пусть их дальше воюют как хотят, род мой прерван, я последний наместник Гондора. Пусть правят простолюдины, пусть жалкие остатки некогда великого народа прячутся в горах, покуда их всех не выловят.

За дверями послышались голоса — призывали Градоправителя.

— Нет, я не спущусь, — сказал он. — Мое место возле моего сына. Вдруг он еще промолвит что-нибудь перед смертью. Он умирает. А вы повинуйтесь кому угодно, хоть Серому Сумасброду, которому теперь тоже надеяться не на что. Я останусь здесь.

Вот и пришлось Гэндальфу возглавить оборону столицы

Гондора в роковой для нее час. Там, где он появлялся, сердца живила надежда и отступал страх перед крылатыми призраками. Без устали расхаживал он от цитадели до Врат, проходил по стенам от северных до южных башен, и с ним был владетель Дол-Амрота в сверкающей кольчуге. Ибо он и витязи его сохраняли мужество, как истые потомки нуменорцев. Любуясь им, воины перешептывались:

— Видно, правду молвят древние предания: эльфийская кровь течет в их жилах, недаром же когда-то обитала там Нимродэль со своим народом.

И кто-нибудь запевал «Песнь о Нимродэли» или другую песню, сложенную в долине Андуина в давнишние времена.

Однако же Гэндальф и князь Имраиль уходили, и опять свирепый вой пронзал слух и леденил сердце, и слабела отвага воинов Гондора. Так минул исполненный ужаса сумрачный день, и медленно сгустилась зловещая ночная тьма. В первом ярусе бушевали пожары, тушить их было некому, и многим защитникам наружной стены отступление было отрезано. Вернее сказать — немногим, потому что осталось их мало, большая часть уже перебралась за вторые ворота.

А вдалеке, на переправе, быстро навели мосты, и целый день шли по ним войска с обозами. Наконец к полуночи все было готово для приступа, и первые тысячи повалили через огненные рвы по оставленным для них хитрым проходам. Они подошли на выстрел густой толпой, давя и тесня друг друга. Огни высвечивали их, и промахнуться было трудно, тем более что Гондор издревле славился своими лучниками. Но редко летели стрелы, и, все еще скрытый позади, военачальник Мордора убедился, что дух осажденных сломлен, и двинул войско на приступ. Медленно подвозили во тьме огромные осадные башни, выстроенные в Осгилиате.

И снова явились посыльные к дверям чертога: им непременно был нужен правитель, и Пин их впустил. Денэтор отвел глаза от лица Фарамира и молча поглядел на них.

— Весь нижний ярус в огне, государь, — доложили ему. — Какие будут твои приказания? Ты ведь по-прежнему наш повелитель, ты наместник Гондора. Иные говорят, Митрандир-де им не указ, и бегут со стен, покидая посты.

— Зачем? Зачем они бегут, дурачье? — проговорил Денэтор. — Сгорят — и отмучаются, все равно ж гореть. Возвращайтесь в огонь! А я? Я взойду на свой погребальный костер. Да-да, на костер! Ни Денэтору, ни Фарамиру нет места в усыпальнице предков. Нет им посмертного ложа. Не суждено упокоиться вечным сном их умащенным телам! Нет, мы обратимся в пепел, как цари древнейших времен, когда еще не приплыл с Запада

ни один корабль. Все кончено: Запад побежден. Идите и гибните в огне!

Посыльные вышли молча, не отдав поклона государю. А Денэтор отпустил жаркую руку Фарамира и поднялся.

— Огонь пожирает его, — скорбно молвил он, — изнутри палит его пламя, уже спалило, — и, подойдя к Пину, взглянул на него сверху вниз. — Прощай! — сказал он. — Прощай, Перегрин, сын Паладина! Недолгой была твоя служба, и она подходит к концу. Конец наступит скоро, но я отпускаю тебя сейчас. Иди, умирай, как тебе вздумается. Умирай, с кем и где тебе угодно. Ступай, ищи своего чародея, чье слабоумие обрекло тебя на смерть. Позови моих слуг и уходи. Прощай!

— Я не стану прощаться с тобой, государь, — сказал Пин, преклоняя колени. И вдруг в нем точно проснулся хоббит: он вскочил на ноги и поглядел в глаза самовластному старцу. — С твоего позволения я отлучусь, государь, — сказал он, — мне и правда очень бы надо повидаться с Гэндальфом. Только он вовсе не слабоумный, и коли он умирать не собрался, то и я еще погожу. А пока ты жив, я не свободен от своей клятвы и твоей службы. И если враги возьмут цитадель, я надеюсь сражаться рядом с тобой и, может быть, заслужить дарованный мне почет.

— Поступай как знаешь, сударь мой невысоклик, — отозвался Денэтор. — Я сказал: моя жизнь кончена. Позови слуг!

И он снова подошел к Фарамиру.

Пин привел слуг — шестерых рослых молодцев при оружии; вид у них был оробелый. Но Денэтор спокойно велел им укрыть Фарамира потеплее и взять ложе на плечи. Они повиновались: подняли ложе и вынесли его из чертога, шагая медленно и мерно, чтобы не потревожить умирающего. Денэтор следовал за ними, тяжело опираясь на свой жезл. Скорбное шествие замыкал Пин.

Они вышли из Белой Башни во тьму; нависшую тучу озаряли снизу багровые отсветы пожаров. Пересекая широкий двор, они по слову Денэтора замерли возле иссохшего Древа.

Лишь отдаленный шум битвы нарушал тишину, и, разбиваясь о темную гладь озера, печально звенели капли с поникших голых ветвей. Они миновали ворота цитадели; часовой глядел на них с тревожным изумлением. Свернули на запад и наконец подошли к двери в задней стене шестого яруса. Дверь называлась Фен-Холлен, Запертая, ибо отпирали ее только на время похорон и не было здесь входа никому, кроме наместника да служителей усыпален в их мрачном облачении. За дверью дорога извилинами спускалась к уступу над пропастью, к гробницам былых властителей Гондора.

Возле двери был маленький домик, и оттуда вышел перепуганный привратник с фонарем. Повинуясь государю, он отпер

дверь, и она беззвучно распахнулась. У него забрали фонарь и двинулись вниз темным извилистым путем между древними стенами и многоколонной оградой, еле видной в колеблющемся свете. Глухо отдавались их медленные шаги; они спускались все ниже, ниже и наконец вышли на Улицу Безмолвия, Рат-Динен, к тусклым куполам, пустынным склепам и статуям царственных мертвецов. В Усыпальне Наместников они опустили свою ношу.

Пин, беспокойно озираясь, увидел, что пришли они в просторный сводчатый склеп; и, словно огромные завесы, по стенам колыхались тени вместе со слабым фонарным огоньком. Смутно видны были ряды мраморных столов, на каждом возлежал покойник, скрестив руки и навеки откинувшись к твердому изголовью. Вблизи пустовал один широкий стол. По знаку Денэтора на него положили Фарамира, и отец лег рядом с сыном под общее покрывало, а слуги стояли подле них, потупившись, точно плакальщики у смертного одра.

— Здесь мы и будем ждать, — тихо молвил Денэтор. — За умастителями не посылайте, а принесите сухих поленьев и обложите нас ими. Облейте поленья маслом, приготовьте факел. Когда я велю, подожжете. И больше ни слова. Прощайте!

— С твоего позволения, государь! — проговорил Пин, повернулся и в ужасе бросился вон из душного склепа. «Несчастный Фарамир! — думал он. — Надо скорее найти Гэндальфа. Ну, несчастный Фарамир! Его бы лечить, а не оплакивать. Ох ты, где же я Гэндальфа-то найду? Небось он в самом пекле, и уж наверняка ему не до безумцев и не до умирающих».

У дверей он обратился к слуге, который стоял на часах.

— Господин ваш не в себе, — сказал он. — Вы слишком-то не торопитесь! Главное — с огнем погодите, пока Фарамир жив. Гэндальф придет — разберется.

— Кто правитель Минас-Тирита? — отозвался тот. — Государь наш Денэтор или Серый Скиталец?

— По-моему, Серый Скиталец либо никто, — сказал Пин и со всех ног помчался вверх петляющей дорогой, проскочил в открытую Запертую Дверь мимо пораженного привратника и не остановливался до самой цитадели. Часовой откликнул его, и он узнал голос Берегонда:

— Куда ты бежишь, господин Перегрин?

— Ищу Митрандира, — отвечал Пин.

— По поручению государя, наверно, — сказал Берегонд, — и негоже тебя задерживать, но все-таки скажи в двух словах: что происходит? Куда отправился государь? Я только что заступил на пост, и мне сказали, будто Фарамира пронесли в Запертой Двери, а Денэтор шел позади.

— Пронесли, — подтвердил Пин. — Они сейчас внизу, в Усыпальне.

Берегонд склонил голову, чтобы скрыть слезы.

— Я слышал, что он умирает, — сказал он. — Значит, умер.

— Да нет, — сказал Пин, — пока не умер. Я даже думаю, его еще можно спасти. Только знаешь ли, Берегонд, город-то еще держится, а Градоправитель сдался. — И он наспех рассказал о речах и поступках Денэтора. — Мне надо тотчас отыскать Гэндальфа.

— Здесь не отыщешь, разве что внизу.

— Я знаю. Государь отпустил меня. Слушай, Берегонд, ты, если что, попробуй вмешайся, а то просто ужас берет.

— Стражам цитадели строго-настрого запрещено отлучаться с постов иначе как по приказу самого государя.

— Ну, если тебе этот запрет важнее, чем жизнь Фарамира... — сказал Пин. — Да и какие там запреты-приказы, когда государь обезумел. Словом, я бегу. Жив буду — вернусь.

И он помчался вниз по улицам к наружной стене. Навстречу ему бежали опаленные пожаром люди; кое-кто останавливался и окликал коротышку в облачении стража, но он ни разу не обернулся. Наконец он миновал вторые ворота, за которыми от стены до стены разливалось и полыхало пламя. Но почему-то было тихо: ни шума битвы, ни криков, ни лязга оружия. И вдруг раздался жуткий громовой возглас, а за ним тяжкий удар с оглушительным эхом. У Пина тряслись поджилки от нестерпимого ужаса, но он все же выглянул из-за угла на широкую внутреннюю площадь перед Великими Вратами. Выглянул — и на миг оцепенел. Он нашел Гэндальфа, и отпрянул назад, и забился в темный угол.

С полуночи продолжался общий приступ. Гремели барабаны. С севера и с юга стены сплошь осаждало многотысячное воинство. Повсюду в багровом полусвете двигались огромные, как дома, звери: это хородримские мумаки подвозили из-за огненных рвов осадные башни и стенобитные орудия. Наступали нестройно и гибли толпами; предводитель осады гнал рабов на смерть лишь затем, чтобы прощупать оборону и рассредоточить силы гондорцев. Настоящий удар он замышлял обрушить на Врата, мощные, чугунные, надежно скрепленные сталью; их защищали несокрушимые башни и бастионы, но все же они были ключом, единственным уязвимым местом неприступной твердыни.

Громче зарокотали барабаны. Взметнулись огненные языки. Осадные машины ползли по полю, и между ними покачивался на толстых цепях громадный таран, больше сотни футов длиной. Долго ковали его в темных кузнях Мордора; страховидная оконечина из вороненой стали являла подобие волчьей морды с ощеренной пастью, и на ней были начертаны колдовские разрывные письмена. Именовался он Гронд, в память о древнем

Молоте Преисподней. Везли его гигантские звери, с боков толпились орки, а позади тяжко шагали горные тролли.

Но у Врат кипела битва: там стояли накрепко витязи Дол-Амрота и лучшие из лучших минастиритцев. Тучей летели стрелы и дротики, осадные башни валились или вспыхивали, как факелы. По обе стороны ворот громоздились обломки и мертвые тела, однако же новые и новые толпы лезли вперед словно одержимые.

Гронд подползал. Его кожух не загорался, огромные звери, тащившие его, то и дело вскидывались и бросались в стороны, топча бесчисленных орков, но убитых отшвыривали, и толпы снова смыкались.

Гронд подползал все ближе. Бешено загремели барабаны, и над горами трупов чудовищным видением возник высокий всадник в черном плаще с опущенным капюшоном. Медленно двигался он вперед, попирая трупы, и стрелы бессильно падали вокруг него. Он поднял кверху длинный тусклый меч. Великий ужас объял всех — осажденных и осаждающих, и воины роняли оружие. На миг все стихло.

Опять загрохотали барабаны. Чешуйчатые лапищи рывком подтянули Гронд к воротам и с размаху ударили в них. Казалось, гром из поднебесья раскатился по городу. Но чугунные створы и стальные столбы выдержали удар.

Тогда Черный Предводитель привстал в стременах и громогласно выкрикнул заклятие на неведомом языке; жуткие слова его надрывали души и раскалывали камень.

Трижды возопил он, трижды грянул таран, и третий удар внезапно сокрушил Врата Гондора. Точно какая-то колдовская сила разломила их надвое — блеснула жгучая молния, и чугунные осколки усеяли плиты.

Главарь назгулов въезжал в город. За спиной надвигавшегося черного вестника смерти полыхало багровое зарево. Главарь назгулов въезжал под своды, куда от века не ступала вражеская нога, — и защитники Минас-Тирита опрометью разбегались.

Лишь один не отступил перед ним. На площади за Вратами безмолвно дожидался неподвижный всадник — Гэндальф на Светозаре: во всем Средиземье только этот конь мог вынести смертный ужас, подвластный Саурону, и он стоял точно каменное изваяние Рат-Динена.

— Сюда тебе входа нет, — промолвил Гэндальф, и огромная тень застыла. — Возвращайся в бездну, тебе уготованную. Ступай назад, и да поглотит кромешная тьма тебя вместе с твоим Владыкою. Прочь отсюда!

Черный Всадник откинул капюшон, и — о диво! — был он в короне, но без головы, лишь красные языки пламени вздыма-

лись между могучими плечами. И незримые уста изрыгнули злорадный хохот.

— Глупый старик! — сказал он. — Глупый старик! Нынче мой час. Не узнал в лицо свою смерть? Умри же, захлебываясь проклятьями!

Он высоко поднял меч, и огонь сбежал по клинку.

Гэндальф не шелохнулся. И в этот самый миг где-то в городском дворике прокричал петух — звонко и заливисто, ничего не ведая ни о войне, ни о колдовских чарах, — прокричал, приветствуя утро, разгоравшееся высоко в небесах над сумраком побоища.

И будто в ответ петушьему крику издали затрубили рога, рога, рога. Смутное эхо огласило темные склоны Миндоллуина. А большие северные рога трубили все яростней. Мустангримцы подоспели на выручку.

Глава V

ПОХОД МУСТАНГРИМЦЕВ

Мерри лежал на земле, закутавшись в одеяло, и удивлялся, как это сокрытые мраком деревья шелестят в безветренной духоте. Потом он поднял голову и снова услыхал отдаленный рокот барабанов на лесистых холмах и горных уступах. Барабаны внезапно стихали и опять рокотали то дальше, то ближе. Неужели часовые их не слышат?

Было темно, хоть глаз выколи, но он знал, что кругом полным-полно конников. Пахло конским потом, лошади переступали с ноги на ногу и ударяли копытом в хвойную подстилку. Войско заночевало в сосняке близ Эйленаха, высокой горы посреди Друаданского леса, через который проходил главный тракт восточного Анориэна.

Хоть Мерри и устал, но ему не спалось. Они ехали уже целых четверо суток, и густевшие потемки все больше угнетали его. Он уж и сам не понимал, чего он так рвался ехать, когда ему не то что можно, а даже велено было остаться. Не хватало еще, чтобы старый конунг узнал об ослушании и разгневался. Но это вряд ли. Дернхельм, похоже, договорился с сенешалем Эльфхельмом, начальником эореда. Ни сенешаль, ни воины его Мерри в упор не видели и не отвечали, если он заговаривал с ними. Дескать, навьючил Дернхельм зряшную поклажу — ну и ладно. А Дернхельм за все время ни с кем ни словом не перемолвился. Мерри чувствовал себя никчемной мелюзгой, и было ему очень тоскливо. А вдобавок и тревожно: войско оказалось в

тупике. Дальняя крепь Минас-Тирита была от них за день езды. Выслали дозорных: одни не вернулись, другие примчались и сообщили, что дорога занята врагами, большая рать стала лагерем в трех милях к западу от маячной горы Амон-Дин, отряды идут по тракту, до передовых лиги три. Орки рыщут по придорожным холмам. Конунг с Эомером держали ночной совет.

Мерри жаждал с кем-нибудь поговорить; он вспомнил о Пине и еще пуще огорчился. Бедняга Пин, один-одинешенек в осажденном каменном городе: ужас, да и только. Мерри захотелось стать рослым витязем вроде Эомера, затрубить в какой-нибудь, что ли, рог и галопом помчаться на выручку Пину. Он сел и снова прислушался к рокоту барабанов, теперь уж совсем поблизости. Вскоре стали слышны негромкие голоса, мелькнули между деревьями полуприкрытые фонари. Конники зашевелились во мраке.

Высокий человек споткнулся об него и обругал проклятые сосновые корни. Мерри узнал по голосу сенешаля Эльфхельма.

— Я не сосновый корень, господин, — сказал он, — и даже не вьюк с поклажей, а всего-навсего ушибленный хоббит. Извиняться не надо, лучше скажи мне, что там такое стряслось.

— Пока ничего такого, спасибо растреклятому мороку, — отвечал Эльфхельм. — Но государь приказал всем нам быть наготове: тронемся в одночасье.

— Значит, враги наступают? — испуганно спросил Мерри. — Это их барабаны? Я уж подумал, мне мерещится, а то никто будто и не слышит.

— Да нет, нет, — сказал Эльфхельм, — враги на дороге, а не в горах. Ты слышишь барабаны лешаков, лесных дикарей: так они переговариваются издали. Живут они в Друаданском лесу вроде бы с древних времен, немного осталось их, и таятся они хитро, точно дикие звери. Обычно-то им дела нет до войн Гондора или Ристании, но сейчас их встревожили темень и нашествие орков: испугались, что вернутся Темные Века — оно ведь и похоже на то. Хорошо хоть нам они не враги: стрелы у них отравленные, и в лесу с ними не потягаешься. Предлагают помочь Теодену: как раз их вождя повели к нему. Вот с фонарями-то шли. Ну и будет с тебя — я и сам больше ничего не знаю. Все, я пошел выполнять приказ. А ты, вьюк не вьюк, а давай-ка вьючься!

И он исчез в темноте. Мерри очень не понравились хитрые дикари и отравленные стрелы: он и так-то не знал, куда деваться от страха. Дожидаться было совсем невтерпеж, лучше уж точно знать, что тебя ждет. Он вскочил на ноги и, крадучись, пустился вдогонку за последним фонарем.

Конунгу разбили палатку на поляне, под раскидистым деревом. Большой, прикрытый сверху фонарь висел на ветке, и в тусклом свете его видны были Теоден с Эомером, а перед ними сидел на корточках человечина, шишковатый, как старый пень, и, точно чахлый мох, свисал с его мясистого подбородка реденький клок волос. Коренастый, пузатый, толсторукий и коротконогий, в травяной юбочке. Мерри показалось, что он где-то его уже видел, и вдруг ему припомнились Пукколы в Дунхерге. Ну да, то ли один из тамошних болванчиков ожил, то ли явился дальний-предальний потомок тех людей, которых изобразили забытые умельцы давних веков.

Мерри подобрался поближе, но пока что все молчали, и наконец заговорил дикарь: должно быть, его о чем-то спросили, и он раздумывал. Голос его был низкий, гортанный, но, к удивлению Мерри, говорил он на всеобщем языке, хотя поначалу запинался и примешивал к речи диковинные слова.

— Нет, отец коневодов, — сказал он, — мы не воины, мы охотники. Мы стреляем *горгуны* в лесу, орколюды мы очень не любим. И тебе *горгуны* враги. Потому будем тебе помогать. Дикий народ далеко слышит, далеко видит, знает все тропы. Дикий народ давно-давно здесь живет, раньше, чем сделались камень-дома, раньше, чем из воды вылезали высокие люди.

— Да нам-то в помощь нужны воины, — сказал Эомер. — А от тебя и твоих какая же помощь?

— Помощь узнавать, — отвечал дикарь. — Мы глядим и все видим, смотрим с высоких гор. Камень-город трудно стоит, хода-выхода нет. Кругом огонь горит, теперь внутри горит пожар. Ты хочешь туда? Тебе надо быстро скочить. Большой лошадиной дорогой скочить нельзя, там *горгуны* и дальние люди оттуда. — Он махнул на восток узловатой короткой рукой. — Много-много, ваших много не столько.

— Откуда ты знаешь, что их больше? — недоверчиво спросил Эомер.

Ничего не выразилось ни на плоском лице, ни в темных глазах дикаря, но голос его зазвучал угрюмо.

— Мы — дикари, дикий, вольный народ, мы не глупый ребенок, — с обидой сказал он. — Я великий вождь Ган-бури-Ган. Я считаю звезды на небе, листья на ветках, людей в темноте. Ваших воинов десять раз и еще пять раз по сорок десятков. Их воинов больше. Будете биться долго, и кто кого одолеет? А вокруг камень-города много-много еще.

— Увы! Все это верно, — сказал Теоден. — И наши разведчики доносят, что дорогу преградили рвами и понатыкали кольев. С налету их смять не удастся.

— Все равно медлить нельзя, — сказал Эомер. — Мундбург в огне!

— Дайте молвить слово Ган-бури-Гану! — сказал дикарь. — Он знает другие дороги и поведет вас там, где нет рвов, где не ходят *горгуны*, только наш народ и дикие звери. Люди из камень-домов давно, когда были сильные, сделали много дорог. Они резали горы, как охотники дичину. Народ говорит, наверно, они кушали камни. Через Друадан к Мин-Риммону ездили большие повозки. Давно-давно не ездят и дорогу забыли. Мы одни помним: вон там она идет на гору, за горой прячется в траве, деревья ее прячут, а она обходит Риммон и мимо Дина ведет вниз, к большой лошадиной дороге. Мы вас проведем туда, а вы перебейте всех *горгунов* и прогоните дурную темноту ярким железом, и дикий народ будет тихо жить дальше в своих диких лесах.

Эомер переговорил с конунгом на ристанийском языке, и наконец Теоден обратился к дикарю.

— Ладно, пойдем в обход, — сказал он. — Оставляем большое войско у себя в тылу, но что из этого? Если каменный город падет, мы не вернемся. А выстоит, победим — худо придется оркам, отрезанным от своих. Тебя же, Ган-бури-Ган, мы щедро одарим и станем твоими верными друзьями.

— Мертвые не одаряют живых и в друзья им не годятся, — ответствовал дикарь. — Если темнота вас не съест, тогда после не мешайте диким людям бродить, где хотят, по лесам и не гоняйте их, как диких зверей. Не бойтесь, Ган-бури-Ган в ловушку не заведет. Он пойдет рядом с отцом коневодов, обманет — убейте.

— Да будет так! — скрепил Теоден.

— А когда мы выйдем на большую дорогу? — спросил Эомер. — Раз вы поведете нас, придется ехать шагом, и путь, наверно, узкий.

— Дикий народ ходит быстрым шагом, — сказал Ган. — По Каменоломной долине, — он махнул рукой на юг, — можно ехать четыре лошади в ряд, в конце и в начале путь узкий. Нашего ходу отсюда до Амон-Дина как от рассвета до полудня.

— Стало быть, передовые доедут за семь часов, — сказал Эомер, — а задние, пожалуй, часов за десять. Мало ли что может нас задержать, да и войско сильно растянется; потом, на дороге, всех не сразу построишь. Теперь-то который час?

— Кто его знает, — сказал Теоден. — Темень стоит беспросветная.

— Темень стоит, ночь проходит, — сказал Ган. — Когда солнце глаза не видят, кожа его чует. Уже оно выше Восточных гор. В небесных полях совсем светло.

— Тогда надо поскорее выступать, — сказал Эомер. — Сегодня-то никак не поспеем, но хоть к завтрему.

Мерри не стал дослушивать, тишком улизнул и побежал собираться. Ну вот, завтра уже и битва, в которой, похоже, немногим суждено уцелеть. Но он снова подумал о Пине, о пожаре в Минас-Тирите — и кое-как совладал со страхом.

День прошел спокойно: ни засад, ни дозоров на пути не обнаружилось. Обок охраняли войско дикари-охотники, и мимо них мышь бы не прошмыгнула, не то что вражеские лазутчики. Чем ближе к осажденному городу, тем сумрачнее сгущалась мгла, и вереницей смутных теней казались люди и кони. У каждой колонны был провожатый, а старый вождь шел рядом с конунгом. Поначалу двигались медленно: нелегко было всадникам с лошадьми в поводу спускаться по заросшим косогорам в Каменоломную долину. Уже под вечер передовые углубились в серую чащобу близ восточного склона Амон-Дина, в огромное ущелье, за которым расходились кряжи на запад и на восток. Сквозь это ущелье когда-то была проложена широкая дорога, выводившая на главный анориэнский тракт, но люди уже много веков здесь не ездили; деревья хозяйничали по-своему, и дорога заросла, исчезла под грудами лежалой листвы и валежника. Однако же чащоба эта была последним укрытием ристанийского войска: впереди простиралась ровная долина, а на юго-востоке высились скалистые хребты и, будто опираясь на них, воздвигся гигант Миндоллуин во всей своей каменной мощи.

Первая колонна остановилась, и, когда задние подтянулись и вышли ущельем из Каменоломной долины, в глубине серой чащобы разбили лагерь. Конунг призвал воевод на совет. Эомер хотел было выслать дозорных, но старый вождь Ган покачал головой.

— Не посылай своих коневодов, не надо, — сказал он. — В дурной темноте видно мало, лешаки уже все увидели. Скоро придут и мне расскажут.

Воеводы явились; потом, откуда ни возьмись, вынырнули Пукколы, точь-в-точь похожие на старого Гана. Они, один за другим говорили с ним на чудно́м, гортанном наречии. Ган выслушал их и обратился к конунгу:

— Лешаки рассказали. Говорят: позади опасно, стерегись! За час ходу, за Дином, — он указал на запад, на черневший маяк, — стоят чужелюды, большое войско. А впереди никого нет, пустая дорога до каменного вала. Там опять много. *Горгуны* ломают новый каменный вал огненным громом и железными черными дубинками. Не боятся и кругом не смотрят. Думают, заняли все-все дороги! — И у старого Гана заклокотало в горле: верно, он так смеялся.

— Добрые вести! — сказал Эомер. — Это просвет во мраке. Порой лиходея своя же злоба слепит. Напустили темень — будь она неладна! — и помогли нам укрыться. Теперь громят Гондор,

чтоб не оставить камня на камне, — и сокрушили преграду, которой я больше всего опасался. Нас бы надолго задержали у дальней крепи. А теперь мы ее с ходу одолеем, дотуда бы добраться!

— И еще раз спасибо тебе, Ган-бури-Ган, лесной человек, — молвил Теоден. — Спасибо на доброй вести и на доброй службе. Доброй вам охоты!

— Вы знай убивать *горгуны*! Бейте орколюды! Слова́ не надо лесному народу! — отвечал Ган. — Прогоните ярким железом дурную, вонючую темноту!

— Затем и явились мы в здешние края, — сказал конунг. — Поглядим завтра, чья возьмет.

Ган-бури-Ган присел и коснулся земли шишковатым лбом в знак прощания. Потом, встав на ноги, он вдруг насторожился, будто что-то унюхал. Глаза его сверкнули.

— Свежий ветер задувает! — крикнул он, и все дикари вмиг исчезли во мгле, как нелепое наваждение. Только барабаны опять глухо зарокотали на востоке, теперь, однако, ристанийцам и в голову не приходило опасаться брюханов-лешаков.

— Дальше обойдемся без провожатых, — сказал Эльфхельм, — в мирное время наши здесь ездили. Я, к примеру, ездил не раз и не два. Сейчас вот выедем на дорогу, она свернет к югу, и семь, не больше, лиг останется до пеленнорской крепи. Обочины дороги травянистые: тут, бывало, вестники Гондора мчались во весь опор. И мы проедем быстро, без лишнего шума.

— Нас ждет жестокая сеча, и надо собраться с силами, — сказал Эомер. — Давайте-ка отдохнем здесь и тронемся ночью; у крепи будем к рассвету, ежели рассветет, а нет — ударим на врага по знаку государя, потемки не помеха.

Конунг одобрил его совет, и воеводы разошлись. Но Эльфхельм вскоре возвратился.

— Мы разведали окрестности, государь, — сказал он. — Кругом и вправду ни души, нашли у дороги двух убитых всадников вместе с конями.

— Вот как? — сказал Эомер. — Ну и что же?

— Видишь ли, государь, убитые-то эти — посланцы Гондора. Один из них вроде бы Хиргон — в руке Багряная Стрела, а головы нету. И вот еще что: убили их, по всему судя, когда они скакали *на запад*. Должно быть, увидели, что враги уже осадили крепь, и повернули коней. Было это два дня назад: кони небось свежие, с подстав, как у них водится. Доехать до города и вернуться они бы не успели.

— Нет, никак бы не успели! — сказал Теоден. — Значит, Денэтор про нас ничего не знает и вряд ли нас ждет.

— Хоть поздно, да годно, и лучше поздно, чем никогда, — молвил Эомер. — Может быть, на этот раз старинные присловья окажутся вернее верного.

Глубокой ночью ристанийское войско в молчании двигалось по обочинам дороги, огибавшей подножия Миндоллуина. Далеко впереди, на краю темного небосклона, багровело зарево, и черными громадами выступали из сумрака утесистые склоны великой горы. До Пеленнора было уже недалеко, и близился предрассветный час. Конунг ехал в первой колонне, окруженный своей дружиной. За ними следовал эоред Эльфхельма, но Мерри заметил, что Дернхельм старается незаметно пробраться в темноте поближе к передовым, и наконец они примкнули к страже Теодена. Конники приостановились, Мерри услышал негромкие голоса. Воротились дозорные: они доскакали почти до самой стены.

— Везде пылает огонь, государь, — доложил один из них конунгу. — И город горит и Пажити; войско, похоже, огромное. Но почти всех увели к стенам, на приступ. А какие остались здесь, рушат крепь и по сторонам не смотрят.

— Ты помнишь, что сказал тот лешак, государь? — спросил другой ратник. — Меня зовут Видфара, в мирные дни я жил на равнине и тоже чутьем не обделен, привык чуять ветер. А ветер меняется: повеяло с юга, чуть-чуть припахивает морем. Словом, утро сулит рассвет, и, когда мы минуем крепь, чадная темень рассеется!

— Если правдива твоя весть, Видфара, то да сбережет тебя судьба нынче и на многие годы! — сказал Теоден. Он обратился к ближним дружинникам и молвил так звучно, что его услышали воины первого эореда: — Конники Ристании, сыны Эорла, настает роковой час! Перед вами море огня и вражеское войско, а дома ваши остались далеко позади. Но хоть и суждено вам сражаться в чужом краю, добытая в бою слава будет вашей вовеки. Исполните клятву верности государю и родине, исполните обет нерушимой дружбы!

Ратники ударили копьями о щиты.

— Эомер, сын мой! Ты поведешь первый эоред следом за дружиной и хоругвью конунга, — сказал Теоден. — Эльфхельм, за крепью отойдешь направо, а ты, Гримблад, — налево. Остальные полки пусть держатся за этими тремя согласно боевому разумению. Громите скопища врага. Больше пока ничего не придумаешь: мы ведь не знаем, что творится на Пажитях. Вперед, и да сгинет мрак!

И конники помчались вскачь. Видфара хоть и обещал рассвет, но покамест было темным-темно. Мерри сидел позади Дернхельма, уцепившись за него левой рукой, а правой пытаясь проверить, легко ли ходит меч в ножнах. Теперь-то он понимал,

до чего был прав старый конунг, когда говорил ему: «Что тебе делать в таком бою, сударь мой Мериадок?» «Разве что мешать всаднику, — подумал он, — и как-нибудь усидеть верхом, а то ведь стопчут — не заметят!»

Проскакать оставалось всего-навсего лигу, и проскакали ее, по разумению Мерри, чересчур уж быстро. Послышались дикие вопли, лязг оружия, и снова все стихло. Орков на стене и вправду было немного: застали их врасплох и мигом перебили. Перед развалинами северных ворот Раммас-Экора конунг остановил коня. Первый эоред подтянулся. Мерри с Дернхельмом подъехали еще ближе к конунгу, хотя их полк отошел далеко вправо. Слева, на востоке, конники Гримблада стали у широкого пролома в стене.

Мерри выглянул из-за спины Дернхельма. Миль за десять от них бушевал пожар в стенах Минас-Тирита, и огромным огневым серпом отрезали город от Пажитей пылающие рвы. Равнину покрывала душная мгла — ни просвета, ни ветерка.

Молчаливая рать Мустангрима выдвинулась за крепь — медленно и неодолимо, как проникает прилив сквозь рассевшуюся плотину, будто бы столь надежную. Но Черный Предводитель безоглядно сокрушал твердыню Гондора, и тревожные вести с тыла еще не дошли до него.

Конунг повел свою рать на восток, в обход огненных рвов и вражеских войск. Обошли удачно и скрытно, однако же Теоден медлил. Наконец он снова остановился. Город стал виден вблизи. Тянуло гарью и трупным смрадом. Лошади фыркали и прядали ушами. Но конунг недвижно сидел на своем Белогриве и взирал на гибнущий Минас-Тирит; казалось, он был охвачен смятением и ужасом и дряхло понурился под бременем лет. Мучительный страх и сомнения точно передались Мерри. Сердце его стеснилось. Время как будто замерло. Они запоздали, а поздно — хуже, чем никогда! Вот-вот Теоден попятится, склонив седую голову, повернет коня, поведет войско прятаться в горах.

Внезапно Мерри почуял: что-то переменилось. Ветер дунул ему в лицо! И забрезжил рассвет. Далеко-далеко на юге посерели, заклубились, раздвинулись тучи, за ними вставало утро. Но тут полыхнуло так, будто молния вырвалась из-под земли и расколола город. Слепящая вспышка на миг озарила черно-белую крепость, серебряным клинком в высоте сверкнула башня. Потом темень сомкнулась, и земля вздрогнула от тяжкого сокрушительного грохота.

Но, заслышав его, согбенный конунг вдруг распрямился и снова стал высоким статным всадником. Он поднялся в стременах и ясным, неслыханно звонким голосом воскликнул:

Оружие к бою, конники Теодена!
Вперед, в лютую сечу, в свирепый огонь!
Копья наперевес и под удар щиты!
Мечами добудем день, на клинках принесем рассвет!
На бой, на смертный бой, на битву за Гондор!

Затем он выхватил большой рог у знаменосца Гутлафа и протрубил так зычно, что рог раскололся надвое. Отозвались рога во всем ристанийском войске, будто гром прокатился по равнине и загрохотал в горах.

На бой, на смертный бой, на битву за Гондор!

Конунг что-то крикнул Белогриву, тот сорвался с места и опередил плеснувшую по ветру хоругвь с Белым Конем на зеленом поле. За ним понеслись дружинники, немного поотстав. Следом скакал Эомер с белым конским хвостом на шлеме. Его эоред мчался, точно пенный бурун, но Белогрив летел далеко впереди. Грозно сиял лик Теодена: видно, в нем возгорелась неистовая отвага предков, и на белом своем коне он был подобен древнему небожителю, великому Оромё в битве Валаров с Моргот, на ранней заре Средиземья.

Его золотой щит засверкал словно солнце, и ярким зеленым пламенем занялась трава у белых ног скакуна. Ибо настало утро, и дул ветер с Моря, разгоняя черную мглу, и полчища Мордора дрогнули, объятые ужасом; орки бросались врассыпную и гибли на копьях и под копытами разъяренных коней. А воины Ристании в один голос запели; они пели, разя врага в упоении битвы, и песнь их, страшная и прекрасная, ласкала слух осажденных.

Глава VI

БИТВА НА ПЕЛЕННОРСКОЙ РАВНИНЕ

Но не оркскому вожаку, не разбойному атаману поручено было ниспровергнуть Гондор. Тьма разредилась прежде срока, назначенного Властелином, — судьба в этот раз обманула, и мир вышел из повиновения. Победа была упущена, выскользнула из-под рук. Но руки не утратили силы, и по-прежнему страшен и могуч был предводитель осады — король, кольценосец, главарь назгулов: велика была его власть. Он отступил от ворот и исчез.

Конунг Ристании Теоден выехал на дорогу между рекой и Вратами и обернулся к городу, который был за милю от него. Он осадил скакуна, ища взором недобитых врагов; его окружила дружина, и Дернхельм был в их числе. По правую руку, ближе к стенам, Эльфхельмовы конники ломали осадные машины, рубили, кололи и загоняли орков в огненные рвы. Северную половину Пеленнора почти всю отбили, там горели палатки, орки метались и бежали к реке, точно зверье от охотников, а ристанийцы рубили их направо и налево. Однако же осадное войско стояло густо, как прежде, и заслоняло ворота. И там врагов была тьма-тьмущая, и с юга подходили все новые и новые полчища. Хородримцы занимали дорогу, всадники их съезжались под стягом вождя. А вождь поглядел вперед и увидел в рассветном сиянии хоругвь конунга, увидел, что конунг с малой дружиной далеко оторвался от своих. Темнокожий исполин взъярился, издал боевой клич — и над лавиной всадников, понесшихся к зеленой хоругви с Белым Конем, развернулось алое знамя с черным змием, и холодным блеском заиграли обнаженные ятаганы.

Но Теоден не замешкался: он молвил слово Белогриву, и мустангримцы с места в карьер помчались навстречу врагам. Сшиблись на всем скаку; и, хотя северян было гораздо меньше, сердца их пламенели неистовой отвагой и без промаха разили длинные копья. Точно клин лесного пожара, врезались они в гущу врагов, и Теоден, сын Тенгела, пронзив копьем вождя южан, выхватил меч, перерубил древко знамени и рассек до седла знаменосца. Бессильно поникло полотнище с черным змием, а уцелевшие хородримцы бросились бежать без оглядки.

Но увы! Когда конунг торжествовал победу, его золотой щит померк, затмились утренние небеса, и сумрачно стало вокруг. Лошади ржали и метались, сбрасывая седоков, а те, стеная, приникали к земле.

— Ко мне! Ко мне! — крикнул Теоден. — Не страшитесь злой тьмы, эорлинги!

Но Белогрив в ужасе вздыбился, высоко вскинув копыта, протяжно заржал и рухнул на бок, сраженный черным дротиком. Рухнул — и придавил конунга.

Тяжкой тучей сверху надвинулась тень. О диво! Это была крылатая тварь: птица не птица — чересчур велика и голая, с огромными когтистыми перепончатыми крыльями; гнилой смрад испускала она. Исчадие сгинувшего мира; ее предки давным-давно пережили свое время, угнездившись где-нибудь на льдистых подлунных высях неведомых гор, и там плодились их гнусные последыши, на радость новым лиходеям. Черный Владыка

отыскал эту тварь, щедро выкармливал ее падалью, покуда она не стала больше самой огромной птицы, и отдал ее своему прислужнику. Все ниже и ниже спускалась она и наконец, сложив перепончатые крылья и хрипло каркая, опустилась на мертвого Белогрива, вонзила в него когти и вытянула длинную голую шею.

Могуч и страшен был ее седок в черной мантии и стальной короне; из пустоты над его плечами мертвенно светился взор главаря назгулов. Еще прежде чем рассеялась тьма, он призвал свое крылатое чудище и теперь вернулся на поле брани, обращая надежду в отчаяние и победу в погибель. Он взмахнул черной булавой.

Однако не все покинули поверженного Теодена. Кругом лежали мертвые витязи-гридни; других далеко умчали испуганные кони. Но один остался — юный Дернхельм, чья преданность превозмогла страх. Он стоял и плакал, ибо любил государя как отца. Мерри удержался на коне во время атаки и был цел и невредим, хотя, когда налетел призрак, Вихроног сбросил обоих седоков и теперь носился по равнине. Мерри по-звериному отполз на четвереньках, задыхаясь от слепящего ужаса.

«Оруженосец конунга! Оруженосец конунга! — взывала его совесть. — Ты должен защитить его. Помнишь, сам говорил: «Теперь ты мне вместо отца»?» Но его обмякшее тело лишь бессильно содрогалось. Он не смел ни поднять голову, ни открыть глаза, и вдруг из черной, непроглядной тьмы заслышал он голос Дернхельма, только голос был будто и не его, но все же очень знакомый:

— Убирайся, гнусный вурдалак, поганая нежить! Оставь погибших в покое!

И другой, леденящий голос отозвался:

— Не спорь с назгулом о его добыче! А то не видать тебе смерти в свой черед: он унесет тебя в замогильные обиталища, в кромешную тьму, где плоть твою сгложут муки, а душонку будет вечно терзать взор Недреманного Ока!

Лязгнул меч, покидая ножны.

— Грози, чем хочешь: я все равно сражусь с тобой.

— Ты — со мной сразишься? Глупец! Ни один смертный муж мне не страшен.

И тут Мерри услышал совсем уж нежданный звук. Казалось, Дернхельм рассмеялся, и сталью зазвенел его чистый голос.

— А я не смертный муж! Перед тобою женщина. Я — Эовин, дочь Эомунда, и я спорю с тобой о своем государе и родиче. Берегись, если ты не бессмертен! Я зарублю тебя, черная нежить, если ты тронешь его.

Крылатая гадина зашипела и рявкнула на нее, но Кольценосец безмолвствовал, точно вдруг усомнился в себе. А Мерри

был так удивлен, что страх его приотпустил. Он открыл глаза и, понемногу прозревая, увидел за десяток шагов чудище в черной мгле и на спине его жуткую тень главаря назгулов. По левую руку, поодаль от Мерри, стояла та, кого он называл Дернхельмом. Теперь на ней не было шлема, и золотистые пряди рассыпались по плечам. Сурово и прямо глядели ее светло-серые глаза, но по щекам катились слезы. В руке она держала меч и заслонялась щитом от мертвящего взора призрака.

Да, это была Эовин, это был Дернхельм. Мерри припомнилось юное лицо, которое он увидел при выезде из Дунхерга: лицо без проблеска надежды, затененное смертью. Он и жалел ее, и восхищался ею, и в нем пробудилась упорная хоббитская храбрость. Он сжал кулаки. Нельзя, чтоб она погибла — такая прекрасная, такая отважная! А уж если суждено ей погибнуть...

Враг не смотрел на него, но он опасался шелохнуться: как бы не пригвоздил его к земле ужасный взгляд. И пополз медленно-медленно, однако же для Черного Главаря он был что червяк в грязи — тому надо было жестоко расправиться с дерзкой противницей.

Внезапно чудище простерло крылья, источая зловоние. Оно снова взвилось высоко в воздух и с воплем ринулось вниз, на Эовин, выставив зубастый клюв и когти.

Но ни на шаг не попятилась она — ристанийская дева-воительница из рода конунгов, гибкая, как булатный клинок, блистающая грозной красой. Свистнул острый меч и единым махом разрубил вытянутую шею; отсеченная голова камнем брякнулась оземь. Эовин отпрянула назад, и рухнуло перед нею безглавое чудище, корчась и распластав широкие крылья. Черная мгла рассеялась; златокудрую царевну ярко озарило солнце.

Из праха вырос, воздвигся Черный Всадник, с остервенелым криком обрушил он булаву на ее щит, и щит разлетелся вдребезги, и обвисла сломанная рука, колени ее подогнулись. А назгул навис словно туча; сверкнули его глаза, и он занес булаву для смертельного удара.

Но вдруг он шатнулся, испустив крик боли, — и удар пришелся мимо, булава угодила в землю. Ибо меч хоббита прорезал сзади черный плащ и вонзился пониже кольчуги в подколенную жилу.

— Эовин! Эовин! — крикнул Мерри. И она из последних сил выпрямилась и взмахнула мечом, как бы отсекая корону от мантии, от могучих, склоненных над нею плеч. Меч раскололся, как стеклянный. Корона, звякнув, откатилась. Эовин ничком упала на труп поверженного врага... но пусты были плащ и кольчуга. Груда тряпья и железа осталась на земле; неистовый вопль стал протяжным, стихающим воем, ветер унес его, и вой захлебнулся вдали, и на земле его больше не слышали.

А хоббит Мериадок стоял среди мертвых тел и мигал на свету, будто совенок; слезы слепили его, и как в тумане видел он лучистые волосы недвижно простертой Эовин, потом посмотрел на лицо конунга, погибшего в час победы. Белогрив в предсмертных судорогах высвободил седока, но прежде невольно погубил его.

Мерри склонился и поднес к губам его руку. И вдруг Теоден открыл незамутненные глаза и с трудом, но твердо вымолвил:

— Прощай, господин хольбитла! Настал мой черед отойти к праотцам. Надеюсь, я не посрамил их памяти. И черного змия низверг я своей рукой. Рассвет был хмурый, но день яснеет, и будет золотой закат!

Мерри слова не шли на язык, и он опять заплакал.

— Прости, государь, — проговорил он, — прости, я нарушил твое веление — и только и смог, что оплакать нашу вечную разлуку.

Старый конунг улыбнулся.

— Не печалься. Верность в вину не ставят. Живи и радуйся, а как станешь на покое дымить своей трубкой, припомни меня. Не приведется, увы, нам пировать в Медусельде, как я тебе обещал, и не расскажешь ты мне про ваше учение о травах... — Он смолк и смежил веки. Мерри подался к нему, боясь дышать, и наконец услышал: — Где Эомер? Глаза мои застилает тьма, надо бы повидать его перед смертью. Ему быть конунгом. И пусть передаст мой прощальный привет Эовин. Она... она ведь не хотела со мной расставаться, и вот мы больше не свидимся, а она была мне милее дочери.

— Государь, государь, — начал было Мерри, запинаясь, — она... ее... — Но в это время послышались крики и топот и кругом затрубили рога. Мерри огляделся: он и думать забыл о сражении, ему казалось, будто много часов назад конунг помчался к победе и гибели, а было это совсем недавно. И он увидел, что стоит посреди поля брани, где вот-вот разыграется новая битва.

От реки по дороге спешили свежие рати врага, из-под стен подходили моргульские полчища, с юга надвигалась пехота и конница хородримцев, и за ними шествовали огромные мумаки с боевыми башнями на спинах. А с севера приближался развернутый конный строй во главе с Эомером в хвостатом шлеме; он вновь собрал, сомкнул и повел в бой ристанийское войско. Все до единого вышли из города гондорские ратники, впереди них развевалось знамя Дол-Амрота с Серебряным Лебедем, и враг бежал от ворот.

«А где же Гэндальф? — мелькнуло в голове у Мерри. — Он разве не здесь? Неужели он не мог спасти Эовин и конунга?»

Но тут к ним подскакали Эомер и гридни конунга — те, что уцелели и совладали с конями. Изумленно смотрели они на

мертвое чудище; лошади пятились от него. Эомер спрыгнул с седла, подошел к телу Теодена и замер, ошеломленный горем.

Один из витязей поднял хоругвь, разжав мертвую руку знаменосца Гутлафа. Теоден медленно открыл глаза, увидел хоругвь и сделал знак передать ее Эомеру.

— Привет тебе, конунг Ристании! — молвил он. — Иди, побеждай! И простись за меня с Эовин!

Так он и умер, не ведая, что Эовин лежит возле него. Воины плакали, восклицая:

— Конунг Теоден! Конунг Теоден!

И сказал им Эомер:

Не предавайтесь скорби! В битве погиб великий,
Погиб, как подобает. Когда насыплем курган,
Тогда будет время плача. Сейчас нас зовет брань!

Но он и сам, говоря это, плакал.

— Пусть останутся с ним его гридни, — сказал он, — и с почетом отнесут его тело к городу. Других тоже отнесите.

Он окинул взглядом убитых, припоминая их поименно, и увидел среди них сестру свою Эовин, и узнал ее. Он вздрогнул, точно стрела пронзила ему сердце; смертельно бледный, оледенев от ярости и муки, он слова не мог вымолвить. И свет перед ним затмился.

— Эовин, Эовин! — воскликнул он наконец. — Эовин, как ты здесь оказалась? Что это — безумие или чародейство? Смерть, смерть, смерть! Смерть выпала нам!

И, не созывая воевод, не дожидаясь гондорцев, он вскочил на коня, помчался назад к войску и затрубил атаку. Над полем разнесся его громогласный клич:

— Смерть! Вперед, на гибель, разите без пощады!

И войско двинулось, но мустангримцы больше не пели. «Смерть!» — в один голос грянули воины, и конная лавина, устремившись на юг, с грохотом пронеслась мимо убитого конунга.

А хоббит Мериадок все стоял и смаргивал слезы, и никто с ним не заговорил, никто его даже не заметил. Он отер глаза, наклонился за своим зеленым щитом, который вручила ему Эовин, и повесил его на спину. И поискал взглядом оброненный меч: когда он нанес удар, рука его отнялась и теперь висела как плеть. Да, вот оно, его оружие... Но что это? Клинок меча дымился, будто ветка на костре, и Мерри смотрел, как он стал тонкой светлой струйкой, а потом и вовсе исчез.

Таков был конец меча из Могильников, откованного на древнем Западе. И возрадовался бы тот оружейник Великого Северного княжества, что трудился над ним в незапамятные времена, ибо не было тогда у дунаданцев злее врага, чем анг-

марский король-ведьмак, ставший Главным Назгулом. Иной клинок, пусть и в самой могучей руке, был бы ему нипочем, а этот жестоко ранил, вонзившись в призрачную плоть и разрушив лиходейское заклятие.

Плащи были настелены на древки копий; на эти носилки гридни возложили конунга. Эовин бережно подняли и понесли за ним. Но других убитых пришлось оставить на поле, ибо там погибли семь витязей и среди них — первейший из гридней, Деорвин. Их отнесли подальше от вражеских трупов и мерзкой падали, оградив частоколом копий. Когда же отгремела битва, гридни воротились, развели костер и спалили смрадную тушу, а над могилой Белогрива насыпали холм и поставили камень с надписью по-гондорски и по-ристанийски:

Был верен конунгу конь Белогрив
И с ним погиб, его погубив.

Высокой и пышной травой порос этот холм, а на месте сожжения чудища навсегда осталась черная проплешина.

Медленно и уныло брел Мерри подле носилок, и не было ему дела до сражения. Он очень устал, руку грызла боль, все тело сотрясал озноб. Дождевая туча налетела с Моря: казалось, небеса оплакивают Эовин и Теодена, роняя серые слезы на пылающий город. Сквозь мутную пелену Мерри увидел, что к ним приближаются гондорские всадники. Имраиль, владетель Дол-Амрота, подъехал и осадил коня.

— Что у вас за ноша, ристанийцы? — крикнул он.

— Мы несем конунга Теодена, — отвечали ему. — Он пал в бою. А войско ведет конунг Эомер — узнаешь его по белому чупруну на шлеме.

Имраиль спешился и скорбно преклонил колена у носилок, чествуя воителя, чья доблесть спасла Гондор в роковой час. Поднявшись, он взглянул на Эовин и изумился.

— Но ведь это женщина, — сказал он. — Неужто жены и мужи Ристании бьются ныне бок о бок?

— Нет! — отвечали ему. — Одна лишь царевна Эовин, сестра Эомера, была с нами, и горе нам, что мы об этом не знали.

И князь подивился красоте мертвенно-бледной Эовин и, склонившись над нею, тронул ее руку.

— Ристанийцы! — вскричал он. — Нет ли меж вами лекарей? Она ранена и, быть может, смертельно, однако, мнится мне, еще жива.

Он поднес к ее холодным губам свой налатник — и слегка замутилась сверкающая сталь.

— Торопитесь! — сказал он и отправил конника в город за помощью. А сам в знак прощания низко поклонился павшим и, вскочив на коня, умчался в бой.

Все яростнее разгоралась битва на Пеленнорской равнине, и далеко был слышен грозный гул сражения: неистово кричали люди и бешено ржали кони, трубили рога, гремели трубы, ревели разъяренные мумаки. У южной стены города пешее гондорское воинство билось с моргульцами — их полку прибыло. Конница вся поскакала на восток, на помощь Эомеру: и Гурин Высокий, Хранитель ключей Минас-Тирита, и владетель Лоссарнаха, и Гирлуин с Изумрудных Холмов, и князь Имраиль со своими витязями.

А Эомеру помощь была нужнее нужного: опрометью, безоглядно бросил он войско в атаку, и неистовый натиск пропадал попусту. Ристанийцы с налету врезались в ряды южан, разогнали конницу и разметали пехоту. Но от мумаков лошади шарахались, и громадные звери стояли несокрушимые, словно башни, а хородримцы заново собирались вокруг них. Одних южан было втрое больше, чем всех ристанийцев, и подходили новые полчища из Осгилиата — запасные карательные войска, которые ожидали повеления вождя грабить взятый Минас-Тирит и опустошать Гондор. Вождя прикончили, но теперь начальствовал управитель Моргула Госмог: он-то и погнал их в бой. Были тут бородачи с бердышами, и дикари-воряги из Кханда, и темнокожие воины в багряных плащах, и черные троллюди с юга — белоглазые, с длинными красными языками. Одни устремились в тыл ристанийцев, другие — на запад, чтобы перекрыть путь подмоге.

И как раз когда счастье изменило Гондору и его соратникам, когда снова померкла надежда, с городских стен послышались крики. Время было полуденное, дул порывистый ветер, дождь унесло на север, и сияло солнце. В ясной дали взорам сторожевых предстало страшное зрелище.

За излучиной Харлонда Андуин тек напрямик, широко и плавно, и корабли бывали видны за несколько лиг. На этот раз городские стражи в ужасе и смятении увидели темную армаду на блещущей Реке: галеры и другие большие гребные суда шли под раздутыми ветром черными парусами.

— Умбарские пираты! — кричали люди. — Умбарские пираты! Смотрите! Плывут умбарские пираты! Значит, Бельфалас взят, захвачены устья, и Лебеннин во власти врага. Пираты плывут сюда! Это приговор судьбы!

И без приказа — приказы отдавать было некому — кину-

лись к колоколам и ударили в набат; трубы затрубили сигнал к отступлению.

— Бегите к стенам! — кричали сверху. — К стенам бегите! Скорее спасайтесь в городе, пока вас всех не перебили!

И ветер, который подгонял корабли, относил их призывы в сторону.

Но что там набат, что тревожные клики! Мустангримцы и сами уже увидели черные паруса. Эомер был за милю от Харлонда, с гавани наступали взбодрившиеся хородримцы, и вражеская рать уже отрезала его от дружины Дол-Амрота. Он поглядел на Реку, и надежда умерла в его сердце, и он проклял прежде благословенный ветер. А воинство Мордора с воплями дикой радости ринулось вперед.

Суров стал взор Эомера; гнев его больше не пьянил. По знаку его затрубили рога, призывая ристанийцев сплотиться вокруг хоругви конунга; он решил биться до последнего, спешившись и оградившись стеною щитов, и свершить на Пеленнорской равнине подвиги, достойные песен, хоть и некому будет воспеть последнего конунга Ристании. Он взъехал на зеленый холм и там водрузил хоругвь; и Белый Конь, казалось, поскакал на ветру.

Выехав из тумана, из тьмы навстречу рассвету,
Пел я солнечным утром, обнажая свой меч.
Теперь надежде конец, и сердце мое точно рана.
Остались нам ярость, и гибель, и кровавый закат!

Такие сказал он стихи, сказал — и рассмеялся. Ибо вновь охватило его упоение битвы: он был еще невредим, был молод, и был он конунг, достойный своего воинственного народа. С веселым смехом отчаяния он снова взглянул на черную армаду, грозя ей мечом.

Взглянул — и вдруг изумился и вне себя от радости высоко подбросил меч, блеснувший на солнце, поймал его и запел. И все посмотрели на Реку. Над передним кораблем взвилось черное знамя, а корабль повернул к Харлонду, и ветер развернул полотнище. На знамени было Белое Древо, как и на стягах Гондора, но вокруг его кроны семь звезд, а поверх — венец. Такого знамени, знамени Элендила, уже тысячи лет не видел никто. А звезды лучились на солнце, ибо жемчугом вышила их Арвен, дочь Элронда, и ярко блистал в полуденном свете венец из мифрила с золотом.

Так явился Арагорн, сын Араторна, Элессар, наследник Элендила: он прошел Стезей Мертвецов и с попутным ветром приплыл в свое княжество Гондор от морских берегов. Ристанийцы заливались радостным смехом и потрясали мечами; в ликующем городе гремели трубы и звонили колокола. А мор-

дорские полчища растерянно взирали, как — по волшебству, не иначе — на черных пиратских кораблях Умбара подплывают враги Властелина, и в ужасе понимали, что настала неминучая гибель, что участь их решена.

Гондорские дружины ударили с запада на троллюдов, ворягов и орков, ненавидящих солнце. Конники Эомера устремили копья на юг, и бежали от них хородримцы, угодив между молотом и наковальней. Ибо на Харлондские пристани прыгали воины за воинами и с ходу бросались в бой. Был среди них Леголас, был Гимли, крутивший секирой, и Гальбарад-знаменосец, и Элладан с Элроиром, и суровые витязи, северные Следопыты, а следом — тысячи ратников из Лебеннина, Ламедона и с гондорского приморья. Но впереди всех мчался Арагорн — на лбу его сиял алмазом венец Элендила, в руке сверкал меч, нареченный Андрилом: издревле он звался Нарсил, был сломан в бою и теперь, перекованный заново, пламенел грозно, как встарь.

И съехались посреди поля брани Эомер с Арагорном; они соскочили с коней, оперлись на мечи и радостно взглянули друг на друга.

— Вот мы и встретились, прорубившись сквозь полчища Мордора, — сказал Арагорн. — Помнишь, я предсказывал тебе это в Горнбурге?

— Да, предсказывал, — отозвался Эомер, — однако надежда обманчива, а я не ведал, что ты прозреваешь грядущее. Но вдвойне благословенна нежданная помощь, и никогда еще не было встречи отрадней. — И они крепко пожали друг другу руки. — В самую пору встретились мы, — прибавил Эомер. — Еще бы немного, и ты запоздал бы. Нас постигли горестные утраты.

— Что ж, сперва расплатимся, поговорим потом! — сказал Арагорн, и они поехали в битву бок о бок.

Сражаться пришлось еще долго, и жестокое было сражение: суровые, отважные южане дрались отчаянно, да и дюжие воины-бородачи с востока пощады не просили. У обгорелых усадеб и амбаров, на холмах и пригорках, за стенами и в открытом поле — повсюду скапливались они и везде отбивались, покуда хватало сил. Бои не утихали до самого вечера.

Наконец солнце скрылось за Миндоллуином, и все небо запылало: точно окровавились горные склоны, огненно-красной стала Река и закатный багрянец разлился по траве Пеленнорской равнины. К этому часу закончилась великая битва за Гондор, и в пределах Раммас-Экора не осталось ни одного живого недруга. Перебиты были все; беглецов догоняли и приканчивали, а другие тонули в алой пене андуинских волн. Может, кому

и удалось добраться до Моргула или до Мордора, но хородримской земли достигли лишь отдаленные слухи о беспощадной карающей деснице Гондора.

Арагорн, Эомер и Имраиль ехали к городским воротам, все трое утомленные до изнеможения. И все трое невредимые: то ли судьба их оберегала, то ли богатырская сила и воинское умение; правда, редкий недруг дерзал сразиться с ними, от их гнева бежали как от огня. А раненых и изувеченных было множество, и многие пали в этой битве. Изрубили бердышами Форлонга: он пеший бился в одиночку с толпой врагов. Дуилина с Мортхонда и брата его растоптали мумаки, когда мортхондские лучники стреляли чудовищам в глаза. Не вернулся к себе на Изумрудные Холмы Гирлуин Белокурый, воевода Гримблад не вернулся в Гримдол, и в свой северный край не вернулся Гальбарад Следопыт. Жестокая это была сеча, и никто не счел павших — вождей и простых воинов, прославленных и безымянных. И спустя много лет вот как пел ристанийский сказитель о могилах у Мундбурга:

Затрубили рога в предгорьях перед рассветом,
Засверкали мечи на великой южной равнине,
В Каменную страну примчались быстрые кони
Точно утренний ветер. И завязалась битва.
Теоден, сын Тенгела, пал среди первых.
Не вернулся могучий вождь ристанийского ополченья
К своим золотым чертогам, в свои зеленые степи,
В северные просторы. Гардинг и Гутлаф,
Дунгир, и Деорвин, и доблестный Гримблад,
Гирфара и Герубранд, Хорн и дружинник Фастред —
Все они пали, сражаясь в чужедальнем краю,
И лежат в могилах у Мундбурга, засыпаны тяжкой землею,
А рядом лежат их соратники, гондорские вожди.
Гирлуин Белокурый не принес победную весть
На холмы побережья; и к своим цветущим долинам,
В свой Лоссарнах, не вернулся старый вояка Форлонг.
Высокорослые лучники, Деруфин с Дуилином,
Не возвратятся к Мортхонду, что приосенен горами,
Не заглянут в темные воды своей родимой реки.
Смерть собирала жатву утром и на закате,
Острым серпом срезая ратников и воевод.
Спят они беспробудно, и на холмах могильных
Колышутся тучные травы у Великой Реки.
Струит она серые воды, точно серые слезы,
Они серебром отливают, а тогда были точно кровь,
И волны ее клубились и брызгали алою пеной,
И маяками горели на закате вершины гор.
Красная пала роса в тот вечер на Пеленнор.

Глава VII

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОСТЕР

Призрак исчез, и зияли пустые Врата, но Гэндальф оставался неподвижен. А Пин вскочил на ноги: его словно отпустило, и он стоял, внимая звонкой перекличке рогов, и сердце его, казалось, вот-вот разорвется от радости. До конца своей жизни он замирал со слезами на глазах, заслышав издали звук рога. Но вдруг он вспомнил, зачем прибежал, и кинулся вперед. В это время Гэндальф шевельнулся, что-то сказал Светозару и поехал к Вратам.

— Гэндальф, Гэндальф! — закричал Пин, и Светозар стал.

— Ты что тут делаешь? — сказал Гэндальф. — Не знаешь разве здешнего закона — стражам в черно-серебряном запрещено отлучаться из цитадели без позволения Градоправителя!

— А он позволил, — сказал Пин. — Он меня прогнал. Только вот как бы там не случилось чего-нибудь ужасного. По-моему, правитель не в своем уме. Боюсь, он и себя убьет, и Фарамира. Может, ты его как-нибудь вразумишь?

Гэндальф посмотрел в пролом ворот: с поля все громче доносился шум битвы.

— Мне надо туда, — сказал он. — Черный Всадник, того и гляди, вернется, и беды не миновать. Нет у меня времени.

— Но Фарамир-то! — вскрикнул Пин. — Он же не умер, а его сожгут заживо, если никто не помешает!

— Сожгут заживо? — повторил Гэндальф. — Что еще за новости? Быстрей выкладывай!

— Денэтор отправился в Усыпальню, — заторопился Пин, — и с ним понесли Фарамира, и он сказал, что все мы сгинем в огне, а он дожидаться не будет, пусть приготовят костер и сожгут его вместе с Фарамиром. И послал за поленьями и маслом. Я сказал Берегонду, но он вряд ли уйдет с поста, он на часах. Да и куда ему против Денэтора? — Пин выложил все вперемешку и трогал дрожащей рукой Гэндальфа за колено. — Ты не можешь спасти Фарамира?

— Наверно, могу, — сказал Гэндальф, — но, пока я буду его спасать, боюсь, погибнут другие. Что ж, пошли — тут никто больше, пожалуй, не сумеет помочь. Но помощь моя наверняка худо обернется. Да, от лиходейской порчи никакие стены не защитят. Враг проникает изнутри.

Приняв решение, он не мешкал: подхватил Пина, посадил его перед собой и переговорил со Светозаром. Они поскакали вверх по улицам Минас-Тирита, а гул за спиной нарастал. По-

всюду люди, очнувшись от ужаса и отчаяния, хватали оружие и кричали друг другу: «Мустангримцы пришли!» Слышались команды, ратники строились и спешили к разбитым Вратам.

Им встретился князь Имраиль, он их окликнул:

— Куда же ты, Митрандир? Мустангримцы уже сражаются на гондорской равнине! Нам надо собрать все силы!

— Выводи ратников всех до единого, — сказал Гэндальф. — И не теряй ни минуты. Я буду, как только смогу, но сейчас у меня неотложное дело к Градоправителю. Прими войско под начало!

На высоте, близ цитадели, в лицо им подул ветер, вдали забрезжило утро, и озарился южный небосклон. Но им от этого было мало радости: они предчувствовали недоброе и боялись опоздать.

— Темень рассеивается, — сказал Гэндальф, — но город все еще в сумраке.

У ворот цитадели стража не оказалось.

— Ага, Берегонд пошел туда, — сказал Пин, и у него полегчало на сердце. Они свернули на дорогу к Запертой Двери. Дверь была распахнута настежь, привратник лежал убитый: должно быть, у него отобрали ключи.

— То-то Враг порадуется! — сказал Гэндальф. — Ему как раз такие дела по нутру: свой разит своего, и оба по-своему верны долгу.

Он спешился и отослал Светозара в конюшню.

— Друг мой, — сказал он, — нам бы с тобою давно надо скакать в поле, да вот пришлось задержаться. Я скоро позову тебя!

Они вошли в дверь и спустились крутой извилистой дорогой. Светало, высокие колонны и статуи казались шествием привидений.

Внезапно тишину нарушили крики и звон мечей — такого здесь, в священной обители покоя, не бывало никогда со времен построения города. Наконец они вышли на Рат-Динен и поспешили к Усыпальне Наместников: ее высокий купол смутно виднелся в полумраке.

— Стойте! Стойте! — крикнул Гэндальф, подбегая к каменному крыльцу. — Остановитесь, безумцы!

На верхней ступени Берегонд в черно-серебряном облачении стража цитадели отражал нападение слуг Денэтора с факелами и мечами в руках. Двоих он уже зарубил, и кровь их обагрила крыльцо Усыпальни; остальные, нападая, выкрикивали проклятья мятежнику и предателю.

И Гэндальф с Пином услышали из склепа голос Денэтора:

— Скорее, скорее! В чем там дело? Убейте изменника! Без меня, что ли, не справитесь? — И дверь, которую Берегонд при-

державал левой рукой, распахнулась; появился Градоправитель, величественный и грозный, с обнаженным мечом. Глаза его сверкали.

Но взбежал по ступеням Гэндальф, и казалось, будто вспыхнула ослепительно белая молния; слуги попятились, заслоняя глаза. Он гневно воздел руку, и занесенный меч Денэтора отлетел и упал позади, в могильной тени, а сам Денэтор изумленно отступил на шаг.

— Это как же, государь мой? — вопросил маг. — Живым не место в склепах. И почему здесь блещут мечи, когда все ратники выходят на поле боя? Или Враг уже здесь, пробрался на Рат-Динен?

— С каких это пор повелитель Гондора в ответе перед тобой? — отозвался Денэтор. — Может, и слуги мои мне неподвластны?

— Подвластны-то они подвластны, — сказал Гэндальф. — Но если тобою владеют безумие и злоба, то власть твою можно и оспорить. Где твой сын Фарамир?

— Лежит в Усыпальне, — сказал Денэтор, — и его сжигает огонь, огонь палит его изнутри. И все мы скоро сгорим. Запад обречен: его пожрет великий огонь, и всему конец. Останется лишь пепел! Пепел и дым разнесет ветер!

И Гэндальф увидел, что наместник Гондора поистине утратил рассудок; опасаясь за Фарамира, он двинулся вперед, и Берегонд с Пином шли следом за ним, а Денэтор отступал до самого стола. Фарамир по-прежнему лежал в лихорадочном забытьи. Под столом и вокруг него громоздились поленья, обильно политые маслом, и маслом были облиты одежды Фарамира и покрывало. Тогда Гэндальф явил сокрытую в нем силу, подобно тому, как являл он свою светоносную власть, откинув серую хламиду. Он вскочил на груду поленьев, легко поднял Фарамира, спрыгнул вниз и понес его к дверям. А Фарамир застонал, в бреду призывая отца.

Денэтор словно очнулся, огонь погас в его глазах, полились слезы, и он промолвил:

— Не отнимай у меня сына! Он зовет меня.

— Да, он зовет тебя, — сказал Гэндальф, — но подойти к нему тебе нельзя. Он ищет целительной помощи на пороге небытия — не знаю, найдет ли. А тебе надлежит сражаться за свой осажденный город, выйти навстречу смерти. И сам ты все это знаешь.

— Нет, ему уже не помочь, — сказал Денэтор. — И сражаться незачем. Чего ради растягивать ненужную жизнь? Не лучше ли умереть вместе, с ним заодно?

— Не волен ты, наместник, предуказывать день и час своей

смерти, — отвечал ему Гэндальф. — Одни лишь владыки древности, покорствуя темным силам, назначали этот час и, одержимые гордыней и отчаянием, убивали себя, а заодно и родню, чтоб легче было умирать.

И Гэндальф вынес Фарамира из склепа и положил его на ложе, на котором его принесли: оно стояло у сводчатых дверей. Денэтор вышел вслед за ним и, содрогаясь, глядел на распростертого сына, не отрывая глаз от его лица. Все замерли, все молчали в ожидании слова правителя, а он колебался.

— Пойдем же! — сказал Гэндальф. — Пойдем, нас давно ждут. Ты нужен на поле брани.

И вдруг Денэтор расхохотался. Он выпрямился, высокий и горделивый, быстрыми шагами отошел к мраморному столу, взял свое подголовье, вынес его к дверям, раскутал — и все увидели, что в руках у него *палантир*. Он поднял его, и камень озарил огненным светом впалое лицо правителя: казалось, оно высечено из гранита, жесткое, надменное и устрашающее. И снова зажглись его глаза.

— Гордыней, говоришь, и отчаянием? — воскликнул он. — Ты, верно, думаешь, что окна Белой Башни — незрячие бельма? Откуда знать тебе, Серый Глупец, сколь много я отсюда вижу? Надежды твои — от неведения. Иди исцеляй полумертвых! Иди сражайся с победителями! Все понапрасну. Ну, может, и одержите вы победу в сражении — на день-другой. Но удар, занесенный над вами, не отразить. Лишь один малый коготок протянулся к Минас-Тириту. Несчетны воинства востока. И даже сейчас ты сдуру радуешься ветру, который влечет вверх по Андуину армаду под черными парусами. Запад обречен! И тем, кто не хочет умереть в рабстве, надо скорей расставаться с жизнью.

— Такие речи на руку Врагу и взаправду сулят ему победу, — сказал Гэндальф.

— Что ж, тешься надеждой! — захохотал Денэтор. — Я вижу тебя насквозь, Митрандир! Ты надеешься править вместо меня, хочешь исподтишка подчинить себе престолы севера, юга и запада. Но все твои замыслы я разгадал. Думаешь, я не знаю, что ты строго-настрого велел этому вот невысоклику держать язык за зубами? Что ты приставил его шпионить за мной у меня во дворце? Однако же я выведал у него всю подноготную про всех твоих спутников. Так-то! Ты, значит, левой рукой подставлял меня точно щит, заслоняясь от Мордора, а правой манил сюда северного Следопыта, чтобы посадить его на великокняжеский престол!

Нет, Митрандир, или Гэндальф, или как тебя там! Я — наместник, поставленный потомком Анариона, и негоже мне становиться слабоумным прислужником какого-то выскочки. Если

даже он и впрямь наследник, то всего лишь дальний наследник Исилдура. Что мне до этого последыша захудалого рода, давным-давно лишенного власти и достоинства?

— А будь твоя воля, чего бы ты хотел? — спросил Гэндальф.

— Я хочу, чтобы все и дальше оставалось так, как было при мне, — отвечал Денэтор, — как было исстари, со времен моих далеких предков: хочу править Гондором в мире и покое — и чтобы мне наследовал сын, который будет сам себе хозяином, а не подголоском чародея. Если же мне в этом отказано судьбою, то я не хочу *ничего* — ни униженной жизни, ни умаленной любви, ни попранной чести.

— Не пойму я, как это возвращение законного Государя унижает, умаляет и бесчестит верного наместника, — сказал Гэндальф. — Да и сын твой пока что жив — ты не вправе решать за него.

При этих словах глаза Денэтора запылали пуще прежнего, он взял камень под мышку, выхватил кинжал и шагнул к ложу. Но Берегонд бросился вперед и заслонил Фарамира.

— Ах, вот как! — воскликнул Денэтор. — Мало тебе украсть у меня половину сыновней любви, ты еще и слуг моих соблазнил, и теперь у меня нет сына. Но в одном ты не властен мне помешать: я умру, как должно!.. Ко мне! — приказал он слугам. — Ко мне, кто из вас не предатели!

И двое из них взбежали к нему по ступеням. Он выхватил факел у первого и ринулся назад, в склеп. Гэндальф не успел остановить его: поленья с треском вспыхнули, взвилось и загудело пламя.

А Денэтор одним прыжком вскочил на стол, поднял свой жезл, лежавший в изножье, и преломил его об колено. Потом он швырнул обломки в костер, поклонился — и лег навзничь, обеими руками прижимая к груди *палантир*. Говорят, если кому случалось потом заглянуть в этот Зрячий Камень и если не был он наделен особой властью подчинять себе палантиры, то видел в нем лишь скрюченные старческие руки, обугливающиеся в огне.

Негодуя и скорбя, Гэндальф отступил и затворил двери. Он молча стоял в раздумье у порога, все слушали завывание пламени, доносившееся из склепа. Потом раздался страшный выкрик, и больше на земле Денэтора не видели и не слышали.

— Таков был конец Денэтора, сына Эктелиона, — промолвил Гэндальф и обернулся к Берегонду и к застывшим в ужасе слугам. — И вместе с ним навеки уходит в прошлое тот Гондор, в котором вы жили: к добру ли, к худу ли это, но дни его сочтены. Здесь пролилась кровь, но вы отриньте всякую злобу и не помышляйте о мести: вашей вины в том нет, это лиходейские козни. Даже верность присяге может оказаться пагубной, запу-

тать в хитрых сетях Врага. Подумайте вы, верные слуги своего господина, слепо ему повиновавшиеся: ведь если бы не предательство Берегонда, то Фарамир, верховный начальник стражи Белой Башни, сгорел бы вместе с отцом. Унесите погибших товарищей с этой злосчастной Улицы Безмолвия. А мы отнесем Фарамира, ныне наместника Гондора, туда, где он, быть может, очнется или уснет навеки.

И Гэндальф с Берегондом подняли ложе и понесли его прочь от склепов, к Палатам Врачеванья, а Пин, понурившись, брел следом. Но слуги Правителя стояли как вкопанные, не в силах оторвать глаз от Усыпальни. Когда Гэндальф и спутники его миновали Рат-Динен, послышался гулкий треск. Обернувшись, они увидели, что купол склепа расселся, извергая клубы дыма. С грохотом обрушилась каменная груда в бушующий огонь, но пламя не угасло, и языки его плясали и взвивались посреди развалин. Лишь тогда слуги встрепенулись и, подняв трупы, поспешили вслед за Гэндальфом.

У Фен-Холлена Берегонд скорбно поглядел на убитого привратника.

— Никогда себе этого не прощу, — сказал он. — Но я себя не помнил от спешки, а он даже слушать не стал и обнажил меч.

И, вынув ключ, отобранный у мертвеца, он затворил и запер дверь.

— Ключ теперь надо отдать государю нашему Фарамиру, — сказал он.

— Пока что его заменяет правитель Дол-Амрота, — сказал Гэндальф, — но он при войске, и здесь распоряжаться буду я. Оставь ключ у себя и храни его, пока в городе не наладят порядок.

Наконец они вышли на верхние ярусы и в еще неверном утреннем свете направились к Палатам Врачеванья, красивым особнякам, где прежде лечили тяжелобольных, а теперь — опасно и смертельно раненных. Они находились недалеко от ворот цитадели, в шестом ярусе у южной стены, и возле них были сад и роща — для Минас-Тирита диво дивное. Хозяйничали там женщины, которым позволили остаться в городе, ибо они помогали врачевать и были хорошими сиделками.

Когда Гэндальф с Берегондом поставили ложе у главного входа в Палаты, с поля битвы, из-за нижних Врат, вдруг послышался, раздирая уши, исступленный, пронзительный вопль; ветер унес его, и он стих где-то в поднебесье. Вопль был ужасен, и все трое на миг замерли, но, когда он отзвучал, они вздохнули полной грудью, как не дышалось ни разу после нашествия тьмы с востока, и засияло утро, и солнце пробилось сквозь тучи.

Но лицо Гэндальфа было сурово и печально. Он велел Берегонду с Пином отнести Фарамира в Палаты, а сам взошел на ближнюю стену. Словно белое изваяние, стоял он, озаренный солнцем, и всматривался в даль. Его взгляду, не по-земному зоркому, открылось все, что произошло, и когда Эомер, оставив войско, подъехал и спешился возле простертых тел, Гэндальф тяжко вздохнул, завернулся в плащ и спустился со стены. Берегонд и Пин вскоре вышли; он задумчиво дожидался их у дверей.

Они поглядели на него, и наконец он прервал молчание.

— Друзья мои! — сказал он. — Ты, защитник столицы Гондора, и ты, маленький житель западного края! Великий подвиг свершился ценою великого горя. Плакать нам или радоваться? Мы и надеяться не смели, что лютый наш недруг сгинет, но этот неистовый вопль возвестил о его погибели. Однако же и нас постигла тяжкая утрата. Я мог отвратить ее, когда б не безумие Денэтора. Нет, от Врага в крепостях не укроешься. Но теперь-то я знаю, как ему удалось проникнуть в глубь самой мощной крепости.

Я давно догадался, что здесь, в Белой Башне, сокрыт хотя бы один из Семи Зрячих Камней, и напрасно наместники мнили, будто это великая тайна. До поры до времени у Денэтора хватало мудрости не трогать палантир, не соперничать с Сауроном: он трезво оценил свои силы. Но с годами мудрости у него поубавилось, и, когда над Гондором нависла угроза, он, должно быть, в Камень заглянул — и заглядывал, и, обманывался, и боюсь, после ухода Боромира заглядывал слишком часто. Барад-Дур не мог подчинить его своей злой воле, но видел он только то, что ему позволялось видеть. Узнавал он немало, и многое очень кстати, однако зрелище великой мощи Мордора довело его до отчаяния и подточило рассудок.

— Теперь-то я понимаю, а тогда как испугался! — воскликнул Пин, содрогнувшись при этом воспоминании. — Он тогда вышел из чертога, где лежал Фарамир, и вернулся не скоро, а я подумал, какой он совсем другой — дряхлый, надломленный.

— Когда Фарамира внесли в Башню, многие из нас часом позже видели, как вдруг засветилось верхнее окно Башни, — сказал Берегонд. — Но такое и раньше бывало, и слух шел давно, что правитель порой единоборствует с Врагом.

— Верны, стало быть, мои догадки, — сказал Гэндальф. — Вот так и проник Саурон в Минас-Тирит и сумел меня задержать. Придется мне здесь пока и остаться: вслед за Фарамиром принесут других раненых.

Надо спуститься к воротам и встретить их. Горестно мне то, что увидел я на равнине, и как бы не стало еще горестнее. Пойдем со мной, Пин! А ты, Берегонд, иди в цитадель и доложи сво-

ему начальнику обо всем, что случилось. Стражем Белой Башни, боюсь, тебе уж не быть; скажи ему, однако ж, что, если он не против, я ему советую послать тебя в Палаты Врачеванья — здесь тоже нужна охрана и нужно будет выхаживать правителя Гондора. Если он очнется, хорошо бы ты был рядом, ибо ты, и никто другой, спас его от огненной смерти. Ступай! Я скоро вернусь.

И он пошел с Пином вниз по улице. В это время брызнули серые дождевые струи, смиряя пожары. Дымное облако застлало город.

Глава VIII

ПАЛАТЫ ВРАЧЕВАНЬЯ

Глаза Мерри застилали слезы и туманила усталость, когда впереди показались разбитые ворота Минас-Тирита. Он пробирался между грудами мертвых тел и обломков, не замечая их. Носился дым, воняло гарью; догорали и тлели башни в огненных рвах вместе с трупами людей и орков и останками громадных зверей из южного края, которых закидали камнями или застрелили, целясь в глаза, храбрые лучники Мортхонда. Дождь кончился, сверкало солнце, однако же город был окутан понизу дымным смрадом.

Люди выходили из города, расчищали поле, закапывали отбросы битвы. Прибыли паланкины. Эовин бережно возложили на подушки, а тело конунга укрыли златотканым покровом. Впереди шли факельщики, и бледный в солнечном свете огонь метался по ветру.

Так внесли Теодена и Эовин в столицу Гондора, и все встречные склонялись, обнажив головы. Прошли сквозь дым и пепел первых ярусов и стали подниматься по нескончаемым каменным улицам. Мерри казалось, что так всегда и будет, что его затягивает безысходное сновидение, что так ему будто и надо идти, идти и идти к неведомому концу, где никакая память не поможет.

Далеко-далеко еще раз мелькнули и исчезли факельные огни. Он брел в темноте и думал: «Этот узкий путь ведет в могилу, там и отдохну». Но вдруг его мертвящий сон нарушил живой голос:

— Мерри, ну наконец-то! Нашелся все-таки!

Он поднял взгляд, и туман немного рассеялся. Перед ним стоял Пин! Узкая улочка, их двое, и никого больше. Он протер глаза.

— Где конунг? — сказал он. — И где Эовин? — Он споткнулся, присел на крыльцо и снова заплакал.

— Они там, в цитадели, — сказал Пин. — Я уж подумал, ты заснул на ходу и забрел невесть куда. Мы когда увидели, что тебя нет, Гэндальф послал меня: ищи, говорит, без него не возвращайся. Ну, Мерри, ну, старина! Да как же я рад тебя видеть! Но ты на ногах едва держишься, а я языком болтаю. Погоди, тебе плохо, ты раненый?

— Да нет, — сказал Мерри. — Вроде бы и не раненый. Только понимаешь, Пин, правая рука отнялась, как я его ударил. И меч истлел будто веточка.

Пин тревожно глядел на него.

— Слушай, пойдем-ка да побыстрее, — сказал он. — Не унесу я тебя, а жаль: ходок из тебя неважный. Тебе вообще-то и ходить нельзя, но ты уж прости. Такие дела в городе, просто ужас что творится — мудрено ли ненароком упустить из виду раненого хоббита.

— Иной раз не худо, ежели тебя упустят из виду, — сказал Мерри. — Меня как раз из виду упустил... нет-нет, об этом не надо. Помоги, Пин! Рука совсем оледенела, и темень перед глазами.

— Ты обопрись на меня, дружище! — сказал Пин. — Пойдем, пойдем! Потихонечку, шаг за шагом. Тут недалеко.

— До кладбища, что ли, недалеко? — осведомился Мерри.

— До какого там кладбища! — сказал Пин веселым голосом, чуть не плача от страха и жалости. — Нет, мы пойдем в Палаты Врачеванья.

Они вышли из проулка между высокими домами и стеной четвертого яруса на главную улицу, ведущую к цитадели. Шли они, и то сказать, шаг за шагом: Мерри шатался и бормотал как во сне.

«Не доведу я его, — подумал Пин. — Хоть бы кто помог! Не оставлять же его посреди улицы».

И тут — вот чудеса! — сзади послышался топоток, и выскочил мальчишка; это был Бергил, сын Берегонда.

— Привет, Бергил! — крикнул Пин. — Куда спешишь? Я вижу, ты жив-здоров, на радость отцу!

— Я на посылках у врачевателей, — отозвался Бергил. — Некогда мне с тобой.

— Да и беги себе! — сказал Пин. — Только скажи им там, что раненый хоббит — ну, периан, вроде меня — кой-как доплелся с поля брани, а дальше идти не может. Митрандиру, если он там, скажи, он обрадуется.

И Бергил убежал.

«Здесь и подожду», — подумал Пин. Он опустил Мерри на мостовую в солнечном месте и уселся возле него, положив его голову себе на колени. Потом ощупал его с ног до головы и взял его руки в свои. Правая рука была ледяная.

Очень скоро явился не кто-нибудь, а сам Гэндальф. Он склонился над Мерри, погладил его по лбу, потом бережно поднял.

— Его надо было встречать с почестями, — сказал он. — Да, я в вас не обманулся, и, если бы Элронд меня не послушал, не пустил бы вас обоих в поход, куда печальнее был бы нынешний день. — Он вздохнул. — Однако же вот и еще один раненый у меня на руках, а битва кто знает, чем кончится.

В Палатах Врачеванья за Фарамиром, Эовин и Мериадоком ухаживали как нельзя лучше. Ибо хотя многие древние науки и искусства были утрачены, гондорские лекари по-прежнему не знали себе равных: они умело заживляли всевозможные раны и целили все болезни, какими люди хворали в здешних краях, от Минас-Тирита до моря. Только от старости не лечили: от нее средства найдено не было, да и жить стали гондорцы немногим дольше прочих. Редкие из них, не одряхлев, доживали до ста лет — разве что чистокровные потомки самых старинных родов. А нынче искуснейшие врачеватели стали в тупик перед новым тяжким недугом, который назван был Черной Немочью, ибо его причиняли назгулы. Пораженные этим недугом засыпали все крепче и крепче и во сне цепенели и умирали. Этот недуг, как видно, и поразил доставленных в Палаты невысоклика и ристанийскую царевну: их сразу признали безнадежными. Правда, они, когда день прояснился, заговорили сквозь сон, и сиделки ловили каждое их слово — вдруг скажут что-нибудь нужное. Однако по мере того, как солнце клонилось к западу, они все глубже впадали в забытье, и серая тень наползала на их лица. А Фарамира трясла лихорадка, не отпуская ни на миг.

Гэндальф ходил от постели к постели; сиделки ему обо всем докладывали. Так миновал день. Великая битва под стенами города разгоралась и затихала, слухи были путаные и тревожные, а маг все ухаживал за ранеными, не решаясь оставить их. Наконец небо окрасил алый закат, и отсвет его озарил серые лица. Казалось, они чуть-чуть порозовели, но это был лишь призрак надежды.

Старейшая из оставшихся женщин, знахарка Иорета, взглянула на прекрасное лицо умирающего Фарамира и заплакала, ибо все любили его. И сказала сквозь слезы:

— Да неужели же он умрет? Ах, если бы Государь воротился к нам в Гондор — были же когда-то у нас Государи! Есть ведь

старинное речение: «В руках Государя целебная сила». Так и распознается истинный Государь.

А Гэндальф, который стоял рядом, промолвил:

— Золотые твои слова, Иорета, долго их будут помнить! Ибо они вселяют надежду: а вдруг и правда Государь воротится в Гондор? До тебя не дошли диковинные слухи?

— Мало ли чего говорят, а кричат еще больше, мне слушать недосуг, — сказала она. — Лишь бы эти разбойники до нас не добрались, не потревожили раненых!

И Гэндальф поспешно ушел, а закат догорал, и угасали огненные груды на равнине, и спускались пепельно-серые сумерки.

Солнце заходило, и у городских ворот съехались Арагорн, Эомер и Имраиль; с ними были воеводы и витязи. И Арагорн сказал:

— Смотрите, какой огненный закат! Это знамение великих перемен: прежнее становится прошлым. Однако же этим городом и подвластным ему краем многие сотни лет правили наместники, и не след мне въезжать в Минас-Тирит самозванцем, побуждая к розни и кривотолкам. Нет, не войду я в свой город и не объявлюсь, доколе идет война с Мордором, исход которой неведом. Шатры мои поставят близ ворот, и здесь я буду дожидаться приглашения Градоправителя.

Но Эомер возразил:

— Ты же поднял знамя великих князей, ты явился в венце Элендила! И теперь хочешь посеять сомнения?

— Нет, — сказал Арагорн. — Просто мое время еще не приспело, я не хочу раздоров перед лицом Врага.

И тогда сказал князь Имраиль:

— Мудро ты рассудил, Государь, говорю тебе как родич Денэтора. Он старец гордый и своевольный, и темны его думы с тех пор, как погиб его сын. Однако негоже тебе и оставаться нищим у дверей.

— Почему же нищим? — сказал Арагорн. — Пока что я — северный Следопыт, а мы не привыкли ночевать в каменных домах.

И он велел свернуть знамя и снял алмазный венец, отдав его на хранение сыновьям Элронда.

Вдвоем поехали в город Имраиль с Эомером, и шумная толпа провожала их по улицам до ворот цитадели. Они вошли в тронный чертог Белой Башни, ожидая увидеть наместника. Но кресло его было пусто, а у ступеней трона под балдахином покоился Теоден, конунг ристанийский; двенадцать светильников

горели вокруг, и стояли двенадцать витязей, ристанийских и гондорских. Балдахин был бело-зеленый, а конунг укрыт по грудь златотканым покровом. На груди его лежал обнаженный меч, а в ногах щит. И, подобно солнечным бликам на струях фонтана, играли отсветы факелов на густых сединах. Лицо у старого конунга было прекрасное и юное, но просветленное покоем, юности недоступным; казалось, он всего лишь уснул.

Они постояли в молчании, и потом Имраиль спросил:

— А где же наместник? И где Митрандир?

Один из стражей ответил ему:

— Наместник Гондора в Палатах Врачеванья.

И тогда спросил Эомер:

— А где моя сестра, царевна Эовин? Ей должно покоиться рядом с конунгом, и подобают ей равные почести. Куда ее отнесли?

И отозвался Имраиль:

— Там, близ городских ворот, царевна Эовин была еще жива. Ты разве не знал об этом?

В сердце Эомера вспыхнула надежда, а вместе с нею такая мучительная тревога, что он, ни слова не говоря, повернулся и быстро вышел из Башни. Имраиль следовал за ним. Смеркалось, на небе высыпали звезды. У дверей Палат Врачеванья они встретили Гэндальфа, и с ним был некто в сером плаще. Они отдали магу поклон и обратились к нему:

— Мы ищем наместника, нам сказали, он здесь. Неужели он ранен? А царевна Эовин — где она, ты не знаешь?

И Гэндальф отвечал им:

— Царевна здесь, и она жива, хоть и близка к смерти. Фарамир, как вы знаете, ранен отравленным дротиком, и теперь он наместник Гондора, ибо Денэтора нет в живых и прах его испепелен.

Они внимали ему скорбно и удивленно. И сказал Имраиль:

— Не в радость нам стала победа: она куплена горькой ценой, коли нынче Гондор с Ристанией лишились своих государей. Эомер будет править мустангримцами, но как же Минас-Тирит? Не послать ли за Государем Арагорном?

— Он уже пришел, — сказал человек в плаще и выступил вперед. Свет фонаря над дверями озарил его, и они узнали Арагорна, надевшего лориэнский плащ поверх кольчуги. Венца на нем не было, но брошь, подарок Галадриэли, осталась у него на груди.

— Я пришел сюда по слову Гэндальфа, — сказал он. — Но сейчас я не более и не менее как вождь арнорских дунаданцев. Препоручаю Град Имраилю, покуда не очнется Фарамир. И со-

ветую ему в главном довериться Гэндальфу — да будет он нашим общим правителем в эти грозные дни.

Все были согласны, и Гэндальф сказал:

— Не будем же медлить у дверей, время не ждет. Пойдемте! Для раненых нет надежды помимо Арагорна. Ибо сказала гондорская знахарка Иорета: *«В руках Государя целебная сила, и так распознается истинный Государь»*.

Арагорн вошел первым; за дверями стояли двое часовых в облачении стражей цитадели — один рослый, другой сущий мальчик. При виде Арагорна он подскочил и вскрикнул от радости и удивления:

— Бродяжник! Вот это да! Я ведь сразу понял, что там, на черных кораблях, ты и плывешь, а кому же еще! А все орут: «Пираты! Пираты!» — разве их перекричишь? Как это у тебя получилось-то?

Арагорн рассмеялся и пожал хоббиту руку.

— Рад тебя видеть! — сказал он. — Погоди, потом расскажу.

А Имраиль сказал Эомеру:

— Подобает ли так говорить с Государем? Впрочем, может статься, он будет царствовать под другим именем!

Арагорн услышал его и сказал, обернувшись:

— Да, имя будет другое, ибо по-древнему я зовусь *Элессар*, Эльфийский Берилл, и еще *Энвинъятар*, Обновитель. — И он явил взорам зеленый самоцвет, блеснувший у него на груди. — Однако если мне суждено основать царственный дом — что ж, так и быть, я нарекусь Бродяжником. Не так уж страшно это и звучит на языке былых времен: буду я зваться *Телконтаром* и завещаю это имя наследникам.

Они прошли в Палаты, и по пути Гэндальф поведал о подвиге Эовин и Мериадока.

— Долгие часы, — сказал он, — склонялся я над ними, внимая бессвязным речам, пока их не затянула предсмертная темнота. Правда, я и раньше многое увидел издали.

Арагорн сперва подошел к Фарамиру, потом к Эовин и Мерри. Он осмотрел их, поглядел на бескровные лица и тяжело вздохнул.

— Не знаю, сумею ли я помочь и хватит ли у меня сил, — сказал он. — Сделаю все, что смогу. Элронда бы сюда, старейшего из дунаданцев, он великий целитель.

Видя, как он устал и удручен, Эомер спросил:

— Может, тебе сначала отдохнуть или немного подкрепиться?

Но Арагорн ответил:

— Нет, для этих троих время истекает, для Фарамира как бы уже не истекло. Тут медлить нельзя.

И он обратился к Иорете:

— Запасены у вас в Палатах снадобья и целебные травы?

— Конечно, ваша милость, — сказала она, — только маловато осталось, разве напасешься. Да и где их сейчас взять, повсюду безобразие, огонь, пожары, посыльных раз-два и обчелся, и куда их посылать, дороги-то перекрыты! Уж, право, не помню, когда был подвоз из Лоссарнаха. Справляемся с тем, что есть, но, может, чего и недостает, сами посмотрите.

— Посмотрю, — сказал Арагорн. — Больше всего недостает у нас времени на разговоры. *Целема* у вас есть?

— Может быть, и есть, не знаю, сударь, — отвечала она, — но название мне незнакомо. Сейчас позову нашего травоведа: он знает все старинные названия.

— По-простому ее в Гондоре, кажется, называют *княженицей*, — сказал Арагорн. — Ну?

— Ах, вот вы о чем! — сказала Иорета. — Сразу бы назвали как следует, я бы сразу вам и ответила. Нет, этой травы у нас нет, я совершенно уверена. Ну что вы, тем более нет в ней и никакой целебной силы, травка и травка, только что листья большие. Бывало, мы с сестрами набредали на нее в лесу, и я говорила: «Это надо же, княженица — вот уж назвали, не пойму отчего: была бы я княгиней, не такие бы травы росли у меня в саду!» Духовитая, правда, если ее растереть. Духовитая, может, не то слово; у нее такой, знаете, живительный запах.

— Вот-вот, живительный, — сказал Арагорн. — И если вы, сударыня, взаправду любите правителя своего Фарамира, то без лишних слов и так же быстро, как они у вас вылетают, обыщите весь город и добудьте мне княженицы, хоть один листок.

— А если в городе ее нет, — добавил Гэндальф, — придется мне ехать в Лоссарнах с Иоретой. Сестер ее навещать не будем, а княженицу найдем. Вот сядет она на Светозара — поймет, что значит «быстрее».

Иорета ушла, и Арагорн велел женщинам вскипятить воды. Потом взял руку Фарамира и потрогал его лоб, обильно увлажненный холодной испариной. Но Фарамир не шелохнулся, он уже почти не дышал.

— Отходит, — сказал Арагорн, повернувшись к Гэндальфу. — И не в ране его беда. Погляди, рана подживает. Если бы его поразил дротик назгула, он бы умер прошлой ночью. Наверно, дротик был хородримский. Кто его выдернул? Его сохранили?

— Выдернул я, — сказал Имраиль, — и рану я перевязывал. А дротик выбросил, хранить его мне и в голову не пришло, не до того было. Теперь припоминаю: да, обыкновенный хород-

римский дротик. Но я-то подумал, что его метнули сверху — с чего бы иначе Фарамир так занемог? Рана была неглубокая. В чем же тогда, по-твоему, дело?

— Смертельная усталость, душа не на месте из-за отца. Тут еще рана, а главное — Черная Немочь, — сказал Арагорн. — Он противился ей с железным упорством, ведь мертвенная тень нависала над ним задолго до битвы у крепи. Ну, и одолела все-таки Немочь, когда он бился из последних сил. Да, похоже, что я опоздал!

Тут явился травовед.

— Ваша милость изволили спрашивать *княженицу*, как ее называют в народе, — сказал он, — иначе говоря, *ацэлас*, или *целему*, которая звалась по-валинорски...

— Именно ее я изволил спрашивать, — перебил Арагорн, — и неважно, где она звалась *ацеа араниои*, а где *княженицей*. Есть она у вас?

— С вашего позволения, сударь! — сказал тот. — Я вижу, ваша милость не только воитель, но и знаток древних сказаний. Но, увы, сударь, нет у нас в Палатах Врачеванья упомянутой травы, ведь мы здесь пользуем лишь тяжелобольных или тяжелораненых. Между тем упомянутая трава особой целебной силы не имеет, она лишь очищает воздух, источая легкое благоухание, ну, пожалуй, еще бодрит немного. Не судить же о ней по старинным стишкам, которые, может статься, помнит и наша добрая Иорета:

Если похолодеет день,
Если смерть подступит как тень,
Спасенье в целеме — она
Поможет тебе одна
И, дана Государя рукой,
Дарует целебный покой.

Смысла в них, сами изволите видеть, ни на грош, но мало ли что застревает в памяти старух знахарок. Впрочем, кое-кто — верно, тоже по старой памяти — пользует настоем целемы головную боль.

— Именем Государя заклинаю, — воскликнул Гэндальф, — пройдитесь скорее по домам: быть может, у какого-нибудь не столь многомудрого старца она и вправду сыщется!

Арагорн опустился на колени у ложа Фарамира, положил руку ему на лоб, и те, кто был в палате, стали свидетелями тяжкого борения. Лицо Арагорна посерело от усталости, время от времени он призывал Фарамира, но зов его звучал все тише, как бы издалека, будто он уходил в какую-то темную узкую долину, искал того, кто там заблудился.

Впопыхах прибежал Бергил с шестью длинными листьями в тряпице.

— Вот княженица, сударь, — сказал он, — только не очень-то свежая, недели уж две как сорвана. Такая годится или нет? — И, поглядев на Фарамира, он расплакался.

— Сгодится и такая, — сказал Арагорн, улыбаясь ему. — Кажется, худшее позади. Оставайся в палате и приободрись!

Он взял два длинных листа, подышал на них, растер в ладонях — и в палате повеяло живительной свежестью, точно самый воздух заискрился и затрепетал. Затем он опустил листья в принесенную чашу с кипятком, и у всех посветлело на душе: пахнуло росистым утром в том лазурном краю, о котором даже сияние земной весны — лишь бледное напоминание. Арагорн легко поднялся на ноги и с улыбкой в глазах поднес чашу к бледному лицу Фарамира.

— Ну и ну! Кто бы мог подумать! — обратилась Иорета к сиделке. — Травка-то, оказывается, не простая. Мне вспомнился Имлот-Мелуи — я ведь там выросла, и розы там такие, хоть Государя ими венчай.

Вдруг Фарамир пошевелился, открыл глаза, увидел склоненного над ним Арагорна — и взгляд его засветился радостью узнавания, и он тихо промолвил:

— Государь, ты вызвал меня из тьмы. Приказывай — я повинуюсь.

— Очнись и бодрствуй, не блуждай более в сумраке, — сказал ему Арагорн. — Перемогай усталость, отдохни, подкрепись и жди моего прихода.

— Исполню все, как велишь, — отвечал Фарамир. — Государь воротился в Гондор, и с ним одоление немочей!

— Так до свидания же! — сказал Арагорн. — Я пойду к другим раненым.

И он вышел из палаты с Имраилем и Гэндальфом, а Берегонд и сын его остались возле Фарамира, они себя не помнили от счастья. Пин пошел за Гэндальфом и, притворяя дверь, услышал возглас Иореты:

— Государь! Нет, вы слышали? А я что говорила? Я же сказала: «В руках Государя целебная сила».

И вскоре по городу разнеслась молва, что в Минас-Тирит явился Государь, что он не только воитель, но и целитель.

Подойдя к Эовин, Арагорн сказал:

— Страшный удар был ей нанесен, и жестокое она получила увечье. Но сломанную руку перевязали искусно, и рука срастется — достало бы сил выжить. Перебита левая рука, однако смер-

тью грозит ей правая — та, в которой был меч. Она хоть и цела, но омертвела.

Злой рок выпал царевне: чтобы сразиться с таким могучим и ужасным противником, надо быть тверже стали, иначе непомерное усилие сгубит тебя самого. А она вступила в гибельный поединок — она, прекрасная дева, украшение царственного рода. И мнится мне, что она искала испытания превыше сил. Когда я впервые увидел ее, я был поражен: она сияла, как лилия, стройная и горделивая, но не хрупкая, а точно выкованная из стали эльфийскими искусниками. Или, может быть, подобная оледенелому цветку, скорбно-пленительному и обреченному на смерть. Ведь скорбь снедала ее давно, не так ли, Эомер?

— Дивлюсь я, Государь, что ты обратился ко мне, — отвечал тот. — Я ничуть не виню тебя, ты и здесь безупречен; однако же сестра моя Эовин, покуда не довелось ей увидеть тебя, вовсе не была подобна оледенелому цветку. Мы разделяли с ней тревоги и заботы в те злосчастные времена, когда Гнилоуст правил именем конунга; конечно, ей приходилось горевать. Но скорбь ее не снедала!

— Друг мой, — сказал ему Гэндальф, — ты разъезжал на любимом коне по ристанийским полям и сражался с врагами, а она, хоть и родилась женщиной, не уступит тебе ни отвагой, ни силой духа. И однако же она осуждена была ухаживать за стариком, которого любила как отца, и видеть, как он впадает в жалкое слабоумие. Незавидной, наверно, казалась ей участь клюки дряхлого старца, а такова и была ее участь.

Ты думаешь, Гнилоуст отравлял только слух Теодена? «Слабоумный выродок! Твой Дом Эорла — навозный хлев, где пьяные головорезы вповалку храпят на блевотине, а их вшивое отродье ползает среди шелудивых псов!» Помнишь эти слова? Их произнес Саруман, наставник Гнилоуста. О, конечно, Гнилоуст выражался хитрее и осмотрительнее. А сестра твоя молчала из любви к тебе, из преданности долгу, иначе с губ ее могли бы сорваться очень жестокие речи. Но кто знает, какие слова повторяла она в одиночестве, в глухие ночные часы, когда вся жизнь ее казалась ей загубленной, а дворец — темницей или золоченой клеткой?

Эомер промолчал, глядя на сестру и заново перебирая в памяти прошедшие годы. Арагорн же сказал:

— Я знаю, о чем ты говоришь, Эомер. И поверь мне, горестно и мучительно видеть любовь, которой из-за тебя суждено остаться безответной. Тоска грызла мое сердце, когда я оставил опечаленную царевну в Дунхерге и ступил на Стезю Мертвецов, и на страшном этом пути страшнее всего мне было за нее. Но все-таки скажу тебе, Эомер, что тебя она любит по-настоящему,

знает и любит, а я лишь пробудил в ней взлелеянные мечты о славе, о подвигах, о дальних краях. Быть может, я и смогу вернуть ее из долины мрака. Но что ее ждет здесь — надежда, забвение или отчаяние, этого я не знаю. Если отчаяние, то она все равно умрет, его исцелить я не властен. Увы! Неужели она исчахнет, овеянная славой!

Арагорн склонился и поглядел ей в лицо, и оно было белее лилии, холоднее снега, тверже каменного изваяния. Но он поцеловал ее в лоб и тихо промолвил:

— Эовин, дочь Эомунда, очнись! Враг твой повержен!

Сперва она не шелохнулась, потом задышала глубоко и ровно, и грудь ее вздымалась под белым полотном покрывала. И снова Арагорн растер два листа целемы, опустил их в кипяток и настоем увлажнил ее чело и правую руку, безжизненную и оцепенелую.

То ли Арагорн и вправду владел забытым волшебством древнего Запада, то ли неслышный отзвук сказанного о царевне Эовин таинственно смешался с парами дивного настоя, только вдруг в окно дохнуло свежестью, и дуновение было столь первозданно чистое, словно ветер повеял со снеговых вершин, из-под звезд или с дальних серебристых берегов, омытых пенным прибоем.

— Очнись, Эовин, ристанийская царевна! — повторил Арагорн и взял ее правую руку, чуть-чуть потеплевшую. — Очнись! Призрак исчез, и темнота рассеялась как дым. — Он передал ее руку Эомеру и отступил назад. — Позови ее! — сказал он и вышел из палаты.

— Эовин, Эовин! — позвал Эомер, сглатывая слезы. А она открыла глаза и молвила:

— Эомер! Какая радость! А я слышала, будто тебя убили. Нет-нет, это шептали злые голоса во сне. И долго я спала?

— Нет, сестра, спала ты недолго, — ответил Эомер. — Не думай больше об этом!

— Я почему-то страшно устала, — сказала она. — Мне надо, наверно, немного отдохнуть. Одно скажи: что конунг? Нет! Молчи, я знаю, это уж не сон. Он умер, и он предвидел свою смерть.

— Он умер, да, — сказал Эомер, — и последним словом его было твое имя, ибо он любил тебя больше дочери. Окруженный великими почестями, он покоится в тронном чертоге, в крепости гондорских владык.

— Печально мне это слышать, — сказала она, — печально и все же радостно. Смела ли я надеяться, что Дом Эорла воспрянет, в те черные дни, когда он был жалок точно убогий хлев?

А что с оруженосцем конунга, с тем невысокликом? Эомер, он доблестен и достоин быть витязем Ристании!

— Он здесь, в соседней палате, сейчас я к нему пойду, — сказал Гэндальф. — Эомер побудет с тобой, но не заводите речи о войне и о вашем горе: тебе сперва надо поправиться и восстановить силы.

— Силы? — повторила Эовин. — Силы, может, и возвратятся, и найдется для меня оседланный конь из-под убитого всадника: война ведь не окончена. Но надежда? На что мне надеяться?

Гэндальф с Пином пришли в палату, где лежал Мерри, и застали Арагорна у его постели.

— Мерри, бедняга! — крикнул Пин и кинулся к другу. Тот выглядел куда хуже прежнего: серое лицо осунулось и постарело, и Пин с ужасом подумал, а вдруг он умрет?

— Не волнуйся, — успокоил его Арагорн. — Вовремя удалось отозвать его из мрака. Он очень устал, он подавлен горем и, подобно царевне Эовин, поднял руку на смертоносца. Но скоро он придет в себя: он крепок духом и уныние ему чуждо. Горе его не забудется, но оно не омрачит, а умудрит его.

И Арагорн возложил руку на голову Мерри, погладил его густые каштановые кудри, тронул веки и позвал по имени. Когда же палату наполнило благоухание целемы — казалось, пахнуло фруктовым садом и солнечным вересковым полем в гудении пчел, — Мерри вдруг очнулся и сказал:

— Я голодный. А сколько времени?

— Ужинать поздновато, — отозвался Пин. — Но я, пожалуй, сбегаю принесу тебе чего-нибудь на ужин, авось дадут.

— Дадут, дадут, — заверил Гэндальф. — Чего бы ни пожелал этот ристанийский конник, ему тут же принесут, весь Минас-Тирит обрыщут, лишь бы нашлось. Он здесь в большом почете.

— Вот и хорошо! — сказал Мерри. — Стало быть, поужинаю, а потом выкурю трубочку. — Лицо его затуманилось. — Нет, не выкурю трубочку. Вообще, наверно, больше курить не буду.

— Это почему? — поинтересовался Пин.

— Да как бы тебе объяснить, — медленно произнес Мерри. — Он ведь умер, вот и весь сказ. Сейчас мне сразу все припомнилось. Он сказал перед самой смертью: мол, жаль ему, что не придется послушать про наше учение о травах. И теперь я, если закурю, стану о нем думать. Помнишь, Пин, как он подъехал к воротам Изенгарда, какой был учтивый.

— Что ж, закуривай и думай о нем! — сказал Арагорн. — Вспоминай о его доброте и учтивости, о том, что он был вели-

кий воитель, о том, как он сдержал клятву верности и в свое последнее утро вывел ристанийское войско из мрака навстречу ясному рассвету. Недолго ты служил ему, но память об этом озарит твою жизнь до конца дней.

Мерри улыбнулся.

— Ладно, — сказал он, — не откажи мне, Бродяжник, в зелье и трубке, а я покурю и подумаю. У меня у самого в котомке было отличное зелье из Саруманових запасов, да куда эта котомка подевалась в бою — леший ее знает.

— Сударь мой Мериадок, — отвечал ему Арагорн, — если ты думаешь, что я проскакал через горы и все гондорское княжество, расчистив путь огнем и мечом, затем, чтобы поднести табачку нерадивому солдату, бросившему снаряжение на поле боя, то ты сильно ошибаешься. За неимением котомки попроси позвать здешнего травоведа. Он объяснит, что в траве, которая тебе вдруг понадобилась, никакой пользы, насколько он знает, нет, но что зовется она по-простому *западное зелье*, а по-ученому *галенас*, приведет и еще с десяток названий на самых редких языках, припомнит какие-нибудь полузабытые сгишки, смысла в которых он не видит. И наконец с прискорбием сообщит, что таковой травы в Палатах Врачеванья не запасено. С тем ты и останешься размышлять об истории языков Средиземья. Вот и я тебя оставляю — поразмышляй. А то я в такой постели не спал после Дунхерга и не ел со вчерашнего вечера.

Мерри схватил и поцеловал его руку.

— Извини, пожалуйста, — сказал он. — Иди скорей есть и спать! Навязались же мы еще в Пригорье на твою голову. Но, понимаешь, наш брат хоббит, коли дело серьезное, нарочно мелет вздор, лишь бы не пустить петуха. Когда не до шуток, у нас нужные слова не находятся.

— Прекрасно я это знаю, а то бы и сам иначе с тобой разговаривал, — сказал Арагорн. — Да цветет Хоббитания во веки веков! — Он вышел, поцеловав Мерри, и Гэндальф последовал за ним.

Пин остался в палате.

— Нет, такого, как он, на всем свете не сыщешь! — сказал он. — Кроме, конечно, Гэндальфа, да они небось родственники. Лопух ты лопух: котомка твоя вон она, ты ее притащил за плечами. Он говорил и на нее поглядывал. Да и у меня зелья на двоих-то хватит. На вот тебе, чтоб не рыться: то самое, из Длиннохвостья. Набивай трубку, а я сбегаю насчет еды. Вернусь — поболтаем на свой манер. Ух! Все ж таки нам, Кролам и Брендизайкам, непривычно жить на этаких высотах: уж больно все возвышенно.

— Да, — сказал Мерри. — Оно, конечно, непривычно — может, как-нибудь притерпимся? Но вот в чем дело, Пин: мы теперь знаем, что эти высоты есть, и поднимаем к ним взгляд. Хорошо, конечно, любить то, что тебе и так дано, с чего-то все начинается, и укорениться надо, благо земля у нас в Хоббитании тучная. Но в жизни-то, оказывается, есть высоты и глубины: какой-нибудь старик садовник про них ведать не ведает, но потому и садовничает, что его оберегают вышние силы и те, кто с ними в согласии. Я рад, что я это хоть немного понял. Одного не понимаю — чего это меня понесло? Где там твое зелье? И достань-ка ты все-таки из мешка мою трубку, вдруг да она цела.

Арагорн и Гэндальф отправились к Смотрителю Палат и велели ему ни под каким видом еще много дней не выпускать Эовин и Фарамира и не спускать с них глаз.

— Царевна Эовин, — сказал Арагорн, — скоро пожелает ехать в поход — так или иначе задержите ее хотя бы дней на десять.

— Что до Фарамира, — сказал Гэндальф, — то не сегодня-завтра он узнает, что его отец умер. Но про безумие Денэтора он знать не должен, пока не исцелится вполне и не будет занят по горло. Берегонду и *периану*-стражнику я скажу, чтоб они держали язык за зубами, но все-таки надо за ними присматривать.

— А насчет *периана* Мериадока, того, что ранен, распоряжений не будет? — осведомился Смотритель.

— Он, наверно, уже завтра вскочит с постели, — сказал Арагорн. — Ладно уж, пусть немного погуляет с друзьями.

— Диковинный народец, — понимающе кивнул Смотритель. — Вот ведь крепыши какие!

У входа в Палаты собрались люди — поглядеть на Арагорна, и толпа следовала за ним; когда же он отужинал, его обступили с просьбами вылечить раненых, увечных или тех, кого поразила Черная Немочь. Арагорн послал за сыновьями Элронда, и вместе они занимались врачеванием до глубокой ночи. Весь город облетел слух: «Поистине явился Государь». И его нарекли Эльфийским Бериллом, ибо зеленый самоцвет сиял у него на груди. Так и случилось, что предсказанное ему при рождении имя избрал для него сам народ.

Наконец, донельзя утомленный, он завернулся в плащ, тайком вышел из города и перед рассветом заснул у себя в шатре. А утром над шпилем Белой Башни развевалось знамя Дол-Амрота, голубое с белым кораблем, подобным лебедю. Люди смотрели на него и думали — неужто приснилось им явление Государя?

Глава IX

НА ПОСЛЕДНЕМ СОВЕТЕ

Наутро по светлому небу плыли высокие легкие облака, веял западный ветер. Леголас и Гимли встали рано и отпросились в город повидаться с Мерри и Пином.

— Спасибо хоть они живы, — проворчал Гимли, — а то все-таки обидно было бы: ну и набегались же мы по их милости!

Эльф и гном рука об руку вошли в Минас-Тирит, и встречные дивились таким невиданным и непохожим спутникам: прекраснолицый, легконогий Леголас звонко распевал утреннюю эльфийскую песню, а Гимли чинно вышагивал, поглаживая бороду и озираясь.

— Вот здесь недурная кладка и камень хорош, — говорил он, разглядывая стены, — а там вон никуда не годится, и улицы проложены без понятия. Когда Арагорн взойдет на престол, пришлем ему сюда наших подгорных каменщиков, и они так ему отделают город, что любо-дорого будет посмотреть.

— Садов им здесь не хватает, — заметил Леголас. — Что ж так: один голый камень, а живой зелени почти нету. Если Арагорн взойдет на престол, наши лесные эльфы насадят здесь вечнозеленые деревья и разведут певчих птиц.

Наконец они явились к князю Имраилю, и Леголас, взглянув на него, низко поклонился, ибо распознал в нем потомка эльфов.

— Привет тебе, господин! — сказал он. — Давным-давно покинула Нимродэль лориэнские леса, однако же, как я вижу, не все, кто был с нею, уплыли на запад из Амротской гавани.

— Да, многие остались, если верить нашим преданиям, — сказал князь, — но с незапамятных времен не забредали сюда наши дивные сородичи. Глазам не верю: эльф в Минас-Тирите, в годину войны и бедствий! Что тебя сюда привело?

— Я — один из тех Девяти, что вышли из Имладриса во главе с Митрандиром, — сказал Леголас. — А это гном, мой друг; мы приплыли с Государем Арагорном. Нам хотелось бы видеть наших друзей и спутников Мериадока и Перегрина. Говорят, они на твоем попечении.

— Да, вы их найдете в Палатах Врачеванья, я сам вас туда провожу, — сказал Имраиль.

— Лучше дай нам провожатого, господин, — сказал Леголас. — Ибо Арагорн просил передать тебе, что он более не хочет

появляться в городе, однако вам нужно безотлагательно держать военный совет, и он призывает тебя вместе с Эомером Ристанийским к себе в шатер. Митрандир уже там.

— Мы не промедлим, — сказал Имраиль, и они учтиво раскланялись.

— Величавый государь и доблестный военачальник, — сказал Леголас гному. — Если и теперь, во времена увядания, есть в Гондоре такие правители, то каков же был Гондор во славе своей!

— Да, древние строения добротнее, — сказал Гимли. — Так и все дела людские — весной им мешает мороз, летом — засуха, и обещанное никогда не сбывается.

— Зато вызревает нежданный посев, — возразил Леголас. — Из праха и тлена внезапно вздымается свежая поросль — там, где ее и не чаяли. Нет, Гимли, людские свершения долговечнее наших.

— И однако несбыточны людские мечтания, — заметил гном.

— На это эльфы ответа не знают, — сказал Леголас.

Посланец князя отвел их в Палаты Врачеванья; они нашли своих друзей в саду, и отрадна была их встреча. Они гуляли и беседовали, наслаждаясь недолгим отдыхом и ясным покоем ветреного утра. Когда Мерри притомился, они устроились на стене, к которой примыкала больничная роша. Широкий Андуин, блистая под солнцем, катил свои волны к югу и терялся — даже от острого взора Леголаса — в зеленоватой дымке, застилавшей широкие долины Лебеннина и южной Итилии.

И Леголас умолк, вглядываясь в солнечную даль; он увидел над Рекою стаю белых птиц и воскликнул:

— Смотрите, чайки! Далеко же они залетели! Они изумляют меня и тревожат мне сердце. Впервые я их увидел и услышал в Пеларгире, во время битвы за корабли: они вились над нами и кричали. И я тогда замер, забыв о сражении, ибо их протяжные крики были вестями с Моря. Моря, увы, я так и не видел, но у всякого эльфа дремлет в душе тоска по Морю, и опасно ее пробуждать. И из-за чаек я теперь не узнаю покоя под сенью буков и вязов.

— Скажешь тоже! — возразил Гимли. — И в Средиземье глазам раздолье, а дела — непочатый край. Если все эльфы потянутся к гаваням, поскучнеет жизнь у тех, кому уезжать некуда.

— Ужас как станет скучно! — сказал Мерри. — Нет уж, Леголас, ты держись подальше от гаваней. И людям вы нужны, и нам тоже; да что говорить, нужны и гномам — умным, конечно, вроде Гимли. И всегда будете нужны, если только все не погибнут, а теперь я надеюсь, что нет. Хотя, похоже, это были еще

цветочки, а ягодки впереди: что-то конца не видно проклятой войне.

— Да не каркай ты! — воскликнул Пин. — Солнце, как видишь, на небе, и денек-другой мы еще пробудем вместе. Меня вот любопытство разбирает. Ну-ка, Гимли! Вы уже сто раз за утро успели помянуть про свой поход с Бродяжником, а толком ничего не рассказали.

— Солнце-то солнцем, — сказал Гимли, — да лучше бы, наверно, и не вспоминать об этом походе, не ворошить темноту. Знал бы я, как оно будет, нипочем и близко не подошел бы к Стезе Мертвецов.

— К Стезе Мертвецов? — переспросил Пин. — Арагорн про нее обмолвился, а я думаю — о чем это он? Так что, развяжешь язык?

— Очень уж не хочется, — сказал Гимли. — Тем более что на этой Стезе я опозорился: я, Гимли, сын Глоина, мнил себя выносливее всякого человека, а под землей — отважнее всякого эльфа. Оказалось, что мнил понапрасну — я осилил путь лишь по воле Арагорна.

— И из любви к нему, — добавил Леголас. — Его все любят — каждый на свой лад. Ледяная мустангримская дева и та полюбила. Мы покинули Дунхерг, Мерри, в предрассветный час накануне вашего прибытия, и народ там был в таком страхе, что никто нас и не провожал, кроме царевны Эовин... Как она, выздоравливает? Печальные были проводы, я очень огорчился.

— Увы! — сказал Гимли. — А я никого от страха не замечал. Нет, не стану я про все это рассказывать.

И он замолк, точно воды в рот набрал; но Пин и Мерри не отставали, и наконец Леголас молвил:

— Так и быть, давайте уж я расскажу. Мне вспоминать не страшно: ничуть не испугали меня человеческие призраки. Напротив, они показались мне жалкими и бессильными.

И он коротко поведал им о зачарованной пещерной дороге, о сборище теней у горы Эрек и о переходе длиной в девяносто три лиги до Пеларгира-на-Андуине.

— Четверо с лишним суток ехали мы от Черного Камня, — сказал он. — И поверите ли? Чем гуще чернела тьма, насланная из Мордора, тем больше я проникался надеждой, ибо в этом сумраке Призрачное Воинство словно окрепло и стало куда ужаснее с виду. Воинство мчалось за нами, и пешие не отставали от конных. Ни звука не было слышно, лишь мерцали тысячи глаз. На Ламедонском нагорье они нас нагнали, окружили как бы холодным облаком и пролетели бы мимо, но Арагорн их остановил и велел им следовать позади.

«Даже привидения повинуются ему, — подумал я. — Что ж, может статься, они и сослужат нам службу!»

Лишь в первый день рассвело, потом уж рассветов не было. Мы пересекли Кирил и Рингло и на третий день подъехали к Лингиру за устьем Гилраина. Там ламедонцы отбивались от свирепых пиратов и южан, приплывших вверх по реке. Но и защитники города, и враги — все побросали оружие и разбежались, крича, что на них напал сам Король Мертвецов. Один только Ангбор, правитель Ламедона, сохранил мужество и предстал перед Арагорном, а тот велел ему собрать ополчение и следовать за нами, не страшась Серого Воинства.

«Наследник Исилдура зовет вас к оружию», — сказал он.

И мы пересекли Гилраин, рассеивая полчища союзников Мордора. Наконец решено было передохнуть, однако вскоре Арагорн вскочил на ноги с возгласом: «Вставайте! Минас-Тирит уже осажден. Боюсь, он падет, если мы не поспеем на выручку!» И мы сели на коней среди ночи и во весь опор помчались по лебеннинской равнине.

Леголас прервался, вздохнул и, обратив взгляд к югу, тихо запел:

Живым серебром струятся Келос и Эруи
В зеленых лугах Лебеннина!
Высокие травы колышутся.
Ветром повсяло с Моря,
И колеблются белые лилии.
Колокольчиками золотыми
Звенят, звенят на рассвете мэллос и альфирин
В зеленых лугах Лебеннина,
Если ветром повеяло с Моря!

В наших песнях эти луга всегда зеленеют, но тогда они виделись пустошью, серой пустошью под черными небесами. И по этим широким лугам, топча траву и цветы, мы день и ночь гнали врагов до самого устья Великой Реки.

Там я почуял, что мы совсем близко от Моря. Перед нами простерлась темная водная гладь и стаи морских птиц оглашали кликами берега. О возгласы быстрых чаек! Предрекала ведь мне Владычица, что я покой потеряю — вот и потерял.

— А я этих чаек даже и не заметил, — сказал Гимли, — я ждал большого сражения. Там ведь стояла главная армада Умбара, пятьдесят больших кораблей, а малых и не счесть. Беглецы, которых мы гнали, уже достигли гавани и напустили там страху. Корабли побольше снимались с якоря и уходили вниз по Реке или к другому берегу, а поменьше — вспыхивали как факелы. Но хородримцы, зная, что отступать некуда, со свирепым отчаянием изготовились к бою, а когда увидели нас, разра-

зились хохотом. Еще бы — нас три десятка, а их видимо-невидимо.

Но Арагорн остановил коня и громовым голосом крикнул: «Теперь вперед! Заклинаю вас Черным Камнем!» И внезапно Призрачное Воинство, до того скрывавшееся позади, обрушилось серой волной, сметая все на своем пути. Я услышал дальние крики, глухо затрубили рога, прокатился смутный многоголосый гул — будто донеслось эхо давным-давно минувшей битвы. Мелькали тусклые клинки; может, они и рубили, не знаю, только незачем было рубить, мертвые побеждают страхом. Никто не устоял.

Они хлынули на корабли у причалов и метнулись по воде к тем, что стояли на якорях: моряки и воины, обезумев от ужаса, прыгали за борт; остались лишь рабы, прикованные к веслам. Мы промчались к берегу сквозь толпы бегущих врагов, разметав их, как вороха листьев. На каждый большой корабль Арагорн отправил одного из своих северян: они освобождали и увещевали пленных гребцов-гондорцев.

Еще до исхода этого темного дня врагов не осталось и в помине: одни потонули, другие без оглядки удирали восвояси. Тото я подивился, как исчадия ужаса и тьмы сокрушили злодейские козни Мордора. Враг побит его же оружием!

— Было чему дивиться, — подтвердил Леголас. — А я тогда, глядя на Арагорна, подумал, каким великим, страшным и всемогущим властелином стал бы он, присвоив Кольцо. Недаром в Мордоре так его испугались. Но чистота души превосходит разумение Саурона. Арагорн разве не потомок Лучиэни? Это род без страха и упрека, таким он и пребудет во веки веков.

— Гномы так далеко не заглядывают, — сказал Гимли. — Но воистину властителен был в тот день Арагорн. Захватив черную армаду, он взошел на мостик огромного корабля и велел трубить во все трубы, брошенные врагом. Призрачное Воинство выстроилось на берегу и стояло в безмолвии, почти что невидимое, только взоры их горели красными отсветами пылающих кораблей. И Арагорн, обратившись к мертвецам, громогласно молвил:

«Внимайте наследнику Исилдура! Вы исполнили клятву, которую преступили. Возвращайтесь в свой край и более не тревожьте тамошних жителей. Покойтесь с миром!»

И тогда Князь Мертвецов выступил вперед, преломил копье и уронил обломки. Потом низко поклонился, повернулся — и все Серое Воинство вмиг умчалось, исчезло словно туман, рассеянный ветром. А я будто очнулся от сна.

В ту ночь мы отдыхали, а другие работали не покладая рук. Ибо мы освободили тысячи пленников-гондорцев, галерных

рабов, а вскоре потянулись толпы из Лебеннина и с дельты, и Ангбор Ламедонский привел всю свою конницу. Мертвецов больше не было, страх отпустил, и люди стекались помогать нам и посмотреть на наследника Исилдура — молва о нем проложила огненный след в ночи.

Ну, вот почти что и конец нашей повести. Вечером и ночью корабли готовили к отплытию, набирали моряков, отбирали ратников; утром отплыли. Кажется, как уж давно это было, а всего-то позавчера утром, на шестой день похода из Дунхерга. Но Арагорн все тревожился, как бы не опоздать.

«От Пеларгира до Харлондских пристаней сорок две лиги, — говорил он. — И если мы назавтра не приплывем в Харлонд, все пропало».

Добровольцы сели на весла и гребли изо всех сил, но поначалу мы плыли медленно: против течения все-таки, в низовьях оно, правда, не быстрое, да ветра, как назло, не было никакого. Я уж совсем приуныл — победить победили, а что толку? — но тут Леголас вдруг рассмеялся.

«Выше бороду, отпрыск Дарина! — сказал он. — Говорят ведь: как будешь к пропасти катиться, надежда заново родится». С чего бы ей заново родиться — этого он объяснять не стал. Ночью было не темнее, чем днем, только тоскливо до смерти. Далеко на севере в тучах играло зарево, и Арагорн сказал: «Минас-Тирит горит».

А к полуночи надежда и впрямь заново родилась. Моряки с дельты поглядывали на юг и говорили, что пахнет свежим ветром с Моря. В глухой час подняли паруса, плыли мы все скорее, и на рассвете засверкала пена у водорезов. А дальше вы знаете: в солнечный полдень мы примчались с попутным ветром и развернули боевое знамя. Великий это был день в незабвенный час, что бы ни случилось после.

— Что ни случится после, подвиги не тускнеют, — сказал Леголас. — Поход Стезей Мертвецов — это был подвиг, и он не потеряет величия, даже если Гондор опустеет и обезлюдеет.

— Увы, похоже на то, — сказал Гимли. — Очень угрюмые лица у Гэндальфа и Арагорна. Вот бы узнать, о чем они там в шатре совещаются! Я, как и Мерри, не чаю конца проклятой войне. Но как бы то ни было, я готов сражаться и дальше ради чести гномов Одинокой Горы.

— А я — за эльфов Дремучего Леса, — сказал Леголас, — и ради любви к Государю Белого Древа.

Друзья замолчали и долго еще сидели на высокой стене, раздумывая каждый о своем. Между тем вожди совещались.

Расставшись с Леголасом и Гимли, князь Имраиль немедля послал за Эомером. Они спустились по улицам притихшего Града и вышли на равнину, где Арагорн разбил шатер невдалеке от места гибели конунга Теодена. И Арагорн, и Гэндальф, и сыновья Элронда их уже дожидались.

— Государи мои, — сказал Гэндальф, — вот что сказал перед смертью наместник Гондора: «Может быть, и одержите вы победу у стен Минас-Тирита, но удар, занесенный над вами, не отразить». Он говорил это в отчаянии, и все же слова его правдивы.

Зрячие Камни не лгут, и заставить их лгать не под силу даже властелину Барад-Дура. Он может, пересилив противника, отвести ему глаза или придать увиденному ложный смысл. Однако, разумеется же, Денэтор взаправду и воочию видел несчетные полчища Мордора, растущие день ото дня.

У нас едва хватило сил отбиться от первого нашествия. Скоро будет новое, куда пострашнее. На победу надежды нет, в этом Денэтор прав. Все равно — оставаться ли здесь и выдерживать, истекая кровью, осаду за осадой или погибнуть в неравной битве за Рекой. Можно лишь выбирать из двух зол меньшее, и, конечно, благоразумнее запереться в своих крепостях и хоть ненадолго, но отсрочить всеобщую гибель.

— Стало быть, ты советуешь укрыться в Минас-Тирите, Дол-Амроте, Дунхерге и сидеть там, как дети в песочных замках во время прилива? — спросил Имраиль.

— Такой совет недорого стоит, — отвечал Гэндальф. — Разве мало отсиживались вы при Денэторе? Нет! Я сказал, что благоразумнее, но я вас не призываю к благоразумию. Я сказал, что на победу надежды нет, однако мы можем и победить — только не оружием. Дело решит Кольцо Всевластья — залог незыблемости Барад-Дура и великое упование Саурона.

Вы, государи мои, знаете о Кольце достаточно, чтобы понять то, что я говорю. От него зависит и наша судьба, и судьба Саурона. Если он им вновь завладеет, то тщетна ваша доблесть: победа его будет молниеносной и сокрушительной, такой сокрушительной, что он безраздельно воцарится в этом мире — должно быть, до конца времен. Если же Кольцо будет уничтожено, то Саурон сгинет — и сгинет столь бесследно, что до конца времен, должно быть, не восстанет. Ибо он утратит всю силу, которой владел изначально, и разрушится все, что было создано его властью, а он пребудет во тьме кромешной безобразным исчадием мрака, будет грызть самого себя от бессилия воплотиться. И великое зло исчезнет из мира.

Неминуемо явится в мир иное зло, может статься, еще большее: ведь Саурон всего лишь прислужник, предуготовитель. Но

это уж не наша забота: мы не призваны улучшать мир и в ответе лишь за то время, в которое нам довелось жить, нам должно выпалывать зловредные сорняки и оставить потомкам чистые пахотные поля. Оставить им в наследство хорошую погоду мы не можем.

Саурон знает, что ему грозит, и знает, что его потерянное сокровище нашлось. Он только не знает, где оно, — будем надеяться, что не знает. Поэтому его и гложут сомнения. Ведь иным из нас под силу совладать с Кольцом. Это он тоже знает. Я верно понял, Арагорн, что ты показался ему в Ортханкском палантире?

— Да, перед самым выездом из Горнбурга, — подтвердил Арагорн. — Я рассудил, что время приспело, что затем и попал этот Камень ко мне в руки. Тогда было десять дней, как Хранитель пошел на восток от Рэроса, и Око Саурона — так я подумал — надо бы отвлечь за пределы Мордора. А то его в Черной Башне давно уж никто не тревожил. Но знал бы я, как он всполошится и как быстро двинет готовое войско, я бы, может, и поостерегся. Чуть не опоздал я к вам на выручку.

— Но как же так? — спросил Эомер. — Ты говоришь, Гэндальф, все пропало, если он завладеет Кольцом. Почему же он нас не боится, если думает, что Кольцо у нас?

— Он в этом не вполне уверен, — отвечал Гэндальф, — и не привык дожидаться, как мы, покуда враг нападет. Кольцом, он знает, враз не овладеешь, и владелец у него может быть лишь один; стало быть, нам не миновать раздоров. Кому оно достанется, тот перебьет соперников. А Кольцо его предаст и возвратится к Саурону.

Он следит за нами, он многое видит и слышит. Повсюду летают его дозорные-назгулы. Перед рассветом пролетали они над Пеленнором, хотя почти никто из усталых и сонных ратников их не увидел. Тревожные замечает он знаки: меч, которым отрублен был его палец вместе с Кольцом, выкован заново; ветер переменился, развеял тучи, пригнал корабли, и огромное войско нежданно-негаданно разбито наголову, а вдобавок погиб его могучий предводитель.

Он с каждым часом укрепляется в своих подозрениях. Око его устремлено на нас, все прочее он минует невидящим взором. И мы должны приковать его Око к себе. В этом вся наша надежда. Так что совет мой вот каков. Кольца у нас нет: мудро это было или безрассудно, однако оно отослано, с тем чтобы его уничтожить, иначе оно уничтожит нас. А без Кольца мы не сможем одолеть Саурона. Но Око его не должно прозреть истинную опасность. Своей отвагой победы мы не достигнем, но удача

Хранителя — почти невероятная — все же зависит от нашей отваги.

Как Арагорн начал, так и надо продолжать, не давая Сауро-ну времени оглянуться. Надо, чтобы он собрал все силы для решающего удара, чтобы стянул к Черным Вратам все свое воинство и Мордор остался бы без охраны. Надо немедля выступать в поход. Мы должны послужить для него приманкой, и приманкой неподдельной. Он пойдет на приманку, он жадно схватит ее: подумает, что наша поспешность — признак гордыни нового хозяина Кольца. Он скажет себе: «Ах, вот как! Быстро же он высунулся, только чересчур уж осмелел. Пусть-ка подойдет поближе — и угодит в ловушку. Тут-то я его и прикончу, и то, на что он покусился, станет моим навеки».

Мы должны попасться в его ловушку — намеренно и безоглядно, не надеясь остаться в живых. Ибо, вернее всего, нам придется погибнуть в битве вдали от родной земли; если даже и будет низвергнут Барад-Дур, мы этого не увидим. Но такая уж нам выпала участь. И не лучше ль это, чем покорно дожидаться гибели — ее мы все равно не избегнем — и, умирая, знать, что грядущего века не будет?

Воцарилось молчание. Наконец Арагорн сказал:

— Пути назад я не вижу. Мы у края пропасти, и надежда сродни отчаянию. А колебаться — значит, упасть наверняка. Пусть все прислушаются к совету Гэндальфа: он давно уж ведет борьбу с Сауроном, и нынче решается ее исход. Если б не Гэндальф, спасать было бы уже нечего. Впрочем, я никого не хочу неволить. Каждый пусть выбирает сам.

И Элроир сказал:

— Для этого мы и явились с севера, и наш отец Элронд советует то же, что Гэндальф. Мы не отступим.

— Что до меня, — сказал Эомер, — то я мало смыслю в этих сложных делах, но мне и так все ясно. Я знаю одно: мой друг Арагорн выручил из беды меня и весь мой народ, и, коли ему теперь нужна моя помощь, я пойду с ним куда угодно.

— Ну а я, — сказал Имраиль, — признаю себя вассалом Государя Арагорна, хоть он пока и не взошел на престол. Воля его для меня закон. Я тоже пойду с ним. Однако ж он сам назначил меня наместником Гондора, и мне надлежит прежде всего позаботиться о гондорцах. Немного благоразумия все-таки не помешает. Надо предусмотреть и тот, и другой исход. Если возможно, что мы победим, если есть на это хоть малейшая надежда, то Гондор нуждается в защите. Не хотелось бы мне вернуться с победой в разрушенный город и разоренную страну. Между тем я знаю от мустангримцев, что с севера нам грозит большое войско.

— Это верно, — сказал Гэндальф. — Но у меня и в мыслях не было оставить город без защиты. Нам нужна не очень многочисленная рать: мы ее поведем не на приступ Мордора, а затем, чтобы погибнуть в сражении. И выйти надо не сегодня-завтра. Я как раз хотел спросить: сколько ратников мы сможем собрать в поход через два дня, не больше? Ведь это должны быть стойкие воины и притом добровольцы, которые знают, на что идут.

— Все еле держатся в седлах, — сказал Эомер, — и почти все изранены. Так скоро я вряд ли и две тысячи наберу, ведь надо и здесь оставить не меньше.

— Войска у нас больше, чем кажется, — сказал Арагорн. — С юга идут подкрепления — ратники береговой охраны. Два дня назад я отправил из Пеларгира через Лоссарнах четыре тысячи; их ведет бесстрашный Ангбор. Если мы тронемся в путь через два дня, то они будут на подходе. Тысячи три отправлено вверх по Реке на кораблях, баркасах и лодках; ветер все еще попутный, и в Харлонд уже приплыли несколько кораблей. Словом, я думаю, мы соберем тысяч семь пехоты и конницы, а защитников города прибавится по сравнению с началом осады.

— Врата разрушены, — сказал Имраиль. — Кто сумеет их восстановить, нет у нас таких мастеров!

— В Эреборе, в Подгорном Царстве Даина, такие мастера есть, — сказал Арагорн. — И если сбудутся наши надежды, то я со временем попрошу Гимли, сына Глоина, привести сюда самых искусных гномов. Но люди надежней ворот, и никакие Врата не устоят перед вражеским натиском, если у них недостанет защитников.

На этом кончился совет вождей. Решено было, что послезавтра утром семь тысяч воинов, если столько наберется, двинутся в поход — большей частью пеших воинов, ибо путь их лежал через неизведанный, дикий край. Арагорн обещал набрать две тысячи ратников из тех, что приплыли с ним от устья Андуина. Имраилю же надлежало выставить три с половиной тысячи, Эомеру — пятьсот мустангримцев в пешем строю, сам же он поведет отборную дружину из пятисот конников, и будут еще пятьсот, в том числе сыны Элронда, дунаданцы и витязи из Дол-Амрота, — общим счетом шесть тысяч пеших и тысяча конных. Но большую часть мустангримских всадников, три тысячи под началом Эльфхельма, отсылали на Западный Тракт против вражеского воинства в Анориэне. И следовало немедля отправить дозоры на север и на восток — за Осгилиат, к дороге на Минас-Моргул.

Они сочли и распределили войска, наметили и обсудили пути их продвижения, и вдруг Имраиль громко рассмеялся.

— Право же, — воскликнул он, — хороша шутка, за всю историю Гондора смешнее не бывало: семи тысяч воинов и для передового отряда маловато, а мы их поведем к воротам неприступной крепости. Ни дать ни взять мальчишка грозит витязю в броне игрушечным луком с тростинкой-стрелой! Ты же сам говоришь, Митрандир, что Черный Властелин все видит и все знает — может, он не насторожится, а лишь усмехнется и раздавит нас одним мизинцем, как назойливую осу?

— Нет, он попробует поймать осу и вырвать у нее жало, — сказал Гэндальф. — И есть среди нас такие, что стоят доброй тысячи витязей в броне. Думаю, ему будет не до смеху.

— Нам тоже, — сказал Арагорн. — Может, оно и смешно, да смеяться что-то не тянет. Настает роковой час: мы свой выбор сделали, очередь за судьбой. — Он обнажил и поднял кверху Андрил; солнце зажгло клинок. — Не быть тебе в ножнах до конца последней битвы, — промолвил он.

Глава X

ВОРОТА ОТВОРЯЮТСЯ

Через два дня отборное войско западных стран выстраивалось на Пеленнорской равнине. Орки и вастаки вторглись было из Анориэна, мустангримцы их встретили и без особого труда разгромили, отбросив за Реку, на Каир-Андрос. Защитников Минас-Тирита стало куда больше прежнего, со дня на день ждали подкреплений с юга. Разведчики воротились и доложили, что вражеских застав на восточных дорогах нет, никого нет до самого перекрестка, до поверженной статуи древнего государя. Путь навстречу гибели был свободен.

Леголас и Гимли, уж конечно, не отстали от Арагорна с Гэндальфом, возглавлявших передовой отряд, в котором были и дунаданцы, и сыновья Элронда. Как ни просил Мерри, его в поход не взяли.

— Ну где ж тебе ехать? — говорил Арагорн. — Да ты не печалься, ты уж свое совершил, это никогда не забудется. Перегрин пойдет с нами и постоит за Хоббитанию; он хоть и молодец молодцом, но до тебя ему далековато. Смерти искать не надо, она над всеми висит. Мы, должно быть, погибнем первыми у ворот Мордора, а ты в свой черед — здесь или где придется. Прощай!

И Мерри, тоскливо понурившись, глядел, как строятся дружины. Рядом стоял Бергил, он тоже был до слез огорчен тем, что отец его, до времени разжалованный из крепостной стражи, ведет отряд простых воинов. Среди них был и Пин, ратник Минас-Тирита, и Мерри смотрел и смотрел на маленькую фигурку в строю высоких гондорцев.

Наконец грянули трубы, и войско двинулось. Дружина за дружиной, рать за ратью уходили на восток. И скрылись вдали, на дороге к плотине, а Мерри стоял и смотрел им вслед. Последний раз блеснуло утреннее солнце на шлемах и жалах копий, но никак не мог он уйти — стоял, повесив голову, и больно сжималось сердце. Очень ему стало одиноко. Все друзья ушли во мрак, нависавший с востока, и свидеться с ними надежды не было почти никакой.

И, словно пробужденная отчаянием, боль оледенила правую руку; он ослабел, зашатался, и солнечный свет поблек. Но тут Бергил тронул его за плечо.

— Пойдем, господин периан! Я вижу, тебе плохо. Ничего, я доведу тебя до Палат. И ты не бойся, они вернутся! Наших минастиритцев никто никогда не одолеет: один Берегонд из крепостной стражи стоит десятерых, а теперь с нами Государь Элессар!

К полудню вошли они в Осгилиат. Там уже вовсю хозяйничали мастеровые — чинили паромы и наплавные мосты, которые враги второпях не успели разрушить; отстраивали и заполняли склады; быстро возводили укрепления на восточном берегу Реки.

Они миновали развалины древней столицы и за Великой Рекой поднимались по той длинной прямой дороге, которая некогда соединяла Крепость Заходящего Солнца с Крепостью Восходящей Луны, превратившейся в Минас-Моргул, Моргул, страшилище околдованной долины. Остановились на ночлег в пяти милях за Осгилиатом, но передовые конники доехали до Развилка и древесной колоннады. Повсюду царило безмолвие: враги не показывались, не перекликались, ни одной стрелы не вылетело из-за скал или из придорожных зарослей, и однако все чуяли, что земля настороже, что за ними следит каждый камень и дерево, каждый листок и былинка. Темень отступила, далеко на западе горел закат, озаряя долину Андуина, и розовели в ясном небе снеговые вершины гор. А Эфель-Дуат окутывал обычный зловещий сумрак.

Арагорн выслал от Развилка трубачей на все четыре сторо-

ны, и под звуки труб герольды возглашали: «Властители Гондора возвратились на свои исконные земли!» Валун с мерзостной рожей сбросили с плеч изваяния и раскололи на куски, на прежнее место водрузили голову каменного государя в золотисто-белом венце из жив-травы и повилики, со статуи смыли и счистили гнусные оркские каракули.

Имраиль предложил взять Минас-Моргул приступом и уничтожить эту злодейскую твердыню.

— К тому же, — сказал он, — не вернее ли будет вторгнуться в Мордор через тамошний перевал, чем идти к неприступным северным воротам?

Но Гэндальф отговорил его: Моргульская долина по-прежнему грозила ужасом и безумием, да и Фарамир рассказывал, что Фродо направлялся сюда, а если так, то Око Мордора нужно отвлечь в иную сторону. Наутро, когда войско подтянулось, решено было оставить у Развилка большой отряд на случай вылазки через перевал или подхода новых полчищ с юга. Отрядили большей частью лучников — здешних, итилийских, — и они рассыпались по склонам и перелескам. Гэндальф и Арагорн подъехали с конным отрядом к устью долины и поглядели на темную пустующую крепость: орков и прочую мордорскую нечисть истребили у стен Минас-Тирита, а назгулы были в отлучке. Но в удушливом воздухе долины застоялся запах смерти. Они разрушили колдовской мост, запалили ядовитые луга и уехали.

На третий день похода войско двинулось по северной дороге: от Развилка до Моранноном было сто с лишним миль, и путь этот не сулил ничего доброго. Они шли, не таясь, но осторожно: вперед были высланы конные дозоры, направо и налево — пешие. С востока угрюмо нависали Изгарные горы; их книзу пологие, изборожденные склоны ощетинились темными зарослями. Погода была по-прежнему ясная, и дул западный ветер, но Эфель-Дуат, как всегда, устилали густые туманы, а за гребнем клубились и тучей висели дымы.

Время от времени по приказу Гэндальфа трубили в трубы, и герольды возглашали: «Властители Гондора возвратились! Покидайте эти земли или сдавайтесь на милость победителя!» А Имраиль сказал:

— Не о властителях Гондора возвещайте, но о Государе Элессаре. Ибо это правда, хоть он еще и не вступил на царство. Пусть Враг почаще слышит его имя!

И трижды на день герольды объявляли о возвращении Государя Элессара. Но глухое молчание было им ответом.

Враги не показывались, но все — от военачальников до последнего ратника — были угрюмы и озабочены, и с каждой ми-

лей темнее и темнее становилось на душе. К концу второго дня похода от Развилка наконец обнаружились и враги: целая орда вастаков и орков устроила засаду в том самом месте, где Фарамир подстерег хородримцев. Дорога там шла глубоким ущельем, рассекавшим отрог Эфель-Дуата. Но дозорные — итильские Следопыты под началом Маблунга — не сплоховали, и засаду взяли в клещи. Конники обошли ее слева и с тылу и перебили почти всех, уцелевшие скрылись в Изгарных горах.

Но военачальники не слишком радовались легкой победе.

— Это подставка, — сказал Арагорн, — должно быть, затем, чтобы мы уверились в слабости врага и не вздумали отступить. Это они нас заманивают.

В тот вечер над ними появились назгулы и сопровождали войско. Летали они высоко, и видел их лишь Леголас, однако тени стали гуще, и солнце потускнело. Хотя кольценосцы пока не снижались и воплей не издавали, все же страх цепенил сердца.

Близился конец безнадежного похода. На четвертый день пути от Развилка — на шестой от Минас-Тирита — они вышли к загаженной пустоши у ворот, преграждавших теснину Кирит-Горгор. На северо-западе до самого Привражья простирались болота и голая степь. Так жутко было в этом безжизненном краю, что многие ратники, обессиленные страхом, не могли ни ехать, ни идти дальше.

Жалостливо, без всякого гнева поглядел Арагорн на молодых табунщиков из далекого Вестфольда, на землепашцев из Лоссарнаха. С детства привыкли они страшиться Мордора, но это было для них лишь зловещее имя, не больше — их простая жизнь текла своим чередом. А теперь словно ужасный сон сбывался наяву, и невдомек им было, что это за война и какими судьбами их сюда занесло.

— Идите! — сказал Арагорн. — Но в бегство не обращайтесь, поберегите воинскую честь. А чтобы потом вас не мучил стыд, вот вам задание по силам. Держите путь на юго-запад, на Каир-Андрос. Должно быть, он занят врагами — отбейте его и там уже стойте насмерть, во имя Гондора и Ристании!

Одних устыдило его суровое милосердие, и они, подавив страх, вернулись в свои дружины; другие же были рады избегнуть позора, а может, еще и отличиться в бою — те ушли к юго-западу. Войско убавилось, ведь у Развилка тоже осталось немало. Государи западных стран вели к Черным Воротам несокрушимого Мордора менее шести тысяч воинов.

Они продвигались медленно, ежечасно ожидая нападения, и держались как можно плотнее — высылать дозоры было теперь уже незачем. Истек пятый день пути от Моргульской долины. Они устроили последний привал и развели костры из скуд-

ного сушняка и вереска. Никому не спалось, кругом шныряли и рыскали еле видные неведомые твари и слышался волчий вой. Ветер стих, и воздух словно застыл. Ночь была безоблачная, и уже четверо суток минуло с новолуния, но бледный молодой месяц заволакивало мутной пеленой: земля дымилась.

Похолодало. К утру подул, крепчая, северный ветер. Ночные лазутчики исчезли, и пустошь казалась мертвенней прежнего. На севере среди зловонных ямин виднелись груды золы, щебня и шлака, кучи выжженной земли и засохшей грязи — всего, что изрыгал Мордор. А на юге, уже вблизи, возвышались громадные утесы Кирит-Горгора с Черными Воротами между ними и башнями по бокам. На последнем переходе, накануне, войско свернуло в сторону со старой дороги, подальше от бдительных глаз бесчисленной стражи, и теперь они подходили к Мораннону с северо-запада, тем же путем, что и Фродо.

Гигантские чугунные створы Черных Ворот под массивной аркой были наглухо сомкнуты, на зубчатых стенах никого не видать. Царило чуткое безмолвие. Они уперлись в тупик и теперь стояли, растерянные и продрогшие, в сером свете раннего утра перед могучими башнями и стенами, которые не прошибли бы никакие тараны, даже если б они у них были. Любой их приступ шутя отбила бы горстка защитников, а черному воинству на горах возле Мораннона, верно, и счету не было, да и в ущелье небось таились несметные полчища врагов пострашнее, чем орки. Они подняли глаза и увидели, что назгулы слетелись к башням — Клыкам Мордора — и кружат над ними как стервятники, кружат и выжидают. Враг почему-то медлил.

А им надо было волей-неволей доигрывать роль до конца. Арагорн расположил войско на двух больших холмах, где земля слежалась со щебнем: орки нагромоздили их за многие годы. От Мордора их отделяла рвом широкая ложбина; на дне ее среди зыбкой дымящейся слякоти чернели вонючие лужи. Когда всех построили, вожди отправились к Черным Воротам с большой конной свитой, с герольдами и трубачами. Во главе их ехал Гэндальф, за ним Арагорн и сыновья Элронда, Эомер Ристанийский и Имраиль. Леголаса, Гимли и Перегрина они тоже взяли с собой, чтобы все народы — противники Мордора были свидетелями переговоров.

Они подъехали к Мораннону, развернули знамя и затрубили в трубы; герольды выступили вперед и возгласили:

— Выходите на переговоры! Пусть выйдет сам Властелин Сумрачного Края! Он подлежит наказанию, ибо злодейски напал на Гондор и захватил чужие земли. Великий князь Гондора требует, чтобы он во искупление содеянного навсегда покинул свой престол. Выходите!

Долго длилось ответное молчание: ни звука, ни крика не донеслось со стен и из-за ворот. Но Саурон уже все рассчитал, и ему вздумалось сперва жестоко поиграть с мышками, а потом захлопнуть мышеловку. И когда вожди собирались повернуть назад, тишину внезапно нарушил грохот огромных барабанов, будто горный обвал; оглушительно взревели рога, сотрясая камни под ногами. Наконец с лязгом распахнулась дверь посредине Черных Ворот, и оттуда вышло посольство Барад-Дура.

Возглавлял его рослый всадник на черном коне, если только это был конь — громадный, уродливый, вместо морды жуткая маска, похожая на лошадиный череп, пышущий огнем из глазниц и ноздрей. Всадник в черном плаще и высоком черном шлеме был не Кольценосец, а живой человек — Подручник Владыки Барад-Дура. Имени его сказания не сохранили. Он и сам его забыл и говорил о себе: «Я — Глашатай Саурона». Говорят, он был потомком тех предателей рода людского, которые назывались Черными Нуменорцами: они перебрались в Средиземье во времена полновластного владычества Саурона и предались ему, соблазнившись чернокнижной наукой. А он, безымянный, стал приспешником Черного Властелина, когда Тот вернулся в Мордор из Лихолесья. Коварство его пришлось по нраву хозяину, он вошел к нему в доверие и приобщился чародейству, и орки страшились его жестокости.

За ним следовал десяток-другой охранников в черных доспехах, несли черное знамя с багровым Недреманным Оком. Спешившись в нескольких шагах от западных вождей, Глашатай Саурона смерил их взглядом одного за другим и расхохотался.

— Это кто же из вашей шайки достоин говорить со мной? — спросил он. — Кто способен понимать мои слова? Уж, наверно, не ты! — с презрительной ухмылкой обратился он к Арагорну. — Нацепил эльфийскую стекляшку, окружил себя сбродом и думает, что он государь! Да у любого разбойничьего атамана свита почище твоей!

Арагорн ничего не ответил, лишь устремил на него пристальный взгляд, глаза в глаза, и вскоре, хотя Арагорн стоял неподвижно и не касался оружия, тот задрожал и попятился, будто на него замахнулись.

— Я герольд и посланец, меня трогать нельзя! — крикнул он.

— Да, это у нас не принято, — сказал Гэндальф. — Но у нас и посланцы не столь дерзки на язык. Впрочем, тебе никто не угрожал: пока ты герольд и посланец, можешь нас не бояться. Но если хозяин твой не образумится, тогда тебе несдобровать, как и прочим его холопам.

— Ах, вот как! — сказал Глашатай. — Стало быть, ты у них главный, седая борода? Наслышаны мы о том, как ты бродишь

по свету и всюду строишь козни, ловко уходя от расплаты. Но на этот раз, господин Гэндальф, ты зарвался и скоро узнаешь, что бывает с теми, кто злоумышляет против Великого Саурона. У меня есть трофеи, которые велено тебе показать — тебе прежде всех, если ты осмелишься подойти.

Он сделал знак охраннику, и тот поднес ему черный сверток. Глашатай развернул его и, к изумлению и смятению вождей, показал им сперва короткий меч Сэма, затем серый плащ с эльфийской брошью, наконец, мифрильную кольчугу Фродо и его изорванную одежду. В глазах у них потемнело, и казалось, замерло все вокруг: надеяться больше было не на что. Пин, стоявший за князем Имраилем, рванулся вперед с горестным криком.

— Спокойно! — сказал Гэндальф, оттянув его на прежнее место, а Глашатай расхохотался.

— Да у тебя целый выводок этих недомерков! — воскликнул он. — Не знаю, зачем они тебе нужны, но глупее, чем засылать их в Мордор, ты придумать ничего не мог. Однако ж спасибо крысенку: ему, как видно, эти трофеи знакомы. Теперь, может статься, и ты не будешь хитрить.

— Мне хитрить незачем, — отозвался Гэндальф. — Да, мне они тоже знакомы, я о них знаю все, в отличие от тебя, гнусный подголосок Саурона. Не знаю только, зачем ты их принес.

— Гномья кольчуга, эльфийский плащ, кинжал с погибшего Запада и крысеныш-лазутчик из Хоббитании — да-да, нам все известно! Заговор обреченных — и он раскрыт. Осталось лишь узнать, дорого ли ты ценишь пойманного лазутчика. Если дорого, то живее шевели своим убогим умишком. Саурон лазутчиков не любит, и судьба его теперь зависит от вас.

Никто ему не ответил, но он видел их посеревшие лица и полные ужаса глаза и снова захохотал, почуяв, что не ошибся.

— Ну-ну! — сказал он. — Видно, вы его дорого цените. Или ты дал ему важное поручение? Поручения он не выполнил. И теперь его ждет нескончаемая, многолетняя пытка — мы хорошо умеем пытать в застенках Великой Башни: медленно, страшно, мучительно. А может, пытка и кончится — мы вывернем его наизнанку, покажем тебе, и ты сам увидишь, что наделал. Да, так оно и будет, если ты не примешь условия моего Властелина.

— Назови условия, — спокойно проговорил Гэндальф, но те, кто стоял рядом, видели муку в его лице, и он показался им древним согбенным старцем, которого наконец сломила судьба. Никто не сомневался, что любые условия будут приняты.

— Условия таковы, — сказал посланец, с ухмылкой оглядывая их. — Гондор и его обманутые союзники немедля уведут

весь свой жалкий сброд за Андуин, поклявшись, что впредь никогда не поднимут и не замыслят поднять оружие против Великого Саурона. Все земли к востоку от Андуина отныне и во веки веков принадлежат Саурону. Жители правобережья до Мглистых гор и Врат Ристании станут данниками Мордора и не будут носить оружия, но править своими делами им не возбраняется. Они обязуются лишь отстроить Изенгард, преступно разрушенный ими, и отдать его Саурону. Туда он поставит наместника, достойного доверия более, нежели Саруман.

Глаза выдавали умысел: он-то и будет наместником и приберет к рукам все прочие страны Запада. Будущий владыка говорил со своими рабами.

Но Гэндальф сказал:

— Не дорого ли вы просите за жизнь одного слуги? В обмен на нее твой хозяин хочет без единого боя выиграть добрый десяток войн! Должно быть, после разгрóма на гондорской равнине он предпочитает не воевать, а торговаться? Но если бы мы и ценили этого пленника так высоко, где залог, что Саурон, у которого в чести подлость и вероломство, нас не обманет? Приведите пленника, верните его нам — тогда и поговорим.

Гэндальф следил за ним, затаив дыхание, как за противником в смертельном поединке, и ему показалось, что Глашатай на миг растерялся, но тут же снова презрительно захохотал.

— Как ты смеешь оскорблять недоверием Глашатая Саурона! — крикнул он. — Залог тебе нужен? Саурон не дает залогов. Вы ищете его милости? Сперва заслужите ее. Исполняйте его условия, иначе ничего не получите!

— Не получим, так сами возьмем! — Внезапно Гэндальф скинул плащ — и, казалось, яркий клинок засверкал в полумраке. Он воздел руку, и черный посланец попятился. Гэндальф, шагнув, отобрал у него кольчугу, плащ и меч. — Это мы возьмем в память о нашем друге! — объявил он. — А что до твоих условий, то мы их все отвергаем. Убирайся, все сказано, ты больше не герольд и не посланец. Еще слово — и ты умрешь. Не затем пришли мы сюда, чтобы попусту перекоряться с лживым выродком Сауроном или с его презренным холопом. Убирайся!

Посланец Мордора больше не смеялся. Черты его дико исказились: он был ошеломлен, точно готовый к прыжку зверь, которому вдруг ткнули в морду горящим факелом. Злоба душила его, пена выступила на губах, и в горле клокотало от сдавленного бешенства. Но он видел перед собой суровые лица и беспощадные глаза врагов, и страх пересилил ярость. Он издал громкий возглас, повернулся, вскочил на свое чудище — и мордорское посольство побежало вслед за ним к Кирит-Горгору. На

бегу они трубили в рога, должно быть, подавая условный сигнал. И не успели они добежать до ворот, как Саурон захлопнул мышеловку.

Прогрохотали барабаны, взметнулись языки пламени. Огромные створы Черных Ворот широко распахнулись, и воинство Мордора хлынуло неудержимым железным потоком.

Гэндальф и все остальные вспрыгнули на коней и поскакали к своим под злорадный хохот и вопли. Поднимая облака пыли, выдвинулись полчища вастаков, дотоле скрытые позади дальней башни, за сумрачным отрогом Эред-Литуи. По обе стороны Мораннона спускались с гор бесчисленные орки. Вскоре серые холмы стали островками в бушующем море: врагов было в десятки раз больше, чем ратников Запада. Саурон схватил приманку стальными челюстями.

Арагорн распорядился как можно быстрее. Над холмом, где были они с Гэндальфом, реяло дивное, гордое знамя с Белым Древом в кольце звезд. На другом холме развевались рядом знамена Ристании и Дол-Амрота, Белый Конь и Серебряный Лебедь. Каждый холм живой стеной окружали воины, и ряды их ощетинились жалами копий и клинками мечей. Впереди всех, готовясь принять на себя первый удар и самый жестокий натиск, стояли слева сыновья Элронда с дунаданцами, а справа князь Имраиль, могучие витязи Дол-Амрота и дружина стражей Белой Башни.

Дул ветер, гремели трубы и свистали стрелы, но солнце, светившее с юга, застилали смрадные дымы, и оно померкло в тумане, стало дальним и мутно-багровым, словно клонилось к закату, возвещая конец света. Из дымной мглы вынырнули назгулы; смертный ужас вселяли их леденящие вопли, и последний проблеск надежды угас.

Пин едва не завыл от горя, услышав, как Гэндальф обрек Фродо на вечную пытку; теперь он немного опомнился и стоял возле Берегонда в первых рядах, вместе с витязями Имраиля. Жизнь ему опостылела, и он хотел, чтобы его убили поскорее.

— Жалко, Мерри со мной нет, — услышал он свой собственный голос и, глядя на приближавшихся врагов, торопился додумать: «Ну-ну, выходит, бедняга Денэтор был не так уж не прав. Мы могли бы умереть вместе с Мерри, раз все равно умирать, а вот приходится врозь. Желаю ему легкой смерти. Что ж, а теперь надо не осрамиться».

Он обнажил меч и поглядел на сплетение красных и золотых узоров: нуменорские руны проступили на клинке огненной вязью. «На этот случай его и выковали, — подумал он. — Эх,

нельзя было рубануть этого гада Глашатая, тогда бы мы с Мерри примерно сравнялись. Ну ладно, рубану кого-нибудь из этих черных скотов. Жаль, не видать мне больше ясного солнца и зеленой травы!»

В это самое время на них обрушился первый натиск. Орки завязли в слякотной ложбине перед холмами, остановились и выпустили тучу стрел. А сквозь их толпу, давя упавших, шагали, рыча как звери, горные тролли из Горгорота: высокие, выше людей, и кряжистые, в плотной чешуйчатой броне — или, может, это шкура у них такая? — с круглыми черными щитами, с громадными молотами в узловатых лапищах. Лужи и слякоть были им нипочем, с ревом ворвались они в ряды гондорцев, круша шлемы и черепа, дробя щиты, обламывая руки — тяжко и мерно, точно ковали податливое железо. Страшный удар свалил с ног Берегонда, и огромный тролль-вожак нагнулся к нему, протянув когтистую лапу: эти свирепые твари выгрызали горло у повергнутых наземь.

Пин ударил его мечом снизу: древний узорный клинок пронзил чешую и глубоко впился в брюхо тролля. Хлынула черная густая кровь. Тролль пошатнулся и всей тяжестью рухнул на Пина, придавив его точно скала. Захлебываясь зловонной жижей, теряя сознание от нестерпимой боли, Пин успел напоследок подумать: «Ну вот, все и кончилось довольно-таки плоховато», и мысль эта, как ни странно, была веселая: конец, значит, страхам, терзаниям и горестям. В предсмертном затмении послышались ему голоса, как будто из другого, забытого мира:

— Орлы! Орлы летят!

На краю беспамятства подумалось: «Бильбо! Ах да, это из той, давнишней сказки. А моей сказке конец. Прощайте!»

И глухая тьма поглотила его.

Книга VI

Глава I

БАШНЯ НА ПЕРЕВАЛЕ

Сэм с трудом поднялся на ноги и никак не мог понять, куда его занесло, потом вдруг вспомнил и чуть не заплакал с горя. Ну да, это он здесь, в беспросветной тьме у подбашенной скалы, у закрытых бронзовых ворот оркской крепости. Наверно, он о них сгоряча расшибся, а уж сколько пролежал, это не ему знать. Тогда-то он прямо горел: подавай врагов, да побольше, — а теперь озяб и съежился. Он подобрался к створам и приложил к ним ухо.

Издали послышался вроде бы оркский галдеж, потом он смолк, и все утихло. Голова уж очень болела, и мелькали вспышки перед глазами, но он встряхнулся: надо было подумать — дальше-то что же? Думай не думай, а ворота заперты, не проберешься: когда-нибудь, конечно, откроют, да ждать-то некогда, каждый час на счету. А что ему делать, это он понимал: ну как, выручать хозяина, коли получится, а нет — погибать самому.

— Погибать так погибать, дело нехитрое, — мрачно сказал он сам себе, вложил Терн в ножны и отошел от бронзовых ворот.

Медленно, ощупью брел он назад по темному проходу — эльфийский фиал засветить поопасился — и по пути все ж таки раздумывал, соображал, что случилось с тех пор, как они пошли от Развилка. Времени-то сколько прошло? А кто его знает, сколько: если нынче не сегодня, значит, завтра, дням все равно счет потерян. В такой темноте что один день, что другой, тут и себя потеряешь — не найдешь.

— Может, хоть они нас вспоминают, — сказал он. — А сами-то как? И где? Там, что ли? — Он махнул рукой, куда пришлось, а пришлось на юг, он ведь к югу вышел из логова Шелоб, на юг, а не на запад. А на западе близился к полудню четырнадцатый мартовский день по хоббитскому счислению, и Арагорн вел черную армаду от Пеларгира, Мерри ехал с мустангримцами по Каменоломной долине, в Минас-Тирите бушевали

пожары, и Пин испугался безумного взора Денэтора. Но за страхами и заботами они друзей не забывали и все время думали о Фродо и Сэме. Думать думали, а помочь никак не могли, никто теперь не смог бы помочь Сэммиуму, сыну Хэмбриджа: он был один-одинешенек.

Он вернулся к каменной двери-перегородке, поискал и не нашел ни засова, ни запора, опять протиснулся в лаз между дверью и сводом и ловко упал на руки. Потом прокрался к выходу из логова Шелоб, где обрывки ее рассеченной паутины мотались на холодном ветру — очень даже холодным показался он Сэму после вонючей духоты, но зато и бодрящим. Он осторожно вылез наружу.

Было по-страшному тихо. И темновато — ну вроде как в пасмурные сумерки. Дымные тяжелые тучи, снизу окрашенные мутным багрянцем, клубились над Мордором и уползали на запад.

Сэм взглянул на оркскую башню, и вдруг ее узкие окна зажглись точно красные зрачки. «Сигнал, что ли, какой?» — подумал он, и страх перед орками, подавленный было гневом и отчаянием, овладел им снова. Путь-то у него был, как видно, один: надо искать главный вход в эту треклятую башню — только вот колени подгибались и дрожь не отпускала. Он отвел глаза от башни, от каменных рогов Ущелины и, волоча непослушные ноги, медленно-медленно, вслушиваясь в каждый шорох, вглядываясь в тени под скалами, пошел обратным путем мимо того места, где лежал Фродо и до сих пор воняло гноем Шелоб, потом наверх, до самого гребня, где он надел Кольцо и пропускал мимо орков Шаграта.

Умные ноги дальше идти отказывались, и он решил все-таки посидеть и подумать. Ну да, вот сейчас он перейдет за этот гребень, шагнет — и очутится в Мордоре, а оттуда пути назад нету. Сам не зная зачем, он вытянул Кольцо и надел его. И сразу же на него обрушилась непомерная тяжесть, и злобное Око Мордора загорелось совсем вблизи, во сто крат ярче прежнего: оно пронизывало темень, которой само же окуталось и которая теперь мешала Властелину избавиться от тревог и сомнений.

Как и в тот раз, обострился слух и помутилось зрение, выпуская из виду здешнее, земное. Побледнели, словно потонули в тумане, утесы, зато донеслись клокочущие стенания Шелоб и совсем уж четко, резко, чуть что не рядом послышались яростные крики и лязг оружия. Он вскочил на ноги, прижался ухом к скале и порадовался, что невидим: вот-вот нагрянут орки. Так ему, во всяком случае, показалось. А потом он понял, что зря показалось: просто уж очень громкими были ихние крики из

башни, верхний рог которой торчал прямо над ним, за левой кромкой Ущелины.

Сэм встряхнулся и снова прикинул, что делать дальше. Както оно худо: похоже, орки совсем озверели, наплевали на все приказы и теперь мучают Фродо, а может, уже и на куски его изрубили. Он снова прислушался: вдруг забрезжила какая-то надежда. Это уж точно — в башне дерутся, орки передрались. Шаграт и Горбаг чего-то не поделили. Надежда была крошечная, но ему и этого хватило. А мало ли, а вдруг? Что там все остальное, сильнее всего была любовь к Фродо, и он забыл о себе и воскликнул:

— Господин Фродо, сударь, иду, иду!

И побежал за гребень невозвратной тропой. Она свернула налево, потом круто вниз. Сэм вошел в Мордор.

Он снял Кольцо, нутром почуяв опасность, но снял всего лишь затем, чтобы лучше было видно.

— Оглядеться-то надо как следует, — пробормотал он. — Не все же в тумане блуждать!

Увидел он суровую, истерзанную и скудную страну. Он стоял на вершине высочайшего гребня Изгарных гор, над крутым откосом и темной котловиной; по ту сторону котловины тянулся хребет пониже, острые скалы торчали, как черные зубья, в огневеющем небе. Это был Моргвей, внутренняя горная ограда. Далеко за нею, за озером тьмы, усеянной огоньками, светилось багровое зарево и столбами вставал дым, внизу темно-красный; он сливался поверху в черную тучу, и тяжкий свод нависал над зачумленным краем.

Сэм глядел на Ородруин, на Огненную гору. Высилась ее остроконечная пепельная вершина, близ подножия полыхали горнила, и расселины по склонам извергали бурные потоки магмы: одни струились, плеща огнем, по протокам к Барад-Дуру, другие, виясь, достигали каменистой равнины и там застывали подобиями сплющенных драконов, выползших из-под земли. Багровое озарение кузни Мордора было невидимо с запада, из-за Эфель-Дуата, а Сэму оно слепило глаза, и голые скалы Моргвея были словно окровавлены.

Сэм взглянул налево — и ужаснулся, увидев башню на Кирит-Унголе во всем ее сокрытом могуществе. Рог над гребнем Изгарных был всего лишь ее верхним отростком, а с востока в ней было три яруса; и ее бастионы, внизу огромные, кверху все у́же и у́же, обращены были на северо- и юго-восток. Кладка была на диво искусная. Нижний ярус и дворик, футов за двести под ногами Сэма, был обнесен зубчатой стеной с воротами на широкую дорогу, парапет которой тянулся по самому краю про-

пасти. Потом дорога сворачивала на юг и крутыми излучинами уходила во тьму, к торному пути с Моргульского перевала. Между зубьями Моргвея, равниной Горгорота путь этот приводил в Барад-Дур. Узенькая тропа, где стоял Сэм, ступенчатыми сходами спускалась на дорогу под стеной близ башенных ворот.

Глядя на башню, Сэм как-то вдруг сообразил, что эта твердыня изначально служила не Мордору, а против Мордора. В самом деле, ее воздвигли гондорцы для защиты Итилии — давным-давно, когда Последний Союз победил Саурона, а в Сумрачном Краю еще бродили остатки его недобитого воинства.

Но как было с Наркостом и Каркостом, башнями-клыками у Мораннона, так и здесь. Обманув нерадивую охрану, Главарь Кольценосцев захватил твердыню, и многие века владела ею черная нечисть. Еще нужнее стала эта башня, когда Саурон возвратился: верных слуг у него почти не было, а запуганных рабов не след выпускать из Мордора. Если же сюда попытается тайком проникнуть враг — обойдет Минас-Моргул и ускользнет от Шелоб, — то его встретит неусыпная стража.

Яснее ясного было Сэму, что никак не проберешься вниз мимо сотен бдительных глаз, никак не минуешь ворот. И все равно недалеко уйдешь по дороге, которую стерегут пуще зеницы ока. Как ни прячься в черной тени от багровых отсветов, от орков не спрячешься, они в темноте видят не хуже кошек. И это бы ладно — так ведь ему же надо было не удирать и не прятаться, а соваться в самые ворота.

«Кольцо? Да Кольцо-то, — подумал он с ужасом, — опаснее всякого врага». Заполыхала вдали треклятая гора, и ноша его так и налилась тяжестью. Видно, вблизи от горнил, где Кольцо было некогда выковано, таинственная власть его возрастала, и могучая нужна была сила, чтобы с ним совладать. Сэм не трогал Кольцо, оно висело у него на шее; однако ему чудилось, что он вырос и преобразился, что не сам он, а величественный его призрак вступает в пределы Мордора. И обманный выбор вставал перед ним: либо отказаться от Кольца и обречь себя на муку, либо же стать его владельцем и бросить вызов Тому, сокрытому в черной башне за морем сумрака. Кольцо искушало его, подтачивало волю, расшатывало рассудок. Мечтания овладевали им: он точно воочию видел, как Сэммиум Смелый, герой из героев, грозно шагает по темной равнине к Барад-Дуру, воздев пламенеющий меч, и со всех сторон стекаются войска на его зов. И рассеиваются тучи, блещет яркое солнце, а Горгорот превращается в цветущий, плодоносный сад. Стоит ему лишь надеть Кольцо, сказать: «Оно — мое», — и мечтания сбудутся наяву.

В этом тяжком испытании ему помогла выстоять любовь к

хозяину, но, кроме того, в нем крепко сидел простой хоббитский здравый смысл: в глубине души он твердо знал, что такое бремя ему не по силам, пусть даже видения и не совсем обманные. Хватит с него и собственного сада, незачем превращать в свой сад целое царство; есть у него свои руки — и ладно, а чужими руками нечего жар загребать.

— И чего я сам себе голову морочу? — пробурчал он. — Да он меня как увидит, так и сцапает, я и пикнуть не успею. А он увидит, и скоренько, ежели я здесь, в Мордоре, вздумаю надеть Кольцо. Словом, как ни кинь, все клин. Это ж надо: в самый раз бы мне пробраться невидимкой — а Кольцо не тронь. Мало того, оно, чем дальше, больше будет мне мешать. Вот навязалась обуза! Ну и что же делать?

Это Сэм просто так спрашивал: он знал, что надо побыстрее идти к воротам. Он пожал плечами, тряхнул головой, как бы отгоняя видения, и стал медленно спускаться, делаясь меньше и меньше: через сотню шагов он снова превратился в маленького перепуганного хоббита. Из башни слышны были без всякого Кольца крики, лязг оружия, да и не только из башни — похоже, дрались во дворе.

Сэм наполовину спустился, когда из темных ворот на дорогу, озаренную багровым светом, выскочили два орка. По счастью, бежали они не к нему и недалеко убежали, а свалившись, не двигались. Должно быть, их подстрелили из бойницы или со двора. Сэм осторожно продвигался, левым боком прижимаясь к стене. Он взглянул наверх: да нет, не взобраться, куда там. Тридцать футов гладкого-прегладкого камня — ни трещинки, ни выступа — до гребня стены, нависавшего перевернутыми ступеньками. Только через ворота.

Он крался к воротам и соображал, сколько орков в башне у Шаграта, сколько привел Горбаг и с чего они разодрались. В Логове с Шаграгом было около сорока, а с Горбагом, пожалуй, вдвое больше, но Шаграт не всех же вывел из башни. А поцапались, конечно, из-за Фродо, из-за добычи. Сэм даже остановился: он сразу все понял, точно увидел своими глазами. Мифрильная кольчуга! Ну конечно же, раздели Фродо, увидели кольчугу, и Горбаг наложил на нее лапу: они ведь его первые нашли! И выходит так, что жизнь Фродо висит на волоске, ее охраняет лишь приказ из Черной Башни, а если они ослушаются...

— Ну же, ты, негодный слизняк! — закричал сам на себя Сэм. — Беги скорей!

Он выхватил Терн и ринулся к открытым воротам. Однако у входа под арку его что-то задержало, в точности как паутина

Шелоб, только невидимая. Вроде бы проход свободен, а не пройдешь — и все тут. Он огляделся и по обеим сторонам прохода в тени увидел Соглядатаев.

Это были две фигуры на тронах, у каждой по три туловища и три головы, обращенные вперед, назад и поперек прохода. Головы, как у стервятников, на коленях когтистые лапы. Высеченные из камня, недвижные, они, однако, следили — зорко, злобно, цепко — и распознавали врагов. Видимый или невидимый — никто их не мог миновать. Они и впускали — и не выпускали.

Сэм изо всех сил рванулся вперед — и больно ушибся лицом и грудью. Тогда с отчаянной смелостью — больше ему просто ничего на ум не пришло — он вынул из-за пазухи фиал Галадриэли и поднял его над головой. Светильник вспыхнул, разгорелся серебряной звездой — и отступили тени из-под темной арки, а Соглядатаи, выхваченные из тьмы во всем своем жутком уродстве, казалось, заново оцепенели. Черные камни-глаза блеснули леденящей ненавистью. Сэм даже вздрогнул, но блеск угас, и он почуял их страх.

Когда же он проскочил мимо, пряча фиал на груди, за ним как железный засов задвинулся: опомнились, будут стеречь еще строже. И испустили дикий, пронзительный вопль — эхом загудели высокие стены. Сверху, отозвавшись, резко ударил колокол.

— Готово дело! — сказал Сэм. — Позвонил у парадного! Ну, давайте сюда, где вы там! — крикнул он. — Скажите своему Шаграту, что огромный богатырь-эльф тут как тут, и эльфийский меч при нем!

Ответа не было, и Сэм пошел вперед; в руке его сверкал ярко-голубой Терн. Темным-темно было во дворе, но он видел, что всюду валялись мертвецы. Возле его ног скорчились два лучника с ножами в спинах. Трупы за трупами, поодиночке, изрубленные или подстреленные, по двое, резали, душили, кусали — и издохли, вцепившись друг в друга. По скользким камням струилась черная кровь.

Доспехи, заметил Сэм, у одних были с Багровым Оком, у других — с Луной, оскаленной, как череп; он, впрочем, приглядываться не стал. Большая дверь у подножия башни была приоткрыта, на пороге лежал здоровенный орк. Сэм перепрыгнул через него и зашел внутрь, растерянно озираясь.

Дальний конец широкого гулкого коридора, тускло освещенного торчавшими по стенам факелами, терялся в сумраке. По обе стороны виднелись двери и проходы, и всюду было пусто; лежали два или три трупа. Сэм помнил из разговора вожаков, что Фродо, живого или мертвого, надо искать «в потай-

ной каморке на самом верху», но проискать можно было и целый день.

— Наверно, где-нибудь в той стороне, — пробормотал Сэм. — Башня вроде как наискось построена, прислонена к горе. Ладно, вперед, не в темень же соваться.

Он шел по коридору все медленнее и медленнее, еле волоча ноги. Ему опять стало очень страшно. Тишину нарушал только звук его осторожных шагов, которые эхо превращало в шлепки огромных рук по каменным плитам. Мертвые тела, пустота, сырые стены, при свете факелов точно сочившиеся кровью, смерть за каждой дверью и в темных простенках, да еще неотвязная память о чудищах, поджидавших его у ворот, — словом, немудрено было и оробеть. Но ему даже хотелось, чтоб на него скорей напали — один-два орка, не больше, — лучше все-таки драться, чем трястись со страху. Он старался думать о Фродо, который лежит где-то в этой жуткой башне, связанный, раненый или мертвый. И не останавливался.

Ряды факелов кончились, он добрел почти до самых дверей в конце коридора — это, верно, и были задние ворота башни, только теперь изнутри. И вдруг откуда-то сверху донесся безумный сдавленный крик. Он замер и услышал топот: кто-то быстро сбегал по гулкой лестнице.

Удержать свою руку было не под силу, она невольно схватилась за цепочку с Кольцом. Но не успел Сэм надеть его, как из темного прохода справа выскочил орк и вслепую побежал прямо на него. Шагов за шесть, подняв голову, он заметил Сэма, а тот уже слышал его пыхтение и видел воспаленные, выпученные глаза. Орк в ужасе остановился: перед ним был вовсе не маленький перепуганный хоббит с мечом в дрожащей руке, а огромная безмолвная фигура в сером облачении, заслонявшая неверный факельный свет; в одной руке у пришельца был меч, яростным блеском выжигавший глаза, другую он держал на груди, скрывая неведомую, властную, убийственную угрозу.

Орк съежился, дико завопил и метнулся обратно в проход. А Сэм взбодрился, как щенок, нежданно-негаданно испугавший большого пса, и погнался за ним с победным криком:

— Ага! Видал эльфийского богатыря! Вот он я. А ну, показывай дорогу на самый верх, а то шкуру спущу!

Но ловкий и сытый орк был у себя дома, а голодный, изможденный Сэм спотыкался на каждом шагу, взбегая по высоким ступенькам крутой винтовой лестницы. Он запыхался; вскоре орк скрылся из виду, и все глуше доносился сверху его топот; правда, время от времени он подвывал от ужаса, и эхо гудело на лестнице. Но потом все стихло.

Сэм поднимался дальше. Он чуял, что он на верном пути, и сил у него прибыло.

— Ну-ну! — сказал он сам себе, как следует упрятав кольцо и подтянув пояс. — Если они все будут так шарахаться от меня при виде Терна, то, может, я с ними как-нибудь и управлюсь. Вообще-то похоже, что Шаграт, Горбаг и их молодцы славно поработали за меня. Кроме этого трусливого ублюдка, никого и в живых, кажется, не осталось.

Сказал — и словно ударился лбом о каменную стену. А вдруг и в самом деле — никого в живых?.. Чей это был отчаянный крик?

— Фродо, Фродо! Хозяин! — воскликнул он, давясь слезами. — Что мне делать, если они вас убили? Иду, все равно иду. Эх, кабы не опоздать!

Выше и выше вела лестница, которую изредка освещали факелы на поворотах или над зияющими проходами в верхние ярусы. Сэм принялся считать ступеньки, досчитал до двухсот и сбился. Шел он крадучись: вроде бы сверху послышались голоса. Видно, ублюдок-то был не один.

И когда ноги уже не гнулись, а дышать стало совсем невмочь, лестница кончилась. Он остановился (голоса были слышны отчетливо и близко) и осмотрелся. Он был на плоской крыше третьего яруса, на круглой площадке шириной футов шестьдесят, с низким парапетом. Лестница выходила посредине площадки в сводчатую комнатку шатром, низкие дверные проемы глядели на восток и на запад. На востоке, далеко внизу, простиралась темная пустыня Мордора, полыхал Ородруин. Из кипящих недр яростнее прежнего извергались огненные потоки — такие раскаленные, что даже здесь, за много миль, верхушку башни озарял багровый свет. Впрочем — Сэм поглядел на запад, — это была не верхушка, а дворик у подножия верхней сторожевой башни, того самого рога над горным гребнем. Оконная прорезь светилась. Дверь в башню — футов за тридцать от Сэма — была отворена, и оттуда, из черноты, и слышались голоса.

Сэм не стал прислушиваться; он вышел из восточной дверцы и окинул взглядом площадку — да, здесь, видать, была главная драка. Мертвецы лежали грудами, повсюду валялись отрубленные головы, руки, ноги. Застоялся смертный смрад. Вдруг кто-то рявкнул, кого-то ударили, раздался злобный крик, и Сэм кинулся назад, к лестнице. Орк заорал, и это был голос Шаграта: резкий, сиплый, начальственный.

— Ты что, Снага, очумел, как это ты не пойдешь? Да я тебя, гаденыша! Думаешь, я ранен, так и можно отбрехаться? Иди-ка сюда, я тебе глаза выдавлю, как Радбугу — слышал, он вопил? Вот подойдут парни, я с тобой разберусь: скормлю тебя Шелоб!

— Не подойдет никто, ты прежде сдохнешь, — угрюмо отвечал Снага. — Два раза уж сказал тебе: моргульская сволочь пе-

рекрыла ворота, из наших никто не выбрался. Проскочили Лагдуф и Музгаш — и тех подстрелили. Говорю же: я сам из окошка видел. А всем остальным — каюк.

— Вот, значит, ты и пойдешь. Мне все равно надо быть здесь. К тому же Горбаг, подлюга, ранил меня, чтоб ему сгнить в Черной Яме! — Шаграт разразился долгой и гнусной руганью. — Пока я его душил, он, вонючка, успел меня ножом пырнуть. Иди давай, живьем ведь слопаю. Надо скорее обо всем доложить в Лугбурз, а то угодим в Черную Яму. Да-да, с тобой на пару, не отвертишься, не отсидишься!

— Не пойду я на лестницу, — буркнул Снага, — плевать я хотел, что ты начальник. Хрен тебе! И не хватайся за нож, получишь стрелу в брюхо. Да и начальником тебе не бывать, когда Там узнают, что ты натворил. Моргульцев-гнид правильно всех перебили, но вы же и долбаки с Горбагом: сцепились из-за добычи!

— А ну, заткнись! — рявкнул Шаграт. — У меня был ясный приказ, а Горбаг хотел захапать кольчужку.

— Ты тоже хорош: сразу пошел выпендриваться — я, мол, здесь хозяин! У него в голове-то было побольше твоего: он тебе сколько повторял, что главного шпиона мы не видели, а ты уши затыкал. И сейчас как глухой — говорят тебе, прав был Горбаг. Главный этот у нас под боком ходит — не то эльф-кровопийца, не то поганый тарк[1]. Сюда он идет, говорю же тебе. Колокол слышал? Он прорвался мимо Соглядатаев: тарки это умеют. И гнался за мной по лестнице. Покуда он здесь, не пойду я вниз. Будь ты хоть сам назгул, не пойду.

— Ах, ты так? — взревел Шаграт. — Туда не пойдешь, сюда не желаешь? А когда он придет, удерешь и бросишь меня? Нет, не выйдет! Сперва я из тебя кишки с дерьмом вытряхну!

Из башенной двери выскочил орк небольшого роста, а за ним гнался дюжий Шаграт, скрючившись и загребая ручищами чуть не до полу: одна, окровавленная, болталась, а в другой он держал большой черный сверток.

Прячась за лестничной дверцей, Сэм увидел в багровом свете его злобную морду, изорванную когтями, испятнанную кровью, с ощеренных клыков капала слюна.

Шаграт гонялся за Снагой по дворику, а тот ускользал, увертывался, наконец с визгом нырнул обратно в башню и скрылся. Из восточной дверцы Сэм видел, как Шаграт стал у парапета, задыхаясь, сжимая и разжимая когти на левой, свисавшей лапе. Он опустил сверток на пол, вытащил длинный красный нож и сплюнул на него. Потом перегнулся через пара-

[1] На оркском наречии — гондорец.

нет, разглядывая нижний двор, и зычно заорал раз-другой, но ответа не было.

Вдруг Сэм с изумлением заметил, как один из распростертых мертвецов зашевелился, пополз, ухватил сверток за спиной склоненного над парапетом Шаграта и, шатаясь, поднялся на ноги. В другой руке у него был обломок копья с широким плоским наконечником; он занес его для удара, но в последний миг зашипел — от боли или от злобы. Шаграт отпрянул по-змеиному, извернулся — и вонзил нож в горло врагу.

— Здорово, Горбаг! — крикнул он. — Ты что, не сдох? Ладно, сейчас помогу!

Вскочив на рухнувшее тело, он бешено топтал и пинал его, нагибался, колол и кромсал ножом, наконец закинул голову и испустил надсадный ликующий вопль. Потом облизал нож, взял его в зубы, поднял сверток и заковылял к ближней лестничной дверце.

Раздумывать не приходилось. Сэм, конечно, мог выскочить в другую дверцу, но вряд ли незаметно, а затевать с этим выродком игру в прятки — дело дохлое. Наверно, он поступил правильнее всего: с криком выпрыгнул навстречу Шаграту. Теперь он Кольцо в руке не сжимал, но оно никуда не делось, и всякий мордорский раб чуял его страшную власть и смертельную угрозу. Нестерпимо сверкал Терн — отблеском звезд эльфийского края, страшнее которого для орков ничего нет. И, наконец, Шаграт не мог драться, не выпустив свертка. Он пригнулся, зарычал и оскалил клыки. Потом отпрыгнул в сторону и, когда Сэм на него бросился, выставил тяжелый сверток словно щит, ткнув им врага в лицо. Сэм отшатнулся и опомниться не успел, как Шаграт уже сбегал по лестнице.

Сэм с проклятием кинулся за ним, но быстро остыл. Он подумал о Фродо, о том, что другой орк вернулся в сторожевую башню. Опять надо было выбирать, не мешкая. Если Шаграт удерет, то скоро вернется с подмогой. Но если бежать за ним — тот, другой, может такое вытворить... Шаграта еще поди догони, а догонишь — кто кого убьет. Сэм повернулся и взбежал наверх.

— Опять небось маху дал, — вздохнул он. — Но будь что будет, сперва доберусь до этой каморки на верхотуре.

А Шаграт тем временем сбежал по лестнице, пересек двор и выскочил из ворот со своей драгоценной ношей. Знал бы Сэм, сколько скорби вызовет его бегство, он бы, может, еще подумал. Но он думал только о том, где ему искать Фродо. Он с оглядкой подошел к башенной двери и сунулся внутрь: вроде бы совсем темно, но потом глаза привыкли, и он завидел справа тусклый свет — из прохода к узкой винтовой лестнице у стены. Откуда сверху мерцал факел.

Сэм стал осторожно подниматься. Факел оказался над дверью слева, напротив оконной прорези, обращенной на запад: это небось и было то красное окно, которое они с Фродо увидели, выйдя из Логова. Сэм прошмыгнул мимо двери и поспешил на третий этаж, каждый миг опасаясь, что сзади схватят его за горло. Снова прорезь, теперь на восток, и опять факел над дверью напротив. Дверь была открыта: темный коридор скудно освещали отблески факела и багрового зарева за окном. Но лестница кончилась, и Сэм прокрался в коридор. С двух сторон были низкие двери; обе заперты. Ниоткуда ни звука.

— Добрался, нечего сказать, — пробормотал Сэм, — было зачем добираться! Но это вроде бы не самая верхотура. А дальше-то куда?

Он сбежал на второй этаж, попробовал дверь. Заперта. Он снова взбежал наверх, пот лил с него ручьем. Каждая минута была дорога и минута за минутой уходили попусту. Он уж и думать забыл про Шаграта, Снагу и всех прочих орков; он не чаял найти хозяина, посмотреть ему в лицо, потрогать его за руку.

И наконец, усталый и разбитый, он сел на ступеньку пониже третьего этажа и уронил голову на руки. Стояла жуткая тишина. Факел, догорая, затрещал и погас; темнота, как волна, захлестнула его с головой. И вдруг, себе на удивление, Сэм, у которого не осталось надежды и не было сил горевать, тихонько запел, повинуясь тайной подсказке сердца.

Его слабый, дрожащий голосок был еле слышен в черной холодной башне; никакой орк не принял бы это жалобное пение полуживого хоббита за звонкую песнь эльфийского воина. Он тихонько напевал детские песенки Хоббитании, стихи господина Бильбо — напевал все, что приходило в голову и напоминало родные края. Внезапно сил у него прибавилось, голос окреп, и сами собой сочинились слова на простенький мотив:

Там солнце льет свои лучи
На вешние сады,
Цветут луга, журчат ручьи,
В лесах поют дрозды.
А может, льется звездный свет,
И я бы увидал,
Как тихо светится в листве
Жемчужная звезда.
А здесь темно, и ни души,
В углах таится смерть.
Но выше сумрачных вершин
Сияющая твердь.
Лучится ласковая синь,
Блистает звездный свод —
Ведь он прочнее всех твердынь,
И темнота пройдет.

— Но выше сумрачных вершин, — затянул он снова — и замолк. Ему словно бы отозвался чей-то слабый голос. Да нет, показалось, ничего не слыхать. А потом стало слыхать, только не голос, а шаги. Тихо отворилась дверь в верхнем коридоре, заскрипели петли. Сэм съежился, затаив дыхание. Дверь хлопнула, и злобный голос орка прогнусил:

— Ну ты, гаденыш, там, наверху! Только пискни еще, я тебе так пискну! Понял?

Ответа не было.

— То-то, — буркнул Снага. — А все-таки слазаю посмотрю, чего это ты распищался.

Снова скрипнули петли, и Сэм, выглядывая из-за косяка, увидел в дверях полосу света и фигуру орка: он, кажется, нес лестницу. Сэма осенило: каморка-то не иначе как над коридором, а вход в нее через люк. Снага приставил лестницу, взлез к потолку и загремел засовом. И снова послышался мерзостный, гнусавый голос:

— Тихо лежать, пока цел! А цел ты пробудешь недолго — тебе что, невтерпеж? Хлебало заткнуть! Вот получи на память!

Свистнув, хлестнула плеть. Сэм затрясся от ярости и в три прыжка взлетел на лестницу, по-кошачьи бесшумно. Люк был посредине большой круглой комнаты. На цепях свисал красный светильник, чернело высокое и узкое западное окно. У стены под окном кто-то лежал, возле него черной тенью раскорячился орк. Он снова занес плетку, но ударить не успел.

Сэм с криком подскочил к нему, орк быстро обернулся, и яростно сверкнувший Терн отсек ему правую руку. Взвыв от боли и страха, он озверело бросился на Сэма, увернулся от меча, сшиб его с ног и упал сам. Послышался вопль и глухой удар. Мгновенно поднявшись и отпрыгнув, Сэм понял, что орк запнулся о лестницу и свалился вниз головой в люк. Сэм тут же забыл о нем, подбежав к фигурке, скорчившейся на полу. Это был Фродо.

Он лежал нагишом, как видно, без чувств, на куче грязного тряпья, рукой заслоняя голову; бок был исполосован плетью.

— Фродо! Господин Фродо, хозяин мой дорогой! — кричал Сэм, *заливаясь слезами*. — Это *я*, это Сэм!

Он прижал его голову к своей груди. Фродо открыл глаза.

— Опять я сплю? — проговорил он. — Что ж, спасибо за такой сон.

— Нет, хозяин, это вовсе не сон, — сказал Сэм. — Это наяву. Это я вас нашел.

— Да не может быть, — сказал Фродо, хватая его за плечи. — Только что здесь был орк с плетью, и он превратился в

Сэма! Значит, я и тогда не спал, когда слышал пение снизу и стал подпевать? Это ты пел?

— Кто ж, как не я, сударь. Я уже совсем, можно сказать, отчаялся. Ищу, ищу, а вы не находитесь.

— Вот я и нашелся, Сэм, дорогой ты мой Сэм, — сказал Фродо и снова, закрыв глаза, откинул голову на ласковые руки Сэма, как ребенок, чьи ночные страхи прогнал любимый голос и касание.

Так бы сидеть да радоваться, но Сэм понимал, что радоваться рано. Найти-то он хозяина нашел, а теперь надо было его спасать. Он поцеловал Фродо в лоб.

— Просыпайтесь, просыпайтесь, господин Фродо! — позвал он, стараясь, чтобы голос его звучал повеселее — как в Торбе, когда он раздвигал занавеси летним утром.

Фродо вздохнул и сел.

— А где это мы? Как я здесь оказался? — спросил он.

— Все расскажу, только сперва давайте окажемся подальше отсюда, — сказал Сэм. — Короче говоря, мы с вами на самом верху той башни, что видели, когда вышли из Логова, перед тем, как вас сцапали орки. А давно ли это было — не знаю. День да ночь — сутки прочь, не больше.

— Только-то? — сказал Фродо. — По мне, так целая неделя прошла. Да-да, потом расскажешь, если будет случай. Меня спихнули с ног, верно? И я точно провалился в темноту, мне чудились всякие ужасы, а когда очнулся — увидел ужасы наяву. Кругом были орки, они вливали мне в горло какую-то жгучую гадость, и голова прояснилась, только болела, и руки-ноги не двигались. Раздели меня догола — все-все отобрали, — и двое огромных зверюг принялись меня допрашивать, и конца этому не было. Я думал, с ума сойду, а они стояли надо мной, грозили, измывались, поплевывали на свои ножи. Век не забуду их когтей и огненных глазищ!

— Не станете вспоминать, так, может, и забудете, сударь, — сказал Сэм. — Главное дело — ноги отсюда поскорее унести, а то увидимся с кем не надо. Вы идти-то сможете?

— Смогу, — сказал Фродо, медленно распрямляясь. — Я ведь не ранен, Сэм. Только трудно как-то двигаться, и вот здесь побаливает. — Он приложил руку к шее над левым плечом.

Красный свет заливал его с головы до пят, будто облекая пламенем. Он прошелся по комнате.

— Да вроде уже получше! — сказал он, немного повеселев. — Я и шелохнуться боялся, когда лежал тут один и все время заходил караульщик. Потом поднялся дикий ор и началась драка. Кажется, эти двое зверюг повздорили из-за меня и добычи. Ужас что творилось! А когда все стихло, стало еще страшнее.

— Да, они, видать, крепко повздорили, — подтвердил Сэм. — Здесь этой сволочи собралось сотни две. Многовато на одного Сэма Скромби. Но они, спасибо, не стали дожидаться, пока я их всех укокошу, и сами между собой разобрались. Это нам с вами здорово повезло, не худо бы и песню сочинить, да уж очень длинная получится песня, отложим на потом. Сейчас-то что делать будем? В здешних местах, сударь, хоть и темновато, но голышом расхаживать не принято.

— Они все забрали, Сэм, — отозвался Фродо. — Все до последней нитки. Ты понимаешь? Все! — И он снова тяжело опустился на пол, свесив голову, будто и сам только что это понял и его придавило отчаяние. — Все пропало, Сэм. Если мы даже отсюда выберемся, спасения нам нет. Одни эльфы могут спастись, и не в Средиземье, а далеко-далеко за Морем. Да еще и там — спасутся ли?..

— Нет, сударь, не все они забрали. И еще не все пропало. Я снял его с вас, уж извините великодушно. И оно цело — висит у меня на шее, сущий камень, я вам скажу! — Сэм полез за пазуху. — Теперь небось надо его вам на шею перевесить.

Сэму вовсе не хотелось отдавать Кольцо — ну куда хозяину таскать такую тяжесть!

— Оно у тебя? — ахнул Фродо. — Здесь, у тебя? Вот чудо-то! — И вдруг, вскочив на ноги и протягивая дрожащую руку, выкрикнул каким-то чужим голосом: — Давай его сюда! Сейчас же отдавай! Оно не твое!

— Конечно, сударь, — удивленно сказал Сэм. — Берите! — Он нехотя вынул Кольцо и снял цепочку через голову. — Только ведь мы, как бы сказать, в Мордоре: вот выберемся из башни, сами увидите Огненную гору и все такое прочее. Кольцо ого-го как потяжелело, и с ним здесь, похоже, шутки плохи. Может, будем его нести по очереди?

— Нет-нет! — крикнул Фродо, выхватив Кольцо с цепочкой у него из рук. — Нет, и думать не смей, проклятый ворюга!

Он, задыхаясь, смотрел на Сэма с испугом и ненавистью. Потом вдруг, сжав Кольцо в кулаке, точно сам себя услышал. Он провел рукой по лбу: голова по-прежнему болела, но жуткое видение исчезло, а привиделось ему совсем как наяву, что Сэм снова обратился в орка, в гнусную маленькую тварь с горящими глазками, со слюнявой оскаленной пастью, и жадно вцепился в его сокровище. Теперь он увидел, что Сэм стоит перед ним на коленях и горько плачет от мучительной обиды.

— О Сэм! — воскликнул Фродо. — Что я сказал! Что со мной? Прости меня! И это тебе вместо благодарности. Страшная власть у этого Кольца. Лучше бы его никогда, никогда не нашли. Но ты пойми, Сэм, я взялся нести эту ношу, и тут уж

ничего не поделаешь. Это моя судьба, и даже ты не можешь ее разделить.

— Ладно, чего там, сударь, — сказал Сэм, утирая глаза рукавом. — Все понятно. Разделить не могу, а помочь попробую — первым делом скоренько вывести вас отсюда, тут место гиблое. Стало быть, надо вам одеться и подкрепиться. Одеть я вас как-нибудь одену: по-мордорски, раз уж нас занесло в Мордор. Да и выбирать не из чего. Так что, боюсь, придется вам, сударь, нарядиться орком, мне, конечно, тоже — за компанию и для порядка. Покамест вот — наденьте!

Сэм снял свой серый плащ и накинул его на плечи Фродо. Потом положил котомку на пол и вынул из ножен Терн — клинок его едва искрился.

— Поглядите, сударь! — сказал он. — Нет, не все они забрали. Терн я у вас одолжил, а звездинку Владычицы вы, помните, сами мне дали. Очень пригодились. Если можно, сударь, одолжите их еще ненадолго — я схожу на добычу. А вы покуда пройдитесь, разомните ноги. Я быстро — здесь недалеко.

— Только осторожно, Сэм! — сказал Фродо. — И правда, побыстрее! Вдруг где-нибудь еще прячутся недобитые орки.

— Стало быть, добьем, — сказал Сэм. Он скользнул в люк и вниз по лестнице, но через минуту голова его снова появилась, а рука зашвырнула длинный нож.

— Возьмите-ка на всякий случай, — сказал он. — Подох этот, который вас плетью стегал. Шею сломал, уж очень торопился. А вы вот что, сударь: лестницу сможете сами втянуть? И не спускайте ее, пока я не позову. Я скажу «Элберет» — эльфийское имя, ни один орк его не знает.

Фродо немного посидел, невольно вспоминая пережитые ужасы и вздрагивая при каждом шорохе. Потом он встал, запахнулся в эльфийский плащ и, чтобы отогнать черные мысли, принялся кругами расхаживать по своей темнице и обшаривать все углы.

Ждать пришлось недолго, хоть со страху и показалось, что больше часу; голос Сэма тихо позвал снизу: «Элберет, Элберет». Фродо спустил в люк легкую лестницу. Сэм поднялся, пыхтя, с большим узлом на голове и брякнул его об пол.

— Ну, сударь, чур не мешкать! — сказал он. — Да, снаряди тут попробуй нашего брата-невысоклика. Ладно, уж как-нибудь обойдемся, а то некогда. Орки все мертвые, ничего такого я не заметил, но что-то мне, понимаете, не по себе, вроде как под надзором. Может, оно и кажется, только боюсь, что шныряет поблизости летучий мертвяк, а в небе черно, не разглядишь.

Он развязал узел. Фродо поежился от омерзения, но делать

и вправду было нечего — либо как ни на есть одевайся, либо ходи голый. Он натянул длинные косматые штаны из козлиной, что ли, шкуры и засаленную кожаную рубаху, а поверх нее — частую кольчугу, для среднего орка короткую, для Фродо длинную и тяжеловатую. Потом затянул пояс, на котором висел короткий широкий тесак. Шлемов Сэм притащил пяток на выбор, и один из них Фродо подошел: черная шапка из железных ободьев, обтянутых кожей, со злобным красным Оком, намалеванным над клювастым наносником.

— Моргульские доспехи, с молодчиков Горбага, нам бы лучше сгодились, да они и подоботнее, — сказал Сэм, — только с их пометками в Мордоре, наверно, лучше не разгуливать после здешней-то бойни. Ну, сударь, вот вы и одеты — этакий складненький орк, с вашего позволения... да нет, не совсем, вам бы еще маску, руки подлиннее и ноги врастопырку. А мы, пожалуй, сверху прикроемся. Теперь готово дело. Щит подберете по дороге.

— А ты как же, Сэм? — спросил Фродо. — За компанию и для порядка?

— Да я, сударь, тут между делом пораскинул мозгами, — сказал Сэм. — Оставлять-то мою одежду нельзя, а куда мы ее денем? Неужто мне поверх нее напяливать оркский доспех? Нет, опять же прикроемся сверху.

Он опустился на колени и бережно свернул эльфийский плащ: сверточек получился малюсенький. Сэм припрятал его в котомку, закинул котомку за плечи, надел оркский шлем и завернулся в черный плащ.

— Вот так сойдет! — сказал он. — Теперь вроде бы гожусь вам в компанию. Пошли, пошли!

— Только не бегом, Сэм, — сказал Фродо с грустной улыбкой. — Да, а ты разузнал, как там с трактирами по дороге? Или вообще забыл про еду и питье?

— Батюшки, а ведь забыл! — присвистнул Сэм. — Вы тоже, сударь, хороши: напомнили, и я сразу захотел есть и пить! Давно уже во рту маковой росинки не было — покуда я вас искал. Но не так уж плохи наши дела: когда я последний раз шарил в котомке, там и хлебцев, и Фарамировой снеди оставалось недели на две — на одного, правда, едока, и то в обрез. С водой хуже — может, во фляге и есть еще глоток, но уж второго нет, это точно. На двоих маловато. А орки что, не едят и не пьют? Только дышат гнилым воздухом и лопают отраву?

— Нет, Сэм, они едят и пьют. Злодейству творить не дано, оно может лишь издеваться и уродовать. И орки — не его творение, это просто порченые твари, а стало быть, живут, как все живые. Пьют гнилую воду, едят гнилое мясо, если ничем другим не разживутся, но отравы не лопают. Меня они кормили и

поили, так что я рядом с тобой именинник. И наверняка где-нибудь здесь и еда и питье есть.

— Только времени-то нет разыскивать, — вздохнул Сэм.

— Ладно, ладно, дела наши даже лучше, чем ты думаешь! — сказал Фродо. — Пока ты ходил на добычу, я тоже кое-что промыслил: свою котомку среди тряпья. Они ее, конечно, распотрошили, да путлибы им, видать, были еще противнее, чем Горлуму. Побросали их, потоптали, но я собрал все до крохи, и порядком набралось — думаю, почти столько же, сколько у тебя. Вот только Фарамирову снедь они забрали и флягу изрезали в клочья.

— Такие, значит, пироги, — сказал Сэм. — С голоду пока что не помрем. Без воды, правда, худо нам придется. Но пошли, пошли, сударь, а то нам и целое озеро будет без надобности!

— Нет уж, Сэм, пока ты не перекусишь, я с места не двинусь, — сказал Фродо. — Возьми-ка вот хлебец и допей глоток из своей фляги! Худо нам придется так и так, и нечего беречь глоток на завтра. Может, и завтра-то никакого не будет.

Наконец они спустились, задраив люк, и Сэм положил лестницу в коридоре подле скрюченного трупа орка. В малой башне было темно, а крышу все еще озаряли отсветы зарева над Ородруином, хоть оно и потускнело. Они подобрали щиты полегче и ступили на главную лестницу.

Гулко отдавались их шаги. Круглая комната, где они встретились, теперь казалась чуть не домом родным, а здесь даже обернуться было страшно. Может, и не осталось никого в живых во всей башне на Кирит-Унголе, но тишина стояла зловещая до ужаса.

Подошли к дверям во двор, и перед ними встала невидимым и плотным заслоном черная злоба Соглядатаев — безмолвных чудищ по сторонам багровеющих ворот. Побрели через двор между мертвыми телами, идти было все труднее. Неподалеку от арки остановились, пошатываясь, скованные тяжкой болью.

Фродо бессильно повалился на камни.

— Дальше не могу, Сэм, — выговорил он коснеющим языком. — Кажется, вот-вот умру. Не знаю, что это на меня накатило.

— Дело понятное, сударь. Главное — крепитесь! Тут ворота малость заколдованные. Но я сюда через них прошел, и я не я буду, если не выйду. Я на них управу знаю. Ну-ка!

Он вынул звездинку Галадриэли, и в честь его мужества, в награду немудрящей хоббитской верности светильник ослепительно вспыхнул в заскорузлой руке Сэма, словно молнией осияв сумрачный двор, и сияние не угасало.

— Гилтониэль, о Элберет! — выкликнул Сэм: ему вдруг вспомнились Хоббитания и песня эльфов, от которой шарахнулся в лес Черный Всадник.

— Аийя эленион анкалима![1] — воскликнул позади него Фродо.

И чары вдруг распались точно лопнувшая цепь. Фродо и Сэм, спотыкаясь, стремглав пробежали в ворота, мимо Соглядатаев, злобно сверкнувших мертвыми глазами. Раздался треск: замковый камень арки грянулся оземь, чуть не придавив беглецов, и, рассыпаясь, обрушилась стена над воротами. Хоббиты уцелели чудом. Ударил колокол, и дико взвыли Соглядатаи. Эхом отозвались темные небеса: оттуда коршуном устремилась вниз крылатая тень, и жуткий вопль ее, казалось, разрывал тучи.

Глава II

В СУМРАЧНОМ КРАЮ

Сэм едва успел спрятать на груди светильник.

— Бежим, сударь! — крикнул он. — Нет, не туда! Там под стеной обрыв. За мной бегите!

И они побежали прямо по дороге. Шагов через пятьдесят их скрыл спасительный выступ. Они кое-как отдышались, прижимаясь спиной к утесу. От разрушенной арки доносились сверлящие вопли назгула, и скалы вздрагивали.

Ужас погнал их дальше, за поворотом снова надо было перебежать на виду. Мельком увидели они черную тень над стеной и юркнули в ущелье, на крутой спуск к Моргульской дороге. Вскоре очутились на перекрестке — никого нигде, но, конечно, вот-вот примчатся со всех сторон на яростный зов назгула.

— Плохо наше дело, Сэм, — сказал Фродо. — Были б мы орки, бежали бы к башне, а мы куда? Сразу нас сцапают. Нельзя по дороге.

— Нельзя-то нельзя, да куда деваться? — сказал Сэм. — Мы же летать не умеем.

Сбоку, над черной котловиной, громоздились утесистые восточные склоны Эфель-Дуата. За перекрестком дорога опять ныряла и выводила на висячий мост над пропастью, к ущельям и кручам Моргвея. Фродо и Сэм опрометью кинулись по мосту. Уже далеко позади, на уступе, высилась башня Кирит-Унгола,

[1] О Владычица звезд! — титулование Элберет Гилтонизли на верхнеэльфийском языке.

поблескивавшая каменной чешуей. Внезапно вновь ударил колокол и загремел, не смолкая. Затрубили рога. Из-за моста донеслись ответные крики. Меркнущие отсветы Огненной горы в котловину не проникали, и пока никого не было видно, только все ближе слышался грохот кованых сапог и топот копыт.

— Живо, Сэм! С моста вниз! — крикнул Фродо. Они перелезли через перила. По счастью, склоны Моргвея уже подступили к дороге, и зев пропасти остался позади, но прыгать все равно надо было в темноту, наудачу.

— Эх, где наша не пропадала! — сказал Сэм. — На всякий случай прощайте, сударь!

Он прыгнул, Фродо за ним, и тут же над головой у них на мост ворвались всадники и толпа орков. Но Сэм чуть не расхохотался. Не в бездну упали они, не на острые невидимые скалы, а футов через двенадцать с треском врезались в гущу — это надо же! — терновника. И Сэм лежал тихо-тихо, зализывая расцарапанную руку.

Когда шум погони стих, он осмелился шепнуть:

— Ну, сударь, не знал я, что в Мордоре что-нибудь растет, но уж коли растет, то это самое оно. Ничего себе колючки, чуть не в два пальца длиной! Как они меня насквозь не проткнули. Дурак я, что не надел кольчуги.

— Да от этой оркской кольчуги никакого толку, — отозвался Фродо. — Они и рубаху пропороли.

Насилу выдрались из зарослей: жесткие, как проволока, кусты вцеплялись точно когтями. Плащи их были изорваны в клочья.

— Спускаемся вниз, Сэм, — прошептал Фродо, — к самому дну котловины, и сразу свернем на север.

За пределами Мордора наступало утро, и над покровом мглы всходило солнце из-за восточного края Средиземья, но здесь ночная темнота еще сгустилась. Тлела пригасшая Гора. Прежде обагренные скалы почернели. Восточный ветер, который дул с той поры, когда хоббиты были еще в Итилии, теперь улегся. Медленно, с трудом пробирались они на ощупь, спотыкаясь и падая, по камням, грудам хвороста, сквозь колючие заросли, все вниз и вниз.

Наконец, выбившись из сил и обливаясь потом, они уселись рядом возле огромного валуна.

— За кружку воды я бы самому Шаграту лапу пожал, — сказал Сэм.

— Насчет воды лучше помалкивай! — посоветовал Фродо. — Не береди душу.

Он устало вытянулся и надолго замолчал: дурнота одолевала

его. Потом он, к изумлению своему, обнаружил, что Сэм крепко спит.

— Сэм, ты проснись! — позвал Фродо. — Идти надо! Передохнули — и будет.

Сэм вскочил на ноги.

— Ой, батюшки! — сказал он. — Вздремнул ненароком. Давненько, сударь, я толком не спал, вот глаза и слиплись.

Фродо пошел впереди, стараясь держать путь на север среди камней, загромоздивших сухое русло. Но вскоре он остановился.

— Да нет, Сэм, — сказал он. — Вот как хочешь, не получится. То есть я это про оркскую кольчугу. Может, в другой раз, а сейчас — нет. Мне и моя-то, мифрильная, бывала тяжеловата. А эта куда тяжелее. Да и что от нее проку? Мы ведь не с боем будем пробиваться.

— А без драки-то, может, и не обойдемся, — возразил Сэм. — Ножом в спину ткнут, стрела невзначай попадет, мало ли. Да и Горлум, коли на то пошло, где-то рядом ошивается. Не, неохота мне думать, что у вас одна защита — кожаная рубаха!

— Сэм, дорогой ты мой, — сказал Фродо, — я устал, я с ног падаю, я совсем уж ни на что не надеюсь. И все равно надо, понимаешь, надо тащиться к Огненной горе — хоть на брюхе. Хватит с меня Кольца. А это лишнее, это меня давит. Но ты не думай, я понимаю, каково тебе было копаться среди мертвецов, отыскивать ее для меня...

— Да это, сударь, вздор, делов-то! Я вас на спине донесу, было б куда. Пес с ней, с кольчугой!

Фродо скинул плащ, снял кольчугу, отбросил ее в сторону и поежился.

— Потеплее бы что-нибудь, — сказал он. — То ли холодно стало, то ли я простудился.

— А возьмите-ка вы, сударь, мой плащ, — сказал Сэм. — Он скинул котомку с плеч и вытащил оттуда сверточек. — Честное слово, неплохо получится! Закутайтесь поплотнее в эту оркскую хламиду, затянитесь поясом, а сверху вот накиньте. Орк из вас теперь липовый, ну да ладно, зато согреетесь, а пожалуй что оно и безопаснее. Как-никак сама Владычица руку приложила.

Фродо застегнул брошь.

— Да, гораздо легче стало! — сказал он. — И в ногах силы прибавилось. Только темень как тисками сжимает. Знаешь, Сэм, в башне я лежал и вспоминал Брендидуим, Лесной Угол, реку возле мельницы в Норгорде. А теперь ничего не вспоминается.

— Здрасьте, сударь, теперь уж не я, а вы на воду намекаете! — сказал Сэм. — Могла бы Владычица нас увидеть или услышать, я сказал бы ей: «Ваше сиятельство, нам нужны только

свет и вода, чистая вода и дневной свет, а каменьев никаких, прощения просим, и даром не надо». Но далеко отсюда Лориэн.

Сэм со вздохом махнул рукой в сторону Изгарных гор — черноты в непроглядном небе.

Через сотню шагов Фродо опять остановился.

— Черный Всадник кружит над нами, — сказал он. — Что другое, а это я чувствую. Переждем.

Они залезли под огромный валун, сидели лицом к западу и молчали. Потом Фродо облегченно вздохнул:

— Улетел.

Они выбрались — и обомлели от удивления. По левую руку, на юге, небосклон посерел и стала видна в высоте крутоверхая горная цепь. За нею разливался свет, и мгла отступала к северу: казалось, в небесах идет битва. Тучи Мордора клубились и редели, рассеиваясь клочьями под напором ветра из мира живых; чадный туман втягивался назад, в глубь Сумрачного Края. И как сквозь грязное тюремное окно сочились бледные утренние лучи.

— Гляньте, сударь! — сказал Сэм. — Нет, вы гляньте! Ветер переменился. Похоже, не все у него, лиходея, ладится. Темень-то разметало. Эх, знать бы, как оно там!

Это было утро пятнадцатого марта, солнце поднималось из восточного сумрака над Андуином, дул юго-западный ветер. Теоден лежал при смерти на Пеленнорской равнине.

Ширилась полоса света над гребнями Эфель-Дуата, и вдруг хоббиты увидели пятнышко в ясном небе; вблизи оно стало черной тенью, а тень врезалась в сумрак и промчалась высоко над головой. Послышался протяжный, надсадный вопль назгула, но вопль их почему-то не испугал: была в нем тоскливая злоба и весть о своей гибели. Главарь Кольценосцев исчез с лица земли.

— А я что говорил? Где-то обмишулился лиходей! — воскликнул Сэм. — «Война хорошо идет!» — говорил Шаграт, а Горбаг хмыкал, и, видно, недаром. Может, не так уж все и худо, а, сударь? Может, будем надеяться?

— Да нет, Сэм, нам с тобой надеяться не на что, — вздохнул Фродо. — Это все за горами, за долами. И мы идем не на запад, а на восток. Я очень устал, Сэм, и Кольцо все тяжелее. И перед глазами у меня словно огненное колесо.

Сэм снова поник. Он тревожно взглянул на хозяина и взял его за руку.

— Пойдемте, сударь! — сказал он. — Все ж таки посветлело, идти будет легче, хоть и опаснее. Чуток пройдем, потом полежим отдохнем. Съешьте-ка вы эльфийского хлебушка, подкрепитесь.

Они разломили путлиб на двоих и побрели дальше, старательно жуя пересохшими ртами. Темноту сменил серый полумрак; впереди, по дну глубокой, отлого поднимавшейся к северу котловины тянулось пустое каменистое русло. У обрывистых подножий Эфель-Дуата вилась горная тропа. Они могли свернуть на нее еще с Моргульской дороги, перед мостом: спустились бы длинными лестницами, выбитыми в скалах. Здесь ходили дозоры и бегали гонцы в малые крепости между Кирит-Унголом и тесниной Изенмаута, железными челюстями Карак-Ангрена.

Опасно было идти этой ближней тропой, зато легче, а Фродо знал, что ему не под силу пробираться валунами или по ущельям Моргвея. К тому же и погоня, наверно, будет сперва искать их не здесь, а на восточной дороге или западных перевалах. Отойдут они подальше от башни, попробуют выбраться из котловины на восток, а там... а там всему конец. Они пересекли сухое русло и пошли по оркской тропе. Над нею нависали скалы, так что сверху бояться было вроде бы нечего, но тропа то и дело петляла, и у каждого поворота брались они за рукояти мечей.

Светлее не становилось: Ородруин по-прежнему изрыгал тяжкие дымные облака, не уступавшие ветру. Мощный столп поднимался в надветренную высь и расползался, нависая огромным туманным куполом. Они брели уже час с лишним — и вдруг оба замерли, не веря своим ушам. Наконец поверили: слышалось журчание воды. Слева, из узкой, точно прорубленной в черном утесе канавки струились, должно быть, остатки душистой дождевой влаги, скопившейся над солнечным Морем и впустую окропившей скалистую ограду бесплодного края. Струйка лилась на тропу, и крохотный ручеек сбегал под откос, теряясь среди голых каменьев.

Сэм кинулся к струйке.

— Непременно скажу Владычице, если увижу ее! — воскликнул он. — Свет — пожалуйста, а вот и вода! — Он замялся. — Позвольте, сударь, прежде я напьюсь.

— Пей на здоровье, только нам и вдвоем места хватит.

— Да я не про то, — сказал Сэм. — Просто ежели от этой водички сразу ноги протянешь, так уж давайте испробуем на мне.

— Ах, ты вот о чем! Нет, Сэм, пробовать будем вдвоем — вдруг да обоим повезет. Глотнем для начала самую капельку — а ну как она ледяная, моргульская!

Вода была вовсе не ледяная, но прохладная, с неприятным привкусом — маслянистая и горьковатая. То есть это бы дома им так показалось, а здесь они этой водой нахвалиться не могли и пили без опаски.

Напились вволю, и Сэм наполнил флягу. Фродо полегчало. Они прошли несколько миль, и тропа стала шире, а справа по-

явилось грубое подобие стены. Должно быть, где-то неподалеку был лагерь орков.

— Сворачиваем, Сэм, — сказал Фродо. — На восток надо сворачивать. — Он вздохнул и окинул взглядом сумрачные гребни за котловиной. — Авось хватит у меня сил туда перебраться, а там забьемся в какую-нибудь ложбинку и отдохнем.

На четвереньках спустились по осыпи к руслу — и набрели, как ни странно, на темные лужи: видно, ручеек был не один. И еще не все омертвело у западных склонов Моргвея. Убогие, искореженные и хваткие растения упорно цеплялись за жизнь. В ущельях как бы тайком росли кривобокие карликовые деревца, жесткие серые пучки травы выбивались из-под камней, чахлый мох облеплял валуны, и повсюду стелился, извивался, торчал дикий терновник-чемыш, щетинясь длинными и острыми, порой крючковатыми колючками. Шуршали и шелестели жухлые прошлогодние листья; полуоткрытые почки изъедены были червями. Жужжали и жалили мухи — рыжие, серые и черные с красными пятнышками, точно орки; над зарослями толклись тучи голодного комарья.

— Оркские доспехи тут не помогут, — сказал Сэм, отмахиваясь обеими руками. — Мне бы оркскую шкуру!

Фродо совсем выбился из сил. Они карабкались вверх узким уступчатым ущельем, и до гребня было еще очень далеко.

— Я отдохну, Сэм, и попробую уснуть, — сказал Фродо. Он поглядел вокруг, но среди голых скал и зверьку было бы негде укрыться. Наконец они пристроились под терновым кустом, каким-то чудом выросшим на обрыве.

Путлибы они решили поберечь про черный день и съели половину Фарамировой снеди из котомки Сэма: сушеные яблоки и кусочек солонины. Отпили из фляги по глотку-другому воды. Вообще-то они напились в котловине, но воздух в Мордоре был точно прогорклый, и все время пересыхало во рту. Сэм подумал о воде — и сразу приуныл: ведь с Моргвея надо было спускаться на выжженную равнину Горгорота.

— Давайте-ка спите, сударь, — сказал он. — Вот опять темнеет, на этот раз вроде по вечернему случаю.

Фродо уснул, прежде чем он успел договорить. Не поддаваясь усталости, Сэм взял руку Фродо и сидел молча до глубокой темноты. Потом, чтобы не заснуть, выполз из-под тернового укрытия и прислушался. Похрустывало, потрескивало, поскрипывало, но ни голосов, ни шагов. Ночное небо на западе за Эфель-Дуатом еще светилось. В разрыве туч над черным пиком засияла звезда. Глядя на нее из прокаженной страны, Сэм залюбовался ее красотой — и словно очнулся. Чистым, ясным лучом

озарило его душу, и он подумал, что владычеству мрака раньше или позже придет конец, что светлый и прекрасный мир не подвластен злу. В башне он пел об этом скорее от безнадежности, потому что печалился о себе. А теперь он вдруг стал спокоен и за свою судьбу, и даже за судьбу хозяина. Он заполз обратно под колючий полог, улегся рядом с Фродо и, забыв всякий страх, крепко и безмятежно уснул.

Проснулись они рука в руке. Сэм отоспался неплохо; Фродо тяжело вздыхал. В его тревожных снах бушевало пламя, и пробудился он с той же тревогой. Но все же отдых его освежил; надо было тащить свою ношу дальше. Время было, похоже, дневное, а сколько проспали, столько проспали. Перекусили, глотнули воды и, карабкаясь вверх по ущелью, добрались до осыпей и обвалов, где уже ничего не росло и мрачно возвышались впереди голые, гладкие каменные зубья.

Наконец одолели и эти отвесные кручи, последнюю сотню футов ползли над пропастью, цепляясь за каждый выступ. Отыскали расселину между черными утесами — и очутились на краю внутренней ограды Мордора. Под обрывом тысячи в полторы футов простиралась, теряясь во мгле, пустошь Горгорота. Порывистый западный ветер угонял и рассеивал громадные тучи, но здесь, на унылой равнине, царил мертвенный полусвет. Дымы выползали из трещин, стелились по земле, оседали во всякой впадине.

По-прежнему далеко, миль за сорок, Роковая гора, пепелистая у подножий, высоко вздымала могучую вершину, окутанную клубами дыма. Ее недра не дышали огнем, она дремотно тлела, грозная и страшная, как сонное чудище. А за нею тяжкой черной тучей нависла тень, скрывавшая Барад-Дур, воздвигнутый на дальнем отроге северной ограды Мордора, хребта Эред-Литуи. Недреманное Око не блуждало; Черный Властелин погрузился в раздумье над тревожными, смутными вестями: он увидел сверкающий меч и суровый царственный лик и на время забыл обо всем остальном. Поэтому и сгустился угольно-черный мрак вокруг исполинской многобашенной, многовратной твердыни.

Фродо и Сэм оглядывали ненавистную страну с изумлением и трепетом. Между ними и дымящимся вулканом, к северу и к югу от него все казалось гиблой, выжженной пустыней. Как это здешний Властелин содержит и чем кормит своих бесчисленных рабов и несметные полчища? А полчища были и вправду несметные. Подножия Моргвея облепили лагеря, палаточные и глинобитные. Прямо под обрывом был один из самых больших. Он раскинулся на целую милю, точно гнездилище мерзких на-

секомых; ровно, как по линейке, стояли ряды казарменных бараков и длинных складских сараев. И лагерь, и широкая дорога на юго-восток к Моргулу кишмя кишели солдатами.

— Как-то мне вся эта петрушка не нравится, — сказал Сэм. — Я бы даже сказал, дохлое наше дело — ну, правда, где столько народу, там должны быть какие-нибудь колодцы, уж не говорю, что еды навалом. Ведь это, как я понимаю, вовсе не орки, а люди.

Они с Фродо, конечно, ничего не знали об огромных рабских плантациях далеко на юге этого обширного края — за дымным вулканом, возле горько-соленых вод озера Нурнен; не знали о том, что по большим дорогам с юга и востока, из покорившихся Мордору стран днем и ночью тянутся вереницы груженых повозок и гонят толпы рабов. Здесь, на севере, были копи и кузни, здесь готовилась давно задуманная война, и сюда Черный Властелин подводил войско за войском, точно двигал шашки на доске. Сперва он прощупал противника на западной границе, теперь перебросил силы и стягивал все новые полчища к Кирит-Горгору, чтобы раздавить дерзких врагов. И если к тому же он хотел закрыть все подступы к Ородруину, то это удалось ему как нельзя лучше.

— Ну ладно! — продолжал Сэм. — Может, у них и вдоволь еды и питья, но нам-то что с этого? Тут ведь и вниз никак не спустишься. А если все-таки ухитримся, то как мимо них пробраться к горе, хотел бы я знать?

— Что ж делать, попробуем, — сказал Фродо. — Я ничего другого и не ожидал. Разве можно было надеяться, что мы проберемся к горе? Я и сейчас на это не надеюсь, но пути назад для меня нет. Пока что надо как можно дольше не угодить им в лапы. Пойдем мы, пожалуй, на север, где равнина пошире, и поглядим, что там делается.

— Я и так знаю, что там делается, — сказал Сэм. — Где равнина пошире, там орки и люди сбились в кучу; там небось яблоку негде упасть. Сами увидите, сударь.

— Увижу, если живы будем, — сказал Фродо и отвернулся.

Ни гребнем, ни возле гребня овражистого Моргвея пройти было никак нельзя. Они спустились по тому же ущелью обратно в котловину и побрели среди камней, опасаясь вернуться на западную оркскую тропу. Через милю-другую они, притаившись в выбоине скалы, разглядывали на той стороне котловины лагерь орков, близ которого свернули накануне: грубую стену, глинобитные казармы, черное жерло пещеры. Там никого не было видно, и все же хоббиты крались как мыши от куста к кусту, благо обе стороны сухого русла густо обросли терновником.

Прокрались две-три мили, и лагерь орков скрылся из виду; но едва они перевели дыхание, как заслышали громкие, грубые голоса и юркнули за раскидистый бурый куст. Голоса звучали все ближе, показались два орка. Один — в драном порыжелом плаще, с луком из рогов — был низкорослый и темнокожий, наверно, мелкой, сыскной породы; он принюхивался, раздувая широкие ноздри. За ним шел солдат-здоровила вроде молодчиков Шаграта в доспехах, меченных Оком; в руке у него было короткое копье с широким наконечником, за спиной — лук и колчан. Само собой, они переругивались и, конечно, на всеобщем языке, иначе бы не поняли друг друга из-за различия наречий.

Шагов за двадцать от куста, под которым спрятались хоббиты, орк-сыщик остановился.

— Все! — тявкнул он. — Я пошел домой. — Он показал назад, на оркский лагерь. — Даже нос заболел камни без толку нюхать. Из-за тебя след потеряли. Говорил я тебе: в горы он ведет, а ты — низом, низом.

— Что, утерлась твоя сопливая нюхалка? — хохотнул здоровила. — Глазами лучше смотри, чем носом землю рыть!

— Ну, и много ты углядел своими лупетками? — огрызнулся другой. — Долбак! Ты ж даже не знаешь, кого ищешь!

— Не вяжись! Что положено, то я и знаю! Сперва сказали — ищите эльфа в блестящем доспехе, потом — ищите гнома, теперь говорят — урукхайцы взбунтовались и разбежались; ищите, говорят, а там видно будет кого.

— Тьфу! — плюнул сыщик. — Трехнулись они там от большого ума. Ну, им мозги вправят, да заодно и шкуру снимут, если правда, что я слыхал: что башню взяли приступом, три сотни ублюдков вроде тебя искрошили, а пленник смылся. Эх вы, вояки-забияки! И на войне, говорят, тоже обделались.

— Кто говорит? — заорал здоровила.

— Чего орешь-то? Нет, что ли?

— Да за такие слова я тебя, бунтовщика, в лепешку расшибу! Заткнись, понял?

— Ладно, не разоряйся! — сказал сыщик. — Я-то заткнусь, мне что, могу и про себя думать. А вот ты лучше скажи, при чем тут этот хмырь болотный? Черный, с перепончатыми лапами?

— Откуда я знаю? Может, и ни при чем. Тоже небось лазутчик, чтоб ему околеть! Дал он от нас деру, а тут приказ — мигом доставить живым.

— Хорошо б его поскорей сцапали да разняли по косточкам, — скрипнул зубами сыщик. — Он, падло, меня со следу сбил: мало того, что увел кольчугу, еще и натоптал вокруг.

— Да, кабы не кольчуга, был бы он мертвяк мертвяком, — похвастался здоровила. — Я тогда еще не знал, что его живьем

требуют, и с полсотни шагов впиндюрил ему стрелу в спину; отскочила, а он только ходу прибавил.

— Иди врать! Промазал ты, и все, — сказал сыщик. — Стрелять не умеешь, бегаешь, как жаба, а сыщики за вас отдувайся. Ну тебя знаешь куда! — И он побежал прочь.

— Назад, зараза! — рявкнул солдат. — А то доложу!

— Кому это ты доложишь, не Шаграту ли своему драгоценному? Хрена, откомандовался он.

— Доложу твое имя и номер бляхи назгулу, — пообещал солдат свистящим шепотом. — Недалеко ходить, он теперь у нас в башне главный.

— Ах ты, сучий потрох, доносчик недоделанный! — завопил сыщик с ужасом и злобой. — Нагадит, а потом бежит продавать своих! Иди, иди к вонючему Визгуну, он тебе повытянет жилы, если его самого прежде не ухлопают. Первого-то, слышно, уже прикончили, а?

Здоровила кинулся на него с копьем, но сыщик отскочил за камень и всадил ему в глаз стрелу; грузный орк тяжело рухнул навзничь. А невеличка припустился через котловину — и был таков.

Хоббиты сидели молча, не двигаясь. Наконец Сэм шевельнулся.

— Чистая работа, — сказал он. — Ну и дружный же народец в Мордоре — да этак они за нас полдела сделают!

— Тише, Сэм, — шепнул Фродо. — Они, может, не одни были. Нам здорово повезло — погоня-то шла по пятам. Но в Мордоре, это верно, все такие дружные, от Барад-Дура до окраин. Хотя орки всегда грызлись между собой, припомни любое сказание. Только ты на их грызню не слишком надейся. Друг с другом они живут по-волчьи, а нас ненавидят всех до единого смертной ненавистью. Попадись мы на глаза этим двоим, они тут же бросили бы грызться — и начали бы снова над нашими мертвыми телами.

Помолчали-помолчали, и Сэм спросил, теперь уже шепотом:

— А насчет хмыря-то болотного слышали, сударь? Я же говорил вам, что наш Горлум жив-живехонек, помните?

— Помню. Я тогда удивился, откуда ты знаешь, — сказал Фродо. — Ну, давай выкладывай! Я думаю, нам отсюда лучше не вылезать, пока не стемнеет. Вот и расскажи, откуда знаешь, и про все остальное расскажи. Только постарайся потише.

— Да уж постараюсь, — обещал Сэм, — хотя, как подумаю про Вонючку этого, во всю глотку охота орать.

Тусклый мордорский вечер давно уж померк, настала глухая, беззвездная ночь, а хоббиты все сидели под терновым кустом, и Сэм в коротких словах рассказывал на ухо Фродо про подлость Горлума, про гадину Шелоб и про то, как он пошел за орками. Дослушав, Фродо ничего не сказал, только крепко пожал Сэму руку. И зашевелился.

— Ну что ж, посидели и хватит, — сказал он. — Теперь уж нас сцапают накрепко — и кончится эта мука, эти дурацкие прятки, тем более все понапрасну. — Он встал. — Ух, как темно, а светильник Владычицы не зажжешь. Ты, Сэм, побереги его пока что для меня. Я его и взять-то у тебя не могу: куда его деть? В руке, что ли, держать — так побредем ведь ощупью, тут обе руки нужны. Да, еще Терн — Терн ты возьми себе, Сэм. У меня есть оркский кинжал, но вряд ли мне еще понадобится оружие.

Трудно и опасно было идти ночью по каменистому бездорожью; однако же хоббиты медленно, спотыкаясь на каждом шагу, пробирались восточной окраиной котловины. И когда серый рассвет сполз по западным склонам Моргвея — за горами давно уже прояснился день, — они нашли, куда спрятаться, и спали по очереди. Сэм, просыпаясь, задумывался: есть-то все-таки надо, никуда не денешься. И когда наконец Фродо проснулся как следует и сказал, что, мол, хорошо бы чего-нибудь поесть и пошли дальше, Сэм рискнул задать вопрос, который давно уж вертелся у него на языке:

— Прошу прощения, сударь, а вы как думаете, сколько нам еще идти?

— Да никак я не думаю, Сэм, — ответил Фродо. — В Раздоле мне, помнится, показывали карту Мордора, составленную задолго до того, как Враг стал здесь хозяином, но что-то она у меня в памяти расплывается. Отчетливо помню, что есть такое место, где сходятся отроги северной и западной цепи. От моста, что возле башни, лиг[1] двадцать. Там бы и свернуть на восток, но от Горы-то мы будем дальше, будем, пожалуй, за все шестьдесят миль. Мы с тобой прошли от моста двенадцать с лишком лиг. Как ни старайся, а не дойдем до Горы раньше чем через неделю. И знаешь, Сэм, ведь чем ближе к Ородруину, тем Оно тяжелее на шее, а значит, и пойдем медленнее.

— Ну, как я и думал, — грустно сказал Сэм. — Так вот, сударь, о воде уж не говоря, есть придется поменьше — или хоть сейчас прибавим ходу, быстренько выберемся из этой прокля-

[1] *Напоминаем:* лига — около трех миль, точнее — 2,736.

той котловины. А то ведь еще позавтракаем — и все, одни эльфийские хлебцы остались.

— Я попробую, постараюсь побыстрее, — тяжко вздохнул Фродо. — Ладно, перекусили и пойдем, чего уж там.

Еще не совсем стемнело, но они пустились в путь и брели всю ночь, оскользываясь, натыкаясь на камни, пробираясь сквозь колючие заросли; раза три-четыре понемногу отдыхали. Едва лишь серый свет забрезжил у края небосклона, они снова укрылись в тени под нависшей скалой.

Однако на этот раз светало по-новому: сильный западный ветер разгулялся в высоте и откинул дымный полог над Мордором. Миля за милей открывались перед глазами хоббитов. Котловина сходила на нет, превращаясь в борозду под обрывами Эфель-Дуата, а неприступные кручи Моргвея придвинулись и еще угрюмее заслоняли Горгорот. Сухое русло кончалось изломами скал высокого, голого, как стены, отрога, навстречу которому с севера, от туманных вершин Эред-Литуи, протянулась зубчатая гряда. Между ними было узкое ущелье: Карак-Ангрен, Изенмаут, а за ущельем — глубокая падь Удуна, туннели и оружейни до самого Мораннона, до Черных Ворот Сумрачного Края. Туда властелин его поспешно стягивал войска, чтобы сокрушить западное ополчение. Горы были сплошь застроены башнями и крепостями, пылали сторожевые огни. Ущелье преграждал земляной вал, и через глубокий ров был перекинут один мост.

Милях в десяти к северу у вершины горного узла высился старинный гондорский замок Дуртханг, ныне ставший одной из оркских крепостей вокруг Удуна. От него спускалась извилистая дорога, серевшая в утренних лучах; за милю-другую от хоббитов она сворачивала на восток и вела по уступу голого отрога в низину и дальше на Изенмаут.

Как видно, зря они так далеко прошли на север; правда, на дымной равнине Горгорота не было заметно ни лагерей, ни движущихся войск, но уж там-то их наверняка углядят тысячеглазые крепости Карак-Ангрена.

— Все, Сэм, деваться нам некуда, — сказал Фродо. — Впереди оркская башня, и никак не миновать дороги от нее вниз — разве что повернем обратно. Пути на запад нет, и на восток не спустишься.

— По дороге так по дороге, сударь, — отозвался Сэм. — А вдруг нам повезет — если в Мордоре кому-нибудь везет. Чем идти назад или шастать по горам, лучше прямо к оркам в лапы, на даровые хлеба — свои-то не сегодня-завтра кончатся. Попробуем — может, проскочим!

— Ладно, Сэм, — сказал Фродо. — Веди, коли тебя надежда не покинула. У меня ее не осталось. Но «проскочим» — не то слово, Сэм. Я за тобой потащусь.

— Потащимся вместе, сударь, только сперва надо вам поесть и вздремнуть. Ну-ка, чего там у нас осталось в закромах?

Он протянул Фродо фляжу и, подумавши, выделил ему добавочный хлебец, потом снял плащ и сделал из него какую ни на есть подушку. Утомленный Фродо спорить не стал, да он и не заметил, что допил из фляги последнюю каплю и позавтракал за двоих. Когда Фродо уснул, Сэм склонился к нему, прислушался к его дыханию и вгляделся в лицо — осунувшееся, изрезанное морщинами и все же во сне спокойное и ясное.

— Ну, хозяин, была не была! — пробормотал Сэм. — Придется мне вас оставить на часок-другой — авось опять-таки повезет. Без воды мы далеко не уйдем.

Сэм выполз из-под скалы и, таясь, как заправский хоббит, перебегал между камнями. Он спустился в русло и пошел на север, к тем скалам, с которых, должно быть, поток некогда низвергался водопадом. Теперь там было сухо и стояла тишь, но Сэм прислушивался долго и упорно. Наконец уловив слабое журчание, он вскарабкался по скалам и обнаружил темный ручеек, стекавший по откосу в лужицу и затем пропадавший в голых камнях.

Сэм опробовал воду, кивнул, от души напился и наполнил фляжку. Он обернулся, взглянул на скалу, под которой спал Фродо, — и вдруг увидел, что возле нее шмыгнула какая-то черная тень. Сэм чуть не вскрикнул — и помчался вниз, прыгая по камням. Тень — или тварь — больше не показывалась, но уж Сэм точно знал, что это за тварь, и ему не терпелось ее придушить. Однако она его учуяла, метнулась прочь и исчезла за краем восточной пропасти.

— Пронести-то пронесло, — буркнул Сэм, — да едва не задело. Мало нам ста тысяч орков, так еще эта Вонючка! Да что же они его не подстрелили?

Фродо он будить пожалел, но сам не смыкал глаз, пока они не стали слипаться. Чуя, что вот-вот заснет, он тихо тронул хозяина за плечо.

— Похоже, сударь, что Горлум опять шныряет кругом, — сказал он. — Если это не он, значит, Горлум раздвоился. Я пошел по воду — смотрю, он к вам подбирается. Так что на пару нам спать неладно, а я, с вашего позволения, очень уж носом клюю.

— Да что ты, Сэм! — сказал Фродо. — Ложись, отсыпайся пока что. Но Горлум — это не беда, лишь бы не орки. И он нас им не выдаст, разве что сам попадется: тогда, конечно, выпытают.

— Он и без них сумеет убить и ограбить, — проворчал Сэм. — Глядите в оба, сударь! Вот фляга с водой — пейте на здоровье. Мы ее потом по дороге наполним.

И Сэм заснул как убитый.

Когда он проснулся, уже снова темнело. Фродо сидел, прислонившись к стене, и спал. Фляга была пуста. Горлума не видать и не слыхать.

В Мордор вернулась тьма, и яростно пламенели сторожевые огни на горах, когда хоббиты двинулись в путь — наудачу, очертя голову. Завернули к ручейку и оттуда выкарабкались по откосам на дорогу: до Изенмаута было добрых двадцать миль. Узковатая дорога — ни ограды, ни парапета — шла над обрывом, который скоро стал бездонной пропастью. Хоббиты замерли — нет, шагов ниоткуда не слыхать — и что было сил припустились прочь от замка, на восток.

Остановились миль через двенадцать; миновали крутой северный изгиб, и большой кусок дороги пропал из виду. Оттого-то все и приключилось. Они чуть-чуть отдохнули и пошли дальше, но почти сразу услышали то самое, что больше всего боялись услышать: мерный топот солдатских сапог. Он донесся издалека, однако уже мелькали отсветы факелов из-за поворота. Орки наверняка шли быстро, убежать от них по дороге нечего было и думать.

— Вот и попались мы, Сэм, — сказал Фродо. — Нет, видно, в Мордоре никому не везет.

Он взглянул на гладкий, как темное зеркало, отвесный утес: древние строители военных дорог знали свое дело. Потом перебежал дорогу и стал у края сумрачной пропасти.

— Попались наконец! — Он вернулся, сел к стене и уронил голову на грудь.

— Похоже на то, — сказал Сэм. — Делать нечего, подождем — увидим, что будет.

И он уселся рядом с Фродо под утесом.

Ждать пришлось недолго: орки не шли, а бежали рысцой. В первых шеренгах несли факелы, их огненно-красные языки извивались во тьме все ближе. Сэм тоже склонил голову, чтобы скрыть лицо, и заслонил их ноги щитами.

«Второпях-то, — подумал он, — может, и пробегут мимо двух усталых солдат!»

Казалось, так оно и будет. Орки бежали, мотаясь и пыхтя, свесив головы. Это Черный Властелин гнал на войну мелких тварей, и забот у них было две: скорей бы добраться и не отведать плети. Но с боков взад-вперед пробегали два огромных свирепых урукхайца, покрикивая и щелкая бичами. Уже далеко

впереди были факельщики, и Сэм затаил дыхание. Осталось меньше половины отряда. И вдруг погонщик заметил, что какие-то двое сидят у дороги. Взметнулся бич, и грубый голос гаркнул:

— Эй, вы! А ну, встать!

Хоббиты смолчали, и он остановил отряд.

— Живо в строй, слизняки! — заорал он. — Лентяйничать вздумали? — Он шагнул к ним и даже в темноте различил отметины на щитах. — Ага, дезертиры? Стрекача хотели задать? Все ваши давно в Удуне, со вчерашнего вечера! Приказ не вам, что ли, объявляли? В строй, да поживее, а то бляхи отберу и доложу!

Они встали и, скрючившись, хромая, как солдаты, сбившие ноги, поплелись в хвост отряда.

— Нет-нет, не выйдет! — рявкнул погонщик. — На три шеренги вперед! И не отставать, я проверю, тогда все!

Длинный бич просвистел над их головами, потом громко хлопнул, сопровождая команду: «С места бегом марш!»

Бедняга Сэм и без того-то еле на ногах держался, а Фродо был как под пыткой или в страшном сне. Он стиснул зубы: лишь бы ни о чем не думать, бежать, бежать во что бы то ни стало. Он задыхался от потной вонищи орков, его мучила жажда. Конца этому не было видно, и он сверх всяких сил старался дышать ровнее и быстро передвигать ноги, а думать о том, куда он бежит и что его ждет, не смел. Ускользнуть — какое там! То и дело погонщик приотставал поиздеваться над ними.

— Шевелись, шевелись! — хохотал он, хлеща их по ногам. — Не можешь так — значит, хошь кнута! Бодрее, слизнячки! Получайте в задаток, а в лагере доберете за опоздание сполна. И поделом. Забыли, что вы на войне? Ничего, вам напомнят!

Пробежали несколько миль, и дорога отлогим склоном спустилась на равнину. Силы у Фродо кончились, воля отказывала. Он дергался и спотыкался. Сэм кое-как помогал ему, хоть и сам бежал из последних сил — откуда они взялись? И готовился к смерти: хозяин вот-вот упадет без чувств, все откроется, и всему конец, все было зря. «Но уж этого-то погонялу я прикончу как пить дать», — подумал он.

Он уже взялся за меч, но тут им выпало нежданное облегчение. Отряд подбегал к ущелью Карак-Ангрена. Неподалеку от предмостных ворот сходились три дороги: западная, южная и восточная, от Барад-Дура. По всем дорогам двигались войска, ибо западное ополчение наступало и Черный Властелин спешил стянуть все силы в Удун. На перекрестке, куда не достигал свет сторожевых огней с земляного вала, несколько отрядов набежали друг на друга. Все старались пролезть вперед, толкались и переругивались. Погонщики орали, махали бичами, но без дра-

ки дело не обошлось, и залязгали обнаженные клинки. Латники-урукхайцы из Барад-Дура смяли и отбросили их отряд.

Измученный, полумертвый от усталости, Сэм словно очнулся и случая не упустил, повалившись наземь и потянув за собой Фродо. Об них спотыкались и с руганью падали орки. Ползком, потом на четвереньках хоббиты выбрались из свалки и ухитрились незаметно нырнуть за дальнюю обочину дороги, за высокий парапет, служивший путеводным знаком войскам ночью и в тумане. Вдобавок и дорога возвышалась над равниной на несколько футов.

Они лежали, затаившись: где было искать укрытия в такой темноте? Но Сэм понимал, что надо хотя бы отползти подальше от дороги и от факелов.

— Сударь, сударь! — шепнул он. — Еще немного, а уж там полежите.

Последним отчаянным усилием Фродо приподнялся на локтях и прополз футов с полсотни, скатившись в неглубокую ямину, которая точно поджидала их. И распростерся без чувств.

Глава III

РОКОВАЯ ГОРА

Сэм скинул оркское отрепье и устроил хозяину подушку, а потом укрылся вместе с ним серым лориэнским плащом, живо припомнив дальний эльфийский край; а что, подумал он, может, тамошняя ткань каким-нибудь волшебством и спрячет их здесь, в этом царстве дикого страха. Драка кончилась, крики стихли — верно, все зашли в Изенмаут. А про них в суматохе и неразберихе, надо думать, пока что позабыли.

Сэм глотнул воды, заставил глотнуть сонного Фродо и, когда хозяин немного пришел в себя, сунул ему в рот драгоценный путлиб — целый хлебец! — и присмотрел, чтобы хлебец был съеден толком. Устали они так, что было уж не до страха, лишь бы отдохнуть. Но спали неспокойно: холодила пропотевшая одежда, кусались жесткие камни. Хоббиты вздрагивали и ворочались. Холод, шелестя, наползал от Черных Ворот через Кирит-Горгор.

Утром опять посерело — все еще дул в высоте западный ветер, но здесь, на камнях, за черными заслонами Сумрачного Края, кругом было мертвенно и холодным удушьем стеснился воздух. Сэм выглянул из ямины: плоскую равнину подернуло тусклым сумраком. Дороги поблизости пустовали, но Сэм опасался бдительных стражей на стенах Изенмаута, всего-то футах

в семистах к северу. А на юго-востоке, точно черная тень, воздвиглась Роковая гора. Она изрыгала клубы дыма: верхние уходили ввысь и плыли на восток, а те, что сползали по склонам, исподволь заволакивали равнину. Угрюмыми серыми призраками высились в северной дали вершины Эред-Литуи, а за ними туман хоронил другие вершины, черные в черном небе. Сэм на всякий случай прикинул, сколько докуда, спасибо хоть было понятно, куда идти.

— Все, сколько их есть, пятьдесят миль, не будь я хоббит, — угрюмо пробормотал он, глядя на курящуюся Гору, — и неделю идти, ни днем не меньше: господина Фродо небось не поторопишь.

Он покачал головой, задумался, и на ум взбрела новая черная мысль. Прежде он ни на миг не отчаивался: туда-то оно туда, а потом все-таки обратно. Но тут ему вдруг открылась горькая истина: до цели они, может, как-нибудь и доберутся, хотя вряд ли, но потом делу конец, куда деваться — некуда, и есть тоже нечего. Нет, куда ни кинь, а делу крышка.

«Вот, оказывается, на что я подрядился, — думал Сэм. — Дело-то, стало быть, маленькое — помочь господину Фродо погибнуть и сгинуть вместе с ним, а что? Так — значит, так. Только вот жалко, не увижу я больше Приречья, Рози Кроттон с ее братишками, не увижу своего Жихаря, Бархатку не увижу, эх! Вряд ли Гэндальф отправил господина Фродо на погибель, на жестокую смерть, да нет, едва ли. Как его шарахнули в Мории, так и пошло вкривь и вкось. Вот незадача-то: он бы обязательно что-нибудь придумал».

Но Сэм хотя и терял всякую надежду, — то есть казалось, что он ее теряет, — а обретал новые силы: суровой, почти угрюмой сделалась его добродушная хоббитская физиономия, а сам он стал тверже камня и крепче всякой стали и знал, что справится с тоской и усталостью, что уж как-нибудь да пройдет нескончаемый выжженный путь.

Новыми глазами окинул он окрестность, раздумывая, как идти дальше. Посветлело. Он, к удивлению своему, увидел, что равнина вовсе не гладкая, а вся изрытая. Да что там, весь Горгорот изъязвлен был ямами — ну, точно в грязь попали горстью камушков и камней. Вокруг огромных ям торчали каменья, и расселины от них ползли во все стороны. Здесь можно было перебираться из ямины в ямину и не попасться на глаза, разве что уж очень присмотрятся. Оно конечно, если силы при тебе и торопиться некуда. А для голодных, которые с ног падают, для тех, кому еще идти и идти, зрелище это очень печальное. Так-то раздумывая, и спустился Сэм к хозяину. Будить его не пришлось: Фродо лежал на спине с открытыми глазами и глядел в туманные небеса.

— Стало быть, что же, сударь, — сказал Сэм. — Я тут огляделся и подумал. На дорогах никого не видно, и надо нам пока что драпать. Вы как?

— Я так, — сказал Фродо. — Я должен.

И снова они побрели, а вернее, поползли от ямины к ямине, прячась, где удавалось, и все время с оглядкой. До поры их точно преследовала восточная дорога, но потом она вильнула в сторону и угорьем ушла в темень. Ни людей, ни орков не было на ее серых излучинах. Властелин перебросил почти все войска на север, а сам еще плотнее окутал мраком свою твердыню. Видно, смутил его враждебный ветер, изодравший полог чадного тумана, и встревожили вести о дерзких лазутчиках, которые все-таки проникли в Мордор.

Хоббиты одолели милю-другую. Фродо едва тащился: нет уж, где ему эдак-то, ползком и пригибаючись, таясь и перебегая, — нет, эдак они далеко не уйдут.

— Пойдемте-ка, сударь, на дорогу, пока светло, — сказал Сэм. — Может, опять нас кривая выведет! Она, конечно, чуть было не завела, да в последний миг поднатужилась. А по дороге-то мы хоть несколько миль запросто пройдем.

Сэм и представить себе не мог, как это опасно; однако ж Фродо, измученному тяжкой ношей и смертельной тоской, было уже почти все равно. Они вскарабкались на насыпь и побрели по утоптанной дороге, ведущей в Барад-Дур. Но уж везло так везло, и до вечера дорога была пустынна; когда же настали сумерки, они снова укрылись на темной равнине. В Мордоре царило зловещее затишье, ибо Западное ополчение миновало Развилок, и бушевал пожар на мертвенных лугах Имлад-Моргула. Туда и устремлялось Всевидящее Око.

Тянулись дни. Фродо нес Кольцо на юг, а на север двигались стяги обреченного воинства. С каждым шагом убывали силы одиноких путников. Днем врагов на дороге не было; по ночам, когда хоббиты прятались в ямах близ обочины и беспокойно дремали, иногда слышались крики, топот сапог, стук копыт и храп нещадно погоняемого коня. Это все их не очень пугало, куда страшней была тяжкая, смертоносная и бессонная злоба всемогущего Властелина, скрывшего во мраке своей черный трон. Все ближе и грознее надвигалась она, точно стена кромешной тьмы на краю мироздания.

Настала самая жуткая ночь. Западное ополчение дошло до выжженной земли, а два обессиленных путника изнемогали от беспросветного отчаяния. Четверо суток назад спаслись они от орков, но минувшие дни и ночи слились в сплошной темный морок. За весь последний день Фродо не вымолвил ни слова; он брел, согнувшись и спотыкаясь, не разбирая пути. Сэм понимал, что хозяину тяжелее, что всему виною Кольцо, которое

пригибало его к земле и не давало ему ни минуты покоя. Он с тревогой замечал, как Фродо то и дело поднимает левую руку, будто защищаясь от удара или заслоняя полуослепшие глаза от ужасного, ищущего их Ока. А иногда правая рука ползла по груди, хватая цепочку, и медленно опускалась — пока что воля одолевала искушение.

Быстро смеркалось. Фродо сидел, склонив голову между колен, плечи обвисли, руки упирались в землю, и судорожно подергивались пальцы. Сэм горестно смотрел на него, покуда их не скрыла друг от друга непроглядная темнота. Слова на язык не шли, и он вернулся к своим невеселым мыслям. Усталый, измученный страхом, из сил он, однако, не выбился. Конечно, думал он, оба они давно протянули бы ноги, кабы не эльфийские хлебцы. Есть-то, конечно, все равно хотелось — ох, не отказался бы Сэм от каравая хлеба в придачу к сковороде жаркого! — но, когда ешь одни путлибы, так оно, может, и лучше. И то сказать, они придавали духу, и окрепшее тело подчинялось власти, какой не дано смертным. Думалось же ему о том, что по дороге дальше идти нельзя — она уводила во мрак, — а Гора возвышалась справа, на юге; пора было сворачивать. Только путь до нее далекий, и все по голой, дымящейся, обгорелой земле.

— Воды надо, воды! — пробормотал Сэм. Он крепился как мог; язык распух и, казалось, не помещался в пересохшем рту; но все равно воды оставалось немного, меньше половины фляги, а идти еще дня два-три. Фляга давно бы опустела, если б они не отважились выйти на оркскую дорогу: там изредка попадались каменные водоскопы — затем, наверно, чтобы войска не погибли от жажды среди выжженной равнины. В одном из них на дне была вода — затхлая, загаженная орками, но на худой конец сгодилась и такая. Однако с тех пор прошли сутки, и больше воды не сыщешь.

Наконец, ни до чего не додумавшись и отложив заботы на завтра, Сэм забылся прерывистым сном. Ему мерещились злобно мигающие огоньки, какие-то ползучие тени, слышались звериные шорохи и мучительные крики. Он вздрагивал, открывал глаза: никого и ничего, глухая темень. Только один раз, когда он, дико озираясь, вскочил на ноги, уже вроде бы наяву привиделись бледные огоньки-глаза — мелькнули и тут же погасли.

Медленно, как бы нехотя отступила тревожная ночь. Тускло забрезжило утро; здесь, невдалеке от Горы, землю обволакивал дымный туман, тень завесы, которой окутался Властелин Черной Башни. Фродо неподвижно лежал на спине. Сэму очень не хотелось его будить, но он знал, что придется, что он-то и дол-

жен помочь хозяину собраться с силами. Он склонился к Фродо, погладил его по лбу и сказал ему на ухо:

— Просыпайтесь, хозяин! Опять нам пора в путь.

И Фродо вскочил на ноги, будто колокол грянул над ним, поглядел на юг, увидел Гору за пустошью и снова поник.

— Нет, Сэм, не дойду я, — сказал он. — Тяжело мне очень, ужас как тяжело.

Еще прежде чем рот раскрыть, Сэм знал, что скажет не то, что слова его зряшные, что лучше бы он смолчал, но уж очень было жалко хозяина.

— Давайте, сударь, я его немного понесу, — сказал он. — Понесу, сколько хватит сил, а вы пока отдохнете.

Глаза Фродо яростно сверкнули.

— Отойди! Не тронь меня! — крикнул он. — Оно мое, говорю тебе. Прочь! — И рука его потянулась к кинжалу. Через миг он печально промолвил: — Нет-нет, Сэм. Ты пойми, ты должен понять. Это моя ноша, я не могу избавиться от нее, даже на время. Дорогой мой Сэм, ты раз мне помог, но больше это не выйдет. Я не могу отдать его тебе, я с ума сойду, если ты его коснешься.

— Я понимаю, — кивнул Сэм. — Но я вот что надумал, сударь: избавимся-ка мы от всякой лишней тяжести. Мы же теперь пойдем напрямик, — и он указал на Гору. — Что нам больше не нужно, можно здесь бросить.

Фродо снова взглянул на Гору.

— Да, — сказал он, — коли так, то нам почти ничего не нужно. Сейчас — почти, а там и вовсе ничего.

Он отшвырнул оркский щит и шлем. Потом снял серый плащ, отстегнул тяжелый пояс с тесаком, уронил его наземь и сорвал с себя черные лохмотья.

— Вот так, — сказал он, — побыл я орком, и хватит. И не хочу я никакого оружия, ни нашего, ни ихнего. Попадусь так попадусь.

Сэм тоже освободился от оркского доспеха и разобрал свою котомку. Жалко было до слез — сколько он все это протащил и как все пригодилось! Но когда дело дошло до кухонной утвари — тут уж полились слезы.

— Тушеного кролика помните, сударь? — всхлипнул он. — А тот пригорок, где нас нашел господин Фарамир и где я видел олифанта?

— Нет, Сэм, не помню, — сказал Фродо. — То есть я знаю, что все это было, но представить себе этого не могу. Я не помню вкуса яблок или воды, не помню, как веет ветер, какие бывают деревья, цветы и травы, ни звезд, ни луны не помню. Я голый, Сэм, в темноте, лишь огненное колесо передо мной. Его я

вижу с открытыми и закрытыми глазами, а все остальное исчезло, будто стерлось.

Сэм подошел и поцеловал ему руку.

— Вот управимся с ним — и сразу потом отдохнете, — неловко проговорил он, не зная, что сказать. «Словами делу не поможешь, — сказал он себе, собирая выброшенные вещи: не оставлять же здесь, на виду, мало ли кому они попадутся на глаза? — Вонючка-то, слышно, кольчугу подобрал, но уж меч ему шиш. Он и так, без меча, зверюга страшная. И чтобы он, гадина, кастрюльки мои хоть пальцем тронул?»

Он оттащил весь тюк к дымящейся расселине и сбросил его вниз. Загремели кастрюльки, и это уж, честное слово, было слишком — хоть сейчас умирай.

Он вернулся к Фродо, отрезал кусок эльфийской веревки на опояску хозяину — плащ тем более тоже эльфийский. Еще много осталось веревки, он бережно ее свернул и положил обратно в котомку. Веревка, эльфийские хлебцы с крошевом да фляга. Терн висел у него на поясе, и еще в кармане рубашки был фиал Галадриэли и маленькая шкатулка, ему самому подаренная.

Наконец они обернулись лицом к Горе и тронулись в путь, уже не прячась — лишь бы дойти, а там посмотрим. Хоть здесь и следили все за всеми, но вряд ли бы кто их заметил — разве что вблизи. Из всех бесчисленных рабов Черного Властелина одни лишь назгулы могли бы учуять этих маленьких и неотступных врагов, пробравшихся в глубь запретной страны. Но назгулы на своих чернокрылых чудищах были далеко: Властелин послал их следить за ополчением Запада, и Око Барад-Дура было обращено туда же.

Сэму в этот день показалось, что к хозяину пришло второе дыхание: им, конечно, полегчало без оркских доспехов, но уж не настолько. Они сразу пошли куда быстрее, чем рассчитывал Сэм, а шли-то по непроходимой, неровной пустоши. Гора придвигалась как бы сама собой. Но к концу дня, — а тусклый свет стал меркнуть рано, — Фродо снова ссутулился и что ни шаг спотыкался: похоже, растратил весь остаток сил.

На последнем привале он, едва опустившись наземь, выговорил: «Пить хочу, Сэм» — и больше не сказал ни слова. Сэм дал ему воды; последний глоток бултыхался во фляге. Сам он даже губы не смочил, и, когда мордорская темень сгустилась, он только и думал что о воде. Припоминались речки, ручьи, родники в солнечных крапинах, в зеленой ивовой тени, вода журчала и брызгала, а он изнемогал, глядя на нее ослепшими от темноты глазами. Ноги его вязли в прохладном иле на приреченском пруду, он был там с дружками Кроттонами — Джолли, Томом, Нибсом и сестричкой их Розой. «Но это ведь давно было, — вздохнул он, — и далеко до них отсюда. Может, и вернусь

назад, но сперва надо на Гору». Ему не спалось, и затеялся спор с самим собой.

— Ну что ж, сказать не соврать, для начала неплохо, — твердил он. — Прошли чуть не полпути. Еще денек — и доберемся.

Больше сказать было нечего.

— Ты не дури, Сэм Скромби, — услышал он собственный голос. — Он если и встанет, так на четвереньки, а еще один день, как сегодня, — ты что? Куда ты денешься, когда он допьет воду, когда ты скормишь ему все путлибы?

— Куда мне деваться, пойду куда надо.

— Куда это?

— На Гору, куда же еще.

— Ну а там, Сэм Скромби, а там что? Ну, ты дойдешь, а что будешь делать? Сам-то он ничего не сделает.

Сэм огорчился: он не знал, что делать, — ну то есть напрочь не знал. Фродо не объяснил ему, и Сэм так примерно представлял, что Кольцо надо вроде бы бросить в огонь.

— Ага, в Роковую Расселину, — пробормотал он, припомнив слова Гэндальфа, что ли. — Может, хозяин знает, как ее найти, я-то не знаю.

— То-то и оно-то! — ответил ему его собственный голос. — Чепуха это все, зря, сам же он говорит. А ты выходишь дурак дураком — чего-то надеешься, зачем-то тужишься. Был бы поумнее — давно бы лежал, спал и на все наплевал. Убьют тебя — это спасибо, как бы хуже не было. Ложись-ка, братец, спать, ну их в болото. До вершины все равно не доберешься.

— Доберусь, кости дотащу, а прочее и подавно, — сказал Сэм. — И господина Фродо, уж будьте уверены, до места доставлю, хоть тресну. Кончай разговоры!

Но тут земля под ним задрожала от глубинного, подземного грохота. Плеснул, озарив тучи, красный язык пламени. Гора тоже спала неспокойно.

Остаток пути до Ородруина был сплошной невыносимой пыткой. Тело разламывалось, горло у Сэма так пересохло, что пришлось голодать — не глоталось. Шли в полутьме: Гора дымила, а к тому же, как видно, собиралась страшная гроза, и на юго-востоке в темных небесах вспыхивали молнии. Воздух был чадный, дышать больно и трудно, голова кружилась, мутилось в глазах. Они то и дело падали, из последних сил поднимались и брели дальше. Гора приближалась, и вот, с трудом подняв головы, они увидели нависшую над ними тяжкую громаду: груды пепла и шлака, выжженные скалы. За откосами высилась, исчезая в тучах, крутобокая вершина. Прежде чем мутный сумрак сменился ночной темнотой, они добрались до самого подножия.

Фродо, задыхаясь, повалился наземь. Сэм уселся подле не-

го. Он очень устал, но, как ни странно, ему полегчало и голова прояснилась. Больше не о чем было спорить с самим собой. Что бы там ни подсказывало отчаяние, он сделал выбор — не на жизнь, а на смерть. Его даже в сон не клонило: не до сна, надо быть начеку. Все ужасы и опасности сошлись воедино, и завтра их судьбу решит последний рывок — к спасению или к гибели.

Только вот наступит ли завтра? Казалось, время замерло, и цепенел один и тот же глухой час. «Наверно, — подумал Сэм, — Тот снова наслал темноту, и теперь утра не жди». Он потрогал Фродо за руку, холодную и дрожащую. Озяб хозяин.

— Эх, зря я одеяло выкинул! — пробурчал Сэм. Он улегся рядом с Фродо, покрепче прижал его к себе и все-таки уснул. И в обнимку спали они, когда занялся тусклый рассвет последнего дня их пути. Западный ветер стих накануне, крепчая, подул северный, и лучи незримого солнца просочились в тень, где лежали хоббиты.

— Ну что ж! Значит, последний рывок! — сказал Сэм, поднимаясь на ноги. Он склонился над Фродо и ласково разбудил его. Фродо застонал; собрав все силы, он встал — и тут же повалился на колени. С трудом он поднял глаза, увидел сумрачные склоны Роковой горы и пополз на четвереньках.

Сэм глядел на хозяина, и сердце его обливалось кровью, но сухи были воспаленные глаза.

— Сказал же, что хоть тресну, на себе его понесу, пока ноги держат, — пробормотал он, — и понесу!.. Вот что, сударь! — сказал он. — Нельзя мне нести его — это пусть, но вас-то вместе с ним можно? Ну-ка, садитесь! Садитесь, дорогой хозяин! Сэм вас подвезет, вы только скажите куда!

Сэм усадил Фродо на закорки, выпрямился и очень удивился — было вовсе не так уж тяжело. Он думал, что и хозяина-то едва поднимет, а уж растреклятое Кольцо их обоих пригнет к земле. Нет, ничего подобного. То ли Фродо совсем исхудал от страданий, кинжальной раны, паучьего яда, горестей, страха и жизни впроголодь, то ли сил у Сэма вдруг под конец прибавилось, но Фродо показался ему легче хоббитят, которых он, бывало, катал на спине по свежескошенному лугу. Он глубоко вздохнул и пустился в путь.

Они подошли к подножию Горы с северо-запада: здесь ее серые, растрескавшиеся откосы были довольно пологими. Фродо не сказал, куда идти, а Сэм допытываться не стал — решил подняться как можно выше, брести, пока не свалится. Он поднимался и поднимался, огибая кручи, падал ничком, вставал, наконец полз, как улитка с тяжелой раковиной на спине. Когда

упорство иссякло, а руки и ноги перестали слушаться, он бережно уложил хозяина на землю.

Фродо открыл глаза и перевел дыхание. На высоте дышать было легче: чадные туманы остались у подножия.

— Спасибо тебе, Сэм, — хрипло прошептал он. — Нам еще далеко?

— Не знаю, — сказал Сэм, — я ведь не знаю, куда нам.

Он оглянулся, потом посмотрел наверх: однако они уже высоко забрались. Издали одинокая и грозная Гора казалась выше, а на самом деле была гораздо ниже, чем перевал Эфель-Дуата. Неровное угорье тысячи на три футов громоздилось над широкой подошвой, и еще на полстолько возвышался срединный конус, точно огромная труба с обломанным верхом — зубчатым кратером. Но Сэм одолел больше половины угорья, и далеко внизу дымилась сумрачная равнина Горгорота. Он снова поднял глаза — и вскрикнул бы, если б не пересохшая глотка: наверху, за обломками скал и буграми застывшей лавы, ясно была видна не то тропа, не то дорога. Она поднималась с запада и обвивала Гору, восходя к восточному подножию конуса.

Сэм не видел, как к ней пройти, он стоял под обрывом, но понятно было, что если вскарабкаться наверх, то ее не минуешь. И снова затеплилась надежда. «А что, — подумал он, — на Гору-то, пожалуй, и взлезем. Прямо как нарочно для меня ее проложили! — сказал он сам себе. — Не было бы ее здесь, я бы, чего доброго, под конец сдал».

Проложили ее, конечно, вовсе не для Сэма. Ему и невдомек было, что он смотрит на Сауронову дорогу от Барад-Дура к Саммат-Науру, Негасимым Горнилам. От огромных западных ворот Черной Башни она вела по исполинскому железному мосту, протянувшемуся через глубокий ров и на целую лигу над равниной, между двумя клубящимися безднами, а потом по насыпи к восточному склону Горы. Охватив ее во всю ширину с юга на север, дорога поднималась к верхнему конусу, посредине которого были черные двери, обращенные на восток, прямо напротив Зрячего Окна сумрачной твердыни Саурона. Дорогу то и дело сметали огненные потоки и загромождала застывшая лава, но бесчисленные орки отстраивали ее и расчищали.

Сэм печально вздохнул. Дорога-то вон она, да как до нее добраться по этим кручам: спину он, похоже, перетрудил. Он растянулся на земле рядом с Фродо. Оба молчали. Понемногу становилось светлее. И вдруг непонятное беспокойство охватило Сэма, словно его позвали: «Скорей, скорей, а то будет поздно!» Он кое-как поднялся на ноги. Наверно, зов услышал и Фродо, который перевернулся и подтянул колени.

— Я поползу, Сэм, — выдохнул он.

Фут за футом ползли они вверх по обрыву, как два серых

жучка, и наконец очутились на дороге — широкой, утоптанной, усыпанной щебенкой и золой. Фродо выкарабкался на нее и медленно обернулся к востоку. Вдалеке черным пологом от небес до земли висела тьма; может, налетел ветер, а может, что-то встревожило Саурона, но завеса всколыхнулась и на миг приоткрыла чернейшую громаду верхней башни Барад-Дура с витыми шпилями и железной короной. Сверкнуло окно в поднебесье, метнулся на север красный луч — Огненное Око пронизывало мрак; потом завеса сомкнулась, и жуткое видение исчезло. Око не их искало, оно было обращено туда, где стояли у ворот ополченцы Запада, где им была уготована жестокая гибель; но в этот страшный миг и Фродо заглянул смерти в лицо. Рука его судорожно искала цепочку.

Сэм опустился возле него на колени. Фродо едва слышно прошептал:

— Помоги мне, Сэм! Сэм, помоги! Удержи мою руку, у меня нету сил.

Сэм сложил руки хозяина ладонь к ладони, поцеловал их и бережно сжал. Ему вдруг подумалось: «Выследил. Ну все, теперь держись. Попался наш Сэммиум Скромби».

Но он упрямо поднял Фродо, взвалил его на спину, ухватив за руки, склонил голову и побрел вверх по дороге. Идти было труднее, чем казалось снизу. К счастью, огненные потоки, которые Гора извергала, когда Сэм глядел на нее с Кирит-Унгола, сбежали по южному и западному склонам, на северо-востоке дорога уцелела, хотя кое-где осыпалась и растрескалась. Она поднималась косогором к востоку, потом круто сворачивала назад, на излучине прорезая огромный каменъ, некогда извергнутый вулканом. Пыхтя под ношей, Сэм выбрался из ущелины и краем глаза увидел, что сверху, со скалы, на него падает черный обломок.

Он не успел увернуться, упал ничком и ободрал себе руки, не выпуская рук хозяина. Тут он понял, что случилось; над его головой послышался ненавистный голос.

— Сскверный хозяин! — просипел он. — Сскверный хозяин насс обманул, обманул Смеагорла, горлум. Нельзя ссюда идти. Нельзя обижать Прелесстъ. Отдайте ее нам, пусть она будет у Смеагорла, у насс!

Сэм разом поднялся и обнажил меч, но от меча толку не было. Горлум и Фродо катались по земле. Горлум рвал хозяина когтями, добираясь до Кольца. Наверно, только это и могло воспламенить угасшую волю и остывшее сердце Фродо: посягнули на его единственное сокровище. Он отбивался с яростью, изумившей Сэма, да и Горлума тоже. Но все равно неизвестно, чем бы это кончилось, будь Горлум таков, как прежде. Однако его тоже извели мучительные скитания, вечный голод и жажда,

нестерпимый ужас и алчная, гложущая тоска. От него и остались-то кожа да кости, только глаза горели по-прежнему, но не было сил под стать дикой злобе. Фродо отшвырнул его и, весь дрожа, выпрямился.

— Прочь, прочь! — воскликнул он, прижимая руку к груди и ухватив Кольцо, скрытое под кожаной рубахой. — Прочь с дороги, ползучая мелюзга! С тобой все кончено. Ни убить, ни предать меня ты больше не сможешь.

Внезапно, так же, как у скал Привражья, Сэм увидел обоих совсем иначе. Полумертвая, побежденная и поверженная, но все еще злобная и жадная тварь извивалась у ног сурового властелина в белом одеянии. На груди его сверкал огненный круг, и оттуда исходил повелительный голос.

— Пошел прочь, не приближайся ко мне! Если ты меня еще коснешься, будешь низвергнут в Роковую Расселину, в негасимый огонь.

Прибитая тварь попятилась, в моргающих глазах ее был ужас — и все та же ненасытная тоска.

Видение рассеялось, и Сэм увидел, что Фродо стоит, тяжело дыша и держа руку у груди, а Горлум раскорячился на коленях, упершись в землю перепончатыми лапами.

— Берегитесь! — крикнул Сэм. — Он прыгнет на вас! — Он подступил, взмахнув мечом. — Быстрее, хозяин! — проговорил он. — Идите, идите! Время на исходе. Я с ним тут разберусь. Идите!

Фродо взглянул на него, словно бы издалека.

— Да, мне надо идти, — сказал он. — Прощай, Сэм! Теперь и правда конец всему. На Роковой горе слово скажет судьба. Прощай!

Он повернулся и медленно пошел вверх по дороге.

— Ну вот! — сказал Сэм. — Наконец-то я с тобой разделаюсь! — И он прыгнул с мечом наготове. Но Горлум не стал ни нападать, ни убегать; он лег на брюхо и заскулил.

— Не надо насс убивать! — хныкал он. — Не надо колоть насс ссквернным холодным железом. Дайте нам еще немного пожить, ссовсем немножечко. Ссмерть, смерть, нам осталась одна смерть. Прелесть сгинет, и мы рассыпемся в прах, да-сс, в прах. — Он зарылся в золу длинными костистыми пальцами. — Рассыпемся! — простонал он.

У Сэма дрогнула рука. Он был в гневе, он помнил, сколько зла принес этот гад. Его, предателя и убийцу, обязательно надо было заколоть: сто раз заслужил, да и как иначе от него убережешься? Но в глубине души Сэм знал, что не сделает этого, не убьет он жалкого, простертого в пыли, лишенного всего на свете пропащего мерзавца. Он сам, хоть и недолго, был хранителем Кольца и смутно догадывался, как мучается иссохший от

вожделения Горлум, порабощенный Кольцом. Только у Сэма не было слов, чтобы все это выразить.

— Да чтоб ты околел, мразь вонючая! — сказал он. — Убирайся! Проваливай! Ни на грош я тебе не верю, и все равно — проваливай! А то вот заколю тебя, да-сс, скверным холодным железом.

Горлум привстал на четвереньки, попятился, потом повернулся задом и, спасаясь от пинка Сэма, пустился бежать. Сэм тут же забыл о нем, на дороге Фродо уже не было видно, и он изо всех сил заторопился наверх. Если б он оглянулся, то увидел бы, что Горлум крадется позади, черной тенью скользя меж камней, и дико сверкают его безумные глаза.

Дорога шла наверх. Она опять круто свернула к востоку, потом сквозь утес вывела к черным дверям пещеры, дверям Саммат-Наура. Далеко на юге в дымном тумане виднелось солнце, зловещее, мутно-багровое, и простерся кругом сумрачный, онемелый, мертвенный Мордор, словно в ожидании страшной грозы. Сэм подошел и заглянул в пещеру. Жаркая темнота трепетала от рокота горных недр.

— Фродо! Хозяин! — позвал он, но ответа не было. Он постоял немного — сердце колотилось от нестерпимого ужаса — и зашел внутрь. Тень юркнула за ним.

Сперва ничего не было видно. В отчаянии он вынул звездинку Галадриэли, но холодный фиал едва-едва засветился в его дрожащей руке. Он был в сердце владений Саурона, у горнила его древней мощи, величайшей в Средиземье, и здесь властвовала тьма. Он опасливо шагнул раз-другой, вдруг впереди полыхнуло, и кровавым отблеском озарились высокие черные своды. Сэм увидел, что он в длинной пещере. Пол и стены рассекала широкая скважина, то наливаясь огнем, то затухая, и мерно рокотал вулкан, точно в глубине его работали могучие машины.

Снова полыхнула расселина, и на краю огненной бездны в багровом свете стал виден Фродо — он стоял, прямой и неподвижный, как черное изваяние.

— Хозяин! — вскрикнул Сэм.

И Фродо молвил звучным и властным, совсем незнакомым Сэму голосом, заглушившим гулы Роковой горы, раскатившимся под сводами пещеры:

— Я пришел. Но мне угодно поступить по-иному, чем было задумано. Чужой замысел я отвергаю. Кольцо — мое!

Он надел Кольцо на палец и исчез. Сэм захлебнулся отчаянным криком. Сильный удар в спину сбил его с ног, отбросил в сторону, он расшиб голову о каменный пол и лишился чувств, а

черная тень перепрыгнула через него. И еще многое случилось в этот миг.

Когда в Саммат-Науре, в самом сердце сумрачного края, объявился новый хозяин Кольца, повелитель Барад-Дура вздрогнул, и содрогнулась его твердыня от горных подножий до венчавшей ее железной короны. Внезапно опомнился Черный Властелин, и Око его, пронизывая сумрак, воззрилось через равнину в черное жерло пещеры — заветной пещеры владыки Мордора. Будто при вспышке молнии увидел он, как глупо просчитался, и понял все расчеты своих врагов. Ярость его взметнулась как пламя, и черной тучей склубился удушливый страх. Ибо он знал, что в этот роковой миг участь его висит на волоске.

Он отрешился от всех своих козней, от хитросплетений страха и обмана, от войн и завоеваний, и зашаталось все его необъятное царство, ужаснулись рабы, дрогнули полчища, и вожди, которых вела к победе единая воля, растерянно опустили оружие. Они были забыты. Все помыслы их повелителя обратились к Роковой горе. По зову его взвились и отлетели с поля битвы Кольценосцы-назгулы, и крылатые вихри вперегонки помчались к Ородруину.

Сэм поднялся. Голова кружилась, глаза заливала кровь. Отерши ее, он увидел странное и жуткое зрелище. У края бездны Горлум схватился с невидимкой. Он извивался то возле самой скважины, то поодаль, падал, вскакивал, снова падал. И не говорил ни слова, только злобно сипел.

Огонь заклокотал в глубине, дохнуло палящим жаром, багровый свет залил пещеру. Вдруг длинные руки Горлума протянулись ко рту, блеснули и щелкнули острые белые клыки. Фродо вскрикнул — и появился, стоя на коленях у огненной скважины. А Горлум бешено плясал, воздев кверху Кольцо с откушенным пальцем. Кольцо сверкало ярче солнца.

— Прелесть, прелесть, прелесть! — ликовал Горлум. — Моя прелесть! О моя прелесть!

И, пожирая глазами свою сияющую добычу, он оступился, качнулся на краю бездны и с воплем упал в нее. Из глубины донесся вой «Пре-е-лесть!» — и Горлума не стало.

Вулкан взревел, пламя вырвалось из расселины под самые своды пещеры. Гул превратился в тяжкий грохот, и Гора задрожала. Сэм кинулся к Фродо, подхватил его на руки и побежал к дверям. За черным порогом Саммат-Наура, с вершины Горы его взору предстал весь Мордор, и он окаменел от изумления и ужаса.

На месте Барад-Дура крутился смерч, и посредине заверти виднелись башни выше гор и зубчатые стены, воздвигнутые на

могучих кряжах над глубокими ущельями, площади и безглазые громады темниц, стальные и алмазные ворота — и все это исчезло. Падали башни, и обваливались горы, в прах рассыпáлись стены, дым и пары сползались огромными клубами, и мутный вал, вздымаясь до небес, вскипел и обрушился на равнину. Прокатился гул, нарастая, разражаясь ревом и грохотом. Земля потрескалась. Ородруин содрогнулся, и его расколотая вершина извергла пламенный поток. Грянул гром, заполыхали молнии, хлестнул темный ливень. И в середину огненного месива, вспарывая тучи надрывным воем, вонзились, как черные стрелы, примчавшиеся Кольценосцы, вспыхнули, истлели и сгинули.

— Да, это и вправду конец, Сэм Скромби, — промолвил голос рядом с ним. Он обернулся и увидел Фродо, бледного, изможденного и спокойного. В глазах его не было ни смертной натуги, ни безумия, ни страха. Бремя с него свалилось, и он глядел, как в Хоббитании, в былые светлые дни.

— Хозяин! — воскликнул Сэм и упал на колени. Он забыл, что рушится мир, и сердце его переполнила радость. Нет больше страшной ноши, хозяин спасен, он снова стал самим собой, он освободился! И тут Сэм заметил его искалеченную, окровавленную руку. — Бедная рука! — всхлипнул он. — И главное, нечем перевязать, да и лекарств никаких нет. Пусть бы лучше откусил у меня целую руку. Но с него теперь не спросишь, от него, поди, и пепла не осталось.

— Да, — сказал Фродо. — А помнишь, Гэндальф говорил: *«Погодите, может, Горлум еще зачем-то понадобится»*. И понадобился: ведь сам бы я не смог уничтожить Кольцо, и все было бы напрасно, хоть мы и достигли цели. Не надо поминать его лихом! Поручение выполнено, и я больше всего рад, что ты со мной. Вот и конец нашей сказке, Сэм.

Глава IV

НА КОРМАЛЛЕНСКОМ ПОЛЕ

Кругом бушевали полчища Мордора. Западное войско тонуло в безбрежном море. Тускло светило багровое солнце, но и его затмевали крылья назгулов, смертной тенью реявшие над землей. Арагорн, безмолвный и строгий, стоял у знамени с думой то ли о прежних днях, то ли о дальних краях, и глаза его сверкали как звезды, разгоревшиеся во тьме. На вершине холма стоял белоснежный Гэндальф, и тени обегали его. Вал за валом отка-

тывался от холмов, но все сильней и сокрушительней был натиск Мордора, все громче яростные крики и бешеный лязг стали.

Вдруг встрепенулся Гэндальф, будто ему что-то привиделось, и обратил взгляд на север, к бледным и чистым небесам. Он вскинул руки и громогласно воскликнул, заглушая битвенный гул:

— Орлы летят! Орлы летят!

И недоуменно уставились на небо мордорские рабы, холопы и наемники.

А в небе явились Гваихир Ветробой и брат его Быстрокрыл, величайшие орлы северного края, могущественнейшие потомки пращура Торондора, который свил гнездо у неприступных вершин Окраинных гор — когда Средиземье еще справляло праздник юности. И за ними двоими мчались стройные вереницы родичей, орлов северных гор: мчались с попутным ветром. Из поднебесья они обрушились на назгулов, и вихрем прошумели их широкие крылья.

Но назгулы, взметнувшись, скрылись во мраке Мордора, заслышав неистовый зов из Черной Башни; и в этот миг дрогнули полчища Мордора, внезапно утратив напор, и замер их грубый хохот, и руки их затряслись, роняя оружие. Власть, которая гнала их вперед, которая полнила их ненавистью и бешенством, заколебалась, единая воля ослабла, и в глазах врагов они увидели свою смерть.

А ополченцы Запада радостно вскрикнули, ибо в глубине тьмы просияла им новая надежда. И с осажденных холмов ринулись сомкнутым строем гондорские ратники, ристанийские конники и северные витязи, врезаясь, врубаясь в смятенные вражеские орды. Но Гэндальф снова воздел руки и звучно возгласил:

— Стойте, воины Запада! Помедлите! Бьет роковой час!

Еще не отзвучал его голос, как земля страшно содрогнулась. Над башнями Черных Ворот, над вершинами сумрачных гор взметнулась в небеса необъятная темень, прорезанная огнем. Стеная, дрожала земля. Клыки Мордора шатнулись, закачались — и рухнули; рассыпались в прах могучие бастионы, и низверглись ворота; издали глухо, потом все громче и громче слышался тяжкий гул, превращаясь в раскатистый оглушительный грохот.

— Царствование Саурона кончилось! — молвил Гэндальф. — Хранитель Кольца исполнил поручение.

Ополченцы Запада взглянули на юг: в Мордоре чернее черных туч воздвиглась огромная Тень, увенчанная молниями. Ка-

залось, на миг она заслонила небеса и царила над миром — и протянула к врагам грозную длань, страшную и бессильную, ибо дунул навстречу Тени суровый ветер, и она, расползаясь, исчезла, и все стихло.

Ополченцы склонили головы, а подняв глаза, с изумлением увидели, что вражеские полчища редеют, великая рать Мордора рассеивается, как пыль на ветру. Когда гибнет потаенное и разбухшее существо, которое изнутри муравейника заправляет этой копошащейся кучей, муравьи разбегаются кто куда и мрут, жалкие и беспомощные; так разбегались и твари Саурона — орки, тролли и зачарованные звери: одни убивали себя, другие прятались по ямам или с воем пустились наутек, чтобы укрыться в прежнем безбрежном мраке и где-нибудь тихо издохнуть. А вастаки и южане из Руна и Хорода, закоренелые в злодействе, давние, свирепые и неукротимые ненавистники Запада, увидели суровое величие своих заклятых врагов, поняли, что битва проиграна, и сомкнули строй, готовясь умереть в бою. Однако же многие их сородичи толпами бежали на восток или бросали оружие и сдавались на милость победителя.

Гэндальф предоставил Арагорну и другим вождям довершать сражение; сам же он воззвал с вершины холма — и к нему спустился великий орел Гваигир Ветробой.

— Дважды вынес ты меня из беды, друг мой Гваигир, — сказал Гэндальф. — Помоги же, прошу тебя, в третий и последний раз. Я не буду тебе в тягость более, чем тогда, в полете с Зиракзигила, где отгорела моя прежняя жизнь.

— Я донесу тебя, коли надо, на край света, — отвечал Гваигир, — будь ты хоть каменный.

— Летим же, — сказал Гэндальф. — Возьми с собой брата и еще одного орла — такого, что не отстанет. Ибо надо нам обогнать любой ветер и опередить назгулов.

— Северный ветер могуч, но мы переборем его, — обещал Гваигир. И с Гэндальфом на спине он помчался на юг, а за ним летели Быстрокрыл и юный Менельдор. Над Удуном и Горгоротом летели они, над бурлящими руинами, а впереди полыхала Роковая гора.

— Как я рад, что ты со мною, Сэм! — сказал Фродо. — Ну вот и конец нашей сказке.

— Конечно, я с вами, хозяин, еще бы нет, — отозвался Сэм, бережно прижимая к груди искалеченную руку Фродо. — И вы со мною, а как же. Да, вроде кончилось наше путешествие. Только что же это выходит — шли, шли, пришли, а теперь

ложись да помирай? Как-то это, сами понимаете, не по-нашему, сударь.

— Что поделаешь, Сэм, — сказал Фродо. — Так оно и бывает. Всем надеждам приходит конец, и нам вместе с ними. Еще чуть-чуть — и все. Где уж нам уцелеть в этом страшном крушенье!

— Что верно, то верно, сударь, а все-таки давайте хотя бы отойдем подальше от этой, как ее, Роковой, что ли, Расселины. Ноги-то у нас пока не отнялись? Пошли, сударь, благо дорога еще цела!

— Ладно, Сэм, пошли. Куда ты, туда и я, — согласился Фродо. Они встали и побрели по извилистой дороге и едва свернули вниз, к дрожащему подножию, как Саммат-Наур изрыгнул огромный клуб густого дыма. Конус вулкана расселся, и кипящий поток магмы, грохоча, понесся по восточному склону.

Путь был отрезан. Фродо и Сэм теряли последние силы. Кое-как добрались они до груды золы близ подножия, но уж оттуда деваться было некуда. Груда эта была островком, который вот-вот сгинет в корчах Ородруина. Кругом разверзалась земля и вздымались столбы дыма. Гора в содроганиях истекала магмой, и медленно ползли на них пологими склонами огненные потоки, надвигались со всех сторон. Густо сыпал горячий пепел.

Они стояли бок о бок, и Сэм не выпускал руку хозяина, нежно поглаживая ее. Он вздохнул.

— А что, неплохая была сказка, сударь? — сказал он. — Эх, послушать бы ее! Скажут как-нибудь так: внимайте *Повести о девятипалом Фродо и о Кольце Всевластья!* — и все притихнут, вроде как мы, когда слушали в Раздоле Повесть об одноруком Берене и Волшебном Сильмарилле. Да, вот бы послушать! К тому же не мы первые, не мы последние, дальше ведь тоже что-нибудь да будет.

Так он говорил наперекор предсмертному страху, а глаза его устремлялись к северу, туда, где ветер далеко-далеко прояснял небо, ураганными порывами разгоняя тяжкие тучи.

И зорким орлиным оком увидел их обогнавший ветер Гваигир, кружа над Ородруином и гордо одолевая смертоносные вихри, увидел две крохотные фигурки, стоявшие на холмике рука об руку, а вокруг, трясясь, разверзалась земля и разливалось огненное море. И в тот самый миг, как он их увидел и устремился к ним, они упали: то ли стало им совсем невмочь, то ли задушил их чад, то ли, наконец отчаявшись, они скрыли глаза от смерти.

Они лежали рядом; и ринулись вниз Гваигир Ветробой и брат его Быстрокрыл, а за ними смелый Менельдор. И в смутном забытьи, ни живы ни мертвы, странники были исторгнуты из темени и огня.

Сэм очнулся в мягкой постели; над ним покачивались разлапистые ветви бука, и сквозь юную листву пробивался зеленозолотой солнечный свет. Веяло душистой свежестью.

Запах-то этот он вмиг распознал: запах был итилийский. «Батюшки! — подумал он. — Вот уж заспался-то!» Он перенесся в тот день, когда разводил костерок под солнечным пригорком, а все остальное забылось. Он потянулся и глубоко вздохнул.

— Чего только не приснится! — пробормотал он. — Надо же, спасибо хоть проснулся!

Он сел в постели и увидел, что рядом с ним лежит Фродо — лежит и спит, закинув руку за голову, а другую — правую — положив на покрывало. И среднего пальца на правой руке не было.

Нахлынула память, и Сэм вскрикнул:

— Да нет, какой там сон! Где ж это мы очутились?

И тихо промолвил голос над ним:

— Вы теперь в Итилии, под охраной Государя, и Государь ожидает вас.

И перед ним возник Гэндальф в белом облачении; белоснежную его бороду освещало переливчатое солнце.

— Ну, сударь мой Сэммиум, как твои дела? — сказал он.

А Сэм откинулся на спину, разинул рот и покамест, от радости и удивления, не знал, что и ответить. Потом наконец выговорил:

— Гэндальф! А я-то думал, тебя давным-давно в живых нет! Хотя и меня тоже вроде бы в живых быть не должно. Всех ужасов, что ли, будто и не было? Да что вообще случилось?

— Рассеялась Тень, нависавшая над миром, — сказал Гэндальф и засмеялся, и смех его был как музыка, точно ручей зазвенел по иссохшей земле, и Сэм долго-долго слышал этот живительный смех. Он услышал в нем радость, нескончаемую и звонкую, звонче знакомых радостей. И расплакался. Слезы его пролились, словно весенний дождь, после которого ярче сияет солнце; он засмеялся и, смеясь, вскочил с постели.

— Как мои дела? — воскликнул он. — Да я уж и не знаю, как мои, а вообще-то, вообще... — он раскинул руки, — ну, как бывает весна после зимы, как теплое солнце зовет листья из почек, как вдруг затрубили все трубы и заиграли все арфы! — Он запнулся и взглянул на хозяина. — А господин Фродо — он что? Руку ему испортили — это надо же! Ну ладно, хоть прочее все цело. Вот уж кому туго пришлось!

— Прочее все цело, Сэм, — сказал Фродо, смеясь и усаживаясь в постели. — Соня ты, Сэм, и я, глядя на тебя, уснул, даром что проснулся спозаранку. А теперь уж чуть не полдень.

— Полдень? — повторил Сэм, задумавшись. — Какого дня полдень?

— Нынче полдень четырнадцатого дня новой эры, — сказал Гэндальф, — или, если угодно, восьмого апреля по хоббитанскому счислению. А в Гондоре с двадцать пятого марта новая эра — со дня, когда сгинул Саурон, а вас спасли из огня и доставили к Государю. Он вас вылечил и теперь ожидает вас. С ним будете нынче трапезовать. Одевайтесь, я вас к нему поведу.

— К нему? — сказал Сэм. — А что это за Государь?

— Великий князь гондорский и властитель всех западных земель, — отвечал Гэндальф. — Он возвратился и принимает под державу свою все древнее царство. Скоро поедет короноваться, только вас дожидается.

— Надевать-то нам что? — спросил Сэм, глядя на кучу старого рваного тряпья — их бывшие одежды, лежавшие у изножия постелей.

— Наденете, что было на вас, когда вы шли в Мордор, — отвечал Гэндальф. — Храниться как святыня будет, Фродо, даже твое оркское отрепье. Здесь, в западных странах, а стало быть, и во всем Средиземье, оно станет краше шелков и атласов, почетнее любого убранства. Но мы потом подыщем вам другую одежду.

Он простер к ним руки, и заблистал тихий свет.

— Как, неужели? — воскликнул Фродо. — Это у тебя...

— Да, здесь оба ваших сокровища. Сэм их сберег, и они были найдены. Дары владычицы Галадриэли: твой светильник, Фродо, и твоя шкатулка, Сэм. Радуйтесь — вот они.

Хоббиты неспешно умылись и оделись, слегка подзакусили — и не отставали от Гэндальфа. Из буковой рощи вышли они на продолговатый, залитый солнцем луг, окаймленный стройными темнолиственными деревьями в алых цветах. Откуда-то сзади слышался рокот водопада, а впереди между цветущих берегов бежал светлый поток, скрывавшийся в роще за дальней окраиной луга, где деревья, стеснившись, потом расступились и образовали аллею, и снова мерцала вдали бегущая вода.

А за рощей они так и замерли, увидев строй витязей в сверкающих кольчугах и рослых черно-серебряных стражей; и все они склонились перед ними. Один из стражей затрубил в длинную трубу, а они шли и шли светлой просекой возле звенящего потока. И вышли на зеленый простор. Вдали серебрилась в легкой дымке широкая река и виден был длинный лесистый остров, у берегов которого стояли бесчисленные корабли. А поле обступило войско, блистая ровными рядами. Когда хоббиты

приблизились, сверкнули обнаженные мечи, грянули о щиты копья, запели рога и фанфары, и воскликнули люди многотысячным голосом:

Да здравствуют невысоклики! Хвала им превыше хвал!
Куйо и Перийан аннан! Аглра-ни перианнат!
Восхвалим же их великой хвалой — Фродо и Сэммиума!
Даур а Бергаэль, Конин эн Аннун! Эглерио!
Честь им и хвала!
Эглерио!
А лайта те, лайта те! Андаве лаитувальмет!
Честь и хвала!
Кормаколиндор, а лаита тариэнна!
Восхвалим же их, восхвалим Хранителей Кольца!

Фродо и Сэм закраснелись, глаза их сияли изумлением; выйдя на поле, они увидели, что посредине гудящего войска были воздвигнуты, дерн на дерне, три высоких трона. За троном направо реяло бело-зеленое знамя, и на нем скачущий конь, налево, на голубом знамени, плыл кораблем в дальнее море серебряный лебедь, а над самым высоким троном на огромном плещущем черном знамени сияло белое цветущее древо, осененное короной с семью блистающими звездами. На троне сидел витязь, облаченный в броню, и громадный меч лежал у него на коленях, а голова его была не покрыта. Они подошли, и он встал; и они узнали его, хоть он и изменился: лицо у него было горделивое и радостное, царственное лицо повелителя, и был он по-прежнему темноволосый и сероглазый.

Фродо кинулся ему навстречу, и Сэм ненамного отстал.

— Ну, дела! — крикнул он. — Бродяжник, он самый, не будь я хоббит!

— Да, он самый, — отвечал Арагорн. — Далека, видишь, оказалась дорога от Пригорья, где я тебе не понравился! Да, трудновато нам всем пришлось, но тебе-то, пожалуй, труднее всех.

И затем, к изумлению и великому смущению Сэма, он преклонил перед ним колено, а потом взял их за руки — Фродо за правую, Сэма за левую — и повел к трону, посадил, обернулся к воинству и вождям и промолвил громче громкого:

— Воздайте им великую хвалу!

А когда отзвучал, разнесся и смолк восторженный клик, Сэм был поражен пуще прежнего и счастлив, как никогда, ибо выступил вперед гондорский песнопевец и, преклонив колена, испросил позволения пропеть новую, небывалую песнь. Но прежде сказал он:

— Внимайте! Внимайте, доблестные витязи, вожди и воины,

князи и правители; вы, воители Гондора, и вы, конники Ристании; вы, сыны Элронда, и северные дунаданцы; вы, эльф и гном, и вы, великодушные уроженцы Хоббитании, и весь свободный народ Запада — внимайте и слушайте. Ибо я спою вам о девятипалом Фродо и о Кольце Всевластья.

Не веря своим ушам, Сэм звонко и радостно рассмеялся, вскочил и воскликнул:

— О чудеса из чудес и слава небывалая! Да я и мечтать не смел, чтобы такое сбылось!

И все воины тоже смеялись и плакали. Над смехом их и плачем вознесся чистый, ясный голос песнопевца — звончатый, серебряный, золотой. Звенела эльфийская речь, звучали наречия Запада, сладостный напев блаженно ранил сердца, и гореванье сливалось с восторгом, и блаженным хмелем пьянили слезы.

Наконец, когда солнце склонилось за полдень и протянулись тени деревьев, песнопевец закончил песнь.

— Воздайте ж им великую хвалу! — воскликнул он и опустился на колени. Встал Арагорн, заволновалось войско, и все пошли к накрытым столам, пошли провожать пиршеством разгоревшийся день.

Фродо и Сэма отвели в шатер; они сняли истасканную, грязную одежду; ее бережно свернули и унесли, и новое нарядное платье было дано им взамен. Пришел Гэндальф, держа в руках, к удивлению Фродо, северный меч, эльфийский плащ и мифрильную кольчугу — все, что забрали орки в Мордоре. А Сэму он принес позолоченную кольчугу и почищенный, заштопанный плащ и положил перед ними оба меча.

— Никакого меча мне больше не нужно, — сказал Фродо.

— Нынче вечером придется быть при мече, — отозвался Гэндальф.

Фродо взял прежний кинжал Сэма, который в Кирит-Унголе сочли его оружием.

— А Терн — тебе, Сэм, — сказал он.

— Нет, хозяин! Вы его получили от господина Бильбо вместе с этой серебристой кольчугой. Он бы сильно удивился, если б вы меч кому-нибудь отдали.

Фродо уступил, и Гэндальф, словно оруженосец, преклонил колена, опоясал его и Сэма мечами и надел им на головы серебряные венцы.

Так облаченные, явились они на великое пиршество — к главному столу возле Гэндальфа, конунга Эомера Ристанийского, князя Имраиля и других военачальников Западного ополчения; и тут же были Гимли и Леголас.

Постояли в молчании, обратившись лицом к западу. Затем явились два отрока-виночерпия, должно быть, оруженосцы: один в черно-серебряном облачении стража цитадели Минас-Тирита, другой в бело-зеленом. Сэм подивился, как это такие мальцы затесались среди могучих витязей, но, когда они подошли ближе, протер глаза и воскликнул:

— Смотрите-ка, сударь! Ну и дела! Да это же Пин, то бишь, прошу прощения, господин Перегрин Крол и господин Мерри! Ну и выросли же они! Батюшки! Видно, не нам одним есть чего порассказать!

— Нет, Сэм, не вам одним, — сказал Пин, радостно ему улыбаясь. — И уж как мы станем рассказывать, так вы только держитесь — погодите, вот кончится пир. А пока что возьмите в оборот Гэндальфа, он теперь вовсе не такой скрытный, хотя больше смеется, чем говорит. Нам с Мерри недосуг — как вы, может, заметили, мы при деле, мы — витязи Гондора и Ристании.

Долго длился веселый пир. Когда же солнце закатилось и поплыла луна над андуинскими туманами, проливая сияние сквозь трепетную листву, Фродо и Сэм сидели под шелестящими деревьями благоуханной Итилии и далеко за полночь не могли наговориться с Мерри, Пином и Гэндальфом, с Леголасом и Гимли. Им рассказывали и рассказывали обо всем, что случилось без них с остальными Хранителями после злополучного дня на Парт-Галене близ водопадов Рэроса, и не было конца их расспросам и повести друзей.

Орки, говорящие деревья, зеленая нескончаемая равнина, блистающие пещеры, белые замки и златоверхие чертоги, жестокие сражения и огромные корабли под парусами — словом, у Сэма голова пошла кругом. И все же, внимая рассказам о чудесах, он нет-нет да и оглядывал Пина и Мерри, наконец не выдержал, поднял Фродо и стал с ними мериться спина к спине. Потом почесал в затылке.

— Да вроде не положено вам расти в ваши-то годы! — сказал он. — А вы дюйма на три вымахали, гном буду!

— До гнома тебе далеко, — отозвался Гимли. — Чего тут удивляться — их же поили из онтских источников, а это тебе не пиво лакать!

— Из онтских источников? — переспросил Сэм. — Все у вас онты да онты, а что за онты — в толк не возьму. Ну ладно, недельку-другую еще поговорим, глядишь, все и само разъяснится.

— Вот-вот, недельку-другую, — поддержал Пин. — Дойдем

до Минас-Тирита и запрем Фродо в башне — пусть записывает, не отлынивает. А то забудет потом половину, и старина Бильбо ужас как огорчится.

Наконец Гэндальф поднялся.

— В руках Государя целебная сила, оно так, дорогие друзья, — сказал он. — Но вы побывали в когтях у смерти, оттуда он и вызволил вас, напрягши все силы, прежде чем вы погрузились в тихий сон забвения. И хотя спали вы долго и, похоже, отоспались, пора опять вам укладываться.

— Сэму-то и Фродо само собой, — заметил Гимли, — но и тебе, Пин, тоже. Ты мне милее брата родного — еще бы, так уж я по твоей милости набегался, век не забуду. И не забуду, как отыскал тебя на холме после битвы. Кабы не гном Гимли, быть бы тебе в земле. Зато я теперь ни с чем не спутаю хоббитскую подошву — только она и виднелась в груде тел. Отвалил я здоровенную тушу, которая тебя придавила, смотрю — а ты как есть мертвый. Я чуть себе бороду не вырвал от досады. А теперь ты всего-то день как на ногах — давай, пошел спать. Я тоже пойду.

— А я, — сказал Леголас, — пойду бродить по здешнему прекрасному лесу, то-то отдохну. Если позволит царь Трандуил, я приведу сюда лесных эльфов — тех, кому захочется пойти со мной, — и край ваш станет еще краше. Надолго ли? Ненадолго: на месяц, на целую жизнь, на человеческий век. Но здесь течет Андуин и катит свои волны к Морю. В Море!

В Море, в морской простор! Чайки кричат и реют,
И белопенный прибой набегает быстрей и быстрее.
На западе, в ясной дали, закатное солнце алеет.
Корабль, серокрылый корабль! Слышишь ли дальние зовы,
Уплывших прежде меня призывные голоса?
Прощайте, прощайте, густые мои леса,
Иссякли дни на земле, и века начинаются снова.
А я уплыву за моря и брега достигну иного.
Там длинные волны лижут Последние Берега,
На Забытом острове слышен солнечный птичий гам —
В Эрессее, предвечно эльфийской, куда нет доступа людям,
Где листопада нет и где мы навеки пребудем.

И с этой песней Леголас спустился под гору.

Все разошлись, а Фродо и Сэм отправились спать. Проснулись — и в глаза им глянуло тихое, ласковое утро, и потянулся душистый итилийский апрель. Кормалленское поле, где расположилось войско, было неподалеку от Хеннет-Аннуна, и по ночам доносился до них гул водопадов и клокотание потока в скалистой теснине, откуда он разливался по цветущим лугам и

впадал в Андуин возле острова Каир-Андрос. Хоббиты уходили далеко, прогуливались по знакомым местам, и Сэм все мечтал, что где-нибудь на лесной поляне или в укромной ложбине вдруг да увидит снова хоть одним глазком громадного олифанта. А когда ему сказали, что под стенами Минас-Тирита их было хоть отбавляй, но всех перебили и сожгли, Сэм не на шутку огорчился.

— Да оно понятно, сразу там и здесь не будешь, — сказал он. — Но похоже, мне здорово не повезло.

Между тем войско готовилось двинуться назад, к Минас-Тириту. Проходила усталость, залечивались раны. Ведь еще пришлось добивать и рассеивать мятежные орды южан и вастаков. Вернулись наконец и те, кого послали в Мордор — разрушать северные крепости.

Но вот приблизился месяц май, и вожди Западного ополчения взошли на корабли вслед за своими воинами, а корабли поплыли от Каир-Андроса вниз по Андуину к Осгилиату. Там они задержались и днем позже появились у зеленых полей Пеленнора, у белых башен близ подножия высокого Миндоллуина, возле гондорской столицы, последнего оплота Запада, оплота, выстоявшего в огне и мраке на заре новых дней.

И среди поля раскинули они шатры свои и разбили палатки в ожидании первомайского утра: с восходом солнца Государь войдет в свою столицу.

Глава V

НАМЕСТНИК И ГОСУДАРЬ

Столица Гондора жила в смятении и страхе. Чистое небо и ясное солнце будто смеялись над людьми, которым уповать было не на что, которые каждое утро ожидали роковых вестей. Градоправитель их сгинул в огне, прах ристанийского конунга лежал неупокоенный в цитадели, новый же Государь, явившийся ночью, наутро исчез — говорят, уехал воевать со всевластными силами тьмы и ужаса, а разве их одолеет чья бы то ни было мощь и доблесть? Тщетно ждали они вестей. Знали только, что войска свернули от Моргульской долины на север, скрылись в черной тени омертвелых гор и больше не прислали ни одного гонца с угрюмого востока — ни слуху ни духу от них не было.

Всего через два дня после ухода войска царевна Эовин велела сиделкам принести ее облачение и уговоров слушать не по-

желала. Ей помогли одеться, возложили больную руку на холщовую перевязь и проводили к Смотрителю Палат Врачеванья.

— Сударь, — сказала она, — на сердце у меня неспокойно, и не могу я больше изнывать от праздности.

— Царевна, — возразил Смотритель, — ты еще далеко не излечилась, а мне строго-настрого велено довести дело до конца с особым тщанием. Еще семь дней — так мне сказали — ты не должна была вставать с постели. Прошу тебя, иди обратно в свой покой.

— Я излечилась, — сказала она, — от телесного недуга, левая рука только плоха, а это пустяки. Но недуг одолеет меня снова, если мне будет нечего делать. Неужели нет вестей с войны? Я спрашивала у сиделок — они не знают.

— Вестей нет, — отвечал Смотритель, — известно лишь, что войско наше очистило Моргульскую долину и двинулось дальше. Во главе его, говорят, наш новый полководец с севера. Это великий воин, а вдобавок целитель; никогда бы не подумал, что рука целителя может владеть мечом. У нас в Гондоре все иначе; правда, если верить древним сказаниям, бывало и так. Однако же многие века мы, целители, лишь врачевали раны, нанесенные мечом. Хотя и без этих ран дела бы нам хватило: сколько в мире болезней и немощей, а тут еще войны и всякие сражения.

— Да нет, господин Смотритель, во всякой войне один — зачинщик, другой же воюет поневоле, — возразила Эовин. — Но кто за меч не берется, от меча и погибнет. Ты что, хотел бы, чтобы народ Гондора собирал травы, пока Черный Властелин собирает войска? А бывает, что исцеление вовсе не нужно. Иной раз лучше умереть в битве, принять жестокую смерть. Я бы ее и выбрала, будь мой выбор.

Смотритель поглядел на нее. Высокая и стройная, со сверкающими глазами на бледном лице, она сжала в кулак здоровую руку и повернулась к окну, выходившему на восток. Он вздохнул и покачал головой. Наконец она снова обратилась к нему.

— Что толку бездельничать! — сказала она. — Кто у вас в городе главный?

— Право, не знаю, царевна, — замялся он. — Не по моей это части. Над мустангримцами, которые остались, начальствует их Сенешаль, городом ведает наш Хранитель ключей Гурин. А вообще-то правитель, новый наместник у нас, само собой, Фарамир.

— Где его искать?

— Искать его не надо, царевна, он здесь, в Палатах. Он был тяжело ранен, теперь поправляется. Только я вот не знаю...

— Может, ты меня к нему отведешь? Тогда и узнаешь.

Фарамир одиноко прогуливался по саду возле Палат Врачеванья; под теплыми лучами солнца его тело понемногу оживало, но на душе было тяжко, и он то и дело подходил к восточной стене. Обернувшись на зов Смотрителя, он увидел Эовин и вздрогнул от жалости — так печально было ее измученное лицо.

— Государь, — сказал Смотритель, — это ристанийская царевна Эовин. Она сражалась вместе с конунгом, была жестоко ранена и оставлена на моем попечении. Но моим попечением она недовольна и хочет говорить с Градоправителем.

— Не ошибись, государь, — сказала Эовин. — Я не жаловаться пришла. В Палатах все как нельзя лучше — для тех, кто хочет излечиться. Мне же тягостны праздность, безделье, заточение. Я искала смерти в бою и не нашла ее, но ведь война не кончилась...

По знаку Фарамира Смотритель с поклоном удалился.

— Чем я могу помочь тебе, царевна? — спросил Фарамир. — Как видишь, я тоже узник наших врачевателей.

Он снова взглянул на нее: его всегда глубоко трогала чужая скорбь, а она была прекрасна в своем горе, и прелесть ее пронзала сердце. Она подняла глаза и встретила тихий, нежный взгляд; однако же Эовин, взращенная среди воинов, увидела и поняла, что перед нею стоит витязь, равного которому не сыщешь во всей Ристании.

— Чего же ты хочешь, царевна? — повторил он. — Говори; что в моей власти, я все сделаю.

— Я бы хотела, чтоб ты велел Смотрителю отпустить меня, — сказала она, и хотя слова ее по-прежнему звучали горделиво, но голос дрогнул, и она усомнилась в себе — впервые в жизни. Она подумала, что этот высокий воин, ласковый и суровый, принимает ее за несчастного, заблудшего ребенка, и неужели же ей не хватит твердости довести безнадежное дело до конца?

— Не пристало мне указывать Смотрителю, я и сам ему повинуюсь, — отвечал Фарамир. — И в городе я пока что не хозяин. Но будь я даже полновластным наместником, по части лечения последнее слово остается за лекарем, а как же иначе?

— Но я не хочу лечиться, — сказала она. — Я хочу воевать вместе с братом, с Эомером, и погибнуть, как конунг Теоден. Он ведь погиб — и обрел вечный почет и покой.

— Если тебе это уже по силам, царевна, все равно поздно догонять наше войско, — сказал Фарамир. — Гибель в бою, наверно, ждет нас всех, волей-неволей. И ты встретишь смерть достойнее и доблестнее, до поры до времени покорившись врачеванию. Нам выпало на долю ожидать, и надо ожидать терпеливо.

Она ничего не ответила, но лицо ее немного смягчилось,

будто жестокий мороз отступил перед первым слабым дуновением весны. Слеза набухла и скатилась по щеке, блеснув дождинкою. И гордая голова поникла. Потом она вполголоса промолвила, как бы и не к нему обращаясь:

— Мне велено еще целых семь дней оставаться в постели. А окно мое выходит не на восток.

Говорила она, словно обиженная девочка, и, как ни жаль ее было, Фарамир все же улыбнулся.

— Окно твое — не на восток? — повторил он. — Ну, это поправимо. Что другое, а это в моей власти: я скажу Смотрителю, он распорядится. Лечись послушно, царевна, и не оставайся в постели, а гуляй, сколько хочешь, по солнечному саду, отсюда и гляди на восток, не забрезжит ли там надежда. Да и мне будет легче, если ты иной раз поговоришь со мной или хотя бы пройдешься рядом.

Она подняла голову, снова взглянула ему в глаза, и ее бледные щеки порозовели.

— Отчего будет легче тебе, государь? — спросила она. — И разговаривать я ни с кем не хочу.

— Сказать тебе напрямик?

— Скажи.

— Так вот, Эовин, ристанийская царевна, знай, что ты прекрасна. Много дивных и ярких цветов у нас в долинах, а красавиц еще больше, но доныне не видел я в Гондоре ни цветка, ни красавицы прекрасней тебя — прекрасней и печальней. Быть может, через несколько дней нашу землю поглотит мрак, и останется лишь погибнуть как должно, но, пока не угаснет солнце, мне будет отрадно видеть тебя. Ведь и ты, и я побывали в запредельной тьме, и одна и та же рука спасла нас от злой смерти.

— Увы, государь, это все не обо мне! — поспешно возразила она. — Тьма еще висит надо мной. И в целители я не гожусь. Мои загрубелые руки привычны лишь к щиту и мечу. Однако спасибо тебе и на том, что для меня открылись двери палаты. Буду с позволения наместника Гондора гулять по саду.

Она откланялась, а Фарамир долго еще бродил по саду и чаще глядел на Палаты, чем на восточную стену.

Возвратившись к себе, он призвал Смотрителя, и тот рассказал ему все, что знал о ристанийской царевне.

— Впрочем, государь, — закончил он, — ты гораздо больше узнаешь от невысоклика из соседней палаты: он был в охране конунга и, говорят, защищал царевну на поле боя.

Мерри вызвали к Фарамиру, и весь день провели они в беседе. Многое узнал Фарамир, еще больше разгадал за словами, и

куда понятнее прежнего стали ему горечь и тоска племянницы конунга Ристании. Ясным вечером Фарамир и Мерри гуляли в саду, но Эовин из Палат не выходила.

Зато поутру Фарамир увидел ее на стене в белоснежном одеянии. Он окликнул ее, она спустилась, и они гуляли по траве или сидели под раскидистыми деревьями — то молча, то тихо беседуя. Так было и на другой, и на третий день, и Смотритель глядел на них из окна и радовался, ибо все надежнее было их исцеление. Время, конечно, смутное, зловещее время, но хотя бы эти двое его подопечных явно выздоравливали.

На пятый день царевна Эовин снова стояла с Фарамиром на городской стене, и оба глядели вдаль. Вестей по-прежнему не было, в городе царило уныние. Да и погода изменилась: резко похолодало, поднявшийся в ночи ветер дул с севера, метался и завывал над серыми, тусклыми просторами.

Они были тепло одеты, в плащах с подбоем; на Эовин поверх плаща — темно-синяя мантия с серебряными звездами у подола и на груди. Мантию велел принести Фарамир; он сам накинул ее на плечи Эовин и украдкой любовался прекрасной и величавой царевной. Мантию эту носила его мать, Финдуиль Амротская, которая умерла безвременно, и память младшего сына хранила ее полузабытое очарование и свое первое жестокое горе. Он решил, что мантия под стать печальной красоте Эовин.

Но ей было холодно в звездчатой мантии, и она неотрывно глядела на север, туда, где бушевал ветер и где далеко-далеко приоткрылось бледное, чистое небо.

— Что хочешь ты разглядеть, Эовин? — спросил Фарамир.

— Черные Ворота там ведь, правда? — отозвалась она. — Наверно, он к ним подошел. Семь уже дней, как он уехал.

— Да, семь дней, — подтвердил Фарамир. — И прости меня, но я скажу тебе, что эти семь дней нежданно одарили меня радостью и болью, каких я еще не знал. Радостью — оттого, что я увидел и вижу тебя, болью — потому, что стократ потемнел для меня нависший сумрак. Эовин, меня стала *страшить* грядущая гибель, я боюсь утратить то, что обрел.

— Утратить то, что ты обрел, государь? — переспросила она, строго и жалостливо взглянув на него. — Не знаю, что в наши дни удалось тебе обрести и что ты боишься потерять. Нет уж, друг мой, ни слова об этом! Давай-ка помолчим! Я стою у края пропасти, черная бездна у меня под ногами, а вспыхнет ли свет позади — не знаю и не могу оглянуться. Я жду приговора судьбы.

— Да, мы все ждем приговора судьбы, — сказал Фарамир.

И больше не было сказано ни слова, а ветер стих, и померкло солнце, город онемел, и долина смолкла: не слышно было

ни птиц, ни шелеста листьев, ни даже дыхания. Сердца их, казалось, замерли, и время застыло.

А их руки нечаянно встретились и сплелись, и они об этом не ведали. Они стояли и ждали, сами не зная чего. И вскоре почудилось им, будто за дальними гребнями вскипулся до небес в полыхании молний вал темноты, готовый поглотить весь мир, задрожала земля и содрогнулись стены Минас-Тирита. Потом весь край точно вздохнул, и обмершие их сердца снова забились.

— Совсем как в Нуменоре, — сказал Фарамир и удивился своим словам.

— В Нуменоре? — переспросила Эовин.

— Да, — отвечал Фарамир, — в Нуменоре, когда сгинула Западная империя: черная волна поднялась выше гор, захлестнула цветущие долины, смыла все на свете, и настала великая неизбывная темнота. Мне это часто снится.

— Ты, значит, думаешь, что настает великая темнота? — спросила Эовин. — Темнота неизбывная?

И она вдруг прильнула к нему.

— Нет, — сказал Фарамир, заглянув ей в лицо. — Это мне просто привиделось. А что произошло — пока не знаю. Рассудок подсказывает, что на мир обрушилось необоримое зло, что настали последние времена. Но сердце с ним не согласно: и дышится легче, и надежда вместе с радостью пробудилась вопреки рассудку. Эовин, Эовин, Белая Дева Ристании, в этот час да отступит от нас всякая тьма!

Он наклонился и поцеловал ее в лоб.

Так стояли они на стене Минас-Тирита, и порывистый ветер развевал и смешивал черные и золотые пряди. Тень уползла, открылось солнце, и брызнул свет; воды Андуина засверкали серебром, и во всех домах столицы запели от радости, сами не зная почему.

Но не успело еще полуденное солнце склониться к западу, как прилетел огромный Орел с вестями от Ополчения. А вести его были превыше всех надежд, и он возглашал:

Пойте, ликуйте, о люди Закатной Твердыни[1],
Ибо Царству Саурона положен конец
И низвергнута Вражья Крепость.
Пойте и веселитесь, защитники стольного града!
Ибо вы сберегли отчизну,
А в пролом на месте Черных Ворот
Вошел с победою ваш Государь,
И меч его ярче молний.
Пойте же все вы, сыны и дочери Запада!

[1] Минас-Тирит издревле назывался Минас-Анор, что значит Крепость Заходящего Солнца. — *Прим. перев.*

Ибо ваш Государь возвратился
И пребудет впредь во владеньях своих
На древнем своем престоле.
И увядшее Древо вновь расцветет,
И начнется времени новый отсчет
Возле солнечной Белой Башни.
Пойте же, радуйтесь, люди!

И на всех улицах и площадях люди пели и радовались.

И потянулись золотистые дни: весна и лето слились воедино, и зацвели по-летнему гондорские луга и поля. Прискакали вестники с Каир-Андроса, и столица украшалась, готовясь встречать Государя. Мерри вызвали к войску, и он уехал с обозом в Осгилиат, где ждал его корабль на Каир-Андрос. Фарамир не поехал: исцелившись, он взял в свои руки бразды правления, пусть и не надолго, но дела не ждали, недаром же он был пока что наместник.

И Эовин осталась в Минас-Тирите, хотя брат просил ее явиться к торжествам на Кормалленском поле. Фарамир был этим слегка удивлен; впрочем, они почти не виделись, он был занят с утра до вечера, а она не покидала Палат Врачеванья, только бродила по саду, и снова стала бледная и печальная, одна во всем городе. Смотритель Палат встревожился и доложил об этом Фарамиру.

Тогда Фарамир явился к Палатам, нашел ее и снова стояли они рядом на городской стене. И Фарамир сказал:

— Эовин, почему ты осталась в городе, почему не поехала на Кормаллен за Каир-Андросом, на торжества, где тебя ждут?

Она ответила:

— А ты сам не догадываешься, почему?

Он сказал:

— Могут быть две причины, только не знаю, какая из них истинная.

— Ты попроще говори, — сказала она. — Не люблю загадок!

— Ну что ж, царевна, объясню попроще, коли хочешь, — сказал он. — Либо ты не поехала потому, что всего лишь брат твой позвал тебя и тебе не хотелось видеть Арагорна, потомка и наследника Элендила, чье торжество для тебя не в радость. Либо же потому, что я туда не поехал, а ты успела привыкнуть ко мне. Может статься, от того и от этого, и сама ты не знаешь, отчего. Скажи, Эовин, ты любишь меня или этой любви тебе не надо?

— Пусть бы меня лучше любил другой, — отозвалась она. — А жалости мне и вовсе ничьей не надо.

— Это я знаю, — сказал он. — Ты искала любви Государя

нашего Арагорна. Да, он могуч и велик, и ты мечтала разделить его славу, вознестись вместе с ним над земным уделом. Точно юный воин, влюбилась ты в полководца. Да, высоко вознесла его судьба, и он достоин этого, как никто другой. Но когда он взамен любви предложил тебе понимание и жалость, ты отвергла то и другое и предпочла умереть в бою. Погляди на меня, Эовин!

Долгим взглядом посмотрела Эовин на Фарамира, а тот промолвил:

— Эовин, не гнушайся жалостью, это дар благородного сердца! А мой тебе дар — иной, хоть он и сродни жалости. Ты — царевна-воительница, и слава твоя не померкнет вовеки, но ты, дорогая, прекраснее всех на свете, и даже эльфийская речь бессильна описать твою красоту. И я тебя люблю. Прежде меня тронуло твое горе, нынче же знаю: будь ты как угодно весела и беспечна, будь ты даже беспечальной княжной гондорской, все равно я любил бы тебя. Ты не любишь меня, Эовин?

Сердце ее дрогнуло, и увиделось все по-иному, будто вдруг минула зима и разлился солнечный свет.

— Да не может быть! — сказала она. — Я стою на стене Минас-Анора, Крепости Заходящего Солнца, и нет больше душной тьмы! Я, кажется, очнулась: я не хочу состязаться с нашими конниками и петь наши песни о радости убийственной брани. Лучше я стану целительницей, буду беречь живое, лелеять все, что растет, и растет не на погибель. — Она снова взглянула на Фарамира. — И я не хочу быть княгиней, — сказала она.

И Фарамир весело рассмеялся.

— Это хорошо, что не хочешь, — сказал он, — потому что и я не князь. Однако же я возьму замуж Белую Деву Ристании, ежели будет на то ее воля. Настанут иные, счастливые дни, и мы будем жить за рекою, в Итилии, в цветущем саду. Еще бы, каким она станет садом, на радость моей царевне!

— Так что же, витязь Гондора, из-за тебя мне разлучаться с Ристанией? — спросила она. — А твои чванные гондорцы будут говорить: «Хорош у нас правитель, нечего сказать: взял себе в жены ристанийскую наездницу! Неужели не мог подыскать получше, из нуменорского рода?»

— Пусть говорят, что хотят, — сказал Фарамир. Он обнял ее и поцеловал у всех на виду, но какое им было дело до того, кто их видит? А видели многие и смотрели, как они, осиянные солнцем, спустились со стен и пошли рука об руку к Палатам Врачеванья.

И Фарамир сказал Смотрителю Палат:

— Эовин, царевна ристанийская, вполне излечилась.

— Хорошо, — сказал Смотритель, — я отпускаю царевну из

Палат с напутствием: да не постигнет ее никакая иная хворь! И препоручаю наместнику Гондора, доколе не вернется брат ее, конунг.

Но Эовин сказала:

— А теперь я не хочу уходить, я останусь. Мне хорошо в этих Палатах, и я найду себе дело.

И она оставалась в Палатах до возвращения конунга Эомера.

Приготавливались к торжественной встрече, со всех концов Гондора стекался народ в Минас-Тирит, ибо весть о возвращении Государя разнеслась от Мин-Риммона до Пиннат-Гелина, достигнув самых отдаленных морских побережий, и все кто мог поспешили в столицу. Снова стало здесь много женщин и милых детей, вернувшихся домой с охапками цветов, а из Дол-Амрота явились арфисты, лучшие арфисты в стране, пришли и те, кто играл на виолах, на флейтах, на серебряных рогах, не заставили себя ждать и звонкоголосые певцы из лебеннинских долин.

Наконец наступил вечер, когда со стен стали видны войсковые шатры на равнине, и всю ночь в городе повсюду горели огни. Никто не ложился спать, ждали рассвета. Ясным утром взошло солнце над восточными вершинами, теперь уже не омраченными, и зазвонили все колокола, взвились все флаги, трепеща на ветру. А над Белой Башней заплескалось знамя Наместников, ярко-серебряное, как снег, озаренный солнцем; не было на нем ни герба, ни девиза, и последний раз реяло оно над Гондором.

Ополчение Запада подходило к столице, и люди смотрели со стен, как движутся строй за строем, сверкая в рассветных лучах и переливаясь серебряным блеском. Войско вышло на Воротный Тракт и остановилось за семьсот футов до стен. Ворот не было, однако вход в город преграждала цепь, и ее стерегли черно-серебряные стражники с обнаженными мечами. Перед цепью стояли наместник Государя Фарамир, Гурин, Хранитель ключей, и прочие воеводы, а также ристанийская царевна Эовин со своим сенешалем Эльфхельмом и другими витязями Мустангрима, а по обе стороны разбитых Ворот толпились горожане в разноцветных одеяниях, с охапками цветов.

Образовалась широкая площадь перед стенами Минас-Тирита, ограждали ее витязи и солдаты Гондора и Мустангрима, горожане Минас-Тирита и жители ближних стран. Все стихло, когда от войска отделился строй серо-серебряных дунаданцев, во главе которых шествовал Государь Арагорн. Он был в черной кольчуге, препоясан серебряным поясом, и ниспадала с плеч

его белая мантия, у горла застегнутая зеленым самоцветом, отблескивавшим издали; голова его была не покрыта, и сияла во лбу звезда в серебряном венце. С ним были Эомер Ристанийский, князь Имраиль, Гэндальф, весь белоснежный, и еще какие-то четыре малыша.

— Нет, дорогая кузина! Не мальчики это! — сказала Иорета своей родственнице из Имлот-Мелуи, которая стояла рядом с ней. — Это *перианы* из дальней страны невысокликов, они там, говорят, князья не хуже наших. Уж я-то знаю, я одного периана лечила в Палатах. Даром что они ростом не вышли, зато доблестью с кем хочешь померятся. Ты представляешь, кузина, такой коротыш со своим оруженосцем, вдвоем они пробрались в Сумрачный Край, напали на Черного Властелина, а потом взяли да и подожгли его чародейский замок, хочешь верь, хочешь не верь. Врать не стану, сама не видела, в городе говорят. Вот это, наверно, тот самый, что рядом с Государем нашим Элессаром, Эльфийским Бериллом. Говорят, они друзья неразлучные. А наш Государь Элессар — этот вообще чудо из чудес; ну строговат, конечно, зато уж сердце золотое, и главное — врачует наложением рук, ты подумай! Это из-за меня и открылось; я говорю: «В руках, — говорю, — Государя целебная сила», ну и догадались его позвать. Митрандир мне прямо так и сказал: «Золотые, — говорит, — слова твои, Иорета, долго их будут помнить!» — а потом...

Но Иорета не успела досказать своей деревенской родственнице, что было потом: грянула труба и вся площадь смолкла. Из Ворот выступили Фарамир с Хранителем ключей Гурином, а за ними — четверо стражников цитадели в высоких шлемах и полном доспехе; они несли окованный серебром ларец черного дерева, именуемого *лебетрон*.

Сошлись посредине площади. Фарамир преклонил колена и молвил:

— Итак, последний наместник Гондора слагает с себя полномочия! — И он протянул Арагорну белый жезл. Тот принял его и немедля возвратил со словами:

— Не кончено твое служение, оно вновь возлагается на тебя и на потомков твоих, доколе продлится моя династия. Исполняй свои обязанности!

Тогда Фарамир поднялся с колен и звонко возгласил:

— Народ и войско, внимайте слову наместника гондорского! Перед вами — законный наследник великокняжеского престола, пустовавшего почти тысячу лет. Он Арагорн, сын Араторна, вождь дунаданцев Арнора, предводитель Западного Ополчения, северный венценосец, владетель Перекованного Меча, побеждавший в битвах, исцелявший неизлечимых; он Эльфий-

ский Берилл, Государь Элессар из рода великого князя Арнора Валандила, сына Исилдура, сына Элендила Нуменорского. Как скажете, должно ли ему войти в наш Град и властвовать нашей страной?

И далеко раскатилось громогласное «да!».

А Иорета объяснила родственнице:

— Видишь ли, кузина, это просто такая у нас торжественная церемония, без нее нельзя, а вообще-то он уже входил в город, я же тебе рассказываю: явился в Палаты и говорит мне... — Но тут ей пришлось замолчать, потому что заговорил Фарамир:

— О народ Гондора, согласно преданиям, издревле заведено, чтобы на Государя нашего возлагал корону его отец перед своей кончиной; если же этого не случилось, то наследник должен один отправиться в Усыпальни и принять корону из рук покойного. Нынче мы принуждены отступить от обычая, и я, по праву наместника, повелел доставить сюда из Рат-Динена корону последнего из великих князей Эарнура, который правил нашими далекими предками.

Стражи приблизились, Фарамир открыл ларец и вознес в обеих руках древнюю корону. Она была похожа на шлемы стражей цитадели, только выше и не черная, а ярко-белая, с жемчужно-серебряными подобьями крыльев чаек: ведь нуменорцы приплыли из-за Моря. Венец сверкал семью алмазами, а сверху пламенел еще один, самый крупный.

Арагорн принял корону, поднял ее над головой и вымолвил:

— *Эт Эарелло Эндоренна утулиен. Синоме маруван ар Хильдиньяр тенн Амбар-метта!*

Таковы были слова Элендила, когда он примчался по Морю на крыльях ветров: «Великое Море вернуло наш род в Средиземье. И здесь пребудут мои потомки до скончания веков».

Однако, на удивление народу, Арагорн корону не надел, а вернул ее Фарамиру, сказав:

— Дабы почтить тех, чьими трудами и доблестью возвращено мне мое исконное наследие, да поднесет мне корону Хранитель Кольца и да коронует меня Митрандир, если он на то согласен, ибо все свершилось при свете его замыслов и это его победа.

И Фродо выступил вперед, принял корону от Фарамира и отдал ее Гэндальфу. Арагорн преклонил колена, а Гэндальф надел корону ему на голову и молвил:

— Наступают времена Государевы, и да будет держава его благословенна, доколе властвуют над миром Валары!

Когда же Арагорн поднялся с колен, все замерли, словно впервые узрели его. Он возвышался как древний нуменорский властитель из тех, что приплыли по Морю; казалось, за плечами

его несчетные годы, и все же он был в цвете лет; мудростью сияло его чело, могучи были его целительные длани, и свет снизошел на него свыше.

И Фарамир воскликнул:

— Вот он, наш Государь!

Вмиг загремели все трубы, и Великий Князь Элессар подошел к цепи, а Гурин, Хранитель ключей, откинул ее; под звуки арф, виол и флейт, под звонкое многоголосое пение Государь шествовал по улицам, устланным цветами, дошел до цитадели и вступил в нее; и расплеснулось в вышине знамя с Древом и звездами, и настало царствование Государя Элессара, о котором сложено столько песен.

И город сделался краше, чем был, по преданиям, изначально: повсюду выросли деревья и заструились фонтаны, воздвиглись заново Врата из мифрила и узорочной стали, улицы вымостили беломраморными плитами; подземные гномы украшали город, и полюбили его лесные эльфы; обветшалые дома отстроили лучше прежнего, и не стало ни слепых окон, ни пустых дворов, везде жили мужчины и женщины и звенели детские голоса; завершилась Третья Эпоха, и новое время сохранило память и свет минувшего.

Первые дни после коронования Государь восседал на троне в великокняжеском чертоге и вершил неотложные дела. Явились к нему посольства разных стран и народов с юга и с востока, от границ Лихолесья и с Дунланда, что к западу от Мглистых гор. Государь даровал прощение вастакам, которые сдались на милость победителя: их всех отпустили; заключен был мир с хородримцами, а освобожденным рабам Мордора отдали приозерье Нурнена. Многие ратники удостоились похвалы и награды, и наконец пред Великим Князем предстал Берегонд в сопровождении начальника цитадельной стражи.

И сказано было ответчику на суде государевом:

— Берегонд, ты обагрил кровью ступени Усыпальни, а это, как ведомо тебе, тягчайшее преступление. К тому же ты покинул свой пост без позволения государя или начальника. Такие провинности издревле караются смертью. Слушай же мой приговор. Вина твоя отпускается за доблесть в бою, но более всего за то, что ты преступил закон и устав из-за любви к государю своему Фарамиру. Однако стражем цитадели впредь тебе не быть, и должно изгнать тебя из Минас-Тирита.

Смертельно побледнел Берегонд, сердце его сжалось, и он понурил голову. И молвил Великий Князь:

— Да будет так! И ставлю тебя начальником над Белой Дру-

жиной, охраной Фарамира, Владетеля итилийского. Живи же в почете и с миром на Эмин-Арнене, служи и дальше тому, для кого ты пожертвовал больше чем жизнью, чтобы спасти его от злой гибели.

И тогда Берегонд понял, сколь справедлив и милосерд Государь; опустившись на колени, он поцеловал ему руку и удалился, радостный и спокойный. Арагорн же, как было сказано, отдал Фарамиру в вечное владение Итилию и в придачу к ней нагорье Эмин-Арнен, невдалеке от столицы.

— Ибо Минас-Итил в Моргульской долине, — сказал Арагорн, — будет снесен до основания, и когда-нибудь долина очистится, но пока что многие годы жить там нельзя.

Когда же явился к Государю Эомер Ристанийский, они обнялись, и Арагорн сказал:

— Не оскорблю тебя ни восхвалением, ни воздаянием: мы ведь с тобою братья. В добрый час примчался с севера Эорл, и благословен был наш союз, как никакой другой; ни единожды не отступились от него ни вы, ни мы и не отступимся вовеки. Нынче, как сами знаете, славный конунг Теоден покоится у нас в Усыпальне, и коли вы захотите, там и пребудет, среди властителей Гондора. Или же, по желанию вашему, мы перевезем тело его в Мустангрим, где он возляжет рядом с предками.

И ответствовал Эомер:

— С того дня, как возник ты предо мною в зеленой степной траве, я полюбил тебя, и полюбил навсегда. Но сейчас должно мне отвести войско в Ристанию и устроить мирную жизнь на первых порах. А за конунгом, павшим в бою, мы в свое время вернемся; пусть он дотоле покоится в гондорской Усыпальне.

И сказала Эовин Фарамиру:

— Мне надо вернуться в свою страну, еще раз взглянуть на нее и помочь брату в его трудах; когда же тот, кого я столь долго почитала отцом, обретет вечный покой близ Эдораса, я приеду к тебе.

Так и прошли дни ликования. Восьмого мая конники Ристании изготовились и отъехали Северным Трактом, а с ними отбыли и сыновья Элронда. От городских ворот до стен Пеленнора по обе стороны тракта толпились люди, пришедшие проводить союзников с прощальной благодарностью. Затем жители дальних окраин Гондора отправились домой праздновать победу, а в городе всем хватало работы — возводить заново или перестраивать то, что разрушила война и запятнала Тень.

Хоббиты, а с ними Леголас и Гимли остались в Минас-Тирите: Арагорн просил Хранителей пока что держаться вместе.

— Все на свете кончается, — сказал он, — однако же немного погодите: не все еще кончилось из того, в чем мы с вами были соучастниками. Близится день, для меня давным-давно долгожданный, и, когда он настанет, я хочу, чтобы любимые друзья были рядом.

Но о том, что это за день, он не обмолвился.

Бывшие Хранители Кольца жили вместе в роскошном доме, и Гэндальф никуда не девался, а уж гуляли они где им вздумается. И Фродо как-то сказал Гэндальфу:

— Ты-то хоть знаешь, какой такой день, о котором говорит Арагорн? А то, конечно, хорошо нам здесь и торопиться вроде бы некуда, только дни-то уходят, а Бильбо ждет, да и в Хоббитанию пора бы все-таки вернуться.

— Ну, насчет Бильбо, — сказал Гэндальф, — так он ждет того самого дня и отлично знает, отчего тебя нет. А что дни уходят, это верно, однако на дворе май, лето все еще не слишком близко; и, хотя многое на свете, кажется, изменилось с началом нового века, все же деревья и травы живут по своему счету, у них и года не прошло, как вы расстались.

— Видал, Пин, — сказал Фродо, — вот ты говорил, будто Гэндальф, мол, стал словоохотлив, не то что раньше! Да это он, я так понимаю, было дело, слегка подустал. Теперь он снова Гэндальф как Гэндальф.

А Гэндальф сказал:

— Все-то всегда хотят знать заранее, что поставят на стол, но те, кто готовит трапезу, болтать не любят: чем неожиданнее, тем радостнее. Арагорн, кстати сказать, и сам ждет знака.

В один прекрасный день Гэндальф как в воду канул, и хоббиты с Леголасом и Гимли только руками разводили. А Гэндальф еще ночью увел Арагорна далеко за стены, к южному подножию Миндоллуина. Там отыскалась давным-давно забытая тропа, по которой некогда восходили на гору лишь Великие Князья, уединяясь для размышления и созерцания. По кручам поднялись они к возвышенному плато у самой кромки вечных снегов, стали над пропастью за Минас-Тиритом и огляделись, благо уже рассвело. Далеко внизу видны были городские башни, точно белоснежные стебли, озаренные утренним солнцем, и как сад простиралась долина Великой Реки, а Изгарные горы подернула золотистая дымка. На севере смутно серело Приречное Взгорье, и дальней звездой мерцал вспененный Рэрос; широкая серебряная лента Андуина тянулась на юг, к Пеларгиру, туда, где край небес сиял отсветом Моря.

И Гэндальф сказал:

— Вот оно, твое нынешнее царство, а станет оно несравнен-

но больше. Третья Эпоха кончилась, наступают иные времена, и тебе суждено определить их начало, сохранив все, что можно сохранить. Многое удалось спасти — и многое уйдет безвозвратно: более не властны в Средиземье Три Эльфийских Кольца. Все земли, какие ты видишь, и те, что лежат за ними, заселят люди, ибо настал черед их владычества, а Первенцы Времен рассеются, сгинут или уплывут.

— Это я знаю, дорогой мой друг, — сказал Арагорн, — но ты-то останешься моим советником?

— Ненадолго, — отозвался Гэндальф. — Я из Третьей, ушедшей Эпохи. Я был главным противником Саурона, и мое дело сделано. Пора мне уходить. Теперь в ответе за Средиземье ты и твои сородичи.

— Но ведь я скоро умру, — сказал Арагорн. — Я всего лишь смертный, и хотя нам, прямым потомкам нуменорцев, обычно сужден долгий век, но и он скоротечен: когда состарятся те, кто сейчас в материнском чреве, я тоже буду стариком. Что тогда случится с Гондором и со всеми теми, для кого станет столицей Минас-Тирит? Древо в Фонтанном Дворе по-прежнему иссохшее, ни почки нет на нем. Увижу ли я верный залог обновления?

— Отведи глаза от цветущего края и взгляни на голые холодные скалы! — велел Гэндальф.

Арагорн повернулся, окинул взором кремнистый склон под снеговой шапкой и, всмотревшись, увидел посреди пустоши одинокое деревце. Он взобрался к нему: да, деревце, едва ли трехфутовое, возле оснеженной наледи. Уже распустились листочки, продолговатые, тонко выточенные, темно-зеленые с серебристым исподом; у верхушки искрилось, словно снег под солнцем, маленькое белое соцветие.

И Арагорн воскликнул:

— *Йе! Утувьенес!* Я нашел его! Это же отпрыск Древнейшего Древа! Но как он здесь оказался? Он не старше семи лет!

Гэндальф подошел, взглянул и молвил:

— Воистину так: это сеянец прекрасного Нимлота, порожденного Галатилионом, отпрыском многоименного Телперио-на, Древнейшего из Деревьев. А как он оказался здесь в урочный час — этого нам знать не дано. Однако же именно здесь было древнее святилище, и, должно быть, семя Нимлота зарыли в землю еще до того, как прервался род Великих Князей и иссохло Белое Древо. Предания говорят, что плодоносит оно редко, но семя его сохраняет животворную силу многие века и никому не ведомо, когда оно прорастет. Запомни мои слова: если вызреет его плод, все до единого семена должны быть посажены, чтобы Древо не вымерло. Да, тысячу лет пролежало оно, сокры-

тое в земле, подобно тому, как потомки Элендила таились в северных краях. Но род Нимлота куда древнее твоего, Государь Элессар.

Арагорн бережно потрогал деревце, а оно на диво легко отделилось от земли, и все корни его остались в целости, и Арагорн отнес его во двор цитадели. Иссохшее древо выкопали с великим почетом и не предали огню, но отнесли покоиться на Рат-Динен. А на месте его, у фонтана, Арагорн посадил юное деревце, и оно принялось как нельзя лучше; к началу июня оно было все в цвету.

— Залог верный, — молвил Арагорн, — и, стало быть, недалек лучший день моей жизни.

И он выставил на стены дозорных.

За день до солнцеворота примчались в столицу гонцы с гор Амон-Дин и возвестили о том, что в Гондор явилась с севера конная дружина эльфов, что они уже возле стен Пеленнора. И сказал Арагорн:

— Наконец-то! Пусть город готовится к великому празднеству!

В канун солнцеворота, под вечер, когда в сапфирном небе на востоке зажигались светлые звезды, а запад еще золотил закат и веяло душистой прохладой, северные гости приблизились к воротам Минас-Тирита. Впереди ехали Элроир и Элладан с серебряным стягом, затем — Горислав, Эрестор и все домочадцы Элронда, а следом — владыки Кветлориэна, Галадриэль и Селербэрн на белых конях во главе эльфийской свиты, облаченной в серые плащи, с самоцветами в волосах; шествие замыкал властительный Элронд, равно прославленный между людей и эльфов, и в руке у него был скипетр Ануминаса, древней столицы Арнора. А рядом с ним на сером иноходце ехала дочь его Арвен, эльфийская Вечерняя Звезда.

Алмазным блеском лучился ее венец; казалось, вечер заново озарило нежное сияние ее благоуханной прелести, и, задыхаясь от восторга, Фродо обратился к Гэндальфу:

— Наконец-то я понимаю, чего мы дожидались. И дождались. Теперь мы не только дню будем радоваться, ночь тоже станет прекрасной и благодатной. Кончились наши страхи!

Государь приветствовал своих гостей, и они спешились. Элронд отдал ему скипетр и соединил руку своей дочери с рукой Арагорна. Шествие двинулось вверх по улицам, и все небо расцвело звездами. Так Арагорн, Великий Князь Элессар, обручился с Арвен Ундомиэль в великокняжеском граде накануне солнцеворота, и кончилась их долгая разлука, и сбылись их ожидания.

Глава VI

РАССТАВАНИЯ

Дни празднества миновали: пора было и честь знать, домой отправляться. Фродо пошел к Государю; они с княгиней Арвен сидели у фонтана, возле цветущего Древа, она играла на лютне и пела старинную валинорскую песню. Оба они были ему рады, оба встали навстречу, и Арагорн сказал:

— Ты, верно, домой собрался, Фродо. Что ж, всякому деревцу родная земля слаще, но ты уж помни, дорогой друг, что теперь твоя родина — весь Западный Край и везде ты желанный гость. Правда, доныне твой народ не был прославлен в величавых преданиях, зато теперь прославится больше, чем иные погибшие царства.

— Да и то сказать, тянет меня в Хоббитанию, — отозвался Фродо. — Но все же сначала надо бы в Раздол. Если кого не хватало в эти радостные дни, так это Бильбо; я очень огорчился, что его не было среди домочадцев Элронда.

— Чему тут огорчаться или удивляться, Хранитель? — спросила Арвен. — Ты же знаешь, какова страшная сила Кольца, которое ты истребил. Все, что ни сделано этой силой, все распалось. А твой родич владел Кольцом дольше, чем ты, очень долго владел. Даже по-вашему он уже древний старик и ждет тебя, а ему путешествовать больше невмочь.

— Тем скорее надо мне ехать к нему, — сказал Фродо.

— Поедешь через семь дней, — сказал Арагорн. — Мы ведь далеко тебя проводим, до самой Ристании. Дня через три вернется Эомер — за телом Теодена, и мы поедем вместе с ним: что надо, то надо. Кстати же, подтверждается тебе завет Фарамира: ты вправе быть в пределах Гондора, когда и где тебе угодно, с любыми спутниками. Хотел бы я вознаградить тебя за твои подвиги, однако же нет для тебя достойной награды, бери что хочешь, а почести тебе в нашей земле всегда будут княжеские.

Но княгиня Арвен сказала:

— Есть для тебя награда. Недаром же я дочь Элронда. Когда он отправится в Гавань, я не пойду с ним: как и Лучиэнь, я выбрала смертную долю, и выбор мой столь же горек и столь же отраден. Ты, Хранитель, если пожелаешь, займешь мое место. Быть может, раны твои нестерпимо заноют или надавит страшным бременем память — что ж, тогда плыви на Запад, где и раны твои исцелятся, и усталость исчезнет. Вот возьми и носи на память об Элессаре и Арвен, чью участь решила твоя судьба!

И она сняла кулон на серебряной цепочке — жемчужину, впитавшую звездный блеск, — и надела его на шею Фродо.

— Это поможет тебе, — сказала она. — Защитит от наплыва тьмы и ужаса.

Через три дня, как и было сказано, конунг Эомер Ристанийский подъехал к Вратам во главе эореда из лучших витязей Мустангрима. Его встретили с должным почетом, и за праздничной трапезой в Меретронде, Обеденном Чертоге, он был поражен красотой обеих государынь. После трапезы он не пошел отдыхать, а попросил, нельзя ли вызвать к нему гнома Гимли.

Когда же Гимли явился, Эомер ему сказал:

— Гимли, сын Глоина, секира у тебя под рукой?

— Нет, государь, — сказал Гимли, — но за ней в случае чего недолго и сходить.

— Сам рассудишь, — сказал Эомер. — Помнится, вышла у нас размолвка насчет Владычицы Златолесья, и покамест размолвка не улажена. Так вот, нынче я видел Владычицу воочию.

— Ну и что же, государь, — спросил Гимли, — что ты скажешь теперь?

— Увы! — отвечал Эомер. — Не могу признать ее первой красавицей.

— Тогда *я пошел* за секирой, — сказал Гимли.

— Но сперва позволь хоть немного оправдаться, — сказал Эомер. — Видел бы я ее раньше, где других никого не было, я бы сказал все твои слова и к ним бы еще добавил. Но теперь скажу иначе: первейшая красавица у нас — великая княгиня Арвен, Вечерняя Звезда, и если кто не согласен, то я сам вызываю его на бой. Так что, послать за мечом?

Гимли низко склонил голову.

— Нет, государь, со мной у тебя не будет поединка, — сказал он. — Ты выбрал закатную прелесть, меня же пленила утренняя. И сердце мое говорит, что утро — не наша участь, что мы видим утро в последний раз.

Настал наконец прощальный день — великолепный кортеж отъезжал на север. Великий Князь Гондора и конунг Мустангрима спустились в Усыпальни, и из гробниц Рат-Динена вынесли на золотых носилках конунга Теодена и пронесли его к воротам притихшего города. Носилки возложили на высокую колесницу, окруженную ристанийскими конниками, и знамя Ристании реяло впереди. Оруженосец Теодена Мерри ехал на колеснице, берег доспех конунга.

Всем Хранителям подобрали коней по росту. Фродо и Сэммиум оказались по правую руку Арагорна, слева был Гэндальф на Светозаре, Пин — в отряде цитадельных стражников Гондора, а Леголас и Гимли ехали где случится, вдвоем на своем Ароде.

Были тут и княгиня Арвен, и Селербэрн с Галадриэлью, а с ними вся их эльфийская свита, Элронд с сыновьями, князья Дол-Амрота и владетели итилийские, много было вельмож и воевод. Никогда еще так не провожали ристанийцев из Гондора, и с великой свитой отправился Теоден, сын Тенгела, в дом своих предков.

Неспешно и бестревожно доехали они до Анориэна, до лесистых склонов Амон-Дина, и нагорье встретило их как бы барабанным гулом, хотя на глаза никто не показывался. По велению Арагорна затрубили трубы, и глашатаи объявили:

— Внемлите слову Великого Князя Элессара! Друаданский лес отдается навечно во владение Ган-бури-Гану и его народу! Отныне без их позволения да не ступит сюда ничья нога!

В ответ прогрохотали и стихли барабаны.

На шестнадцатый день пути колесница с останками конунга Теодена, проехав по зеленым ристанийским полям, достигла Эдораса. Золотой чертог был пышно разубран и ярко освещен, и такого пиршества, как поминальное, не бывало здесь от основания дворца. Хоронили Теодена через три дня, в гробницу его положили в полном доспехе, а при нем его оружие и множество драгоценной утвари. Над гробницей насыпали высокий курган и обложили его дерном в белых звездочках цветов-поминальников. Теперь с восточной стороны Кладбищенской дороги стало восемь курганов.

И дружинники конунга на белых конях поехали вокруг нового могильника и завели песнь о Теодене, сыне Тенгела, которую сочинил менестрель конунга Глеовин; с тех пор он песен больше не сочинял. Медленное пение словно завораживало тех, кто не знал здешнего наречия, у ристанийцев же просветлели глаза, им послышался с севера топот и громовой клич Эорла, разнесшийся над сечей в долине Келебранты. Воспевались деяния конунгов, и рог Хельма трубил в горах, но потом надвинулась Великая Тьма, и поднял войско конунг Теоден, и помчался сквозь мрак в огонь, и погиб, сражаясь, в час, когда поутру нежданное солнце прорвало затмение и озарило вершину Миндоллуина.

Из черного сумрака он помчался навстречу рассвету
И пел, обнажая яркий, как солнце, меч.
Надежду воспламенил он и с надеждой погиб,
Вознесшись над смертью, над ужасом и над судьбой,
Он утратил бренную жизнь и обрел нетленную славу.

А Мерри стоял у подножия зеленого кургана и плакал. Когда же песнь отзвучала, он горестно воскликнул:

— Конунг Теоден, о, конунг Теоден! О, как ненадолго ты заменил мне отца! Прощай!

Завершилось погребение, утих женский плач, конунга Теодена оставили в могиле вкушать вечный покой, и люди снова собрались в золотом чертоге для великого пиршества, чтобы отринуть печаль, ибо Теоден сполна прожил свой земной срок и умер как герой, не посрамив царственных предков. Согласно обычаям, настал черед памятной чаши в честь всех ушедших владык Мустангрима, и тогда выступила вперед царевна ристанийская Эовин, золотая, как солнце, и белая, словно снег. Она поднесла Эомеру полную до краев чашу.

И встал менестрель, и поднялся научитель преданий. Они назвали все имена мустангримских властителей в достодолжном порядке: Отрок Эорл, Брего, строитель дворца, Алдор, брат злосчастного Бальдора, Фреа и Фреавин, Голдвин, Деор и Грам, а также и Хельм, укрывшийся в Хельмовом ущелье, когда враги заполонили Ристанию; его курган был последним из девяти на западе. И воспоследовал песенный перечень конунгов, похороненных с восточной стороны: Фреалаф, племянник Хельма, Леофа, Вальда, Фолька и Фольквин, Фенгел, Тенгел и сын его Теоден. Когда же был назван последний, Эомер осушил чашу и повелел виночерпиям чаши наполнить, и поднялись все, возгласивши:

— Живи и здравствуй, Эомер, конунг Мустангрима!

Под конец встал сам Эомер, молвив:

— Пиршество наше — погребальное, мы провожаем в последний путь конунга Теодена, но да озарится оно радостной вестью, и больше всех был бы рад ей покойный конунг, ибо сестру мою Эовин он любил как родную дочь. Слушайте ж, гости, доселе здесь небывалые, пришельцы из дальних краев! Фарамир, наместник Гондора, Владетель итилийский, просит руки Эовин, царевны Ристании, и она ничуть тому не противится. Итак, оглашаю их помолвку, все будьте свидетелями.

Фарамир и Эовин выступили вперед рука об руку, и зазвенели в честь их заздравные чаши.

— Ну что ж, — сказал Эомер, — теперь союз Ристании с Гондором скреплен заново, и я этому радуюсь больше всех.

— Не поскупился же ты, Эомер, — сказал Арагорн, — отдавая Гондору драгоценнейшее, что есть в твоем царстве!

А Эовин взглянула в глаза Арагорну и сказала:

— Пожелай мне счастья, Государь мой и мой исцелитель!

А он отвечал:

— Я желал тебе счастья с тех пор, как тебя увидел. Нынче же счастье твое — великая отрада моему сердцу.

Закончилась тризна, и собрались в путь гости конунга Эомера. Уезжали Арагорн со своими витязями, эльфы Лориэна и Раздола; Фарамир и Имраиль остались в Эдорасе; осталась и

Арвен, распростившись с братьями. Как прощалась она с отцом, никто не видел: они ушли в горы и долго-долго беседовали, горько было их расставание на веки вечные.

Перед самым отъездом Эовин с Эомером пришли к Мерри, и на прощание было ему сказано:

— Счастливого тебе пути, Мериадок из Хоббитании, Кравчий Мустангрима! Поскорее наведайся к нам, мы будем тебе рады!

И сказал Эомер:

— Соблюдая обычаи древности, надо было бы за твои подвиги на поле у Мундбурга так нагрузить твою повозку, чтобы ее лошади с места не стронули, но ты ведь не хочешь ничего взять, кроме оружия и доспехов, которые и так твои. Что ж, будь по-твоему, ибо я и вправду не знаю даров, тебя достойных. Но сестра все же просит тебя принять хотя бы это — в память о ратнике Дернхельме и о раскатах ристанийских рогов на том незабвенном рассвете.

И Эовин протянула Мерри древний серебряный рог на зеленой перевязи, маленький, но изукрашенный искусной резьбой: вереница скачущих всадников вилась от мундштука к раструбу и загадочные руны были начертаны на серебре.

— Это наше семейное сокровище, — сказала Эовин. — Работа гномов, из того, что награбил Ската — был такой дракон. Когда же его убили, наши и гномы поссорились из-за добычи. Рог этот привез с севера Отрок Эорл. Он нагоняет страх на врагов и веселит сердца друзей, и друзьям всюду слышен его призыв.

Мерри принял подарок: как было отказаться? — и поцеловал руку Эовин. Все трое обнялись и расстались в надежде на встречу.

Словом, все были готовы: выпили прощальные чаши, выслушали добрые напутствия, да и сами не остались в долгу. Гости отправились к Хельмову ущелью и там отдыхали два дня. Леголас что обещал Гимли, то и исполнил — пошел с ним в Блистающие Пещеры; по возвращении эльф помалкивал, сказал только, что пусть говорит Гимли, у него слова найдутся.

— Уж в словесной-то битве никогда еще гном не побеждал эльфа, это первый раз, — добавил он. — Ну ладно, вот попадем в Фангорн, авось сравняемся!

Из Ущельного излога они выехали к Изенгарду и увидели, как поработали онты. Стены они все снесли, камни убрали, и был внутри Изенгарда пышный фруктовый сад, бежала сквозь него быстрая река, а посреди сияло озеро, и в нем отражалась башня Ортханка в своей нерушимой черно-каменной броне.

Путники немного посидели на месте прежних изенгардских ворот; там будто часовые стояли два высоких дерева, а за ними открывалась зеленая аллея к Ортханку. Они смотрели и дивились, как много можно сделать за недолгое время, и ни живой души рядом не было. Однако же скоро послышалось: «Кгум-кгум, кхум-кхум!» — и в аллее появился Древень, а рядом с ним Скоростень.

— Привет гостям Ортханкского Сада! — молвил он. — Мне сказали, что вы тут неподалеку объявились, но я работал в долине, много еще работы. Вы там, правда, как я слышал, на юге и на востоке тоже не дремали, хорошо поработали, очень даже хорошо.

И Древень похвалил их, обстоятельно перечислив все происшествия: он, оказывается, обо всем знал. Наконец он замолк и долго смотрел на Гэндальфа.

— Ну-ну, — сказал он, — говорил же я, что ты из магов маг. Славно ты потрудился — и под конец одолел Врага. Теперь-то куда едешь? И сюда с чем заглянул?

— Заглянул посмотреть, что ты поделываешь, друг мой, — сказал Гэндальф, — и еще затем, чтобы вас поблагодарить. Без вас бы нам не справиться.

— Кгум, ну что же, оно, пожалуй, верно, — подтвердил Древень, — онты, и то сказать, лицом в грязь не ударили. Насчет этого, кгум, древоубийцы, который торчал здесь в башне, — само собой. Тут ведь еще набежали, числа им не было, *бурарум*, эти, как их, подлоглазые-косорукие-кривоногие-жесткосердные-озверелые-непотреб-ные-кровожадные, *моримайте-синкахонда*, кгум, ну, вы народ торопливый, а их длинное имя выросло за долгие годы мучений, какие мы претерпели от этих, по-вашему, просто мерзостных орков; так вот, пришли они из-за Реки, и с севера, и отовсюду вокруг Лаурелиндоренана, туда-то они не могли, слава Вышним, пробраться.

И он поклонился Владыке и Владычице Лориэна.

— Вот, значит, они, гнусь такая, очень удивились, что мы здесь, они про нас даже и не слышали, хотя про нас и всякий хороший народ тоже не слышал. А эти нас едва ли запомнят, живых-то немного осталось, а какие остались, те потонули в Реке — большей частью. Но вам-то повезло, потому что, не будь нас здесь, степной царь-конунг недалеко бы уехал, а уехал бы — возвращаться было бы некуда.

— Что другое, а это мы знаем, — сказал Арагорн, — и никогда не забудем этого ни в Минас-Тирите, ни в Эдорасе.

— Ну, *никогда* — это слово длинное даже для меня, — отозвался Древень. — Ты хочешь сказать — до тех пор, покуда пребудут ваши царства, но жизнь онтов куда дольше.

— Начинается новая жизнь, — сказал Гэндальф, — теперь и

такое может случиться, что царства людские переживут тебя, друг мой Фангорн. Ты мне лучше вот что скажи: помнишь, о чем я тебя просил? Саруман-то что? Ортханк ему не надоел? Вряд ли ему нравится глядеть из окон, что ты тут устраиваешь.

Древень хитро посмотрел на Гэндальфа; очень уж хитро, как показалось Мерри.

— Ага! — сказал он. — Я как раз и думаю: может, ты спросишь, не надоел ли ему Ортханк? Еще как надоел, но не столько Ортханк, сколько мой голос. Кгу-умм! Уж я его усовещивал — может, и длинно, если судить по-вашему.

— Как же он терпел? Ты, что ли, сам заходил в Ортханк? — спросил Гэндальф.

— Я-то? Кгу-ум, нет уж, я в Ортханк не заходил, — отозвался Древень. — Это он подходил к окну и слушал, откуда же ему еще было набраться новостей, хотя новости ему очень не нравились. Он их слушал в оба уха, и уж я позаботился, чтобы он все услышал. И прибавил к новостям много такого, что ему полезно послушать. Он чуть не на стену лез. Торопыга, что говорить. Оттого и сгинул.

— Я вот замечаю, друг мой Фангорн, что ты говоришь как бы невзначай в прошедшем времени: «слушал, лез, сгинул». Это как? Он что, умер?

— Да вроде бы пока что не умер, — сказал Древень. — Только вот нет его. Ну да, уже семь дней как нет. Я его выпустил. От него мало что осталось, когда он уходил, а уж от этого его гаденыша — едва одна тень. Ты мне вот что, ты не говори мне, Гэндальф, что я, мол, обещался его стеречь. Обещал-то я обещал, но с тех пор много всякого случилось. Он у меня до поры и сидел, чтобы чего не натворил. Ты-то лучше меня знаешь, что я пуще всего не люблю держать живую тварь взаперти, а нет надобности — так и не надо. Пускай себе змея ползает, коли в клыках у нее нет яду!

— Да, это ты, пожалуй, прав, — сказал Гэндальф, — только у этой змеи, боюсь, яд остался. Голос у него ядовитый, и ты, Древень, уж на что мудрый, а поддался на его уговоры, он ведь знает, как тебе польстить. Ладно уж, нет его, и пошел он к лешему. Только вот башня-то Ортханка все-таки принадлежит князю. Ну разве что она ему покамест не понадобится.

— Это мы посмотрим, — сказал Арагорн, — пусть онты и дальше здесь распоряжаются, лишь бы глядели за Ортханком: сюда никто не войдет?

— Заперта башня, — сказал Древень. — Я велел Саруману ее запереть и отдать мне ключи. Они у Скоростеня.

Скоростень склонился, точно дерево под ветром, и вручил Арагорну два черных узорчатых ключа на стальном кольце.

— Еще раз тебе спасибо, — сказал Арагорн, — и до свида-

ния. Лес твой пусть растет мирно и пышно. А когда зарастет равнина, хватит тебе места к западу от гор, где ты, бывало, бродил.

Древень опечалился.

— Леса-то вырастут, — сказал он. — Вырастут, разрастутся. А онты — нет. Где у нас малыши?

— Зато ищи теперь за своими пределами, — сказал Арагорн. — Ведь края на востоке открыты, теперь тебе никто не мешает.

Но Древень грустно покачал головой.

— Далеконько туда идти, в незнакомые края, — сказал он. — И уж очень там много людей развелось! Заговорился я, правда, простите! Может, вы отдохнете, побудете у нас? Через Фангорн можно поехать — путь-то короче.

И он поглядел на Келеборна и Галадриэль.

Но, кроме Леголаса, все торопились домой — на юг или на запад.

— Ладно, Гимли, пошли! — сказал Леголас. — С позволения самого Фангорна я таки навещу все здешние низины и погляжу на деревья, каких нигде больше нет в Средиземье. И ты, Гимли, никуда не денешься, уговор дороже денег: сперва напрямик через Фангорн в Лихолесье, а там и до вас рукой подать.

Гимли согласился, хотя, похоже, без всякой радости.

— Ну, вот и конец нашему содружеству Хранителей! — сказал Арагорн. — И все же надеюсь, что вы не замедлите вернуться в наши края — и вернетесь с великой подмогой.

— Вернемся, ежели нас отпустят, — сказал Гимли. — Прощайте, стало быть, милые мои хоббиты! Сделайте одолжение, возвращайтесь домой целы и невредимы, а то что же мне из-за вас беспокоиться! Будет вам весточка, будьте уверены, да еще, глядишь, и увидимся; боюсь только, не все соберемся.

Древень попрощался со всеми поочередно и трижды поклонился Селербэрну и Галадриэли — неторопливо поклонился и очень уважительно.

— Давно уж, давненько мы не виделись, стволы и камни не упомнят. Да уж, — сказал он, — *а ванимар, ванималион ностари!* Оно вроде бы и грустно, что только под конец привелось свидеться. Да, весь мир нынче меняется: вода не та, земля другая, да и воздух какой-то не такой. Ну ладно, повидались все-таки напоследок, а больше-то, наверно, и не увидимся.

— Пожалуй что и так, о Старейший, — отозвался Селербэрн.

Но Галадриэль сказала:

— Нет, в теперешнем Средиземье мы не увидимся, пока не всплывут из морской пучины затонувшие земли Белерианда.

А тогда, может статься, и встретим новую весну в ивняках Тасаринена. До нескорого свидания!

Мерри и Пин прощались со старым онтом последними, и он повеселел, глядя на них.

— Ну что, резвые мои малыши, — пророкотал он, — а не испить ли нам с вами водицы на дорожку?

— Мы с удовольствием, — в один голос сказали они, и Древень повел их в древесную сень, где стояла большая каменная корчага. Он с краями наполнил три кубка, и хоббиты не спеша пили; пил и он, не сводя с них огромных таинственных глаз.

— Вот, пожалуй, с вас и хватит, — лукаво заметил он. — Ишь ведь как выросли с прошлого-то раза!

Они рассмеялись и осушили кубки.

— Ладно, пока прощайте, — сказал Древень. — И если дойдет до вас какая молва про онтиц — пришлите мне весточку.

Он помахал всем своей ручищей и скрылся среди деревьев.

Теперь они поехали быстрее, направляясь к Вратам Ристании, и распрощались с Арагорном близ того места, где Пин сунул нос в ортханкский *палантир*. Хоббиты приуныли: сколько довелось им пройти с Арагорном, из скольких бед он их выручил!

— Эх, нам бы теперь палантир, чтоб видеться и разговаривать с далекими друзьями! — вздохнул Пин.

— Для этого годится только один, — сказал Арагорн. — В Зрячем камне Минас-Тирита ты ничего не углядишь, а что увидишь — не поймешь. Ортханкский же палантир нужен Государю, чтобы озирать свои владения и не терять из виду своих подданных. Ты, кстати, не забывай, Перегрин Крол, что ты гондорский витязь. Даю тебе бессрочный отпуск, но в любой день могу снова призвать тебя в строй. И помните, дорогие мои друзья-хоббиты, что северные земли тоже мне подвластны и что раньше или позже я туда наведаюсь.

Затем Арагорн простился с Селербэрном и Галадриэлью, и Владычица сказала ему:

— Эльфийский Берилл, мрак рассеялся, и все надежды твои сбылись. Живи же счастливо!

— Прощай, родич! — сказал Селербэрн. — Да не постигнет тебя моя судьба, да пребудет царство твое в целости и сохранности!

Час был вечерний, и когда они, отъехав с милю, обернулись, то увидели Государя Элессара и его витязей в лучах закатного солнца: червонным золотом сверкали сбруи и пламенела белая мантия Арагорна. Он воздел руку, и ярким прощальным блеском вспыхнул зеленый берилл.

Вслед за излучиной Изена они свернули на запад и выехали через Врата Ристании в Дунланд, на Сирые Равнины. Дунландцы разбегались и прятались при виде эльфов, хотя эльфы сюда забредали редко. Путники же на туземцев внимания не обращали: напасть не осмелятся, а припасов у них было вдосталь. Ехали они снова не спеша, разбивали шатры когда и где вздумается.

На шестой день после разлуки с Арагорном проезжали редколесье у западных подножий Мглистых гор. К закату выехали на опушку и нагнали старика с посохом, в грязновато-белых, не то серых лохмотьях; за ним тащился другой нищеброд, стеная и причитая.

— Да это ты, Саруман! — сказал Гэндальф. — Куда путь держишь?

— Тебе-то что? — отозвался тот. — Хочешь, как прежде, мне указывать, не нарадовался моей беде?

— Ответы сам знаешь, — сказал Гэндальф. — И указывать тебе не хочу, и беде твоей не радуюсь. Близится конец моим заботам: нынче обо всем печется Государь. Дождался бы ты его в Ортханке — изведал бы его мудрость и милосердие.

— Хорошо хоть успел уйти вовремя, — сказал Саруман, — пусть подавится своей мудростью и милосердием. Так и быть, отвечу на твой вопрос: я выбираюсь из его государства.

— И опять ты избрал неверный путь, — заметил Гэндальф. — Этак ты никуда не выберешься. Значит, помощь нашу ты отвергаешь? Ибо она тебе предлагается.

— Помощь? Мне? — процедил Саруман. — Нет уж, чем так улыбаться, ты лучше скалься. И Владычице я не верю: она всегда ненавидела меня и строила козни тебе на пользу. Да и сейчас, наверно, повела вас этим путем, чтобы полюбоваться на мое унижение. Знал бы я, что вы за мной гонитесь, не пришлось бы вам злорадствовать.

— Саруман, — сказала Галадриэль, — есть у нас дела и заботы поважнее, чем гоняться за тобой. Тебе просто-напросто повезло: в последний раз осенила тебя удача.

— Если и точно в последний, то я этому рад, — отозвался Саруман, — больше, стало быть, не осенит, вот и спасибо. Мои удачи все позади, а ваших мне не надо. Да и так ли уж вы удачливы? — И глаза его злобно засветились. — Езжайте, езжайте! — напутствовал он. — Я недаром был книжником столько долгих веков. Вы обречены, вы своими руками погубили себя. В скитаниях я буду тешиться мыслью, что, разрушив мой дом, вы низвергли свой собственный. И что же это будет за корабль, который унесет вас в безбрежный океан? — ядовито спросил он. — Это будет серый корабль, полный призраков. — И он разразился скрипучим, зловещим смехом. — Вставай, дурак! — крик-

нул он своему спутнику, который, съежившись, сидел на земле, и ударил его посохом. — Пошевеливайся! Нам с этой знатью не по пути, придется сворачивать. Живей, а то ни корки хлеба не дам на ужин!

Сгорбленный нищий с кряхтением поднялся на ноги, хныча:

— Бедный, бедный старый Грима! Бьют его и ругают, ругают и бьют. Да будь он проклят! Ох, как же мне уйти от него!

— Уходи — и все тут! — сказал Гэндальф.

Но Гнилоуст вскинул на Гэндальфа выцветшие глаза, вздрогнул от ужаса и заковылял вслед за Саруманом. Возле хоббитов Саруман остановился и ненавистно поглядел на них; те смотрели жалостливо.

— Ах, и мелюзга тоже явилась потешаться над нищим! — сказал он. — А может, милостыньку подадите? Вон какие вы сытенькие, разодетые, все-то у вас есть, и отменного табачку небось тоже хватает. Знаем, знаем, откуда он у вас. Отсыпьте щепотку бедняге нищеброду, а?

— Я бы с радостью, но у меня нет, — сказал Фродо.

— Погоди-ка, — сказал Мерри, — у меня немного осталось, возьми вот. — Он спешился, пошарил в седельной сумке и протянул Саруману кожаный кисет. — Сколько там есть, все твое. Кури на здоровье — это с развалин Изенгарда!

— Мой это, мой табак, за него уплачено с лихвой! — воскликнул Саруман, хватая кисет. — Всего лишь подачка — уж вы там, конечно, награбились всласть. Что ж, спасибо и на том: вор, как говорится, на возврат не торговат. Поделом же вам будет, когда в Южном уделе вы увидите то, что увидите! Да поразит ваши земли табачный недород на многие годы!

— Спасибо на добром слове! — сказал Мерри. — Только уж тогда изволь вернуть кисет, он не твой, я протаскал его за тридевять земель. Пересыпь зелье в свою тряпицу!

— Вор на вора наскочил, — сказал Саруман, повернулся спиной к Мерри, пнул Гнилоуста и направился в лес.

— Ничего себе! — сказал Пин. — Оказывается, мы же и воры! А что нас подстерегли, изувечили и протащили по всей Ристании — это как?

— Да-а! — заметил Сэм. — *Уплачено*, он сказал. С какой это лихвой, *хотел* бы я знать? И совсем уж мне не по нутру его обещание насчет Южного удела. Ох, пора нам возвращаться!

— Еще бы не пора, — сказал Фродо. — Однако ж не раньше, чем повидаемся с Бильбо. Будь что будет, а я все-таки сперва съезжу в Раздол.

— И правильно сделаешь, — сказал Гэндальф. — Да, а Саруман, похоже, увы, уж ни на что доброе не годится: сгнил на

корню. Только, боюсь, Древень ошибся: как-нибудь напакостить он еще вполне в силах.

На другой день выехали на безлюдные, пышно заросшие долины северного Дунланда. Подступил сентябрь. Дни золотились, серебрились ночи, и засверкала перед ними река Лебедянь у старинной переправы к востоку от водопадов, обрушивавших поток в низины. Далеко на западе сквозь дымку виднелись заводи и островки, река вилась, вилась и сливалась с Сероструем. Там, в необъятных зарослях камыша, гнездились лебединые стаи.

Они заночевали на невысоком холме. Просиял рассвет, и взорам их открылась отуманенная Остранна, а на востоке утреннее солнце озарило заоблачные вершины Карадраса, Келебдора и Фануиндхола. Неподалеку были Ворота Мории.

Здесь они задержались на неделю, растягивая еще одно печальное расставание: Селербэрну и Галадриэли со свитой пора было сворачивать на восток, к Багровым Воротам, Черноречному Каскаду и Серебрянке — в Лориэн. Они возвращались западным, кружным путем, чтобы наговориться с Гэндальфом и Элрондом, и казалось, не будет конца их беседе. Хоббиты видели десятый сон, а они сидели под звездным небом и вспоминали минувшие века, былые радости и невзгоды или же обсуждали грядущее. Если бы случился тут путник, он бы ничего не увидел и не услышал, разве что заметил бы серые изваяния, памятники былых времен, затерянные в необитаемой земле. Ибо они были недвижны и безмолвны, не отягощенные словами думы их сливались воедино, и глаза то излучали, то отражали тихое сияние.

Но наконец все было сказано, и они снова расстались — до той недалекой поры, как выпадет срок Трех Эльфийских Колец. Владыки Лориэна и свита их в серых плащах поехали к горному склону, мешаясь с тенями, исчезая среди камней. Остальные же, чей путь лежал в Раздол, сидели на холме и смотрели им вслед — в густеющем тумане вспыхнула звезда, и мгла сомкнулась. Фродо понял: это Галадриэль помахала рукой им на прощание.

Сэм отвернулся и вздохнул:

— Эх, кабы еще разок побывать в Лориэне!

Долго ли, коротко ли, но однажды вечером взъехали они на вересковое всхолмье — и вдруг, как всегда неожиданно, увидели далеко внизу, в долине, светящийся дворец Элронда. Они спустились, проехали по мосту к воротам — и дворец засиял, и зазвенели приветственные песни.

Прежде всего, не поевши, не умывшись и даже не сняв плащей, хоббиты кинулись искать Бильбо и нашли его в собственной комнатушке, замусоренной бумажным хламом, обломками перьев и огрызками карандашей. Сам он сидел в сторонке, в

кресле у пылающего камина. Он был старый-престарый, очень спокойный и сонный.

Когда они ввалились, Бильбо поднял голову и приоткрыл глаза.

— А, привет, привет! — сказал он. — Уже вернулись? Между прочим, завтра мой день рождения. Здорово вы подгадали! А знаете ли, что мне стукнет сто двадцать девять? Ежели еще годок протяну, сравняюсь со Старым Кролом. Хорошо бы обставить его. Ну, поживем — увидим.

Отпраздновали день рождения, и четверо хоббитов до поры до времени остались в Раздоле. День за днем просиживали они в комнатушке Бильбо, откуда он спускался лишь ради трапезы. На этот счет он был точен как часы: сон слетал с него мгновенно. Рассевшись у камина, они по очереди повествовали ему о своих странствиях и приключениях. Сперва он притворялся, будто записывает, но то и дело начинал клевать носом, а очнувшись, говорил:

— Ну и чудеса! Даже не верится! Про что бишь вы рассказывали?

Они припоминали, на каком месте он заснул, и рассказ повторялся. Не пришлось повторять только рассказ о коронации и свадьбе Арагорна: это он выслушал, не смыкая глаз.

— Ну, меня, конечно, чуть не силком тащили на эту свадьбу, — сказал он. — И я ее давно дожидался. Но как нарочно — впору выезжать, а тут дела, дела, бросай все, поди укладывайся, нет уж.

Прошло недели две. Фродо, взглянув поутру в окошко, увидел, что ночью был мороз: паутинки осеребрились, стало быть, время ехать, надо прощаться с Бильбо. После дивного, невиданного лета наступила тихая и ясная осень, но в октябре все равно хлынут дожди и задуют ветры. А от Раздола до Хоббитании путь не близкий. Да и не в погоде, конечно, было дело: просто он вдруг почуял, что больше медлить никак нельзя. Сэм тоже растревожился; как раз накануне он сказал:

— Вот ведь, сударь, где мы только не побывали, всякого навидались, а здесь все равно какое-то главное, что ли, место. Тут всего, понимаете, есть понемногу: и тебе Хоббитания, и Златолесье, и Гондор с княжескими дворцами, гостиницами, лугами, полями и горами — словом, чего душа пожелает. И все-таки не пора ли нам отсюда, а? По правде говоря, Жихарь мой у меня, хоть ты что, из головы нейдет.

— Да, Сэм, всего-всего здесь есть понемногу, только нет

Моря, — отвечал Фродо и повторил про себя: «Только Моря нет».

В тот день Фродо переговорил с Элрондом, и решено было, что они отправятся в путь наутро. И Гэндальф сказал им на радость:

— Поеду-ка я с вами хотя бы до Пригорья: мне с Наркиссом надо повидаться.

На ночь глядя они пошли прощаться с Бильбо.

— Ну, раз надо, так надо, — сказал он. — Жаль, конечно, тоскливо мне будет без вас, я уж привык, что вы тут неподалеку. Но что-то меня все время в сон клонит.

И он подарил Фродо свою мифрильную кольчугу и Терн, забыв, что он их давно уж ему подарил, а потом отдал ему в придачу три книги преданий и песен — плод многолетнего труда; листы были тесно исписаны его мелким почерком, и на малиновых обложках красовались ярлыки: «Перевод с эльфийского Б.Т.». Сэму он вручил мешочек с золотом.

— Едва ли не все, что осталось из-под Смауга, — сказал он. — Коли жениться надумаешь — вот оно и кстати.

Сэм покраснел.

— А вам, голубчикам, мне подарить нечего, — обратился Бильбо к Мерри и Пину. — Примите-ка в подарок добрый совет.

Добрых советов он надавал кучу с лишним и завершил свою долгую речь по-хоббитски:

— Вы только не очень-то высовывайтесь, а то, чего доброго, получите по носу! И растете вы чересчур: больно дорого вам станет обуваться-одеваться.

— Сам-то ты решил ведь обогнать Старого Крола, — сказал Пин. — Вот и мы хотим натянуть нос Бандобрасу Быкобору.

Бильбо рассмеялся и вынул из кармана две тонко расписанные по серебру трубки с жемчужными мундштуками.

— Эльфийская работа, но я же теперь не курю, — вздохнул он. — Как затянетесь, вспоминайте обо мне! — Он отдал трубки, клюнул носом, а проснувшись, спросил: — Так мы о чем? А, ну да, мы раздаем подарки. Кстати же сказать, Фродо: помнится, я тебе подарил колечко, оно как?

— Бильбо, милый, я его, прости, потерял, — сказал Фродо. — Вернее сказать, избавился от него.

— Это жалко! — сказал Бильбо. — Я бы на него, пожалуй, взглянул разок-другой. Хотя нет, что же я путаю! Ты ведь затем и пошел, чтоб от него избавиться, верно или неверно? Спутаешь тут, такая вообще каша: и тебе Арагорн со всем прочим, и Светлый Совет, Гондор, конники, хородримцы, вастаки, олифанты — да, Сэм, ты не врешь, правда, одного такого видел? —

пещеры, башни, золотые деревья, у кого хочешь голова пойдет кругом.

Да, видать, я как-то уж совсем прямиком вернулся. А все Гэндальф, он мог бы мне показать то да се. Правда, ежели бы я задержался, не поспел бы к распродаже — вот бы уж натерпелся. Ну, теперь-то что: сиди да слушай вас в свое удовольствие, как вы тоже не осрамились. Камелек горит и греет, кормят очень-очень вкусно, и эльфы в случае чего тут как тут. А что мне еще надо?

От самых от дверей ведет
Дорога вдаль и вдаль.
Но кто по ней куда пойдет
И кто куда когда придет —
Уж не моя печаль.
Кто хочет, пусть выходит в путь —
Зовет его закат.
А мне пора с пути свернуть,
Пора в трактире отдохнуть,
Соснуть у камелька.

Последние слова Бильбо не то что пропел, а просто пробормотал, уронил голову на грудь и крепко заснул.

Сгущались вечерние сумерки, все ярче пылал камин; они смотрели на уснувшего Бильбо, на его спокойную улыбку. Сэм окинул взглядом комнату, поглядел, как тени пляшут по стенам, и тихо сказал:

— Ох, господин Фродо, не больно-то он много написал с тех самых пор. И нашу повесть вряд ли напишет.

Бильбо приоткрыл один глаз, будто услышал, и поудобней уселся в кресле.

— Ну так-таки клонит и клонит в сон, — сказал он. — А уж ежели писать, так писать стихи, что ли. Фродо, друг ты мой любезный, ты как, не откажешься немножко навести у меня порядок? Ну, прибери бумажки, заметки, дневник мой и, пожалуй что, возьми-ка ты все это с собой, а? У меня, понимаешь, както не было времени разобраться. Сэм тебе поможет, как сумеет, а ежели что получится, приезжай, я прогляжу. Придираться, честное слово, не буду.

— Конечно же! — сказал Фродо. — И, само собой, скоро вернусь: нынче это не путь, а прогулка. Государь позаботится, при нем все дороги станут безопасны.

— Вот и спасибо тебе, милый ты мой! — сказал Бильбо. — Облегчил ты мою душу.

И немедля заснул крепче прежнего.

На другой день Гэндальф и хоббиты прощались с Бильбо у него в комнате: на холод он выходить не хотел; потом попрощались с Элрондом и со всеми его домочадцами.

Когда Фродо стоял на пороге, Элронд пожелал ему счастливого пути и тихо сказал после напутствия:

— Тебе, Фродо, наверно, незачем сюда возвращаться, разве что не сегодня-завтра. А в это самое время года, когда золотые листья еще не опадают, встретишь Бильбо в лесах Хоббитании. И я с ним буду.

Таковы были прощальные слова Элронда, и один Фродо их услышал и запомнил.

Глава VII

ДОМОЙ

Теперь их путь лежал прямиком на запад, через Пригорье в Хоббитанию. Им не терпелось снова увидеть родные края, но ехали поначалу медленно: Фродо занемог. У Бруиненской переправы он застыл как вкопанный, и глаза его мертвенно потускнели. За этот день он не сказал ни слова. Было шестое октября.

— Плохо тебе, Фродо? — тихо спросил Гэндальф, подъехав к нему.

— Да, плоховато, — отозвался Фродо. — Раненое плечо онемело, и кругом точно смерклось. Нынче с тех пор ровно год.

— Увы, иную рану можно залечить, но не исцелить, — вздохнул Гэндальф.

— Моя, наверно, из таких, — сказал Фродо. — Боюсь, для меня нет возврата: доберусь до Хоббитании, а она совсем другая, потому что я уже не тот. Я отравлен и изувечен: клинок назгула, жало Шелоб, зубы Горлума... и меня изнурило тяжкое, неизбывное бремя. Где ж найду я покой?

Гэндальф промолчал.

А назавтра к вечеру боль унялась, тоска отступила, и Фродо стал опять весел, будто и вовсе забыл о давешнем черном удушье. Незаметно летели дни. Они подолгу отдыхали в лесах, разубранных поредевшей багряно-желтой листвой, пронизанных осенним солнцем. Наконец подъехали к Заверти. Вечерело, и черная тень горы, казалось, преграждала путь. Фродо попросил их поторопиться и, не взглянув на гору, проскакал сквозь тень, опустив голову и закутавшись в плащ. В эту ночь погода изменилась: налетел холодный и буйный западный ветер с дождем, и

желтые листья метались вокруг, как стаи встревоженных птиц. А в Чстборе деревья уж почти оголились, и Пригорье заслонила мутная дождевая завеса.

Сыро и ветрено было вечером двадцать восьмого октября, когда пятеро путников въехали по косогору к Южным Воротам Пригорья. Ворота были накрепко заперты, дождь хлестал в лицо, и хмурилось из-под плывущих туч низкое серое небо. Хоббиты слегка приуныли: все-таки не заслужили они такой уж неприветливой встречи.

Кричали, стучали — наконец вышел привратник со здоровенной дубиной. Он опасливо, подозрительно присматривался к ним, потом разглядел Гэндальфа и признал в его спутниках хоббитов — правда, каких-то диковинных. Тогда он просветлел и кинулся отпирать ворота.

— Заезжайте, заезжайте! — сказал он. — Новостей у вас, конечно, куча, у нас тоже, словцом бы перекинуться, да куда там: холодно, льет, собачья вообще погода. Вот Лаврик — это уж само собой — приютит вас в «Гарцующем пони», там обо всем расскажете и наслушаетесь.

— А ты зайдешь туда попозже, узнаешь все скопом и кучу сверх того, так, что ли? — рассмеялся Гэндальф. — Как там у вас поживает Горри?

Привратник насупился.

— Горри у нас не поживает, — буркнул он. — Вы Лавра спросите, он вам обо всем расскажет. Словом, добрый вечер!

— Тебе того же! — пожелали они, проезжая, и заметили, что за оградой у дороги построили длинный сарай. Оттуда выходили люди — набралась целая толпа — и глазели на них из-за забора. Проехали мимо дома Бита Осинника: вся изгородь заросла и порушилась, окна заколочены.

— Ты что же, Сэм, так-таки и укокошил его тогда огрызком яблока? — поинтересовался Пин.

— Да нет, господин Перегрин, это, как бы сказать, вряд ли, — задумчиво произнес Сэм. — Небось живехонек. А вот как-то моя лошадушка, мой поник. Надо же ведь, сбежал. И как не сбежать: волки воют, а жить охота...

Подъехали к крыльцу «Гарцующего пони», а там вроде бы все было, как всегда, и светились нижние окна из-за багровых штор. Они подергали звонок, дверь приотворилась, выглянул Ноб, увидел их под фонарем и заорал:

— Господин Наркисс! Сударь! Они воротились!

— Ах, воротились? Ну, я им сейчас покажу! — Это послышался голос Наркисса, и сам он тут же появился с дубинкой в

руке. Но, увидевши их, застыл, и яростная гримаса на лице его сменилась изумленным восторгом.

— Ах ты, Ноб, ах ты, дуралей шерстолапый! — крикнул он. — Ты что, старых друзей не узнаешь, не называешь? Всполошил меня без толку, олух, а сам знаешь, какие нынче времена! Батюшки, ну и ну! И откуда же вы такие? Да я уж с вами навсегда распрощался, хорошенькое дело, ушли в пустошь с Бродяжником, ай да ай, а кругом, понимаешь ли, всякие Черные рыщут. Ну как же я рад вас всех видеть, и Гэндальфа в особицу. Да заходите же, заходите! Комнаты что, те же самые? Свободны ваши комнаты; да и то сказать, все почти комнаты нынче свободны, чего уж там, сами увидите. Насчет ужина сейчас постараемся, мигом, только вот у меня с прислугой-то нынче... Эй ты, Ноб-телепень! Скажи Бобу... ну да, забыл, Боб теперь со своими ночует на всякий случай. Одним словом, Ноб, эй ты, чтобы развели лошадей по стойлам; ну да, ты-то, Гэндальф, своего сам отведешь, а то кого он послушается. Красавец, я тогда еще говорил, что какой красавец, да вы заходите! Заходите и будьте как дома!

Наркисс вроде бы и сыпал словами по-прежнему, и так же деловито суетился. Однако же постояльцев у него, может, и совсем не было, тишина несуразная; только из Общей залы доносились немногие приглушенные голоса. Лавр нес две свечи, и виднелось его лицо — увядшее и угрюмое, не то что прежде.

Они шли за ним по коридору к тем комнатам, что занимали в страшную ночь год с лишним назад. Им было грустно: старина Лавр недоговаривал, а дела-то у него, видно, шли плоховато. Но они пока что помалкивали, ждали, что будет дальше.

И дождались: господин Наркисс собственной персоной явился к ним после ужина проверить, все ли хорошо. А все было очень даже неплохо: как там дела ни шли, а пиво и съестное в «Пони» хуже не стали.

— Нынче вечером в Общую залу я вас, само собой разумеется, не буду приглашать, — сказал он. — Вы же устали, а там и народу-то сегодня совсем немного — бывает. Но коли вы мне уделили бы с полчасика перед сном, ну так, для разговору, оно бы и неплохо, да и заснется лучше.

— Вот-вот, — сказал Гэндальф, — тебя-то мы и ждали. За нас не волнуйся, мы не так чтоб уж слишком утомились, потихоньку ехали. Правда, промокли, продрогли и проголодались, но это, спасибо тебе, позади. Присаживайся! Нам бы немного трубочного зелья, мы бы тебя расцеловали.

— С чем плохо, с тем плохо, — причмокнул Наркисс. — Большая нехватка, у нас теперь только и есть, что сами растим,

а это пустяк пустяком. Из Хоббитании нынче ни тебе листика. Ну, я уж покопаюсь в закромах-то, авось найдется.

Нашлась пачка неразрезанного табака — пятерым курильщикам на день-два.

— Южнолинчский, — сказал Наркисс. — Это у нас самый лучший, но куда ему до южноудельского, я и всегда так говорил, хотя вообще-то Пригорье ничуть не хуже Хоббитании, я, конечно, извиняюсь.

Его усадили в большое кресло у камина, Гэндальф сел напротив, а хоббиты между ними на табуреточках. Разговаривали они отнюдь не полчасика, и уж новостей господину Наркиссу хватило с избытком, впрочем, и он в долгу не остался. От их рассказов Лавр попросту опешил: ни о чем подобном он в жизни не слыхивал и лишь твердил как заклинание: «Да не может быть!» — на разные лады.

— Да что вы говорите, господин Торбинс... или, простите, господин Накручинс? Все-то у меня в голове перекру... перепуталось. Да вы шутить изволите, господин Гэндальф? Батюшки-светы, ушам не верю! И это в наши-то времена? Ай-яй-яй!

Наконец настал его черед: ему тоже было о чем порассказать. Оказывается, хозяйничал он с горем пополам — да что там, честно говоря, все из рук вон плохо.

— К Пригорью никто нынче и близко не подъезжает, — сказал он. — А пригоряне сидят по домам, замкнувши ворота на двойные запоры. А все почему. Все из-за тех чужаков, из-за отребья, которое — может, помните? — понабежало в Пригорье Неторным Путем год назад. Потом их стало как собак нерезаных. Всякие там были, конечно, были и бедолаги обездоленные, но все больше народ опасный, ворье и головорезы. И ведь у нас в Пригорье — это у нас-то в Пригорье! — поверите ли, до драки дошло. Честное, скажу вам, слово, дрались не по-здешнему, а сколько народу убили, и убили до смерти. Да вы же мне не поверите!

— Поверю, поверю, — сказал Гэндальф. — Много ли народу погибло?

— Трое и двое, — отвечал Наркисс, разумея отдельно людей и хоббитов. — Убили беднягу Мэта Бересклета, Разли Яблочка и коротыша Тама Деловика из-за Горы, а заодно, представьте себе, Вилла Горби с дальних склонов и даже одного Накручинса с Пажитей — вот такие были мужики, очень их не хватает. А Бит Осинник и Горри Козельник, который стерег Западные Ворота, — эти переметнулись и с теми убежали: скажу вам по секрету, они-то их наверняка и впустили. В смысле когда была драка, в ту ночь. Потому что им еще раньше было сказано: давай отсюда — и пинка на прощание, ну как то есть раньше, еще

до Нового года, а драка была, точно говорю, в новом году, как раз снегу навалило.

Ну и пусть бы их, ладно, живут себе и живут с лиходеями, где там они живут — в Арчете или в северной пустоши. Прямо как не сейчас, а тыщу лет назад, расскажи — не поверят. В общем, по дороге не проедешь ни туда, ни сюда, и все на всякий случай спозаранку запираются. А вдоль ограды, конечно, ходят сторожа, и возле ворот стоят заставы — это по ночам-то.

— Скажите пожалуйста, а нас никто не тронул, — удивился Пин. — И ехали мы медленно и не остерегались. Ничего себе, а мы-то думали, что все безобразия позади.

— Ох, господин Перегрин, не позади они, а впереди, — вздохнул Наркисс, — вот ведь беда-то. Это, знаете, немудрено, что они к вам не подступились. Еще бы, тут тебе и мечи, и шлемы, и щиты, и вообще. Впору бежать да прятаться: я и то малость струхнул, как вас увидел.

Так вот оно что! Дивятся-то вовсе не чудесному их возвращению, а их диковинному виду. Сами они привыкли к воинам в ратном доспехе, и невдомек им было, что из-под их плащей сверкали кольчуги, на головах были причудливые гондорские и ристанийские шлемы, щиты украшены яркими гербами и что у себя дома они выглядели опасными чужестранцами. А тут еще Гэндальф в белом облачении и шитой серебром синей мантии, с длинным мечом Ярристом у бедра, верхом на огромном сером коне.

Гэндальф рассмеялся.

— Ну-ну, — сказал он, — если они попрятались от нас пятерых, то видывали мы врагов и пострашнее. Стало быть, нынче-то ночью можете спать спокойно.

— Да вы же сегодня здесь, а завтра там, — вздохнул Наркисс. — Чего ж бы, конечно, лучше, коли б вы у нас погостили. Мы ведь к таким делам непривычные; опять-таки, говорят, и Следопыты эти все куда-то подевались. Правду сказать, в долгу мы перед ними, зря языки чесали. Да и не только грабители нас донимают: с ними мы бы еще, может, как-нибудь управились. Волки зимой завывали у самой ограды. А в лесах завелись какие-то черные твари, привидения не привидения, про них и подумать-то страшно, аж зубы клацают. Короче, живем лучше некуда, извините за прямоту.

— Да, хорошего мало, — согласился Гэндальф. — В этот год в Средиземье едва ли не всем худо пришлось. Но теперь прочь уныние, Лавр! Общая беда вас лишь краем задела, и я очень рад, что не прихлопнула, а могла. Настают, однако же, иные, добрые времена — таких, может статься, ты и не упомнишь. Следопыты возвратились, мы ехали вместе с ними. Главное же, любезный

мой Лавр, — Государь вернулся на трон, и он вас в обиду не даст, скоро сам увидишь. Скоро Неторный Путь станет торным, поскачут гонцы во все концы, а уж на север тем более, в Глухомани изведут нечисть, да и самой Глухомани не будет, распашут ее пришельцы.

Наркисс недоверчиво покачал головой.

— Проезжих побольше — это я не против, ежели приличный народ, — сказал он. — Только всякого там разбойного сброда с нас хватит. И вообще чужакам нечего ни в Пригорье соваться, ни возле Пригорья болтаться. Нам лишь бы жить не мешали. А то, знаете, набегут невесть какие невесть откуда, начнут... да не селиться, шляться будут, и Глухомань-то всю загадят.

— Не тревожься, Лавр, жить вам не помешают, — сказал Гэндальф. — От Изена до Сероструя, от Брендидуима до юго-западных побережий могут расселиться целые народы, и все равно ближние к вам селения будут за несколько суток езды. И за сотню миль отсюда к северу, там, где нынче совсем заглох Неторный Путь, прежде много жило людей — и на Северном Нагорье, и на берегах Тусклоозера.

— Это где же, у Покойницкой Гати, что ли? — еще недоверчивее спросил Наркисс. — Да там, говорят, кругом привидения. Разбойник и тот забрести туда побоится.

— Следопыты не боятся туда забредать, — сказал Гэндальф. — Покойницкая Гать, говоришь? Да, я знаю, давненько так именуются у вас тамошние развалины, а на самом деле, Лавр, это Форност-Эраин, Северн Великокняжеский. И недалек тот день, когда нынешний Государь отправится туда, чтобы воздвигнуть заново древнюю столицу Арнора. Ну и пышная же свита проедет через Пригорье!

— А что? Оно, пожалуй бы, и неплохо, — заколебался господин Наркисс. — Может, и дела чуток поправятся. Если только он, этот ваш Государь, не станет наводить в Пригорье свои порядки.

— Не станет, — пообещал Гэндальф. — Ему и ваши порядки сгодятся.

— Ну да? — озадаченно усомнился Наркисс. — Хотя и то сказать, что ему наши порядки: сидит себе сотни за три миль от нас на высоком троне в огромном замке и попивает вино — из золотой небось чаши. Какое ему дело до моего «Пони» или до моего пива? Кстати скажу, пиво-то у меня хорошее, еще даже лучше прежнего, над ним Гэндальф прошлой осенью поколдовал, и с тех пор все пьют не нахвалятся. Уж такое спасибо, уж такое утешение!

— Ишь ты, даже лучше прежнего, — заметил Сэм. — А он-то говорит, у вас пиво всегда было отличное.

— Кто говорит, Государь?

— Он самый. Бродяжник, главарь Следопытов. А до вас это разве еще не дошло?

Тут наконец дошло: на широком лице господина Наркисса изобразилось несказанное изумление — глаза округлились, рот разинулся до ушей, и он крякнул.

— Бродяжник, ну и ну! — выговорил он, когда снова обрел речь. — На троне, в короне и с золотой чашей! Батюшки, это что ж теперь будет?

— В Пригорье-то уж точно будет даже лучше, чем было, — сказал Гэндальф.

— Да вроде бы так, будем надеяться, — более или менее согласился Наркисс. — Ну что, хорошо поговорили, давным-предавно не случалось мне вести такой приятной беседы. Теперь в самый раз соснуть, тем более, прямо скажу, будто у меня от сердца чуть-чуть отлегло. Надо, конечно, головой как следует подумать, но это уж я утром, на свежую голову. Словом, кто куда, а я спать, да и вам, поди, давно уж пора на боковую. Эй, Ноб! — крикнул он, приоткрыв дверь. — Эй ты, Ноб-телепень! Эй, Ноб! — снова крикнул он и вдруг хлопнул себя по лбу. — Что-то я вроде вспомнил, только забыл, что.

— Может, снова письмо какое забыли отдать, господин Наркисс? — лукаво осведомился Мерри.

— Посовеститесь, господин Брендизайк, нашли что вспоминать! Ну вот, сбили вы меня. О чем бишь я? Ноб, на конюшню, ага! Мне чужого не надо, а что ваше, то ваше. Помните — лошадей свели, а вы купили пони у Бита Осинника, помните? Так здесь он, ваш пони, сам собой прибежал, а уж откуда — это вы лучше моего знаете. Лохматый был, что твой бродячий пес, и тощий, как вешалка, но живехонек. Ноб его выходил.

— Ну да? Мой Билл! — закричал Сэм. — Эх, и везучий же я, что там Жихарь ни говори! Раз-два, и еще одно желание исполнилось. Да где же он?

И Сэм лег спать не раньше, чем наговорился в конюшне с Биллом.

В Пригорье они на денек задержались, и уж вечером-то у господина Наркисса дела шли как нельзя лучше. Любопытство превозмогло все страхи, и в Общей зале яблоку негде было упасть. По долгу учтивости вышли туда и наши хоббиты; их, разумеется, закидали вопросами. Народ в Пригорье был памятливый, и все наперебой интересовались, написал ли Фродо обещанную книгу.

— Еще нет, — отвечал он. — Но заметок набралась уймища, вот вернусь домой, разберусь.

Он пообещал непременно описать удивительные события в Пригорье, чтоб книга была поживее, а то что там, подумаешь, какие-то дальние, маловажные, южные дела, скукота!

Потом кто-то из молодых попросил приезжих что-нибудь спеть, но тут гомон мигом стих, и на него цыкнули: мол, на этот раз уж как-нибудь обойдемся в нашей Общей зале без чародейских штук!

День прошел спокойно, ночью было тихо, и рано утром они собрались в дорогу. Погода стояла по-прежнему дождливая, к ночи хорошо бы приехать в Хоббитанию, а путь лежал неблизкий.

Гостей провожали всем скопом, и впервые за год пригоряне повеселели; изумленно замирали те, кто еще не видел наших путников в походном снаряжении: Гэндальфа с пушистой длинной белой бородой, который словно светился, и синяя мантия его казалась облаком в солнечных лучах, и четырех хоббитов, похожих на витязей-странников из полузабытых сказаний. Накануне многие посмеивались, слушая байки про нового Государя, но теперь им подумалось, что, пожалуй, нет дыма без огня.

— Ну что ж, дорога, как говорится, вам скатертью, счастливо до дому добраться! — напутствовал их господин Наркисс. — Забыл сказать, ходят слухи, будто и в Хоббитании не все ладно, чего-то там творится не разбери-поймешь. Знаете ведь: своя беда чужую из головы гонит. Уж не взыщите, тем более вы, с вашего позволения, вернулись совсем не такие, какими уехали, и, похоже, в случае чего сумеете за себя постоять. Вы там как пить дать порядок наведете. Еще раз доброго пути! Наезжайте почаще — здесь вам всегда будут рады!

Распрощались, поехали, миновали Западные Ворота и оказались на дороге в Хоббитанию. Пони Билл трусил с очень довольным видом возле Сэма, даром что нагружен был, как и в тот раз, изрядно.

— Что же такое стряслось в Хоббитании, на что намекал Наркисс? — задумчиво проговорил Фродо.

— Догадываюсь, — буркнул Сэм. — То самое небось, что я видел в колдовском Зеркале: деревья порубили, Жихаря моего из дому выгнали. Замешкались мы в дороге, вот что я вам скажу.

— В Южном уделе тоже, видать, неладно, — сказал Мерри. — Куда подевалось все трубочное зелье?

— Что бы ни стряслось, — объявил Пин, — одно ясно: заправляет всем этим делом Лотто, это уж будьте уверены.

— Лотто — он, конечно, Лотто и есть, — сказал Гэндальф. — Но заправляет не он, про Сарумана-то вы забыли. А он давным-давно присматривался к Хоббитании, задолго до Саурона.

— Подумаешь, ты же с нами, — сказал Мерри. — В два счета разберемся.

— Пока что я с вами, да, — подтвердил Гэндальф, — но ненадолго. В Хоббитанию я с вами не поеду. Разбирайтесь сами: вроде бы уж должны были привыкнуть. А вам что, до сих пор непонятно? Повторяю: мои времена кончились и не мое теперь дело — наводить порядок или помогать тем, кто его наводит. Кстати же, дорогие мои друзья, никакая помощь вам не нужна, сами справитесь. Вы не только подросли, но и очень выросли. Вы стали солью земли, и я больше ни за кого из вас не опасаюсь.

Словом, я вас вот-вот покину. Я хочу толком поговорить с Бомбадилом, а то за две тысячи лет как-то не удосужился. Говорят, кому на месте не сидится, тот добра не наживет. Я на месте не сидел, отдыха не знал, а он жил себе и жил в своих лесных угодьях. Вот и посмотрим, сравним: нам есть что рассказать друг другу.

Там, где год с лишним назад Бомбадил вывел их на Тракт, они остановились и огляделись, будто ожидаючи снова его увидеть: а вдруг он — мало ли — каким-нибудь чудом их встречает? Но не было Бомбадила; сырая мгла окутала Могильники, и за пологом тумана укрылся Вековечный Лес.

Фродо грустно смотрел на отуманенный юг.

— Вот бы кого хотелось повидать, — проговорил он. — Как-то он там?

— Да он как всегда, не беспокойся, — ответил Гэндальф. — Веселый и беззаботный, что ему наши тревоги и радости, разве про онтов порасспросил бы. Захочешь — съезди потом, навести его. А сейчас я бы на твоем месте поторопился, не то ведь, чего доброго, запрут ворота на Брендидуимском мосту.

— Никаких там ворот на мосту нет, — сказал Мерри, — и ты это не хуже моего знаешь. Вот ежели на юг, в Забрендию, — там да, есть ворота, но уж кого-кого, а меня там пропустят в любое время дня и ночи!

— Ты хочешь сказать, что на мосту ворот не было, — возразил Гэндальф. — Приедешь — посмотришь, вдруг да окажутся. И в Забрендии тоже не так все просто. Ничего, авось справитесь. Прощайте, милые мои друзья! Еще не навсегда, но надолго прощайте!

Светозар огромным прыжком перескочил с Тракта на зеленую дамбу; Гэндальф направил его, и он помчался к Могильникам быстрее северного ветра.

— Вот и пожалуйста, было нас четверо, четверо и осталось, — сказал Мерри. — Другие все поисчезали, как приснились.

— Не знаю, не знаю, — сказал Фродо. — Я, наоборот, будто снова заснул.

Глава VIII

ОСКВЕРНЕННАЯ ХОББИТАНИЯ

Уже смеркалось, когда продрогшие и усталые путники подъехали наконец к Брендидуимскому мосту. С обоих концов преграждали его высокие ворота, плотно сбитые из толстых заостренных кольев. На том берегу реки появились неказистые двухэтажные дома с редкими, тусклыми прорезями окон — хоббиты таких отроду не строили.

Они колотили в ворота и звали хоть кого-нибудь, но сперва никто не отзывался, а потом, к их великому изумлению, затрубил рог, и тусклые окна разом погасли. Из темноты раздался крик:

— Кто такие? Убирайтесь, а то схлопочете! Не видите, что ли, объявление: *«От заката до рассвета проход строго воспрещен!»*

— Как же мы увидим объявление в темноте, дурья твоя башка? — закричал в ответ Сэм. — А увидел бы я, что хоббитам нет ночью прохода домой, да еще в такую собачью погоду, сорвал бы твое объявление, и все тут.

Хлопнул ставень, и хоббиты с фонарями гурьбой высыпали из домика слева от моста. Они отперли дальние ворота и грозно двинулись вперед, но, разглядев путников, немного оробели.

— Ну-ну, смелее, — сказал Мерри. Он узнал одного из них. — Эй ты, Хоб Колоток, протри глаза! Не видишь, что ли, я Мерри Брендизайк. А ну-ка, объясняй, что у вас здесь за почешиха и чего тебя сюда занесло? Ты же, по-моему, всегда стерег Отпорную Городьбу.

— Батюшки! И вправду господин Мерри, да еще с головы до ног в железе! А как же все говорили, будто вы сгинули в Вековечном Лесу? Вот уж рад видеть вас живым-здоровым!

— А рад, так и нечего глазеть из-за ворот, давай отпирай!

— Извините, господин Мерри, отпирать не велено.

— Кто не велел?

— Не велел Генералиссимус из Торбы-на-Круче.

— Генералиссимус из Торбы? Лотто, что ли? — спросил Фродо.

— Вроде бы так, господин Фродо, только приказано называть его просто «Генералиссимус».

— Вот как! — сказал Фродо. — Ну, спасибо хоть, он теперь не Торбинс. Но все же нам, его бывшей родне, придется немного понизить его в чине.

Хоббиты испуганно притихли, точно уши прижали.

— Вы не очень-то разговаривайте, — сказал один из них. — Он прознает — вам же будет хуже. Тоже расшумелись: сейчас как проснется Большой Начальник!

— Пусть просыпается, мы у него надолго отобьем охоту спать, — сказал Мерри. — Это, стало быть, ваш новоявленный Генералиссимус нанимает бандитов из Глухомани? Ну, мы, кажется, малость запоздали.

Он соскочил с пони, увидел при свете фонарей объявление, сорвал его и перебросил через ворота. Сторожа попятились от ворот подальше.

— Иди сюда, Пин! — сказал он. — Вдвоем шутя справимся.

Мерри с Пином вскарабкались на ворота, и сторожа еще отбежали. Опять затрубил рог. В доме побольше, справа от моста, распахнулись двери, и в просвете показался ражий детина.

— Это что такое? — рявкнул он, шествуя по мосту. — В ворота ломитесь? А ну, живо убирайтесь, пока я вам ручки-ножки не поотрывал!

Сверкнули обнаженные мечи, и он остановился.

— Вот что, Осинник, — сказал Мерри, — если ты мигом не отопрешь двери, ох и худо тебе придется. Я тебя крепенько пощекочу. Отпирай и уматывай без оглядки, чтоб духу твоего здесь больше не было, бандитская харя.

Бит Осинник хмуро подошел к воротам и отомкнул замок.

— Давай сюда ключ! — велел Мерри. Но Осинник швырнул ключ ему в голову и пустился бежать. Вдруг его так лягнули, что он дико взвыл, кубарем покатился в темноту и навеки исчез из памяти народа Хоббитании.

— Ай да мы! — сказал Сэм, похлопав по крупу расторопного Билла.

— Большого Начальника спровадили, — сказал Мерри. — Спровадим и Генералиссимуса, дайте срок. Сейчас нам пора ужинать и спать, а раз уж вы сдуру снесли Предмостный трактир и выстроили эти сараи, то ночевать будем у вас. Показывайте, где.

— Прощения просим, господин Мерри, — залепетал Хоб, — это нынче не положено.

— Что не положено?

— Принимать гостей без разрешения, кушать сверх пайка и тому в общем подобное.

— Ничего не понимаю, — удивился Мерри. — Недород, что ли, у нас? Странно, такое было чудесное лето, да и весна...

— Да нет, на погоду не жалуемся, — сказал Хоб. — И урожай собрали хороший, а потом все как в воду кануло. Тут, надо думать, «учетчики» и «раздатчики» постарались: шныряли, обмеряли, взвешивали и куда-то для пущей сохранности увозили. Учета было много, а раздачи, можно сказать, никакой.

— Ой, да ну вас! — сказал Пин, зевая. — Хватит мне голову на ночь глядя морочить. Обойдемся без ваших пайков, своими припасами. Было бы где прилечь — в сарае так в сарае, и не такое видывали.

Хоббиты-караульщики мешкали и переминались: видно, страшновато им было нарушать распоряжения, да разве поспоришь с такими настойчивыми гостями? Вдобавок у всех у них длинные ножики, а двое — здоровяки невиданные. Фродо велел запереть ворота — на всякий случай, а вдруг из-за реки нагрянут бандиты. Затем все четверо пошли в хоббитскую караульню устраиваться на ночь. Нижнее, общее помещение было голо и убого, с жалким очажком, где и огонь-то как следует не разведешь. В верхних комнатках ровными двухъярусными рядами стояли узкие жесткие койки, на всех стенах — запреты и предписания, которые Пин тут же посрывал. Пива не было и в помине, пайки скудные на удивление, но гости щедро поделились с хозяевами содержимым своих котомок, так что ужин вышел отменный, а Пин нарушил Правило № 4 и извел все завтрашнее дровяное довольствие.

— Ну, теперь, может, покурим, а вы толком расскажете нам, что у вас делается? — предложил он.

— Трубочного зелья нам не положено, — сказал Хоб. — Большим Начальникам самим не хватает. Запасы, говорят, кончились, на складах пусто. Слышно было, его целыми обозами вывозили куда-то из Южного удела через Сарнский Брод, это еще прошлой осенью, вы как раз тогда уехали. Да, правду сказать, и раньше по-тихому сплавляли. Ведь у Лотто в Южном уделе...

— Придержи язык, Колоток! — наперебой загалдели его сотоварищи. — Сам знаешь, что бывает за такие разговоры. Дойдет до Генералиссимуса — и всем нам несдобровать.

— Как до него дойдет, если не через вас же? — огрызнулся Хоб.

— Ладно, ладно! — сказал Сэм. — Поболтали, и будет, я уже наслушался. Встречают с дрекольем, ни тебе пива, ни курева, одни предписания да оркские разговорчики. Я-то надеялся отдохнуть в родных местах, но с вами, как погляжу, канители не оберешься. Пойдем хоть отоспимся с дороги!

Генералиссимус и вправду прознал о них быстро. От моста до Торбы-на-Круче было добрых сорок миль, но кто-то успел живенько обернуться, и Фродо с друзьями в этом скоро убедились.

Они собирались было сперва отправиться в Кроличью Балку и пожить там с неделю в свое удовольствие, но после теплой встречи на мосту и ночевки в караульне решили ехать напрямик в Норгорд. Наутро они выехали на большую дорогу и пустили лошадок рысью. Ветер улегся, серело беспросветное небо, кругом царило унылое затишье: ну что ж, первое ноября, поздняя осень. Но почему-то отовсюду несло гарью, ползли дымы, и огромное мутное облако висело над Лесным Углом.

Под вечер вдали показались Лягушатники — придорожное село за двадцать две мили от моста. Там они думали переночевать в славном трактире «Плавучее бревно», однако въезд в село преграждал шлагбаум, а к нему был прибит фанерный щит с надписью: *«Проезда нет»*. За шлагбаумом сгрудились десятка три ширрифов с жердями в руках и с перьями на шляпах. Глядели они сурово и испуганно.

— В чем дело? — спросил Фродо, сдерживая смех.

— Дело в том, господин Торбинс, — объявил предводитель ширрифов, у которого из шляпы торчали два пера, — что вы арестованы за Проникновение в Ворота, Срывание Предписаний, Нападение на Сторожа, Самовольный и Злонамеренный Ночлег в казенном здании и Угощение Караульных с целью подкупа оных.

— А еще за что? — осведомился Фродо.

— Для начала и этого хватит, — отрезал предводитель.

— Почему ж, я на всякий случай добавлю, — сказал Сэм. — За Обругание Генералиссимуса последними словами, за Намерение съездить ему по прыщавой роже и Называние вас, ширрифов, шутами гороховыми.

— Сударь, сударь, одумайтесь. Согласно личному приказу Генералиссимуса вы обязаны немедля и без малейшего сопротивления проследовать под нашим конвоем в Приречье, где будете сданы с рук на руки охранцам. Когда Генералиссимус вынесет приговор по вашему делу, тогда и вам, может быть, дадут слово. И если вы не хотите провести остаток жизни в Исправнорах, то мой вам совет — прикусите языки.

Фродо с друзьями так и покатились со смеху, а ширрифы растерянно переглядывались.

— Ну что ты чепуху мелешь! — сказал Фродо. — Я поеду, куда мне надо и когда захочу. Надо мне пока что в Торбу-на-Круче, а если вы за мной увяжетесь — это уж ваше дело.

— Ладно, господин Торбинс, — сказал предводитель, поднимая шлагбаум. — Вы только не забывайте, что я вас арестовал.

— Не забуду, — пообещал Фродо. — Никогда не забуду. Но простить — может быть, и прощу. А пока вот что: ночевать я буду здесь, и сделайте милость, проводите нас к «Плавучему бревну».

— Никак невозможно, господин Торбинс. Трактир навсегда закрыт. Не угодно ли переночевать в ширрифском участке, он на другом конце села.

— Почему бы и нет, — сказал Фродо. — Ведите, мы поедем за вами.

Сэм оглядывал ширрифов и наконец высмотрел знакомого.

— Эй, Пит Норочкинс, иди-ка сюда! — позвал он. — У меня к тебе разговор.

Ширриф Норочкинс опасливо обернулся на предводителя (тот глядел волком, но смолчал), поотстал и пошел рядом со спешившимся Сэмом.

— Слушай ты, Питенец! — сказал Сэм. — Ты сам норгордский, голова на плечах вроде есть, что же ты, рехнулся? Как можно, подумай хотя бы, арестовать господина Фродо? Да, кстати, а трактир почему закрыт?

— Трактиры все позакрывали, — отозвался Пит. — Генералиссимус пива не пьет и другим не велит. Будто бы поэтому. Правда, пиво-то и сейчас варят, но только для Больших Начальников. Еще он не любит, чтобы народ шлялся туда-сюда. Теперь, если кому куда нужно, он сперва идет в ширрифский участок и объясняет, зачем.

— Да как же тебе не стыдно таким паскудством заниматься? — укорил его Сэм. — Ты ведь, помнится, и сам был не дурак хлебнуть пивка — в какой трактир ни зайди, а ты уж там, при исполнении обязанностей, стойку подпираешь.

— Я бы и сейчас подпирал, Сэм, да стоек нету. Чем ругать меня, рассуди, а что я могу поделать? Ты же знаешь, я пошел в ширрифы семь лет назад, когда обо всем таком и слуху не было. А я хотел расхаживать по нашим краям, на людей посмотреть, новости узнавать, выведывать, где пиво получше. Теперь-то конечно...

— Ну так брось ширрифствовать, раз пошла такая трезвость, — посоветовал Сэм.

— А это не положено, — вздохнул Пит.

— Еще разок-другой услышу «не положено» и, честное слово, рассержусь, — сказал Сэм.

— Вот и рассердился бы, — вполголоса проговорил Пит. — А кабы мы все разом рассердились, так, может, и толк бы вышел. Да нет, Сэм, по правде говоря, куда там: повсюду эти Большие Начальники, громилы Генералиссимуса. Чуть кто из нас заартачится — его сразу волокут в Исправноры. Первого взяли старину Пончика, Вила Тополапа, голову нашего, а за ним уж и не сочтешь, тем более с конца сентября сажают пачками. Теперь еще и бьют смертным боем.

— Как же вы с ними заодно? — сердито спросил Сэм. — Кто вас послал в Лягушатники?

— Да нас-то никто не слал. Мы здесь безотлучно в ширрифском участке, мы теперь Первый Восточноудельский Отряд. Ширрифов набрали уж сотен пять, а нужно еще вдвое — следить за исполнением Предписаний. Вербуют все больше за шиворот, но есть и доброхоты. Вот ведь даже у нас в Хоббитании нашлись любители совать нос в чужие дела и растарабарывать на пустом месте. Хуже: кое-кто и вовсе стал подлазом, ищейкой Генералиссимуса и его Больших Начальников.

— Ага! Вот, значит, как он о нас проведал!

— Ну. Почты у нас теперь нет, а Срочная почтовая служба осталась: бегуны на подставах. Один такой прибежал ночью из Белокурска с «тайным донесением», а другой — у нас — отслушал и побежал дальше. Днем получили мы распоряжение арестовать вас и доставить не сразу в Исправноры, а сперва в Приречье. Верно, Генералиссимус хочет с вами повидаться.

— Я бы на его месте не торопился повидаться с господином Фродо, — сказал Сэм.

Ширрифский участок в Лягушатниках был еще гаже Предмостной караульни. Этаж там был один, такие же щелястые окна, дом из необожженного кирпича, сложен кое-как. Внутри сыро и мерзко. Поужинали они за длинным дощатым столом, не чищенным много недель. За таким столом только и есть такую еду, какую им дали. Но как-никак ночлег. До Приречья оставалось восемнадцать миль, и собрались они в путь к десяти утра. Они бы и раньше выехали, да уж очень было приятно позлить предводителя ширрифов, который топотал от нетерпения. Западный ветер задул на север, стало холоднее, но тучи расступились.

Довольно смешная процессия покидала село; правда, селяне, которые вышли поглядеть на возмутителей спокойствия, не знали, можно или нельзя смеяться. Конвоировать их отрядили дюжину ширрифов. Мерри велел им идти впереди, а четверо арестантов ехали следом. Пин, Сэм и Мерри сидели вразвалочку, хохотали, галдели и распевали песни; ширрифы вышагивали с важным и строгим видом. Фродо молчал, опечаленный и задумчивый.

Возле последнего дома кряжистый старикан подстригал изгородь.

— Ого-го! — хохотнул он. — Это кто же кого арестовал?

К нему тут же метнулись два ширрифа.

— Эй ты, предводитель! — сказал Мерри. — Ну-ка, верни своих малых обратно в строй, а то я помогу!

Повинуясь окрику предводителя, хоббиты-ширрифы угрюмо поплелись назад.

— Ну а теперь ходу! — распорядился Мерри, и пони перешли на легкую рысь, так что и конвою пришлось наддать. Выглянуло солнце, и, хотя по-прежнему веял холодный ветер, разгоряченные ширрифы истекали потом.

Их, однако же, хватило лишь до Трехудельного Камня, на четырнадцать миль с передышкой в полдень. Было три часа. Ширрифы изголодались, ноги их не слушались, и бежать дальше совсем уж не было смысла.

— Пожалуйста, идите своим шагом! — сказал Мерри. — А мы поедем.

— До свидания, Питсиец! — крикнул Сэм. — Встретимся у «Зеленого дракона», если ты дорогу туда не забыл. Возьми ноги в руки!

— Как себя ведете, арестованные! — укорил их предводитель ширрифов. — Порядок нарушаете. Ну, потом на меня не пеняйте.

— Погоди, еще не так нарушим, — пообещал Пин, — а на тебя, уж ладно, не попеняем.

Они зарысили дальше, и солнце исчезало вдали за Светлым нагорьем, когда перед их глазами открылось Приречье, раскинулась озерная гладь. Фродо и Сэм застыли в горестном изумлении. Оба они были здешние, и, хотя навидались всякого, зрелище поругания родного края оказалось горше всего на свете. Памятные, любимые дома как смело́; кое-где чернели пожарища. Старинные и уютные хоббитские жилища на северном берегу, верно, остались без хозяев, и садики, спускавшиеся к самому озеру, густо заросли сорняками. Между Озерным побережьем и Норгордской дорогой громоздились уродливые новостройки. Прежде там была тополевая аллея — не осталось ни деревца.

А дальше, на пути к Торбе, торчала громадная кирпичная труба, изрыгавшая клубы черного дыма.

Сэма бросило в дрожь.

— Господин Фродо, позвольте, я поеду вперед! — крикнул он. — Все разведаю и узнаю, как там мой Жихарь.

— Не пори горячку, Сэм, — сказал Мерри. — Нас ведь хотели сдать в Приречье с рук на руки шайке бандитов. Надо сперва здесь у кого-нибудь толком разузнать, что почем.

Но узнавать было не у кого: Приречье встретило их запертыми воротами и темными, незрячими окнами. Непривычно это было до жути, но вскоре все разъяснилось. «Зеленый дракон» — последний дом на выезде в Норгорд — стоял заброшенный, с выбитыми стеклами, и там их поджидали охранцы. Шесть здоровенных малых, косоглазых и желтолицых, привалились к стене трактира.

— Все как на подбор вроде того приятеля Бита Осинника в Пригорье, — сказал Сэм.

— Я таких навидался в Изенгарде, — буркнул Мерри.

В руках охранцы держали дубинки, на поясе у каждого висел рог, но больше вроде бы никакого оружия у них не было. Они словно нехотя отошли от стены и преградили хоббитам дорогу.

— Это куда же вы намылились? — спросил самый дюжий и с виду самый злобный из них. — Слезайте, приехали. Ширрифы-то ваши драгоценные — где они?

— Поспешают, не торопясь, — сказал Мерри. — Ножки у них устали. Мы их здесь обещали подождать.

— Едрена вошь, а я что говорил? — обратился главарь к своим. — Говорил же я Шаркичу: ну ее, мелюзгу, к ляду! Наши парни давно бы уже их приволокли.

— Так-таки и приволокли бы? — сказал Мерри. — Вряд ли. Раньше, правда, подонки по нашему краю не разгуливали, но и теперь вы у нас не загоститесь.

— Чего ты сказал — *подонки*? — переспросил тот. — Ну, ты даешь! Разговорчивый больно, ничего, заговоришь по-другому. Что-то, я гляжу, мелюзга у нас обнаглела. Вы не больно-то надейтесь на добродушие Вождя. Шаркич на своем посту, и Вождь сделает, как Шаркич велит.

— А как он велит? — спокойно спросил Фродо.

— Порядок надо навести, чтобы все вы себя помнили, — сказал охранец. — И уж кто-кто, а Шаркич наведет порядок: большой кровью наведет, ежели будете шебаршиться. С вами надо покруче, вам нужен другой Вождь, и будет другой — еще до Нового года. Вот тогда вы у нас попляшете, крысеняточки.

— Очень было вас интересно послушать, — вежливо заме-

тил Фродо. — Я как раз собираюсь навестить господина Лотто, может, ему тоже будет интересно?

Охранец расхохотался.

— Лотто, говоришь? Да он все и так знает, не беспокойся. И будет слушаться Шаркича как миленький, а то его и убрать недолго. Понял? А ежели вы, мелочь пузатая, полезете за него заступаться, мы вас под землю загоним. Понял?

— Понял, — сказал Фродо. — Для начала я понял, что вы тут живете на отшибе и новостей не знаете. Ты с юга, что ли? Так на юге теперь совсем все иначе. С бандитами вроде тебя не сегодня-завтра покончат. Черный Замок разрушен, в Гондоре Государь на троне, и нынче ваш хозяин — всего-навсего жалкий нищий, мы его повстречали. Изенгардские разбойники перебиты, и скоро по знакомому тебе Неторному Пути прискачут посланцы Государя.

Охранец смерил его взглядом и широко ухмыльнулся.

— Жалкий нищий! — передразнил он. — Да ну? Давай, давай, нахальничай, вшивареночек, покуда хвостик не прищемили. А мы покуда обдерем вас, жирненьких: вы на покое здорово отъелись! И на посланцев твоего Государя, — он щелкнул пальцами перед носом Фродо, — плевать я хотел! Какие еще посланцы? Вот увижу хоть одного — тогда и разберемся.

Тут Пин не выдержал. Ему припомнилось Кормалленское поле; и после всего этого какой-то косоглазый ублюдок смеет называть Хранителя Кольца вшивареночком? Он откинул плащ, выхватил меч — и блеснул черно-серебряный доспех стража цитадели Гондора.

— Я Государев посланец! — сказал он. — Перед тобой, мерзавец, друг Великого Князя, знаменитый рыцарь Западного воинства. А ты болван и негодяй. На колени — и моли о прощении, пока не постигла тебя участь убитого мной тролля!

Клинок засверкал в лучах закатного солнца. Мерри и Сэм обнажили мечи и подъехали поближе; Фродо не шевельнулся. Охранцы подались назад. Они привыкли запугивать мирных пригорян и лупцевать добродушных хоббитов, а суровые и бесстрашные воины со сверкающими мечами — такого они в жизни не видели. Да и голоса приезжих звучали вовсе не по-здешнему. Словом, было отчего струсить.

— Прочь отсюда! — сказал Мерри. — И чтобы духу вашего здесь не было, а то...

Трое хоббитов тронули пони, и охранцы пустились бежать по Норгордской дороге; на бегу они трубили.

— Да, ничего не скажешь, вовремя мы подгадали, — заметил Мерри.

— Если не запоздали. Может, уже и поздно, не спасем дура-

ка Лотто. Олух несчастный, неужто ж ему погибать? — сказал Фродо.

— Как это — Лотто не спасем? Да ты в своем ли уме? — поразился Пин. — Скажи лучше — покончим с Лотто!

— Похоже, ты, Пин, не слишком нынешние дела понимаешь, — сказал Фродо. — Лотто не только не виновник, он даже не зачинщик всего этого безобразия. Ну, дурак он, конечно, злобный дурак, в том его и беда. А подручные взяли верх: они и отбирают, и грабят, и бесчинствуют его именем. Он заключенный, узник в Торбе-на-Круче. И наверно, перепуган до смерти. Хорошо бы его все-таки вызволить.

— Ничего себе! — сказал Пин. — Это надо же, в страшном сне не приснится — драться у нас в Хоббитании с бандитской сволочью и со всякими там оркскими ублюдками, а зачем? — чтобы вызволять Лотто Чирея!

— Драться? — повторил Фродо. — Да, пожалуй что, драки не миновать. Помните только, что хоббитов убивать нельзя, хоть они и на стороне Генералиссимуса. Я не о тех, кто просто струсил, а если они даже и взаправду переметнулись, ну что поделаешь. Нет, в Хоббитании никогда друг друга не убивали, и не нам вводить такой обычай. Лучше бы вообще никого не убивать — ну, попробуйте, удержитесь!

— Это уж дудки, — возразил Мерри, — дойдет дело до драки, так не захочешь, а убьешь. И ты, дорогой мой Фродо, извини, конечно, ни аханьем, ни оханьем не спасешь ни Лотто, ни Хоббитанию.

— Н-да, — сказал Пин. — Другой раз с ними потруднее будет. Это мы их нахрапом прогнали. Не зря, поди, они трубили — небось созывали своих. Соберется десятка два — сразу так осмелеют, только держись! Нам бы где-нибудь на ночь укрыться: мы хоть и при оружии, а всего-то нас четверо.

— А вот чего, — сказал Сэм. — Поехали-ка мы на Южную околицу, к старому Тому Кроттону! Уж он труса не спразднует, и сыновья у него крепкие ребята, кстати же говоря — мои дружки.

— Нет! — покачал головой Мерри. — Укрываться на ночь не согласен. Все, я вижу, только и делают, что укрываются, хотят отсидеться, а это бандитам как раз на руку. Нагрянут целой оравой, окружат нас и возьмут измором либо выкурят. Нет, надо действовать немедля.

— Немедля — это как? — спросил Пин.

— Да поднимать мятеж! — сказал Мерри. — Поставить на ноги всю Хоббитанию! Ведь новые порядки поперек горла всем, кроме двух, ну, трех негодяев да двух десятков олухов, которые не прочь поважничать и знать не желают, чем дело пахнет. Хоббиты вообще чересчур привыкли благоденствовать, потому и

растерялись. А только поднеси уголек — и вспыхнет, что твоя скирда: подручные Генералиссимуса это нутром чуют. Чтоб земля у них под ногами не загорелась, надо мигом расправиться с нами, так что времени у нас в самый обрез. Сэм, ты и правда скачи-ка к усадьбе Кроттона. Хоббит он матерый, все его уважают. Давай, давай! А я пока потрублю в ристанийский рог — ох, они здесь такой музыки в жизни своей не слыхали!

Они отъехали к сельской площади, Сэм свернул на юг и галопом помчал по проулку к дому Кроттонов. Внезапно и звонко запел рог, разрывая вечернюю тишь. Раскаты его огласили холмы и поле, и призыв был такой властный, что Сэм чуть не поскакал назад. Пони вздыбился и заржал.

— Ладно, Билли, ладно! — крикнул Сэм. — Скоро вернемся.

А Мерри тем временем затрубил иначе, и разнесся по дальней окрестности старинный трубный клич Забрендии:

ВСТАВАЙ! ВСТАВАЙ! НАПАСТЬ! ПОЖАР! ВРАГИ!
ПОЖАР! ВРАГИ! ВСТАВАЙ! ВСТАВАЙ! ГОРИМ!

Сэм заслышал позади шум, гам и хлопанье дверей. Впереди в сумерках вспыхивали окна, лаяли собаки, разносился топот. У конца проулка он чуть не наехал на фермера Кроттона и трех его сыновей: Малыша Тома, Джолли и Ника — бежали они со всех ног, каждый с топором, и встали стеною.

— Не, ребята, он не из тех! — услышал Сэм. — По росту вроде бы хоббит, только одет не по-нашему. Эй! — крикнул фермер. — Ты кто и почему такой шум подняли?

— Да я Сэм, Сэм Скромби. Я вернулся!

Старик Том Кроттон подошел и пригляделся.

— Ишь ты! — сказал он. — Голос какой был, такой остался, и мордоворот не хуже прежнего. Как есть Сэм. Но прости, уж извини, я бы тебя на улице не признал. Сразу видать, из чужих краев. А говорили, тебя и в живых нет.

— Это все вранье! — сказал Сэм. — И я живой, и господин Фродо тоже. Он здесь, неподалеку, со своими друзьями, оттого и шум. Они Хоббитанию берут за жабры. Хотим разделаться с бандитской сволочью и уж заодно с Генералиссимусом. Начали, посмотрим, как будет.

— Хорошо будет! — обрадовался фермер Кроттон. — Ну, хоть началось наконец! У меня весь год руки чесались, да народишко у нас квелый. А тут, понимаешь, жена, да еще ведь и Розочка. С этих мерзавцев станется и женщин обидеть. Ладно, ребята, бегом марш! Приречье начало! Уж мы-то не отстанем!

— А госпожа Кроттон и Розочка? — спросил Сэм. — Их ведь одних оставлять не годится.

— С ними Нибс остался. Ну, ты пойди помоги ему, коли время есть, — ухмыльнулся фермер Кроттон. И побежал на площадь вслед за сыновьями.

А Сэм поспешил к их дому. За широким двором на крыльце возле большой круглой двери он увидел госпожу Кроттон и Розочку, а перед ними — Нибса с вилами.

— Не пугайтесь, это я! — крикнул Сэм, подъехав к крыльцу. — Я, Сэм Скромби! И не пырни меня вилами, Нибс, все равно не проткнешь, на мне кольчуга!

Он соскочил с пони и взбежал по ступенькам. Они молча, растерянно смотрели на него.

— Добрый вечер, госпожа Кроттон! — сказал он. — Привет, Розочка!

— Привет и тебе, Сэм! — отозвалась Розочка. — Где это ты пропадал? Были слухи, что тебя и в живых нет, но я-то тебя с весны дожидаюсь. Ты, правда, не очень торопился, а?

— И то сказать, — смущенно признался Сэм. — Зато теперь очень тороплюсь. Мы тут с этими охранцами разбираемся, мне нужно обратно к господину Фродо. Я просто подумал: дай-ка заеду узнаю, как там поживает госпожа Кроттон, ну и Розочка тоже.

— Спасибо, поживаем как живется, ничего себе, — сказала госпожа Кроттон. — Ну вот только что эти, как их, откуда они только взялись, жить мешают.

— Ты давай езжай, куда собрался! — сказала Розочка. — А то: господин Фродо да господин Фродо, а как припекло, так сразу в кусты?

Этого уж Сэм вынести не мог. Тут либо объясняться целую неделю, либо смолчать. Он спустился с крыльца и сел на своего пони. Но не успел он отъехать, как Розочка спорхнула по ступеням и сказала ему:

— Сэм, ты прямо загляденье! Ну езжай, езжай, я не к тому. Только все-таки себя-то побереги, уж пожалуйста. И скорей-скорей возвращайся, как разберетесь с этими охранцами!

Когда Сэм вернулся на площадь, вся деревня была на ногах. Молодежь само собой, но, кроме нее, собралось больше сотни крепких, надежных хоббитов с топорами, молотами, длинными ножницами и тяжелыми дубинками. У иных были и луки. Подходили с ближних хуторов.

Кому-то пришло в голову разжечь большой костер — так, для красоты, а еще потому, что это строго-настрого запретил Генералиссимус. Костер разгорался все ярче и ярче. По приказанию Мерри деревню с обеих сторон перегородили. С востока

не очень; оттуда явились наконец отставшие ширрифы, изумленно поглядели, что делается, чуть поразмыслили, посрывали свои перья и замешались в толпу. Однако нашлись и такие, кто побежал к начальству.

Фродо, Пин и Мерри толковали с Томом Кроттоном; вокруг них стояла радостная толпа.

— Ну а дальше чего? — спрашивал старик Кроттон.

— Дальше не знаю, — говорил Фродо. — Охранцев вообще-то много или нет?

— А пес их разберет, — в сердцах сказал Кроттон. — Шляются, гадят и уходят. Полсотни их, что ли, с лишком живет в бараках у Норгорда. Эти приходят, грабят, или, по-нынешнему, «реквизируют», когда им вздумается. У ихнего Вождя человек двадцать точно. Он в Торбе-на-Круче... может, и не там, не знаю, но сюда не вылезал. Неделю-другую его никто не видел, туда ведь не подступишься.

— В Норгорде они все собрались? — спросил Пин.

— То-то и оно, что нет, — сказал Кроттон. — В Длинноxвостье и возле Сарнского Брода много, я слышал, их болтается, да и в Лесном Углу тоже. И возле Главного Перекрестка ихние бараки. А около Исправнор — это у них так теперь называются наши землеройские норы — их считай — не перечтешь. Во всей Хоббитании сотни три наберется, но вряд ли больше. Возьмемся — одолеем.

— Как у них с оружием? — спросил Мерри.

— Какое ни на есть: кнуты, ножи и дубинки, этого им хватало, а другого мы покамест не видели, — отвечал фермер Кроттон. — Но ежели дойдет до настоящей драки, небось у них там и еще чего-нибудь найдется, луки-то уж точно. Двух-трех наших они подстрелили.

— Слыхал, Фродо? — повернулся к нему Мерри. — Я же говорю, драки не миновать. Но заметь: убитым они открыли счет.

— Ну, не совсем-то, — замялся старый Кроттон. — Стрелять мы первые начали, Кролы то есть. Папаша ваш, господин Перегрин, Лотто этого на дух не переносит и прямо сразу сказал, что ежели кому-нибудь зачем-нибудь нужен какой бы то ни было генералиссимус, то он у нас и так есть — законный Хоббитан, а не какой-то выскочка. Лотто послал целую ватагу Больших Начальников усмирять его, да куда там! В Зеленых Холмах глубокие норы, рядом Преогромные Смиалы; какая же Громадина полезет туда на свою голову?! Им и вообще Кролы велели убираться подобру-поздорову и носа близко не казать. Те не послушались, и Кролы троих подстрелили — за разбой и грабеж. Бандиты, конечно, озлобились и нынче в оба глаза стерегут Укролье: ни туда, ни оттуда никому ходу нет.

— Ай да Кролы! — воскликнул Пин. — Ну теперь-то надо кому-нибудь туда пробраться, а кому, как не мне, я-то Смиалы знаю как свои пять пальцев. Кто со мной в Кролы?

Он отобрал с полдюжины охотников; все верхами на пони.

— До скорого свидания! — крикнул он. — Всего-то здесь полем миль четырнадцать! Ждите к утру: приведу вам крольское ополчение.

Они скрылись в густеющих сумерках; толпа радостно голосила им вослед, а Мерри протрубил в рог.

— И все-таки, — упорно повторил Фродо, — лучше бы никого не убивать, даже охранцев, разве что придется поневоле.

— Еще бы *не придется*! — сказал Мерри. — Они как раз к нам, того и гляди, пожалуют из Норгорда, и боюсь, что не для переговоров. Попробуем обойтись миром, но приготовимся к худшему. У меня есть свой план.

— Вот и ладно, — сказал Фродо. — Давай распоряжайся.

В это время подбежали хоббиты-дозорные с Норгордской дороги.

— Идут! — объяснили они. — Двадцать с лишним. И еще двое побежали на запад.

— Это они к Перекрестку, — пояснил Кроттон, — за подкреплением. Ну, дотуда добрых пятнадцать миль, да и оттуда не *меньше. Пока подождем* огорчаться.

Мерри пошел отдавать приказы. Фермер Кроттон отправил по домам женщин, детей и прочую молодежь; остались и укрылись за плетнями только хоббиты постарше, все с оружием. Едва улица опустела, как послышались громкие голоса и тяжелая поступь. Громилы подошли гурьбой и при виде наспех поставленного хлипкого шлагбаума дружно расхохотались. Уж вдвадцатером-то они чувствовали себя полными хозяевами в этой маленькой, уютненькой стране.

Хоббиты подняли шлагбаум и расступились.

— То-то! — издевались каратели. — И живо бегите в постельки, пока вас не высекли.

Они прошли по улице, крича:

— Все гасите свет! По домам и на улицу не высовываться, а то заберем сразу полсотни заложников в Исправноры. Живее, живее! Доигрались, вывели Вождя из терпения!

На крики их никто внимания не обращал, а за ними смыкалась и бесшумно следовала толпа. У костра на площади стоял один-одинешенек фермер Кроттон и грел руки.

— Ты кто такой и чего это ты здесь делаешь? — гаркнул главарь шайки.

Фермер Кроттон медленно поднял на него глаза.

— А я как раз тебя хотел о том же спросить, — сказал он. —

Чего это вы приперлись в чужую страну? Вас сюда никто не приглашал.

— Зато мы тебя пригласим! — загоготал главарь. — Хватай его, ребята! Волоките его в Исправноры и по дороге научите вежливости!

К фермеру шагнули двое — и точно споткнулись. Толпа вдруг грозно загудела: оказалось, что Кроттон вовсе не один. Со всех сторон в темноте за отсветами пламени стояли хоббиты. Было их сотни две, и все с оружием.

Мерри выступил вперед.

— Мы сегодня с тобой уже виделись, — сказал он главарю, — и сказано было тебе: сюда больше не соваться. Не расслышал? Так слушай теперь: вы на свету, под прицелом лучников. Только пальцем кого-нибудь троньте — тут вам и конец. А ну, бросай все оружие, какое есть!

Главарь огляделся: да, их окружили. Но он не струсил — как-никак, с ним было двадцать дюжих молодцов. Плоховато он знал хоббитов, поэтому сдуру и решил, что уж назад в Норгорд они пробьются шутя.

— Бей их, ребята! — крикнул он. — Бей насмерть!

С длинным ножом в левой руке и с дубинкой в правой он кинулся на Мерри, преграждавшего им путь, — *пришибить его, приколоть, а там дело пойдет! — и рухнул, пронзенный четырьмя стрелами.*

Этого вполне хватило: прочие охранцы побросали оружие, были обысканы, связаны гуртом и отведены в пустой сарай, ими же в свое время построенный. Там им уже порознь связали руки и ноги, заперли сарай и поставили караул. Труп главаря оттащили на пустырь и закопали.

— Раз-два и готово, а? — сказал Кроттон. — Говорил же я, что мы их запросто одолеем: надо только начать и кончить. Да, вовремя же вы подоспели, господин Мерри.

— Начать-то мы начали, но еще далеко не кончили, — возразил Мерри. — Ежели верно, что их три сотни, то мы пока и одну десятую не уделали. Однако ж стемнело; подождем-ка до утра, а там уж попотчуем гостей и сами наведаемся к Генералиссимусу.

— Почему же не сейчас? — спросил Сэм. — Еще не поздно вовсе, едва за шесть! Мне невтерпеж повидаться с моим Жихарем. Вы, господин Кроттон, не знаете, как он вообще-то поживает?

— Да не то чтоб уж совсем плохо, Сэм, — сказал фермер. — Исторбинку-то срыли, и он, конечно, сильно огорчился. Теперь живет в новом доме — из тех, которые Начальники построили, пока еще чего-то делали, не только грабили и жгли; дом-то не-

далеко, за милю от того конца Приречья. Он и ко мне захаживает, коли выдастся случай, и я его малость подкармливаю, а то их, бедняг, держат там впроголодь. Принимать и кормить гостей, конечно, настрого запрещено, да что мне их Предписания! Я бы и поселил его у себя, только ведь наверняка отыскали бы, и тогда нам обоим один путь — в Исправноры.

— От души вам спасибо, господин Кроттон, по гроб у вас в долгу, — сказал Сэм. — Тем более надо за ним съездить, а то этот Вождь на пару с Шаркичем еще до утра, пожалуй, что-нибудь вытворят.

— Будь по-твоему, Сэм, — сказал Кроттон. — Возьми с собой паренька-другого, езжайте и привезите его ко мне домой. Только в объезд старого Норгорда-на-Озере. Да вот мой Джолли тебя проводит.

Сэм уехал. Мерри выставил дозоры вокруг села и ночные караулы к шлагбаумам. Потом они с Фродо отправились к фермеру Кроттону, сидели со всей его семьей в теплой кухне, отвечали на учтивые расспросы о своих странствиях. Впрочем, расспрашивали не очень и слушали вполуха — еще бы, ведь куда важнее были дела хоббитанские.

— Начал все это паскудство Чирей — такое уж у него прозвище, — приступил фермер Кроттон, — и началось это, уж извините, господин Фродо, когда вы уехали гулять по чужим краям. Чирей вроде как в уме повредился: ему, видно, хотелось прибрать все на свете к рукам и стать самым-самым главным. Глядь — а он уже нахапал выше головы и подряд скупает мельницы, пивоварни, трактиры, фермы и плантации трубочного зелья; откуда только деньжищи берутся? Пескунсову-то мельницу, к слову, он откупил еще прежде, чем вы ему Торбу по дешевке продали.

Конечно, начал он не на пустом месте: папаша оставил ему большие земли в Южном уделе, и он, видать, расторговался трубочным зельем, год или два уже втихомолку сбывал на сторону лучшие сорта. А к концу прошлого года — что там зелье! — целые обозы со всякой всячиной в открытую потянулись на юг. Тут зима подошла, то да се, а мы знай себе ушами хлопаем: куда все подевалось? Потом народ малость осерчал, только ему-то хоть бы что: понаехали здоровущие повозки, а в них — Громадины, все больше бандитские рожи. Едут и едут: одни погрузятся — и обратно, другие остаются. Мы проморгаться не успели, смотрим — ан они уж везде, по всей Хоббитании рубят деревья, копают ямины, строят дома, не то сараи, где хотят, там и строят. Поначалу Чирей так-сяк возмещал урон и убытки, а потом и

думать забыл, куда! Их вся власть, отдавай да помалкивай, а пикнешь — последнее отберут.

Кой-какой шумок все же случился. Голова наш, старина Вил, пошел в Торбу заявить протест, да не добрался он до Торбы. Охранцы перехватили его по дороге и доставили в землеройские Исправноры — верно, и сейчас он там сидит. Так что вскорости после Нового года головы у нас не стало, и Чирей велел называть себя Генеральным Ширрифом, а потом и просто Генералиссимусом.

И давай начальствовать; если же кто, говоря по-ихнему, «проявлял враждебность», тот живо оказывался, где и Вил Тополап. Словом, дальше — хуже. Курева никакого, только для Больших Начальников; пива Генералиссимус не велит пить никому, одни начальники его пьют, а трактиры все позакрывались; в закромах шаром покати, зато Предписаний навалом. Припрятал что-нибудь — твое счастье, да и то как сказать: бандиты через день приходят с обыском и забирают все подчистую «в целях разверстки» — это значит, чтобы им все, а нам ничего. Оставляют, правда, свалку отбросов у ширрифских участков: ешь, мол, на здоровье, авось не вытошнит. Но уж когда явился Шаркич — тут хоть ложись и помирай.

— Что еще за Шаркич? — спросил Мерри. — Нам этим Шаркичем грозил один бандит.

— Он, видно, из них, бандитов, наиглавнейший, — отвечал Кроттон. — Мы как раз отработались — ну, к концу сентября, — тут о нем слухи и поползли. Никто его в глаза не видел, знаем только, что живет он в Торбе-на-Круче и что он теперь главнее Генералиссимуса. Охранцы у него под рукой ходят, а он им: круши, жги, ломай! Теперь и убивать тоже велит. Вот уж, как говорится, хоть бы дурного толку — нет, и того незаметно, все без толку. Рубят деревья, чтоб срубить, жгут дома, абы сжечь, — и ничего, ну совсем ничего не строят.

Про Пескунса послушайте. Чирей как перебрался в Торбу, так сразу снес его мельницу. И пригнал толпу чумазых Громадин: они, дескать, построят новую, огромную, и колес там будет невпроворот, и все правильно, по-чужеземному. Один дурак Тод обрадовался и теперь обтирает колеса, где его папаша был мельник и сам себе хозяин. У Чирея-то было что́ на уме: а ну, давай молоть поскорее да побольше — так он говорил. И понастроил мельниц вроде этой. Только ведь, ежели молоть, надо, чтоб зерно было, а зерна как не стало, так и нет. Ну, с тех пор как Шаркич явился, зерна и не надо. Они там только трах-бах и пых-пых: пускают вонючий дым; ночью-то в Норгорде, поди, и не уснешь. И гадят — нарочно, что ли, не понять; загадили Нижнее Озеро, а там и до Брендидуима недалеко. В общем,

ежели кому надо, чтобы Хоббитания стала пустыней, то все оно правильно. Вряд ли дурак Чирей это устраивает, тут не без Шаркича.

— Верно, верно! — вставил Малыш Том. — Да чего говорить, они же забрали мамашу Чирея, старуху Любелию, которую вот уж никто не любил, только сыночек. Норгордские видели и слышали: однажды она, знаете, идет вниз по улице со своим зонтиком, а навстречу ей охранцы — пыхтят, волокут огромную телегу.

«Это вы куда же?» — она спрашивает.

«В Торбу-на-Кручс», — ей отвечают.

«Зачем?» — она говорит.

«Для Шаркича сараи строить», — это ей-то.

«А кто ж это вам позволил?» — она удивляется.

«Шаркич велел, — ей говорят. — А ну, с дороги, старая карга!»

«Я вам покажу Шаркича, ворюги паршивые!» — это она-то, и как накинется на главного, в глаз ему норовит своим зонтиком, но не достает, он вдвое выше. Взяли ее, конечно, уволокли в Исправноры, на возраст не посмотрели. Они туда много кого уволокли получше ее, однако ничего не скажешь, в грязь лицом не ударила, не то что некоторые.

Посреди разговора вошел Сэм вместе со своим Жихарем. Старик Скромби почти не постарел, только слышать стал хуже.

— Добрый вечер, господин Торбинс! — возгласил он. — Рад вас видеть в добром здравии, приятно, что вернулись. Только извините, грубо скажу, не по делу вы уезжали. Это же надо — продать Торбу-на-Круче, и кому? Вот оно где и началось безобразие. Вы там разгуливали в чужих краях, загоняли на горы каких-то черномазых — если, конечно, верить Сэму, хотя, зачем вы их туда загоняли, я у него не допытался. А тут пока чего — набежали какие-то сукины дети, срыли нашу Истербинку, и картошки мои пошли псу под хвост!

— Вы уж извините, что так получилось, господин Скромби, — сказал Фродо. — Но я, видите, вернулся и уж постараюсь привести что можно в порядок.

— Золотые ваши слова! — объявил Жихарь. — Сразу видно, что господин Фродо — хоббит породистый, не то что иные прочие, каким и фамилию-то эту незачем трепать, извините за простоту. Да, а что мой Сэм — вы им, стало быть, довольны и вел он себя как следовает?

— Более чем доволен, господин Скромби, — отвечал Фро-

до. — Поверите ли, он теперь знаменит во всем Средиземье, и о нем слагают песни от Моря досюда и за Великой Рекой.

Сэм покраснел и благодарно взглянул на Фродо, потому что глазки Розочки сияли и лицо ее озарилось нежной улыбкой.

— Верится, что и говорить, с трудом, — сказал Жихарь, — зато сразу видно, что мотался парень невесть где. У него же вроде жилетка была — куда она подевалась? А то ведь железа на себя сколько ни напяль, в голове не прибавится, даром что брюхо блестит.

Спозаранку чада, домочадцы и все гости фермера Кроттона были на ногах. Ночь прошла спокойно, однако впереди ничего хорошего не ожидали: тревожный будет денек.

— Возле Торбы-то охранцев вроде бы не осталось, — сказал Кроттон, — а с Перекрестка, того и гляди, все пожалуют скопом.

Позавтракали, и прискакал гонец из Укролья, веселый, радостный.

— Хоббитан всех как есть на ноги поднял, — сказал он, — пожар, да и только. Охранцы, какие уцелели, драпают на юг, наши их перехватят. А господин Перегрин собрал поголовное ополчение и скорым шагом ведет его сюда.

Другая новость была похуже. Мерри, который всю ночь глаз не сомкнул, явился часам к десяти.

— Большой отряд за четыре примерно мили, — сказал он. — С Перекрестка, и по дороге поднабрали. Их сотня с лишним, идут и жгут. Вот гады!

— Да, эти уж точно не для разговора, эти идут убивать нашего брата, — заметил фермер Кроттон. — Если из Кролов не подоспеют ко времени, то лучше нам спрятаться и стрелять без лишних слов. Да, господин Фродо, хочешь не хочешь, придется подраться.

Но из Кролов подоспели ко времени. Пин уже въезжал в село во главе сотни отборных ополченцев из Укрольных Низин и с Зеленых Холмов. Теперь у Мерри хватало взрослых ратников, чтобы разделаться с охранцами. Разведчики доложили, что бегут они плотной толпой: знают небось, что округа охвачена мятежом, и хотят поскорее загасить и беспощадно вытоптать очаг мятежа в Приречье. Злобищи-то у них хватало, но в военном деле главари, видать, ничего не смыслили: ни застав у них не было, ни дозоров. Мерри быстро раскинул умом.

Охранцы протопотали по Восточному Тракту и с ходу свернули на Приречный, на склон, где по обочинам дороги высились крутые откосы с живыми изгородями поверху. За поворо-

том, футов за шестьсот от Тракта, пути дальше не было, его преграждали навороченные в три роста телеги. А вверху, за откосами, стеной стояли хоббиты. Позади другие хоббиты мигом нагромоздили телеги, спрятанные в поле; отступления тоже не получалось. И сверху прозвучал голос.

— Вы, простите, попали в засаду, — сказал Мерри. — Как и ваши приятели из Норгорда: один мертвый, другие сидят под стражей. А ну, бросай оружие! Потом двадцать шагов назад и сесть, не двигаться! А кто двинется — тут ему и конец!

Но на этот раз охранцев было не так-то легко испугать. Были такие, что повиновались, но их быстро призвали к порядку. Человек двадцать или около того кинулись назад, на баррикаду. Шестерых подстрелили, остальные прорвались, убили двух хоббитов и разбежались в разные стороны — должно быть, к Лесному Углу.

— Далеко не убегут, — сказал Пин. — Смертники — у нас там полным-полно стрелков.

Двое упали на бегу. Мерри затрубил в рог, и ему ответили рога со всех сторон.

А тех, кто остался на дороге, зажатых с четырех сторон, было еще человек восемьдесят, они бросались на откосы, ломились через баррикады. Одних застрелили, других порубили топорами. Но самые сильные и злобные рвались на запад и бились насмерть. Убили многих и едва не прорвались; но тут подоспели с восточной стороны Мерри с Пином, и Мерри зарубил главаря, огромного косоглазого ублюдка оркской породы. Потом он оттянул ополченцев, и остальные охранцы стали живой мишенью широкого круга лучников.

Наконец-то все кончилось. Семьдесят или около того лежали мертвые, с дюжину взяли пленными. Полегло девятнадцать хоббитов, ранено было около тридцати. Мертвых бандитов свалили на телеги, отвезли к песчаным карьерам и там закопали — на Битвенной Свалке, как она стала потом называться. Убитых хоббитов похоронили в общей могиле на склоне холма; позднее там воздвигли надгробный камень и насадили рощу. Так завершилась битва у Приречья в 1419 году, последняя битва в Хоббитании; предыдущая была в 1147-м, в Северном Уделе, на Зеленополье. А новая битва, хоть и не очень кровопролитная, все же заняла целую главу в Алой Книге: имена всех ее участников образовали Великий Список, который заучивали наизусть летописцы Хоббитании. С тех самых пор дела у Кротонов пошли в гору, да еще как! Но Кроттоны Кроттонами, а все Списки возглавляли имена главных полководцев: Мериадока и Перегрина.

Фродо был в гуще боя, но меча ни разу не обнажил; он лишь

уговаривал хоббитов не поддаваться гневу и щадить врагов, бросивших оружие. Когда битва кончилась и всем разъяснили, что делать дальше, они с Мерри, Пином и Сэмом вернулись к Кроттонам. Пополдничали, и Фродо сказал, вздохнув:

— Ну что ж, поедем разбираться с Генералиссимусом.

— Вот-вот, чем скорее, тем лучше, — сказал Мерри. — Только ты там не очень-то нежничай. Ведь охранцы — его подручные, и он все-таки в ответе за их дела.

Фермер Кроттон отрядил с ними две дюжины крепких молодцов.

— Оно конечно, вроде бы и не осталось охранцев в Торбе, — сказал он, — да мало ли.

Сопровождение было пешее. Фродо, Сэм, Мерри и Пин ехали впереди.

И стало им грустно, как никогда в жизни. Все выше торчала перед ними огромная труба, а подъехав к старой приозерной деревне, они увидели сараи по обе стороны дороги и новую мельницу, унылую и мерзкую: большое кирпичное строение, которое оседлало реку и извергало в нее дымные и смрадные отходы. Все деревья вдоль Приречного Тракта были срублены.

Они переехали мост, взглянули на Кручу и ахнули. Что там Сэм ни увидел в Зеркале, это было хуже. Древний Амбар к западу от Тракта снесли; на его месте стояли кривобокие, измазанные дегтем сараи. Каштаны повырубили. Откосы изрыли, живые изгороди обломали. На голом, вытоптанном поле не было ни травинки, только сгрудились телеги и фургоны. Исторбинка зияла песчаным карьером, громоздились груды щебня. Торба и не видна была за черными двухэтажными бараками.

— Срубили, гады! — воскликнул Сэм. — Праздничное Дерево срубили! — Он показал туда, где восемнадцать лет назад Бильбо произнес Прощальную речь, а теперь лежал, раскинувшись, гниющий древесный труп. Это было уж слишком — и Сэм заплакал.

Но его всхлипы прервал громкий смех. На низкую мельничную ограду тяжко облокотился здоровенный хоббит, чумазый и засаленный.

— Чего, Сэмчик, не нравится? — хохотнул он. — Ну, так ты и всегда был сопливец. А я-то думал, ты отвалил куда-то там такое на корабле, плывешь и уплываешь, как ты, помнится, языком трепал. Зачем обратно-то приперся? Мы тут, в Хоббитании, работаем, понял, дело делаем.

— Оно и видно, — сказал Сэм. — Умыться некогда, надо брюхом забор обтирать. Только вы учтите, сударь Пескунс, что я вернулся сводить счеты, а будете зубы скалить — посчитаемся и с вами: ох и дорогонько это вам обойдется!

— Иди ты знаешь куда! — сплюнул через забор Тод Пескунс. — Попробуй тронь меня: мы с Вождем друзья. Вот он тебя, это да, тронет, чтоб ты тут не нахальничал.

— Да оставь ты дурака в покое, Сэм! — сказал Фродо. — Надеюсь, таких порченых, как он, раз-два и обчелся, иначе плохо наше дело. Вот он, настоящий-то вред, хуже всего остального разорения.

— Эх, Пескунс, Пескунс, мурло ты неумытое, — сказал Мерри. — А вдобавок и правда дурак дураком: протри глаза-то! Мы как раз и едем к твоему приятелю-вождю — за ушко его да на солнышко. А с Большими Начальниками ты, я вижу, забыл попрощаться.

Тод застыл с разинутым ртом, увидев, как из-за моста по знаку Мерри выступил отряд ополченцев. Он побежал на мельницу, схватил рог и громко затрубил.

— Не надрывайся! — насмешливо крикнул Мерри. — Без тебя обойдется!

Он поднял свой серебряный рог, и звонкий, повелительный призыв разнесся по круче. Из землянок, сараев, нор и развалин послышались ответные крики хоббитов, и немалая толпа, шумная и радостная, повалила вслед за отрядом к Торбе.

Наверху все остановились; вперед пошли Фродо с друзьями: наконец-то они вернулись в знакомый, любимый дом. Сада не стало; на месте его выросли, теснясь у окон на запад, хибары и сараи, заслонявшие белый свет. Повсюду расползались мусорные кучи. Дверь была вся исцарапана, цепка звонка мертвенно свисала: напрасно ее дергали, понапрасну стучались. Наконец дверь толкнули, она распахнулась. Их обдало холодной, тухлой, нежилой вонью: похоже, дом был пуст.

— Куда же подевался этот собачий Лотто? — сказал Мерри. Они обошли все комнаты: ни живой души, одни крысы с мышами. — Может, скажем, пусть обыщут все сараи?

— Да это хуже Мордора! — воскликнул Сэм. — Гораздо хуже, коли на то пошло. Говорят: каково в дому, таково и самому, и вот он, наш дом, загаженный и осквернённый, точно память обманула!

— Да-да, это нашествие Мордора, — подтвердил Фродо. — Мордорская мертвечина. Саруман плодил мертвечину, а это и была главная заповедь Властелина Мордора, хотя сам-то маг думал, что он всех перехитрил. И одураченный им Лотто исполнял ту же заповедь.

Мерри огляделся — сердито, с отвращением.

— Пойдемте отсюда! — сказал он. — Знал бы я, сколько он пакостей натворит, я бы ему свой кисет в глотку забил!

— Еще бы, еще бы! Но ведь не знал и не забил, так что позвольте приветствовать вас на дому!

В дверях стоял сам Саруман, сытый, довольный, весело и злобно сверкали его глаза.

Тут-то Фродо и осенило.

— Шаркич! — вскричал он.

Саруман расхохотался.

— Что, имечко уже прослышали? Так мои подданные, помнится, называли меня в Изенгарде. Видно, любили[1]. Но какая встреча: вы меня разве не ожидали здесь увидеть?

— Не ожидали, — сказал Фродо. — А могли бы догадаться, что здесь и увидим. Гэндальф нас предупредил, что мелкое паскудство исподтишка тебе еще по силам.

— Вполне, вполне, — сказал Саруман. — И не такое уж мелкое. Ох и забавно же было смотреть на вас, чванливых недомерков, затесавшихся в свиту новоявленных властителей мира: как же вы пыжились от самодовольства! И думали, что вышли сухими из воды, что заберетесь обратно в свои конурки и заживете как ни в чем не бывало. Подумаешь, замок Сарумана! Его можно разрушить, хозяина выгнать, а ваш дом — ваша крепость. В случае чего Гэндальф вас в обиду не даст.

И Саруман опять расхохотался.

— Это Гэндальф-то! Да вы отслужили ему — и все, какое ему теперь дело до вас? Нет, вы, треща без умолку, потащились за ним окольным путем, далеко в объезд своей странишки. Ну, я и подумал, что раз вы такое дурачье, то надо вас немного опередить и как следует проучить. Времени оказалось маловато, да и людей тоже, а то бы моего урока вам на всю жизнь хватило. Но ничего, может, и хватит, я тут у вас хорошо похозяйничал. Как утешительно мне будет вспоминать, что хоть на вас я выместил свои обиды!

— Если тебе осталось только этим утешаться, то мне тебя жаль, — сказал Фродо. — Боюсь, пустое это утешение. Уходи сейчас же и навсегда!

Хоббиты видели, как Саруман вышел из хибары; угрюмой толпой придвинулись они к дверям Торбы и отозвались на слова Фродо гневными возгласами:

— Не отпускай его! Его надо убить. Он злодей и кровопийца. Убьем его!

Саруман с усмешкой окинул взглядом враждебные лица.

— Убейте, попробуйте, храбренькие хоббитцы; вас, убийц,

---

[1] Оркское слово «шарку» значит «старик».

я вижу, много скопилось. — Он выпрямился во весь рост, и черные глаза его грозно сверкнули. — Только не думайте, что я, обездоленный, лишился всей своей колдовской силы. Кто тронет меня — умрет страшной смертью. А если кровь моя обагрит землю Хоббитании, земля ваша навеки станет бесплодной.

Хоббиты попятились. Но Фродо молвил:

— Да не верьте вы ему! Никакой колдовской силы у него нет, лишь голос его обманывает и завораживает тех, кто поддастся. Но убивать его я не позволю. Не надо мстить за месть — только зла в мире прибудет. Саруман, уходи немедля!

— Гниль! Эй ты, Гниль! — крикнул Саруман, и из ближней хибары выполз на четвереньках Гнилоуст — точь-в-точь побитый пес. — В дорогу, Гниль! — приказал Саруман. — Тут опять явились эти красавчики-господинчики, они нас выгоняют. Пошли!

Гнилоуст поплелся за Саруманом. А Саруман поравнялся с Фродо, в руке его блеснул кинжал, и он нанес страшный, молниеносный удар. Но клинок скользнул по скрытой мифрильной кольчуге и обломился. С десяток хоббитов, и первым из них Сэм, кинулись вперед и швырнули наземь незадачливого убийцу. Сэм обнажил меч.

— Нет, Сэм! — сказал Фродо. — Все равно убивать его не надо. И уж тем более нельзя убивать, когда он в черной злобе. Ведь он был когда-то велик, он из тех, на кого мы не смеем поднимать руку. Теперь он падший, однако ж не нам судить его: как знать, может, он еще возвеличится.

Саруман встал; он пристально поглядел на Фродо — с почтительным изумлением и глубокой ненавистью.

— Да, ты и вправду вырос, невысоклик, — сказал он. — Да-да, ты очень даже вырос. Ты стал мудрым — и жестоким. Теперь из-за тебя в моей мести нет утешения, и милосердие твое мне горше всего на свете. Ненавижу тебя и твое милосердие! Что ж, я уйду и тебя больше не потревожу. Но не жди, не пожелаю тебе на прощание ни здоровья, ни долгих лет жизни. Ни того, ни другого тебе не будет. Впрочем, тут уж не я виною. Я лишь предсказываю.

Он пошел прочь, и хоббиты расступались перед ним, побелевшими пальцами сжимая оружие. Гнилоуст помедлил и последовал за ним.

— Гнилоуст! — сказал Фродо. — У тебя, может статься, путь иной. Мне ты никакого зла не причинил. Отдохнешь, отъешься, окрепнешь — и, пожалуй, иди своей дорогой.

Гнилоуст остановился и жалко взглянул на него, почти что готовый остаться. Саруман обернулся.

— Не причинил зла? — хихикнул он. — Какое там зло! Даже ночью он вылезает только затем, чтобы поглядеть на звезды. Тут кто-то, кажется, спрашивал, куда подевался Лотто? Ты ведь знаешь, Гниль, куда он подевался? Ну-ка, расскажи!

— Нет-нет! — съежившись, захныкал Гнилоуст.

— Да ладно, чего там, — сказал Саруман. — Это он, Гниль, прикончил вашего Генералиссимуса, вашего разлюбезненького Вождя. Что, Гниль, неправда? Правда! Заколол его, я так думаю, во сне. А потом закопал, хотя вряд ли: Гниль у нас всегда такой голодненький. Нет, ну что вы, куда вам с ним. Оставьте эту мразь мне.

Диким бешенством загорелись красные глаза Гнилоуста.

— Ты мне сказал это сделать, ты меня заставил, — прошипел он.

— А ты, Гниль, всегда делаешь, что тебе велит Шаркич, а? — расхохотался Саруман. — Так вот, Шаркич тебе говорит: за мной!

Он пнул Гнилоуста — тот все еще стоял на четвереньках — в лицо, повернулся и пошел. Но тут случилось нежданное: Гнилоуст вдруг вскочил, выхватил запрятанный нож, бросился, рыча, как собака, на спину Саруману, откинул ему голову, перерезал горло и с визгом побежал по улице. Фродо не успел и слова выговорить, как три стрелы пронзили Гнилоуста, и он упал замертво.

Все испугались, когда вокруг Саруманова трупа склубился серый туман и стал медленным дымом, точно от большого костра, и поднялся огромный мглистый облик, возникший над Кручей. Он заколебался, устремляясь на запад, но с запада подул холодный ветер, и облик стал смутным, а потом развеялся.

Фродо глядел на мертвое тело с жалостью и ужасом, и вдруг труп съежился, обнаружив тысячелетнюю смерть: дряблое лицо стало клочьями иссохшей плоти на оскаленном черепе. Он укрыл мертвеца его грязным изорванным плащом и отвернулся.

— Хорошенький конец, — сказал Сэм. — Да нет, конец-то плохой, и лучше бы мне его не видеть, но, как говорится, спасибо — распрощались.

— По-моему, война кончилась, — сказал Мерри.

— Надеюсь, что так, — вздохнул Фродо. — И где она кончилась — у дверей Торбы! Вот уж не думал, не гадал.

— Скажете тоже — кончилась, — проворчал Сэм. — Такого наворотили — за сто лет не разгребешь.

Глава IX

СЕРЕБРИСТАЯ ГАВАНЬ

Работы, конечно, было много, но все же не на сто лет, как опасался Сэм. На другой день после битвы Фродо поехал в Землеройск освобождать узников Исправнор. Одним из первых освободили беднягу Фредегара Боббера, теперь уж вовсе не Толстика. Его зацапали, когда охранцы душили дымом повстанческий отряд, который он перевел из Барсуковин в Скары, на скалистые холмы.

— Пошел бы с нами, Фредик, может, так бы и не похудел, — сказал Пин, когда Фредегара выносили наружу — ноги его не держали.

Тот приоткрыл один глаз и героически улыбнулся.

— Кто этот громогласный молодой великан? — прошептал он. — Уж не бывший ли малыш Пин? Где же ты теперь купишь шляпу своего размера?

Потом вызволили Любелию. Она, бедняжка, совсем одряхлела и отощала, но все равно, когда ее вывели из темной тесной камеры, сказала, что пойдет сама, и вышла со своим зонтиком, опершись на руку Фродо. Ее встретили такие крики и восторги, что она расплакалась и уехала вся в слезах. Ей такое было непривычно: ее отродясь не жаловали. Весть об убийстве Лотто ее едва не доконала, и уехала она не в Торбу: Торбу она возвратила Фродо, а сама отправилась к родне, к Толстобрюхлам из Крепкотука.

Несчастная старуха умерла по весне — как-никак ей перевалило за сто, — и Фродо был изумлен и тронут, узнав, что она завещала свои сбережения и все капиталы Лотто ему, на устройство бездомных хоббитов. Так что вековая распря кончилась.

Старина Вил Тополап просидел в Исправнорах дольше всех остальных, и, хотя кормили его не так уж плохо, ему надо было долго отъедаться, чтобы снова стать похожим на голову Хоббитании; и Фродо согласился побыть головой, покуда господин Тополап не поправится как следует. На этом начальственном посту он только и сделал, что распустил ширрифов, оставив их сколько надо и наказав им заниматься своими делами и не лезть в чужие.

Пин и Мерри взялись очистить Хоббитанию от охранцев и быстро в этом преуспели. Прослышав о битве у Приречья, бандиты шайками бежали с юга за пределы края; их подгоняли везде сущие отряды Хоббитана. Еще до Нового года последних уп-

рямцев окружили в лесах и тех, кто сдался и уцелел, проводили к границе.

Тем временем стране возвращали хоббитский вид, и Сэм был по горло занят. Когда надо, хоббиты трудолюбивее пчел. От мала до велика все были при деле: понадобились и мягкие проворные детские ручонки, и жилистые, измозоленные старческие. К *Просечню*[1] от ширрифских участков и других строений охранцев Шаркича ни кирпичика не осталось и ни один не пропал: многие старые норы зачинили и утеплили. Обнаружились огромные склады съестного и пивных бочек — в сараях, амбарах, а больше всего — в Смиалах Землеройска и каменоломнях Скар, так что Просечень отпраздновали на славу — вот уж чего не ожидали!

В Норгорде еще не успели снести новую мельницу, а уже принялись расчищать Торбу и Кручу, возводить заново Исторбинку. Песчаный карьер заровняли, разбили на его месте садик, вырыли новые норы на южной стороне Кручи и отделали их кирпичом. Жихарь опять поселился в норе номер 3 и говаривал во всеуслышание:

— Ветер — он одно сдует, другое нанесет, это уж точно. И все хорошо, что кончается еще лучше!

Думали, как назвать новый проулок: может, Боевые Сады, а может, Главнейшие Смиалы. Хоббитский здравый смысл, как всегда, взял верх: назвали его *Новый проулок*. И только в Приречье, опасно шутя, называли его Могилой Шаркича.

Главный урон был в деревьях — их, по приказанию Шаркича, рубили где ни попадя, и теперь Сэм хватался за голову, ходил и тосковал. Это ведь сразу не исправишь: разве что праправнуки, думал он, увидят Хоббитанию, какой она была.

И вдруг однажды — за прочими-то делами у него память словно отшибло — он вспомнил о шкатулке Галадриэли. Поискал, нашел эту шкатулку и принес показать ее другим Путешественникам (их теперь только так называли) — что они посоветуют.

— А я все думал, когда-то ты о ней вспомнишь? — сказал Фродо. — Открой!

Внутри оказалась серая пыль и крохотное семечко, вроде бы орешек в серебре.

— Ну, и чего теперь делать? — спросил Сэм.

— Ты, пожалуй что, кинь все это на ветер в какой-нибудь

---

[1] Прилипки (2—4 июля) знаменовали у хоббитов середину лета и года; Просечень (30 декабря — 1 января) — середину зимы и конец года. — *Прим. перев.*

ветреный день, — посоветовал Пин, — а там посмотрим, что будет.

— На что смотреть? — не понял Сэм.

— Ну, или выбери участок, высыпь там, попробуй, что получится, — сказал Мерри.

— Наверняка ведь Владычица не для меня одного это дала, — возразил Сэм, — тем более у всех беда.

— Ты у нас садовод, Сэм, — сказал Фродо, — вот и распорядись подарком как лучше да побережливее. В этой горсточке, наверно, каждая пылинка на вес золота.

И Сэм посадил побеги и сыпнул пыли повсюду, где истребили самые красивые и любимые деревья. Он исходил вдоль и поперек всю Хоббитанию, а первым делом, понятно, Приречье и Норгорд — но тут уж никто не обижался. Когда же мягкой серой пыли осталось совсем немного, он пошел к Трехудельному Камню, который был примерно посредине края, и рассеял остаток на все четыре стороны с благодарственным словом. Серебристый орешек он посадил на Общинном лугу, на месте бывшего Праздничного Дерева: что вырастет, то вырастет. Всю-то зиму он вел себя терпеливей некуда: хаживал, конечно, посмотреть, как оно растет, но уж совсем редко, не каждый день.

Ну а весной началось такое... Саженцы его пошли в рост, словно подгоняя время, двадцать лет за год. На Общинном лугу не выросло, а вырвалось из-под земли юное деревце дивной прелести, с серебряной корой и продолговатыми листьями; к апрелю его усыпали золотистые цветы. Да, это был *мэллорн*, и вся округа сходилась на него любоваться. Потом, в грядущие годы, когда красота его стала неописуемой, приходили издалека — шутка ли, один лишь *мэллорн* к западу от Мглистых гор и к востоку от Моря, и чуть ли не самый красивый на свете.

Был 1420 год сказочно погожий: ласково светило солнце, мягко, вовремя и щедро струились дожди, а к тому же и воздух был медвяный, и на всем лежал тихий отсвет той красоты, какой в Средиземье, где лето лишь мельком блещет, никогда не бывало. Все дети, рожденные или зачатые в тот год, — а в тот год что ни день зачинали или родили, — были крепыши и красавцы на подбор, и большей частью золотоволосые — среди хоббитов невидаль. Все уродилось так обильно, что хоббитята едва не купались в клубнике со сливками, а потом сидели на лужайках под сливами и ели до отвала, складывая косточки горками, точно завоеватели черепá, и отползали к другому дереву.

Никто не хворал, все были веселы и довольны, кроме разве что косцов — уж больно пышная выросла трава.

В Южном уделе лозы увешали налитые гроздья, «трубочное зелье» насилу собрали, и зерна было столько, что амбары ломились. А на севере уродился такой ядреный ячмень, что тогдашнее пиво поминали добрым словом еще и лет через двадцать. Какой-нибудь старикан, пропустивши после многотрудного дня пинту-другую, со вздохом ставил кружку и говорил:

— Ну, пивко! Не хуже, чем в четыреста двадцатом!

Сперва Сэм жил у Кроттонов вместе с Фродо, но, когда закончили Новый проулок, он переселился к Жихарю — надо же было присматривать за уборкой и отстройкой Торбы. Это само собой, а вдобавок он разъезжал по всему краю как — хочешь не хочешь — главный лесничий. В начале марта его не было дома, и он не знал, что Фродо занемог. Фермер Кроттон тринадцатого числа между делом зашел к нему в комнату: Фродо лежал, откинувшись, судорожно сжимая цепочку с жемчужиной, и был, как видно, в бреду.

— Навсегда оно сгинуло, навеки, — повторял он. — Теперь везде темно и пусто.

Однако же приступ прошел, и, когда Сэм двадцать пятого вернулся, Фродо был какой обычно и ничего ему о себе не рассказал. Между тем Торбу привели в порядок, Мерри и Пин приехали из Кроличьей Балки и привезли всю мебель и утварь, так что уютная нора выглядела почти что по-прежнему.

Когда наконец все было готово, Фродо сказал:

— А ты, Сэм, когда ко мне переберешься?

Сэм замялся.

— Да нет, спешить-то некуда, — сказал Фродо. — Но Жихарь ведь тут, рядом, да и вдова Буркот его чуть не на руках носит.

— Понимаете ли, господин Фродо... — сказал Сэм и покраснел как маков цвет.

— Нет, пока не понимаю.

— Розочка же, ну Роза Кроттон, — объяснил Сэм. — Ей, бедняжке, оказывается, вовсе не понравилось, что я с вами поехал; ну, я-то с ней тогда еще не разговаривал напрямик, вот она и промолчала. А какие же с ней разговоры, когда сперва надо было, сами знаете, дело сделать. Теперь вот я говорю ей: так, мол, и так, а она: «Да уж, — говорит, — год с лишним прошлялся, пора бы и за ум взяться». — «Прошлялся? — говорю. — Ну, это уж ты слишком». Но ее тоже можно понять. И я, как говорится, прямо-таки на две части разрываюсь.

— Теперь понял, — сказал Фродо. — Ты хочешь жениться, а меня не бросать? Сэм, дорогой, все проще простого! Женись хоть завтра — и переезжайте с Розочкой в Торбу. Разводите семью: чего другого, а места хватит.

Так и порешили. Весной 1420 года Сэм Скромби женился на Розе Кроттон (в ту весну что ни день были свадьбы), и молодые поселились в Торбе. Сэм считал себя счастливчиком, а Фродо знал, что счастливчик-то он, потому что во всей Хоббитании ни за кем так заботливо не ухаживали. Когда все наладилось и всюду разобрались, он зажил тише некуда: писал, переписывал и перебирал заметки. На Вольной Ярмарке он сложил с себя полномочия заместителя головы; головой снова стал старина Вил Тополап и очередные семь лет восседал во главе стола на всех празднествах.

Мерри с Пином для начала пожили в Кроличьей Балке, то и дело наведываясь в Торбу. Они разъезжали по Хоббитании в своих невиданных нарядах, рассказывали были и небылицы, распевали песни, устраивали пирушки — и прославились повсеместно. Их называли «вельможными», но отнюдь не в укор: радовали глаз их сверкающие кольчуги и узорчатые щиты, радовали слух их песни и заливистый смех. На диво рослые и статные, в остальном они мало изменились, разве что стали еще приветливее, шутливее и веселее.

А Фродо и Сэм одевались, как прежде, и лишь в непогоду их видели в длинных и легких серых плащах, застегнутых у горла изумительными брошами, а господин Фродо всегда носил на шее цепочку с крупной жемчужиной, к которой часто притрагивался.

...Все шло как по маслу, от хорошего к лучшему. Сэм с головой погрузился в счастливые хлопоты и чуть сам себе не завидовал. Ничем бы год не омрачился, если б не смутная тревога за хозяина. Фродо как-то незаметно выпал из хоббитской жизни, и Сэм не без грусти замечал, что не очень-то его и чтут в родном краю. Почти никому не было дела до его приключений и подвигов; вот господина Мериадока и господина Перегрина — тех действительно уважали, теми не уставали восхищаться. Очень высоко ставили и Сэма, но он об этом не знал. А осенью пробежала тень былых скорбей.

Однажды вечером Сэм заглянул в кабинет к хозяину; тот, казалось, был сам не свой — бледен как смерть, и запавшие глаза устремлены в незримую даль.

— Что случилось, господин Фродо? — воскликнул Сэм.

— Я ранен, — глухо ответил Фродо, — ранен глубоко, и нет мне исцеления.

Но и этот приступ быстро миновал; на другой день он словно и забыл о вчерашнем. Зато Сэму припомнилось, что дело-то было шестого октября: ровно два года назад ложбину у вершины Заверти затопила темень.

Время шло; настал 1421 год. В марте Фродо опять было плохо, но он перемогся тайком, чтоб не беспокоить Сэма: его первенец родился двадцать пятого. Счастливый отец торжественно записал эту дату и явился к хозяину.

— Тут такое дело, сударь, — сказал он, — я к вам за советом. Мы с Розочкой решили назвать его Фродо, с вашего позволения; а это вовсе не *он*, а *она*. Я не жалуюсь, тем более уж такая красавица — по счастью, не в меня, а в Розочку. Но вот как нам теперь быть?

— А ты следуй старому обычаю, Сэм, — сказал Фродо. — Назови именем цветка: у тебя, кстати, и жена Роза. Добрая половина хоббитанок носит цветочные имена — чего же лучше?

— Это вы, наверно, правы, сударь, — согласился Сэм. — В наших странствиях я наслышался красивых имен, но уж больно они, знаете, роскошные, нельзя их изо дня в день трепать. Жихарь, он что говорит: «Ты, — говорит, — давай подбери имя покороче, чтоб укорачивать не пришлось». Ну а ежели цветочное, тогда ладно, пусть и длинное: надо подыскать очень красивый цветок. От нее и сейчас-то глаз не оторвешь, а потом ведь она еще краше станет.

Фродо немного подумал.

— Не хочешь ли, Сэм, назвать ее *Эланор* — помнишь, такие зимние золотистые цветочки на лугах Кветлориэна?

— В самую точку, сударь! — с восторгом сказал Сэм. — Ну прямо как по мерке.

Малышке Эланор исполнилось шесть месяцев, и ранняя осень стояла на дворе, когда Фродо позвал Сэма к себе в кабинет.

— В четверг день рождения Бильбо, Сэм, — сказал он. — Все, перегнал он Старого Крола: сто тридцать один ему стукнет.

— И правда! — сказал Сэм. — Вот молодец-то!

— Знаешь, Сэм, — сказал Фродо, — ты пойди-ка поговори с Розой — как она, не отпустит ли тебя со мной? Ненадолго, конечно, и недалеко, пусть не волнуется, — грустно прибавил он.

— Сами понимаете, сударь, — отозвался Сэм.

— Чего тут не понимать. Ладно, хоть немного проводишь.

Ну все-таки отпросись у Розы недели на две и скажи ей, что вернешься цел и невредим, я ручаюсь.

— Да я бы с превеликой радостью съездил с вами в Раздол и повидал господина Бильбо, — вздохнул Сэм. — Только место ведь мое здесь, как же я? Кабы можно было надвое разорваться...

— Бедняга ты! Да, уж либо надвое, либо никак, — сказал Фродо. — Ничего, пройдет. Ты как был из одного куска, так и останешься.

За день-другой Фродо вместе с Сэмом разобрал свои бумаги, отдал ему все ключи и наконец вручил толстенную рукопись в алом кожаном переплете. Страницы ее были заполнены почти до конца — сперва тонким, кудреватым почерком Бильбо, но большей частью его собственным, убористым и четким. Рукопись делилась на главы — восьмидесятая не закончена, оставалось несколько чистых листов. Заглавия вычеркивались одно за другим:

Мои записки. Мое нечаянное путешествие. Туда и потом обратно. И что случилось после.

Приключения пятерых хоббитов. Повесть о Кольце Всевластья, сочиненная Бильбо Торбинсом по личным воспоминаниям и по рассказам друзей. Война за Кольцо и наше в ней участие.

После зачеркнутого твердой рукой Фродо было написано:

ГИБЕЛЬ ВЛАСТЕЛИНА КОЛЕЦ И ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОСУДАРЯ

(Воспоминания невысокликов Бильбо и Фродо из Хоббитании, дополненные по рассказам друзей и беседам с Премудрыми из Светлого Совета)

А также выдержки из старинных эльфийских преданий, переведенные Бильбо в Раздоле.

— Господин Фродо, да вы почти все дописали! — воскликнул Сэм. — Ну, вы, видать, и потрудились в этот год!

— Я все дописал, Сэм, — сказал Фродо. — Последние страницы оставлены для тебя.

Двадцать первого сентября они отправились в путь: Фродо — на пони, на котором ехал от самого Минас-Тирита и которого назвал Бродяжником, а Сэм на своем любезном Билле. Утро выдалось ясное, золотистое. Сэм не стал спрашивать, как они поедут; авось, думал он, догадаюсь по дороге.

Поехали они к Лесному Углу проселком, что вел на Заводи;

пони бежали легкой рысцой. Заночевали на Зеленых Холмах и под вечер двадцать второго спускались к перелескам.

— Да вон же то самое дерево, за которым вы спрятались, когда нас нагнал Черный Всадник! — сказал Сэм, показывая налево. — Честное слово, будто все приснилось.

Смеркалось, и впереди, на востоке, мерцали звезды, когда они проехали мимо разбитого молнией дуба и углубились в заросли орешника. Сэм помалкивал: перед ним проплывали воспоминания. Но вскоре он услышал, как Фродо тихо-тихо напевает старую походную песню, только слова были какие-то другие:

Быть может, вовсе не во сне
Возникнет дверь в глухой стене
И растворится предо мной,
Приоткрывая мир иной.
И лунный луч когда-нибудь,
Как тайный знак, укажет путь.

И точно в ответ с низовой дороги в долине послышалось пение:

А Элберет Гилтониэль
Сереврен ренна мириэль
А мэрель эглер Эленнас!
Гилтониэль! О Элберет!
Сиянье в синем храме!
Мы помним твой предвечный свет
За дальними морями![1]

Фродо и Сэм остановились в мягкой лесной тени и молча ожидали, пока подплывет к ним по дороге перламутровое облако, превращаясь в смутный конный строй.

Стал виден Гаральд, засияли прекрасные лица эльфов, и среди них Сэм с изумлением увидел Элронда и Галадриэль. Элронд был в серой мантии и алмазном венце; в руке он держал серебряную арфу, и на пальце его блистало золотое кольцо с крупным сапфиром — Кольцо Вилья, главнейшее из Трех Эльфийских. Галадриэль ехала на белом коне, и ее белоснежное одеяние казалось мглистой поволокой луны, излучающей тихий свет. Бриллиант в ее мифрильном кольце вспыхивал, как звезда в морозную ночь, — это было Кольцо Нэнья, властное над водáми. А следом на маленьком сером пони трусил, сонно кивая, не кто иной, как Бильбо Торбинс.

Величаво и ласково приветствовал их Элронд, а Галадриэль улыбнулась им.

---

[1] Перевод А.Кистяковского.

— Ну что же, Сэммиум, — сказала она, — я прослышала и теперь сама вижу, что подарком моим ты распорядился отлично. Теперь Хоббитания станет еще чудеснее, а может статься, даже любимей, чем прежде.

Сэм низко поклонился ей, но слов не нашел. Он как-то забыл, что Владычица прекраснее всех на земле.

Тут Бильбо проснулся и разлепил глаза.

— А, Фродо! — сказал он. — Ну вот, нынче и перегнал я Старого Крола. Это, стало быть, решено. А теперь можно и в дальний путь. Ты что, с нами?

— Да, и я с вами, — сказал Фродо. — Нынче уходят все сопричастные Кольцам.

— Да вы куда же, хозяин? — воскликнул Сэм, наконец понимая, что происходит.

— В Гавань, Сэм, — отозвался Фродо.

— И меня бросаете.

— Нет, Сэм, не бросаю. Проводи меня до Гавани. Ты ведь тоже носил Кольцо, хоть и недолго. Придет, наверно, и твой черед. Ты не очень печалься, Сэм. Хватит тебе разрываться надвое. Много еще лет ты будешь крепче крепкого, твердыней из твердынь. Поживешь, порадуешься — да и поработаешь на славу.

— Да ведь это что же, — сказал Сэм со слезами на глазах. — Я-то думал, вы тоже будете многие годы радоваться. И Хоббитания расцветет, а вы же ради нее...

— Я вроде бы и сам так думал. Но понимаешь, Сэм, я страшно, глубоко ранен. Я хотел спасти Хоббитанию — и вот она спасена, только не для меня. Кто-то ведь должен погибнуть, чтоб не погибли все: не утратив, не сохранишь. Ты останешься за меня: я завещаю тебе свою несбывшуюся жизнь в придачу к твоей собственной. Есть у тебя Роза и Эланор, будут Фродо и Розочка, Мериадок, Лютик и Перегрин; будут, наверно, и еще, но этих я словно вижу. Руки твои и твой здравый смысл будут нужны везде. Тебя, конечно, будут выбирать головой Хоббитании, покуда тебе это вконец не надоест; ты станешь знаменитейшим садоводом, будешь читать хоббитам Алую Книгу, хранить память о былых временах и напоминать о том, как едва не стряслась Великая Беда, — пусть еще больше любят наш милый край. Ты проживешь долгий и счастливый век, исполняя то, что предначертано тебе в нашей Повести.

А пока что поехали со мной!

Уплывали за Море Элронд и Галадриэль, ибо кончилась Третья Эпоха и с нею могущество древних Колец, стихли песни, иссякли сказания трех тысячелетий. Вышние эльфы покидали

Средиземье, и среди них, окруженные радостным почетом, ехали Сэм, Фродо и Бильбо, пока лишь печалясь, еще не тоскуя.

Вечером и ночью ехали они по Хоббитании, и никто их не видел, кроме диких зверей; случайный путник замечал проблеск между деревьев, тени, скользнувшие по траве, а луна плыла и плыла на запад. Кончилась Хоббитания. Мимо южных отрогов Светлого нагорья они выехали к западным холмам и к Башням, увидели безбрежную морскую гладь, и показался Митлонд — Серебристая Гавань в узком заливе Люн.

У ворот Гавани встретил их Корабел Сэрдан — высокий, длиннобородый и седой как лунь; глаза его струили звездный свет. Он окинул их взглядом, поклонился и молвил:

— К отплытию все готово.

Сэрдан повел их к Морю, к огромному кораблю, а на набережной, у причала, стоял высокий серебристый конь и рядом с ним кто-то, весь в белом. Он обернулся, шагнул навстречу — и Фродо увидел, что Гэндальф больше не скрывает Третье Эльфийское Кольцо Нарья, сверкавшее рубиновым блеском. И все обрадовались: это значило, что Гэндальф поплывет вместе с ними.

Но горестно стало на сердце у Сэма: он подумал, что, как ни скорбно расставание, стократ печальнее будет долгий и одинокий обратный путь. Он стоял и смотрел, как эльфы всходили на борт белого корабля. Вдруг послышался цокот копыт — и Мерри с Пином остановили возле причала взмыленных коней. И Пин рассмеялся сквозь слезы.

— Опять ты хотел удрать от нас, Фродо, и опять у тебя не вышло, — сказал он. — Чуть-чуть бы еще — и все, но ведь чуть-чуть не считается. На этот раз выдал тебя не Сэм, а сам Гэндальф.

— Да, — подтвердил Гэндальф, — потому что лучше вам ехать назад втроем. Ну что же, дорогие мои, здесь, на морском берегу, настал конец нашему земному содружеству. Мир с вами! Не говорю: не плачьте, бывают и отрадные слезы.

Фродо расцеловался с Мерри и Пином, потом с Сэмом и взошел на борт. Подняли паруса, дунул ветер; корабль медленно двинулся по длинному заливу. Ясный свет фиала Галадриэли, который Фродо держал в поднятой руке, стал слабым мерцанием и потерялся во мгле. Корабль вышел в открытое море, ушел на запад, и в сырой, дождливой ночи Фродо почуял нежное благоухание и услышал песенный отзвук за громадами вод. И точно во сне, виденном в доме Бомбадила, серый полог дождя превратился в серебряный занавес; занавес раздвинулся, и он увидел светлый берег и дальний зеленый край, осиянный зарею.

Но для Сэма, который стоял на берегу, тьма не разомкнулась. Он глядел, как серые волны далеко на западе смывают легкую тень корабля. Простоял он далеко за полночь, слушал вздохи и ропот прибоя, уныло вторило его сердце этому мерному шуму. Рядом с ним в молчании стояли Мерри и Пин.

Наконец все трое повернулись и, уже не оглядываясь, медленно поехали назад. Ни слова не было сказано по дороге в Хоббитанию, но все же не так уж труден оказался дальний путь втроем.

Наконец они спустились с холмов и выехали на Восточный Тракт; оттуда Мерри и Пин свернули к Забрендии — и вскоре издалека послышалось их веселое пение. А Сэм взял путь на Приречье и подъехал к Круче, когда закат уже угасал. Прощальные бледно-золотистые лучи озарили Торбу, светившуюся изнутри. Его ожидали, и ужин был готов. Роза встретила его, подвинула кресло к камину и усадила ему на колени малышку Эланор. Он глубоко вздохнул.

— Ну, вот я и вернулся, — сказал он.

Приложение

СВЕДЕНИЯ О ГОСУДАРЯХ И ПРАВИТЕЛЯХ

[...][1] Историческими источниками служит великое множество легенд, хроник и сказаний. Здесь приводятся малые извлечения из них, весьма и весьма сокращенные. Нужны они главным образом затем, чтобы яснее представить, как разразилась война за Кольцо, и отчасти, быть может, восполнить предшествующее повествование. [...]

НУМЕНОРСКИЕ ГОСУДАРИ

Феанор был величайшим эльдарским искусником и кладезем познаний, но при этом горделивейшим и своевольнейшим из эльфов. Он огранил три бриллианта — *Сильмариллы* — и наполнил их сиянием двух Древ — Тельпериона и Лаурелина, озарявших Блаженный Край Валаров. Извечный Враг Моргот распалился вожделением к бриллиантам, похитил их, истребил оба Древа и увез *Сильмариллы* в Средиземье, где укрылся в неприступной твердыне Тангородрим. Вопреки воле Валаров Феанор покинул Блаженный Край и, увлекши за собой большую часть своего народа, стал изгнанником в Средиземье, ибо гордыня побуждала его отнять у Моргота бриллианты силой. Воспоследовала безнадежная война Эльдаров и Эдаинов с владыкой Тангородрима, и в этой войне они потерпели сокрушительное поражение. Эдаинами (Атани) назывались три людских племени, которые первыми явились на западе Средиземья, на берегах Великого Океана и вступили в союз с Эльдарами против Исконного Врага.

Трижды сочетались браком Эльдары и Эдаины: Лучиэнь с Береном; Идриль с Туором; Арвен с Арагорном. Это последнее супружество восстановило давно пресекшийся род полуэльфов.

Лучиэнь Тинувиэль была дочерью Тингола Серая Мантия [...], эльфийского царя Первой Эпохи; мать же ее была Мелиан,

[1] В квадратные скобки заключены связующие вставки переводчика и обозначения пропусков текста оригинала.

родом из Валаров. Берен был сыном Бараира из первой династии Эдаинов. Вдвоем с Лучиэнь им удалось вырвать *Сильмарилл* из железной короны Моргота. Лучиэнь стала смертной и утратила связь с эльфийским народом. У нее был сын Диор, его дочь Эльвинг сберегала добытый *Сильмарилл*.

Идриль Келебриндаль была дочерью Тургона, властителя сокровенного града Гондолин. Туор был сыном Гуора из дома Гадора, третьей династии Эдаинов, особо отличившейся в войнах с Морготом. От Идриль с Туором родился Эарендил-мореплаватель.

Эарендил взял в жены Эльвинг; в сиянии *Сильмариллa* он пронизал Преграду Мрака, выплыл к Запредельному Западу и, явившись посланцем эльфов и людей, заручился великой поддержкой, которая помогла низвергнуть Моргота. Эарендилу не дозволено было вернуться в смертную юдоль, и его корабль с *Сильмариллом* на мачте унесся в небеса, став звездным знамением надежды для всех обитателей Средиземья, тяготившихся игом Извечного Врага или его приспешников. Один лишь этот *Сильмарилл* сохранил первоначальное сияние Валинорских Древ, которые извел отравой Моргот; два других бриллианта сгинули в конце Первой Эпохи. [...]

У Эарендила было два сына — полуэльфы Элрос и Элронд. Только в них продолжился род героических вождей Эдаинов Первой Эпохи; а после гибели Гил-Гэлада одни они в Средиземье были потомками царственных Вышних эльфов.

В конце Первой Эпохи Валары предоставили полуэльфам роковой выбор той или другой расы. Элронд избрал удел эльфа и обрел величавую мудрость. Ему была дарована та же благодать, что и Вышним эльфам, *до поры* остававшимся в Средиземье: утомившись жизнью в смертной юдоли, он мог сесть на корабль в Серебристой Гавани и уплыть на Запредельный Запад; благодать эта пребывала с ним и после преображения мира. Детям Элронда тоже давался выбор: либо вместе с ним удалиться из окружия мира, либо остаться в Средиземье и принять смертную участь. Так что для Элронда любой исход войны за Кольцо был горестным.

А Элрос предпочел людскую долю и остался с Эдаинами, но прожил он во много раз дольше, чем обычные смертные.

В награду за стойкость в борьбе с Морготом Стражи мироздания Валары даровали Эдаинам цветущий край вдали от Средиземья с его невзгодами. Поэтому они большей частью отправились за море и, ведомые путеводной звездой Эарендила, при-

плыли к берегам огромного острова Эленна на крайнем западе смертной юдоли. Там они основали королевство Нуменор.

Посредине острова была высокая гора Менельтарма, и с ее вершины зоркий глаз мог разглядеть белую башню — маяк у Эльдарской гавани в Эрессее.

Оттуда Эльдары приплывали к Эдаинам, делились с ними знаниями и оделяли их бесчисленными дарами; лишь один запрет связывал нуменорцев — «Зарок Валаров»: им нельзя было терять из виду свой западный берег или устремляться в Края Бессмертия. Наделенные долгим сроком жизни, поначалу втрое против обычного, они все же оставались смертными: даже могущественные Валары были не властны отобрать у них человеческую судьбу (которую потом стали называть роковой участью).

Элрос был первым королем Нуменора; прославился он под вышнеэльфийским именем Тар-Миньятур, и потомки его жили очень долго, но смерти не миновали. Много столетий спустя, на вершине нуменорского могущества, они осудили выбор своего предка, захотели прижизненного бессмертия, какое было даровано Эльдарам, и возроптали против Зарока. Так было положено начало мятежу, низвергнувшему Нуменор и сокрушившему древний мир. [...]

До конца Второй Эпохи возрастало могущество и величие Нуменора, и до середины ее нуменорцы становились все мудрее и радостнее. Первый признак сужденного им омрачения явился во дни Тар-Минастира, одиннадцатого короля. Это он послал несметную рать на помощь Гил-Гэладу. Он любил Эльдаров, однако же завидовал им. К его времени нуменорцы стали несравненными мореплавателями; их влекло на Запад, в запретный простор, и чем отраднее им жилось, тем желаннее казалось эльфийское бессмертие.

К тому же преемники Минастира взалкали безграничного богатства и власти. Сперва нуменорцы являлись в Средиземье наставниками и союзниками людей, враждующих с Сауроном, но потом их гавани стали крепостями, поработившими все побережье. Атанамир и его наследники обложили средиземцев непомерной данью, и корабли их возвращались в Нуменор, тяжело нагруженные добычей.

Тар-Атанамир первым во всеуслышание возроптал на Зарок и объявил, что ему по праву принадлежит бесконечная жизнь, подобная жизни Эльдаров. Тень над его королевством сгустилась, и дума о смерти леденила сердца нуменорцев. Они разделились: короли и приспешники их стали чужды Эльдарам и Ва-

ларам, и лишь немногие не отступили от заветов; они именовали себя Верными. Они жили большей частью на западе острова.

Короли с приспешниками мало-помалу разучились эльфийским наречиям, и наконец двадцатый король при восшествии на престол принял нуменорское наименование Ар-Адунахор — «Владыка Запада». Верные усмотрели в этом зловещее предзнаменование, ибо дотоле у них так именовался лишь один из Валаров или сам Предвечный Властитель. И сбылось: Ар-Адунахор стал преследовать Верных и казнить тех, кто на людях говорил по-эльфийски; и Эльдары более не приплывали в Нуменор.

И все же по-прежнему крепло могущество и росли богатства нуменорцев. Но срок жизни их сокращался, ибо над ними тяготел страх смерти, и всякое веселье оставило их.

[...] Ар-Фаразон Златой был величайшим и надменнейшим из нуменорских государей, и вознамерился он, ни много ни мало, властвовать над миром. Чтобы оспорить у Саурона Великого владычество над Средиземьем, он снарядил огромный флот и высадился в Умбаре. И таким грозным величием блистало нуменорское войско, что даже Сауронова челядь отступилась от своего господина, а сам устрашенный Саурон явился с повинной и молил о пощаде. Ар-Фаразон в ослеплении гордыни привез его узником в Нуменор; вскоре он зачаровал государя и стал его ближайшим советником, а затем исподтишка растлил сердца всех нуменорцев, кроме остатка Верных, увлекая их во мрак.

И Саурон лживо заверял государя, будто бесконечная жизнь дается покорителям Краев Бессмертия и что Зарок был затем и наложен, дабы людская власть не превзошла могущества Валаров. «Но великие государи вправе брать свое силой», — говорил он.

Наконец Ар-Фаразон внял его совету, ибо чуял, что век его идет к концу, и был одурманен страхом смерти. Он собрал величайшее воинство, какое видел мир, и, когда все было готово, велел трубить в боевые трубы и поднимать паруса; вопреки Зароку Валаров он решил отвоевать бесконечную жизнь у Владык Запада. Но когда воины Ар-Фаразона ступили на Блаженные берега, Валары сложили с себя Стражу мира, воззвали к Единому, и волею его мир преобразился. Низверженный Нуменор поглотила морская пучина, и Края Бессмертия были навсегда удалены за окружие мира. Так сгинула слава Нуменора.

Последние вожди Верных, Элендил с сыновьями, спаслись от Крушения на девяти кораблях и увезли с собой саженец от дерева Нимлот и семь зрячих Камней (достояние их рода, подарки Эльдаров). На крылах небывалой бури были они принесены к берегам Средиземья и основали на северо-западе материка

два нуменорских княжества в изгнании — Арнор и Гондор. Элендил именовался великим князем и утвердил свою столицу на севере, в Ануминасе; южным же княжеством правили два его сына — Исилдур и Анарион. Они воздвигли стольный град Осгилиат между крепостями Минас-Итил и Минас-Анор, невдалеке от пределов Мордора. Одно-единственное благо видели они в великом Крушении — гибель Саурона.

Но Саурон не погиб. Ввергнутый в бездну вместе с Нуменором, он утратил прежнюю многотысячелетнюю личину, но в вихре мрака унес свою злобу назад в Средиземье. Никогда более не вернул он себе прежнего колдовского облика, любезного людям; он сделался черен и страшен, и сила его стала лишь могуществом ужаса. Он возвратился в Мордор и до поры пребывал там в полном безмолвии. Каков же был его гнев, когда он узнал, что ненавистный из ненавистных Элендил не только избежал злой смерти, но и властвует в своем княжестве у самых границ Мордора.

И поэтому он вскоре затеял войну с нуменорскими изгнанниками, чтобы те не успели укорениться. Ородруин снова заполыхал огнем и стал называться в Гондоре Роковой Вершиной — Амон Амарт. Но Саурон поторопился и не успел собраться с силами. Между тем, пока он был в нуменорском пленении, могущество Гил-Гэлада возросло во много крат, и Последний Союз, заключенный против Саурона, одержал победу над ним, и Кольцо Всевластья было сорвано с черной его руки.

Этим и завершилась Вторая Эпоха.

АРНОР И ПОТОМКИ ИСИЛДУРА

[...] После Элендила и Исилдура восемь великих князей сменились на престоле Арнора. [Но в десятом столетии Третьей Эпохи] княжичи затеяли междоусобицу, и Арнор разделился на три части: Артедаи́н, Рудау́р и Кардола́н.

[...] На северо-западе, в Артедаине, преемство Исилдура соблюдалось нерушимо, а в Кардолане и Рудауре княжеский род скоро прервался. Тройственным распрям не было видно конца, и гибли в боях друг с другом малочисленные дунаданцы. Особенно враждовали из-за крепости Амон Сул (Ветрогорной Башни) на границе Рудаура и Кардолана, ибо в ней находился главный северный *палантир*; другие два пребывали в Артедаине.

[В середине четырнадцатого столетия] черное злодейство надвинулось на Арнор: на крайнем Севере, по обе стороны Великого Кряжа, возникло Ангмарское царство, куда стекались лихие люди, орки и прочая хищная нечисть.

Повелитель этого края был известен как Царь-ведьмак, и лишь много позже узналось, что он-то и есть главарь Кольценосцев, который явился на Север, чтобы истребить дунаданцев Арнора, пользуясь их раздорами, ибо к Гондору в те времена врагам подступа не было.

[...] В 1409 году огромное войско выступило из Ангмара, переправилось через реку, вторглось в Кардолан и окружило гору Заверть. Дунаданцы были разгромлены, великий князь Арвелег убит. Крепость Амон Сул сожгли и разрушили, но *палантир* удалось спасти, сберечь при отступлении и доставить в Форност [столицу Артедаина]. Рудаур захватили люди-лиходеи, прислужники Ангмара, и все тамошние дунаданцы погибли или бежали на запад. Кардолан был разорен дотла. [...]

Согласно сказаниям, ангмарские полчища были тогда отброшены воинством эльфов из Раздола, ибо Элронд привел из-за гор лориэнскую подмогу. [...] Курганы Тирн Гортхада, как назывались когда-то Могильники очень древние: многие из них остались от Первой Эпохи, от пращуров Эдаина. [...] Поэтому нуменорские дунаданцы чтили эти курганы, и там были погребены многие их витязи и государи. Рассказывают еще, что курган, где оказался в заточении Хранитель Кольца, был гробницей последнего князя Кардолана, который погиб во время войны 1409 года.

К 1974 году Ангмар вновь достиг вершины могущества, и Царь-ведьмак вторгся в Артедаин посреди зимы. Столица Форност пала, остатки дунаданцев были рассеяны; но княжичей удалось спасти. А сам великий князь Арведуи, Последний государь Арнора и Гондора, сражался, сколько было сил, и с горстью израненных дружинников ушел от погони на быстрых конях. [Они сели на корабль, который прислал за ними Сэрдан Корабел, но корабль этот задавили льды в северном заливе Форокель.]

Так погиб Последний государь Арведуи, и с ним сгинули в море два *палантира*. То были Камни из Ануминаса и Амон Сула. На Севере остался только один Камень: в башне Эмин Бераид, обращенной к заливу Люн.

Его сберегали Эльфы, и, хотя мы об этом не знали, он оставался там, покуда Сэрдан не отдал его Элронду, когда тот уплывал за Море. Говорят, впрочем, что этот Камень был непохож на остальные и не переглядывался с ними; глядел он лишь в морскую даль. Элендил водрузил его на башне в надежде «сквозным взором» увидеть в прошлом Эрессею, светоч погиб-

шего Запада, но ничего не было видно за разверзшейся морской пучиной, безвозвратно поглотившей Нуменор.

Между тем обитатели Хоббитании жили по-заведенному, хотя войны не миновали их края и жить порой приходилось скрытно. Они послали лучников на помощь государю, и те не вернулись; другие бойцы отправились на битву, низвергнувшую Ангмар (о чем говорится ниже в хронике Южного княжества). Потом, в мирные времена, хоббиты вполне успешно управлялись сами со своей жизнью. Наместником государя они выбрали себе Хоббитана и на том успокоились, хотя возвращения государя истинного ожидали еще многие века. Но со временем надежда исчезла, и отзвук ее слышен лишь в присловье «Это жди, пока государь вернется» — когда речь шла о недостижимом благе или неизбывной напасти. Первым Хоббитаном был некий Букка с болота, которого Побегайки считали своим родоначальником. Его избрали Хоббитаном в 379 году по нашему летосчислению (в 1979-м по общему).

Княжение Арведуи завершает историю Северного Государства, ибо дунаданцев осталось совсем мало, а и все народы Эриадора сильно убавились в числе. Однако же преемство княжеского рода сохраняли дунаданские Вожди, первым из которых был Аранарт, сын Арведуи. Его сын Арахель вырос в Раздоле, как вслед за ним и повелось. Там же хранились наследные сокровища царственного дома: кольцо Бараира, обломки Нарсила, звезда Элендила и скипетр Ануминаса.

Этот скипетр был главным символом царственного достоинства в Нуменоре, а равно и в Арноре, где государи не носили короны, но лишь единственный алмаз — Элендимир, Звезду Элендила на челе, в серебряном венце. [...] Согласно преданию, нуменорский скипетр сгинул с Ар-Фаразоном. Скипетром Ануминаса был серебряный жезл — самое древнее изделие рук человеческих, какое сохранилось в Средиземье. Ему уже было больше пяти тысяч лет, когда Элронд вручил его Арагорну. Прообразом короны Гондора был нуменорский боевой шлем. Изначально она и была простым шлемом — вероятно, таким, какой был на голове Исилдура в битве при Дагорладе (ибо шлем Анариона расколол убивший его камень из барад-дурской пращи). Но во времена Атанатара Алькарина его изукрасили алмазами. Таким изукрашенным шлемом был коронован Арагорн.

Было пятнадцать Вождей, прежде чем родился шестнадцатый и последний, Арагорн II, вновь ставший государем Гондора и Арнора. «Мы называем его Нашим Государем; и когда он бывает на севере, в своем выстроенном заново дворце в Ануминасе на берегу Сумеречного Озера, у нас в Хоббитании все радуются.

Но в наших краях он не появляется: соблюдает свой же закон, который воспрещает Громадинам переступать наши рубежи. Зато он часто приезжает со свитой из дивного народа к Большому мосту и там встречается с друзьями или другими хоббитами, которым надобно видеть государя; иногда они уезжают с ним и гостят, сколько вздумается, у него во дворце. Хоббит Перегрин бывал там много раз; бывал, конечно, и наш голова мастер Сэммиум. Его дочь Эланор Златовласка — служанка государыни Арвен, Вечерней Звезды».

Северяне и дивились, и гордились тем, что, хотя их княжество погибло, а народ умалился числом донельзя, преемство династии от отца к сыну сохраняется из поколения в поколение. Жизненный срок дунаданцев в Средиземье сокращался и сокращался, но в Гондоре, после того, как пресеклась княжеская династия, он сокращался быстрее, а северные вожди все-таки жили вдвое дольше тогдашних людей и далеко превосходили возрастом самых старых из нас. Арагорн — тот прожил до ста девяноста лет, дольше всех в своем роду со времен князя Арвегила; но в Арагорне Элессаре возродилось достоинство государей древности.

ГОНДОР И ПОТОМКИ АНАРИОНА

После Анариона, убитого под Барад-Дуром, в Гондоре правил тридцать один князь. Пограничные войны не прекращались, и все же тысячу с лишним лет возрастали богатства и могущество южной державы дунаданцев на суше и море — вплоть до княжения Атанатара II Алькарина, то есть Достославного. [...] При нем гондорцы жили в такой роскоши, что говорилось: «В Гондоре самоцветы — те же камушки, детям на забаву». Но Атанатар был как нельзя более беспечен: он и не думал укреплять свою наследственную власть, а оба его сына удались в отца. Еще при его жизни начался упадок Гондора, и это не укрылось от вражьего недреманного ока. Запустелый Мордор оставался почти без надзора, [...] а это вполне отвечало замыслам Саурона, который умел терпеливо ждать.

[Века братоубийственных княжеских распрей, моровая язва, в 1630-х годах свирепствовавшая в Средиземье, и наконец едва не столетнее начиная с 1850-х годов нашествие воинственных юго-восточных орд расшатали могущество Гондора.] В княжение Арафанта на Севере и Ондогера на Юге две державы снова сблизились после долгого и безмолвного отчуждения. Те и другие постигли наконец, что некая единая воля и власть теснит со всех сторон потомков нуменорцев.

В 1940 году наследник Арафанта Арведуи взял в жены дочь Ондогера Фириэль. Но оказать друг другу помощь княжества не смогли, потому что Ангмар возобновил натиск на Артедаин в то самое время, когда с юга вновь надвинулись несметные полчища. В 1944 году князь Ондогер и оба его сына, Артамир и Фарамир, пали в битве к северу от Мораннона, и враги вторглись в Итилию, но военачальник Эарнил, предводитель Южной рати, одержал на юге Итилии великую победу над войском хородримцев [...], поспешил на север, собрал воедино остатки рассеянной Северной рати и с новыми силами обрушился на главный лагерь супостатов, когда те буйно пировали, полагая, что Гондор низвержен и осталось только делить добычу. Эарнил предал их лагерь огню и мечу и изгнал врагов из Итилии; большая часть беглецов сгинула на Мертвецких Болотах.

После гибели Ондогера и его сыновей властитель Северного княжества Арведуи предъявил право на корону Гондора как прямой потомок Исилдура и супруг Фириэль: из отпрысков Ондогера уцелела она одна. Но притязания Арведуи были отвергнуты — их главным противником выступил Пелендур, наместник князя Ондогера.

Верховный совет Гондора отвечал: «Корона и державная власть в Гондоре принадлежит лишь потомкам Менелдила, сына Анариона, в пользу которого Исилдур отрекся от этого княжества. Преемство у нас считается только по мужской линии, и нам ничего не известно о том, что в Арноре иные законы».

На это ответствовал Арведуи: «У Элендила было два сына, из коих Исилдур был старшим и наследовал отцу. Мы слышали, что имя Элендила и поныне открывает родословную гондорской династии, ибо он носил титул великого князя, властителя всех земель дунаданцев. Пока Элендил был жив, совместное правление на Юге было вверено его сыновьям; когда же Элендил погиб, Исилдур отправился на Север занять великокняжеский престол отца и, подобно ему, препоручил правление на Юге сыну своего брата. Он не отрекался от державной власти в Гондоре и не замышлял навеки разделить надвое государство Элендила.

Более того, в Нуменоре издревле скипетр вручали старшему отпрыску государя, мужского или женского пола. Правда, закон этот не соблюдался в краях изгнания, вечно тревожимых войнами, однако таков закон нашего народа, на который мы сослались ввиду того, что сыновья Ондогера погибли бездетными».

На это из Гондора никак не отозвались. Корона досталась победоносному военачальнику Эарнилу с общего согласия гон-

дорских дунаданцев, ведь он был княжеского рода. [...] Арведуи не настаивал на своем праве: у него не было ни сил, ни желания противостоять выбору гондорцев, однако же его потомки не отказались от своих притязаний, даже утратив сан государя. Ибо близился роковой час Северного княжества.

Поистине Арведуи был последним государем, согласно своему имени. Говорят, оно было дано ему при рождении провидцем Мальбетом, который сказал его отцу: «Наречешь его Арведуи, ибо он будет последним властителем Артедаина. Впрочем, дунаданцам представится выбор, и если они изберут будущее с виду менее надежное, то сын твой изменит имя и станет государем великой страны. Если же нет, то разразится немало бедствий и минет много людских жизней, прежде чем дунаданцы воспрянут и соединятся вновь».

И в Гондоре тоже после Эарнила правил лишь один князь. Быть может, если бы корона и скипетр соединились, сохранилось бы княжеское преемство и многих зол удалось бы избежать. Вышло не так, но все же Эарнил оказался мудрым и чуждым высокомерию, хотя и ему, как почти всем гондорцам, княжество Артедаин мнилось ничтожной малостью, несмотря на именитую родословную его повелителей.

Он послал к Арведуи гонцов, оповестив его, что принял корону Гондора в согласии с законами и надобностями Южного княжества. С этими же гонцами Эарнил передал: «Но я не забываю о верховном праве Арнора, не отрекаюсь от нашего родства и не желаю, чтобы княжества Элендила обособлялись; в трудный час я пришлю на Север посильную подмогу».

Однако ещё не скоро Эарнил почувствовал себя столь уверенно, чтобы исполнить свои обещания. Князь Арафант продолжал из последних сил отражать натиск Ангмара, как и Арведуи, когда сменил отца и на престоле; наконец, осенью 1973 года, до Гондора дошли вести, что Артедаин изнемогает, а Царь-ведьмак готовится нанести ему последний удар. Тогда Эарнил без промедления послал на Север флот под началом своего сына Эарнура с войском, какое сумел снарядить. Но было поздно. Прежде чем Эарнур достиг Линдонской гавани, Царь-ведьмак захватил Артедаин, и Арведуи сгинул.

Но когда Эарнур приплыл в Серебристую Гавань, и эльфы, и люди ликовали и дивились. Столь огромны и многочисленны были гондорские корабли, что для них едва хватило места в заливе, и с них сошло на берег могучее воинство во всеоружии — подлинно рать великого государя. Такой она, во всяком случае, показалась людям Севера, хотя это был лишь малый отряд по сравнению со всеми полками Гондора.

Особенно восхищались конями, большей частью взращенными в поймах Андуина, и их рослыми белокурыми всадниками.

А Сэрдан созвал всеобщее ополчение Линдона и Арнора, и, когда оно собралось, войско переправилось через реку Люн и двинулось на северо-восток, на Ангмарского Царя-ведьмака. Тот пребывал в Форносте, который заполонил свирепой тварью, присвоив себе великокняжескую власть и дворец. В своей гордыне он не стал ожидать, пока враги подступят к его крепости, а бросил орду им навстречу, чтобы, как прежде, сбросить их в реку Люн.

Но воинство Запада обрушилось на него с Сумрачного Нагорья, и на равнине разыгралась великая битва. Ангмарские полчища, колеблясь, отступали к Форносту, когда главная конница явилась в обход Нагорья с севера и сокрушительным натиском рассеяла ангмарцев. Собрав, кого удалось, из беглецов, Царь-ведьмак бежал на север, в свои края. Но укрыться за стенами Карн Дума им не было суждено: конники Гондора, впереди которых мчался Эарнур, настигли их, и в это время к месту побоища подоспела дружина эльфов из Раздола во главе с Гориславом. Ангмарцы были не только разгромлены, но и истреблены — из них не осталось ни одного, ни человека, ни орка, к западу от Великого Хребта.

Но говорят, что, когда разгром был довершен, внезапно явился сам Царь-ведьмак в черном плаще и черной маске, на вороном коне. При виде его всех обуял страх, а он устремил свою ненависть на предводителя воинства Гондора и с ужасным криком кинулся на него. Эарнур устоял бы, но конь его не выдержал натиска, метнулся прочь и далеко унес седока с поля боя, прежде чем тот сладил со скакуном.

И Царь-ведьмак разразился леденящим хохотом, дикий отзвук которого навеки остался в ушах тех, кто его услышал. Но вперед выехал Горислав на своем белом коне, и ведьмак, оборвав хохот, обратился в бегство и исчез во мраке. Ибо ночь опустилась на поле брани и бесследно поглотила черного всадника.

Между тем прискакал назад Эарнур, но Горислав, вглядевшись в густеющий сумрак, сказал: «Не преследуй его! Больше он в эти края не вернется. Он погибнет далеко отсюда и падет не от руки мужа». Эти слова запомнились многим, но Эарнур был в гневе, желая лишь отомстить за свой позор.

Так рухнуло колдовское царство Ангмар, и так Эарнура, военачальника Гондора, возненавидел пуще всех Царь-ведьмак, но прошло еще много лет, прежде чем это открылось.

Так и случилось во времена князя Эарнила (а узнали об этом гораздо позднее), что Царь-ведьмак, сбежав с севера, укрылся в Мордоре и там собрал остальных Кольценосцев, главарем которых он был.

Но лишь в 2000 году вышли они из Мордора перевалом Кирит-Унгол и осадили Минас-Итил. В 2002 году крепость была взята и при этом захвачен башенный *палантир*. Они оставались там до конца Третьей Эпохи, и Минас-Итил сделался гнездилищем ужасов и стал называться Минае-Моргул. Итилия же постепенно обезлюдела.

«Эарнур унаследовал доблесть отца, но отнюдь не его мудрость. Он был могуч телом и пылок душой; в брак он не вступил, ибо находил упоение лишь в кровавом бою или в воинской потехе. Никто из гондорцев не мог сравниться с ним боевой сноровкой или устоять против него на богатырском ристалище: он больше походил на простого витязя, чем на воеводу или князя. Даже на склоне лет он не утратил ни силы, ни мастерства ратоборца».

Когда Эарнур унаследовал корону в 2043 году, властитель Минас-Моргула вызвал его на поединок, с издевкой объявив, будто он не посмел с ним сразиться на севере. В тот раз правитель Мардил сумел унять гнев государя. Тогда Минас-Анор уже был главным городом княжества и седалищем власти; он стал именоваться Минас-Тирит — твердыня на бессменной страже против злодейства Моргула.

Эарнур был на троне лишь семь лет, когда властелин Моргула повторил вызов, издеваясь, что, мол, князь, от юности робкий духом, ныне вдобавок немощен телом. Тут уж Мардил не смог его удержать, и он отправился с малой дружиной к воротам Минас-Моргула.

Все они пропали без вести. В Гондоре полагали, что вероломный враг обманом захватил государя и замучил его в Минас-Моргуле, но свидетелей его смерти не было, и Добрый Правитель Мардил много лет властвовал Гондором от его имени [...].

И не нашлось искателя короны чистокровного княжеского рода, которого бы все признали в правах; всем была горько памятна многовековая распря, и все знали, что если подобные раздоры возникнут вновь, то Гондор обречен на гибель. Поэтому годы шли и слагались в века, а наместники продолжали править Гондором, и корона Элендила возлежала на груди князя Эарнила в Усыпальне — там, где оставил ее Эарнур.

НАМЕСТНИКИ

[...] Каждый новый наместник, принимая сан, давал клятву «властвовать и править именем государя, доколе он не возвратится». Но скоро она стала незначащим присловьем, потому что наместники хозяйничали в Гондоре вполне по-княжески. И все

же многие гондорцы верили, что государь когда-нибудь да вернется; иные помнили и о древнем северном преемстве, о потомках законнейших государей, по слухам, обитающих где-то в сумрачных дебрях, но сами наместники-правители подобных помыслов не допускали.

Правда, на древний гондорский трон они никогда не садились, не надевали короны, не касались скипетра. Знаком их сана был лишь белый жезл, и на их белом знамени не было никаких изображений, а на княжеском черном знамени изображалось белое дерево в цвету под семью звездами.

После Мардила, который открывает преемство наместников Гондора, их было двадцать четыре, и двадцать шестым по счету стал Денэтор II. [...] Приняв бразды правления в 2984 году, он проявил себя самовластным хозяином: все дела, большие и малые, он прибрал к рукам. Он был немногословен; выслушивал советы, а затем поступал по своему разумению. Женился он поздно (в 2976 году), взяв в супруги Финдуиль, дочь Адрагила, властителя Дол-Амрота. Она была прекрасна и добра, но не прожила в браке и двенадцати лет. Денэтор по-своему любил ее больше всех на свете, кроме разве что их старшего сына. Но людям казалось, что она увядала в крепостных стенах, как цветок с приморских лугов на голой скале. Мрачная угроза с востока преисполняла ее ужасом, и она вечно обращала взор на юг, к морю, по которому тосковала.

Когда она умерла, Денэтор стал еще угрюмее и молчаливее; подолгу сидел он один в башне, углубившись в размышления и предвидя нашествие Мордора при своей жизни. Впоследствии полагали, что он, взыскуя знаний, был горд и уверен в своих силах — и отважился заглянуть в *палантир* Белой Башни. До него на это не отваживался никто из наместников, ни даже князья Эарнил и Эарнур после того, как пал Минас-Итил и *палантир* Исилдура достался Всеобщему Врагу, ибо Камень Минас-Тирита был *палантиром* Анариона, тесно сопряженным с тем, которым завладел Саурон.

Таким-то образом и доставалось Денэтору его необъятное, изумлявшее людей знание обо всем, что делается в его государстве и далеко за пределами Гондора; и доставалось оно ему дорого, ибо он состарился не по годам, противоборствуя железной воле Саурона. Гордыня Денэтора возрастала наравне с отчаянием, и наконец ему стало во всем видеться лишь единоборство властителя Белой Башни и властелина Барад-Дура, и он не доверял никому из противников Саурона, если они не становились его, Денэтора, слугами.

Близились испытания Войны за Кольцо, а сыновья Денэтора между тем возмужали. Боромир, старший пятью годами, лю-

бимец отца, был схож с ним лицом и гордыней, но более ничем. Скорее уж он походил на князя древних времен Эарнура, чуждаясь супружества и предаваясь воинским занятиям. Древние сказания были ему ничуть не любопытны, помимо описаний давних битв. Младший, Фарамир, внешне похожий на брата, отличался от него во всем остальном. Он разбирался в людях так же проницательно, как и его отец, но проницательность побуждала его не к презрению, а к состраданию. Он был мягок в обращении, вникал в предания и любил музыку, и поэтому многим поначалу казалось, будто отвагой он уступает брату. Но это было не так, просто он не искал славы, бросаясь навстречу опасностям. Он привечал Гэндальфа, когда тот появлялся в Минас-Тирите, и учился у него уму-разуму, и это, как и многое другое, было не по нраву его отцу.

Однако же братья очень любили друг друга с самого раннего детства, когда Боромир был помощником и защитником Фарамира. Ни зависти, ни соперничества между ними никогда не было; не состязались они ни из-за отцовского благоволения, ни из-за людской приязни. Фарамир и представить не мог, чтобы кто-либо в Гондоре мог сравниться с Боромиром, наследником Денэтора, воеводой Белой Башни; так же думал о себе и Боромир.

Но на поверку оказалось иначе. Впрочем, о том, что случилось с ними тремя во время Войны за Кольцо, подробно рассказано своим чередом. А после Войны времена правителей-наместников пришли к концу, ибо возвратился наследник Исилдура и Анариона, и единое государство было восстановлено, и знамя с изображением Белого Древа снова зареяло над Башней Эктелиона.

НАРОД ДАРИНА

Удивительные предания о происхождении гномов рассказывают Эльдары, да и сами гномы; но это дела столь давние и чуждые нашим дням, что мы о них лишь упомянем. Дарином называют гномы старейшего из своих Семи Праотцов, родоначальника царского дома Долгобородых. Он был погружен в одинокий сон, покуда в глубинах времени не стал пробуждаться его народ; и он пришел в Азанульбизар и сделал своим обиталищем пещеры над озером Келед-Зарам у восточных склонов Мглистого хребта. Впоследствии там были Копи Мории, воспетые во многих песнях.

Там он обитал так долго, что повсеместно прослыл Дарином Бессмертным. Однако же в конце концов он умер еще в Первоначальные Времена, и гробница его воздвиглась в Казад-думе;

но род его не угасал, и пятикратно рождалось царственное дитя, столь похожее на прародителя, что его нарекали именем Дарина. Гномы и почитали Дарина бессмертным, умирающим и воскресающим в потомстве: у них было много причудливых сказаний и верований, относящихся к своей судьбе и своему назначению в мире.

С завершением Первой Эпохи могущество и богатство Казад-дума возросли как нельзя более: народу прибыло, прибавилось учености, умножились ремесла и искусства после того, как был низвергнут Тангородрим и разрушены древние города Ногрод и Белегост в Синегорье. Не ослабела Мория и в темные века владычества Саурона: врата царства были заперты, чертоги надежно сокрыты в горных недрах, а многочисленные тамошние обитатели робостью не отличались, так что Саурон и не пробовал их покорить. И сокровища по-прежнему скапливались под землей, но гномов становилось там все меньше.

Случилось так, что в середине Третьей Эпохи царем опять стал Дарин, шестой по счету. Власть Саурона, прислужника Моргота, снова усиливалась в Средиземье, хотя его еще не распознали в зловещей Тени Лихолесья, обращенной к Мории. Силы зла пробуждались повсюду. В это время гномы проникли в глубины глубин, отыскивая в недрах Баразинбара мифрил — бесценный металл, который с каждым годом добывать было все труднее. И они пробудили от сна[1] ужасное чудище, сбежавшее из Тангородрима и укрывшееся в земной сердцевине от победоносного Воинства Запада, — Барлога, служителя Моргота. Он убил Дарина, а через год и На́ина I, его сына; и на этом кончилась слава Мории, и народ ее сгинул либо разбежался куда глаза глядят.

Из тех, кто спасся, многие пробирались на север, и Тра́ин I, сын Наина, дошел до Эребора — Одинокой горы близ восточных окраин Лихолесья; там он принялся за привычное гномское дело и стал государем Подгорного Царства. Но сын его Торин I отделился и ушел еще дальше на север, к Серым горам, где собралась большая часть народа Дарина, потому что горы изобиловали рудными залежами и были почти безлюдны. Зато в пустошах за ними водились драконы; со временем они набрали силу и размножились, стали враждовать с гномами и расхищать их сокровища. Наконец какой-то крупный дракон убил Да́ина I вместе с его вторым сыном Фроором у ворот собственного дворца.

Вскоре после этого большинство народа Дарина покинуло Серые горы, и Трор, наследник Даина, с братом отца Борином и многими другими вернулся на Эребор. Большой чертог Траи-

[1] Или выпустили из заточения: скорее всего его уже пробудила призывная злоба Саурона.

на снова засиял, а Трор и его подданные благоденствовали, богатели и стяжали приязнь окрестных людских племен. Ибо они не только изготавливали прекрасные и удивительные драгоценные изделия, но и выковывали несравненное оружие и дивные доспехи. И гномы жили в довольстве, и песни оглашали пиршества в чертогах Эребора.

Далеко разнеслась молва о богатствах Эребора и достигла слуха драконов, и наконец Смауг Золоченый, самый большой тогдашний дракон, сорвался с места и нежданно-негаданно нагрянул в гости к царю Трору с огненным вихрем. Подгорное Царство было выжжено и опустошено, и разрушен стольный град близлежащего Приозерного Королевства, а Смауг залез в Большой чертог и возлег там на россыпи золота.

Но все же немало подданных Трора спаслось от огненной смерти, и последним покинул подгорные чертоги сам Трор со своим сыном Тра́ином II. Они ушли на юг и надолго стали бездомными скитальцами; их участь разделили близкие родичи и стойкие приверженцы.

[...] После смерти Траина его сын Торин Дубощит унаследовал царский титул преемника Дарина, но это наследство никаких надежд не сулило. Девяноста пяти лет от роду, он был гномом в самом расцвете сил, однако же волей-неволей примирился с изгнанием и осел на северо-западе Эриадора. Он трудился не покладая рук, наладил торговлю и собрал немалое состояние; подданные его множились за счет странников из числа народа Дарина, которые стекались к нему, прослышав о его безбедной жизни в западных краях. У гномов снова были горные чертоги и кладовые и жили они в достатке, но почти в каждой их песне поминалась дальняя Одинокая гора.

Тянулись годы, и стылые уголья в сердце Торина раскалились вновь от неотступной думы об ущербе, причиненном их царскому роду, и о мести дракону, которая была ему завещана. Его огромный молот грохотал в кузнице, а ему слышались лязг оружия, поступь войска и боевой клич соратников. Но войско его было рассеяно, союзы нарушены, а секиры подданных наперечет, и безысходный гнев бушевал в нем, когда он ударял молотом по наковальне с раскаленным брусом.

Однако же случилось так, что нечаянная встреча Торина с Гэндальфом изменила судьбу династии Дарина и возымела еще другие, куда более важные последствия. Как-то раз (15 марта 2941 года) Торин, возвращаясь из торгового путешествия на запад, остановился на ночь в Пригорье. Там же оказался и Гэн-

дальф — на пути в Хоббитанию, где он уже двадцать лет не был. Он утомился и решил немного передохнуть.

Его тревожило многое, но особенно северные дела: он знал, что Саурон готовит войну и намерен, едва соберется с силами, напасть на Раздол. И только гномы Железногорья могли противостоять козням с востока: попыткам снова завладеть ангмарскими оплотами или захватить горные перевалы на севере. А рядом с гномами простиралась Драконья пустошь, и Смауг, чего доброго, станет в роковой час страшным орудием Саурона. Как же не мешкая разделаться с драконом?

Гэндальф сидел и размышлял над этим; тут-то перед ним и предстал Торин со словами: «Господин Гэндальф, я знаю тебя только с виду, но все же хотелось бы с тобой потолковать. Последнее время мне часто приходит на ум, что вроде бы надо тебя найти. Я бы так и сделал, да не знал, где искать».

Гэндальф удивленно посмотрел на него. «Странное дело, Торин Дубощит, — сказал он. — Я тоже думал о тебе и, хотя направляюсь в Хоббитанию, все же прикидываю, не проведать ли по пути тебя в твоих чертогах».

«Называй их так, если угодно, — сказал Торин. — Это всего лишь убогий приют изгнанника. Но коли ты к нам пожалуешь, мы будем тебе рады. Ибо известно, что ты мудр и знаешь больше всякого другого обо всем на свете, а я в большом смятении, и мне очень нужен твой совет».

«Я пожалую, — сказал Гэндальф. — Похоже, у нас есть одна общая забота. Меня тревожит дракон в недрах Эребора, и едва ли внук Трора о нем забыл».

Есть отдельный рассказ о последствиях этой встречи: о диковинном плане Гэндальфа в помощь Торину; о том, как Торин и его спутники добирались из Хоббитании до Одинокой горы; о том, какие великие и непредвиденные события случились из-за этого в будущем. Но здесь идет речь только о судьбах народа Дарина.

Дракона убил эсгаротский витязь Бэрд, но затем грянула битва в Приозерной долине: орки явились к Эребору, как только прослышали о возвращении гномов. В этой битве был смертельно ранен Торин Дубощит, и его схоронили в глубине Одинокой горы. Погибли также Фили и Кили, сыновья его сестры. Но Даин Чугунная Пята, его двоюродный брат и законный наследник, который пришел к нему на подмогу из Железногорья, стал царем Даином II, и Подгорное Царство возродилось, как того и хотел Гэндальф. Даин оказался надежным и мудрым государем, и в его царствование гномы вновь обрели богатство и могущество.

Под осень того же 2941 года Гэндальф наконец убедил Сарумана и Светлый Совет очистить Дул-Гулдур, но Саурон оттуда исчез и объявился в Мордоре, неприступном, как он полагал, для всех его врагов. Так что когда разразилась война, главная опасность была на юге, но все равно длинная рука Саурона могла бы натворить больших бед в северных краях, не будь там у него на пути царя Даина и короля Бранда. Об этом и говорил Гэндальф много лет спустя Фродо и Гимли, когда они провели недолгое время вместе в Минас-Тирите. До Гондора как раз дошли известия издалека.

«Я горевал, когда погиб Торин, — молвил Гэндальф, — а теперь вот и Даин пал в бою на том же поле брани в Приозерной долине, пока мы сражались здесь. Конечно, это тяжкая утрата, но не удивительно ли, что в его преклонные годы он, говорят, орудовал секирой, как богатырь, стоя над телом короля Бранда у врат Эребора, и держался, покуда не сомкнулась тьма.

Однако все могло случиться иначе и кончиться куда хуже. Храня в памяти великую битву на Пеленнорской равнине, памятуйте и о сражениях в Приозерном крае, и о доблести народа Дарина. Подумайте о том, что могло бы быть. Огнедышащие драконы и дикая резня во всем Эриадоре, владычество мрака в Раздоле. И не видать бы Гондору государыни. А после победы здесь вернулись бы мы туда на развалины и на пепелища. Но этого не случилось, потому что Торин Дубощит встретился со мной в Пригорье однажды вечером на исходе весны. Всего-то какая-то случайная встреча, как говорят у нас в Средиземье».

Гимли, сын Глоина, прославился повсеместно, ибо он был одним из Девятерых Хранителей Кольца и всю войну прошел бок о бок с государем Элессаром. Его называли Другом эльфов, потому что они с Леголасом, сыном лесного царя Трандуила, любили друг друга крепче, чем братья, и еще потому, что он чтил превыше всех на свете Владычицу Галадриэль.

После низвержения Саурона Гимли привел на юг часть эреборских гномов и стал властителем Блистающих Пещер. Создания несравненного мастерства его народа есть и в Гондоре, и в Ристании. Для Минас-Тирита они изготовили стальные ворота с насечкой из *мифрила* взамен тех, которые сокрушил Царь-ведьмак. Друг его Леголас тоже привел на юг своих лесных эльфов, и они поселились в Итилии, которая снова стала прекраснейшей из западных земель.

Но когда государь Элессар расстался с жизнью, Леголас последовал наконец велению сердца и уплыл за Океан.

ЗДЕСЬ СЛЕДУЕТ ОДНА ИЗ ПОСЛЕДНИХ ЗАПИСЕЙ КРАСНОЙ КНИГИ

Мы слышали, будто Леголас взял с собой Гимли, сына Глоина, ибо велика была их дружба — такой никогда не бывало у эльфа с гномом. Если это правда, то и впрямь небывалая: чтобы гном пожелал покинуть Средиземье ради какой бы то ни было любви, чтобы Эльдары его приняли как своего, чтобы Владыки Запада это позволили... Но говорят, что Гимли уплыл еще и потому, что желал снова узреть несказанную красоту Галадриэли, и может статься, она, государыня рода Эльдаров, добилась для него столь великой милости. Более об этом ничего не известно.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог 5

ХРАНИТЕЛИ

КНИГА I

Глава I. ДОЛГОЖДАННОЕ УГОЩЕНИЕ 21
Глава II. ТЕНЬ ПРОШЛОГО 41
Глава III. ДОРОГА ВТРОЕМ 63
Глава IV. НАПРЯМИК ПО ГРИБЫ 81
Глава V. РАСКРЫТЫЙ ЗАГОВОР 92
Глава VI. ВЕКОВЕЧНЫЙ ЛЕС 101
Глава VII. У ТОМА БОМБАДИЛА 113
Глава VIII. МГЛА НАД МОГИЛЬНИКАМИ 123
Глава IX. «ГАРЦУЮЩИЙ ПОНИ» 133
Глава X. БРОДЯЖНИК 145
Глава XI. КЛИНОК В НОЧИ 157
Глава XII. ПЕРЕПРАВА 175

КНИГА II

Глава I. НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ 191
Глава II. СОВЕТ 212
Глава III. ПУТЬ НА ЮГ 248
Глава IV. ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ТЬМЕ 271
Глава V. МОРИЙСКИЙ МОСТ 296
Глава VI. КВЕТЛОРИЭН 309
Глава VII. ЗЕРКАЛО ГАЛАДРИЭЛИ 327
Глава VIII. ПРОЩАНИЕ С ЛОРИЭНОМ 342
Глава IX. ВЕЛИКАЯ РЕКА 353
Глава X. РАЗБРОД 364

КНИГА III

Глава I. ОТПЛЫТИЕ БОРОМИРА 379
Глава II. КОННИКИ РИСТАНИИ 386
Глава III. УРУКХАЙ 409
Глава IV. ДРЕВЕНЬ 425
Глава V. БЕЛЫЙ ВСАДНИК 452
Глава VI. КОНУНГ В ЗОЛОТОМ ЧЕРТОГЕ 470
Глава VII. ХЕЛЬМОВО УЩЕЛЬЕ 489
Глава VIII. ДОРОГА НА ИЗЕНГАРД 505
Глава IX. ХЛАМ И КРОШЕВО 521
Глава X. КРАСНОРЕЧИЕ САРУМАНА 537
Глава XI. ПАЛАНТИР 549

КНИГА IV

Глава I. ПРИРУЧЕНИЕ СМЕАГОРЛА 563
Глава II. ТРОПА ЧЕРЕЗ ТОПИ 580
Глава III. У ЗАПРЕТНЫХ ВОРОТ 595
Глава IV. КРОЛИК, ТУШЕННЫЙ С ПРИПРАВАМИ 607
Глава V. ЗАКАТНОЕ ОКНО 621
Глава VI. ЗАПРЕТНЫЙ ПРУД 641
Глава VII. К РАЗВИЛКУ ДОРОГ 652
Глава VIII. БЛИЗ КИРИТ-УНГОЛА 660
Глава IX. ЛОГОВО ШЕЛОБ 673
Глава X. ВЫБОР СЭММИУМА СКРОМБИ 682

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОСУДАРЯ

КНИГА V

Глава I. МИНАС-ТИРИТ 699
Глава II. ШЕСТВИЕ СЕРОЙ ДРУЖИНЫ 724
Глава III. ВОЙСКОВОЙ СБОР 741
Глава IV. НАШЕСТВИЕ НА ГОНДОР 755
Глава V. ПОХОД МУСТАНГРИМЦЕВ 779
Глава VI. БИТВА НА ПЕЛЕННОРСКОЙ РАВНИНЕ 787

Глава VII. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОСТЕР 798
Глава VIII. ПАЛАТЫ ВРАЧЕВАНЬЯ 805
Глава IX. НА ПОСЛЕДНЕМ СОВЕТЕ 819
Глава X. ВОРОТА ОТВОРЯЮТСЯ 829

КНИГА VI

Глава I. БАШНЯ НА ПЕРЕВАЛЕ 839
Глава II. В СУМРАЧНОМ КРАЮ 856
Глава III. РОКОВАЯ ГОРА 871
Глава IV. НА КОРМАЛЛЕНСКОМ ПОЛЕ 884
Глава V. НАМЕСТНИК И ГОСУДАРЬ 894
Глава VI. РАССТАВАНИЯ 910
Глава VII. ДОМОЙ 925
Глава VIII. ОСКВЕРНЕННАЯ ХОББИТАНИЯ 934
Глава IX. СЕРЕБРИСТАЯ ГАВАНЬ 959

Приложение 970